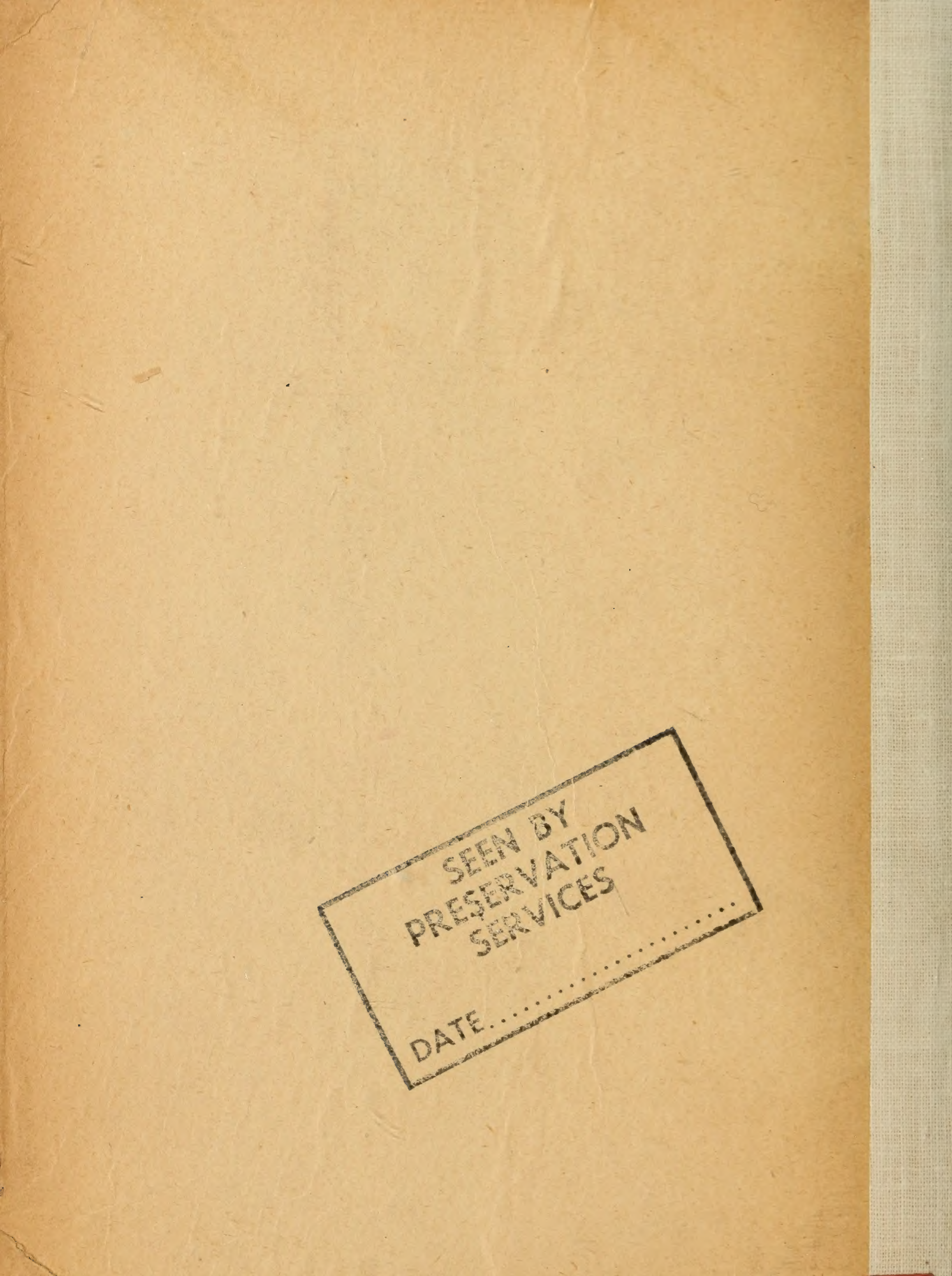
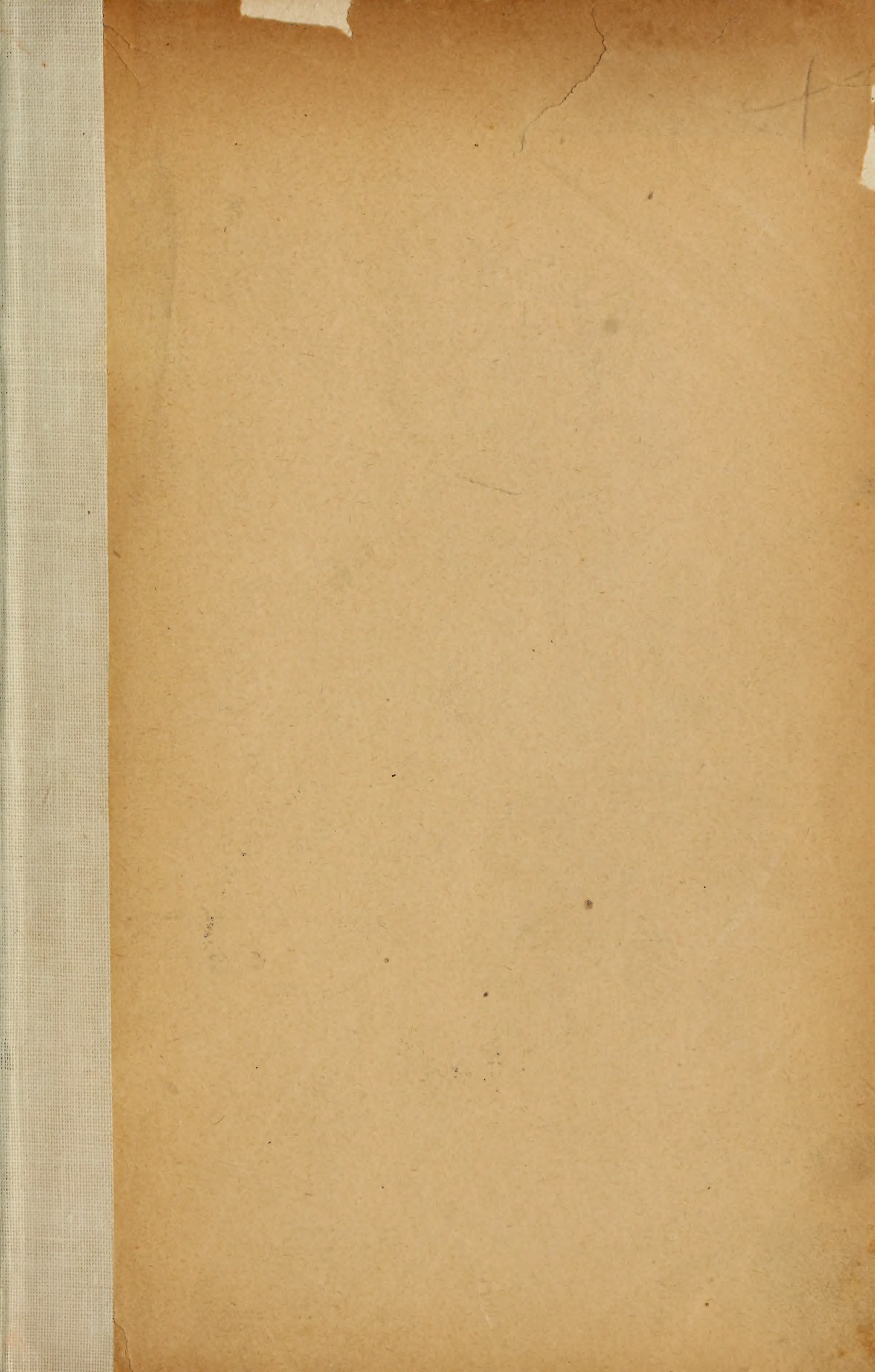
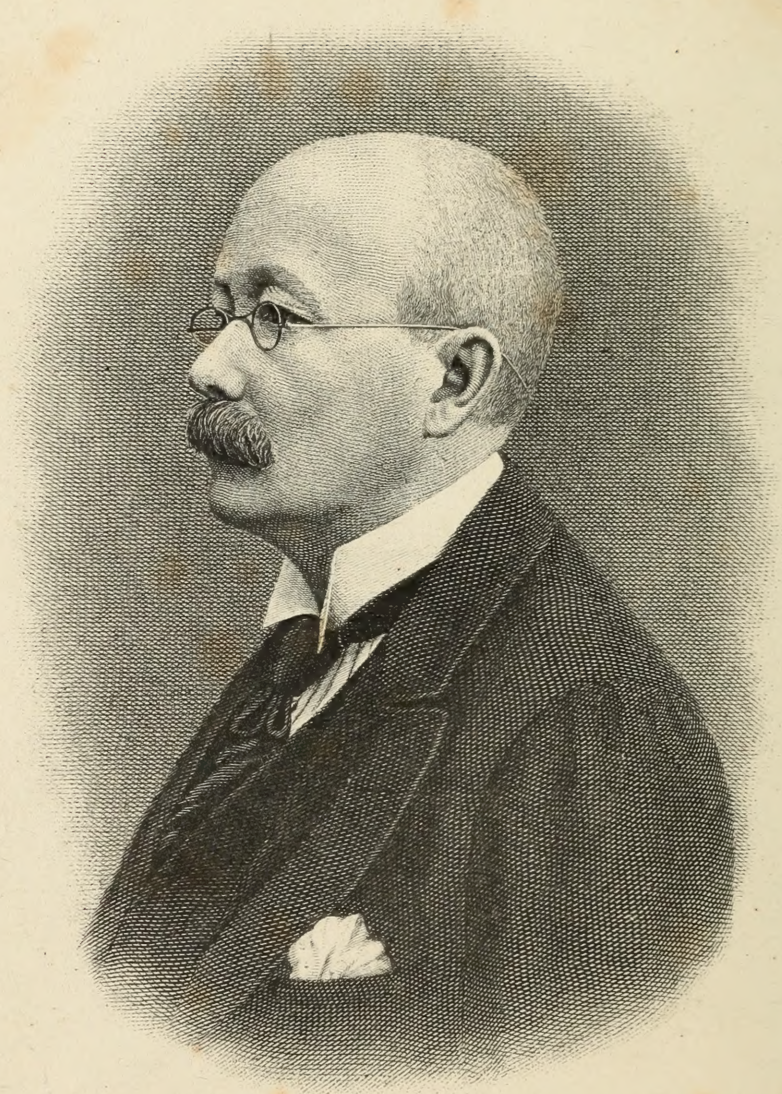

3 1761 08821278 2

Грав. у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

П. Боборыкинъ

Дозволено цензурою С.П.Б. 2 Мая 1896.

Печат. въ Артистич. Завед. А. Ф. Маркса въ С.П

КИТАЙ-ГОРОДЪ.

РОМАНЪ

ВЪ 5-ТИ КНИГАХЪ.

СОБРАНІЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

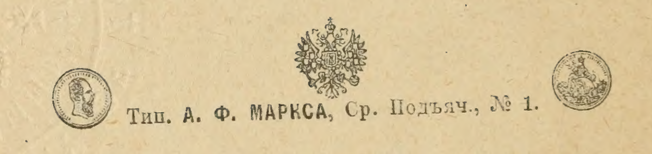
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. -ТРЕТІЙ

Приложеніе къ журналу „НИВА" на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

КИТАЙ-ГОРОДЪ.

РОМАНЪ.

Книга первая.

I.

Въ „городѣ", на площади, противъ биржи, шла будничная дообѣденная жизнь. Выдался теплый сентябрьскій день, съ легкимъ вѣтеркомъ. Солнца было много. Оно падало столбомъ на средину площади, между громаднымъ домомъ Троицкаго подворья и рядомъ лавокъ и конторъ. Вправо оно свѣтило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широкихъ вывѣсокъ съ золотыми буквами, пестрыхъ навѣсовъ, столбовъ, выкрашенныхъ въ зеленую краску, лотковъ съ апельсинами, грушами, мокрой, липкой шепталой и многоцвѣтными леденцами. Улица и площадь смотрѣли веселой ярмаркой. Во всѣхъ направленіяхъ тянулись возы, дроги, цѣлые обозы. Между ними извивались извозчичьи пролетки, изрѣдка проѣзжала карета, выкидывалъ ногами сѣрый, жирный жеребецъ въ широкой купеческой эгоисткѣ московскаго фасона. На перекресткахъ выходили безпрестанныя остановки. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжалъ и махалъ рукой. Растерявшаяся покупательница, не добѣжавъ до другого тротуара, роняла картузъ съ чѣмъ-то съѣстнымъ и громко ахала. По острой разъѣзженной мостовой грохотъ и шумъ немолчно носились густыми волнами и заставляли вздрагивать стекл

магазиновъ. Тучки пыли летѣли отовсюду. Возы и обозы наполняли воздухъ всякими испареніями и запахами, — то отдастъ москательнымъ товаромъ, то спиртомъ, то конфетами. Или вдругъ откуда-то дольется струя, вся переполненная постнымъ масломъ, или лукомъ, или соленой рыбой. Снизу, изъ-за биржи, съ задовъ стараго гостинаго двора поползетъ цѣлая полоса воздуха, пресыщеннаго прѣснымъ отвкусомъ бумажнаго товара, прессованныхъ штукъ бумазеи, миткалю, ситцу, толстой оберточной бумаги.

Нѣтъ конца телѣгамъ и дрогамъ. Везутъ ящики кантонскаго чая въ зеленоватыхъ рогожкахъ съ таинственными клеймами, везутъ распоровшіеся, бурые, безобразно-пузатые тюки бухарскаго хлопка, везутъ слитки олова и мѣди. Немилосердно терзаетъ ухо бѣшеный лязгъ и трескъ желѣзныхъ брусьевъ и шинъ. Тянутся возы съ бочками бакалеи, сахарныхъ головъ, кофе. Разомъ обдадутъ зловоніемъ телѣги съ кожами. И все это облито солнцемъ и укутано пылью. Кому-то нуженъ этотъ товаръ? „Городъ“ хоронитъ его и распредѣляетъ по всей странѣ. Деньги, векселя, цѣнныя бумаги точно рѣютъ промежду товара въ этомъ рыночномъ воздухѣ, гдѣ все жаждетъ наживы, гдѣ дня нельзя продышать безъ того, чтобы не продать и не купить.

На возахъ и въ обозахъ, рядомъ и позади телѣгъ, ломовой, въ измятой шляпенкѣ или засаленномъ картузѣ, съ мощной спиной, въ красной жилеткѣ и пудовыхъ сапогахъ, шагаетъ съ переваломъ невозмутимо-стойко, съ трудовой лѣнью, покрикивая, ругаясь, похлестываетъ кнутомъ своего чалаго, широкогрудаго и всегда опоеннаго мерина, подъ раскрашенной дугой. Вотъ лучъ солнца, точно отдѣлившись отъ огненнаго своего снопа, пронизываетъ облако пыли и падаетъ на возъ съ чѣмъ-то темнымъ и рыхлымъ, прикрытымъ рогожей, насквозь промоченной и обтрепанной по краямъ. На возу покачивается парень безъ шапки, съ желтыми, плоскими волосами, красный, въ веснушкахъ, въ пестрядинной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, открывающимъ бѣлую грудь и мѣдный тѣльникъ. Глаза его жмурятся отъ солнца и удовольствія. Онъ широко растянулъ ротъ и засовываетъ въ него кусокъ папушника, держа его обѣими руками. На папушникъ намазана желтая икра, перемѣшанная съ кусочками крошенаго лука, промозгло-соленая, тронутая тепломъ.

Но глаза парня совсѣмъ закатились отъ наслажденія. Онъ облизывается и вкусно чмокаетъ, а тѣмъ временемъ незамѣтно сползаетъ все по скользкой и смрадной рогожкѣ. Съ воза обдаетъ его гнилью и газами разложенія. Зубы щелкаютъ, щеки раздулись; онъ обѣдаетъ сладко и вдоволь.

А за нимъ, снизу отъ Ножовой Линіи, сбоку изъ Черкасскаго переулка, сверху отъ Ильинскихъ воротъ ползетъ товаръ, и надъ этой колышущейся полосой изъ лошадей, экипажей, возовъ, людскихъ головъ стоитъ стонъ; рубль купца, спина мужика поютъ свою нескончаемую пѣсню...

II.

У биржи полегоньку собираются мелкіе „зайцы“ — жидки, восточники, шустрые маклаки изъ ярославцевъ, греки... Два жандарма, поставленные тутъ за тѣмъ, чтобы не было толкотни и недозволеннаго торга и чтобы именитые купцы могли безпрепятственно подъѣзжать, похаживаютъ и, нѣтъ-нѣтъ, да и ткнутъ въ воздухъ рукой. Но дѣла идутъ своимъ порядкомъ. И на тротуарѣ, и около легковыхъ извозчиковъ, на площади и ниже, къ старымъ рядамъ, стоятъ кучки; юркіе чуйки и пальто перебѣгаютъ отъ одной группы къ другой. Двое смѣльчаковъ присосѣдились даже къ жирандоли около колоннъ тяжелаго фронтона. Потомъ они отошли къ углу дома Троицкаго подворья, стали въ двухъ шагахъ отъ подъѣзда и продолжали свои переговоры. Они со всѣхъ сторонъ были освѣщены. Одинъ, въ бѣлой папахѣ и длинной черкескѣ желтобураго цвѣта, при кинжалѣ и въ узкихъ штанахъ съ позументомъ, глядѣлъ на своего собесѣдника - скопца разбойничьими, круглыми и глупыми глазами и все дергалъ его за бортъ длиннаго сюртука. Скопецъ немного подавался назадъ, про себя вздыхалъ и часто вскидывалъ глазами кверху.

Кругомъ мальчишки выкрикивали уличный товаръ. Куски краснаго арбуза врѣзывались издали. А тамъ вонъ, на лоткахъ — золотистыя кисти винограда, вперемежку съ темнокраснымъ, наливнымъ, крымскимъ, величиной въ добрую сливу, и съ подрумяненной антоновкой. Разносчики газетъ забѣгали съ тротуара на средину площади и совали прохожимъ подъ носъ номера листковъ съ яркими заглавными карикатурами. Парфюмерный магазинъ,

съ нарядным подъѣздомъ и щеголеватой вывѣской, придавалъ нижнему этажу монументальнаго дома богатыхъ монаховъ европейскій видъ. На углу куполъ башни, въ новомъ заграничномъ стилѣ, прихорашивалъ всю эту кучу тяжелыхъ, приземистыхъ каменныхъ ящиковъ, уходилъ въ небо, напоминая каждому, что старыя времена прошли, пора пускать и приманку для глазъ, давать архитекторамъ хорошія деньги, чтобы весело было господамъ купцамъ платить за трактиры и лавки.

А тамъ, дальше, виднѣлся кусокъ теплыхъ „рядовъ" Лѣстница съ аркой, переходы, мостики, широкія окна манили покупателя прохладой лѣтомъ, убѣжищемъ отъ дождя и тепломъ въ трескучіе морозы. Узкій переулокъ уходилъ вдоль, къ Никольской, точно коридоръ съ низкимъ, въ одинъ этажъ, корпусомъ, по лѣвую руку. Церковь съ старинными очертаніями главъ и реберъ крыши выглядывала сбоку изъ-за домовъ. Вся небольшая площадь улыбалась точно ядреная купчиха, надѣвшая всѣ свои кольца и серьги; только на волосахъ у ней „головка", а остальное все по модѣ, куплено у нѣмца, и дорогой цѣной. Свѣтъ особенно ласково игралъ въ зеркальныхъ стеклахъ дома, гдѣ нѣтъ кое-какихъ лавокъ, а каждое помѣщеніе оплачивается многими тысячами. Домъ, сдавленный, четырехъэтажный, по цвѣту какъ будто изъ цѣльнаго камня, не испортилъ бы и лондонскій „Cheapside" или гамбургскій Jungfer-Stieg. Онъ смотритъ на своего сосѣда и радуется. Такого сосѣдства не стыдно. Но тамъ все-таки трактиръ, служатъ молодцы въ рубашкахъ; а въ немъ все на благородный аршинъ и покрой. Швейцары въ ливреяхъ, массивныя двери, чугунныя лѣстницы, глянцовитыя конторки, за конторками тихій, благообразный и выученный народъ, хоть въ любой всемірно-извѣстный домъ, хоть къ самому Ротшильду. Правда, деньги на рукахъ у артельщиковъ; но артельщики сидятъ за рѣшётками, ихъ не видно, да и они, по благообразію, подходятъ къ дубовымъ рамамъ съ блистающими стеклами.

Только въ одномъ углу площади запоздалые мостовщики разворотили цѣлыхъ полдесятины, стѣсняютъ ѣзду и шутливо перекликаются съ ломовыми и кучерами. Они отдѣлили себя бечевкой и полдничаютъ, сидя на кучѣ голышей вокругъ деревянной чашки, куда они въ квасъ накрошили огурцовъ, луку, вяленой рыбы, и хлебаютъ не-

спѣша, вытянувши ноги, окутанныя въ тряпки поверхъ лаптей. Имъ любо! Солнышко щекочетъ имъ загривки. Дождя, знать, не будетъ до ночи, и то слава Богу!

III.

Въ банкѣ, вверхъ по Ильинкѣ, съ монументальной чугунной лѣстницей и саженными зеркальными окнами, все въ движеніи. Длинная, въ цѣлый манежъ, зала, съ пролетными арками въ обѣ стороны, наполнена гуломъ голосовъ, ходьбой, щелканьемъ счетовъ, скрипомъ перьевъ. Ясеневаго дерева перила и толстыя балясины празднично блестятъ. На нихъ пріятно отдыхаетъ глазъ. Надъ каждымъ отдѣленіемъ вывѣшены доски съ золотыми буквами: „учетъ векселей", „пріемъ вкладовъ", „текущіе счеты". За рѣшёткой столько же жизни, какъ и въ узковатой полосѣ, гдѣ толчется и проходитъ публика. Контористы, иные съ моднымъ проборомъ, иные подъ гребенку, всѣ въ хорошо сшитыхъ сюртукахъ и визиткахъ, мелькаютъ за конторками: то встанутъ съ огромной книгой и перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, то точно ныряютъ, только головы ихъ видны на нѣсколько секундъ. Всего больше народа у вкладовъ и выдачи денегъ по текущимъ счетамъ.

Сквозь кучку, гдѣ выдѣлялся священникъ съ большимъ наперснымъ крестомъ, въ шоколадной рясѣ, и дама съ кожанымъ мѣшкомъ, немного тугая на ухо и безтолковая, ловко протискался, никого особенно не задѣвъ, лѣтъ подъ тридцать, не красавецъ, но замѣтной и своеобразной наружности: плотный, широкій въ плечахъ, повыше средняго роста, съ перехватомъ въ тальѣ длиннаго двубортнаго сюртука, видимо вышедшаго изъ мастерской француза. Голова его, небольшая, круглая, выпуклая въ бокахъ, съ крутымъ лбомъ, сидѣла на туловищѣ чрезвычайно свободно, поворачивалась часто и легко. Волосы пепельнаго цвѣта, мягкіе, некурчавые, лежали на лбу широкой прядью, какъ на бюстахъ императора Траяна. Борода, немного потемнѣе, такъ же какъ и усы, расчесана была посрединѣ, гдѣ образовался точно вѣеръ съ цѣлой градаціей оттѣнковъ, начиная отъ ярко-бѣлокураго на самомъ проборѣ. Губы полускрывали тонкіе усы, ничѣмъ не смазанные. Носъ утолщался книзу. Посрединѣ его шелъ желобокъ, дѣлавшій его шире и некрасивѣе. Свѣтло-каріе глаза смотрѣли возбужденно. Въ нихъ были видны: и юркость, и сознаніе здоровья и силы, и наклонность все осмотрѣть, взвѣсить

и оцѣнить, въ то время какъ легкія складки вдоль носа и приподнятые углы рта улыбались снисходительно, а при случаѣ и вкрадчиво.

Въ посадкѣ этого мужчины, въ томъ, какъ сидѣлъ на немъ сюртукъ, какъ онъ былъ застегнутъ, въ походкѣ и покроѣ панталонъ,—опытный глазъ отличилъ бы бывшаго военнаго, даже кавалериста. Звали его Палтусовъ.

Онъ протянулъ руку къ контористу,—тотъ въ эту минуту подавалъ дамѣ книгу расписаться,—и чуть-чуть дотронулся до его плеча.

— Евграфъ Петровичъ въ директорской?—спросилъ онъ теноровымъ голосомъ, скоро, тономъ своего человѣка, умѣющаго дѣлать вопросы служащимъ и не мѣшать имъ.

— Какъ же, пожалуйте! — отвѣтилъ контористъ съ улыбкой.

Палтусовъ незамѣтно пріосанился, передалъ низкую поярковую шляпу изъ правой руки въ лѣвую и пошелъ къ стекляннымъ дверямъ кабинета, гдѣ сидятъ обыкновенно директора.

Навстрѣчу попался ему въ пріемной—тамъ стоялъ диванъ и столъ съ двумя креслами—совсѣмъ круглый человѣкъ, молодой, не старше Палтусова, съ вихромъ на лбу, весь въ черномъ; его веселые темные глаза такъ и бѣгали.

— Ба! Андрей Дмитричъ! Ко мнѣ? По дѣлу?

— Переводецъ простой... Зашелъ посмотрѣть на васъ,— сказалъ ласково Палтусовъ.

— Сію минуту. Присядьте. И я тоже здѣсь примощусь. Я—духомъ!

Круглый директоръ присѣлъ на кончикъ дивана. Палтусовъ помѣстился по-сю сторону стола. Онъ и не замѣтилъ, что тутъ уже сталъ контористъ съ цѣлой пачкой разныхъ печатныхъ бланковъ, ордеровъ всякихъ цвѣтовъ, длины и рисунка.

— Вы посидите, голубчикъ,—кидалъ слова директоръ, а самъ все подмахивалъ,—я мигомъ. Нынче—каторжный день! Такіе задаются... Это что?

— Въ учетный-съ.

— Ладно... Я васъ самъ сведу къ контролеру. Онъ у насъ строгій. Пожалуй, придерется, скажетъ, личность неизвѣстна.

— Знаетъ меня.

— Придерется! А малый—золото! Формалистъ. Въ контролѣ служилъ... Это еще что?

— Это Өедоръ Карлычъ просили подписать,—доложилъ контористъ.

— А ежели провремся?

— Они говорятъ, что ничего.

— Ну, коли ничего, такъ я подпишу.

Маленькая бѣлая рука директора такъ и летала по бланкамъ. Подпишетъ вдоль, а потомъ поперекъ, и въ третьемъ мѣстѣ еще что-то отмѣтитъ. Палтусовъ любовался, глядя на эту наметанность. Въ головѣ круглаго человѣка происходило два теченія мыслей и фактовъ. Онъ внимательно осматривалъ каждый ордеръ и подписывалъ все съ однимъ и тѣмъ же замысловатымъ росчеркомъ, а въ то же время продолжалъ говорить, улыбался, не успѣвалъ выговаривать всего, что выскакивало у него въ головѣ.

— Довольно?—спросилъ онъ, и вздохнулъ.

— Пока все-съ,—отвѣтилъ контористъ.

— Ну, грядите съ миромъ. Дайте передышку.

Контористъ вышелъ. Они остались вдвоемъ.

IV.

— Очень радъ, что зашли,—началъ еще радушнѣе директоръ. Подсаживаясь къ Палтусову, онъ потрепалъ его по плечу и заглянулъ въ глаза.

Тотъ всталъ.

— Боялся помѣшать вамъ.

— Намъ вѣдь всегда некогда. Наше дѣло: чикъ, чикъ, чикъ перомъ, и только пронесите, святые угодники! А то и подмахнешь ордерокъ на полмилліончика... іудейской фабрикаціи. А потомъ и печатай портретъ въ „Кладдерадачѣ“!..

И онъ захохоталъ визгливой дробью.

Палтусовъ вторилъ ему легкимъ барскимъ смѣхомъ.

— Вы захаживайте... Не надолго... Да вѣдь вамъ гдѣ же... Все около женскаго пола...

— Какое!

— Да нечего!.. Куда ни пойдешь, а ужъ Андрей Дмитричъ ведетъ подъ руку то Марью Орестовну, то Людмилу Петровну, то Анну Серафимовну. А супругъ сзади пардесю волочитъ... И все какихъ! Перваго разбора, милліоны все подъ ними трещатъ! Съ золотымъ обрѣзомъ!

Они вышли въ общую залу. Директоръ поддерживалъ Палтусова подъ правое плечо, смѣялся, мигалъ и заглядывалъ въ лицо. Палтусовъ только качалъ головой.

— Все балагурите, Евграфъ Петровичъ.

— Куда ни пойдешь — вездѣ онъ кавалеромъ, и руку сейчасъ согнетъ. И въ Кунцовѣ, и въ Сокольникахъ на кругу, и въ Люблинѣ, опять въ Паркѣ... А зимой! И въ маскарадѣ-то по двѣ маски разомъ... Мы тоже вѣдь имѣемъ наблюденіе...

— А сами-то?

— Что жъ?.. я маскарады лю-блю-ю,—протянулъ директоръ и быстро опустилъ голову внизъ, къ груди Палтусова.—Люблю. Это развлеченіе по мнѣ. День-деньской здѣсь въ банкѣ-то этой, сострилъ онъ, — ровно рыжикъ въ уксусѣ болтаешься; одурь возьметъ!.. Ни на какое путное дѣло не годишься. Ей-ей! Въ карты я не играю. Ну и завернешь въ маскарадъ. Мужчина я нетронутый... Женихъ въ самой порѣ. Только еще тоски не чувствую.

Онъ остановилъ Палтусова въ проходѣ, противъ лѣстницы, и взялъ его своими короткими руками за бока.

— Что жъ не сватаетесь?

— Говорю, тоски еще не чувствую. Надъ нами не каплетъ. Что жъ, это вы хорошо дѣлаете, что промежду нашимъ братомъ — купеческимъ сыномъ обращаетесь. Онъ сталъ говорить тише. — Давно пора. Вы—бравый! И на войну ходили, и учились, знаете все... Такихъ намъ и нужно. Да что же вы въ гласные-то?

— Не собственникъ...

— Эка! Промысловое свидѣтельство! Табачную лавочку!—Пустое дѣло. А вѣдь они у насъ глупятъ такъ, что нѣтъ никакой возможности. Я и ѣздить нынче пересталъ; кричали въ тѣ поры: не надо намъ баръ, не надо ученыхъ, давай простецовъ. Сами рѣчи умѣемъ говорить... тил... ц договорились!

раз... торъ опять подхватилъ Палтусова подъ правое дл... лтусовъ улыбался и думалъ въ эту минуту въ ...о, что ему говорилъ круглый человѣчекъ. Онъ ...гда думалъ о себѣ, потому тихая усмѣшка такъ ...и всплывала на его лицѣ.

V.

— Вотъ и контрольная,—довелъ его директоръ до широкой двойной конторки за перилами.

Директору поклонился сухощавый блондинъ съ лысиной, въ цвѣтномъ галстукѣ. Палтусовъ уже видѣлъ его, но по имени не зналъ.

— Вотъ имъ переводецъ,—сказалъ директоръ контролеру.

— Очень хорошо-съ!—отвѣтилъ тотъ однимъ духомъ, и нахмурилъ брови.

У него въ рукахъ было нѣсколько листовъ, за ухомъ торчало перо, во рту—карандашъ. Онъ что-то искалъ. Щеки его покраснѣли. Нервно перебрасывалъ онъ ворохъ векселей, телеграммъ съ переводами, ордеровъ—и не находилъ. Его нервность сказывалась въ порывистыхъ движеньяхъ рукъ, головы и даже всего корпуса. Онъ то и дѣло вертѣлся на каблукахъ. Выхватитъ одинъ бланкъ, отброситъ, потомъ опять схватитъ и насадитъ на мѣдный крючокъ, висѣвшій на стѣнѣ за его спиной, начнетъ снова швырять и выдувать воздухъ носомъ, а лѣвой рукой ерошитъ себѣ рѣдкіе волосы, около лысины.

Кругомъ барьера дожидалось человѣкъ пять, больше артельщики.

— Павелъ Павлычъ!—окликнулъ еще разъ директоръ.— Пожалуйста, не задержите Андрея Дмитріевича.

И онъ своими глазками указывалъ Палтусову, какъ тормошится контролеръ.

— Позвольте-съ,—кинулъ тотъ Палтусову, и съ сердцемъ насадилъ на крючокъ еще два бланка.

Палтусовъ досталъ переводъ изъ большого гладкаго портфеля вѣнской работы, въ видѣ пакета. Онъ передалъ сизый листокъ директору. Тотъ сейчасъ же схватилъ глазами сумму.

— Выиграли, что ли, перваго сентября?—спросилъ онъ прищурившись.—Или тетенька какая Богу душу отдала?

— Ни то, ни другое. Такъ, оставались деньжонки...

Вексель былъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Контролеръ вручилъ одному изъ артельщиковъ четыре листка разныхъ цвѣтовъ, перечеркнутые и помѣченные и карандашомъ, и чернилами, и сказалъ вслухъ, такъ что директоръ и Палтусовъ слышали:

— И все отъ несоблюденія правилъ! А тутъ и задерживай публику!

Директоръ протянулъ ему вексель Палтусова.

— Золото человѣкъ!—сказалъ онъ шопотомъ, отведя Палтусова въ уголъ.—Дорогого стоитъ, а копуга. А вы, голубчикъ, къ намъ на текущій? Вѣдь вы—у насъ?

— Да, пускай лежатъ...

— Бумагъ не будете покупать?

— Можетъ-быть...

— Мы этимъ не промышляемъ. Вотъ и биржа... Смотришь на такого русскаго молодца, какъ вы, и озоръ беретъ. Что ни маклеръ—нѣмчура. Отъ папеньки досталось. А нѣмцы, какъ собаки, вездѣ снюхаются!..

Оба расхохотались.

— Помилуйте,—продолжалъ горячиться директоръ.— Карлушка какой-нибудь паршивый, пара галстуковъ была у него да кальсоны вязаные, состоялъ на побѣгушкахъ у жида въ Зарядьѣ, а глядишь, годика черезъ три—биржевой маклеръ. Нѣмцы выклянчили—въ двадцати тысячахъ дохода... За невѣстой кушъ беретъ... Сами вы плошаете, господа!

— Дайте срокъ!—вырвалось у Палтусова.

И онъ поправилъ тотчасъ же булавку на галстукѣ, точно хотѣлъ сдержать себя.

— Евграфъ Петровичъ!—тихо выговорилъ уже другой контористъ, не тотъ, что былъ въ директорской.—Ждутъ-съ...

И онъ протягивалъ пачку ордеровъ.

— Ну, заболтался; прощайте, голубчикъ, увидимся! Въ первомъ же маскарадѣ, октябрь на дворѣ. Павелъ Павлычъ!—крикнулъ директоръ черезъ спины и головы артельщиковъ.—Не задержите господина Палтусова—прошу!

Ножки его засѣменили. Молоденькій контористъ еле успѣвалъ догонять его. Директоръ на-ходу обернулся и сдѣлалъ Палтусову ручкой.

Исполнительный контролеръ спустилъ свою публику скоро, совалъ имъ въ руки листы съ суровой поспѣшностью. Палтусова онъ отличилъ почтительнымъ приглашеніемъ:

— Пожалуйте въ кассу. Первая вправо-съ!

Касса, гдѣ Палтусову пришлось получить деньги, которыя онъ тутъ же перевелъ на текущій счетъ — расчетную книжку онъ захватилъ—помѣщалась около той, куда вносили. Пока вписывали ему сумму и переводили деньги изъ одной кассы въ другую, Палтусовъ, облокотившись о дубовый выступъ кассы, смотрѣлъ на то, какъ считали пачки ассигнацій въ сторонѣ, за небольшимъ желтымъ столомъ, усѣяннымъ листками розовыхъ и бѣлыхъ бланокъ. Считало нѣсколько молодцовъ въ чуйкахъ и длиннополыхъ сибиркахъ, посланные хозяевами. Онъ съ особымъ выраженіемъ оглядывалъ и мальчишекъ лѣтъ двѣнадцати, десяти, чумазыхъ, въ рваныхъ полушубкахъ,

присланныхъ за кушами или съ кушами въ десятки тысячъ. Они брали пачки, перевязанныя веревочками, развязывали ихъ, мусолили грязные пальцы и принимались считать. Иные и совсѣмъ не считали, а просто доставали пачки изъ холщовыхъ мѣшковъ и накладывали ихъ на прилавокъ, передъ рѣшёткой кассира, безъ всякой бережи, точно картофель или рѣпу. Въ глазахъ Палтусова такъ и рябило. Тысячныя пачки сторублевокъ, выданныя изъ банка и аккуратно сложенныя, возвышались стопками на столѣ и похожи были издали на кипы книжекъ. На текущій счетъ приносили больше засаленныя бумажки, и мальчишки комкали ихъ, укладывая на прилавокъ. Въ десять минутъ передъ глазами Палтусова пропестрѣли сотни тысячъ. И онъ все не могъ надивиться тому, что дѣтямъ, неграмотнымъ, безъ всякой опаски и контроля, поручаютъ капиталы.

— Въ такой странѣ и не нажиться?—говорили его разбѣгающіеся каріе глаза.—Да надо быть кретиномъ!

VI.

Внизу, у подъѣзда, стояла его пролетка. Онъ ѣздилъ съ мѣсячнымъ извозчикомъ на красивой, но павшей на ноги, сѣрой лошади. Пролетка была новая, полуторная. Работнику онъ приплачивалъ шесть рублей въ мѣсяцъ; подарилъ ему три пары замшевыхъ перчатокъ и два бѣлыхъ платка на шею. Платилъ онъ за экипажъ восемьдесятъ рублей.

Палтусовъ получилъ обратно свою расчетную книжку. Когда швейцаръ подалъ ему очень длинное коричневое пальто, однобортное, съ круглымъ, широкимъ воротникомъ-шалью, онъ инстинктивно ощупалъ въ правомъ карманѣ сюртука и портфель, и книжку. Швейцарамъ онъ вездѣ — и въ банкахъ, и въ амбарахъ у богатыхъ купцовъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ — давалъ часто и много на водку.

Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ выбѣжалъ на подъѣздъ и крикнулъ:

— Подавай!..

Другой подалъ Палтусову его мохнатое, лиловое съ чернымъ одѣяло, которымъ онъ прикрывалъ ноги. Онъ это дѣлалъ и любя теплоту, и оберегая ноги отъ летучаго ревматизма, схваченнаго, какъ онъ говорилъ, въ Болгаріи, во время перехода черезъ Балканы.

Пролетка стала подъѣзжать; но ее задержалъ цѣлый обозъ, ѣхавшій изъ переулка съ ящиками макаронъ и вермишели. Кучеръ Палтусова выругался; но взглянувъ на барина — замолчалъ. Баринъ степенно натягивалъ на правую руку сѣрую шведскую перчатку и поглядывалъ по сторонамъ, вдыхалъ въ себя свѣжесть улицы, все еще недостаточно нагрѣтой сентябрьскимъ солнцемъ.

Ему давно нравился „городъ". Онъ чувствовалъ художественную красу въ этомъ скопищѣ азіатскихъ и европейскихъ зданій, улицъ, закоулковъ, перекрестковъ. Ему были по душѣ: это шумное движеніе цѣнностей, обозы, вывѣски, амбары, склады, суета и напряженіе огромнаго промысловаго пункта.

„Тутъ сила,—думалось ему всегда, какъ только онъ попадалъ въ „городъ",—мошна́, производительность!.."

Не на вѣтеръ летятъ тутъ деньги, а идутъ на какое-нибудь новое дѣло. И жизнь подходила къ рамкѣ. Для такого рынка такіе нужны и ряды, и церкви, и краска на штукатуркѣ, и трактиры, и вывѣски. Орда и Византія и скопидомная московская Русь глядѣли тутъ изъ каждой старой трещины.

Глаза Палтусова обернулись въ сторону яркаго краснаго пятна—церкви „Никола большой крестъ", раскинувшейся на цѣлый кварталъ. Алая краска ярѣла на солнцѣ, бѣлыя украшенія карнизовъ, арокъ, оконъ, куполовъ придавали игривость, легкость храму, стоящему у входа въ главную улицу, точно за тѣмъ, чтобы сейчасъ же всякій иноземецъ понялъ, гдѣ онъ, чего ему ждать, чѣмъ любоваться.

Палтусовъ заглядѣлся на одну изъ боковыхъ главокъ. Весело у него стало на сердцѣ. Деньги, хоть и небольшія, есть, лежатъ вонъ тамъ, наверху, связи растутъ, охоты и выдержки не мало... двадцать восемь лѣтъ, воображеніе играетъ и поможетъ ему найти теплое мѣсто въ тѣни громадныхъ горъ изъ хлопка и миткаля, промежду милліоннаго склада чая и невзрачной, но денежной лавчонки серебряника-мѣнялы.

Провезли, наконецъ, макароны и вермишель. Палтусова усадилъ швейцаръ, подоткнувъ съ обѣихъ сторонъ одѣяло, и низко поклонился.

Кучеръ сдѣлалъ головой полуоборотъ и дотронулся до зада лошади синей вожжей.

— Въ трактиръ!—приказалъ баринъ.

Пролетка повернула на Варварку, проѣхала мимо церкви около Великомученицы Варвары, съ ея окраской свѣжаго зеленаго сыра, и лихо остановилась у подъѣзда двухъэтажнаго трактира, ничѣмъ не отличающагося на видъ отъ перваго попавшагося заведенія средней руки.

Спертый, влажный воздухъ, съ запахомъ табачнаго дыма, кипятка, половиковъ и пряностей обдалъ Палтусова, когда онъ всходилъ по лѣстницѣ. Направо, въ просторномъ акваріумѣ-садкѣ, вертѣлась или лѣниво двигалась рыба. Этотъ трактирный акваріумъ тоже нравился Палтусову. Онъ всегда подходилъ къ нему и разглядывалъ какую-нибудь матерую стерлядь. Изъ-за буфета выставилась голова приказчика въ нѣмецкомъ платьѣ и кланялась ему.

— Калакуцкій здѣсь?—звонко спросилъ Палтусовъ у молодца при сбереженіи платья.

Молодецъ затруднился. Подскочилъ приказчикъ.

— Калакуцкаго знаете, Сергѣя Степановича?—переспросилъ Палтусовъ.

Приказчикъ закрылъ на секунду глаза и выговорилъ почти на ухо:

— Не примѣтилъ. На врядъ ли-съ.

Палтусовъ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы и взялъ сначала вправо, въ угловую комнату съ каминомъ, гдѣ больше завтракаютъ, чѣмъ пьютъ чай. Тамъ было еще немного народу. Онъ вернулся и прошелъ черезъ рядъ комнатъ налѣво, набитыхъ мелкимъ торговымъ людомъ. Крайняя, почище и попросторнѣе, извѣстна тѣмъ, что тамъ пьютъ чай и завтракаютъ воротилы стараго гостинаго двора. Около часу всегда можно слышать голосъ Пантелея Ивановича, перваго „прядильщика", разсуждающаго, поплевывая и шепелявя, о политическихъ дѣлахъ. И половые въ этой комнатѣ служатъ иначе, ходятъ чуть слышно, обращаются къ гостямъ съ почтительной сладостью. Чай и завтраки часто затягиваются, разговоръ хозяевъ переходитъ къ своимъ дѣламъ. Въ воздухѣ запахнетъ сотнями тысячъ. Половые, у притолоки или въ сторонѣ у печки, слушаютъ съ неподвижными и напряженными, потѣющими лицами.

И въ этой комнатѣ не было того господина. Они согласились завтракать въ особой комнатѣ, въ „сосновой" или „березовой". Палтусовъ освѣдомился, нѣтъ ли Калакуцкаго въ одной изъ нихъ. И тамъ его не было.

Часы показывали десять минутъ перваго.

— Проводи меня въ березовую, наверхъ,—сказалъ Палтусовъ мальчику-половому, блѣднолицому парню лѣтъ четырнадцати, въ короткихъ бѣлыхъ штанахъ и съ плоскими волосами, густо смазанными коровьимъ масломъ.

Мальчикъ провелъ его въ дверь налѣво отъ буфета. Они миновали узкій коридоръ. Мальчикъ началъ подниматься по лѣсенкѣ съ раскрашенными деревянными перилами и привелъ на вышку, гдѣ дверь въ березовую комнату приходится противъ лѣстницы. Онъ отворилъ дверь и сталъ у притолоки. Палтусовъ оглянулся. Онъ только мелькомъ видѣлъ эту свѣтелку, когда ему разъ, послѣ обѣда, показывали особенности трактира.

— Пошли кого-нибудь пограмотнѣе,—сказалъ онъ мальчику,—и скажи тамъ швейцару, чтобы господина Калакуцкаго проводить сюда.

Подростокъ поклонился по-деревенски, тряхнулъ волосами и затворилъ дверь.

Свѣтелка, вся обшитая некрашенымъ березовымъ тесомъ, приняла его точно въ колыбель. Въ ней чувствовалась свѣжесть дерева; свѣтъ смягчался матовымъ тономъ березы. Самая тѣснота этого чуланчика возбуждала веселость. Стулья, съ высокими спинками изъ рѣзной березы, съ подушками изъ тисненой красной кожи, зеркало, карнизы, отдѣлка оконъ и дверей перенесли Палтусова къ дѣтскимъ годамъ. Ему казалось, что онъ въ игрушечномъ домикѣ и начнетъ сейчасъ играть съ этой бѣлой мебелью. Изъ окна надъ столомъ, занимающимъ двѣ трети свѣтелки, видъ на Зарядье и Москву-рѣку тѣшилъ глазъ яркостью и пестротой цвѣтныхъ пятенъ: — крыши и куполы, главки, башенки, а дальше муравейникъ синѣющаго Замоскворѣчья — и превращалъ трактирный чуланчикъ въ теремъ.

Палтусовъ любилъ все, отзывающееся старой Москвой, любилъ не одинъ „городъ“, но разныя урочища Москвы, находилъ ее живописной и богатой эффектами, выискивалъ уголки, пригорки, пункты, откуда открывается какая-нибудь красивая и своеобразная картина. Но мысль его не могла долго оставаться на художественной сторонѣ предмета. Въ этой трактирной свѣтелкѣ чутье его обоняло и нѣчто другое. И даже крыши и главы подъ его ногами говорили ему все о той же бытовой и промысловой жизни. Онъ точно чуялъ въ воздухѣ ростъ капиталовъ и продуктовъ. Въ воображеніи его поднимались его

собственныя палаты, въ прекрасномъ старо-московскомъ стилѣ, съ золоченой рѣшёткой на крышѣ, съ изразцами, съ рѣзьбой полотенецъ и столбовъ. Настоящія барскія палаты, но не такія низменныя и темныя, какъ тутъ вотъ, почти рядомъ, на Варваркѣ, хоромы бояръ Романовыхъ, а въ пять, въ десять разъ просторнѣе. Какая будетъ у него столовая! Вся въ изразцахъ и въ стѣнной живописи. Печку монументальную, по рисункамъ Чичагова, закажетъ въ Бельгіи. Одна печка будетъ стоить пять тысячъ рублей. Поставцы изъ темнаго вѣкового дуба. Какіе жбаны, ендовы, блюда съ эмалью будутъ выглядывать оттуда. Вѣдь есть же здѣсь внизу, въ этомъ самомъ трактирѣ, „русская палата", гдѣ всякій ножъ, каждый стаканъ сдѣланъ по рисунку! Но все-таки это трактиръ. Тутъ нѣтъ своего, барскаго, тонкаго вкуса, нѣтъ любви къ вещамъ, заработаннымъ умомъ, бойкимъ умомъ и знаніемъ людей, ихъ душевной немощи и грязи, ихъ глупости, скаредности, алчности... Славно!

VII.

Мечты его прервалъ половой лѣтъ за тридцать, съ подстриженной рыжеватой бородкой и впалой грудью,—довѣренный молодецъ, умѣющій служить хорошимъ гостямъ въ отдѣльныхъ комнатахъ.

— Ну, вотъ что, голубчикъ,—скоро заговорилъ Палтусовъ, отвернувшись отъ окна,—закусочки намъ сначала, но, знаешь, основательной... Балыкъ долженъ быть теперь свѣжей получки отъ Макарія?

— Самолучшій.

— Не забудь хрящей. Соленыхъ хрящей... Недурно бы фаршированный калачъ; да это долго.

— Минутъ пятнадцать!

— Такъ не надо. Листовка у васъ хороша ли?

— Особенная!

Такъ обсуждены были и другія водки и закуски. Половой отвѣчалъ кратко, но впопадъ, съ наклоненіемъ всего туловища и усиленнымъ миганіемъ сѣрыхъ, большихъ глазъ.

И процессъ заказыванья въ трактирѣ нравился Палтусову. Онъ любилъ этихъ ярославцевъ, признавалъ за ними большой умъ и тактъ, считалъ самою тонкою, пріятною и оригинальною прислугой; а онъ живалъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Ему хотѣлось всегда потолковать

съ половымъ, видѣть складъ его ума, чувствовать связь съ этимъ мужикомъ, способнымъ превратиться въ рядчика, въ фабриканта, въ желѣзнодорожнаго концессіонера. Фамильярности онъ не допускалъ, да ея никогда и не было со стороны ярославца. Всего больше лакомился онъ чувствомъ мѣры у такого бѣлорубашника, остриженнаго въ кружало. Онъ вамъ и скандальную новость сообщитъ, и дѣльный торговый слухъ, и статейку рекомендуетъ въ „Вѣдомостяхъ“, — и все это кстати, сдержанно, какъ хорошій дипломатъ и полезный собесѣдникъ.

— Съ Богомъ!—отпустилъ Палтусовъ полового. — Тебя какъ звать?

— Алексѣемъ-съ.

— Такъ вотъ, голубчикъ Алексѣй, скажи тамъ внизу, чтобы не прозѣвали Калакуцкаго.

— Сергѣя Степаныча?

— Ты знаешь его?

— Помилуйте!..

Алексѣй не досказалъ; но его блѣдныя большія губы говорили: „мнѣ не знать господина Калакуцкаго?“ Онъ отворилъ дверь. Палтусовъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Карту винъ принеси съ закуской, и шампанское заморозить.

— Редеръ?—больше утвердительно, чѣмъ звукомъ вопроса выговорилъ Алексѣй.

— Н-да; Редеръ все лучше остальныхъ... рѣшилъ Палтусовъ и опустился на диванъ, когда шаги Алексѣя послышались внизъ по лѣстницѣ.

Ему захотѣлось глубоко и сладко вздохнуть. Славное житье въ этой пузатой и сочной Москвѣ!.. Въ Петербургѣ физически невозможно такъ себя чувствовать. Глазъ притупляется. Вездѣ линія — прямая, тягучая и тоскливая. Дождь, изморось, туманъ, желтый, грязный свѣтъ сквозь свинцовыя тучи и облака. Ѣдешь—все тѣ же дома, тотъ же „прешпектъ“. У всѣхъ геморой и катаръ. Въ ресторанѣ—татары въ засаленныхъ фракахъ, въ кабинетахъ темно, холодно, пахнетъ вчерашней попойкой; ѣда—безвкусная; облитые диваны. Ничего характернаго, своего, не привознаго. Нигдѣ не видно, какъ работаетъ, наживаетъ деньги, охорашивается, выдумываетъ яства и питья коренной русскій человѣкъ... То ли дѣло здѣсь!

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттуда

какую-то записку, перечелъ ее, чмокнулъ губами, потомъ расчесалъ бороду передъ зеркаломъ маленькимъ гребешкомъ въ серебряной оправѣ и снова опустился на диванъ. Долго разсматривалъ онъ свою расчетную книжку. Сумма теперь округлилась. Въ головѣ идутъ расчеты— быстрые, въ цифрахъ. Онъ поправляетъ ихъ и замѣняетъ другими, приводитъ разныя соображенія. Отдѣлать квартиру необходимо. Правда, у него номеръ прекрасный, въ двѣ комнаты; но все-таки—номеръ. Квартира—клади двѣ тысячи. Надо бы и лошадь. Это выгоднѣе. Онъ платитъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. На это можно держать пару. Вотъ выпадетъ снѣгъ. Онъ и начнетъ съ саней— это втрое дешевле хорошей пролетки или одноконнаго фаэтона. Платья не нужно.

Дверь шумно отворилась. Все пространство ея занялъ очень высокій, вершковъ двѣнадцати, широкій, но не толстый баринъ въ сѣрой шляпѣ, на половину покрытой трауромъ. Онъ похожъ былъ на отставного французскаго генерала или хозяина цирка: длинные съ просѣдью усы, совсѣмъ падающіе на галстукъ, бритое, продолговатое лицо, чуть замѣтная мушка подъ нижней губой, густыя, русыя брови, лысая голова, подъ гребенку остриженная тамъ, гдѣ еще росли волосы. Баринъ одѣтъ былъ живописно: съ отложнымъ широкимъ воротникомъ рубашки, въ черномъ, короткомъ, плотно застегнутомъ пиджакѣ, безъ таліи, и панталонахъ-шароварахъ, къ сапогамъ ўже. На груди болталось золотое pince-nez на широкой лентѣ.

VIII.

— C'est parfait!—захрипѣлъ онъ.—А я внизу васъ ищу!

Палтусовъ поднялся и, подскочивъ къ Калакуцкому, протянулъ ему обѣ руки и пожалъ его свободную правую руку. Во всѣхъ этихъ движеніяхъ проскользнула искательность; но улыбающееся благообразное лицо сохраняло достоинство.

— Пожалуйте, пожалуйте, Сергѣй Степановичъ. Я ужъ распорядился закуской! Развѣ васъ не сейчасъ же провели? Я приказалъ...

— Провели...

Калакуцкій немного отдувался и оглянулъ комнату своими тусклыми глазами на выкатѣ съ навислыми вѣками.

— Да мы здѣсь задохнемся!...

— Можно отворить окно...

— Ничего... А веселенькій ватерклозетикъ!..

Онъ разсмѣялся задыхающимся смѣхомъ. Палтусовъ ему вторилъ. Онъ усадилъ барина на диванъ. Тотчасъ же пришло двое половыхъ. Столъ въ минуту былъ уставленъ бутылками съ пятью сортами водки. Балыкъ, провѣсная бѣлорыбица, икра и всякая другая закусочная ѣда заиграли въ лучахъ солнца своимъ жиромъ и янтаремъ. Не забыты были и затребованные Палтусовымъ соленые хрящи. Калакуцкій заказалъ завтракъ: паровую севрюжку, котлеты изъ пулярды съ трюфелями и разварныя груши съ рисомъ. Указано было и красное вино.

— Какой номеръ-съ?—спросилъ Алексѣй.

— Да все тотъ же. Я другого не пью.

И Калакуцкій ткнулъ пальцемъ въ большую карту винъ.

Кушанья поданы были скоро и старательно. Они еще не успѣли покончить съ солеными хрящами и осетровымъ балыкомъ, какъ на столѣ уже шипѣла севрюжка въ серебряной кастрюлѣ. За закуской Калакуцкій выпилъ разомъ двѣ рюмки водки, забилъ себѣ куски икры и бѣлорыбицы, засовалъ за ними рожокъ горячаго калача и потомъ больше мычалъ, чѣмъ говорилъ. Но онъ ѣлъ умѣренно. Ему нужно было только притупить первое ощущеніе голода.

Тутъ онъ сдѣлалъ передышку:

— Измучился я, mon bon, долженъ былъ лазить по лѣсамъ... Канальи!.. Безъ своего глаза пропадешь, какъ шведъ подъ Полтавой...

Рѣчь шла о стройкѣ. Калакуцкій давно занимался подрядами и стройкой домовъ, и все шелъ въ гору. На Палтусова онъ обратилъ вниманіе, знакомилъ его съ дѣлами. Наканунѣ онъ назначилъ ему быть на Варваркѣ въ трактирѣ и хотѣлъ потолковать съ нимъ „посурьезнѣе“ за завтракомъ.

Но Палтусовъ самъ не начиналъ разговора о себѣ. У него былъ на это расчетъ. Калакуцкій — для первыхъ ходовъ — казался ему самымъ лучшимъ рычагомъ. Нюхъ говорилъ Палтусову, что онъ нуженъ этому „ловкачу“, такъ онъ называлъ его про себя, и подъ этой кличкой даже заносилъ въ записную книжку о Калакуцкомъ.

— Такъ вы совсѣмъ москвичемъ дѣлаетесь?—спросилъ его Калакуцкій за севрюжкой.

— Дѣлаюсь.

— Штука любезная. Мы въ молодыхъ людяхъ нуждаемся, такихъ вотъ, какъ вы. Очень ужъ овчиной у насъ разитъ. Никого нельзя ввести въ операцію... Или выжига, или хамъ!..

— Мнѣ нравится Москва.

— Сундукъ у ней хорошъ, да не сразу его отопрешь, голубчикъ. Хамство ужъ очень меня одолѣваетъ иной разъ, — даже самъ-то овчиной провоняешь... Честной человѣкъ!.. Вечеромъ пріѣдешь—такъ и разитъ отъ тебя!..

Онъ тоже не начиналъ безъ подхода. Говорилъ онъ одно, а думалъ другое. Онъ мысленно осматривалъ Палтусова. Малый, кажется, на всѣ руки, и съ достоинствомъ: такое выраженіе у него въ лицѣ; а это—главное съ купцами, особенно если изъ старовѣровъ, и съ иностранцами. Денегъ у него нѣтъ, да ихъ и не нужно. Однако, все лучше, если водится у него пятокъ-десятокъ тысячъ. Заручиться имъ надо, предложить пай.

— Вы, я слышу, mon cher,—заговорилъ онъ, такъ, между прочимъ, пропуская стаканчикъ лафиту, — все съ купчихами?..

— Кое-кого знаю,—сказалъ Палтусовъ, чуть-чуть улыбнувшись, и отеръ усы салфеткой.

— Это хорошо! Продолжайте! Надо завязать связи. У Марьи Орестовны бываете?

— Какъ же.

— Эта изъ мужа веревки вьетъ. Онъ тоже хамъ и самолюбивое животное. Но его надо ручнымъ сдѣлать. Вы этого не забывайте. Вѣдь онъ постъ занимаетъ. Да что же это я все вамъ не скажу толкомъ... Вы вѣдь знаете,—Калакуцкій наклонился къ нему черезъ локоть,—вы знаете, что у меня теперь для большихъ строекъ... товарищество на вѣрѣ ладится?

— Слышалъ, — отвѣтилъ Палтусовъ ласково и сдержанно.

— А знаете, что̀ я въ прошломъ году, когда у насъ было простое компаньонство, предоставилъ моимъ товарищамъ?

— Въ точности не знаю.

— Семьдесятъ процентиковъ! Joli? N'est ce pas?

— Joli,—повторилъ Палтусовъ.

Онъ не любилъ французить; но выговоръ былъ у него гораздо лучше, чѣмъ у Калакуцкаго.

— Мнѣ бы хотѣлось и васъ примостить. Въ карманъ я къ вамъ не залѣзаю...

— У меня крохи, Сергѣй Степановичъ,—выговорилъ съ благородной усмѣшкой Палтусовъ.

— Ничего. Когда совсѣмъ налажу, скажу вамъ. Что будетъ—тащите. Не па текущемъ же счету по два процента получать!

Палтусовъ понялъ тотчасъ же, почему Калакуцкій сдѣлалъ ему такое предложеніе. Это его не заставило попятиться. Напротивъ, онъ нашелъ, что это умно и толково. Онъ зналъ, что Калакуцкій зарабатываетъ большія деньги, и всѣ говорятъ, что черезъ три-четыре года онъ будетъ самый крупный строитель-подрядчикъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ довѣрчивымъ тономъ и сейчасъ же сообщилъ Калакуцкому, какія у него есть деньжонки, не скрылъ и того, въ какомъ онѣ банкѣ лежатъ, и сколько ему нужно, чтобы обзавестись квартирой.

Калакуцкій все это одобрилъ. Они подходили другъ къ другу. Строитель былъ человѣкъ малограмотный, нигдѣ не учился, вышелъ въ офицеры изъ юнкеровъ, но родился въ барской семьѣ. Его прикрывалъ плохой французскій языкъ и лоскъ, вывозили смѣтка и смѣлость. Но ему нуженъ былъ на время пособникъ въ такомъ родѣ, какъ Палтусовъ, гораздо образованнѣе, новѣе, тоньше его самого.

IX.

Послѣ котлетъ принесли шампанскаго. Палтусовъ угощалъ имъ. Калакуцкій принялъ; но счетъ завтрака они раздѣлили пополамъ. Подали кофе и ликеры. Половые ушли, поставивъ три раскрытыхъ ящика съ сигарами.

— Такъ вотъ, любезнѣйшій Андрей Дмитричъ,—заговорилъ Калакуцкій, и его глаза уставились на Палтусовѣ,—я хочу васъ нанимать, или съ вами союзъ заключить.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Палтусовъ.

Вина онъ выпилъ довольно; но языкъ его былъ такъ же сдержанъ, какъ и въ началѣ завтрака. Только щеки стали розовѣе. Онъ очень отъ этого похорошѣлъ.

— Да въ томъ, сударь мой, что вамъ надо быть моимъ тайнымъ àгентомъ.

— Агèнтомъ?—переспросилъ Палтусовъ, переставивъ удареніе.

— Именно! Ха-ха! Я не въ сыщики васъ беру. Разсу-

дите — вы мнѣ уже говорили, что желали бы присмотрѣться къ дѣламъ и выбрать себѣ, что̀ на руку. Ну, не пойдете же вы ко мнѣ въ конторщики или нарядчики?.. Компаньономъ — у васъ капитала нѣтъ... Пай предложу вамъ съ удовольствіемъ. Но этого мало. Вы можете быть весьма и весьма полезны нашимъ операціямъ и теперь, и послѣ... У меня въ головѣ много прожектовъ. Я цѣлые дни занятъ, разрываюсь какъ каторжный, и страшно отъ этого теряю... Тутъ надо человѣка отыскать, туда заѣхать, тамъ понюхать. Вотъ и необходимъ а̀гентъ! Но какой? Вы не обижайтесь... такой, чтобы стоилъ компаньона.

— Понимаю, понимаю,—тихо повторялъ Палтусовъ и глядѣлъ въ стаканъ съ шампанскимъ, точно любовался, какъ иглы тонкаго льда мигали въ винѣ и гнали наверхъ пузырьки газа.

— И не побрезгуете?

— Идея хороша!

— И тянуть нечего. Проволочка всякому дѣлу—капутъ!.. А положеніе простое—процентъ. Вамъ небось сказывали, что я умѣю платить и дѣлиться? Это—первое. Примите добрый совѣтъ...

Тутъ глаза Палтусова слегка покраснѣли.

— Идея прекрасная, Сергѣй Степановичъ!—выговорилъ онъ и всталъ со стаканомъ въ рукѣ. Глаза его обѣжали и свѣтелку съ видомъ на пестрый коверъ крышъ и церковныхъ главъ, и то, что̀ стояло на столѣ, и своего собесѣдника, и себя самого, насколько онъ могъ видѣть себя.—У васъ есть иниціатива!—уже горячѣе воскликнулъ онъ и поднялъ стаканъ, приблизивъ его къ Калакуцкому.

— Безъ ученыхъ словъ, голубчикъ!..

— Нѣтъ, позвольте его повторить, Сергѣй Степановичъ! Иниціатива! По-русски починъ, если вамъ угодно! Отчего мы, дворяне, люди съ образованіемъ, хорошихъ фамилій, уступаемъ всѣмъ этимъ... какъ вы выражаетесь—хамамъ? Отчего? Оттого, что почина нѣтъ. А хамъ—уменъ, Сергѣй Степановичъ!

— Плутъ!—вырвалось у Калакуцкаго.

— Уменъ,—повторилъ Палтусовъ.—Я его не презираю. Такой же русакъ, какъ и мы съ вами... Я говорю о мужикѣ; вотъ объ такомъ Алексѣѣ, что̀ служитъ намъ, о рядчикѣ, десятникѣ, штукатурѣ... Мы должны съ ними сладиться и сказать купецкой мошнѣ: пора тебѣ съ нами дѣлиться, а не хочешь, такъ мы тебя подъ ножку.

— Отлично! Да вы ораторъ! Разумѣется, намъ слѣдуетъ выкуривать бороду. Я это и дѣлаю...

— За эту идею позвольте чокнуться,—протянулъ Палтусовъ стаканъ къ Калакуцкому.

Тотъ тоже привсталъ. Они чокнулись и три раза поцѣловались. Это сдѣлалось какъ-то само собой.

И Калакуцкій началъ разсказывать анекдоты изъ своей практики: какъ онъ начиналъ, чему выучился, сколько разъ висѣлъ на волоскѣ. Онъ привиралъ, невольно, въ жару разговора, увеличивалъ цифры убытковъ и барышей, щеголялъ своей смѣткой и дѣловой неустрашимостью. Все это отлично схватывалъ Палтусовъ; но хвастливыя рѣчи строителя, возбужденныя виномъ, пары шампанскаго, ароматъ ликеровъ, дымъ дорогихъ сигаръ образовалъ вокругъ Палтусова атмосферу, въ которой его воображеніе опять заиграло. Вѣдь вотъ этотъ подрядчикъ не Богъ знаетъ какого ума, безъ знаній, съ грубоватой натурой, а ведетъ же теперь чуть ли не милліонныя дѣла! И надо поклониться ему за это. Онъ—первый изъ „піонеровъ"-дворянъ пошелъ на развѣдки и сталъ выхватывать куски изо рта толстобрюхихъ лавочниковъ и цѣловальниковъ. Явится онъ, Палтусовъ, а за нимъ и другой, и третій — люди тонкіе, культурные, все понимающіе, и почнутъ прибирать къ рукамъ этотъ купецкій „городъ", доберутся до его кубышекъ, складовъ и амбаровъ, настроятъ дворцовъ и скупятъ у обанкрутившихся купцовъ ихъ дома, фабрики, лавки, конторы.

И ему казалось, точно онъ не въ свѣтелкѣ трактира, а на воздушномъ шарѣ поднялся на двѣсти саженъ отъ земли и смотритъ оттуда на Москву, на Ильинку, на ряды и площади, на толкотню и ѣзду чуть замѣтныхъ насѣкомыхъ-людей.

— А сегодня, mon cher,—захрипѣлъ опять Калакуцкій, — не угодно ли вамъ будетъ исполнить два порученьица?

Палтусовъ не удивился этой американской быстротѣ осуществленія плана. Онъ выслушалъ внимательно, записалъ, что нужно, переспросилъ скоро и точно, и незамѣтно, прощаясь съ строителемъ, привелъ его къ размѣрамъ процента за свои услуги.

— Видите,—сказалъ Калакуцкій, выпрямляя грудь.— Дѣлъ у меня нѣсколько. Тѣ идутъ своимъ чередомъ. А вотъ по новому товариществу на вѣрѣ. Расходы, положимъ,

въ триста пятьдесятъ рублей,—протянулъ онъ,—и десять процентовъ съ чистой прибыли. Ça vous va?..

Палтусовъ молча поклонился и пожалъ руку Калакуцкому. Въ головѣ его ужъ сидѣло черновое нотаріальное условіе, которое онъ на-дняхъ и подброситъ патрону.

Онъ такъ и назвалъ его мысленно „патронъ". Это ему не очень понравилось. Онъ не хотѣлъ бы ни отъ кого зависѣть. Но развѣ это зависимость? Это—купля-продажа—не больше.

Калакуцкій сѣлъ въ дрожки, запряженныя парой чубарыхъ лошадокъ, съ пристяжкой, и поскакалъ къ Варварскимъ воротамъ. Палтусовъ остался въ городѣ и велѣлъ кучеру „трогать" въ Славянскій Базаръ.

X.

Ресторанъ Славянскаго Базара доѣдалъ свои завтраки. Оставалась четверть до двухъ часовъ. Зала, передѣланная изъ трехъэтажнаго базара, въ этотъ ясный день поражала пріѣзжихъ изъ провинціи, да и москвичей, кто въ ней рѣдко бывалъ, своимъ просторомъ, свѣтомъ сверху, движеньемъ, архитектурными подробностями. Чугунные выкрашенные столбы и помостъ, выступающій посрединѣ, съ купидонами и завитушками, наполняли пустоту огромной махины, останавливали на себѣ глазъ, щекотали по-своему смутное художественное чувство даже у закорузлыхъ обывателей откуда-нибудь изъ Чухломы или Варнавина. Идущій оваломъ рядъ широкихъ оконъ второго этажа, съ бюстами русскихъ писателей въ простѣнкахъ, показывалъ изнутри драпировки обои подъ изразцы, фигурныя двери, просвѣты площадокъ, оконъ, лѣстницъ. Бассейнъ съ фонтанчикомъ прибавлялъ къ смягченному топоту ногъ по асфальту тонкое журчаніе струекъ воды. Отъ нихъ шла свѣжесть, которая говорила какъ будто о присутствіи зелени или грота изъ мшистыхъ камней. По стѣнамъ пологіе диваны темно-малиноваго трипа успокаивали зрѣніе и манили къ себѣ за столы, покрытые свѣжимъ, глянцовито выглаженнымъ бѣльемъ. Столики поменьше, разставленные по обѣимъ сторонамъ помоста и столбовъ, сгущали трактирную жизнь. Черный съ украшеніями буфетъ подъ часами, занимающій всю заднюю стѣну, покрытый сплошь закусками, смотрѣлъ столомъ богатой лабораторіи, гдѣ разставлены разноцвѣтные препараты. Справа и слѣва въ переднихъ стояли сумерки. Служители

въ голубыхъ рубашкахъ и казакинахъ съ сборками на тальѣ, молодцоватые и степенные, молча вѣшали верхнее платье. Изъ стеклянныхъ дверей виднѣлись обширныя сѣни съ лѣстницей наверхъ, завѣшанной триповой веревкой съ кистями, а въ глубинѣ мелькала ѣзда Никольской, блестѣли вывѣски и подъѣзды.

Большими деньгами дышалъ весь отель, отстроенный на славу, немного уже затоптанный и не такъ старательно содержимый, но хлесткій, бросающійся въ носъ своимъ московскимъ комфортомъ и убранствомъ.

Зала ресторана еще не начала пустѣть. Это былъ часъ биржевыхъ маклеровъ и зайцевъ почище, часъ раннихъ обѣдовъ для пріѣзжихъ „изъ губерніи“ и позднихъ завтраковъ для тѣхъ, кто любитъ проводить цѣлые дни за трактирной скатертью. Нѣмцевъ и евреевъ сейчасъ можно было признать по носамъ, цвѣту волосъ, короткимъ бакенбардамъ, конторской франтоватости. Они вели за отдѣльными столами бойкіе разговоры, пили немного, но угощали другъ друга, посматривали на часы, охорашивались, разсказывали случаи изъ практики, часто хохотали разомъ, дѣлали нѣмецкіе „вицы“. За большимъ столомъ, около самаго бассейна, помѣстилось дворянское семейство, только что пріѣхавшее: отецъ при солдатскомъ Георгіи на коричневомъ пиджакѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, мать — въ туалетѣ, гувернантка, штукъ пять подростковъ, родственница-дѣвица, бойкая и сердитая, успѣвшая уже наговорить непріятностей суетливому лакею, тыча ему въ носъ мѣстоименіе „вы“, къ которому, видимо, не была привычна съ прислугою. Они завтракали на цѣлый день, отправляясь осматривать грановитую палату, царь-пушку, соборы, по дорогѣ синодальную типографію, отслушать молебенъ у Иверской, поѣсть пирожковъ у Филиппова на Тверской и до обѣда попасть въ Голофтѣевскую галлерею, гдѣ родственница должна непремѣнно купить себѣ подвязки и пару ботинокъ и надѣть ихъ до театра. А билеты разсчитывали добыть у барышниковъ. Ближе къ буфету, за столикомъ, на одной сторонѣ, выдѣлялось двое военныхъ: драгунъ съ воротникомъ персиковаго цвѣта и гусаръ въ свѣтло-голубомъ ментикѣ съ серебромъ. Они „душили“ портеръ. По правую руку, одинъ съ газетой, кончалъ завтракъ сѣдой, высохшій старикъ съ желтымъ лицомъ и плотно-остриженными волосами—изъ Петербурга, большой баринъ. Онъ ѣлъ медленно и брезгливо, вино пилъ съ

водой и, потребовавъ себѣ полосканье, вымылъ руки изъ графина. Лакей говорилъ ему: „ваше сіятельство“. Въ одной изъ нишъ два купца-рыбопромышленника крестились, вставая изъ-за стола. Каждый далъ лакею по мѣдному пятаку. Они потребовали одну порцію селянки по-московски и выпили по три рюмки травнику. Купидоны имъ понравились.

XI.

Палтусовъ вошелъ въ ресторанъ, остановился спиною къ буфету и оглянулъ залу. Его быстрые, дальнозоркіе глаза сейчасъ же различили на противоположномъ концѣ, у дверей въ комнату, замыкающую ресторанъ, группу человѣкъ въ пять биржевиковъ, и между ними того, кто ему былъ нуженъ.

Подвернувшемуся лакею, съ длинными жидкими бакенбардами, онъ сказалъ ласково:

— Не трудитесь, голубчикъ, и прошелъ черезъ всю залу. Прислугѣ во фракахъ онъ вездѣ говорилъ „вы“.

Онъ намѣтилъ у стола биржевиковъ молодого брюнета съ лицомъ, какія попадаются въ магазинахъ бѣлья и женскихъ модъ, въ узкихъ бакенбардахъ, съ прической „капульчикомъ“, въ темно-красномъ шарфѣ, перехваченномъ матовымъ золотымъ кольцомъ. Пиджакъ изъ англійскаго шевіота сидѣлъ на немъ гладко и выказывалъ его округленныя, падающія, какъ у женщины, плечи.

— Карлъ Христьянычъ!—окликнулъ его Палтусовъ. Ему и нужно было этого самаго маклера.

Биржевикъ привсталъ и направилъ на него простоватые масляные глаза.

— Почтеніе!—сказалъ онъ съ умышленной интонаціей русскаго нѣмца - шутника, подражающаго „купецкому“ жанру.

И руку подалъ нарочно ребромъ, а не ладонью.

Палтусовъ отвѣтилъ ему въ тонъ.

— Изволили откушать?

— Какъ же! Побаловались. Пора и пошабашить.

— Можно на пару словъ?

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

И обратившись къ остальнымъ, маклеръ сказалъ имъ по-нѣмецки:

— Kinder! Auf Wiedersehen! Precise.

Тѣ почему-то загоготали.

„Карлуша“—такъ его звали пріятели—отряхнулся, далъ лакею на чай, поправилъ галстукъ и взялъ Палтусова подъ руку. Они пошли, не спѣша, въ угловую комнату, гдѣ никого уже не было.

Разговоръ длился не больше десяти минутъ. Маклеръ стоялъ, а Палтусовъ присѣлъ на конецъ дивана.

Слышны были слова: „пай“, „новый корпусъ“, „самъ Сергѣй Степановичъ“, „пустить въ ходъ“, „куртажъ“. Нѣмчикъ только кивалъ головой да игралъ цѣпочкой, и раза два сказалъ:

— Безъ сумлѣнья. Въ настоящемъ видѣ.

Онъ уже иначе не умѣлъ говорить съ русскими, какъ такимъ языкомъ.

— Стало, живетъ?—спросилъ Палтусовъ, поднимаясь и пожимая ему руку.

— Будьте благонадежны...

Маклеръ заторопился.

— Вы ужъ, голубчикъ, извините, пожалуйста, послѣ биржи... А теперь надо...

Изъ губъ его слетѣло нѣсколько именъ. Изъ залы можно было разслышать:

— Къ Ценкеру, на Маросейку, у Кнопа, Корзинкины... Да еще къ Катуару!..

Вышло новое рукопожатіе.

— Какъ курса?—спросилъ на ходу Палтусовъ.

— Курса?

Маклеръ остановился, щелкнулъ языкомъ и выговорилъ:

— Швахъ!

И почти бѣгомъ пустился по ресторану.

Глядя вслѣдъ убѣгавшему нѣмчику, Палтусовъ вспомнилъ сегодняшнія веселыя рѣчи банковскаго директора. Вотъ хоть бы этотъ Карлуша! Какая ему цѣна? А онъ навѣрно зарабатываетъ тысячъ двѣнадцать, а то гляди и всѣ шестнадцать. Не весело цѣлое утро разъѣзжать по конторамъ, а потомъ бѣгать по биржевому залу. Да вѣдь у него въ головѣ зато ни одной своей мысли. Онъ дальше десятичныхъ дробей врядъ ли ходилъ. Днемъ колеситъ по Москвѣ и юлитъ на биржѣ; послѣ биржи—обѣдъ, а ночью пляшетъ—невѣстъ себѣ выплясываетъ—до пѣтуховъ; сегодня въ Большой Алексѣевской, завтра на Разгуляѣ, въ Плетешкахъ, послѣзавтра—на Татарской... И выпляшетъ, возьметъ полмилліона, и банковый учредитель

будетъ. Зато онъ нѣмецъ! А Евграфъ Петровичъ увѣряетъ, что „нѣмцы между собой вездѣ снюхаются".

Онъ улыбнулся. Ему въ сущности нечего было завидовать этому Карлушѣ. Такой „капульчикъ" долженъ успѣвать при стачкѣ своего брата нѣмца. Чего-нибудь позамысловатѣе выгодной женитьбы и маклерскаго дохода—онъ не выдумаетъ. Не тѣ у него мозги...

У буфета Палтусова кто-то удержалъ двумя руками. Онъ поднялъ голову и разсмѣялся. Съ непритворнымъ удовольствіемъ обнялъ онъ самъ высокаго, немного пухлаго, совсѣмъ бритаго мужчину, однихъ съ нимъ лѣтъ, въ короткой синей визиткѣ и сѣрыхъ панталонахъ. За границей его всякій принялъ бы за молодого французскаго нотаріуса или за англійскаго духовнаго, снявшаго съ себя долгополый сюртукъ. Мягкіе русые волосы, съ проборомъ на боку, подстриженные сзади и гладко причесанные спереди, необыкновенно подходили къ крупному носу, золотымъ очкамъ, добрымъ и умнымъ глазамъ этого москвича, къ его заостряющемуся брюшку, тонкой усмѣшкѣ и бѣлымъ рукамъ-огурчикамъ. Держался онъ прямо, даже немного выпрямившись, и не наклонялъ голову, а подавался впередъ всѣмъ туловищемъ.

— Палтусовъ!

— Пирожковъ!

Они громко чмокнули себя въ щеки.

— Гдѣ пропадаете?—спросилъ Палтусовъ, все еще придерживая пріятеля.

— А вы? Я былъ въ деревнѣ съ мая вотъ по сіе время.

— Это и видно.

Палтусовъ указалъ глазами на брюшко Пирожкова.

— Да, есть-таки развитіе сальника. Вотъ все хожу.

— Вы здѣсь завтракаете?

— Покончилъ. Не выпить ли элю?

— Я тороплюсь. Ахъ, какая досада!

Палтусовъ опять нелицемѣрно наморщилъ лобъ. Ему очень хотѣлось покалякать съ этимъ „славнымъ малымъ", котораго онъ считалъ „умницей" и даже „ученымъ". Но дѣло не ждало. Онъ это и объяснилъ Пирожкову.

Пріятель не возмутился; безъ всякихъ переливовъ голоса—какъ говорятъ всѣ почти молодые русскіе,—спросилъ онъ у Палтусова, гдѣ тотъ живетъ и что вообще дѣлаетъ.

— Пускаюсь въ выучку къ Титамъ Титычамъ,—сказалъ Палтусовъ нотой, въ которой сквозила совѣстливость.

— Вотъ что!—протянулъ его пріятель.—Что жъ! штука весьма интересная. Мы не знаемъ этого міра. Теперь новые нравы. Прежніе Титы Титычи пахнутъ уже до-реформенной полосой.

— Да я не литераторъ, Иванъ Алексѣичъ; я—для разживы. Что жъ такъ-то болтаться?

Глаза Пирожкова повеселѣли.

— Вы—своего рода Станлэй! Я всегда это говорилъ. Смѣтка у васъ есть, мышцы, нервы... И Балканы переходили.

Они оба тихо разсмѣялись. Палтусовъ выхватилъ часы изъ кармана.

— Батюшки! двадцать третьяго! Голубчикъ Иванъ Алексѣичъ, заверните... Оставьте карточку... Пообѣдаемъ. Вѣдь вы покушать любите попрежнему?

— Есть тотъ грѣхъ!

— Въ „Эрмитажѣ“? Стерлядку по-американски, знаете, съ томатами.

По лицу Пирожкова пошла волнистая линія человѣка, знающаго толкъ въ ѣдѣ.

— Такъ на Дмитровкѣ?

— Да, да!.. торопился Палтусовъ.

Они выходили вмѣстѣ. Въ передней Палтусовъ, надѣвъ пальто, опять взялъ Пирожкова за бортъ визитки. Ему вспомнилась ихъ жизнь, года три передъ тѣмъ, въ меблированныхъ комнатахъ у чудака учителя, которому никто не платилъ.

— Ѳиваида-то наша рушилась!—возбужденно сказалъ онъ Пирожкову.—Славно жили! Что за типы были! И Василій Алексѣичъ съ своей керосиновой кухней... Гдѣ онъ? Пишетъ ли что? Врядъ ли!

— Умеръ,—отвѣчалъ Пирожковъ, и улыбка застыла у него на губахъ.

Они смолкли.

— Буду ждать!—крикнулъ Палтусовъ изъ сѣней.—Захаживаете ли когда къ Долгушинымъ?

— По пріѣздѣ еще не былъ.

— Гніютъ на корню. Дворянское вырожденіе!..

Фраза Палтусова прогудѣла въ сѣняхъ.

XII.

Малый въ голубой рубашкѣ натянулъ на Пирожкова короткое, уже послужившее пальто, и подалъ трость и шляпу. Иванъ Алексѣичъ и зиму, и лѣто ходилъ въ высокой цилиндрической шляпѣ, которую покупалъ всегда къ Пасхѣ. Онъ пошелъ не спѣша.

Встрѣча съ Палтусовымъ и его отнесла къ той зимѣ, когда они жили въ комнатахъ у учителя ариѳметики, Скородумова, въ переулкѣ на Срѣтенкѣ, около церкви „Успенья въ Печатникахъ". Тогда Иванъ Алексѣичъ серьезно подумывалъ о магистерскомъ экзаменѣ. Прошло три года, а онъ все еще не магистръ. Правда, онъ ѣздилъ за границу, но врядъ ли съ спеціальною цѣлью. Онъ изучалъ много хорошихъ вещей разомъ: и движеніе философскихъ идей, и уличную жизнь, и рестораны, и женщинъ, и театръ, и журнализмъ... Читалъ онъ не мало книжекъ, хаживалъ и въ кабинеты, по своей наукѣ принимался за собираніе спеціальныхъ мемуаровъ и даже заплатилъ три золотыхъ за право имѣть свой столъ съ микроскопомъ. Но какъ-то работы не вышло. Въ Москвѣ время текло опять почти что такъ, какъ оно текло, когда Иванъ Алексѣичъ кончилъ курсъ кандидатомъ и отдыхалъ, живя въ Лоскутномъ. И это славная полоса была. Много пили портеру и элю. Цѣлые вечера проводили въ бильярдной; зато журналы и книжки читали запоемъ, точно варенье глотали ложками. Иной разъ, не вставая, въ постели, пролеживали до сумерокъ съ какимъ-нибудь англійскимъ томомъ по психологіи или этнографіи. А тамъ вечеръ—въ театрѣ, молодыхъ актрисъ поддерживали, въ клубѣ любительницъ поощряли, развивали ихъ, покупали имъ Шекспира, переводили имъ отрывки изъ нѣмецкихъ критиковъ, кто не зналъ языка. Споры, бесѣды... На Срѣтенкѣ, у Скородумова, начался непрерывный содомъ. Сколько прошло отличныхъ ребятъ, или забавныхъ, нелѣпыхъ; но съ ними весело жилось. И какія женщины попадались! Пойдутъ всей гурьбой въ концертъ, въ оперу, наслушаются музыки, и до пяти часовъ утра „пивное царство", поютъ хоромъ каватины, спорятъ, иные ругаютъ „итальянщину", дымъ коромысломъ, летятъ имена: Чайковскій, Рубинштейнъ, Балакиревъ, Сѣровъ! На другой день голова трещитъ. Идетъ въ ходъ зельтерская вода. Покойникъ Василій Алексѣичъ—опять полоса... Натура этого скитальца,

его причуды, лѣнь, умъ, даровитость; невиданное Пирожковымъ обаяніе на женщинъ, вся жизнь, сотканная изъ нѣжныхъ сношеній съ ними. И на это цѣлый годъ пошелъ. „Номера“ рухнули. Да и пора было. Нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ отрезвили. Тутъ ужъ планъ работы выяснился: досуга—вволю. Хозяйство ведетъ братъ, кушать можно всласть; но и моціону много. Ходи себѣ по липовой аллеѣ и поглощай книжки. Осень стояла небывалая. И теперь жаль, что поторопился въ городъ; да какъ-то нельзя...

Пирожковъ сталъ въ раздумьѣ подъ навѣсомъ подъѣзда—куда идти? Идти можно — куда захочешь. Но никуда не *нужно* идти Ивану Алексѣичу. Нѣтъ у него ни казенной службы, ни конторы, ни работы въ университетскомъ кабинетѣ. Еще не начиналъ ея. Да и не всѣ тамъ съѣхались, профессоръ въ заграничномъ отпуску, ассистентъ боленъ. Зайти, развѣ, по старой памяти, въ аудиторію?—Не хочется; что за охота припоминать зады? Слышно, какой-то доцентъ у юристовъ собираетъ аудиторію человѣкъ въ двѣсти, говоритъ ново, смѣло, готовится къ лекціямъ. Недурно бы; да кажется лекціи-то его поутру, съ десяти часовъ. Почитать развѣ газеты въ кондитерской? Такъ лучше подняться въ читальню того же Славянскаго Базара. Тамъ десятка два газетъ. Тяжеленько! Съ нѣкоторыхъ поръ Иванъ Алексѣичъ чувствуетъ иногда легкую одышку, ему непріятны всякіе спуски и подъемы. И печень начала немного пошаливать. Нѣтъ-нѣтъ, да и колотье. Онъ пилъ горькую воду въ деревнѣ.

„Куда же идти?“ еще разъ спросилъ себя Пирожковъ и замедлилъ шагъ мимо цвѣтного, всегда привлекательнаго дома синодальной типографіи. Ему рѣшительно не приходило на память ни одного пріятельскаго лица. Зайти въ окружный судъ? На уголовное засѣданіе? Слушать, какъ обвиняется въ кражѣ со взломомъ крестьянинъ Никифоръ Варсонофьевъ и какъ его будетъ защищать „помощникъ“ изъ евреевъ, съ надрывающею душу картавостью? До этого онъ еще не дошелъ въ Москвѣ...

Москва!.. Онъ имѣлъ къ ней слабость, да и теперь любитъ ее по-своему, какъ „этнографическій центръ“. Изучать ее было бы занимательно. Разбить на области: фабрики, рабочій людъ, нравы и обычаи вотъ этого самаго „города“, расколъ, проституція. Хорошо! Но ежедневныхъ

ресурсовъ просто для развитого человѣка, какъ онъ, съ европейскими привычками, съ желаньемъ послѣ завтрака поговорить о живомъ вопросѣ, найти сейчасъ же подъ бокомъ кружокъ людей... Этого нѣтъ. Прежде у него былъ Лоскутный, были номера на Срѣтенкѣ... Должно-быть молодость проходитъ; старые пріятели разбрелись и слиняли, новыхъ что-то не выростало. Вотъ Палтусовъ еще изъ самыхъ бойкихъ; но его тянетъ къ наживѣ — это ясно...

Иванъ Алексѣичъ повелъ носомъ. Пахло фруктами, спѣлыми яблоками и грушами—характерный осенній запахъ Москвы въ ясные сухіе дни. Онъ остановился передъ разносчикомъ, присѣвшимъ на корточкахъ у тротуарной тумбы, и купилъ пару грушъ. Ему очень хотѣлось пить отъ густого, пряннаго соуса къ дикой козѣ, съѣденной въ ресторанѣ. Груши оказались жестковаты, но вкусны. Иванъ Алексѣичъ не стѣснялся ѣсть ихъ на улицѣ. Онъ любилъ свободу, какою всѣ пользуются на парижскихъ бульварахъ, но оставался джентльменомъ, никогда не позволялъ себѣ никакой рѣзкой выходки: это лежало въ его натурѣ.

Фруктовые запахи, вкусъ грушъ, не утолившихъ вполнѣ его жажды, привели его къ мысли о квасной лавкѣ. Вѣдь это въ двухъ шагахъ. Ходъ съ Никольской. Онъ перешелъ улицу.

XIII.

Проникаютъ къ квасной лавкѣ — одна только и пользуется извѣстностью — чрезъ Сундучный рядъ, подъ вывѣску, которая доживетъ навѣрное до дня разрушенія Гостинаго двора, съ его норами, провалившимися плитами и половицами, сыростью, духотой и вонью. Но многіе пожалѣютъ лѣтомъ о прохладѣ Сундучнаго ряда, гдѣ недалеко отъ входа усталый путникъ, измученный толкотней суровскихъ лавокъ и сорочьей болтовней зазывающихъ мальчишекъ и молодцовъ Ножовой линіи, находилъ квасное и съѣдобное приволье...

Иванъ Алексѣичъ студентомъ, и еще не такъ давно, въ „эпоху“ Лоскутнаго, частенько захаживалъ сюда съ компаніей. Онъ не бывалъ тутъ больше двухъ лѣтъ. Но ничто, кажется, не измѣнилось. Даже красный полинялый сундукъ, обитый жестью, стоялъ все на томъ же мѣстѣ. И другой, поменьше, въ лавкѣ рядомъ, съ боками въ бу-

кетахъ изъ розъ и цвѣтныхъ завитушекъ. И такъ же неудобно идти по покатому полу, все такъ же натыкаешься на ящики, рогожи, доски.

За нѣсколько шаговъ до квасной лавки обдастъ васъ сырой свѣжестью погреба, и ягодные газы начинаютъ васъ щекотать въ ноздряхъ. Доносятся испаренія съѣстного. Три разносчика—безсмѣнно промышляющіе на этомъ мѣстѣ—расположились у входа въ лавку, направо и противъ нея. Они въ постоянной суетѣ. День выпалъ скоромный. У двоихъ имѣлись пирожки съ ливеромъ, съ мясомъ и кашей, съ яйцами и капустой, съ яблоками и вареньемъ. Третій предлагалъ ветчину въ большомъ розовомъ кускѣ съ нѣжнымъ жиромъ и жареные мозги. Подальше стоялъ рыбникъ для любителей постной ѣды и въ скоромный день. Разносчики съ фруктами часто проходили мимо, выкрикивая товаръ, и заглядывали въ квасную лавку.

Каждый разъ, когда, бывало, Иванъ Алексѣичъ приходилъ сюда въ пріятельскомъ обществѣ и спрашивалъ: — „Съ чѣмъ пирожки?“ онъ особенно улыбался отъ созвучья съ собственной фамиліей. Не могъ онъ воздержаться отъ точно такой же улыбки и теперь. Передъ нимъ распахивалъ довольно еще чистую верхнюю холстину жилистый, бѣлокурый разносчикъ, откинувшій отъ тяжести все свое туловище назадъ.

— Прикажете парочку?

Пирожковъ сдѣлалъ знакъ рукой, говорившій: „повремени малость“.

Въ просторной лавкѣ безъ оконъ, темной, голой, пыльной, съ грязью по стѣнамъ, по крашенымъ столамъ и скамейкамъ, по прилавкамъ и деревянной лѣстницѣ — внизъ въ погребъ—съ большой иконой посрединѣ стѣны, все покрыто липкимъ слоемъ сладкихъ остатковъ расплесканнаго и размазаннаго квасу. Было тамъ человѣкъ больше десяти потребителей. Молодцы въ черныхъ и синихъ сибиркахъ, пропитавшихся той же острой и склизкой сыростью и плѣсенью, — одни сбѣгали въ подвалъ и приносили квасъ, другіе — постарше — наливали его въ стаканчики-кружки, внизу пузатенькіе и съ вывернутыми краями. Такіе стаканчики сохранились только въ квасныхъ, у сбитенщиковъ, да по селамъ въ харчевняхъ и шинкахъ.

Свободное мѣсто нашлось для Пирожкова у входа на-

право. Онъ заказалъ себѣ грушеваго квасу. Публика всегда занимала его въ этой квасной лавкѣ. Непремѣнно, кромѣ гостинодворцевъ, заѣзжихъ купцовъ, мелкаго приказнаго люда, двухъ-трехъ обтрепанныхъ личностей въ нѣмецкомъ платьѣ, какихъ въ Ножовой зовутъ „Петрушка Уксусовъ", очутится здѣсь барыня съ покупками, изъ дворянокъ, соблюдающая свѣтскость, но обѣднѣвшая или скупая. Она наѣдается вплотную, но не любитъ встрѣчаться съ знакомыми и, если можно, не узнаетъ ихъ.

Все смотрѣло и сегодня, какъ тому быть слѣдовало. Иванъ Алексѣичъ оглядывалъ публику, попивая холодный, бьющій въ носъ, мутноватый квасъ. Вотъ и барыня. Она опорожнила три стакана квасу послѣ полуфунтоваго ломтя ветчины и четырехъ пирожковъ, и собираетъ свои покупки. Барынѣ лѣтъ подъ сорокъ. Она нарумянена. Это видно изъ-подъ вуалетки. Носъ и лобъ ея лоснятся отъ испарины. Губы сжаты такъ, какъ онѣ сжимаются у обѣднѣвшихъ помѣщицъ, желающихъ во что бы то ни стало поддержать „положеніе въ обществѣ". Пирожковъ узналъ ее. Они встрѣчались въ одномъ домѣ, гдѣ ее терпѣть не могли, но принимали запросто.

Барыня, должно-быть, не разглядѣла Пирожкова. Она встала, прикрикнула на мальчишку, заставила его подать себѣ корзину и пошла къ дверямъ. Онъ привсталъ и сказалъ ей:

— Bonjour, madame!

Она вся выпрямилась, громко отвѣтила ему: „Bonjour, monsieur!" и, отворотясь, вышла изъ лавки.

Разносчикъ съ простывшими наполовину пирожками опять выросъ передъ нимъ. Иванъ Алексѣичъ съѣлъ одинъ съ яблоками, повторилъ съ вареньемъ. Это заново зажгло у него жажду. Онъ спросилъ вишневаго квасу и выпилъ его двѣ кружки. Желудокъ точно расперло какими распорками: поднимался оттуда родъ опьянѣнія, пріятнаго и остраго, какъ отъ шампанскаго. Наискосокъ отъ него, за стеклянной дверью, другой разносчикъ наклонился надъ доскою, служившей ему столомъ, и крошилъ мозги на мелкіе куски; посоливъ ихъ потомъ, положилъ на листъ оберточной бумаги и подалъ купцу, вмѣстѣ съ деревянной палочкой — замѣсто вилки — и краюшкой румяной сайки.

Слюнки полились у Ивана Алексѣича. Онъ позавтракалъ, ѣлъ сейчасъ сладкое, но аппетитъ поддался раздра-

женью. Гадость вѣдь, въ сущности, это крошево на бумагѣ. А вкусно смотрѣть. За вишневымъ квасомъ пошли кусочки мозговъ. За мозгами съѣдены были два куска арбуза, сахаристаго, съ мелкими, рыхло сидѣвшими зернами, который такъ и таялъ подъ нёбомъ все еще разгоряченнаго рта.

Выйдя на Никольскую, Иванъ Алексѣичъ придавилъ себя пухлой ручкой по животу, подъ правымъ ребромъ.

„Что же это я?.. Отъ бездѣлья?!“

И ему стало стыдно.

XIV.

Никольская была ему достаточно знакома. Студентомъ онъ покупалъ и продавалъ книги въ лавкѣ Ивана Кольчугина. Сюда же, въ другую лавчонку, продалъ онъ переводъ книжки по технологіи еще на первомъ курсѣ. За листъ заплатили ему по семи рублей. Тогда онъ перебивался; изъ дому получалъ не всегда аккуратно. Вотъ и лавка стараго серебряника. За стекломъ стоятъ позолоченныя солонки русскаго образца съ крышкой и круглыя для подношенія „хлѣба-соли“. Не лучше ли вотъ это изучать, чѣмъ засиживаться въ квасной лавкѣ? Тутъ народный вкусъ, рисунокъ, своеобразное изящество...

Но Ивану Алексѣичу показалось, что солонку, которую онъ въ эту минуту разсматривалъ, онъ уже торговалъ разъ, года два тому назадъ. Ему помнилось, что она не серебряная, а мѣдная, позолоченная. Вотъ онъ спроситъ.

— Солоночка-то,—обратился онъ къ приказчику,—вотъ эта, около образа Николая Чудотворца, какая ей цѣна?

— Три съ полтиной!

„Три съ полтиной!—думалъ онъ,—разумѣется, не серебряная. Съ перваго слова, и такая цѣна!..“

— Да она изъ чего?

— Бронзовая-съ... Черезъ огонь золоченая.

Такъ и есть; онъ не ошибся. Вотъ и зеленоватое пятнышко на створчатой крышкѣ отъ времени. И его онъ вспомнилъ.

— Штиблеты лаковые!.. Господинъ! штиблеты!—окачивалъ его крикливымъ теноромъ „носящій“, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу, съ испитымъ лицомъ, подтеками на вискѣ и въ халатѣ.

„Не купить ли?“—Иванъ Алексѣичъ испытывалъ ощущеніе малодушнаго позыва къ покупкамъ, такъ, по-

дѣтски, чего-нибудь... По тѣлу внутри разлилась истома; всего пріятнѣе было останавливаться почаще, перекинуться парой словъ, поглядѣть... А покупка все какъ будто дѣло...

— Цѣна?—спросилъ онъ кротко-смѣшливымъ тономъ, хорошо извѣстнымъ его пріятелямъ.

— Шесть рублей, господинъ!

— Будто?—продолжалъ Иванъ Алексѣичъ въ томъ же тонѣ.

Ему припомнилась сцена изъ англійскаго романа въ русскомъ переводѣ, гдѣ юморъ состоитъ въ томъ, что спрашивали: „Что вы желаете за эту очень маленькую вещь, сэръ?“ И опять: „Что вы желаете за эту очень маленькую вещь, сэръ?“ Въ Лоскутномъ они цѣлую недѣлю „ржали“, отыскавъ этотъ отрывокъ, и безпрестанно повторяли другъ другу: „Что вы желаете за эту чрезвычайно маленькую вещь, сэръ?“

— Шесть рублей — никогда!.. дурачился Иванъ Алексѣичъ.

— Для почину — четыре!.. Нынче праздникъ, господинъ...

— Какой это?

— Опохмеленья!—и халатникъ показалъ зеленые зубы.

Не купить ли въ самомъ дѣлѣ? Онъ тодастъ за три рубля. И тотчасъ передъ Пирожковымъ всплыла, какъ живая, сцена: товарищъ его, Чистяковъ, теперь адвокатъ, выдержалъ экзаменъ и на радостяхъ купилъ у носящаго такіе вотъ „штиблеты“. И въ тотъ же день въ Сокольникахъ одна изъ ботинокъ располыснулась отъ носка до щиколки, и онъ остался въноекахъ. Тоже какой былъ хохотъ! И умные, искристые, полные комизма глаза покойника Шумскаго виднѣются ему со сцены, въ пьесѣ, передѣланной съ французскаго, гдѣ онъ приходитъ въ мѣховой шапкѣ, купленной у „носящаго“ въ городѣ. И какъ онъ художественно игралъ ощущенье страха, когда явилось у него пятно на рукѣ и онъ увѣрился, что заразился отъ шапки! Давно это—еще гимназистомъ видѣлъ.

— Не надо, голубчикъ,—сказалъ Пирожковъ уже серьезно халатнику.

Носящій началъ приставать. Чтобы отдѣлаться отъ него, Иванъ Алексѣичъ перебѣжалъ улицу противъ лавки съ тульскими издѣліями. Мѣдь самоваровъ, охотничьихъ роговъ, кофейниковъ, тазовъ слѣпила глаза. Ему показа-

лось, что тутъ много новыхъ вещей, какихъ прежде не дѣлали. Онъ поднялся въ лавку. Теперь его еще больше щемило неудержимое, совсѣмъ дѣтское жаланіе что-нибудь купить. Съ полки выглядывало нѣсколько садовыхъ шандаловъ съ пыльными колпаками. Вечера еще стояли теплые. Въ номерахъ, гдѣ онъ живетъ — балконъ. Недурно оставаться подольше на балконѣ.

— Сколько стоитъ?

— Рубль семь гривенъ.

Поторговались. Шандалъ купленъ за рубль пятнадцать копеекъ. Нести его очень неловко. Иванъ Алексѣичъ опять перешелъ улицу, поравнялся съ бумажными лавками въ началѣ „глаголей“ Гостинаго двора. Захотѣлось вдругъ купить графленой бумаги и записную книжку. Это еще больше его затруднило; но онъ успокоился послѣ этихъ новыхъ покупокъ.

Вышелъ онъ на Красную площадь. День еще потеплѣлъ послѣ полудня. Свѣтъ, вмѣстѣ съ пылью, такъ и гулялъ по длинному полотну мостовой — отъ Воскресенскихъ воротъ до Василія Блаженнаго. Направо давитъ красная кирпичная глыба Историческаго музея, расползшаяся и въ ширь, и въ глубь, съ ея восточной крышей, башнями, минаретами, столбами, выступами, низменнымъ ходомъ. На разстояніи—Пирожковъ нарочно отошелъ влѣво, ближе къ памятнику—музей нравился ему теперь гораздо больше, чѣмъ не такъ давно. Онъ мирился съ нимъ. Прежде онъ почти негодовалъ, находилъ, что эта „груда кирпича“ испортила весь обликъ площади, заперла ее, отняла у Воскресенскихъ воротъ ихъ стародавнюю жизнь.

Глазъ достигалъ до дальняго края безоблачнаго темнѣющаго неба. Девять куполовъ Василія Блаженнаго, съ перевитыми, зубчатыми, точно булавы, главами, пестрѣли и тѣшили глазъ, словно гирлянда, намалеванная даровитымъ ребенкомъ, разыгравшимся среди мрака и крови, дремучаго холопства и изувѣрныхъ ужасовъ лобнаго мѣста. „Горячечная грёза зодчаго“,—перевелъ про себя Пирожковъ французскую фразу иноземца-судьи, недавно имъ вычитанную.

Птицы на головахъ Минина и Пожарскаго, протянутая въ пространство рука, пожарный солдатикъ у рѣшётки, осѣвшійся, немощный и плоскій куполъ Гостинаго двора и вся Ножовая линія съ ея фронтономъ и фризомъ, облѣзлой штукатуркой и барельефами, темные, пятнистые

ящики Никольскихъ и Спасскихъ воротъ, отпотѣлая стѣна съ башнями и подъ нею загороженное мѣсто обвалившагося бульвара; а изъ-за зубцовъ стѣны — легкая ротонда сената, голубая церковь, точно перенесенная изъ Италіи, и дальше — сказочныя золотыя луковицы соборовъ — знакомые, сотни разъ воспринятые образы стояли въ своей вѣковой неподвижности... Площадь полна была дребезжанья дрожекъ и глухого грохота тяжелыхъ возовъ. Пѣшеходы и дрожки тянулись внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ и по двумъ путямъ въ Кремль. Сѣдоки и извозчики снимали шапки, не доѣзжая Спасскихъ воротъ. Изъ Никольскихъ чаще спускались экипажи съ господами.

„Мужикъ, артельщикъ, купецъ, купчиха, адвокатъ",— считалъ Пирожковъ, и минутъ съ десять предавался этой статистикѣ. Въ десять минутъ не проѣхало ни одной кареты, не прошло ни одной женщины, которую онъ способенъ былъ назвать „дамой".

Его точно тянуло въ Кремль. Онъ поднялся черезъ Никольскія ворота, замѣтилъ, что внутри ихъ немного поправили штукатурку, взялъ вдоль арсенала, началъ считать пушки и остановился передъ мѣдной доской за стекломъ, гдѣ по-французски говорится, когда всѣ эти пушки взяты у великой арміи.

Вдругъ его кольнуло. Онъ даже покраснѣлъ. Неужели Москва такъ засосала и его? Отъ дворца шло семейство, то самое, что завтракало въ Славянскомъ Базарѣ. Дѣти раскисли. Отецъ кричалъ, весь красный, обращаясь къ женѣ:

— Мерзавцы! Канальи! Вездѣ грабежъ!

„И я—изъ ихъ породы,—подумалъ Иванъ Алексѣичъ,— и я направляюсь, должно-быть, въ Оружейную палату?"

Онъ участилъ шаги и махнулъ извозчику. Къ нему подлетѣло нѣсколько пролетокъ отъ зданія судебныхъ мѣстъ.

Поскорѣе въ университетъ, въ кабинеты, хоть сторожа спросить, съ нимъ поболтать, хоть нюхнуть пыльныхъ шкаповъ съ препаратами!.. А крестъ Ивана горѣлъ алмазомъ и брызгалъ золотыя искры по небу...

— На Моховую!—крикнулъ Пирожковъ, снялъ шляпу и дохнулъ полной грудью.

XV.

— Вадима Павловича можно видѣть?—освѣдомился Палтусовъ у артельщика.

Передняя, въ видѣ узкаго коридора, замыкалась дверью въ глубинѣ, а справа другая дверь вела въ контору. Все глядѣло необыкновенно чисто: и вѣшалка, и столъ съ зеркаломъ, и шкапъ, разбитый на клѣтки, съ мѣдными бляшками подъ каждой клѣткой.

— Сейчасъ доложу,—сказалъ сухо-вѣжливо артельщикъ и скрылся за дверью.

Это былъ первый дѣловой визитъ Палтусова, по порученію Калакуцкаго, довольно тонкаго свойства. Подрядчикъ хотѣлъ испытать ловкость своего новаго „агента" и послалъ его именно сюда. Палтусову было бы крайне непріятно потерпѣть неудачу.

Его заставили прождать минуты три; но онѣ показались ему долгими. Раза два выпрямлялъ онъ талію передъ зеркаломъ и даже сталъ отряхивать соринку съ рукава.

— Пожалуйте,—пригласилъ его малый.

Онъ прошелъ черезъ комнату, похожую на контору нотаріуса. Тамъ сидѣло человѣкъ пять. Посторонняго народа не было.

— Туда, въ уголъ,—указалъ ему одинъ изъ служащихъ.

Надо было зайти за рѣшётку и взять влѣво мимо конторокъ. Оттуда вышелъ полный, бѣлокурый мужчина. Палтусовъ замѣтилъ его рѣдкіе волосы и типичное лицо купца-чиновника, какіе воспитываются въ коммерческой академіи. Это былъ завѣдующій конторою, но не самъ Вадимъ Павлычъ. Онъ возвращался съ доклада. Палтусову онъ сдѣлалъ небольшой поклонъ.

Палтусовъ ожидалъ вступить въ большой, эффектно обстановленный кабинетъ, а попалъ въ тѣсную комнату въ два узкихъ окна, съ изразцовой печкой въ углу и письменнымъ столомъ противъ двери. Налѣво—клеенчатый диванъ; у стола—вѣнскій гнутый стулъ, у печки—высокая конторка, за кресломъ письменнаго стола—полки съ картонами: убранство кабинета у средней руки конториста.

Палтусовъ назвалъ себя и прибавилъ: „отъ Сергѣя Степановича Калакуцкаго".

Надъ столомъ привсталъ и наклонилъ голову человѣкъ лѣтъ сорока, полный, почти толстый. Его темные, вью-

щіеся волосы, матовое, широкое лицо, тонкій носъ и красивая короткая борода шли къ глазамъ его, чернымъ, съ длинными рѣсницами. Глаза эти постоянно смѣялись, и въ складкахъ рта сидѣла усмѣшка. По тому, какъ онъ былъ одѣтъ и держалъ себя, онъ сошелъ бы за купца или фабриканта „изъ новыхъ“, но въ выраженіи всей головы сказывалось что-то не купеческое.

Палтусовъ это тотчасъ же оцѣнилъ. Да онъ и зналъ уже, что Вадимъ Павловичъ Осетровъ попалъ въ дѣла изъ учителей гимназіи, что онъ кандидатъ какого-то факультета и всѣмъ обязанъ себѣ, своему уму и предпріимчивости. Разбогатѣлъ онъ на рѣчномъ промыслѣ, гдѣ-то на низовьяхъ Волги.

Руки Палтусову онъ первый не протянулъ, но пожалъ, когда тотъ подалъ ему свою.

— Милости прошу!—указалъ онъ ему на стулъ.

Вышла маленькая пауза. Глаза Осетрова произвели въ Палтусовѣ что-то въ родѣ неловкости.

— Я — отъ Сергѣя Степаныча,—повторилъ онъ и началъ скоро, но тѣмъ тономъ, какой онъ желалъ бы самъ придать своимъ рѣчамъ. Началомъ своего визита онъ не былъ доволенъ.

— Да-а?—откликнулся Осетровъ. Онъ говорилъ высокимъ, барскимъ, маслянымъ голосомъ съ маленькой шепелявостью: произносилъ букву „л“, какъ „о“. Въ этомъ слышался московскій уроженецъ.

— Сергѣй Степановичъ уже бесѣдовалъ съ вами по новому товариществу на вѣрѣ, и онъ теперь хотѣлъ бы приступить къ осуществленію.

„Глупо, книжно!“—выругалъ себя Палтусовъ.

— Какъ же, — точно про себя выговорилъ Осетровъ, пододвинувъ къ гостю папиросы, и сказалъ съ интонаціей комическаго чтеца:—угощайтесь.

Палтусовъ обрадовался папиросѣ. Она давала ему „отвлеченіе“. Онъ однимъ мигомъ построилъ въ головѣ нѣсколько фразъ гораздо точнѣе, кратче и дѣловитѣе.

— Ему бы хотѣлось знать,—продолжалъ онъ увѣреннѣе, и совсѣмъ смѣло поглядѣлъ въ смѣющіеся глаза Осетрова,—можетъ ли онъ разсчитывать и на васъ, Вадимъ Павлычъ?

Осетровъ затянулся, откинулъ голову на спинку стула, пустилъ струю, и изъ насмѣшливаго рта его вышелъ звукъ въ родѣ:

— Фэ, фэ, фэ!..

„Не войдетъ“,—рѣшилъ Палтусовъ и почувствовалъ, что у него въ спинѣ испарина.

Ему, конечно, не дѣтей крестить съ Калакуцкимъ! Однимъ крупнымъ пайщикомъ больше или меньше — обойдется; у него хватитъ и кредиту, и знакомства. Но обидно будетъ, „по первому же абцугу“, дать осѣчку и вернуться ни съ чѣмъ. Надо чѣмъ-нибудьда смазать эту „шельму“,— такъ опредѣлилъ Осетрова Палтусовъ.

— Да зачѣмъ я ему?—спросилъ Осетровъ ласково-пренебрежительно, и такъ посмотрѣлъ на Палтусова, какъ бы хотѣлъ сказать ему: „да вы развѣ не знаете вашего милѣйшаго Сергѣя Степаныча?“

Палтусовъ и это понялъ. Ему надо было сейчасъ же поставить себя на равную ногу съ Осетровымъ, доложить ему, что они люди одного сорта, „изъ интеллигенціи“, и должны хорошо понимать другъ друга. Этотъ дѣлецъ изъ университетскихъ смотрѣлъ докой—не чета Калакуцкому. Такимъ человѣкомъ слѣдовало заручиться, хотя бы только какъ добрымъ знакомымъ.

XVI.

— Позвольте, Вадимъ Павлычъ,—началъ уже другимъ тономъ Палтусовъ, — быть съ вами по душѣ. Вы меня, можетъ, считаете компаньономъ Калакуцкаго? Человѣкомъ... какъ бы это выразиться... de son bord?

Онъ не безъ намѣренія вставилъ французское выраженіе, удачно выбранное.

Осетровъ сидѣлъ на креслѣ въ полъ-оборотъ и смотрѣлъ на него черезъ плечо прищуреннымъ лѣвымъ глазомъ, а губы, скосившись, пускали тонкую струю дыма.

— Вы кто же?—спросилъ онъ мягко, но довольно безцеремонно.

У Палтусова капнула на сердце капелька желчи.

— Я — такой же новичокъ, какъ и вы были, Вадимъ Павлычъ, когда начинали присматриваться къ дѣламъ. Мы съ вами учились сначала другому. Мнѣ ваша карьера немного извѣстна.

Лицо Осетрова обернулось всѣмъ фасомъ. Онъ отнялъ отъ рта папироску.

— Вы университетскій?

— Я слушалъ лекціи здѣсь,—отвѣтилъ скромно Палту-

совъ: онъ скрылъ, что экзамена не держалъ,—послѣ того, какъ побывалъ въ военной службѣ, въ кавалеріи.

— Изъ офицеровъ?—съ удареніемъ добавилъ Осетровъ и засмѣялся.

— Да, изъ офицеровъ. Участвовалъ въ послѣдней кампаніи,—вскользь сказалъ Палтусовъ и продолжалъ:—думаю теперь войти въ промысловое дѣло. У Калакуцкаго я занимаюсь его порученіями...

— Что получаете?

Этотъ допросъ начиналъ коробить Палтусова, но онъ закусилъ губы и сдержалъ себя. Да это ему и не вредило въ сущности.

— Содержаніе до пяти тысячъ. Съ процентами надѣюсь заработать въ этомъ году до десяти.

— Начало не плохое,—одобрительно вымолвилъ Осетровъ.—Вашъ принципалъ—шустрый дворянинъ. Пока — и онъ остановился на этомъ словѣ — дѣла его идутъ недурно. Только онъ забираетъ очертя голову, хапаетъ не въ мѣру... Жалуются на его стройку... Я вамъ это говорю по-просту. Да это и всѣ знаютъ.

Палтусовъ промолчалъ.

— Видите ли,—Осетровъ совсѣмъ обернулся и уперся грудью о столъ, а рука его стала играть бѣлымъ костянымъ ножомъ,—для Калакуцкаго я человѣкъ совсѣмъ не подходящій. Да и минута-то такая, когда я самъ создалъ паевое товарищество и вотъ жду на-дняхъ разрѣшенія. Такъ мнѣ изъ-за чего же идти? Мнѣ и самому всѣ деньги нужны. Вы имѣете понятіе о моемъ дѣлѣ?

— Имѣю, хотя и не въ подробностяхъ.

— Привилегія взята на всю Европу и Америку. Парижъ и Бельгія въ прошломъ году сдѣлали мнѣ заказовъ на нѣсколько сотъ тысячъ. Не знаю, какъ пойдетъ дальше, а теперь нечего Бога гнѣвить... Мои пайщики получили ни много, ни мало—сто сорокъ процентовъ.

— Сто сорокъ?—воскликнулъ Палтусовъ.

— Да. Будетъ давать и двѣсти, и больше. Когда расширится на всю Россію, да нѣмцевъ прихватимъ...

— Да вѣдь это вчетверо выгоднѣе всякой мануфактуры?—вырвалось у Палтусова.

— Еще бы!.. Шуйское дѣло въ этомъ году тридцать пять дало, такъ объ этомъ какъ звонятъ!..

— Вадимъ Павловичъ,—одушевился Палтусовъ, — вы,

конечно, понимаете... Калакуцкому—онъ уже не называлъ его „Сергѣемъ Степановичемъ“—нужно ваше имя...

— Я въ учредители не пойду... Я ему это сказалъ досконально.

— Ну, просто пай, другой возьмете... для меня сдѣлайте!..

— Для васъ?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Осетровъ.

— Вашъ отказъ поставитъ меня невыгодно. Онъ припишетъ это моему неумѣнію. А вѣдь мы, Вадимъ Павловичъ, люди изъ одного міра. Между нами должна быть поддержка... стачка...

— Стачка?

— Да-съ, стачка развитія и честности. Вы поднялись однимъ трудомъ и талантомъ. Я вижу въ васъ самый достойный образецъ. Вашъ пай, хоть одинъ, дастъ каждому дѣлу другой запахъ; это и для меня гарантія. Я вѣдь пайщикъ Калакуцкаго.

„Экой ты какой, безъ мыльца влѣзешь!“—говорили глаза Осетрова.

— Что жъ,—помолчавъ, сказалъ онъ, — я возьму пая три... не больше.

— Позвольте пожать вашу руку. Вы меня много обязали. — Не посѣтуете, если я съ васъ попрошу взяточку?

— Какую?

— Только уговоръ лучше денегъ. Какъ нѣмцы говорятъ: nicht schlimm gemeint. У васъ паи не всѣ разобраны?

— Нѣтъ еще. Мы удвоили.

— Почемъ они?

— По тысячѣ рублей.

— Могу я просить у васъ два пая?

— Съ удовольствіемъ. Вотъ когда уладимъ. Понавѣдайтесь.—Вы, значитъ, при капиталѣ?

— Такъ, крохи...

— Отъ papa и maman?

— Именно!.. ха-ха!

Произошло рукопожатіе. Осетровъ привсталъ, но до дверей не провожалъ его. Въ передней Палтусовъ далъ двугривенный служителю, и когда спускался съ лѣстницы, почувствовалъ, что у него лобъ влаженъ.

„Не моему принципалу чета,—повторялъ онъ на дрожкахъ по дорогѣ на Ильинку. — Этотъ—Руэръ, и лицо-то такое же, точно съ юга Франціи. Онъ Калакуцкихъ-то дюжину съѣстъ. Надо его держаться“...

Оба порученія исполнены, и за второе онъ особенно былъ доволенъ. Дворянскій гоноръ немного щемило; но все обошлось съ достоинствомъ.

XVII.

Пробило три часа. Въ рядахъ стараго Гостинаго двора затихло. И съ утра въ нихъ мало движенія. Подъ низменными сводами пріютились „амбары“ — склады самыхъ первыхъ мануфактурныхъ и торговыхъ фирмъ, всего больше отъ хлопчатобумажнаго и прядильнаго дѣла. Эти лавки смотрятъ невзрачно, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отдѣланныхъ уже по-новому, съ дорогими стеклами въ дубовыхъ и орѣховыхъ дверяхъ, съ фигурными, чугунными досками. Вдоль стѣнъ стоятъ соломенные диваны и козлы, на какихъ купцы любятъ играть въ „дамки“ и „поддавки“. Кое-гдѣ сидятъ сухіе, пожилые приказчики, въ длинныхъ, ваточныхъ чуйкахъ или просторныхъ пальто съ бобромъ, и однозвучно перекидываются словами. Выползетъ со внутренняго двора, изъ-подъ сводчатыхъ воротъ, огромный возъ съ товаромъ. Лошадь станетъ, вся вытянется, напрягутся жилы. Непомѣрная тяжесть тащитъ ее назадъ, да тутъ еще подвернулся камень, вывороченный изъ отсырѣлой мостовой, покрытой грязью, съ ямами, цѣлыми ручьями въ дождь, съ обвалами и промоинами. Ломовой, съ безсмысленною злостью, хлещетъ лошадь вожжами по глазамъ, подъ брюхо, потомъ ухватитъ, что попало — полѣно, доску — и колошматитъ свою собственную животину. Мальчишка изъ трактира съ чайникомъ топчется и кричитъ также на лошадь. Сидѣльцы ухмыляются или бранятъ извозчика.

— Родимая! — гаркнетъ всѣми внутренностями ломовой и, ухвативъ за супонь, выбѣжитъ на улицу, вмѣстѣ съ возомъ, послѣ чего начинаетъ костить своего бураго: — жидъ, анаѳема, стерва!..

Потомъ опять все тихо. Со двора доносятся голоса, когда идетъ отправка или пріемъ товара. Тамъ цѣлыя горы тюковъ и ящиковъ захватили арки и выползли со всѣхъ сторонъ на средину двора. Вороха рогожъ, цыновокъ, плетушекъ, кулей лежатъ тутъ недѣлями и мѣсяцами, мокнутъ, прѣютъ, жарятся на солнцѣ. Одной хорошей искры довольно, чтобы все это вспыхнуло и превратило дворъ въ огненную печь. Но хозяева не боятся. Имъ тутъ хорошо и покойно. — Богъ дастъ, и простоитъ все

по-дѣдовски, пока будетъ стоять старый Гостиный дворъ. „Амбары“ у нихъ — наслѣдственные; они ихъ покупали на кровныя деньги. Наемная цѣна имъ высокая. За одинъ створъ до четырехъ тысячъ въ годъ берутъ.

Тяжелый, неуклюжій, покачнувшійся корпусъ глядитъ на двѣ улицы. Посрединѣ онъ сѣлъ книзу; къ улицамъ идутъ подъемы. Изъ рядовъ къ мостовой опускаются каменныя ступени или деревянные мостки съ набитыми брусьями, крутые, скользкіе, въ слякоть грозящіе каждому, и трезвому прохожему. Внизу, въ подпольномъ этажѣ размѣстились подвалы и лавки — больше къ Ильинкѣ, гдѣ съѣзжать въ переулокъ и подниматься нестерпимо тяжко для лошадей, а двумъ возамъ нельзя почти разъѣхаться съ товаромъ. А тутъ еще расположилась посудная лавка съ своей соломой, ящиками и корзинками. Насупротивъ, желѣзный и москательный товаръ валяется въ пыли и темнотѣ. Весь этотъ уголъ даетъ свѣжему человѣку чувство рядской тѣсноты и скученности, чего-то татарскаго по своему неудобству, неряшеству, погонѣ за грошовой выгодой.

По Варваркѣ, противъ церкви и поближе, дожидалось двое широкихъ хозяйскихъ пролетокъ, съ заводскими жеребцами. Одинъ кучеръ курилъ; другой нѣтъ. Онъ служилъ у безпоповскаго раскольника. По этой сторонѣ линія смотрѣла повеселѣе. Лавки шли всякія, рядомъ съ амбарами первыхъ тузовъ много и „не пущихъ“.

На двухъ створахъ съ дубовыми дверями мѣдныя доски, старательно отчищенныя, ярко выставляли рельефныя слова: „Мирона Станицына сыновья“. Снаружи черезъ стекла дверей просвѣчивали бѣлыя стѣны, чугунная лѣстница во второй этажъ, широкое окно въ глубинѣ, правѣе — перила и конторки. Никакого товара не было видно ни на полу, ни по стѣнамъ. У дверей стоялъ, держась за ручку, молодецъ въ синей чуйкѣ. Его обязанность въ этомъ только и заключалась. Амбаръ былъ изъ самыхъ помѣстительныхъ и шелъ подъ крышу. Въ верхнемъ этажѣ — также съ галлереей — находились склады товара, матерій и суконъ. Матеріи производила фирма „Станицына сыновья“. Сукно шло съ фабрики жены представителя фирмы, старшаго брата. Младшій находился въ слабоуміи.

Конторщики, въ первомъ отдѣленіи амбара, беззвучно писали и изрѣдка щелкали по счетамъ. Ихъ было трое. Старшій въ нѣмецкомъ платьѣ, въ черепаховыхъ очкахъ,

съ клинообразной бородой, въ которой пробивалась уже сѣдина — скорѣе оптикъ или часовщикъ по виду, чѣмъ приказчикъ—нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ поверхъ очковъ на дверь въ хозяйскую половину амбара.

На перилахъ лежало два пальто постороннихъ лицъ; одно военное; черезъ дверь долетали раскаты разговора. Слышались жидкіе звуки мужского голоса, картаваго и надтреснутаго, и болѣе молодой горловой баритонъ съ офицерскими переливами. Между ними врѣзывался смѣхъ, должно-быть, плюгавенькаго человѣчка, какой-то нищенскій, вздутый какъ пузырь, ничего не говорящій смѣхъ...

XVIII.

Вдругъ малый пришелъ въ волненіе, схватился за ручку, широко распахнулъ половинку, нагнулъ голову ниже плечъ и тряхнулъ потомъ головой.

Въ амбаръ вошла „сама“. Этого никто не ожидалъ, кромѣ, быть-можетъ, старшаго конторщика. Онъ быстро всталъ, выбѣжалъ изъ-за перегородки, сложивши руки на груди, съ переплетенными пальцами, поклонился два раза и полушопотомъ выговорилъ:

— Матушка, все ли въ добромъ здоровьѣ?

Она поклонилась ему ласково и степенно, какъ кланяются купчихи первыхъ домовъ, одной головой, безъ наклоненія стана. Этой женщинѣ, сквозь прозрачную вуалетку, точно посыпанную золотымъ пескомъ, врядъ ли бы кто далъ больше двадцати трехъ лѣтъ. Ей было уже двадцать семь. Рослая, съ прекраснымъ бюстомъ, не жирной, но не худой шеей и тонкой, умной головой, — она смотрѣла настоящей дамой. Ее охватывало короткое пальто изъ чернаго фая. Оно позволяло любоваться линіей ея таліи и переходило въ кружевную оборку. Широкіе, моднаго покроя, рукава, также отдѣланные кружевами и бахромой изъ гофрированныхъ шелковыхъ кусочковъ, выпускали наружу только ея пальцы въ свѣтлосѣрыхъ перчаткахъ. Вокругъ шеи шелъ кружевной высокій барокъ. Изъ-подъ пальто выходило узкое, песочнаго цвѣта, тяжелое платье: спереди настолько высокое, что вся нога, въ башмакахъ съ пряжками и цвѣтныхъ, шелковыхъ чулкахъ, была видна. На ея лобъ и глаза, глубоко сидѣвшіе въ впадинахъ, легла тѣнь отъ полей широкой „рубенсовской“ шляпы съ густымъ темногранатовымъ перомъ.

Въ этой „хозяйкѣ“ по костюму было много европейски-

живописнаго. Но овалъ лица, сановитость его, что-то неуловимое въ движеньяхъ говорило о коренной Руси, о той почвѣ, гдѣ она выросла и распустилась. Красавицей врядъ ли бы ее назвали; но всякій бы остановился.

— Кто здѣсь? — тихо спросила она старшаго конторщика и сдѣлала шагъ назадъ. Лобъ ея наморщился.

— Тотъ-съ... офицеръ-съ, Саввы Иваныча сынокъ... съ крестомъ... Изволите знать?

Она только опустила глаза и сжала губы. Все лицо ея точно наполнилось презрительнымъ чувствомъ.

— А еще?

— Еще... господинъ Ифкинъ. Такъ, кажется, ихъ прозванье? Они всегда-съ...

Станицына не дала ему договорить и сказала:

— Доложите.

— Да пожалуйте, матушка.

— Доложите,—повторила она.

Старикъ осторожно пріотворилъ дверь. Разговоръ смолкъ. Онъ вошелъ и вернулся тотчасъ же. А за нимъ выбѣжалъ рыжій офицеръ, съ краснымъ, лоснящимся лицомъ, завитой, съ какими-то рожками на лбу, еще мальчикъ по лѣтамъ, но уже ожирѣлый, въ уланкѣ съ краснымъ кантомъ и золотой петлицей на воротникѣ. Уланка была сшита нарочно непомѣрно коротко и узко, такъ что формы корнета выставлялись напоказъ при каждомъ поворотѣ. Въ петлицѣ торчалъ солдатскій георгіевскій крестъ на широкой лентѣ и какъ будто бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ дѣлаютъ обыкновенно.

— Entrez, entrez... Анна Серафимовна! Какъ же вы это съ докладомъ?!.. Вашъ мужъ приказалъ вамъ сказать, что у насъ женскаго пола нѣтъ. Ха-ха! Мы здѣсь какъ монахи! Даже стаканы у насъ съ чаемъ!

Онъ и смѣялся, и нахально оглядывалъ ее, и какъ-то переминался съ ноги на ногу, позвякивая шпорами и разставляя ноги по-кавалерійски.

Уланъ приходился дальнимъ родственникомъ ея мужу. Онъ въ кампанію пошелъ вольноопредѣляющимся въ гвардію, взялъ пушку; но въ тотъ полкъ, куда поступилъ, все-таки не попалъ офицеромъ. Теперь онъ и спалъ, и видѣлъ, какъ бы ему прикомандироваться, пріѣхалъ въ четырехмѣсячный отпускъ, пьянствовалъ и спускалъ отцовскія деньги въ „макао“ и „баккару“. Родители его прозывались Сыромятниковыми. Это его немного стѣсняло;

зато у него былъ французскій языкъ. И врядъ ли во всей, даже гвардейской, кавалеріи кто такъ умѣлъ носить рейтузы и длинный до носу козырекъ, какъ онъ. Да и никто, когда они стояли подъ Константинополемъ, не слалъ такихъ лаконическихъ французскихъ телеграммъ:

„Papa, perdu dix mille francs. Envoyez traite. Si non— adieu. Ferai un mauvais coup!—Théodule“.

Его дѣйствительно звали „Ѳедулъ“; но онъ переименовалъ себя потомъ въ „Теофиля“.

Изъ двери показался штатскій, худой, короткій, съ рѣдкими волосиками на лбу, въ усахъ, смазанныхъ къ концамъ, черноватый, въ короткомъ сюртучкѣ и пестромъ галстукѣ, одинъ изъ захудалыхъ дворянчиковъ, состоявшихъ безсмѣнно при мужѣ Станицыной. За нимъ, кромѣ хорошаго обращенія и того, что онъ зналъ дни именинъ и рожденія всѣхъ барынь на Поварской и Пречистенкѣ, уже ничего не значилось.

— Madame!—вскрикнулъ онъ и закатился смѣхомъ.— Veuillez entrer!.. Вы насъ хотѣли накрыть?! N'est ce pas, Théodule?!..

И оба они ввели ее въ хозяйское помѣщеніе амбара.

XIX.

Лицомъ къ двери, у большого стола съ двумя низкими пюпитрами краснаго дерева,—диваны и стулья съ сафьянной обивкой были такіе же,—вытянулъ ноги на средину комнаты, сидя на краю стола, мужъ Анны Серафимовны Станицыной, Викторъ Мироновичъ. Онъ казался головой выше улана. Народъ называетъ такое сложеніе „глистой“. Узость плечъ, приподнятыхъ и острыхъ, вытянутая шея съ кадыкомъ, непомѣрная длина рукъ и ногъ дѣлали его непріятнымъ на взглядъ по одной уже фигурѣ. Голова подходила къ остальному складу: лобъ, сдавленный съ боковъ и сверху сжатый, заостренная макушка и выдающійся затылокъ достаточно говорили о его мозговомъ устройствѣ. Желторусые волосы вились на вискахъ и па лбу. Въ лицѣ сохранилась моложавость и женоподобная, и мальчишеская, что-то изношенное и недозрѣлое, развратное и безполое. Онъ страдалъ глазами. Красныя вѣки окружали его желтоватые, длинные глаза, всегда съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ подзадориванія и зубоскальства. Рѣсницы по цвѣту были почти свѣтлорыжія. Подъ маленькимъ, раздутымъ книзу носомъ, открывался по-

стоянно улыбающійся ротъ, съ бѣлыми, но рѣдкими зубами, какъ у дѣтей. Пепельные волоски чуть пробивались на подбородкѣ, ушедшемъ тоже въ клинъ, съ ямкой посрединѣ, хотя онъ и не былъ добръ. Купеческое происхожденіе сидѣло во всемъ его обликѣ; но голосъ, манера тянуть слова нараспѣвъ, развинченность пріемовъ, словечки на русскомъ и французскомъ языкахъ и туалетъ дѣлали изъ Виктора Мироновича нѣчто весьма мало отзывающееся старымъ Гостинымъ дворомъ. Шили на него исключительно два парижскихъ бульварныхъ портныхъ: Дюсотуа и Бланъ. Галстуки, бѣлье, золотыя мелкія вещи онъ носилъ не иначе, какъ лондонскіе, „точно такіе“, какъ принцъ Галльскій, отъ тѣхъ же самыхъ поставщиковъ.

Въ это утро его худосочное туловище просторно драпировалъ пиджакъ. Низкіе стоячіе воротнички, торчащіе на серединѣ шеи, уходили въ галстукъ цвѣта „vert merveilleux“. Пріятели не скрывали того, что Станицынъ красить шею особою краской, чтобы она выходила шоколадною. Этому онъ также научился за границей. Ноги его, въ панталонахъ прусскаго покроя, на плоской и длинной ступнѣ, не особенно скрашивали ботинки съ коричневымъ сукномъ. Руками своими онъ любовался, но съ ногтями до сихъ поръ не могъ сладить, придать имъ красивую овальную форму и нѣжный цвѣтъ, хотя и „лѣчился“ у всѣхъ извѣстныхъ „маникуровъ“.

Викторъ Миронычъ былъ на семь мѣсяцевъ моложе жены.

— Bonjour, madame,—сказалъ онъ ей и по-англійски протянулъ ей руку.

Она пожала, вуалетки не подняла и сѣла на диванъ у лѣвой стѣны.

Уланъ и штатскій стояли передъ ней и все хохотали.

— Я вамъ не помѣшала?—спросила она густымъ, немного глухимъ голосомъ.

Въ ея произношеніи слышалось волжское *о*, но не очень сильно. Это придавало большую оригинальность ея говору.

— Чаю не угодно? Съ лимончикомъ?—пошутилъ Станицынъ своей фистулой, отъ которой у жены его давно ходятъ мурашки по тѣлу, точно отъ грифеля.

— Собираетесь?—спросила она больше мужа, чѣмъ его пріятелей.

— Представьте!—закричалъ уланъ. — Викторъ нынче ушелъ въ дѣла!.. Мы пріѣзжаемъ вотъ съ Фифкой...

Анна Серафимовна удивленно вскинула на него рѣсницами. Ея широкія бархатныя брови слегка поднялись.

— Ха-ха!.. Викторъ! Ta femme ne sait pas!.. Вы не знаете, мы такъ Ифкина прозвали... Фифка! Вѣдь хорошо? А?! Что скажете?

Штатскій осклабился.

— Такъ вотъ-съ, пріѣзжаемъ, зовемъ Виктора къ Генералову, привезли устрицъ... Ostende... И вдругъ, упирается! Говоритъ, нельзя, дѣла, не управился. Въ амбарѣ надо сидѣть. Амбаръ! C'est cocasse!

Уланъ перекинулся назадъ всѣмъ своимъ пухлымъ туловищемъ. Въ ушахъ Анны Серафимовны звенѣлъ долго хохотъ обоихъ пріятелей мужа. Она вбокъ посмотрѣла на него. Онъ все еще не мѣнялъ позы, сидѣлъ на ребрѣ стола и носкомъ правой ноги ударялъ о лѣвую. Одинъ разъ его глаза встрѣтились съ ея взглядомъ. Ей показалось, что она прочла въ нихъ:

„Зачѣмъ пожаловали?“

Она знала, что ей всегда можно заставить его опустить свои рыжія рѣсницы, но она этого не сдѣлала.

— Tu restes décidément?—французилъ уланъ.

— J'y suis, j'y reste!—сострилъ Станицынъ.

Онъ не зналъ въ точности, чья это историческая фраза, но помнилъ, что въ Café de Madrid часто повторяли ее. Произношеніе у него было изломанное, отзывалось близкимъ знакомствомъ съ актрисами „Folies Dramatiques“ и „Théâtre des Nouveautés“. Основаніе положили гувернеры.

— Ну, Фифка!.. Détalons!.. Chère cousine... Что̀ это вы какія строгія? Точно посѣчь насъ собираетесь. Вы видите: оставляемъ васъ en tête-à-tête... Это всегда хорошо. Какъ бы сказать... добродѣтельно. Викторъ! мы тебя, голубчикъ, подождемъ до пятаго... Идетъ? Вы позволите?—обратился онъ къ Аннѣ Серафимовнѣ.—Муженька-то въ строгости держите. Не женись, Фифка!.. Правда, за тебя, уродъ, никто и не пойдетъ...

Уланъ схватилъ штатскаго подъ-мышки и однимъ взмахомъ поднялъ его на воздухъ. Тотъ взвизгнулъ. Станицынъ лѣниво и немного безпокойно оглянулся, кисло повелъ губами и сказалъ:

— Ступайте, у меня голова кружится. Des gaillards, comme ça. Точно васъ съ цѣпи спустили.

— Madame!—дурачливо раскланялся уланъ и щелкнулъ шпорами.

— Bien bonjour, Анна Серафимовна,—прибавилъ отъ себя и дворянинъ; онъ по-французски употреблялъ московскіе обороты, въ родѣ этого, или bien merci.

Анна Серафимовна привстала и пожала имъ руки безъ улыбки и молча.

Станицынъ проводилъ ихъ за дверь. Въ конторѣ они еще довольно долго болтали. По лицу молодой женщины пробѣгали струйки нервныхъ вздрагиваній. Она сняла вуалетку, а потомъ и шляпу. Ея головѣ жарко стало. Почти черные волосы, гладкіе, густые, причесаны были по-старинному, двумя плоскими прядями, и только сбоку, на лбу, она позволяла себѣ нѣсколько завитковъ; они смягчали строгость очертаній ея лба и линію переносицы. Глаза ея, темно-сѣрые, съ синеватыми бѣлками и загнутыми рѣсницами кверху, безпрестанно то потухали, то вспыхивали. Брови, какъ двѣ пышныхъ собольихъ кисти, не срастались, но близко сходились при каждомъ движеніи лба. Тогда все лицо дѣлалось сурово, почти жестко. Свѣжій ротъ и немного выдающіеся зубы, а главное, подбородокъ, круглый и широкій, проявляли натуру жены Виктора Мироновича и породу ея родителей, людей стойкихъ, рослыхъ, именитыхъ, долго державшихся старыхъ обычаевъ и состоявшихъ еще недавно въ безпоповцахъ.

XX.

Анна Серафимовна хотѣла даже снять пальто, но въ эту минуту вошелъ ея мужъ.

— Здравствуйте-съ,—протянулъ онъ.

Она давно уже была съ нимъ на „вы“, „Викторъ Мироновичъ“. Онъ часто говорилъ ей „ты“ и „Анна“, а „вы“ употреблялъ въ особыхъ случаяхъ.

Викторъ Мироновичъ прошелъ къ столу и сѣлъ за свой пюпитръ, отхлебнулъ изъ стакана чаю и обернулся къ ней.

— Hein?—пустилъ онъ парижскій звукъ.

Ему онъ выучился въ совершенствѣ.

Ротъ жены его раскрылся, но зубы были сжаты, зрачки глазъ сузились. Она вытянула немного руки и вся выпрямилась на своемъ мѣстѣ.

— Викторъ Миронычъ,—начала она, и волжское произношеніе заслышалось сильнѣе, — всему бываетъ предѣлъ.

— Hein?—повторилъ онъ, но уже не тѣмъ звукомъ.

Глаза его вызывающе и глупо поглядѣли на жену. Онъ чего-то ждалъ непріятнаго, но чего—еще не догадывался.

Рука ея опустилась въ карманъ пальто и достала оттуда небольшой портфель изъ черной кожи, съ серебрянымъ вензелемъ. Она нагнула голову, достала изъ портфеля двѣ сложенныхъ бумажки и развернула ихъ, а портфель положила на диванъ.

Тутъ она встала и подошла къ нему. Онъ почувствовалъ на лицѣ ея горячее дыханіе.

— Что это?—подзадоривающимъ звукомъ спросилъ онъ и сдѣлалъ ненавистную ей гримасу губами, точно онъ принимаетъ лѣкарство.

— Ваши векселя,—выговорила она и поблѣднѣла. До тѣхъ поръ щеки ея хранили румянецъ, рѣдко появлявшійся на нихъ.

— Мои?

Онъ всталъ и нагнулся. Его голова, клиномъ вверхъ, съ запахомъ помады и фиксатуара, пришлась къ ея носу и глазамъ. Что-то непреодолимо-противное было для нея всегда въ этой дѣтской „несуразной“ — она такъ называла — головѣ, съ ея вьющимися желтыми волосами и чувственнымъ, вытянувшимся затылкомъ.

— Ваши,—еще разъ сказала она и отвела его отъ себя рукой.—Викторъ Мироньічъ, вы видите, кѣмъ андосованы?

Она знала дѣловыя слова.

— Кѣмъ?—нахально спросилъ онъ ее, поднявъ голову, и засмѣялся.

Вся кровь мигомъ бросилась ей въ голову. Она схватила его за руку, силой посадила въ кресло, оглянулась и, нагнувшись къ нему, стала говорить раздѣльно, точно диктовала ему по тетрадкѣ.

— Вотъ до чего вы дошли. Я купила эти документы. Вы знаете, кому вы ихъ выдали. Подпись видна. — Изъ Парижа они пришли или изъ Біарица,—я ужъ не полюбопытствовала. — Вы мнѣ, Викторъ Мироньічъ, клялись— образъ снимали, что больше я объ этой барынѣ не услышу!

Онъ повелъ глазами, и дерзкая усмѣшка появилась опять на его губахъ.

— Не смѣйте такъ на меня глядѣть!—глухо крикнула она. — Мнѣ теперь все равно, какія у васъ метрески. Я вамъ не жена и не буду ею. Значитъ, вы свободны. А я только не хочу, чтобы вы срамили меня и дѣтей моихъ. Разорить ихъ я васъ не попущу!

— Да въ чемъ же дѣло?—нетерпѣливо и на этотъ разъ трусливо спросилъ Станицынъ.

— Я пришла вамъ сказать вотъ что: извольте отъ дѣлъ устраниться. Дайте мнѣ полную довѣренность.—Кажется, вамъ нечего меня бояться!—Только на моей фабрикѣ и есть порядокъ. Но вы и меня кредиту лишаете. Долгу сколько?

— Сколько?—повторилъ онъ совсѣмъ глупо.

— Сто семьдесять тысячъ вами одними сдѣлано въ одиннадцать мѣсяцевъ. Хотите, мы сейчасъ Трифоныча позовемъ?—и она указала на дверь.—И это такія, которые въ извѣстность приведены; а разныхъ другихъ, по счетамъ, да векселей, не вышедшихъ въ срокъ, да карточныхъ... навѣрно столько же. Вы что же думаете?—Протянете вы такъ-то больше года?

Онъ молчалъ. Два векселя въ сорокъ тысячъ держитъ въ рукахъ жена. Въ кассѣ значилась самая малость. Фабрика шла въ долгъ. Банки начали затрудняться учитывать его векселя. Это грозное появленіе Анны Серафимовны почти облегчило его.

— А передъ братомъ у васъ и совѣсти нѣтъ,—продолжала она совсѣмъ тихо.—Благо онъ слабоумный, дурачокъ, рукава жуетъ—такъ его и надо грабить... Да, грабить! Вы съ нимъ въ равной долѣ. А сколько на него идетъ? Четыре тысячи, да и то ихъ часто нѣтъ. Я заѣзжала къ нему. Онъ жалуется... Вареньица, говоритъ, не даютъ... папиросочекъ... А докторъ ворчитъ... И онъ—плутъ... Срамъ!..

И она отвернула лицо. Глаза ея закрылись, и тѣнь пробѣжала по щекамъ...

— Mais vous êtes drôle... началъ-было онъ и смолкъ.

— Претитъ мнѣ!—перебила она повелительно и страстно,—скройтесь вы съ глазъ моихъ! Уѣзжайте и проживайте, гдѣ хотите! Будете получать тридцать тысячъ.

— Двѣ тысячи пятьсотъ въ мѣсяцъ?—со смѣхомъ крикнулъ онъ.

— Да, больше нельзя... Не хотите?—съ разстановкой выговорила она.—Ну, тогда раздѣлывайтесь сами. Вамъ негдѣ перехватить. Фабрика станетъ черезъ двѣ недѣли. За васъ я не плательщица. Довольно и того, Викторъ Миронычъ, что вы изволили спустить... Я жду!

Станицынъ вынулъ двуцвѣтный фулярный платокъ, обмахнулся и зашагалъ взадъ и впередъ.

Она дѣло говорила; занять можно, но надо платить, а платить нечѣмъ. Фабрика заложена. Да она еще не

знаетъ, что за этими двумя векселями пойдутъ еще три штуки. Барыня изъ Біарица заказала себѣ новую мебель на Boulevard Haussman и карету у Биндера. И обошлось это въ семьдесятъ тысячъ франковъ. Да еще ювелиръ. А платилъ онъ, Станицынъ, векселями. Только не за тридцать же тысячъ соглашаться!

— Mais, ma chère,—началъ онъ,— какъ же я могу... есть, наконецъ, привычки...

— Черезъ три года будете получать вдвое. Я ручаюсь. А теперь и этого нельзя. И одна моя просьба, уѣзжайте вы поскорѣй, Викторъ Миронычъ; вы видите, я не могла васъ дождаться, сюда пріѣхала!..

Она надѣла шляпу, стала посрединѣ комнаты и сложила руки на поясѣ.

— Comme c'est... Станицынъ искалъ слово:— comme c'est propre... Отъ жены такая сдѣлка... ха! ха!..

— Вы это говорите?!..

— Разумѣется... Лучше уѣхать... Вы на все способны!..

Онъ приложился къ пуговкѣ воздушнаго звонка.

XXI.

Вошелъ конторщикъ.

— Позовите Максима Трифоныча,—сказалъ ему Станицынъ и закурилъ сигару.

Анна Серафимовна отошла къ окну, по другую сторону бюро, и стала завязывать шляпку. Она замѣтила, что мужъ сдѣлалъ мимовольное движеніе плечами и пустилъ сразу длинную струю дыма. Побѣда одержана: мужъ сдѣлаетъ такъ, какъ она желаетъ. Но была ли это побѣда? Съ такимъ человѣкомъ немыслимы никакіе уговоры. Чести у него нѣтъ, даже той „купеческой", какая передавалась изъ рода въ родъ въ ея „фамиліи". А вѣдь отецъ его считался по всей Москвѣ „честнѣйшимъ мужикомъ". Откуда же этотъ выродокъ? Мать была „распутная" и пила еще молодой женщиной. Анна Серафимовна не застала ее въ живыхъ, когда сдѣлалась женой Виктора Мироныча, но слыхала отъ добрыхъ людей. Потому, должно-быть, и меньшой братъ, Карпъ Миронычъ, родился дурачкомъ, а теперь и совсѣмъ полоумный... Да, этотъ постылый и безстыжій мужъ надѣлаетъ сейчасъ же, за границею, новыхъ долговъ. А какъ его удержишь? Онъ взрослый. Фирма существуетъ. Въ Парижѣ ничего не значитъ, купивши на десять тысячъ франковъ, набрать

въ магазинахъ на двѣсти. Еще пожалуй впутаешься съ нимъ такъ, что и жизни не будешь рада. И теперь-то надо доставать денегъ...

Старшій конторщикъ отворилъ дверь и въ два пріема приблизился къ хозяину, съ наклоненіемъ всего корпуса.

— Написать полную довѣренность надо, Максимъ Трифоновичъ,—небрежно выговорилъ Станицынъ.

Онъ подошелъ къ старику и говорилъ ему дальше вполголоса.

Максимъ Трифоновичъ поднялъ на него глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ.

— На чье имя?—чуть слышно спросилъ онъ.

Станицынъ кивнулъ вбокъ головой на жену.

— На управленіе фабриками-съ, съ правомъ выдачи?..

— Ну да, ну да,—перебилъ его Станицынъ.—Вѣдь вы знаете...

— Черновую прикажете?

— Да ужъ это Анна Серафимовна вамъ укажетъ.

Ей непріятно сдѣлалось, что мужъ сейчасъ же распорядился при ней, не соблюлъ своего достоинства — непріятно не за него, а за себя, какъ за его жену.

— Завтра утромъ ко мнѣ придите и принесите черновую,—откликнулась она и поправила ленту.

— Больше никакихъ приказаній не будетъ?—освѣдомился старикъ.

— Никакихъ,—точно со смѣхомъ отвѣтилъ Станицынъ и застегнулъ пиджакъ.—Я на-дняхъ ѣду, Максимъ Трифоновичъ. Все дѣло будетъ вести вотъ Анна Серафимовна... до моего возвращенія,—кончилъ онъ хозяйскимъ тономъ.

Максимъ Трифоновичъ перешелъ глазами отъ Виктора Мироныча къ его женѣ, глядя на нихъ черезъ очки. Онъ перевелъ дыханіе, но незамѣтно. Сегодня утромъ онъ боялся за все станицынское дѣло и надѣялся на одну Анну Серафимовну. Теперь надо половчѣе составить довѣренность, на случай непредвидѣнныхъ „претензій" изъ-за границы.

Станицынъ взялъ съ кресла шляпу и перчатки и, поморщиваясь отъ сигары, надѣвалъ ихъ.

— Можете идти,—отпустилъ онъ Максима Трифоновича.

Обида, женская гордость, гнѣвъ, презрѣніе какъ-то разомъ опали въ душѣ Анны Серафимовны. Она теперь

ничего опредѣленнаго не чувствовала. Говорить съ этимъ человѣкомъ ей не о чемъ. Но въ его присутствіи она испытываетъ всегда раздраженіе особаго рода. Точно ей неловко передъ нимъ. И отчего?—Все оттого, что у ней въ голосѣ иногда прорывается приволжское *о*, да по-французски она не привыкла болтать. Ее учили, и она можетъ вести разговоръ съ иностранцами за границей; а съ нимъ не рѣшалась никогда, особенно при гостяхъ. А онъ всякія слова выговариваетъ, и произношеніе у него отъ французскаго актера не отличишь: у всѣхъ этихъ „мерзкихъ“ по кафе и театрамъ выучился. Она знаетъ ему цѣну, и на его дѣлахъ показываетъ ему, что онъ за человѣкъ, ловитъ его съ поличнымъ, а все-таки онъ считаетъ себя „изъ другого тѣста“, бариномъ, джентльменомъ, съ принцами знакомъ; а она — „купчиха“. Надобно слышать, съ какимъ выраженіемъ онъ произноситъ это слово. И теперь вотъ онъ струсилъ, расчелъ, что лучше такъ поладить, чѣмъ со срамомъ вылетѣть въ трубу; а все-таки онъ не признаетъ ея нравственнаго превосходства, не преклоняется передъ ней, и ничѣмъ не заставишь его преклониться. Вотъ это ее и грызетъ, хоть она и не сознается самой себѣ. Такое ничтожество, такая пустельга, какъ Викторъ Миронычъ, у котораго, какъ у кошки, „не душа, а паръ“, и считаетъ себя изъ бѣлой кости, а на нее смотритъ, какъ на кумушку!

Краска опять появилась у ней на щекахъ.

— Васъ пріятели ждутъ,—сказала она съ сердцемъ.

— Дайте мнѣ надѣть перчатки,—возразилъ онъ и задирательно посмотрѣлъ на нее своими воспаленными глазами.

Опять злость закипѣла въ ней. Хорошо, что этотъ человѣкъ уѣзжаетъ: немудрено и отравить его или руками задушить. Въ какую минуту! Одинъ его голосъ можетъ привести въ изступленіе. Минутами всю ее какъ-то корчитъ отъ его голоса и смѣха. Развѣ можно выносить, какъ онъ надѣваетъ вотъ теперь перчатки, покачивается, куритъ, а сейчасъ возьмется за шляпу? Все дышитъ наглостью и чванствомъ, закоренѣлой испорченностью купеческаго сынка, уже спустившаго, со смерти отца, до трехъ милліоновъ рублей. Какъ же его заставить преклониться передъ собой, когда весь европейскій „high life“, лорды, маркизы, графы, эрцгерцоги толпились на его праздникѣ, гдѣ живыхъ цвѣтовъ было на пятнадцать тысячъ фран-

ковъ? Одного нѣмецкаго князька онъ собственноручно оттаскалъ и заплатилъ отступного. Любовницъ отбилъ у двухъ владѣтельныхъ особъ. Гдѣ же ему обойтись тридцатью тысячами рублей? Разумѣется, придется платить и всѣ сто тысячъ. Но и то лучше. Одно она хорошо знаетъ, что она ему своихъ денегъ не дастъ, и фабрики своей не заложитъ. Можетъ дѣтей у ней отнять? Она вся похолодѣла. На это и у него достанетъ ума. Нѣтъ! По чутью, какъ звѣрь, онъ долженъ догадаться, что съ Анной Серафимовной шутки плохи на этотъ счетъ. И головы не снесешь!..

Бѣлки у нея потемнѣли, а зрачки снова сузились.

Въ эту минуту Викторъ Мироны̆чъ стоялъ у двери и пропустилъ сквозь зубы фистулой:

— Bonjour...

Она не обернулась.

XXII.

Одна, въ хозяйской половинѣ амбара, Анна Серафимовна вздохнула свободно. Она прошлась немного, сѣла въ низкое кресло мужа и, позвонивъ, приказала себѣ подать чаю. Ей принесли стаканъ съ лимономъ. Станицынъ оставилъ на пюпитрѣ нѣсколько не просмотрѣнныхъ фактуръ и счетовъ. Анна Серафимовна позвала еще разъ старшаго приказчика.

Старикъ подошелъ къ ручкѣ. Она отдернула. Глаза его смотрѣли умиленно. Максимъ Трифоновичъ искренно любилъ ее и тайно любовался ею, какъ женщиной, давно прозвалъ ее „королевой“ и удивлялся ея дѣловымъ способностямъ.

— До отъѣзда Виктора Мироныча,—сказала она,—я конторой заниматься не буду. Я ужъ на тебя полагаюсь, Трифонычъ, а если нужно усилить счетоводство — возьми еще парня.

При мужѣ она говорила ему „вы“; но съ-глазу-на-глазъ ей, да и самому „Трифонычу“, было ловчѣе такъ.

— Тутъ прибрать надо. Есть что къ спѣху?—спросила она, нагнувъ голову надъ бумагами.

— Платежи больше.

— Ну, такъ это—до завтра... Въ кассѣ сколько?

Трифонычъ помялся и съ жалобной усмѣшкой вымолвилъ:

— Наличными—самая малость.

— Хорошо... Завтра довѣренность какъ слѣдуетъ выправить. Я приготовлю. Виктора Мироныча уже безпокоить подписями нечего. Директоръ давно былъ по Рябининской фабрикѣ?

— На той недѣлѣ.

— Написать ему потрудись, чтобы пожаловалъ.

— Слушаю-сь.

— Наверху еще не забирались?

— Нѣтъ еще-съ.

— Крикни-ка имъ, что я сейчасъ поднимусь.

Трифонычъ вышелъ и тихо-тихо притворилъ дверь.

Анна Серафимовна сняла опять шляпку, пальто и перчатки, аккуратно положила шляпку и пальто на диванъ, а перчатки—на шляпку, хлебнула раза два изъ стакана и посрединѣ комнаты вся выпрямилась, подперевъ себя руками сзади подъ ребра. Грудь у нея не опала отъ кормленія двоихъ дѣтей. Весь станъ сохранилъ дѣвственныя линіи. Хоть она и никогда не любила мужа, но развѣ она такая, какъ его „французенки“, крашеныя, обрюзглыя или сухія, жилистыя? Одни ихъ сиплые голоса—отвращеніе! Или та вотъ—тоже, страсть-то его, что въ Біарицѣ познакомились, и теперь его обчищаетъ?.. Вылитая нѣмка изъ Риги,—нога въ полъ-аршина, губы намазаны, глаза навыкатъ. Она видѣла портретъ.—Портретъ-то—шутка: шесть тысячъ стоилъ! Еще годъ-другой, и будетъ она въ дверь толщиной. Влюбись онъ въ нее, въ Анну Серафимовну, и тогда все ту же брезгливость будетъ она къ нему имѣть. Онъ для нея не мужчина; но срамиться, имѣя такую жену, съ продажными гадинами, выдавать ихъ по отелямъ за законныхъ женъ?!

Глаза ея окинули отдѣлку лифа и юбку изъ тяжелаго свѣтлопесочнаго фая.

Она задумалась. Этотъ песочный цвѣтъ отзывался „купчихой“. Она только тутъ это поняла. Зачѣмъ она выбираетъ такіе цвѣта? Разумѣется, самый купеческій цвѣтъ... „Жозефинка“ говорила вѣдь ей, что не слѣдуетъ... А не все равно. Матерія прекрасная, не маркая, износу ей нѣтъ. Да для кого ей „шикъ“-то имѣть? Она любитъ хорошія вещи, и всякій скажетъ, что она „дамой“ смотритъ, особенно на улицѣ въ шляпкѣ и въ пальто или накидкѣ. Да, на улицѣ въ шляпкѣ; а вотъ выборъ матерій-то и выдаетъ. Не выбирай она купеческихъ колеровъ и не

было бы такъ часто на лицѣ Виктора Мироновича пренебрежительной усмѣшки:

„Пыжишься тоже, а вкусъ-то изъ Ножовой!"

Платье показалось ей совершенно безвкуснымъ. Она подаритъ его племянницѣ. Не то, чтобы она стыдилась своего званія, нѣтъ. Не желаетъ она лѣзть въ дворянки; но со вкусомъ одѣваться каждый можетъ... И нечего давать всякой дряни предлогъ смотрѣть на васъ свысока, оттого только, что вы цвѣта подходящаго не умѣете себѣ выбирать.

Наверху, въ складахъ матеріи и сукна, приказчики пріостановились забираться, всѣ причесались и ожидали прихода хозяйки. Верхній амбаръ полонъ былъ свѣта, заходившаго именно теперь къ вечеру. По прилавкамъ и полкамъ играли полосы и „зайчики". Штуки разноцвѣтнаго товара цѣлыми стопами поднимались на прилавкахъ и по полу, у оконъ и столбовъ, поддерживающихъ своды. Запахъ набивныхъ ситцевъ и другихъ бумажныхъ тканей смѣшивался съ болѣе кислымъ запахомъ прессованнаго сукна. Складъ держался въ большой чистотѣ. Кромѣ штукатуренныхъ стѣнъ, ясеневыхъ полокъ и прилавковъ и чугуннаго пола, лѣстницъ и перегородокъ, не къ чему было пристать пыли и грязи.

Трифонычъ слегка поддерживалъ хозяйку подъ лѣвый локоть, когда она поднималась въ верхній амбаръ.

— Съ мѣсяцъ не была здѣсь,—сказала она и оглянула все помѣщеніе.—Тѣсно дѣлается?

— Нѣтъ-съ, еще управляемся,—откликнулся съ поклономъ главный довѣренный приказчикъ, степенный мужчина за сорокъ лѣтъ, съ огромной русой бородой.

Оптовыхъ покупателей уже не ждали больше. Анна Серафимовна могла оглядѣть товаръ безъ помѣхи. Ей принесли стулъ; но она не сѣла, а отправилась сначала въ „свое" отдѣленіе, гдѣ лежали сукна. Она знала толкъ въ товарѣ и даже въ фабричномъ дѣлѣ. На своей фабрикѣ почти каждаго мальчишку знала она по имени. Съ главнымъ приказчикомъ отдѣленія суконъ она перекинулась двумя-тремя словами, но въ отдѣленіи шерстяного и бумажнаго товара ей захотѣлось пробыть подольше. И тутъ она много разумѣла: сортъ товара сразу называла точнымъ именемъ и рѣдко ошибалась въ фабричной цѣнѣ.

XXIII.

Около прилавка, въ уровень съ нимъ, положены были штуки какой-то темной бумажной ткани.

Анна Серафимовна развернула верхнюю штуку и спросила приказчика:

— Это—бязь?

— Такъ точно.

— По какой цѣнѣ?

Онъ назвалъ.

— Дешевле стала?

— На двѣ копейки спустили,—пояснилъ приказчикъ.

— Все армяне берутъ?

— Такъ точно.

Всѣ приказчики боялись ее гораздо больше, чѣмъ хозяина. Его они давно прозвали „бездонная прорва“ и „лодырь“. Каждый изъ нихъ старался красть. Имъ уже шепнули снизу, что, должно-быть, „сама“ беретъ въ свои руки все дѣло. Тогда надо будетъ подтянуться. Кто-нибудь непремѣнно полетитъ. Трифоныча они не долюбливали. Онъ усчитывалъ что могъ, и съ главными приказчиками у него часто бывали перебранки. Трифонычъ всегда держалъ руку хозяйки, почему его и считали „наушникомъ“ и „старой жилой“.

На лѣстницѣ послышались скорые мужскіе шаги. Анна Серафимовна подняла голову. Это былъ Палтусовъ, въ шляпѣ и пальто. Она вспыхнула. Ей стало сначала неловко оттого, что онъ ее засталъ въ амбарѣ, среди ситцевъ и суконъ, какъ настоящую хозяйку-купчиху. Но это чувство пролетѣло мгновенно, хотя и заставило ее покраснѣть. Ну что жъ такое? Она купчиха, владѣтельница милліонной фабрики, занимается дѣломъ, смыслитъ въ немъ. Тутъ нѣтъ ничего постыднаго. Хорошо, кабы всѣ такъ поступали, какъ она.

Когда Палтусовъ подошелъ къ ней, она совершенно оправилась и протянула ему руку.

— Ѣду по Варваркѣ,—мягко заговорилъ онъ, снимая шляпу и низко наклонивъ голову, какъ онъ дѣлалъ только передъ немногими женщинами. — Смотрю, ваша коляска. Спрашиваю. Анна Серафимовна одна въ амбарѣ; а Виктора Мироновича нѣтъ... Вы заняты? Не мѣшаю?..

Отъ его голоса она замѣтно оживилась. Въ немъ было что-то такое, что дѣйствовало на нее совсѣмъ особенно.

Передъ нимъ она рѣдко совѣстилась своего званія; но зато ей хочется быть „выше“ этого званія, чтобы онъ видѣлъ въ ней „человѣка“, а не „кумушку“, какъ Викторъ Мироновичъ. И кажется, Палтусовъ такъ и начинаетъ на нее смотрѣть. Его наружность она находила рѣзкой противоположностью фигурѣ и лицу мужа. Ей нравился его складъ, ростъ, выраженіе глазъ, голосъ, манера говорить и держать себя... Онъ—„изъ господъ“, съ воспитаньемъ, вездѣ принятъ, служилъ въ кавалеріи и лекціи слушалъ, а не пренебрегаетъ бывать въ купеческихъ домахъ. И держится не какъ баринъ, спустившійся до купцовъ; во все онъ входитъ, обо всемъ обстоятельно разспроситъ, чрезвычайно простъ, никогда не скажетъ ни одной банальной любезности. Съ Викторомъ Миронычемъ сухо-вѣжливъ. Ни разу у него не ужиналъ. Ему не надо ни его сигаръ, ни его шампанскаго. Такого „барина“ она бы пригласила себѣ въ директоры фабрики, если бъ онъ былъ техникъ. Только она минутами не то боится его, не то въ чемъ-то какъ будто подозрѣваетъ.

— Мѣшаете?—переспросила она.—Ничуть!

— Разсматриваете товаръ?

— Да, надо....

Она пошла къ лѣстницѣ и его пригласила рукой. Приказчики вразъ поклонились.

— Сами хозяйничать надумали?—говорилъ ей вслѣдъ Палтусовъ.

— Фабрикой... своей... я давно занимаюсь, а вотъ теперь...

Она остановилась на лѣстницѣ, двумя ступеньками ниже его, и обернулась, глядя на него снизу вверхъ.

— Супругъ уѣхалъ?

— Уѣзжаетъ.

— Надолго?

— Не знаю. Чай, на всю зиму.

Ея приволжское „чай“ немного рѣзнуло его ухо, но тотчасъ же и понравилось ему. Голова Анны Серафимовны, съ широкими прядями волосъ, блескъ глазъ и стройность стана,—все это окинулъ онъ однимъ взглядомъ и остался доволенъ. Но цвѣтъ платья онъ нашелъ „купецкимъ“. Она подумала то же самое и въ одну съ нимъ минуту, и опять смутилась. Ей стало нестерпимо досадно на это глупое, тяжелое, да вдобавокъ еще очень дорогое платье.

— Не угодно ли чаю?—спросила она, стараясь улыбнуться, у дверей хозяйскаго отдѣленія.

— Не откажусь, если есть.

— Сейчасъ... Максимъ Трифонычъ,—кивнула она въ сторону конторщика.

Палтусовъ вошелъ за нею.

— Вы, значитъ, берете на себя все дѣло?—сказалъ онъ ей тономъ утвердительнаго вопроса.

— Какъ это вы догадались?

— Догадался. И очень радъ.

Они присѣли на диванъ, налѣво отъ входа.

— Викторъ Миронычъ,—началъ онъ,—не дѣловой человѣкъ. У него тоска по... бульварамъ.

Палтусовъ разсмѣялся. Ей понравилось, что онъ говоритъ про ея мужа въ тонѣ приличной шутки, хотя и давно раскусилъ его. Такъ она желала бы, чтобъ въ ея присутствіи всѣ говорили о Станицынѣ, пока она считается его женой.

— Да,—спокойно сказала Анна Серафимовна.

Незамѣтно Палтусовъ взялъ ее за руку и почтительно пожалъ.

— Хорошій вы человѣкъ!—тихо вымолвилъ онъ и поглядѣлъ ей въ глаза ласково и кротко.

У ней внутри защекотало. Она слегка выдернула руку и обернула голову.

— Что же вы это изъ жалости говорите, Андрей Дмитричъ?—спросила она.

— Нѣтъ! Не изъ жалости!—съ живостью возразилъ онъ.— Цѣльный человѣкъ!.. Русская культура вотъ такая и должна быть... А точно,—онъ какъ бы искалъ слово,—судьба ваша...

Онъ не договорилъ. Дверь скрипнула. Приказчикъ подавалъ ему стаканъ чаю.

— Вы не выпьете?—спросилъ Палтусовъ.

— Я ужъ пила.

— Вамъ ѣхать?

— Да, надо.

— И я тороплюсь.

Приказчикъ вышелъ.

— И вы опять соломенной вдовой останетесь?

Палтусовъ во второй заглянулъ ей въ глаза, но на бо̀льшемъ разстояніи.

— Да я давно соломенная вдова!—вырвалось у Анны Серафимовны.

Оба они поднялись разомъ съ дивана.

XXIV.

Имъ обоимъ пріятно было бы остаться еще вдвоемъ въ этомъ хозяйскомъ отдѣленіи амбара. Но если бъ у Анны Серафимовны и не случилось экстреннаго дѣла, она бы все-таки поспѣшила уѣхать. Палтусова она принимала нѣсколько разъ у себя на дому; но въ гостиной, въ огромной комнатѣ, на диванѣ, въ роли дамы, она тамъ не такъ близко сидѣла къ нему, думала не о томъ, слѣдила за собой, была больше стѣснена, какъ хозяйка.

— Можно будетъ нанести вамъ визитъ?—спросилъ Палтусовъ съ продолжительнымъ наклоненіемъ головы и протянулъ ей руку.

— Милости просимъ,—весело сказала она и не успѣла высвободить свою руку, какъ онъ поцѣловалъ ее немного выше кисти, гдѣ у ней поверхъ перчатки извивался длинный до локтя и тонкій браслетъ, въ видѣ змѣи, изъ платины.

— Я хотѣлъ разспросить васъ подробнѣе о вашей школѣ.

Они выходили въ наружное отдѣленіе конторы.

— Идетъ порядочно. Только вотъ теперь я рѣже буду ѣздить на фабрику.

„Отъ сердца ли спросилъ онъ про школу?“ подумала она и опустила вуалетку. Трифонычъ выросъ передъ нею. Оба конторщика приподнялись съ своихъ мѣстъ. Палтусовъ еще разъ простился и надѣлъ шляпу, когда брался за ручку двери. Она поклонилась ему и смотрѣла черезъ стекло, какъ онъ вышелъ подъ сводъ рядовъ, повернулъ вправо, спустился съ мостковъ и сѣлъ на пролетку. Его низкая шляпа, изгибъ спины, покрой пальто, лиловое одѣяло на ногахъ, борода съ профилемъ приходились ей очень по вкусу. Все это было и красиво, и умно. Она такъ и сказала про себя: „умно“.

Своимъ подчиненнымъ Анна Серафимовна сдѣлала одинъ общій поклонъ и сказала Трифонычу, подбѣжавшему къ ней, такъ, чтобы никто не разслыхалъ:

— Завтра пораньше зайди... и принеси всѣ платежи, самые нужные.

На что онъ шепнулъ:

— Слушаю, матушка,—и, подавшись назадъ, три раза тряхнулъ сѣдѣющей головой.

Малый у дверей бросился кликать кучера. Подъѣхалъ двумѣстный отлогій фаэтонъ съ открытымъ верхомъ. Лошадей Анна Серафимовна любила и кое-когда захаживала въ конюшню. Изъ экономіи она для себя держала только тройку: пару дышловыхъ, вороную съ сѣрой, и одну для одиночки—она часто ѣзжала въ дрожкахъ—темно-караковаго рысака хрѣновскаго завода. Это была ея любимая лошадь. За городомъ въ Паркѣ, или въ Сокольникахъ она обыкновенно говорила своему Ефиму:

— Пусти-ка Зайчика!

Зайчикъ бралъ раза два призы. Дышловыя были отлично выѣзжены. Ефимъ—не очень толстый, коренастый кучеръ, по-московски выбритый и съ большими усами. Жилъ сначала въ наѣздникахъ, на помѣщичьихъ заводахъ, пилъ рѣдко, за лошадьми ухаживалъ умѣло, отличался большой чистоплотностью и цѣнилъ въ хозяйкѣ то, что она любитъ лошадей, знаетъ въ нихъ толкъ и *жалѣетъ* ихъ, ѣздитъ умѣренно, зимой не морозитъ ни лошадей, ни кучера, когда нужно посылаетъ нанять извозчичью карету. При Викторѣ Мироновичѣ состоялъ свой кучеръ, который въ отсутствіи барина пьянствовалъ и водилъ въ конюшню разныхъ „шлюхъ".

Между Ефимомъ и Анной Серафимовной установилось большое пониманіе.

— Въ Ильинскія ворота проѣдешь,—приказала она ему.

Малый застегнулъ фартукъ. Фаэтонъ тихо пробрался по переулку. Выѣхавъ на Ильинку, Ефимъ взялъ некрупной рысью. Ѣзда на улицѣ поулеглась. Возовъ совсѣмъ почти не видно было. Но трескъ дрожекъ еще перекатывался съ одного тротуара на другой.

Изъ своей легкой на ходу коляски, покачиваясь на пружинахъ шелковой репсовой подушки, Анна Серафимовна глядѣла впередъ, не поворачивая головы по сторонамъ. Она и обыкновенно не дѣлала этого; а теперь ей надо было обдумать много серьезныхъ, дѣловыхъ вещей. Сейчасъ она должна заѣхать къ своему пріятелю-совѣтнику Ермилу Ѳомичу Безрукавкину. Онъ ея банкиръ и душеприказчикъ. Завѣщаніе свое она давно написала. Съ нимъ разговоръ будетъ короткій объ дѣлѣ. Деньги онъ приготовитъ. Ермилъ Ѳомичъ очень обрадуется, что съ завтрашняго дня все поступитъ къ ней на руки. Вотъ только охотникъ онъ до умныхъ разговоровъ. А ей къ спѣху. Ждутъ ее обѣдать къ „тетенькѣ" Марѳѣ Николаевнѣ

Кречетовой. Тамъ садятся ровно въ пять. Ее подождутъ; но сильно запоздать она сама не хочетъ. Тетенька—человѣкъ нужный. Она при хорошихъ деньгахъ; къ племянницѣ большое довѣріе имѣетъ. Придется, быть-можетъ, перехватить. У Ермила Ѳомича она не желала бы дисконтировать, хотя онъ съ удовольствіемъ, хоть на двѣсти тысячъ, и больше. Да, неизвѣстно еще какіе „сюпризы" приготовитъ мущенекъ въ теченіе зимы.

Сквозь эти расчеты и соображенія нѣтъ-нѣтъ то мелькнетъ лицо Палтусова, то вспомнится голосъ и та минута, когда онъ такъ быстро и ново для нея поцѣловалъ ей руку выше кисти. И та минута, когда она стояла на лѣстницѣ и разсердилась еще сильнѣе на свое песочное платье. Теперь она опять слегка покраснѣла.

Проходилъ разносчикъ съ ананасомъ и виноградомъ.

— Стой!—крикнула Анна Серафимовна Ефиму.

Она подозвала разносчика. „Куплю тетушкѣ", рѣшила она; но начала основательно торговаться.

Ананасъ уступили ей за три рубля. Это ей доставило удовольствіе: и не дорого, и подарокъ къ обѣду славный. Скупа ли она? Мысль эта все чаще и чаще приходила Аннѣ Серафимовнѣ. Скупа! Пожалуй, и говорятъ такъ про нее. И не одинъ Викторъ Миронычъ. Но правда ли? Никому она зря не отказывала. Въ домѣ за всѣмъ глазъ имѣетъ. Да какъ же иначе-то? На туалетъ—а она любитъ одѣться—тратитъ тысячи три. Зато въ школу цѣлый шкапъ книгъ и пособій пожертвовала. Можно ли безъ расчета?

Нѣжный запахъ ананаса, положеннаго въ открытый верхъ коляски, достигалъ до ея обонянія. И опять всплыли глаза Палтусова. Глазамъ-то она не вѣритъ. Очень ужъ они мягки и умны. Такой человѣкъ на каждомъ хочетъ играть, какъ на скрипкѣ...

Ефимъ свернулъ съ Маросейки и остановился на просторномъ дворѣ у бокового крыльца въ крытомъ проѣздѣ.

XXV.

Надо было позвонить. Ермилъ Ѳомичъ жилъ по заграничному. Прислуживали ему камердинеръ и мальчикъ. Какъ холостякъ, онъ дома почти никогда не обѣдалъ: пріѣдетъ изъ города, переодѣнется, и на цѣлый вечеръ въ гости или обѣдать; а то въ театръ, если не сидитъ дома и не читаетъ книжку новаго журнала. До журналовъ большой охотникъ и до русскихъ запрещенныхъ книгъ.

Анна Серафимовна такъ и разочла: заѣхала къ нему теперь, передъ обѣдомъ. Въ своемъ амбарѣ онъ сидѣлъ только до четвертаго часа, а потомъ заѣзжалъ въ два-три мѣста по городу, а иногда въ Замоскворѣчье. Но домой непремѣнно завернетъ, сниметъ визитку, черный сюртукъ надѣнетъ и шляпу другую. Для амбара у него шелковая, высокая, а для гостей—пояркован, какія живописцы за границей носятъ.

— Дома Ермилъ Ѳомичъ?

Отворилъ камердинеръ небольшого роста, брюнетъ, франтовато и пестро одѣтый.

— Никакъ нѣтъ-съ. Пожалуйте. Сейчасъ будутъ.

Онъ зналъ Анну Серафимовну. Ермилъ Ѳомичъ ему наказывалъ, что „эту даму“ всегда просить и освѣдомляться, не угодно ли чего: чаю, кофею, зельтерской или фруктовой воды.

Домъ у Ермила Ѳомича—небольшой, снаружи не очень внушительный, отдѣланъ художникомъ... Уже въ передней фрески на стѣнахъ и по потолку показывали, что хозяинъ не желалъ довольствоваться обыкновенной барской или купеческой лакейской. Отдѣлка слѣдующихъ комнатъ, библіотеки, столовой, двухъ гостиныхъ, комнаты въ готическомъ вкусѣ, спальной и образной была извѣстна Аннѣ Серафимовнѣ. Она мало понимала въ произведеніяхъ искусства. Картины, бюсты, вазы оставляли ее равнодушной. И своей „тупости“ она не скрывала. Мужъ ея не покупалъ картинъ. Деньги шли у него на кутежи, чванство, женщинъ и карты. Развить свой артистическій вкусъ ей было не на чемъ у себя дома, а за границей на нее нападала ужасная тяжесть и даже уныніе отъ кочеванія по заламъ дрезденской галлереи, Лувра, вѣнскаго Бельведера, флорентинскихъ Уффицій.

Но во второй, маленькой гостиной у Ермила Ѳомича виситъ картина — женская головка. Анна Серафимовна всегда остановится передъ ней, долго смотритъ и улыбается. Ей кажется, что эта дѣвочка похожа на ея Маню. Ей къ новому году хочется заказать портретъ дочери. За цѣной не постоитъ. Пригласитъ изъ Петербурга Константина Маковскаго.

Камердинеръ ввелъ ее въ первую гостиную, съ узорчатымъ ковромъ и золоченой мебелью съ гобленами и спросилъ, какъ всегда:

— Не угодно ли чего приказать?

Она отвѣтила, что ничего не желаетъ, опустилась у окна въ кресло и тутъ только почувствовала усталость въ ногахъ, не отъ ходьбы, а отъ волненій сегодняшняго дня.

Потомъ вынула изъ кармана записную книжечку въ шелковомъ сиреневомъ переплетѣ, прикоснулась кончикомъ языка къ карандашу и записала нѣсколько цифръ.

Надо изложить все Ермилу Ѳомичу покороче и подѣльнѣе насчетъ довѣренности и прочаго. А деньги онъ приготовитъ. Въ банки она не любила вкладывать. Да и не тотъ процентъ. Бумагъ купить — лопнетъ общество или самъ банкъ. Такой же человѣкъ, какъ Ермилъ Ѳомичъ, не лопнетъ. Ему ничего не значитъ давать ей десять процентовъ. Онъ на дисконтъ и всѣ сорокъ получитъ съ ея же денегъ.

Съ четверть часа подождала Анна Серафимовна. Каждый разъ, когда она попадала въ домъ Безрукавкина, ей приходила мысль: почему это Ермилъ Ѳомичъ не присватался за нее десять лѣтъ назадъ? Отецъ отдалъ бы за него непремѣнно. Ему, правда, лѣтъ сильно за пятьдесятъ, а тогда было за сорокъ. Влюбиться въ него трудно; да и зачѣмъ? Жила бы въ почетѣ, покойно, онъ бы ее только похваливалъ, нашелъ бы въ ней добрую помощницу. И какое она добро дѣлаетъ—все бы ему по душѣ. Онъ книжекъ читаетъ больше ея, да и не очень скупъ. Картины его надо бы похваливать, а она не понимаетъ въ нихъ толку. Такъ она и теперь улыбается, когда онъ ей расписываетъ, что̀ вотъ въ этомъ ландшафтѣ есть особеннаго. Она и теперь къ его языку примѣнилась: знаетъ, что есть „сочная кисть“ и „колоритъ“, и освоилась съ словомъ „зализать“ и „компоновка“. А тогда и подавно бы примѣнилась. И вдовой раньше бы была. Будто больше ничего и не надо?

Глаза Анны Серафимовны блеснули и прикрылись вѣками. Еще разъ кусокъ сегодняшняго разговора съ Палтусовымъ припомнился ей. Онъ назвалъ ее „соломенной вдовой“. И она сама это подтвердила. У ней это сорвалось съ языка; а теперь какъ будто и стыдно. Вѣдь развѣ не правда? Только не слѣдовало этого говорить молодому мужчинѣ съ-глазу-на-глазъ, да еще такому, какъ Палтусовъ. Онъ не долженъ знать „тайны ея алькова“. Эту фразу она гдѣ-то недавно прочла. И Ермилъ Ѳомичъ, когда разойдется, то этакимъ точно языкомъ говоритъ.

— А!.. безцѣнная Анна Серафимовна!—раздалось надъ ея головой.

Безрукавкинъ, полный, русый, не очень еще старый, бородатый человѣкъ, въ короткомъ клѣтчатомъ пиджакѣ, на видъ скорѣе помѣщикъ, чѣмъ коммерсантъ, протягивалъ ей обѣ руки.

Она встала. Онъ ее опять усадилъ и, не выпуская рукъ, присѣлъ рядомъ на другое кресло.

— Денегъ надо, Ермилъ Ѳомичъ,—весело начала она.

— Черпайте! Приказывайте! Вашъ слуга и казначей...

— Да, можетъ, моихъ-то не хватитъ...

— Такъ за мои примемся. А развѣ муженекъ?!..

Въ десяти словахъ она ему все изложила. Ермилъ Ѳомичъ слушалъ, закрывъ совсѣмъ глаза, и чуть слышно мычалъ.

XXVI.

— Такъ вотъ какъ-съ,—выговорилъ съ удареніемъ Безрукавкинъ и поникъ головой.

— Одобряете?—спросила она.

— Еще бы! Абсолютно!

Онъ встряхнулъ волосами по модѣ сороковыхъ годовъ „à la moujik“, и, улыбаясь, глядѣлъ на свою гостью.

— Еще бы!—повторилъ онъ.—Умница вы, да и какая! Васъ бы надо къ намъ въ биржевой комитетъ или въ думу... Ей-ей! Все это превосходно—и полное мое вамъ одобреніе. Завтра пораньше Трифоныча ко мнѣ... Какую надо сумму и проектецъ довѣренности. У меня есть дока... Изъ нашихъ банковыхъ юрисконсультовъ. Я ему завтра покажу, нарочно заѣду. Такъ вы,—онъ началъ говорить тихо,—пенсіончикъ супругу-то положили?..

Они оба расхохотались.

— А за пазухой надо сотни тысячъ держать!

— Да я такъ и буду готовиться, Ермилъ Ѳомичъ.

— Пожалуй, и не хватитъ!..

Онъ ее жалѣлъ. Съ „дамами“ Безрукавкинъ всегда бывалъ любезенъ; но Анну Серафимовну отличалъ особенно. Его влекли къ ней, кромѣ наружности, ея дѣловая натура и „истовый“ видъ, умѣнье держать себя. И по части „вопросовъ“ можно съ ней пройтись. Серьезныя книжки любитъ читать; статейку ей укажешь—непремѣнно прочтетъ, слушаетъ его почтительно, споритъ мало, и если съ чѣмъ несогласна, возражаетъ умно. Не разъ и онъ

жалѣлъ, почему не пришло ему на мысль присвататься къ ней десять лѣтъ тому назадъ? Очень ужъ онъ сжился съ своей холостой свободой. Все говорилъ: „такъ-то лучше“, да и не взвидѣлся, какъ пятьдесятъ семь годковъ стукнуло.

Анна Серафимовна встала и посмотрѣла, который часъ. Пора на обѣдъ къ теткѣ. Ермилъ Ѳомичъ протянулъ ей обѣ руки и задержалъ ее еще минуты на двѣ въ гостиной.

— Когда же мы сядемъ рядкомъ,—спросилъ онъ, — да потолкуемъ ладкомъ?

— Забываете меня, заѣхали бы какъ-нибудь. Я вечера все дома сижу.

— Какова статейка-то въ послѣднемъ номерѣ, а?

Они перешли въ его библіотеку.

— Не читала еще.

— А-а! Прочтите! Знаменіе времени! Вы раскусите, чѣмъ пахнетъ! Есть что-то такое, какъ бы это сказать... Протестація. Пришелъ конецъ нашему квасу-то. Мы шапками закидаемъ! Мы, да мы! А вся Европа намъ фигу кажетъ...

Безрукавкинъ быстро подошелъ къ письменному столу и взялъ книгу журнала. Она была развернута. Онъ надѣлъ было очки и собрался прочитать Аннѣ Серафимовнѣ цѣлую страницу.

„Батюшки!“ испугалась она и начала отступать къ двери.

— Торопитесь?—спросилъ онъ съ книжкой въ рукѣ.

— Да, извините, Ермилъ Ѳомичъ, спѣшу.

— Жаль; а тутъ вотъ есть одно выраженіе. Такъ у насъ еще не писали. Я боялся—остановка будетъ мѣсяца на четыре, однако, до сихъ поръ Богъ миловалъ...

— Вотъ вы какой!..—пошутила она.

— Я такой!.. Это точно. Изъ старыхъ западниковъ... У меня какіе друзья-то были? Кто мнѣ дорогу-то указалъ?.. Храни, молъ, Ермилъ, наши... какъ бы это сказать... инструкціи. Я и храню! Передъ Европой я не кичусь. Наука...

Онъ не докончилъ и подбѣжалъ къ этажеркѣ съ книгами.

— Эту вещицу не видали?

Глаза его заблестѣли, когда онъ поднесъ брошюру къ лицу Анны Серафимовны. Она прочла заглавіе.

— Интересно?—спросила она боязливымъ звукомъ.

Ермилъ Ѳомичъ оглянулъ комнату и продолжалъ шопотомъ и немного въ носъ:

— Я, вы знаете, этихъ господъ не признаю. Они чрезъ край хватили... Додумались до того, что наука, говорятъ, барское дѣло!.. Каково! Наука! А что бы мы безъ нея были?.. Зулусы, или какъ ихъ еще... вотъ что теперь Станлей, американецъ, посѣщаетъ... А есть два-три мѣста... мое почтеніе! Я отмѣтилъ краснымъ карандашомъ.

Анна Серафимовна стояла уже въ дверяхъ передней.

— Ахъ, да! вамъ къ спѣху... Не хотите ли просмотрѣть брошюру?

— Боюсь, Ермилъ Ѳомичъ!

— Вы-то?.. Да вы смѣлѣе любого изъ насъ.

— Гдѣ ужъ! Дай Богъ со своей-то домашней политикой справиться.

— Ну, коли такъ, съ Богомъ! Пожалуйте руку. А если что—не побрезгуйте, заверните въ амбаръ.

— У васъ тамъ и безъ меня много дѣла.

— Какой! такъ по инерціи... Ей-Богу! Сидишь-сидишь... Одинъ вексель учтешь, другой, третій; отчетъ по банку или по обществу просмотришь, въ трактиръ чайку. Китай!.. Ташкентъ!.. По сіе время еще въ татарщинѣ находимся!

И онъ рѣзнулъ себя по горлу.

Въ передней Ермилъ Ѳомичъ собственноручно отворилъ Аннѣ Серафимовнѣ дверь въ сѣни и крикнулъ камердинеру:

— Проводи!

XXVII.

Къ тетушкѣ Марѳѣ Николаевнѣ ѣзды было четверть часа. Минутъ пять она опоздаетъ—не больше. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Ермилъ Ѳомичъ—вѣрный другъ. Онъ считается, какъ и она, скуповатымъ, а по своей части кряжистымъ „дисконтеромъ“, но она знаетъ, что онъ способенъ открыть ей широкій кредитъ. Да до кредита, авось, дѣло и не дойдетъ. Если она и спуститъ весь свой капиталъ въ первые два года, такъ послѣ выберетъ его. А ея суконная фабрика пойдетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Какой на нее „оборотный“ капиталъ нуженъ, она не тронетъ его. Чистаго дохода съ фабрики она не проживетъ, даже если бы съ мануфактуръ Виктора Мироновича и не получалось никакого дохода, до покрытія его

долговъ. Только надо хорошенько все оговорить и слѣдить за нимъ. Пожалуй, придется имѣть вѣрнаго человѣка за границей.

Она задумалась.

Не хорошо! Что жъ это будетъ, въ сущности? Похоже на шпіонство. Какое шпіонство? Простое наблюденіе... Подъ рукой кому слѣдуетъ дать знать—магазинщикамъ и прочему люду, что хотя онъ и можетъ подписывать векселя, но платить нечѣмъ, все у него заложено, а распоряженіе дѣломъ у жены. Если онъ не уймется—она ему предложитъ дать ей вторую закладную на мануфактуры. Тогда пускай пишетъ векселя. За нею все равно останется его недвижимость. Не хватитъ у ней своихъ денегъ, Ермилъ Ѳомичъ дастъ безъ залога, учтетъ вексель на какую угодно сумму, да и въ банкахъ можно учесть. У ней лично кредитъ солидный—гдѣ хочетъ: и въ государственномъ, и въ торговомъ, и въ купеческомъ, и въ учетномъ.

Все дѣла да дѣла, расчеты, подозрѣнія, цифры, рубли. Сушь! А день стоитъ такой радостный. Вотъ пять часовъ, а тепло еще не спало. Даже на весну похоже; воздухъ и грѣетъ, и опахиваетъ свѣжестью.

Анна Серафимовна потянула на себя полы шелковаго пальто. Она не вернется домой до вечера. А вечеромъ засвѣжѣетъ. Кто знаетъ, быть-можетъ, и морозикъ будетъ. Вѣдь черезъ нѣсколько дней на дворѣ октябрь. Ей дадутъ что-нибудь тамъ, у тетки. Она не одного роста съ кузиной, зато худощавѣе.

Коляска ѣхала на добрыхъ рысяхъ, Ефимъ натянулъ вожжи. Лошади, настоявшись до-сыта, немного горячились и закусывали, то та, то другая, удила уздечки. Раза два на плохой мостовой порядочно качнуло. Но нить мыслей Анны Серафимовны не прервалась. Дѣла не позволяли ей отдаться своимъ ощущеніямъ. Да она, за послѣднее время, точно отказалась отъ своей жизни. Какъ будто забыла, что ей всего двадцать семь лѣтъ, что считаютъ ее хорошенькой, цѣлуютъ ручки, всячески отличаютъ ее, обходятся съ нею совсѣмъ не такъ, какъ съ женщинами ея круга. Не потому ли, что она слыветъ за милліоненршу? Кто знаетъ? И этотъ Палтусовъ точно такъ же...

Она не замѣчала, что уже третій разъ послѣ разговора въ амбарѣ мысль ея переходила къ этому человѣку. Ей хотѣлось теперь еще сильнѣе, чтобы онъ не смотрѣлъ на

нее только какъ на купчиху-скопидомку. Надо ей больше читать; вотъ когда дѣло наладится, послѣ отъѣзда мужа. Она не мало читала и любитъ серьезныя вещи. Не слишкомъ ли ужъ она скромна? Вонъ хоть бы взять Ермила Ѳомича. Онъ такъ и рѣжетъ. Правда, не всегда у него иностранное слово кстати. Сегодня онъ пустилъ и „протестаціи“ и „инерцію“... А вѣдь онъ на мѣдныя деньги учился. Когда онъ ей разъ записку написалъ, такъ ни одной живой „яти“ не было. Развѣ у ней такая грамотность? Она изъ пансіона второй ученицей вышла... И дѣтей будетъ сама учить — и русскому, и когда надобность будетъ, такъ и ариѳметикѣ и географіи. Степенность и осторожность ее одолѣваютъ. И людей мало видитъ умныхъ, развитыхъ. А Ермилъ Ѳомичъ промежду нихъ терся лѣтъ еще двадцать пять назадъ; на немъ и осталась эта чешуя... Вотъ онъ „западникъ“—и поди съ нимъ тягайся!

Ловко, крутымъ поворотомъ влетѣлъ Ефимъ во дворъ одноэтажнаго длиннаго дома съ мезониномъ и крыльями—въ родѣ галлерей — окрашеннаго въ нѣжно-абрикосовый цвѣтъ. Дворъ уходилъ въ глубь, гдѣ за чугунной бѣлой рѣшёткой краснѣли остатки листьевъ на липахъ и кленахъ. Домъ Марѳы Николаевны Кречетовой занималъ широкую полосу земли, спускавшейся къ Яузѣ. Изъ сада видны были извилины рѣки, овраги, фабрики, мостъ, а надъ ними, на другомъ берегу—богатыя церкви и хоромы Рогожской, каланча части, и еще дальше—башни и ограды монастыря. Точно особенный городъ поднимался тамъ, весь каменный, съ золотыми точками крестовъ и главъ, съ садами и огородами, съ внѣшне-строгой обрядной жизнью древняго благочестія, съ хозяйскимъ привольемъ закромовъ, амбаровъ, погребицъ, сараевъ, рабочихъ казармъ, затѣйливыхъ бесѣдокъ и вышекъ.

XXVIII.

Въ переднюю, просторную, низкую, полукруглую комнату, высыпала молодежь встрѣтить Анну Серафимовну. Поднялись говоръ, смѣхъ, оглядыванье туалета, поцѣлуи. Всѣхъ шумнѣе держала себя ея двоюродная сестра, меньшая, незамужняя дочь Марѳы Николаевны—Любаша, широкоплечая, небольшого роста, грудастая дѣвица. Ея темные волосы были распущены по плечамъ. Замѣтный пушокъ легъ вдоль верхней губы. Разомъ взявшись за руки, накинулись на гостью двѣ дѣвушки, обѣ блондинки, вы-

сокія, перетянутыя, одна въ короткихъ волосахъ, другая въ косѣ, перевязанной цвѣтною лентой — такія же бойкія, какъ и Любаша, но менѣе рѣзкія и съ болѣе барскими манерами. Одна была консерваторка Кисельникова изъ купеческихъ дочерей, другая — учительница Селезнева, дающая уроки по богатымъ купцамъ, изъ чиновничьей семьи. Онѣ очень походили одна на другую и схоже одѣвались; бывали въ однихъ домахъ, разомъ начинали хохотать и кричать, вмѣстѣ бранились съ своими кавалерами и безпрестанно переглядывались. Въ дверяхъ показались два подростка, въ разстегнутыхъ мундирахъ техническаго училища, а за ними уже изъ залы видна была низменная фигура молодого брюнета въ бородкѣ, съ золотымъ pince-nez, въ бѣломъ галстукѣ при черномъ, чрезмѣрно длинномъ сюртукѣ — помощникъ присяжнаго повѣреннаго Мандельштаубъ, изъ некрещеныхъ евреевъ.

— Тетя! Пора!—кричала Любаша, тиская Анну Серафимовну.

Она давно привыкла звать ее „тетя".

— Всего пять минутъ опоздала.

— Жрать смерть хочется!—сошкольничала Любаша на ухо, но такъ, что подруги ея слышали и разразились смѣхомъ.

— Ахъ, Люба!—вырвалось у Селезневой. Она при постороннихъ церемонилась.

— Ну, ладно!—отозвалась Любаша.—Тетя! голубушка! шляпка-то у васъ—цѣлый овинъ. А лихо! Только я ни за что бы не надѣла. Пожалуйте, пожалуйте, родительница ужъ переминается.

Она схватила Анну Серафимовну за плечи и больше потащила, чѣмъ повела въ залу.

— Брысь! брысь! Реалисты-стрекулисты!—крикнула она на техниковъ, расталкивая ихъ.—Не пылить!..

Въ залѣ накрытъ былъ столъ во всю длину, человѣкъ на четырнадцать. Особой столовой у Мароы Николаевны не было. Она не любила и большихъ дубовыхъ шкаповъ. Посуда помѣщалась въ „буфетной" комнатѣ. Бѣлые съ золотымъ обои, рояль, ломберные столы, стулья, образъ съ лампадкой: зала смотрѣла суховато-чопорно и чрезвычайно чисто. За чистотой блюла сама Мароа Николаевна, а Любаша, напротивъ, оставляла вездѣ слѣды своей непорядочности

— Вы не знакомы?—спросила она помощника въ бѣломъ галстукѣ и указывая на Станицыну.

— Не имѣлъ удовольствія встрѣчать...—началъ было онъ.

— Ну, вы какъ затянете. Тетя моя, то, бишь, сестра двоюродная... ну да это все равно... Анна Серафимовна. Видите, какая прелесть... А это адвокатъ... то, бишь, помощникъ Мандельбаумъ.

— Штаубъ,—поправилъ онъ полуобиженно, но улыбающійся.

За Любой давали полтораста тысячъ — можно было и православіе принять.

— Ну, все равно! Штаубъ, Баумъ, Шмерцъ. Все едино, что хлѣбъ—что мякина... А вы знаете, тетя милая, у насъ зять.

— Кто?—тихо спросила Анна Серафимовна, все еще не пришедшая въ себя.

— Зять, Сонинъ мужъ. Докторъ Лепехинъ. Вотъ сейчасъ справлялся тоже — скоро ли обѣдать. А я ему говорю: лопайте закуску!

— Любовь Савишна,—покачалъ головой брюнетъ,— вы все нарочно.

— Сойдетъ!... Для такихъ кавалеровъ—не начать ли парлефрансе?

И она чуть-чуть не высунула ему языкъ. Дѣвицы шли назади и все „прыскали“.

Въ дверяхъ гостиной наткнулись они еще на подростка — въ солдатскомъ мундирѣ, очкахъ, съ большимъ количествомъ прыщей на красномъ потномъ лицѣ. Онъ хлопнулъ каблуками.

— Это ничего,—пояснила Любаша Аннѣ Серафимовнѣ.— Изъ училища. — Я имъ всѣмъ говорю: что вы къ намъ шатаетесь; зубрить вамъ надо. Ей-Богу, директору напишу, чтобъ пробрали. А они все насчетъ любовной страсти. Этакіе-то корпусятники!

Любаша приложила руку къ сердцу, сгримасничала и тряхнула своей гривой. Анна Серафимовна сдержанно засмѣялась и шепнула ей:

— Полно, не хорошо!

— Сойдетъ!—крикнула ей въ отвѣтъ Любаша и ввела въ гостиную.

XXIX.

На среднемъ диванѣ, подъ двумя портретами „молодыхъ“, писанныхъ тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, бодро сидѣла Марѳа Николаевна и наклонила голову къ своему собесѣднику, доктору Лепехину, мужу ея старшей дочери Софьи, медицинскому профессору, пріѣзжему изъ провинціи. Марѳа Николаевна сохранилась: темные волосы, зачесанные за уши, совсѣмъ еще не серебрились даже на вискахъ, красиво сдавленныхъ. Кожа потемнѣла противъ прежняго, но все еще была для ея лѣтъ замѣчательно бѣла. Въ линіи носа, въ глазахъ, не утратившихъ блеска, сидѣло фамильное сходство съ племянницей. Она немного согнулась, но не сгорбилась. Голову ея драпировала черная кружевная косынка, надѣтая, по-своему, въ родѣ платочка. Черное же шелковое платье, съ большой пелериной, придавало ей значительность и округляло ея сухой станъ. Она все собирала и какъ бы закусывала свои тонкія губы, почему кумушки и болтали, что она придерживается рюмочки. Но это была чистѣйшая клевета. Марѳа Николаевна, правда, имѣла привычку выпивать за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ тенерифу, но къ водкѣ отъ-роду не прикладывалась.

Обширный диванъ, съ высокой рѣзной орѣховой спинкой, раздѣлялъ двѣ большія печи—расположеніе старыхъ домовъ — съ выступами, на которыхъ стояло два бюста изъ алебастра подъ бронзу. Обивка мебели, шелковая, темно-желтая, сливалась съ такого же цвѣта обоями. Отъ нихъ гостиная смотрѣла уныло и сумрачно; да и свѣтъ проникалъ сквозь деревья—комната выходила окнами въ садъ.

Зятя Марѳы Николаевны Анна Серафимовна видѣла всего два раза: когда онъ вѣнчался, да разъ за границей. Ей показалось, что онъ похудѣлъ и обросъ еще больше волосами. Борода начиналась у него тотчасъ подъ нижними вѣками. На головѣ волосы курчавились и торчали въ видѣ шапки. Ему можно было дать лѣтъ тридцать пять. Въ начинающихся сумеркахъ гостиной блестѣли его большіе, круглые глаза восточнаго типа. Онъ весь ушелъ въ кресло и поджалъ подъ него длинныя ноги. Фракъ сидѣлъ на немъ мѣшковато: профессоръ пріѣхалъ отъ какого-то чиновнаго лица.

— Ахъ, Аннушка!—встрѣтила Марѳа Николаевна пле-

мянницу своимъ пѣвучимъ голосомъ.—Мы думали—не будешь. Спасибо, спасибо!

Старуха приподнялась съ дивана, вышла изъ-за стола, обняла Анну Серафимовну и поцѣловала ее два раза.

— Маменька!—вмѣшалась Любаша.—Я велю давать супъ. Мужчинки!—крикнула она,—полумужчинки! закуску можете травить!.. Маршъ!

— Люба! что ты это мелешь?—не то что очень строго, но все-таки по-матерински, остановила ее Марѳа Николаевна.

Она давно перестала сердиться на дочь за ея языкъ и обхожденіе. Ссориться ей не хотѣлось. Пожалуй, сбѣжитъ... Лучше на покоѣ дожить, безъ скандала. Марѳа Николаевна только въ этомъ дѣлала поблажку. Въ домѣ хозяйкой была она. Деньги лежали у нея. Всю недвижимость мужъ ей оставилъ въ пожизненное владѣніе, а деньги прямо отдалъ. Люба это прекрасно знала.

— Егоръ Егорычъ,—обратилась она къ зятю, — наша Аннушка-то какая милая... Вы какъ ровно не признали ее.

— Призналъ-съ,—отвѣтилъ горловымъ голосомъ зять, всталъ и протянулъ руку Аннѣ Серафимовнѣ.

Онъ ей никогда не нравился. Она даже побаивалась его учености и рѣзкаго тона. Говорилъ онъ точно ногу или руку рѣзалъ.

— Закусить милости прошу, — пригласила старуха. — Люба! проси гостей въ залу.

Племянницу Марѳа Николаевна придержала въ гостиной и шепнула ей:

— Не привезъ жену-то!.. Такъ скрутилъ. Даромъ что бойка была. Вотъ я тоже и Любови говорю: дай срокъ-отъ, нарвешься ты вотъ на такого же большака...

Опершись слегка на руку Анны Серафимовны, красивая старуха перешла въ залу, истово перекрестилась большимъ крестомъ, сѣла на хозяйское мѣсто, гдѣ высилась стопа тарелокъ, и начала неторопливо разливать щи.

— Сюда, сюда,—указывала она рядомъ съ собою Аннѣ Серафимовнѣ.

Молодежь долго шушукалась и топталась около закуски. Изъ задней двери выплыли двѣ сѣрыя фигуры и сѣли, молча поклонившись гостямъ.

— Гдѣ же Митроша?—спросила Марѳа Николаевна.

— Не пріѣзжалъ еще!—откликнулась Любаша. — Намъ

изъ-за него не...—Она хотѣла сказать „околѣвать", но воздержалась.

Остались не занятыми два прибора. Подростки и дѣвицы, наѣвшись закуски, загремѣли стульями и заняли уголъ противъ хозяйки.

XXX.

— Тетя!—крикнула Любаша черезъ весь столъ, упершись объ него руками,—знаете, кого мы еще къ обѣду ждали?

— Кого?

— Сеню Рубцова... вы его помните ли?

Анна Серафимовна стала вспоминать.

— Родственникъ дальній,—пояснила Марѳа Николаевна,—Анѳисы Ивановны покойницы сынокъ. И тебѣ приходится также,—наклонилась она къ племянницѣ.

— Нашему слесарю—двоюродный кузнецъ!..—откликнулась Любаша.

Техникъ и юнкеръ какъ-то гаркнули однимъ духомъ.

Профессоръ ѣлъ щи и сильно чмокалъ, посапывая въ тарелку. Прислуживалъ человѣкъ въ сюртукѣ степеннаго покроя, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, а помогала ему горничная, разносившая поджаристыя большія вотрушки. Посуда изъ англійскаго фаянса, съ синими цвѣтами, придавала сервировкѣ стола характеръ еще болѣе тяжеловатой зажиточности. Въ домѣ всѣ пили квасъ. Два хрустальныхъ кувшина стояли на двухъ концахъ, а посрединѣ ихъ массивный граненый графинъ съ водой. Вина не подавали иначе, какъ при гостяхъ, кромѣ бутылки тенерифа для Марѳы Николаевны. На этотъ разъ и передъ зятемъ стояла бутылка дорогого рейнскаго. Молодежи поставили двѣ бутылки ланинской воды; но техники и юнкеръ пили за закускою водку, и глаза ихъ искрились.

— Тетя! — крикнула опять Любаша. — Сеня-то какой сталъ чудной! Мериканца изъ себя корчитъ. Мы съ нимъ здорово ругаемся.

Анна Серафимовна ничего не отвѣтила. Она разслышала, какъ адвокатскій помощникъ сказалъ Любашѣ:

— А вы большая охотница... до этого?..

Тетка старалась ввести ее въ разговоръ съ зятемъ. Онъ обѣихъ давилъ своимъ присутствіемъ, хотя и держался непринужденно, какъ въ трактирѣ, и не выражалъ желанія кого-либо изъ присутствующихъ занимать разговорами.

— Вотъ, Егоръ Егорычъ,—начала Марѳа Николаевна,—разсказываетъ про свои мѣста... Про поляковъ... не очень ихъ одобряетъ...

Онъ только повелъ бѣлками и выпилъ послѣ тарелки щей большую рюмку рейнвейна.

— Егоръ Егорычъ,—подхватила съ своего мѣста Любаша,—прославился тѣмъ, что Дарвинову теорію приложилъ къ обрусѣнію... Не пущай! какъ у Щедрина...

Вся молодежь расхохоталась. Мандельштаубъ даже взвизгнулъ, бѣлокурыя дѣвицы переглянулись и толкнули одна другую.

— Люба!—строго остановила мать и покачала головой.

Обросшія щеки профессора пошли пятнами.

— А вы знаете ли, что такое Дарвинова теорія?—спросилъ онъ глухо.

— Гни въ бараній рогъ! Кто кого сильнѣе, тотъ того и жри!..—обрѣзала уже въ сердцахъ Люба.

Она терпѣть не могла своего шурина.

— И будемъ гнуть-съ!—также со злостью отвѣтилъ онъ и ударилъ ножомъ о скатерть.

„Господи!..—подумала Анна Серафимовна, — они подерутся".

Подали круглый пирогъ съ курицей и рисомъ, какіе подавались въ помѣщичьихъ домахъ до эмансипаціи. Зазвякали ножи, всѣ присмирѣли и въ молодомъ углу ѣли взапуски... Любаша ужасно дѣйствовала своимъ приборомъ. Анна Серафимовна старалась не глядѣть на нее. Вилку Любаша держала торчкомъ, прямо и „всей пятерней"—какъ замѣчала ей иногда мать, отличавшаяся хорошими купеческими манерами; ножикъ—также, ѣла съ ножа рѣшительно все, а дичь, цыплятъ и всякую птицу исключительно руками, такъ что и подругъ своихъ заразила тѣми же пріемами. Невольно бросила Анна Серафимовна взглядъ на свою кузину. Въ эту минуту Любаша совсѣмъ легла на столъ грудью, локти приходились въ уровень съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ставятъ стаканы, она громко жевала, губы ея лоснились отъ жиру, обѣими руками она держала косточку курицы и обгрызывала ее. Глаза ея задорно были устремлены на зятя и говорили:

„Вотъ дай срокъ, я догложу, задамъ я тебѣ феферу!"

— Какъ вы это страшно сказали,—съ улыбкой замѣтила Анна Серафимовна профессору.

Онъ дожевалъ и, не поднимая головы, выговорилъ:

— Такой народъ!..

— Маменька,—донесся голосъ Любаши, — здѣсь вина нѣтъ... Тамъ рейнвейнъ стоитъ, —и она ткнула рукой въ воздухъ,—а здѣсь хоть бы чихирю какого поставили.

Мать показала головой лакею на свою бутылку тенерифу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Покорно спасибо. Пожалуйте намъ краснаго!.. Лафиту!

Подозвана была горничная. Марѳа Николаевна что-то шепнула ей и сунула въ руку ключи.

Въ передней заслышались шаги.

— Вотъ Митроша!—возвѣстила Любаша; потомъ оглядѣла всѣхъ и вскрикнула:—Вѣдь насъ тринадцать будетъ!..

Всѣ переглянулись, не исключая и зятя. Мать пустила косвенный взглядъ на двѣ сѣрыя фигуры: одна была приживалка—майорша, другая—родственница, вдова злостнаго банкрота.

— Ха-ха!—сквозь зубы разсмѣялся зять и поглядѣлъ на Любашу.—Дарвина имя всуе употребляете, а тринадцати за столомъ боитесь.

— И боюсь! И всѣ боятся, только стыдно сказать... И вы, когда попа встрѣтите, что-то такое выдѣлываете, я сама видала.

Приживалка-родственница безмолвно встала и отошла въ сторону.

— Поставь ихъ приборъ на ломберный столъ,—приказала лакею Марѳа Николаевна.

Всѣ точно успокоились и стали доѣдать рисъ и сдобныя корки пирога. Подали и бутылку краснаго вина. Досталось по рюмкѣ молодому концу стола. Любаша пролила свое вино; юнкеръ началъ засыпать пятно солью и высыпалъ всю солонку.

XXXI.

Къ ручкѣ Марѳы Николаевны подошелъ сынъ ея Митроша, или „Митрофанъ Саввичъ“, какъ звала его сестра, когда желала убѣдить его въ томъ, что онъ „идіотъ“ и „чучело“. Онъ походилъ на сестру только широкой костью и не смотрѣлъ ни гостинодворцемъ, ни биржевикомъ. Всего скорѣе его приняли бы за домашняго учителя, или даже за отставного военнаго, отпустившаго бороду. Одѣтъ онъ былъ въ модный темный драповый сюртукъ, но все на

немъ сидѣло небрежно и точно съ чужого плеча. Рыжеватые волосы, давно не стриженные, выдавались надъ лбомъ длиннымъ клокомъ, борода росла въ разныхъ направленіяхъ. На переносицѣ залегли двѣ прямыя морщины, и брови часто двигались. Ему минуло двадцать семь лѣтъ.

Митрофанъ Саввичъ поклонился всѣмъ небрежно и торопливо, и сѣлъ рядомъ съ шуриномъ. Онъ его почиталъ и постоянно ему поддакивалъ. Анна Серафимовна знала напередъ, какъ онъ будетъ себя вести: сначала посидитъ молча, будетъ жадно „хлебать“ щи и громко жевать сухую ѣду, а тамъ вдругъ что-нибудь скажетъ насчетъ политики или биржи, и начнетъ кричать сильнѣе, чѣмъ Любаша, точно его кто больно сѣчетъ по голому тѣлу; прокричавшись, замолчитъ и впадетъ въ тупую угрюмость. Если за столомъ сидитъ кто, играющій на какомъ-нибудь инструментѣ, онъ заговоритъ о своемъ корнетъ-пистонѣ. Играетъ онъ цѣлые дни, по возвращеніи домой, собралъ на своей половинѣ цѣлую коллекцію мѣдныхъ инструментовъ, а когда устанетъ, призоветъ двухъ артельщиковъ и приказываетъ имъ дѣйствовать на механическомъ фортепіано. Съ десяти до четырехъ онъ сортируетъ товаръ: марену, кубовую краску, буру, баканъ, кошениль, скипидаръ, керосинъ. Въ этомъ онъ считается большимъ докой. Передъ обѣдомъ бываетъ на биржѣ. Анна Серафимовна все это знала и почему-то, каждый разъ, говорила себѣ:

„А вѣдь свезутъ его когда-нибудь въ Преображенскую больницу“.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Митроша выпилъ квасу и уже кричалъ высокой фистулой по поводу какой-то депеши объ англичанахъ:

— Торгаши проклятые!.. Опять гадить!.. Ужъ мы ихъ припремъ!.. Эти самые текинцы! Откуда взялись текинцы? Биконсфильдъ!.. Жидовское отродье! И вдругъ въ лорды произвели! Съ паршами-то!

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго повернулъ голову въ своихъ высокихъ стоячихъ воротникахъ при крикѣ „жидовское отродье“. И „парши“ ему не пришлись по вкусу. Въ другомъ мѣстѣ онъ напомнилъ бы, что и Спиноза былъ тоже „съ паршами“, но полтораста тысячъ... все полтораста тысячъ...

Любаша наклонилась къ нему и сказала громкимъ шопотомъ:

— Пускай его!.. Сейчасъ клапанъ-то закроется! У него вѣдь это вдругъ!..

Дѣвицы хотѣли расхохотаться, но просидѣли тихо: каждая имѣла тайные виды на Митрошу.

Шуринъ согласился съ нимъ. Молодежь слышала, какъ онъ съ какимъ-то даже щелканьемъ своихъ бѣлыхъ зубовъ сказалъ:

— Пустить надо грамоты! Индійскій народъ за насъ.

„Что за столпотвореніе вавилонское", подумала Анна Серафимовна. — Ее начало давить, какъ во снѣ, когда васъ „домовой" — такъ ей разсказывала когда-то няня — душитъ своей мохнатой лапой.

Рыба, на длинной деревянной доскѣ, покрытой салфеткой, слѣдовала за пирогомъ. Соусъ „по-русски" подавала горничная особо. Любаша, какъ и всѣ, кромѣ Анны Серафимовны—ее научилъ мужъ—ѣла всякую рыбу ножомъ и крошила ее, точно она сбирается мастерить тюрю. Никто не услыхалъ, какъ въ дверяхъ залы показался новый гость, высокаго роста, съ волосами и бородкой каштановаго цвѣта и пробритой губой, что̀ могло бы придавать ему наружность голландскаго или шведскаго шкипера. Но черты его загорѣлаго лица были чисто-русскія, не очень крупныя. Круглый носъ и свѣтло-сѣрые глаза, сочныя губы и широкій подбородокъ, — все это отзывалось Поволжьемъ. Вокругъ рта и подъ носомъ появлялись мелкія складки юмора. Онъ держалъ въ рукахъ шотландскую шапочку. На немъ плотно сидѣлъ клѣтчатый коричневый сьютъ. Его сапоги на двойныхъ подошвахъ издавали сильный скрипъ.

— Сеня!—первая увидала его Любаша, бросила салфетку, не утеревшись, и вскочила изъ-за стола.

— Опять тринадцать будетъ!—крикнула дѣвица Селезнева.

Приживалку посадили на прежнее мѣсто. Было не мало хохоту. Новый гость пожалъ руку Марѳѣ Николаевнѣ, Любашѣ, ея брату и шурину. Его посадили рядомъ съ Анною Серафимовною.

XXXII.

Ихъ перезнакомили. Дѣйствительно, онъ приходился въ одинаковомъ дальнемъ родствѣ и покойному мужу Марѳы Николаевны, и ей самой, а стало-быть и Аннѣ Серафимовнѣ. Тетка припомнила племянницѣ, что они

„съ Сеней“ игрывали и даже „дирались“, за что Сеню разъ больно „выдрали“.

Анна Серафимовна незамѣтно, но внимательно оглядѣла его.

— Какъ васъ звать?—тихо спросила она подъ шумъ голосовъ и стукъ ножей.

— Купеческій братъ Любимъ Торцовъ,—пошутилъ онъ.

Говоръ его не то что отзывался иностраннымъ акцентомъ, а звучалъ какъ-то особенно, пожестче московскаго.

— Нѣтъ, по отечеству?

— Тихонычъ! уже совсѣмъ по-купечески произнесъ онъ и даже на „о“ сильнѣе, чѣмъ она произносила.

Это ей понравилось.

— Вы на Волгѣ все жили?—спросила она.

— На Волгѣ... десять лѣтъ невступно.

— Вѣдь я старше васъ?—ласково выговорила она, и въ первый разъ подольше остановила на немъ свои глаза.

Рубцовъ тоже уставилъ глаза въ ея брови: онъ такихъ давно не видалъ.

— Ну, врядъ ли,—бойко, немного хриповатымъ голосомъ отвѣтилъ онъ...—Мнѣ двадцать шестой пошелъ. Я вотъ Митрофана на два года моложе.

— А я васъ на два года старше...

Ей и то почему-то было пріятно, что она старше его... На видъ онъ смотрѣлъ тридцатилѣтнимъ.

— И вы,—продолжала она понемногу спрашивать,— давно съ Волги-то?

— Да... семь годовъ будетъ... Аттестатъ зрѣлости не угодилъ получить. Вы нешто не слыхали? Отецъ въ дѣлахъ разорился въ лоскъ... И мать въ скорости умерла. Сестра въ Астрахани замужемъ. Вотъ я, спасибо доброму человѣку,—и уѣхалъ за море.

— Въ Англіи все были?

— И въ Америкѣ тоже. Какія крохи оставались—я махнулъ на нихъ рукой... Да вы что же все про меня? Вы лучше про себя разскажите. Вонъ вы, сестричка, какая... Вы не обидитесь. Я васъ, помню, такъ звалъ.

— Зовите... И по какой же вы тамъ части?

— Да по всякой... Кой-чему научился, какъ слѣдуетъ. Изъ фабричнаго дѣла—суконное знаю порядочно.

— Суконное?—вскричала Анна Серафимовна.

— А что?

— Какъ это славно!

— Не хотите ли меня брать?

— Что же?

— Смотрите! Дорогъ я!

Онъ разсмѣялся, и она съ нимъ. Имъ стало ловко, весело, они сейчасъ почувствовали, что во всемъ обѣдѣ только между собою и могутъ вести они разговоръ людей, понимающихъ другъ друга. Появленіе этого „братца" сегодня, послѣ сцены въ амбарѣ, предъ открывающейся передъ нею вереницей дѣловыхъ заботъ и одиночества,—разомъ освѣжило Анну Серафимовну... Не даромъ, точно по предчувствію, спѣшила она къ теткѣ. Ей, конечно, было бы пріятнѣе найти въ Семенѣ Тихоновичѣ побольше изящества въ манерахъ и въ говорѣ; но и такъ онъ для нея былъ подходящій человѣкъ... Въ немъ она учуяла характеръ и живой умъ. Такой малый — не выдастъ... Остался мальчикомъ въ погромѣ дѣлъ отца, не пропалъ, учился, побывалъ въ Америкѣ... Не шутка! И все-таки не важничаетъ, не тычетъ въ носъ заграницей, говоритъ сильно на „онъ", напоминаетъ ей своимъ тономъ дѣтство. Да еще моложе ея на два года!..

Любаша съ прихода Рубцова замѣтно притихла. Она прислушивалась къ разговору его съ Анной Серафимовной, начала насмѣшливо улыбаться, отъ жаренаго — подавали индѣйку, чиненую каштанами—отказалась и сложила даже руки на груди; а ротъ вытерла старательно салфеткой. Она не нападала на этого „братца" такъ смѣло, какъ на шурина, а больше отшучивалась.

За пирожнымъ — яблочный пирогъ со сливками — Рубцовъ, видя, какъ она пустила шарикъ въ носъ одному изъ техниковъ,—сказалъ ей тономъ взрослаго съ дѣвочкой:

— Безъ пирожнаго оставимъ!.. Который годокъ-то?

— Двадцать лѣтъ!—отвѣтила она и хотѣла ему показать языкъ.

— Хорошо, что я сегодня здѣсь около бабушки сижу,—обратился онъ къ Аннѣ Серафимовнѣ;—а то кузиночка-то все книжками меня пужаетъ. Все насчетъ обмѣна веществъ... Штофъ-вексель. Изъ физіологіи-съ!..

— Я вижу, что тебѣ хорошо тамъ, присосѣдился,—подхватила Любаша и начала шептаться съ подругами.

Всѣ три дѣвицы встали изъ-за стола, гремя стульями. Любаша, когда приходилось „прикладываться"—такъ она называла цѣлованіе руки у матери—не могла не замѣтить Рубцову и Аннѣ Серафимовнѣ:

— Васъ теперь, я вижу, и водой не разольешь.

— Что мы, собаки, что ли?—возразилъ Рубцовъ.—Эхъ, кузиночка! А еще Гамбетту видѣли живого.

XXXIII.

Всѣ перешли въ гостиную; но Любаша и остальная молодежь, видя, что Рубцовъ отошелъ къ окну вмѣстѣ съ Анною Серафимовною, потащила всѣхъ въ мезонинъ, гдѣ помѣщался бильярдъ. Митроша сѣлъ съ шуриномъ играть въ карты въ вистъ. Для этого приглашена была одна изъ приживалокъ—майорша. Марѳа Николаевна отдыхала послѣ обѣда съ полчасика. За столъ сѣли поздно, и глаза у ней слипались.

Она тихо подошла къ племянницѣ, взяла ее за плечи, поцѣловала въ лобъ и поглядѣла на Рубцова, стоявшаго немного поодаль.

— Видишь, Сеня, сестрица-то у тебя какая?

И старуха нѣжно погладила племянницу по волосамъ. Глаза Анны Серафимовны такъ и горѣли въ полусвѣтѣ гостиной, гдѣ лампа и двѣ свѣчи за карточнымъ столомъ оставляли темноту по угламъ.

Рубцовъ заглядѣлся на свою „сестрицу“.

— Вамъ, тетенька, бай-бай?—спросила Анна Серафимовна.

— Я на полчасика... Ты посидишь?

— Дѣтей я не видала съ утра.

— Не съѣдятъ... Ну, я пойду, велю вамъ сладенькаго подать.

Тутъ только Анна Серафимовна вспомнила про ананасъ. Его сейчасъ принесли. Тетка была тронута и сказала шопотомъ:

— Пускай постоитъ. Тѣмъ не стоитъ давать.

Согнутая спина старухи, съ красивыми очертаніями головы, исчезла въ дверяхъ слѣдующей комнаты.

Рубцовъ указалъ Аннѣ Серафимовнѣ на два кресла у окна.

— Курите?

— Нѣтъ!

— Папенька не позволялъ? Онъ вѣдь на этотъ счетъ строгъ былъ.

— И у самой охоты не было.

Ей дѣлалось все ловчѣе съ нимъ и задушевнѣе, хотя онъ и не смотрѣлъ особенно ласково. Домашнія обиды и

дрянность мужа схватили ее за сердце: но она подавила это чувство. Она не станетъ ему изливаться. Послѣ, можетъ-быть, когда сойдутся совсѣмъ по-родственному.

— У васъ сколько же дѣтокъ?—спросилъ онъ, закуривая собственную хорошую сигару.

— Двое: мальчикъ и дѣвочка.

— Красныя дѣтки?—Про мужа онъ не сталъ разспрашивать,—она догадалась, почему,—сказалъ только вскользь:— Супруга вашего показали мнѣ разъ на выставкѣ, въ Парижѣ.

Однако, она сообщила ему, между прочимъ, когда подали имъ фрукты и конфеты, что беретъ все дѣло въ свои руки.

— Ой ли!—вскрикнулъ онъ и всталъ.

Тутъ онъ разспросилъ ее про размѣры дѣла, про мануфактуры мужа и про ея суконную фабрику. О фабрикѣ она говорила больше и заохотила его посмотрѣть, и про свою школу упомянула.

— Хвалю!—кратко замѣтилъ онъ.

Съ директоромъ у ней мало ладу, а контрактъ его еще не кончился. Директоръ — нѣмецъ, упрямъ, держится своихъ пріемовъ, а ей сдается, что многое надо бы измѣнить.

— Вы бы заглянули,—пригласила она.

— Какъ, въ родѣ эксперта?—спросилъ онъ съ удареньемъ на *э*.

— Вотъ, вотъ!

Прибѣжала Любаша угощать ихъ „своими конфетами", поднесенными ей Мандельштаубомъ.

— Маменька-то,—разсказала она имъ,—ни съ того, ни съ сего, генеральшу прикармливать стала, а та у ней серебряный шандалъ и стащила.

— Ахъ!—пожалѣла Анна Серафимовна.

— Да, всѣ вышли, а она и стибрила. Зато настоящая генеральша... У ней, кто чиномъ выше изъ салопницъ,— тотъ ее и разжалобитъ скорѣе.

Они ничѣмъ не поддержали ея балагурства. Любаша убѣжала и крикнула имъ:

— Естественный подборъ!..

Анна Серафимовна поняла намекъ. Рубцовъ крякнулъ и мотнулъ головой.

— Чудеса въ рѣшетѣ, — началъ онъ. — Москательный товаръ и происхожденіе видовъ Дарвина... и приживалки-генеральши!

— Нынче такъ пошло,—точно про себя замѣтила Анна Серафимовна.

— Да, на линіи дворянъ, какъ мнѣ на той недѣлѣ въ Серпуховѣ лакей въ гостиницѣ сказалъ.

Такъ они и проговорили вдвоемъ. Она узнала, что Рубцовъ еще не поступилъ ни на какое мѣсто. Всего больше разсказывалъ онъ про Америку; но у янки не все одобрялъ, а раза два обозвалъ ихъ даже „жуликами" и прибавилъ, что вездѣ у нихъ—взятка забралась. Францію хвалилъ.

Партія въ вистъ кончилась. Въ залѣ стали играть и пѣть. Любаша играла бойко, но безалаберно, пѣла съ выраженьемъ, но ничего не могла додѣлать.

— Ничего не любитъ кузиночка-то,—выговорилъ Рубцовъ.—Только тѣшитъ себя!

Изъ половины Митроши доносились звуки корнета и гулъ механическихъ фортепьянъ. Профессора онъ поилъ венгерскимъ и угостилъ хоромъ:

„Славься, славься, святая Русь!.."

XXXIV.

Засвѣжѣло. Анна Серафимовна уѣхала отъ тетки въ десятомъ часу. Рубцовъ проводилъ ее до коляски. Она взяла съ него слово быть у ней черезъ три дня.

— Мужъ уѣдетъ,—говорила она ему,—по дѣламъ управлюсь... Тогда на свободѣ... Буду ждать къ обѣду...

Коляска поднималась и опускалась. Горѣли сначала керосиновые фонари, потомъ пошелъ газъ, переѣхали одинъ мостъ, опять дорога пошла на изволокъ, городомъ, Кремлемъ—добрыхъ полчаса на хорошихъ рысяхъ. Домъ тетки уходилъ отъ нея и послѣ разговора съ Рубцовымъ обособился, выступалъ во всей своей характерности. Неужели и она живетъ такъ же? Чувство капитала, москательный товаръ, сукно: вѣдь не все ли едино?

„Затѣи. Одинъ дудитъ въ трубу, другая озорничаетъ, ничего не любятъ, ни для чего не живутъ, кромѣ себя. Какъ еще не повѣсятся съ тоски—удивительное дѣло!"

Ефимъ сдержалъ лошадей у крыльца. Анна Серафимовна не громко позвонила. Сѣни освѣщались висячей лампой. Ей отворилъ швейцаръ—важный человѣкъ, приставленный мужемъ. Она его отпуститъ на-дняхъ. Бѣлыя, подъ мраморъ, стѣны сѣней и лѣстницы при матовомъ свѣтѣ лампы отсвѣчивали молочнымъ отливомъ.

На верхней площадкѣ ее встрѣтила не старая еще женщина — ея довѣренная горничная-экономка, Авдотья Ивановна, въ короткой шелковой кацавейкѣ и въ „головкѣ“. Она ходила беззвучно, сохраняла слѣды красивыхъ чертъ лица и говорила сладкимъ московскимъ говоромъ.

— Что дѣти?—тихо спросила Анна Серафимовна.

— Уложили-съ — започивали. Мадамъ тоже ушедши изъ дѣтской.

При дѣтяхъ состояла англичанка-бонна. Авдотья Ивановна пошла впередъ со свѣчой, черезъ высокія, полныя темноты, парадныя комнаты. Половина Виктора Мироныча помѣщалась внизу. Когда Анна Серафимовна бывала въ гостяхъ и даже дома одна, ни залы, ни двухъ гостиныхъ не освѣщали.

Домъ спалъ, со своей штофной мебелью, гардинами, коврами и люстрами. Чуть слышались шаги обѣихъ женщинъ.

— Баринъ заѣзжали недавно,—не поворачиваясь доложила Авдотья Ивановна.

Она всегда что-нибудь сообщитъ про „барина“, хотя Анна Серафимовна и не поощряла этого.

Черезъ коридорчикъ прошли они въ дѣтскую.

— Не разбуди,—шопотомъ сказала Станицына Авдотьѣ Ивановнѣ, останавливая ее у дверей.

Въ дѣтской стоялъ свѣжій воздухъ. Лампадка за абажуромъ позволяла разглядѣть двѣ кроватки съ сѣтками. Мать постояла передъ каждой изъ нихъ, перекрестила и вышла.

Въ своей спальнѣ, съ балдахиномъ кровати, обитымъ голубымъ стеганымъ атласомъ,—Анна Серафимовна очень скоро раздѣлась, съ полчаса почитала ту статью, о которой спрашивалъ ее Ермилъ Ѳомичъ, и задула свѣчу въ половинѣ одиннадцатаго, разсчитывая встать пораньше. Она никогда не запирала дверей.

Часу въ четвертомъ она проснулась и закричала. Ей почудилось во снѣ, что воры забрались къ ней. Спальня тонула въ полутьмѣ лампадки.

— Кто тутъ?!—дико крикнула она и сѣла въ постели, вскинувъ руками.

— Anna! C'est moi!—проговорилъ голосъ ея мужа, нетвердый, но нахальный.—Не бойся!..

Она сейчасъ накинула на себя кофточку. Отъ Виктора

Мироныча пахло шампанскимъ. Въ полусвѣтѣ виднѣлись его длинныя ноги, голова клиномъ, глаза искрились и смѣялись.

— Что вамъ нужно отъ меня?—гнѣвно и глухо спросила она.

Мужъ уже сидѣлъ у ней на кровати.

— Анна!—говорилъ онъ не очень пьянымъ, но фальшиво чувствительнымъ голосомъ...—Зачѣмъ намъ ссориться? Будемъ друзьями... Ты видѣла сегодня—я на все согласенъ... Но тридцать тысячъ... C'est bête!.. Согласись! это... это...

Вмигъ поняла она, въ чемъ дѣло.

— Вы проигрались?..

— Mais écoute...

— Проигрались?—повторила она и совсѣмъ сѣла въ постели.—Не лгите! Сколько? Сейчасъ же говорите!

Онъ былъ такъ ей гадокъ въ эту минуту, что рука зудѣла у нея...

— Не кричите такъ!...—обидѣлся онъ и всталъ.

— Сколько? Ну, все равно, завтра мы увидимъ. Но уходите, Викторъ Миронычъ, ради Бога, уходите!

— Будто я такъ?.. Je vous donne si peu sur la peau?..

И онъ захохоталъ... Вино только тутъ начало забирать его... Но не успѣлъ онъ повернуться, какъ двѣ нервныя руки схватили его за плечи и толкнули къ двери.

Долго, больше получаса, въ спальнѣ раздавалось глухое женское рыданіе. Анна Серафимовна лежала ничкомъ, головой въ подушку.

Книга вторая.

I.

Утромъ, часу въ десятомъ, передъ подъѣздомъ дома коммерціи совѣтника Евлампія Григорьевича Нѣтова стояла двумѣстная карета. Моросилъ октябрьскій дождикъ. Переулокъ еще не просыпался, какъ слѣдуетъ. Въ немъ все больше барскіе дома и домики съ мезонинами и колоннами въ александровскомъ вкусѣ. Лавочекъ почти нѣтъ. Бульваръ неподалеку. Домъ Нѣтову строилъ модный архитекторъ, большой охотникъ до древне-русскихъ украшеній и снаружи, и внутри. Стройка и отдѣлка обошлись хозяину въ триста тысячъ, даромъ что домъ всего двухъэтажный. Зато такихъ хоромъ не много найдешь на Москвѣ по фасаду и комнатному убранству.

Кучеръ, въ мѣховомъ кафтанѣ, но еще въ лѣтней шляпѣ, курилъ папиросу. За дышло держался одной рукой конюхъ въ короткой синей сибиркѣ, со щеткой въ другой рукѣ. Они отрывочно разговаривали.

— Куды-ы?—переспросилъ кучеръ, не выпуская изо рта папиросы.

— Сказывала Глаша,—за границу.

— Вотъ оно что!..

— Легче будетъ.

— Это точно... Онъ куды проще...

— Однако тоже бываетъ привередливъ...

— Съ такихъ-то милліоновъ будешь и ты привередливъ...

Швейцаръ отворилъ наружную массивную дверь, за которой открылась стеклянная. Онъ улыбнулся кучеру и почистилъ бронзовое яблоко звонка.

— Скоро выйдетъ?—крикнулъ ему конюхъ.

— Одѣвается,—смѣшливо отвѣтилъ швейцаръ, не очень рослый, но широкій малый, изъ гусарскихъ вахтеровъ, курносый, въ гороховой ливреѣ, совсѣмъ не купеческій привратникъ.

Онъ потеръ еще суконкой чашку звонка и ушелъ. Дождь немного стихъ; вмѣсто дождя начала падать изморось.

— Экъ ее!—замѣтилъ флегматично кучеръ и дернулъ вожжой: правая лошадь часто заигрывала съ лѣвой и кусала дышло.

Дернулъ ее за узду и конюхъ.

Разговоръ прекратился; только слышно было дыханіе рослыхъ, вороныхъ лошадей и вздрагиваніе позолоченныхъ уздечекъ.

Швейцаръ вернулся въ сѣни. То были монументальные пропилеи. Справа большая комната для сбереженія платья открывалась на площадку дверью въ полу-египетскомъ, полувизантійскомъ „пошибѣ“. Прямо, противъ входа, надъ лѣстницей въ два подъема, шла поперечная галлерея съ тремя арками. Свѣтъ падалъ изъ оконъ второго этажа на разноцвѣтный искусственный мраморъ стѣнъ и арки и на бѣлый, настоящій мраморъ самой лѣстницы. Два темно-малиновыхъ ковра, на обоихъ подъемахъ, напоминали немного входъ въ дорогой заграничный отель. Но стѣны, верхняя галлерея, арки, столбы, стиль фонарей между арками, украшенія перилъ; мебель въ сѣняхъ и на галлереѣ выказывали затѣю московскаго милліонщика, отдавшаго себя въ руки молодого, славолюбиваго архитектора.

Ступени лѣстницы, стѣны и арки отливали матовымъ блескомъ; ничто еще не успѣло запылиться или потускнѣть. Видны были строгость и глазъ въ порядкахъ этого дома. Швейцаръ тотчасъ же подошелъ къ мраморному подзеркальнику, отряхнулъ и обчистилъ щетку и гребенку, двѣ шляпы и бобровую шапку, лежавшія тутъ вмѣстѣ съ нѣсколькими парами перчатокъ. Потомъ онъ вынесъ изъ нѣсколько низменной комнаты — гдѣ вѣшалки съ металлическими номерами шли въ нѣсколько рядовъ — стеганую шинель на атласѣ, съ бобромъ, и калоши, бережно поставилъ ихъ около лѣстницы, а шинель сложилъ на кресло, выточенное въ формѣ русской дуги. Другое, точно такое же, стояло симметрично напротивъ. Самъ онъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ бѣлый галстукъ и застегнулъ ливрею на послѣднюю верхнюю пуговицу.

На галлереѣ видны были снизу два офиціанта въ тем-

ныхъ ливреяхъ, съ большими золотыми, тиснеными пуговицами. Одинъ стоялъ спиной влѣво, у входа въ парадныя комнаты, другой въ средней аркѣ.

— Одѣлся?—полушопотомъ спросилъ швейцаръ.

— Нѣтъ еще... Викентій ходитъ у двери. Стало, не звалъ.

— А на женской половинѣ?..

— Не слышно еще...

Вправо, съ галлереи, проходъ, отдѣланный старинными „сѣнями" съ деревянной обшивкой, велъ къ кабинету Евлампія Григорьевича. Передъ дверьми прохаживался его камердинеръ, Викентій, довѣренный человѣкъ, бывшій крѣпостной изъ дома князей Курбатовыхъ. Викентій—сѣдой старикъ, бритый, немного сутуловатый, смотритъ начальникомъ отдѣленія; бѣлый галстукъ носитъ по-старинному, изъ большой косынки.

Онъ прохаживается мелкими шажками передъ дверью изъ корельской березы съ бронзовыми скобками. Не слышно его шаговъ. Больше тридцати лѣтъ носитъ онъ сапоги безъ каблуковъ, на башмачныхъ подошвахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пошелъ „по купечеству", жалованье его удвоилось. Сначала его взяли въ дворецкіе, но онъ не поладилъ съ барыней, Евлампій Григорьевичъ приставилъ его къ себѣ камердинеромъ.

Ходитъ онъ и ждетъ звонка. Изъ кабинета проведенъ воздушный звонокъ. Это не нравится Викентію: затрещитъ надъ самымъ ухомъ, такъ всего и передернетъ, да и стѣны портитъ. Въ эту минуту, по его расчету, Евлампій Григорьевичъ выпилъ стаканъ чаю и надѣлъ чистую рубашку, послѣ чего онъ звонитъ, и платье, приготовленное въ туалетномъ кабинетикѣ, гдѣ умывальникъ и прочее устройство, подаетъ ему Викентій. Часто онъ позволяетъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, что̀ было бы пристойнѣе надѣть въ томъ или иномъ случаѣ.

II.

Кабинетъ Евлампія Григорьевича — высокая длинная комната, родъ огромнаго баула, съ отдѣлкой въ старомосковскомъ стилѣ. Свѣту въ ней гораздо меньше, чѣмъ въ остальныхъ покояхъ. Окна выходятъ на дворъ. Вездѣ обшивка изъ рѣзного дерева: дуба, корельской березы, орѣха. Потолокъ весь штучный, рѣзной, темныхъ колеровъ, съ переплетами и выпуклыми фигурами, съ тонкой позо-

лотой, стоилъ большихъ денегъ. Онъ выписной, работали его гдѣ-то въ Германіи. Поверхъ деревянной обшивки идутъ до потолка кожаные тисненые обои въ клѣтку, съ золотыми разводами и звѣздами. Ихъ нарочно заказывали во Франціи по рисунку. Такихъ обоевъ не отыщется ни у кого. Отъ нихъ кабинетъ смотритъ еще угрюмѣе, но „пошибъ" вознаграждаетъ за неудобство, разумѣется — „на охотника", кто понимаетъ толкъ. Евлампію Григорьевичу кажется, что онъ изъ такихъ именно „понимающихъ" охотниковъ. Каждый стулъ, табуретъ, этажерка дѣлались по рисункамъ архитектора. Хозяинъ кабинета не можетъ никуда поглядѣть, ни къ чему прислониться, ни на что сѣсть, чтобы не почувствовать, что эта комната, да и весь домъ, въ нѣкоторомъ родѣ—музей московско-византійскаго рококо. Это сознаніе наполняетъ Евлампія Григорьевича особымъ сладострастнымъ почтеніемъ къ собственному дому. Ему иногда не совсѣмъ ловко бываетъ среди такого количества вещей, заказанныхъ и сдѣланныхъ „по рисунку", но онъ все больше и больше убѣждается въ томъ, что безъ этихъ вещей и онъ самъ лишится своего отличія отъ другихъ коммерсантовъ, не будетъ имѣть никакого права на то, къ чему теперь стремится.

По самой срединѣ кабинета помѣщается письменный столъ съ цѣлымъ „поставцомъ", придѣланнымъ къ одному продольному краю, для картоновъ и ящиковъ, съ карнизами и русскими полотенцами, пополамъ изъ дуба и чернаго дерева, съ замками, скобами и ключами, выкованными и вырѣзанными „нарочно". Столъ смотритъ издали чѣмъ-то въ родѣ иконостаса. Онъ покрытъ бронзой и кожаными вещами, массивными и дорогими. До чего ни дотронешься, все выбрано подъ-стать остальной отдѣлкѣ. Хозяину стоило только разъ подчиниться, и все, что ни попадало на его столъ, отвѣчало за себя. Фотографическіе портреты, календарь, бювары, сигарочницы, портфели размѣщены были по столу въ извѣстномъ художественномъ порядкѣ. Иногда Евлампію Григорьевичу и хотѣлось бы переставить кое-что, но онъ не смѣлъ. Его архитекторъ разъ навсегда разставилъ вещи—нельзя нарушить стиля. Такъ точно и насчетъ мебели. Гдѣ что было первоначально поставлено, тамъ и стоитъ. Одинъ столикъ въ формѣ коровая, на кривыхъ ножкахъ, очень стѣсняетъ хозяина, когда онъ ходитъ взадъ и впередъ. Онъ, то и дѣло, задѣваетъ его ногой; но архитекторъ чуть не по-

ссорился съ нимъ изъ-за этого столика. Столику слѣдуетъ стоять тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ,—Евлампій Григорьевичъ смирился и старается каждый разъ обходить. Даже выборъ того мѣста въ стѣнѣ, гдѣ вдѣланъ несгораемый шкапъ, принадлежалъ не ему лично.

Два рѣзныхъ шкапа съ книгами, въ кожаныхъ, позолоченныхъ переплетахъ, сдавливаютъ комнату къ концу, противоположному окнамъ. Книгъ этихъ Евлампій Григорьевичъ никогда не вынимаетъ, но выборъ ихъ былъ сдѣланъ другимъ руководителемъ; переплеты заказывалъ опять архитекторъ, по своему рисунку. Онъ же выписалъ нѣсколько очень дорогихъ коллекцій по исторіи архитектуры и спеціальныхъ сочиненій. Такихъ изданій „ни у кого нѣтъ", даже и въ Румянцовскомъ музеѣ...

Надъ диваномъ, наискосокъ отъ письменнаго стола, виситъ поясной женскій портретъ—жены Евлампія Григорьевича, Марьи Орестовны, снятый лѣтъ шесть тому назадъ, въ овальной золотой оправѣ. Три-четыре картины русскихъ художниковъ, въ черныхъ матовыхъ рамахъ, уходятъ въ полусвѣтъ стѣнъ. Были тутъ и жанры, и ландшафты; но попали они случайно: въ любители картинъ хозяинъ кабинета не записывался—онъ не желалъ соперничать съ другими лицами своего сословія. Эта охотницкая отрасль мало отзывалась вкусами тѣхъ „совѣтниковъ" и руководителей, около которыхъ „выровнялся" Евлампій Григорьевичъ, сталъ тѣмъ, что̀ онъ есть въ настоящую минуту...

На столикѣ-табуретѣ, около письменнаго стола, допитый стаканъ чаю говорилъ о томъ, что Евлампій Григорьевичъ въ уборной, надѣваетъ чистую рубашку, послѣ вторичнаго умыванія.—Запахъ сигары ходилъ по кабинету, гдѣ стояла свѣжая температура, не больше тринадцати градусовъ.

III.

Уборная раздѣлена на три части: вправо туалетъ и помѣщеніе для того платья, какое приготовлено камердинеромъ; влѣво мраморный умывальникъ съ кранами холодной и горячей воды, на американскій манеръ, съ разноцвѣтными и всякими другими полотенцами... Спальня передѣ[illegible] изъ бывшей гардеробной. Это довольно низкая к[illegible] гдѣ всегда душно. Но больше некуда было пе[illegible] Евлампію Григорьевичу, когда Марья Орестовна, ссылаясь на совѣтъ своего доктора, объявила мужу, что

отнынѣ они будутъ жить „въ разноту“. Онъ смирился, но съ тѣхъ поръ все еще не утѣшился.

Ему минуло недавно сорокъ лѣтъ. Сложенія онъ сухого; узкая грудь, жидкія ноги и руки; средняго роста, блѣдное лицо скучнаго сидѣльца. Его русая бородка никакъ не поддается щеткѣ, она торчитъ въ разныя стороны. Стрижется онъ не длинно и не коротко. Глаза его, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, часто опущены. Онъ не любитъ смотрѣть на кого-нибудь прямо. Ему, то и дѣло, кажется, что не только люди,—начальство, сослуживцы, знакомые, половые въ трактирѣ, дамы въ концертѣ, свой кучеръ или швейцаръ,—но даже неодушевленные предметы подмигиваютъ и подсмѣиваются надъ нимъ.

Въ это утро онъ серьезно озабоченъ. Ему предстоятъ три визита, и каждый изъ нихъ требуетъ особеннаго разговора. А наканунѣ жена дала почувствовать, что сегодня будетъ что-нибудь чрезвычайное... И уступить надо!.. Нечего и думать о противорѣчіи... Но и уступкой не возьмешь, не сдѣлаешь этой неуязвимой, подавляющей его во всемъ Марьи Орестовны тѣмъ, о чемъ онъ изнываетъ долгіе годы... Только ему страшно заглянуть ей въ „нутро“ и увидать тамъ, какія чувства она къ нему имѣетъ, къ нему, который...

Но сколько разъ попадалъ онъ на зарубку того, что онъ положилъ къ ногамъ Марьи Орестовны,—и все-таки облегченія отъ этого не получилъ...

Рубашка застегнута до верхней запонки. Нѣтовъ позвонилъ и перешелъ въ кабинетъ,—у него была привычка одѣваться не въ спальнѣ и не въ уборной, а въ кабинетѣ.

Викентій вошелъ, перенесъ платье въ кабинетъ, положилъ его на древне-русскіе козлы съ собачьими мордами по концамъ и сталъ подавать разныя части туалета, встряхивая ихъ, каждую отдѣльно, какъ это дѣлаютъ старые слуги изъ крѣпостныхъ, бывшіе долго въ камердинерахъ.

Нѣтовъ оглянулся на окно и, скосивъ ротъ — зубы у него большіе, желтые—сказалъ:

— На дворѣ-то какая скверь! [illegible]

— Упалъ барометръ,—въ тонъ ему замѣт[illegible]ентій.

— Какой фракъ приготовилъ?—спросилъ [illegible]е.

— Второй-съ.

Онъ часто съ утра надѣвалъ фракъ. Ему приходилось

предсѣдательствовать въ разныхъ комитетахъ и собраніяхъ. Заѣзжать переодѣваться — некогда.

— Орденъ прикажете?—освѣдомился Викентій, когда натянулъ на плеча барина фракъ не первой свѣжести— дѣловой фракъ.

— Не надо...

Нѣтовъ надѣлъ бы и свою Анну, и Льва и Солнца второй степени, но Марья Орестовна формально ему приказала: ничего на шею не надѣвать, пока не добьется Владиміра, а персидскую звѣзду пристегивать только при пріемахъ какихъ-нибудь именитыхъ гостей. Ордена лежали у него въ особомъ кованомъ ларцѣ съ серебряными горельефами. Заказалъ себѣ онъ маленькіе ордена для вечеровъ, но и этого не любила Марья Орестовна. Она говорила, что Анну имѣетъ всякій частный приставъ.

— Узнай, можно ли къ Марьѣ Орестовнѣ?

Нѣтовъ никогда не произносилъ имени своей жены передъ камердинеромъ, не смущаясь, безъ внутренней потуги. Ему все сдавалось, что этотъ барскій „хамъ“ съ своей чиновничьей наружностью говоритъ ему про себя: „Эхъ ты, кавалеръ Льва и Солнца, въ крѣпостномъ услуженіи находишься у бабенки!“

Викентій вышелъ. Нѣтовъ взялъ со стола портфель и ждалъ не безъ волненія.

— Не выходили,—доложилъ, вернувшись, Викентій.

Нѣтовъ вздохнулъ. Этакъ лучше. Не сейчасъ надо испивать чашу.

IV.

Офиціанты, по знаку Викентія, выпрямились. Мимо одного изъ нихъ прошелъ „баринъ“ — прислуга такъ называла Евлампія Григорьевича — не глядя на него. Ему, до сихъ поръ, точно немножко стыдно передъ прислугою... А въ какомъ сановномъ, хотя бы графскомъ или княжескомъ домѣ, такъ все въ струнѣ, какъ у него?

Безъ Марьи Орестовны онъ никогда бы самъ не добился этого, кровь бы „разночинская“ не допустила.

Лакей отвѣсилъ ему поклонъ. Барыня приказала и этому офиціанту, и другимъ людямъ брить себѣ все лицо и волосы подстригать покороче. У ней зрѣла мысль напудрить ихъ въ одинъ изъ большихъ пріемовъ и разставить по лѣстницѣ. А при этомъ развѣ допустимы усы и даже бакенбарды?

Швейцаръ издали увидалъ Евлампія Григорьевича и встряхнулъ еще разъ шинель. Онъ разсчиталъ, что потребуется шинель, а не пальто: холодно и моросить. Викентій шелъ позади барина; дойдя до лѣстницы, онъ сбѣжалъ по другому сходу и взялъ шинель изъ рукъ швейцара.

— А пальто вычищено?—освѣдомился Викентій на всякій случай.

— Готово.

Поклонъ швейцаръ отвѣсилъ такой же, какъ и офиціанты. Не мало онъ натерпѣлся отъ барыни. Она долго находила, что онъ кланяется по-солдатски.

— Шинель прикажете?—спросилъ Викентій.

— Шинель.

Камердинеръ накинулъ на него широкую, съ длиннымъ капюшономъ, шинель, съ серебристымъ бобромъ, простеганную мелкими клѣтками, самаго строгаго петербургскаго покроя, крытую темнокоричневымъ сукномъ, немного впадающимъ въ бутылочный цвѣтъ. Марья же Орестовна дала ему совѣтъ заказать такую шинель у Сарра, въ Петербургѣ.

— Статсъ-секретарь Бутковъ носилъ этакія шинели,— сообщила она ему:—такъ и называются „manteau Boutkoff".

Ему бы никогда не догадаться. И дѣйствительно, когда онъ въ этой шинели, то ощущаетъ сейчасъ особую пріятность, нѣтъ мѣхового запаха, мягко, руку щекочетъ атласъ подкладки, всего проникаетъ струя порядочности, почета, власти... Пахнетъ статсъ-секретаремъ и камергеромъ.

Швейцаръ выбѣжалъ на подъѣздъ. Конюхъ торопливо потеръ щеткой бокъ одной изъ лошадей и отскочилъ въ сторону. Кучеръ перебралъ вожжами и заставилъ пару подпрыгнуть на мѣстѣ. Изморось все еще шла и начала слѣпить глаза кучеру.

На крыльцо вышелъ за швейцаромъ и Викентій. Онъ неизмѣнно дѣлалъ это. Даже Марья Орестовна должна была сознаться, что не она его этому научила. На лицѣ его всегда былъ вопросъ, обращенный къ барину:

„Не угодно ли что приказать, или что забыть изволили?"

Евлампій Григорьевичъ всегда говорилъ ему:

— Ступай.

Но Викентій подсаживалъ его каждый разъ, вмѣстѣ съ швейцаромъ.

Въ каретѣ Нѣтовъ укутался и сѣлъ въ уголъ. Портфель положилъ въ особое помѣщеніе, ниже подзеркальника, куда можно положить и книгу или газету. Часто онъ читаетъ въ каретѣ, когда отправляется на какое-нибудь засѣданіе.

То, что̀ онъ найдетъ тамъ, куда ѣдетъ по „своимъ дѣламъ“ и соображеніямъ, отступило передъ тѣмъ, что̀ ожидаетъ его сегодня дома, до обѣда.

Неужели ему весь вѣкъ такъ поджариваться на какой-то сковородѣ?.. Точно онъ лещъ, положенный живымъ въ кипящее масло. Это уподобленіе онъ самъ выдумалъ. Все есть, и впереди можно еще многаго добиться... и въ крупномъ чинѣ будетъ, и дворянство дадутъ, и черезъ плечо повѣсятъ, можетъ, черезъ какихъ-нибудь два-три года. Но онъ страдалецъ... Развѣ онъ господинъ у себя въ домѣ?.. Смѣетъ ли онъ поступить хоть въ чемъ-нибудь, какъ самъ желаетъ?.. Да и увѣренности у него нѣтъ... А вѣдь онъ не дуракъ!.. И что же нужно такое имѣть, чтобы обратить къ себѣ сердце женщины, не принцессы какой-нибудь, такой же купчихи, какъ и онъ?

Евлампій Григорьевичъ попалъ на свою зарубку... Что она такое была?.. Родители проторговались!.. Родня голая:—быть бы ей за какимъ-нибудь лавочникомъ или въ учительницы идти, въ народную школу, благо она въ университетѣ экзаменъ выдержала... Въ этомъ-то вся и сила!.. Еще при другихъ онъ употребляетъ ученыя слова, а какъ при ней скажетъ, хоть, напримѣръ, слово „цивилизація“, она на него посмотритъ искоса, онъ и очутится на сковородѣ...

V.

Первый ранній визитъ сдѣлалъ Нѣтовъ своему дядѣ, Алексѣю Тимоѳеевичу Взломцеву, старому человѣку по мануфактурному дѣлу, главѣ крупнѣйшей фирмы. Отъ него кормилось цѣлое населеніе въ тридцать тысячъ прядильщиковъ, ткачей и прочаго фабричнаго люда. Онъ придерживался единовѣрія, но безъ всякаго задора, позволялъ курить другимъ и самъ курилъ, читалъ „свѣтскія“ книжки, любилъ знакомство съ господами, стоящими за старину, за „Россію-матушку“ и единоплеменныхъ „братьевъ“, о которыхъ имѣлъ довольно смутное понятіе. Взломцевъ такъ много занимался по своимъ дѣламъ, что день расписывалъ на часы, и даже родственникамъ, и такимъ по-

четнымъ, какъ Нѣтовъ, назначалъ день и часъ, и сейчасъ заносилъ въ книжечку. Жилъ онъ одинъ, въ большомъ, богато отдѣланномъ домѣ съ парадными и „простыми" комнатами, безъ новыхъ затѣй, такъ, какъ это дѣлалось лѣтъ тритцать-сорокъ назадъ, когда отецъ его трепеталъ передъ полицеймейстеромъ и даже приставу подносилъ самъ бокалъ шампанскаго на подносѣ.

Нѣтова встрѣтилъ въ конторѣ, рядомъ съ кабинетомъ, высокій, чрезвычайно красивый сѣдой мужчина за шестьдесятъ лѣтъ, одѣтый „по-нѣмецки" въ длинноватый, темно-кофейный сюртукъ и бѣлый галстукъ. Онъ носилъ окладистую бороду, бѣлѣе волосъ на головѣ. Работалъ онъ стоя передъ конторкой. При входѣ племянника, онъ отпустилъ молодца, стоявшаго у притолки.

Они поцѣловались.

— Чаю хочешь?—спросилъ дядя.

— Пилъ, дяденька.

Евлампій Григорьевичъ не отсталъ отъ привычки называть его „дяденькой" и у себя, на большихъ обѣдахъ, что коробило Марью Орестовну. Онъ не разсчитывалъ на завѣщаніе дяди, хотя у того наслѣдниками состояли только дочери, и фирмѣ грозилъ переходъ въ руки „Богъ его знаетъ какого" зятя. Но безъ дяди онъ не могъ вести своей политики. Отъ старика Взломцева исходили идеи и толкали племянника въ извѣстномъ направленіи.

— Ну, что же скажешь?—спросилъ Взломцевъ, снялъ очки и заткнулъ гусиное перо за ухо.

Стальными онъ не писалъ. Глаза его, черные, умные и немного смѣющіеся, говорили, что долго ему некогда растобарывать съ племянникомъ.

— Да вотъ,—началъ, заикаясь, Нѣтовъ и поглядѣлъ на лацкана своего фрака, отчего почувствовалъ себя безпокойнѣе,—какъ насчетъ Константина Глѣбовича, онъ засылалъ просить... пожаловать къ нему... слышно, завѣщаніе составилъ...

— А нешто очень плохъ?

— Плохъ, не доживетъ, говорятъ, до распутицы.

— Что жъ... мы не наслѣдники,—пошутилъ старикъ,—за честь благодаримъ...

— Я вотъ сегодня хочу къ нему заѣхать въ полдень, такъ... узнать, когда онъ желаетъ васъ просить?

— Да, чтобы вѣрно было... и день, и часъ... Коли мо-

жетъ, такъ вечеромъ. Тутъ вѣдь исторія-то короткая. Читать мы завѣщаніе не станемъ.

— Конечно-съ. Только у него есть расчетъ на душеприказчиковъ.

— Я не пойду. Такъ ему и скажи, чтобъ извинилъ меня. Есть люди молодые. Да и своихъ дѣловъ много... Гдѣ мнѣ возиться?.. Еще кляузы пойдутъ! Жена остается... А онъ ей врядъ ли много оставитъ.

— Я полагаю, что не много... Такъ, на прожитье.

Помолчали.

— Жаль его,—выговорилъ дядя,—пожилъ бы.

Нѣтовъ вздохнулъ на особый манеръ.

— Съ нимъ много для тебя уходитъ, Евлампій... Чувствуешь ли ты?

— Помилуйте, дяденька!

— Надо тебѣ другого Константина Глѣбовича искать.

— Гдѣ же сыщешь?

— Да, нонѣ, братецъ, не та полоса пошла... Онъ для своего времени хорошъ былъ... Ну, и событія... Герцеговинцы... Опять за Сербію поднялись, тутъ, глядишь, война. А нынче тихо, не тѣмъ пахнетъ.

— Да, да,—повторялъ Нѣтовъ, отводя глаза отъ дяди.

— Ты достаточно у Лещова-то въ обученьѣ побывалъ. Пора бы и самому на ноги встать. Не все на помочахъ. Ты, братъ, я на тебя посмотрю, двойственный какой-то человѣкъ... Честь любишь, а смѣлости у тебя нѣтъ... И не глупъ, не дуракъ-парень... нельзя сказать; а все это, какъ нынче господа сочинители въ газетахъ пишутъ,— между двумя стульями садишься. Такъ-то...

Старикъ добродушно разсмѣялся.

VI.

У дяди своего Нѣтовъ чувствовалъ себя меньшимъ родственникомъ. Къ этому онъ уже привыкъ. Алексѣй Тимоѳеевичъ дѣлалъ ему внушенія отеческимъ тономъ, не скрывалъ того, что не считаетъ племянника „звѣздой", но безъ надобности и не принижалъ его. Къ Взломцеву Нѣтовъ всегда обращался за мнѣніемъ, и рѣдко уходилъ съ пустыми руками.

Помявшись на мѣстѣ, онъ сѣлъ въ сторонку и выговорилъ:

— Вотъ опять тоже Капитонъ Ѳеофилактовичъ.

— Что еще?—насмѣшливо спросилъ старикъ.

— Да какъ же, дяденька, вы разсудите... Былъ все съ нашими... Помните, пріемъ добровольцамъ дѣлалъ... и по Красному Кресту... И во всѣхъ такихъ... дѣлахъ... рѣчи тоже говорилъ... А мы, кажется, оказывали ему всякое почтеніе. А, между прочимъ, онъ между нашими врагами очутился.

— Почѐму ты такъ думаешь?

— Какъ же-съ! Теперь хоть бы въ этой новой газетѣ пошли разныя статейки и слухи... Прямо личность называютъ. Тутъ непремѣнно по внушеніямъ Капитона Ѳеофилактовича дѣлается.

— Можешь ли доказать?

— Видимое дѣло, дяденька.—Евлампій Григорьевичъ заговорилъ горячѣе. — Кто же кромѣ его знаетъ разныя разности... хотя бы и про насъ съ вами?

— А развѣ и про меня есть что?

— Изволите видѣть, прямо-то не смѣли назвать, а обиняками. Но узнать сейчасъ можно.

— Вре-ешь?—все еще весело спросилъ Взломцевъ.

Евлампій Григорьевичъ развернулъ портфель и вынулъ сложенный вчетверо листъ газеты.

— Вотъ, извольте взглянуть.

Онъ указалъ Взломцеву столбецъ и строку. Старикъ надѣлъ черепаховое pince-nez, взялъ газету, развернулъ весь листъ, отвелъ его рукой отъ себя на полъ-аршина и медленно, чуть замѣтно шевеля губами, прочелъ указанное мѣсто.

Съ его губъ не сходила усмѣшка, брови не сдвигались... Алексѣй Тимоѳеевичъ не почувствовалъ себя сильно обиженнымъ. Онъ часто говорилъ: „на то и газетки, чтобы быль съ небылицей мѣшать“. Въ статейкѣ имени его не стояло, но намеки были ясные. Подсмѣивались надъ славянолюбіемъ и „квасным“ патріотизмомъ и его племянника, и его самого.

— Изволили видѣть, дяденька?—началъ въ тотъ же тонъ Нѣтовъ. — И къ чему же это исподтишка?.. И сейчасъ „славянолюбцы“ и все такое... А самъ онъ развѣ не въ такихъ же мысляхъ былъ?.. Вездѣ кричалъ и застольныя рѣчи произносилъ... Вѣдь это, дяденька, какъ же назвать? Честный человѣкъ пойдетъ ли на такое дѣло?

Взломцевъ промолчалъ.

— И все это одинъ свой интересъ...

— А ты думалъ какъ?—перебилъ дядя и тихо разсмѣялся.

— Ему, изволите видѣть, непремѣнно хотѣлось прямо въ дѣйствительные статскіе... или, чтобъ Станислава черезъ плечо... А вмѣсто того и коллежскаго не получилъ. Такъ мы съ вами, дяденька, тутъ не причинны.

— Ужъ ты меня-то бы не вмѣшивалъ,—порѣзче перебилъ Алексѣй Тимоѳеевичъ.

— Да я говорю вообще, дяденька. Но, между прочимъ, и вы косвенно... Нельзя же такъ именитыхъ людей!.. И послѣ того, что онъ себя выдавалъ...

— А ты постой... Все это ты такъ... Очень онъ тебя испугался, хоть ты теперь и въ почетѣ... Ему надо въ дворяне выйти, или надо ему предоставить мѣсто такое, чтобы дѣла его совсѣмъ наладились.

— Это вѣрно-съ.

— Канючить, слѣдственно, нечего. Надо его ручнымъ сдѣлать.

— Я и думалъ то же.

— А придумалъ ли что?

— Да если что представится... А теперь вотъ я къ нему собираюсь... заѣхать... Насчетъ статейки ничего не скажу, а увижу, какъ онъ себя поведетъ.

— Съ пустыми-то руками явишься?.. умно!..

— Чинъ-то ему посулить не велика трудность.

— А ты спервоначалу самъ получи.

Евлампій Григорьевичъ покраснѣлъ. Дядя зналъ всѣ его сокровенные расчеты.

— Лучше же показать ему, что мы всю его тактику понимаемъ.

— А ты вотъ что...

Взломцевъ потеръ себѣ переносицу.

— Ты говоришь, очень Константинъ Глѣбовичъ плохъ?..

— Да какъ же-съ!.. Недѣли двѣ—больше не проживетъ.

— Надо будетъ его замѣщать.

— Кандидатъ есть.

— До новыхъ выборовъ... Кандидатъ не въ счетъ... Ты ему и посули... да онъ и не плохой директоръ будетъ... Пожалуй, лучше-то и не найдешь.

„И этого придумать не могъ,—дразнилъ себя Евлампій Григорьевичъ,—а вотъ дядя сейчасъ же смекнулъ, въ одну секунду! Эхъ!“

Долго не могъ онъ поднять глаза и взглянуть пристальнѣе на дядю.

— Такъ ли?—спросилъ Алексѣй Тимоѳеевичъ.

Племянникъ заходилъ съ опущенной головой.

— А ты сядь! Въ глазахъ у меня рябитъ, когда ты этакимъ маneромъ поворачиваешься.

— Ваша мысль богатая, дяденька!

— Ну, и поѣзжай... Лещову такъ и скажи, что Алексѣймолъ Тимоѳеевичъ благодаритъ за честь, свидѣтелемъ распишусь, а отъ душеприказчиковъ пускай избавитъ меня. Довольно и своихъ дѣловъ.

— А вы позволите, если рѣчь зайдетъ о директорствѣ... поставить на видъ, что Алексѣй Тимоѳеевичъ, съ своей стороны, какъ учредитель и главнѣйшій...

— Можешь, только осторожнѣе.

— Да ужъ вы извольте положиться на меня, дяденька.

— Извини, я тебя отпущу.

Старикъ повернулся къ конторкѣ, а потомъ вбокъ подалъ руку племяннику. Нѣтовъ такъ и вышелъ изъ конторы съ опущенной головой.

„Идей у него своихъ не имѣется! Это несомнѣнно. А кажется, чего было проще сообразить насчетъ смерти Лещова?.. Вотъ дядя, такъ голова!“

VII.

Къ другому родственнику—но уже со стороны отца и болѣе дальнему—Евлампій Григорьевичъ попалъ въ одиннадцать часовъ. Тотъ жилъ около Басманной. Домъ у Капитона Ѳеофилактовича Краснопёраго выстроенъ былъ на славу, съ картинной галлереей и зимнимъ садомъ. Лѣтъ двадцать назадъ, этотъ предприниматель сильно прогремѣлъ въ обѣихъ столицахъ. Чисто-русской изворотливостью отличался онъ. До желѣзнодорожной лихорадки, до банковскаго приволья, онъ уже пустилъ въ ходъ цѣлую дюжину обществъ, товариществъ и компаній. Одно время дѣла его такъ поразстроились, что онъ вынырнулъ потому только, что успѣлъ ловко продать всѣ свои паи. Года на три, на четыре онъ совсѣмъ притихъ, распродалъ свои картины, пріемы прекратилъ, ѣздилъ лѣчиться за границу. Потомъ опять подпялся, но ужъ не могъ и на одну треть дойти до прежняго своего положенія.

Никого онъ такъ не раздражалъ и не тревожилъ, какъ Евлампія Григорьевича. Краснопёрый служилъ живымъ примѣромъ русской бойкости и изворотливости, кичился своимъ умомъ, умѣньемъ говорить, — хотя говорилъ на обѣдахъ витіевато и шепеляво,—тѣмъ, что онъ все ви-

дѣлъ, все знаетъ, Европу изучилъ и Россіи открылъ новые пути богатства, за что давно бы слѣдовало ему поставить монументъ.

Честолюбивая, но самогрызущая душа понимала и ясно видѣла другую, еще болѣе тщеславную, но одаренную разносторонней смѣткой душу русскаго кулака.

„Цѣловальникъ, подносчикъ, фальшивый мужичонка", называлъ его про себя Евлампій Григорьевичъ и радовался несказанно, когда вдругъ всѣ заговорили, что Красноперый вылетѣлъ въ трубу съ дефицитомъ въ два милліона. Онъ презиралъ этого „выскочку", какъ сынъ купца, хоть и второй когда-то гильдіи, но оставившаго ему прочное дѣло, съ доходомъ, въ худой годъ, до двухсотъ тысячъ чистаганомъ. Ему не надо ни компаній составлять, ни людей морочить, ни во вся тяжкая пускаться и Европу удивлять. Онъ, Нѣтовъ,—выше всего этого. Но честь они оба любятъ одинаково. Обоимъ хочется ленту черезъ плечо и дворянство,—для себя самихъ хочется—дѣтей у нихъ нѣтъ. Такъ Красноперый еще подождетъ;—а у него, Нѣтова, и то, и другое будетъ. И онъ, какъ ни какъ, а почетное лицо. Только держать онъ себя и на одну сотую не умѣетъ такъ, какъ этотъ нахалъ. Тотъ у Господа Бога табачку попроситъ. Всѣ министры его пріятели, съ генералъ-адъютантами за панибрата, брюхо впередъ, фракъ ловко сидитъ, на всю залу, съ кѣмъ хочешь, будетъ своимъ суконнымъ языкомъ рацеи разводить.

Евлампій Григорьевичъ даже плюнулъ въ окно кареты за сто саженъ до дома своего родственника.

Вотъ и теперь... Онъ знаетъ, какъ тотъ его приметъ. Придется проглотить не одну пилюлю. И все это будетъ „неглиже". Такъ тебя и тычетъ носомъ: „пойми-де и почувствуй, что ты передо мною, хоть и въ почетѣ живешь,—мразь".

Щеки Евлампія Григорьевича краснѣли и даже пошли пятнами. Онъ хотѣлъ-было взяться за шнурокъ и крикнуть кучеру, чтобы тотъ поворачивалъ назадъ. Но сдѣлать визитъ надо. Хуже будетъ. „Дяденька Алексѣй Тимоѳеевичъ не даромъ придумалъ насчетъ мѣста директора. Только каково это будетъ прыгать передъ этакой ехидной? Онъ тебя изъ-за угла помоями обливаетъ, а ты къ нему на поклонъ съ дарами приходишь... „Батюшка, сложи гнѣвъ на милость!" Когда Нѣтовъ страдалъ и сердился про себя, голова его усиленно работала. Онъ находилъ

ъ себѣ и бойкія слова, и злость, и язвительность. Если бы онъ могъ вслухъ такъ кого-нибудь отдѣлать хоть разъ, тогда всѣ бы держали передъ нимъ „ухо востро". Но онъ чувствовалъ, что никогда у него недостанетъ духу. Вся горечь уйдетъ внутрь, всосется, потечетъ по жиламъ и отдастся въ горлѣ... Вѣкъ не вылѣзешь изъ своей кожи!

Его еще разъ непріятно кольнуло, когда карета остановилась на рысяхъ передъ крыльцомъ. А онъ не успѣлъ дорогой обдумать и того, въ какомъ порядкѣ сдѣлаетъ онъ свой „подходъ"; съ чего начнетъ: будетъ ли мягко упрекать, или не намекнетъ вовсе на газетную статейку?.. Вылѣзать изъ кареты надо. Дверь отворилась. Его принималъ швейцаръ.

VIII.

И швейцаръ, и остальная прислуга у Капитона Ѳеофилактовича одѣта по-русски, какъ кондукторы и прислуживающіе при шинельной „Славянскаго Базара", какъ швейцары конторъ и многихъ московскихъ домовъ—въ высокихъ сапогахъ бутылками и короткихъ казакинахъ. Не лучше ли бы было и ему, Нѣтову, такъ одѣть прислугу?.. А то выдаетъ себя за славянолюбца и хранителя русскихъ „началъ", а всѣ въ ливреяхъ, точно у какого нѣмецкаго принца. Но Марья Орестовна такъ распорядилась. Вѣдь и она воспитала себя въ славянолюбіи; но безъ ливреи не соглашается жить. А этотъ вотъ „подносчикъ" по наружности во всемъ изъ себя русака корчитъ. Самъ фракъ носитъ, но въ домѣ у него смазными сапогами пахнетъ. Нѣтъ офиціантовъ, выѣздныхъ, камердинеровъ, буфетчиковъ, одни только „малые" и „молодцы".

Изъ узкой передней лѣстница вела во второй этажъ. Съ верхней площадки, черезъ отворенную дверь, Евлампій Григорьевичъ вошелъ въ пріемную комнату, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ передъ кабинетами министровъ, съ кое-какой отдѣлкой. Къ одной изъ стѣнъ приставленъ былъ столъ, покрытый полинялымъ синимъ сукномъ. На немъ—закапанная хрустальная чернильница и графинъ со стаканомъ.

Дожидалось человѣка три мелкаго люда. У дверей кабинета стоялъ второй по счету казакинъ. Онъ впустилъ Евлампія Григорьевича съ докладомъ.

Въ кабинетѣ — большой комнатѣ, аршинъ десять въ длину—свѣтъ шелъ справа изъ итальянскаго и четырехъ

простыхъ оконъ и падалъ на столъ, помѣщенный поперекъ, огромный столъ въ обыкновенномъ петербургскомъ столярномъ вкусѣ. Мебель сафьянная съ краснымъ деревомъ, безъ особыхъ „рисунковъ", нѣсколько картинъ и, позади кресла, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, его портретъ во весь ростъ, работы лучшаго московскаго портретиста. Сходство было большое; только Капитонъ Ѳеофилактовичъ снимался лѣтъ десять раньше, когда волосы еще не такъ серебрились. На портретѣ его написали стоя, во фракѣ, съ орденомъ на шеѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ моднымъ вырѣзомъ жилета, и съ усмѣшкой, гдѣ можно было и не злоязычному человѣку прочесть вопросъ:

„А чѣмъ же я, примѣрно, не министръ финансовъ?"

Теперешній Капитонъ Ѳеофилактовичъ сидѣлъ въ соломенномъ креслѣ, въ полъ-оборота къ столу и лицомъ къ входной двери. Лицо его прямо такъ и выскочило изъ питейной лавочки, курносое, рябоватое; скулы выдавались, но ротъ хранилъ самодовольную и горделивую складку. Волосы, мелкокурчавые, онъ сохранилъ и на лбу, и на темени, носилъ ихъ не длинными и бороду подстригалъ. Его домашній свѣтло-сѣрый костюмъ смахивалъ на охотничью куртку. Короткая шея уходила въ широкій косой воротъ ночной рубашки, расшитый шелками, такъ же какъ и края рукавовъ; на пальцахъ остались слѣды чернилъ. Онъ врядъ ли еще умывался; ноги его, съ широкой, мужицкой ступней, засунуты были въ коты изъ плетеныхъ, суконныхъ ремешковъ, какіе носятъ старухи.

При входѣ Евлампія Григорьевича, Красноперый не привсталъ и даже не обернулся къ нему тотчасъ же, а продолжалъ говорить съ приказчикомъ. Тотъ стоялъ налѣво, у боковой двери, въ короткомъ пальто, шерстяномъ шарфѣ и большихъ сапогахъ, малый за тридцать лѣтъ, съ смиренно-плутоватымъ лицомъ. Голову онъ наклонилъ, подался всѣмъ корпусомъ и не дѣлалъ ни шагу впередъ, а только перебиралъ ногами. Вся его посадка изображала собою напряженное вниманіе и преклоненіе передъ хозяйскимъ „приказомъ".

Гость остановился и притаилъ дыханіе. Уже самый пріемъ этотъ оскорблялъ его. Развѣ эта „образина" не могла попросить его въ гостиную и извиниться, приказчика сначала отпустить, а не продолжать передъ нимъ, Евлампіемъ Григорьевичемъ, своихъ домашнихъ распоряженій, да еще въ ночной сорочкѣ и котахъ? Красныя пятна на щекахъ обозначились съ новой силой.

IX.

— Не перепутай,—продолжалъ Красноперый и ткнулъ въ воздухъ грязнымъ указательнымъ пальцемъ.

Когда онъ говорилъ, въ груди у него слышался хрипъ, точно въ засоренномъ чубукѣ. Онъ часто икалъ.

— Какъ можно-съ,—откликнулся приказчикъ.

— Оттуда къ Мурзуеву... Полушубковъ пятьсотъ штукъ, да хорошихъ, не кислыхъ.

— Слушаю-съ.

— Кажинную штуку пересмотри и перенюхай.

— Слушаю-съ.

— Отъ Мурзуева къ тому... знаешь, въ Зарядьѣ?

— Знаю-съ.

— Капитонъ-молъ Ѳеофилактовичъ приказали отпустить холста рубашечнаго двѣ тысячи аршинъ... ярославскаго, полубѣлаго, чтобъ безъ гнили.

— Слушаю-съ.

Тутъ только Красноперый обернулся къ гостю и небрежно сказалъ ему:

— А, Евлампій Григорьевичъ! Здравствуй!.. Обожди маленько... присядь.

Всего обиднѣе то, что онъ ему говоритъ „ты". И всегда такъ говорилъ... Они четвероюродные братья, но есть разница лѣтъ. Другой бы давно далъ знать такому „стрекулисту", что пора оставить эту фамильярность, или ему самому отвѣчать такимъ же „ты". И на это не хватаетъ духу!..

— Все искупи седни,—онъ, не стѣсняясь, говорилъ „седни", а въ сановники мѣтилъ,—и сдай въ складъ, подъ расписку.

— Слушаю-съ,—повторилъ въ двадцатый разъ приказчикъ.

— Для васъ все, для вашей команды,—еще небрежнѣе замѣтилъ Красноперый родственнику.

Евлампій Григорьевичъ хотѣлъ что-то возразить, но лицо хозяина кабинета уже смотрѣло въ профиль на приказчика.

— Съ Богомъ,—отпустилъ Красноперый, и не тотчасъ же обернулся къ Нѣтову, а нагнулъ голову, какъ бы что-то соображая.

Приказчикъ взялся за ручку двери.

— Вонифатьевъ!—крикнулъ хозяинъ.

— Что прикажете-съ?

Больше двухъ шаговъ приказчикъ не сдѣлалъ.

— Вотъ еще что я забылъ, братецъ... По Ильинкѣ проѣзжать будешь, то, бишь, по Никольской, заверни къ Феррейну и отдай ему... не въ аптеку, а въ магазинъ... матеріаловъ.

— Понимаю-съ.

— Чтобы все по запискѣ было отпущено безъ задержекъ.

— Записочку...

— Что ты мнѣ тычешь?.. Знаю...

Красноперый, не спѣша, открылъ одинъ изъ ящиковъ, порылся тамъ, досталъ бумажку, сложенную вдвое, и протянулъ.

Приказчикъ подбѣжалъ и взялъ бумажку.

— И такимъ же манеромъ въ складѣ прикажете?

— Да, братецъ, и въ складѣ... ступай...

„Вотъ и ему, Нѣтову, этотъ куценосый будетъ сейчасъ же говорить „ты“, какъ и Вонифатьеву въ смазныхъ сапогахъ“.

Дверь затворилась за приказчикомъ.

Капитонъ Ѳеофилактовичъ сѣлъ теперь въ кресло, лицомъ къ гостю, потянулся и зѣвнулъ.

— Что не куришь?

— Не хочется,—отвѣтилъ Нѣтовъ, и почувствовалъ, какой у него школьническій голосъ.

— Добро пожаловать!.. А ты, кажется, въ изумленіе пришелъ, что я тебѣ сказалъ насчетъ склада?.. Да, братъ, я теперь отдуваюсь... Ваши дамы-то... хоть бы и твоя супруга... только ленточки да медальки носить охотницы; а охотка прошла—и нѣтъ ничего.

— Однако...—началъ было Нѣтовъ.

— Да что тутъ однако, я тебѣ на дѣлѣ показываю... Ты вѣдь тоже соревнователемъ числишься... А заглядывалъ ли ты туда хоть разъ въ полугодіе, вотъ хотя бы съ весны?..

— Вы знаете, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, что у меня у одного кажется...

— Нечего кичиться твоими трудами!.. Сидишь да потѣешь въ разныхъ комитетахъ... Ха-ха!.. А послѣ надъ тобой же смѣются... Лучше бы похлопотать о русскомъ раненомъ воинѣ. Чево! Война прошла... Цѣлымъ батальонамъ ноги отморозило!.. Калѣкъ-перехожихъ надѣлали

что песку морского... Пущай!.. Глядь—ни холста, ни полушубковъ, ни денегъ,—ничего!.. Красноперова за бока!.. Онъ христолюбецъ!..

X.

Губы Евлампія Григорьевича совсѣмъ побѣлѣли. Онъ то потиралъ руки, то хватался правой рукой за лацканъ фрака. „Бахвальство“ братца душило его. А отвѣчать нечего. Онъ, дѣйствительно, не знаетъ, что̀ дѣлается въ этомъ „складѣ“. И Марья Орестовна что-то туда не ѣздитъ. У ней вышла исторія, она не перенесла одной какой-то фразы отъ предсѣдательши. Съ тѣхъ поръ не даетъ ни копейки, и не дежуритъ, аршина холста не посылала... А этотъ „Капитошка“ угостилъ его цѣлымъ нравоученьемъ, перечислилъ и полушубки, и холсты, и аптекарскіе товары.

— Такъ-то оно и все идетъ у насъ на Руси православной,—протянулъ Капитонъ Ѳеофилактовичъ и, прищурившись на гостя, подзадоривающимъ тономъ спросилъ:—Читалъ, какъ васъ съ дяденькой-то ловко отщелкали, а-сь?..

Этого не ожидалъ Нѣтовъ даже и отъ Красноперова. Самъ онъ — завѣдомо подстрекатель пасквиля, и вдругъ издѣвается, какъ ни въ чемъ не бывало!..

— А что же-съ, вамъ это особенно пріятно?—сумѣлъ онъ спросить, и голосъ его дрогнулъ.

— Да мнѣ что? Не дѣтей съ вами крестить! Ругайтесь промежъ себя, намъ же лучше.

— Однако, такая газета сто̀итъ того, чтобы ее судомъ...

— Судись, коли охота есть!.. Деньги-то все равно зря тратишь. Ну, найми Ѳедора Никифоровича. Онъ тебя такъ распишетъ, что хоть сейчасъ въ царствіе небесное... Ха-ха!..

— Дядюшка тутъ припутанъ ни къ селу, ни къ городу.

— Факты вѣрные... Скаредъ и самодуръ... Онъ все въ сторонкѣ, да потихоньку, анъ и его — на свѣжую воду... Радуйся! Вѣдь тебя, братъ, супруга въ альдермены, на аглицкій манеръ, произвела... Ну, и стой за свободу слова, за гласность. Ты долженъ это дѣлать, долженъ... Ха-ха-ха!..

Красноперый долго смѣялся, покачиваясь на креслѣ. Ногу онъ задралъ кверху.

Блѣдность Евлампія Григорьевича перешла опять въ красноту. Онъ еще сильнѣе краснѣлъ отъ сознанія, что не въ силахъ сдержать себя, съ презрѣніемъ относиться ко всему этому „гаерству“ и безнаказанной дерзости „мужлана“ и „сивушника“.

— Что жъ вы думаете,—заговорилъ опять Краснопѣрый, — вамъ всѣ въ зубы будутъ глядѣть?.. Хозяйничай, какъ знаешь, батюшка!.. Да я бы васъ еще не такъ! Отдали самыя сурьезныя статьи въ чьи руки?..

— Свѣдущіе люди...

— Отчего шпыняютъ васъ?! Оттого, что вы какого-нибудь голоштаннаго кандидатишку пошлете за границу отхожія мѣста изучать, съ меня же, какъ съ платящаго жителя, сдерете на его содержаніе, а потомъ позволяете ему мудрить и эксперименты производить!.. Эхъ, вы!..

Онъ всталъ, подтянулъ свой костюмъ весьма безцеремонно и пожалъ плечами.

Какъ же говорить послѣ такого пріема? Только срамиться. И переходъ-то нельзя сдѣлать. Къ чему придраться? Или разговоръ перевернуть? На это Евлампія Григорьевича никогда не ставало и въ засѣданіяхъ, не то что ужъ въ подобномъ случаѣ.

— Вы это напрасно,—выговорилъ онъ съ большимъ усиліемъ; лучше всего было молчать: — разумнѣе и ловчѣе ничего не придумаешь...

— Да нечего!.. Газетная лапша—хорошая штука для вашего брата...

— Мы не такъ къ вамъ относимся...

— Кто мы?

— Да хоть бы дядюшка... и я тоже. До сихъ поръ, кажется, имѣлъ я основаніе, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, считать васъ русскимъ кореннымъ человѣкомъ... Вы же меня и ввели къ такимъ людямъ, какъ хотя бы Лещовъ, Константинъ Глѣбычъ...

— Да ты куда это ударился, сударь мой?

— Нешто мы измѣнили? Или передались, что ли? Вонъ другіе себя величаютъ всячески: либералы мы, говорятъ, западники... А я, кажется, все въ томъ же духѣ...

— Надоѣлъ, Евлампій Григорьевичъ, надоѣлъ ты мнѣ своимъ нытьемъ... Славянофилъ ты, что ли? Кто тебя этому надоумилъ? Книжки ты сочинялъ или стихи, какъ Алексѣй Степанычъ—покойникъ? Пренія производилъ съ питерскими умниками, аль опять съ начетчиками въ

Кремлѣ? Ни пава ты, ни ворона! И Лещовъ надъ тобой же издѣвался!.. Я тебѣ это говорю доподлинно!

XI.

Дальше молчать было невозможно. Евлампій Григорьевичъ задвигался на стулѣ.

— Зачѣмъ же-съ, зачѣмъ же-съ,—заговорилъ онъ. — Я вовсе въ это не желаю входить. Душевно признателенъ за то, что видѣлъ отъ Константина Глѣбовича. И хотя бы онъ за-глаза... при его характерѣ оно и не мудрено; но мы объ этомъ не станемъ-съ...

— Это твое дѣло!—перебилъ Краснопёрый.

— Не станемъ-съ,—повторилъ Нѣтовъ.—Потому, кто же можетъ въ душу къ другому человѣку залѣзть? А вотъ, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, мы съ дядюшкой Алексѣемъ Тимоѳеевичемъ думаемъ сдѣлать вамъ совсѣмъ другое... сообщеніе.

— Какое такое сообщеніе?

Краснопёрый подперъ себѣ руки въ бока.

— Такъ какъ Константинъ Глѣбовичъ очень плохъ, можно сказать, въ полномъ разстройствѣ здоровья, такъ мы и думали... по прежнимъ нашимъ связямъ съ вами...

— Ну-у?

— Какъ вы полагаете сами насчетъ мѣстовъ, занимаемыхъ теперь Константиномъ Глѣбовичемъ?..

Лицо Краснопёрова измѣнило выраженіе. Онъ подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Какъ же тутъ полагать? Ты говори толкомъ.

— Вѣдь желательно, чтобы, ежели послѣ его кончины мѣста эти останутся вакантными—человѣкъ стоющій получилъ главную силу и могъ сообразно тому дѣйствовать.

— Дальше что же, сударь мой, дальше-то?

— И чѣмъ раздоры имѣть... и другъ дружку ослаблять, не любезнѣе ли бы было, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, въ соглашеніе войти... Если вы къ намъ въ тѣхъ же чувствахъ, какъ и прежде, то мы, съ своей стороны, окажемъ вамъ поддержку.

— А ты думаешь, для меня ни вѣсть какая благодать на Лещова мѣсто сѣсть?—пренебрежительно спросилъ Краснoперый. Онъ сразу уразумѣлъ, въ чемъ дѣло, и уже сообразилъ, какъ надо поломаться. Коли сами залѣзаютъ, стало, онъ имъ нуженъ... Газетныя статейки подѣйствовали.

„Подлецъ ты, подлецъ,—безпомощно бранился про себя Нѣтовъ: — и зачѣмъ я тебя улещаю?.. Надо бы тебя за пасквили къ мировому, а то и въ окружный... Ты же насъ осрамилъ на всю Москву, и я же долженъ прыгать передъ тобою“.

— Хуже будетъ, ежели кто-нибудь изъ вашихъ заклятыхъ враговъ да попадетъ...—сказалъ съ усиліемъ Нѣтовъ. — Вѣдь вы опять въ дѣла вошли. Кредитъ поднимется сразу и всякое предпріятіе.

— Тихъ, тихъ, а посулы знаешь!

— Почему же вы это за посулы принимаете? Надо предвидѣть-съ.

— Благопріятель еще живъ, а мы ужъ разсчитываемъ, кого бы намъ посадить, чтобы нашу руку гнули. Объ одеждахъ его мечемъ жребій!..

— Это ужъ совсѣмъ напрасно,—разсердился въявь Нѣтовъ и всталъ. — Вамъ достаточно извѣстно, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, что я никакими аферами не занимаюсь (Марья Орестовна не могла его отучить отъ „аферъ“); ежели я и дядюшка Алексѣй Тимоѳеевичъ объ чемъ хлопочемъ, такъ это единственно, чтобъ люди стоющіе сидѣли на такихъ мѣстахъ. И потомъ мы полагали, что вамъ съ нами ссориться не изъ чего. Кромѣ всякаго содѣйствія вы отъ насъ ничего не видали.

— Ладно, ладно!.. Сейчасъ и пѣтушится, ха-ха!..

Краснoперый перемѣнилъ тонъ.

— Была бы честь предложена!—вырвалось у Нѣтова.

Но онъ тотчасъ же испугался и ушелъ въ себя.

— Да ладно, я вѣдь не кусаюсь... А ты вотъ что мнѣ скажи: это ты самъ придумалъ насчетъ Лещова?.. Врядъ ли!.. Дядюшка надоумилъ?

— Это все единственно... кто... я ли, дядюшка ли, что для васъ выгоду имѣетъ, вы сообразите сами...

— Плохъ онъ нешто?..—спросилъ вдругъ Краснoперый серьезно.

— Вы о комъ, о Константинѣ Глѣбовичѣ?

— Да.

— Оченно плохъ... Я вотъ къ нему...

— Удостовѣриться, сколько дней проживетъ?

— Вовсе не такъ, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, вовсе не въ этихъ расчетахъ, а потому собственно, что они просили насчетъ завѣщанія.

— Пишетъ?

— Да-съ... И дядюшку желали въ душеприказчики.

— Тотъ не пошелъ... старый аспидъ?

— У нихъ дѣловъ достаточно и своихъ...

— А ты?

— Мнѣ также вмѣшиваться не хотѣлось бы... подписаться свидѣтелемъ, почему не подписаться...

— Улита ѣдетъ скоро ли будетъ... Лещовъ-то пять разъ ужъ на моей памяти отходилъ, однако, все еще живъ. Онъ Господа Бога слопаетъ.

— Не доживетъ до зимы.

— Ну, и пущай его... Вамъ съ дядей вотъ что́ скажу, другъ любезный: загадывать нечего, можно и проврать-ся... Коли вы оба со мной ладить хотите... такъ мы посмотримъ...

— Мы надѣемся, что вы, какъ и прежде, этихъ-то, которые надъ нами въ издѣвку... и насчетъ русскихъ и славянъ...

— Это ты не гоноши... Я—русакъ. Въ деревнѣ родился... стало, нечего меня русскому-то духу обучать... А вы очень не тянитесь... за барами, которые... кричатъ-то много... Онъ, говоритъ, западникъ... Мы не того направленія.. Вы оба о томъ лучше думайте, чтобъ куръ не смѣшить, да стоющимъ людямъ поперекъ дороги не становиться, такъ-то!..

Краснопёрый всталъ и протянулъ руку Нѣтову. Больше не о чемъ было разговаривать. Хорошо еще, что проводилъ до пріемной.

XII.

Не много пріятности предстояло и у Лещова. Но, видно, такой крестъ выпалъ, даромъ ничто не дается.

Всю дорогу — минутъ съ двадцать—на душѣ Евлампія Григорьевича то защемитъ отъ „пакости“ Краснопёрова, то начнетъ мутить совѣсть: человѣкъ умираетъ, проситъ его въ свидѣтели по завѣщанію, училъ уму-разуму, изъ самыхъ немудрыхъ торговцевъ сдѣлалъ изъ него особу, а онъ, какъ „Капитошка“ сейчасъ ржалъ: „объ одеждахъ его мечетъ жребій“; срамъ - стыдобушка! Сядетъ у его кровати, ровно другъ, а самъ передъ тѣмъ заѣзжалъ къ такому „мерзецу“, какъ Красноперый, сулить ему мѣста Константина Глѣбовича. И зачѣмъ все это?.. Не могъ онъ развѣ жить себѣ припѣваючи? Ни заботъ, ни сухоты, ни обиды. Гдѣ хочешь... въ Ниццу или въ Неаполь, что ли,

поѣзжай. Палаццо тамъ выведи, пѣвчихъ своихъ, церковь собственную... Такъ нѣтъ!.. Все подошло одно къ одному; завелся и выросъ внутри червякъ,—какое—цѣлый глистъ ленточный, гложетъ и гложетъ... И къ людямъ такимъ попалъ въ выучку: Лещовъ, Марья Орестовна. Теперь ужъ и нельзя назадъ, не пускаетъ собственное прошедшее.

Ежится Евлампій Григорьевичъ въ своей мягкой стеганой шинели. Ему не по себѣ, точно онъ передъ припадкомъ лихорадки... Слишкомъ ужъ играли на его нервахъ, да и еще поиграютъ. У Лещова онъ засиживаться не станетъ.. Нѣтъ!.. А дома-то?.. Что такое готовитъ Марья Орестовна?.. Господи!..

Карета въѣхала въ ворота и остановилась у подъѣзда со стариннымъ навѣсомъ деревяннаго крыльца. Домъ у Лещова былъ небольшой, одноэтажный, съ улицы штукатуренный, въ переулкѣ, около Новинскаго бульвара, старый, купленный съ аукціона; построенъ былъ какимъ-то еще „бригадиромъ“.

Покупщикъ поправилъ его немного внутри, сдѣлалъ потеплѣе, перестлалъ полы и вставилъ новыя окна; но объ убранствѣ не заботился. Расположеніе комнатъ, почти вся мебель, даже запахъ старыхъ дворянскихъ покоевъ, остались тѣ же. Одна зала была попросторнѣе, остальныя комнаты тѣсныя и воздухъ въ нихъ всегда стоялъ спертый.

Впустилъ Нѣтова лакей съ длинными усами, въ черномъ сюртукѣ.

— Здравствуйте, батюшка Евлампій Григорьевичъ,—сказалъ онъ съ поклономъ.

— Какъ баринъ?—спросилъ Нѣтовъ, войдя въ переднюю, гдѣ еще сохранились „лари“.

— Очень мучились... Одышка... Совсѣмъ залило... вода-то...—прибавилъ онъ шопотомъ.—Докторъ въ три часа ночи былъ. Консиліумъ, слышно, хотятъ.

— Кто у него теперь?

— Ждали Качѣева, Аполлона Ѳедоровича,—изволили знать?

— Адвокатъ?

— Да-съ... А тѣхъ вотъ о сю-пору нѣтъ. Верхового послали...

И въ переднюю проникъ запахъ комнаты трудно-больного. Нѣтовъ нахмурился и сжалъ губы. Онъ боялся покойниковъ и умирающихъ.

Лакей пошелъ впередъ черезъ залу — пустую, скучную

комнату, съ ломберными столами и роялемъ, безъ растеній, безъ картинъ, черезъ гостиную съ красной штофной мебелью, проходную, неуютную, и повернулъ налѣво чрезъ комнату, которая у прежнихъ владѣльцевъ называлась „чайной".

Раскатъ желудочнаго кашля остановилъ и испугалъ Нѣтова. Точно у него самого вышло наружу все нутро. Лакей постучалъ въ дверь и пріотворилъ. Оттуда выглянуло молодое лицо. Они пошептались.

— Пожалуйте, батюшка,—пригласилъ лакей Евлампія Григорьевича.

Больной помѣщался на широкой, двуспальной кровати изъ темнаго орѣха. Шторы были подняты, но свѣтъ входилъ въ комнату сѣрый; коричневые обои дѣлали ее еще болѣе тоскливой. Только дамскій туалетъ, съ серебрянымъ зеркаломъ и кисеей на розовой подкладкѣ, немного освѣжалъ общій видъ. Въ воздухѣ двигались невидимыя полосы эѳира, испаренія микстуръ. Въ подушкахъ, опершись о нихъ спиной, Лещовъ только что осилилъ страшный припадокъ удушья и кашля. Голова его опустилась на-бокъ. Изъ длиннаго, отекшаго лица съ рѣдкой бородой, почти совсѣмъ сѣдой, глядѣли два глаза, озлобленные на боль, подозрѣвающіе, полные горечи и брезгливаго чувства ко всѣмъ и ко всему. Глаза эти то расширяли свои зрачки, то разбѣгались и блуждали по комнатѣ. Ротъ кривился. Грудь дышала коротко и томительно. Можно было замѣтить, что ее „заливаетъ", какъ сказалъ лакей Нѣтову. Животъ, непомѣрно раздутый, указывалъ также на послѣдній періодъ водяной. Фланелевое одѣяло прикрывало тѣло больного до пояса. Онъ разметалъ его. На ногахъ лежало другое, полегче. У изголовья стоялъ столикъ со множествомъ лѣкарствъ. Въ ногахъ, на табуретѣ, лежали игральныя карты и грифельная доска. Подальше, изъ-за кровати, выставлялся сложенный ломберный столъ; на немъ—бумаги, чернильница съ перомъ и два толстыхъ тома.

Жена Лещова смотрѣла дамой лѣтъ подъ тридцать. Она, какъ-то не подъ-стать комнатѣ при-смерти больного, была старательно причесана и одѣта, точно для выѣзда, въ шелковое платье, въ браслетѣ и медальонѣ. Ея бѣлокурое, довольно полное и красивое лицо совсѣмъ не оживлялось глазами неопредѣленнаго цвѣта, немного заспанными. Она улыбнулась Нѣтову улыбкой женщины, не же-

лающей никого раздражать и способной все выслушать и перенести.

— Евлампій Григорьевичъ,—тихо сказала жена, наклоняясь надъ нимъ.

— А? что?..—раздраженно окликнулъ онъ.

Она повторила и, обернувшись къ гостю, показала лицомъ, какъ она хорошо переноситъ послѣдніе дни своихъ мученій.

Нѣтовъ подошелъ къ кровати на цыпочкахъ.

— А! пріѣхалъ!.. Спасибо!..

И Лещовъ говорилъ ему „ты“. А онъ ему „вы“.

— Какъ?—спросилъ Нѣтовъ больного.

— Видишь... Душитъ... Скоты у насъ доктора... Разбойники!.. Вотъ хочу Маттеи попробовать... А всѣхъ этихъ жидовъ гнать вонъ!.. Сотенныхъ-то!

Лещовъ схватился за грудь и злобно вскинулъ головой на жену.

— Ну, что торчишь?.. Что торчишь? Господи ты Боже мой!.. Ну, сложи все это съ табуретки!.. И уходи! Не мозоль ты мнѣ глаза!

Жена взяла карты и грифельную доску и вышла молча, сохраняя все ту же улыбку.

XIII.

— А дядя что? Алексѣй Тимоѳеевичъ? Ты ему передавалъ мою просьбу?

— Передавалъ-съ, Константинъ Глѣбовичъ.

— И что же?

— Опи свидѣтелемъ—съ полнымъ удовольствіемъ...

— Стало, въ душеприказчики не хочетъ?

— Изволите видѣть...

— А-а!—перебилъ больной и глаза его сверкнули...—Пятится?.. И ты тоже?

— Я, Константинъ Глѣбовичъ... съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... только позвольте вамъ доложить...

— Ну да, ну да!.. Ахъ вы, христопродавцы!..

Онъ откинулся на подушку. Въ горлѣ у него захрипѣло. Но въ такомъ положеніи онъ оставался не долго. Снова приподнялъ онъ голову и подался впередъ, такъ что его голова почти ткнулась въ лицо Нѣтову.

— Вотъ вы всѣ таковы! Пока человѣкъ живъ, на ногахъ, нуженъ вамъ, глупость-то вашу отчищаетъ, какъ коросту какую,—вы ему всякое уваженіе. А тутъ въ пустя-

кахъ — отказъ, трусость поганая, моя хата — съ краю... Славно!.. Чудесно!.. И не надо!..

— Константинъ Глѣбовичъ, вы изволите знать дядюшку! У нихъ дѣловъ собственныхъ по горло. И съ судомъ они опасаются всякихъ столкновеніевъ.

— Дѣловъ... Столкновеніевъ! Вотъ они у насъ какъ выражаются, господа коммерсанты...

Больной приподнялся и выпрямился. Правую руку онъ вытянулъ, а лѣвой открылъ еще больше воротъ рубашки.

— И въ васъ-то я двадцать-пять лѣтъ самыхъ лучшихъ всадилъ, въ васъ?! Срамъ вспомнить!.. Меня съ вами начали смѣшивать... въ одну кучу валить... Такой же кулакъ, говорятъ, какъ и всѣ они, воротила, выжига, выкормокъ купеческій. А я магистерскій дипломъ имѣю... Ты это забылъ?..

— Помилуйте, Константинъ Глѣбовичъ...

— А я забылъ!.. За чечевичную похлебку, какъ Исавъ, продалъ свое первородство. Сталъ съ вашимъ братомъ якшаться!.. И благодарности захотѣлъ...

Ротъ больного сводило. Онъ заметался на постели. Нѣтову сдѣлалось очень жутко. Самъ онъ готовъ былъ сейчасъ пойти въ душеприказчики, но за дядю отвѣчать не могъ.

— Христа-ради, Константинъ Глѣбовичъ,—заговорилъ онъ, — не извольте такъ разстраиваться-съ. Я, съ своей стороны, готовъ.

— Не хочу!..—крикнулъ гнѣвно Лещовъ, — не хочу!.. Убирайтесь!.. Найду и другихъ. Дворника позову, кучера, вонъ Андрея своего... не хуже васъ будутъ... и въ безграмотствѣ не уступятъ... Вотъ... умирать какъ пришлось...

— Я за честь почту-съ,—продолжалъ Нѣтовъ, — быть свидѣтелемъ, коли ваше на то желаніе, Константинъ Глѣбовичъ.

— Не надо!.. Не нуждаюсь... Я васъ насквозь вижу... Вы ужъ и теперь подыскиваете человѣка на мою вакансію. Чего глаза-то опускаешь, Евлампій Григорьевичъ?.. Ваше степенство! Вонъ и щеки у тебя пятнами пошли...

— Помилуйте-съ!..—прошепталъ Нѣтовъ. Ему ужасно захотѣлось съежиться.

— Ха-ха! — разразился Лещовъ, и его смѣхъ перешелъ въ новые раскаты кашля.

Нѣтовъ переполошился, вскочилъ, схватилъ стаканъ съ какимъ-то питьемъ.

Изъ полуотворенной двери показалось лицо жены.

— Микстура бѣлая,—шопотомъ подсказала она Нѣтову и скрылась.

— Прикажете лѣкарства?—спросилъ тотъ больного.

Лещовъ ничего не отвѣтилъ. Онъ съ усиліемъ откашливался. Жилы налились у него на лбу и вискахъ. Лицо посинѣло. Надо было поддерживать ему голову. Послѣ припадка, онъ упалъ пластомъ на подушки и съ минуту лежалъ, не раскрывая глазъ. Въ спальнѣ слышалось его дыханіе.

На цыпочкахъ отошелъ Нѣтовъ къ двери.

Вдругъ больной схватился за колокольчикъ и позвонилъ. Дверь отворила жена.

— Качѣевъ здѣсь?—чуть слышно спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще!

— Разбойникъ!.. Селадонъ проклятый!..

Онъ уже не обращалъ никакого вниманія на гостя.

— Не угодно ли мой экипажъ?—предложилъ Нѣтовъ, обращаясь къ женѣ.

— Не хочу!—крикнулъ Лещовъ.—Не надо!.. Благопріятели удружили! Оставьте меня! всѣ, всѣ!..

И онъ замахалъ рукой.

XIV.

Нѣтовъ вышелъ за двери съ Лещовой.

Она улыбнулась ему, сложила руки, какъ на картинахъ складываютъ, становясь передъ образомъ, и подняла глаза.

— Ради Бога,—заговорила она, уводя его въ гостиную.—Не раздражайте его. Простите. Онъ внѣ себя.

— Да, я понимаю-съ,—заторопился Нѣтовъ, — совершенно вѣрно изволите говорить. Внѣ себя.

— Пожалуйста, прошу васъ... согласитесь...

Она опустилась на диванъ и приложила къ глазамъ батистовый платокъ съ разноцвѣтной монограммой.

— Да я съ полной готовностью. И дядюшка Алексѣй Тимоѳеевичъ согласны въ свидѣтели.

— Какіе свидѣтели?—вдругъ спросила она наивнымъ тономъ и отняла платокъ отъ покраснѣвшихъ глазъ.

— По духовной...

Евлампій Григорьевичъ прикусилъ себѣ языкъ. Онъ, быть-можетъ, проврался. Вѣдь этихъ вещей не говорятъ

женамъ. Кто ее знаетъ? Живутъ они, кажется, не очень-то ладно.

— По завѣщанію?—томно переспросила она и склонила голову на плечо.

— Собственно... я полагаю такъ,—началъ путаться Евлампій Григорьевичъ.

— Ахъ, monsieur Нѣтовъ... я далека отъ всего этого... я ничего не знаю... мой мужъ никогда меня не посвящалъ въ дѣла... Никогда... Онъ смотритъ на меня какъ на дурочку... И вотъ теперь поймите мое положеніе... въ такія минуты... я какъ въ лѣсу... Волю свою онъ не передаетъ мнѣ на словахъ! О, нѣтъ!.. Я не достойна... Я не ропщу... вы понимаете, Евлампій Григорьевичъ... какая будетъ воля моего мужа—я не знаю... Но выборъ исполнителей... такъ важенъ... ваше участіе...

— Да я всей душой... Только Константинъ Глѣбовичъ разгнѣвались... Они не пожелаютъ меня безъ дядюшки; а Алексѣй Тимоѳеевичъ разъ что скажетъ, рѣшенія своего не измѣнитъ.

— Кто же будетъ?—всхлипнула Лещова и опять закрыла глаза платкомъ.

Евлампій Григорьевичъ увидалъ себя въ эту минуту на постели, обложеннаго подушками, больного при смерти... Какое-то онъ будетъ составлять завѣщаніе? А его Марья Орестовна что̀ станетъ выдѣлывать? Она и этакъ, пожалуй, не прослезится. Но на нее онъ не посмѣетъ такъ кричать, какъ Лещовъ. Всѣ онѣ на одинъ ладъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Пожалуйте... — позвалъ онъ барыню. — Гнѣваются... Опять Аполлона Ѳедоровича требуютъ.

— Меня зоветъ?—спросила Лещова съ видомъ жертвы.

— Да-съ! Приказали васъ звать. Звонокъ въ передней. Должно-быть Аполлонъ Ѳедоровичъ.

Лакей убѣжалъ.

— Вы не побудете?—спросила Лещова, вставая, и протянула Нѣтову бѣлую, круглую руку, всю въ кольцахъ.

— Да вѣдь теперь что же-съ, бумаги еще не готовы. Константинъ Глѣбовичъ разгнѣвались... Пожалуй, и въ свидѣтели не пожелаютъ... что же ихъ безпокоить? Вы сами изволите видѣть... А если что нужно... дайте знать.

— Ахъ, Евлампій Григорьевичъ,—она оперлась объ его руку и поникла головой,—развѣ я что значу?

— Ну вотъ, быть-можетъ, довѣріе имѣютъ къ адвокату.

— Къ Качѣеву?

— Да-съ.

— Не думаю... Я въ сторонѣ... И хочу... чтобы потомъ никто не имѣлъ права...

— Однако, все-таки-съ... Довѣренный человѣкъ и законъ знаетъ... Да и самъ Константинъ Глѣбычъ разсудятъ, когда поспокойнѣе будутъ, кого имъ лучше выбрать... Я съ своей стороны...

А самъ думалъ: „еще впутаешься съ тобой. Почнешь ты оттягивать имущество, если тебѣ мала покажется твоя доля...“

Онъ торопливо сталъ раскланиваться.

— Пожалуйста... не извольте меня провожать, вашъ больной какъ бы опять не разгнѣвался?..

Нѣтовъ пятился къ двери весь въ испаринѣ, не зная, какъ ему поскорѣе уйти изъ этого дома, гдѣ еще такъ недавно его, какъ говорилъ Красноперый, „натаскивали“.

Лещова проводила его до залы и на порогѣ еще разъ подняла глаза кверху.

XV.

Въ спальнѣ она застала адвоката Качѣева.

На краю постели сидѣлъ, нагнувъ вправо голову и весело глядя на больного, молодой блондинъ небольшого роста. Его бакенбарды расчесаны, точно двѣ пуховки изъ-подъ пудры, на розовыхъ щекахъ. Лоснящіеся, мягкіе волосы лежали на головѣ послушно, на лбу городками, а на вискахъ разбитые проборомъ на двѣ половины. Усы, свѣтлѣе волосъ, кончались тонкими нитями, по которымъ прошелся брильянтинъ. Голубые глаза смотрѣли на больного, какъ баловники глядятъ на дѣтей. Фракъ со значкомъ сидѣлъ на Качѣевѣ, точно будто онъ ѣхалъ на балъ. По вырѣзу жилета, въ видѣ сердца, широкій галстукъ съ прямообрѣзанными концами падалъ на грудь. Въ манжетахъ желтѣли круглые матовые шарики съ жемчужиной посрединѣ. По всей комнатѣ пошелъ запахъ прѣсныхъ духовъ и смѣшался съ удушливымъ воздухомъ лѣкарствъ.

Качѣевъ держалъ больного за руку, тамъ, гдѣ пульсъ, докторскимъ пріемомъ.

— Вотъ и вижу,—говорилъ онъ нараспѣвъ женоподобнымъ голосомъ; въ эту минуту вошла Лещова, — что кипятились на кого-то. За это штрафъ. А! Аделаида Пе-

тровна, bonjour! — Онъ вскочилъ и приложился къ рукѣ.

Лещова поглядѣла на него съ такимъ же выраженіемъ, какъ и на Нѣтова.

— Дурно ведетъ себя Константинъ Глѣбовичъ...

Мученическое выраженіе разлилось по всему лицу Лещовой.

— Подай бумаги!—прохрипѣлъ больной.

Она не разслышала.

— Бумаги!—закричалъ онъ.—Кому я говорю? Рада! Запѣла коклисы! Пріятный мужчина явился. Какъ же тутъ хребтомъ не вилять? И браслеты всѣ надо напялить.

Качѣевъ и Лещова обернулись къ больному разомъ. Лицо ея продолжало улыбаться; адвокатъ подошелъ къ кровати.

— Опять начали!—пригрозилъ онъ.—Воля ваша, доктору пожалуюсь. Какъ же это вы меня приглашаете? Вамъ надо быть въ полномъ обладаніи своихъ духовныхъ способностей, а не такъ себя вести, Константинъ Глѣбовичъ... Вы этакъ до состоянія невмѣняемости дойдете!

Больной стихъ и даже улыбнулся.

— Ахъ, батюшка,—началъ онъ жаловаться, — раздражаетъ она меня, мочи нѣтъ.

Онъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ по направленію жены.

Адвокатъ присѣлъ опять на край постели.

— Уговоръ!—сказалъ онъ.

— Какой?

— О дѣлѣ будемъ толковать—не кипятиться, а то сейчасъ уйду.

— Ладно!

— Или я—вашъ повѣренный, или вы меня для одной трепки пригласили!

— Пригласилъ! — повторилъ Лещовъ.— Нарочныхъ гонять надо!.. Семью собаками не сыщешь!.. У какой барыни подъ юбкой нашли?

— Константинъ Глѣбовичъ! — остановилъ адвокатъ и кивнулъ головой въ сторону Лещовой.

Она подала шкатулку краснаго дерева съ мѣдной отдѣлкой.

— А на что же поставить-то?— грубо спросилъ больной. — Писать-то гдѣ онъ будетъ?.. И этого сообразить не можетъ!.. Господи!.. полудурья, полудурья!..

Лещова ни на каплю не измѣнилась въ лицѣ. Только

ея глаза встрѣтились съ глазами адвоката. Качѣеву стало неловко, хотя онъ уже привыкъ къ такимъ супружескимъ сценамъ и до болѣзни своего довѣрителя.

— Я прикажу, — особенно кротко выговорила Лещова.

— А сама не можешь? Лакеевъ звать, чтобы всякій скотъ видѣлъ, что я дѣлаю, и сейчасъ всѣмъ просвирнямъ протрубилъ... Баринъ, молъ, съ аблакатомъ заперся. Умна!..

— Да вотъ столъ,—нашелся Качѣевъ,—мы сейчасъ же приставимъ... Тутъ все есть, что нужно... Пожалуйте.

Они придвинули ломберный столъ къ кровати. Портфель Лещовъ придерживалъ на груди.

— Отлично такъ будетъ!—вскричалъ Качѣевъ и отодвинулъ табуретку.—Ну, Константинъ Глѣбычъ, коли не станете ругаться—я съ вами три короля въ пикетъ сыграю послѣ.

— Ой ли?—обрадованно спросилъ больной, и въ первый разъ глаза его улыбнулись.

Жена его, не дожидаясь новаго окрика, вышла изъ спальни.

XVI.

Портфель лежалъ уже на раскрытомъ столѣ. Лещовъ сначала отперъ его, держа передъ собой. Ключикъ висѣлъ у него на груди въ одной связкѣ съ крестомъ, ладонкой, финифтевымъ образкомъ Митрофанія и золотымъ, плоскимъ медальономъ. Онъ повернулъ его дрожащей рукой. Изъ портфеля вынулъ онъ тетрадь, въ большой листъ, и еще двѣ бумаги такого же формата.

— Что же?—дурачливо началъ Качѣевъ, — мы опять сказку про бѣлаго бычка начнемъ?

— Какого бычка?—полусердито, полушутливо переспросилъ Лещовъ.

— А то какъ же? Въ десятый разъ будемъ перебирать пункты духовной.

— Да вы что кричите!—перебилъ его больной.—Дверь-то хорошенько притворите, дверь... За каждой скважиной уши! И Христа ради потише... Не можете, что ли, теноръ-то вашъ сдержать?.. Подслушиваетъ!.. Все ложь!.. Глазами и такъ, и этакъ... И жертву изъ себя... агнецъ на закланіе... Улыбка-то одна все у меня внутри поворачиваетъ! Анъ и будетъ съ фигой.

И онъ злобно разсмѣялся. Разсмѣялся и адвокатъ, но по-другому, весело и безцеремонно.

— Вы точно изъ послѣдней пьесы Островскаго,—сказалъ онъ, еле сдерживая смѣхъ.

— Какой пьесы?

— Мнѣ разсказывали, онъ на-дняхъ читалъ въ одномъ домѣ, какъ купецъ-изувѣръ собрался тоже завѣщаніе писать и жену обманывалъ, говорилъ, что все ей оставитъ и племяннику милліонъ, а самъ ни копейки имъ. Все за упокой своей души многогрѣшной... Ха-ха!..

— Чего вы зубоскалите?... Развѣ я такъ? Обманываю я?.. Боюсь я сказать? Хитрю?.. Небось, на вашихъ глазахъ: она знаетъ,—и онъ указалъ на дверь,—что нечего ей разсчитывать. Никакихъ чтобъ расчетовъ. И улыбками она своими меня не подкупитъ!.. Коли что—такъ я, какъ этотъ самый купецъ... ни единой полушки!..

— Да полноте, Константинъ Глѣбовичъ, что вы юродствуете! Вѣдь завѣщаніе я же писалъ.

— Разорву, сейчасъ разорву!.. такія минуты находятъ, что, кажется, своими бы руками...

— Ха-ха! А купецъ-то зубами хочетъ... желѣзные, говоритъ, у меня зубы.

— Не смѣйте такъ!—грозно оборвалъ больной Качѣева.

Тотъ помолчалъ, сдѣлалъ попріятнѣе мину и выговорилъ:

— Нужно только пожалѣть отъ души вашу супругу!

— Скажите пожалуйста!

— Да, пожалѣть... Ея выдержка изумительна.

— Выдержка!.. Я знаю...

— Ангельское терпѣніе. А у меня его меньше, Константинъ Глѣбовичъ... Довольно и того, чему я бывалъ свидѣтель, хоть бы сегодняшнимъ днемъ... Я не за этимъ ѣзжу къ вамъ... Если вамъ не угодно...

Онъ началъ подниматься съ табурета.

Лещовъ пугливо оглянулся и привсталъ въ постели.

— Полно, полно... Нечего тутъ кавалера-то изъ себя строить... Не ваша сухота... Давайте о дѣлѣ...

— Да вѣдь все готово!

— Прочтите мнѣ параграфъ... какой бишь...

— О чемъ?

— Объ учрежденіи имени... Константина Глѣбовича Лещова...

— Параграфъ седьмой?

— Да, да...

Адвокатъ началъ перелистывать тетрадь, опустивъ низко голову въ листы. Лещовъ слѣдилъ за нимъ тревожнымъ взглядомъ и дышалъ коротко и прерывисто.

Онъ думалъ:

„Наказалъ же меня Господь. Отнялъ разумъ и соображеніе... Какъ же было поручить составленіе духовной такому шалопаю, красавчику, Нарциссу? Да вѣдь *она*, Антигона-то облыжная, на него цѣлый годъ буркалы свои пялитъ. Вѣдь они меня еще до смерти отравятъ, подсыплютъ морфію, обворуютъ, сожгутъ завѣщаніе... Развѣ ему, этому шенапану, довольно его практики?.. Что онъ получитъ? Десять, ну пятнадцать тысячъ... А тутъ сотни... И посулитъ ей законный бракъ. Успѣешь умереть съ духовной — онъ же оспаривать будетъ пополамъ барыши, вытянетъ у нея потомъ, поступитъ къ ней на содержаніе... И пойдутъ трудовыя деньги не на хорошее, на родное дѣло, не на увѣковѣченіе имени Лещова, а на французскихъ дѣвокъ, на карты, на кружева и тряпки этой мерзкой притворщицы и набитой дуры!..“

XVII.

Параграфъ былъ прочитанъ. Въ немъ Константинъ Глѣбовичъ оставлялъ крупную сумму на учрежденіе спеціальной школы и завѣщалъ душеприказчикамъ выхлопотать этой школѣ право называться его именемъ. Когда Качѣевъ раздѣльно, но вполголоса прочитывалъ текстъ параграфа, больной повторялъ про себя, шевелилъ губами. Онъ съ особенной любовью отдѣлывалъ фразы; по нѣскольку разъ заново передѣлывалъ этотъ пунктъ. И теперь два-три слова не понравились ему.

— Постойте,—перебилъ онъ.—Тутъ надо замѣнить.

— Что?—нетерпѣливо спросилъ Качѣевъ.

— Да вотъ это: „ежели, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній“...

— Облизывали достаточно...

— Кто—я?

— Вы, Лещовъ, Константинъ Глѣбовичъ.

— Какая у меня степень? Вѣдь это между вашей братьей развелись малограмотные скоробрехи; а я не могу; чувство у меня есть художественное. Вы его всѣ утратили... Ремесленники, наймиты вездѣ развелись.

Качѣевъ выпустилъ тетрадь и сложилъ руки на груди.

— Вы забыли уговоръ, Константинъ Глѣбовичъ. Опять ругаться?

— Подайте мнѣ.

Лещовъ потянулся за тетрадью. Адвокатъ подалъ ее.

— Одно слово!.. Все равно надо переписать...—отрывисто заговорилъ Лещовъ.

Его уже начинало опять душить.

— Зачѣмъ переписывать... вѣдь вы ждали свидѣтелей?

— А! свидѣтелей?—разразился Лещовъ.—Былъ тутъ сейчасъ Евлашка Нѣтовъ, тля, безграмотный идіотъ. Я его оболванилъ, я его изъ четвероногаго двуногимъ сдѣлалъ. А онъ... отлыниваетъ... зачуяли, что мертвечиной отъ меня несетъ... Съ дядей своимъ, старой Лисой-Патрикѣвной, стакнулся... Тотъ въ душеприказчики нейдетъ... Я его намѣтилъ... Почестнѣе, потолковѣе другихъ... Теперь кого же я возьму?.. Кого?..

— Помилуйте,—перебилъ Качѣевъ,—у васъ полъ-Москвы знакомыхъ... Ну, барина какого-нибудь изъ вашихъ пріятелей, изъ византійцевъ... ха-ха-ха!

— Откуда у васъ такое слово?

— Робята одобряли...—продолжалъ смѣшливо Качѣевъ.

— Выдохлись они теперь, болтаютъ все на старые лады... Ужъ коли брать, такъ купца. Этотъ хоть умничать не станетъ и счетъ знаетъ... А кого взять?.. Можетъ ли онъ понять мою душу? Раскуситъ ли онъ—лавочникъ и выжига,—что диктовало, какое чувство... вотъ хоть бы этотъ самый седьмой пунктъ?.. Вы не знаете этого народа?.. Вѣдь это бездонная прорва всякаго скудоумія и пошлости!..

Припадокъ кашля былъ гораздо слабѣе. Лещовъ положилъ голову на ладонь правой руки и смотрѣлъ черезъ бѣлокурую голову Качѣева. Голосъ его сталъ ровнѣе, заслышались тронутые, унылые звуки...

— Молодой человѣкъ, вотъ вы тоже начали съ этимъ народомъ возжаться... Не продавайтесь! Бога для — не продавайтесь... Хотя бы и такъ, какъ я... Я не плутовалъ!.. Свезутъ меня завтра на погостъ, будутъ вамъ говорить: Лещовъ наворовалъ себѣ состояніе, Лещовъ былъ угодникъ первыхъ плутовъ, фальшивыхъ монетчиковъ... не вѣрьте... Ничего я не укралъ, ничего! Но я пошелъ на сдѣлку... Да. Хоть и тыкалъ ихъ въ носъ, показывалъ имъ ежесекундно свое превосходство, а все-таки ими питался... И опошлѣлъ, каюсь Господу моему и Спасителю!

Опустился... Все думалъ такъ: вотъ буду въ стахъ тысячахъ, а потомъ въ двухстахъ, трехстахъ, и тогда все побоку и заживу съ другими людьми, спасаться стану... Мыслить опять начну... Чувствованія свои очищу... Анъ тутъ болѣзнь подползла. И никакіе доктора меня не подымутъ на ноги—вижу я это. Не хуже ихъ ставлю себѣ діагнозу... Вотъ она, трагедія-то. Слушай меня, франтъ-адвокатъ, слушай... коли въ тебѣ душа, а не паръ, гляди на меня, и гляди въ оба и страшись расплаты съ самимъ собою.

Отъ утомленія онъ смолкъ и закрылъ глаза. Лицо еще больше осунулось. Вокругъ глазъ темнѣли бурыя впадины.

Качѣевъ быстро поглядѣлъ на него, положилъ тетрадь въ портфель и перегнулся черезъ столъ.

— Константинъ Глѣбовичъ,—тихо выговорилъ онъ, — право, довольно... выправлять духовную... Когда свидѣтели будутъ готовы, пошлите за мной... Да и безъ меня подпишутъ, вы форму знаете, а душеприказчиковъ найдемъ и проставимъ другихъ...

— Кого?—чуть слышно спросилъ Лещовъ.

— Да того же Нѣтова... А второго... ну хоть меня! Я законъ знаю. Теперь лучше въ карточки поиграть... Я схожу за картами.

Качѣевъ вышелъ.

XVIII.

Въ гостиной, гдѣ адвокатъ нашелъ Лещову съ вязаньемъ въ рукахъ, вышелъ разговоръ вполголоса.

— Раздражался?—спросила она кротко.

— Бѣда! Цѣлое наставленіе мнѣ прочелъ. Точно Борисъ Годуновъ послѣдній монологъ... Пожалуйте намъ карты... Маленькій пикетецъ соорудимъ... Я еще поспѣю въ судъ... Ахъ, барыня вы милая!

Онъ поцѣловалъ ея руку, а она его въ затылокъ, встала и пошла къ двери.

— Карты тамъ... въ спальнѣ... А какъ же съ душеприказчиками?

— Я себя предлагаю.

— Добрый другъ,—протянула она и подняла вверхъ глаза.

Глаза адвоката смотрѣли вбокъ. Въ нихъ мелькнула мысль: „кто тебя знаетъ, какъ-то ты себя поведешь послѣ вскрытія завѣщанія“.

Но они больше между собою не шептались. Лещова вошла первая въ спальню.

— Три короля!—громко произнесъ Качѣевъ, входя вслѣдъ за нею, — не больше, Константинъ Глѣбычъ, вы слышите?..

— Какъ тебѣ угодно,—спросила Лещова,—на столѣ или положить доску на постель?

— На постель!.. Знаешь вѣдь.

Она достала небольшую доску изъ-за туалета, помѣстила ее на край постели, придвинула табуретъ, положила на доску двѣ колоды и грифельную доску, взбила подушки и помогла мужу приподняться.

Началась партія. Лещова присѣла у нижней спинки кровати и глядѣла въ карты Качѣева. Больной сначала выигралъ. Ему пришло въ первую же игру четырнадцать дамъ и пять и пятнадцать въ трефахъ. Онъ съ наслажденіемъ обиралъ взятки и клалъ ихъ, звонко прищелкивая пальцами. И слѣдующія три-четыре игры карта шла къ нему. Но вотъ Качѣевъ взялъ девяносто. Поддаваться, если бъ онъ и хотѣлъ, нельзя было. Лещовъ пришелъ бы въ ярость. Въ прикупкѣ очутилось у Качѣева три туза.

— Ты что намъ обоимъ въ карты глядишь?—спросилъ Лещовъ жену.

— Я не вижу твоихъ картъ, мой другъ.

— Какъ не видишь? Сядь вотъ тутъ.

Онъ указалъ на изголовье.

— Возьми стулъ и сиди... Ковыряй что-нибудь, вяжи, не мозоль такъ глаза.

Жена исполнила его желаніе и сѣла на стулѣ у изголовья.

— Береженаго Богъ бережетъ,—повторялъ Качѣевъ, сдавая.—Вы, Константинъ Глѣбычъ, оченно ужъ горячитесь!.. Снесли не такъ.

— У васъ, поди, учиться надо?

— А хоть бы и у насъ!..

Послѣ порядочной игры Лещову, что ни сдача—семерки и осьмерки. Качѣевъ выигралъ короля. Въ счетѣ больной раскричался, началъ самъ считать—они играли по одной восьмой—сбился и страшно раскашлялся.

— Не довольно ли?—замѣтила Лещова.

— Не твое дѣло!—оборвалъ онъ ее.

Она хотѣла уйти.

— Сиди тутъ! Сиди!

Какъ суевѣрный игрокъ, онъ имѣлъ свои примѣты.

Послѣ третьей сдачи карты опять потянули къ противнику.

— Что ты тутъ торчишь?.. Ступай! Сядь на другое мѣсто!..

Лещовъ началъ рукой толкать жену. Она отошла къ окну и взяла работу.

Третьяго короля не доиграли. Послѣ новаго взрыва игрецкаго раздраженія, съ Лещовымъ сдѣлался такой припадокъ одышки, что и адвокатъ растерялся. Поскакали за докторомъ; больного посадили въ кресло, въ постели онъ не могъ оставаться. Съ помертвѣлой головой и закатившимися глазами, стоналъ онъ и качался взадъ и впередъ туловищемъ. Его держали жена и лакей.

„Не подпишетъ духовной, — думалъ Качѣевъ, надѣвая перчатки въ передней,—подкузьмила его водяная... Что жъ! Аделаида Петровна дама въ соку. Только глупенька! А то, кто ее знаетъ, окажется, пожалуй, такой стервозой. Коли у него прямыхъ наслѣдниковъ не объявится, а завѣщанія нѣтъ, въ семи стахъ тысячахъ будетъ, даже больше".

Онъ самъ затворилъ дверь въ передней. Лакей былъ занятъ съ бариномъ. „Напутствіе" Лещова пришло ему на память.

„Нашелъ время каяться",—разсмѣялся онъ про себя и, выйдя на крыльцо, зычно крикнулъ кучеру-лихачу:

— Перфилъ! давай!

XIX.

Марья Орестовна Нѣтова позвонила. Въ ея будуарѣ были звонки электрическіе, а не воздушные; она находила ихъ „болѣе благородными". Она только что взяла ванну и отдыхала на длинномъ, атласномъ, стеганомъ стулѣ, съ ногами. Вся комната обтянута голубымъ атласомъ въ бѣлыхъ лѣпныхъ рамкахъ. Такой же и плафонъ. Точно бонбоньерка, вывернутая нутромъ. Туалетъ, большое трюмо, шкапъ, шифоньера—бѣлыя подъ лакъ, съ позолотой, кружевныя гардины, гарнитуры и буффы—дѣлаютъ комнату нѣжной и дымчатой. Но погода впускала въ это утро двойственный, грязноватый свѣтъ.

На Нѣтовой капотъ изъ пестрой шелковой матеріи—мелкими турецкими цвѣточками, на головѣ легкая на-

колка, ноги—она вытянула ихъ такъ, что видны и шелковые чулки съ шитьемъ—въ золотыхъ туфляхъ. Марья Орестовна блондинка, но не очень яркая: волосы у ней свѣтло-каштановые. Всего красивѣе въ ея головѣ: лобъ, форма черепа, проборъ волосъ и то, какъ она носитъ косу. Ей за тридцать. На видъ она моложе. Но на переносицѣ то и дѣло ложатся рѣзкія, прямыя морщины. Носъ у ней большой, сухой, съ горбиной, узкими и длинными ноздрями, губы зато яркія, но не чистыя, со складками, и неправильные, рѣдкіе, хотя и бѣлые зубы. Она смотритъ часто въ одну точку своими карими, узкими и немного подслѣповатыми глазами. Ея не роскошная грудь сохранила пріятныя очертанія, плечи круглыя, невысокія, нѣсколько откинуты назадъ. Она часто пожимаетъ ими на особый ладъ и при этомъ поворачиваетъ вбокъ голову. Если бы она встала, то оказалась бы ростомъ выше средняго. Руки ея—съ длинными, почти высохшими пальцами, такъ что кольца на нихъ болтаются. Сквозь духи и пудру идетъ отъ нея какой-то лѣкарственный запахъ.

Она допила чашку какао. Она это дѣлала по предписанію доктора и всегда съ гримасой.

Вошла ея первая камеристка, изъ ревельскихъ нѣмокъ, Берта, крѣпкая, низкорослая дѣвушка, въ сѣромъ степенномъ платьѣ, и вся въ веснушкахъ.

— Позовите мнѣ экономку, а послѣ—дворецкаго.

Домъ управлялся Марьей Орестовной. Люди у ней ходили въ струнѣ. У Евлампія Григорьевича и не найдется даже такихъ звуковъ, какъ у его супруги, для отдачи приказаній. Она говоритъ иногда въ носъ, чуть замѣтно,—уже совсѣмъ съ барской нервностью и вибраціей.

Экономка—дворянка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, въ черной тюлевой наколкѣ и шелковомъ капотѣ, съ пелеринкой пюсоваго цвѣта, еще не сѣдая, съ важнымъ выраженіемъ—остановилась въ дверяхъ. При себѣ Нѣтова никогда не посадила бы ее, хотя экономка была званіемъ капитанша и училась въ „патріотическомъ", какъ дочь офицера, убитаго въ кампанію; а папенька Марьи Орестовны умеръ только „потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ".

— Пожалуйста, Глафира Лукинична, — закартавила Марья Орестовна и наморщила лобъ,—больше мнѣ этого какао не дѣлать... Я прекращаю съ завтрашняго дня...

— Что же будете кушать?—спросила экономка низкимъ грруднымъ голосомъ.

— Пока чай... И вотъ еще я васъ должна предупредить, Глафира Лукинична, что мнѣ лично... вы, бытьможетъ, и не понадобитесь больше.

— Какъ же-съ?

— Если я уѣду за границу... у Евлампія Григорьевича пріему не будетъ такого.

— Но, все-таки...—возразила экономка.

— Доложите ему... Пожелаетъ онъ...

— Вамъ стòитъ сказать.

Глаза экономки добавили остальное.

Марья Орестовна нахмурилась.

— Просить я не стану... Вы, во всякомъ случаѣ, получите отъ меня содержаніе... за... три мѣсяца... И прошу сдать тогда все, чтò у васъ на рукахъ,—дворецкому.

Экономка что-то хотѣла возразить, но Марья Орестовна сдѣлала знакъ лѣвой рукой и прибавила:

— Послѣ.

XX.

По уходѣ экономки, Марья Орестовна переложила лѣвую ногу на правую, поправила кружево на груди и поглядѣла въ окно.

Глаза у нея горѣли. Она всю почти ночь не спала. Съ ней это часто бываетъ. Какой-то недугъ подкрадывался къ ней, хотя она ни на что не жалуется. Докторъ къ ней ѣздитъ, иногда и прописываетъ ей; вотъ какао посовѣтовалъ пить по утрамъ. Но она ничѣмъ не больна. Нервы? Да. Но отчего?

Она не сомкнула глазъ до разсвѣта—думы не позволяли. Не легко убѣждаться окончательно, что она не можетъ продолжать такъ жить — подъ одной крышей съ своимъ Евлампіемъ Григорьевичемъ... Еще недавно могла, а теперь не можетъ. Свыше ея силъ! Тянула она его— тянула въ гору, и вдругъ—тошно!

Она еще разъ позвонила и приказала позвать себѣ дворецкаго.

У ней былъ настоящій maître-d'hôtel, обрусѣлый альзасецъ, Огюстъ, полный блондинъ, въ кудряхъ на круглой головѣ, и съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Онъ служилъ когда-то контръ-метромъ въ ресторанѣ Бореля.

Съ нимъ она говорила по-французски.

Онъ получилъ то же предувѣдомленіе, что и экономка, смутился этимъ больше, но утѣшился, когда услыхалъ, что „monsieur Niétoff", вѣроятно, оставитъ его у себя, даже если барыня и уѣдетъ за границу.

За границу!.. Много разъ она бывала тамъ—сначала съ удовольствіемъ, а потомъ равнодушно, частенько со скукой. Теперь „заграница" манитъ ее... Она уже видитъ себя въ Позилиппѣ, или въ Ниццѣ на зиму, а на лѣто въ Ишлѣ, въ Дьеппѣ, на островѣ Уайтѣ, осенью во Флоренціи. Тогда только она и будетъ жить, какъ она всегда мечтала. Одна, съ dame de compagnie, изъ умныхъ, пожилыхъ парижанокъ. Развѣ трудно имѣть салонъ? Она и теперь можетъ называться „madame de Niétoff"; а къ тому времени ея „благовѣрному" дадутъ генеральскій чинъ. И онъ не будетъ пришпиленъ къ ней, какъ бывало. Никогда! До конца дней ея!..

Марья Орестовна встала. Въ ногахъ она почувствовала большую слабость, точно ихъ кто искалѣчилъ. И такъ губить свое здоровье? Изъ-за кого?

Она перешла въ свой кабинетъ, комнату строгаго стиля, съ темно-фіолетовымъ штофомъ въ черныхъ рамахъ, съ бронзой Louis XVI. Шкапъ съ книгами и письменный столъ — также чернаго дерева. Картинъ она не любила и стѣны стояли голыми. Только на одной висѣло богатѣйшее венеціанское рѣзное зеркало. Въ этой комнатѣ сидѣли у Марьи Орестовны ея близкіе знакомые—мужчины; послѣ обѣда сюда подавались ликеры и кофе съ сигарами. Евлампія Григорьевича рѣдко приглашали сюда.

Въ просвѣтѣ тяжелой двойной портьеры открывался видъ на два салона и танцовальную залу. Разноцвѣтные сплошные ковры пестрѣли, уходя въ даль, до порога залы, гдѣ налощенный паркетъ желтѣлъ нѣжными колерами штучнаго пола. Всѣ эти хоромы, еще такъ недавно тѣшившія Марью Орестовну своимъ строгимъ, почти царственнымъ блескомъ, раздражали ее въ это утро, напоминали только, что она не въ своемъ домѣ, что эти ковры, гоблены, штофы, бронзы украшаютъ домъ коммерціи совѣтника Нѣтова. Не можетъ же она сказать ему:

— Пошелъ вонъ!..

Какъ онъ ни дрессированъ, но у него достанетъ духу сказать:

— Нѣтъ, не желаю-съ.

Ну, и довольно... Но у ней нѣтъ ничего своего!... Ни-

чего! Или такъ, пустяки, экономія отъ туалета, отъ расходовъ... Какъ же могла она, въ десять лѣтъ, постоянно работая умомъ и волей, очутиться въ такомъ положеніи?

Нынѣшняя ночь припомнила ей—какъ...

Нѣтова присѣла къ письменному столу, раскрыла серебряный новый бюваръ, взяла листъ продолговатой цвѣтной бумаги, съ монограммой во всю высоту листка, написала записку, позвонила два раза и отдала вошедшему официанту, сказавъ ему:

— Послать сейчасъ выѣздного. Принимать съ трехъ. Если господинъ Палтусовъ будетъ раньше—принять.

XXI.

„Обѣдъ-то вѣдь не заказанъ",—подумала Марья Орестовна и позвонила. Она не ждала сегодня званыхъ гостей. Палтусовъ, вѣроятно, останется. Еще, быть-можетъ, двое-трое. Но кто-нибудь да долженъ сидѣть. Не можетъ она, да еще сегодня, оставаться съ-глазу-на-глазъ съ Евлампіемъ Григорьевичемъ.

Заказываніе обѣда дѣлалось у ней черезъ экономку. Почти всегда Марья Орестовна входитъ въ подробности. Но на этотъ разъ она сказала появившейся въ дверяхъ Глафирѣ Лукиничнѣ:

— Обѣдъ на пять персонъ... Закуску, какъ всегда...

На письменномъ столѣ лежали газеты, московскія и петербургскія, книжка журнала подъ бандеролью, толстый продолговатый пакетъ съ иностранными марками и большого формата письмо, на синей бумагѣ, тоже заграничное.

Газеты и журналъ Марья Орестовна отложила. Въ пакетѣ оказались образчики матерій отъ Ворта. Она небрежно пересмотрѣла ихъ. Осеннія и зимнія матеріи. Теперь ей не нужно. Сама поѣдетъ и закажетъ. Въ эту минуту ей и одѣваться-то не хочется. Много денегъ ушло на туалеты. Каждый годъ слали ей изъ Парижа, сама ѣздила покупать и заказывать. А много ли это тѣшило ее? Для кого это дѣлалось?..

Въ синемъ конвертѣ съ французскими марками оказалась фактура башмачника—ея поставщика. Въ Москвѣ она никогда не заказывала себѣ обуви. Марья Орестовна поглядѣла на итогъ—271 франкъ, и отложила счетъ.

Надо же ей посмотрѣть, сколько накопилось у ней добра въ гардеробной. Неужели все везти съ собою?

Черезъ пять минутъ она входила вслѣдъ за Бертой

въ обширную и высокую комнату, обставленную ясеневыми шкапами, между которыми помѣщались полки, выкрашенныя бѣлой масляной краской, покрытыя картонками всякихъ размѣровъ и формъ, синими, бѣлыми, красными. Въ гардеробной стоялъ чистый, свѣжій воздухъ и пахло слегка мускусомъ. У оконъ, справа отъ входа, на особыхъ подставкахъ, развѣшаны были пеньюары и юбки и имѣлось приспособленіе для глаженія мелкихъ вещей. Все дышало большимъ порядкомъ.

— Отоприте,—приказала Бертѣ Марья Орестовна указывая ей на первый шкапъ по лѣвую руку.

Въ этомъ шкапу висѣли зимнія платья, укутанныя въ простыни, тяжелыя, расшитыя шелками, серебромъ, золотомъ, съ кружевными отдѣлками. Нѣкоторыя не надѣвались уже болѣе года. Половину этого надо будетъ оставить. Въ слѣдующемъ шкапѣ помѣщались мантильи, накидки, разныя confections de fantaisie. Многое уже вышло изъ моды. Но у Марьи Орестовны нѣтъ привычки дарить. А продавать тоже не можетъ. Изъ этого шкапа она выберетъ двѣ-три вещи. Осенніе простые туалеты она возьметъ на дорогу и для ненастныхъ дней въ Ниццѣ, или гдѣ проживетъ зиму; у Ворта закажетъ четыре платья,—не больше.

„Закажетъ!.. Будетъ ли ей по средствамъ? Нынче каждое простое платье стоитъ у него тысячу франковъ и больше“.

Такъ обревизованъ былъ весь гардеробъ. Одно платье и кофточку она подарила камеристкѣ. Берта густо покраснѣла и сдѣлала книксенъ, подогнувъ правую ногу подъ лѣвую.

Осмотръ гардеробной утомилъ Марью Орестовну. Она вернулась въ кабинетъ и взялась за газеты. Прежде всего за одну, мелкую, московскую, гдѣ за два дня „отдѣлывали“ ея мужа и его дядю. И сегодня, вѣроятно, что-нибудь новое. Съ той статейки и начался въ ней переломъ. Ее уязвило не оскорбленіе мужу, а то, что она—жена его. Въ тотъ день она начитала ему какъ слѣдуетъ, дала приказъ какъ поступить, къ кому ѣхать, что говорить. Ее это раздражило, вызвало желчь, помогло обдумать цѣлый планъ дѣйствій. А вчера вся эта пошлость припомнилась ей и, какъ послѣдняя капля, заставила разлиться чашу ея душевнаго недуга.

Стоило почти десять лѣтъ работать надъ такимъ чело-

вѣкомъ, какъ ея супругъ. Добьется она того, что ему будутъ писать на пакетахъ: „Его превосходительству"... А потомъ? Она-то сама, ея-то личная жизнь при чемъ тутъ? Терпѣть, чтобы тебя, въ грошовой газетѣ, всякій пасквилянтъ, получающій по три копейки со строки, срамилъ изъ-за ничтожества твоего Евлампія Григорьевича, чтобы надъ твоимъ „ученичкомъ" издѣвались, какъ надъ идіотомъ, и тебя показывали въ „натуральномъ видѣ"—такъ и стояло въ фельетонѣ—со всѣми твоими тайными желаніями, замыслами, внутренней работой, заботами о своей „интеллигенціи", умѣ, связяхъ, артистическихъ, ученыхъ и литературныхъ знакомствахъ?

„Дворянящаяся мѣщанка"—вотъ твоя кличка!..

XXII.

Московская газетка нервно встряхивалась въ рукахъ Марьи Орестовны. Она читала съ лорнетомъ, но pince-nez не носила. Вотъ фельетонъ—„обзоръ журналовъ". Въ отдѣлѣ городскихъ вѣстей и замѣтокъ она пробѣжала одну, двѣ, три красныхъ строки. Что это такое?.. Опять она!.. И ужъ безъ супруга, а въ единственномъ числѣ, какая гадость!.. Нелѣпая, пошлая выдумка!.. Но ее всѣ узнаютъ... Даже вотъ что!.. Грязный намекъ... Этого еще недоставало!..

Лицо Нѣтовой разомъ поблѣднѣло. Во рту у ней тотчасъ же явился горькій вкусъ. Она бросила газету на столъ и начала ходить по кабинету.

Какъ ни бодрись, какъ ни ставь себя на пьедесталъ, но вѣдь нельзя же выносить такихъ мерзостей! А развѣ за нее онъ способенъ отплатить? Да онъ первый струситъ. Дѣла не начнетъ съ редакціей. А если бы началъ, такъ еще хуже осрамится!.. Стрѣляться, что ли, станетъ? Ха-ха! Евлампій-то Григорьевичъ? Да она ничего такого и не хочетъ: ни исторіи, ни суда, ни дуэли. Вонъ отсюда, чтобы ничего не напоминало ей объ этомъ „сидѣльцѣ" съ мелкой душонкой, нищенской, тщеславной, безсильной даже на зло!

Выдумать грязную сплетню на нее, какъ на жену и женщину? На нее! Стоило десять лѣтъ быть вѣрною Евлампію Григорьевичу! Да, вѣрной, когда она могла пользоваться всѣмъ... и здѣсь, и въ Петербургѣ, и за границей. Ей вотъ тридцать второй годъ пошелъ. Сколько блестящихъ мужчинъ склоняли ее на любовь. Она всегда

умѣла нравиться, да и теперь умѣетъ. Кто умнѣе ея здѣсь, въ Москвѣ? Знаетъ она этихъ всѣхъ дамъ стараго, дворянскаго общества. Гдѣ же имъ до нея? Чему онѣ учились, что понимаютъ?..

И тутъ ей представились фигура и лицо мужа, съ приторной улыбочкой, глупо-хмурыми бровями и бородкой молодца изъ Ножовой линіи, съ его „изволите видѣть“ и „сдѣлайте ваше одолженіе“, съ его влюбленнымъ лакействомъ. Онъ влюбленъ! Онъ питаетъ затаенную страсть!.. Онъ смѣетъ!.. Проявлять эту страсть она ему никогда не позволяла. Но вѣдь онъ все-таки мужъ... И было время въ первые годы, когда они еще не жили въ разныхъ концахъ дома!..

Желчь еще не уходилась. Въ головѣ цѣлый муравейникъ злобныхъ мыслей такъ и кишѣлъ.

Въ дверяхъ показался офиціантъ съ небольшимъ серебрянымъ подносомъ. Онъ намѣренно кашлянулъ.

— Что?—почти съ испугомъ крикнула Марья Орестовна и тотчасъ же оправилась.

— Депеша-съ. Прикажете расписаться?

— Я говорила, чтобы швейцаръ расписывался... даже когда я и Евлампій Григорьевичъ дома.

Лакей нырнулъ въ портьеру, вынувъ изъ пакета листокъ квитанціи.

„Отъ Палтусова“,—подумала Марья Орестовна и подошла читать депешу къ окну.

Но депеша была не городская, а изъ Петербурга.

Вотъ это новость! Она разсчитывала на брата, служащаго за границей, думала вызвать его въ Парижъ; а онъ въ Петербургѣ, экспромптомъ по дѣламъ службы, и будетъ черезъ три дня въ Москву.

Все неудачи!.. А, можетъ, и лучше. Свой человѣкъ. Теперь это придется кстати. Легче будетъ. Онъ могъ бы сослужить ей хорошую службу, но не очень-то она надѣется на его умственныя способности... Братъ Коля... Онъ ея же выученикъ. Зато онъ распуститъ хвостъ, какъ павлинъ... можетъ оказаться полезнымъ своимъ французскимъ языкомъ, тономъ, подавляющимъ высокоприличіемъ и сладкой деликатностью. Это такъ...

Уже третій часъ, а она еще не въ туалетѣ... Въ капотѣ нельзя принимать, хоть сегодня у ней вокругъ таліи опухоль; трудно будетъ затянуть корсетъ. Надо надѣть простую ceinture и платье полегче.

Она вернулась въ будуаръ и хотѣла позвонить. Но рука ея, протянутая къ пуговкѣ электрическаго звонка, опустилась. Лицо все перекосило, прямыя морщины на переносицѣ такъ и врѣзались между бровями, глаза гнѣвно и презрительно пустили два луча.

Изъ-за портьеры выглядывала наклоненная голова Евлампія Григорьевича и озиралась.

— Можно войти?

Что за вольность! Никогда онъ не смѣлъ входить до обѣда въ ея будуаръ. Ну, да все равно. Лучше теперь, чѣмъ тянуть.

— Войдите,—сказала она ему сквозь зубы и стала спиной передъ трюмо.

Евлампій Григорьевичъ вошелъ на цыпочкахъ, во фракѣ, какъ ѣздилъ, и съ портфелемъ подъ мышкой.

XXIII.

— Можно?—повторилъ онъ, не переступая порога.

Марья Орестовна ничего не отвѣчала.

Мужъ ея вытянулъ еще длиннѣе шею и вошелъ совсѣмъ въ будуаръ. Портфель и шляпу положилъ онъ на кресло, около двери, и приблизился къ Марьѣ Орестовнѣ.

— Заѣхалъ на минутку...—началъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Очень рада,—отвѣтила Марья Орестовна, и тутъ только повернулась къ нему лицомъ.

Евлампій Григорьевичъ быстро вскинулъ на нее глазами и понялъ, что готовится нѣчто чрезвычайное.

— Вы читали сегодняшнія газеты?

Вопросъ свой Марья Орестовна выговорила болѣе въ носъ, чѣмъ обыкновенно.

— Нѣтъ еще...

— Возьмите на столѣ... полюбуйтесь...

Она назвала газету.

— Это успѣется,—откликнулся онъ, чуя бѣду.

— Прочтите, вамъ говорятъ. Подайте мнѣ сюда.

Когда Марья Орестовна обрывала слова и отчеканивала каждый слогъ, мужъ ея зналъ, что лучше съ самаго начала разговора со всѣмъ согласиться.

Газету онъ взялъ на столѣ въ кабинетѣ и подалъ ей. Она нашла статейку и показала ему.

— Извольте прочесть...

— Что же... опять братца Капитона Феофилактовича дѣло?

— Читайте!

Евлампій Григорьевичъ началъ читать. Онъ разбиралъ мелкую печать не очень бойко. Ему про себя надобно всегда прочесть два раза, а писанное и три раза.

— Ну?—нервно окликнула его Марья Орестовна.

Она прилегла на длинный стулъ, гдѣ пила какао.

Волненіе сразу охватило Нѣтова. На лбу показались капли пота. Лицо пошло пятнами, какъ утромъ у Краснопѣрова.

— Канальи!

— Прошу васъ не браниться!—удержала она его.

— Да какъ же-съ, помилуйте,—началъ онъ, задыхаясь и разводя той рукой, гдѣ у него скомкана была газета.— За это...

— Что за это? Къ мировому потянете, да?

— Нѣтъ-съ, не къ мировому... Въ смирительный домъ!..

Въ первый разъ видѣла она у него такую вспышку возмущенія.

— Сядьте, слушайте, Евлампій Григорьевичъ,—охладила она его своимъ голосомъ, гдѣ сквозили обычныя, пренебрежительныя ноты.—Вотъ до чего я съ вами дожила.

Глаза его разбѣжались, ротъ онъ разинулъ.

— Вы?.. Я-съ?.. Да нешто я виновенъ тутъ?.. Я готовъ за васъ...

— Я васъ не спрашиваю, на что вы готовы. Вчера еще я много думала... Эта газетная гадость только новый предлогъ...

— Капитошка!..

— Пожалуйста, безъ тривіальностей! Ваша родня, вы, весь этотъ людъ... я не хочу входить въ разбирательство. Садитесь, говорятъ вамъ. Я не могу говорить, когда вы мечетесь изъ угла въ уголъ.

Евлампій Григорьевичъ сѣлъ у ногъ ея. Глаза его все еще сохраняли растерянное выраженіе. Онъ былъ ей жалокъ въ эту минуту, но она на него не смотрѣла; она опустила глаза и прислушивалась къ своему голосу.

— Страдать изъ-за васъ я не намѣрена,—продолжала она, выговаривая отчетливо и не торопясь, — не перебивайте меня!.. Не намѣрена, говорю я. Вы не можете доставить женѣ вашей ни почета, ни уваженія. Я ли не старалась сдѣлать изъ васъ что-нибудь похожее на... на

то, чѣмъ вы должны быть?.. Ничего изъ васъ не сдѣлаешь... Вы не стоите ни заботъ моихъ, ни усилій... Но я еще молода, Евлампій Григорьевичъ, я не хочу нажить съ вами чахотку... Вы скомпрометировали мое здоровье. У меня была желѣзная натура, а теперь я чувствую паденіе силъ... Развѣ вы стòите этого!

— Марья Орестовна... Машенька!..

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Евлампія Григорьевича.

— Не перебивайте меня!.. Вы понимаете, чтò я говорю?

— Понимаю-съ!

— Я жить хочу... Довольно я съ вами возилась... Я рѣшила третьяго дня ѣхать на осень за границу, на югъ... А теперь я и совсѣмъ не хочу возвращаться въ эту Москву.

— Какъ-съ?

Въ горлѣ у него перехватило.

— Очень просто. Не желаю. Вы должны же, наконецъ, понять, что не могу я теперь имѣть пріемы, когда мы съ вами сдѣлались притчей всего города.

— Да помилуйте-съ... Марья Орестовна, матушка!

— Дайте мнѣ кончить.

— Мы ихъ въ арестантскую упечемъ!

— Ха-ха!.. Предоставляю это вамъ самимъ... Но меня здѣсь не будетъ. И вы этого сами должны желать, если у васъ есть хоть капля уваженія къ моей личности.

— Уваженія?.. Любовь моя!..

— Не надо мнѣ вашей любви!—гадливо остановила она его и провела ладонью по своему колѣну.—Ваша любовь—тяжелый крестъ для меня!

Онъ замолчалъ. Щеки его потемнѣли, глаза стали мутны.

— Я васъ предупреждаю, Григорій Евлампіевичъ, что я ѣду изъ Москвы. Я не могу выносить этого города, я въ немъ задыхаюсь.

— Какъ вамъ угодно... вѣдь и я... что же въ самомъ дѣлѣ, и я могу освободить себя...

— То-есть, какъ это?—насмѣшливо спросила она.—Желаете за мной послѣдовать? Нѣтъ-съ,—протянула она.—Вы можете оставаться... Мнѣ необходимъ отдыхъ, просторъ... Я хочу жить одна...

— До весны, значитъ?

— И весну, и лѣто, и зиму... На это я имѣю полное право. Какъ вы будете здѣсь управляться — ваше дѣло...

И безъ меня все пойдетъ, потомственное дворянство вамъ дадутъ, Станислава 1-й степени, а потомъ и Анну.

— Нешто мнѣ самому?..

— Пожалуйста... вы для этого только и живете.

— Не грѣхъ вамъ?—вырвалось у него.—До сихъ поръ... на васъ молился...

Марья Орестовна опять провела ладонью по своему колѣну и нижняя губа ея выпятилась.

— Очень хорошо,—перебила она,—мы оставимъ это. Вы знаете теперь мое желаніе—мое требованіе, Евлампій Григорьевичъ. И до сихъ поръ вы не подумали объ одной вещи...

— О какой?—пугливо и скорбно спросилъ онъ.

— О томъ, что ваша жена не можетъ распорядиться пятью копейками.

— Что вы-съ? Христосъ съ вами!

Онъ вскочилъ и всплеснулъ руками.

— У нея ничего нѣтъ. Вы ей даете, что̀ вамъ угодно, на ея тряпки... Все ваше...

— Помилуйте, Марья Орестовна!

— Но это фактъ. Вы, Евлампій Григорьевичъ, не понимали моей деликатности. Но пора понять ее. Десять лѣтъ прожить!..

И она въ носъ засмѣялась.

— Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Не удерживаю васъ. Вамъ пора по дѣламъ. Мои слова—не капризъ, не нервы... Я ѣду черезъ недѣлю. Остальное, вы понимаете—ваша обязанность.

Марья Орестовна закрыла глаза. Все, что̀ душило ея мужа, осталось у него въ груди. Онъ всталъ и бокомъ вышелъ изъ будуара. Онъ боялся, что если у него вырвется какое-нибудь возраженіе, раздадутся истерическіе крики...

Въ будуарѣ все смолкло. Марья Орестовна открыла сначала одинъ глазъ, потомъ другой, повернула голову, оглянулась, встала и позвонила.

Берта принесла ей черное шелковое платье, ея „мундиръ“, какъ она называла.

XXIV.

До кабинета Евлампій Григорьевичъ шелъ чуть не цѣлыхъ пять минутъ.

Ѣдетъ она на зиму, на годъ, навсегда... Ну, можетъ,

смилуется... А то и соскучится?.. Но не въ этомъ главное горе. Что же онъ-то для Марьи Орестовны? Вещь какая-то? Какъ она рукой-то повела два раза по платью... Точно гадину хотѣла стряхнуть... Господи!..

Голова у него закружилась. Онъ былъ уже на галлереѣ и схватился рукою о карнизъ. Подбѣжалъ ливрейный лакей.

— Воды прикажете?—тревожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно,—выговорилъ съ трудомъ Нѣтовъ. Ему стало стыдно. Люди подумаютъ, что у него съ женой вышла исторія, что его выгнали.

— Вели подать карету,—приказалъ онъ и прошелъ въ кабинетъ.

Тамъ онъ опрыскалъ себѣ голову одеколономъ съ водой, взялъ чистый платокъ и торопливо спустился съ лѣстницы.

Только что дверца кареты захлопнулась и вороные взяли съ мѣста, изъ-за угла, отъ бульвара, показалась пролетка. Евлампій Григорьевичъ узналъ Палтусова и раскланялся съ нимъ.

„Къ намъ",—подумалъ онъ, и впервые что-то у него ёкнуло въ груди. Онъ не зналъ ревности, не смѣлъ ея знать, да и жена его такъ со всѣми „ровно" держала себя, что никакого подозрѣнія онъ имѣть не могъ. Ѣздили къ нимъ молодые и среднихъ лѣтъ и пожилые мужчины, военные, чиновники, предводители дворянства, писатели, піанисты, художники, профессора, всякіе умные люди... Марья Орестовна только умныхъ и принимаетъ... Этотъ Палтусовъ сталъ недавно ѣздить... Обѣдалъ и запросто. У нихъ многіе такъ обѣдаютъ. Къ нему почтителенъ больше другихъ, обо всемъ солидно толкуетъ съ нимъ, ловко, не стѣснительно. Такого молодого человѣка слѣдовало бы всячески поддержать. И въ дѣла бы не мѣшало ввести. Съ Марьей Орестовной держится степенно. Развѣ когда одинъ останется... Да что же это онъ спрашиваетъ? Кто онъ для нея? Вещь, самая тошная... Обезпечь ее! Слѣдуетъ... Говоритъ, что любитъ, а не догадался въ десять-то лѣтъ положить на ея имя въ банкъ... Проценты бы наросли... Деликатности-то ея не понималъ. Довелъ до того, что она сама должна была сказать: „пятью копейками распорядиться не могу".

Угрызенія заслонили въ душѣ мужа всѣ другія чувства. Онъ забылъ, куда онъ ѣдетъ, зачѣмъ, что ему надо го-

ворить, чѣмъ распоряжаться?.. Онъ былъ близокъ къ нервному припадку.

Его не жалѣла жена. Берта подавала ей разныя части туалета. Марья Орестовна надѣвала манжеты, а губы ея сжимались и мысль бѣгала отъ одного соображенія къ другому. Наконецъ-то она вздохнетъ свободно... Да. Но все пойдетъ прахомъ... Къ чему же было строить эти хоромы, добиваться того, что ея гостиная стала самой умной въ городѣ, зачѣмъ было толкать полуграмотнаго „купеческаго брата“ въ персонажи? Объ этомъ она уже достаточно думала. Надо по другому начать жить. Только для себя...

Черезъ всѣ комнаты дошелъ звонокъ швейцара. Онъ дернулъ два раза—гости.

Это навѣрно Палтусовъ.

— Поскорѣе, Берта, застегивайте,—выговорила Марья Орестовна, озираясь на дверь въ кабинетъ. — Хорошо, я теперь сама... Скажите, чтобъ провели въ кабинетъ.

Берта вышла. Марья Орестовна застегнула сама остальныя пуговки. Ихъ было множество—и на груди, и на бокахъ, и на рукавахъ. Она стерла съ лица пудру и поправила голубую косыночку, стягивавшую ей голову надъ косой. Съ лицомъ ей труднѣе было поладить. Оно не расправлялось. Попробовала она улыбнуться — выходило и кисло, и фальшиво. А она не хотѣла этого... Лучше пусть лицо будетъ разстроено.

Палтусовъ — другъ... Остальные не понимаютъ ее, а этотъ скоро понялъ, безъ всякихъ особенныхъ изліяній съ ея стороны.

„Какъ-то онъ одобритъ ея планъ?“

Въ кабинетѣ шаги, смягченные ковромъ, остановились у письменнаго стола.

— Сейчасъ будутъ-съ,—послышался голосъ лакея.

XXV.

Палтусовъ стоялъ лицомъ къ двери въ будуаръ, откуда вышла Марья Орестовна. Онъ одѣлся во все черное. Отъ этого его бѣлокурая голова съ живописной бородой много выигрывала. Ни на чьемъ станѣ не останавливались такъ глаза Нѣтовой, какъ на его складной фигурѣ въ прекрасно сшитомъ сюртукѣ.

Они улыбнулись другъ другу по-пріятельски. Но Палтусова эта женщина не привлекала. Ему не нравились

ни ея черты, ни выраженіе, ни тонъ, ни какъ она одѣвается. Онъ признавалъ ея умъ, выдержку, искусство, съ какимъ эта купчиха вышколила своего „Евлампія Григорьевича" и завела у себя „салонъ". Но она его скорѣе раздражала. Никогда онъ не встрѣчался съ такой разсудочной, безсознательно-себялюбивой женской натурой. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. По доброй волѣ онъ ни за что бы не взялъ ее въ любовницы. Въ тѣлѣ онъ считалъ ее гораздо рыхлѣе и болѣзненнѣе, скептически относился къ ея бюсту, хотя и видѣлъ на вечерахъ, что плечи у нея красивы. Около нея онъ ни разу, даже оставаясь наединѣ, не испыталъ никакого пріятнаго волненія, не полюбовался искренно ни туалетомъ ея, ни лбомъ, ни изящной линіей головы. Полное равнодушіе чувствовалъ онъ въ тѣ минуты, когда она не производила въ немъ надсады своимъ „подстроеннымъ" разговоромъ, худо скрытымъ тщеславіемъ, умничаньемъ, сухой злоязычностью, которая въ женщинахъ была ему противнѣе всего. Въ его глазахъ она говорила, думала, двигалась „на пружинахъ".

Но они скоро сошлись. Онъ замѣтилъ, что Нѣтова имъ интересуется. Въ разговорахъ съ нимъ она брала менѣе увѣренный тонъ, спрашивала его совѣта въ разныхъ вопросахъ такта, знанія приличій, даже туалета, узнавала его литературные вкусы, любила обсуждать съ нимъ романъ или новую пьесу, игру актрисы или актера, громкую петербургскую новость, крупный процессъ... Съ ней онъ держалъ себя почтительно, но безъ всякой поблажки разнымъ ея „штучкамъ". Онъ ей на первыхъ же порахъ сказалъ:

— Марья Орестовна, вы ужъ вашего супруга воспитывайте въ византійскихъ традиціяхъ, а меня оставьте. Перебирать это старье мы не будемъ. Для меня московскіе обыватели одинаковы. А что вы хорошо учились дѣвочкой и съ умными господами дворянами бесѣдовали—это при васъ останется.

Она немного подулась, но съ тѣхъ поръ и стала держать себя съ нимъ на пріятельской ногѣ.

Отъ этого она не сдѣлалась для него симпатичнѣе. Но онъ ѣздилъ къ Нѣтовымъ часто, обѣдывалъ запросто, провожалъ ее въ театръ, въ концерты. Его подзадоривало— кромѣ выполненія программы: расширять свои связи „въ этихъ сферахъ"—какое-то „охотничье" чувство... Точно

онъ ждалъ: до чего у него дойдетъ дѣло съ этой „злючкой“, на какую степень самообмана способна будетъ она въ сношеніяхъ съ нимъ, что, наконецъ, выйдетъ изъ ихъ знакомства. Уваженія, настоящаго, честнаго, послѣдовательнаго, у него вообще не было ни къ кому изъ „обывателей“, какъ онъ называлъ всѣхъ этихъ *новыхъ* московскихъ буржуа. Онъ не считалъ себя обязаннымъ передъ ними къ совѣстливости человѣка, живущаго въ обществѣ равныхъ себѣ людей. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на „піонера“, на одного изъ предпріимчивыхъ выходцевъ, отправляющихся въ Калифорнію или на американскій „Дальній Западъ“.

Марья Орестовна скоро и близко подошла къ Палтусову съ протянутой рукой.

Прикосновенія этой руки онъ тоже не любилъ. Рука была высохшая, но влажная, болѣе чѣмъ нужно, и на ея пожатіе онъ отвѣчалъ всегда довольно сильно, но по привычкѣ или чтобы заглушить брезгливое ощущеніе.

— Васъ застала моя записка? Благодарю. Вы у насъ останетесь обѣдать... да? Садитесь...

Палтусовъ видѣлъ, что тонъ ея былъ гораздо нервнѣе обыкновеннаго. Онъ тихо улыбался, идя за хозяйкой къ низкому дивану, около камина, скрытому на половину развѣсистыми листьями пальмы.

— Былъ дома,—спокойно говорилъ онъ,—дѣла всѣ покончилъ... останусь у васъ обѣдать...

Онъ взглянулъ на ея платье и спросилъ:

— Сколько пуговокъ?

— Не знаю!

— Слѣдовало бы сосчитать.

— Ахъ, Андрей Дмитріевичъ, полноте... вы мой юрисконсультъ.

— Вотъ какъ!

— Да... сегодня я прошу васъ настроить себя посерьезнѣе.

На диванчикѣ могли усѣсться двое. Половина ея шлейфа покрывала его ноги.

XXVI.

Въ немногихъ словахъ, дѣльно и ѣдко высказала Марья Орестовна свою „претензію“. Она не скрывала постояннаго пренебрежительнаго отношенія къ Евламнію Григорьевичу. Не желаетъ она дольше работать надъ его

производствомъ въ генералы со звѣздой. Она хочетъ жить для себя. Ея планъ—уѣхать за границу, основаться сначала тамъ; а позднѣе—гдѣ ей угодно въ Россіи, на средства, которыхъ она, при всемъ своемъ умѣ, не позаботилась получить отъ мужа заблаговременно, изъ гордости.

Палтусовъ уже зналъ достаточно исторію ея дѣвичества и выхода замужъ. Ему разсказывали, что отецъ Марьи Орестовны разорился не задолго до смерти. Женатъ онъ былъ на гувернанткѣ, барышнѣ дворянскаго рода, институткѣ, съ музыкой и литературными наклонностями. Мать и поселила въ дочери и сынѣ Колѣ убѣжденіе въ ихъ дворянскомъ происхожденіи, въ томъ, что они „случайныя“ купеческія дѣти. Она же и озаботилась дать имъ тонкое воспитаніе. Евлампій Григорьевичъ явился якоремъ спасенія отъ неминуемой нищеты. Безъ него и сынъ не кончилъ бы курса въ университетѣ. Передавали Палтусову анекдоты о томъ, какъ Нѣтовъ влюбился, какъ невѣста на всю Москву срамила его, издѣвалась надъ его безграмотствомъ и простотой. Однако согласіе дала безъ всякой оттяжки.

И вотъ утекло десять лѣтъ. Марья Орестовна задумала „освободить“ себя отъ Евлампія Григорьевича, а своихъ денегъ у ней нѣтъ. Она получитъ то, что ей „слѣдуетъ“. Мужъ уже извѣщенъ и долженъ распорядиться, почувствовать всю глубину ея деликатности. Но этого ей мало. Она хочетъ дать ему острастку, чтобы онъ зналъ напередъ, что̀ его ожидаетъ.

Говоря это, Марья Орестовна начала тяжелѣе дышать. Въ ней было что-то нездоровое.

„Она кончитъ какой-нибудь болѣзнью крови“,— подумалъ Палтусовъ.

— Да,—выговорила она въ видѣ заключенія,—я жить хочу, Андрей Дмитріевичъ... Силы мои я хочу тратить... на другія вещи...

— На что?—тихо спросилъ Палтусовъ.

— Ахъ, Боже мой! Что же вы меня совсѣмъ и за женщину не считаете?

— О! женщина вы несомнѣнная. Но будто вамъ нужно то, безъ чего ваша сестра существовать не можетъ?

— Что же это, напримѣръ?

— Напримѣръ... любовное чувство.

Онъ дурачился съ ней не безъ желанія поиграть. Для него это не было опасно.

— Отчего же?

Глаза ея поглядѣли на Палтусова обидчиво.

— Для васъ будетъ слишкомъ ужъ накладно.

И онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Право, Марья Орестовна, невыгодно... Живите въ умъ. А то проиграете.

— Мы это увидимъ позднѣе,—отвѣтила Нѣтова съ усмѣшкой.—Во всякомъ случаѣ, вотъ какъ стоитъ дѣло.

— Дѣло,—повторилъ Палтусовъ ея выраженіе,—пока въ вашихъ рукахъ... Но не переступите за градусъ.

— Что вы хотите сказать?

— Ваша матеріальная самостоятельность стоитъ на первомъ планѣ. Преклоняюсь передъ вашей деликатностью и понимаю ее вполнѣ. Вы не хотѣли заикаться объ этомъ передъ мужемъ. Вы ждали.

— Даже и не ждала. Просто не думала. Вы, конечно, не повѣрите.

— Почему же?

— Потому что вы считаете меня эгоисткой, интриганткой... Но я горда прежде всего. Я стояла выше этого.

— Евламній Григорьевичъ,—перебилъ ее Палтусовъ,—конечно обезпечилъ уже васъ... на случай смерти.

— Я и этого не знаю. И никогда не справлялась.

Палтусовъ посмотрѣлъ на нее вбокъ. Она не лгала.

— Сложная вы душа,—выговорилъ онъ, — а все-таки мой совѣтъ вамъ: обезпечить себя, но съ мужемъ не разрывать.

— Носить цѣпи, продавать себя, быть въ необходимости отвѣчать на его письма или рисковать, что онъ явится къ свѣтлому празднику ко мнѣ въ гости? Не хочу!

— Та-та-та! Вотъ женщины-то! Даже и умницы, какъ вы, хромаютъ логикой.

— Знаю, знаю... Сейчасъ будетъ Пигасовъ изъ „Рудина“ и его стеариновая свѣчка.

— Обойдемся и безъ Пигасова. Разсудите... Вы разводиться не желаете?

— Нѣтъ.

— Просто уѣзжаете за границу, на неопредѣленное время? Прекрасно... Зачѣмъ человѣка, страстно въ васъ влюбленнаго, бить обухомъ по головѣ, объявлять ему, что онъ... для васъ не существуетъ? Не хотите его видѣть, всегда есть на это средства. Денежной зависимости и безъ

того не будетъ... Сколько я васъ понимаю, вы требуете обезпеченія сразу.

— Да.

— Тѣмъ паче.

Она задумалась и черезъ минуту сказала:

— Вы, быть-можетъ, правы.

XXVII.

Разговоръ наладился. Но ему захотѣлось продолжить „игру“.

— Отчего же такъ это вдругъ, Марья Орестовна? Это на васъ не похоже.

Она начала говорить, какъ ей всегда была противна эта грязная, вонючая Москва, гдѣ нельзя дышать, гдѣ нѣтъ ни простора, ни воздуха, ни общества, ни тротуаровъ, ни искусства, ни умныхъ людей, гдѣ не „стòитъ“ что-нибудь заводить, къ чему-нибудь стремиться, вести какую-нибудь борьбу.

И потомъ... эти пасквили.

Палтусовъ выслушалъ и поглядѣлъ на Марью Орестовну исподлобья.

— Ага! Неужели они дали толчокъ?

— И да, и нѣтъ,—отвѣтила Нѣтова.

— Стòитъ!

— Очень стòитъ!—рѣзко повторила Марья Орестовна.— Съ такимъ человѣкомъ, какъ Евлампій Григорьевичъ, я никогда не буду избавлена отъ подобныхъ пріятностей.

Ему были извѣстны статейки московской газеты. Онѣ пришлись кстати, доложили лишнюю щепоть.

Съ этой темы они перевели разговоръ на болѣе пріятныя картины заграничной жизни.

— Что вы любите больше всего? Парижъ, Италію?

— Ничего особенно. Я глупо ѣздила... Всегда являлся Евлампій Григорьевичъ. Теперь я по-другому распоряжусь... и...

— Ахъ, знаете что, Марья Орестовна,—перебилъ Палтусовъ,—вамъ нигдѣ не будетъ такъ хорошо, какъ здѣсь.

— Не можетъ этого быть.

— Повѣрьте! Надо во что-нибудь вдаться, иначе вы умрете отъ пустоты.

— Найду дѣло!

— Такого, чтобы поглотило васъ — нѣтъ, не найдете! Вы здѣсь—центръ.

— Чего это?—съ гримасой спросила она.

— Своего мірка. И этотъ мірокъ создали вы... Куда вы ни бросите взглядъ, все это дѣло вашихъ рукъ. Вы выбирали, вы приказывали, вы сортировали и обои, и мебель, и людей, и отношенія къ нимъ. Шутка!

— Для себя не жила! И все это мелко.

— Не стану спорить... А люди? Ихъ надо найти!

— Меня не забудутъ и старые друзья...—вырвалось у нея.

„Поиграю немножко",—мелькнуло опять въ головѣ Палтусова.

— Друзья-то не забудутъ. Впрочемъ, не трудно и новыхъ завести. Много по Европѣ бродитъ охочаго народа.

— Что это вы, Андрей Дмитріевичъ,—недовольно замѣтила она. — Я съ дрянью никогда не зналась. Вы бы лучше пообѣщали мнѣ навѣстить меня.

— А вы когда сбираетесь?

— Скоро.

— Въ началѣ нашего сезона? Такъ-то вы заботитесь объ интересахъ вашихъ друзей.

— Кого же?

— Да вотъ хоть бы меня.

— Вамъ отъ моего отъѣзда, я вижу, ни тепло, ни холодно.

— Ошибаетесь!—горячо возразилъ онъ, и только на этотъ разъ искренно.

— Врядъ ли.

— Ошибаетесь, говорю вамъ. Вашъ домъ былъ для меня самый, какъ бы это сказать... позволите... безъ сентиментальности?

— Говорите пожалуйста.

— Самый выгодный.

— Вотъ какъ!

— Вы не обижайтесь... Самый выгодный. Здѣсь я встрѣчалъ разный людъ, нужный для меня. Вашъ супругъ безъ васъ совсѣмъ будетъ не то, что̀ онъ былъ при васъ. Вы умѣли сдѣлать пріятными и вечеръ, и обѣдъ,—тутъ онъ ужъ началъ привирать, — вашъ домъ избавлялъ отъ необходимости дѣлать визиты, рыскать по городу, разузнавать.

— Вы говорите точно тайный агентъ.

— Ха-ха-ха! Да, я отчасти такой именно агентъ. А недавно сдѣлался и настоящимъ дѣловымъ агентомъ.

— Гдѣ, у кого?

— Оставимъ это въ тайнѣ. Вы видите, вашъ отъѣздъ мнѣ не выгоденъ.

— А я сама?

Вопросъ выговоренъ былъ гораздо искреннѣе, чѣмъ Палтусовъ ожидалъ. Онъ засталъ его врасплохъ.

— Вы?

— Да, я?

Ея каріе глаза, прищурясь, глядѣли на него.

— И вы также.

— Выгодна?

— Очень.

Она отодвинулась.

— Андрей Дмитріевичъ... Зачѣмъ у васъ этотъ тонъ?.. Я заслуживаю другого.

— Я только откровененъ. И что же тутъ обиднаго для молодой женщины?

— Выгодно!..

— Полноте, Марья Орестовна... Вы не сентиментальный человѣкъ.

— Вы не знаете,—живо перебила она,—какой я человѣкъ. До сихъ поръ я не жила... Я уже говорила вамъ.

Онъ сумѣлъ остановить разговоръ на этомъ спускѣ. Дальше онъ не хотѣлъ раздражать ее — не стоило. Безъ всякой задней мысли спросилъ онъ ее:

— Кто же будетъ представлять здѣсь ваши интересы?

— Денежные?

— Да.

— Надо сначала обезпечить ихъ, Андрей Дмитріевичъ.

— Это сдѣлается. Только не натягивайте супружеской струны. Вы играли на Евлампіи Григорьевичѣ, какъ на послушномъ инструментѣ, но вы мало наблюдали за нимъ.

— Мало!

— Недостаточно. Съ такими натурами нужна особая сноровка... Въ немъ вообще что-то происходитъ, съ нѣкотораго времени.

Она презрительно повела губами.

— Увѣряю васъ, я говорю совершенно серьезно.

— Пускай его проживаетъ здѣсь, какъ знаетъ... Вы спрашиваете, кто будетъ здѣсь представитель моихъ интересовъ? Вотъ случай чаще видѣть васъ.

— Меня? Выбираете меня своимъ chargé d'affaires? Для того, чтобы супругъ имѣлъ подозрѣнія?..

— Мнѣ все равно и теперь, а тогда и подавно.

Она встала и прошлась по комнатѣ.

Раздался звонъ швейцара. Одинъ ударъ—пріѣздъ самого Евлампія Григорьевича.

— Супругъ и повелитель?—спросилъ Палтусовъ.

— Какъ это хорошо, что вы сегодня у насъ обѣдаете,—съ удареніемъ выговорила Нѣтова.

XXVIII.

Внизу, въ сѣняхъ, Евлампій Григорьевичъ закричалъ на швейцара, зачѣмъ онъ не выбѣжалъ вынимать его изъ кареты.

Этотъ окрикъ изумилъ гусарскаго вахмистра. Никогда баринъ не дѣлалъ ему и простыхъ замѣчаній, а тутъ разгнѣвался попусту.

— Осмѣлюсь доложить,—оправдывался онъ,—кареты я не разслыхалъ-съ. Стѣны толстыя, притомъ же окна замазаны.

— Нечего!—сердито обрѣзалъ его Нѣтовъ.

Сѣни и лѣстницу онъ оглядѣлъ съ нахмуренными бровями, чего опять съ нимъ никогда не было.

— Кто?—спросилъ онъ швейцара.—Кто гость?

— Господинъ Палтусовъ сидятъ у Марьи Орестовны.

Нѣтовъ началъ подниматься медленно, нетвердой походкой. Его испугало и раздосадовало то, что часъ передъ тѣмъ съ нимъ вдругъ ни съ того, ни съ сего сдѣлался обморокъ. Теперь онъ знаетъ, съ чего — разговоръ съ Марьей Орестовной. Но для его „званія“ совсѣмъ неумѣстно падать въ обморокъ. И ничего онъ тамъ не слыхалъ въ засѣданіи комитета, гдѣ онъ почетный предсѣдатель, все путалъ, забывалъ, какъ зовутъ членовъ. Два раза онъ такъ подписалъ свое имя подъ исходящими бумагами, что дѣлопроизводитель долженъ былъ показать ему. На одной стояло, вмѣсто „коммерціи совѣтникъ“ — „коммерціи сотникъ“, а на другой имя Евлампій написано было безъ среднихъ буквъ. Ему стало обидно... Неужели же онъ такъ ужъ и не можетъ стряхнуть съ себя гнета своей супруги?.. Ну, скучно ей, проѣдется... Какъ же ей не любить его? Только не желаетъ показать этого... Нельзя не любить...

Прежде Евлампій Григорьевичъ не замѣчалъ тяжести въ ногахъ, когда поднимался по лѣстницѣ. А тутъ, на

верхней площадкѣ долженъ былъ отдышаться, и его опять шатнуло въ сторону.

Подбѣжалъ тотъ же лакей, что подалъ ему стаканъ воды. Нѣтовъ поглядѣлъ на него, и ему показалось, что глаза лакея смѣются надъ нимъ! А кто онъ? Хозяинъ! Баринъ! Почетное лицо!.. И не то что Красноперый или Лещовъ, а „хамъ“ смѣетъ надъ нимъ подсмѣиваться!..

— Что ты ухмыляешься?—глухо спросилъ онъ ливрейнаго офиціанта.

Офиціантъ даже не понялъ сразу вопроса.

Нѣтовъ повторилъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ офиціантъ.

— То-то! Не смѣть!—крикнулъ онъ и пошелъ въ кабинетъ.

Раздражило его и то, что Викентій не встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Пришлось звонить. А Викентій ожидалъ его двадцатью минутами позднѣе. И когда онъ замѣтилъ камердинеру съ горечью:

— Кажется, не много у васъ дѣла, — то ему опять показалось, что Викентій ухмыльнулся.

Щеки Евлампія Григорьевича зардѣлись. Онъ сдержалъ себя и только крикнулъ:

— Сюртукъ подай!—голосомъ, который ему самому показался страшнымъ.

И борода не повиновалась щеткѣ. Онъ ее приглаживалъ передъ зеркаломъ и такъ, и этакъ; но она все торчала — не выходило никакого вида. Сюртукъ сидитъ скверно... Послѣ обѣда надо опять надѣвать фракъ — ѣхать въ другое засѣданіе. Тяжко, зато почетъ. Онъ долженъ теперь самъ объ себѣ думать... Жена уѣдетъ за границу... на всю зиму... Успѣетъ ли онъ урваться хоть на двѣ недѣли? Да Марья Орестовна и не желаетъ...

Въ залѣ, разноцвѣтной, мраморной палатѣ, съ нишами, въ два свѣта, съ арками и украшеніями, въ венеціанскомъ стилѣ, — Евлампій Григорьевичъ вдругъ остановился. Онъ совсѣмъ вѣдь забылъ, что̀ ему сказала Марья Орестовна насчетъ ея денежныхъ средствъ... Какъ же это могло случиться? Вылетѣло изъ головы! Надо же сдѣлать смѣту... Какой капиталъ и въ какихъ бумагахъ?

Нѣтовъ круто повернулся и пошелъ назадъ, въ кабинетъ... Безъ счетовъ и записной книжки онъ ничего сообразить не можетъ. Къ обѣду еще успѣетъ... Да и объ чемъ ему говорить съ этимъ Палтусовымъ?.. Зачастилъ

что-то. Не съ нимъ ли желаетъ Марья Орестовна за границу отправиться?

Вопросъ остался безъ отвѣта. Мысль Евлампія Григорьевича перескочила опять къ счетамъ и записной книжкѣ. Торопливо присѣлъ онъ къ письменному столу; съ большимъ трудомъ окинулъ онъ размѣры своихъ цѣнностей... что-то такое забылъ, и долго не могъ вспомнить, что̀ именно.

XXIX.

Обѣдъ подали въ половинѣ шестого. Столовая расписана фресками, вдѣланными въ деревянную свѣтло-дубовую рѣзьбу. Есть тутъ цѣлые виды Москвы и Троицы, занимающіе полстѣны, и поуже бытовыя картины изъ древней городской жизни. Вотъ московскій бояринъ угощаетъ заѣзжаго иностранца. Гость посоловѣлъ отъ медовъ и мальвазіи. Сдобная рослая жена выходитъ изъ терема съ опущенными рѣсницами, вся разукрашена въ оксамитъ и жемчуга, и несетъ на блюдѣ прощальный кубокъ-посошокъ. Хозяинъ съ красной, раздутой рожей хохочетъ надъ „нѣмцемъ“ и упрашиваетъ его „откушать“. Рѣзной дубовый потолокъ спускается низкими карнизами надъ этой характерной комнатой. Онъ изукрашенъ изразцами такъ же, какъ и стѣны. Затѣйливая изразцовая печь занимаетъ одну изъ узкихъ поперечныхъ стѣнъ. Она вся расписана и смотритъ издали громаднымъ глинянымъ сосудомъ. Столъ съ четырьмя приборами пропадаетъ въ этой хороминѣ. Онъ освѣщенъ большой жирандолью въ двѣнадцать свѣчей. На стѣнѣ зажжены двѣ лампы-люстры, подъ стиль жирандоли и отдѣлкѣ стѣнъ. Открытый поставецъ, съ мраморной доской, заставленъ закуской. Графинчики, бутылки и кувшины водокъ и бальзамовъ пестрѣютъ позади фарфоровыхъ цвѣтныхъ тарелокъ. Посрединѣ приподнимается граненая ваза съ свѣжей икрой. Точно будутъ закусывать человѣкъ двадцать. У противоположной стѣны, между двумя фресками, массивный буфетъ дѣланъ на заказъ въ Нюренбергѣ, весь покрытъ скульптурной и рѣзной работой. Онъ имѣетъ видъ церковнаго органа. Вмѣсто металлическихъ трубъ блеститъ серебряная и позолоченная посуда. Майоликъ по стѣнамъ не видно: ни блюдъ, ни кружекъ. Архитекторъ не допускалъ этого.

Палтусовъ ввелъ Марью Орестовну изъ коридора-гал-

лереи через вторую гостиную. Больше гостей не было. Они подошли къ закускѣ. Въ отдаленіи стояли два лакея во фракахъ, а у столика съ тарелками—дворецкій.

— Докладывали Евламиію Григорьевичу? — спросила Марья Орестовна у лакея.

— Докладывали-съ.

— Кушайте,—обратилась она къ гостю и указала на икру.

Въ этотъ день Палтусовъ проголодался. Икра такъ и таяла у него на языкѣ. Доносился и ароматъ свѣжаго балыка, и какой-то заливной рыбы. Смакуя закуски, онъ оглянулъ залу, въ головѣ его раздалось восклицаніе: какъ живутъ, „подлецы!"

Это онъ говорилъ себѣ каждый разъ, какъ обѣдалъ у Нѣтовыхъ. Ихъ столовая и весь ихъ домъ и дали ему готовый матеріалъ для мечтаній о его будущихъ „русскихъ" хоромахъ. До славянщины ему мало дѣла, хоть онъ и побывалъ въ Сербіи и Болгаріи волонтеромъ, квасу и тулупа тоже не любилъ; но палаты его будутъ въ „стилѣ", въ родѣ дома и столовой Нѣтовыхъ. Въ Москвѣ такъ нужно.

Неслышно очутился около него хозяинъ.

— А! Евламній Григорьевичъ!—вскричалъ онъ.—Какъ вы подкрались...

— Тихонько-съ,—отвѣтилъ Нѣтовъ съ кислой улыбкой, давно надоѣвшей Палтусову.—Такъ лучше-съ...

И онъ засмѣялся отрывистымъ смѣхомъ.

Палтусовъ не считалъ его глупымъ человѣкомъ. Нѣтовъ по-своему интересовалъ его. Этотъ смѣхъ показался ему почему-то глупѣе Евлампія Григорьевича. Онъ пристально поглядѣлъ ему въ лицо—и остановился на глазахъ... Ему сдавалось, что одинъ зрачокъ Нѣтова какъ будто гораздо меньше другого. Что за странность?

— Гдѣ изволили побывать?—спросилъ онъ. — Все засѣдаете?

— Засѣдаемъ-съ, засѣдаемъ,—подхватилъ Нѣтовъ развязнѣе и молодцоватѣе обыкновеннаго.

„Бодрится, — подумалъ Палтусовъ, — послѣ жениной трепки".

Марья Орестовна садилась за столъ и тихо сказала:

— Милости прошу.

— Не угодно ли-съ по другой?—пригласилъ Палтусова хозяинъ и налилъ ему алашу.

Они выпили, забили себѣ ротъ маринованнымъ лобстеромъ и сѣли по обѣ стороны хозяйки. Четвертый приборъ такъ и остался незанятымъ. Прислуга разнесла тарелки супа и пирожки. Дворецкій приблизился съ бутылкой мадеры. Первыя три минуты всѣ молчали.

XXX.

Такой обѣдъ втроемъ выпалъ на долю Палтусова въ первый разъ. Марья Орестовна не могла или не хотѣла настроиться помягче. Она плохо слушалась совѣтовъ своего пріятеля. На мужа она совсѣмъ не смотрѣла. Нѣтовъ замѣтно волновался, заводилъ разговоръ, но не умѣлъ его поддержать. Его разсѣянность вызывала въ Марьѣ Орестовнѣ презрительное подергиванье плечъ.

„Покорно-спасибо,—сказалъ про себя Палтусовъ послѣ рыбы,—въ другой разъ вы меня на такой обѣдъ не заманите“.

Но къ концу обѣда онъ началъ внимательнѣе наблюдать эту чету и бесѣдовать самъ съ собою. Она была въ сущности занимательна... Что-то такое онъ чуялъ въ нихъ, на чемъ, до сихъ поръ, не останавливался. Мужа онъ „допускалъ“... Смѣяться надъ нимъ ему было бы противно. Онъ замѣчалъ въ себѣ наклонность къ великодушнымъ чувствамъ. Да и она́ вѣдь жалка. У него по крайней мѣрѣ есть страсть, въ рабствѣ у жены, любитъ ее, преклоняется, но страдаетъ. Не даромъ у него такіе странные зрачки. А эта купеческая Рекамье? Что въ ней говоритъ? Жила, жила, тянулась, дрессировала мужа, точно пуделя какого-то, и вдругъ—все къ чорту!.. И тутъ не ладно... въ головѣ не ладно.

Палтусовъ такъ задумался, что Марья Орестовна два раза должна была его спросить:

— Будете на симфоническомъ?..

— На музыкалкѣ?—переспросилъ онъ.—Буду, если достану билетъ.

— А у васъ нѣтъ членскаго?

— Пропустилъ. Говорятъ, свалка была, на Неглинной, у Юргенсона?..

— Огромный успѣхъ!

— Да-съ, шибко торгуютъ,—пошутилъ Евламній Григорьевичъ.

— Шибко,—поддержалъ его Палтусовъ.

— Потому что идетъ по своей дорогѣ,—тревожно заго-

ворилъ Нѣтовъ,—идетъ-съ. Изволите видѣть, оно такъ въ каждомъ дѣлѣ. Чтобы человѣкъ только вѣру въ себя имѣлъ; а когда вѣры нѣтъ—и никакого у него форсу. Какъ будто монета, старая, стертая, не распознаешь, гдѣ значится орелъ, гдѣ рѣшетка.

Марья Орестовна не безъ удивленія прислушивалась.

— Совершенно вѣрно!—откликнулся Палтусовъ.

— Человѣкъ на помочахъ идти не можетъ... Все равно малолѣтній всегда... А стоитъ ему на свои ноги встать...

„Вонъ онъ куда", подумалъ Палтусовъ и сочувственно улыбнулся хозяину.

— И тогда все по-другому... Хотя бы и не потрафилъ онъ сразу, да у него на душѣ лучше... И смѣлости прибудетъ!

— Хотите еще?—перебила хозяйка, обращаясь къ гостю.

— Пирожнаго?.. Благодарю. Курить хочу, если позволите.

— Вамъ разрѣшаю.

Евламній Григорьевичъ смолкъ. Жена не смотрѣла на него. Она нашла, что его болтовня—дерзость, за которую она сумѣетъ отплатить. Но взглядъ Палтусова подсказалъ ей:

„Смотрите, не перейдите градуса. Сначала добейтесь своего. Вы видите—и въ немъ заговорило мужское достоинство".

Евламній Григорьевичъ предложилъ ему сигару и спросилъ, чего никогда не дѣлалъ:

— Угодно въ кабинетъ?.. Кофейку... и покурить въ свое удовольствіе?

Палтусовъ согласился,—довелъ хозяйку до салона и сказалъ ей шопотомъ:

— Не возмущайтесь, пожалуйста, я вашу же линію веду.

Она сдѣлала гримасу.

Въ кабинетѣ Евламній Григорьевичъ засуетился, сталъ усаживать Палтусова, наливалъ ему ликера, вынулъ ящикъ сигаръ. Прежде онъ держалъ себя съ нимъ натянуто или неловко-чопорно... Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Нѣтовъ раза два поглядѣлъ на письменный столъ и на счеты, лежавшіе посрединѣ стола передъ кресломъ.

— Вотъ-съ,—заговорилъ онъ прямо,—вы, Андрей Дмитріевичъ, человѣкъ просвѣщенный. Вездѣ бывали. И сообразить можете, какъ по-вашему, если дамѣ такой, какъ

если бы Марья Орестовна... примѣрно, за границей проживать? И вообще домъ имѣть свой... Какой годовой доходъ?

Такого вопроса не ожидалъ Палтусовъ. Мужъ положительно нравился ему больше жены. Онъ остается въ Москвѣ, надо его держаться. Это порядочный человѣкъ, прочный коммерсантъ, выдвинулся впередъ такъ или иначе „на линію“ генерала.

— Годовой доходъ?—переспросилъ Палтусовъ.

— Да-съ?

— Двадцать тысячъ. Если тѣ же привычки будутъ, какъ и здѣсь... тридцать...

— Мало-съ. Я полагаю пятьдесятъ?..

— Коли въ Италіи, напримѣръ, жить, такъ на бумажныя лиры сумма крупная.

Нѣтовъ разсмѣялся и замолчалъ.

Правый зрачокъ у него опять показался Палтусову меньше лѣваго.

— Что же-съ?.. По душѣ сказать,—онъ началъ изливаться,—такая сумма четвертая часть того, что̀ мы имѣемъ. И каждый хорошій мужъ обязанъ первымъ дѣломъ обезпечить... Такъ ли-съ? И волю свою выразить, какъ слѣдуетъ... Особливо ежели благопріобрѣтенное... оно и совершено, да, знаете, въ голову другое-то не пришло? При жизни-то? Изволите разумѣть? При жизни мужа можетъ понадобиться... Такой оборотъ выйти?.. Безъ развода... Или тамъ чего... И безъ стѣсненья!.. Уѣдетъ жена пожить за границу!.. Она и спокойна. У ней свой доходъ. Простая штука... И любилъ человѣкъ... а между прочимъ не сообразилъ.

Онъ смолкъ и всталъ съ дивана, подошелъ къ столу, накинулъ нѣсколько костей на счетахъ, отставилъ ихъ въ сторону и потеръ себѣ руки. Палтусовъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и недоумѣньемъ.

— Марья Орестовна ждутъ васъ... Извините, что задержалъ... Я въ засѣданіе...

И Евлампій Григорьевичъ началъ жать ему руку, какъ-то присѣдая и улыбаясь.

— Знаете что,—говорилъ Палтусовъ Марьѣ Орестовнѣ въ гостиной, берясь за шляпу; онъ никогда у ней не засиживался,—вы не найдете нигдѣ второго Евлампія Григорьевича.

И онъ разсказалъ, объ чемъ изливался ему Нѣтовъ.

Марья Орестовна только потянула въ себя воздухъ.

— Ужъ не знаю... Онъ точно какой шальной сегодня!..

„Будешь!"—добавилъ отъ себя Палтусовъ и поцѣловалъ ея руку.

XXXI.

Ровно черезъ недѣлю хоронили Константина Глѣбовича Лещова.

Октябрь ужъ перевалилъ за вторую половину. День выдался съ утра сиверкій, мокрый, съ иглистымъ, полумерзлымъ дождемъ. Часу въ одиннадцатомъ шло отпѣваніе въ старой, низенькой церкви упраздненнаго монастыря. По двору, въ каменной оградѣ, расположилась публика. Въ церковь вошло не много. Тамъ и не помѣстилось бы, безъ крайней тѣсноты, больше двухсотъ человѣкъ. Служили викарный архіерей и два архимандрита. По желанію покойнаго, занесенному въ завѣщаніе, его отпѣвали въ томъ приходѣ, гдѣ онъ родился. Потемнѣлые своды церкви давили и спирали воздухъ, весь насыщенный ладаномъ, копотью восковыхъ свѣчей и струями хлорной извести и можжевельника. Кругомъ всѣ жаловались, что не слѣдовало отпѣвать въ такой крохотной церкви. Безпрестанно мужчины во фракахъ и шитыхъ мундирахъ выходили на паперть, набитую нищими. Дамъ насчитывали гораздо меньше мужчинъ. Слѣва отъ гроба, у придѣла, группа дамъ въ черномъ окружала вдову покойнаго. Аделаида Петровна стояла на колѣняхъ и, отъ времени до времени, всхлипывала. Ее находили очень интересной...

Пѣли чудовскіе пѣвчіе. Протодіаконъ оттягивалъ длинной минорной нотой конецъ возглашеній. Его „Господу помолимся" производило въ груди томильную пустоту. Когда зажигали свѣчи для заупокойной обѣдни, то архіерею, двумъ архимандритамъ и двумъ старшимъ священникамъ протодіаконъ подалъ по толстой свѣчѣ зеленаго воску. Такую же получила и вдова.

Много разъ разносились уже по церкви слова „болярина Константина". Потъ шелъ со всѣхъ градомъ. Никто не молился. Кто-то шепчетъ, что будетъ „слово"—и всѣ ужасаются коптѣть еще лишнихъ полчаса.

Но и на дворѣ всѣ раздражались отъ мокрой погоды. У паперти стояла группа бойко болтающихъ мужчинъ. Тутъ встрѣтились знакомые самыхъ разнохарактерныхъ

знаній. Бритое лицо актера,—съ выдающимся носомъ и синими щеками, въ мягкой шляпѣ съ большими полями,—наполовину уходило въ мерлушковый воротникъ длиннаго чернаго пальто. Рядомъ съ нимъ выставлялась треугольная шляпа съ камеръ-юнкерскимъ плюмажемъ и благообразное дворянское лицо, простоватое и томное. Сбоку морщился плотный полковникъ, въ каскѣ и съ рыжей бородой, по петлицамъ пальто—военный судья. Они говорили разомъ, разсказывали веселые анекдоты, ругали погоду. Къ нимъ присосѣживались выходящіе изъ церкви и вновь прибывающіе.

По двору гуляли другія группы. Народъ облѣпилъ одну стѣну и выглядывалъ изъ-за главныхъ воротъ, обступалъ катафалкъ, крытый бѣлымъ глазетомъ съ бѣлыми перьями по бокамъ и по срединѣ. Экипажи останавливались у воротъ и потомъ отъѣзжали вверхъ по переулку и внизъ къ Дмитровкѣ. Было грязно. Большая лужа выдалась на самой срединѣ паперти. Ее обходили влѣво, слѣдуя широко разбросанному можжевельнику. Фонарщики, въ черныхъ шляпахъ и шинеляхъ съ капюшонами, завернули подолы и бродили по двору, составивъ свои фонари вдоль стѣны, въ тяжелыхъ порыжѣлыхъ сапогахъ и полушубкахъ. Жандармы покачивались въ сѣдлахъ.

На похороны Лещова приглашено было поименно до шестисотъ человѣкъ. Списокъ составлялъ Качѣевъ. Въ него попали купцы, помѣщики, директора банковъ, литераторы, профессора, актеры. Нѣсколько именъ говорили, что покойный посѣщалъ патріотическія гостиныя. Но оказалось, въ числѣ приглашенныхъ, и довольно вольнодумныхъ людей, либерально мыслящихъ на европейскій ладъ, посѣщающихъ, впрочемъ, и патріотическія гостиныя. Покойный зналъ всю дѣловую Москву и сохранялъ связи съ интеллигенціей. Но по лицамъ, провожавшимъ его въ послѣднюю обитель, трудно было узнать—кому его жаль. Только самые простые купцы, „какъ есть изъ русскихъ", входившіе въ ограду безъ шапокъ и осѣняя себя крестомъ, казалось, соболѣзновали его кончинѣ.

Служба все тянулась. Уже остряки давно напомнили объ адмиральскомъ часѣ. Какой-то лысый господинъ среднихъ лѣтъ выскочилъ съ паперти безъ шапки вслѣдъ за смуглой, долгоносой барыней въ цвѣтной шляпкѣ, и началъ ей кричать:

— Не хочу знать этихъ мерзавцевъ!

И пошелъ по можжевельнику, размахивая рукою.

А дама усовѣщивала его, повторяя:

— Глядятъ! Глядятъ! Постыдись!

На что онъ еще задорнѣе крикнулъ:

— А мнѣ наплевать!..

Въ группѣ около паперти актеръ переглянулся съ собесѣдниками.

— Господа литераторы,—выговорилъ онъ съ актерскимъ подчеркиваніемъ,—народъ сердитый!

— Сердитъ, да не силенъ!..—крикнулъ военный судья, и всѣ трое расхохотались, послѣ чего вдругъ сдержали себя и уныло поглядѣли на входъ въ церковь.

— Претитъ?—спросилъ актеръ камеръ-юнкера.

— И очень!..

— Вы, господа, до кладбища?

— Ну, нѣтъ-съ,—отвѣтилъ за всѣхъ судья и запахнулся въ пальто.

Ударили на колокольнѣ, и похоронный гулъ поплылъ по отсырѣлому воздуху.

XXXII.

За полчаса до выноса тѣла изъ церкви, Палтусовъ входилъ въ ограду и осторожно пробирался, обходя тѣ мѣста, гдѣ грязь растоптали какъ мѣсиво. Онъ ожидалъ чего-то другого... Съ Лещовымъ онъ познакомился только въ этомъ году и нашелъ его „очень занимательнымъ“. Ему не разъ уже приходило на мысль, что онъ самъ идетъ по той же дорогѣ. Лещовъ представлялъ цѣлую полосу московской жизни. Онъ внесъ съ собою въ дѣла какую-то „идею“. Патріоты съ славянскими симпатіями, которыхъ пріятели Палтусова звали „византійцами“, считали его своимъ. Черезъ него они воспитали въ своемъ духѣ нѣсколько милліонщиковъ-купцовъ, заставляли ихъ поддерживать общества, посылать пожертвованія, записываться въ покровители „братьевъ“, давать деньги на основаніе газетъ, журналовъ, на печатаніе книгъ и брошюръ...

Но теперь что-то покачнулось. Онъ не видитъ ни большого горя, ни большого смущенія. И единомышленниковъ-то Лещова три-четыре человѣка, да и обчелся... Вотъ и на этихъ похоронахъ такъ же. Палтусовъ оглядѣлъ всѣ кучки. Его зоркіе глаза всюду проникли. На дворѣ онъ замѣтилъ только блѣднолицаго брюнета въ очкахъ изъ

„толка“, да старца съ большой бородой, въ старомодной шинели и шапкѣ, изъ-подъ которой падали на воротникъ длинные съ просѣдью волосы. Старецъ говорилъ въ кучкѣ университетскихъ, улыбался и прищуривалъ добрые глаза. До Палтусова донесся его хриплый грудной басъ провинціальнаго трагика и отрывки его горячихъ фразъ.

„Навѣрно будетъ говорить на могилѣ“,— подумалъ Палтусовъ и поспѣшилъ въ церковь.

Онъ не продрался къ серединѣ. Издали увидалъ онъ лысую голову коренастаго старика въ очкахъ, съ густыми бровями. Его-то онъ и искалъ, для счету, хотѣлъ убѣдиться, окажутся ли налицо единомышленники покойнаго. Вправо отъ архіерея стояли въ мундирахъ, тщательно причесанные, Взломцевъ и Красноперый. У обоихъ низко на грудь были спущены кресты, у одного Станислава, у другого Анны.

Но въ церкви Палтусовъ не выстоялъ больше пяти минутъ. Мимо его прошмыгнулъ распорядитель похоронъ, Качѣевъ, тоже его знакомый, и замѣтилъ ему смѣшливо:

— Каковъ парничокъ-то, а?

Влѣво отъ паперти Палтусовъ примѣтилъ группу изъ троихъ мужчинъ, одѣтыхъ безъ всякаго парада. Онъ узналъ въ нихъ зачинщиковъ разныхъ „контръ“, направленныхъ противъ Нѣтова и его руководителей: покойнаго Лещова и Краснопераго. Одинъ, съ большой мохнатой головой и рябымъ лицомъ, осматривался и часто показывалъ гнилые зубы. Двое другихъ тихо переговаривались. Они смотрѣли заурядными купцами: одинъ брился, другой носилъ жидковатую бороду. Вслѣдъ за Палтусовымъ спустился съ паперти и Красноперый, и тотчасъ присталъ къ кучкѣ, гдѣ торчала треугольная шляпа камеръ-юнкера.

— Каковъ?—доносился до него шепелявый голосъ Краснопераго.— Царство-то небесное какъ захотѣлъ заполучить!.. Перебѣжчикомъ на тотъ свѣтъ явится.

Кто-то изъ группы началъ его разспрашивать.

— Не нашелъ онъ, къ кому обратиться!—кричалъ Красноперый.— Меня не пожелалъ, видите ли... Стрекулистовъ какихъ-то въ душеприказчики взялъ... Хоть бы въ свидѣтели пригласилъ.

Черезъ минуту актеръ спросилъ:

— Двѣсти тысячъ?.. На школы?.. Молодецъ!

— Да помилуйте, батюшка... Одна гордыня!—кричалъ опять Красноперый.

„Вотъ оно что",—отмѣчалъ про себя Палтусовъ. Все это его чрезвычайно занимало.

— Андрей Дмитріевичъ!—окликнули его.

Съ нимъ раскланивался Нѣтовъ, въ мундирѣ, въ персидской звѣздѣ, очень блѣдный и возбужденный.

— Позвольте познакомить... Братъ супруги моей... Николай Орестовичъ Леденщиковъ...

Палтусову подалъ руку худой блондинъ, въ длиннѣйшемъ пальто съ котиковымъ воротникомъ. Его прыщавое, чопорное лицо, въ золотомъ pince-nez, бритое, съ рыжеватыми усами, смотрѣло на Палтусова, приторно улыбаясь... Сестру онъ напоминалъ развѣ съ носа. Такого вида молодыхъ людей Палтусовъ встрѣчалъ только въ русскихъ посольствахъ за границей, да за абсентомъ Café Riche, на Итальянскомъ бульварѣ. „Разновидность Виктора Станицына",—опредѣлилъ онъ.

— Enchanté,—выговорилъ братъ Марьи Орестовны, съ необычайно старательнымъ и сладкимъ французскимъ произношеніемъ.

— Слышали, Евлампій Григорьевичъ,—спросилъ Палтусовъ,—завѣщаніе-то Лещова? Двѣсти тысячъ на школы!.. Благородно!

— Слышалъ-съ.

— Да развѣ не вы душеприказчикъ?..

— Нѣтъ-съ!.. Покойникъ просилъ... Дядюшка мой отказали... Ну, тому и обидно показалось!.. И всякій бы на его мѣстѣ... Онъ обратился къ тѣмъ...

Нѣтовъ указалъ глазами на ту кучку, гдѣ стояли трое „враговъ" его.

— Неужели?—удивился Палтусовъ.

— И что же-съ?.. Каждый воленъ поступать по совѣсти... Да и какія тутъ-съ партіи?.. Только чтобъ честные люди были... А иной и кричитъ: я русакъ, я стою за русское дѣло, а на повѣрку выходитъ...

Онъ не досказалъ и раздраженно оглянулся въ сторону паперти, гдѣ замѣтилъ вырѣзанныя ноздри своего родственника Краснопѣраго. Палтусовъ прислушивался къ его голосу и смотрѣлъ ему въ лицо. На его глазахъ съ этимъ человѣкомъ что-то происходило... Онъ сбрасывалъ съ себя ярмо...

— Пойдемте въ церковь,—пригласилъ Нѣтовъ своего

зятя.—На кладбище поѣдете?—спросилъ онъ Палтусова, и не дождавшись отвѣта, пошелъ торопливой, развинченной походкой.

XXXIII.

Палтусовъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Умеръ Лещовъ. Марья Орестовна собралась жить въ раздѣлъ съ мужемъ. На чьемъ же попеченіи останется этотъ задерганный обыватель? Надо его прибрать къ рукамъ, пока не явятся новые руководители. Нѣтовъ раскланялся съ Краснопёрымъ и съ камеръ-юнкеромъ, мимоходомъ, не сталъ съ ними заговаривать, потомъ взялъ въ сторону, раскланялся и съ кучкой, гдѣ выглядывало рябое лицо его врага и „обличителя", кажется, улыбнулся имъ. Подалъ руку всѣмъ троимъ, что-то сказалъ и, сдѣлавъ жестъ правой рукой, перезнакомилъ ихъ съ зятемъ.

Это онъ заявляетъ свою самостоятельность... Въ день похоронъ дядьки показываетъ, что сумѣетъ всячески соблюсти себя и подняться. Говоритъ съ сѣдымъ генераломъ, съ членомъ суда. И очень что-то бойко... Не скоро доберется онъ до церкви. Вошелъ.

На паперти засуетились... Нищіе сбѣжали со ступенекъ и выстроились двумя рядами. Снесли крышку, пѣвчіе въ потертыхъ цвѣтныхъ кунтушахъ съ откидными рукавами, съ фуражками въ рукахъ, начали спускаться, лѣниво поводили головами и подбирали полы. Зазвучало „Со святыми упокой"... Толкотня усиливалась. Показалось духовенство. Протодьяконъ надѣлъ на себя теплую скуфью... Запестрѣли митры и камилавки... Гробъ несли на полотенцахъ артельщики и мелкіе конторщики банка. Распорядитель Качѣевъ что-то кричалъ въ церковь... Вдову поддерживали двѣ дамы... Ея головы не было видно...

На все это глядѣлъ Палтусовъ и раза два подумалъ, что и его, лѣтъ черезъ тридцать, будутъ хоронить съ такой же некрасивой и нестройной церемоніей, стоящей большихъ денегъ... Кисти гроба болтались изъ стороны въ сторону. Иглистый дождь мочилъ парчу. Вѣтеръ развѣвалъ жирные волосы артельщиковъ въ длинныхъ сибиркахъ.

За гробомъ поплелись сановныя лица и пріятели покойнаго. Камеръ-юнкеръ пошелъ слѣва; сзади несъ свой византійскій ликъ Взломцевъ; курносый, нахальный профиль Краснопёраго, въ шитомъ воротникѣ и бѣломъ галс-

тукѣ, говорилъ скорѣй о молебнѣ съ водосвятіемъ, по поводу полученной „святыя Анны“, чѣмъ о погребеніи друга и пріятеля... Нѣтовъ шелъ безъ шляпы, все такой же возбужденный, кидая кругомъ быстрые взгляды, говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ знакомымъ.

Народъ снялъ шапки, но изъ приглашенныхъ многіе остались съ покрытыми головами. Гробъ поставили на катафалкъ съ трудомъ, чуть не повалили его. Фонарщики зашагали тягучимъ шагомъ, по двое въ рядъ. Впереди— два жандарма, лѣвая рука — въ бокъ, поморщиваясь отъ погоды, попадавшей имъ прямо въ лицо. За каретами двинулись обитыя краснымъ и желтымъ линейки, онѣ покачивались на ходу и дребезжали. Больше половины провожатыхъ бросились къ своимъ экипажамъ.

— Вы не съ нами-съ?—пригласилъ Палтусова Нѣтовъ, догоняя его на обратномъ пути,—у насъ ландо-съ.

Палтусовъ поблагодарилъ. Ему надо было заѣхать въ городъ; но онъ посиѣетъ на кладбище къ тому времени, когда будутъ опускать гробъ въ могилу.

— Ожидаемъ рѣчей-съ,—сказалъ Нѣтовъ.

— Вы не скажете ли?—посмѣялся Палтусовъ.

— Можетъ и скажу-съ!—отвѣтилъ Нѣтовъ съ особеннымъ выраженіемъ.

Заграничный зять усмѣхнулся и протянулъ:

— Интересно...

„Но ты-то интересенъ ли?“—спросилъ про себя Палтусовъ, усаживаясь въ пролетку.

Похоронное шествіе спускалось къ Большой Дмитровкѣ. Пролетка Палтусова черезъ Тверскую и Вознесенскія ворота была уже на Никольской, когда пѣвчіе поровнялись только съ угломъ Столешникова переулка. Минутъ черезъ пятьдесятъ онъ подъѣзжалъ къ кладбищу; шествіе близилось къ оградѣ. На сниманіе, заколачиваніе и спускъ гроба пошло не мало времени. Погода немного прояснилась. Стало холоднѣе; изморось уже больше не падала.

Среди чугунныхъ и мраморныхъ памятниковъ, столбовъ, плитъ, урнъ и крестовъ, зіяла глиняная яма. Гробъ ушелъ низко; чтобы бросать землю на крышку гроба, приходилось или нагибаться, или опуститься на аршинъ. Послѣ литіи, одинъ изъ архимандритовъ сказалъ краткое слово, восхваливъ „ученость“ и благочестіе покойнаго... Настала минута нерѣшительности... Полетѣли горсти песку... Его разносилъ артельщикъ; Качѣевъ наблюдалъ, чтобы всѣмъ

хватило. Изъ толпы, топтавшейся въ молчаніи, вышелъ тотъ лысый старикъ съ надвинутыми бровями, котораго Палтусовъ отыскивалъ въ церкви, во время отпѣванія.

Онъ началъ хрипло выкрикивать слова, словно подсказывалъ человѣку крѣпкому на ухо. Его рѣчь состояла изъ цѣпи сочувственныхъ фразъ; но издали можно было принять ихъ за рядъ окриковъ. Точно онъ сердился на покойника и распекалъ его, какъ подчиненнаго. Сзади многіе ухмылялись... Но старикъ скоро кончилъ и швырнулъ въ гробъ большую горсть песку. За нимъ забросали опоздавшіе... Всѣ начали переглядываться... На противный конецъ ямы, у ногъ покойника, спустился тотъ баринъ, съ длинными волосами, что горячо разговаривалъ въ оградѣ церкви, въ одной изъ группъ. Онъ долго устанавлялъ какое-то „исконное начало", и звонкія слова, въ родѣ „прекрасное", „торжество", „крѣпость духа", разносились по кладбищу. Иные слушатели стали сомнѣваться — сведетъ ли онъ рѣчь свою къ концу. Поднялся шопотъ, а потомъ говоръ, острили, давали прозвища. Онъ все говорилъ и вдругъ, не докончивъ длиннаго періода, воззвалъ къ „вѣчнымъ началамъ правды, добра и красоты"—и раскланялся.

Раздались аплодисменты... Собирались расходиться... Но на краю могилы стоялъ нóвый ораторъ. Это былъ Нѣтовъ.

XXXIV.

Палтусовъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Ему сдѣлалось даже неловко. Онъ попятился назадъ, но такъ, что лицо и вся фигура Евлампія Григорьевича были ему видны.

— Вотъ, господа-съ,—слышалось ему,—умеръ человѣкъ рѣдкій... въ своемъ родѣ...

— Кто это говоритъ?—спросилъ кто-то сзади.

— Нѣтовъ!

— Батюшки!

— Какъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ... Даръ получилъ по наитію!..

Но Палтусовъ прислушивался.

— И вотъ могила, господа... Иные сейчасъ скажутъ: нашъ онъ былъ, къ нашему согласію принадлежалъ.

„Согласіе? очень недурно!"—одобрилъ Палтусовъ и выдвинулся впередъ.

Евлампій Григорьевичъ скинулъ статсъ-секретарскую

шинель съ одного плеча. Его правая рука свободно двигалась въ воздухѣ. Шитый воротникъ, бѣлый галстукъ, крестъ на шеѣ, на лѣвой груди—звѣзда, вся въ настоящихъ, самимъ вставленныхъ, брильянтахъ, такъ и горитъ. Весь выпрямился, голова откинута назадъ, волосы какъ-то взбиты, линіи рта волнистыя, возбужденные глаза... Палтусову опять кажется, что зрачки у него не равны, голосъ съ легкой дрожью, но увѣренный и немного, какъ бы, вызывающій... Неузнаваемъ!

— Зачѣмъ,—продолжалъ ораторъ, — намъ всѣ эти прозвища перебирать, господа?.. Славянофилы, напримѣръ, западники, что ли, тамъ... Все это одни слова. А намъ надо дѣло... Не кличка творитъ человѣка!.. И будто нельзя почтенному гражданину занимать свою позицію? Будто ему кличка доставляетъ ходъ и уваженіе?.. Надо это бросить... Жалуются всѣ:—рукъ нѣтъ, головъ нѣтъ, способныхъ людей и благонамѣренныхъ. Мудрено ли это?.. Потому, господа, что боятся самихъ себя... Все въ кабалу къ другимъ идутъ!..

— Жена написала, а онъ заучилъ,—раздался надъ ухомъ Палтусова чей-то голосъ.

— Здѣсь она, на похоронахъ?

— Нѣтъ, не видно что-то.

— Отзубрилъ знатно!

„Нѣтъ, это не Марья Орестовна, — думалъ Палтусовъ, продолжая слушать,—это экспромптъ. Евлампій Григорьевичъ не писалъ этого на бумажкѣ и не заучивалъ“.

— И вотъ, господа,—кончалъ Нѣтовъ,—помянемъ доброй памятью Константина Глѣбовича. Не забудемъ, на что онъ половину своего достоянія пожертвовалъ!.. Не очень-то слѣдуетъ кичиться тѣмъ, что онъ держался такого или другого согласія... Тѣмъ онъ и былъ силенъ, что себѣ цѣну зналъ!.. Такъ и каждому изъ насъ быть слѣдуетъ!.. Вѣчная память ему!..

Къ концу рѣчи всѣ смолкли. Потомъ захлопали горячо и дружно.

— Емеля-то дурачокъ какъ расходился! — крикнулъ громко Красноперый, взялъ за руку старичка-генерала и пошелъ по мосткамъ къ выходу.

Нѣтову жали руку. Онъ стоялъ все съ непокрытой и откинутой головой. Глаза его перебѣгали отъ предмета къ предмету.

— N'est ce pas?—остановилъ Палтусова, двинувшагося

за другими, сладкій братъ Марьи Орестовны...—Mon beau frère a très bien dit son fait? Только, кажется, были намеки... Какъ вы находите?

— Молодцомъ!..—искренно похвалилъ Палтусовъ, протолкался и крѣпко пожалъ руку Нѣтова.

Евлампія Григорьевича окружили. Большая голова и гнилые зубы господина отъ враждебной группы виднѣлись рядомъ съ нимъ.

Когда Палтусовъ подходилъ и протягивалъ ему руку, „вожакъ оппозиціи" смѣялся и трясъ одобрительно волосами.

— Истину, истину изволили изречь... Евлампій Григорьевичъ... Вамъ зачтется... Хорошій баллъ поставимъ... Давно пора такъ-то!..

Нѣтова не обидѣлъ покровительственный голосъ. Его не оставляло возбужденіе. Рука у него вздрагивала.

— Другая полоса теперь! Другая-съ!..—громко провозгласилъ онъ и надѣлъ бобровую шапку, а шляпу взялъ подъ мышку.

— Разскажите вашей сестрицѣ,—тихо сказалъ Палтусовъ его зятю,—какъ отличился ея супругъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ,—выговорилъ тотъ, и гостинодворскій акцентъ проскользнулъ въ дикцію, наломанную на дворянскій манеръ.

— Къ намъ откушать!—остановилъ Палтусова Нѣтовъ.

Палтусовъ отклонилъ приглашеніе.

— Не все на помочахъ, Андрей Дмитріевичъ! Не такъ ли-съ?..—почти азартно спросилъ его Нѣтовъ и полѣзъ въ свое четырехмѣстное ландо.

Палтусовъ простоялъ еще минутъ съ пять. Жандармы ругались съ кучерами линеекъ. Кареты поѣхали вереницей. Купцы разсаживались въ крытыя дрожки. Пѣвчіе, артельщики, похоронныя старухи и всякій сбродъ чуть не дрались, влѣзая въ линейки; народъ шлепалъ по грязи... Начало опять моросить.

„Надо держаться Нѣтова",—рѣшилъ еще разъ Палтусовъ, и уѣхалъ изъ послѣднихъ.

XXXV.

Вечеромъ, за чаемъ, въ будуарѣ Марьи Орестовны, на атласномъ пуфѣ сидѣлъ братъ ея, пріѣхавшій всего три дня назадъ, и разсказывалъ ей, какой успѣхъ имѣла рѣчь Евлампія Григорьевича. Къ обѣду сестра его не

выходила. Она страдала мигренью. Накануне мужъ пришелъ ей сказать, что ея желаніе исполнено, и передалъ ей пакетъ съ цѣнными бумагами, приносящими до пятидесяти тысячъ дохода.

Легкая побѣда потѣшила ее, но не надолго. Евлампій Григорьевичъ сдѣлалъ это слишкомъ скоро, и когда отдавалъ ей слишкомъ тяжелый пакетъ, то въ лицѣ его она усмотрѣла необычайное выраженіе; оно говорило:

„Извольте, будемъ и безъ васъ жить съ царемъ въ головѣ...“

На брата она и безъ того не особенно надѣялась; но въ эти три дня онъ опять весь выдохся передъ ней. Отъ его тощей фигуры, прыщаваго лица, волосъ, изысканныхъ туалетовъ и батистовыхъ платковъ шелъ, во-первыхъ, ненавистный ей запахъ илангилана... Она уже попросила его перемѣнить духи... Потомъ онъ началъ мямлить ей, приторно и желая соблюсти свое „консульское“ достоинство, что ему необходимо камеръ-юнкерство, что безъ этого званія онъ не можетъ существовать. Пять разъ, съ разными новыми варіантами, разсказалъ онъ ей, какъ его представляли „королевѣ и королю“, какъ ихъ величества удивлялись, что такой „gentleman“ до сихъ поръ не отличенъ придворнымъ званіемъ. Ему и безъ того тяжело носить фамилію „Леденщиковъ“. Не можетъ же онъ всѣмъ и каждому сообщать, что его мать была столбовая дворянка, племянница одного князя! Еще за границей имя не такъ плохо звучитъ, но въ Россіи, безъ прибавленья на карточкѣ: „Gentilhomme de la chambre de S. M. l'Empereur“—показаться нельзя... И выходило, что хлопотать объ этомъ слѣдуетъ ей, его „чудесной“ Мари. А для этого надо нѣсколько большихъ обѣдовъ и вечеровъ, отрекомендовать его „особенно“ здѣшнимъ властямъ, поѣхать въ Петербургъ, тамъ завести знакомства въ высшихъ сферахъ, жертвовать, сдѣлаться дамой-патронессой, основать пріютъ, его помѣстить куда-нибудь почетнымъ попечителемъ. Съ милліоннымъ состояніемъ это такъ легко.

Нытье брата открыло вдругъ глаза Марьѣ Орестовнѣ на то, что ее ожидаетъ за границей. Братъ не оставитъ ее въ покоѣ. Онъ сдѣлается ея прихвостнемъ. Денегъ она же ему будетъ давать. И теперь она даетъ ему три тысячи. Очень ей пріятно будетъ видѣть, что онъ, ничтожный „консулъ“, пыжится быть дипломатомъ: онъ съ такимъ

куринымъ мозгомъ не можетъ идти по службѣ. Кромѣ уколовъ самолюбія ничего ее не ждетъ. Ужъ и ей разсказали, какъ ея братецъ на одномъ придворномъ балѣ такъ часто забѣгалъ впередъ всюду, гдѣ шла королева, что на него, наконецъ, обратили вниманіе, только не благосклонное. Анекдотъ кто-то завезъ прошлой зимой сюда, и всѣ его знаютъ.

Своихъ плановъ она не сообщила ему вполнѣ. Но братъ засталъ ее еще въ острый періодъ ея душевной тревоги, и она ему намекнула на свое рѣшеніе отдѣлаться отъ Евлампія Григорьевича.

— Я тебя увѣряю,—деликатно выговаривалъ Николай Орестовичъ каждый слогъ, — твой мужъ очень хорошо... a très bien troussé son discours. Какъ тебѣ угодно, Мари, но здѣсь ты особа. И зачѣмъ тебѣ уѣзжать въ началѣ вашего московскаго сезона? Я не на то разсчитывалъ, дорогая моя. Извини, что я тебѣ противорѣчу.

Она заставила его замолчать и послала въ залу—сыграть ей вальсъ Шопена. Цѣлыхъ три часа слушала она его разведенныя сиропомъ рѣчи. Ея выкормокъ положительно раздражалъ ее. Жить съ нимъ за границей по цѣлымъ мѣсяцамъ врядъ ли лучше, чѣмъ имѣть около себя такого мужа, какъ Евлампій Григорьевичъ.

И потомъ, въ ея мужѣ есть что-то новое. Оставить его въ покоѣ; только бы зналъ свою роль въ домѣ. Не оставаться съ нимъ за столомъ; а при постороннихъ пропускать мимо ушей его купеческое „изволите видѣть“. Теперь она съ собственнымъ большимъ состояніемъ. Какой мужъ сдѣлалъ бы это такъ джентльменски? Палтусовъ былъ правъ.

И съ этимъ человѣкомъ у ней далеко не все кончено. Онъ какъ будто играетъ съ нею. А, можетъ-быть, онъ честный человѣкъ, не хочетъ показывать ей такого чувства, какого не находитъ въ себѣ. Но времени впереди много. Вотъ это—характеръ. Если бъ онъ кидался на деньги, онъ бы сейчасъ же сталъ подбивать ее уѣхать за границу, съ капиталами. Онъ не бросится за ней. Даже и намека на это нѣтъ. Безъ него тамъ будетъ очень скучно, очень. Знаетъ она этихъ французовъ и англичанъ въ Трувиллѣ, въ Біарицѣ, венгерскихъ гусаръ въ Маріенбадѣ. Тяжело ей съ ними. Когда она говоритъ по-французски, у ней выходитъ все жидко, тускло, книжно, отзывается русской гувернанткой. И не пріобрѣсти ей блеска.

Это дается или не дается. Вотъ Коля какъ старается, а все-таки комми изъ магазина Дарзанса или Море.

Братъ Марьи Орестовны сошелъ съ Шопена на какую-то сладкую мелодію нѣмца Гумберта, а потомъ заигралъ опереточный мотивъ. Головная боль сестры его утихла. Неподвижное положеніе на кушеткѣ усыпляло ее полегоньку. Передъ ея глазами сталъ узкій треугольникъ портьеръ черезъ всю амфиладу комнатъ. Вѣки слипались. Изъ залы долетали, но смягченные коврами и шелкомъ стѣнъ и драпировокъ, фривольные звуки приторнаго Николая Орестовича. Но заснуть его сестрѣ мѣшали два видѣнія:— то спустится ей на грудь пакетъ съ цвѣтными бумагами, то выплыветъ, точно изъ облака, красивая борода съ свѣтлымъ проборомъ на подбородкѣ.

XXXVI.

— Кто тутъ?—пугливо окликнула Марья Орестовна и открыла глаза.

Надъ ней наклонилась борода, но не та благообразная съ изящнымъ проборомъ, а растущая въ разныя стороны борода мужа. Лицо ея было блѣдно и испуганно.

— Что съ вами-съ?—спросилъ онъ боязливымъ шопотомъ.—Я думалъ—обморокъ.

— Нисколько,—недовольно выговорила она, и подняла голову:—Который часъ?

— Двѣнадцатый.

— Коля играетъ?

— Ушелъ къ себѣ.

— А-а!..

Она потянулась и привстала.

— Какъ свѣжо здѣсь.

— Жарòкъ, можетъ, у васъ?—заботливо спросилъ Евлампій Григорьевичъ.

Марья Орестовна встала и зѣвнула. Потомъ ей вдругъ сдѣлалось зябко, тошно, весь будуаръ завертѣлся у ней въ глазахъ. Ее накренило въ сторону. Руки мужа удержали ее.

Какая-то новая, неиспытанная ею боль отозвалась гдѣ-то въ тѣлѣ и заставила опуститься на кушетку. И такъ ей стало все противно, она сама, этотъ будуаръ, весь домъ, цѣлый рядъ дней, сулящихъ ей какую-нибудь тайную неизлѣчимую болѣзнь, медленную потерю силъ, нескончаемыя боли, кто знаетъ: душевный недугъ... Она

разсердилась на свое малодушіе, но не въ силахъ была встать.

Евлампій Григорьевичъ бросился за горничной. Больную перенесли въ спальню. Мужъ вышелъ и сейчасъ послалъ верхового за докторомъ. Прибѣжалъ братъ, сдѣлалъ глупую мину. Она его прогнала. Въ постели головокруженіе прошло. Она опять забылась.

Пріѣхалъ годовой докторъ, постукалъ грудь, прислушался къ сердцу, ничего не нашелъ подозрительнаго, пошутилъ съ нею и намекнулъ на то, что, быть-можетъ, она въ интересномъ положеніи.

Марья Орестовна сначала приняла это съ гримасой, потомъ, по уходѣ доктора, задумалась и вдругъ радостно вздохнула.

Дѣтей у ней не было! Обуза — дѣти, а безъ нихъ какая тоска, какъ она копается въ самой себѣ... Тогда — кровная, живая цѣль, не нужно изводиться въ ѣдкой и себялюбивой заботѣ о томъ, какъ бы мужа вывести на дворянскую дорогу, тревожиться всякой ничтожной газетной статейкой.

Въ будуарѣ она заслышала мужскіе шаги. Тамъ сидѣла ея камеристка.

Она позвонила.

— Берта, кто тамъ?

— Баринъ.

— Попросите его.

Глаза Евлампія Григорьевича загорѣлись въ полутьмѣ спальни. Онъ все еще былъ во фракѣ. Корпусомъ онъ наклонился впередъ и на цыпочкахъ подходилъ къ кровати. Въ спальнѣ жены онъ не былъ больше мѣсяца. Лицо его смутило Марью Орестовну. Оно казалось ей слишкомъ возбужденнымъ.

— Присядьте,—сказала она ему и указала на край постели.

Нѣтовъ присѣлъ.

— Какъ докторъ?—серьезно, почти строго спросилъ онъ.

— Онъ вамъ ничего не сказалъ?

— Пишетъ рецептъ въ кабинетѣ...

— Говоритъ—ничего... только... быть-можетъ...

Щеки Марьи Орестовны зардѣлись.

— Что же такое-съ?

— Можетъ, я въ такомъ положеніи.

— Съ чего бы это-съ?—вырвалось у него.—Нельзя этому быть...

— Почему же?--веселѣе вымолвила она.

Слова ея заставили его вскочить. Онъ метнулся по комнатѣ, въ уголъ, потомъ подошелъ къ кровати, взялся за спинку; ему ударило въ голову.

— Вотъ оно-съ,—вскричалъ онъ,--Божье благословенье! Отчего же и не намъ-съ?..—Ха-ха!..

Марья Орестовна слѣдила за его глазами. Глаза то вспыхивали, то тускнѣли, руки дрожали. Ее схватило за сердце... Опять внутри у ней что-то кольнуло и заныло.

Этотъ мужъ больно ужъ не милъ ей! Не можетъ онъ быть отцомъ ея ребенка... Она не мать. Да и весь онъ какой-то чудной сегодня. Непріятно на него смотрѣть!..

Горячія, сухія губы прикоснулись къ ея лбу... Ей захотѣлось плакать. Не желанное рожденье здороваго ребенка представилось ей, а собственная смерть...

~~~
~~~

Книга третья.

I.

На дворѣ разыгралась вьюга. Рождество черезъ нѣсколько дней. Переулокъ, выходящій на Спиридоновку, заноситъ съ каждымъ новымъ порывомъ вѣтра. Правый тротуаръ совсѣмъ замело. Газъ трепещетъ и мигаетъ въ обмерзлыхъ фонаряхъ. Низенькіе домики точно кутаются въ бѣлыя простыни. Заборы, покрытые и сверху, и снизу рыхлымъ наметомъ снѣга, ныряютъ въ колеблющемся полусвѣтѣ переулка. Стужа не сильна, но вѣтеръ донимаетъ. Переулокъ пустъ, а часъ еще не поздній, около девяти.

Будка на перекресткѣ примостилась къ одноэтажному деревянному дому, въ шесть оконъ, съ крылечкомъ. Только въ крайнемъ окнѣ виденъ свѣтъ, онъ выходитъ изъ узенькой комнатки. Въ глубинѣ ея поставлена кровать; часть лѣвой стѣны ушла подъ лежанку, темную отъ печки. Горитъ лампочка съ фарфоровымъ пьедесталомъ; отъ нея идетъ копоть; зеленый, сверху обгорѣлый, колпакъ усиливаетъ темноту. На лежанкѣ виднѣется какая-то груда. Къ окну приставлены пяльцы, завернутые въ кисею. Другая стѣна почти вся занята сундукомъ, обитымъ жестью. Тутъ же ютится столикъ съ шитымъ коврикомъ. На немъ вазочка и колокольчикъ. Надъ сундукомъ вся стѣна увѣшана портретами: есть и литографія, и дагеротипы, и черные силуэты. Комнатка оклеена сѣренькими обоями. Въ углахъ отсырѣло и на потолкѣ въ двухъ мѣстахъ пятна.

Комнатка служитъ спальней, рабочей комнатой и го-

стиной двумъ старымъ женщинамъ. Одной уже подъ восемьдесятъ лѣтъ, другой—подъ шестьдесятъ. У лампы нагнулась надъ вязаньемъ высохшая, большого роста, блондинка съ просѣдью. Это меньшая старуха. Ея морщинистое, узкое лицо застыло въ улыбкѣ сжатаго рта, наполовину беззубаго. Лысая около темени голова прикрыта обрывкомъ чернаго кружева. Узкія плечи, костлявый станъ, впалая грудь кутаются въ голубую косынку, завязанную за спиной узломъ. Прозрачныя руки такъ и трясутся отъ усиленнаго движенія длинныхъ спицъ.

Она вяжетъ платокъ изъ дымчатой, тонкой шерсти. Почти весь онъ уже связанъ. Клубокъ лежитъ на колѣняхъ въ продолговатой, плоской корзинкѣ. Спицы производятъ частый, чиликающій звукъ. Слышно неровное, учащающееся дыханіе вязальщицы. Губы ея, плотно сжатыя, вдругъ раскроются, и она начинаетъ считать про себя. Изрѣдка она оглядывается назадъ. На кровати кто-то перевернулся на бокъ. Можно разглядѣть женскую голову, въ старинномъ чепцѣ, съ оборками, подвязанномъ подъ уши, и короткое плотное тѣло въ кацавейкѣ. На ногахъ лежитъ одѣяло.

Въ комнаткѣ тепло только около печки. Изъ окна, отпотѣлаго и запыленнаго, дуетъ. Въ полуотворенную, одностворчатую дверку проникаетъ холодный воздухъ. И все-таки душно:—отъ лампы, отъ пыли, отъ разныхъ тряпокъ, натыканныхъ здѣсь и тамъ, коробокъ и ящичковъ. Пахнетъ заднимъ гнилымъ покоемъ дворянскаго домика. На лежанкѣ, на войлокѣ, копошилось что-то въ корзинкѣ, укутанной сверху. Нѣтъ-нѣтъ, да и зашуршитъ, послышится грызенье, точно мышь скребется, а потомъ и пискъ. Изъ двери доносится стукъ маятника дешевыхъ стѣнныхъ часовъ. Съ заворота улицы вѣтеръ ударяетъ въ уголъ дома; старыя бревна трещатъ; гулъ погоды проносится мимо окна и кидаетъ въ него горсти снѣга.

Но въ тѣсной, заброшенной комнаткѣ, гдѣ коптитъ керосиновая лампочка, идетъ работа съ ранняго утра, часу до перваго ночи. Восьмидесятилѣтняя старуха легла отдохнуть; вечеромъ она не можетъ уже вязать. Руки еще не трясутся, но слеза мочитъ глазъ и мѣшаетъ видѣть. Ея сожительница видитъ хорошо и очковъ никогда не носила. Она просидитъ такъ еще четыре часа. Чай они только что отпили. Ужинать не будутъ. Та, что работаетъ, постелетъ себѣ на сундукѣ.

II.

— Фифина!—послышался съ кровати голосъ старшей старухи, звучный и низкій. Зубы у нея сохранились, и она выговариваетъ твердо.

— Что, maman?—отозвалась блондинка и повернула голову.

Она говоритъ надтреснутымъ высокимъ фальцетомъ. Отъ выпавшихъ зубовъ выходитъ свистъ. Есть наивность въ ея манерѣ говорить. Не трудно признать въ ней старую дѣвушку.

— Погляди на нашихъ тютекъ... Что-то они пищатъ. Есть ли у нихъ вода?

— Должна быть, maman...

— Посмотри, cher ange... Къ ночи они что-то безпокойны стали.

Та, кого старуха на кровати назвала Фифиной, оставила работу, положила бережно свое вязанье на столъ и тихо подошла къ лежанкѣ. Она приподняла темный платокъ съ корзины и заглянула туда.

— Что же, cher ange?

— Спятъ, maman, всѣ вмѣстѣ, прижались.

— Всѣ ли?

— Всѣ.

— Ахъ, милые тютьки!—громко вздохнула старуха на кровати, потомъ зѣвнула и перекрестила ротъ.—Pardon de t'avoir derangée,—прибавила она хорошимъ французскимъ произношеніемъ.

Опять началось вязанье. Въ корзинѣ, стоявшей на лежанкѣ, жило цѣлое семейство песцовъ. Когда Фифина заглянула туда, они всѣ сбились въ кучу; точно небольшая муфта виднѣлась къ одной сторонѣ ихъ жилища.

Тутъ же положена имъ была ѣда и поставлено блюдечко съ питьемъ. Песцы ищутъ тепла. Вели они себя тихо и зимой все больше спали. Эта семья считалась любимцами старухи. Остальныхъ держали на кухнѣ, на русской печи. Съ нихъ обирали пухъ, чистили его, отдавали прясть, а сами вязали платки, косынки и цѣлыя шали на продажу въ Ножовую линію и въ галлереи на модные магазины. Цѣны стояли на это вязанье хорошія. Ихъ продавали за привозный товаръ съ макарьевской ярмарки, нижегородскаго и оренбургскаго производства.

Черезъ полчаса старуха спросила съ кровати:

— Мужчины уѣхали?

— Кажется.

— Ника не пришелъ проститься... Pas de cœur... Такъ вѣдь, Фифина?

— Не знаю, maman, какъ сказать.

— Ахъ, мать моя... Пора тебѣ свое мнѣніе имѣть.

— Pourquoi médire, maman?

— Вѣдь я бабка! Отъ меня какія же могутъ быть тайны?

Опять помолчали. Фифина—настоящее ея имя Фелицата Матвѣевна—поправила фитиль лампы, завязала поплотнѣе узелъ своего голубого платка и расправила пальцы. Они снова запрыгали, передвигая спицами. Узоръ выходилъ правильно, скоро, ни одна петелька не была спущена.

— Фифина!

— Что вамъ угодно, maman?

Фелицата Матвѣевна звала „maman“ свою пріемную мать и воспитательницу, Катерину Петровну Засѣкину.

— Тася придетъ?

— Разумѣется, maman...

— Да который часъ?

— Недавно было девять...

— Я бы пошла ее смѣнить... Да Hélène... не любитъ.

— Почему же, maman?

— Ахъ, mon ange, будто я не замѣчаю? Что съ нея взять... une momie!

— Да-а,—глубоко и громко вздохнула Фифина.

— Ты и нынче до часу?

— Надо завтра кончить, maman.

— Надо, надо.

Въ разговорѣ старухъ звучала одна и та же нота— подчиненія своей судьбѣ. У Фифины она выходила мельче и простоватѣе; у ея пріемной матери гораздо сильнѣе и сознательнѣе...

Старуха приподнялась и спустила ноги съ кровати. Ей захотѣлось самой поглядѣть, какъ спятъ ея милые звѣрки, дававшіе ей и Фифинѣ заработокъ на лишнюю чашку чаю, на платье и теплые чулки, на маленькій подарочекъ внукѣ.

Она ходила бодро и не горбилась. Небольшого роста, недавно еще полная, Катерина Петровна въ этой затхлой и тѣсной комнатѣ сама держала себя опрятно, хотя но-

сила уже третью зиму все тотъ же шелковый капотъ, перешитый два раза.

— Тютеньки!.. спятъ милые...

Она прозвала песцовъ „тютьками“.

III.

У Катерины Петровны лицо бѣлое, почти не морщинистое, съ крупными чертами. Брови сохранились въ видѣ тонкихъ черточекъ. Изъ-подъ чепца не видно сѣдыхъ волосъ. Глаза уже потухли, а были когда-то нѣжно-голубые. Ротъ не провалился; всѣ передніе зубы налицо и не очень пожелтѣли.

Она постояла надъ своими любимыми „звѣрушками“, покачала головой, прикрыла ихъ и подошла къ столу. Рядомъ темнѣло кожаное вольтеровское кресло. Она сѣла въ него. Фифина пододвинула ей скамейку.

— Вотъ совсѣмъ сна нѣтъ,—заговорила она, прищурившись на свѣтъ лампы.

— Еще рано, maman...

— Знаю... Да я уже чувствую... ходить бы надо. А гдѣ?.. По залѣ... Темно, да и не люблю... Hélène все пугается... боится Богъ знаетъ чего. Прежде Тася играла по вечерамъ. Теперь и этого нѣтъ.

Все это сказано было безъ ворчанія, а такъ, про себя. Старуху сокрушало всего сильнѣе то, что она не можетъ по вечерамъ работать. Фифина привыкла больше слушать, чѣмъ говорить, да и боится напутать въ счетѣ. Читать некому, съ тѣхъ поръ, какъ внучка должна часто быть около матери. Старуха опять вернулась на постель.

Лежитъ Катерина Петровна на постели, въ темнотѣ, чтобы не раздражать зрѣніе, лежитъ и перебираетъ старые, долгіе годы... Ей кажется, что она прожила цѣлое столѣтіе; но память у ней свѣтла не по лѣтамъ. Ей прекрасно извѣстно, что родилась она въ началѣ этого вѣка. Двѣнадцатый годъ она отчетливо помнитъ. Родилась она тутъ, въ Москвѣ, у большого Вознесенья. Ихъ дома ужъ давно нѣтъ. Онъ былъ деревянный, на дворѣ, бревенчатый, темный, съ пристройками. Такихъ теперь что-то не видать въ Москвѣ. Помнитъ она, какъ отецъ поступилъ въ ополченье. И мундиръ его помнитъ. Картузъ съ крестомъ... Вдругъ всполошились. Ихъ съ матерью, двумя своячепицами матери и сестренкой,—та послѣ умерла въ чахоткѣ,—отправили на своихъ во Владиміръ. Оттуда

онѣ попали въ Нижній. Тамъ поселились онѣ противъ большого дома на Покровкѣ, такая есть улица въ Нижнемъ, гдѣ жили институтки съ начальницей, привезенныя изъ Москвы же. Домъ былъ генеральскій. Отставной генералъ изъ „гатчинцевъ" командовалъ мѣстнымъ ополченіемъ. Мать познакомилась съ его семействомъ. Своя музыка была у нихъ, полонъ домъ дворни, въ нанковыхъ сюртукахъ, лакеи вязали чулки въ передней. Кончилась кампанія, перебрались опять въ Москву. Отецъ вскорѣ умеръ. Много ее учили, и по-англійски; а по тогдашнему времени это было въ рѣдкость. Іогель танцамъ училъ, „Гюленъ-Сорша" также. На клавикордахъ — Фильдъ... Брала она и уроки арфы... Тогда арфа считалась для барышень красивымъ и поэтическимъ инструментомъ. Надо было при этомъ и пѣть. Писать литературнымъ слогомъ выучилась она только по-французски. По-русски всегда дѣлала ошибки. Да русскихъ писемъ и писать не къ кому было. Зато французскіе стихи могла свободно риѳмовать. Позднѣе любила Пушкина и Батюшкова. Но это уже замужемъ, въ Петербургѣ. Просидѣла она въ дѣвицахъ до двадцати одного года. Мать разборчива была, да и она сама не торопилась. Нельзя сказать, чтобы она особенно влюбилась въ Никифора Богдановича Засѣкина. Ее всегда считали безчувственной. Стихи она писала, но увлеченій съ ней что-то не случалось. Онъ ей, однакожъ, понравился... Пріѣхалъ изъ Петербурга, всѣ имъ интересовались. Высокій, важный, не старый, живалъ подолгу въ чужихъ краяхъ. А главное—уменъ... Это она отлично поняла. И свое состояніе. Стало, не зарился на деньги... Какъ ужъ это давно!.. Свадьба, посаженымъ—главнокомандующій,—такъ по-тогдашнему звали генералъ-губернатора, — въ „Модномъ Журналѣ" князя Шаликова стихи ей посвящены были въ видѣ романса... И на музыку ихъ положили... Она сама пѣла и аккомпанировала себѣ на арфѣ. Вотъ ея миніатюрный портретъ виситъ на кости, съ птичкой на плечѣ. Находили, что она похожа была на m-lle Georges, только она меньше ростомъ и цвѣтъ волосъ не тотъ. Гдѣ лежатъ теперь ея кавалеры? Сколько милыхъ людей, изъ иностранной коллегіи, посольскихъ, изъ колонновожатыхъ,—нынче они по-другому называются,—профессора инженернаго училища, выписанные изъ Парижа императоромъ... Профессоръ Базенъ... Что за умница! Другой еще... тоже французскій инже-

неръ... Фамиліи не припомнишь... Такого тонкаго французскаго разговора больше она уже не вела и не слыхала.

IV.

И четырнадцатое декабря... Точно вчера это было!

Нить воспоминаній Катерины Петровны прервется всегда на чемъ-нибудь... Войдутъ, или встать захочется... Они опять поползутъ вереницей... Безъ нихъ слишкомъ тяжко было бы коротать зимніе вечера.

Дверь скрипнула. Изъ темноты на порогѣ выплыла голова молодой дѣвушки. Блестѣли одни глаза, да бѣлѣлъ лобъ, съ котораго волосы были зачесаны назадъ и схвачены круглой гребенкой.

— Почиваетъ бабушка?—тихо спросила она Фифину, заглянувъ въ комнату.

— Нѣтъ, дружокъ, нѣтъ,—откликнулась обрадованнымъ голосомъ Катерина Петровна.

— Чай кушали?

Внучка подскочила къ кровати и поцѣловала старуху въ лобъ. Свѣтъ настолько падалъ на молодую дѣвушку, что выставлялъ ея маленькую, изящную фигуру, въ сѣромъ платьѣ, съ косынкой на шеѣ. Талія перетянута у ней кожанымъ кушакомъ. Каблуки ботинокъ производятъ легкій стукъ. Она подняла голову, обернулась и спросила Фифину:

— Хотите, почитаю?..

Лицо ея теперь выдѣлялось яснѣе. Оно круглое, тонкій подбородокъ удлиняетъ его. На щекахъ по ямочкѣ. Глаза полузакрыты, смѣются; но могутъ сильно раскрываться, и тогда выраженіе лица дѣлается серьезнымъ и даже энергичнымъ. Глаза эти очень темные, почти черные, при русыхъ волосахъ, распущенныхъ въ концѣ и перехваченныхъ у затылка черепаховой застежкой.

Ее звали Тася—уменьшительное отъ Таисіи. Это малодворянское имя дали ей по прихоти отца, который „открылъ" его въ святцахъ.

Тася подошла скорыми шажками и къ Фифинѣ, потрепала ее по плечу, нагнулась къ вязанью.

— Совсѣмъ мало осталось!—сказала она теплымъ, контральтовымъ голосомъ.

— Завтра кончу,—сообщила Фифина.

— Почитать вамъ, бабушка?

— Ты что, мой дружокъ, теперь-то дѣлала?

— Читала... Maman задремала только сейчасъ.

— Отдохни... Головка у тебя заболитъ здѣсь...

— Это отчего?

— Отъ ламны.

— Вотъ еще!

— Посиди у меня на кровати...

Тася сѣла на краю, положила лѣвую руку на плечо бабушки и нагнула къ ней свое забавное лицо. На душѣ у старухи сейчасъ же стало свѣтлѣть.

— Вамъ холодно, бабушка, милая,—говорила Тася.— Такой у насъ домъ смѣшной—вездѣ дуетъ. Въ залѣ хоть таракановъ морозь.

— Фи!..

Старуха покачала головой и мягко, укоризненно усмѣхнулась.

— Простите, бабушка, за слово... нецензурное!..

И она звонко расхохоталась. Ея серебристый смѣхъ прозвучалъ ясной струей вдоль старушечьей комнаты и замеръ.

Бабушка внутренно сокрушалась, что ея Тася возьметъ да и скажетъ иногда словечко, какого въ ея время дѣвушкѣ немыслимо было выговорить вслухъ... Или вотъ такую поговорку о тараканахъ... Но какъ тутъ быть?.. Кто ее воспитывалъ? И учили-то съ грѣхомъ пополамъ... Слава Богу, головка-то у ней свѣтлая... А что ее ждетъ? Куда идти, когда все рухнетъ?

Глаза старухи наполнились слезами. Она не могла приласкать этой „дѣвочки“, не огорчившись за нее глубоко. А Катерина Петровна не считала себя чувствительной... Вотъ вѣдь старшая ея внука, Ляля, не выдержала, погибла для нея... и для всѣхъ... Развѣ не погибнуть—въ монахини пойти, да еще въ какую-то Дивеевскую пустынь, въ лѣсъ, конопляное маслище ѣсть съ мужичками, грубыми, пожалуй пьяными?.. Ходить по городамъ заставятъ за подаяніемъ... во всѣ трактиры, кабаки, харчевни... Шлепай по грязи, выноси ругательства отъ каждаго пьянаго дворника!.. Внука Засѣкиной!.. Катерина Петровна не терпѣла ни монахинь, ни поповъ, ни богомолій, никакого ханжества. Не такія книжки она читала когда-то... Она давно привыкла молчать объ этомъ... Но Ляля умомъ не вышла... Можетъ, и лучше, что она теперь тамъ; а Тася? Что ее ждетъ?..

V.

— Нѣтъ, дружокъ,—отвѣтила Катерина Петровна,—не труди глазки. Ты посиди съ нами, а тамъ и поди къ себѣ. Мать-то совсѣмъ уложила?

— Задремала въ платьѣ, бабушка... Раздѣнемъ позднѣе.

— Не дозовешься, я думаю, этой принцессы-то.

Катерина Петровна тихо засмѣялась.

— Пелагеи?

— Да...

— Она больше въ кухнѣ пребываетъ... Дуняша тамъ сидитъ за дверью... Все носомъ клюетъ...

И слово „клюетъ" не такъ чтобы очень по вкусу Катерины Петровны, для барышни, но она пропустила его.

— Братъ уѣхалъ?

— Да, послѣ папы.

— Куда, не говорилъ?

— Онъ зашелъ на минутку къ maman. Ника со мной мало говоритъ, бабушка...

— Разумѣется...

— Что жъ тутъ мудренаго?.. Я для него глупа...

— Почему же это?

— Такъ... Скучно ему... Онъ собирается послѣзавтра...

— Слышишь, Фифина?

— Слышу, maman.

— Много пожилъ...

— Да что же ему здѣсь дѣлать?—съ живостью замѣтила Тася.

— Ахъ, милая ты моя дурочка, добра ты очень... Все выгородить желаешь братцевъ... А выгородить-то ихъ трудно, другъ мой... И не слѣдуетъ... Дурныхъ сыновей нельзя оправдывать... И всегда скажу—ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ, да и не хотѣлъ отплатить хоть малостію за все, что́ для нихъ дѣлали... Носились съ ними, носились... Какихъ денегъ они стоили... Перевели ихъ въ первѣйшій полкъ... Затѣмъ только, чтобъ фамилію свою...

— Бабушка, голубчикъ,—зажала ротъ старухѣ Тася, цѣлуя ее,—что старое поминать!..

— Ну хорошо, ну хорошо!.. Ты не желаешь... Будь потвоему.

Старушка прижала къ себѣ Тасю и долго держала ее на груди.

— Какъ ваши тютьки?—спросила дѣвушка и подошла къ лежанкѣ.

— Спятъ,—сказала Фифина.

— А-а,—протянула Тася.—Я пойду, посмотрю, не започивала ли maman совершенно... Докторъ говоритъ, чтобы ее укладывать... Я бы надѣла халатъ...

— Надѣнь,—откликнулась Катерина Петровна.

— Еще не поздно... Не заѣхалъ бы кто-нибудь.

— Кто же это?—спросила Фифина.

— Андрюша Палтусовъ.

— Есть ему время, дружокъ,—замѣтила бабушка.—Il est dans les affaires.

— А мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ нимъ.

— О чемъ это?

— Послѣ скажу... Онъ могъ бы быть полезенъ папѣ... Не такъ ли, бабусекъ милый?

Тася опустилась на колѣни у кровати и глядѣла въ глаза старушкѣ.

— Никто нынче для другихъ не живетъ. На родственное чувство нельзя разсчитывать.

— Нельзя?—дурачливо переспросила Тася.

— Нельзя, дурочка, да и сердиться нечего... Всѣ обѣдняли, а то и совсѣмъ разорились... Связей ни у кого нѣтъ прежнихъ. Надо по-другому себѣ дорогу пролагать... Гдѣ же тутъ разсчитывать на родственныя чувства?.. А вотъ ты мнѣ что скажи,—старушка понизила голосъ,—далъ ли что Ника?

— Кому, бабушка?

— Ну, отцу, что ли? Вѣдь доктору сколько времени не плачено?

— Больше мѣсяца.

— Ничего не далъ?

— Я не спрашивала...

— Да куда отецъ уѣхалъ?..

— Кажется, въ клубъ!..

— А то куда же?..

Катерина Петровна не договорила.

— Я, бабушка,—начала Тася, низко наклоняясь къ ней,— я съ Никой поговорю...

— Поговори.

— Только я не надѣюсь... Въ его глазахъ я такъ... Дѣвчонка... Немного поважнѣе Дупяши...

— Поважнѣе!..—повторила Катерина Петровна.

Слово ей очень не понравилось.

— Можетъ, сегодня... захвачу его...

Тася встала и поправила волосы, выбившіеся у ней сзади.

— Иди, иди,—сказала Катерина Петровна, вставши съ постели.—Одна про всѣхъ... Антигона...

— Почему Антигона, бабушка?

— А ты видно не знаешь, кто такое Антигона была?

— Какъ же не знать? Знаю. Эдипъ и Антигона.

— Семенову я видѣла... Помнишь, Фифина?

— Помню, maman.

— Грамотѣ плохо знала. А какой талантъ...

Старушка встала, выпрямилась, кацавейка ея распахнулась. Правую руку она подняла, точно хотѣла показать какой-то жестъ.

— Антигона! ха-ха!..

Тася засмѣялась опять такъ же звонко, какъ въ первый разъ.

— Что смѣешься?.. Ты насъ поведешь всѣхъ... калѣкъ.. Если во-время не приберетъ могилка...

— Полноте, полноте, бабушка! Такъ не надо!—остановила ее Тася, еще разъ поцѣловала и выбѣжала изъ комнаты.

Обѣ старухи переглянулись. Фифина снова опустила голову, и руки ея замелькали. Катерина Петровна медленно прошлась изъ угла въ уголъ, раза два вздохнула и легла на кровать.

— Фифина!

— Что вамъ угодно, maman?

— Quel avenir? Что будетъ съ нею? Страшно! Пока мы бродимъ—это наше дитя... Такъ ли?

— Конечно, maman.

Катерина Петровна смолкла и недвижно лежала на кровати.

VI.

Судьба Таси сокрушаетъ ее. А давно ли гремѣло у Долгушиныхъ? Умирали дѣти Катерины Петровны... Только одна дочь доросла до семнадцати лѣтъ и бойко выскочила замужъ. Такъ это скоро случилось, что мать не успѣла и привыкнуть къ наружности жениха. Отца уже не было въ живыхъ. Пенсіи ей онъ не оставилъ, но состояніе удвоилъ... Любилъ деньги, копилъ... Въ ломбард-

ныхъ билетахъ лежало больше ста тысячъ на ассигнаціи. И женихъ Елены имѣлъ отличное состояніе. Въ полку служилъ въ самомъ видномъ. Скоро раскусила его Катерина Петровна. Но отказать не отказала. И безъ того начались съ дочерью припадки... Любовь такая, что весь Петербургъ кричалъ. Un beau brun! Усы, глаза на выкатѣ, плечи, танцовалъ мазурку лучше, чѣмъ въ ея время Иванъ Иванычъ Сосницкій въ русскомъ театрѣ. Стали жить вмѣстѣ. Домъ въ Шпалерной, дача на Петергофской дорогѣ, вояжи, въ двухъ деревняхъ какихъ-какихъ затѣй не было... А тамъ, въ пять лѣтъ, не больше, залогъ, наличныя деньги прожиты и ея часть захватили. Дала. Позволила и свою долю заложить. Пошли дѣти, сначала мальчики. Въ домѣ что-то въ родѣ трактира... Военные, товарищи зятя, обѣды на двадцать человѣкъ, игра, туалеты и мотовство дѣтей, четырнадцать лошадей на конюшнѣ. Все это держалось въ эмансипаціи и разомъ рухнуло. Зять вышелъ въ отставку... Пришлось подвести итоги. Крестьянскій выкупъ пошелъ на долги. Земля осталась кое-какая... и ту продали. Вотъ тогда не надо было ей жалѣть ни дочери, ни зятя, подумать о Тасѣ. Разжалобили... И она осталась ни съ чѣмъ. Въ деревнюшкѣ, чуть не въ избѣ, прожила съ Фифиной пять зимъ. Схватился зять за службу... Дотянулъ въ губерніи до полковника. Сыновей просили выйти изъ полка. Меньшій по службѣ наскандалилъ, старшій и того хуже. Товарищи узнали, что онъ живетъ насчетъ какой-то барыни... И въ карты нечисто играетъ. Потомъ вдругъ огромное наслѣдство съ ея стороны... Наслѣдница дочь. Переселились въ Москву. Зять вышелъ въ отставку съ чиномъ генерала, купили домъ, зажили опять, пустились въ аферы... Какой-то заводъ, компаньономъ въ подрядѣ. Проживали до пятидесяти тысячъ въ годъ. И разомъ „въ трубу“! Старушка узнала силу этого слова. Имѣнье продали!.. Деньги всѣ ушли!.. Все, все... Остались чуть не на улицѣ... У нея же выклянчили послѣднюю ея землишку. Сыновья ничего не даютъ... Меньшій Петя живетъ на содержаніи у жены, пьяный, глупый; старшій Ника броситъ раза два въ годъ по три, по четыре радужныхъ бумажки... Вотъ и этотъ домишко скоро пойдетъ подъ молотокъ. Платить проценты не изъ чего. А лошадей держатъ, двухъ клячъ, кучера, дворника, мальчика, повара, двухъ дѣвушекъ. И дочь ея послѣ всякихъ безумствъ, транжирства, увлеченій италь-

янцами, скрипачами, фокусниками, спиритами, послѣ... всякихъ юнкеровъ, состоявшихъ при ней, пока у нөй были деньги, — заживо умираетъ: ноги отнялись... Она только хнычетъ, капризничаетъ, тяготится, требуетъ расходовъ. Не жаль ея Катеринѣ Петровнѣ, хотя она и родная дочь Она видитъ передъ собою живое наказаніе. И сама чувствуетъ въ лицѣ этой дочери, какъ плохо она ее воспитала.

Но жалобами не искупишь ничего!.. И виновата ли она?.. Гибнетъ цѣлый родъ! Все покачнулось, чѣмъ держалось дворянство: хорошій тонъ, строгіе нравы, или хоть расчетъ, страхъ, исканіе почета и добраго имени... расползлось или сгнило... Отецъ, мать, сыновья... безтолочь, лѣнь, дѣтское тщеславіе, грязь, потеря всякой чести... Такъ, видно, тому слѣдовало быть... Написано свыше...

Вотъ онѣ съ Фифиной не мѣняются... Но долго ли имъ самимъ вязать свою песцовую шерсть?.. Не ждетъ ли ихъ богадѣльня не нынче—завтра?.. Да и въ богадѣльню-то не попадешь безъ просьбъ, безъ протекцій... У купчишки какого-нибудь надо клянчить!

Глубоко вздохнула Катерина Петровна. Личико ея Таси выглянуло передъ ней; а она лежитъ съ закрытыми глазами...

— Антигона,—прошептала старуха и задремала.

VII.

Тася вернулась въ спальню матери. Комната выходила на балконъ, въ палисадникъ. Изъ широкаго итальянскаго окна вѣяло холодомъ. Свѣча, въ низкомъ подсвѣчникѣ, съ бѣлымъ абажуромъ, стояла одиноко на овальномъ столѣ у ширмъ краснаго дерева; за ними помѣщалась кровать. Она заглянула за ширмы.

Въ креслѣ, свѣсивъ голову на грудь, спала ея мать,— Елена Никифоровна Долгушина, закутанная по поясъ во фланелевое одѣяло. Отекшее землистое лицо съ перекошеннымъ ртомъ и закрытыми глазами смотрѣло глупо и мертвенно. На головѣ надѣта была вязаная, изъ сѣраго пуха, косынка. Обрюзглое и сырое тѣло чувствовалось сквозь шерстяной капотъ въ цвѣтахъ и яркихъ полоскахъ по темному фону. Она сильно всхрапывала.

Дѣвушка взяла мать за одно плечо и громко шепнула.

— Лягъ почивать, maman.

Глаза Долгушиной оставались закрытыми. Она что-то пробормотала.

— Почивать пора, maman!.. Дуняша!—крикнула Тася за дверь, гдѣ, въ темномъ углу на сундукѣ, спала дѣвчонка.

Дуняша вскочила и со сна влетѣла въ спальню, ничего не видя и не понимая. Ея ситцевая пелеринка вся сбилась, одна косица расплелась.

— Помоги уложить барыню,—сказала ей Тася дѣловымъ тономъ.

— Пора почивать,—повторила Тася, вернувшись къ матери, терпѣливымъ голосомъ.

Елена Никифоровна подняла голову и взялась за ручку кресла.

— Зачѣмъ ты меня будишь?—недовольно спросила она дочь, не совсѣмъ твердо выговаривая слова.—Я такъ хорошо спала!

На глаза ея надвигались плохо поднимающіяся вѣки. Она была точно въ полузабытьѣ.

— Докторъ приказалъ, ты знаешь!

— Докторъ,—протянула Елена Никифоровна.—Оставь меня... Ай!..

Ее всю передернуло. Лѣвая рука сорвала съ ноги одѣяло и схватилась за колѣно.

— Опять невральгія?—спросила Тася.

Лобъ ея наморщился.

— Впрыснуть!—проныла Долгушина.

— Такъ часто?!

— Впрыснуть,—почти захныкала мать и начала метаться на креслѣ.

— Помилуй, maman, ты пріучилась... Это очень вредно.

— Подай! Я сама!.. Подай! Дуняша, подай мнѣ машинку.

Она не договорила и начала томительно мычать. Тася знала, что боли не такъ сильны, а просто ея матери хочется морфію. Почти каждый вечеръ повторялась та же сцена. Приходилось все-таки уступать.

Елена Никифоровна металась и ныла. Тасѣ стало страшно. Она взяла съ ночного столика пузырекъ съ иглой для впрыскиванія морфина, и очень ловко впустила ей въ ногу нѣсколько капель.

Оханье и нытье мгновенно смолкли.

— Quel délice!..—восторженно выговорила Елена Ники-

форовна.—Я не могу быть безъ морфія, не могу... За что ты меня заставляешь мучиться?..

Тася ничего не отвѣчала. Съ матерью она держалась, какъ сидѣлка. Она опять повторила ей, что надо ложиться въ постель.

Съ помощью Дуняши она перевела мать, подъ руки, съ кресла на кровать, раздѣла и уложила. Послѣ впрыскиванія наступало всегда забытье, иногда съ легкимъ бредомъ. Мать не спросила ни объ отцѣ, ни о братѣ Таси. Она только днемъ, около полудня, дѣлалась говорлива. И то больше жаловалась или болтала про молодые года, про Петербургъ и своего „сынка“ — кавалерійскаго юнкера, котораго Тася помнила очень хорошо. При этихъ воспоминаніяхъ Тасѣ дѣлалось не по себѣ. Она знала и то, что еще годъ назадъ, предъ тѣмъ, какъ начали отниматься ноги у Елены Никифоровны, мать безобразно притиралась, завивала волосы на лбу, пѣла фистулой, восторгалась оперными итальянцами, накупала ихъ портретовъ у Даціаро и писала имъ записки; а у заѣзжаго испанскаго скрипача поцѣловала руку, когда тотъ въ благородномъ собраніи сходилъ съ эстрады. Да и то ли еще знала Тася! И не могла уберечься отъ такого знанія...

Дуняша получила нѣсколько приказаній, но по ея глазамъ было видно, что она все еще не очнулась. Тасѣ даже смѣшно стало глядѣть на усилія дѣвочки держать глаза открытыми.

— Ну, ступай и позови Пелагею,—сказала она въ дверяхъ,—а на тебя надежда плоха.

— Сейчасъ, барышня,—прокартавила Дуняша, и такъ, какъ была въ ситцевомъ платьѣ, побѣжала въ кухню, черезъ дворъ.

VIII.

Надо было обойти остальныя комнаты, посмотрѣть, заперта ли дверь въ передней. Мальчика Мити навѣрно нѣтъ. Онъ играетъ на гитарѣ въ кухнѣ, въ обществѣ повара и горничной. А слѣдуетъ приготовить закусить отцу. Онъ въ клубѣ ужинаетъ не всегда,—когда деньги есть, а въ долгъ ему больше не вѣрятъ... Закуска ставится въ десять часовъ въ залѣ, на ломберномъ столѣ. Мальчикъ долженъ постлать потомъ отцу и брату, одному въ кабинетѣ, другому въ гостиной.

Тася завернула изъ коридорчика налѣво, въ свою ком-

натку. Тамъ стояла темнота. Она зажгла свѣчку, пошаривъ рукой на столикѣ у кровати. У ней было почище, чѣмъ въ другихъ женскихъ комнатахъ, но такъ же холодно и черезъ день непремѣнно угаръ. У окна письменный столикъ, остатокъ прежней жизни, съ синимъ, теперь обтертымъ бархатомъ и рѣзьбой изъ цѣльнаго орѣха. Есть у ней и этажерка съ книгами, и швейная машинка, ручная, въ пятнадцать рублей... Да теперь и шить-то некогда. Только въ этой комнаткѣ она совсѣмъ дома. Здѣсь она можетъ уходить въ себя, задавать себѣ разные вопросы и думать... Тутъ же и всплакнетъ. А больше ни при комъ. Даже и съ бабушкой—никогда!

Почитать старушкамъ? Она предлагала. Онѣ долго просидятъ. А ей надо дожидаться брата Нику. Ника пріѣдетъ поздно, часу во второмъ, а то и позднѣе. Днемъ она никакъ его не схватитъ. И смѣлости у нея нѣтъ настоящей, а ночью, когда всѣ уснутъ, вотъ тутъ-то она и заговоритъ съ нимъ, какъ должно.

Книжку Тася взяла съ этажерки. Это былъ томъ сочиненій Островскаго. Она нагнулась надъ нимъ, просмотрѣла оглавленіе и заложила ленточкой на комедіи „Шутники“. И старухамъ будетъ пріятно, и она прочтетъ лишній разъ Вѣрочку. Можетъ-быть, сегодня у ней выйдетъ гораздо лучше.

Со свѣчой она прошла въ кабинетъ отца, гдѣ пахло жуковскимъ табакомъ. На диванѣ еще не было постлано. Въ залѣ не стояло закуски. Въ гостиной тоже не устроили спанья для Ники. Она дождалась прихода горничной Пелагеи—неряшливой и сонной брюнетки, послала Дуняшу за мальчикомъ Митей и всѣмъ распорядилась.

Старухи ждали ее. Она принесла книжку и присѣла къ лампѣ. Катерина Петровна уже два раза вставала и прохаживалась по комнатѣ до прихода Таси.

— Что такое, дружокъ?..—спросила она.

— Пьесу, бабушка... Островскаго.

— Любишь ты этого Островскаго. А прежде объ немъ не слыхать было. Хмѣльницкій—вотъ былъ сочинитель...

— Я знаю, бабушка.

— Что знаешь-то?

— Волшебные зàмки.

— Да, да... Альнаскаровъ. Въ благородныхъ спектакляхъ все играли... И въ Петербургѣ... и здѣсь... помню.

— Вы послушайте, обратилась Тася больше къ Фифинѣ,—какъ у меня выйдетъ роль Вѣрочки.

— Это дочь старичка?—спросила Фифина.—Ты намъ читала.

— Да,—тихо отвѣтила Тася.—Давно... Бабушка не узнаетъ.

— Что, что?—весело спросила старуха.

— Ничего, бабушка,—подмигнула Тася и начала читать имена дѣйствующихъ лицъ.

— Что это за фамилія нынче,—разсуждала вполголоса Катерина Петровна, лежа на кровати.

А того не думала бабушка, что она первая заронила въ Тасю театральную искру... Сколько разъ та, маленькой дѣвчуркой, слыхала отъ бабушки длинные разсказы про театръ, про Семенову, Сосницкаго, Каратыгина, Брянскаго, Яковлева, мужа и жену Дюръ... Катерина Петровна любила ѣздить и въ русскій театръ. Тогда и дамы „хорошаго круга" посѣщали представленія новыхъ пьесъ. И про французовъ шли такіе же разсказы. Всѣхъ ихъ знала Тася поименно. Была madame Allan, Плесси, а изъ мужчинъ Лаферьеръ, давно, когда еще мать Таси ходила въ панталончикахъ. И про московскій театръ охотно говорила Катерина Петровна. Отъ нея Тася узнала, что „Петровскій" театръ—такъ старуха называетъ до сихъ поръ Большой театръ—держалъ какой-то Медоксъ, какъ у него давали оперу „Русалка". Бабушка иногда напѣвала арію:

„Приди въ чертогъ златой,
О, князь мой дорогой",—

а потомъ уморительно дѣлала губами и повторяла стишки про какихъ-то „Тарабариковъ" и „Кифариковъ". Театръ Медокса сгорѣлъ. И опять горѣлъ тотъ же театръ недавно, передъ крымской войной, когда Таси не было на свѣтѣ. Еще простой плотникъ отличился, спасъ танцовщицу съ крыши, медаль ему повѣсили, и пьесу давали, гдѣ онъ выставленъ героемъ. Бабушка хвалила Щепкина, Рѣпину, знакома была съ Верстовскимъ. Онъ ей писалъ ноты въ альбомъ, еще въ Петербургѣ. И кто-то тутъ же, рядомъ, чернымъ карандашомъ нарисовалъ его за фортепьянами... Знала Тася отъ бабушки, что въ афишахъ печатали, съ какого подъѣзда надо подъѣзжать къ театру и съ какимъ „лажемъ" будутъ приниматься ассигнаціи. Она и афишу такую видѣла.

И незамѣтно театральная зала получила для Таси осо-

бое обаяніе. Она любила все въ театрѣ, какой бы онъ ни былъ: большой и роскошный или маленькій, вонъ какъ въ домѣ Секретарева или Нѣмчинова. Ее охватывала пріятная дрожь отъ запаха коридоровъ, газа, отъ вида капельдинеровъ, отъ люстры, занавѣса... Три раза она была на репетиціяхъ благотворительныхъ спектаклей. Одинъ разъ играла въ комедіи: „До поры—до времени", ужасно сробѣла передъ выходомъ; но на подмосткахъ—„точно ее носили по воздуху ангелы". Объ ней явилась хвалебная статейка въ газетахъ. Всякой книгѣ, роману, статьѣ она предпочитала пьесу, русскую или французскую. Особенно такую, гдѣ есть „хорошая" женская роль.

Игралъ въ Москвѣ въ первый разъ Росси. Мать еще тогда выѣзжала. Они абонировались. Мать восторгалась его голосомъ, лицомъ, покупала карточки, ѣздила представляться ему. Тася не пила и не ѣла послѣ „Лира", „Макбета", „Ричарда III". Ей минутами казалось, что стòитъ только захотѣть и создашь „Дѣву Орлеанскую", „Марію Стюартъ", „Василису Мелентьеву". Она запиралась по ночамъ и громкимъ шопотомъ читала монологи. Но трагедія не шла. Разъ она бросила взглядъ на себя въ зеркало и начала хохотать. Такъ смѣшна она самой себѣ показалась въ роли Марины у фонтана, въ діалогѣ съ Димитріемъ. Тутъ она почувствовала, чтò ей надо изучать, о чемъ она можетъ мечтать... Но учиться? У кого? Въ консерваторіи?.. Гдѣ же!.. Она одна во всемъ домѣ... Какъ мать бросить?.. Да и средства нужны. Теперь о платѣ за ученье нечего и думать. Есть двѣ старушки, имъ можно каждый вечеръ читать и слушать самоё себя. У бабушки свои взгляды. Она не понимаетъ теперешняго театра. Фифина все молчитъ...

IX.

Тася дошла до того мѣста въ комедіи „Шутники", когда отецъ зоветъ дочь, и Вѣрочка выглядываетъ изъ окна. Выглянуть неоткуда было Тасѣ. Она вытянула шею и сдѣлала милую мордочку. Фифина поглядѣла на нее въ эту минуту и улыбнулась.

— Такъ?—радостно спросила Тася.

— Не знаю.

— Ахъ, тебя,—она иногда называла ее тетей,—что это вы какая? Никогда отъ васъ ничего не добьешься.

— Что такое?—вмѣшалась бабушка.

— Да вотъ я выглянула въ окно, спрашиваю Фелицату Матвѣевну—похоже ли, какое выраженіе?

— Да откуда же ты выглянула-то?—весело спросила Катерина Петровна.

— Ахъ, бабушка, какая вы, право... Изъ окна. Направо отъ зрителей окно. Ну, Вѣрочка и выглядываетъ изъ него.

— Хорошо,—ласково выговорила Фифина.

Она знала, что у Таси есть страсть къ театру, но помочь ей совѣтомъ она не могла. Для нея все было „хорошо".

Тася продолжала чтеніе. Она мѣняла голосъ, за мужчинъ говорила низкимъ тономъ, старалась припомнить, какъ произносилъ Шумскій. И его она видѣла въ „Шутникахъ" дѣвочкой лѣтъ тринадцати. Только она и жила интересомъ и содержаніемъ пьесы. Фифина считала про себя свои петли. Бабушка дремала. Нѣтъ, нѣтъ, да и пробормочетъ:

— Continue, mon bijou...

Но Тасѣ ловко. Она привыкла къ этой безмолвной аудиторіи. Точно она одна въ комнатѣ. Предъ глазами ея театральная рампа, рожки газа, проволока, будка суфлера. Она бѣгаетъ по сценѣ, дурачится, смѣется, ласкаетъ стараго отца. Потомъ она видитъ, какъ на-яву, сцену подъ воротами Китай-города. Это не она, а бѣдный чиновникъ, страстно мечтающій о томъ, какъ бы ему чѣмъ-нибудь скрасить жизнь своей доченьки. Вотъ онъ нашелъ пакетъ съ пятью печатями. Какъ онъ схватилъ его... Тася чуть не уронила лампу.

— Что, что такое?—просыпается бабушка.

Фифина отвѣчаетъ своимъ неизмѣннымъ, простоватымъ тономъ:

— Ничего, maman.

Тасѣ ужасно весело. Но тотчасъ же затѣмъ охватываетъ ее горькая обида этого жалкаго Обрѣшенова. Она не можетъ продолжать. Въ горлѣ у ней слезы. Губы ея сводитъ книзу отъ усилія не расплакаться.

Бабушка громко всхрапнула. Фифина какъ будто понимаетъ. Въ послѣднемъ актѣ надо Вѣрочкѣ пройтись по сценѣ свѣтлымъ лучомъ. Тася не спрашиваетъ самоё себя: удастся ей это или нѣтъ? Она играетъ въ полную игру. Все вобрала она въ себя, всѣ чувства дѣйствующихъ лицъ. Ея сердце и болитъ, и радуется, и наполняется надеж-

дой, вѣрой въ свою молодость. Если бъ вотъ такъ ей сыграть на настоящей сценѣ въ Маломъ театрѣ!.. Господи!

Тася закрыла глаза. Книга выпала у ней изъ рукъ.

— Все?—невозмутимо спросила Фифина.

— Да,—чуть слышно выговорила Тася.

Бабушка опять проснулась.

— Continue,—шепчетъ она,—continue, chérie.

— Она кончила, maman,—докладываетъ Фифина.

— А?.. Ужъ конецъ!.. Сколько же тутъ актовъ?.. Пять?..

Тася молчитъ. Она сидитъ съ закрытыми глазами. Ей не хочется выходить изъ своего мірка. Передъ ней все еще движутся живые люди, съ такими точно лицами, платьемъ, прическами, какія она видѣла въ театрѣ, лѣтъ больше восьми назадъ.

Вѣрочку играла тогда ея любимая актриса...

Но было ли у ней столько чувства и огня, и веселости, какъ у Таси, вотъ сейчасъ?.. Кто рѣшитъ, у кого справиться?

— Merci, дружокъ, merci...—бормотала Катерина Петровна. — Сна не было... а теперь... я чувствую, что засну...

— Бабушка милая! за откровенность спасибо! Почивайте...

— А который часъ?

— Скоро двѣнадцать,—сказала увѣренно Фифина.

— Пора и спать,—выговорила, зѣвая, Катерина Петровна.—Ты кончила, Фифина?

— Я сейчасъ постелю, maman.

— Дайте я!—вызвалась Тася.

— Зачѣмъ это, дружокъ... Ты столько читала, трудилась!..

— Мы сейчасъ!

Онѣ поднялись вмѣстѣ съ Фифиной, принесли изъ темной каморки тюфячокъ, простыню, двѣ подушки и вязаное полосатое одѣяло. Старухи никогда не звали горничныхъ и дѣлали все сами. Постель была готова въ двѣ-три минуты. Тася простилась съ бабушкой, пожала руку Фифинѣ и спросила, стоя въ двери:

— Что скажете про Вѣрочку?

— Мастерица ты читать... Что же она, подъ конецъ-то умираетъ?

Тася расхохоталась.

— Нѣтъ, бабушка! Это не драма...

— А мнѣ казалось... къ этому идетъ дѣло.

Старуха начала тихо смѣяться и сдѣлала рукой внучкѣ.

„Сердиться на нихъ нельзя... Надо читать вслухъ... это главное... А потомъ?“

Тася остановилась со свѣчой въ рукахъ въ залѣ, гдѣ на ломберномъ столѣ виднѣлся подносъ съ графинчикомъ водки, бутылкой вина и закуской. Она поставила свѣчку на піанино... Давно она не играетъ... И музыку она любила, увлекалась одно время опереткой, разучивала цѣлыя партитуры. Но это не долго длилось. У ней голосъ, когда она запоетъ, жидкій, смѣшной. Да и далеко ушла та полоса ея дѣвичьей жизни, когда она видѣла себя въ опереточной примадоннѣ. Теперь она знаетъ, что̀ такое она будетъ на подмосткахъ, если когда-нибудь попадетъ туда.

Въ залѣ очень свѣжо. Тася вернулась къ себѣ, накинула на плечи короткое, темное пальтецо и начала ходить около піанино. Изъ передней раздалось сопѣнье мальчика. Мать спитъ послѣ пріема морфія. Не надо ей давать его, а какъ откажешь? Еще мѣсяцъ, и это превратится въ страсть, въ родѣ запоя... Такіе случаи бываютъ... И докторъ ей намекалъ... Все равно умирать...

Тася поймала себя на этой мысли—и вспыхнула. Кому она желала смерти? Родной матери! Ужели она дошла до такого бездушія? Бездушіе ли это? Докторъ не скрываетъ, что ноги совсѣмъ отнимутся, а тамъ рука, языкъ... вѣдь это ужасно!.. Не лучше ли сразу?.. Жизнь уходитъ вездѣ — и въ спальнѣ матери, и въ комнатѣ старухъ. И отецъ доѣдаетъ послѣднія крохи... И братья... Оба „мертвецы“!..

Она давно зоветъ ихъ такъ. Сегодня она попробуетъ... Но вѣдь спасти никто не можетъ все семейство? Дѣло идетъ о кускѣ, о томъ, чтобы дотянуть... Дотянуть!..

Въ передней вздрогнулъ надтреснутый колокольчикъ.

X.

Мальчикъ не сразу услыхалъ звонъ. Тася растолкала его и осмотрѣла закуску, состоявшую изъ селедки и кусочка икры. Хлѣбъ былъ одинъ черный.

Въ залу вошелъ ея отецъ. Валентину Валентиновичу Долгушину минуло пятьдесятъ-девять лѣтъ. Онъ одѣвался отставнымъ военнымъ генераломъ. Росту онъ средняго, съ четырехугольной головой, наполовину лысой. Лицо его пожелтѣло. Подъ глазами лежали мѣшки и зелено-

ватыя полосы. Широкія бакенбарды торчали щетками. И безъ того густыя брови онъ хмурилъ и надувалъ губы. Въ глазахъ перебѣгалъ безпокойный огонекъ... Его генеральскій сюртукъ спереди, у петель, сильно лоснился. Шпоръ онъ уже не носилъ. Животъ его выдавался впередъ и одну ногу онъ слегка волочилъ. Его пришибъ, года четыре назадъ, первый ударъ.

— Еще не спишь?—спросилъ онъ дочь, и бросилъ картузъ на тотъ столъ, гдѣ стояла закуска. — Et maman?.. Comment va-t-elle?..

Этотъ вопросъ задавалъ онъ каждый разъ, непремѣнно по-французски, но въ спальню жены входилъ рѣдко... Цѣлый день онъ все ѣздилъ по городу и домой возвращался только обѣдать и спать.

— Былъ маленькій припадокъ,—отвѣтила Тася.

— Que faire!

Валентинъ Валентиновичъ издалъ особый звукъ своими выпяченными губами, налилъ себѣ водки, отломилъ корочку чернаго хлѣба и сильно наморщилъ переносицу, прежде чѣмъ проглотить.

Потомъ онъ присѣлъ къ столу и началъ ковырять икру.

— Nica n'est par rentré?

— Non, papa...

Съ отцомъ Тася говорила свободно; но больше смотрѣла на себя, какъ на наперсницу въ трагедіи, когда онъ изливался за ночной закуской или за обѣдомъ.

— Въ клубѣ его не было...

— Ты изъ клуба?

— Да... кабакъ! Ѣда отвратительная... Хотѣлъ заказать судачка. Подали такую мерзость — я приказалъ отнести назадъ. И что это за народъ теперь собирается... какіе военные? Шулеръ на шулерѣ... Я заѣхалъ... по дѣлу... Думалъ найти тамъ одного нужнаго человѣка.

О дѣлахъ отецъ говорилъ Тасѣ постоянно. Его не оставлялъ духъ предпріятій. Онъ все ищетъ чего-то: не то мѣста, не то залоговъ для подряда. Тася это знаетъ... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ доѣдаютъ они крохи въ Москвѣ, а отцу не предложили, и въ шутку, никакого мѣста... хотя бы въ смотрители какіе... Она слышала, что какой-то отставной генералъ пошелъ въ акцизъ простымъ надзирателемъ, кажется... Отчего же бы и отцу не пойти?

— Не нашелъ?—равнодушно спросила она.

— Разумѣется, прождалъ,—съ какимъ-то удовольствіемъ

отвѣтилъ Долгушинъ.—Вонь вездѣ, пахнетъ ѣдой, въ читальнѣ депешъ не могъ добиться... Кабакъ!..

Онъ крякнулъ и выпилъ рюмку краснаго вина.

Вино покупали крымское. Но и оно — шесть гривенъ бутылка. Отецъ не можетъ не пить краснаго вина... А долго ли онъ будетъ пить его? Доктору больше мѣсяца не плачено... Но говорить съ нимъ объ этомъ безполезно.

— Послушай, Таисія,—началъ опять генералъ другимъ тономъ,—который тебѣ годъ?

— Двадцать-второй, папа.

— Однако!..

Голосъ у него давно охрипъ; онъ думалъ, что хрипота къ нему очень идетъ.

— Ни больше, ни меньше, папа...

— Надо выѣзжать...

— Куда?

— Выѣзжать! здѣсь нечего и тратиться... А въ Петербургѣ другое дѣло. Братъ, можетъ, раскошелится...

— Ника?

— Это его дѣло! Мѣсяца два-три ты проведешь тамъ... Пора объ этомъ подумать.

— Полно, папа,—серьезно возразила Тася.—Maman—недвижима... Въ домѣ—никого.

— Maman будетъ недвижима... очень долго... Ты это знаешь.

— Я не пойду къ Никѣ!..

Она не боялась отца и знала, что все это онъ затѣялъ такъ, сейчасъ вотъ, ни съ того, ни съ сего.

— Партію нужно!..

— Ахъ, полно,—махнула она рукой и отошла къ піанино.

Генералъ жевалъ селедку.

— Однако, мой другъ,—началъ онъ болѣе тронутымъ голосомъ,—вникни ты въ свое положеніе... Я мечусь, ищу, бьюсь и такъ и этакъ. Но развѣ моя вина...

— Да я и не виню тебя.

— Нѣтъ, моя это вина, что нынче такое подлое время? Qu'est-ce la noblesse? Rien!.. Всякая борода тычетъ тебя пузомъ и кубышкой. Неугодно ли къ нему въ подрядчики идти?.. Въ винный складъ надсмотрщикомъ... Этого еще недоставало!

— Поступи на службу,—сказала опять очень серьезно Тася.

— Куда? Портить все, когда нужно только переждать. Меня возьмутъ, я знаю... И въ воинскіе начальники, и въ Западный край предводителемъ, мировымъ судьей.

„Никуда не возьмутъ“,—думала Тася.

— Но зачѣмъ я закабалю себя, когда у меня есть планъ?

Генералъ остановился.

— Служба вѣрнѣе.

— А вы?

— Мы останемся здѣсь... Тогда можно будетъ отдавать этотъ домъ внаймы. Лошадей не надо.

— Ты мнѣ тычешь въ носъ лошадьми... Des rosses! Переводъ денегъ!

— Ты самъ же это находишь.

— Brisons-là!

Обыкновенно этимъ и оканчивались ночные разговоры. Отецъ смѣшно разсердится, скажетъ „brisons-là“, или „нечего меня учить“—и выпрямится во весь ростъ.

Такъ вышло и теперь.

— Прощай!

Тася подошла къ нему. Онъ ее перекрестилъ и, скрипя сапогами, ушелъ въ кабинетъ, куда за нимъ всегда отправлялся мальчикъ Митя, заспанный и безъ галстука.

Тася проводила отца глазами, дождалась возвращенія мальчика, велѣла ему убрать закуску и тихонько пошла къ себѣ.

Она сняла платье, но не ложилась въ постель, а въ кофтѣ и туфляхъ присѣла къ столу и начала еще разъ перечитывать „Шутники“.

Въ два часа позвонили. Она слышала шаги. Потомъ все стихло. Братъ ея, Ника, услалъ Митю и собирался спать. Раздѣвается онъ самъ. Она накинула платокъ и вышла изъ комнаты.

XI.

Въ гостиной, въ два окна, съ облѣзлой штофной мебелью и покосившимися половицами, на среднемъ диванѣ приготовили постель. Когда Тася пріотворила дверь, ея братъ Ника—Никаноръ Валентиновичъ—снималъ съ себя сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и полковничьими погонами на бѣлой, кавалерійской подкладкѣ. Онъ обернулся на скрипъ двери.

— Tiens!—сказала она, усмѣхнувшись.

Ника вышелъ въ отца—только на два вершка больше его ростомъ. Онъ начиналъ уже толстѣть. Щеки съ черными бакенбардами по плечамъ, двойной подбородокъ, скулы, калмыцкіе глаза и широкій носъ,—все вмѣстѣ составляло наружность ремонтера, балетнаго любителя и клубнаго игрока. Ноги въ рейтузахъ онъ разставлялъ, какъ истый кавалеристъ. На крупныхъ пальцахъ его съ непріятно бѣлыми ногтями блестѣли кольца. Изъ-подъ манжеты лѣвой руки выползалъ браслетъ. Отъ него сильно пахло духами. Лицо раскраснѣлось и запахъ духовъ смѣшивался съ парами шампанскаго. Подъ сюртукомъ онъ жилета не носилъ. Бѣлая, тонкаго полотна рубашка, съ крахмальной грудью, золотыми пуговицами и стоячимъ, глухимъ воротникомъ, поверхъ офицерскаго галстука, дѣлала грудь еще шире.

Тася подошла къ нему и взяла за обѣ руки.

— Ника,—начала она шопотомъ, — извини... Тебѣ не очень хочется спать?

— Какъ сказать!

— Ты сними галстукъ. Халатъ у тебя есть?.. Да не надо. Останься такъ въ рубашкѣ. Эта комната теплая.

— Въ чемъ дѣло?—шутливо-самодовольно спросилъ онъ горловымъ голосомъ, какой нагуливаютъ себѣ въ гвардейскихъ казармахъ и у Дюссо.

— Ты потише... Папа пріѣхалъ. Онъ можетъ проснуться. Мнѣ не хочется, чтобъ онъ зналъ, что я у тебя. Я тебя и подождала сегодня.

— Ладно.

Онъ отошелъ къ столу и снялъ съ себя часы на длинной и массивной цѣпочкѣ съ жетонами, двумя стальными ключами и золотымъ карандашомъ. На столѣ лежалъ уже его бумажникъ. Тася посмотрѣла въ ту сторону и замѣтила, что бумажникъ отдулся. Она сейчасъ догадалась, что братъ игралъ и пріѣхалъ съ большимъ выигрышемъ.

— Присядь... минутку. Я тебя не задержу.

Она было запрыгала около него, но удержалась. Не можетъ она говорить ему: „милый, голубчикъ, Никеша“, какъ говорила маленькой. Она не уважаетъ его. Тася знаетъ, за что его попросили выйти изъ того полка, гдѣ носятъ золоченыхъ птицъ на каскахъ. Знаетъ она, чѣмъ онъ живетъ въ Петербургѣ. Жалованья онъ не получаетъ, а только носитъ мундиръ. Да она и не желаетъ одолжаться по-родственному, безъ отдачи.

— Спать хочется,—сказалъ онъ, опускаясь на постель, и громко зѣвнулъ.

Тася сѣла рядомъ съ нимъ и лѣвую руку положила на подушку.

— Ника,—заговорила она шопотомъ, но внятно и одушевленно, съ полузакрытыми глазами,—ты знаешь, въ какомъ мы положеніи? Вѣдь да? Отецъ все мечтаетъ о какихъ-то прожектахъ. Мѣста не беретъ... Да и кто дастъ? Maman не встанетъ. Ты вотъ уѣдешь... Черезъ мѣсяцъ, докторъ сказалъ мнѣ... ноги совсѣмъ отнимутся...

Сынъ поморщился и досталъ папиросу изъ массивнаго серебрянаго портсигара.

— Къ тому идетъ,—выговорилъ онъ равнодушно.

— На что же жить? Я не для себя.

— Исторія старая... Сами виноваты... Я и такъ даю...

— Ника, Ника, выслушай меня. Я въ первый разъ обратилась къ тебѣ. Я не хочу тащить изъ тебя... На что разсчитывать? Вѣдь не на что? Ты согласись!

— Et après?—пробасилъ онъ.

— Отецъ сейчасъ говорилъ, что мнѣ надо въ Петербургѣ... выѣзжать...

— Съ кѣмъ это?

— Должно-быть, съ тобой.

— Со мной?

Ника опять поморщился.

— Ты не смущайся! Я не желаю.

— Да... родитель далъ маху!.. У меня для молодой дѣвушки... совсѣмъ... не подходящее мѣсто...

И онъ нахально засмѣялся.

— Тс!..—остановила его Тася.—Пожалуйста, тише... Я и сказала... Все это не то.

Тася встала и въ волненіи прошлась по гостиной. Въ первый разъ будетъ она вслухъ высказывать свои планы... Не нужно ей одобренія Ники. Но необходима его поддержка.

Съ такимъ братомъ ей тяжелѣе, чѣмъ съ постороннимъ, дѣлиться самой горячей мечтой. Точно она собирается оторвать отъ сердца кусокъ и бросить его на съѣденіе.

XII.

— Когда же ты разрѣшишься?—цинически спросилъ братъ.

— Вотъ что, Ника. Въ двухъ словахъ...

Тася встала передъ нимъ. Ямочки пропали съ ея щекъ, грудь высоко поднималась. Волосы падали ей на лобъ.

— Говори скорѣй!

— Вотъ видишь... Партіи я не сдѣлаю... Выѣзжать не на что. Жениховъ у меня нѣтъ.

— А этотъ... Въ очкахъ...

— Кто? Пирожковъ?

— Ну, да.

— Никогда онъ на мнѣ не женится. Онъ такъ и останется холостякомъ... Да я и не думаю о замужествѣ. У меня другое призваніе...

— Призваніе... туда же!..

— Да. Не смѣйся, Ника, прошу тебя.

Щеки Таси горѣли.

— Не томи и ты!

— Моя дорога—театръ. Ты меня не знаешь. Для тебя это новость. Не возражай мнѣ, сдѣлай милость. Отецъ не станетъ упираться, если ты меня поддержишь.

— Я?

— Ты долженъ меня поддержать. Не для одной себя я это дѣлаю. Еще годъ—и отецъ, мать, бабушка, Фелицата Матвѣевна—нищіе, на улицѣ...

— А ты ихъ спасать будешь?

— Не смѣйся, Ника, умоляю тебя. Я не воображаю о себѣ ничего... Ты меня не знаешь. Я не говорю тебѣ, что у меня огромный талантъ. Сначала надо увѣриться, а для того, чтобы знать навѣрно, надо учиться, готовиться.

— Connu!

— На это надо средства. И, главное, время... Вотъ я и подумала... Годъ должна я быть свободнѣе... Только годъ... И ходить въ консерваторію... или брать уроки. А какъ я могу? Около maman никого. Необходимо будетъ взять кого-нибудь... компаньонку или бонну, сидѣлку что ли... Пойми, я не отказываюсь! Но вѣдь время идетъ. А черезъ годъ я могу быть на дорогѣ.

— Quelle idée!.. Въ статистки!..

— Ты не можешь такъ говорить, Ника. Наконецъ, я прямо тебѣ скажу: тебѣ вѣдь все равно. Ты насъ не жалѣешь... Сдѣлай, разъ въ жизни, хорошее дѣло...

Голосъ ея возвышался. Братъ крякнулъ совершенно такъ, какъ отецъ, и затянулся.

— Говори толкомъ!

— Ты играешь...

Она бросила быстрый взглядъ на бумажникъ.

— Ну, такъ что жъ?

— И сегодня выигралъ, я вижу... Не хочу я у тебя выпрашивать. Дай мнѣ взаймы...

— Безъ отдачи?

— Нѣтъ, я серьезно. Не обижай меня. Взаймы дай, вотъ сейчасъ—и больше у тебя въ теченіе года никто не попроситъ. Ни мать, ни отецъ, я тебѣ ручаюсь.

— Да я и не дамъ. Не разорваться же мнѣ!

Тася глядѣла все на бумажникъ. Оттуда выставлялись края радужныхъ бумажекъ. Батюшки! Сколько денегъ! Тутъ не одна тысяча. И все это взято въ карты даромъ, все равно, что вынуто изъ кармана. Да и какъ выиграно? Вѣдь брата ея и за карты тоже попросили выйти изъ полка.

— Да, да,—говорила она, схвативъ его за руки,—я знаю... Ты не давай отцу... Они уйдутъ зря... Не можешь на годъ, дай на полгода. Только на полгода, Ника. До лѣта. Взять сидѣлку на тѣ часы, когда меня нѣтъ. Консерваторія, или уроки... на все это... я сосчитала... не больше какъ сто пятьдесятъ рублей. Расходъ на лѣкарство... доктора. Дай хоть по сту рублей на мѣсяцъ, Ника! Черезъ полгода я буду знать...

— Что тебѣ не слѣдовало заниматься глупостями.

— Ну, да, ну, да,—почти со слезами повторила Тася и просительными глазами смотрѣла въ широкое лоснящееся лицо брата.—Положись на меня, Ника. Я прошу взаймы. Меня не обманываетъ мое чувство.

— Тру-ля-ля! чувство!

— Ну, назови какъ хочешь... Больше ничего не придумаешь... Вѣдь не пустишь же ты нашихъ стариковъ по міру... На Петю надежда плохая. Лучше не будетъ! Согласенъ...

Братъ лѣниво усмѣхнулся. Онъ былъ дѣйствительно въ солидномъ выигрышѣ, забастовалъ круто, послѣ того, какъ загребъ кушъ.

— Bonnet blanc, blanc bonnet... Только я родителю ничего не дамъ,—сказалъ онъ и взялъ въ руки бумажникъ.— И тебѣ загорѣлось сейчасъ же?

— Можешь проиграть, Ника!

— И то правда! Смекалка у тебя есть.

Онъ вынулъ изъ бумажника пачку пожиже.

— Счастливъ твой богъ, дѣвчурка, бери... Не считаю...

Но онъ отлично зналъ, что въ пачкѣ всего семьсотъ рублей.

Тася припала къ его плечу и разрыдалась.

XIII.

Братъ почти выпроводилъ ее отъ себя и сталъ раздѣваться, зѣвая и харкая. У него были уже одышка и катаръ. Вечеръ ему удался. Засыпалъ онъ съ папиросой въ зубахъ, и ему долго представлялся зеленый столъ... въ номерѣ „Славянскаго Базара"... плотная фигура купчика. Только ему говорили, что онъ милліонщикъ... А видно, что больше десяти тысячъ у него не было въ бумажникѣ. Тятеньки испугался. Какъ бишь его фамилія? Ну, да все равно... Рукавишниковъ, Сырейщиковъ... И туда же—въ амбицію!.. Не такіе виды онъ видалъ... Вѣдь онъ не Расплюевъ. Изъ него „не нащеплешь лучины". Онъ помнитъ, въ квартирѣ Колемина, когда полиція вошла въ большую комнату въ разгаръ игры, всѣ перетрусили... до гадости... А онъ и бровью не повелъ. И выигрышъ свой успѣлъ сгрести, какъ ни въ чемъ не бывало... тридцать золотыхъ. Не испугался онъ и имя свое дать полицейскому... Этакая важность! Есть чего стыдиться! Весь Петербургъ играетъ, въ двадцати притонахъ... И не въ такихъ еще... Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вотъ когда его попросили изъ полка выйти,—никакихъ обысковъ не было... Модничанье одно! Прокурору захотѣлось себя показать. Тогда „пижоновъ", да и не однихъ пижоновъ стригли безъ всякаго милосердія... Онъ счетчикомъ состоялъ, да и то какія деньги перепадали...

Папироса выпала у него изъ рукъ... Онъ засопѣлъ, но въ головѣ, до полнаго погруженія въ сонъ, все еще проходили соображенія и обрывки мыслей. Онъ даже разсмѣялся. Родитель „удралъ идею", нечего сказать! Тасю къ нему отправить на два мѣсяца. Жить у него... Чудакъ!.. Юза что ли съ ней станетъ выѣзжать въ гранъмондъ? Онъ и дома-то ночуетъ разъ въ недѣлю. Надо завтра купить гостинецъ Юзѣ, московскаго что-нибудь... мѣхъ у ней есть, да и дорого. Не говоритъ, до сихъ поръ, подлая, сколько у ней лежитъ въ государственномъ банкѣ билетовъ восточнаго займа? И когда напоишь ее—не развязывается языкъ. Залоговъ у ней тысячъ на двадцать-пять есть. Годика съ два можно будетъ съ ней поваландаться, не больше... И скаредна дѣлается; да и рас-

плывается, грудь уже не прежняя и на носу красныя жилки. Да и полька ли она? Врядъ ли. Скорѣй жидовка, даромъ что блондинка! Барыня... хорошаго рода, съ нервами... куда лучше... Было и ихъ не мало... Особенно если глупенька... То ли не житье?.. А все-таки денегъ нѣтъ... Осенью совсѣмъ проигрался... Надо почаще въ Москву ѣздить... на Святки... къ Свѣтлому празднику и въ сентябрѣ, когда отъ Макарія возвращаются... Но безъ Петербурга все-таки жить нельзя...

— Дура Тася! — вслухъ выговорилъ братъ. — „Собой жертвую!..“ Ну ихъ къ Богу!..

На этихъ словахъ Никаноръ Валентиновичъ повернулся къ стѣнѣ и тотчасъ же захрапѣлъ. На дворѣ вѣтеръ все крѣпчалъ. Но гулъ вьюги и трескъ стараго дома не мѣшали ему спать тяжелымъ сномъ игрока, у котораго желудокъ и печень готовятъ въ скоромъ времени завалы и водяную.

А черезъ коридоръ, изъ комнаты его сестры, все еще выходилъ свѣтъ сквозь дверную щель. Тася сидѣла на кровати въ кофтѣ, съ распущенными волосами, и держала въ рукахъ пачку сторублевыхъ. Она уже нѣсколько разъ ихъ перечла. Ихъ было семь штукъ—не больше, семьсотъ рублей. Этого хватитъ до іюля, по сту рублей въ мѣсяцъ. Ея ученье не будетъ стоитъ больше пятидесяти, компаньонку можно нанять за двадцать рублей. Спать она будетъ въ угловой. Остается еще не мало. Доктору рублей полтораста. Взять его надо годовымъ. Аптекѣ—около ста рублей. А потомъ можно долго забирать на книжку.

Спать она не можетъ. Съ деньгами въ рукахъ—чѣмъ-то вдругъ смущена. Время не ждетъ, завтра или на этой же недѣлѣ надо начинать. Поговорить съ Андрюшей Палтусовымъ. Онъ все какъ-то подсмѣивается, даетъ ей разныя прозвища... Съ Пирожковымъ... Тотъ знаетъ все про театръ, отлично судитъ... вхожъ къ той... къ Грушевой... И насчетъ консерваторіи все ей узнаетъ... Еще примутъ ли ее теперь, послѣ праздниковъ?

Страшно! И сладко, и страшно! Отцу она не станетъ говорить. Просто скажетъ, что нашла работу... Какую?.. Онъ не захочетъ, чтобъ она давала уроки... Ну, все равно... Что-нибудь да выдумаетъ... А мать будетъ рада новому лицу... Ее мать не любитъ. Никогда и не любила. Лгать или не лгать: какая у ней связь съ родными?.. Зачѣмъ же

она сейчасъ говорила, что дѣлаетъ это для нихъ. Значитъ, лгала? И да, и нѣтъ. Жаль ихъ. Старухъ еще жалче. Тѣ честныя, тихія, сидитъ Фифина до глубокой ночи, бабушка встаетъ съ огнемъ и тоже вяжетъ... Все у ней вытянули... Она нищая, надо заработать и для нея, когда она въ полную дряхлость впадетъ. А это скоро будетъ. И мать жаль. Хоть въ больницу неизлѣчимыхъ, такъ и то нужны деньги, комнату...

Тася опустила голову. Бумажки упали на кровать. Она этого не замѣтила, потомъ очнулась, увидала, что у ней нѣтъ ничего въ рукѣ, испугалась. Долго ли потерять? Она вскочила, подошла къ письменному столу и заперла деньги въ ящикъ, гдѣ у ней лежало нѣсколько тетрадокъ, переписанныхъ ея рукой—роли.

Пирожковъ представился ей въ эту минуту, его добрая усмѣшка, поощряющій тонъ, умные глаза сквозь очки. Она припомнила, что онъ весной, передъ отъѣздомъ въ деревню, разсказывалъ, какое жалованье получаютъ теперь актрисы въ провинціи, да не на оперетки только,—на драму, комедію, ingénues. Ему говорилъ въ клубѣ членъ комитета. Онъ приводилъ цифры. Есть актрисы—ихъ нѣсколько — меньше тысячи рублей въ мѣсяцъ „и слышать не хотятъ“.

Тысячу рублей въ мѣсяцъ! Но деньги ли однѣ? Даже если и половину, треть этой суммы! А игра! Она сейчасъ бы пошла даромъ. Какъ же ей нейти, когда нужны эти деньги—безъ нихъ и ей на что же жить? Что дѣлать? Искать жениха? Продавать себя?

Пора, пора! Домъ — гробница, отъ всего ей больно, жутко, только старушки и согрѣваютъ. Отецъ, мать, братъ Ника... Лучше устроить тѣхъ, кого жалко, а самой—дальше, не знать ничего, кромѣ подмостковъ. Ничего!

XIV.

Крутилъ легкій снѣжокъ, часу въ девятомъ, наканунѣ сочельника. Къ крыльцу, освѣщенному двумя фонарями, подъѣхали извозчичьи сани. Отъ тротуара перекинуты мостки, съ набитыми на нихъ планками, обмерзлые и обтоптанные тысячью ногъ.

Изъ саней вылѣзъ, первымъ, высокій мужчина, въ цилиндрической шляпѣ, въ плотно застегнутомъ пальто съ неширокимъ, чернымъ, барашковымъ воротникомъ и началъ высаживать даму, маленькую фигурку, въ шубкѣ,

крытой сукномъ. Голова ея повязана была бѣлымъ, вязанымъ платкомъ. Лицо все ушло въ края платка. Только глаза блестѣли какъ двѣ искристыя точки.

— Пріѣхали, — сказалъ Пирожковъ, — онъ привезъ Тасю, — такимъ тономъ, какимъ пугаютъ дѣтей, когда приводятъ ихъ къ дантисту.

— Ахъ, Иванъ Алексѣичъ,—раздался голосъ Таси изъ-подъ платка.—Какъ вы пугаете!

И она разсмѣялась.

— Пожалуйте, пожалуйте,—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.—Авось пронесетъ, Таисія Валентиновна. Полезно будетъ бросить coup d'œil... Можетъ, и накроютъ насъ.

— Кто же?—не очень смѣло спросила Тася и остановилась на тротуарѣ.

Вправо, подальше, скучилось нѣсколько извозчичьихъ саней парами, какія по вечерамъ дежурятъ около клубовъ. Тася была тутъ всего разъ, на спектаклѣ одного общества. Давали шекспировскую пьесу. Еще ей такъ захотѣлось тогда сыграть Беатриче изъ „Много шуму изъ ничего". Но тогда она была въ ложѣ, со знакомыми. А одну на простой вечеръ или спектакль ее бы не пустили. Ни отецъ, ни мать, ни бабушка... Сюда нельзя ѣздить дѣвушкѣ „изъ общества". Тутъ бываетъ „Богъ знаетъ кто". Это—актерская биржа. И она одна, вечеромъ, съ мужчиной... Должна будетъ скрывать до тѣхъ поръ, пока не объявитъ, чѣмъ она занимается.

Случилось все такъ скоро потому, что она не дождалась Палтусова, а вызывать его не хотѣла. Да и не надѣялась на него. Онъ навѣрно сталъ бы все подсмѣиваться... Такой эгоистъ ничего для нея не сдѣлаетъ!.. Она давно его поняла. Можетъ-быть, онъ и согласится съ ея идеей; но поддержки отъ него не жди. Заѣхалъ очень кстати Иванъ Алексѣичъ. Съ нимъ не нужно долгихъ объясненій. Онъ понялъ сразу. Мягкій, умный, шутливый... Но задумался.

— Добрая моя Таисія Валентиновна,—говорилъ онъ ей третьяго дня,—они сидѣли въ залѣ,—и за обѣ руки ее взялъ,—выдержите ли? Вотъ вопросъ!

— Выдержу!—почти крикнула она.

— Охъ, хорошо, кабы такъ! А видѣли пьесу „Кинъ"?

Она видѣла самого Росси и не забыла сцены, гдѣ Кинъ отговариваетъ молодую дѣвушку отдаваться театру.

Она плакала тогда и въ театрѣ, и у себя, вернувшись домой. Но что же это доказываетъ?

— Какъ я играла тогда въ любительскомъ спектаклѣ?— спросила она Ивана Алексѣевича.

— Огонекъ есть. Но довольно ли этого?

Она убѣжала въ свою комнату, схватила томъ, гдѣ „Шутники“, увела Пирожкова въ гостиную и прочла нѣсколько явленій съ Вѣрочкой.

Онъ зааплодировалъ.

— Ну, поговоримте, хорошій человѣкъ,—онъ всегда ее такъ зоветъ, — вамъ въ консерваторію не стóитъ поступать. А лучше заняться у опытнаго актера или актрисы. Теперь я немного поотсталъ отъ этого міра, но я васъ къ Грушевой свезу, если желаете.

Такой онъ былъ милый, что она чуть не расцѣловала его.

Вотъ тогда онъ и сказалъ ей:

— Въ видѣ опыта, поѣдемъ... инкогнито въ такое мѣсто, гдѣ собираются артисты. Это вамъ дастъ предвкусіе. Можетъ, и отшатнетесь. Передъ Рождествомъ у нихъ дня три вакаціи. Мы тамъ много народу увидимъ.

Она смѣло согласилась. Ну что за бѣда, если ее кто-нибудь и встрѣтитъ? Кто же? Изъ знакомыхъ отца? Быть не можетъ. Да и надо же начать. Она увидитъ, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ ей придется „служить“ черезъ годъ. Слово „служить“ она уже слыхала. Актеры говорятъ всегда „служить“, а не „играть“.

Но когда Иванъ Алексѣевичъ взялся за ручку двери, у ней ёкнуло на сердцѣ.

— Разъ,—дурачился онъ,—два, три.. Пожалуйте...

— А посторонніе бываютъ?—робко спросила она.

— Бываютъ-съ и посторонніе... Пожалуйте... Сожигать корабли, такъ сожигать!

Онъ отворилъ дверь. Они вошли въ наружныя сѣнцы, гдѣ горѣлъ одинъ фонарь. Нанесено было снѣгу на ногахъ. Пахнетъ керосиномъ. Похоже на входъ въ номера. Еще дверь... И ее отворилъ Пирожковъ. Назадъ уже нельзя!..

XV.

Иванъ Алексѣевичъ ввелъ ее во внутреннія сѣни, на три ступеньки. Ихъ встрѣтилъ швейцаръ въ потертой ливреѣ съ перевязью, видомъ мужичокъ, съ русой шер-

шавой бородой. Другой привратникъ тутъ же возился около него, въ засаленномъ полушубкѣ и валенкахъ.

Полъ былъ затоптанъ. Перила и стеклянная дверь— выкрашены въ темно-коричневую краску. Стѣны закоптѣли. Охватывалъ запахъ лакейскаго житья, смазныхъ сапогъ, тулупа и табаку. Тасѣ сдѣлалось вдругъ брезгливо. Она почуяла въ себѣ барышню, дочь генерала Долгушина, внучку Катерины Петровны Засѣкиной.

„Вѣдь это Богъ знаетъ что",—мимоходно подумала она. и въ нерѣшительности остановилась на площадкѣ.

Швейцаръ отворилъ дверь. Пирожковъ обернулся и смотрѣлъ на нее поверхъ запотѣвшихъ очковъ.

Онъ понялъ ея колебаніе и ея брезгливость. Подбивать ли дальше милую дѣвушку, вводить ли ее въ этотъ „постоялый дворъ" господъ артистовъ? Хорошо ли онъ поступаетъ?

Ивана Алексѣевича схватила за сердце мысль, что вѣдь онъ, Пирожковъ, могъ бы избавить ее отъ такой рискованной попытки... Зачѣмъ ему искать лучшей дѣвушки? Кончитъ вѣдь женитьбой. Въ томъ-то и бѣда, что онъ не искалъ... А тамъ, дома, развѣ ее ждетъ что-нибудь свѣтлое или просто толковое, осмысленное?.. Генералъ съ его потѣшной фанаберіей и „прожектами", братъ шулеръ и содержанецъ, колченогая и глупая мать. Еще два-три года, и пойдетъ въ бонны, или... попадетъ на сцену; но ужъ не на этакую, а на ту, гдѣ собой торгуютъ...

— Пожалуйте-съ! — крикнулъ онъ и предложилъ ей руку—подняться въ гардеробную.

Тася поглядѣла вправо. Окошко кассы было закрыто. Лѣстница освѣщалась газовымъ рожкомъ; на противоположной стѣнѣ, около зеркала, прибиты двѣ цвѣтныхъ афиши,—одна красная, другая синяя,—и бѣлый листъ съ печатными заглавными строками. Лѣвѣе выглядывала витрина съ краснымъ фономъ, и въ ней полъ-листа, исписаннаго крупнымъ почеркомъ съ какой-то подписью. По лѣстницѣ шелъ половикъ, безъ ковра. Запахъ сѣней смѣнился другимъ сладковатымъ и чаднымъ отъ куренія порошкомъ и кухоннаго духа, проползавшаго черезъ столовыя.

Они взяли вправо, въ низкую комнату, уходившую въ какой-то провалъ, отгороженный перилами. Вдоль стѣны, на необитомъ диванѣ, лежало кучками платье. Въ углу, у конторки, дежурилъ полный, бритый лакей въ синемъ

ливрейномъ фракѣ и красномъ жилетѣ. У перилъ стоялъ другой, худощавый, пониже ростомъ, съ бакенбардами.

Пирожковъ записалъ что-то въ книгу и заплатилъ полному лакею. Долго снимала Тася шубку, калоши и платокъ. Она все сильнѣе волновалась. Барышня все еще не успокоилась въ ней. Платье она нарочно надѣла домашнее, сѣренькое съ кожанымъ кушакомъ. Но волосы заплела въ косу. Не богато она одѣта, но видно сразу, что ея туалетъ, перчатки, воротничокъ, лицо, манеры мало подходятъ къ этому мѣсту.

И вдругъ на лѣстницѣ, когда они будутъ подниматься туда наверхъ, встрѣтится какой-нибудь знакомый отца...

— Знаете что,—угадалъ ея волненіе Пирожковъ,—если васъ кто спроситъ, какъ вы сюда попали, говорите—на репетицію.

— Какую?

— Ахъ, Боже мой,—благотворительную!

Тася прошла мимо афишъ, и ей стало полегче. Это уже пахло театромъ. Ей захотѣлось даже посмотрѣть на то, что стояло въ листѣ за стекломъ. Половикъ посрединѣ широкой деревянной лѣстницы пестрѣлъ у ней въ глазахъ. Никогда еще она съ такимъ внутреннимъ безпокойствомъ не поднималась ни по одной лѣстницѣ. Баловъ она не любила, но и не боялась,—нигдѣ. Ей все равно было: идти ли вверхъ, по мраморнымъ ступенямъ благороднаго собранія, или по красному сукну генералъ-губернаторской лѣстницы. А тутъ она не рѣшилась вскинуть голову.

Наверху она остановилась у бѣлыхъ перилъ, гдѣ стоялъ новый лакей.

— Есть репетиція?—спросилъ его Пирожковъ.

— Сейчасъ кончится.

— А въ конторѣ кто?

Тотъ назвалъ кого-то по имени и отчеству.

Тутъ Тася оглянулась. Она припомнила эту комнату—родъ площадки, съ ея голубой мебелью, множествомъ афишъ направо, темной дверью съ надписью—*контора* и аркой. Лѣвѣе рядъ комнатъ. Она помнила, что совсѣмъ налѣво—опять бѣлыя перила и ходъ въ театральную залу съ двумя круглыми лѣсенками на галлерею.

— Оправились?—шепнулъ ей Пирожковъ.

— Не бойтесь,—шутливо сказала она.

— Надо начать съ чаевъ.

— Теперь?

— Подождите минутку, тамъ, въ проходной гостиной, а я забѣгу въ контору.

Онъ провелъ ее въ унылую, холодную комнату и посадилъ на диванъ.

XVI.

Противъ Таси, черезъ комнату, широкая арка, за нею темнота проходного закоулка и дальше чуть мерцающій свѣтъ, должно-быть, изъ танцовальной залы. Она оглядѣлась. Кто-то тихо говоритъ справа. На диванѣ, въ полусвѣтѣ единственной лампы, висѣвшей надъ кресломъ, гдѣ она сидѣла; она различила мужчину съ женщиной, суховатаго молодого человѣка въ сѣрой визиткѣ и высокую, полногрудую блондинку въ черномъ. Лицъ ихъ Тасѣ не было видно. Они говорили шопотомъ и часто смѣялись.

„Кто это?—думала Тася.—Любители или актеры?.. Или любовное свиданіе?.. Здѣсь удобно“.

Ей стало неловко. Она имъ помѣшала.

Но пара не смущалась. Послышался смѣхъ блондинки.

„Скорѣе любители, чѣмъ актеры“,—опредѣлила про себя Тася.

Имъ весело. Никого они знать не хотятъ. Кто она? Дѣвица благородныхъ родителей, или такъ „чья-нибудь“ дочь?—Это все равно... Можетъ, въ ней большой талантъ скрывается. Такъ же вотъ, какъ и она, Тася, пріѣхала тайкомъ въ клубъ, вкусить запретнаго плода. Какого?.. Искусства или другого?..

Щеки Таси покрылись румянцемъ... Она все знаетъ... Не маленькая... *Ingénue* сбирается только на сценѣ играть. Сколько романовъ прочла, пьесъ, всего. Но „это“ на нее не дѣйствуетъ. Насмотрѣлась она на то, что̀ у нихъ было въ домѣ. Когда въ книжкѣ она читала сцены свиданій, самыя страстныя или поэтическія... у ней не билось сердце. Сейчасъ ей представится другая сцена... житейская... Она дѣвочка тринадцати лѣтъ, но много уже понимаетъ, читала и Тургенева, и Жоржъ Зандъ... Разбѣжалась она въ будуаръ своей матери... Мать лежитъ на кушеткѣ, рядомъ—гусарскій юнкеръ. Онъ дневалъ и ночевалъ у нихъ. Тася знала, что maman даетъ ему денегъ. Объ этомъ говорили люди, горничныя. Она застала любовную сцену... И съ тѣхъ поръ, когда ей минуло семнадцать лѣтъ и позднѣе, она не могла думать о любви,

чтобы передъ ней не встала сцена юнкера съ ея матерью и всѣ восторги Елены Никифоровны отъ итальянскихъ пѣвцовъ, скрипачей и наѣздниковъ.

Такъ и прошли ея первые дѣвичьи годы. Некогда ей было думать о любви. Вывозили ее всего одну зиму, когда ей ужъ пошелъ двадцатый годъ. Но все ее стѣсняло и въ тѣхъ гостиныхъ, куда ѣздила ея мать. Въ собраніи она танцовала нѣсколько разъ... Но и тутъ мать портила ей настроеніе. Да и какъ можно было выѣзжать, тратиться на туалетъ, когда она отлично знала, что въ домѣ во всемъ недочетъ, доѣдаютъ послѣдніе гроши, взятые подъ залогъ дома, за проданную землю, выклянченную у бабушки... Она отказалась отъ выѣздовъ... Потомъ ноги стали отниматься у матери. Прекратилась всякая посторонняя тревога. Тутъ и разрослось влеченіе къ сценѣ, дума о театрѣ, ученье ролей по ночамъ...

Пара встала съ дивана и стала ходить по комнатѣ.

— Вы ошибаетесь,—говорила блондинка.

— Да ужъ нѣтъ,—возражалъ молодой человѣкъ,—вамъ это очень удалось. А вотъ Василиса Мелентьева — не скажу...

Тася взглянула съ любопытствомъ на блондинку и спрашивала себя: подходитъ ли ея наружность къ Василисѣ Мелентьевой?

Не о Василисѣ Мелентьевой шелъ споръ между молодыми людьми. Они нравились другъ другу. Это было сразу видно. Тася прислушивалась къ звукамъ ихъ голосовъ. Вотъ, если бъ она такъ же на сценѣ говорила, вышло бы и правдиво, и весело... Больше ничего вѣдь и не нужно... А какъ трудно все это выполнить!..

— Пожалуйте,—раздался надъ ней голосъ Пирожкова. Его голова показалась изъ-за косяка двери.

Тася встала и поправила на шеѣ галстукъ.

— Куда?—спросила она.

— Въ столовую...

— Тамъ кто же?

— Идемте, идемте...

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ мимо конторы въ бѣлую залу, освѣщенную цѣлымъ рядомъ тускловатыхъ ламиъ.

— Мы будемъ пить чай,—говорилъ Пирожковъ, и самъ какъ будто немного стѣсненный за Тасю. — Вы осмотритесь... Есть уже разные народы. Я нашелъ одного зна-

комаго старшину... Вы съ нимъ поговорите... Полезно заручиться для дебютовъ...

— Для дебютовъ!—вздохнула Тася.

— А что же? Для маленькихъ дебютовъ здѣсь.

— На клубной сценѣ я бы не хотѣла.

— Въ видѣ опыта.

XVII.

Столовая обдала Тасю спертымъ воздухомъ, гдѣ можно было распознать паръ чайниковъ, волны папироснаго дыма, запахъ котлетъ и пива, шедшій изъ буфета. Налѣво отъ входа за прилавкомъ продавала печенья и фрукты женщина съ усталымъ лицомъ, въ темномъ платьѣ. Поперекъ комнаты шли накрытые столы. Вдоль правой и лѣвой стѣны столы поменьше, безъ приборовъ, за ними уже сидѣло по-двое, по-трое. Лакеи мелькали по залѣ.

Пирожковъ посадилъ Тасю за первый столъ, по лѣвой стѣнѣ, около окна, и заказалъ порцію чаю.

Въ первый разъ она слышала эти слова: „порцію чая". Имъ подали подносъ съ двумя чайниками, чашками и пиленымъ сахаромъ въ бумажномъ пакетцѣ. Черезъ столъ отъ нихъ сидѣло двое мужчинъ, оба бритые.

— Актеры,—шепнулъ ей Пирожковъ.—Одинъ здѣшній, другого не знаю.

До Таси донеслась сильная картавость одного изъ нихъ, брюнета съ мелкими чертами красиваго лица.

— Актеръ?—переспросила она.

— Да.

— Какъ же онъ такъ сильно картавитъ?

— Что дѣлать!..

Она заварила чай. У правой стѣны, за двумя столиками, сидѣли и женщины. Одна глазастая, широкоплечая, очень молодая и свѣжая, громко говорила, почти кричала. Волосы у ней были распущены по плечамъ.

— Это кто?—спросила Тася.

— Не знаю... давно здѣсь не былъ.

На репетиціяхъ, за кулисами, гдѣ удалось быть раза два, она испытывала возбужденье, какого у ней теперь не было и слѣда... Ей даже не вѣрилось, что это одно и то же, что вотъ эти бритые мужчины и женщины съ размашистыми движеніями принадлежали тому міру, куда такъ рвалось ея сердце.

— Ну, что же,—заговорилъ Пирожковъ и поглядѣлъ

на нее добрыми глазами,—не очень вамъ здѣсь нравится?.. Присмотритесь... Эта столовая, постомъ, была бы для васъ занимательнѣе. Тогда здѣсь настоящій рынокъ... Чего хотите—и благородные отцы, и любовники, и злодѣи. И все это пріѣзжіе изъ провинціи, а ужъ къ концу почти полное истощеніе финансовъ.

Тася плохо слушала его.

— Вотъ что,—продолжалъ Пирожковъ, — на святкахъ будетъ тутъ сборный спектакль. Мнѣ старшина сейчасъ говорилъ. Не начать ли прямо съ попытки. Можно и „До поры—до времени“ поставить. Какъ вы думаете?

— Право, не знаю,—отвѣтила Тася.—Я учиться хочу, Иванъ Алексѣевичъ.

— Съ новаго года и начнемъ... А пока для бодрости... Да вотъ и старшина.

Къ нимъ подошелъ сухощавый господинъ, въ бородѣ, въ золотомъ pince-nez, въ короткомъ пальтецо, съ крупными чертами лица, тревожный въ пріемахъ.

Пирожковъ представилъ его. Тася не запомнила ни фамиліи, ни какъ его звали по имени и отчеству.

— Чайку выпьете?—пригласилъ его Пирожковъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—сказалъ старшина и сѣлъ.

Онъ казался очень утомленнымъ.

— Много дѣла?—спросилъ Пирожковъ.

— Просто бѣда! И все одинъ!..

— А другіе?

— Эхъ!..

И онъ махнулъ рукой.

— Что же предполагается на праздникахъ?

— Утренніе спектакли будутъ, дѣтскій праздникъ, костюмированный балъ съ процессіей, да мало ли чего!

— А какъ дѣла?

— Сборы—ничего! Только возня! Я вамъ скажу, скоро пардону запрошу!..

— Вотъ Таисія Валентиновна,—указалъ Пирожковъ на Тасю,—желала бы...

— Вамъ угодно дебютировать-съ?—высокимъ голосомъ выговорилъ старшина.

Тася сильно смутилась.

— Нѣтъ... я не для дебюта...

— Спектакликъ хотите?—не далъ онъ ей докончить.— Дни-то у насъ всѣ разобраны.

Къ старшинѣ подошелъ лакей въ ливреѣ и сказалъ ему что-то на ухо.

— Прошу извиненія,—сказалъ старшина и вскочилъ.— Анаѳемское дѣло!—крикнулъ онъ на ходу Пирожкову и побѣжалъ въ контору.

„Зачѣмъ онъ меня сюда привезъ?"—думала Тася, и ей дѣлалось досадно на „добрѣйшаго" Ивана Алексѣевича. Все это выходило какъ-то глупо, нескладно. Этотъ торопливый старшина совсѣмъ ей не нуженъ. Онъ даже не заикнулся ни о какомъ актерѣ или актрисѣ, съ которой она могла бы начать работать. А нравы изучать, только расхолаживать себя... Тутъ еще можетъ явиться какой-нибудь знакомый отца... Она съ молодымъ мужчиной, за чаемъ... Точно трактиръ!

Тася затуманилась.

XVIII.

Изъ дверей, въ глубинѣ столовой, откуда виднѣлась часть буфетной комнаты, показался мужчина въ черномъ нараспашку сюртукѣ. Его косматая, бѣлокурая голова и такая же борода рѣзко выдѣлялись надъ туловищемъ, нѣсколько согнутымъ. Онъ что-то проговорилъ, выходя къ буфету, махнулъ рукой и приблизился къ столу, гдѣ сидѣли Тася съ Пирожковымъ.

— Ахъ! Иванъ Алексѣевичъ,—взволновалась и почти обрадовалась Тася,—вѣдь сюда идетъ Преженцовъ.

— Кто?

— Мой учитель!.. Вы не помните?..

— Не встрѣчалъ его...

— Да, это давно было... Какъ онъ измѣнился... Онъ, онъ!

Косматая голова все приближалась. Тася окончательно разглядѣла и узнала своего учителя Преженцова. Онъ ходилъ къ нимъ больше года, студентомъ четвертаго курса, лѣтъ шесть тому назадъ, училъ ее русскимъ предметамъ, давалъ ей всякія книжки. Матери ея онъ не понравился; раза два отъ него пахло виномъ... Только у него Тася и занималась какъ слѣдуетъ. Онъ ей принесъ Островскаго... И самъ читалъ купеческія сцены пресмѣшно, и разсказы Слѣпцова хорошо читалъ... Что жъ! Она не боится встрѣчи съ нимъ, здѣсь, въ этой столовой... Онъ все пойметъ...

Учитель ее замѣтилъ и узналъ.

— А-а!—крикнулъ онъ и скорыми шагами подошелъ къ столу.

— Николай Александровичъ!—обрадованно назвала его Тася.

Пирожковъ оглянулся на косматаго блондина. Отъ него пахнуло спиртными парами. Лицо его сильно раскраснѣлось.

— Какими судьбами?—спросилъ онъ Тасю.

Учитель крѣпко пожалъ ей руку.

— Вотъ, можно сказать, сюрпризъ. Вы здѣсь... И въ будничный день... Какими судьбами? А кавалеръ вашъ... Познакомьте насъ.

Она ихъ познакомила.

— А!—еще громче крикнулъ учитель. — Пирожковъ!.. Какъ пріятно... У насъ есть общіе пріятели... Калашникова... Василія Дмитріевича, знаете, а?

— Какъ же,—сказалъ со сдержанной улыбкой Пирожковъ.

— Я присяду... Можно?..

— Пожалуйста,—пригласилъ его Пирожковъ.

Тася поглядѣла на своего учителя. Его щеки, глаза, волосы,—все показалось ей немного подозрительнымъ...

— Такъ вотъ гдѣ я съ ученичкой-то столкнулся,—говорилъ Преженцовъ и держалъ руку Таси. — Ростомъ не поднялись... все такая же маленькая... И глазки такіе же... Вотъ голосъ не тотъ сталъ... возмужалъ... Ихъ превосходительство какъ изволитъ поживать? Папенька, маменька? Мамаша меня не одобряла... Нѣтъ!.. Не такого я былъ строенія... Ну, и парле-франсе не имѣлось у меня. Бабушка какъ? Все еще здравствуетъ? И эта, какъ ее: Полина, Фифина!.. Да, Фифина!.. Бабушка — хорошая старушка!..

Онъ дѣлался болтливъ. Тася видѣла, что учитель ея выпилъ. Она не знала, какъ съ нимъ говорить. Это былъ какъ будто не тотъ Николай Александровичъ, не прежній.

Пирожковъ тоже почувствовалъ себя стѣсненнымъ.

— Вы здѣсь членъ?—спросилъ онъ Преженцова.

— Я-то? Это цѣлая исторія... Вотъ видите ли, какой казусъ случился... Меня здѣсь не выбрали. Не подхожу къ такому избранному заведенію. А сегодня съ пріятелемъ зашли выпить пива... Все равно... Вы не хотите ли?

Онъ перегнулся къ Тасѣ и спросилъ:

— А это знаменье времени... коли и вы съ нами сидите... Какой ужасъ!

Прошелъ по столовой старшина. А черезъ минуту въ буфетѣ раздался крупный разговоръ.

Учитель Таси сейчасъ же всталъ, побѣжалъ туда и только крикнулъ:

— Такъ и есть!

Пирожковъ приподнялся и началъ глядѣть въ томъ же направленіи.

— Поѣдемте отсюда,—тихо сказала ему Тася.

Голоса все возвышались, перешли въ звонкіе, крикливые возгласы... Отъ буфета шелъ старшина и другой еще господинъ, съ сѣдоватой бородой, а за нимъ учитель Таси.

— Вы не имѣли права!—говорилъ старшина.

— Я буду протестовать!—повторилъ господинъ съ бородой.

— Протестуйте... Сдѣлайте ваше одолженіе!

Учитель забѣжалъ впередъ и на всю залу крикнулъ:

— Оставь втуне, пренебреги... потребуемъ торжественнаго вывода... Идемъ, Вася...

И обратившись къ столу Таси и Пирожкова, кинулъ имъ:

— Прощенія просимъ!.. Видите, чаю съ вами пить не могу... Паршивая овца!..

Всѣ въ недоумѣніи глядѣли на эту сцену. Передъ конторой еще долго раздавались голоса, и потомъ внизу по лѣстницѣ.

Пирожковъ и Тася молчали. Ивану Алексѣевичу было не по себѣ.

„Зачѣмъ завезъ я ее сюда?—спрашивалъ и онъ себя.— Этакая досада! Такъ неудачно... И старшина ни на что ей не годенъ, а теперь и подавно“.

Она опустила голову и пила потихоньку чай.

— Таисія Валентиновна,—началъ Пирожковъ, состроивъ комическую мину, — простите великодушно... Незадача намъ.

— Поѣдемте,—шептала она.

— Да вы не бойтесь.

— Нѣтъ, поѣдемте, пожалуйста.

Онъ наскоро расплатился. Тася шла вслѣдъ за нимъ, все еще съ поникшей головой... И боялась она чего-то, и жутко ей было тутъ отъ всего, отъ этихъ лакеевъ, гостей,

чаду, тусклаго освѣщенія, не находила она въ себѣ мужества сейчасъ же превратиться въ простую „актерку", распивать чай въ перемѣну между двумя актами репетицій.

„Барышня я, барышня",—повторяла она, сходя въ швейцарскую, и была довольна тѣмъ, что никто изъ знакомыхъ отца не встрѣтилъ ее.

Вѣдь она уѣхала тихонько. Мать, хоть и разбита, но то и дѣло спрашиваетъ ее. Ей не скажешь, что ѣздила смотрѣть на актеровъ... Да и бабушка напугается...

— Какъ же, Таисія Валентиновна?—остановилъ ее Пирожковъ у кассы.—Первый блинъ комомъ. Угодно, чтобы я познакомилъ васъ съ Грушевой?

— Ахъ, погодите... Я что-то совсѣмъ маленькая.

— Подожду...

Тася свободно вздохнула на воздухѣ.

XIX.

На другой день, передъ обѣдомъ, дѣвчонка вбѣжала къ Тасѣ и заторопила ее.

— Маменька гнѣваются, пожалуйте поскорѣе.

Тася нашла мать въ креслѣ, въ сильной ажитаціи.

— Отравить меня хотите!—закричала Елена Никифоровна, таращa на нее глаза.

— Что такое, maman?

— Какая гадость! Ѣшь сама!

Она тыкала ложкой въ тарелку супа.

Тася попробовала и чуть замѣтно улыбнулась.

— Супъ хорошъ... изъ курицы.

Мать прослѣдила глазами ея усмѣшку и вся побагровѣла.

Не успѣла Тася выпрямиться, какъ на щекѣ ея прозвенѣла пощечина.

Она схватилась за щеку. Въ глазахъ у ней потемнѣло. Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы не толкнуть мать.

Пощечина! Передъ дѣвчонкой Дуняшей! Ей, дѣвушкѣ по двадцать второму году!

Это ее ошеломило.

— Смѣяться!..—кричала и заикалась мать,—смѣяться! Надо мной? Ахъ, ты, мерзкая! Мерзкая... Тварь! Я тебѣ дамъ!

И она опять потянулась къ ней, но Тася схватила Елену Никифоровну за обѣ руки и посадила ее въ кресло.

— Не смѣйте, не смѣйте!—шептала она съ нервной дрожью.—Я не позволю... хуже будетъ!..

Голосъ ея такъ задрожалъ, что мать испугалась.

— Ступай вонъ!.. Вонъ, вонъ!—кричала она и начала метаться и плакать.—Морфію мнѣ, морфію!..

— Какого лѣкарства?—спросила Тасю Дуняша, задерживая ее.

— Не знаю!

И она кинулась въ свою комнату, внѣ себя. Щеки ея пылали, слезы душили ее, но не лились.

Дѣвочкой семи лѣтъ ее высѣкли разъ... Когда ей было четырнадцать лѣтъ, мать схватила ее за ухо, но она не далась... И теперь, двадцати одного года!.. Мать больна, разбита, близка къ параличу... Но развѣ это оправданіе?..

Бросилась Тася на кровать. Ее всю трясло. Черезъ минуту она начала хохотать. Съ ней случилась первая въ ея жизни истерика. Прежде она не вѣрила въ припадки, видя, какъ мать напускала на себя истерики. А теперь она будетъ знать, что это такое!

Изъ комнаты Таси ничего не долетало ни до старушекъ, ни до кабинета. Отца ея не было дома и брата также. Какъ ни старалась она переломить себя, хохотъ все прорывался, и слезы, и судороги... Такъ билась она съ полчаса. Только и помогла себѣ тѣмъ, что уткнула голову въ подушки и обхватила ихъ обѣими руками.

Потомъ, сладивъ съ собою, сѣла на кровать и мутными глазами оглядывала свою комнату. Смеркалось... черезъ полчаса будетъ совсѣмъ темно. Ее зазнобило. Она встала, надѣла платокъ и тихо двинулась отъ кровати къ письменному столу.

Прибила мать! Дала пощечину, какъ горничной!.. Да и тѣхъ теперь нельзя бить. Жаловаться пойдутъ, а то и сами тѣмъ же отвѣтятъ. Примѣры были... На-дняхъ ей разсказывали про знакомую барыню. Но чего же она такъ изумляется? Чѣмъ она лучше Кунцевой?.. А той мать въ прошлую зиму надавала пощечинъ при постороннихъ. И до сихъ поръ кричитъ на нее, какъ на послѣднюю судомойку, ругаетъ ужасными словами, хоть и по-французски: pécore, salope, crapule! Она и не припомнитъ всего! И вѣдь это въ хорошемъ, барскомъ обществѣ... Самыя старыя фамиліи... И Леля Тарусина ей жаловалась, что мать ее бьетъ. А она графиня! Ей двадцать третій годъ. И всѣ терпятъ, злятся, презираютъ матерей, называютъ ихъ

за глаза дурами, разсказываютъ про нихъ всякія гадости... А не уйдутъ! Почему?

Куда идти? Въ гувернантки? Не пойдутъ! И не знаютъ ничего серьезно, да и боятся бѣдности. Какъ же имъ можно! Тутъ есть расчетъ на мужа, а не выйдетъ—все равно на родительскихъ хлѣбахъ проживетъ, хоть и битая.

„Рабство! Рабство!—шепчетъ Тася, ходя по своей комнатѣ.—Какъ низко, гнусно!"

Она ничего дурного не разсказываетъ знакомымъ про мать. Не могла она ее ни любить, ни уважать. И это уже не малое горе. Ей жаль было этой женщины. Она смотрѣла на нее, какъ на „Богомъ убитую", ходила за ней, хотѣла съ ней дѣлиться, когда встанетъ на свои ноги, будетъ зарабатывать. Ее смущало еще сегодня утромъ то, что она хочетъ оставлять ее по цѣлымъ часамъ на попеченіе компаньонки.

Но теперь!.. Исчезли всѣ колебанія... Какъ бы мать ни была „убита", она понимаетъ, что̀ дѣлаетъ. Вытерпѣть—это значитъ рисковать, что она будетъ драться каждый день.

Вотъ пріѣдетъ отецъ, Тася скажетъ ему, что къ матери нужно приставить постороннюю женщину. Если вчера, послѣ посѣщенія клубной столовой, у нея явилось малодушное чувство, то теперь... вонъ, поскорѣе, безъ всякихъ думъ и сомнѣній!

Она не могла оставаться въ своей комнатѣ. Ей было душно. Перешла она въ залу, присѣла къ піанино и заиграла громко, громко.

— Барышня,—прибѣжала Дуняша,—маменька не приказываютъ играть... У нихъ головка болитъ.

— Хорошо,—отвѣтила Тася и захлопнула крышку.

Да, играть не слѣдуетъ. У матери боли. Но развѣ боли оправдываютъ битье по щекамъ взрослой дочери?

„Напишу къ Пирожкову, — думала она, — попрошу его поскорѣе повезти меня къ Грушевой, скорѣй, скорѣй!"

Она не слыхала, какъ въ передней позвонили. Ее засталъ въ залѣ, всю въ слезахъ, съ помятой прической, гость—ихъ дальній родственникъ—Палтусовъ.

XX.

Тася не видала Палтусова давно, больше двухъ мѣсяцевъ. Онъ ѣздилъ къ нимъ очень рѣдко. Прежде онъ больше интересовался ею, когда слушалъ лекціи въ уни-

верситетѣ. Онъ же привезъ къ нимъ и Пирожкова. На родственныхъ правахъ они звали другъ друга „Тася“ и „Андрюша“.

— Что съ вами, кузиночка?—спрашивалъ ее Палтусовъ, уводя въ гостиную. — Вы какая-то растрепѐ, пошутилъ онъ и оглядѣлъ ее еще разъ.

Тася жала ему руку. Его пріѣздъ пришелся очень кстати.

— Андрюша, милый,—заговорила она ласковѣе обыкновеннаго,—поддержите меня.

— Что такое?

Она не могла сказать ему, что мать дала ей пощечину. Этого она не скажетъ... кромѣ отца, никому. Онъ услыхалъ отъ нея только то, что̀ ей теперь надо, сейчасъ, сію минуту.

— Пожалуйста, не труните надо мной, Андрюша, я долго готовлюсь къ этому.

Слово „сцена“ было произнесено. Палтусовъ задумался. Ему жалко стало этой „дѣвочки“,—такъ онъ называлъ ее про себя. Она умненькая, съ прекраснымъ сердцемъ, веселая, часто забавная. Женишка бы ей...

— Замужъ не хотите, Тася?

— За кого?—серьезно спросила она. — Что объ этомъ толковать! Выѣзжать не на что. Такъ, я никому не нравлюсь... Да нѣтъ, Андрюша! Это совсѣмъ не то...

И она начала горячо развивать ему свою „идею“. Онъ слушалъ съ тихой усмѣшкой. Очень все искренно, молодо, смѣло, что она говоритъ. Можетъ, у ней и есть талантъ. Жаль все-таки такую дѣвочку... Попадетъ на сцену... Это вѣдь помойная яма. Многія ли выкарабкиваются и могутъ жить на свой заработокъ?.. А она хочетъ кормить семью... Шутка! Жаль!.. Хорошая, воспитанная барышня, его родственница, все-таки генеральская дочь. Но и то сказать... семейка вымираетъ... гниль, дряхлость, глупое нищенство и фанаберія. А то такъ и просто грязь. Сто̀итъ на этакаго папашу съ мамашей работать!.. Уйти изъ дома—резонъ...

— Съ родителемъ поговорить, что ли?—спросилъ Палтусовъ.

— Пока не надо, Андрюша... Послѣ, можетъ-быть... а вы мнѣ все узнайте хорошенько... Вотъ Пирожковъ хотѣлъ; онъ добрый, но немного мямля... совсѣмъ не туда меня повезъ. Онъ знакомъ съ актрисой Грушевой.

— Да и я ее знаю!

— Знаете, я помню; вы мнѣ разсказывали.

— Такъ чего же вы хотите, кузиночка?

— Съѣздить къ ней, милый... предупредить... поговорить обо мнѣ хорошенько... чтобы она меня выслушала. Я приготовлюсь. Можетъ ли она со мной заняться? Хоть эту зиму. А то я въ консерваторію поступлю, авось, примутъ и съ новаго года.

Палтусовъ слушалъ. Все это было легко исполнить. Одинъ какой-нибудь визитъ. Довольно онъ своими дѣлами занимается. Не грѣхъ для такой милой дѣвочки потерять утро.

— Извольте-съ,—сказалъ онъ шутливо.

— Да?—радостно вырвалось у Таси.

— Брата нѣтъ?—спросилъ Палтусовъ.

— Нѣтъ.

— А родитель?

— И отецъ еще не пріѣзжалъ.

— Какъ же это онъ меня просилъ, а самъ по городу рыщетъ?

Палтусовъ всталъ и прошелся по гостиной. Онъ пріѣхалъ на просительную записку генерала. Тотъ писалъ ему, что возлагаетъ на него особую надежду. Сначала Палтусовъ не хотѣлъ ѣхать... Долгушинъ навѣрно будетъ денегъ просить. Денегъ онъ не дастъ и никогда не давалъ; заѣхалъ такъ, изъ жалости, по дорогѣ пришлось. Не любитъ онъ его рожи, его тона, всей его болтовни.

— Папа сейчасъ долженъ быть,—сказала Тася и подошла къ Палтусову.—Только вы, Андрюша, про меня ему ничего еще не говорите. Теперь не стòитъ... Я ему надняхъ сама скажу, что съ матерью я ладить не могу, и надо взять компаньонку. Деньги у меня есть... на это...

— Гдѣ же добыли?

— Заняла,—шопотомъ отвѣтила Тася.

Она не скажетъ ему, что деньги взяла у брата Ники.

— Подождите минутку.

Ей хотѣлось, чтобы Палтусовъ подождалъ отца. Онъ ей скажетъ, чтò отецъ затѣялъ. Ей надо все знать. Кто же, кромѣ нея, есть взрослый въ домѣ?

Она смотрѣла на Палтусова. Въ гостиной было уже темновато. Его лицо никогда ей особенно не нравилось. И въ сердце его она не вѣрила. Сейчасъ она говорила

ему „милый Андрюша“. Вѣдь это не хорошо! Нуженъ онъ ей, такъ она и ласкаетъ его словами.

Тася примолкла. Не довольна она была собой. Но что же дѣлать? Андрюша единственный человѣкъ вокругъ нея, у котораго есть характеръ, знаетъ жизнь, ловокъ... Съ Иваномъ Алексѣевичемъ далеко не уйдешь. И что же она такое сдѣлала? Попросила переговорить съ актрисой. Если онъ эгоистъ, тѣмъ лучше... Хоть за кого-нибудь похлопочетъ безкорыстно.

— Вотъ и папа,—громко сказала Тася, услыхавъ звонокъ въ передней.

Палтусовъ закуривалъ папиросу.

— Задержитъ онъ меня!

— Подите, подите... Вѣдь вы все равно не расчувствуетесь,—пошутила она.

И тому уже была она рада, что разговоръ съ Палтусовымъ отвлекъ ее отъ ощущенія обиды, заставилъ забыть о дикой выходкѣ матери.

Къ ней она не пойдетъ до завтра, даже если мать и будетъ присылать за ней. Надо дать почувствовать. А отцу она сегодня же скажетъ очень просто:

„Не хочу получать пощечинъ. Наймите компаньонку. Я ей буду платить“.

— Андрюша!—шепнула она,—одно словечко...

Палтусовъ подставилъ ухо.

— Позвольте мнѣ сказать отцу, что вы мнѣ дали взаймы...

— Онъ вытянетъ.

— Нѣтъ, я не дамъ.

— Говорите, Тася!

— Спасибо.

Это ей послужитъ. Отдать долгъ надо; вотъ она и скажетъ, что ей слѣдуетъ искать самой выгодной работы.

Палтусовъ пожалъ ей руку, пріостановился на порогѣ, обернулся и тихо сказалъ:

— Если вамъ понадобится... вы не скрывайтесь отъ меня.

У него на текущемъ уже лежало десять тысячъ.

— Теперь не нужно.

„У него все лучше было взять, чѣмъ у Ники,—мелькнуло въ головѣ Таси.—А кто его знаетъ, впрочемъ, чѣмъ онъ живетъ?“

XXI.

— А! волонтеръ!..—встрѣтилъ генералъ Палтусова, въ кабинетѣ, гдѣ уже совсѣмъ стемнѣло.

„Волонтеромъ“ прозвалъ онъ его послѣ сербской кампаніи. Палтусовъ не любилъ этого прозвища и вообще не жаловалъ безцеремоннаго тона Валентина Валентиновича, котораго считалъ „жалкимъ мыльнымъ пузыремъ“. Но онъ до сихъ поръ не могъ заставить его перемѣнить съ собою фамильярнаго тона. Не очень нравилось Палтусову и то, что Долгушинъ говорилъ ему „ты“, пользуясь правомъ старшаго родственника.

Сегодня все это было ему еще непріятнѣе. Нуждается въ немъ, пишетъ ему просительныя записки, а туда же хорохорится.

— Здравствуйте, генералъ,—отвѣтилъ Палтусовъ насмѣшливо и небрежно пожалъ его руку.

Валентинъ Валентиновичъ снималъ сюртукъ, стоя у облѣзлаго письменнаго стола, на которомъ, кромѣ чернильницы, лежали только счеты и календарь.

Кабинетъ его вмѣщалъ въ себѣ большой съ проваломъ клеенчатый диванъ и два-три стула. Обои въ одномъ мѣстѣ отклеились. Въ комнатѣ стоялъ спертый, табачный воздухъ.

— Темно очень, генералъ,—замѣтилъ Палтусовъ.

— Сейчасъ, mon cher, лампу принесутъ. Митька!—крикнулъ онъ въ дверь.

Принесли лампу. Отъ нея пошелъ чадъ керосина. Долгушину мальчикъ подалъ короткое генеральское пальто, изъ легкаго сѣраго сукна.

— Ступай,—выслалъ его генералъ.

Палтусовъ сѣлъ на диванѣ и ждалъ.

— Ты извини, что подождалъ меня.

„То-то!“—подумалъ Палтусовъ и нарочно промолчалъ.

— Мои стервецы виноваты.

— Какіе такіе?

— Да лошади. Еле возятъ. Морковью скоро будемъ кормить, братецъ! Ха-ха-ха!

„Ну, братца-то ты могъ бы и не употреблять“,—подумалъ Палтусовъ.

— Зачѣмъ держите?

— Зачѣмъ? По глупости... Изъ гонору.

Генералъ опять засмѣялся, подошелъ къ углу, гдѣ у

него стояло нѣсколько чубуковъ, выбралъ одинъ изъ нихъ, уже приготовленный, и закурилъ самъ бумажкой.

Палтусовъ поглядѣлъ на его затылокъ, красный, припухлый, голый, подъ всклоченной щеткой посѣдѣлыхъ волосъ, точно кусокъ сырого мяса. Весь онъ казался ему такимъ ничтожнымъ индѣйскимъ пѣтухомъ. А говоритъ ему „братецъ“ и прозвалъ „волонтеромъ“.

— Плохандросъ!—прохрипѣлъ генералъ и зачадилъ своимъ жуковымъ.—Послѣдніе дни пришли... Ты вѣдь знаешь, что Елена безъ ногъ.

— Совсѣмъ?—холодно спросилъ Палтусовъ.

— Докторъ сказалъ: черезъ двѣ недѣли отнимутся окончательно.... И ротъ уже свело. Une mer à boire, mon cher. Онъ присѣлъ къ Палтусову, засопѣлъ и запыхтѣлъ.

— Я тебя побезпокоилъ. Ну, да ты молодой человѣкъ... Службы нѣтъ.

— Но дѣла много.

— А-а... Въ дѣлахъ!.. Слышалъ я, братецъ, что ты въ подряды пустился.

— Въ подряды?.. Не думалъ. Вы, небось, ссудили капиталомъ?

— У Калакуцкаго, говорили мнѣ въ клубѣ, состоишь чѣмъ-то.

Палтусову не очень понравилось, что въ городѣ уже знаютъ про его „службу“ у Калакуцкаго.

— Враки!

— Однако, и на биржѣ тебя видаютъ.

— Бываю...

— Ну да, я очень радъ. Такое время. Не хозяйствомъ же заниматься! Здѣсь только бородѣ и почетъ. Ты пойдешь... у тебя есть нюхъ. Но нельзя же все для себя. Молодежь должна и нашего брата старика поддержать... Сыновья мои для себя живутъ... Отъ Ники всегда какое-нибудь вниманіе, хоть въ малости. А ужъ Петька... Mon cher, je suis un père...

Генералъ не кончилъ и затянулся. Чувствительность ему не удавалась.

— Вы, ваше превосходительство, меня извините, — насмѣшливо заговорилъ Палтусовъ и посмотрѣлъ на часы.

— Занятъ, небось? Биржевой человѣкъ.

— Спѣшу.

— Сейчасъ, сейчасъ. Дай передохнуть.

Онъ еще ближе подсѣлъ къ Палтусову и обнялъ его лѣвой рукой.

— Вы все жуковскій?—спросилъ Палтусовъ, отворачивая лицо.

— Привычка, братецъ!

— Дурная...

— Какая есть!

Генералъ началъ пикироваться.

XXII.

— Вотъ въ чемъ моя просьба, Андрюша—(Палтусовъ еще сильнѣе поморщился).—Есть у насъ тутъ родственникъ жены, троюродный братъ тещи, Куломзовъ, Евграфъ Павловичъ, не слыхалъ про него?

— Слышалъ.

— Извѣстный богачъ, скряга, чудодѣй, старый холостякъ. Однѣхъ уставныхъ грамотъ до пятидесяти писалъ. И ни одной деревни не заложено. Есть же такіе аспиды! Къ намъ онъ давно не ѣздитъ. Ты знаешь... въ какомъ мы теперь аллюрѣ... Да онъ и никуда не ѣздитъ... Въ аглицкій клубъ разъ въ мѣсяцъ... Видишь ли... Моя старшая дочь, вѣдь ты ее помнишь, Ляля?

— Помню.

— Она ему приходится крестницей; но вышло тутъ одно обстоятельство. Une affaire de rien du tout... Поручиться его просилъ... По пустому документу... И какъ бы ты думалъ, этотъ старый шутъ m'a mis à la porte. Закричалъ, ногами затопалъ. Никогда я ничего подобнаго не видалъ ни отъ кого!

— Такъ вы теперь повторить хотите?

— Дай досказать, братецъ,—уже раздраженно перебилъ генералъ и прислонился къ спинкѣ дивана.—Вѣдь у него деньжищевъ однѣхъ полмилліона, страсть вещей, картинъ, камней, хрусталю... Ограбить давно бы слѣдовало. Женѣ моей онъ приводится вѣдь дядей. Наслѣдниковъ у него нѣтъ. А если есть, то въ такомъ же колѣнѣ!..

— Вы уже справочки навели?

— Навелъ, братецъ. Не продастъ онъ своихъ деревень. Изъ амбиціи этого не сдѣлаетъ, а деревни всѣ родовыя. Меня онъ можетъ прогнать, но тебя онъ не знаетъ. Ты умѣешь съ каждымъ найтись. Родственникъ жены...

— Тоже наслѣдникъ!

— Отчасти.

— А потомъ?

— А потомъ, mon cher, — ты мнѣ договорить все не дашь, — пускай онъ единовременно дастъ племянницѣ... или хоть кредитомъ своимъ поддержитъ.

— Ничего изъ этого не выйдетъ.

— Разжалоби его, братецъ. Ты краснобай. Ты знаешь, въ какомъ положеніи Елена. Не на что лѣчить, въ аптеку платить. И я... самъ видишь, на что я сталъ похожъ.

— Знаете что, генералъ?

— Не возражай ты мнѣ...

— Это вѣрнѣйшее средство заставить его все обратить въ деньги.

— Да, если ты бухнешь сразу... Я тебя не объ этомъ прошу. У меня обжектъ на мази... богатый.

— Мѣшки дѣлать изъ травы? Слышалъ! Ха-ха!..

— Нечего, братъ, горло драть... Кредиту нѣтъ... Что мнѣ надо? Понялъ ты? Чтобы этотъ старый хрѣнъ не открещивался отъ моей жены, чтобы онъ не скрывалъ, что она наслѣдница. А для этого разжалобить его. И начать слѣдуетъ съ того, что я душевно сожалѣю о старомъ недоразумѣніи... понимаешь?

— И все это вы взваливаете на меня?

— Прошу тебя, mon cher, какъ родного... Не на колѣняхъ же мнѣ передъ тобой стоять!

— Знаете что, генералъ?

— Ну, что еще?

— Есть у меня знакомый табачный фабрикантъ. Ему нужно на фабрику акцизнаго надзирателя.

— Такого у меня нѣтъ на примѣтѣ.

— Какъ нѣтъ, а я думалъ, вамъ слѣдуетъ взять это мѣсто.

Долгушинъ вскочилъ съ дивана. Чубукъ вертѣлся у него въ правой рукѣ. Глаза забѣгали, лысина покраснѣла. Палтусовъ въ первую минуту боялся, что онъ его прибьетъ.

— Мнѣ?—задыхаясь крикнулъ онъ. — Мнѣ надзирателемъ на табачную фабрику?

— А почему же нѣтъ?

— Почему, почему?..

Генералъ былъ близокъ къ удару.

— У него уже былъ отставной генералъ. Мѣсто покойное... квартира, пятьдесятъ рублей, и лошадокъ можно держать.

— Brisons-là... Я шутку допускаю... но есть всему мѣра.

— Я не шучу,—сухо сказалъ Палтусовъ и поднялся съ дивана.—Пропустите случай, хуже будетъ.

— Хуже... Чего хуже?..

— Хуже того, что̀ теперь есть. Тогда и надзирателя не дадутъ.

— Какъ вы смѣете?—крикнулъ Долгушинъ.

Но потѣхи довольно было Палтусову, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Ну, ваше превосходительство, извините... Я не хотѣлъ васъ обижать. Извольте, такъ и быть, съѣзжу къ вашему Крезу.

— Я не желаю.

— Не желаете?—съ удареніемъ переспросилъ Палтусовъ.

— Если по-родственному...

— Да, да. Для вашей дочери дѣлаю... не для васъ.

Долгушинъ что-то пробурчалъ и задымилъ.

Палтусовъ тихо разсмѣялся. Очень ужъ ему жалокъ казался этотъ „индѣйскій пѣтухъ".

— Когда же ты, братецъ?—какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ генералъ.

— На-дняхъ. Дайте адресъ.

Они разстались друзьями. Къ Тасѣ Палтусовъ не зашелъ. Было четыре часа.

XXIII.

На биржу онъ не торопился. У него было свободное время до поздняго обѣда. Сани пробирались по сугробамъ переулка. Бобровый воротникъ пріятно щекоталъ ему уши. Голова нѣжилась въ собольей шапкѣ. Лицо его улыбалось. Въ головѣ все еще прыгала фигура генерала съ чубукомъ и съ краснымъ затылкомъ.

Палтусовъ смотрѣлъ на такихъ родственниковъ, да и вообще на такое дворянство, какъ на нѣчто разлагающееся, имѣющее одинъ „интересъ курьеза". Слишкомъ ужъ все это ничтожно. Что такое несъ генералъ? О чемъ онъ просилъ его? Что за нелѣпость давать ему порученіе къ богатому родственнику?

Но поѣхать опять-таки „для курьеза" можно, посмотрѣть—полно, есть ли въ Москвѣ такіе „старые хрычи" съ пятьюдесятью деревнями, окруженные драгоцѣнностями? Палтусовъ не вѣрилъ въ это. Онъ видѣлъ кругомъ одно паденіе. Кто и держится, такъ и то проживаютъ одну

треть, одну пятую прежнихъ доходовъ. Гдѣ же имъ тягаться съ его пріятелями и пріятельницами, въ родѣ Нѣтовыхъ или Станицыныхъ и цѣлаго десятка такихъ же коммерсантовъ?

Каждый разъ, какъ онъ попадаетъ въ эти края, ему кажется, что онъ пріѣхалъ осматривать „катакомбы". Онъ такъ и прозвалъ дворянскіе кварталы. Ѣдетъ онъ вечеромъ по Поварской, по Пречистенкѣ, по Сивцову Вражку, по переулкамъ Арбата... Нѣтъ жизни. У подъѣздовъ хоть бы одна карета стояла. Въ комнатахъ темнота. Только гдѣ-нибудь въ передней или угловой горитъ „экономическая" лампочка.

Фонари еще зажигали. Послѣдній отблескъ зари догоралъ. Но можно было еще свободно разбирать дома. Сани давно уже колесили по переулкамъ.

— Стой!—крикнулъ вдругъ Палтусовъ.

Небольшой домикъ съ палисадникомъ всплылъ передъ нимъ внезапно. Сбоку примостилось зеленое крылечко съ навѣсомъ, чистенькое, посыпанное пескомъ.

Сани круто повернули къ подъѣзду. Палтусовъ выскочилъ и дернулъ за звонокъ. На одной половинѣ дверей мѣдная доска была занята двумя длинными строчками съ большой короной.

Зайти сюда очень кстати. Это избавляло его отъ лишняго визита, да и когда еще попадетъ онъ въ эти края?

Пріотворилъ дверь человѣкъ въ сюртукѣ.

— Княжна у себя?

— Пожалуйте.

Онъ впустилъ Палтусова въ маленькую, опрятную переднюю, уже освѣщенную висячей лампой.

Лакей, узнавъ его, еще разъ ему поклонился. Палтусовъ попадалъ въ давно знакомый воздухъ, какого онъ не находилъ въ новыхъ купеческихъ палатахъ. И въ передней, и въ зальцѣ съ складнымъ столомъ и роялью стоялъ особый воздухъ, отзывавшійся какими-то травами, одеколономъ, немного пылью и старой мебелью.

Онъ вошелъ въ гостиную, куда человѣкъ только что внесъ лампу и поставилъ ее въ уголъ, на мраморную консоль. Гостиная тоже приняла его точно живое существо. Онъ не такъ давно просиживалъ здѣсь вечера за чаемъ и днемъ, часа въ два, въ часы дружескихъ визитовъ. Ничто въ ней не измѣнилось. Тѣ же цвѣты на окнахъ, два горшка у двери въ залу, зеркало съ бронзой, въ стилѣ

имперіи, столъ, покрытый шитой шелками скатертью, другой—зеленымъ сукномъ, весь обложенный книгами, газетами, журналами, крохотное, письменное бюро, качающееся кресло, мебель ситцевая, мягкая, безъ дерева, какая была въ модѣ до крымской кампаніи, двѣ картины и на средней стѣнѣ въ овальной рамѣ портретъ свѣтской красавицы—въ платьѣ сороковыхъ годовъ, съ блондами и вѣнкомъ въ волосахъ. Чуть-чуть пахнетъ папиросами „maryland doux", и запахъ этотъ подъ-стать мебели и портрету. На окнахъ кисейныя гардины, шторы спущены. Коверъ положенъ около бюро, гдѣ два кресла стоятъ одно передъ другимъ и ждутъ двухъ мирныхъ собесѣдниковъ.

Палтусовъ потянулъ въ себя воздухъ этой комнаты, и ему стало не то грустно, не то сладко на особый манеръ.

Рѣдко онъ заѣзжалъ теперь къ своей дальней кузинѣ, княжнѣ Куратовой; но онъ не забываетъ ея и ему пріятно ее видѣть. Онъ очень обрадовался, что неожиданно очутился въ ея переулкѣ.

Изъ двери, позади бюро, безъ шума выглянула княжна и остановилась на порогѣ.

Ей пошелъ сороковой годъ. Она наслѣдовала отъ красавицы-матери — что глядѣла на нее съ портрета — такую же мягкую и величавую красоту и высокій ростъ. Черты остались въ видѣ линій, но и только... Она вся потускнѣла съ годами, лицо потеряло румянецъ, нѣжность кожи, покрылось мелкими морщинами, ротъ поблекъ, лобъ обтянулся, бѣлокурые волосы порѣдѣли. Она погнулась, хотя и держалась прямо; но станъ пошелъ въ ширину: сталъ костлявъ. Сохранились только большіе, голубые глаза и руки барскаго изящества.

Княжна ходила неизмѣнно въ черномъ послѣ смерти матери и троихъ братьевъ. Все въ ней было, чтобы нравиться и сдѣлать блестящую партію. Но она осталась въ дѣвушкахъ. Она говорила, что ей было „некогда" подумать о мужѣ. При матери, чахоточной, угасавшей медленно и томительно, она пробыла десятокъ лѣтъ на югѣ Европы. За двумя братьями тоже не мало ходила. Теперь коротаетъ вѣкъ съ отцомъ. Состояніе съѣли, почти все, два старшихъ брата. Одинъ гвардеецъ и одинъ дипломатъ. Третій, нумизматъ и путешественникъ, умеръ въ Южной Америкѣ.

Палтусовъ улыбнулся ей съ того мѣста, гдѣ стоялъ. Онъ находилъ, что княжна, въ своемъ суконномъ платьѣ

съ пелериной, въ черной косынкѣ на рѣдкихъ волосахъ и строгомъ отложномъ воротникѣ, должна нравиться до сихъ поръ. Ее онъ считалъ „своимъ человѣкомъ“ не по идеямъ, не по традиціямъ, а по расѣ. Расу онъ въ себѣ очень цѣнилъ и не забывалъ при случаѣ упомянуть, кому нужно, о своей „умницѣ“-кузинѣ, княжнѣ Лидіи Артамоновнѣ Куратовой, прибавляя: „прекрасный остатокъ добраго стараго времени“.

XXIV.

— Здравствуйте,—сказала она ему своимъ ровнымъ и низкимъ голосомъ.

Такихъ голосовъ нѣтъ у его пріятельницъ изъ купечества.

Глаза ея тоже улыбнулись.

— Давненько васъ не видно, садитесь.

Они сѣли на два ситцевыхъ кресла; княжна немного наклонила голову и потерла руки — ея обычный жестъ послѣ того, какъ ей пожмешь руку.

— Каюсь,—выговорилъ Палтусовъ полусерьезно.

Онъ любилъ немного пикироваться съ ней въ дружескомъ тонѣ. Темой, въ послѣдній годъ, служили имъ обширныя знакомства его „dans la finance“, какъ выражалась княжна.

— Гдѣ же вы пропадаете?

— Да все дѣлишки. Я вѣдь теперь приказчикъ.

— Приказчикъ? Поздравляю.

— Это васъ огорчаетъ?

— Не очень радуетъ.

— Да почему же, chère cousine,—началъ онъ горячѣе.— Здѣсь, въ Москвѣ, надо дѣлаться купцомъ, строителемъ, банкиромъ, если папенька съ маменькой не припасли ренты.

Княжна вздохнула, повернула голову и взяла съ своего бюро шитье, tapisserie, не оставлявшее ее, когда она бесѣдовала.

— Вы вздохнули?—спросилъ Палтусовъ.

— Не буду съ вами спорить, степенно выговорила она,— у васъ своя теорія.

— Но вы не хотите оглянуться.

Она усмѣхнулась.

— Я ничего не вижу—это правда. Выхожу гулять на бульваръ, и то въ хорошую погоду, въ церковь...

— Вотъ отъ этого!

— Послушайте, André,—она одушевилась,—развѣ въ самомъ дѣлѣ... cette finance... prend le haut du pavé?

— Абсолютно!

— Вы не увлекаетесь?

— Нисколько.

И онъ началъ ей приводить факты... Кто хозяйничаетъ въ городѣ? Кто распоряжается бюджетомъ цѣлаго нѣмецкаго герцогства? Купцы... Они занимаютъ первыя мѣста въ городскомъ представительствѣ. Время прежнихъ Титовъ Титычей кануло. Милліонныя фирмы передаются изъ рода въ родъ. Какое громадное вліяніе въ скоромъ будущемъ! Судьба населенія въ пять, десять, тридцать тысячъ рабочихъ зависитъ отъ одного человѣка. И человѣкъ этотъ—не помѣщикъ, не титулованный баринъ, а коммерціи совѣтникъ или просто купецъ первой гильдіи, креститъ лобъ двумя перстами. А дѣти его проживаютъ въ Ниццѣ, въ Парижѣ, въ Трувиллѣ, кутятъ съ наслѣдными принцами, прикармливаютъ разныхъ упраздненныхъ князьковъ. Жены ихъ все выписываютъ не иначе, какъ отъ Ворта. А дома, обстановка, картины, цѣлые музеи, виллы... Шопенъ и Шуманъ, Чайковскій и Рубинштейнъ,—все это ихъ обыкновенное menu. Тягаться съ ними нѣтъ возможности. Стòитъ побывать хоть на одномъ большомъ купеческомъ балѣ. Дошло до того, что они не только выписываютъ изъ Петербурга хоры музыкантовъ на одинъ вечеръ, но они выписываютъ блестящихъ офицеровъ, гвардейцевъ, кавалеристовъ, чуть не цѣлыми эскадронами, на мазурку и котильонъ. И тѣ ѣдутъ и шляшутъ, и пьютъ шампанское, льющееся въ буфетахъ съ десяти до шести часовъ утра.

Палтусовъ весь раскраснѣлся. Картина увлекла его самого.

— Вотъ какъ!—точно про себя вымолвила княжна.—Говорятъ... Я не отъ васъ перваго слышу... Какая-то здѣсь есть купчиха... Рогожина? Такъ, кажется?..

— Есть. Я бываю у нея.

— Это львица?

— Ея тятенька былъ калачникъ... да, калачникъ... А теперь къ ней всѣ ѣздятъ.

— Кто же всѣ?

— Да всѣ... Дамы изъ вашего же общества. Я въ прошломъ году танцовалъ тамъ съ madame Кузьминой, съ

княжной Пронской, съ madame Ореусъ, съ Кидищевыми... То же общество, что у генералъ-губернатора.

— Est-elle jolie?

— На мой вкусъ—нѣтъ. Умѣла поставить себя... Une dame patronesse.

— Она?

— А какъ бы вы думали?!

Княжна положила работу на колѣни.

— Однако, André,—заговорила она съ усмѣшкой,—всѣ эти ваши коммерсанты только и думаютъ о томъ, какъ бы чинъ получить... или крестикъ... Ихъ мечта... добиться дворянства:.. C'est connu...

— Да! кто потщеславнѣе...

— Ils sont tous comme cela!

— Есть ужъ и такіе, которые стали сознавать свою силу. Я знаю молодыхъ фабрикантовъ, заправляющихъ огромными дѣлами... Они не лѣзутъ въ чиновники... Кончитъ курсъ кандидатомъ... и остается купцомъ, заводчикомъ. Онъ честолюбивъ по-своему.

— А въ концѣ, все-таки... il rêve une décoration!

— Не всѣ! Словомъ,—это сила, и съ ней надо уже считаться.

— И вы хотите поступать къ нимъ... въ...

Слово не сходило съ губъ княжны.

— Въ обученіе,—подсказалъ Палтусовъ и немного покраснѣлъ.—Ничего больше—какъ въ обученіе!.. Надо у нихъ учиться.

— Чему же, André?

— Работѣ, смѣткѣ, кузина, умѣнью производить цѣнности.

— Какой у васъ сталъ языкъ...

— Настоящій!.. Безъ экономическаго вліянія нѣтъ будущности для насъ.

— Для кого?

— Для насъ... Для людей нашего съ вами происхожденія... Если у насъ есть воспитаніе, умъ, раса, наконецъ, надо все это дисконтировать... а не дожидаться сложа руки, чтобы господа коммерсанты съѣли насъ—и съ хвостикомъ.

Лицо княжны стало еще серьезнѣе.

— Il y a du vrai... въ томъ, что вы говорите... Но чья же вина?

— Объ этомъ что же распространяться! Все, что есть

лучшаго изъ мужчинъ, женщинъ... Я говорю о дворянствѣ, о самомъ видномъ, все это принесено въ жертву... Вотъ хоть бы васъ самихъ взять.

— Я очень счастлива, André!..

— Положимъ. Спорить съ вами не стану. Но теперь это къ слову пришлось. Переберите свою семейную хронику... Какая пустая трата силъ, денегъ, земли... всего, всего!..

— Не вездѣ такъ.

— Вездѣ, вездѣ!.. Я стою за породу, если въ ней есть что-нибудь, но негодую за прошлое нашего сословія... Одно спасеніе—учиться у купцовъ и сѣсть на ихъ мѣсто.

XXV.

— Papa!—обернулась княжна къ двери и привстала.

Всталъ съ своего кресла и Палтусовъ.

Въ гостиную вошелъ старичокъ, очень небольшого роста. Его короткія ручки, лысая голова и бритое лицо, при черномъ суконномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, пріятно настраивали. Щеки его съ мороза смотрѣли свѣжо, а глаза мигали и хмурились отъ свѣта лампы.

— Князь, здравствуйте,—сказалъ ему громко Палтусовъ.

Князь былъ туговатъ на одно ухо, почему часто улыбался, когда чего-нибудь не разслышитъ. Онъ пожалъ руку Палтусова и ласково его обглядѣлъ.

Старичку пошелъ семьдесятъ четвертый годъ. Двигался онъ довольно бодро и каждый день, какая бы ни была погода, ходилъ гулять передъ обѣдомъ по Пречистенскому бульвару.

— Bonjour, bonjour,—немного прошамкалъ онъ.

Переднихъ зубовъ онъ давно не досчитывался.

— Какъ погода?—спросила его дочь.

— Прекрасная, прекрасная погода,—повторилъ князь и сѣлъ на качающееся кресло.

— Съ бульвара?—обратился къ нему Палтусовъ.

— Мало гуляетъ въ этотъ часъ, мало,—проговорилъ князь и дѣтски улыбнулся.—Вѣтерокъ есть. Который часъ?

— Пять часовъ, papa,—отвѣтила княжна.

— Да, такъ и должно быть. Вы все ли въ добромъ здоровьѣ?—спросилъ онъ Палтусова.—Давно васъ не было. Лиза, я на полчасика... Газету принесли?

— Да, papa.

— Что есть... въ депешахъ?

— Ничего особеннаго въ политикѣ. Большіе холода въ Парижѣ... бѣдствіе...

— А-а!.. Зима ихъ одолѣла. Хе-хе!.. Скажите...

— Боятся, что ихъ занесетъ снѣгомъ.

— Скажите, пожалуйста!

Старичокъ зѣвнулъ, и его кругленькое, чистое личико совершенно по-дѣтски улыбнулось.

— Поди, papa...

— Я пойду...

Онъ всталъ, сдѣлалъ ножкой Палтусову, подмигнулъ еще и вышелъ скорыми шажками.

Этотъ старичокъ наводитъ на Палтусова родъ усыпленія. Когда онъ говорилъ, у Палтусова пробѣгали мурашки по затылку и по спинѣ. Точно ему кто чешетъ пятки мягкой щеткой.

— Какъ князь свѣжъ,—сказалъ тихо Палтусовъ, когда шаги старика стихли въ залѣ.

— Да, я очень довольна его здоровьемъ... особенно въ эту зиму.

— Ему который?

— Семьдесятъ три.

Палтусовъ помолчалъ.

— Кузина, ваша жизнь вся ушла на мать, на братьевъ, на отца. Ну, а послѣ его кончины?

Она сдѣлала движеніе.

— Но вѣдь это будетъ. Останетесь вы однѣ... Вы еще вонъ какая...

— André, я не люблю этой темы...

— Напрасно-съ... На что же вторая половина жизни пойдетъ? Все abnégation, да recueillement. Вѣдь это все отрицательныя величины, какъ математики называютъ.

— Я не согласна. У меня есть жизнь, вы это знаете. Маленькая по-вашему. По моимъ силамъ и правиламъ, André. Я васъ слушала сейчасъ, до прихода papa, не спорила съ вами. Вы правы... въ фактахъ... Но сами-то вы слѣдите ли за собой? Простите мнѣ cette reprimande, ужъ я старуха... Надо слѣдить за собой, а то легко s'embourber...

— Какія страшныя слова, кузина!

— Мнѣ кажется, это настоящее слово. По-русски вышло бы рѣзче,—прибавила она съ умной усмѣшкой.—Хотите, чтобъ я сказала вамъ мое впечатлѣніе... насчетъ васъ...

— Говорите.

— Вы ужъ не тотъ, что годъ тому назадъ. У васъ были другія... d'autres aspirations... Вы начали смѣяться надъ вашимъ увлеченіемъ, надъ тѣмъ, что вы были въ Сербіи... волонтеромъ, и потомъ въ Болгаріи. Я знаю, что можно смотрѣть на все это не такъ, какъ кричали въ газетахъ... которыя стояли за славянъ. Но я васъ лично беру. Тогда я какъ-то васъ больше понимала. Вы слушали лекціи, хотѣли держать экзаменъ... Я ждала васъ на другой дорогѣ.

— Какой?—почти крикнулъ Палтусовъ и перевернулся въ креслѣ. — Въ ученые я не мѣтилъ, чиновникомъ не хочу быть — и это мнѣ надо поставить въ заслугу. Я изучаю русское общество, кузина, новые его слои... смотрю на себя, какъ на піонера.

— Піонеръ,—повторила княжна и на секунду закрыла глаза.

— Ищу живого и выгоднаго дѣла.

— Выгоднаго, André?

— А то какъ же? Въ этомъ сила—повѣрьте мнѣ. Безъ опоры въ накопленномъ трудѣ ничего нельзя достать.

— Для себя?

— Нѣтъ-съ, не для себя, а для того же общества, для массы, для трудового люда. Я тоже народникъ, я, кузина, чувствую въ себѣ связь и съ мужикомъ, и съ фабричнымъ, и со всякимъ, кто потѣетъ... pardon за это неизящное слово.

— Можетъ-быть... Только вы другой стали, André!.. И въ очень короткое время.

— Не мудрено... Но не говоритъ ли въ васъ задѣтое сословное чувство?

— Вы, сколько я вижу, не стыдитесь вашего происхожденія.

— Расу допускаю. Но особенно не горжусь тѣмъ, что я видѣлъ въ своей фамиліи.

— Зачѣмъ это трогать?

— Это законная жалоба, кузина... Родители передаютъ намъ наслѣдственно не запасы душевнаго здоровья, а часто одно вырожденіе.

— На то есть свобода воли, André!

— Свобода воли! А я вамъ скажу, что если кто изъ насъ въ теченіе десяти лѣтъ не свихнется, онъ долженъ смотрѣть на себя, какъ на героя!

— Все родители виноваты?

— Наполовину—да.

Онъ всталъ, подошелъ къ ней и нагнулъ голову.

— Пора мнѣ. Продолженіе слѣдуетъ.

— Sans rancune, André.

— Еще бы!.. Вы вобрали въ себя всю добродѣтель нашего фобура.

— Не останетесь обѣдать?

— Нѣтъ, не могу. Званъ.

— Dans la finance?

— Къ купчихѣ на сверхъестественную привозную рыбу... barbue. Въ Москвѣ-то!

— Bon appetit!

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

XXVI.

Поздно раскрылъ глаза Палтусовъ. Купеческій обѣдъ съ выписной рыбой „barbue“ затянулся. Было выпито много разныхъ крюшоновъ и ликеровъ. Онъ это не очень любилъ. Но отказываться отъ обѣдовъ, ужиновъ и даже попоекъ ему уже нельзя. Онъ скоро распозналъ, что за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ построже, въ родѣ дома Нѣтовыхъ, все держится „за компанію“, въ широкомъ, московскомъ значеніи этого слова. Безъ пріятелей, питья брудершафтовъ, безъ „голубчика“ и „мамочки“ никогда не войдешь въ нутро колоссальной машины, выкидывающей рубли, акціи, тюки хлопка, штуки „пунцоваго“ товара. Художественныя стороны натуры Палтусова помогали ему... Онъ часто забавлялся про себя. Каждый день заводились у него новыя связи. Ему ничего не стоило, безъ всякаго ущерба своему достоинству, подойти къ тону любого „обывателя“. И никто, какъ думалось ему, не понималъ его. Иной, быть-можетъ, считалъ за пройдоху, за „стрекулиста“; но ни у кого не хватало ума и чутья, чтобы опредѣлить то, что̀ онъ считалъ своимъ „міровоззрѣніемъ“.

Сторы были спущены въ его спальнѣ. Онъ еще жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, но за квартиру далъ задатокъ, переберется въ концѣ января. Ему жаль будетъ этихъ номеровъ. Здѣсь онъ чувствовалъ себя свободно, молодо, точно какой пріѣзжій, успѣшно хлопочущій по отысканію наслѣдства. Номерная жизнь напоминаетъ ему

и военную службу, и время слушанія лекцій, и заграничныя поѣздки.

Номера, гдѣ онъ жилъ, считались дорогими и порядочными. Но нравы въ нихъ держались такіе же, какъ и во всѣхъ прочихъ. Стояли тутъ около него двѣ иностранки, принимавшія гостей... во всякое время. Обѣ нанимали помѣсячно нарядныя квартирки. Жило три помѣщичьихъ семейства, водилась картежная игра, останавливались заграничные нѣмцы, изъ комми-вояжеровъ. Но подъѣздъ и лѣстница, ливрея швейцара и половики держались въ чистотѣ, не пахло кухней, лакеи ходили во фракахъ, сливки къ кофе давали не прокислыя.

Умывшись, Палтусовъ, въ свѣтло-сѣромъ сюртукѣ съ голубымъ кантомъ, перешелъ въ другую комнату, отдѣланную гостиной, и позвонилъ.

Коридорный служилъ ему отлично. Онъ получалъ отъ него по пяти рублей. То-и-дѣло Спиридонъ—такъ звали его—сообщалъ ему разныя новости о квартиранткахъ.

И на этотъ разъ, подавая кофе, онъ со степеннѣйшей миной своего усатаго, сухого лица доложилъ:

— Изъ Петербурга есть пріѣзжій товаръ.

— Какой?

— Француженка.

— Дорого?

— Не объявляла еще.

Палтусовъ подумалъ, по уходѣ Спиридона, о своемъ вчерашнемъ разговорѣ съ княжной Куратовой. Его слегка защемило. Ея гостиная дышала честностью и достоинствомъ не напускнымъ, а настоящимъ. Неужели она вѣрно угадала — и онъ уже подернулся пленкой? А какъ же иначе? Безъ этого нельзя. Но жизнь на его сторонѣ. Тамъ — усыпальница, катакомбы. Но отчего же княжна такъ симпатична? Онъ чувствуетъ въ ней женщину больше, чѣмъ въ своихъ пріятельницахъ „dans la finance“.

Палтусовъ засидѣлся за кофеемъ. Перебралъ онъ въ головѣ всѣхъ женщинъ прошлой зимы и этого сезона. Ни одна не заставила его ни разу забыться, не дрогнулъ въ немъ ни одинъ нервъ. Зато и притворяться онъ не хотѣлъ. Это ниже его. Онъ не Никита Долгушинъ. Но вѣдь онъ молодъ, никогда не тратилъ силъ зря, чувствуетъ онъ въ себѣ и артистическую жилку. Не очень ли ужъ онъ слѣдитъ за собой? Надо же „поиграть“ немного. Долго не выдержишь.

Двѣ женщины смотрѣли на него изъ рамокъ толстаго альбома: Анна Серафимовна... Марья Орестовна. Въ сущности ни та, ни другая—не его типъ. Съ Нѣтовой у него въ послѣднія шесть недѣль гораздо больше пріятельства. Но она собирается за границу. Кажется, ей хотѣлось, чтобъ и онъ поѣхалъ. Съ какой стати? Въ этой женщинѣ есть что-то для него почти противное. Никогда она не вызоветъ въ немъ ни малѣйшихъ желаній. Хоть и надѣваетъ чулки по двадцати рублей пара. Все равно — она поручаетъ ему свои дѣла. Анну Серафимовну онъ не видѣлъ больше мѣсяца. Это — своеобразная фигура! Прекрасно сложена. У ней должна найтись „страсть" и смѣлость. Но такія женщины опасны.

Палтусовъ, одѣваясь, распредѣлялъ обыкновенно свой день. Онъ вспомнилъ про Долгушина, про разговоръ съ генераломъ, разсмѣялся и рѣшилъ, что заѣдетъ къ этому старику, Куломзову.

„Не однихъ купцовъ-милліонщиковъ, и баръ надо знать „поименно",—разсудилъ онъ.

Сани ждали его у подъѣзда.

XXVII.

День держался яркій, съ небольшимъ морозомъ. Ѣзда на улицахъ, по случаю праздника, началась съ ранняго утра. Въ четверть часа докатилъ Палтусовъ до церкви Успенья на Могильцахъ. Въ этомъ приходѣ значился домъ гвардіи корнета Евграфа Павловича Куломзова.

Городового ни въ будкѣ, ни на перекресткѣ не оказалось. Въ мелочной лавочкѣ кучеру Палтусова указали на свѣтло-палевый штукатуренный домъ съ мезониномъ и стеклянной галлереей, выходившей на дворъ.

— Къ которому подъѣзду прикажете?—спросилъ кучеръ у Палтусова.

Ихъ было два.

— Одинъ заколоченъ,—разглядѣлъ Палтусовъ.

Сани подъѣхали къ первому, рядомъ съ воротами.

Долго звонилъ Палтусовъ. Онъ уже заносилъ ногу обратно въ сани, когда дверь съ шумомъ отворилась.

— Евграфъ Павловичъ?—увѣренно спросилъ Палтусовъ у стараго лакея въ картузѣ съ позументомъ.

Тотъ помолчалъ и не сразу впустилъ гостя въ длинный свѣтлый ходъ, весь расписанный фресками. Направо и налѣво стояли вѣшалки.

— Какъ объ васъ доложить?

Палтусовъ далъ карточку. Старикъ пошелъ медленной походкой. Галлерея стояла не топленой. Въ глубинѣ ея, на площадкѣ, куда вели пять ступеней, виднѣлся каминъ съ зеркаломъ и боковая стѣна, расписанная деревьями и цвѣтами.

Пришлось подождать.

— Пожалуйте,—раздался дряблый голосъ старика. — Пожалуйте сюда. Тамъ холодно будетъ раздѣваться.

Онъ взбѣжалъ по ступенькамъ и взялъ вправо. Темная комната, — родъ пріемной, гдѣ онъ со свѣту ничего не разобралъ, — показалась ему, когда онъ скинулъ пальто, немного теплѣе галлереи.

— Наверхъ-съ,—повелъ его слуга,—въ мезонинъ пожалуйте.

Лѣстница съ деревянными перилами, выкрашенными подъ букъ, скрипѣла. По ступенькамъ лежалъ половикъ на мѣдныхъ прутьяхъ. Какъ только началъ Палтусовъ подниматься, сверху раздался сначала жидкій лай двухъ собачекъ, а потомъ глухое рычанье водолаза или датскаго дога.

„Да я въ звѣринецъ попалъ“,—весело думалъ Палтусовъ, идя за слугой.

На площадку свѣтъ выходилъ изъ полуотворенной двери налѣво. Выскочилъ жёлтый, громадный песъ сенъ-бернардской породы, остановился въ дверяхъ и отрывисто залаялъ.

— Не бойтесь,—сказалъ старикъ.—Нерошка, тубо!.. Онъ не кинется.

Жидкій лай продолжался, но въ комнатѣ.

— Пожалуйте-съ.

Палтусовъ попалъ въ высокую комнату, свѣтло-зеленую, окнами на улицу. Одну стѣну занимала большая клѣтка, раздѣленная на отдѣленія. Въ одномъ прыгали двѣ крохотныя обезьянки, въ другомъ щелкала бѣлка, въ просторной половинѣ скакали разноцвѣтныя птички. Онъ сейчасъ же замѣтилъ зеленыхъ попугайчиковъ съ красными головками.

Къ нему подбѣжали двѣ собачки, кингъ-чарльсъ, глазастыя, обросшія, черныя съ желтыми подпалинами, рѣдкой красоты. Пальцы лапъ у нихъ тоже обросли, точно у голубей. Бѣгали онѣ, виляя задомъ и топчась на мѣстѣ. Лаять и та и другая перестали и замахали хвостомъ.

Въ лѣвомъ углу, въ ярко-отчищенной круглой клѣткѣ сидѣлъ бѣлый какаду и покачивался.

„Звѣринецъ и есть“, подтвердилъ Палтусовъ и бросилъ взглядъ на остальное убранство комнаты. Мебель вся была соломенная, узорчатая. Стоялъ еще акварій. Цвѣты и горшки съ растеніями придавали ей оживленіе. Свѣтъ игралъ на всевозможныхъ оттѣнкахъ зеленой краски.

Когда Палтусовъ вошелъ — все немного притихло. Потомъ опять защелкало, запрыгало и защебетало. Съ лѣвой стѣны отъ входа торчали оленьи рога и надъ шкапомъ съ чучелами выглядывала голова скелета какой-то большой птицы.

Эта гостиная заинтересовала его. Онъ съ любопытствомъ ждалъ выхода хозяина изъ узенькой двери, оклеенной также обоями, еле замѣтной между двумя горшками растеній. Собаки обнюхивали гостя. Сенъ-бернаръ поглядѣлъ на него грустными и простоватыми глазами и легъ подъ тростниковый столъ, на шкуру бѣлаго медвѣдя.

„Гдѣ же драгоцѣнности? — спросилъ себя Палтусовъ, вспомнивъ хриплую болтовню Долгушина.—Все-то вралъ курьезный дяденька, все-то вралъ“.

Дверка скрипнула. Палтусовъ выпрямился. Какаду крикнулъ. Собачки побѣжали къ хозяину.

XXVIII.

Къ Палтусову вышелъ скорыми шажками сухой старикъ въ туфляхъ и короткомъ свѣтломъ шлафрокѣ, выше средняго роста, бритый. Острый носъ и узкій овалъ лица моложавили его. Круглая голова блестѣла отъ припомаженнаго, рыжеватаго паричка съ хохломъ, какіе носили въ тридцатыхъ годахъ. Подъ носомъ торчали усы точно два кусочка подстриженной и подкрашенной шерсти. Щеки сохранили неестественный румянецъ. Во всей наружности и въ домашнемъ туалетѣ хозяина проглядывала старомодная франтоватость холостяка. Палтусовъ успѣлъ разглядѣть, что онъ притираетъ щеки. Когда хозяинъ раскрылъ свой морщинистый ротъ съ блѣдными и тонкими губами, двѣ новыхъ челюсти такъ и заблистали. Держался онъ, слегка нагнувшись впередъ.

— Чѣмъ могу быть къ услугамъ вашимъ?— встрѣтилъ онъ гостя и, протягивая руки, любезно указалъ на одно изъ соломенныхъ креселъ.

Палтусовъ сѣлъ.

Хозяинъ вертѣлъ въ рукѣ его карточку.

— Палтусовъ, Андрей Дмитріевичъ,—твердо выговорилъ онъ.—Фамилія мнѣ очень знакома. Я служилъ въ колонновожатыхъ... съ однимъ Палтусовымъ... имя, отчество позабылъ.

— Это былъ, вѣроятно, Ѳедоръ Ильичъ, братъ отца, мой родной дядя.

— Весьма пріятно... Фамилія извѣстна... чѣмъ могу?..— спросилъ опять хозяинъ и пристально поглядѣлъ на гостя.

— Евграфъ Павловичъ,—началъ Палтусовъ,— вы извините, если я скажу вамъ сразу, что мой визитъ кажется мнѣ самому... курьезнымъ...

— Какъ это? Не совсѣмъ понимаю, молодой человѣкъ.

Собачки влѣзли старику на колѣни, большой песъ легъ у ногъ.

— Видите ли, я взялся исполнить порученіе... одного вашего родственника. А мнѣ не хотѣлось бы безпокоить васъ. Я очень радъ съ вами познакомиться... Мнѣ такъ много говорили про васъ и вашъ домъ. Старая Москва уходитъ, надо пользоваться...

Куломзовъ усмѣхнулся.

— Вы опоздали,—сказалъ онъ,— у меня дѣйствительно были разныя вещи... картины, бронза... фарфоръ... Сорокъ лѣтъ собиралъ... для себя; но теперь ничего нѣтъ.

— Продали?

— Нѣтъ, Боже избави... Но здѣсь не держу. Въ деревню перевезъ все до послѣдней вазочки и заколотилъ низъ... Не топлю. И мебели тамъ нѣтъ никакой.

— Живете въ мезонинѣ?

— Въ трехъ комнатахъ. Вотъ это моя менажерія, люблю птицъ и всякихъ звѣрей... Тамъ мой кабинетъ. Половину книгъ оставилъ. Спальня... ванная... и все. Кухни не держу. Иногда въ клубѣ... рѣдко... а то гдѣ придется... въ кабачкѣ... въ Эрмитажѣ... въ Англіи у Дюссо.

„Книжки читаетъ“,—отмѣчалъ про себя Палтусовъ.

— И круглый годъ въ Москвѣ?

— Въ деревню не ѣзжу... Что тамъ дѣлать?.. Съ мужичками не спорю... вездѣ сдалъ землю... Имъ хорошо. За границу ѣзжалъ... еще не такъ давно. Я вамъ, молодой человѣкъ, не предлагаю курить... самъ не курю...

— Я не такой страстный курильщикъ.

— Такъ вы изволили упомянуть о родственникахъ моихъ. Кто это, любопытно? У меня нѣтъ никого.

„Каковъ генералъ!"—подумалъ Палтусовъ.

— Вотъ видите, Евграфъ Павловичъ, какъ я попался. А меня увѣрялъ Валентинъ Валентиновичъ Долгушинъ...

— А! вотъ что! Валентинъ! Понимаю...

И онъ улыбнулся.

— Вы его знаете?

— Какъ не знать!.. Онъ выдаетъ свою жену за мою прямую наслѣдницу. Весьма сожалѣю, молодой человѣкъ, что вы вдались въ этотъ... обманъ... Не занималъ ли онъ у васъ?

— Богъ миловалъ!

Они оба разсмѣялись.

— Именно... У меня была тутъ цѣлая исторія. Это—отпѣтый человѣкъ. И такими-то теперь полна Москва. Прожились, изолгались, того гляди, очутятся въ этихъ... какъ ихъ теперь называютъ?

— Въ червонныхъ валетахъ,—подсказалъ Палтусовъ.

— Такъ, такъ... въ червонныхъ валетахъ... Вы понимаете... съ вами можно говорить... Ну, куда, ну, куда?—прикрикнулъ старикъ на одну изъ собачекъ, которая лѣзла къ нему на грудь и хотѣла лизнуть его прямо въ лицо.—Тутъ, Жолька, лежи... Вотъ,—обратился онъ къ гостю,—какая ласковая у меня собачурка. Изъ Испаніи самъ вывезъ, здѣсь нѣтъ такой чистой породы. Съ собаками и умирать буду. Былъ такой нѣмецкій философъ... какъ бишь его?.. вы должны знать... на фамиліи плохъ сталъ... Я французскія извлеченія читалъ изъ его мыслей... Онъ смотрѣлъ на жизнь здраво. Съ нами вѣдь природа шутки шутитъ. Мы своей воли не имѣемъ... бьемся, любимъ... любовь къ женщинѣ... это природа приказываетъ... воля... la volonté... Онъ это по-своему объясняетъ...

— Не Шопенгауэръ ли?—спросилъ Палтусовъ.

— Именно! Онъ, онъ! И біографія его. Вотъ какъ я же... холостякомъ жилъ... У меня и книжки есть... хотите взглянуть?.. Вотъ онъ и сказалъ, что умирать надо съ собаками. Я вамъ покажу... Не хотите ли перейти въ кабинетъ?.. Здѣсь свѣжо...

Онъ всталъ, спустилъ на полъ собачекъ и растворилъ дверку, приглашая рукой гостя.

XXIX.

Вторая комната, такихъ же размѣровъ, съ бѣлыми обоями, заставленная двумя шкапами краснаго дерева и

стариннымъ бюро, съ металлическими инкрустаціями, смотрѣла гораздо скучнѣе. Направо, на каминѣ, часы и канделябры желтой мѣди сейчасъ же бросились въ глаза Палтусову своей изящной работой. Кромѣ нѣсколькихъ стульевъ и креселъ и двухъ гравюръ въ деревянныхъ рамахъ, въ кабинетѣ ничего не было.

— Вотъ въ этой книжкѣ...

Хозяинъ отыскалъ на бюро томъ въ желтой оберткѣ и подалъ Палтусову.

— Статья о Шопенгауэрѣ...

— Да, умный нѣмецъ... И своихъ колбасниковъ честилъ... Писать не умѣютъ... говорилъ. Это совершенно вѣрно, глаголъ подъ конецъ страницы. Есть ли смыслъ человѣческій?.. Что жъ вы не сядете, чѣмъ могу?

„Память-то отшибло у него“,—подумалъ Палтусовъ и поглядѣлъ еще разъ на часть стѣны, ничѣмъ не занятую. Его зоркій глазъ отличилъ отъ обоевъ закрашенную полосу, дырочку для ключа и темныя полоски съ трехъ сторонъ. Это былъ вдѣланный въ стѣну несгораемый шкапъ. Онъ отвелъ глаза, чтобы старикъ не замѣтилъ.

— Я не стану васъ безпокоить,—заговорилъ онъ весело и почтительно.—На генерала Долгушина я смотрю, какъ онъ этого заслуживаетъ. Но онъ мой родственникъ. Очень ужъ присталъ ко мнѣ... и все обижается, когда ему скажешь, что лучше бы онъ выпросилъ себѣ мѣсто акцизнаго надзирателя на табачной фабрикѣ.

— Что̀, что̀ такое? Надзирателя? Онъ и на это не способенъ.

— Ваша правда!

Они опять посмѣялись. Старику нравился гость.

„А вѣдь ты ростовщикъ?“—вдругъ спросилъ про себя Палтусовъ и поглядѣлъ попристальнѣе на ротъ и зеленоватые тусклые глаза гвардіи корнета.

„Ростовщикъ на десятки тысячъ“,—прибавилъ онъ.

Знакомству съ нимъ онъ порадовался на всякій случай.

— Никакихъ у меня наслѣдниковъ здѣсь нѣтъ,—началъ Куломзовъ.—Очень пріятно было познакомиться. Молодыхъ людей... какъ вы... люблю... Но генералъ напрасно безпокоится. Впрочемъ—бѣдность не свой братъ.

Онъ вздохнулъ.

— Жаль не его,—сказалъ Палтусовъ,—жена безъ ногъ, въ параличѣ... старуху-тещу онъ обобралъ... дочь—милая... дѣвица.

— Чего жалѣть? Сами виноваты... У меня здѣсь есть не мало старухъ... моихъ невѣстъ... хе-хе! охаютъ, жалуются... клянутъ теперешнее время... Дуры вы,—я имъ говорю, когда къ нимъ заѣду,—вы—дуры, а время хорошее... Земля та же, ее не отняли. До эмансипаціи,—онъ произносилъ это слово въ носъ,—десятина въ моихъ мѣстахъ пятьдесятъ рублей была, а теперь она сто и сто десять. Аренда—вдвое выше... Я ничего не потерялъ! Ни одного вершка. А доходы больше. Хозяйство я бросилъ... Зато рента стала вдвое, втрое. И кто же виноватъ? Скажите на милость. Транжирятъ-транжирятъ... и все на вздоръ. Жалости подобно. Только я не жалѣю никого... Не стоитъ, молодой человѣкъ, не стоитъ. Чего же удивляться, что дворянство теперь—нуль... такъ что-то... неодушевленное... ха-ха! Вотъ мретъ много народу. Это производитъ эффектъ... Ѣдешь такъ по Поварской, по бульвару... Тутъ въ этомъ домѣ всѣ вымерли, въ другомъ, въ третьемъ... Цѣлые переулки есть выморочные. Никого изъ моихъ-то сверстниковъ. Тоскливо бываетъ... хоть и знаешь, что пора ложиться... туда... А все непріятно... Только этого и жаль. А что всѣ прожились... и пускай! Не то что въ надзиратели, будутъ и въ городовыхъ, въ извозчикахъ, въ трубочистахъ, а то въ жуликахъ... въ этихъ... валетахъ... Хе-хе!..

Онъ долго смѣялся. Пора было Палтусову и откланяться.

— Жалѣю,—сказалъ онъ, поднимаясь,—что не могъ полюбоваться вашими коллекціями.

— Забито... въ ящикахъ... И деревеньку выбралъ глухую. Воровство большое. И отъ жидковъ отбою не было... все это они знаютъ, и точно въ лавочку какую бѣгали. Очень радъ... Съ племянникомъ сослуживца... Я всегда по утрамъ... милости прошу...

Собачки и желтый песъ проводили Палтусова до лѣстницы.

„Что же это,—кольнуло его,—а за Тасю-то бѣдную хоть бы слово сказалъ потеплѣе. Ну, да все равно ничего бы не далъ. А если онъ вретъ и генеральша—наслѣдница, нечего безпокоиться".

Въ теченіе зимы онъ завернулъ еще къ этому подрумяненному читателю Шопенгауэра.

„Шопенгауэръ куда залетѣлъ! Москва! Другой нѣтъ!"

Палтусовъ былъ доволенъ этимъ визитомъ, хотя и называлъ его „отмѣнно глупымъ".

Слугѣ въ галунномъ картузѣ онъ далъ почему-то рубль.

XXX.

Завтракать заѣхалъ Палтусовъ къ Тѣстову; ѣсть ему все еще не хотѣлось со вчерашней ѣды и питья. Онъ наскоро закусилъ. Сходя съ крыльца, онъ прищурился на свѣтъ и хотѣлъ уже садиться въ сани.

— Куда вы?—крикнули ему сзади.

— Пирожковъ!

Иванъ Алексѣевичъ, въ неизмѣнной высокой шляпѣ и аккуратно застегнутомъ мерлушковомъ пальто, улыбался во весь ротъ. Очки его блестѣли на солнцѣ. Мягкія, бѣлыя щеки розовѣли отъ пріятнаго морозца.

— Со мной! не пущу,—заговорилъ онъ, и взялъ Палтусова по привычкѣ за пуговицу.

— Куда?

— Несчастный! Какъ куда? Да какой сегодня день?

— Не знаю право,—заторопился Палтусовъ, обрадованный, впрочемъ, этой встрѣчей.

— Хорошъ любитель просвѣщенія. Татьянинъ день, батюшка! Двѣнадцатое!

— Совсѣмъ забылъ.

Палтусовъ даже смутился.

— Вотъ оно что значитъ съ коммерсантами-то пребывать. Университетскую угодницу забылъ.

— Забылъ!..

— Ну, ничего, во̀-время захватимъ. Ѣдемъ на Моховую. Мы какъ разъ попадемъ къ началу акта, и мѣсто получше займемъ. А то эта зала предательская—ничего не слышно.

— Какъ же это?

Палтусовъ наморщилъ лобъ. Ему надо было побывать въ двухъ мѣстахъ. Ну да для университетскаго праздника можно ихъ и по̀-боку.

— Везите меня, нечего тутъ. Дѣло мытаря надо сегодня бросить.

Съ этими словами Пирожковъ садился первый въ сани.

Они поѣхали въ университетъ. Дорогой перемолвились о Долгушиныхъ, о Тасѣ, пожалѣли ее, рѣшили, что надо ее познакомить съ Грушевой и слѣдить за тѣмъ, какъ пойдетъ ученье.

— Баба-ёра,—сказалъ весело Пирожковъ.—Въ ней всѣ семь смертныхъ грѣховъ сидятъ.

Разсказалъ ему Палтусовъ о порученіи генерала. Они много смѣялись и съ хохотомъ въѣхали во дворъ стараго университета. Палтусовъ оглянулъ рядъ экипажей, карету архіерея съ форейторомъ въ мѣховой шапкѣ и синемъ кафтанѣ, и ему стало жаль своего ученья, цѣлыхъ трехъ лѣтъ хожденія на лекціи. И онъ могъ бы быть теперь кандидатомъ. Пошелъ бы по другой дорогѣ, стремился бы не къ тому, къ чему его влекутъ теперь „Китай-городъ" и его обыватели.

— Alma mater!—шутливо сказалъ Пирожковъ, слѣзая съ саней, но въ голосѣ его какая-то нота дрогнула.

— Здравствуй, Леонтій,—поздоровался Палтусовъ со сторожемъ въ темномъ проходѣ, гдѣ ихъ шаги зазвенѣли по чугуннымъ плитамъ.

Пальто свое они оставили не тутъ, а наверху, гдѣ въ передней толпился уже народъ. Палтусовъ поздоровался и со швейцаромъ, сухимъ старикомъ, неизмѣннымъ и подъ парадной перевязью на синей ливреѣ. И швейцаръ тронулъ его. Онъ никогда не чувствовалъ себя, какъ въ этотъ разъ, въ стѣнахъ университета. Въ первой залѣ— они прошли чрезъ библіотеку—лежали шинели званыхъ гостей. Мимо проходили синіе мундиры, генеральскіе лампасы мелькали вперемежку съ бѣлыми рейтузами штатскихъ генераловъ. Въ амбразурѣ окна приземистый господинъ, съ длинными волосами, весь ушедшій въ шитый воротникъ, съ Владиміромъ на шеѣ, громко спорилъ съ худымъ, испитымъ юношей во фракѣ. Старое бритое лицо „суба" показалось изъ дверей; и оно напомнило Палтусову разныя сцены въ аудиторіяхъ, сходки, волненія.

Пирожковъ шелъ съ нимъ подъ руку и то и дѣло расклanивался. Они провели какихъ-то пріѣзжихъ дамъ и съ трудомъ протискали ихъ къ кресламъ. Полукруглая колоннада вся усыпана была головами студентовъ. Сквозь зелень блестѣли золотыя цифры и слова на темномъ бархатѣ. Было много дамъ. На всѣхъ лицахъ Палтусовъ читалъ то особенное выраженіе домашняго праздника, не шумно-веселаго, но чистаго, такого, безъ котораго тяжело было бы дышать въ этой Москвѣ. Шептали тамъ и сямъ, что отчетъ будетъ читать самъ ректоръ, что онъ скажетъ въ началѣ и въ концѣ то, чего всѣ ждали. Будутъ рукоплесканія... Пора, молъ, давно пора университету заявить свои права...

Пропѣли гимнъ. Началось чтеніе какой-то профессор-

ской рѣчи. Ее плохо было слышно, да и мало интересовались ею... Но вотъ и отчетъ... Все смолкло... Слабый голосъ разлетается въ залѣ; но ни одно „хорошее“ слово не пропало даромъ... Ихъ подхватывали рукоплесканія. Палтусовъ переглянулся съ Пирожковымъ, и оба они бьютъ въ ладоши, подняли руки, кричатъ... Обоимъ было ужасно весело. Кругомъ Палтусовъ не видитъ знакомыхъ лицъ между студентами; но онъ сливается съ ними... Ему очень хорошо!.. Забылъ онъ про банки, конторы, Никольскую, амбары, своего патрона, своихъ купчихъ.

Вонъ сидитъ Нѣтова. И рядомъ хмурое лицо ея мужа. Онъ не подойдетъ къ нимъ. Онъ отъ нихъ за тысячи верстъ. Здѣсь чувствуетъ онъ, какъ ему съ ними тошно... Иванъ Алексѣевичъ подзадориваетъ его своей усмѣшкой, умными глазами, своимъ брюшкомъ; въ немъ есть что-то тонкое, культурное, доброе, чуждое всякихъ гешефтовъ.

„Гешефтъ“—слово пронизало мозгъ Палтусова.

Опять рукоплещутъ. Еще сильнѣе. Онъ не слыхалъ за что, да развѣ это не все равно!

Всѣ смѣшались. Глаза у всѣхъ блестятъ. Онъ пожимаетъ руку постороннимъ.

— Ловко! Молодецъ!—кричатъ кругомъ его студенты.

Лица дѣвушекъ—есть совсѣмъ юныя—рдѣютъ... И онѣ стоятъ за дорогія вольности университета. И онѣ знаютъ, кто врагъ и кто другъ этихъ старыхъ, честныхъ и выносливыхъ стѣнъ, гдѣ учатъ одной только правдѣ, гдѣ знаютъ заботу, но не о хлѣбѣ единомъ.

— Куда вы?—спросилъ Пирожкова какой-то рыжій парень въ большихъ сапогахъ.—Неужто въ Благородку? Валите съ нами.

— Въ „Эрмитажъ“?

— Да.

— Ѣдемъ!—подмигнулъ Палтусову Пирожковъ.—Вѣдь ужъ сегодня путь одинъ—изъ „Эрмитажа“ въ „Стрѣльну“.

Палтусовъ кивнулъ головой и молодо такъ оглянулъ еще разъ туго пустѣющую залу, каѳедру, портреты и золотыя цифры на темномъ бархатѣ.

XXXI.

Извозчичья пара, взятая у купеческаго клуба, лихо летѣла къ Тріумфальнымъ воротамъ. Сани съ красной обивкой такъ и ныряли въ ухабы Тверской-Ямской. Мелкій снѣжокъ заволакивалъ свѣтъ поднимающейся луны. Пал-

тусовъ и Пирожковъ, прихвативъ съ собой знакомаго учителя словесности изъ малороссовъ, ѣхали въ „Стрѣльну". У нихъ стоялъ еще въ ушахъ звонъ, гамъ и ревъ отъ обѣда въ „Эрмитажѣ". Они попали въ самую молодую компанію. На двѣ трети были студенты. Чуть не съ супа начались рѣчи, тосты, пожеланія. И безъ шампанскаго чокались и пили „здравицы" чѣмъ попало: краснымъ виномъ, хересомъ, а потомъ и пивомъ. „Gaudeamus" только въ началѣ пѣлась въ унисонъ. Перешли къ русскимъ пѣснямъ. Тутъ уже все смѣшалось, повскакало съ мѣстъ. Нельзя уже было ничего разобрать. Пошла депутація въ сосѣднюю комнату, гдѣ обѣдало нѣсколько профессоровъ. Привели двоихъ — одного бѣлокураго, въ очкахъ, худощаваго, другого—брюнета, очень еще молодого, но непомѣрно толстаго. Обоихъ стали качать съ азартомъ, подбрасывая ихъ на воздухъ. Толстякъ хохоталъ, взвизгивалъ, поднимался надъ головами точно перина и просилъ пощады. Товарищъ его выносилъ качаніе стоически. И Палтусовъ съ Пирожковымъ принимали участіе въ этомъ варварскомъ, но веселомъ чествованіи. До трехъ разъ принимались качать. Притащили еще двухъ профессоровъ, просили ихъ сказать нѣсколько словъ, ставили имъ вопросы, цѣловались, говорили имъ „ты", изливались, жаловались. Становилось тяжко. Въ коридорѣ вышелъ крупный споръ съ прислугой. Пора было и на воздухъ.

— Какъ вы, господа?—спрашиваетъ ихъ учитель, когда они выѣхали на шоссе.—Очень шумитъ въ головѣ?

— У меня нѣтъ... даже досадно,—откликнулся Палтусовъ.

— Наверстаемъ въ „Стрѣльнѣ",—сказалъ Пирожковъ.— Тамъ полутрезвымъ оставаться нельзя, противно традиціи.

— Restauratio est mater studiosorum!—разсмѣялся учитель. Его маленькіе хохлацкіе глаза искрились и слезились противъ вѣтра.—Автомедонъ, пошелъ!—крикнулъ онъ извозчику.—Pereat классическій обскурантизмъ!

— Браво, филологъ!—откликнулся Палтусовъ.

Въ головѣ его дѣйствительно не очень еще сильно шумѣло; хоть за обѣдомъ онъ пилъ брудершафтъ съ цѣлымъ десяткомъ неизвѣстныхъ ему юношей. Одинъ отвелъ его въ уголъ, за колонну—обѣдали въ новой бѣлой залѣ—и спросилъ его:

— Совѣсть не потерялъ еще? Въ принципъ вѣришь?

Это была фраза опьянѣвшаго студента; но Палтусова

она задѣла; онъ началъ увѣрять студента, что для него выше всего связь съ университетомъ, что онъ никогда не забудетъ этой связи, что судить можно человѣка по результатамъ, а время подлое—надо заручиться силой.

— Подлое время! Это ты правильно!—прокричалъ студентъ, и глаза его сразу посоловѣли. Онъ навалился обѣими руками на плечи Палтусова и вдругъ крикнулъ:— А ты кто такой, могу ли я съ тобой разговаривать? Или ты соглядатай?

Его пришлось отвести освѣжиться. Но это пьяное a parte всю дорогу щекотало Палтусова. Есть, видно, въ молодой честности что-то такое, отчего мурашки пробѣгаютъ и вспыхиваютъ щеки, даже и тогда, когда много выпито, точно отъ внезапнаго „memento mori“.

Пара неслась. Становилось все ярче. Мелькали, всѣ въ инеѣ, деревья шоссе. Вотъ и „Яръ“, весь освѣщенный, съ своей бесѣдкой и террасой, укутанными въ снѣгъ.

— Хочется напиться... до зеленаго змія!—крикнулъ учитель.

— Тамъ отъ одного воздуха опьянѣешь!—подхватилъ Пирожковъ.

Захотѣлось напиться и Палтусову; за обѣдомъ это ему не удалось. Но не затѣмъ ли, чтобъ не шевелить въ душѣ никакихъ лишнихъ вопросовъ? Когда хмель вступитъ въ свои права, легко и сладко со всѣми цѣловаться, и съ чистымъ юношей, и съ пройдохой-адвокатомъ, и съ ожирѣлымъ клубнымъ игрокомъ, съ кѣмъ хочешь! Не разбираешь: кто былъ студентомъ, кто нѣтъ.

Извозчикъ ухнулъ. Сани влетѣли на дворъ „Стрѣльны“, а за ними еще двѣ тройки. Вылѣзали всѣ шумно, переговаривались съ извозчиками, давали имъ на чай. Кого-то вели... Двое лепетали какую-то шансонетку. Сѣни приняли ихъ точно передбанникъ... Не хватало номеровъ вѣшать платье. Изъ залы и коридора лился цѣлый каскадъ хаотическихъ звуковъ: говоръ, пѣніе, бряцанье гитары, смѣхъ, чмоканье, гулъ, визгъ женскихъ голосовъ.

— Татьянушка! Выноси, святая угодница!—гаркнулъ кто-то въ дверяхъ.

XXXII.

Учителя словесности сейчасъ же подхватили двое пирующихъ и увлекли въ коридоръ, въ отдѣльный кабинетъ. Палтусовъ и Пирожковъ вошли въ общую залу. По ней

плавали волны табаку и пряныхъ спиртныхъ испареній жжонки. Этотъ ароматъ покрывалъ собою всѣ остальные запахи. Лица, фигуры, туалеты, мужскія бороды, платья арфистокъ — все сливалось въ дымчатую, угарную, колышущуюся массу. За всѣми столиками пили; посрединѣ коренастый господинъ съ калмыцкимъ лицомъ, въ разстегнутомъ жилетѣ и во фракѣ, плясалъ; нѣсколько человѣкъ, взявшись за руки, ходили, пошатываясь, обнимались и чмокали другъ друга. Красивый и точно восковой брюнетъ сидѣлъ съ арфисткой въ пестрой юбкѣ и шитой рубашкѣ, жалъ ей руки и тоже лѣзъ цѣловаться.

— А!.. ·Quelle chance!.. — встрѣтилъ Палтусова около двери въ боковую комнату братъ Марьи Орестовны, Nicolas Леденьщиковъ, во фракѣ и *бѣломъ* жилетѣ, по новой модѣ, и съ какой-то нерусской орденской ленточкой въ петлицѣ.

Палтусову очень не по вкусу пришлась эта встрѣча. Леденьщиковъ былъ навеселѣ, закатывалъ глаза, подгибалъ колѣни и съ пренебрежительной усмѣшкой оглядывалъ залу.

— Одинъ?—спросилъ его Палтусовъ и шепнулъ Пирожкову:—Уведите меня.

— Non, мы здѣсь... у цыганъ... Allons... Я васъ представлю... Здѣсь кабакъ...

— А вы бывшій студентъ?—съ своей характеристической улыбочкой освѣдомился Пирожковъ.

— Какой вопросъ!—обидѣлся Леденьщиковъ и оглядѣлъ Пирожкова.

— Знаете что,—сказалъ ему Палтусовъ,—вы ужъ ваши онёры на нынче оставьте.

— Comment l'entendez-vous...

— Да такъ. Сегодня надо быть студентомъ... или не быть здѣсь... Васъ ждутъ... Идите къ вашей компаніи... Меня тоже ждутъ.

Леденьщиковъ хотѣлъ что-то сказать и круто повернулся. Палтусовъ убѣжалъ отъ него, увлекая за собой Пирожкова.

— Тоже студентъ!—горячился Палтусовъ. Онъ зналъ, что Nicolas кончилъ курсъ. — И этакихъ здѣсь десятки, если не сотни.

— И я этому радуюсь,—замѣтилъ Пирожковъ. — Вотъ видите: большая борода... въ сюртукѣ по залѣ похаживаетъ... бакалейщикъ, а на магистра исторіи держалъ.

Вотъ у насъ какъ!.. Пускай черносливъ продаетъ, а онъ все-таки нашъ.

Гдѣ-то запѣли „Стрѣлочка“.

— Уйдемъ отсюда,—потащилъ Пирожковъ Палтусова,— этой пошлости я не выношу.

Они искали знакомыхъ. Но никого не попадалось. А пить надо! Безъ питья слишкомъ трудно было бы оставаться.

— Господа! Vivat academia! Позвольте предложить...

Ихъ остановилъ у выхода въ коридоръ совсѣмъ не „академическаго“ вида мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, сѣдой, стриженый, съ плохо бритыми щеками, въ вицмундирѣ, смахивающій на приказнаго старыхъ временъ. Онъ держалъ въ рукѣ стаканъ вина и совалъ его въ руки Палтусова.

Тотъ переглянулся съ Пирожковымъ.

— Отъ студента студенту,—пьянѣющимъ, но еще довольно твердымъ голосомъ говорилъ онъ, немного покачиваясь.

„Вы бывшій студентъ?“—хотѣли его спросить оба пріятеля.

— Сядемъ, выпьемъ съ нимъ, не все ли равно...—шепнулъ Палтусовъ Пирожкову.

— Вы одни?—спросилъ Пирожковъ.

— Не вижу однокурсниковъ... Старъ... и къ обѣду опоздалъ... Пріѣзжій я... вотъ сюда, къ столику... еще стаканчикъ...

— Нѣтъ, не то!—скомандовалъ Палтусовъ.—Вы съ нами жжонки... вонъ тамъ... займемъ уголъ...

Съ любопытствомъ осматривали они своего новаго товарища. Не все ли равно съ кѣмъ побрататься въ этотъ день?.. Онъ говоритъ, что учился тамъ же, и довольно этого.

— Юристъ?—спросилъ его Палтусовъ, когда жжонка была разлита.

— Всеконечно! Въ управѣ благочинія служилъ. За симъ въ губерніи погрязъ... въ полиціи... въ казенной палатѣ... бываетъ и хуже.

— А теперь?

Пирожковъ прислушивался и попивалъ.

— А теперь? При мировомъ съѣздѣ приставъ... И то слава Тебѣ, Господи... Не о томъ мечталъ... когда бралъ билетъ у Никиты Иваныча.

— Помнишь! — вскричалъ Палтусовъ и перешелъ съ нимъ на „ты“.

„Приказный“, такъ они опредѣлили его, сладко закрылъ глаза, выпилъ цѣлый стаканъ и откинулъ голову.

XXXIII.

— Какъ же не помнить!—воскликнулъ приставъ, поднялъ стаканъ и расплескалъ жжонку.—Пять съ крестомъ получилъ. Кануло,—въ голосѣ его заслышались слезы, — кануло времечко... Поминаютъ ли его добромъ?.. Поди, небось... ругаютъ... теперешніе... вонъ что тамъ съ арфянками... маменькины сынки?.. А я сёмаръ!

— Ты сёмаръ?—переспросилъ его Палтусовъ.

Пирожковъ слушалъ и улыбался. Приказнаго онъ считалъ находкой для дня св. Татьяны.

— Сёмаръ... Изъ вологодской семинаріи. По двадцать третьему году поступилъ. И только у Никиты Иваныча и почувствовалъ, что̀ такое есть право.

Онъ говорилъ съ сѣвернымъ акцентомъ.

— Justitia,—подсказалъ Палтусовъ.

— А ты послушай... Я тебѣ представлю. Точно живой онъ передо мною сидитъ. Влѣзетъ на каѳедру... знаете... тово немножко... Табачку нюхнулъ, хе-хе! Помните хеханье-то? „Господа, — онъ сильнѣе сталъ упирать на „о“, — сегодняшнюю лексію мы посвятимъ сервитутамъ. А? хе-хе! Великолѣпнѣйшій институтъ!“

— Очень похоже!—крикнулъ Палтусовъ и ударилъ пристава по плечу.

— Похоже? Знаю, что похоже. Я тамъ въ губерніи сколько разъ воспроизводилъ... Великолѣпнѣйшій институтъ. Разные сервитуты были... Servitus ligni immittendi. А? Сосѣда бревномъ въ бокъ, дымку ему пустить. А?.. Дымку! Стѣна смежная, хе-хе-хе! Servitus balnearii habendi, съ вѣничкомъ къ сосѣду сходить, съ вѣничкомъ... Servitus luminis, servitus prospectus, свѣтъ, солнце... для всѣхъ... А? Я—римлянинъ, я—свободнѣйшій гражданинъ! Не смѣешь отнимать у меня видъ... моремъ хочу любоваться, закатомъ! А? А русскій человѣкъ маленькій, убитый человѣкъ... Не знаетъ сервитутовъ... Иду на Москву-рѣку. А? Хочу любоваться видомъ Кремля, хе-хе... Нельзя... мѣшаетъ домъ... домъ мѣшаетъ... Вывелъ откупщикъ... хе-хе... Eques!.. всадникъ!.. И не могу... потому что я— русскій человѣкъ... Скудный... захудалый человѣкъ!..

— Ха-ха!—дружно расхохотались оба пріятеля.

Они придвинулись къ приставу. Палтусову сдѣлалось необычайно весело... Онъ и самъ сознавалъ, что въ лекціяхъ того чудака, котораго представлялъ теперь передъ нимъ приставъ, била творческая, живая струя.

Точно въ отвѣтъ на эти мысли, приставъ вскричалъ:

— Понималъ ли ты, какой онъ есть артистъ? Высокаго таланта! А я понималъ. Маменькины сынки, въ узкихъ брючкахъ, только пошлые анекдотики разсказывали, да по-ослиному гоготали, да хныкали по гостинымъ... Двойку мнѣ закатилъ!.. Семинаристъ проклятый!.. Кто зналъ, у кого въ мозгу не простокваша была, тому не ставилъ... Ну, „ты“ говорилъ на экзаменахъ. Экая важность! Армяшка одинъ, восточный скудоумный человѣкъ, разъ началъ на него орать: „не смѣешь мнѣ говорить ты! Не смѣешь!“ Онъ потомъ надъ собой подтруниваетъ: „обругалъ, говоритъ, меня восточный человѣкъ. Не тѣ времена... Ругательски обругалъ... И армяне тоже въ исторіи записаны... Римлянъ въ кои-то вѣки побили, при Тиграноцертѣ какомъ-то... Дай Богъ памяти!“

Глаза разсказчика подернулись масломъ. Память о любимомъ профессорѣ, успѣхъ передачи его голоса, манеры, мимики дѣйствовали на него подмывательно. И слушатели нашлись чуткіе.

— А эта лекція еще,—увлекался онъ, покачиваясь на стулѣ,—о фидеикомиссахъ?

— Что̀ такое?—не разслышалъ Пирожковъ.

— О фидеикомиссахъ,—повторилъ приставъ,—терминъ мудреный... Сушь, казуистика, а какъ у него выходило: романъ, картина, людей живописалъ, какъ художникъ... „Господа... былъ проконсулъ Лентулъ, хе-хе-хе... Египтомъ правилъ... Губернаторъ... И награбилъ...“—Онъ засунулъ руку въ карманъ панталонъ характернымъ жестомъ.—„Много награбилъ... Танцовщицъ держалъ... хе-хе. Прелестныя танцовщицы были въ Египтѣ! Дѣти пошли... А что грабилъ... съ Августомъ дѣлился... Хе-хе! Старъ сталъ... Дѣтей обезпечить надо. Пишетъ онъ цезарю: Rogo, precor, deprecor, fidei tuæ committo. Я тебѣ все отдалъ, что наворовалъ... Мошенникъ! Дѣтей моихъ не обидь... Честію прошу... тебѣ вѣрю... на слово... fidei committo... А? Вотъ откуда пошелъ институтъ!..“

Подражатель входилъ въ роль. Никогда еще Палтусовъ не слыхалъ такого вѣрнаго схватыванія знакомыхъ зву-

ковъ и въ особенности этого „хе-хе“, извѣстнаго десяткамъ университетскихъ поколѣній.

— Спасибо, спасибо,—говорилъ онъ приставу и подливалъ, и подливалъ ему изъ серебряной миски.

Тотъ пилъ, но мало хмелѣлъ; возбужденіе поддерживало его. Ему страстно хотѣлось истощить всѣ свои воспоминанія. Слушатели поощряли его.

— Вотъ тоже,—заново одушевился разсказчикъ,—ругали его за отсталость... закорузлые педанты... Болтаютъ вѣчно, что въ числѣ цензоровъ проврался... Байборода обличилъ въ журналѣ. На смѣхъ подняли! Бѣсновался онъ тогда! Ну, навралъ. Экая важность... А вотъ мнѣ изъ новенькихъ сказывалъ... у насъ тамъ слѣдователемъ служитъ... Съ мозгомъ голова. Недавно... ну... лѣтъ пятнадцать... послѣ насъ, а то и меньше... Лексія — приставъ и самъ произносилъ „лексія“ — о лежащемъ наслѣдствѣ...

— Какомъ? Лежащемъ?—Пирожковъ расхохотался.

Разсказчикъ кивнулъ на него головой и комически спросилъ Палтусова:

— Не юристъ?

— Естественникъ.

— То-то. Лежащее наслѣдство... Haereditas jacens по-латыни. Штука мудренѣйшая... И такъ, и этакъ можно истолковать... Вотъ, приходитъ онъ и говоритъ:—„Господа! на hæreditas jacens... ученые смотрѣли до сегодня... хе-хе... какъ на юридическое лицо... И я тридцать безъ малаго лѣтъ повторялъ то же... хе... И съ каѳедры утверждалъ... Позвольте вамъ сказать, что я вралъ... И другіе врали. Вышла книжка... хе-хе! Нѣмецкая книжка... Жилъ недавно... въ Берлинѣ... одинъ жидъ, Ляссаль... Умнѣйшій человѣкъ, геніальнѣйшій. За актерку на дуэли убили... хе-хе! За актерку! Онъ доказалъ... какъ дважды два... что всѣ мы врали, хе-хе! Доказалъ, что hæreditas jacens... лежащее наслѣдство есть фиксія... хе!.. Фиксія?.. Каюсь... что же, хе-хе... и то сказать... Пухта вралъ, Савиньи вралъ... а они почище меня! Мнѣ и Богъ проститъ!“

Лицо „приказнаго“ сіяло.

— Что! каковъ?.. это небось почестнѣе, чѣмъ по цѣлымъ годамъ квасы-то разводить по новымъ книжкамъ и считать себя непогрѣшимымъ? Тридцать лѣтъ ошибался. Прочелъ. Видитъ, вѣрно... Ну, и повинился!.. Вѣчная ему память! Старичокъ! Не вернется! А то онъ бы и здѣсь былъ. Въ послѣдній разъ... въ Сокольникахъ

встрѣтился съ нимъ... Тоже что-то о евреяхъ зашла рѣчь. Способный, говорю, народъ, Никита Иванычъ, какъ тамъ ни чурайся ихъ. А онъ это въ синихъ брюкахъ своихъ, руку въ карманъ засунулъ лѣвую, съ палочкой, въ картузѣ идетъ... и говоритъ: „Мудренаго нѣтъ... хе-хе, при сотвореніи міра съ Іеговой кашу изъ одной чашки ѣли! хе!" Кто такъ кромѣ его скажетъ?.. Артистъ!.. Искра была! Художникъ! Когда умирать собрался, могъ бы воскликнуть: Qualis artifex pereo!.. Ученость, братцы, наживное дѣло, а вотъ талантъ: воспитать въ насъ, неотесанныхъ, пониманіе... римскаго духа. И умирать буду, душу отведу на Никитѣ Ивановичѣ!

Всѣ примолкли. Зато изъ залы и изъ сосѣдней комнаты неслся все тотъ же пьяный гулъ... Хоръ подхватывалъ куплеты. Цыганскій женскій голосъ въ носъ, съ шутовскимъ вывертомъ прозудѣлъ:

„А поручикъ разсудилъ,
Пятьсотъ палокъ закатилъ!
Горрячихъ!..

И десятки голосовъ гаркнули вслѣдъ за солисткой:

— Горрячихъ!

— А мнѣ вотъ это противно!—заговорилъ приставъ,— хоть я и ушелъ отъ alma mater. „Закатилъ!" Хороша цивилизація! Не римская... Вотъ были бы сервитуты. Я бы пошелъ да и сказалъ: оскорбляете мой слухъ, такіе-сякіе! Срамники! Хоть пѣсню-то почеловѣкоподобнѣе бы выбрали. Что жъ, что вы пьяны? И я пилъ... не меньше вашего, а не буду подтягивать: горрячихъ... Чего? Палокъ!.. Эхъ! Татарва, рабы, холопы! отъ головы до пятъ! Больше-то мы должно-быть не стòимъ, какъ пятьсотъ палокъ!

— Брось ихъ!—успокаивалъ Палтусовъ.

— Выпьемъ, товарищъ: отъ тебя духами пахнетъ, отъ меня приказной избой! А выпьемъ. Pereat stultitia, pereant osores!

Жжонка не была еще допита. Потекли менѣе связныя рѣчи. Все вокругъ колебалось. Чадъ обволакивалъ пьющихъ и пляшущихъ. Пили больше по инерціи... Поцѣлуи, объятія грозили перейти въ схватки.

XXXIV.

Началось обратное движеніе въ городъ. Тройки, пары, одиночки неслись къ Тріумфальнымъ воротамъ. Часа въ два вышли на крыльцо и наши пріятели. Они поддержи-

вали новаго знакомца. Онъ долго крѣпился, но на морозѣ сразу размякъ, говорилъ еще довольно твердо, только ноги отказывались служить.

— Жжонка подкузьмила, — лепеталъ онъ, — давно не пилъ академическаго напитка.

Его посадили на широкую скамейку рядомъ съ Пирожковымъ. Палтусовъ помѣстился къ нимъ лицомъ на сидѣнье около облучка.

— Братцы,—жалобно просилъ онъ,—вы меня сдайте съ рукъ на руки. Я въ Челышахъ... въ третьемъ отдѣленіи.

— Опасно,—пошутилъ Пирожковъ.

— А!.. третье отдѣленіе... точно. И сегодня небось изъ пляшущихъ-то были соглядатаи.

Палтусовъ вспомнилъ, какъ студентъ спросилъ его: не изъ соглядатаевъ ли онъ?

— И пускай ихъ,—говорилъ приставъ.—Съ меня взятки-гладки... Нынче Татьянинъ день... можно и лишнее сказать... Римскаго духу нѣтъ въ насъ... И русскій человѣкъ — скудный, захудалый человѣкъ. Никита Иванычъ, батюшка! Ты воистину рекъ... А и соборы были земскіе... При тишайшемъ царѣ... Недовольныхъ сто человѣкъ и больше... въ Соловки, на цѣпь... Вотъ-те и представители!

Сани подъѣзжали къ Тверскимъ воротамъ.

— Куда прикажете, господа?—обернулся извозчикъ.—По Грачевкѣ?

— Куда-а?—протянулъ приставъ.

— Приглашаетъ въ злачное мѣсто, слышишь?—сказалъ ему Палтусовъ.—Иванъ Алексѣевичъ... должно-быть, Татьянинъ день не можетъ иначе кончиться...

— Танцовщицы!.. Проконсулъ Лентулъ... Прелестнѣйшія! Возьмите и меня старичка... только не бросайте... Rogo, deprecor!..

Глазки Ивана Алексѣевича сластолюбиво щурились.

— Пьяно тамъ, въ знаменитыхъ залахъ, наскочишь на скандалъ... Полѣзетъ какое-нибудь животное цѣловаться... Слюняво... Развѣ такъ, келейно?.. И приказный будетъ забавенъ.

Онъ мигнулъ утвердительно.

— Трогай!—крикнулъ Палтусовъ.

— Эхъ, вы, обывательскія!..—гикнулъ извозчикъ.

Поскакалъ онъ внизъ по Страстному бульвару, мимо „Эрмитажа“, еще освѣщеннаго во второмъ этажѣ, вскачь

пролетѣлъ площадь и подъемъ на Рождественскій бульваръ и ухнулъ на Грачевку.

— „Крымъ",—узналъ приставъ и качнулъ головой. — Трущоба!..

Грачевка не спала. У трактировъ и номеровъ подслѣповато горѣли фонари и дремали извозчики, слышалась пьяная перебранка... Городовой стоялъ на перекресткѣ... Сани стукались въ ухабы... Изъ каждыхъ дверей несло виномъ или постнымъ масломъ. Кое-гдѣ въ угольныхъ комнатахъ теплились лампады. Давно не заглядывали сюда пріятели... Палтусовъ больше двухъ лѣтъ.

— Иванъ Алексѣичъ, — толкнулъ онъ Пирожкова. — Помните... Мы всей компаніей отъ Стародумова сюда?.. Какъ жилось тогда!

— Да что это вы, Андрей Дмитріевичъ, точно все извиняетесь. Очень ужъ, батюшка, омѣщанились съ коммерсантами!

Палтусову и эти переулки сдѣлались дороги, нужды нѣтъ, что это—презрѣнная Грачевка! На душѣ было не то, не то и въ мысляхъ. Тогда не думалось о ловлѣ людей и капиталовъ. Одно есть только сходство съ тѣмъ временемъ. Нѣтъ любви... Нѣтъ и простой интриги. Ему стало даже смѣшно... Молодъ, ловокъ, вездѣ принятъ, нравится... если бъ хотѣлъ... Но не захочетъ, и долго такъ будетъ.

Вскачь начали подниматься сани по переулку, въ гору, къ Срѣтенкѣ. По обѣ стороны замелькали огни, сначала въ деревянныхъ домикахъ, потомъ въ двухъэтажныхъ домахъ, съ настежь открытыми ходами, откуда смотрѣли ярко освѣщенныя узкія крутыя лѣстницы.

— Юсъ!—растолкалъ Пирожковъ сосѣда.—Нашли новый сервитутъ.

— Какой?—пробормоталъ тотъ спросонокъ.

— Увидишь, старче. Вылѣзай! — скомандовалъ Палтусовъ.

Извозчикъ осадилъ лошадей. Круглый зеркальный фонарь бросалъ снопъ свѣта на тротуаръ. Они стояли у подъѣзда новаго трехъэтажнаго дома съ скульптурными украшеніями...

Книга четвертая.

I.

— Дома Иванъ Алексѣевичъ Пирожковъ?—спрашивала Тася Долгушина у толстенькой хорошенькой горничной въ сѣняхъ меблированныхъ комнатъ мадамъ Гужò.

— А вотъ я сейчасъ узнаю-съ...

Горничная убѣжала. Тася поднялась по нѣсколькимъ ступенькамъ на площадку съ двумя окнами. Направо стеклянная дверь вела въ переднюю, налѣво—лѣстница во второй этажъ. По лѣстницамъ шелъ коверъ. Пахло куреньемъ. Все смотрѣло чисто; не похоже было на номера. На стѣнѣ, около окна, висѣла пачка листковъ съ карандашомъ. Тася прочла: „Leider, zu Hause nicht getroffen“ — и двѣ большихъ буквы. Въ стеклянную дверь видна была передняя съ лампой, зеркаломъ и новой вѣшалкой.

Вотъ тутъ бы ей жить, если бъ нашлась недорогая комната... Мать съ каждымъ днемъ ожесточается... Отцу Тася прямо сказала, что такъ долго продолжаться не можетъ... Надо думать ѳ кускѣ хлѣба... Она же будетъ кормить ихъ. На Нику имъ надежда плохая... Бабушка сильно огорчилась, отецъ тоже началъ кричать: „срамишь фамилію!“ Она потерпитъ еще, пока возможно, а тамъ уйдетъ... Скандалу она не хочетъ; да и нельзя иначе. Но на что жить одной?.. Наняла она сидѣлку. И та обойдется въ сорокъ рублей. Даромъ и учить не станутъ... Извозчики, то, другое...

— Пожалуйте въ гостиную,—доложила горничная и миг-

нула своими калмыцкими глазками.—Иванъ Алексѣевичъ сейчасъ сойдутъ.

Изъ передней, гдѣ Тася сняла свое мѣховое пальтецо, она прошла въ гостиную съ двумя арками, сквозь которыя виднѣлась большая столовая. Столъ накрытъ былъ къ завтраку, приборовъ на шестнадцать. Гостиная съ триповой мебелью, ковромъ, лампой, картинами и столовая съ ея просторомъ и иностранной чистотой нравились Тасѣ. Пирожковъ говорилъ ей, что живетъ совершенно какъ въ Швейцаріи, въ какомъ-нибудь „пансіонѣ", завтракаетъ и обѣдаетъ за табльдотомъ, въ обществѣ иностранцевъ, очень доволенъ кухней.

Тася присѣла на диванъ. Пробѣжала собачка. Двѣ горничныя доканчивали уставлять приборы. Было около одиннадцати часовъ. На столѣ передъ диваномъ, около лампы, лежалъ альбомъ. Она занялась альбомомъ.

— Извините, Таисія Валентиновна,—заговорилъ Пирожковъ и подошелъ къ ней маленькими шажками.

— Видите, Иванъ Алексѣевичъ, я васъ отыскала, вы, кажется, испугались за меня?

— Почему такъ?

— Да съ того вечера, когда мы были въ клубѣ... Я сама тоже смутилась... Но съ тѣхъ поръ еще сильнѣе стремлюсь. На Андрюшу плохая надежда... его не залучишь... Повезите меня къ Грушевой.

— Извольте, извольте.

Пирожковъ присѣлъ около нея на диванѣ, хотѣлъ еще что-то сказать и остановился.

— Да вы какъ будто не сочувствуете, Иванъ Алексѣевичъ?

— Не подождать ли вамъ пріема въ консерваторію?

— Нѣтъ,—горячо возразила Тася,—ждать мнѣ нельзя. Вотъ Новый годъ прошелъ... скоро и масленица... Что жъ мнѣ ждать, Иванъ Алексѣевичъ?

— А Петербургъ?

— Какъ Петербургъ?

— Тамъ можно въ двухъ мѣстахъ учиться и...

— Нѣтъ,—перебила Тася, вся нервная и съ пылающими щеками,—не разстраивайте моего плана... Вы единственный человѣкъ во всей Москвѣ. Въ Петербургъ я не поѣду... Гдѣ я тамъ буду жить? У брата я не стану...

Онъ самъ сейчасъ же сообразилъ, что у такого брата ей жить не пристало.

— Да вы скажите прямо,—продолжала она,—что васъ удерживаетъ?.. Я тогда сама поѣду къ ней.

Пирожковъ протянулъ Тасѣ руку.

— Таисія Валентиновна,—началъ онъ, — боюсь взять грѣхъ на душу.

— Вы все сцену изъ „Кина“ помните!..

— Нѣтъ, не одно это... Грушева талантлива и опытна. Если она заинтересуется вами, вы найдете отличную учительницу... Но какъ это сдѣлать, не бывая у нея, не входя въ ея общество?

— И войду... Я на все рѣшилась...

— Вы не посѣтуете на меня... Я на себя не возьму грѣха.

— Надо было раньше...

Тася отвернулась... Какой байбакъ этотъ Иванъ Алексѣевичъ! Совсѣмъ и на мужчину не похожъ... Все сочувствовалъ, почти подбивалъ, и вдругъ какой-то cas de conscience.

— Мы поищемъ,—успокаивалъ ее Пирожковъ,—я поѣду къ Ивану Васильевичу... можетъ, онъ согласится...

— Не надо!—отрѣзала Тася.

— Вы не сердитесь на меня.

— Не надо, не надо! Извините, что побезпокоила!

Она встала. Пирожковъ мягко улыбался.

— Если угодно,—началъ онъ.

— Нѣтъ, я сама... Ахъ, мужчины, мужчины!—вырвалось у ней.—И Андрюшу не буду просить.

— Устроимъ иначе...

— Не надо, Иванъ Алексѣевичъ!

— Я за васъ боюсь...

— Мнѣ двадцать одинъ годъ... Слава Богу, совершеннолѣтняя.

Тася начинала не на шутку сердиться. Она пошла въ переднюю. Пирожковъ за ней. Онъ хотѣлъ было объяснить ей многое, но Тася поспѣшно надѣла свою шубку, кивнула ему головой и сбѣжала съ лѣстницы.

— Позвоните,—кротко сказалъ ей вслѣдъ Пирожковъ съ площадки.

Она дернула за ручку звонка, откуда проволока шла въ кухню.

Ей отперла другая, тоже хорошенькая, горничная. Тася почти выбѣжала на улицу.

Иванъ Алексѣевичъ вернулся въ залу и, заложивъ свои

бѣлыя ручки на полную спину, началъ ходить вдоль накрытаго стола... Онъ немного задумался, но губы вскорѣ распустились опять въ улыбку.

Сердится барышня... Ничего! Да, онъ за нее испугался. Сначала онъ гораздо легче посмотрѣлъ на знакомство Таси съ Грушевой, такъ, по-московвки... Потомъ, какъ-то на-дняхъ, вспомнилъ все и сообразилъ.

Отворилась половинка двери изъ комнаты, выходившей въ столовую.

— Bonjour, madame,—поздоровался Пирожковъ.

Хозяйка отвѣтила ему громкимъ: „Bonjour, cher monsieur“, и начала сама поливать цвѣты изъ небольшой зеленой лейки. Madame Гужо́ была дородная француженка, уроженка Москвы. Въ иныя минуты на нее жутко становилось смотрѣть — того и гляди хватитъ ее ударъ. Но она здравствовала, двигалась легко и скоро, точно пузырь по водѣ, на своихъ короткихъ ногахъ, всегда прекрасно обутыхъ. Голова ея, прикрытая маленькой косой и рѣдкими русыми волосами, совсѣмъ точно приросла къ шеѣ. Красное лицо съ сѣрыми, веселыми глазками и крошечнымъ носомъ слегка вздрагивало, когда она шла по комнатѣ. Темное шелковое платье—неизмѣнный ея туалетъ — сидѣло на ней въ обтяжку, всегда отлично сшитое. Такъ же неизмѣнно надѣвался узкій полотняный воротничокъ и банты изъ широкихъ лентъ.

По-русски ее звали Дениза Яковлевна. Она не потеряла манеры немного пѣть, когда говорила по-французски; русскій разговоръ вела также свободно, съ тѣмъ изяществомъ произношенія, какое дается многимъ француженкамъ, родившимся въ русскихъ городахъ. Дениза Яковлевна любила Россію и находила, что въ Парижѣ и вообще за границей жизнь маленькая, мѣщанская, и желала умереть въ Москвѣ. Свой „пансіонъ“ она держала не то чтобы особенно строго, но кое-кого къ себѣ не пускала, не прибивала вывѣски и даже не печатала объявленій въ газетахъ. Она принимала жильцовъ по рекомендаціи, больше иностранцевъ, охотнѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Ей хотѣлось, чтобы ея „maison“ былъ единственный во всемъ городѣ. Порядочность, мягкость, хорошій тонъ поддерживались ею и за табльдотомъ, гдѣ она сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ, противъ арокъ гостиной. Она любила завести игривый, но пристойный разговоръ и даже нѣмцевъ-контористовъ пріучала къ „causerie“. Кормила она сво-

ихъ жильцовъ сытнымъ французскимъ обѣдомъ, но не избѣгала русской ѣды. Завтраки были въ два блюда. Она не долюбливала тѣхъ, кто опаздывалъ, особенно къ завтраку, и затягивалъ ѣду до двухъ часовъ. Ровно въ двѣнадцать становилось на столъ первое, холодное блюдо.

Съ Пирожковымъ они скоро поладили. Она находила Ивана Алексѣевича едва ли не самымъ порядочнымъ изъ своихъ постояльцевъ. Такихъ молодыхъ людей, дворянскихъ фамилій, живущихъ по зимамъ, „des jeunes savants“, она предпочитала иностранцамъ, даже англичанамъ. Тѣ иногда оказывались за обѣдомъ или безобразно молчаливыми, или безцеремонными на свой ладъ. Въ прошломъ году она должна была сдѣлать выговоръ двумъ англичанамъ-пріятелямъ. Они вздумали бросать хлѣбные шарики съ одного конца стола на другой. А иногда ни съ того, ни съ сего обидятся и что-нибудь скажутъ грубое, нѣмцы вспылятъ. Безъ ея вмѣшательства выходили бы исторіи. То ли дѣло Пирожковъ!.. Говоритъ умно, тихо... il a toujours un petit mot pour rire.

— Хорошо почивали?—спросила madame Гужò по-русски.

— Прекрасно!

II.

Часы въ столовой пробили густымъ, медленнымъ боемъ двѣнадцать.

— Варя!—не громко крикнула Дениза Яковлевна горничной, садясь на свое мѣсто.

Стали собираться пансіонеры. Первымъ вошелъ нѣмецъ съ нѣжно-голубыми глазами и рыжеватой бородкой, пріѣзжающій на зиму за свѣжей икрой, коммиссіонеръ изъ Кенигсберга, потянулъ въ себя воздухъ и заткнулъ себѣ салфетку за галстукъ. Онъ молча поклонился въ сторону хозяйки. За нимъ пришла старая дѣвица-дворянка, лѣтъ подъ семьдесятъ, но еще подвижная, не очень сгорбленная, въ наколкѣ и шали. Она каждое утро, послѣ прогулки, съ десяти часовъ играла этюды и сонаты, справлялась часто о цѣнахъ на разныя бумаги, по-нѣмецки говорила какъ нѣмка, обожала пирожное, заводила разговоры на патріотическія темы, печенки боялась точно яду, а ветчину ѣла только вареную.

Въ боковыхъ комнатахъ около столовой жили пензенскія помѣщицы, мать съ дочерью. Онѣ пріѣхали на зиму. Дочь большая, широколицая, румяная, тяжелая на ходу,

въ провинціальныхъ туалетахъ; мать—сухая, съ просѣдью, вѣчно въ кружевной косынкѣ, съ ужаснымъ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ вмѣшивалась во всѣ разговоры. Дениза Яковлевна съ трудомъ выносила ихъ, особенно мать. Но онѣ были „d'une famille honorable“ и аккуратно платили. Съ собой онѣ привезли сорокъ пудовъ клажи, посуду, горшки, перины, соленье и варенье, даже кадушку моченыхъ яблоковъ. Онѣ было устроили у себя jours fixes, занимали столовую до трехъ часовъ ночи, собирали родню, офицеровъ, танцовали. Но Дениза Яковлевна прекратила эти вечеринки по жалобѣ всѣхъ квартирантовъ. Съ тѣхъ поръ эти дамы дулись на весь табльдотъ и поговаривали, что поѣдутъ доживать зиму въ Петербургѣ. Весь дворъ былъ заставленъ ихъ коробами и ящиками.

Онѣ вышли отъ себя одна за другой, поклонились на ходу и сѣли рядомъ. Дочь сейчасъ же обратилась къ Пирожкову и громко, точно она говоритъ на улицѣ, спросила его:

— Были на бенефисѣ?

— Нѣтъ, собираюсь на повтореніе...

— А я думала, вы намъ разскажете пьесу...

Пирожковъ промолчалъ. Пара пензенскихъ помѣщицъ сначала забавляла его; но въ немъ не было злости; смѣяться надъ ними не хотѣлось.

Собрался весь почти табльдотъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ контористовъ, занятыхъ по утрамъ. Противъ Пирожкова сѣлъ нѣмецъ съ женой и дочерью, дѣвочкой лѣтъ восьми, продающій какіе-то мѣшки въ хлѣбныхъ губерніяхъ, толстый швабъ съ тупымъ взглядомъ и бритыми усами, при бородѣ. Рядомъ съ швабомъ часовой фабрикантъ изъ Женевы, лысый брюнетъ, за сорокъ лѣтъ, съ тягучимъ французскимъ выговоромъ, чопорный, въ тугихъ, высокихъ воротничкахъ... Русскихъ молодыхъ людей, кромѣ Пирожкова, не жило въ пансіонѣ. Всего больше нравился ему англичанинъ, учитель и корреспондентъ, въ усахъ, въ характерной лондонской жакеткѣ и цвѣтномъ галстукѣ, говорившій на трехъ языкахъ, вѣжливый, образованный, самый порядочный изъ всѣхъ иностранцевъ. Онъ былъ, вмѣстѣ съ Пирожковымъ, слабостью Денизы Яковлевны. Зато она не знала, какъ отдѣлаться отъ американца, верзилы вершковъ двѣнадцати, широкоплечаго, пучеглазаго, съ проборомъ посрединѣ и съ круглой живописной бородой. Онъ приходилъ завтракать и обѣ-

дать, никому не кланяясь, точно въ трактиръ, не могъ выговорить ни одного звука по-французски или по-нѣмецки, изрѣдка бросалъ два-три слова англичанину, откидывался на спинку стула, мылъ руки водой изъ графина и шумно полоскалъ ротъ.

Пензенскія помѣщицы и съ нимъ порывались бесѣдовать, но ихъ англійскій языкъ не пошелъ дальше пяти-шести вокабулъ.

Дѣвушки обносили первое холодное блюдо—винегретъ. Изъ двухъ оставшихся мѣстъ занялъ одно блондинъ, прилизанный, нѣмецкаго профиля, въ черномъ сюртукѣ и очкахъ, съ чуть замѣтной бородкой и усами—балтійскій уроженецъ, дерптскій кандидатъ правъ, проживавшій въ Москвѣ для практики русскаго языка. Все лѣто провелъ онъ около Химокъ, у стараго деревенскаго попа, получившаго извѣстность между нѣмцами искусствомъ практически обучать иностранцевъ, ѣлъ съ нимъ щи и кашу, болталъ съ двумя поповнами и вернулся хоть и съ прежнимъ акцентомъ, но съ гораздо бо̀льшимъ навыкомъ. За табльдотомъ его обо всемъ спрашивали, посмѣивались надъ его памятью и обстоятельностью. Онъ уже зналъ множество вещей о Москвѣ, всевозможные адресы, часы и дни у докторовъ, адвокатовъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ банкахъ и конторахъ, праздники и названія книгъ и улицъ.

III.

Тасю попросила подождать минутку горничная, введя ее въ гостиную Настасьи Викторовны Грушевой.

На Пирожкова Тася махнула рукой, назвала его „тряпочкой“. Къ Палтусову она тоже не хотѣла обращаться... Всѣ они на одинъ ладъ... сначала сочувствуютъ, обѣщаютъ, дразнятъ, а потомъ и на попятный дворъ... Постыдно!.. Она мигомъ все сдѣлала, узнала адресъ Грушевой, когда ее вѣрнѣе застать, и безъ всякихъ рекомендацій взяла да и явилась.

Грушева жила въ небольшомъ штукатуренномъ флигелѣ съ подъѣздомъ на улицу. Тася легко нашла домъ и попала въ тотъ часъ, когда Грушева кончила завтракать. Гостиная, темноватая широкая комната съ низкимъ потолкомъ, заинтересовала Тасю. Стояло много цвѣтовъ. Темная, репсовая мебель наполняла комнату съ излиш-

комъ. На стѣнахъ висѣло множество фотографическихъ портретовъ. На двухъ столахъ лежали богатые альбомы. Въ шкапчикѣ изъ зеркальныхъ стеколъ поставлены были подарки: сервизъ, позолоченный вѣнокъ, серебряный, выкованный ковчежецъ въ старинномъ вкусѣ. Эти подарки наполнили Тасю особымъ чувствомъ... Нигдѣ ничего подобнаго не дѣлается. Только въ театрѣ!.. Женщина можетъ съ гордостью выставлять цѣнныя вещи, поднесенныя ей въ бенефисъ отъ восторженныхъ почитателей. И воздухъ въ гостиной Грушевой казался Тасѣ особеннымъ... Пахло, правда, папиросами, но и еще чѣмъ-то хорошимъ, независимымъ трудомъ артистки... Будь это всякая другая квартира—она попала бы къ барынѣ, чиновницѣ, женѣ кого-нибудь или вдовѣ безъ всякой своей физіономіи... А тутъ женщина сама по себѣ значитъ все... И мужъ при ней только состоялъ бы... Онъ мужъ извѣстной артистки, ничего больше...

Изъ другой комнаты раздавались голоса, мужскіе и женскій... Тася раза два схватывала голосъ Грушевой, знакомый ей по сценѣ. Вѣдь она ужъ не молода, а все еще на первомъ планѣ, переходитъ на другое, болѣе пожилое амплуа... и такъ же талантлива. Про нее всѣ говорятъ, интересуются ею, встрѣчаютъ и провожаютъ рукоплесканіями, когда она читаетъ на какомъ-нибудь вечерѣ съ благотворительною цѣлью... Это особа. Сколько барынь желали бы играть такую роль... завидно!..

Изъ-за портьеры выглянуло сначала лицо. Тася узнала Грушеву, встала съ кресла и покраснѣла.

Къ ней подошла большого роста женщина въ пестрой блузѣ. Широкое, поблеклое и морщинистое лицо ея улыбалось большимъ ртомъ и прищуренными, умными и вызывающими глазами. Ей казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ. Скулы у ней выдавались, довольно длинный носъ сохранялъ пріятную, волнистую линію и загибался немного кверху, зубы пожелтѣли, шея, видная изъ-подъ кружевного воротничка отъ кофты, потемнѣла. На головѣ ея былъ надѣтъ домашній батистовый чепчикъ съ оборкой и лентами. На лобъ спускались городки изъ темнорусыхъ волосъ. Станъ ея раздался, но былъ сухощавъ, почти съ плоской грудью. Большія кисти рукъ падали внизъ, какъ у актрисы, хорошо владѣющей ими. На длинныхъ пальцахъ Тася замѣтила нѣсколько колецъ.

— Садитесь, садитесь,—громко пригласила она Тасю, и

сама присѣла къ ней на табуретъ въ позѣ старой знакомой, готовой выслушать что-нибудь занимательное.

Тася опустилась на кресло. Она назвала себя, Грушева сдѣлала жестъ головой. Тася въ двухъ словахъ объяснила ей поводъ своего визита. Она не хотѣла упоминать ни о Палтусовѣ, ни о Пирожковѣ, какъ о знакомыхъ Грушевой.

— Вотъ что-о!—оттянула актриса.—А въ консерваторію не хотите?

Тася объяснила ей, что уже поздно, а терять время до будущей осени она не хочетъ.

— Вамъ къ спѣху!—разсмѣялась Грушева и взяла со стола папиросу. — Курите?—спросила она.—Нѣтъ? и прекрасно дѣлаете... У меня вотъ отъ куренья всѣ зубы пожелтѣли.

Она затянулась, еще больше прищурила глаза и нагнула голову къ самому лицу гостьи.

— Настасья Викторовна,—сказала Тася,—вы видите, я серьезно...

Ее опять охватило волненіе. Она не могла докончить.

— Вижу, голубчикъ, вижу!.. Вотъ что я вамъ скажу... Много у меня времени нѣтъ... Знаете, дѣло... Репетиціи, спектакли... я каждый день занята... А вотъ послѣ репетиціи... разъ, другой... въ недѣлю.

Она остановилась.

— Вы... при родныхъ?

— Да,—тихо отвѣтила Тася.

— Они какъ же на это смотрятъ? Кто вашъ отецъ?

— Генералъ,—съ усмѣшкой выговорила Тася, и прибавила:—отставной.

— Вонъ видите... Вы меня, пожалуйста, не впутывайте... Я вамъ прямо скажу... Если сразу искры Божьей не окажется... нѣтъ вамъ моего благословенія...

И она потрепала ее по плечу.

Тася опять пріободрилась.

— Настасья Викторовна, — начала она рѣшительнымъ тономъ,—прослушайте меня.

— Роль какую?

— Да, изъ „Шутниковъ"... Я знаю наизусть... Со мной книга.

— Вонъ вы какая! Это хорошо! Книга съ вами есть?

— Есть.

Грушева оглянулась на дверь въ столовую.

— У меня тамъ гости... свои люди... для васъ самый

полезный народъ... одинъ... Рогачевъ... артистъ... вы знаете... а другой авторъ... Сметанкинъ... Они завтракали у меня.

Она встала, подошла къ двери и крикнула:

— Идите сюда, господа!

IV.

Играть при актерѣ, при авторѣ! Сначала у Таси духъ захватило. Грушева, крикнувъ въ дверь, ушла въ столовую... Тася имѣла время пріободриться. Пьесу она взяла съ собой „на всякій случай". Книга лежала въ карманѣ ея шубки. Тася сбѣгала въ переднюю, и когда она была на порогѣ гостиной, изъ столовой вышли гости Грушевой за хозяйкой. За ними слѣдомъ показалась высокая дѣвочка лѣтъ четырнадцати въ длинныхъ косахъ и въ сѣренькомъ, еще полукороткомъ платьѣ.

— Дочь моя,—указала на нее Тасѣ Грушева.

Дочь похожа была на мать глазами и широкими скулами. Она присѣла и прошла черезъ гостиную.

Грушева познакомила Тасю съ обоими мужчинами. Актера Тася видѣла на сценѣ. Онъ былъ сухой, высокій блондинъ, съ большимъ носомъ и сѣрыми глазами на выкатѣ, въ короткомъ пиджакѣ и пестромъ галстукѣ. Авторъ — какъ-то на бокъ перекосившаяся фигурка, также бѣлокурая, взъерошенная, плохо одѣтая, съ ухмыляющимся, фальшивымъ лицомъ. Тася въ другомъ мѣстѣ приняла бы его за „человѣка".

— Mademoiselle Долгушина... какъ по имени? — спросила Грушева.

— Таисія Валентиновна.

— Намъ кофей подадутъ... А вы, господа, прослушайте... Владиміръ Антонычъ, — обратилась она къ автору, — вы вашу вѣдь успѣете прочесть?

— Конечно-съ,—пожимаясь, сказалъ драматургъ.

— Я дома цѣлый день... Оставайтесь у меня обѣдать... а вы, Костенька... давайте реплики этой барышнѣ... Сценку, другую... изъ „Шутниковъ". Наружность самая настоящая, для ingénue. Не такъ ли, господа?

Актеръ одобрительно промычалъ, авторъ кисло усмѣхнулся. Грушева сѣла къ столу. Тася осталась посрединѣ гостиной, актеръ около нея на стулѣ, держалъ книгу, авторъ помѣстился на диванѣ.

Принесли кофей. Грушева кивнула Тасѣ головой: не желаетъ ли? Тася отказалась. Ей было не до кофею.

— Костенька! Начинайте!—скомандовала Грушева.

Актеръ далъ реплику. Тася заговорила. Сначала у ней немного перехватило въ горлѣ. Но она старалась ни на кого не глядѣть. Ей хотѣлось чувствовать себя какъ въ комнаткѣ старухъ, вечеромъ, при свѣтѣ лампочки, пахнущей керосиномъ, или у себя на кровати, когда она въ кофтѣ или рубашкѣ вполголоса говоритъ цѣлыя тирады.

Сцена пошла все живѣе и живѣе... Актеръ читалъ горловымъ, непріятнымъ голосомъ съ подчеркиваньемъ, но онъ держалъ тонъ; Тасѣ нужно было энергичнѣе выговаривать. Самый звукъ голоса настоящаго актера возбуждалъ ее. Онъ умѣлъ брать паузы и давалъ ей время на мимическую игру. Черезъ пять минутъ она вошла совсѣмъ въ лицо Вѣрочки.

— Вѣрно-съ!—откликнулся съ дивана авторъ жидкимъ голосомъ.

— Такъ, такъ,—какъ бы про себя выговорила Грушева.

Но эти два слова подхвачены были ухомъ Таси. Она пошла смѣлѣе, смѣлѣе. Въ голосѣ у ней заиграли и смѣхъ, и слезы... Движенія стали развязнѣе... Глаза блестѣли... щеки разгорѣлись... Точно она уже на подмосткахъ.

— Браво! — крикнула Грушева и поцѣловала ее. — Славно! Костенька! А!..

— Съ огонькомъ,—сказалъ актеръ и тоже всталъ.

Тася поблагодарила его за трудъ.

— Владиміръ Антонычъ, какъ находите? — спросила Грушева автора.

— Пониманье-съ, пониманье-съ и огонекъ... — сказалъ онъ, и его желтые глаза заискрились.

— Вамъ стòитъ поработать,— рѣшила Грушева.— Вотъ попросите, чтобы Владиміръ Антонычъ вамъ рольку далъ на дебютъ.

— Дебютъ... Еще далеко!—вырвалось у Таси.

— Не такъ далеко!.. Костенька... не правда ли, какъ это она хорошо сказала... въ томъ мѣстѣ?

— Весьма, весьма,—все съ той же важностью подтвердилъ актеръ и закурилъ сигару.

— Послушайте... ахъ забыла... имя у васъ мудреное... Такъ вотъ что, барышня... вы у меня побудьте... Владиміръ Антонычъ намъ пьеску новую прочтетъ... Вы про-

слушайте... Вѣдь ей можно?—обратилась Грушева въ сторону автора.

— Почему же-съ... Сдѣлайте одолженіе...

— Можетъ, и тутъ ролька найдется... У насъ теперь никого нѣтъ.

— Гдѣ?—громко вздохнула Тася.

— Садитесь, садитесь, вотъ сюда,—усадила ее Грушева рядомъ съ собой и взяла за руку.—Это нашъ Сарду,—шепнула она ей на ухо. — Ловко передѣлываетъ, отлично труппу изучилъ... Вы съ нимъ полюбезнѣе... въ самомъ дѣлѣ рольку напишетъ. Онъ нашъ поставщикъ.

Авторъ пошелъ за тетрадью въ столовую. Актеръ расположился на кушеткѣ съ ногами и продолжалъ курить. Тася, вся раскраснѣвшаяся отъ неожиданнаго успѣха, еле сидѣла на мѣстѣ.

— Костенька!—окликнула Грушева,—вѣдь право хорошо... Барышня-то?..

Онъ только одобрительно кивнулъ головой.

— Вы играли?—спросила Тасю Грушева.

— Разъ всего, въ любительскомъ.

— И не играйте теперь больше,—сказалъ актеръ.—Любители—губители.

— Это онъ вѣрно,—подтвердила Грушева интонаціей изъ какой-то комедіи.—Ну, да мы поговоримъ съ вами, голубчикъ, послѣзавтра я свободна.

„Поставщикъ" вернулся и присѣлъ къ столу съ тетрадью.

„Вотъ я какъ,—радостно подумала Тася,—сочинителя буду слушать".

V.

Чтеніе продолжалось два часа. Авторъ читалъ по-актерски, мѣняя голоса; многое ему удавалось, особонно женскія интонаціи. Пьеса была въ двухъ актахъ, комедія, съ главной ролью для Грушевой. Лица носили русскія фамиліи, но вездѣ сквозила французская подкладка. Тася это понимала. Но ей нравились развитіе сюжета, отдѣльныя сцены, бойкость діалога. Она слушала внимательнѣе всѣхъ. Драматургъ это замѣтилъ и нѣсколько разъ улыбнулся ей. Грушева останавливала его часто: то заставитъ выкинуть слово, то найдетъ, что такая-то сцена „ни къ селу, ни къ городу". Тотъ отмѣчалъ на поляхъ карандашомъ. Актеръ былъ несовсѣмъ доволенъ своей ролью и больше мычалъ.

— А знаете что, — сказала Грушева послѣ перваго акта,—у васъ эта Наденька-то... чуть намѣчена... А вы бы развили... Отличная ingénue выйдетъ...

— Какъ же теперь можно, Настасья Викторовна? Пьеса процензурована... И бенефисъ вашъ черезъ мѣсяцъ.

— Вотъ бы ей,—Грушева указала на Тасю.

— Къ будущему сезончику соорудимъ.

И при чтеніи второго акта, Грушева останавливала автора, требовала сокращеній. Актеръ, напротивъ, находилъ, что ему „нечего почти говорить". Драматургъ убѣждалъ его въ томъ, что онъ можетъ „создать цѣлое лицо". Начали они спорить, разбирать разныя сценическія положенія, примѣривать роли къ актерамъ, кому что пойдетъ и кто въ чемъ можетъ быть хорошъ. Тася все это слушала, затаивъ дыханіе, чувствовала, что она еще не можетъ такъ разсуждать, что она маленькая, не въ состояніи сразу опредѣлить, какая выйдетъ роль изъ такого-то лица: „выигрышная" или нѣтъ. Она слушала и щеки ея горѣли. Да, она рождена быть актрисой. Все ей нравилось, пріятно щекотало ее, будило неизвѣданное чувство борьбы, риска, новизны: и эта Грушева съ ея умѣлымъ, пріятельскимъ разговоромъ, и близость „сочинителя", и актеръ съ его мычаніемъ, бритымъ подбородкомъ, одобрительными восклицаніями и требованіями. Въ этомъ именно мірѣ и будетъ ей хорошо, ни въ какомъ другомъ. И что сравнится съ ощущеніями дебюта, когда и первая „читка" доставила ей сейчасъ такое наслажденіе? Только тутъ и можно жить! Она и теперь чувствуетъ, что значитъ „сливаться съ лицомъ", совсѣмъ забывать самоё себя.

Кончилъ читать драматургъ. Грушева встала, подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ и дѣловымъ тономъ сказала:

— Идетъ!

Актеръ спустилъ ноги съ кушетки и крякнулъ.

— Константинъ Григорьевичъ недоволенъ,—замѣтилъ сочинитель.

— Къ концу лучше роль.

— Полноте, Костенька,—успокаивала Грушева,—съ гримировкой и если воспользоваться хорошенько послѣдней сценой, и очень живетъ. А купюры нужно! На одну треть извольте-ка покромсать, голубчикъ...

Стали торговаться, — что̀ именно и сколько урѣзать. Авторъ сначала убѣждалъ, а потомъ сталъ входить въ амбицію.

Но Грушева повернула по-своему, не дала ему горячиться, сама отчеркнула въ разныхъ мѣстахъ карандашомъ, и онъ послушался.

Тася начала прощаться съ ней. Грушева поцѣловала ее, увела въ спальню, потрепала еще разъ по плечу, сказала съ удареніемъ, что „искра есть“, назвала нѣсколько пьесъ и назначила два раза въ недѣлю между репетиціей и обѣдомъ.

— Какія же ваши условія, Настасья Викторовна?— чуть слышно выговорила Тася.

— Что?.. Условія?.. Да вы богатая?..

— Нѣтъ,—не затруднилась отвѣтить Тася.

— Уже это мы послѣ... Что жъ мнѣ съ васъ брать? Если настоящую плату... въ родѣ моихъ разовыхъ... Дорого! Вотъ въ Петербургѣ, я слышала, по семидесяти пяти рублей за роль берутъ... Я этимъ не живу, голубчикъ... Ходите...

— Даромъ,—шептала она,—я не хочу...

— Глядя, по разсмотрѣнію,—разсмѣялась Грушева.

Все это было сказано такъ добродушно и просто, что Тася чуть не прослезилась. Она бросилась цѣловать Грушеву.

— Глядя, по разсмотрѣнію,—повторила Грушева и проводила ее въ переднюю.

Въ саняхъ Тася чуть не прыгала. И чего этотъ Пирожковъ пугалъ?.. Славная женщина! Сейчасъ оцѣнила, приняла участіе, такъ съ ней ловко и хорошо! И прилично... Правда, актеръ сѣлъ съ ногами на кушетку... Но они товарищи.

Полгода какихъ-нибудь и съ такою учительницей—дебютъ, поддержка. Всѣ ее знаютъ, слушаются, „сочинитель“ не очень-то съ ней разсуждаетъ. Взяла карандашъ и вычеркнула всѣ „длинноты“.

Захотѣлось Тасѣ заѣхать къ Пирожкову и сказать ему, что онъ „тряпочка“. Но она не войдетъ къ нему, а только напишетъ тамъ на стѣнкѣ и попроситъ горничную...

Такъ она и сдѣлала—позвонила, вошла, оторвала листокъ и написала карандашомъ:

„Ахъ, Иванъ Алексѣичъ! Тряпочка вы! Была; нашли талантъ. Плыву на всѣхъ парусахъ и вамъ того же желаю“.

Листокъ она свернула въ трубочку и отдала Варѣ.

Къ обѣду Тася поспѣла домой.

VI.

Только что Пирожковъ поднялся къ себѣ, послѣ завтрака, за нимъ прибѣжала Варя. Его прислала звать хозяйка.

— Очень нужно васъ,—прибавила запыхавшаяся Варя.

Онъ сошелъ внизъ. Дениза Яковлевна ходила по залѣ скорыми шагами, въ большомъ волненіи.

— Mon ami!..—воскликнула она,—это ужасно!

И тутъ, пополамъ по-французски, пополамъ по-русски, разсказала цѣлую исторію своихъ несчастій, грозящихъ ей совершеннымъ разореніемъ.

Пирожковъ ничего не зналъ. Оказалось, что она заарендовала домъ у купца, пять лѣтъ платила аккуратно, потомъ концовъ съ концами не свела и задолжала ему. Онъ въ уплату долга взялъ всю ея мебель и позволилъ ей продолжать дѣло уже въ званіи распорядительницы, за что она оставляла себѣ пятьдесятъ рублей, а весь чистый барышъ ему. Все шло хорошо; но она перестала ладить съ поваромъ. Онъ воровалъ, умничалъ, кричалъ на нее, а теперь, когда она его разочла, стакнулся съ приказчикомъ хозяина и грозитъ выгнать ее вонъ, буянитъ пьяный въ кухнѣ. Завтра будетъ приказчикъ... Онъ уже приходилъ разъ и сказалъ, что Гордей Парамонычъ приказалъ вамъ „отдать отчетъ и ежели дохода за три послѣдніе мѣсяца нѣтъ, то не прогнѣваться“.

Дениза Яковлевна, разсказывая все это, то била кулакомъ по столу и вскрикивала „le gredin“, то принималась плакать, то проклинала страну, гдѣ „нѣтъ никакихъ законовъ“. Пирожковъ старался доказать ей, что нельзя было съ купчиной ладиться безъ контракта, не выговорить на бумагѣ даже того, какія вещи изъ мебели, посуды, бѣлья составляютъ ея собственность. Дениза Яковлевна соглашалась, называла себя „vieille sotte“, а черезъ минуту начинала опять возмущаться, вздѣвать кверху руки и кричать, что „dans ce gueux de pays tout est possible“.

Иванъ Алексѣевичъ предложилъ ей поговорить съ другими пансіонерами за чаемъ, не согласятся ли они обратиться съ письмомъ къ этому „Гордею Парамонычу“, гдѣ сказать, что всѣ они чрезвычайно довольны госпожей Гужò и не желаютъ очутиться въ номерахъ, управляемыхъ грязнымъ поваромъ.

Дениза Яковлевна расцѣловала его въ обѣ щеки.

Пирожковъ тутъ же набросалъ текстъ письма. Въ десятомъ часу собирались жильцы пить чай. Дениза Яковлевна прилегла на постель. Ее душило. Она не могла справиться съ волненіемъ. Да и какъ же ей самой просить пансіонеровъ. Чай разольетъ Варя.

Сошли въ залу: старая дѣвица-дворянка, американецъ, дерптскій кандидатъ и помѣщица съ дочерью. Пирожковъ сообщилъ имъ, въ чемъ дѣло. Мать съ дочерью разахались, вторила имъ старая дѣвица, кандидатъ сталъ по-русски разсматривать дѣло съ юридической точки зрѣнія. Но когда Пирожковъ предложилъ подписать письмо, всѣ отказались, говоря, что они не могутъ входить въ такія дѣла; американецъ ничего не понялъ и даже отвернулся отъ Пирожкова. Дениза Яковлевна изъ своей комнаты все это слышала. Отворилась дверь, она выбѣжала съ примочкой на головѣ, но въ застегнутомъ до-верху корсажѣ, подбѣжала къ самовару и начала говорить. Посыпались упреки, увѣреніе, что ей ничего не надо, что она не думала выпрашивать у нихъ заступничества, что „cet excellent monsieur Pirochkoff“ самъ отъ себя предложилъ имъ, что она завтра же очутится „sur le pavé“, послѣ шестнадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ „elle gérait une maison modèle“... Кончилось слезами, дамы тоже заговорили, обидѣлись, дерптскій кандидатъ старался найти „законную почву“, Пирожковъ не зналъ, куда ему дѣваться. Madame Гужо расплакалась и убѣжала обратно къ себѣ. Всѣ накинулись на Пирожкова. Онъ надѣлалъ всю эту кутерьму; особенно брюзжала старая дворянка. Насилу онѣ ушли, спрашивая его же: а будутъ ли ихъ держать до конца мѣсяца и кому жаловаться, если вдругъ хозяинъ дома погонитъ сначала мадамъ Гужо, потомъ и ихъ?..

Варя попросила его къ Денизѣ Яковлевнѣ. На нее страшно было смотрѣть. До истерики дѣло, однакоже, не дошло. Пирожковъ сѣлъ у кровати и старался толкомъ разспросить ее: имѣетъ ли она хоть какія-нибудь фактическія права на инвентарь? Ничего на бумагѣ у ней не было. Онъ ей посовѣтовалъ, — отложивъ свой гоноръ, — поѣхать завтра утромъ къ Гордею Парамонычу, просить ее оставить до весны, а самой искать компаньона.

— Perdue, perdue!..—повторила Дениза Яковлевна, поводя налившимися кровью глазами.

Обѣщала она рано утромъ ѣхать къ хозяину, только просила Пирожкова быть дома, когда придетъ приказчикъ. Она боялась повара, ждала „quelque brutalité“ и жалобно охала, растягивала возгласы.

А внизу, въ кухнѣ, бушевалъ пьяный поваръ,—его не хотѣли-было пускать ночевать.

Онъ вломился силою, занялъ свой уголъ, послалъ кухоннаго мужика за пивомъ, зажегъ нѣсколько свѣчей и порывался по лѣстницѣ въ комнаты.

— Я тебя, толстая колода!—хрипѣлъ онъ, нахлобучивая на затылокъ бѣлый беретъ.—Вотъ тебя завтра фухтелями, фухтелями!..

Варя прибѣжала къ хозяйкѣ въ страшномъ перепугѣ. Дениза Яковлевна вскочила и хотѣла посылать за полицейскими. Пирожковъ насилу удержалъ ее. Онъ же долженъ былъ призвать дворника; но дворникъ держалъ руку повара, черезъ него и домовый приказчикъ подружился съ поваромъ.

До двѣнадцатаго часу пансіонъ находился въ осадномъ положеніи, пока поваръ не заснулъ, мертвецки напившись.

Старая дворянка сошла сверху освѣдомиться: будетъ ли завтра утромъ какой-нибудь завтракъ.

Пирожковъ, измученный, поднялся въ свою комнату. Онъ съ грустью посмотрѣлъ на свои книги, покрытыя пылью, на микроскопъ и атласы. День за днемъ уплывали у него въ заботахъ „съ боку-припёка“, Богъ знаетъ за кого и за что, точно будто самъ онъ не имѣетъ никакой личной жизни.

И вездѣ-то всплывалъ передъ нимъ купецъ. Въ исторіи его квартирной хозяйки, француженки, опять онъ, опять „Гордей Парамонычъ“. А вотъ самъ онъ—дворянское дитя—состоитъ въ какихъ-то приспѣшникахъ и сочувственникахъ, никому онъ не можетъ помочь, какъ слѣдуетъ, безсиленъ сдѣлать и пакость, и фактическое добро, никто за нимъ не охотится, не вожделѣетъ къ его мошнѣ, потому что „мошны“-то нѣтъ. Даже Тася, и та написала: „Тряпочка вы, Иванъ Алексѣичъ“.

Еще мѣсяцъ, два—и зима прошла, то-есть цѣлый годъ; а все что-то притягиваетъ къ этой мужицкой и купеческой Москвѣ. Иванъ Алексѣичъ покраснѣлъ, вспомнивъ, какъ давно онъ не видался ни съ кѣмъ изъ прежнихъ знакомыхъ, университетскихъ, изъ того „кружка“, кото-

рый казался ему талантливѣе и лучше всего, что могъ дать ему Петербургъ.

VII.

Рано утромъ, часу въ девятомъ, въ передней, на желтомъ ясеневомъ диванѣ, уже сидѣлъ, сгорбившись, остриженный въ скобку мужичокъ-приказчикъ Гордея Парамоныча. Его приняли бы за кучера или старшаго дворника по короткой ваточной сибиркѣ изъ темно-синяго сукна и смазнымъ сапогамъ, пустившимъ духъ по гостиной и столовой. Тулупъ онъ оставилъ въ кухнѣ, черезъ которую и поднялся.

Горничныя, убиравшія обѣ комнаты, ходили мимо него и шумѣли накрахмаленными юбками. Онъ имъ уже поклонился раза два, при чемъ волосы падали ему на носъ и онъ ихъ отмахивалъ назадъ привычнымъ движеніемъ головы. Ему на видъ казалось лѣтъ подъ пятьдесятъ.

Варя уже два раза докладывала, что приказчикъ пришелъ, но Дениза Яковлевна, плохо спавшая, проснулась еще нервнѣе вчерашняго; а этотъ ранній приходъ приказчика разстроилъ весь ея планъ. Онъ предупредилъ ея визитъ хозяину. Какъ тутъ быть?.. Помочь, наставить ее можетъ только „cet excellent Pirochkoff“. Варя была послана наверхъ. Ивана Алексѣевича будили въ нѣсколько пріемовъ. Къ девяти часамъ онъ, наконецъ, пробормоталъ, что сейчасъ одѣнется и сойдетъ внизъ. Дениза Яковлевна съ вечера уже приготовила свое черное шелковое платье съ кружевной мантильей и разложила ихъ по комнатѣ. Она одѣвалась торопливо, оборвала двѣ пуговки спереди на корсажѣ, который такъ и трещалъ. Больше полугода не надѣвала она этого платья.

— Что онъ дѣлаетъ?—спрашивала она у Вари въ пятый разъ о приказчикѣ.

— Сидитъ-съ...

— И ничего не говоритъ?

— Ничего-съ...

— А Филатъ?

Филатъ было имя повара, виновника всей исторіи, въ самомъ дѣлѣ грозившей ей возможностью очутиться вдругъ „sur le pavé“.

— Дрыхнетъ-съ...

Варя разсмѣялась.

— Hein... что такое?

— Храпитъ-съ... — съ презрѣніемъ выговорила Варя и подала хозяйкѣ мантилью и батистовый носовой платокъ, спрыснутый одеколономъ.

— А тотъ... другой... поваръ?

— Еще не бывалъ-съ.

— Господинъ Пирожковъ?

— Сейчасъ сойдутъ... одѣваются...

Кофею Дениза Яковлевна напилась основательно. Съ пустымъ желудкомъ, какъ всѣ французы и француженки, она чувствовала себя и съ пустой головой. Для всякаго разговора по дѣлу, а особенно по такому, ей необходимо было имѣть что-нибудь „sur l'estomac“. Она скушала три тартинки. Въ залу не вошла она прежде, чѣмъ не услыхала короткихъ шажковъ Ивана Алексѣевича, съ перевальцемъ и съ пріятнымъ поскрипываніемъ.

— Il est là!—съ дрожью и глухо вскрикнула она, пожавъ руку Пирожкову.

— Кто?

Онъ спросонья все еще не особенно понималъ, въ чемъ дѣло.

— Mais lui... le pricastchik... Je le connais!.. c'est l'ami de l'autre.

И она опустила жирный указательный палецъ внизъ, къ полу, желая показать, что „тотъ“, то-есть поваръ Филатъ, тамъ внизу.

— Бѣда еще не большая, — успокоительно замѣтилъ Пирожковъ,—онъ вѣдь и хотѣлъ прислать приказчика.

Но Дениза Яковлевна заволновалась. Она не знаетъ, что съ нимъ говорить, не побывавъ у Гордея Парамоныча.

— Такъ ему и скажите... Онъ подождетъ...

— Mais il est capable de faire une saisie!..

— Какая saisie?..—остановилъ ее Пирожковъ.—Ему не нужно прибѣгать ни къ какимъ мѣрамъ. Вѣдь здѣсь и безъ того все принадлежитъ вашему Гордею Парамонычу.

— Dieu, Dieu!—заплакала Дениза Яковлевна и схватилась за голову.

Предстояло повтореніе вчерашней сцены. Пирожковъ чуть замѣтно поморщился. Искренно жаль ему было француженку, но и очень ужъ она его допекала своей тревожностью. Онъ видѣлъ, что она ничего не добьется. Дениза Яковлевна, кромѣ гонора женщины, смотрящей

на себя какъ на тонко воспитанную особу, пріобрѣла въ Москвѣ чисто русское барство... Ей не по чину было кланяться всякому приказчику въ сибиркѣ и ладить съ пьянымъ поваромъ, хотя бы это былъ вопросъ о кускѣ хлѣба.

— Parlez lui de grace...—упрашивала она Пирожкова.

— Позовите его сюда...

— Non, non... я уйду!..

И она убѣжала опять къ себѣ. Пирожковъ дошелъ до передней, гдѣ приказчикъ кланялся ему уже разъ, когда онъ проходилъ мимо, и окликнулъ его:

— Вы отъ Гордея Парамоныча?

— Такъ точно,—мягко отвѣтилъ приказчикъ и сейчасъ же всталъ.

— Пожалуйте сюда...

Приказчикъ сталъ у порога гостиной. Пирожковъ объяснилъ ему, что Дениза Яковлевна сама поѣдетъ къ его хозяину, а онъ будетъ такъ добръ и обождетъ или съѣздитъ съ ней вмѣстѣ.

— Да это они напрасно-съ, — заговорилъ приказчикъ, посматривая на полъ и въ бокъ, — Гордей Парамонычъ мнѣ препоручили. Со мной и документикъ, довѣренность... если мадамъ сумлѣвается... а такъ какъ по описи надо принять все и расчетъ за три мѣсяца...

Пирожковъ потрепалъ его по плечу и тихо сказалъ:

— Вы, дружище, успѣете... а она дама, надо же и ей уваженіе сдѣлать...

— Это точно... Я подожду-съ...

— Вы ужъ безъ Денизы Яковлевны ничего не производите... она боится...

— Что жъ я могу безъ нихъ? Напрасно онѣ безпокоятся...

Приказчикъ тряхнулъ волосами и прибавилъ:

— Женское дѣло!.. Извѣстно.

VIII.

Варя сбѣгала за извозчикомъ. Дениза Яковлевна надѣла на голову тюлевую косынку, на шею нитку янтарей и взяла всѣ свои книжки: по забору провизіи, приходо-расходную и еще двѣ какихъ-то. Она записывала каждый день; но чистаго барыша за всѣ три мѣсяца приходилось не больше ста рублей. Она успѣла разсказать это Пирожкову, пригласивъ его къ себѣ въ комнату еще разъ.

— Знаете,—шепнулъ онъ ей,—для своего спокойствія, возьмите вы его съ собой... приказчика...

— Онъ не поѣдетъ...

— Поѣдетъ... я ему скажу...

Въ передней мадамъ Гужо гордо поклонилась приказчику и предоставила Пирожкову переговорить съ нимъ.

— Вотъ онѣ, — указалъ Иванъ Алексѣевичъ на француженку,—просятъ васъ съ ними доѣхать до Гордея Парамоныча.

— Да я и здѣсь подожду-съ... ничего...

— Успокойте... даму, — съ комической миной сказалъ Пирожковъ.

Приказчикъ помялся на одномъ мѣстѣ, повернулъ голову къ двери въ коридоръ, точно поджидая, не появится ли оттуда его благопріятель-поваръ, и выговорилъ:

— Это не суть важно...

Онъ взялъ со стула свою барашковую шапку и отошелъ къ двери.

— Сейчасъ... шубенка моя въ кухнѣ...

Дениза Яковлевна въ шелковой бѣличьей ротондѣ громко дышала и натягивала новую черную перчатку на лѣвую руку.

— Вы видите, онъ смирненькій,—сказалъ Пирожковъ.

— Oh! Ces moujiks! La perfidie même!..

Наконецъ-то она уѣхала; но Пирожковъ долженъ былъ обѣщаться не выходить изъ дома и дожидаться ея, — Гордей Парамонычъ въ пяти минутахъ ѣзды, на бульварѣ.

— Чаю вамъ, баринъ, или кофею?—спросила Варя, почувствовавъ къ нему большое сожалѣніе.

— Все равно, чего-нибудь... сюда.

Наверхъ онъ уже не хотѣлъ подниматься на какихъ-нибудь полчаса. Варя поставила ему большую чашку кофею на столикъ около двери въ комнату мадамы, подъ гравюру „Реформаціи“ Каульбаха, къ которой Пирожковъ сдѣлалъ привычку подходить и въ сотый разъ разглядывать ея фигуры. Принесла ему Варя и газету.

Пирожковъ остановился передъ окномъ, наполовину заслоненнымъ растеніемъ въ кадкѣ. Шелъ мелкій снѣжокъ. Сбоку, влѣво виденъ былъ конецъ бульвара, вправо—пивная съ красно-синей вывѣской. Прямо изъ переулка поднимался длинный обозъ, должно-быть, съ Николаевской желѣзной дороги. Все та же картина зимней, будничной Москвы.

Раздался громкій, нервный, порывистый звонокъ.

„Это madame",—подумалъ Иванъ Алексѣевичъ, и его доброе сердце сжалось, звонокъ что-то не предвѣщалъ ничего хорошаго, хотя могъ быть такой и отъ радости.

Не снимая своей мѣховой ротонды, вкатилась Дениза Яковлевна въ столовую красная и на ходу, задыхаясь, кинула ему:

— Venez, cher monsieur, venez!..

Сибирка приказчика, успѣвшаго сбросить съ себя тулупъ на лѣстницѣ, показалась въ глубинѣ анфилады.

„Вотъ наказанье!"—про себя воскликнулъ Пирожковъ, отправляясь вслѣдъ за мадамой.

— Oh! le brigand!..—ужъ завизжала Дениза Яковлевна и заметалась по комнатѣ. — Et lui, et sa femme, oh, les cochons!

Послѣдовательно она не въ состояніи была разсказывать. Наткнулась она на жену... та приняла ее за просящую на бѣдность... и сказала: „не прогнѣвайся, матушка",—передразнила она купчиху. „Elle m'a tutoyé!" А самъ давно ей „ты" говорилъ. Онъ только и сказалъ: „Ты мнѣ не ко двору!.. Тысячу рублей привезла ли за три мѣсяца?! „Mille roubles!"...—За домъ мнѣ четыре тысячи даютъ безъ хлопотъ!"

— И дадутъ,—подтвердилъ Пирожковъ.

— Je suis perdue!.. — ужъ трагически прошептала Дениза Яковлевна и упала на диванъ, такъ что спинка затрещала. — Il m'a donné mes quinze jours! Comme à une cuisinière!..

Слезы текли обильно, за слезами рыданія, за рыданіями какая-то икота, грозившая ударомъ. Удара боялся Иванъ Алексѣевичъ пуще всего.

— Вотъ что, — заговорилъ онъ ей такъ рѣшительно, что толстуха перестала икать и подняла на него свои круглые, красные глаза, полные слезъ,—вотъ что, у меня есть пріятель...

— Un ami,—машинально перевела она.

— Палтусовъ, онъ съ купцами въ знакомствѣ, въ дѣлахъ.

— Dans les affaires, — продолжала переводить Дениза Яковлевна.

— Надо черезъ него дѣйствовать... я сейчасъ поѣду.

— Голубчикъ! Родной, батюшка мой!—прорвало француженку.

Она начала душить Пирожкова, прижимать къ своей груди короткими, перетянутыми у кисти ручками.

— Oh, les Russes! Qu ' coeur! Quel coeur! — всхлипывала она, провожая его въ столовую, гдѣ еще стояла недопитая чашка Ивана Алексѣевича.

IX.

— Вотъ это хвалю!—встрѣтилъ Пирожкова Палтусовъ въ дверяхъ своего кабинета.—Позвольте облобызаться.

Иванъ Алексѣевичъ проѣхалъ сначала въ тѣ меблированныя комнаты, гдѣ жилъ Палтусовъ еще двѣ недѣли назадъ. Тамъ ему сказали, что Палтусовъ перебрался на свою квартиру около Чистыхъ Прудовъ.

Квартира его занимала цѣлый флигелекъ съ подъѣздомъ на переулокъ, выкрашенный въ желтоватую краску. Окна поднимались отъ тротуара на добрыхъ два аршина. По лѣсенкѣ заново выштукатуренныхъ сѣней шелъ красивый половикъ. Вторая дверь была обита свѣтло-зеленымъ сукномъ съ мѣдными бляшками. Передняя такъ и блистала чистотой. Докладывать о гостѣ ходилъ мальчикъ въ сѣромъ полуфрачкѣ. Въ этихъ подробностяхъ обстановки Иванъ Алексѣевичъ узнавалъ франтоватость своего пріятеля.

Первая комната—столовая—тоже показывала заботливость хозяина, хотя въ ней и не бросалось въ глаза никакихъ особенныхъ затѣй. Тратиться сверхъ мѣры Палтусовъ не желалъ. Кабинетъ отдѣлалъ онъ гораздо богаче остальныхъ двухъ комнатъ, маленькаго салона и такой же маленькой спальни. Кабинетъ онъ оклеилъ темными обоями подъ турецкую ткань и уставилъ мягкою мебелью такого же почти рисунка и цвѣта. Книгъ у него еще не было, но шкапъ подъ черное дерево, завѣшанный изнутри тафтой, занималъ всю стѣну, позади кресла за письменнымъ столомъ. Комната смотрѣла изящнымъ „fumoir'омъ".

Пирожковъ и Палтусовъ не видались съ самаго Татьянина дня, когда они повезли приказнаго въ веселое мѣсто.

— Чему обязанъ,—шутливо спросилъ Палтусовъ, вводя пріятеля въ кабинетъ, — въ такой ранній часъ? Ужъ не въ секунданты ли?

Онъ на взглядъ Пирожкова пополнѣлъ, борода разрослась, щеки порозовѣли. Домашній, синій костюмъ, въ

родѣ военной блузы, выставлялъ его стройную, крѣпкую фигуру. Пирожковъ замѣтилъ у него на четвертомъ пальцѣ лѣвой руки прекрасной воды рубинъ.

— Въ секунданты!—разсмѣялся Иванъ Алексѣевичъ.— Не тѣ времена. Вы въ губерніи сильный человѣкъ, мы къ вашимъ стопамъ прибѣгаемъ.

Палтусовъ подумалъ, что Пирожковъ дурачится, потомъ сѣлъ съ нимъ на низкій, глубокій диванчикъ, на двоихъ. Обстоятельно, полусерьезно, полушутливо разсказалъ ему пріятель исторію „о нѣкоемъ поварѣ Филатѣ, его другѣ приказчикѣ, Гордеѣ Парамонычѣ и его жертвѣ, французской гражданкѣ, Денизѣ-Элоизѣ Гужò“. Исторія насмѣшила Палтусова, особенно картина бушеванія повара и поведеніе жильцовъ со старой дворянкой включительно, спустившейся внизъ узнать, дадутъ ли ей завтракать на другой день.

Но лицо Ивана Алексѣевича сдѣлалось вдругъ серьезнымъ.

— Гогартовская сцена,—сказалъ онъ,—но ее ужасно жаль, она вѣдь очутится sur la paille, какъ въ мелодрамахъ говорится. Я подумалъ, что спасителемъ можете быть только вы.

— Почему?—со смѣхомъ вскричалъ Палтусовъ.

— Купцовъ много знаете...

— Вотъ что...

Но на вопросъ, кто такой этотъ Гордей Парамоновичъ, Пирожковъ затруднился отвѣтить. Онъ не былъ увѣренъ— прозывается ли онъ Федюхинымъ или Дедюхинымъ.

— Такого не знаю,—уже дѣловымъ звукомъ откликнулся Палтусовъ.

Ему радъ онъ былъ услужить хоть чѣмъ-нибудь. Этого человѣка онъ выдѣлялъ изъ всего московскаго обывательства и никогда на него и въ помыслахъ не разсчитывалъ. Онъ записалъ его въ разрядъ милыхъ, безполезныхъ теоретиковъ, и даже, когда разъ о немъ думалъ, сказалъ себѣ: „Если Пирожковъ проѣстъ свою деревушку, и я къ тому времени буду въ капиталахъ—я его устрою“.

— Справьтесь, другъ, справьтесь... Кто-нибудь изъ вашихъ знакомцевъ.

— Да кто онъ такой?.. ну, хоть приблизительно.

— Кажется, кирпичомъ промышляетъ.

— Чудесно! коли это такъ, тогда мы до него доберемся. Да позвольте, можетъ-быть, и я вспомню... Дедехинъ... Федюкинъ...

Палтусовъ началъ припоминать. Пирожковъ окликнулъ его.

— Андрей Дмитріевичъ!

— Что прикажете, дорогой?

— Вѣдь купецъ въ самомъ дѣлѣ все прибралъ къ своимъ рукамъ... въ этой Москвѣ...

— А вы какъ бы думали? — съ этими словами Палтусовъ вскочилъ и заходилъ передъ диваномъ.

Онъ попадалъ на свою любимую тему.

— Вы дайте срокъ, — прибавилъ Пирожковъ, — тутъ еще другая исторія... васъ тоже просить приказано... но только на обѣдъ... И здѣсь купецъ, и тамъ купецъ...

— Раскусили?—съ разгорѣвшимися глазами вскричалъ Палтусовъ, наклоняясь къ гостю.—Я говорю вамъ... никто и не замѣтилъ, какъ вахлакъ наложилъ на все лапу. И всѣхъ съѣстъ, если вашъ братъ не возьмется за умъ. Не одну французскую madame слопаетъ такой Гордѣй Парамонычъ! А онъ навѣрно пишетъ „рупь"—буквами „пь". Онъ нѣмца нигдѣ не боится. Ярославскій калачникъ выживаетъ нѣмца-булочника, да не то, что здѣсь, а въ Питерѣ, съ Невскаго, съ Морской, съ Васильевскаго острова...

Рѣчь Палтусова прервалъ звонокъ.

— Пріемный часъ?—спросилъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Нѣтъ... я позднѣе принимаю... Это кто-нибудь свой. Можетъ, Калакуцкій... мой, такъ сказать, принципалъ... Вотъ было бы кстати... Онъ навѣрное знаетъ.

— Онъ вѣдь „enterperneur de bâtisses", какъ въ пѣсенкѣ поется?

— Именно.

Палтусовъ ввелъ въ кабинетъ Калакуцкаго и тотчасъ же познакомилъ съ нимъ Пирожкова.

Иванъ Алексѣевичъ не безъ любопытства оглядѣлъ фигуру подрядчика „изъ благородныхъ" и остался ею доволенъ; она показалась ему достаточно типичной.

— Душа моя, — торопливо захрипѣлъ Калакуцкій, — я къ вамъ на секунду... завернулъ, чтобы напомнить насчетъ...

Онъ отвелъ Палтусова къ окну и басовымъ хрипомъ досказалъ ему остальное.

Палтусовъ только кивалъ головой. По тому, какъ онъ держался съ „принципаломъ", Иванъ Алексѣевичъ заключилъ, что подрядчикъ имъ дорожитъ. Такъ оно и должно

было случиться... Ловкій и бывалый молодецъ, какъ Палтусовъ, стоилъ дюжины подобныхъ „enterperneurs de bâtisses“, про которыхъ поется въ шутовской пѣсенкѣ... Пирожковъ сталъ ее припоминать и припомнилъ весь первый куплетъ:

„Que j'aime à voir autour de cette table
Des scieurs de long, des ébénisses,
Des enterperneurs de bâtisses,
Que c'est comme un bouquet de fleurs!“

— Вотъ, Сергѣй Степанычъ, обяжите маленькой услугой моего пріятеля,—заговорилъ громко Палтусовъ и подвелъ Калакуцкаго къ дивану.

— Чѣмъ могу?

Палтусовъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Какъ зовутъ этого Гордея Парамоныча?

— Не то Федюхинъ, не то Дедюхинъ,—стыдливо произнесъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Федюхинъ!.. А!.. Не Федюхинъ, батюшка, Нефединъ... Это вотъ такъ! Каменоломни имѣетъ...

— Да, да!..—обрадовался Пирожковъ.

— Знаю... мужикъ простота.

— А не плутъ?

— Плутъ... разумѣется... но плутуетъ онъ по-христіански, простота... жирный... все у него приказчики... Жена, говорятъ, бьетъ его... По пяти дней запоемъ пьетъ каждый мѣсяцъ.

— Какъ вы все это знаете?—вырвалось у Пирожкова.

— Еще бы, на томъ стоимъ... Его просить... да о чемъ же, я все въ толкъ не возьму.

— Сергѣй Степанычъ, вы позвольте мнѣ, — вмѣшался Палтусовъ.—Вы вѣдь въ дѣлахъ съ нимъ...

— Былъ, да и теперь еще придется, по веснѣ.

— Ну, такъ я отъ васъ съѣзжу... и съ Иваномъ Алексѣевичемъ мы обсудимъ... чего практичнѣе добиваться для этой Гужó.

— Вотъ и прекрасно... Какой у васъ пріятель-то,— указалъ Калакуцкій Пирожкову на Палтусова. — На все время есть!.. Сдѣлалъ бы другой!.. Держите карманъ!.. Андрей Дмитріевичъ у насъ единственный... Вотъ всероссійская выставка будетъ на Ходынскомъ полѣ... Будемъ его выставлять! Merci, merci, mon cher... Еще на пару словъ... Мочи нѣтъ, какъ тороплюсь... Мое вамъ почте-

ніе,—онъ кивнулъ Пирожкову и увлекъ Палтусова въ столовую.

Тамъ еще минуты съ двѣ слышался его хрипъ, который то опускался, то поднимался. Оба чему-то разсмѣялись и шумно пошли въ переднюю.

„Хлестко живутъ,—думалъ Иванъ Алексѣевичъ, располагаясь поудобнѣе на диванѣ,—въ гору идутъ... Тутъ-то вотъ и есть настоящая русская жизнь, а не тамъ, гдѣ мы ее ищемъ... Палтусовъ и я — это взрослый человѣкъ и ребенокъ“.

Но Иванъ Алексѣевичъ не способенъ былъ кому-либо завидовать. Ему надо одно: быть болѣе хозяиномъ своего времени. Это-то ему и не удалось. Быть-можетъ, съ годами придетъ особый талантъ, будетъ и онъ умѣть ѣздить на почтовыхъ, а не на долгихъ въ своихъ занятіяхъ, въ выполненіи своихъ работъ.

— Каковъ... на вашъ вкусъ? — раздался надъ нимъ звонкій голосъ Палтусова.

— Принципалъ?

— Да.

— Матёръ!

— Между нами,—заговорилъ Палтусовъ потише,—онъ ненадеженъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Зарывается... Плохо кончитъ...

Иванъ Алексѣевичъ услыхалъ тутъ же цѣлую исповѣдь Палтусова: какъ онъ попалъ въ агенты къ Калакуцкому, какъ успѣлъ въ какихъ-нибудь три-четыре недѣли подняться въ его глазахъ, добылъ ему поддержку самыхъ нужныхъ и „тузистыхъ“ людей, какъ онъ присмотрѣлся къ этому процессу „объегориванья“ путемъ построекъ и подрядовъ и думаетъ начать дѣло на свой страхъ съ будущей же весны, а Калакуцкаго „lâcher“, разумѣется, благороднымъ манеромъ, и сдѣлаетъ это не позднѣе половины поста. Тогда онъ начнетъ иначе, на другихъ основаніяхъ, безъ татарскихъ замашекъ, на англійскій, солидный образецъ. Да и въ Москвѣ есть люди въ такомъ вкусѣ... Пирожковъ услыхалъ имя какого-то Осетрова... Вотъ это человѣкъ! Университетскій кандидатъ, до всего дошелъ умомъ, знаніемъ, безупречной честностью. Кредитъ по всему волжскому бассейну; безъ документовъ наберетъ сколько угодно денегъ въ Нижнемъ, Казани, Астрахани... въ Сибири... Вадимъ Павлычъ, одно слово—и ку-

бышки раздаются и изъ нихъ текутъ рубли въ руки высокодаровитаго предпринимателя.

— Вы съ нимъ ужъ въ дѣлѣ?—спросилъ Пирожковъ, проникаясь удивленіемъ къ своему пріятелю, къ той быстротѣ, съ которой онъ проникъ „въ міръ цѣнностей и производствъ“, какъ выражался самъ Палтусовъ.

— Онъ мнѣ далъ два пая въ своемъ послѣднемъ крупнѣйшемъ предпріятіи,—конфиденціальнымъ тономъ сообщилъ Палтусовъ.—Это вздоръ; но дорого вотъ что: поддержать съ нимъ связь.

— Фортуну заполучите,—ласково спросилъ Иванъ Алексѣевичъ, пристально взглянувъ на пріятеля.—И невинность соблюдете.

Палтусовъ разсмѣялся.

— Вотъ вамъ, какъ духовнику, все разсказалъ.

Но онъ забылъ или не хотѣлъ сообщить Пирожкову того, что наканунѣ Марья Орестовна Нѣтова, собираясь за границу, поручила ему полной формальной довѣренностью завѣдываніе своимъ „особымъ“ состояніемъ.

— Завлекательно,—выговорилъ Иванъ Алексѣевичъ.

Палтусовъ предложилъ ему закусить. Иванъ Алексѣевичъ съ большой радостью принялъ предложеніе.

— Но, любезный другъ,—говорилъ Пирожковъ, закусывая кускомъ ветчины—они перешли въ столовую,—все это такъ; а конечная цѣль? Дѣльцомъ быть хорошо только до извѣстнаго предѣла... для человѣка, вкусившаго, какъ вы, высшаго развитія.

Палтусовъ не смутился.

— Конечно,—согласился онъ,—что жъ! Вы думаете, я, какъ парижскій лавочникъ или limonadier, забастую съ рентой и буду ходить въ домино играть, или по-россійски въ трехъ каретахъ буду ѣздить, или палаццо выведу на Комскомъ озерѣ и тамъ хоръ музыкантовъ, балетъ, оперу заведу? Нѣтъ, дорогой Иванъ Алексѣевичъ, не такъ я на это дѣло гляжу-съ!.. Силу надо себѣ приготовить... общественную... политическую...

— Ну ужъ и политическую...

— А вы какъ бы думали, Иванъ Алексѣевичъ?.. Изъ-за чего же вы всѣ бьетесь?..

— Кто всѣ?—кротко остановилъ Пирожковъ.

— А вотъ то, что называется интеллигенціей?

— Да мы не изъ чего не бьемся, а киснемъ.

— Ха-ха! Именно! Я не хотѣлъ употреблять это слово...

Я только временно примазывался, Иванъ Алексѣевичъ, къ университету... Но я вкусилъ все-таки отъ древа познанія... И люди, какъ вы, должны будутъ сказать мнѣ спасибо, когда я добьюсь своего... Если вы всѣ мечтаете о томъ, что̀ нынче называется „идея“, ну представительство, что ли... пора подумать, кто же попадетъ въ вашу палату?..

— Палата!—вздохнулъ Пирожковъ.

— Кто? Вотъ отъ города Москвы? А? У кого въ рукахъ цѣлыя волости, округи, кто скупаетъ земли, кто кормитъ десятки тысячъ рабочихъ? Да все тѣ же господа коммерсанты, тотъ же Гордей Парамонычъ! Въ думѣ они выкурили дворянъ! Выкурятъ и въ вашей будущей палатѣ.

— Если такіе, какъ Андрей Дмитріевичъ, не возьмутся за умъ,—прибавилъ весело Пирожковъ.

— Безъ ложной скромности, да-съ!..

Палтусовъ выпилъ стаканъ вина.

— Вотъ такіе Калакуцкіе ничего не сдѣлаютъ... Это мыльные пузыри... Раздулся въ нѣсколько минутъ и пафъ!.. Но Осетровъ—вотъ сила... Мнѣ лучшаго образца и не надо!..

— Хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть на вашего богатыря.

— Познакомитесь... современемъ... Вотъ, дорогой Иванъ Алексѣевичъ, мой объектъ...

— Хвалю!

— Такъ вы нашимъ пріятелямъ и скажите: изъ тѣхъ, кто въ Ѳиваидѣ жили... Палтусовъ, молъ, только временно въ плутократію пустился... Силу накопляетъ.

— Пріятели!—подхватилъ съ горечью Пирожковъ.—Я никого не вижу... Просто срамъ... Такую ослиную жизнь веду, ничего не дѣлаю, диссертацію заколодило.

— Эхъ, Иванъ Алексѣевичъ, не одни вы... то же поютъ... здѣсь только и можно, что вокругъ купца орудовать... или чистой наукой заниматься... Больше ничего нѣтъ въ Москвѣ... Послѣ будетъ, допускаю... а теперь нѣтъ. Учиться, стремиться, знаете, натаскивать себя на хорошія вещи... надо здѣсь, а не въ Питерѣ... Но человѣку, какъ вы, коли онъ не пойдетъ по чисто ученой дорогѣ, нечего здѣсь дѣлать! Закиснетъ!..

Пирожковъ только вздыхалъ.

— Исключеніе допускаю... для сочинителя, романы кто

пишетъ, комедію... О! здѣсь пища богатая! Такъ и черпай!.. А за симъ прощайте, буду васъ гнать—пора и за маклачество приниматься.

Онъ позвонилъ и приказалъ мальчику закладывать лошадь.

— И четвероногихъ завели?—спросилъ Пирожковъ, переходя съ хозяиномъ въ кабинетъ.

— Завелъ, дешевле обходится. А какое же у васъ еще дѣло ко мнѣ?

— Вотъ оно!.. Я забылъ, а вы помните... Поэтому-то вы и достигнете своего; а я съ диссертаціей-то превращусь въ ископаемаго, въ улитку... И назовутъ меня именемъ какого-нибудь московскаго трактира... Есть „Terebratula Alfonskii“. Ректоръ такой здѣсь былъ. А тутъ откроютъ „Terebratula Patrikewii“. И это буду я!

Пріятели поцѣловались. Палтусовъ предложилъ-было сани, но Иванъ Алексѣевичъ пошелъ гулять на Чистые Пруды. Они условились повидаться на другой же день утромъ: обработать дѣло мадамъ Гужо̀.

X.

Плохо освѣщенная зала Малаго театра пестрѣла публикой. Играли водевиль передъ большой пьесой. Въ амфитеатрѣ сидѣло больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Всѣ посѣтительницы бенефисовъ значились тутъ на-лицо. Верхняя скамья почти сплошь была занята дамами. Онѣ оглядывали другъ друга, надѣвали перчатки, наводили бинокли на бенуары и ложи бельэтажа. Двѣ модныхъ шляпки заставили всѣхъ обернуться, сначала на средину второй скамейки сверху, потомъ на правый конецъ верхней. У одной бенефисной щеголихи шляпка, въ видѣ большого блюда, обшитаго атласомъ, сидѣла на затылкѣ, покрытая бѣлыми перьями; у другой — черная шляпка выдвигалась впередъ точно кузовъ. Изъ-подъ него выглядывала голова съ огромными цыганскими глазами. Двѣ круглыхъ, позолоченныхъ булавки придерживали на волосахъ этотъ кузовъ. Пришли еще три пары, всегда появляющіяся въ бенефисахъ, уже не первой молодости, барыни и купчихи, и при нихъ молодые люди, ражіе, съ русыми и черными бородами, въ цвѣтныхъ галстукахъ кольцахъ.

Кресла къ концу водевиля совсѣмъ наполнились. Въ первомъ ряду неизмѣнно виднѣлись тѣ же головы. Между

ними всегда очутится какой-нибудь проѣзжій гусаръ, или фигура помѣщика, иногда прямо съ желѣзной дороги. Онъ только что успѣлъ умыться и переодѣться, и купилъ билетъ у барышниковъ за пятнадцать рублей. Въ бельэтажѣ и бенуарахъ не видно особенно изящныхъ туалетовъ. Купеческія семьи сидятъ, дочери впередъ, въ розовыхъ и голубыхъ платьяхъ, съ румяными щеками и приплюснутыми носами. Второй ярусъ почти сплошь купеческій. Въ двухъ ложахъ даже женскія головы, повязанныя платками. Купоны набиты разнымъ людомъ: пріѣзжія, небогатыя дворянскія семьи, жены учителей, мелкихъ адвокатовъ, офицеровъ; есть и студенты. Одну ложу совсѣмъ расперли человѣкъ девять техниковъ. Верхи—бенефисные: чуекъ и кацавеекъ очень мало, преобладаетъ учащаяся молодежь.

Убогій оркестръ, точно въ ярмарочномъ циркѣ, заигралъ что-то послѣ водевиля. Раекъ еще не угомонился и продолжалъ вызывать водевильнаго комика. Въ креслахъ гудѣли разговоры. Въ залѣ сразу стало жарко.

Вдоль поперечнаго прохода въ кресла подъ амфитеатромъ уже встали въ рядъ: дежурный жандармскій офицеръ, частный, два квартальныхъ, два-три не дежурныхъ капельдинера въ штатскомъ, старичокъ изъ кассы, чиновникъ конторы и ихъ знакомые, еще нѣсколько неизвѣстнаго званія людей, всегда проникающихъ въ этотъ служебный рядъ.

Всѣмъ хочется посмотрѣть: какой будетъ „пріемъ“ первой актрисѣ. По лѣвому коридору, мимо бенуара, уже понесли двѣ корзинки и вѣнокъ съ буквами изъ фіалокъ и гіацинтовъ. Пріѣхалъ уже старый генералъ въ очкахъ. Передъ нимъ вытянулись внизу, у дивана дежурный солдатикъ и у дверей въ кресла плацъ-адъютантъ. Капельдинеръ, съ этой стороны, развертывалъ билеты и глядѣлъ на нихъ въ pince-nez, прикладывая его каждый разъ къ носу. Въ глубинѣ коридора, на скамейкѣ, около хода за кулисы, старичокъ въ длинномъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами сидитъ и зѣваетъ.

Послѣ водевиля, сверху затопали по каменнымъ ступенямъ, началось перекочевываніе въ буфетъ черезъ холодныя сѣни мимо кассы, куда все еще приходили покупать билеты, давно распроданные. Сторожа, въ валенкахъ и полушубкахъ, совали входящимъ афиши. Изъ „кофейной“,—такъ зовутъ буфетъ по-московски,—въ ободраную

дверь валитъ паръ. Съ подъѣзда доносятся крики жандармовъ и окрики квартальныхъ. Подъ лѣстницей, при поворотѣ въ кресла, молодецъ въ сибиркѣ бойко торгуетъ пирожками и крымскими яблоками. Въ фойе, гдѣ со всѣхъ лѣстницъ и изъ всѣхъ дверей такъ и вторгается сквозной вѣтеръ, публика уже толчется, ходитъ, сидитъ, усиленно пьетъ сельтерскую воду и морсъ. Такая же сибирка, какъ и внизу, едва успѣваетъ откупоривать бутылки, наливаетъ и плещетъ на полъ и подносъ. Оркестръ смолкъ. Раздался звонокъ со сцены. Два солдатика у царской ложи уже наполнили все фойе запахомъ своихъ смазныхъ сапогъ.

XI.

Передъ самымъ поднятіемъ занавѣса къ большой пьесѣ въ кресла вошелъ Палтусовъ. За зиму онъ пропустилъ много бенефисовъ; вечера были заняты другимъ. На этотъ бенефисъ слѣдовало поѣхать, припомнить немного то время, когда онъ съ пріятельской компаніей отправлялся въ купоны и вызывалъ оттуда, до потери голоса, сегодняшнюю бенефиціантку.

Онъ любилъ сидѣть въ мѣстахъ амфитеатра. Въ кассѣ ему оставили крайнее мѣсто на одной изъ нижнихъ скамеекъ. Войдя, онъ остановился въ проходѣ и оглядѣлъ въ бинокль всю залу. Напередъ зналъ онъ, кого увидитъ и въ бенуарѣ, и въ бельэтажѣ, и въ креслахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ заниматься Москвой въ качествѣ „піонера“, онъ все больше и больше убѣждался въ томъ, что „общество“ вездѣ одно и то же — куда ни поѣдешь. Людей много, но люди эти — „обыватели“, какъ выражается и его пріятель Пирожковъ. Вотъ хоть бы сегодня — не къ кому подойти, ни одной интересной женщины. Все купцы и купцы! Палтусовъ начиналъ находить, что изучать ихъ полезно, но по вечерамъ надо хоть бы чего-нибудь поигривѣе. Направо, въ бенуарѣ — знакомое ему семейство. Онъ раскланялся издали. Страшно богатые и недурные люди, гостепріимные и не безъ образованія, но неизлѣчимо скучные. Налѣво тоже знакомые. Тутъ все на дворянскую ногу, жена сейчасъ о литературѣ заговоритъ. И онъ напередъ знаетъ: что именно, и какимъ тономъ.

Палтусовъ чувствовалъ себя вообще очень довольнымъ. За три дня передъ тѣмъ въ его дѣловой дорогѣ произо-

шелъ поворотъ въ сторону скораго и большого обогащенія. Онъ ужъ болѣе не агентъ Калакуцкаго. Они распрощались безъ непріятностей, по-джентльменски. Черезъ своего принципала онъ сошелся съ тѣмъ самымъ каменщикомъ, у котораго madame Гужò завѣдывала меблированными комнатами. Этому мужику, по натурѣ доброму, но всегда въ рукахъ какого-нибудь приказчика, понравился статный и рѣчистый баринъ. Отъ него Палтусовъ узналъ въ точности, что Калакуцкій сильно зарвался. Состоять при немъ не было никакого расчета. Палтусовъ откровенно сказалъ Калакуцкому, что хочетъ попробовать начать свое дѣло. Тотъ не сталъ его удерживать. Купецъ обѣщалъ ему залоги. Навертывался выгоднѣйшій подрядъ. До весны все будетъ обработано.

Когда Палтусовъ садился на свое мѣсто, онъ бросилъ взглядъ вверхъ, на ряды амфитеатра. Подъ царской ложей сидѣла Анна Серафимовна Станицына въ своей шляпкѣ съ гранатовымъ перомъ и черномъ платьѣ, прикрытая короткой пелеринкой изъ чего-то блестящаго. Она его тотчасъ же замѣтила, поклонилась степенно, но глаза улыбнулись. Рядомъ съ ней раскинулась ея кузина Любаша, безъ шляпки, съ длинными двумя косами, въ зеленомъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди. Палтусовъ не зналъ, кто она. Онъ почтительно поклонился Станицыной, обратилъ вниманіе и на Любашу, и на блондина съ курчавой, чисто купеческой головой, сидѣвшаго рядомъ съ ней. Это былъ Рубцовъ.

Станицыну Палтусовъ не видалъ больше двухъ мѣсяцевъ. Хотѣлъ-было онъ на-дняхъ поѣхать къ ней и поговорить съ ней насчетъ ея „муженька". Но онъ этого не сдѣлалъ изъ чувства нравственной щекотливости. Это было бы похоже на подлаживанье къ богатой купчихѣ, которая, въ концѣ концовъ, можетъ настоять на разводѣ, выплатить своему Виктору Миронычу тысячъ триста-четыреста отступного... Нѣтъ, Палтусовъ не такъ ведетъ свои дѣла съ купчихами. Вотъ хоть бы Марья Орестовна Нѣтова! Хоть онъ и не фатъ, а трудно ему было не понимать, что̀ она къ нему начинала чувствовать... А развѣ онъ сталъ ее эксплоатировать?.. Она сама передъ отъѣздомъ за границу попросила его быть ея „chargé d'affaires", дала ему полную довѣренность, поручила свой капиталъ, прямо показала этимъ, что довѣряетъ ему безусловно... Иначе и не могло случиться... Онъ такъ велъ себя съ ней...

Лицо Анны Серафимовны обратилось опять къ нему. Глаза ея, въ полусвѣтѣ театра, казались больше и еще красивѣе. Она немного похудѣла, носъ сталъ тоньше, черный корсажъ изъ шелковаго трико—самая послѣдняя мода—обвивалъ ея грудь и прекрасныя руки. Палтусовъ все это могъ осматривать на свободѣ въ свой бинокль. Препородистая женщина! Онъ не найдетъ привлекательнѣе ея въ гостиныхъ коммерсантовъ. Пора бы ему почаще бывать у ней. Она заслуживаетъ полной симпатіи... Свою печальную долю она несетъ съ достоинствомъ. Дѣло, какъ слышно, она ведетъ отлично, на фабрикѣ устроила школу... Чего же больше желать?.. Нѣтъ въ ней этого противнаго залѣзанья въ баре, не тянется она за титулованными дамами-патронессами, ѣздитъ только въ свое общество, и то очень мало...

А главное, вѣдь она свободная и одинокая молодая женщина. Развѣ она можетъ считать себя обязанной чѣмъ-нибудь передъ Викторомъ Миронычемъ?.. Палтусовъ вспомнилъ тутъ разговоръ съ ней въ амбарѣ, въ началѣ осени, когда они остались вдвоемъ на диванѣ... Какая она тогда была милая... Только песочное платье портило. Но она и одѣваться стала лучше...

XII.

Занавѣсъ поднялся. Черезъ десять минутъ вышла бенефиціантка. Театръ захлопалъ и закричалъ. Послѣ перваго треска рукоплесканій, точно залповъ ружейной пальбы, протянулись и возобновлялись новые аплодисменты. Капельмейстеръ подалъ изъ оркестра корзины одну за другой. Съ каждымъ подношеніемъ рукоплесканія крѣпчали. Актриса-любимица кланялась въ тронутой позѣ, прижимала руки къ груди, качала головой, потомъ взялась за платокъ и въ волненіи прослезилась.

Когда-то Палтусовъ находилъ ее очень даровитой. Но съ годами, особенно въ послѣдніе два года, она потеряла для него всякое обаяніе. Они съ Пирожковымъ зачислили ее въ разрядъ „кривлякъ“ и въ очень молодыхъ роляхъ съ трудомъ выносили. Пьеса шла шекспировская. Бенефиціантка играла молоденькую, игривую и ѣдко-острую дѣвушку, очень старалась, брала всевозможные тоны и ни одной минуты не забывала, что она должна плѣнить всѣхъ молодостью, тонкостью и блескомъ дарованія. Но Палтусову дѣлалось не по себѣ отъ всѣхъ этихъ намѣреній

актрисы сильно за тридцать лѣтъ, съ круглой спиной и широкимъ, пухлымъ лицомъ. Онъ поглядѣлъ въ сторону Анны Серафимовны. Она тоже обернула голову. Глаза ея говорили, что и она чувствуетъ то же самое.

„Вѣдь вотъ,—мысленно одобрилъ ее Палтусовъ,—понимаетъ... не то, что всѣ эти барыни и купчихи съ ихъ доморощенными восторгами“.

Въ слѣдующій антрактъ ему захотѣлось подсѣсть къ ней. Но это было не легко. Справа рядомъ съ ней сидѣла странная особа въ косахъ, налѣво, тоже рядомъ,— курчавый молодецъ въ коричневомъ пиджакѣ.

„Вѣроятно, родственники, — соображалъ Палтусовъ. — Вотъ это непріятно: имѣть такую родню!“

Онъ всталъ, наклонилъ голову, улыбнулся Аннѣ Серафимовнѣ и показалъ ей, что ему хочется съ ней поговорить. Она поняла и что-то сказала Любашѣ. Та кивнула головой и вскочила съ мѣста. Ея широкія плечи, руки, размашистыя манеры забавляли Палтусова.

„Прогнала бы ихъ преспокойно, — говорилъ онъ про себя,—пускай идутъ ѣсть крымскія яблоки въ коридоръ“.

Но Любаша сама предложила Станицыной идти въ фойе.

— Сходи съ Рубцовымъ, — сказала Анна Серафимовна не безъ задней мысли.

— Сеня, желаете? — громко спросила Любаша черезъ Станицыну.

— Покурить мнѣ хочется...

— Мы сначала въ фойе... А оттуда и покурите.

— Какъ же ты одна останешься?

— Экая важность! Съѣдятъ меня, что ли?

— Я бы пошла, — хитрила Анна Серафимовна, — да я боюсь сквозного вѣтра.

— А я не боюсь... Сеня, айда!

Анна Серафимовна поглядѣла на Любашу и даже дернула ее легонько за рукавъ.

— А мнѣ наплевать!—шепнула Любаша своей кузинѣ, махнула рукой Рубцову и стала проталкиваться, задѣвая сидѣвшихъ за колѣна.

Не очень ловко было за нее Аннѣ Серафимовнѣ. Но ѣздить одной ей было еще непріятнѣе. Надо непремѣнно завести компаніонку, чтицу, да скоро ли найдешь хорошую, такую, чтобы не мѣшала.

Любаша и Рубцовъ ушли изъ креселъ. Анна Серафи-

мовна взглянула влѣво. Палтусовъ улыбнулся и улыбкой своей благодарилъ ее. Ее этотъ человѣкъ очень интересуетъ. Только она-то для него, должно думать, не занимательна. Не бываетъ у ней по цѣлымъ мѣсяцамъ... Какое мѣсяцъ?.. Съ самаго Рождества не былъ!.. Ему не съ такими женщинами, какъ она, весело... Видно, всѣ мужчины на одну стать... Во всѣхъ хоть чуточку да сидитъ ея Викторъ Миронычъ, который на-дняхъ угостилъ-таки ее вексселькомъ изъ Парижа: нашлись добрые люди, дали ему тридцать тысячъ франковъ, навѣрно по двойному документу. И тамъ этимъ не хуже нашего занимаются. О мужѣ она теперь думаетъ только въ видѣ векселей и долговъ. Человѣкъ совсѣмъ не существуетъ для нея. Свободно ей, никто не портитъ крови, не видитъ она, какъ бывало, его долговязой, жидкой фигуры, противной, подкрашенной шеи, нахальныхъ глазъ, прически, не слышитъ его фистулы, насмѣшечекъ, словечекъ и французскихъ непристойностей. Только днями засасываетъ ее одиночество. Если бы не дѣти—превратилась бы она въ злобнаго конторщика, въ хозяйку-колотовку. Утромъ—счеты, въ полдень—амбаръ, вечеромъ опять счетныя книги, корреспонденція, хозяйственный разговоръ по торговлѣ и производству, да на фабрику надо съѣздить хоть раза два въ недѣлю. Да еще у ней все нелады съ нѣмцемъ-директоромъ, а контрактъ ему не вышелъ, рабочіе недовольны, были смуты, къ веснѣ, пожалуй, еще хуже будетъ. Деньжищъ за Виктора Мироныча по старымъ долгамъ выплачено —шутка—четыреста тысячъ! Даже ея банкиръ и пріятель Безрукавкинъ кряхтѣть начинаетъ, и у него не золотыя яйца насѣдка несетъ...

XIII.

Надо было Палтусову пробраться до самой середины верхняго ряда. Это не такъ легко, когда сидятъ все барыни. Анна Серафимовна смотрѣла на него, и только одни глаза ея улыбались, когда какая-то претолстая дама прибирала-прибирала свои колѣни, и все-таки не могла ухитриться пропустить его, а должна была подняться во весь ростъ.

— Чрезъ Ѳермопилы прошелъ!—сказалъ ей Палтусовъ и пріятельски пожалъ руку.

Онъ сѣлъ на мѣсто Любаши. Станицыной сильно хотѣлось упрекнуть его за то, что онъ забылъ ее.

— Вотъ и васъ увидала,—выговорила она съ улыбкой. Это вышло гораздо задушевнѣе, чѣмъ, можетъ-быть, она сама желала.

— Виноватъ, виноватъ,—говорилъ Палтусовъ и не выпускалъ еще ея руки,—забылъ васъ. Нѣтъ, это я лгу, не забылъ нисколько.

— А очень ужъ дѣлами занялись?

— Да!

— Вы, я погляжу, Андрей Дмитричъ, смотрите на насъ, какъ бы это сказать... какъ на рѣдкихъ звѣрей...

— Ха-ха-ха, что вы! Господь съ вами!

— Право́, такъ. Мы — звѣринецъ для васъ... Или вы насъ на какое дѣло употребляете... Я вообще говорю... про купцовъ.

Въ словахъ ея слышалась тонкая насмѣшка. Палтусова это задѣло за живое; но онъ не сталъ оправдываться... Ему, въ то же время, и понравилась такая шпилька.

— Вы не въ счетъ, — полушутливо вымолвилъ онъ въ томъ же тонѣ.

Ихъ разговоръ шелъ вполголоса. Анна Серафимовна прикрывалась большимъ чернымъ вѣеромъ, за который заходило немного и лицо Палтусова.

— Полноте,—началъ онъ искренной нотой,—вотъ это-то и доказательство, что я на васъ совсѣмъ иначе смотрю.

— Что? Не понимаю!.. Ахъ, да! Что вы два мѣсяца глазъ не кажете?..

Аннѣ Серафимовнѣ сдѣлалось вдругъ весело. Столько времени она одна съ приказчиками и кой-какими родственниками... Вотъ только Сеня Рубцовъ — подходящій для нея человѣкъ; но и его она мало видитъ, онъ по ея же дѣламъ ѣздитъ: то на одной фабрикѣ побываетъ, то на другой... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей въ „черничку“ обратиться?

Она повторила свой вопросъ.

— Именно это, — подтвердилъ Палтусовъ и слегка наклонилъ къ ней голову.

— Мудрено что-то...

Длинныя свои рѣсницы Анна Серафимовна опустила въ эту минуту. Лицо ея въ полъ-оборота приняло выраженіе тихой усмѣшки и граціи, которыхъ Палтусову еще не приходилось подмѣчать.

И ему стало особенно жаль эту самобытную, красивую и умную женщину, связанную съ такимъ мужемъ, какъ

Викторъ Мироньчъ... Надо хоть что-нибудь разсказать ей про его похожденія. Теперь можно.

— Знаете,— шопотомъ спросилъ онъ, — съ кѣмъ я кутилъ двѣ недѣли назадъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ вашимъ мужемъ.

Она немного затуманилась, но тотчасъ же весело спросила:

— Нешто онъ здѣсь былъ?

— А вы не знали?

— Говорили мнѣ что-то... будто онъ въ Славянскомъ Базарѣ проживалъ. Я вѣдь мимо ушей пропустила.

Эти слова отзывались уже другимъ чувствомъ. Прежде, полгода тому назадъ, она не стала бы такъ говорить съ нимъ о мужѣ. Презрѣніе ея растетъ, да и тонъ у нихъ другой... Внутри что-то пріятно пощекотало Палтусова.

— Анна Серафимовна, — заговорилъ онъ еще искреннѣе,—вамъ бы надо имѣть свѣдѣнія повѣрнѣе.

Она сидѣла съ опущенной головой.

— Что объ этомъ!—вырвалось у нея. — Новаго ничего нѣтъ, все то же.

— Здѣсь не мѣсто,—началъ было Палтусовъ и остановился.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Вы все однѣ?—спросилъ онъ.

— Да, и дома одна... Вотъ родственникъ мой наѣзжаетъ.

— Какой это?

— А что сидитъ рядомъ... Рубцовъ... его фамилія.

— Изъ какихъ?

— Вы хотите сказать: изъ русскихъ или изъ воспитанныхъ на иностранный ладъ?

— Ну, да!

— Онъ изъ умныхъ, — оттянула она. — Только вѣрно съ виду вамъ показался такимъ... Онъ въ Англіи долго жилъ.

— Въ Англіи?—переспросилъ Палтусовъ.

— И въ Америкѣ. Всякую работу работалъ. По восемнадцатому году уѣхалъ. Самъ себя образовалъ.

— Вотъ какъ! Анна Серафимовна, это отзываетъ романомъ: русскій американецъ, или изъ одной комедіи Сарду... вы знаете, вѣроятно?

— Онъ совсѣмъ не американецъ — русакомъ остался...

Вотъ это я въ немъ и люблю. Другіе сейчасъ все обезьянить начнутъ, и шепелявость на себя напустятъ, и воротничокъ такой, и проборъ... а онъ все тотъ же.

— Вотъ что!—сказалъ съ удареніемъ Палтусовъ и бокомъ поглядѣлъ на нее.

XIV.

— Что это вы такъ на меня посмотрѣли? — спросила Анна Серафимовна.

— Ничего! Такъ!..

— Ахъ, Андрей Дмитричъ, вамъ-то не пристало.

Но она сказала это опять-таки *легче*, чѣмъ бы полгода назадъ.

— Что жъ такое?—сталъ съ живостью оправдываться Палтусовъ.—Не придирайтесь ко мнѣ... Хорошій человѣкъ, молодой, понимающій, да если бъ вы къ нему и страстно привязались, какъ же иначе?.. Въ вашихъ-то обстоятельствахъ?!

Все это онъ выговорилъ тихо, только она могла его слышать въ общемъ гулѣ антракта. И ей пришелся очень по душѣ тонъ Палтусова, простота, пріятельское, искреннее отношеніе къ ней.

Въ отвѣтъ она подняла на него глаза и ласково остановила ихъ на немъ.

— Полноте, — выговорила она и прикрыла опять лицо вѣеромъ.

— Объ этомъ въ другой разъ, — уже совсѣмъ шутливо сказалъ Палтусовъ.—Такъ вы все одна. А кто же эта дѣвица съ длинными косами?

— Двоюродная сестра.

— Нигилистка изъ Татарской?

— Ха-ха! Какъ вы узнали?

— А въ самомъ дѣлѣ, развѣ нигилистка?

— Нѣтъ, какая нигилистка!.. А такъ—нраву моему не препятствуй, нынѣшняя... Они съ Рубцовымъ препотѣшно воюютъ. Только онъ ее побиваетъ... И тутъ вотъ, кажется, есть влеченіе.

— Съ ея стороны?

— Знаете, какъ прежде наши маменьки говорили: одно сердце страдаетъ, другое не знаетъ.

— Только вамъ съ ней... тяжело?

— Да-а.

— Вамъ бы взять чтицу.

— Я сама объ этомъ думаю... Да гдѣ?

— Поручите мнѣ.

Палтусовъ началъ говорить ей о Тасѣ Долгушиной. Мать ея умерла отъ нервнаго удара, разбившаго ее въ нѣсколько секундъ. Сидѣлка подавала ей ложку лѣкарства; она хотѣла проглотить и свалилась, какъ снопъ, со своихъ креселъ... Генерала, среди его рысканій по городу, захватила продажа съ молотка домика на Спиридоновкѣ. Палтусовъ умолчалъ о томъ, что онъ далъ имъ поддержку, назначилъ родъ пенсіона старухамъ, отыскалъ генералу мѣсто акцизнаго надзирателя на табачной фабрикѣ и уже позаботился пріискать Тасѣ дешевую квартиру въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ. Но онъ зналъ ея гордость... Надо было найти ей заработокъ, который бы не отнималъ у ней цѣлаго дня. Отъ Грушевой онъ, вмѣстѣ съ Пирожковымъ, отвлекли ее не безъ труда... Они убѣдили ее дождаться осени для поступленія въ консерваторію, а пока подыскали ей руководителя изъ знакомыхъ учителей словесности, хорошаго чтеца... Все это сдѣлалось въ нѣсколько дней. Палтусовъ дѣйствовалъ съ такой задушевностью, что Пирожковъ сказалъ ему даже:

— Я думалъ, изъ васъ Чичиковъ выйдетъ, а вы—человѣкъ-рубашка!

— Это вздоръ!—отвѣтилъ Палтусовъ безъ всякой рисовки.

Дѣлать толковое добро доставляло ему положительное удовольствіе.

Анна Серафимовна кивала все головой, слушая его.

— Что жъ,—откликнулась она тотчасъ же,—я съ радостью возьму вашу родственницу...

— Когда привезти?

— Да каждый день я дома отъ четырехъ часовъ.

Палтусовъ нагнулся къ ея уху.

— Вотъ видите, все-то теперь коммерсантамъ служитъ. Генеральская дочь—въ чтицахъ...

— У купчихи,—подсказала Анна Серафимовна.

— Самъ генералъ—у табачнаго фабриканта въ надзирателяхъ.

— Вамъ досадно?

— Нѣтъ! Такая колея.

— А все у насъ,—вздохнула Анна Серафимовна,—ничего нѣтъ...

Ее затрудняло слово.

— Гдѣ?—спросилъ заинтересованно Палтусовъ.

— Да и здѣсь, и здѣсь!

Она указала на голову и на сердце.

— Давятъ тебя со всѣхъ сторонъ...

— Тюки?—подсказалъ онъ.

— Да, да!

„Какая ты умница“,—подумалъ Палтусовъ, всталъ и протянулъ ей руку.

Антрактъ кончился. Оркестръ доигрывалъ съ грѣхомъ пополамъ какой-то вальсъ. Любаша и Рубцовъ пробирались справа.

— Вы бываете въ концертахъ?—спросила тихо Анна Серафимовна.

— Въ музыкалкѣ?

— Такъ ихъ зовутъ? Я не знала. Да, въ музыкалкѣ?

— Билетъ есть; но въ эту зиму забросилъ, да, знаете, въ родѣ барщины какой-то они дѣлаются.

— Это правда...

— Я завтра собираюсь,—проронила Анна Серафимовна и, подавая руку, спросила: — Марья Орестовна Нѣтова какъ поживаетъ за границей?

Палтусовъ быстро поглядѣлъ на нее.

— Все хвораетъ.

„Вотъ что!“—прибавилъ онъ про себя и, вернувшись на свое мѣсто, задумался.

XV.

Она что-нибудь подозрѣваетъ, думаетъ, можетъ-быть, что онъ находится въ связи съ Нѣтовой, слышала, пожалуй, про ихъ дѣловыя отношенія. Это надо разъяснить, показать ей все въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ бы никакъ не хотѣлъ терять въ мнѣніи, именно, этой женщины.

Пьеса шла туго. Бенефиціанткѣ и первому любовнику удалась одна сцена. Публика вызвала ихъ нѣсколько разъ, но Палтусовъ сидѣлъ равнодушно, не хлопалъ, разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ. Малый театръ потерялъ для него прежнее обаяніе. Не могъ онъ себя наладить на молодое настроеніе. Пьеса казалась набитой ненужными вещами, хоть она и шекспировская, обстановка раздражала своей бѣдностью, актеры читали глухо, деревянно. Совсѣмъ не то, что бывало, когда они брали въ складчину ложу и послѣ, до пѣтуховъ, спорили у себя въ номерахъ, за пивомъ. Насилу дождался онъ слѣдующаго антракта. Къ

Станицыной онъ не поднялся. Блондинъ и дѣвица съ косами оставались на своихъ мѣстахъ.

Палтусовъ пошелъ въ фойе и наткнулся на Пирожкова. Иванъ Алексѣевичъ ходилъ, не снимая своей цилиндрической шляпы.

— Не то,—сказалъ ему Пирожковъ.—Хоть не ходи въ Малый театръ.

— Можетъ, мы сами не тѣ?

— У кого былъ талантъ, тѣ излѣнились, а новые изъ рукъ вонъ плохи...

— А Тасю давно видѣли?—спросилъ Палтусовъ.

— Да она здѣсь! Я съ ней въ купонахъ обрѣтаюсь, пожалуйте.

— Не посмотрѣла на трауръ свой?

— Что жъ трауръ? Страсть у нея... Въ послѣдней пьесѣ ingénue какая-то новая.

Пирожковъ взялъ Палтусова подъ руку и отвелъ за колонны.

— Спасибо, спасибо вамъ, дружище,—заговорилъ онъ, ласково глядя на Палтусова.

— А что?

— Да вотъ, за эту дѣвицу... Она мнѣ все разсказала.

— Это пустяки.

— Однако, вы, я говорю, сложная натура. И купцовъ изловлять мастеръ, и позывы у васъ хорошіе.

— А вы вотъ что,—перебилъ его Палтусовъ.—Пойдемте-ка къ этой самой дѣвицѣ.

Онъ разсказалъ пріятелю, какой разговоръ онъ имѣлъ со Станицыной.

Тотъ одобрилъ планъ.

Они поднялись въ коридоръ.

Пирожковъ вошелъ въ одну изъ дверокъ и показался оттуда минуту спустя, ведя за руку Тасю.

Въ черномъ суконномъ платьѣ, съ узкими рукавами и отложнымъ воротникомъ, похудѣлая въ лицѣ, Тася смотрѣла совсѣмъ дѣвочкой и, подойдя ближе къ нему, сказала тихо:

— Вы на меня не дуетесь, Андрюша?

Она теперь такъ его звала.

— За что?

— А вотъ, что я въ театрѣ.

Палтусовъ пожалъ ей руку.

— Что я за цензоръ нравовъ?

— Такъ захотѣлось, такъ захотѣлось видѣть эту дебютантку!

Оба пріятеля рѣшили, что страсть къ сценѣ у ней—неисправимая. Палтусовъ предложилъ ей тутъ же познакомиться съ Станицыной и прибавилъ—почему.

Тася немного призадумалась, но тотчасъ же взяла Палтусова за руку и пожала.

— Вы славный! Я думала, вы другой! Хорошо... Это самое лучшее. Ведите меня къ вашей купчихѣ.

— Въ слѣдующій антрактъ сойдите въ фойе, а я ее приведу.

— Мнѣ еще и потому полезно будетъ,—соображала вслухъ Тася,—я увижу тамъ типы молодыхъ купчихъ. Это нужно изучить.

— Ненасытная!—разсмѣялся Пирожковъ.

— Да, это правда,—созналась Тася,—что̀ только театральное, все это мнѣ знать, жадность ужасная!

Тася увидала, что занавѣсъ поднимается, и бросилась въ свою ложу.

XVI.

Аннѣ Серафимовнѣ понравилась „генеральская дочка“,—такъ она назвала про себя Тасю. Она просила ее пріѣхать посидѣть запросто. Она не стала говорить ей тутъ же о мѣстѣ чтицы или компаньонки. Ея тактъ не ускользнулъ отъ Палтусова. Когда она вернулась, Любаша, ходившая также въ фойе вмѣстѣ съ Рубцовымъ, сейчасъ же спросила:

— Это что за дѣвчурочка въ черномъ?

— Родственница Андрея Дмитріевича Палтусова. Славная, кажется, дѣвушка.

— Что же это она въ сукнѣ-то?

— Мать у ней умерла.

— Видно, не очень убивается.

— Ахъ, Люба, — остановила Анна Серафимовна, — до всего-то тебѣ дѣло!

— Она ничего... Должно-быть, изъ оголтѣлыхъ?

— А вамъ что?—вступился Рубцовъ.

Онъ видѣлъ Тасю.

— Я люблю, когда съ нихъ фанаберію сбиваютъ,—продолжала задорно Любаша.

— Съ кого?—спросилъ Рубцовъ.

— Да съ дворянской дряни.

— Люба!—удержала опять Анна Серафимовна.

Люба поглядѣла на Рубцова, скосившаго на особый ладъ губы, и почувствовала какую-то новую неловкость въ его присутствіи. Онъ былъ недоволенъ, но это-то и подзадоривало ее.

— Это господинъ Палтусовъ?—тихо спросилъ Рубцовъ Анну Серафимовну.

— Да...

Она хотѣла узнать: какъ онъ ему понравился, но побоялась рѣзкаго отзыва.

— Ловкій, по видимости, человѣкъ,—замѣтилъ Рубцовъ какъ бы про себя.

— Думаете, ловкій?—спросила она.—Вотъ, однако, не объ одномъ себѣ хлопочетъ!

— Ну, это еще не Богъ знаетъ что... Родственницу пристроить...

— Послѣ,—остановила его Анна Серафимовна, указавъ на поднимавшійся занавѣсъ.

Ей былъ непріятенъ тонъ Рубцова. И онъ сегодня не далеко ушелъ отъ Любы. Что у нихъ—а еще молодые люди—за замашка: ко всему относиться съ недовѣріемъ, съ злобностью какой-то!

Она, въ теченіе акта, раза два поглядѣла въ сторону Палтусова. Въ антрактѣ онъ издали раскланялся и уѣхалъ до конца пьесы. Онъ ей сказалъ наверху, что будетъ завтра въ концертѣ. И ей показалось, какъ будто онъ желаетъ говорить съ ней о своихъ отношеніяхъ къ Нѣтовой. Зачѣмъ это? Правда, она слышала разныя вещи. Она имъ не вѣритъ.

Однако, это ее все-таки тронуло. Значитъ, онъ дорожитъ ея мнѣніемъ. А она думала, что онъ и знать ея не хочетъ. У него есть что-то и въ голосѣ, и въ движеніяхъ, и въ словахъ, что̀ ей особенно нравится.

— Тетя,—Любаша толкнула ее подъ бокъ,—вы куда-то мечтами унеслись.

— Ахъ, это ты!

— Право, унеслись... все этотъ душка-штатскій васъ въ такую мерехлюдію привелъ.

— Пустяки какіе ты все говоришь,—сказала Анна Серафимовна и отвернула голову.

— Уменъ очень?—спросилъ ее Рубцовъ пять минутъ спустя.

— Вы про кого?

— Да все про вашего ловкача.

— Не зовите его такъ.

— Ну, не буду.

— Вы спрашиваете, уменъ ли? Вотъ какъ-нибудь, если у меня встрѣтитесь, поэкзаменуйте его.

— Намъ гдѣ же-съ!

Рубцовъ рѣшительно не нравился ей въ этотъ вечеръ. Она хотѣла пригласить его напиться чаю послѣ театра, но не сдѣлаетъ этого. Съ нимъ она могла обо всемъ толковать: и о дѣлахъ, и о своемъ душевномъ настроенiи, но о Палтусовѣ разговоръ не пойдетъ; пускай они познакомятся. Да врядъ ли сойдутся. Сеня гордъ, въ людей не вѣритъ, барчонковъ не любитъ.

Конецъ шекспировской пьесы и маленькую комедiю, гдѣ дебютировала новая ingénue, Анна Серафимовна прослушала съ чувствомъ тяжести въ груди и въ головѣ. Только на воздухѣ ей стало легко. Она привезла Рубцова и Любашу въ своей каретѣ и должна была развезти ихъ по домамъ. Любаша напрашивалась на чай; но Анна Серафимовна напирала на позднiй часъ. И мать ея будетъ безпокоиться.

— А вы, Сеня, домой?—спросила Любаша.

— А то куда же?

Анна Серафимовна улыбнулась въ темнотѣ кареты. Люба начинала ревновать ее къ Рубцову.

— Ну, вотъ вамъ и Шекспиръ!—крикнула Люба.—Такая пустяковина!.. И скучища непролазная!

— Это точно,—подтвердилъ Рубцовъ.

Спорить съ ними Станицына не могла. Пьеса прошла передъ ней точно рядъ туманныхъ картинъ.

Любашу завезли; Рубцовъ взялъ извозчика на полпути. Домой Анна Серафимовна возвращалась одна. Было уже около часу ночи.

XVII.

Не спится Аннѣ Серафимовнѣ. Она живетъ все въ тѣхъ же хоромахъ, лежитъ на той же постели, что и передъ заключенiемъ „сдѣлки“ съ мужемъ. Низъ запертъ и не топится. Да и верхъ бы она заперла, кромѣ спальни, столовой, да дѣтской. Зачѣмъ ей столько комнатъ? И вообще-то она не любитъ тратить попустому деньги. Просторныхъ двѣ-три комнаты, чтобы чистота была, бѣлье тонкое, свѣту побольше. Платьевъ у ней много. На это

она готова тратиться. По-старому-то лучше жилось, все было на своемъ мѣстѣ; а теперь и мужчины, и женщины вышли изъ пазовъ, ни къ тѣмъ, ни къ этимъ не пристали. Она это чувствуетъ на самой себѣ. Что такое она? Вотъ хоть бы Андрей Дмитріевичъ Палтусовъ, какъ онъ на нее смотритъ? И не купчиха, какія прежде бывали, и не барыня. Есть у ней въ головѣ неплохія вещи. На фабрикѣ надо многое уладить, казармы рабочихъ передѣлать, школу тоже по-другому устроить. „Затѣи!— говорятъ разныя кумушки, — отличиться хочетъ, чтобы объ ней въ газетахъ написали, попасть потомъ въ почетныя попечительницы пріюта или въ предсѣдательницы общества“.

Бьетъ два часа. Анна Серафимовна не спитъ.

Да, хорошо бы все это, что у ней есть на душѣ, раздѣлить съ милымъ человѣкомъ. Сеня Рубцовъ — малый умный и понимающій. Онъ не попрекаетъ ее затѣями. Только въ немъ чего-то недостаетъ. Можетъ-быть, того же самаго, чего и въ ней нѣтъ. А все это-то и есть въ Андреѣ Дмитріевичѣ Палтусовѣ. Ей такъ кажется...

Десять разъ перевернулась Анна Серафимовна съ-боку-на-бокъ. Тонкое полотно подушки нагрѣлось. Она и ее раза два перевернула. Она спитъ съ ночникомъ. Въ спальнѣ воздуху много и засвѣжѣло немножко. Чего бы, кажется, не спать?

Что ея за положеніе теперь! Вдова—не вдова, и не дѣвушка, и свободы нѣтъ. Хорошо еще, что мужъ дѣтей не требуетъ. По его безпутству какія ему дѣти; но настанетъ часъ, когда онъ будетъ вымогать изъ нея, что можетъ, этими самыми дѣтьми... Надо заранѣе приготовиться... Вотъ такъ и живи! Скоро и тридцать лѣтъ подползутъ. А видѣла ли она хоть одинъ денекъ свѣта, радости, вотъ того, чѣмъ зачитываются въ книжкахъ? Нужды нѣтъ, что послѣ бываетъ горе, безъ риску не проживешь...

Счастье!.. Это вотъ слово какъ часто повторяютъ, особливо въ книжкахъ. А она, видно, такъ и дни свои кончитъ, не узнавъ, что̀ такое за счастье бываетъ на землѣ, особенно изъ-за котораго люди рѣжутся и топятся... А могла бы, и очень!.. Виктора Мироныча, что ли, испугалась, когда жила съ нимъ?..

Бьетъ три часа. Анна Серафимовна глядитъ на драпировку окна, приходящагося противъ кровати. Сонъ нейдетъ. Начинаетъ бить въ виски.

Хуже вдовства ея положеніе. А кто виноватъ? Сама.

Прямо потребуй развода, а не пойдетъ добромъ—излови, докажи... Нешто это трудно съ такимъ развратникомъ? Ей вѣдь разсказывали про бракоразводные процессы. Стòитъ это, много, десять тысячъ... И свидѣтели найдутся, которые подъ присягой покажутъ. Нѣтъ, на это она не пойдетъ! Изловить. Или откупиться?.. Теперь нельзя еще, и раньше двухъ лѣтъ не покроешь долговъ. Мужнину фабрику не поставишь на полный ладъ... Онъ, поди, и самъ не прочь. Развѣ такъ можно? Все устрой, очисти его отъ долговъ, работай для дѣтей изъ-за купеческой чести своей, а онъ все потомъ заберетъ, да и скажетъ: разводиться давай!.. Такой человѣкъ на себя вины не возьметъ. Ему новая женитьба нужна будетъ для какой-нибудь новой пакости.

Охъ! Пришла бы страсть-зазноба, вмигъ бы она все перевернула! И развязки бы добилась. Половину своего бы собственнаго состоянія отдала. Что жадничать? У дѣтей будетъ кусокъ хлѣба! Ждать ли этой зазнобы? Не прошло ли уже время? Не выѣли ли горечь и обида и жизнь съ постылымъ мужемъ то, чѣмъ сердце любитъ, чѣмъ душа летитъ навстрѣчу другой душѣ?

Душно Аннѣ Серафимовнѣ подъ атласнымъ одѣяломъ. Хоть на какой бы-нибудь пріятной мысли заснуть... А завтра-то? Въ концертѣ... Андрей Дмитричъ обѣщалъ. Туалетъ надо бѣлый. Онъ къ ней идетъ. Любу не возьметъ съ собой. Одна поѣдетъ. Сядетъ въ дальней залѣ, около арки. Онъ найдетъ ее.

Бьетъ четыре часа. Анна Серафимовна забылась и что-то шепчетъ во снѣ. Ей снится амбаръ съ полками. На прилавкѣ навалены куски всякихъ цвѣтовъ... Но приказчикъ вырываетъ у ней изъ рукъ штуку сукна; штука развертывается, сукно протянулось черезъ весь амбаръ, потомъ дальше, по улицѣ... Ей страшно. Она вскрикиваетъ и просыпается... Бьетъ пять часовъ.

XVIII.

По мраморной лѣстницѣ Благороднаго Собранія поднималась на другой день Анна Серафимовна — одна, безъ Любаши.

Она любила выѣзжать одна, и въ театръ лакея никогда не брала. Только на концерты Музыкальнаго Общества ѣздилъ съ ней человѣкъ, въ скромной черной ливреѣ, болѣе похожей на пальто, чѣмъ на ливрею. Первыя сѣни,

гдѣ пожарные отворяютъ двери, хлопали, сквозной вѣтеръ такъ и гулялъ. Въ большихъ сѣняхъ стѣной стояли лакеи съ шубами. Всѣ прибывающія дамы раздѣвались у лѣстницы. Бѣлый и голубой цвѣта преобладали въ платьяхъ. По красному сукну ступенекъ поднимались слегка колеблющіяся, длинныя, обтянутыя женскія фигуры, волоча шлейфы или подбирая ихъ одной рукой. На площадкѣ передъ широкимъ зеркаломъ стояли нѣсколько дамъ и оправлялись. Правѣе и лѣвѣе у зеркала же топтались молодые люди во фракахъ, двое даже въ бѣлыхъ галстукахъ. Они надѣвали перчатки. На этотъ концертъ съѣхалась вся Москва. Въ программѣ стояла пріѣзжая изъ Милана пѣвица и исполненіе въ первый разъ новой вещи Чайковскаго.

Мраморный левъ глядится въ зеркало. Его голова и щитъ съ гербомъ придаютъ лѣстницѣ торжественный стиль. Потолокъ не успѣлъ еще закоптиться. Онъ лѣпной. Жирандоли на верхней площадкѣ зажжены во всѣ рожки. Тамъ, у мраморныхъ сквозныхъ перилъ, мужчины стоятъ и ждутъ, перегнувшись книзу. На стулѣ сидитъ частный приставъ и разговариваетъ съ худымъ, желтымъ брюнетомъ въ сюртукѣ, имѣющимъ видъ смотрителя.

Анна Серафимовна остановилась на первой площадкѣ у зеркала, подождавъ немного, пока другія дамы отойдутъ. Сначала она смотрѣла внизъ по лѣстницѣ. Она стояла у перилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они заворачиваютъ наверхъ, около льва. Ей видна была вся суматоха и въ сѣняхъ, и лѣвѣе, за арками, гдѣ отдаютъ на сбереженіе платье пріѣхавшіе безъ своей прислуги. Оттуда выбѣгали обдерганные, нечистые лакеи, нанимающіеся поденно, приставали къ публикѣ, тащили каждый къ себѣ, совали номера. На прилавкѣ складывались шубы и пальто, калоши клались въ холщевые мѣшки—и все это исчезало въ глубинахъ помѣщенія съ перегородками. Публика все прибывала. „Вся Москва“ давала себя знать... Вошло уже болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Съ той площадки, гдѣ остановилась Анна Серафимовна, лѣстница и сѣни въ обоихъ своихъ отдѣленіяхъ, съ поднимающимися кверху дамами и мужчинами, толкотней за арками, съ толпой лакеевъ, нагруженныхъ узлами, казались какимъ-то однимъ тѣломъ, громаднымъ пестрымъ червемъ, извивающимся въ разныхъ направленіяхъ... И все это—Москва, „хорошее“ общество, ѣздящее сюда каждую субботу. Она никого почти не знаетъ, кромѣ большихъ купеческихъ фамилій... Это все

господа... А почему она не принимаетъ? Кто мѣшаетъ ей? На мiру надо жить! Свое купеческое общество ее не тянетъ. Скучно ей въ немъ до тошноты.

Анна Серафимовна подошла къ зеркалу.

Около него только что вертѣлись двѣ дѣвицы, одна въ ярко-красномъ, другая въ нѣжно-персиковомъ платьѣ, перетянутыя, съ длинными корсажами, въ цвѣтахъ, точно онѣ на балъ прiѣхали. Ихъ французскiй языкъ раздражалъ ее... Онѣ, можетъ, и купчихи—нынче не разберешь... Одѣты обѣ богато... Шила на нихъ навѣрно Жозефина или Луиза съ Тверской. Своимъ бѣлымъ сливочнаго цвѣта платьемъ строгаго покроя, съ кружевными рукавами, Анна Серафимовна довольна. Она не надѣла только брильянтовыя пуговицы, большiя, — каждая тысячи по двѣ... Не любитъ она своихъ вещей; ихъ дарилъ ей когда-то Викторъ Миронычъ... Купленныхъ самой было немного, но всѣ очень цѣнныя.

Въ зеркало она видна себѣ вся, и за ней лѣстница — внизъ и вверхъ. Парадно почувствовала она себя, жутко немного, какъ всегда на людяхъ. Но ей ловко въ платьѣ, перчатки тоже прекрасно сидятъ, на шесть пуговицъ, въ глазахъ сейчасъ прибавилось блеску, даромъ что плохо спала, изъ-подъ кружевного края платья видны шелковые башмачки и ажурные чулки. Никогда она еще не находила себя такой изящной. Кажется, все тяжелое, купеческое слетѣло съ нея. Осмотрѣла она себя быстро, въ нѣсколько секундъ, поправила волосы, на груди что-то, достала билетъ изъ кармана, скрытаго въ складкахъ юбки, и легкими шагами начала подниматься... Глазамъ ея прiятно; но уже не въ первый разъ обоняетъ она запахъ сапожной кожи... И чѣмъ ближе къ входу въ первую залу, тѣмъ онъ слышнѣе. Запахъ этотъ идетъ отъ артельщиковъ въ сибиркахъ, приставленныхъ къ контролю билетовъ. Она знаетъ отлично этотъ запахъ. Ея артельщики ходятъ въ такихъ же сапогахъ. Она подаетъ одному изъ нихъ свой абонементный билетъ. Онъ у ней номерованный, но въ большую залу она не пойдетъ, хорошо, если бъ удалось занять поближе мѣсто за гостиной съ арками, тамъ, гдѣ полуосвѣщено. Вѣроятно, можно. Еще четверть часа до начала.

XIX.

У входа во вторую продольную залу направо — столъ съ продажей афишъ. Билетовъ не продаютъ. Въ этой залѣ, откуда ходъ на хоры, стояли группы мужчинъ, дамы только проходили или останавливались предъ зеркаломъ. Но въ слѣдующей комнатѣ, гостиной съ арками, ведущей въ большую залу, ужъ размѣстились дамы, по лѣвой стѣнѣ, на диванахъ и креслахъ, въ свѣтлыхъ туалетахъ, въ цвѣтахъ и полуоткрытыхъ лифахъ.

Анна Серафимовна бросила на нихъ взглядъ бокомъ. Она знала трехъ изъ этихъ дамъ, могла назвать и по фамиліямъ... Вотъ жена желѣзно-дорожника въ рытомъ бархатѣ, съ толстой красной шеей, а у той мужъ въ судебной палатѣ что-то, а третья — вдова или „разводка" изъ губерніи, вездѣ бываетъ, рядится, на что живетъ — неизвѣстно... Всѣ три оглядываютъ ее. Ей бы не хотѣлось проходить мимо нихъ; да какъ же иначе сдѣлать? Виктора Мироныча и его похожденія каждая знаетъ... А ни одна, гляди, хорошаго слова про нее не скажетъ: „купчиха, кумушка, на „онъ" говоритъ, ему не такая жена нужна была". Каждую складочку осмотрятъ. Скажутъ: „жадная, платье больше трехсотъ рублей не стòитъ, а брильянтовъ жалко надѣвать ей, неравно потеряетъ".

Щеки сильно разгорѣлись у Анны Серафимовны... Она быстро-быстро дошла до одной изъ арокъ, гдѣ уже мужчины тѣснились такъ, что съ трудомъ можно было проникнуть въ большую залу. Люстры были зажжены не во всѣ свѣчи. Свѣтъ терялся въ пыльной мглѣ между толстыми колоннами; съ хоръ виднѣлись ряды головъ въ два яруса, открывались шеи, рукава, иногда цѣлый бюстъ... Все это тонуло въ темнотѣ стѣны, прорѣзанной полукруглыми окнами. За колоннами внизу, на диванахъ, сплошной цѣпью разсѣлись рано забравшіяся посѣтительницы концертовъ, и чѣмъ ближе къ эстрадѣ, помѣщающейся передъ круглой гостиной, тѣмъ женщинъ больше и больше.

Въ сторону эстрады заглянула-было въ большую залу и Анна Серафимовна, но сейчасъ же подалась назадъ. Въ гостиной вдоль арокъ, на четырехъ рядахъ креселъ, на большихъ диванахъ и по всей противоположной стѣнѣ жужжитъ цѣлый рой женскихъ сдержанныхъ голосовъ. Темныхъ платьевъ почти не было видно... Здѣсь только въ началѣ концерта слушаютъ, но разговоры не прекра-

щаются. Это салонъ, приставленный къ концертной залѣ... Углубиться въ симфонію невозможно. Анна Серафимовна хоть и не считаетъ себя много смыслящей въ музыкѣ, но не одобряетъ этой гостиной.

Она прошла дальше, въ полуосвѣщенную комнату покороче, почти совсѣмъ безъ мебели. Нѣсколько креселъ стояло у лѣвой стѣны и около карниза. Она сѣла тутъ за угломъ, такъ, чтобы самой уйти въ тѣнь, а видѣть всѣхъ. Это мѣстечко у ней — любимое. Тутъ прохладно, можно сѣсть покойнѣе, закрыть глаза, когда что - нибудь понравится, звуки оркестра доходятъ, хоть и не очень отчетливо, но мягко. Они все-таки заглушаютъ разговоры... Найти ее во всякомъ случаѣ не трудно—кто пожелаетъ.

Вотъ приближается улыбающійся лысый господинъ въ черномъ сюртукѣ. Отъ него она хотѣла бы спрятаться. Непремѣнно подойдетъ и начнетъ говорить приторныя любезности. Не нужно ей и вотъ того крошечнаго гусарика въ красныхъ рейтузахъ и голубомъ ментикѣ... Онъ всѣхъ знаетъ, переходитъ отъ одной дамы къ другой, волосики на лбу расчесаны, какъ у ея сына Мити, что-то такое всѣмъ шепчетъ. А вотъ и пары пошли. Она ихъ давно замѣтила. Лучше не смотрѣть! Какое ей дѣло?.. Точно завидуетъ. Есть чему! Такъ открыто держать около себя любовниковъ—срамъ!

Оркестръ грянулъ. Это была „це-мольная" симфонія Бетховена. Анна Серафимовна не могла бы разобрать ее на фортепіано. Она ноты знала плохо, музыка не давалась ей никогда и въ пансіонѣ, но она любила эту именно симфонію, слыхала ее чуть не десятки разъ, могла своими ощущеніями описать ее. Она знала, что маленькая фраза въ нѣсколько нотъ будетъ на разные лады повторяться, и такъ, и этакъ, стремительнѣе, образнѣе, сложнѣе — и опять прозвучитъ въ первоначальной простотѣ. Рѣшительно не понимала Анна Серафимовна, какъ это можно сдѣлать что-то большое, широкое, забирающее за живое, могучее изъ нѣсколькихъ нотокъ, изъ какого-то окрика или точно кто палочкой или пальцемъ по стеклу ударилъ... И пѣнья віолончели ждала она въ andante. Не умѣетъ она выразить, почему въ этой мелодіи есть что-то, прямо отвѣчающее на ея душевные порывы, но что оно такъ—она въ этомъ убѣждена. А потомъ, къ концу, вдругъ пронесется какой-то вихрь: могучій и страстный человѣкъ созываетъ всѣхъ на свое торжество.

XX.

Палтусовъ пріѣхалъ къ концу первой части концерта. Онъ остановился у входа въ гостиную съ арками. Наплывъ публики показался ему чрезвычайнымъ. Куда онъ ни поглядитъ, вездѣ туалеты, туалеты, открытыя или полуобнаженныя руки, цвѣты. Правда, тутъ уже „вся Москва“, и та, что̀ притворяется любительницей музыки, и та, что̀ не знаетъ, гдѣ ей показать себя. Онъ давно говоритъ, что „музыкалка“ превратилась въ выставку нарядовъ и невѣстъ, въ вечернюю голофтѣевскую галлерею, куда ѣздятъ лорнировать, шептаться по угламъ, громко говорить посрединѣ, зѣвать, встрѣчаться со знакомыми на разъѣздѣ. Большой городъ, большое общество, когда видишь его въ кучѣ, и деньгами пахнетъ, и пожить хочется всѣмъ...

Глаза Палтусова искали Анну Серафимовну. Онъ вспомнилъ, что видалъ ее прежде въ дальней залѣ, въ сторонкѣ, за карнизомъ... Въ большую залу онъ не пойдетъ. Тамъ ея навѣрно нѣтъ. До антракта онъ постоялъ у первой арки, позади длиннаго хвоста мужчинъ, очень прифранченныхъ. Поклонился онъ хорошенькой докторшѣ въ розовомъ шелковомъ платьѣ, другой тоже красивенькой женщинѣ, женѣ адвоката, оглядѣлъ двухъ жидовочекъ, съ тонкими профилями, въ перетянутыхъ до-нельзя лифахъ, и трехъ дѣвицъ въ бѣлыхъ кашемировыхъ платьяхъ, съ высокимъ воротомъ, сидѣвшихъ точно въ молочной ваннѣ.

Длинный молодой человѣкъ съ худощавымъ, румянымъ лицомъ и русой бородкой во фракѣ остановилъ Палтусова, когда онъ началъ пробираться чрезъ гостиную.

— А, докторъ!—откликнулся Палтусовъ, пожимая ему руку.—Я думалъ, вы въ Парижѣ.

— Всю зиму здѣсь, — отвѣтилъ тотъ съ кисловатой усмѣшкой.

— Все по женскимъ болѣзнямъ практикуете?

— Какъ же.

— Со старыми княгинями возитесь?

Докторъ повелъ плечами и засмѣялся.

— Всякихъ успѣховъ! — сказалъ ему Палтусовъ и пошелъ дальше.

Докторъ жилъ когда-то въ Ѳиваидѣ —на Срѣтенкѣ, но онъ тотчасъ по окончаніи курса поѣхалъ домашнимъ вра-

чомъ съ барской фамиліей въ Парижъ и на итальянскую зимовку, и съ тѣхъ поръ понагрѣлъ уже руки около худосочныхъ, богатенькихъ и старенькихъ княгинь. Какъ личность, и по репутаціи, онъ былъ довольно-таки ему противенъ.

По теоріи Палтусова, можно было располагать къ себѣ женщинъ, но непремѣнно молодыхъ, если уже не красивыхъ, завязывать черезъ нихъ связи, пользоваться ихъ довѣріемъ, но ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать черезъ нихъ на мужей и не ухаживать за ними изъ личныхъ расчетовъ, когда онѣ стары, да еще имѣютъ на васъ любовные виды. Докторъ не отвѣчалъ такой программѣ.

— А! Палтусовъ, голубчикъ!—окликнулъ сзади ласковый, низковатый, женскій голосъ.

Онъ обернулся. Передъ нимъ заблестѣли два черныхъ, бархатныхъ глаза, смотрѣвшіе на него бойко и весело. Ему протягивала бѣлую, полуоткрытую руку въ свѣтлой шведской перчаткѣ статная, полногрудая, красивая дама лѣтъ подъ тридцать, брюнетка, въ богатомъ пестромъ платьѣ, переливающемъ всевозможными цвѣтами. Голова ея, съ отблескомъ черныхъ волосъ, бѣлые зубы, молочная шея, яркій, алый ротъ заиграли передъ Палтусовымъ. На груди блестѣла брильянтовая брошка.

— Людмила Петровна!

— Хорошъ, батюшка! Полгода глазъ не кажетъ!

— Виноватъ! Не оправдываюсь...

Это была его давнишняя знакомая Людмила Петровна Рогожина. Онъ еще офицеромъ ѣздилъ въ домъ ея отца, читалъ ей книжки, немножко ухаживалъ. Тогда уже она обѣщала развернуться въ роскошную женщину. Изъ небогатой купеческой семьи она попала за милліонера-мануфактуриста.

Сзади, изъ-за ея плеча улыбался супругъ, бѣлый, съ розовыми щеками, пухлый, обросшій какимъ-то мохомъ вмѣсто волосъ, маленькаго роста, съ начинающимся брюшкомъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Онъ несъ голубую съ серебромъ накидку жены.

— Артамонъ Лукичъ! мое почтеніе!—кивнулъ ему Палтусовъ и сдѣлалъ ручкой.

Тотъ усиленно замоталъ бѣлокурой головой съ плоскими, припомаженными височками.

— Виноватъ,—повторилъ Палтусовъ и нагнулъ голову къ плечу Рогожиной.

— Бестія-то та уѣхала?—шепнула она ему въ ухо.

— Какая бестія?—разсмѣялся онъ.

— А та! Нѣтиха!.. Кривляка-то!.. Дохлая!.. При ней, небось, состоите въ адъютантахъ!

— Полноте!

— Да ужъ нечего! Все знаю! Ну, Богъ проститъ. Вотъ что, голубчикъ, ко мнѣ въ среду на масленицѣ. Большой плясъ. Невѣсту какую подхватить можно!.. У меня и титулованные будутъ. Пальчики оближете.

— Хорошо!

— То-то же. Безъ обмана.

Она пожала ему руку и поплыла. Супругъ тоже пожалъ руку и прибавилъ сладкимъ теноркомъ:

— Безъ обману! Ха-ха-ха! Въ среду!

XXI.

Изъ своего угла Анна Серафимовна видѣла, какъ вошелъ Палтусовъ, съ кѣмъ раскланивался, съ кѣмъ поговорилъ. Рогожина въ этотъ вечеръ показалась ей особенно красивой. Онѣ были съ ней когда-то пріятельницами и до сихъ поръ—на „ты“. Анна Серафимовна рѣдко ѣздитъ къ ней. Очень ужъ въ этомъ домѣ „вѣтерокъ порхаетъ“, какъ она выражалась.

Когда Рогожина пожимала руку Палтусову, а потомъ что-то сказала ему на ухо—Анну Серафимовну ударило въ жаръ... Она начала обмахиваться вѣеромъ.

— Вотъ вы гдѣ!—заслышался сбоку голосъ Палтусова.

Онъ тотчасъ же сѣлъ рядомъ съ ней.

— Сейчасъ пріѣхали?—спросила она не тѣмъ тономъ, какимъ бы сама желала.

— Передъ антрактомъ.

Станицына показалась ему въ этотъ вечеръ гораздо больше дамой, чѣмъ когда-либо. Въ ней онъ цѣнилъ чистоту русскаго, старо-народняго типа. Такихъ бровей ни у кого не было въ этой гостиной, да и глазъ также. Станъ ея сохранилъ дѣвическую стройность. Въ ней чувствовалась страстность женщины, не знавшей ни супружеской любви, ни запретныхъ наслажденій.

— У Рогожиной на масленицѣ большой плясъ,—заговорилъ Палтусовъ,—вы будете?

— Она меня не звала.

— Конечно, позоветъ, поѣзжайте,—убѣдительно выговорилъ онъ

— А вы? Собираетесь, небось?

— Буду.

— Видите что, Андрей Дмитріевичъ,—продолжала Станицына потише,—мнѣ какъ-то неловко.

Въ первый разъ она говорила нѣчто такое постороннему.

— Ахъ, полноте!—возразилъ Палтусовъ. — Зачѣмъ это дѣлать изъ себя жертву?

— Я не дѣлаю, Андрей Дмитріевичъ,—перебила она и сдвинула брови.

— Дѣлаете!—горячо, по дружескимъ звукомъ повторилъ Палтусовъ.—Изъ-за чего же вамъ отказывать себѣ во всемъ? Изъ-за того, что вашъ супругъ...

Она остановила его взглядомъ.

— Ну, не буду... Только вы, пожалуйста, не отказывайтесь отъ бала у Рогожиной,—рука его протянулась къ ней, — попляшемъ, поѣдимъ, шампанскаго попьемъ. Кадриль мнѣ пожалуйте сейчасъ же.

Никогда Палтусовъ не говорилъ съ ней такъ оживленно и добродушно.

— Не знаю... платье...

— Ахъ, Боже мой!

— Надо экономію соблюдать, — шутливымъ шопотомъ продолжала она.

— Вы въ эту зиму навѣрно не были и на одномъ балѣ?

— Нѣтъ, не была.

— Такъ раскошельтесь на пятьсотъ рублей.

— Не сдѣлаешь! — дѣловымъ тономъ сообразила Анна Серафимовна.

Палтусовъ разсмѣялся.

— Да и нельзя,—прибавила она тѣмъ же тономъ.

— Почему же? Фирму надо поддержать?

— А какъ бы вы думали, Андрей Дмитріевичъ? Каждое кружевцо сочтутъ... Тысячи рублей и клади.

— Не скупитесь! Вѣдь теперь всѣ фабрики отличныя дѣла дѣлаютъ. Золотая пошлина выручила. У Макарья-то сколько процентиковъ изволили зашибить?

Они оба разсмѣялись надъ своимъ разговоромъ.

Ходьба и гулъ голосовъ стихли въ гостиной. Оркестръ заигралъ. Смолкли и Станицына съ Палтусовымъ. Онъ остался тутъ же, позади ея кресла.

Кто-то игралъ фортепьянный концертъ съ оркестромъ. Такая музыка не захватывала. Анна Серафимовна подъ громкіе пассажи піаниста обдумывала свой туалетъ у

Рогожиныхъ. Завтра же она поѣдетъ къ Жозефинѣ. А если та завалена работой, такъ къ Минангуа... Хочется ей что-нибудь побогаче. Что, въ самомъ дѣлѣ, она будетъ обрѣзывать себя во всемъ изъ-за того, что Викторъ Миронычъ съ „подлыми" и „безстыжими" француженками потерялъ всякую совѣсть? Да и въ самомъ дѣлѣ для фирмы полезно. Каждый будетъ видѣть, что платье тысячу рублей стоитъ. А ее знаютъ за экономную женщину.

Давно уже она съ такимъ молодымъ чувствомъ не обдумывала туалетъ. Платье будетъ голубое. Если отдѣлать его серебряными кружевами? Нѣтъ, похоже на оперный костюмъ. Жемчугъ въ модѣ — фальшивымъ она не станетъ обшивать, а настоящаго жаль, сорвутъ въ танцахъ, раздавятъ... Что-нибудь другое. Ну, да портниха придумаетъ... Коли и Минангуа не возьметъ въ четыре дня сшить—къ Шумской или къ Луизѣ поѣдетъ...

Теперь ее тянетъ на этотъ балъ... Палтусовъ упрашиваетъ. На балѣ, въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, онъ представительнѣе всѣхъ. У него именно такой ростъ, какой нужно для молодого мужчины на вечерѣ, въ танцахъ, въ любомъ собраніи. Вѣдь множество здѣсь всякихъ мужчинъ, а никто не смотритъ такъ порядочно и значительно, какъ онъ. Или „адвокатишка", она такъ и назвала мысленно, или „конторщикъ", или мелюзга. Фраки натянули— обрадовались случаю; а всего-то въ нихъ и есть содержанія, что жилеты отъ Бургеса, да лаковыя ботинки отъ Пироне.

И ее уже не смущаетъ то, что она сидитъ рядомъ съ Палтусовымъ въ полутемномъ уголкѣ на глазахъ всѣхъ сплетницъ.

XXII.

— Анна Серафимовна, — шопотомъ позвалъ ее сбоку Палтусовъ.

Она повернула голову.

— Концертъ этотъ вамъ не очень нравится?

— Нѣтъ.

— Можно поговорить?

Вмѣсто отвѣта, она подалась назадъ. Теперь ее видно было только тѣмъ, кто сидѣлъ у стѣны и въ заднемъ ряду стульевъ, а Палтусовъ совсѣмъ скрылся за ея кресломъ.

— Правду мнѣ настоящую скажете? — спросилъ онъ, наклоняясь къ ея затылку.

— Я не охотница лгать.

— Вы зачѣмъ вчера въ театрѣ намекнули на мои отношенія къ Марьѣ Орестовнѣ?

Анна Серафимовна слегка покраснѣла.

— Намекали?—спросилъ съ удареніемъ Палтусовъ.

— Такъ что же?

— Это не отвѣтъ!

— Вамъ непріятно было?

— Нѣтъ,—перебилъ Палтусовъ, — такъ мы не будемъ говорить, Анна Серафимовна. Да здѣсь и не совсѣмъ удобно... Я хотѣлъ только увѣрить васъ, что никакихъ особенныхъ отношеній не было и не можетъ быть... Вы мнѣ вѣрите?

Его лицо было ей видно наполовину... Оно какъ будто немного поблѣднѣло... Голосъ зазвучалъ искренно. По ней пробѣжала внезапная дрожь.

— Я вамъ вѣрю, Андрей Дмитріевичъ.

Эти слова припомнили ей вдругъ сцену, видѣнную на одномъ бенефисѣ... Хорошая дѣвушка, купеческая дочь, ввѣряется любимому человѣку... А человѣкъ этотъ—воръ, онъ наканунѣ погрома, ему нужно ея приданое, онъ обводитъ ее, вызвалъ на любовное свиданіе у колодезя. Луна свѣтитъ, поэтическая минута. И эта дура сказала ему точь-въ-точь тѣ же слова: „я вамъ вѣрю". И „жуликъ" этотъ говорилъ тронутымъ голосомъ; актеръ гримировался ужасно похоже на Палтусова.

— Больше мнѣ ничего и не нужно, — слышался около нея его голосъ.

Онъ оправдывается? Стало-быть, его за живое задѣло. Не хотѣла она его обидѣть вчера, а такъ, съ языка соскочило. Мало ли что говорятъ! Марья Орестовна—женщина тонкая, воспитанная совсѣмъ на барскій манеръ... Что же мудренаго, если бы и вышло между ними „что-нибудь". Но врядъ ли. Вотъ она за границу уѣхала, слышно, на полгода. Около денегъ ея поживиться?.. Нѣтъ! Зачѣмъ подозрѣвать?.. Гадко!

— Я вамъ вѣрю, — сказала еще разъ Анна Серафимовна и вбокъ подняла на него свои пушистыя рѣсницы.

„То-то,—выговорилъ про себя Палтусовъ,—еще бы ты не вѣрила!"

Въ эту минуту онъ чувствовалъ между собой и всѣмъ тѣмъ людомъ, который мелькалъ предъ нимъ, цѣлую пропасть. Онъ вотъ никому не вѣрилъ изъ этихъ фрачни-

ковъ. Каждый на его мѣстѣ извлекъ бы изъ дружескаго знакомства съ Нѣтовой, изъ ея тайной слабости къ нему, что-нибудь весьма существенное... Все кругомъ хапаетъ, воруетъ, производитъ растраты, теряетъ даже сознаніе того, что̀ свое и что̀ чужое. Теперь, войдя въ дѣлецкій міръ, онъ видитъ, на чемъ держится всякая русская афера. Только у нѣкоторыхъ купеческихъ фамилій и есть еще хозяйская, хоть тоже кулаческая, честность... Такую Анну Серафимовну приходится уважать. Но и она должна уважать его, ставить его „на полочку" уже по одному тому, какъ онъ съ ней ведетъ дѣло, какъ съ женщиной. Развѣ другой, на его мѣстѣ, не старался бы „примоститься" тотчасъ послѣ того, какъ она осталась соломенной вдовой?.. Тутъ милліономъ пахнетъ. Виктора Мироныча спустить, до развода довести, отступного заплатить... Молодая женщина, не старше его, красивая, дѣльная, крупный характеръ. А онъ вотъ два мѣсяца у ней не былъ. Ему не нужно бабьихъ денегъ. Онъ и самъ пробьетъ себѣ дорогу. Какъ же ей не вѣрить ему и не уважать его? И будетъ еще больше уважать. И довѣрять ему станетъ, коли онъ захочетъ, точно такъ же, какъ Нѣтова, которую онъ можетъ обокрасть до тла, если ему это вздумается.

Глаза Палтусова перебѣгали отъ одной мужской фигуры къ другой.

„Все жулики!"—говорили эти глаза. Ни въ комъ нѣтъ того, хоть бы дѣлецкаго, гонора, безъ котораго, какая же разница между пріобрѣтателемъ и мошенникомъ?..

— Вѣрите?—спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.— Спасибо на добромъ словѣ.

Она тихо улыбнулась. Фортепьянный концертъ кончился среди треска рукоплесканій. Теперь говорить было удобнѣе, но почему-то они замолчали. На эстрадѣ, послѣ паузы, запѣла всѣмъ обѣщанная, пріѣзжая пѣвица—сопрано. И въ разговорномъ салонѣ немного примолкли. Пѣвица исполнила два номера. Ей похлопали, но умѣренно. Она не понравилась.

— Экая невидаль!—сказалъ кто-то громко въ гостиной. Нѣсколько дамъ переглянулись.

XXIII.

Оставалось еще два номера во второй части програмы, но начался уже разъѣздъ. Изъ боковыхъ комнатъ, осо-

бенно изъ гостиной, стали подниматься дамы, шумя стульями, мужчины затопали каблуками, изъ большой залы потянулись также къ выходу. Слушать что-нибудь было затруднительно. Но Анна Серафимовна высидѣла до конца.

Палтусовъ предложилъ ей руку. Она еще въ первый разъ шла съ нимъ подъ руку, въ такомъ многолюдствѣ, предъ всей „порядочной“ Москвой. Хорошо ли она дѣлаетъ? Знакомыхъ пока не попадалось. Но вѣдь ее многіе знаютъ въ лицо. Идти съ нимъ ловко; они одного роста. Съ Викторомъ Миронычемъ она терпѣть не могла ходить и въ первый и во второй годъ замужества, а потомъ онъ и самъ никуда почти съ ней не показывался...

Вотъ они въ той комнатѣ, откуда двѣ боковыя двери ведутъ на хоры и въ круглую гостиную. Сразу нахлынула публика. Съ хоръ спускались дамы и дѣвицы въ простенькихъ туалетахъ, въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ, старушки, пожилыя барыни въ наколкахъ, гимназисты, дѣвочки-подростки, дѣти.

— Посмотрите, какія милыя лица, — указалъ ей Палтусовъ на двухъ дѣвушекъ, остановившихся у одного изъ подзеркальниковъ.

Онѣ были навѣрно сестры. Одна высокая, съ длинной таліей, въ черной, бархатной кофточкѣ и въ кружевной фрезѣ. Другая пониже, въ малиновомъ платьѣ съ свѣтлыми пуговицами. Обѣ брюнетки. У высокой щеки и уши горѣли. Изъ-подъ густыхъ бровей глаза такъ и сыпали искры. На лбу курчавились волосы, спускающіеся почти до бровей. Дѣвушка, пониже ростомъ, носила короткіе локоны вмѣсто шиньона. Носъ шелъ ломаной, игривой линіей. Маленькіе глазки искрились. Талія перехвачена была кушакомъ.

— Кто это?—спросила Анна Серафимовна.

— Не знаю ихъ фамиліи, но вижу всегда въ концертахъ и въ Большомъ театрѣ,—выговорилъ Палтусовъ.

Къ брюнеткамъ подошли трое мужчинъ: толстенькій офицеръ съ краснымъ воротникомъ, нервный блондинъ съ подстриженной бородой, въ длинномъ сюртукѣ и, по московской модѣ, въ бѣломъ галстукѣ, и черноватый франтъ во фракѣ и лайковыхъ башмакахъ, — съ виду иностранецъ.

Дѣвушка, пониже, заговорила съ военнымъ. Глаза ея еще больше заиграли. Другая улыбалась блондину.

— Вотъ толкуютъ — невѣстъ нѣтъ, — пошутила Анна Серафимовна, — а куда ни взглянешь — все хорошенькія дѣвушки.

— Милыя!—выговорилъ Палтусовъ.

— Что не женитесь?

— Время не пришло.

— Я не сваха, никого сватать не буду, — прибавила она серьезнѣе. — Да и вы, Андрей Дмитричъ, не женитесь. На это надо таланъ имѣть.

Она сказала „таланъ", а не „талантъ"—по-московски. Это ему понравилось.

— Батюшки, — прошептала вдругъ она, — не уйдешь отъ старика!

Ее замѣтилъ тотъ лысый господинъ, котораго она уже видала, когда пріѣхала. По дорогѣ онъ подошелъ къ брюнеткамъ, пожалъ имъ руки продолжительно, съ наклоненіемъ всего корпуса, щуря свои мышиные глазки.

Онъ подошелъ и къ Аннѣ Серафимовнѣ и сдѣлалъ жестъ, точно хотѣлъ приложиться къ рукѣ.

— Анна Серафимовна, — сладко проговорилъ онъ, и глазки его совсѣмъ закрылись. — Какъ ваше здоровье? Викторъ Миронычъ какъ поживаетъ?

Каждый разъ онъ спрашиваетъ ее одно и то же: — о здоровьѣ и о Викторѣ Миронычѣ.

— Благодарю васъ, — сухо отвѣтила она и рукой немного надавила на руку Палтусова, давая ему чувствовать, чтобы онъ повелъ ее дальше.

Они перешли въ послѣднюю залу, передъ площадкой. Здѣсь по стульямъ сидѣли группы дамъ, простывали отъ жары хоръ и большой залы. Разъѣздъ шелъ туго. Только половина публики отплыла книзу, другая половина ждала или „дѣлала салонъ". Всѣмъ хотѣлось говорить.

Мужчины перебѣгали отъ одной группы къ другой.

— Хотите присѣсть?—спросилъ Палтусовъ.

— Нѣтъ, здѣсь на виду очень.

— Все боитесь?

— Ахъ, Андрей Дмитричъ, — выговорила она полушопотомъ, — вы во мнѣ еще долго не выкурите... купчихи.

— Да и не нужно.

— Ой-ли?—вырвалось у нея.

И она довольно громко засмѣялась. Они вышли уже на площадку. Палтусовъ отвелъ ее въ сторону, направо.

— Надо подождать немного, — сказалъ онъ, указывая на толпу.

XXIV.

— Аннушка, здравствуй!—поздоровалась съ Анной Серафимовной Рогожина и стала передъ ними.

Мужъ накинулъ ей на плечи голубую мантилью, послѣ чего подбѣжалъ къ Станицыной и низко съ ней раскланялся.

Палтусову Рогожина подмигнула. Этотъ взглядъ, говорившій: „вотъ ты куда подбираешься!“ схватила Анна Серафимовна и внутренне съежилась. Она отдернула на половину руку, которую держалъ Палтусовъ.

— Здравствуй,—выговорила она степеннымъ тономъ.

— Искала тебя по всей залѣ... Ты что же это на твоемъ мѣстѣ не сидишь, а?

— Не люблю... Очень жарко и къ музыкѣ близко.

— Ну, вотъ что, голубчикъ... У меня плясъ въ среду на масленицѣ... Тебя бы и звать не слѣдовало... Глазъ не кажешь. Вотъ и этотъ молодчикъ тоже. Скрывается гдѣ-то.—Рогожина во второй разъ подмигнула.—Пожалуйста, милая. Вся губернія пойдетъ писать. Маменекъ не будетъ... Только однѣ хорошенькія... А у кого это мѣсто не ладно,—она обвела лицо,—тѣ высокаго полета.

— Вотъ какъ,—кончикомъ губъ выговорила Анна Серафимовна... Тонъ Рогожиной ее коробилъ.

— Будешь?

— Плохая я танцорка... — начала было Анна Серафимовна.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, — вмѣшался мужъ Рогожиной, — это никакъ невозможно. Людмилочка говоритъ истинную правду: однѣ только хорошенькія будутъ. Вамъ никакъ нельзя отказаться.

— Не мѣшайся!—крикнула Рогожина.

Станицына покраснѣла.

Къ нимъ подошелъ пріѣзжій генералъ, совсѣмъ бѣлый, съ золотыми аксельбантами. Онъ весь вечеръ любезничалъ съ Рогожиной.

— А! — заговорилъ онъ, обращаясь къ Рогожиной, — здѣсь салонъ... Esprit d'escalier!..

— Такъ будете, князь?—Рогожина повернулась къ нему и взяла его за обшлагъ рукава.

— Непремѣнно...

— Прощай!—сказала Рогожина Аннѣ Серафимовнѣ.—Пойдемте, князь.

Она увела старичка.

— Бой-баба стала моя Людмила Петровна!—замѣтилъ Палтусовъ.

— Ваша?—переспросила Станицына.

— Я вѣдь ее еще дѣвушкой зналъ... Мы съ ней даже на „ты“ были одно время.

— У ней это скоро... А какъ вы скажете, Андрей Дмитричъ... Хорошо ли такой быть, какъ она?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Такъ со всѣми обходиться?

— Видите, хорошо... Всѣ къ ней ѣздятъ... Вся Москва будетъ... Вотъ увидите... Только вы-то будьте...

— Буду,—тихо и полузакрывъ глаза выговорила она.

Палтусовъ проводилъ ее внизъ, отыскалъ ея человѣка и самъ надѣлъ на нее шубу. Въ пуховомъ, бѣломъ платкѣ Анна Серафимовна была еще красивѣе.

Онъ на нее засмотрѣлся.

— А ваша Тася!—сказала она ему у дверей вторыхъ сѣней.—Когда же ко мнѣ?

— Послѣзавтра.

— Жду.

Еще разъ кивнула она ему головой и пошла, кутаясь въ песцовую шубу.

У прилавковъ, гдѣ выдавали платье, давка еще не прекратилась. Изъ дверей врывался холодный воздухъ. Палтусовъ разсудилъ подняться опять наверхъ.

Съ площадки, гдѣ зеркало, онъ увидалъ наверху у перилъ Нѣтова. Евлампій Григорьевичъ стоялъ нагнувшись надъ перилами и смотрѣлъ внизъ. Его лицо поразило Палтусова. Онъ не видалъ его больше недѣли. Нѣтовъ въ послѣдній разъ, какъ они видѣлись, былъ возбужденъ, говорилъ все о какихъ-то „предателяхъ“, просилъ прослушать статью, составленную имъ для напечатанія отдѣльной брошюрой, гдѣ онъ высказываетъ свои „правила“. Къ этому человѣку онъ чувствуетъ жалость. Прибрать его къ рукамъ очень легко, но какъ-то совѣстно. Упускать изъ рукъ тоже не слѣдовало.

Нѣтовъ спустился на площадку. Онъ шелъ, глядя разбѣгающимися глазами. Шляпа сидѣла на затылкѣ. Фигура была глупая.

— Евлампій Григорьевичъ!—окликнулъ его Палтусовъ.

— А-а!.. Это вы!

Онъ точно съ трудомъ узналъ Палтусова, но сейчасъ же подошелъ, взялъ за руку и отвелъ въ уголъ.

— Когда ко мнѣ?—шепнулъ онъ таинственно.

— Когда прикажете, — отвѣтилъ Палтусовъ, поглядывая на него вопросительно.

— Жду!.. Пообѣдать! Навѣстите меня одинокаго!

И, не прощаясь, онъ сбѣжалъ по ступенькамъ.

„Свихнется",—подумалъ Палтусовъ и не пошелъ за нимъ. Минуты три онъ стоялъ, облокотясь о пьедесталъ льва. Мимо него прошли сестры-брюнетки и за ними ихъ кавалеры. Тутъ двинулся и онъ.

XXV.

— Андрей Дмитричъ! Monsieur Палтусовъ!—крикнулъ кто-то сзади, съ площадки.

Его догонялъ маклеръ-нѣмчикъ, къ которому онъ обращался когда-то въ Славянскомъ Базарѣ отъ имени Калакуцкаго.

Карлуша былъ въ полной бальной формѣ. Изъ концерта онъ ѣхалъ на Маросейку, на празднованіе серебряной свадьбы къ нѣмецкимъ коммерсантамъ-милліонщикамъ.

— Маленечко подождите!

Онъ сбѣжалъ къ Палтусову и шепнулъ ему на ухо:

— Сергѣй-то Степановичъ—въ трубу!

— Что вы говорите?—откинулся назадъ Палтусовъ.

Но онъ тотчасъ же подумалъ: „и слѣдовало ожидать".

— Скажите, что же? — заговорилъ онъ, беря маклера подъ локоть.

Они поднялись прямо на площадку.

— Да что — векселя пошли въ протестъ. Платежей нѣтъ. Дома на волоскѣ.

— И дома?

— Безпремѣнно! Мнѣ Леонтій Трофимычъ говорилъ, потому товарищество — тоже кувыркомъ!.. И я не радъ, что тогда обращался... Ну, да мое дѣло сторона. Вы нешто ничего не слыхали?

— Слышалъ кое-что... Я вѣдь больше не занимаюсь его дѣлами.

— То-то! И разлюбезное дѣло... Прощайте. Мнѣ еще къ Теодору заѣхать... растрепались всѣ волосы отъ жары. Да-съ, профарфорился герръ Калакуцкій.

— Какъ вы говорите?

— Профарфорился!.. Такъ Алексѣй Иванычъ все изволятъ выражаться... Наше вамъ, — съ огурцомъ пятпадцать.

Онъ засмѣялся, подалъ руку Палтусову и, сбѣгая со ступенекъ, заложилъ свою складную шляпу съ синимъ подбоемъ подъ лѣвую мышку. Карлуша ѣздилъ въ бобровой шапкѣ.

Палтусовъ остановился. Онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать къ Калакуцкому.

Его везъ извозчикъ. Своихъ лошадей онъ ужъ началъ беречь и не ѣздилъ на нихъ по вечерамъ. До дому Калакуцкаго было недалеко, по извозчикъ тащился трусцой.

Палтусовъ предчувствовалъ, что „крахъ" для его бывшаго патрона наступитъ скоро. Хорошо, что онъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ простился съ нимъ. Паевое товарищество задумано было, въ сущности, на фу-фу... Быть-можетъ, къ веснѣ, если бы Калакуцкому удалось завербовать двухъ-трехъ капитальныхъ „мужиковъ",—дѣло и пошло бы. Но онъ слишкомъ раскинулся. Припомнились Палтусову слова: „хапаетъ", сказанныя ему Осетровымъ. Вотъ тотъ такъ человѣкъ!

Это пахло полнымъ разореніемъ. Но большой жалости онъ не чувствовалъ къ Калакуцкому. И даже у него замелькали въ головѣ новыя соображенія. Подряды его бывшаго патрона не всѣ были захвачены съ глупымъ рискомъ. Есть и очень выгодные. Если бы заполучить хоть одинъ изъ такихъ стоящихъ подрядовъ? Вѣдь и домовъ у него цѣлыхъ три... Они пойдутъ за безцѣнокъ... Заложены давно. И строены-то были безъ копейки. Забастуй тогда Калакуцкій — и былъ бы онъ крупный домовладѣлецъ, выплачивалъ бы себѣ банковскіе проценты. Ему давали дутыя оцѣнки, на треть выше стоимости. Да и теперь можно еще сдѣлаться домовладѣльцемъ такимъ же способомъ. Все-таки кумовство нужно, или, лучше сказать, — организованный обманъ. А тутъ дѣло чистое: пріобрѣлъ съ аукціона... Охотниковъ не мало найдется и съ своими деньгами. А у него сколько же своихъ-то? И двадцати тысячъ не найдется.

На этомъ вопросѣ остановилъ Палтусова толчокъ въ рытвину, выбитую сбоку улицы. Онъ оглянулся и крикнулъ:

— Стой!

Сани уже поравнялись съ огромнымъ четырехъэтажнымъ домомъ о двухъ подъѣздахъ. Это и былъ одинъ изъ домовъ Калакуцкаго, гдѣ проживалъ самъ владѣлецъ.

Быстро расплатившись съ извозчикомъ, Палтусовъ вбѣжалъ въ подъѣздъ, по-сю сторону большихъ воротъ, сквозь которыя виденъ былъ освѣщенный газовыми фонарями глубокій дворъ, весь обстроенный. Ворота стояли еще отворенными на обѣ половинки.

— Сергѣй Степанычъ?—спросилъ онъ у швейцара.

Тотъ встрѣчалъ его у лѣстницы безъ картуза. Палтусовъ замѣтилъ, что лицо у него разстроенное.

— Батюшка баринъ,—заговорилъ шопотомъ швейцаръ, сѣденькій старичокъ,—нездорово у насъ.

— Какъ нездорово?

— Сергѣй Степановичъ...—онъ досказалъ на ухо Палтусову:—Богу душу отдали...

— Когда?..

У Палтусова перехватило голосъ.

— Да вотъ съ часъ времени будетъ... Полиція тамъ, за слѣдователемъ... или бишь за прокуроромъ послали.

Семейства у Калакуцкаго не было. Но Палтусовъ зналъ, что онъ содержитъ немолодую уже танцовщицу изъ корифеекъ. Она жила въ томъ же домѣ, въ особой квартирѣ.

— А Лукерья Семеновна?—спросилъ онъ.

— Послали-съ... Онѣ въ театрѣ... Танцуютъ сегодня. Ждемъ съ минуты на минуту.

— Да жилъ онъ... хоть немного?

— Нѣтъ-съ... Какъ, значитъ, пистолетъ приставилъ къ виску—сразу!.. И камардинъ не вдругъ вошелъ. Чай заваривалъ... Входитъ съ подносомъ, а они лежатъ, голова-то на письменномъ столѣ. У стола и сидѣли...

— Такъ тамъ полиція?

— Да-съ — околоточный и хожалый. Докторъ уѣхалъ, изъ части взяли... Что же ему за сухота теперь? И крови-то ничего почти не вышло... Въ мозгъ значитъ прямо... Страсти!

Старичокъ вздрогнулъ и перекрестился.

— Пожалуйте!..—показалъ онъ рукой вверхъ.

XXVI.

Хозяйская квартира помѣщались въ бельэтажѣ. Палтусовъ оглядѣлъ лѣстницу. Матовый, въ видѣ чаши, фонарь,

коверъ съ мѣдными спицами, разостланный до первой площадки, большое зеркало надъ мраморнымъ каминомъ внизу, все такъ нарядно и внушительно смотрѣло на него, вплоть до стѣнъ, расписанныхъ въ античномъ вкусѣ, темно-красной краской съ фресками. И въ этой отдѣлкѣ параднаго подъѣзда виднѣлся ловкій строитель изъ дворянъ, умѣвшій все показать „въ авантажѣ“. Ничто не говорило, что за дверьми первой квартиры, по правую руку, доигранъ былъ послѣдній актъ дѣлецкой драмы.

„Навѣрно, уголовщина“,—сказалъ себѣ Палтусовъ. Онъ медленно поднимался по большимъ ступенькамъ широкой лѣстницы съ чугунными, бронзированными перилами.

Безъ уголовныхъ подробностей, изъ-за одной несостоятельности, такой человѣкъ, какъ Калакуцкій, врядъ ли всадилъ бы себѣ пулю...

Онъ позвонилъ. Отперъ человѣкъ Василій, съ перекошеннымъ лицомъ.

— Андрей Дмитричъ!—растерянно воскликнулъ онъ.— Какъ васъ Богъ принесъ?.. Пожалуйте!..

Въ передней сидѣлъ городовой въ киверѣ, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, и сонно хлопалъ глазами. При входѣ Палтусова онъ всталъ.

— Гдѣ?—спросилъ Палтусовъ.

— Въ кабинетѣ-съ. Такъ и оставили... Слѣдователь...

И камердинеръ повторилъ ему то, что онъ уже слышалъ отъ швейцара.

— Въ театръ послали,—конфиденціально сообщилъ камердинеръ.—Лукерья-то Семеновна... танцуетъ-съ... У нихъ сегодня, въ новомъ балетѣ, въ самомъ концѣ цѣлый номеръ. Ближе половины двѣнадцатаго не будутъ.

Камердинеръ былъ любитель балета и даже свободно выговаривалъ такія слова, какъ „pas de deux“.

Передняя освѣщалась стѣнной лампой. Висѣла илькован шуба Калакуцкаго рядомъ съ пальто околоточнаго. На подзеркальникѣ лежала мѣховая шапка и на ней пара новыхъ свѣтлыхъ перчатокъ.

— Хотѣли въ балетъ ѣхать-съ,—доложилъ еще камердинеръ, снимая пальто съ Палтусова. — И лошади были готовы... И вотъ!..

Онъ не докончилъ. Барина онъ жалѣлъ, хоть покойный и давалъ иногда зуботычины. Жалованья Василій получалъ тридцать рублей.

Палтусовъ прошелъ черезъ столовую и небольшую го-

стиную—онѣ стояли темными—и остановился въ дверяхъ кабинета между двумя тяжелыми портьерами. Свѣтъ высокой фарфоровой лампы ярко падалъ на письменный столъ, занимавшій всю средину комнаты, просторной и оклеенной темными обоями. Изъ-за спинки креселъ,—передъ большимъ круглымъ столомъ,—Палтусову не видно было тѣла самоубійцы. Его оставили въ такомъ положеніи, какъ засталъ его камердинеръ, все еще боявшійся, что его схватятъ. Околоточный присѣлъ къ письменному столу справа. Его курчавая, рыжеватая голова, съ курносымъ въ очкахъ профилемъ, рѣзко выдавалась на фонѣ зеленаго сукна и мглы кабинета за столомъ. Онъ писалъ. Слышно было скрипѣніе пера.

На Палтусова напало что-то схожее съ робостью. Въ трусости онъ не могъ себя упрекнуть. Ему не досталось Георгія, когда онъ былъ за Балканами въ волонтерахъ, но саблю за храбрость онъ имѣлъ. Однако, надо же было посмотрѣть недавняго „принципала". Его начинала щемить мысль, что денежная карьера дворянина, собиравшагося обобрать купеческія кубышки, можетъ очень и очень закончиться вотъ такимъ выстрѣломъ.

Палтусовъ вошелъ наконецъ въ кабинетъ. Околоточный поднялъ голову и тотчасъ же всталъ. Ему было плохо видно съ его мѣста. Онъ могъ принять Палтусова за слѣдователя или товарища прокурора.

— Не безпокойтесь,—сказалъ ему тихо Палтусовъ,—продолжайте ваше дѣло.

Околоточный пристально оглядѣлъ его и призналъ, что это не должностное лицо.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Я заѣхалъ случайно къ Сергѣю Степановичу,—выговорилъ Палтусовъ; но не прибавилъ, что близко зналъ покойнаго, какъ его бывшій агентъ.

— Любезнѣйшій,—крикнулъ околоточный Василію,—постороннихъ-то не пускайте!

— Слушаю-съ,—трусливо откликнулся Василій изъ-за портьеры.

— Я на минуту,—сказалъ, какъ бы извиняясь, Палтусовъ.

Тутъ только, около самаго письменнаго стола, онъ разглядѣлъ тѣло Калакуцкаго. Голова лежала на обѣихъ рукахъ, сложенныхъ подъ нею. Кресло было придвинуто плотно къ столу. Тѣло подалось вправо. На лѣвомъ вискѣ

чернѣлась, повыше уха, маленькая дырочка съ запекшейся кровью. Отложной воротничокъ рубашки былъ въ двухъ мѣстахъ забрызганъ. Лицо, видное Палтусову въ профиль, поблѣднѣло и стало очень красивымъ съ его крупнымъ носомъ, длинными усами и французской бородкой. Можно бы принять мертвеца за спящаго... Одѣлся онъ дѣйствительно въ театръ,—въ двубортный, обшитый ленточкой сюртукъ, застегнутый на четыре пуговицы. Пистолетъ лежалъ на полу такъ, какъ его нашелъ Василій.

XXVII.

— Вы такъ и оставили?—обратился Палтусовъ къ околоточному и указалъ на трупъ.

— Да-съ... лакей хотѣлъ на кушетку... Этого нельзя. Слѣдователь забранится. Навѣрняка и прокуроръ будетъ. Поди, какъ бы генералъ не пріѣхали.

И околоточный значительно поглядѣлъ на Палтусова.

— Вы не тревожьтесь,—сказалъ Палтусовъ,—я сейчасъ уйду.

— Да и вамъ лучше... Какое удовольствіе! И намъ-то съ этими самоубійствами житья нѣтъ. Вѣрьте слову... Хозяева меблированныхъ комнатъ обижаются чрезвычайно. Пріѣдетъ съ желѣзной дороги, какъ слѣдуетъ, номеръ возьметъ, спроситъ порцію чаю... А тамъ и выламывай двери. Ночью и натворитъ безобразія. Или опять въ баняхъ, или въ номерахъ для пріѣзжающихъ. Спервоначалу пройдется насчетъ женскаго пола...

— Да?—съ улыбкой переспросилъ Палтусовъ.

— Первымъ дѣломъ! Или у проститутки ночевалъ, — окажется изъ дознанія,— или притащитъ съ собой, подъ утро отпуститъ ее, ну водка или ромъ — и на утро пукнетъ... Анаѳемское время, я вамъ скажу!

— Молодые отъ любви больше?

— Нельзя этого сказать, — вошелъ въ сюжетъ околоточный и даже выпрямился, — студентъ — отъ чувствъ... бывало это, или такъ, сдуру, въ меланхолію войдетъ, оставитъ ерунду какую-нибудь, на письмѣ изложитъ, жалуется на все, правды, говоритъ, нѣтъ на свѣтѣ, а я, говоритъ, не могу этого вынести... Мечтанія, знаете. Женскій полъ отъ любви, точно... Гимназисты опять попадаются, мальчуганы. Они отъ экзаменовъ. А больше растраты...

— Растраты?—повторилъ Палтусовъ.

— Такъ точно. Чуть деньги растратилъ, хозяйскія или по довѣренности, или просто запутался...

Околоточный смолкъ на минуту и прибавилъ:

— Жуликовъ расплодилось, нѣсть числа!

И вздохнулъ.

— Не мало,—подтвердилъ Палтусовъ.

Онъ глядѣлъ все на голову Калакуцкаго. Сбоку отъ лампы стоялъ овальный портретъ въ орѣховой рамкѣ. На темномъ фонѣ выступала фигура танцовщицы въ балетномъ испанскомъ костюмѣ и въ позѣ съ одной вскинутой ногой.

— Нѣсть числа жуликовъ!—повторилъ околоточный и поправилъ на носу очки. — Генералъ нашъ хочетъ вотъ нашихъ-то, хотя бы мелюзгу-то карманную, истребить... Ничего не сдѣлаетъ-съ! Переодѣвайся, не переодѣвайся въ полушубокъ—не выведешь. А тысячныя-то растраты? Тутъ ужъ подымай выше... Изволили близко знать Сергѣя Степановича?—вдругъ спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Довольно близко, — отвѣтилъ Палтусовъ сдержанно.

— Какъ же это такое происшествіе?.. Въ дѣлахъ, видно, позамявшись?

— Должно-быть...

— Удивленія достойно... Человѣка милліонщикомъ считали... Домъ одинъ этотъ на триста тысячъ не окупишь... Грѣхи!

— Нашли какое-нибудь письмо?—перебилъ Палтусовъ.

Его точно что удерживало въ комнатѣ мертвеца.

— Мы на столѣ ничего не трогали... Изволите сами видѣть... Вотъ около лампы пакетъ. Какъ будто только что написанъ былъ и положенъ. Кровинка и на него угодила.

Вправо, выше лампы, около бронзоваго календаря, лежало письмо большого формата. На него дѣйствительно попала капля крови. Палтусовъ издали, стоя за кресломъ, прочелъ адресъ: „Госпожѣ Калгановой — въ собственныя руки“.

— Вы прочли адресъ?—освѣдомился Палтусовъ.

— Прочелъ-съ... Рука у покойника четкая такая... Госпожѣ Калгановой. Это ихъ мамошка-съ!

— Что?—не разслышалъ Палтусовъ.

Околоточный ухмыльнулся.

— Мамошка-съ, я говорю, на держаніи, стало-быть,

состояла... Это они напрасно сдѣлали... Что же тутъ дѣвицу срамить? Лучше бы самолично отвезти или со служителемъ послать. Да всегда на человѣка, коли онъ это самое задумаетъ, найдетъ затменіе... Въ балетѣ онѣ состоятъ...

Онъ ткнулъ пальцемъ въ фамилію, написанную на конвертѣ.

— Послали за ней... Напрасно. Дурачье-люди. Прискачетъ, ревъ, истерика, крикъ пойдетъ... Въ протоколъ занесутъ, допрашивать еще станутъ, слѣдователь у насъ изъ молодыхъ, не умаялся. И только одинъ лишній срамъ... Онѣ вѣдь въ этомъ же домѣ жительство имѣютъ.

— Я знаю,—выговорилъ Палтусовъ.

— Мнѣ вотъ отлучиться-то нельзя... А не надо бы допускать. А какъ не допустишь?

„Пускай ее!“—подумалъ Палтусовъ.—Онъ не станетъ вмѣшиваться. Танцовщица утѣшится. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Вотъ развѣ покойный что-нибудь наблудилъ; такъ „гражданская сторона“ доберется до разныхъ ея вещей и цѣнныхъ бумагъ. Сумѣетъ спустить. Съ этой Лукерьей Семеновной онъ всего разъ обѣдалъ.

Околоточный вышелъ на средину кабинета. Палтусовъ сдѣлалъ также нѣсколько шаговъ къ двери.

— Прощайте,—громко сказалъ онъ.

— Мое почтеніе-съ... Вы хорошо дѣлаете, что не остаетесь... Протоколъ и все такое... И усталъ же я нынче анаѳемски,—околоточный весь потянулся,—передъ вечернями пожаръ былъ, только что въ трактиръ зашелъ, подчасокъ бѣжитъ: мертвое тѣло!.. Мое почтеніе-съ!

Палтусовъ бросилъ еще взглядъ на голову самоубійцы и вышелъ изъ кабинета.

XXVIII.

Швейцара въ сѣняхъ уже не было, когда Палтусовъ проходилъ назадъ. Онъ спускался по ступенямъ замедленнымъ шагомъ, съ опущенной головой. Раза два обертывался онъ назадъ и оглядывалъ сѣни. На тротуарѣ, въ подъѣздѣ, онъ постоялъ немного и вмѣсто того, чтобы кликнуть извозчика, повернулъ направо и вошелъ подъ ворота.

Оставалась отпертою только калитка на цѣпи. Дворникъ въ тулупѣ сидѣлъ подъ воротами на скамейкѣ. Въ глубинѣ подворотни — она содержалась въ большой чи-

стотѣ—горѣлъ полукруглый фонарь съ газовымъ рожкомъ.

Странно такъ показалось Палтусову, что въ домѣ совершенная тишина, даже дворникъ по обыкновенію дремлетъ, а хозяинъ дома—мертвый въ кабинетѣ, съ пулей въ черепѣ. Такая же тишина стояла на дворѣ. Онъ былъ гораздо больше, чѣмъ думалъ Палтусовъ. Въ глубинѣ помѣщались сараи, конюшни и прачечная, отдѣльнымъ флигелькомъ, и передъ нимъ родъ палисадника, обнесеннаго низкой чугунной рѣшёткой. Домъ шелъ кругомъ шестиграннымъ ящикомъ съ выступами въ двухъ мѣстахъ, со множествомъ подъѣздовъ. На дворѣ не валялось ни грудъ сколотаго снѣгу, ни мусору, ни кадушекъ. Снѣгъ совсѣмъ почти сошелъ съ него и подъ ногами чувствовался асфальтъ.

Палтусовъ вышелъ на самую средину, сталъ спиной къ рѣшёткѣ и долго оглядывалъ все зданіе. Въ него навѣрное вложено до пятисотъ тысячъ рублей. Постройка чудесная.

Видно, что подрядчикъ для себя строилъ. Расположеніе этажей, подъѣзды, выступы, хозяйственныя приспособленія,—все смотрѣло нарядно и капитально.

Въ душѣ бывшаго подручнаго самоубійцы-предпринимателя играло въ эту минуту проснувшееся чувство живой приманки — большой, готовой, сулящей впереди осуществленіе его плановъ... Вотъ этотъ домъ! Онъ отлично выстроенъ, тридцать тысячъ даетъ доходу: пріобрѣсти его какимъ-нибудь „особымъ“ способомъ,—больше ничего не нужно. Въ немъ найдешь ты прочный грунтъ. Ты пойдешь дальше, но не замотаешься, какъ этотъ отставной поручикъ, кончившій самоубійствомъ.

Фасадъ дома всегда нравился Палтусову. На улицу онъ весь былъ выштукатуренъ и выкрашенъ темнымъ колеромъ. Со двора только нижній этажъ выведенъ подъ камень, а остальные оставлены въ кирпичикахъ съ обшивкой настоящимъ камнемъ. Калакуцкій любилъ вѣнскія постройки, часто похваливалъ ему разные дома на Рингѣ, новыя воздвигавшіяся зданія ратуши, музеевъ, университета.

Второй этажъ со двора смотрѣлъ также нарядно, чего не бываетъ въ другихъ домахъ. Каждое окно съ фронтономъ, колонками и балюстрадой внизу. Такъ аппетитно смотритъ на Палтусова вся стѣна. Онъ считаетъ окна вдоль и вверхъ по этажамъ. Есть что-то затягивающее

въ этомъ ощупываніи глазомъ каменной громадины цѣнностью въ полмилліона рублей. Не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ застрѣливаться, владѣя такимъ домомъ. Всегда можно было извернуться.

Палтусовъ закрылъ глаза. Ему представилось, что онъ хозяинъ, выходитъ одинъ ночью на дворъ своего дома. Онъ превратитъ его въ нѣчто невиданное въ Москвѣ, нѣчто въ родѣ парижскаго Пале-Рояля. Одна половина—громадные магазины, такіе, какъ Лувръ; другая—отель съ американскимъ устройствомъ. На дворѣ—скверъ, аллеи; службы снесены. Сараи помѣщаются на второмъ, заднемъ дворѣ. Въ нижнемъ этажѣ, подъ отелемъ—кафе, какое давно нужно Москвѣ, гарсоны бѣгаютъ въ курткахъ и фартукахъ, зеркала отражаютъ тысячи огней... Жизнь кипитъ въ магазинѣ-монстрѣ, въ отелѣ, въ кафе, на этомъ дворѣ, превращенномъ въ прогулку. Кругомъ лавки брильянтщиковъ, модные магазины, еще два кафе, поменьше, въ нихъ играетъ музыка, какъ въ Миланѣ, въ пассажѣ Виктора-Эммануила. Это дѣлается центромъ Москвы, все стекается сюда и зимой и лѣтомъ.

Тянетъ его къ себѣ этотъ домъ, точно онъ—живое существо. Не кирпичомъ ему хочется владѣть, не алчность разжигаетъ его, а чувство силы, упоръ, о который онъ сразу обопрется. Нѣтъ ходу, вліянія, нельзя проявить того, что сознаешь въ себѣ, что выразишь цѣлымъ рядомъ дѣлъ, безъ капитала или такой вотъ кирпичной глыбы.

Тихо вышелъ Палтусовъ на улицу. У подъѣзда, ведущаго въ квартиру Калакуцкаго, уже стояло двое саней. Онъ перешелъ улицу и сталъ у фонаря. Долго осматривалъ онъ фасадъ дома, а на сердцѣ у него все разгоралось желаніе обладать имъ.

XXIX.

Домой пріѣхалъ Палтусовъ въ первомъ часу. Мальчика онъ отпустилъ, сказавъ, что самъ раздѣнется.

Въ сюртукѣ и не снимая перчатокъ, присѣлъ онъ къ письменному столу, отперъ ключомъ верхній ящикъ и вынулъ оттуда бумагу. Это была довѣренность Марьи Орестовны Нѣтовой. Ея деньги положены были имъ, въ разныхъ бумагахъ, на храненіе въ контору государственнаго банка. Но онъ уже раза два вынималъ ихъ и мѣнялъ на другія.

Прощаясь, она сказала ему:

— Андрей Дмитричъ, вы не гонитесь за большими процентами, а впрочемъ, какъ знаете.

Онъ уже ей тогда говорилъ про акціи рязанской дороги и учетнаго банка.

— Какъ знаете, — повторила она, — я на васъ полагаюсь.

— Ну, а представится случай купить выгодно домъ?— такъ, между прочимъ, спросилъ онъ ее тогда.

— Домъ? Зачѣмъ! Я не знаю, — выговорила она съ гримасой,—какъ мнѣ изъ этой отвратительной Москвы уѣхать.

— Землю или вообще недвижимость?..

— Какъ разсудите,—повторила она. — Только, чтобы меня не привязали къ Москвѣ.

— А домъ доходный,—замѣтилъ онъ,—лучше земли.

— Какъ знаете.

Это были ея послѣднія слова.

Онъ припоминалъ ихъ, перечитывая бумагу. Читала ли она сама хорошенько эту довѣренность? Онъ ее списалъ съ обыкновенной формы полной довѣренности. По ней можетъ онъ и покупать, и продавать за свою довѣрительницу, и расходовать ея деньги, какъ ему заблагоразсудится.

Кровь прилила къ головѣ Палтусова. Онъ два раза перечелъ довѣренность, точно не вѣря ея содержанію, всталъ, прошелся по кабинету, опять сѣлъ, началъ писать цифры на листѣ, который оторвалъ отъ цѣлой стопки, приклеенной къ дощечкѣ.

Въ половинѣ второго онъ вышелъ изъ дому. Мальчика онъ не будилъ, а заперъ дверь снаружи ключомъ, взялъ извозчика и велѣлъ везти себя къ Тверскому бульвару.

На площади у Страстного монастыря онъ сошелъ съ саней.

Черезъ десять минутъ онъ опять стоялъ передъ домомъ Калакуцкаго. У подъѣзда дожидались тѣ же двое саней. Въ окна освѣщеннаго кабинета, сквозь расшитыя узорами гардины, видно было, какъ ходятъ; мелькали тѣни и въ слѣдующихъ двухъ комнатахъ, уже освѣщенныхъ.

Но это не занимало его. Онъ глядѣлъ на домъ. Ночь дѣлалась свѣтлѣе. Фасадъ четырехъэтажнаго зданія выступалъ между невзрачными домиками съ мезонинами и заборами. Нѣсколько балконовъ и фонариковъ бѣлѣлись въ полумглѣ ночи.

Обладать имъ есть возможность! Дѣло состоитъ въ выигрышѣ времени. Онъ пойдетъ съ аукціона сейчасъ же, по долгу въ кредитное общество. Денегъ потребуется не очень много. Да если бы и сто тысячъ—онѣ есть, лежатъ же безъ пользы въ конторѣ государственнаго банка, въ билетахъ восточнаго займа. Высылай проценты два раза въ годъ. Черезъ два-три мѣсяца вся операція сдѣлана. Можно перезаложить въ частныя руки. И этого не надо. Тогда векселя учтутъ въ любомъ банкѣ. На свое имя онъ не купитъ, найдетъ надежное лицо.

Въ мозгу его такъ и скакали одна операція за другой. Такъ это выполнимо, просто—и совсѣмъ не рискованно. Развѣ это присвоеніе чужой собственности? Онъ сейчасъ напишетъ Нѣтовой, и она поддержитъ его; но онъ не хочетъ. Зачѣмъ ему одолжаться открыто, ставить себя въ положеніе кліента? Она довѣряетъ ему—ну и довѣряй безусловно. Деньги ей нужны только на заграничную жизнь, покупать она сама ничего не хочетъ. Откуда же грозитъ опасность?

И опять его потянуло внутрь. Онъ перешелъ улицу, нырнулъ въ калитку мимо того же дворника и обошелъ кругомъ, по тротуару, всю площадь двора. Что-то особенно притягательное для него было въ этой внутренности дома Калакуцкаго. Ни на одинъ мигъ не всплыла передъ нимъ мертвая голова съ запекшейся раной, пистолетъ на полу, письмо танцовщицѣ. Подрядчикъ не существовалъ для него. Не думалъ онъ и о возможности такой смерти. Мало ли сколько жадныхъ аферистовъ! Туда имъ и дорога!.. Свою жизнь нельзя такъ отдавать... Она дорого стоитъ.

Такъ же тихо, какъ и въ первый разъ, вышелъ онъ на улицу. Сани все еще стояли. Только свѣту уже не было въ столовой. Голова Палтусова пылала. Онъ пошелъ домой пѣшкомъ.

XXX.

Домъ Рогожиныхъ горѣлъ огнями. Обставленная растеніями галлерея вела къ танцовальной залѣ. У входа въ нее помѣщался буфетъ съ шампанскимъ и зельтерской водой. Тутъ же стоялъ хозяинъ, улыбался входящимъ гостямъ и приглашалъ мужчинъ „пропустить стаканчикъ“. Сѣни и лѣстница играли разноцвѣтнымъ мрамо-

ромъ. Огромное зеркало отражало длинныя вереницы свѣчей во всю анфиладу комнатъ.

Палтусовъ вошелъ въ галлерею передъ самымъ вальсомъ. Хозяинъ подхватилъ его и заставилъ выпить шампанскаго.

— Вы не брезгуйте этимъ мѣстомъ, Андрей Дмитричъ,— говорилъ онъ, придерживая его за руку.—Постойте здѣсь, всѣ дамы проходятъ. Ревизію можете произвести. Вы вѣдь женихъ... Еще стаканчикъ!

— Довольно, — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Палтусовъ.

— Веселѣй будете! Слава Тебѣ, Господи, что зима на исходѣ. Къ Святой мы съ Людмилой—фюить!.. Въ мѣстечко Парижъ!.. Калакуцкій, слышали, застрѣлился?

Этотъ вопросъ уже разъ сто предложили Палтусову въ послѣдніе пять дней.

— И видѣлъ.

— Разскажите, пожалуйста, голубчикъ! Вотъ хоть этакая исторія, и то слава Богу. Немножко языки почешутъ. А то вѣрите... Вотъ по осени вернешься изъ-за границы, такая бодрость во всѣхъ жилахъ, есть о чемъ покалякать, что̀ разсказать... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Къ новому году и говорить-то никому ужъ не хочется другъ съ другомъ; а къ посту ходятъ какъ мухи сонныя. Такъ какъ же это Калакуцкій-то?

Румяное лицо хозяина такъ радостно улыбалось, точно будто онъ приготовился слушать скоромный анекдотъ. Палтусовъ передалъ ему что̀ самъ видѣлъ.

— А вѣдь вы знаете, что? Подлогъ открыли по подряду. Это мнѣ судейскій одинъ говорилъ.

Артамонъ Лукичъ еще шире осклабилъ свой ротъ.

По галлереѣ прошло нѣсколько дамъ.

— Статьи-то, статьи-то какія,—шепнулъ Палтусову хозяинъ и побѣжалъ раскланиваться.

Людмила Петровна сдержала слово: старыхъ и дурныхъ дамъ совсѣмъ не входило. Свѣжія лица, стройные или пышные бюсты рѣзко отличали купеческія семейства. Ужъ не въ первый разъ замѣчалъ это Палтусовъ. Къ Рогожинымъ ѣздило и много дворянокъ. У тѣхъ попадалось больше худыхъ, сухихъ талій, слишкомъ длинныхъ шей. Лица были у нѣкоторыхъ нервнѣе, но неправильнѣе, съ некрасивыми носами. Туалеты купчихъ рѣшительно убивали дворянскіе.

Въ дверяхъ залы показалась хозяйка въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ красной камеліей въ волосахъ. Она принимала своихъ гостей запросто, особенно мужчинъ. Палтусову она шепнула:

— Посмотрите-ка, голубчикъ, какая барышня. Приданаго нѣтъ; зато тѣлеса!

Впереди высокой пожилой дамы съ пепельнымъ шиньономъ шла брюнетка. Палтусовъ видѣлъ ее не въ первый разъ. Онъ зналъ, что эта дѣвица—графиня Даллеръ. Ей минуло уже двадцать семь лѣтъ. Еще военнымъ онъ помнилъ ее на балахъ. Она должна выѣзжать не меньше десяти лѣтъ. Черные глаза, большіе, маслянистые, совсѣмъ испанскій овалъ лица, смуглаго, но съ нѣжнымъ румянцемъ, яркія губы, бѣлыя, атласныя плечи, золотыя стрѣлы въ густой косѣ, огненное платье съ корсажемъ, обшитымъ черными кружевами, выступало передъ нимъ на фонѣ боковой двери въ ту комнату, гдѣ приготовленъ былъ рояль для тапера. Какая красавица! И сидитъ въ дѣвкахъ! Еще три-четыре года, и начнетъ блекнуть. Рогожина вѣрно говоритъ: вотъ ему невѣста. Но когда? Когда онъ будетъ въ двухстахъ тысячахъ дохода, не раньше. Такую ему нужно жену для салона, для отдыха отъ дѣлъ, съ бойкимъ жаргономъ, съ хорошей фамиліей, титулованную. Нужды нѣтъ, если она не очень умна.

— Представить васъ?—спросила Рогожина.

— Представьте,—почти обрадовался Палтусовъ.

Хозяйка подвела его къ этимъ дамамъ. Тетка дѣвицы важно поклонилась Палтусову. Дѣвица заговорила быстро-быстро, немного картавя на парижскій ладъ; глаза ея заметали искры, плечами она повела, а полная рука, въ перчаткѣ чуть не до плеча, замахала вѣеромъ. Во всемъ ея существѣ было что-то близкое къ отчаянію дѣвицы, считающей одиннадцатый сезонъ. Палтусовъ говорилъ съ ней и глядѣлъ на ея гибкую талію и пышный корсажъ. Сколько тутъ рукъ перебывало,—на этой дѣвичьей тальѣ. Сколько военныхъ и штатскихъ кавалеровъ кружило ее въ вальсахъ, кадриляхъ и котильонахъ! Онъ пригласилъ ее на кадриль. Красавица такъ ласково взглянула на него, что онъ спросилъ тутъ же: не свободна ли была у ней и мазурка? Она отдала ему и мазурку. Ея французскій разговоръ очень напоминалъ ему парижскихъ женщинъ, съ какими ему случалось ужинать въ cabinets particuliers. Никто бы не сказалъ, что это незамужняя жен-

щина. Но съ ней ему было весело. Какъ такая дѣвица жаждетъ жизни! Меньше двухсотъ тысячъ ей нельзя проживать. Зато—жена будетъ заглядѣнье. Для такой захочешь получать и триста тысячъ доходу. И добьешься ихъ. Они пустились вальсировать. Она легла на его руку и отвернула голову, рѣсницы полуопустила. Танцуетъ она съ особой нѣгой. Бѣдная! И такъ-то вотъ вытанцовываетъ она себѣ партію... Одинъ, два, три тура... Кто-то наступилъ ей на платье, когда Палтусовъ сажалъ ее на мѣсто. Она, запыхавшись, говоритъ пѣвуче: „merci"—и скорыми шагами пробирается въ гостиную

XXXI.

Палтусовъ смотритъ ей вслѣдъ. Много тутъ и бюстовъ, и талій, и наливныхъ плечъ. Но у ней походка особенная... Порода сказывается. Онъ обернулся и поглядѣлъ на средину залы. Въ эту только минуту замѣтилъ онъ Станицыну въ голубомъ. Она была хороша; но это не графиня Даллеръ. Купчиха! Лицо слишкомъ строго, держится жестко, не знаетъ, какъ опустить руки, цвѣты не хорошо нашиты и слишкомъ много цвѣтовъ. Голубое платье съ серебромъ—точно риза.

Ихъ взгляды встрѣтились. Анна Серафимовна покраснѣла. И Палтусова точно что кольнуло. Не волненіе влюбленнаго человѣка. Нѣтъ! Его кольнуло другое. Эта женщина уважаетъ его, считаетъ неспособнымъ ни на какую сдѣлку съ совѣстью. А онъ... Что же онъ? Онъ можетъ еще сегодня смотрѣть ей прямо въ глаза. Въ помыслахъ своихъ онъ ей не станетъ исповѣдываться. Всякій въ правѣ извлекать изъ своего положенія все, что̀ исполнимо, только бы не залѣзать къ чужому въ карманъ.

Разомъ пришли ему всѣ эти мысли. Онъ быстро подошелъ къ Станицыной, точно хотѣлъ подавить въ себѣ наплывъ непріятнаго чувства.

— Уже танцовали?—спросила она его и поглядѣла на него съ усмѣшкой женщины, чувствующей неловкость.

— Съ графиней Даллеръ,—отвѣтилъ Палтусовъ тономъ танцора.

— Поздравляю... Красавица.

Слова эти сорвались съ губъ Анны Серафимовны.

— Сколько хорошенькихъ! Молодецъ Людмила Петровна! Какой бомондъ!

У Анны Серафимовны явилась та же усмѣшечка неловкости.

Проиграли ритурнель.

— Вы со мной?—спросилъ Палтусовъ.

— А вы нешто забыли?

„Нешто“ рѣзнуло его по уху. Никогда она не смахивала такъ на купчиху. Ему стоило усилія, чтобы улыбнуться. Надо было подать ей руку. Станицына вздрогнула; онъ это почувствовалъ.

Они стали около дверей. Визави Палтусова былъ распорядитель танцевъ, низенькій офицеръ съ пухлымъ лицомъ.

— Масса хорошенькихъ!—еще разъ сказалъ Палтусовъ и оглядѣлъ пары кадрили.

Анна Серафимовна поглядѣла на него и чуть замѣтно улыбнулась.

— Славный вечеръ, — замѣтила она. — Людмила Петровна—мастерица.

Она не завидовала хозяйкѣ бала. Всякому свое. У Рогожиной умѣнье давать вечера. И то хорошо. Заставляетъ ѣздить къ себѣ настоящихъ барынь. Сколько ихъ тутъ!..

— Какъ вамъ нравится вонъ та дѣвица... Вы ее не знаете?

Онъ указалъ глазами на графиню Даллеръ, забывъ, что о ней уже былъ разговоръ.

— Видала. Она давно выѣзжаетъ.

— Да, лѣтъ десять,—подтвердилъ Палтусовъ.—Прежде я какъ-то мало замѣчалъ ее.

— А теперь замѣтили,—подчеркнула Станицына.

— Мнѣ ее жаль.

— Что такъ?

— Посмотрите... Это цѣлая трагедія. Десять лѣтъ выѣзжаетъ!..

— Какая жалость!

Тонъ ея раздражалъ Палтусова. Многаго совсѣмъ не понимаютъ эти купчихи, даже и умныя.

И Анна Серафимовна никогда не сознавала такъ рѣзко разницу между собой и Палтусовымъ. Какъ ни возьми, все-таки онъ баринъ. Вотъ титулованная барышня, небось, привлекаетъ его. Понятно. А что бы мѣшало ей самой привлечь къ себѣ такого мужчину? Вѣдь она ни разу не говорила съ нимъ задушевно. Онъ, быть-можетъ, этого и

ждетъ. Разговоръ ихъ во время кадрили не клеился. Въ шенѣ, послѣ шестой фигуры, Анна Серафимовна не захотѣла участвовать. Палтусовъ повелъ ее въ дамскій буфетъ.

Весь въ живыхъ цвѣтахъ — гіацинтахъ, камеліяхъ, розахъ, нарциссахъ — поднимался буфетъ съ десертомъ. Графиня Даллеръ пришла туда позднѣе. Она приняла чашку чаю изъ рукъ Палтусова и сѣла. Онъ стоялъ надъ нею и любовался ея бюстомъ, полными плечами, шеей, родинкой на шеѣ, ея атласистыми волосами, такъ красиво проткнутыми золотой стрѣлой.

Кто-то заговорилъ со Станицыной и отвелъ ее въ сторону. Палтусовъ этого и не замѣтилъ даже. Кавалеръ увлекъ графиню Даллеръ при первыхъ звукахъ новаго вальса. Палтусовъ не пошелъ танцовать. Ему захотѣлось было одному, походить по этимъ купеческимъ хоромамъ. Онъ былъ въ особомъ возбужденіи... Вотъ еще мѣсяцъ, другой, много полгода, ну годъ, — и онъ станетъ членомъ той же семьи пріобрѣтателей и денежныхъ людей. Нѣтъ-нѣтъ, да у него и пробѣгутъ по спинѣ мурашки... Онъ все обсудилъ... Опасности, риску — нѣтъ никакого. Больше нечего и думать. Лучше вбирать въ себя краски, ощущенія вечера. На что ни упадетъ взглядъ — все нарядно и богато. Этотъ буфетный салонъ обдаетъ васъ запахомъ живыхъ цвѣтовъ. Со стѣнъ массивныя лампы и жирандоли лили свѣтъ на темно-малиновый штофъ. Вазы съ фруктами и конфетами, стѣна камелій, серебряный самоваръ, бритыя лица офиціантовъ пестрѣли предъ нимъ. И все это купецъ заказалъ, все это ему сдѣлали. А вѣдь во все это можно вложить свой дворянскій вкусъ... Года черезъ два.

Изъ дверей виднѣлась средина танцовальной залы со скульптурнымъ потолкомъ, блѣдными штофными стѣнами и венеціанскими хрустальными люстрами. Контрастъ съ буфетной комнатой пріятно щекоталъ глазъ. Дверь налѣво вела въ первую столовую. Палтусовъ зналъ уже, что тамъ съ 10 часовъ устроенъ родъ ресторана. Это было по-московски. Онъ заглянулъ туда и остановился въ дверяхъ... Тамъ уже шла желудочная жизнь.

XXXII.

Въ этой первой столовой ѣли съ самаго начала вечера. Она дѣйствительно смотрѣла залой ресторана. Накрыты

были маленькіе столики. На каждомъ лежали карточки, какъ въ трактирѣ. Офиціанты подходили и спрашивали—что угодно. За однимъ изъ столиковъ сидѣло трое любителей ѣды изъ купцовъ и не старый еще генералъ съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Купцы подливали ему, красные, потные, завязавшись салфетками. Палтусовъ узналъ генерала. Еще такъ недавно всѣ носились съ нимъ, какъ съ героемъ. А теперь онъ заживается въ Москвѣ, въ номерѣ гостиницы, пріѣхалъ, слышно, искать денегъ или компаньона на какой-то „гешефтъ". Видно, энтузіазмъ — дѣло скоротечное. Компаньоны что-то не являются. Быть-можетъ, къ нему же, Палтусову, направятъ этого генерала, какъ къ дѣльному человѣку, ходко пошедшему въ дѣловомъ мірѣ?.. Ему вспомнилась сцена изъ его волонтерской жизни... Тогда и онъ на все смотрѣлъ иначе... Во что-то вѣрилось. Не очень, впрочемъ, долго. Развѣ не слѣдовало предвидѣть, что герой кончитъ исканьемъ московской кубышки, чтобы не перебиваться въ бѣдности до конца дней своихъ? Всѣ сюда идутъ!

Импровизованный ресторанъ наполнялся. Охотниковъ засѣсть съ самаго начала вечера за столы явилось очень много. Дамъ еще не было. Трактирнымъ воздухомъ сейчасъ же запахло. Наемные офиціанты внесли съ собой суету клубной службы и купеческихъ парадныхъ поминокъ у „кондитера". Столовую уже началъ обволакивать паръ... Свѣчи горѣли тусклѣе.

Палтусовъ прошелъ мимо стола съ генераломъ. Ему хотѣлось оглядѣть и другія комнаты. Онъ зналъ, что должна быть поблизости еще комната съ закуской, равняющейся цѣлому ужину, съ водкой, винами и опять шампанскимъ.

Въ закусочной, помѣщавшейся въ курильной комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ хозяина, Палтусовъ наткнулся на двухъ профессоровъ и одного доктора по душевнымъ болѣзнямъ. Онъ когда-то встрѣчалъ ихъ въ аудиторіяхъ.

Изъ профессоровъ одинъ былъ очень толстый брюнетъ, съ выдавшимся животомъ, молодой человѣкъ въ просторномъ фракѣ. Его черные глаза смотрѣли насмѣшливо. Въ эту минуту онъ запускалъ въ ротъ ложку съ зернистой икрой. Другой, блондинъ, смотрѣлъ отставнымъ военнымъ. Вдоль его худыхъ, впалыхъ щекъ легли длинные, загнутые кверху, усы. Оба выказывали нѣкоторую свѣтскость.

— Что-съ,—громко шепнулъ Палтусову толстый,—ка-

ковы купчишки-то? Всю губернію заставили у себя плясать!

— Есть экземпляры богатые,—сказалъ громко блондинъ. Онъ былъ естествоиспытатель.

— Изъ какого класса?—спросилъ его весело Палтусовъ.

— Изъ головорукихъ!

Они расхохотались.

— Вы танцовать?

— Да, пойду,—отвѣтилъ Палтусовъ толстому.

— Нѣтъ, мы вотъ закусить; а закусимъ, и въ ресторанчикъ въ томъ же заведеніи, спросимъ паровую стерлядку или дичинки!

— И бутылочку холодненькаго,— прибавилъ Палтусовъ.

— Нѣтъ, хозяинъ ужъ заставилъ насъ пропустить по гри стакана.

— Вотъ локаютъ-то!—вскричалъ толстый.

Всѣ трое опять разсмѣялись. Въ балагурствѣ этихъ профессоровъ заслышались ему звуки завистливаго чувства. Палтусовъ подумалъ:

„Прохаживайтесь, милые друзья, надъ купчишками, а все-таки шампанское ихъ локаете и объѣдаетесь зернистой икрой. Съѣдятъ эти купчишки и васъ, какъ съѣли уже дворянство“.

Профессора ушли. Къ Палтусову пододвинулся докторъ-психіатръ, благообразный, франтоватый, съ окладистой бородой, большого роста.

— А вы все въ Москвѣ?—спросилъ онъ, выпивъ рюмку портвейну.

— Пустилъ корни!

— Что вы!.. Вольный казакъ и коптите въ нашей трясинѣ!.. Хотите, видно, нажить душевную болѣзнь?

— Полноте,—разсмѣялся Палтусовъ,—вы, должно-быть, какъ докторъ Круповъ, всѣхъ считаете сумасшедшими?

— Не всѣхъ, а что на волѣ ходятъ кандидаты въ Преображенскую—это вѣрно.

— Кто же, напримѣръ?

— Да вотъ хоть бы,—заговорилъ потише докторъ,— Нѣтовъ, Евлампій Григорьевичъ, знаете?

— Знаю,— отвѣтилъ спокойно Палтусовъ,— онъ здѣсь?

— Въ карты играетъ въ кабинетѣ.

— И что?

— Готовъ! Прогрессивный...

— Какой?—переспросилъ Палтусовъ.

— Прогрессивный параличъ.

— Скажите, пожалуйста!

И Палтусовъ припомнилъ странные глаза Евлампія Григорьича, его взглядъ, звукъ голоса.

Онъ задумался.

— Нѣтовъ въ кабинетѣ?

— Да!

Палтусовъ отошелъ отъ доктора. Въ кабинетъ онъ не заглянулъ. Ему почему-то не хотѣлось идти раскланиваться съ Евлампіемъ Григорьичемъ. Начинали кадриль. Онъ бросился искать свою даму.

Танцы чередовались. Послѣ третьей кадрили очистили залу и открыли форточки. Хозяйка плавала по комнатамъ, подмигивала мужчинамъ, пристраивала дѣвицъ, сама много танцовала. Хозяинъ съ масляными глазами дежурилъ у шампанскаго и говорилъ неприличности. Таперъ-итальянецъ переигралъ всѣ свои опереточные мотивы. Вечеръ удался на славу.

XXXIII.

Мазурку украшалъ проѣзжій гвардейскій гусаръ въ малиновыхъ рейтузахъ, съ худенькимъ, дѣвичьимъ личикомъ и маленькой головкой на длинной худой шеѣ. Онъ выучился танцовать мазурку въ Варшавѣ. Никто кромѣ него не позволялъ себѣ выкидывать ногу впередъ и нѣсколько вверхъ и дѣлать ею потомъ родъ вензеля. Дирижеръ танцевъ, армейскій пѣхотинецъ, съ завистью поглядывалъ на эти „выкрутасы“, какъ онъ назвалъ своей дамѣ штуки гусара. Мазурку соединили съ котильономъ. Въ комнатѣ, гдѣ игралъ таперъ, на столѣ разложены были всѣ вещицы для котильона: множество небольшихъ букетовъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, звѣзды, банты, картонныя головы. Все это пестрѣло и блестѣло въ свѣтѣ двухъ канделябръ. Нетанцующіе мужчины подходили и разсматривали эти предметы; иные дотрогивались до нихъ. Таперъ игралъ такъ же сильно и шумно, какъ и въ началѣ вечера. Ему была поставлена бутылка шампанскаго на столикъ около рояля.

Анна Серафимовна сидѣла около двери этой проходной комнаты. Ее пригласилъ на мазурку биржевой маклеръ, знакомый Палтусова. Напротивъ нихъ, у двери въ гостиную, помѣстился Палтусовъ съ графинею Даллеръ. Они разговаривали живо и громко. Онъ близко-близко гля-

дѣлъ на свою даму. Имъ было очень весело... Поболтаютъ, посмѣются и оглянутъ залу. Въ ихъ глазахъ Станицына читала:

„Отчего же и не повеселиться у купчишекъ“.

Она не слыхала, что ей говорилъ ея кавалеръ. Карлуша прискучилъ ей ужасно перечисленіемъ тѣхъ вечеровъ, на какихъ онъ долженъ „обязательно“ плясать до поста.

Насилу дождалась она ужина.

Ужинъ подали около четырехъ, на отдѣльныхъ столикахъ въ столовой — побольше, рядомъ съ рестораномъ. Растенія густо обставляли эту залу и дѣлали ее похожей на зимній садъ. Воздухъ сгустился. Испаренія широкихъ листьевъ и запахъ цвѣтовъ наполняли его. Огни двухъ люстръ и стѣнныхъ жирандолей выходили ярче на темной зелени.

Свою даму Палтусовъ посадилъ за столикъ въ четыре прибора, подъ тѣнь развѣсистой пальмы. Онъ во время мазурки раза два поглядѣлъ на Станицыну. Ему сдѣлалось немного совѣстно. Надо бы лишній разъ выбрать ее въ котильонѣ, а онъ сдѣлалъ съ ней всего одинъ туръ, точно тяготился ею. Милая она женщина; да пріѣлись ему ужъ очень купчихи... Онъ ей скажетъ это при случаѣ.

— Вы позволите около васъ? — раздался голосъ Карлуши.

Маклеръ велъ подъ руку Станицыну.

Палтусовъ наклонилъ голову.

— Jolie femme,—сказала громко его дама и улыбнулась Станицыной.

Пара сѣла. Купчиха и титулованная барышня оглядѣли другъ друга. Станицына разгорѣлась отъ танцевъ. Одинъ разъ и Палтусовъ наклонился въ ея сторону и сказалъ что-то, обидное по своему снисходительному тону.

Станицына замолчала. Ей стыдно стало и за своего кавалера. Онъ то и дѣло вмѣшивался въ разговоръ другой пары, фамильярничалъ съ Палтусовымъ, отчего того коробило. Дѣвица съ роскошными плечами улыбнулась раза два и ему.

И конца ужина Анна Серафимовна насилу дождалась.

Карлуша проводилъ Анну Серафимовну по галлереѣ и въ сѣни и крикнулъ:

— Человѣкъ Станицыной!..

Графиня Даллеръ уже уѣхала. Палтусовъ поднимался по лѣстницѣ въ галлерею. Наемные ливрейные лакеи обступили его, спрашивая его номеръ. Онъ увидалъ на площадкѣ у зеркала Анну Серафимовну и подошелъ къ ней.

Щеки ея горѣли. Глаза съ поволокой играли и немного какъ бы злобно улыбались.

— Проводили вашу красавицу? — спросила она и покачнулась всѣмъ корпусомъ.

— Проводилъ, — простымъ тономъ выговорилъ Палтусовъ.

— Остаетесь еще?

— Нѣтъ, пора.

Глаза Станицыной сдѣлались еще ярче.

— Анна Серафимовна, пожалуйте!—раздался снизу голосъ маклера.

— Вы съ нимъ?—спросилъ Палтусовъ и улыбнулся.

— Какъ съ нимъ?—живо переспросила Станицына.

— Онъ васъ провожаетъ?

— Съ какой стати!

— Что жъ, это, кажется, дѣлается въ Москвѣ.

— Не знаю... А вашу лошадь вы отпустили?

— Отпустилъ.

— Хотите, я васъ подвезу?

— Подвезите.

— Пожалуйте!—крикнулъ нѣмчикъ.

— Иду.

Палтусовъ спустился вслѣдъ за нею. Ему показалось странно, что строгая Станицына пригласила его въ карету. Нѣмчикъ укуталъ ее и сказалъ нѣсколько прибаутокъ.

— Вы еще остаетесь?—спросила она.

— Ручку у хозяйки поцѣловать? Это—первымъ дѣломъ.

Онъ убѣжалъ. Палтусовъ надѣлъ шубу, далъ лакею двугривенный и отворилъ дверь Аннѣ Серафимовнѣ.

— Поѣдемте,—смѣло сказала она. Ея глаза сверкнули въ полутьмѣ улицы.

XXXIV.

Карета глухо загремѣла по рыхлому масляничному снѣгу. Внутрь ея свѣтъ отъ фонарей проходилъ двумя мерцающими полосками. Палтусовъ сѣлъ въ уголъ и поглядѣлъ сбоку на Анну Серафимовну.

Она замолчала. Ей вдругъ стало очень стыдно и даже немного страшно. Что за выходка? Зачѣмъ она пригласила его? Это видѣли. Да если бы никто и не видалъ— все равно. Будь онъ другой человѣкъ, старичокъ Кливкинъ—ея вѣчный ухаживатель, даже кто-нибудь изъ самыхъ противныхъ адъютантовъ Виктора Мироныча... А то—Палтусовъ!

И ему было неловко. Приглашеніе Анны Серафимовны походило на вызовъ. Въ ней заговорило женское чувство, очень близкое къ ревности. Ни за что онъ не воспользуется имъ. Конечно, другой на его мѣстѣ сейчасъ же бы началъ дѣйствовать... Взялъ бы за руку, подсѣлъ бы близко-близко и заговорилъ на нетрудную тему. Вѣдь она такая красивая — эта Анна Серафимовна, по-своему не хуже той дѣвицы... Не виновата она, что у ней нѣтъ чего-то высшаго, того, что французы называютъ „fion“.

Онъ не придвигался. Съ женщинами у него особыя, строгія правила. Были у него любовныя исторіи. Въ нихъ онъ почти всегда только отвѣчалъ—не изъ фатовства, но такъ случалось. И не помнитъ онъ, чтобы женщина захватила его совсѣмъ, чтобы онъ самъ безумствовалъ, бросился на колѣни или замеръ въ изнеможеніи отъ полноты страсти или сильнаго, случайнаго порыва.

Ничего такого съ нимъ не бывало, сколько онъ себя помнилъ. Онъ нравился нѣсколькимъ, его отличали, пожалуй, увлекались, на все это онъ отвѣчалъ, какъ молодой человѣкъ со вкусомъ и нервами, когда нужно. Зачѣмъ же станетъ онъ теперь пользоваться, быть-можетъ, минутнымъ капризомъ хорошей и несчастной женщины? Сдѣлаться ея любовникомъ, такъ, просто, изъ мужского тщеславія или потому, что это „даромъ“ — пошло! Онъ на это не способенъ! Привязаться къ ней, жениться? Нѣтъ! Обуза. Живой мужъ, разводъ, исторія... У ней большое состояніе... Какой же это будетъ имѣть видъ? Точно онъ обрадовался устроить свою „фортуну“, разбогатѣть на жениныхъ хлѣбахъ. Никогда!

Отъ шубы Анны Серафимовны шелъ смѣшанный запахъ духовъ и дорогого пушистаго мѣха. Ея изящная голова, окутанная въ бѣлый серебристый платокъ, склонилась немного въ его сторону. Глаза искрились въ темнотѣ. До Палтусова доходило ея дыханіе. Одной рукой придерживала она на груди шубу, но другая лежала на колѣняхъ и кисть ея выставилась изъ-подъ края шубы.

Онъ что-то предчувствовалъ, хотѣлъ обернуться и посмотрѣть на нее пристальнѣе, но не сдѣлалъ этого.

Молча проѣхали они минуты съ двѣ. Это молчаніе начало тяготить его. Анна Серафимовна вдругъ закрыла глаза и откинулась въ глубь кареты. Стыдъ прошелъ. Ей пріятно было сидѣть рядомъ съ нимъ. Что-то жгучее вдругъ защемило у ней въ груди и потомъ сладко разлилось по всему тѣлу. Столько лѣтъ она терпитъ несносную долю!.. Молода, красива, горячая кровь льется по жиламъ, и некого приласкать, хоть разъ въ жизни отдаться безъ оглядки. Въ головѣ ея стали мелькать образы. Все его лицо представляется. Сидятъ они одни въ амбарѣ послѣ ея сцены съ мужемъ. И тогда онъ глядѣлъ на нее такъ добро, жалѣлъ ее, она ему нравилась. Теперь—онъ смущенъ.

— Хорошій вы человѣкъ,—раздался тихій голосъ Палтусова.

Онъ беретъ ея свободную руку. Въ горлѣ ея сперся духъ. Ей неудержимо захотѣлось плакать. Она быстро обернулась къ нему, вскинула руками, обвила ими вокругъ его шеи и начала цѣловать крѣпко, точно душила его, молча. Только ея горячее, порывистое дыханіе слышалось въ каретѣ.

Ухабъ заставилъ карету покачнуться. Анна Серафимовна отняла руки такъ же быстро, схватила ими за голову и зарыдала. Палтусовъ хотѣлъ что-то сказать и пододвинулся. Она отстранила его рукой и совсѣмъ отвернулась. Рыданія она сдержала и выпрямила голову.

— Слышите... — шептала она прерывающимся голосомъ, — я васъ умоляю... ничего между нами не было, ничего, ничего!

— Успокойтесь,—сказалъ онъ тихо.

— Ничего!.. Это... это!.. Я не знаю что̀... Господи!

Она закрыла лицо руками и уже тихо заплакала.

Палтусовъ не двигался, онъ оставлялъ ее плакать минуты двѣ.

— Полноте,—началъ онъ дружескимъ тономъ.

— Андрей Дмитричъ... вы честный человѣкъ... Оставьте меня... Нешто не довольно того, что̀ было?..

Анна Серафимовна не договорила. Щеки ея горѣли, даже уши подъ платкомъ точно жгли ее. Она готова была выпрыгнуть изъ кареты.

— Прошу васъ,—произнесъ Палтусовъ самымъ искреннимъ тономъ.

Она смолкла, подавила слезы, глотала ихъ, чувствовала себя точно маленькой.

— Андрей Дмитричъ... — начала она и не договорила.

Онъ понялъ, что всего лучше ему выйти изъ кареты.

— До моей квартиры два шага, — сказалъ онъ мягко и покойно.

Анна Серафимовна молчала. Палтусовъ дернулъ за шнурокъ, но кучеръ не сразу остановилъ лошадей. Пришлось дернуть еще разъ.

— Хорошій вы человѣкъ, — прошепталъ онъ, наклонившись къ ней. — Я вашъ другъ, имѣйте ко мнѣ побольше довѣрія.

И онъ поцѣловалъ ея руку, лежавшую поверхъ темной бархатной шубы.

„Не любитъ, не любитъ, — повторяла про себя Анна Серафимовна.—Господи, срамъ какой!..“

Она ничего не могла сказать ему, не могла и протянуть руки. Она сидѣла точно окаменѣлая.

Карета остановилась у бульвара. Палтусовъ вышелъ, заперъ дверку, прежде чѣмъ лакей соскочилъ съ козелъ, запахнулъ свою шубу и крикнулъ кучеру:

— Трогай!

Было около пяти часовъ утра. Еще не начинало свѣтать; но ночь уже минула. Онъ оглянулся. Стоялъ онъ на площади у въѣзда на Арбатъ, въ десяти шагахъ отъ рѣшетки Пречистенскаго бульвара. Фонари погасли. Онъ посмотрѣлъ на правый угловой домъ Арбата и вспомнилъ, что это трактиръ „Прага“. Разъ какъ-то, еще вольнымъ слушателемъ, онъ шелъ съ двумя пріятелями по Арбату, часу въ двѣнадцатомъ. И всѣмъ захотѣлось ѣсть. Они поднялись въ этотъ самый трактиръ, сѣли въ угловую комнату. Кто-то изъ нихъ спросилъ сыру „бри“. Его не оказалось, но половой вызвался достать. Принесли цѣлый кругъ. Запивая пивомъ, они весь его съѣли и много смѣялись. Какъ тогда весело было! Тогда онъ мечталъ о кандидатскомъ экзаменѣ и о какой-нибудь „либеральной“ профессіи, адвокатствѣ, писательствѣ...

А теперь?

Палтусовъ вошелъ на Пречистенскій бульваръ, сѣлъ на скамейку и смотрѣлъ вслѣдъ быстро удалявшейся каретѣ. Только ея глухой грохотъ и раздавался. Ни души

не видно было кругомъ, кромѣ городового, дремавшаго на перекресткѣ. Истома и усталость отъ танцевъ приковывали Палтусова къ скамьѣ. Но ему не хотѣлось спать. И хорошо, что такъ вышло!.. Ему жаль было Станицыну... Но не о ней сталъ онъ думать. Завтра надо дѣйствовать. Поскорѣй въ Петербургъ—не дальше первой недѣли поста.

Онъ оглянулся. Некрасива матушка-Москва; куда ни взглянешь — все сѣро, грязно, запущено, тускло. Пора очищать ее, пора добираться и до ея сундуковъ... Смѣлымъ Богъ владѣетъ!..

Подползъ извозчикъ. Палтусовъ взялъ его.

Книга пятая и послѣдняя.

I.

Вторая недѣля поста. На улицахъ оттепель. Желтое небо не шлетъ ни дождя, ни снѣга. Лужи и взломанные, темнобурые куски уличнаго льда,—вотъ что видѣла Любаша Кречетова изъ окна гостиной Анны Серафимовны.

Любаша пріѣхала рано для нея. Она вставала въ одиннадцатомъ часу; а сегодня ей удалось быть одѣтой въ десять, чаю напилась она наскоро. Въ четверть двѣнадцатаго она входила уже въ сѣни дома Станицыныхъ.

— Анна Серафимовна выѣхали,—сказалъ ей швейцаръ.

Что-нибудь экстренное заставило ея двоюродную сестру выѣхать утромъ. Обыкновенно она выѣзжала послѣ двухъ. Но Любаша все-таки прошла наверхъ, завернула въ дѣтскую, гдѣ бонна-англичанка играла съ дѣтьми въ какую-то поучительную игру, и справилась у Авдотьи Ивановны, въ которомъ часу приходитъ новая „компаньонка".

Авдотья Ивановна доложила ей, что барышня „приходятъ" разно, какъ условятся съ Анной Серафимовной,—иной разъ днемъ, къ полудню, а то и вечеромъ „сидятъ". Весь день никогда не „остаются".

— Ты что же,—оборвала ее Любаша,—объ ней говоришь, точно она Милитриса Кирбитьевна какая: остаются, сидятъ?

— А какъ же, матушка?—степенно и кротко спросила Авдотья Ивановна.

— Не велика фря! Мамзель!

— Генеральскаго роду. Сразу видно.

— Въ надзирателяхъ, слышь, отецъ-то, въ акцизныхъ.

— Что жъ, матушка,—возразила Авдотья Ивановна,—

это несчастіе, Господь попустилъ. А сейчасъ видно, барышня... обращеніе одно. И добрѣйшей души. Гордости никакой.

— Еще бы! Изъ милости!.. Чего тутъ гордиться?

Любаша и рвала, и метала. Она не хотѣла даже и продолжать разговора о „мамзели“, который сама же начала. Все это оттого, что наканунѣ Рубцовъ сидѣлъ у нихъ и говорилъ о Тасѣ Долгушиной съ сочувствіемъ. Любаша нѣсколько разъ перебивала его возгласомъ:

— Губы!

— Что такое губы? — далъ онъ ей окрикъ уже не въ первый разъ.

— Губы у вашей милости особенныя, когда вы объ этомъ генеральскомъ потрохѣ изволите расписывать.

Рубцовъ вскочилъ съ кресла.

— Глупо и грубо! — выговорилъ онъ, поводя презрительно губами... — Вамъ, сестричка, до такого потроха далеко, хоть онъ и генеральскій!

Съ тѣмъ и ушелъ. Любаша бросилась было догонять его, да остановилась посрединѣ залы.

— Наплевать! — вслухъ сказала она и пошла въ свою комнату, стащила съ себя платье, порвала на лифѣ три пуговицы, раздѣлась вплоть до рубашки и начала хохотать со злости.

Что за чудо-юдо, эта генеральская дочь? Отчего это Семенъ Тимоѳеичъ изволятъ, говоря о ней, на особый манеръ губами поводить? Надо „обнюхать“ ее. Завтра же она на цѣлый день отправится къ Станицыной, спозаранокъ; туда явится, навѣрно, и „мериканецъ“, умѣющій только поддразнивать ее, какъ негодную дѣвчонку-птичницу или судомойку!

Такъ она и сдѣлала. Туалетомъ своимъ она, хоть и второпяхъ, но занялась больше обыкновеннаго, вымыла руки старательно, вычистила ногти, волосы завернула на затылкѣ и заткнула модной шпилькой.

— А Семенъ Тимоѳеичъ, — не утерпѣла, спросила она Авдотью Ивановну, — когда бываетъ больше?

— Да тоже разно, — продолжала докладывать та, не мѣняя своего истоваго и благодушнаго тона, — частенько и днемъ... Сегодня навѣрно будутъ: Анна Серафимовна посылали за нимъ и приказывали просить подождать.

Любаша выслушала это немного поспокойнѣе; но внутри у ней продолжало клокотать. „Навѣрно тутъ были разныя

„миндальности“. Эта генеральская мамзель подъ шумокъ начала лебезить съ купеческимъ братомъ. Думаетъ: у него милліоны. А онъ только черезъ край о себѣ воображаетъ, а никогда изъ него настоящаго негоціанта не выйдетъ. Анна Серафимовна вотъ что-то директоромъ-то не беретъ... И шельма же эта тетя: чтобъ у ней побольше мужчинъ бывало, такъ она дѣвицу наняла,—читать, изволите видѣть, занимать пріятными разговорами... Сама она по-французски-то съ грѣхомъ пополамъ, да и на „онъ“ отшибаетъ ея говоръ. Такъ подъ прикрытіемъ тонковоспитанной барышни оно будетъ куда превосходнѣе!..“

Надоѣло Любашѣ стоять у окна и хлопать глазами на уличную слякоть. Она подошла къ зеркалу, вдѣланному въ стѣну. И вся эта гостиная съ золоченой мебелью, ковромъ, лѣпнымъ потолкомъ раздражала ее.

„Черти, дьяволы! — бранилась она про себя. — И за какимъ шутомъ, прости Господи, чертоги такіе вывели? Мужъ съ женой не живутъ вмѣстѣ. Она—скаредъ, дѣлами заправляетъ, надъ каждой копейкой дрожитъ... Такъ и жила бы на своей фабрикѣ... А то лектрису ей понадобилось. На-ко, поди!.. На Волгѣ-то—тамъ тятька за косы таскалъ; а здѣсь барыню изъ себя корчитъ и подъ предлогомъ благочестія шашни со всѣми заводитъ...“

II.

Тася вошла такъ тихо въ гостиную, что Любаша увидала ее только въ зеркало и круто повернулась на одномъ каблукѣ.

„Такъ вотъ эта Милитриса Кирбитьевна!.. Этакая пиголица: носъ въ пуговку, голова комочкомъ, волосики жидкіе; дѣвчоночка изъ пріютскихъ; только что талія узка; да и манеръ никакихъ не видно“.

Анна Серафимовна уже говорила Тасѣ про свою двоюродную сестру. Тася видѣла ее въ театрѣ, въ тотъ бенефисъ, когда познакомилась со Станицыной. Сверху, изъ своихъ купоновъ, она замѣтила лицо и фигуру Любаши, когда та говорила, нагнувшись къ Станицыной. Ея размашистыя манеры она также замѣтила и спросила еще тогда Пирожкова:

— Будто бы это купчиха?

— А что?—откликнулся онъ.

— Да она отзывается... какъ бы это сказать?

— Должно-быть, изъ купеческихъ дарвинистокъ. Нынче и такія есть.

Вотъ уже недѣля, какъ Тася ходитъ къ Станицыной. Она все еще присматривалась къ этому, совсѣмъ новому для нея міру... Ей было гораздо ловчѣе, чѣмъ она думала. Анну Серафимовну она сразу поняла, почувствовала въ ней характеръ, заинтересовалась ею, какъ оригинальнымъ типомъ. Въ головѣ Таси сидѣло множество лицъ изъ купеческихъ комедій. Она все и сравнивала. Анна Серафимовна ни подъ какое лицо не подходила. Съ Рубцовымъ они уже разговаривали. И его она прикидывала къ разнымъ „Ванямъ", „Андрюшамъ" и „Митямъ" изъ пьесъ Островскаго, но и онъ отзывался совсѣмъ не тѣмъ; только въ говорѣ былъ слышенъ иногда купеческій братъ... Въ немъ все прочно сложилось. Онъ много жилъ, много видалъ за границей, работалъ, говорилъ грубовато, смѣло, безъ утайки и съ какимъ-то „себѣ на умѣ" въ глазахъ, которое ей нравилось. Насчетъ Любаши Анна Серафимовна ее предупредила, сказала ей даже:

— Ужъ вы, пожалуйста, извините ей—для нея законъ не писанъ, юродство на себя напустила; а дѣвушка недурная и съ мозгомъ.

Тася протянула Любашѣ руку и выговорила:

— Я васъ знаю. Вы—кузина Анны Серафимовны... Садитесь, пожалуйста.

Любаша на рукопожатіе отвѣтила; но внутренно опять обругала ее: какъ смѣетъ изъ себя хозяйку представлять? Сейчасъ: „садитесь"—точно она къ ней пришла въ гости.

Но тихій и веселый тонъ Таси посмягчилъ ее немножко. Она сѣла и закурила папиросу. Тася положила принесенную съ собой книгу на столъ и подсѣла къ ней.

— Тетя загуляла?—спросила Любаша.

— Какое-нибудь спѣшное дѣло, — замѣтила Тася.— Анна Серафимовна всегда дома въ это время.

„Да ты что меня, мать моя, занимаешь?" — начала опять обрывать про себя Любаша.

Лицо у ней стало злое, глаза потемнѣли. Она ихъ отводила въ сторону; но нѣтъ-нѣтъ, да и обдастъ ими Тасю. Той сдѣлалось вдругъ тяжело. Эта дарвинистка принесла съ собой какое-то напряженіе, что-то грубое и безцеремонное. На лицѣ такъ и было написано, что она никому спуску не дастъ и на все человѣчество смотритъ какъ на скотовъ.

— Что теперь читаете съ тетей?—спросила Любаша.— Романъ, небось, какой французскій?

— Нѣтъ, статью одну критическую.

— Ишь ты!

Въ залѣ по паркету приближались шаги. Любаша покраснѣла. Она узнала шаги Рубцова. Тася тоже подумала: не онъ ли? Ей бы теперь очень пріятенъ былъ его приходъ. Она просто начинала побаиваться Любашу.

Обѣ дѣвушки обернулись разомъ, когда вошелъ Рубцовъ.

Любаша сейчасъ же отмѣтила, про себя, что „Сеня“ одѣтъ гораздо франтоватѣе обыкновеннаго. Къ нимъ онъ ходитъ въ „похожалкѣ“ — сѣренькій сюртучокъ у него такой, затрапезный. Тутъ же, извольте полюбоваться, пиджакъ темносиній, и галстукъ новый, и воротнички особенные. А главное—усы началъ отпускать, не хочетъ, видно, смахивать на голландца-машиниста съ парохода.

Рубцовъ уже два-три раза разговаривалъ съ Тасей. Онъ подошелъ къ ней съ протянутой рукой и совсѣмъ не такъ, какъ онъ поздоровался потомъ съ Любашей. И это рѣзнуло Любашу по сердцу. Въ первый разъ, когда онъ обѣдалъ съ Тасей у Анны Серафимовны, впачалѣ онъ высматривалъ „генеральскую дочь“, какъ-то она еще поведетъ себя. Но Тася начала разсказывать про свою страсть къ сценѣ, про отца и мать, про старушекъ—онъ размякъ. Послѣ обѣда онъ самъ уже присѣлъ къ ней. Она читала какую-то новую повѣсть. Ея голосокъ повѣялъ на него пріятной теплотой. И такъ бойко передавала она разговорную рѣчь, чувствовался юморъ и пониманіе.

— Барышню вы хорошую пріобрѣли, сестричка,—сказалъ онъ Станицыной черезъ три дня.

— Пришелъ ее послушать, небось? — спросила Анна Серафимовна.

— Чтица толковая... И такая субтильненькая, дворянское дитя, а безъ важничанья. Хвалю!

Во второй вечеръ Рубцовъ заговорилъ съ Тасей безъ всякихъ прибаутокъ и угловатостей, такъ что Станицына диву далась.

— Нѣтъ Анны Серафимовны,—встрѣтила его Тася.

Любаша сейчасъ же вмѣшалась въ разговоръ.

— Тетя-то ненасытная какая, — заговорила она, напуская на себя передъ Рубцовымъ еще бо̀льшую развязность.

— Почему такъ?—суховато спросилъ онъ.

— Къ дѣламъ ненасытная... На Макарьевской, видно, въ этомъ году хочетъ полмилліона зашибить! Вонъ какъ ее спозаранку по городу носитъ...

Тася чуть замѣтно усмѣхнулась. Рубцовъ понялъ значеніе этой усмѣшки.

— Сестричку-то извините,—сказалъ ей Рубцовъ, мотнувъ какъ-то особенно головой.

— Что такое? а?—закричала Любаша и встала.

— Очень ужъ, для Великаго поста, удержу себѣ не имѣете.

— Это что еще?

Въ другое бы время Любаша начала браниться. А тутъ она точно чѣмъ подавилась, замолчала и съежилась.

— Великій, небось, постъ идетъ, — все съ тѣмъ же спокойнымъ балагурствомъ сказалъ Рубцовъ. — Говѣете, поди?

— Отстань!—вырвалось у Любаши.

Она рѣзко встала и отошла къ окну. Тася вопросительно поглядѣла на Рубцова и тотчасъ же улыбкой какъ бы замѣтила ему: „зачѣмъ вы ее дразните?“

— Вы позволите васъ послушать? — обратился къ ней Рубцовъ, сѣлъ поближе и потеръ руки.

— Сегодня беллетристики не будетъ... критическая статья.

— Тѣмъ пріятнѣе-съ.

Любаша у окна не проронила ни одного слова... Ей дѣлалось невыносимо. И гдѣ это рыщетъ „мерзкая“ тетя? Вотъ разлетѣлась сама компаньонку высматривать. И радуйся теперь!

III.

Станицына быстро вошла въ гостиную и остановилась въ двухъ шагахъ отъ двери. Она была очень блѣдна.

— Извините, Таисія Валентиновна, заждались вы меня. Любаша, здравствуй... Сеня! Спасибо. На минутку пожалуй сюда.

Она не подошла къ нимъ здороваться и жестомъ показала Рубцову.

— Сейчасъ,—обратилась она къ дѣвицамъ.—Сеня, на два слова!

Рубцова она увела черезъ залу въ свою уборную, небольшую комнату, около дѣтской.

Ни шляпы, ни пальто съ мѣховой отдѣлкой она не снимала.

— Дѣла, Сеня!—заговорила она отрывисто.—Викторъ Миронычъ угостилъ на этотъ разъ изрядно... Сто тысячъ франковъ, срокъ послѣзавтра.

— Ловко!—вырвалось у Рубцова.

— И на фабрикѣ не ладно.

— Что такое?

— Дѣло дойдетъ, пожалуй, до стачки... А я этого не хочу. Нѣмца я разочту... Неустойку плачу.

— Сколько?

— Десять тысячъ... Но это важнѣе. Ты идешь ко мнѣ?

Рубцовъ помолчалъ.

— Скорѣй говори.

— Да мы, сестричка, вдругъ какъ не поладимъ?

— Это почему?

— Такъ, я замѣчаю.

— Полно...

Она вскинула на него рѣсницы.

— Вы привыкли теперь къ другимъ людямъ...

— Не болтай пустого, Сеня,—строго сказала она.—Ты знаешь, что я тебя разумѣю за честнаго человѣка. Дѣло ты смыслишь.

— Ну, ладно, ну, ладно, — шутливо заговорилъ онъ и взялъ ее за руку.

Рука дрожала.

— Сестричка, милая,—почти нѣжно вымолвилъ онъ,— что же это вы какъ разстроились? Стоитъ ли? Все уладимъ. А отъ Виктора Мироныча и надо было ждать этого. Ваша воля носить ярмо-то каторжное!..

— Что же мнѣ дѣлать? — почти съ плачемъ воскликнула она и опустилась на стулъ.

— Извѣстное дѣло—что!

— Говори.

— Оставить его на вѣки-вѣчные.

— Я не хочу, чтобъ дѣти...

— Полноте,—остановилъ ее Рубцовъ,—къ чему жадничать?

— Я не жадничаю.

— Анъ, жадничаете. У васъ свое состояніе большое. Хватитъ на двоихъ. Ну, хотѣли поддержать имя, фирму, что ли, опытъ произвели. Ничего вы не подѣлаете! Купить у него мануфактуру... Достанетъ ли у васъ на это

собственнаго капитала или кредита?.. Да онъ и не продастъ. Онъ безъ продажи съ молотка не кончитъ. А вы не пожелаете покупать съ аукціона, пока онъ вашъ мужъ; да и не нужно вамъ.

— Я не жадничаю,—повторила она, задѣтая его словами.

— Это все отчего идетъ? Гдѣ корень?

— Развестись надо!—обронила она.

— Правильно!

— Шутка сказать!

— И совсѣмъ не трудно... Что же, пятнадцати тысячъ цѣлковыхъ, что ли, не найдется?

— Дешевле будетъ, — точно про себя выговорила Станицына.

— И дешевле... Такіе доки есть по этой части.

Рубцовъ понизилъ голосъ и опять взялъ ее за руку.

Анна Серафимовна закрыла на минуту глаза.

„Вѣдь вотъ и онъ—честный малый и умница—говоритъ то же, что и она себѣ уже не разъ твердила... Разореніе и срамъ считаться женой Виктора Мироныча!..“

— Не знаю, Сеня,—промолвила она.

— Да вѣдь это, сестричка, все равно, что когда зубъ гнилой заведется. Одно малодушіе, элексирами его разными смачивать, ковырять, пломбу вкладывать. Дайте дернуть хорошенько. И конченое дѣло!..

— Это дѣло длинное, а выйти теперь-то какъ...

— По векселю? Заплатить—извѣстно.

— Оградить себя чѣмъ ни есть...

— Ничѣмъ не оградите. Ужъ позвольте вамъ замѣтить, что тогда вы сгоряча такую сдѣлку предложили супругуто... Онъ парень не глупъ, сейчасъ же смекнулъ, что ему это на руку... Ступай на всѣ четыре стороны, вотъ тебѣ, батюшка, пенсіону тридцать тысячъ, долги твои всѣ покроемъ, а если тебѣ заблагоразсудится, голубчикъ, еще навыпускать документиковъ—мы съ полнымъ удовольствіемъ...

— Полно, Сеня, — остановила Анна Серафимовна. — Ну, да, глупость великую сдѣлала въ тѣ поры, каюсь...

— А теперь тѣмъ же маперомъ желаете?

— Охъ, не знаю!

Но она застыдилась самой себя. Точно она какая дѣвочка-подростокъ... И такъ, и этакъ...

Лицо у ней приняло сейчасъ же степенный видъ.

— Ты что же, Сеня, идешь ко мнѣ?

— Да, коли у васъ никого нѣтъ, не стоять же дѣлу...

— Спасибо... Ну, я сейчасъ... поди къ барышнямъ, я приду... Ты у насъ на цѣлый день?

— На цѣлый, коли милости вашей будетъ угодно.

Она усмѣхнулась и ласково кивнула ему головой.

IV.

Оставшись одна, Анна Серафимовна опустила голову— она забыла, что была въ шляпкѣ и пальто—и сидѣла такъ минутъ съ пять.

Прошло больше десяти дней съ того, что̀ случилось въ каретѣ. Она видѣла Палтусова всего разъ, мелькомъ, въ Большомъ театрѣ. Она возила дѣтей въ балетъ, въ утренній спектакль, въ концѣ масленицы. Онъ подошелъ къ бенуару, а потомъ, въ слѣдующій антрактъ, вошелъ и въ ложу. Такъ долженъ былъ поступить умный, тонко чувствующій человѣкъ. Никакой перемѣны въ тонѣ, разговорѣ. Да и какъ же ему было вести себя? Даже если бы онъ и готовъ былъ полюбить ее? Вѣдь она вела себя какъ безумная... Она замужемъ, желаетъ жить „въ законѣ“, блюдетъ свое достоинство, гордость и хочетъ оставить дѣтямъ имя добродѣтельной матери...

А въ каретѣ кинулась!.. И онъ хоть бы взглядомъ сказалъ ей: „что же вы ломаетесь, не угодно ли и дальше пойти, я такъ дурачить себя не позволю!“ Не любитъ. Равнодушенъ? Противна она ему? Кто это сказалъ? Чего же она-то ждетъ? Зачѣмъ не высвободитъ себя? Вотъ, Сеня Рубцовъ, и тотъ прямо говоритъ: „скиньте вы съ себя это каторжное ярмо!“

Она встала, сняла пальто и шляпу, начала стягивать перчатки, потомъ поправила волосы передъ зеркаломъ. На лбу ея не пропадала морщина. Изъ гостиной доносились молодые голоса. Вотъ эти „юнцы“ не знаютъ, небось, ея заботы. И между ними что-нибудь тоже будетъ. Люба и теперь ужъ гоняется за Рубцовымъ. Ахъ! Зачѣмъ ей самой не восемнадцать, не двадцать лѣтъ?

Любаша все еще стояла у окна, когда Анна Серафимовна вернулась въ гостиную. Рубцовъ снова разговаривалъ съ Тасей.

— Извините, Таисія Валентиновна,—сказала съ особенной вѣжливостью Станицына,—я васъ заставила даромъ просидѣть.

„Вотъ какія нѣжности, — думала Любаша, — все меня хочетъ поразить своими „учливостями“.

— Да вы сегодня, кажется, очень утомлены, не до чтенія.

— Дѣйствительно... Сеня,—обратилась къ Рубцову Станицына,—вѣдь надо бы намъ на фабрику съѣздить.

— Когда угодно.

— Да хоть сегодня.

— Я свободенъ.

— Это далеко?—спросила Тася.

— Нѣтъ, за Бутырками, въ полчаса можно долетѣть,—отвѣтила Станицына.

— Я никогда не бывала ни на одной фабрикѣ,—сказала Тася.

— Не хотите ли?—предложила Станицына и поглядѣла на Рубцова.

Тотъ одобрительно кивнулъ головой.

— Очень бы интересно,—выговорила Тася серьезно и наивно.

— Вотъ и будущій директоръ фабрики,—указала Станицына на Рубцова.

— Семенъ Тимоѳеичъ?—весело вскричала Тася.

Любаша сейчасъ же отошла отъ окна.

— Честь имѣю проздравить, ваше степенство,—сошкольничала она и присѣла.

Анна Серафимовна подумала въ эту минуту, что вѣдь Долгушина—кузина Палтусова. Вотъ она увидитъ фабрику. Онъ узнаетъ отъ нея, какъ ведется дѣло... Заинтересуется и самъ, быть-можетъ, попросится посмотрѣть.

„Показать ей школу, порядокъ на фабрикѣ. Пускай же она ему все разскажетъ“...

— Славно, тетя!—крикнула Любаша.—Возьмите и меня.

За эту поѣздку она схватилась. Дорогой и тамъ, на фабрикѣ, можно будетъ, какъ-ни-какъ, поддѣть эту барышню-чтицу. Она ничего навѣрно не читала стоящаго, только пьески да романы... Въ естественныхъ наукахъ—навѣрняка—ни бельмеса. Вотъ она и поразспроситъ ее, такъ, между прочимъ, и насчетъ химіи, и разнаго другого. Случаи будутъ.

— А тетенька заволнуется?

— Эка важность! Ну, пошлите, что къ обѣду не буду...

— Обѣдать у меня. Мы вернемся къ шести часамъ... Вамъ занятно будетъ,—обратилась Станицына къ Тасѣ.

— Какъ же! какъ же!—весело откликнулась та и даже захлопала въ ладоши.

„Актерка поганая, — выбранилась Любаша, — все—нарочно, егозитъ передъ Сенькой“.

— Да у насъ нѣмецкая масленица будетъ!—оживленно выговорилъ Рубцовъ и потеръ руки.—Вѣдь мы на тройкѣ, небось, сестричка?

Рѣшили ѣхать на тройкѣ. Пока привели сани—всѣ трое закусили. Анна Серафимовна была разсѣянна. Любаша нѣсколько разъ пробовала поддѣвать Тасю. Рубцовъ каждый разъ не давалъ ей разойтись. Тася старалась не смотрѣть на то, какъ Любаша дѣйствуетъ ножомъ и вилкой, и не понимала еще, чего отъ нея хочетъ эта купеческая „злюка“.

V.

Тройка миновала Бутырки. Погода прояснилась. Тасю посадили рядомъ съ Анной Серафимовной. Противъ нея сѣлъ Рубцовъ. Рядомъ съ нимъ—на передней же скамейкѣ—Любаша. Она сама предложила Тасѣ помѣститься па задней скамейкѣ, но ей было очень непріятно, что Рубцовъ „угодилъ“ напротивъ „мамзели“.

Тася ѣхала и вспоминала другую тройку, когда они скакали разъ въ паркъ, къ Яру, съ Грушевой. Опять она съ купцами. Должно-быть, изъ этого ужъ не высвободишься. Все купцы! И ѣдетъ она не къ цыганамъ, а на фабрику, въ первый разъ въ жизни. Что-то такое крѣпкожизненное входило въ сердце Таси. Ея теперешняя „хозяйка“—милліонщица,—настоящій человѣкъ, управляетъ двумя фабриками, сколько народу подъ командой! И какая у ней выдержка! Всегда ровна, привѣтлива, а на душѣ у ней, навѣрно, не ладно... Даже эта Любаша—нужды нѣтъ, что она вульгарна—все-таки характеръ. Что чувствуетъ, то и говоритъ. И у ней, навѣрно, сто тысячъ приданаго, и она будетъ тоже завѣдывать большой торговлей или фабрикой, если мужъ попадется плохенькій. Глаза Таси перешли къ Рубцову. Онъ сидѣлъ молодцовато, въ мѣховой шапкѣ... Отложной куній воротникъ красиво окладывалъ овалъ его лица. Похожъ, разумѣется, на приказчика, если посмотрѣть дворянскими глазами... А тоже—натура. Вотъ директоромъ цѣлой фабрики будетъ... Все дѣло, работа... Не то что въ ихъ дворянскихъ переулкахъ..

Сани ныряли въ ухабы. Любаша вскрикивала... Всѣмъ сдѣлалось веселѣе. Рубцовъ раза два спросилъ Тасю:

— Не безпокою ли я васъ?

Взяли влѣво. Кругомъ забѣлѣло поле. Вдали виднѣлся лѣсокъ. Кирпично-красный ящикъ фабрики стоялъ на дворѣ за низкимъ заборомъ.

Директора не было на фабрикѣ. Станицына имѣла съ нимъ объясненіе утромъ въ амбарѣ. Онъ не возвращался еще изъ города.

Ихъ встрѣтилъ въ сѣняхъ его помощникъ, коренастый остзейскій нѣмецъ, въ курткѣ и безъ шапки. Лицо у него было красное, широкое, съ черной, подстриженной бородкой. Анна Серафимовна поклонилась ему хозяйскимъ поклономъ. Тася это замѣтила.

Они вошли въ помѣщеніе, гдѣ лежали груды грязной шерсти. Воздухъ былъ пресыщенъ жирными испареніями. Рядомъ промывали. Въ чанахъ прѣла какая-то каша и выходила оттуда въ видѣ чистой желтоватой шерсти. Рабочіе кланялись хозяйкѣ и гостямъ. Они были всѣ въ однѣхъ рубашкахъ. Анна Серафимовна хранила степенное, чисто-хозяйское выраженіе лица. Любаша какъ-то все подмигивала. Ей хотѣлось показать и Станицыной, и Рубцову, что они „кулаки“.

— Здѣсь ужъ такое мѣсто,—обратилась Станицына къ Тасѣ,—чистоту трудно наблюдать.

— Что вы оправдываетесь, тетя! Сами увидимъ,—вмѣшалась Любаша.

Заглянули и туда, гдѣ печи и котлы. Тасѣ жаль сдѣлалось кочегаровъ. Запахъ масла, гари, особый жаръ, смѣшанный съ парами, обдали ее. Рабочіе смотрѣли на нихъ добродушно своими широкими, потными лицами. У одного кочегара воротъ рубашки былъ разстегнутъ и ноги босыя.

— Такъ легче! — сострила Любаша.—Добровольная каторга,—прибавила она громко.

Анна Серафимовна посмотрѣла на нее съ укоризной. Рубцовъ сказалъ ей насмѣшливо:

— Не хотите ли по верхней вонъ галлереѣ пройтись? Тамъ градусовъ сорокъ. Пользительно будетъ.

Въ нижнихъ топленыхъ сѣняхъ и на чугунной лѣстницѣ показалось очень холодно послѣ паровиковъ. Они поднялись наверхъ.

Прядильныя машины всего больше заняли Тасю. Въ огромныхъ залахъ ходило взадъ и впередъ, двигая длин-

ныя штуки на колесахъ, по пяти, по шести мальчиковъ. Хозяйка говорила съ ними, почти каждаго знала въ лицо. Рубцовъ шелъ позади дамъ, подробно объяснялъ все Тасѣ; отвѣчалъ и на вопросы Любаши, но гораздо кратче.

— А что вотъ этакій мальчикъ получаетъ?—позволила себѣ спросить Тася, понизивъ голосъ.

— Извѣстно, малость,—вмѣшалась Любаша.

— Рублей шесть,—сказалъ Рубцовъ.

— Да,—подтвердила Анна Серафимовна.

— Не разорительно!—подхватила Любаша.

Тася не знала, много это или мало.

На окнахъ, за развѣшанными кусками сукна, сидѣли дѣвушки, въ ситцевыхъ капотахъ, повязанныя цвѣтными платками, больше босыя.

— Что онѣ дѣлаютъ?—спросила Тася.

— Пятнышки красятъ,— пояснила сама Анна Серафимовна.

Дѣвушки прикладывались кисточками къ чуть замѣтнымъ бѣлымъ пятнышкамъ сукна. Онѣ смотрѣли бодро, отвѣчали бойко.

— Небось, рублика три жалованья? — сказала Любаша и поморщилась.

— Пять рублей,—сухо сообщила Станицына.

Она рѣшительно сожалѣла, что взяла съ собой свою кузину. Ей пріятно было показать Тасѣ, какое у ней благоустройство на фабрикѣ; а эта Любаша разстраивала все впечатлѣніе своими неумѣстными окриками и выходками.

Минутъ съ двадцать походили они по другимъ заламъ, гдѣ ткацкіе паровые станки стояли плотнымъ рядомъ и шелъ несмолкаемый гулъ колесъ и машинныхъ ремней. Побывали и въ самомъ верхнемъ помѣщеніи со старыми ручными станками.

VI.

Въ большой комнатѣ, гдѣ лежали всякія вещи: металлическіе прессы, образчики, бракованные куски сукна, Любаша остановила Рубцова. Анна Серафимовна еще не сходила съ Тасей съ верхняго этажа. Рубцову захотѣлось курить.

— Сеня,—начала Любаша, — ты идешь къ ней въ директоры?

Она не сказала даже къ „тетѣ“.

— Иду.

— Есть охота!.. Въ наймиты!

— Это почему?

Рубцовъ прислонился къ столу, взялъ въ руку пачку образчиковъ и, наморщивая одинъ глазъ, сталъ ихъ разсматривать.

— Да все какъ въ услуженіе.

— Все вы зря...

— И не вѣрю я ей ни на грошъ!—заговорила горячо Любаша и заходила взадъ и впередъ между двумя шкапами.

— Кому—ей?—спросилъ Рубцовъ.

— Да хозяйкѣ твоей, Аннѣ Серафимовнѣ. Зачѣмъ она насъ сюда притащила?

— Сами напросились.

— Точно мы не понимаемъ. Выставить себя хочетъ благодѣтельницей рода человѣческаго: какъ у ней все чудесно на фабрикѣ! И рабочихъ-то она ублажаетъ! И дѣтей-то ихъ учитъ!.. А все едино, что хлѣбъ, что мякина... Такая же каторжная работа... Постой-ка такъ двѣнадцать часовъ около печки или покряхти за станкомъ...

— Какъ же быть?

— Ахъ, ты, американецъ! Какъ же быть?!. Прежде ваша милость что-то не такъ изволила разсуждать?

— Эхъ!..—вырвалось у Рубцова.

— Да, извѣстно, испортился ты!—почти крикнула Любаша и подскочила къ нему. — Разсуди ты одно: рабочій полтинникъ въ день получаетъ...

— И до трехъ рублей.

— Ну, до трехъ... На своихъ харчахъ, небось? А бабы, а дѣвки? Пять цѣлковыхъ, и копти цѣлый день! А барыши идутъ, изволите ли видѣть, на уплату долговъ Виктора Мироныча и на чечеревятъ Анны Серафимовны... Сколотить лишній милліончикъ, тогда откупиться можно... Развестись... Госпожой Палтусовой быть!

— Это почему?

— Смотрите, какая мудрость догадаться, что она, какъ кошка, врѣзамшись... Все господа дворяне соблазняютъ... Такая ужъ у насъ теперь болѣзнь купеческая...

Она вызывающе-насмѣшливо взглянула на него. Рубцовъ чуть замѣтно покраснѣлъ.

— Слушать тошно!

— Это отчего? — уже совсѣмъ разсердилась Любаша, близко подошла къ нему и взяла его за руку. — Это отчего? Или и у вашей милости рыльце-то въ пушку?..

Рубцовъ отвелъ ее движеніемъ руки

— Вы бы, Любовь (онъ въ первый разъ ее такъ назвалъ), лучше на себя оглянулись. Другіе люди живутъ какъ люди — кто какъ можетъ, а вы только бранитесь, да безъ толку болтаете. Книжки читали, да разума ихъ не уразумѣли. Нѣтъ, этотъ товаръ-то дешевый!.. А угодно другимъ въ носъ тыкать ихъ кулачествомъ, такъ такъ бы и поступали... Не трудно это сдѣлать... Подите къ тѣмъ, кому ваши деньги понадобятся... Отдайте ихъ...

Любаша вся раскраснѣлась сразу, повела глазами и стала противъ Рубцова.

— И отдамъ, когда мнѣ захочется. Когда онѣ у меня будутъ! — глухо крикнула она, но тотчасъ же ея голосъ зазвучалъ по-другому, глаза мигнули разъ, другой и какъ будто подернулись влагой.—У меня теперь ничего нѣтъ,— продолжала она уже не гнѣвно, а искренно, — а когда меня выдѣлятъ, я сумѣю употребить съ толкомъ деньгу, какая у меня будетъ. Я и хотѣла... по душѣ съ тобой говорить... Устроили бы не кулаческое заведеніе... Коли ты другой человѣкъ, не промышленникъ, вотъ бы и могъ...

Она не досказала, обернулась и отошла къ окну, испугалась, что заплачетъ и выкажетъ ему свою слабость...

— Эхъ, вы!—задорно крикнула она прежнимъ тономъ, оборачиваясь лицомъ къ Рубцову. — Всѣ-то вы на одну стать!.. Ну васъ!

Любаша готова была бы „оттаскать“ его въ эту минуту. И зачѣмъ это она въ „чувствіе“ вдалась съ этакимъ „чурбаномъ“, съ „шельмой-парнишкой“... Ему дворянка нужна—видимое дѣло. Сколотить себѣ капиталъ и разъѣзжать съ женой, генеральской дочерью, по заграницамъ!..

— Желаю вамъ всякаго успѣха! — сухо сказалъ Рубцовъ, бросилъ на полъ окурокъ папиросы и затопталъ его.

Очень ужъ она ему надоѣла въ послѣднія двѣ недѣли.

— Слышишь!—крикнула Любаша. — Я тебѣ ничего не говорила... ничего!

Дверь отворилась. Станицына вошла первая. Любаша опять отскочила къ окну. Лицо Таси сдѣлалось ей въ эту минуту такъ ненавистно, что она готова была броситься на нее.

— По домамъ?—спросилъ Рубцовъ.

— Вотъ Таисіи Валентиновнѣ желательно на школу поглядѣть...

— Да,—подтвердила Тася.

— И то дѣло,—сказалъ Рубцовъ и двинулся за ними.

Любаша пошла, кусая ногти, послѣдней.

VII.

Отправились сначала въ „казарму“. Аннѣ Серафимовнѣ хотѣлось, чтобы родственница Палтусова видѣла, какъ помѣщены рабочіе. Побывали и въ общихъ камерахъ, и въ квартиркахъ женатыхъ рабочихъ. Въ одной изъ камеръ стоялъ очень спертый воздухъ. Любаша зажала себѣ съ гримасой носъ и крикнула:

— Ну, вентиляція!..

Она же подбѣжала къ одной изъ коекъ и такъ же громко крикнула:

— Насѣкомыхъ-то сколько! Батюшки!

Анна Серафимовна покраснѣла и тотчасъ же сказала, обращаясь къ Тасѣ и Рубцову:

— Директоръ съ рабочими изъ-за чистоты тоже воевалъ. Не очень-то любитъ ее... нашъ народецъ...

— Вентилировать можно бы,—замѣтилъ Рубцовъ.

— Да и постельки-то другія завести,—подхватила Любаша.

Тася только слушала. Она не могла судить—хорошо ли содержатъ рабочихъ или нѣтъ. У нихъ въ людскихъ, куда она иногда заходила, и грязи было больше, совсѣмъ никакихъ коекъ, а ужъ о тараканахъ и говорить нечего!..

Въ казармѣ женатыхъ рабочихъ воздухъ былъ тоже „не перваго сорта“, по замѣчанію Любаши; номера смотрѣли веселѣе, въ нѣкоторыхъ стояли горшки съ цвѣтами на окнахъ, кое-гдѣ кровати были съ ситцевыми занавѣсками. Но малые ребятишки оставались безъ призора. Ихъ матери всѣ почти ходили на фабрику.

— Кто побольше — учатся, — замѣтила Анна Серафимовна.

Любаша замолчала. Она только взглядывала на Рубцова. Всѣхъ троихъ—и его, и Тасю, и Станицыну—она посылала „ко всѣмъ чертямъ“.

Въ школѣ они застали послѣобѣденный классъ. Дѣвочки и мальчики учились вмѣстѣ. Довольно тѣсная комната была набита дѣтьми. И тутъ стоялъ спертый воздухъ. Учитель—черноватый молодой человѣкъ съ чахоточнымъ лицомъ — и весь классъ встали при появленіи Станицыной.

— Пожалуйста, садитесь,—сказала она, немного стѣсненная.

Лишнихъ стульевъ не было. Посѣтители сѣли на окнахъ. Анна Серафимовна попросила учителя продолжать урокъ.

Учитель, стоя на каѳедрѣ, говорилъ громко и раздѣльно фразы и заставлялъ классъ схватывать ихъ на память. Послѣ каждой фразы онъ спрашивалъ:

— Кто можетъ?

И десятокъ дѣвочекъ и мальчиковъ подскакивали на своихъ мѣстахъ и поднимали руку.

— Откуда учитель?—тихо спросила Тася у Анны Серафимовны.

— Изъ учительской семинаріи.

Раза два-три выходили „осѣчки". Вскочитъ мальчуганъ, начнетъ и напутаетъ; классъ тихо засмѣется. Учитель сейчасъ остановитъ. Одна дѣвочка и два мальчика отличались памятью: повторяли отрывки изъ басенъ Крылова въ три-четыре стиха. Тасю это очень заняло. Она тихо спросила у Рубцова, когда онъ пододвинулся къ ихъ окну:

— Это все на счетъ Анны Серафимовны?

— Какъ же,—съ удовольствіемъ отвѣтилъ онъ.

Станицына улыбнулась и сказала Тасѣ:

— А къ осени хочу два класса устроить... тѣсно; а можетъ-быть, и ремесленную школу заведу.

— Благое дѣло!—подтвердилъ Рубцовъ.

Любаша молчала. Она подошла къ каѳедрѣ, когда остальные посѣтители уходили, и спросила учителя:

— Жалованья что̀ получаете?

Учитель быстро поглядѣлъ на нее недоумѣвающими глазами и тихо отвѣтилъ:

— Шестьсотъ рублей-съ.

— Съ харчами?

— Квартира и дрова.

Она кивнула головой и пошла съ перевальцемъ.

Анна Серафимовна спускалась молча съ лѣстницы. Она была недовольна посѣщеніемъ фабрики. Правда, въ рабочихъ она не нашла большой смуты. О стачкѣ ей наговорилъ директоръ. Его она разочтетъ на-дняхъ. Съ Рубцовымъ она поладитъ.

Разговоръ съ Любашей немного разстроилъ Рубцова. Его мужская гордость была задѣта. Не этой „шалой озорной дѣвчонкѣ" учить его благородству. Не кулакъ онъ!

И не станетъ онъ потакать — хотя бы и въ директоры пошелъ—хозяйской скаредности. Его „сестричка“ — баба хорошая. Нѣмецъ былъ плутъ, зналъ свой карманъ, ненавистничалъ съ фабричными. Можно все на другую ногу поставить. Только зачѣмъ ему такія палаты, какія выведены тутъ на дворѣ для директора? Онъ — одинъ... Глядѣлъ онъ вслѣдъ Тасѣ. Она сѣменила ножками по рыхлому снѣгу... Такая милая дѣвушка—въ мамзеляхъ!

Лицо Рубцова вдругъ просвѣтлѣло. Что-то заиграло у него въ головѣ.

А Тася шла задумавшись. Она чувствовала, что ей, генеральской дочери, придется долго-долго жить съ купцами... даже если и на сцену поступитъ.

VIII.

Мертвенно-тихо въ домѣ Нѣтовыхъ. Два часа ночи. Евлампій Григорьевичъ вернулся вчера съ вечера, объ эту же пору, и нашелъ на столѣ депешу отъ Марьи Орестовны. Депеша пришла изъ Петербурга и въ ней стояло: „Буду завтра съ курьерскимъ. Приготовить спальню“. Больше ничего. Послѣднее письмо ея было еще съ юга Франціи. Она не писала около трехъ мѣсяцевъ.

Депеша его не обрадовала и не смутила. Прежнихъ чувствъ Евлампій Григорьевичъ что-то не находилъ въ себѣ. Вотъ на вчерашнемъ вечерѣ онъ жилъ настоящей жизнью. Тамъ ему хоть и дѣлалось по временамъ жутко, зато подмывали разныя вещи. Богатый и литературный баринъ пригласилъ его на свой понедѣльникъ. Его хотѣли опять залучить. Вспоминали покойнаго Лещова, предостерегали, видимо добивались, чтобы онъ опять плясалъ по ихъ дудкѣ. Тамъ были и его родственнички — Краснопёрый и Взломцевъ. Краснопёрый много болталъ, Взломцевъ отмалчивался. Хозяинъ сладко такъ говорилъ. Въ немъ, значитъ, нуждаются. Извѣстно, что: денегъ дай на газету... А онъ ихъ отбрилъ! Они думали, что онъ не можетъ ходить безъ помочей; анъ, вышло, что очень можетъ. Ни въ правыхъ, ни въ лѣвыхъ—ни въ какихъ онъ не желаетъ быть! Хотѣлъ онъ вынуть изъ кармана свое „жизнеописаніе“ и прочесть вслухъ. Онъ три мѣсяца его писалъ и напечатаетъ отдѣльной брошюрой, когда подойдутъ выборы, чтобы всѣ знали — каковъ онъ есть человѣкъ.

Вернулся онъ сильно возбужденный, въ головѣ зароди-

лось столько мыслей. И вдругъ эта депеша... Марья Орестовна отставила его отъ своей особы сразу и навѣщать себя за границей запретила. Потосковалъ онъ вначалѣ, да что-то скоро забывать сталъ. Казалось ему минутами, что онъ и женатъ никогда не бывалъ. Любовь куда-то ушла... Боялся онъ ея, а теперь не боится... Все-таки она женскаго пола. Попросту сказать—баба! Куда же ей противъ него? Вотъ онъ всю зиму думалъ, и говорилъ, и даже писалъ самъ... Можетъ, ей непріятно бы было, чтобы онъ ее встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ. Онъ и не поѣхалъ. Послалъ карету съ лакеемъ.

Ее привезли. Изъ кареты вынесли. Пріѣхалъ съ ней и братъ. Понесли и по лѣстницѣ. Она совсѣмъ зеленая; но голосъ не измѣнился... Первымъ дѣломъ язвительно сказала ему:

— На вокзалъ-то не пожаловали... И хорошо сдѣлали...

Братъ шепнулъ ему, что надо сейчасъ же за докторомъ. Евлампій Григорьевичъ распорядился, но безъ всякой тревоги и суетливости.

Только что ее уложили въ постель, онъ ушелъ въ кабинетъ и не показывался. Это очень покоробило брата Марьи Орестовны. Евлампій Григорьевичъ, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, встрѣтилъ его удивленно. Онъ опять засѣлъ за письменный столъ и поправлялъ печатные листки.

— Братецъ... — началъ полушопотомъ Леденщиковъ,— вы видите, въ какомъ она положеніи.

— Кто-съ?—спросилъ разсѣянно Нѣтовъ.

— Мари.

— Да!.. Докторъ сейчасъ будетъ.

— Я думаю, нужно консиліумъ... Я боюсь назвать болѣзнь...

Нѣтовъ не слушалъ. Глаза его все возвращались къ листкамъ, лежащимъ на столѣ.

— Я долженъ васъ предупредить...

— А что-съ?

— Да какъ же... Мари вѣдь опасна..

— Опасна-съ?

Евлампій Григорьевичъ оставилъ свои листки и повыше приподнялъ голову.

Братъ Марьи Орестовны, при всей своей сладости, сжалъ губы на особый ладъ. Такая безчувственность просто изумляла его, казалась ему совершенно неприличной.

— А вотъ докторъ что скажетъ... Я ничего не могу... Не обучали-съ...

Глаза Нѣтова бѣгали. Онъ почти смѣялся. Леденщиковъ даже сконфузился и пошелъ къ сестрѣ. Она его прогнала.

Пріѣхалъ годовой докторъ. Евлампій Григорьевичъ поздоровался съ нимъ, потирая руки, съ веселой усмѣшкой, проводилъ его до спальни жены и тотчасъ же вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Леденщиковъ въ кабинетѣ сестры прислушивался къ тому, что въ спальнѣ. Минутъ черезъ десять вышелъ докторъ съ разстроеннымъ лицомъ и быстро пошелъ къ Нѣтову. Леденщиковъ догналъ его и остановилъ въ залѣ.

— Серьезно?—прокартавилъ онъ.

— Очень, очень!—кинулъ докторъ.

Онъ сказалъ Нѣтову, что надо призвать хирурга, а онъ будетъ ѣздить для общаго лѣченья, намекнулъ на то, что понадобится, быть-можетъ, и консиліумъ.

Нѣтовъ слушалъ его въ позѣ дѣлового человѣка и все повторялъ:

— Такъ-съ... такъ-съ...

Докторъ раза два поглядѣлъ на него пристально и, уходя, на лѣстницѣ сказалъ Леденщикову:

— Вы ужъ займитесь уходомъ за больной. Евлампій Григорьичъ очень пораженъ.

— Пораженъ?—переспросилъ Леденщиковъ.—Не знаю, мы его нашли такимъ же... страннымъ...

Братъ Марьи Орестовны желалъ одного: чувствительной сцены съ своей „безцѣнной“ Мари.

IX.

Въ спальнѣ Марьи Орестовны тяжелый воздухъ. У ней на груди—язва. Перевязывать ее мучительно больно. Она лежитъ съ закинутой головой. Ее оскорбляетъ ея болѣзнь—карбункулъ. Съ этимъ словомъ Марья Орестовна примирилась... Мазали-мазали. Она ослабла,—это показалось ей подозрительнымъ. Это былъ ракъ. Доктора сказали ей, наконецъ, обинякам.

Собралась она тотчасъ же въ Москву—умирать. Такъ она и рѣшила про себя. Братъ повезъ ее. Она этого не желала. Онъ присталъ. Довезли бы и такъ, довольно было ея толковой и услужливой горничной-нѣмки. За границей братъ ей еще больше опротивѣлъ. Имѣла она глупость

сказать ему, что у ней есть свое состояніе... Онъ, хотя и глупъ, а полегоньку многое отъ нея выпыталъ. Вотъ теперь и будетъ канючить, приставать, чтобы она завѣщаніе написала въ его пользу... А она не хочетъ этого. Будь Палтусовъ съ ней понѣжнѣе... Она бы оставила ему половину своихъ денегъ. Писалъ онъ аккуратно и мило, почтительно, умно... Но къ ней самъ не собрался, даже и намека на это не было... Гордъ очень... Насильно милой не будешь! Все-таки она посовѣтуется съ нимъ... Довольно этому тошному братцу—„клянчѣ"—и ста тысячъ рублей... Камеръ-юнкерства-то ему что-то не даютъ; да и мало ли болтается камеръ-юнкеровъ совсѣмъ голыхъ?

„Не встану, — говоритъ про себя больная, — нечего и волноваться". И минутами точно пріятно ей, что другіе боятся смерти, а она—нѣтъ... Заново жить?.. Какая сладость! За границей она—ничего. Здѣсь опостылѣло ей все... Одинъ человѣкъ есть стоящій, да и тотъ не любитъ...

Да, сдѣлать бы его своимъ наслѣдникомъ, дать ему почувствовать, какъ она выше его своимъ великодушіемъ, такъ и сказать въ завѣщаніи, что: „считаю, молъ, васъ достойнымъ поддержки, вѣрю, что вы сумѣете употребить даруемыя мною средства на благо общественное; а я почитаю себя счастливой, что открываю такому энергическому и талантливому молодому человѣку широкое поле дѣятельности"...

Въ головѣ ея эти фразы укладываются такъ хорошо. Голова совсѣмъ чиста, и останется такой до послѣдней минуты—она это знаетъ.

А то можно по-другому распорядиться. Ну, оставить ему что нибудь, тысячъ пятьдесятъ, что ли, да столько же брату, или побольше, чтобы не ходилъ по добрымъ людямъ и не жаловался на нее... Да и то сказать, гдѣ же ему остаться безъ добавочнаго дохода къ жалованью. Да и удержится ли онъ еще на своемъ консульскомъ мѣстѣ? Она даетъ ему три тысячи въ годъ, иногда и больше. И надо оставить столько, чтобы проценты съ капитала давали ему тысячи три, много четыре.

Остальное связать со своимъ именемъ. Завѣщать двѣсти тысячъ — цифра эффектная — на какое-нибудь заведеніе, напримѣръ, хоть на профессіональную школу... Никто у насъ не учитъ дѣвушекъ полезнымъ вещамъ. Все науки, да литература, да контрапунктъ, да идеи разныя... Вотъ

и ее, Марью Орестовну, заставь скроить платье, нарисовать узоръ, что-нибудь склеить или устроить, дать рисунокъ мастеру,—ничего она не можетъ сдѣлать. А въ такой школѣ всему этому будутъ учить.

Два часа продумала Марья Орестовна. И боли утихли, и про смерть забыла... Завѣщаніе все у ней въ головѣ готово... Вотъ пріѣдетъ Палтусовъ, она ему сама продиктуетъ, назначитъ его душеприказчикомъ, исполнителемъ ея воли... Онъ выхлопочетъ, чтобы школа называлась ея именемъ...

Лежитъ она съ закрытыми глазами, и ей представляется красивый двухъэтажный домъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ Сокольниковъ или Нескучнаго, на дворѣ, за рѣшёткой... И ярко играютъ на солнцѣ золотыя слова вывѣски: „Профессіональная школа имени Маріи Орестовны Нѣтовой". И каждый годъ панихида въ годовщину ея смерти: генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, попечитель, всѣ власти, самыя сановныя дамы. Сколько простоитъ заведеніе, столько будетъ и панихидъ. Но этого еще мало... Палтусовъ составитъ ея жизнеописаніе. Выйдетъ книжка къ открытію школы... Ее будутъ раздавать всѣмъ даромъ, съ ея портретомъ. Надо, чтобы сняли хорошую фотографію съ того портрета, что виситъ у Евлампія Григорьевича въ кабинетѣ. Тамъ у ней такое умное и пріятное выраженіе лица... Палтусовъ сумѣетъ сочинить книжку...

И желаніе его видѣть стало расти въ Марьѣ Орестовнѣ съ каждымъ часомъ. Только она не приметъ его въ спальнѣ... Тутъ такой запахъ... Она велитъ перенести себя въ свой кабинетъ... Онъ не долженъ знать, какая у нея болѣзнь. Строго-на-строго накажетъ она брату и мужу ничего ему не говорить... Лицо у ней блѣдно, но то же самое, какъ и передъ болѣзнью было.

Она такъ мало интересовалась лѣченьемъ, что отвѣтила брату, сказавшему ей насчетъ консиліума:

— Пускай! Все равно!

X.

На консиліумѣ смертный исходъ былъ научно установленъ. Операціи дѣлать нельзя, антоновъ огонь уже образовался и будетъ разъѣдать, сколько бы ни рѣзали.

Годовому доктору поручили сказать Евлампію Григорьевичу, что надо приготовить Марью Орестовну.

Онъ это принялъ такъ равнодушно, что докторъ поглядѣлъ на него.

— Приготовить?—переспросилъ Евлампій Григорьичъ и улыбнулся.—Извольте. Я скажу-съ. Всѣ смертны. Оно, знаете, и лучше, чѣмъ такъ мучиться.

Докторъ съ этимъ согласился.

А больная лежала въ это время съ высоко-поднятой грудью—иначе боли усиливались, и съ низко-опущенной головой и глядѣла въ лѣпной потолокъ своей спальни... По лицамъ докторовъ она поняла, что ждать больше нечего...

— Ахъ, поскорѣе бы! — вырвалось у ней со вздохомъ, когда они всѣ вышли изъ спальни.

Въ который разъ она перебирала въ головѣ ходъ болѣзни, и конецъ ея—не то ракъ, не то гангрена... Не все ли равно... А умъ не засыпаетъ, свѣтелъ, голова даже почти не болитъ... Скоро, должно-быть, и забытье начнется. Поскорѣе бы!

Противны сдѣлались ей осенью Москва, домъ, погода, улица, мужъ, все... А за границей болѣзнь нашла и умирать тамъ не захотѣлось... Сюда пріѣхала... Только бы никто не мѣшалъ... Хорошо, что горничная-нѣмка ловко служитъ...

За изголовьемъ кашлянули.

„Что ему?"—подумала съ гримасой Марья Орестовна. Она узнала покашливанье мужа... Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь опять, онъ ей какъ-то меньше мозолитъ глаза... Только въ немъ большая перемѣна... Не любитъ она его, а все же ей сдѣлалось странно и какъ будто обидно, что онъ все улыбается, ни разу не всплакнулъ, ободряетъ ее какимъ-то небывалымъ тономъ.

— Это ты?—спросила Марья Орестовна.

Она ему говоритъ „ты", онъ ей „вы", какъ и прежде, только не тотъ звукъ.

Евлампій Григорьевичъ подошелъ, потирая руки.

— Какъ себя чувствуете?—спросилъ онъ и присѣлъ на стулъ, въ ногахъ кровати.

— Что тутъ спрашивать?—оборвала она его.

— Конечно-съ, — вздохнулъ онъ. — Сами изволите разумѣть... Кто подъ колею попадетъ... А кто и такъ.

Марья Орестовна начала всматриваться въ него и подниматься. Улыбка глупѣе прежней, а по теперешнему настроенію — жена умираетъ — и совсѣмъ точно безумная, глаза разбѣгаются.

Она еще приподнялась и молча глядѣла на него.

— Всѣ подъ Богомъ-съ,—выговорилъ онъ, всталъ и началъ, потирая руки, скоро ходить по комнатѣ.

„Да, онъ помутился, — подумала она и ей жаль стало вдругъ. — Не отъ любви ли къ ней? Кто его знаетъ! Просто оттого, что безъ указки остался и не совладалъ съ своей душонкой".

— Сядь!—строго сказала она ему.

Онъ присѣлъ на край постели.

— Ты видишь, мнѣ не долго жить,—выговаривала она твердо и поучительно, — ты останешься одинъ. Брось ты свои должности и званія разныя... Не твоего это ума. Лещовъ умеръ, у дяди своего дѣла много, Краснопёрый тебя же будетъ вездѣ въ шуты рядить... Брось!.. Живи такъ—въ почетѣ, ну, добрыя дѣла дѣлай, давай стипендіи, картины, что ли, покупай. Только не торчи ты во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, если желаешь, чтобы я спокойно въ могилѣ лежала. Совѣтуйся съ Палтусовымъ, съ Андреемъ Дмитріевичемъ... И по торговымъ дѣламъ... А лучше бы всего, чтобъ тебя приказчики не обворовывали, живи ты на капиталъ, обрати въ деньги... Ну, домъ этотъ держи... угощай, что ли, Москву... Дадутъ и за это генерала... Числись какимъ-нибудь почетнымъ попечителемъ... А дашь покрупнѣе взятку, такъ и Станислава повѣсятъ черезъ плечо...

Евлампій Григорьевичъ не дослушалъ жены. Онъ всталъ, подошелъ къ ея изголовью, разставилъ какъ-то странно ноги, щеки его покраснѣли, глаза загорѣлись и гнѣвно, почти злобно уставились на нее.

— Не ваша сухота, не ваша сухота! — заговорилъ онъ обиженнымъ тономъ.—Мы не въ малолѣтствѣ... Вы о себѣ лучше бы, Марья Орестовна... напутствіе, и отъ всѣхъ прегрѣшеній... А я на своихъ ногахъ, изволите меня слышать и понимать? На своихъ ногахъ!.. И теперь какую въ себѣ чувствую силу, и что я могу, и какъ хочу отдать себя, значитъ, обществу и всему гражданству,—я это довольно ясно изложилъ... И брошюра моя готова... Только, можетъ, страничку-другую...

Онъ махнулъ рукой и опять заходилъ.

— Сядь!..—приказала она ему.

Но онъ не послушался и заговорилъ съ такимъ же волненіемъ.

— Оставь меня!—утомленно сказала она.

Нѣтовъ ушелъ.

Ей было все равно. Поглупѣлъ онъ или собирается совсѣмъ свихнуться. Не стоитъ онъ и ея напутствія... Пусть живетъ, какъ хочетъ... Хоть гаремъ заводи въ этихъ самыхъ комнатахъ... Авось, Палтусовъ не дастъ совсѣмъ осрамиться.

XI.

Два раза посылала она на квартиру Палтусова. Мальчикъ и кучеръ отвѣчали каждый разъ одно и то же, что Андрей Дмитричъ въ Петербургѣ, „адреса не оставляли, а когда будутъ назадъ—не извѣстно". Кому телеграфировать? Она не знала. Ея братъ придумалъ, послалъ депешу къ одному сослуживцу, чтобы отыскать Палтусова въ отеляхъ... Ждали четыре дня. Пришла депеша, что Палтусовъ стоитъ у Демута. Туда телеграфировали, что Марья Орестовна очень больна, „при смерти", велѣла она сама прибавить. Полученъ отвѣтъ: „буду черезъ два дня".

Прошли сутки... А его нѣтъ... Что же это такое?.. Онъ—довѣренное лицо, у него на рукахъ все ея состояніе, ему шлютъ отчаянную депешу, онъ отвѣчаетъ: „буду черезъ два дня", и—ничего.

Сколько ей жить? Быть-можетъ, два дня, быть-можетъ, недѣлю—не больше... Она хотѣла распорядиться по его совѣту, оставить на школу тамъ, что ли, или на что-нибудь такое. Но нельзя же такъ обращаться съ ней!..

Ну, не нравится она ему, какъ женщина, такъ, по крайней мѣрѣ, покажи вниманіе. Вотъ они—тонкіе, воспитанные мужчины... За ея ласку, довѣріе—такая расплата! Его только она и отличала изо всей Москвы. Его мнѣніемъ только и дорожила, въ послѣдній годъ особенно... Пропади-пропадомъ все ея состояніе! Не хочетъ она никакого завѣщанія писать. Еще утомляться, подписывать, слушать, братецъ будетъ канючить, съ Евлампіемъ Григорьевичемъ надо будетъ говорить... Кто наслѣдникъ, тотъ пускай и будетъ наслѣдникъ. Мужу четвертая часть опять вернется, остальное тому... глупому, долговязому.

Досадно ей, горько... Но оставить на школу—кому поручить? Украдутъ, растащутъ, выйдетъ глупо. А то еще братецъ процессъ затѣетъ, будетъ доказывать, что она завѣщаніе писала не въ своемъ умѣ. Его сдѣлать душеприказчикомъ?.. Онъ только самъ станетъ величаться... Довольно съ него.

На другой день съ утра Марья Орестовна почувствовала себя легко... Пришелъ братецъ. Она поглядѣла на него съ насмѣшливой улыбкой и спросила:

— Ты что же не просишь меня?

— О чемъ, Мари?

— Да чтобъ побольше денегъ тебѣ оставила?

Онъ опустилъ глаза и покраснѣлъ.

— Ахъ, полно... Безцѣнная моя,—началъ было онъ.

— Сладокъ ты очень, дружокъ,—перебила она его.— Не обижу.

— Твоя воля, Мари, священна для меня... Но если бъ ты желала...

Марья Орестовна тихо разсмѣялась.

— Завѣщанія, хочешь ты сказать? Для тебя невыгодно будетъ.

Леденщиковъ глупо и испуганно поглядѣлъ на нее.

Она расхохоталась и тотчасъ же поморщилась отъ боли. Онъ наклонился къ ней.

— Мари, дорогая...

— Ступай, ступай!

Очень ужъ сдѣлались ей противны его лицо, голосъ, фигура, полуфальшивая сладость его тона.

Тутъ въ головѣ у ней пошла муть, жаръ сталъ подступать къ мозгу, въ глазахъ зарябило. Она подняла было голову и безпомощно опустила на подушку.

— Ступай, ступай!—повторила она еще разъ.

И захотѣлось ей умереть сегодня же, но одной, совсѣмъ одной, чтобы ее заперли.

Подъ вечеръ Евлампію Григорьевичу доложилъ камердинеръ, что „Марья Орестовна кончаются".

Онъ и это принялъ холодно и только спросилъ:

— Въ памяти?

Послали за священникомъ. Леденщиковъ не зналъ еще точно суммы сестрина состоянія. Но ему надо было теперь распорядиться, какъ законному наслѣднику, — Евлампій Григорьичъ въ какомъ-то странномъ разстройствѣ. И онъ долго не протянетъ.

Марья Орестовна хоть и умирала въ полузабытьѣ, но никого не пускала къ себѣ, кромѣ своей камеристки Берты.

Дорогіе хоромы коммерціи совѣтника Нѣтова замирали вмѣстѣ съ той женщиной, которая создала ихъ... Лѣстница, салоны съ гобленами, столовая съ рѣзнымъ потол-

комъ стояли въ полутьмѣ кое-гдѣ зажженыхъ лампъ. Въ кабинетѣ сидѣлъ за письменнымъ столомъ повихнувшійся выученикъ Марьи Орестовны. По залѣ ходилъ другой ея воспитанникъ, глупый и ничтожный...

Къ ночи началась суета, поднимающаяся въ домѣ богатой покойницы... Но Евлампій Григорьевичъ съ суевѣрнымъ страхомъ заперся у себя въ кабинетѣ. Онъ чувствовалъ еще обиду напутственныхъ словъ своей жены. Вотъ снесутъ ее на кладбище, и тогда онъ будетъ самъ себѣ господинъ и покажетъ всему городу, на что онъ способенъ и безъ всякихъ помочей... Еще нѣсколько дней—и его „брошюра" готова, прочтутъ ее и увидятъ, „каковъ онъ есть человѣкъ!"

XII.

Петербургскій поѣздъ опоздалъ на двадцать минутъ. Послѣднимъ изъ вагона перваго класса вышелъ пассажиръ въ бобровой шапкѣ и пальто съ куньимъ воротникомъ.

Это былъ Палтусовъ. Лицо его осунулось. Съ обѣихъ сторонъ носа легли рѣзкія линіи. Сказывалась не одна плохо проведенная ночь. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Депеша брата Нѣтовой застала его въ постели. Наканунѣ ночью онъ проснулся съ ужасными болями въ печени. Припадки длились пять дней. Докторъ не пускалъ его. Но онъ настаивалъ на рѣшительной необходимости ѣхать... Боли такъ захватили его, что онъ забылъ и о депешѣ, и объ опасной болѣзни Нѣтовой... Какъ только немного отпустило, онъ всталъ съ постели и, сгорбившись, ходилъ по комнатѣ, послалъ депешу, написалъ нѣсколько городскихъ писемъ. У него было два-три человѣка съ дѣловыми визитами.

Въ Москвѣ, у себя, онъ не оставилъ петербургскаго адреса. Его удивило то, что депеша отъ Нѣтовой, подписанная ея братомъ, пришла къ нему прямо въ отель Демутъ... Всю дорогу онъ былъ встревоженъ. Дома мальчикъ доложилъ ему, что отъ Нѣтовыхъ присылали три раза; а вотъ уже три дня, какъ никто больше не приходилъ.

Это усилило его безпокойство. Онъ велѣлъ сейчасъ же приготовить одѣваться и закладывать лошадь. Былъ первый часъ.

Въ передней позвонили.

— Никого не принимать!—крикнулъ онъ мальчику.

Тотъ пошелъ отпирать. Изъ кабинета слышно было, акъ кто-то вошелъ въ калошахъ.

— Господинъ Леденщиковъ, — доложилъ, показываясь ь дверяхъ, мальчикъ,—требуютъ-съ... я не впускалъ.

— Проси,—поспѣшно приказалъ Палтусовъ.

Онъ замѣтно поблѣднѣлъ.

Братъ Марьи Орестовны остановился въ дверяхъ—въ линномъ черномъ сюртукѣ, съ крепомъ на рукавѣ и съ лерезами на воротникѣ.

— Марья Орестовна?—первый спросилъ Палтусовъ и одалъ руку.

— Моя сестра скончалась вчера, въ ночь...

Въ голосѣ не слышно было слезъ; но глаза тревожно мотрѣли на Палтусова.

— Вчера ночью?—переспросилъ Палтусовъ и подался азадъ.

Онъ забылъ попросить гостя сѣсть, но тотчасъ же сповватился.

— Прошу, — указалъ онъ Леденщикову на кресло у гола.

Въ одинъ мигъ сообразилъ онъ, зачѣмъ тотъ пріѣхалъ что отвѣчать ему.

— М-г Палтусовъ, — началъ Леденщиковъ, немножко жимаясь, — сестра моя скончалась, не оставивъ завѣанія.

— Да?—переспросилъ Палтусовъ.

— Безъ завѣщанія,—повторилъ Леденщиковъ.—Но она общила мнѣ еще задолго до кончины, что вы завѣдывали дѣлами.

— Точно такъ,—сухо отвѣтилъ Палтусовъ.

— Состояніе, предоставленное ей мужемъ, все было, олько мнѣ извѣстно, въ бумагахъ?

— Въ бумагахъ.

„Не тяни, животное!"—выбранился про себя Палтусовъ.

— Такъ вотъ я бы и просилъ васъ покорнѣйше присти въ извѣстность всю наличную сумму. Она должна ть въ пятьсотъ тысячъ капитала. Я обращаюсь къ вамъ, къ братъ и наслѣдникъ... за выдѣломъ четвертой части лампію Григорьевичу...

Леденщиковъ переложилъ шляпу — и она уже была крепомъ—съ праваго колѣна на лѣвое.

Палтусовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ уголъ комгы и вернулся. Лицо его оставалось блѣднымъ.

— Очень хорошо-съ, — заговорилъ онъ глуше обыкновеннаго.—Но вы, вѣроятно, знаете, что сестра ваша поручила мнѣ свой капиталъ въ полное распоряженіе?

— Я имѣю копію съ довѣренности.

— Поэтому часть этихъ денегъ находится... какъ бы вамъ это сказать... въ оборотѣ...

— Въ какомъ оборотѣ?—уже съ явной боязнью въ голосѣ спросилъ Леденщиковъ.

— Въ оборотѣ,—повторилъ Палтусовъ.

— Вы отдали ихъ подъ залогъ? Въ такомъ случаѣ у васъ есть закладная или другіе документы.

— Словомъ, — перебилъ его Палтусовъ, — сто тысячъ рублей, даже нѣсколько больше, я не могу реализировать сейчасъ же.

— Но я васъ не понимаю, monsieur Палтусовъ,—болѣе сладкимъ тономъ началъ Леденщиковъ. — Эти деньги должны же быть гдѣ-нибудь... Какъ вы ими распоряжались, въ интересахъ вашей довѣрительницы, я не знаю, но онѣ должны быть налицо.

— Я прошу васъ дать мнѣ сроку нѣсколько дней, недѣлю. Вѣдь я же не могъ предвидѣть внезапной кончины вашей сестры.

— Мы вамъ нѣсколько разъ телеграфировали.

— Я самъ заболѣлъ въ Петербургѣ.

— Но, cher monsieur Палтусовъ, я вѣдь не требую, чтобы вы мнѣ сію минуту выложили весь капиталъ Мари. Онъ въ банкѣ, въ бумагахъ... это само собой понимается... Но надо привести въ извѣстность сейчасъ же.

— Къ чему?—возразилъ болѣе спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Палтусовъ.—Ваша сестра умерла безъ завѣщанія. Вы и мужъ ея—наслѣдники... Извѣстно, что я занимался ея дѣлами... Мировой судья будетъ дѣйствовать охранительнымъ порядкомъ.

— Но почему же этого не сдѣлать просто, домашнимъ образомъ? Вы пожалуете къ намъ и привезете всѣ эти цѣнности.

— Да, конечно, но я прошу васъ дать мнѣ срокъ.

— Срокъ?

Губы Леденщикова начали блѣднѣть.

— Я распоряжался самостоятельно.

— Да-съ, monsieur Палтусовъ,—перебилъ Леденщиковъ и всталъ, — но я долженъ васъ предупредить, что если

вамъ не угодно будетъ до вечера послѣзавтра пожаловать къ намъ со всѣми документами... я долженъ буду...

— Хорошо-съ,—сухо отрѣзалъ Палтусовъ.

— Послѣзавтра, — повторилъ Леденщиковъ и подалъ Палтусову руку.

Къ передней онъ отретировался задомъ. Палтусовъ проводилъ его до дверей.

Кровь сразу прилила къ его лицу, какъ только онъ остался одинъ.

Этотъ глупый и сладкій гостинодворческій дипломатъ не дастъ ему передышки... Не дастъ! Все было у него такъ хорошо разсчитано. И вдругъ смерть Нѣтовой!.. Просить, каяться передъ двумя купчишками?! Никогда!

Надо выиграть время... Будь это не такой купеческій „братецъ“ — они бы столковались... Но тутъ трусливая алчность: хочется поскорѣе пощупать свой капиталъ, свалившійся съ неба.

Первый, кто пришелъ на мысль Палтусову, былъ Осетровъ. Вотъ къ кому надо ѣхать... сію минуту. Если и не будетъ успѣха, то хоть что-нибудь дѣльное вынесешь изъ разговора съ нимъ.

А если онъ откажетъ?.. — Палтусовъ закусилъ губу и въ глазахъ его мелькнула рѣшимость особаго рода.

Черезъ десять минутъ онъ летѣлъ къ Осетрову.

XIII.

Осетровъ былъ у себя. Онъ нанималъ цѣлый этажъ, на бульварѣ, въ домѣ разорившихся милліонеровъ, которымъ и остался только этотъ домъ. Палтусовъ не былъ у него на квартирѣ и не видалъ его больше трехъ мѣсяцевъ.

Онъ шелъ за лакеемъ по высокимъ комнатамъ увѣренно; но внутри тревога росла. Надо было сохранить на лицѣ выраженіе дѣловой и немного свѣтской развязности; надо показать, что съ того дня, когда они познакомились въ конторѣ, утекло не мало воды въ его пользу. Тогда онъ отрекомендовался какъ фактотумъ подрядчика изъ офицеровъ; теперь онъ долженъ явиться самостоятельной личностью, дѣловой единицей, дѣйствующей на свой страхъ... Съ Осетровымъ онъ, кажется, умѣетъ говорить, попадать въ тонъ... Въ его предпріятіи у него три пая, по тысячѣ рублей... Со своимъ пайщикомъ, хотя бы и на такую малость, не станетъ тотъ разыгрывать набоба; слиш-

комъ онъ уменъ для этого, да и сумѣлъ давно оцѣнить, что въ его пайщикѣ есть кое-что, стоящее и вниманья, и поддержки, и довѣрія...

Слово „довѣріе“ не смутило Палтусова и въ эту минуту. Почему же не довѣріе? Развѣ Осетровъ знаетъ, что сейчасъ произошло между нимъ и Леденщиковымъ?.. Да хоть бы, какимъ-нибудь чудомъ, и догадался? Надо предупредить его, говорить прямо, безъ утайки, какъ было дѣло. Онъ человѣкъ практики... Ему постоянно поручались куши чужими людьми, да и воротилой-то онъ сдѣлался только на однѣ чужія деньги... Что онъ такое былъ? Учитель...

— Пожалуйте-съ, — пригласилъ лакей и остановился передъ темной дверью съ глубокой амбразурой.

Палтусовъ не замѣтилъ, черезъ какія комнаты прошелъ до кабинета.

Осетровъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ такой же позѣ, какъ въ конторѣ, когда Палтусовъ въ первый разъ явился къ нему отъ Калакуцкаго.

Разсматривать обширный кабинетъ некогда было. Палтусовъ перешелъ къ дѣлу.

— Поддержите меня,—сказалъ онъ Осетрову безъ обиняковъ,—мое положеніе очень крутое. Вы сами человѣкъ, разбогатѣвшій личной энергіей... У меня была довѣрительница—поручила мнѣ свое денежное состояніе. Я распоряжался имъ по своему усмотрѣнію. Она скоропостижно умерла. Наслѣдникъ требуетъ — вынь, да положь — всего капитала... А у меня нѣтъ цѣлой четверти...

Палтусовъ остановился.

— Гдѣ же онъ у васъ?—спросилъ Осетровъ, мягко поглядывая на него.

— Я пустилъ его въ оборотъ...

— На свое имя?

— Нѣтъ... на чужое...

— Въ какой же это оборотъ?

— Я далъ бумаги въ залогъ.

— Ну такъ что же за бѣда? Вы такъ и объявите наслѣднику... Это не пропащія деньги...

— Я не могу этого сдѣлать,—рѣшительно выговорилъ Палтусовъ.

— Почему же?

— Потому что наслѣдникъ — скупой дурачокъ. Онъ сочтетъ это за растрату...

— Да...

Осетровъ закурилъ папиросу и прищурилъ глазъ.

— Что же я могу для васъ сдѣлать?

— Дайте мнѣ ваше поручительство... Я выдамъ векселя...

— Мое поручительство?.. Нѣтъ, любезный Андрей Дмитричъ, я не могу этого.

Палтусовъ опустилъ глаза.

Они оба молчали.

— Я заслужу вамъ, — началъ Палтусовъ. — Въ моемъ поступкѣ вы, дѣловой человѣкъ, не должны видѣть что-нибудь особенное... Отчего же я не могъ воспользоваться случаемъ? Дѣло шло о прекрасной операціи... Она удалась бы черезъ два-три мѣсяца... Я возвращаю капиталъ довѣрительницѣ и сразу пріобрѣтаю хорошее денежное положеніе.

— Почему же вы такъ не поступили?

— Надо было сейчасъ же дѣйствовать. Она жила въ Ниццѣ... Я вамъ уже сказалъ, что она имѣла ко мнѣ полное довѣріе. Ея смерть—неудача,—и больше ничего!

— Это растяжимые дѣловые принципы, — выговорилъ Осетровъ.

— Но вамъ,—уже горячо возразилъ Палтусовъ,—развѣ не довѣряли сотни тысячъ безъ расписокъ? Вы ихъ пускали въ оборотъ отъ своего имени. Стало, рисковали чужимъ достояніемъ.

— Совершенно вѣрно, — остановилъ Осетровъ, — но я возвращалъ сейчасъ же, сейчасъ, все, что у меня было, при первомъ требованіи, или указывалъ, во что у меня всажены деньги. Сдѣлайте то же и вы.

— Но я вамъ говорилъ, что наслѣдникъ скупердяй, дуракъ... съ нимъ это невозможно, бумаги представлены въ заемъ другимъ лицомъ! Какое же я обезпеченіе могу дать такому трусливому и алчному наслѣднику?

— Напрасно съ такимъ народомъ дѣло имѣете...

На лицѣ Осетрова Палтусовъ прочелъ рѣшительный отказъ.

— Вадимъ Павловичъ,—выговорилъ онъ,—я ожидалъ отъ васъ другого...

— И получили бы другое, — отвѣтилъ Осетровъ, приподнимаясь надъ столомъ. — Наживать можно и должно, но только не такъ, какъ вы задумали.

Это было сказано серьезно, безъ всякаго вызова. Оставалось удалиться.

— У васъ есть наши акціи? — спросилъ Осетровъ, какъ бы спохватившись. — Если вамъ угодно, я куплю у васъ ихъ по полторы тысячи — больше вамъ не дадутъ...

Палтусова охватило такое злобное чувство, что онъ съ усиліемъ сдержалъ себя на порогѣ кабинета.

XIV.

„Ѣхать къ Станицыной?“ — мелькнуло у него. Онъ вышелъ на крыльцо и глядѣлъ на обширный дворъ. Кучеръ еще не замѣтилъ его и не подавалъ. Такъ простоялъ онъ минуты двѣ...

Станицына! Она выручитъ! Кто это сказалъ? Въ ней теперь женское чувство расходилось. Она увидала, пожалуй, въ томъ, какъ онъ повелъ съ ней себя, прямое оскорбленіе. Да, другой бы упалъ на колѣни и, долго не думая, предложилъ бы ей сожительство, довелъ бы до развода съ мужемъ, прибралъ бы къ своимъ рукамъ ея фабрику и наличныя деньги. Полно, есть ли онѣ, наличныя-то?.. Она должна была, въ эту зиму, заплатить за мужа нѣсколько сотъ тысячъ... безъ этого она не подняла бы кредиту. А коли наличныхъ нѣтъ, или есть только на оборотъ, на поддержку текущихъ дѣлъ по обѣимъ фабрикамъ, такъ изъ-за чего же онъ будетъ соваться?

Да и не хочетъ онъ ей говорить правды. Ее на мякинѣ не проведешь. Она все-таки кулакъ-баба... Позволить ей заподозрить его, и такъ, въ глаза... Ни за что!

Съ женщинами у него — неизмѣнная мораль. Такъ онъ поступалъ, такъ и будетъ поступать. Что-то поднимаетъ внутри его гордость, чувство мужского превосходства, когда онъ думаетъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ. Обязаннымъ имъ онъ ничѣмъ не хочетъ быть. Сначала онъ перепробуетъ все.

Но что же?

Въ ту минуту, когда Палтусовъ крикнулъ: „подавай!“ голова его освѣтилась новой фигурой ярко и отчетливо, и тотчасъ вспомнилъ онъ свой визитъ къ родственнику Долгушина, къ тому „ископаемому“, что сидитъ въ птичникѣ... у него есть деньги. Онъ навѣрно тайный ростовщикъ. Но что же предложить ему въ залогъ? Одну половину бумагъ? Такъ это будетъ Тришкинъ кафтанъ. Нелѣпо!

Почему-то, однакожъ, онъ схватился за эту мысль.

Онъ вспомнилъ адресъ стараго барина, но не приказалъ кучеру ѣхать туда, а взялъ извозчика.

Баринъ принялъ его. Онъ вышелъ къ Палтусову совершенно такъ же одѣтый, какъ и въ тотъ разъ, и такъ же попросилъ его во вторую комнату. Старикъ помнилъ о его визитѣ, опять сказалъ, что служилъ когда-то съ однимъ Палтусовымъ. Про Долгушина освѣдомился въ шутливомъ тонѣ, и когда Палтусовъ сообщилъ ему, что генералъ служитъ акцизнымъ надзирателемъ на табачной фабрикѣ, выговорилъ:

— И это для него большой постъ. Свистунъ!

Палтусовъ сидѣлъ такъ, что ему была видна часть стѣны, гдѣ онъ въ первый разъ замѣтилъ несгораемый шкапъ. Глаза его остановились на продольной, чуть замѣтной щели. Опять разглядѣлъ онъ и маленькое отверстіе для ключа.

— Чѣмъ могу? — спросилъ баринъ и поправилъ паричокъ.

— На этотъ разъ,—началъ Палтусовъ,—я къ вамъ отъ себя.

Онъ пристально поглядѣлъ на старика.

— Чѣмъ могу?—повторилъ тотъ.

— Не найдете ли возможности дать мнѣ подъ обезпеченіе?..

Губы барина слегка пошевелились и что-то мелькнуло въ глазахъ.

— Я знаю, что вы ссужаете,—рѣшительно выговорилъ Палтусовъ, и даже похвалилъ себя внутренно за такую проницательность.

— Вы изволите говорить, — не мѣняя тона, переспросилъ старикъ,—подъ обезпеченіе?

— Цѣнностями... разныхъ наименованій.

— И какую сумму?

„А, ты ростовщикъ!“—вскрикнулъ про себя Палтусовъ.

— Сто тысячъ рублей.

— Сто тысячъ рублей?.. Такой свободной суммы я не имѣю...

— Ну, сколько имѣете...

Старикъ поглядѣлъ на Палтусова косвеннымъ взглядомъ.

— А почему же вы, государь мой, не желаете заложить ваши цѣнности въ любомъ банкѣ?

Вопросъ этотъ уже побывалъ въ головѣ Палтусова, когда онъ подъѣзжалъ къ его дому.

— Это фамильныя вещи,—уже солгалъ Палтусовъ.

— Брильянты?—быстро спросилъ старикъ.

— Разныя цѣнности.

Въ головѣ Палтусова разыгрывалась сцена. Вотъ онъ привозитъ свои бумаги. Это будетъ сегодня вечеромъ. Старикъ приготовитъ сумму... Она у него есть—онъ вретъ. Онъ увидитъ процентныя бумаги вмѣсто брильянтовъ, но можно ему что-нибудь наговорить... Не все ли ему равно? Онъ пойдетъ за деньгами... Броситься на него... Разъ, два!.. А собаки? А люди? Развѣ такъ покончилъ со старикомъ недавно, въ Петербургѣ, саперный офицеръ? То было въ квартирѣ. Даже кухарку услалъ... Да и то поймали.

Все это пронеслось въ мозгу Палтусова и заставило его мгновенно покраснѣть. И вдругъ его визитъ къ этому барину, разговоръ, расчеты представились ему во всей ихъ глупости и гадости. Какъ могъ онъ остановиться хоть минуту на такой мысли?.. А просто заложить бумаги можно въ первомъ попавшемся банкѣ... Да какой же толкъ въ этомъ?..

Онъ долженъ былъ сознаться, что голова его ослабѣла. Устыдившись, онъ тотчасъ же всталъ и протянулъ руку хозяину.

— Позвольте заѣхать къ вамъ на-дняхъ,—сказалъ онъ, любезно улыбаясь.—Вы, во всякомъ случаѣ, не прочь? О процентахъ мы тогда переговоримъ...

— Милости прошу,—кратко отвѣтилъ ему немного удивленный старикъ, и пошелъ провожать его черезъ комнату съ птицами.

Собаки тоже провожали Палтусова. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, чувствуя, что щеки его горятъ. Въ первый разъ онъ подумалъ о томъ, какъ можно придушить живого человѣка изъ-за денегъ.

XV.

Звонили ко всеношной... Мартовскій воздухъ смякъ. Днемъ сильно таяло. Солнце повертывало на лѣто. Путь лежалъ Палтусову со Знаменки Кремлемъ. Онъ извозчика не взялъ, пошелъ пѣшкомъ.

Миновалъ онъ ворота съ прорѣзными бойницами проѣздной башни „Кутафьи“, бѣлѣющей, точно шатеръ, безъ крыши. Зажигалась яркая ночь. Вокругъ полнаго мѣсяца, не поднявшагося еще кверху, отъ утренняго тумана шла

круглая пелена, открывающая посрединѣ овалъ—посинѣе, безоблачный, глубокій. И одна только звѣзда внизу и сбоку отъ мѣсяца ярко мерцала. Другихъ звѣздъ еще не было замѣтно.

Палтусовъ остановился у перилъ моста черезъ Александровскій садъ и засмотрѣлся на него. Это позволило ему уйти отъ тревогъ сегодняшняго дня. Внизу темнѣли голыя аллеи сада, мигали фонари. Сбоку на горѣ уходилъ въ небо бельведеръ Румянцевскаго музея съ его стройными павильонами, точно повисшій въ воздухѣ надъ обрывомъ. Чуть слышно доносилась ѣзда по оголяющейся мостовой...

Палтусовъ пошелъ дальше, мостомъ и Троицкими воротами, поднялся въ Кремль. Слѣва сухо и однообразно желтѣлъ корпусъ арсенала, справа выдвигался рядъ косо поставленныхъ пушекъ, а внизу пирамиды ядеръ. Гулъ соборныхъ колоколовъ разливался тонкою заунывною струею. Ему захотѣлось туда, за рѣшётку, откуда золоченыя главы всплывали въ матовомъ сіяніи луны. Онъ скорыми шагами перешелъ поперекъ площади, повернулъ вправо и взялъ въ узкій коридорчикъ, откуда входятъ въ Успенскій соборъ.

Темные, расписанные столбы собора, полусвѣтъ, лики иконостаса, ладанъ и тихое мельканіе молящагося народа навели на Палтусова родъ дремы... Онъ сначала совсѣмъ забылъ про себя. Ему нужно было за чѣмъ-нибудь слѣдить глазами, что-нибудь слушать... Въ соборъ не попадалъ онъ много лѣтъ, даже и не помнитъ, когда это было. Теперь его занимала служба, какъ ребенка. Идетъ архіерей въ длинной ризѣ, ее поддерживаетъ сзади иподьяконъ, впереди дьяконъ со свѣчой. Архіерей кадитъ передъ образами... Такого облаченья и всего этого шествія Палтусовъ не видалъ еще никогда... Онъ глядѣлъ ему вслѣдъ. Служба перешла па средину собора. Долго онъ не могъ слушать ее. Кровь прилила къ головѣ, сдѣлалось душно, напала тревожность, столбы и иконостасъ точно давили его.

Онъ вышелъ на воздухъ. И разомъ все вернулось къ нему... Онъ воръ!.. Хотѣлъ разжиться на чужія деньги. Могъ сегодня,—когда братъ Нѣтовой явился къ нему,—прямо сказать: „я вложилъ въ такое-то дѣло сто тысячъ... Вотъ кѣмъ представлены залоги... Вотъ документъ, обезпечивающій эту сдѣлку... на-те“.—И какъ ни жаденъ

этотъ идіотъ, онъ все-таки пошелъ бы на соглашеніе. А не пошелъ бы?.. Пускай начиналъ бы процессъ, даже уголовное дѣло. Такъ нѣтъ!.. Захотѣлось вынырнуть съ чужимъ капиталомъ!

Машинально двигался Палтусовъ къ Ивану Великому, поднялся кверху, на площадку, гдѣ ходъ въ церковь... Тамъ только онъ очнулся.

Гадость сдѣлана. Леденщиковъ не дастъ ему передышки, если бъ и разсказать ему все на чистоту, покаяться... Будетъ дѣло. Оно ужъ и теперь началось... Умышленное присвоеніе чужой собственности уже совершено, въ глазахъ *настоящихъ*, честныхъ людей онъ уже погибъ...

Вспомнилъ онъ своего недавняго „принципала"—Калакуцкаго. Черепъ съ чернѣющей ранкой представился ему... И курносое лицо околоточнаго... Вотъ застрѣлился же! Отъ уголовнаго суда самъ ушелъ. А не Богъ знаетъ какой великой души былъ человѣкъ...

Зазвонили. Палтусовъ поднялъ голову и поглядѣлъ вверхъ, на колокольню. Чего же стòитъ забраться вонъ туда, откуда идетъ звонъ? Дверь теперь отперта... Звонарь не доглядитъ. Дать ему рубль. А потомъ легонько подойти къ периламъ. Одинъ скачокъ — и кончено!.. Въ Лондонѣ бросаются же каждый годъ съ колонны на Трафальгаръ-скверѣ, и съ колокольни св. Павла цѣлыми дюжинами бросаются...

Онъ зажмурилъ глаза и открылъ ихъ черезъ нѣсколько секундъ. Внизу плиты уже обнажились отъ снѣга, коегдѣ просохли и свѣтились. Его схватило за сердце. Но онъ не успѣлъ испугаться. Новое чувство уже залегло ему на душу...

„Воръ! — думалъ онъ и началъ чуть замѣтно улыбаться. — Пускай! Смерть отъ своей руки еще не ушла. Лучше пистолетъ, чѣмъ такой прыжокъ съ колокольни. Сдѣлать это приличнѣй и скромнѣй".

Онъ началъ спускаться по ступенькамъ. Ему стало вдругъ легко. Ни къ кому онъ больше не кинется, никакихъ депешъ и писемъ не желаетъ писать въ Петербургъ; поѣдетъ теперь домой, заляжетъ спать, хорошенько выспится и будетъ поджидать. Все пойдетъ своимъ чередомъ... Не завтра, такъ послѣзавтра явится и слѣдователь. Не поѣдетъ онъ и на похороны Нѣтовой. Не напишетъ и Пирожкову. Успѣетъ... Никогда не рано отправиться на тотъ свѣтъ изъ этой Москвы!..

Благовѣстъ продолжался. Выйдя за рѣшётку, Палтусовъ провалился въ рыхломъ снѣгѣ. Это его разсмѣшило.

XVI.

Пирожковъ не хотѣлъ вѣрить слуху, что Палтусовъ „арестованъ". Ему кто-то сказалъ это наканунѣ вечеромъ. Онъ вскочилъ съ постели въ девятомъ часу, торопливо одѣлся и поѣхалъ къ пріятелю. Мальчика, отворившаго ему дверь, онъ ни о чемъ не разспрашивалъ. Тотъ принялъ его со словами:

— Пожалуйте-съ, баринъ у себя.

Квартирка смотрѣла такъ же чисто и нарядно, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ заѣхалъ къ Палтусову попросить за мадамъ Гужò. Ничто не говорило про бѣду.

— Дома! — вслухъ выговорилъ Иванъ Алексѣевичъ въ передней.

Значитъ—вздоръ, враньe, никакого ареста не было.

Палтусова онъ нашелъ на кушеткѣ.

— Что съ вами, нездоровится? — спросилъ его Пирожковъ и сильно потрясъ ему руку.

Лицо Палтусова показалось ему и желтымъ, и осунувшимся.

— Да вотъ съ пріѣзда не могу поправиться,— откликнулся Палтусовъ и всталъ съ кушетки.

На немъ былъ халатъ, чего Пирожковъ никогда не видалъ.

— Вы въ Петербургѣ заболѣли?

— Да, чуть не воспаленіе въ печени схватилъ.

Въ глазахъ пріятеля Палтусовъ прочелъ причину его прихода.

— Иванъ Алексѣичъ,—началъ онъ простымъ, задушевнымъ тономъ,—вамъ навѣрно сказали уже, что меня схватили?

— Дѣйствительно.

— Этого еще нѣтъ; но можетъ быть сейчасъ. Я не знаю. Пока, я далъ подписку.

Онъ на одну секунду опустилъ голову и добавилъ съ тихой усмѣшкой:

— Попаду въ кутузку—это вѣрно.

— Но за что же? — искренней нотой крикнулъ Иванъ Алексѣичъ.

— За что? За растрату чужого имущества...

Пирожковъ ничего не сказалъ на это, а только усмѣхнулся отрицательно.

— Право! — подтвердилъ Палтусовъ и опять сѣлъ на кушетку, подложивъ подъ себя ноги.

— Да объясните!

— Дѣло самое простое... Получилъ довѣренность на распоряженіе капиталомъ.

— Большимъ?

— Въ нѣсколько сотъ тысячъ.

— И что же?

— Распорядился по своему усмотрѣнію... на это имѣлъ право... Довѣрительница умерла въ мое отсутствіе... Наслѣдникъ присталъ къ горлу—давай ему всѣ деньги... А у меня ихъ нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ? — изумленно переспросилъ Пирожковъ.

— Такъ, въ наличности нѣтъ...

— Но вы можете доказать.

— Вотъ что, дорогой Иванъ Алексѣичъ, — началъ горячѣе Палтусовъ и подался впередъ корпусомъ, — взбѣсился я на этихъ купчишекъ, вотъ на умытыхъ-то, что въ баре лѣзутъ, по-англійски говорятъ! Если бъ вы видѣли гнусную, облизанную физіономію братца моей довѣрительницы, когда онъ явился ко мнѣ съ угрозой ареста и уголовнаго преслѣдованія! Я хотѣлъ было повести дѣло просто, по-человѣчески. А потомъ озорство меня взяло... Никакихъ объясненій!.. Пускай арестуютъ!

— Но зачѣмъ же? — Пирожковъ присѣлъ къ нему на кушетку и взялъ его за руку.—Зачѣмъ же такъ, Палтусовъ? Что за бравада? Вы же говорили мнѣ вотъ въ этомъ самомъ кабинетѣ, что купецъ — сила, все прибралъ къ своимъ рукамъ...

— Посмотримъ, кто кого пересилитъ... Тутъ умъ надо, а не капиталы.

— Умъ!.. Но, Андрей Дмитричъ... къ чему же доводить себя?..

— Да вѣдь я уже подъ сюркупомъ... Обязался подпиской о невыѣздѣ...

— Что же вы теперь дѣлаете? Какія мѣры?

Пирожковъ разстроенно глядѣлъ на Палтусова. Тотъ пожалъ ему руку.

— Добрая вы душа, сочувственная. Не бойтесь. Я волноваться не желаю. Съ адвокатомъ я видѣлся. Выбралъ

не краснобая, а честнаго чудака... Я вижу... вамъ хочется подробностей. Зачѣмъ копаться въ этихъ дрязгахъ? Для меня это партія въ шахматы... На одномъ осѣкся, на другомъ выплыву!..

Что-то новое слышалось Пирожкову въ звукахъ голоса Палтусова. Ему сдѣлалось не по себѣ. Точно онъ попалъ въ болото и нога ступаетъ на зыбкую кочку.

— Ха-ха-ха! — разразился Палтусовъ. — Полноте... Говорю, выплыву. А если вы увидите, что я въ этой кулаческой Москвѣ самъ позапылился, — вы забудете, что у васъ былъ такой пріятель.

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—возразилъ Пирожковъ, всталъ и въ недоумѣніи заходилъ по кабинету.

Палтусовъ посмотрѣлъ на стѣнные часы.

— Иванъ Алексѣичъ! — окликнулъ онъ. — Знаете что, не засиживайтесь. Я, по моимъ соображеніямъ, жду сегодня архангеловъ.

— Какихъ?

— Слѣдователя или полицію. Уходите. Коли надо будетъ куда-нибудь съѣздить, къ адвокату, что ли, — дамъ вамъ знать; только не стѣсняйтесь... Прямо откажите.

— Полноте!—вырвалось у Пирожкова теплой нотой.

Онъ рѣшительно не зналъ, какъ ему говорить съ пріятелемъ. Черезъ пять минутъ онъ вышелъ.

На улицѣ онъ перебиралъ про себя, какое чувство возбуждаетъ въ немъ Палтусовъ, и не могъ отвѣтить, не могъ сказать: „нѣтъ, онъ честенъ, это—разъяснится“.

Ему показалось, на поворотѣ къ Чистымъ Прудамъ, что въ пролеткѣ проѣхалъ полицейскій офицеръ со статскимъ.

XVII.

Больше трехъ недѣль, какъ Анна Серафимовна ничего не слыхала о Палтусовѣ. Она спрашивала Тасю. Та знала только, что онъ куда-то уѣхалъ... Надо было рѣшиться— разрывать или нѣтъ съ мужемъ. Рубцовъ продолжалъ стоять за разрывъ. Голова уже давно говорила ей, что она промахнулась, что она только с[illegible] разоритъ, если будетъ завѣдывать дѣлами Виктора Ми[illegible]оныча.

Но не одни дѣла. Когда же наступитъ полная законная воля? Неужели обречь себя на вѣчно[illegible] вдовство, или махнуть на все и жить себѣ съ „дружкомъ“. Да гдѣ онъ, этотъ дружокъ? И его нѣтъ!

За эти дни она исхудала, подъ глазами круги, во рту

гадко, всю поводитъ. Но она не хочетъ поддаваться никакой „лихой болѣсти“. Не таковская она!

Анна Серафимовна собралась ѣхать въ амбаръ. Вошла Тася въ шляпѣ и кофточкѣ. Это не былъ еще ея часъ.

— Вы слышали, — выговорила она съ разстановкой, — Андрей Дмитричъ...

Станицына поблѣднѣла. Сердце у ней точно совсѣмъ пропало.

— Что?

— Посадили его.

— Посадили!..

Анна Серафимовна не могла придти въ себя.

— За политическое?

— Нѣтъ.

Тася замялась.

— По какому же дѣлу?

— Я не знаю хорошенько... Говорятъ про... растрату какую-то... Послѣ смерти Нѣтовой открыли...

— Послѣ Нѣтовой?

Она все сообразила. Но быть не можетъ. Это не такой человѣкъ!

Рука ея протянулась къ Тасѣ. Онѣ обнялись. Анна Серафимовна поцѣловала ее горячо.

— Это такъ что-нибудь,—порывисто заговорила она.— Онъ не могъ...

Обѣ сѣли.

Тася прильнула къ ней. Ей захотѣлось признаться этой „купчихѣ“ въ томъ, что до тѣхъ поръ она считала неловкимъ разсказывать.

Анна Серафимовна узнала, что Палтусовъ помогалъ семейству Долгушиныхъ еще при жизни матери. Про себя Тася умолчала.

— Вотъ видите,—успокоивала и самоё себя Станицына,—такой человѣкъ не могъ! Гдѣ же онъ сидитъ?

— Я не знаю,—пристыженно отвѣтила Тася.

— Надо узнать...

Анна Серафимовна разспросила, гдѣ живетъ Палтусовъ, и приказала подавать экипажъ.

— Вы оставайтесь, — сказала она Тасѣ, — подождите меня...

— Мнѣ бы надо,—тихо выговорила Тася.

Она чувствовала, какъ „барышня“ проснулась въ ней въ эту минуту. Боится она разыскивать, гдѣ сидитъ ея

родственникъ, боится полиціи совершенно такъ, какъ ея старушки, чуть дѣло запахнетъ хоть городовымъ. А вотъ такая купчиха не боится... Она любитъ... она можетъ и спасти его,—пожалуй, и въ Сибирь бы пошла за нимъ... Но стоитъ ли онъ этого? Поручиться нельзя.

Тася покраснѣла. Что же это такое? Онъ помогаетъ ей и старушкамъ, а она точно сейчасъ же готова выдать его.

— Анна Серафимовна, — придержала она Станицыну въ залѣ,—вы не подумайте, что я такая гадкая... безсердечная... Вотъ вы — посторонняя, и такъ тепло къ нему относитесь... А мнѣ бы слѣдовало...

— Я узнаю, я узнаю, — повторяла Станицына, идя къ лѣстницѣ.

По лѣстницѣ поднимался Рубцовъ. Онъ заѣхалъ больше для Таси, отправляясь на фабрику.

— Сеня,—сказала ему Станицына,—побудь съ Таисіей Валентиновной—мнѣ къ спѣху...

Онъ замѣтилъ большую перемѣну въ ея лицѣ и успѣлъ спросить у ней на лѣстницѣ:

— Что, иль опять отъ муженька сюпризецъ?

— Нѣтъ, не то, — отвѣтила она и быстро начала сходить внизъ.

— Что такое?—спросилъ Рубцовъ Тасю.

Рубцовъ и Тася проходили залой.

Тася не знала, говорить ли ей... Это можетъ повредить Палтусову... Но вѣдь она сказала уже Станицыной. А Рубцовъ—добрый, въ эти двѣ недѣли они сошлись, точно родные.

Въ гостиной она сѣла на то мѣсто, гдѣ обыкновенно читала Аннѣ Серафимовнѣ, и состроила принужденную улыбку.

— Да вы полноте-съ,—началъ шутливо Рубцовъ,—мы хоть лыкомъ шиты, а понимаемъ... не томите.

Тася передала „слухъ“ про арестъ Палтусова.

— И сестричка кинулась куда же-съ?

— Не знаю!

— Вотъ что,—значительно выговорилъ Рубцовъ и отошелъ къ окну.

Тася молчала. Онъ нѣсколько разъ поглядѣлъ на нее. Ей тяжело было начинать разговоръ о Палтусовѣ.

XVIII.

Рубцовъ все еще стоялъ у окна, за штофной портьерой. Тася сидѣла на пуфѣ, въ трехъ шагахъ отъ него.

— Вамъ-то что же особенно убиваться?

— Семенъ Тимоѳеичъ... вы не знаете...

Она не договорила.

— Что же такое именно не знаю?

— А то, что...

Опять у нея слово стало въ горлѣ.

— Насчетъ этого... Палтусова? Что же тутъ знать?.. И предвидѣть, мнѣ кажется, было возможно. Человѣкъ крупнаго мѣста не имѣлъ. Довѣріе къ себѣ внушилъ именитой коммерціи-совѣтницѣ, денежками ея поживился... Такая нынче мода... вы извините, что я такъ про вашего родственника... А, можетъ, и понапрасну.

— Понапрасну? — повторила Тася и подбѣжала къ нему.—Вы думаете?

— Какъ же я могу знать въ точности, Таисія Валентиновна?.. Повѣтріе это... всѣ этимъ занимаются. И господа дворяне, и предсѣдатели земскихъ управъ, и адвокаты... а о кассирахъ—такъ и говорить совѣстно!

— Вотъ видите, Семенъ Тимоѳеичъ,—начала смущенно Тася. — Я бы должна была ѣхать къ нему...

— Да, пожалуй, онъ въ секретѣ сидитъ, такъ и не пустятъ.

— Анна Серафимовна поѣхала же.

— Ужъ это ихъ дѣло...

— Я должна была,—повторила Тася.—Но очень ужъ мнѣ показалось гадко... если бъ еще онъ что-нибудь другое...

— Зарѣзалъ бы, примѣрно.

— Ахъ, вы все шутите... Что жъ, страсть можетъ такъ налетѣть на человѣка... а то вѣдь... это все равно, что... украсть.

— Не далеко лежитъ отъ кражи.

— Вотъ видите... Только мнѣ бы не надо было такъ говорить. Вѣдь Палтусовъ, — она понизила голосъ,— поддерживалъ меня...

— Васъ?—переспросилъ Рубцовъ.

— И не меня одну, Семенъ Тимоѳеичъ, и старушекъ моихъ...

Ей уже не было стыдно изливаться передъ купчикомъ.

Она разсказала ему всю свою исторію... Старушки живутъ теперь въ одной комнаткѣ, въ номерахъ; содержаніе ихъ обходится рублей въ пятьдесятъ... эти деньги давалъ Палтусовъ. Да платилъ еще за ея уроки.

— Да вы чему же учитесь? — освѣдомился Рубцовъ и опустилъ голову.

Онъ уже сидѣлъ около Таси.

Она ему разсказала опять про свою страсть къ театру. Въ консерваторію поступать было уже поздно, сначала она ходила къ актрисѣ Грушевой; но Палтусовъ и его пріятель Пирожковъ отсовѣтовали. Да она и сама видѣла, что въ обществѣ Грушевой ей не слѣдуетъ быть. Беретъ она теперь уроки у одного пожилого актера. Онъ женатый, держитъ себя съ ней очень почтительно, человѣкъ начитанный, обѣщаетъ сдѣлать изъ нея актрису.

Глаза Таси заискрились, когда она заговорила о своемъ „призваніи". Рубцовъ слушалъ ее, не поднимая головы, и все подкручивалъ бороду. Голосокъ ея такъ и лѣзъ ему въ душу... Дѣвчурочка эта не даромъ встрѣтилась съ нимъ. Нравится ему въ ней все... Вотъ только „театральство" это... Да пройдетъ!.. А кто знаетъ: оно-то самое, быть-можетъ, и дѣлаетъ ее такой „трепещущей"... Сердца добраго, въ бѣдности, тяготится теперь тѣмъ, что и поддержка, какую давалъ родственникъ, оказалась не изъ очень-то чистаго источника.

— Послушайте, голубушка, — Рубцовъ въ первый разъ такъ назвалъ ее и взялъ ее за руку.—Вы не тормошите себя... Вы видите, какъ сестричка васъ полюбила... Что же съ нами чиниться... Понимаю я, „дворянское дитё".

И онъ тихо разсмѣялся.

— Была, Семенъ Тимоѳеичъ, была. А теперь ничего мнѣ не надо. Только бы старушкамъ моимъ кусокъ хлѣба и...

— Театръ?—подсказалъ Рубцовъ.

— Да, да! — точно вдохнувъ въ себя, выговорила Тася.

— А вы вотъ что мнѣ скажите, — почти шопотомъ спросилъ Рубцовъ, — какъ этотъ вашъ родственникъ, можетъ ли воспользоваться хоть бы теперь увлеченіемъ сестрички? А она-таки увлечена, это вѣрно.

— Я не знаю, Семенъ Тимоѳеичъ, вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы въ нашемъ барскомъ кругу ничего не знаемъ... Никто насъ не учитъ людей разбирать... Деньги-то его, что̀ онъ намъ давалъ... были, пожалуй, чужія...

— Ну, это еще не извѣстно. Вѣдь онъ, навѣрно, получалъ не мало... агентомъ, кажется, былъ у того, Калакуцкаго, подрядчика, что застрѣлился недавно.

— Все-таки...

Тасѣ сдѣлалось еще тяжелѣе.

— Полноте, — громко и весело сказалъ Рубцовъ. — Не обижайте насъ! Что, въ самомъ дѣлѣ, все дворянскій-то свой гоноръ соблюдаете... Мы друзья ваши... это лучше родственниковъ. Только, чуръ, ужъ не считаться ни съ сестричкой, ни со мной... А жалко вамъ этого Палтусова, повидайтесь съ нимъ, посмотрите, почувствуйте: каковъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Рубцовъ всталъ и еще разъ протянулъ ей руку. Тася, слушая его, притихла. Да, съ этимъ человѣкомъ стыдно считаться. Генеральская дочь давно умерла въ ней.

XIX.

Въ частномъ домѣ ***—ской части наступили послѣобѣденные сумерки.

Шестой часъ. Въ узкой комнаткѣ, съ однимъ окномъ, на волосяной кушеткѣ, лежитъ Палтусовъ. Третій день проводитъ онъ подъ арестомъ. Наканунѣ, утромъ, онъ писалъ Пирожкову и просилъ его побывать у адвоката Пахомова, считавшагося, кромѣ своей уголовной практики, и хорошимъ „цивилистомъ“. Передъ обѣдомъ адвокатъ былъ у него. Они проговорили больше часа. Прощаясь, адвокатъ сказалъ ему:

— Не знаю, могу ли я взять на себя ваше дѣло. Не замедлю дать отвѣтъ.

Палтусовъ изложилъ ему свою систему защиты. Тотъ отмалчивался или издавалъ неопредѣленные звуки. Это совѣщаніе не удовлетворило арестанта.

Арестантъ!.. Онъ довольно спокойно думалъ о томъ, гдѣ онъ „содержится“, что̀ ожидаетъ его въ недальнемъ будущемъ: — дѣло перешло уже въ руки обвинительной власти. Допросъ слѣдователя завтра утромъ. Къ нему онъ приготовленъ.

Комнатка, гдѣ онъ лежитъ, — дворянская. Собственно тутъ дежурятъ квартальные. Но въ настоящей арестантской камерѣ все и безъ того занято. Съ утра передъ нимъ проходила жизнь „съѣзжей“. Онъ слышалъ изъ своей камеры голоса письмоводителя, околоточныхъ, городовыхъ, просителей. Какая-то баба, должно-быть, въ

передней, выла добрыхъ два часа. Частный приходилъ раза три. Съ Палтусовымъ онъ обошелся мягко. Они оказались въ шапочномъ знакомствѣ по Большому театру. Указывая на него дежурному квартальному, онъ употребилъ выраженіе „онѣ". Квартальный—бывшій драгунскій поручикъ—пришелъ покурить, заспанный, даже не полюбопытствовалъ, по какому дѣлу сидитъ Палтусовъ.

Зала квартиры частнаго примыкала къ канцеляріи. Палтусовъ слышалъ, какъ майоръ ходилъ, звякая шпорами, и напѣвалъ изъ „Корневильскихъ колоколовъ":

„Взгляните здѣсь, смотрите тамъ:
Нравится-ль все это вамъ?"

Когда умолкла вся утренняя суета, Палтусовъ заглянулъ въ опустѣлую канцелярію. У одного изъ столовъ сидѣлъ худой блондинъ, прилично одѣтый, вѣжливо ему поклонился, всталъ и подошелъ къ нему. Онъ самъ сказалъ Палтусову, что содержится въ томъ же частномъ домѣ; но приставъ предоставилъ ему письменныя занятія и ему случается, за отсутствіемъ квартальнаго или околоточнаго, распоряжаться.

— А по какому вы дѣлу?—спросилъ его Палтусовъ.

— Я — литографъ... Привлеченъ... по подозрѣнію насчетъ билетовъ, оказавшихся подложными.

И онъ сейчасъ же протянулъ Палтусову руку и сказалъ:

— Позвольте быть знакомымъ.

Надо было пожать руку. Литографъ вызвался заботиться о томъ, чтобы Палтусову служилъ получше солдатъ, во-время носилъ самоваръ и ѣду. Пришлось еще разъ пожать руку товарищу-арестанту.

На кушеткѣ, въ надвигающихся сумеркахъ, Палтусовъ лежалъ съ закрытыми глазами, но не спалъ. Онъ не волновался. Фактъ налицо. Онъ въ части, слѣдствіе начато, будетъ дѣло. Его оправдаютъ или пошлютъ въ „Сибирь тобольскую", какъ острилъ одинъ студентъ, съ которымъ онъ когда-то читалъ лекціи уголовнаго права.

Палтусовъ впервые проходилъ въ головѣ свою собственную исторію и спрашивалъ себя: полно, было ли у него когда въ душѣ хоть что-нибудь завѣтное? Кто ему могъ передать нехитрую, ограниченную честность? Отецъ — игрокъ и женолюбъ. Про мать всѣ знали, что она никѣмъ не пренебрегала... даже изъ дворовыхъ... Еще удивительно, какъ изъ него вышелъ такой „порядочный чело-

вѣкъ". Да, онъ порядочный!.. И съ сердцемъ, и не трусъ... Увлекался же Сербіей, и тамъ велъ себя куда лучше многихъ. На войнѣ въ Болгаріи не сдѣлалъ же ни одной гадости. Возмущался и воровствомъ, и нагайками, и адъютантскимъ шалопайствомъ, и безсердечіемъ разныхъ пошляковъ къ солдату... Не можетъ безъ слезъ вспомнить обмороженныя ноги цѣлыхъ батальоновъ...

А вотъ теперь ему не стыдно своего „случая", а просто досадно. Если его что мозжитъ, такъ — неудача, сознаніе, что какой-нибудь купеческій „gommeux", глупенькій господинъ Леденщиковъ, столкнулся съ нимъ, заставляетъ его теперь готовиться къ уголовному процессу, губитъ, хоть и на время, его кредитъ.

И все горче и горче дѣлалось ему только отъ этого. За себя онъ не боялся. Но, быть-можетъ, съ процесса-то и пойдетъ онъ полнымъ ходомъ?.. Сначала строгіе люди будутъ сторониться... Зато масса... Кто же бы на его мѣстѣ изъ людей, бойкихъ и чуткихъ, не воспользовался? Въ комъ заложенъ несокрушимый фундаментъ?.. Даже и разбирать смѣшно!..

Къ нему постучались. Изъ полуотворенной двери показалась бѣлокурая голова „литографа".

— Къ вамъ посѣтительница.

Палтусовъ быстро всталъ съ кушетки.

— Дама?—спросилъ онъ и подумалъ: „вѣрно Тася".

— Да-съ, вы не извольте безпокоиться. Приставъ приказалъ.

— Благодарю васъ.

Голова скрылась. Изъ-за двери слышался легкій шорохъ.

XX.

Палтусовъ вышелъ въ канцелярію. У стола, ближайшаго къ его двери, сидѣла дама. Онъ не сразу въ полутемнотѣ узналъ Станицыну.

— Анна Серафимовна!—тихо вскрикнулъ онъ.

Она встала въ большомъ смущеніи. Палтусовъ нагнулся, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Вуалетки Станицына не поднимала. Сквозь нее, въ сумеркахъ, виднѣлось милое для нея лицо Палтусова. По туалету онъ былъ тотъ же: и воротнички чистые, и короткій, моднаго покроя пиджакъ. Только блѣденъ, да глаза потеряли половину прежняго блеска.

— Хворали?—спросила она, и голосъ ея дрогнулъ.

— Въ Петербургѣ, да... Садитесь, пожалуйста... Только... здѣсь такъ темно.

— Ничего,—сказала она.

Онъ не смущенъ. Лицо тихо улыбается. Ему совсѣмъ не стыдно, что его посадили на „съѣзжую". Такъ она и ожидала. Не можетъ быть, чтобы онъ былъ виноватъ!..

Въ эту минуту она и думать забыла про то, что̀ случилось въ каретѣ, послѣ бала Рогожиныхъ. Ей все равно, что̀ бы и какъ бы онъ объ ней ни думалъ. Не могла она не пріѣхать. А ее не сразу пустили. Да и самой-то не очень ловко было упрашивать пристава.

— Онъ вамъ родственникъ, сударыня?—спрашиваетъ.

Лгать она не хотѣла. Приставъ усмѣхнулся.

Долго держалъ Палтусовъ ея руку. Она тихо высвободила и спросила:

— Зачѣмъ же васъ сюда? Нешто нельзя было на поруки?

— Залогъ надо... — спокойно отвѣтилъ онъ, — а слѣдователь требуетъ тридцать тысячъ. У меня такихъ денегъ нѣтъ...

— Андрей Дмитричъ...—чуть слышно вымолвила Станицына,—позвольте мнѣ...

Она сидитъ почти безъ капитала. Но такія-то деньги сейчасъ найдутся. Ни одной секунды она не колебалась... Вся разсчетливость вылетѣла.

Онъ молча пожалъ ей руку. Когда онъ заговорилъ, голосъ его дрогнулъ отъ искренняго чувства.

— Славная вы, Анна Серафимовна, я вамъ всегда это говорилъ... Вы думали, быть-можетъ, что я такъ только, чувствительными фразами отдѣлывался?.. Спасибо.

— Скажите,—продолжала она въ большомъ смущеніи,—куда поѣхать, кому внести?

— Полноте, не нужно, — остановилъ онъ ее и выпустилъ ея руку.—Залогъ можно бы было найти. Я было и думалъ сначала, да разсудилъ, что не сто̀итъ...

— Какъ же не сто̀итъ?

Она подняла голову и оглянулась.

— Мнѣ это зачтется.

— Какъ зачтется, Андрей Дмитричъ?

— Послѣ... когда кончится дѣло.

— Дѣло!—повторила Станицына.

Его голосъ такъ и лился къ ней въ душу, и стало его нестерпимо жаль.

— Андрей Дмитричъ... скажите... сколько вся сумма... Можно будетъ достать... скажите.

Щеки ея пылали.

Палтусовъ взялъ ее за обѣ руки.

— Спасибо!—горячо выговорилъ онъ.—Ничему это теперь не поможетъ... Дѣло началось... уголовнымъ порядкомъ... Внесу я или нѣтъ, что̀ слѣдуетъ, прокурорскій надзоръ. не прекратитъ дѣла... Да если бъ и не поздно было... Анна Серафимовна, я бы...

Онъ немного помолчалъ; но потомъ разсказалъ ей, что ему пришла мысль ѣхать къ ней послѣ визита Леденщикова... Онъ зналъ, что она способна помочь ему.

— Не могу я отъ женщинъ, даже отъ такихъ, какъ вы, принимать денежныхъ услугъ.

Эти слова не удивили ее. Такой человѣкъ и долженъ этакъ говорить и чувствовать. Ей сдѣлалось вдругъ легко. Она вѣрила, что его оправдаютъ. Украсть онъ не можетъ. Просто захотѣлъ выдержать характеръ и выдержитъ.

Лицо ея Виктора Мироныча представилось ей. Тотъ—на волѣ, именитый коммерсантъ, съ принцами крови знакомъ; а этотъ—въ части сидитъ „колодникомъ“... А нешто можно сравнивать? Будь она свободна, скажи онъ слово, она пошла бы за нимъ въ Сибирь...

— Вы довольны Тасей?—спросилъ онъ ее, видимо желая перемѣнить разговоръ.

— Очень!

Анна Серафимовна начала ее расхваливать и намекнула Палтусову, что ей извѣстно, кто поддерживалъ Тасю и ея старушекъ.

— Вотъ что, голубушка,—сказалъ ей Палтусовъ.—Она дѣвушка хорошая; но дворянское-то худосочіе все-таки въ ней сидитъ. Теперь ей непріятно будетъ принимать отъ меня... Сдѣлайте такъ, чтобы она у васъ побольше заработала... Окажите ей кредитъ... А всего лучше выдайте замужъ... Это будетъ вѣрнѣе сцены... А потомъ счетецъ мнѣ представьте,—кончилъ онъ весело,—когда я опять полноправнымъ гражданиномъ буду!..

И это тронуло ее. Она встала и начала прощаться съ нимъ.

— Пускай Тася не волнуется—ѣхать ей ко мнѣ или нѣтъ,—сказалъ Палтусовъ, провожая Станицыну до пе-

редней,—ко мнѣ ей не надо ѣздить... Это еще успѣется. Только такія, какъ вы,—прибавилъ онъ и крѣпко пожалъ ей руку, — умѣютъ навѣщать „бѣдныхъ заключенныхъ“.

И онъ тихо разсмѣялся. Станицына уѣхала, глубоко тронутая.

XXI.

— Обождите,—сказала Пирожкову горничная, смахивавшая на гувернантку, вводя его въ кабинетъ присяжнаго повѣреннаго Пахомова.

Онъ уже во второй разъ заѣзжалъ къ нему—все по просьбѣ Палтусова. Въ первый разъ онъ не засталъ адвоката дома и передалъ ему въ запискѣ просьбу Палтусова: быть у него, если можно, въ тотъ же день. Теперь Палтусовъ опять поручилъ ему добиться отвѣта: беретъ онъ на себя дѣло или нѣтъ?

Жутко себя чувствуетъ Иванъ Алексѣичъ. Всего непріятнѣе ему то, что онъ самъ не можетъ разъяснить себѣ: какъ онъ собственно относится къ своему пріятелю? Считаетъ ли его жертвой или подозрѣваетъ, или просто увѣренъ въ растратѣ? Палтусовъ говорилъ съ нимъ въ такомъ тонѣ, что нельзя было не подумать о растратѣ.

Только пріятель его смотрѣлъ на нее по-своему.

Но какъ отвернуться отъ него, не исполнить его просьбы, не заѣхать лишній разъ къ адвокату?..

Пирожковъ осмотрѣлся. Онъ стоялъ у камина, въ небольшомъ, довольно высокомъ кабинетѣ, кругомъ установленномъ шкапами съ книгами. Все смотрѣло необычайно удобно и размѣренно въ этой комнатѣ. На свободномъ кускѣ одной изъ боковыхъ стѣнъ висѣло нѣсколько портретовъ. За письменнымъ, узкимъ столомъ,—видимо дѣланнымъ по вкусу хозяина,—помѣщался родъ шкапчика съ перегородками для разныхъ бумагъ. Комната дышала уютомъ тихаго рабочаго уголка, но мало походила на кабинетъ адвоката-дѣльца.

Въ каминѣ тлѣли угли. Иванъ Алексѣичъ любилъ грѣться. Онъ стоялъ спиной къ огню, когда вошелъ хозяинъ кабинета, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, средняго роста. Свѣтлорусые волосы, опущенные широкими прядями на виски, удлиняли лицо, смотрѣвшее кротко своими скучающими глазами. Большой носъ и подстриженная бородка были чисто русскіе; но держался адвокатъ, въ длин-

новатомъ темно-сѣромъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, точно иностранецъ-докторъ.

— Покорно прошу,— пригласилъ онъ Пирожкова на диванъ высокимъ теноровымъ голосомъ.

Пирожковъ попросилъ отвѣта по дѣлу Палтусова.

— Видите ли,—заговорилъ адвокатъ искренно и точно разсуждая съ самимъ собой,— я бы взялся защищать господина Палтусова, если бы онъ не насиловалъ мою совѣсть.

— Вашу совѣсть?

— Да-съ, мою совѣсть. Мнѣ вовсе не нужно проникать въ глубину души подсудимаго. Это метода опасная... Скажетъ онъ мнѣ всю правду—хорошо. Не скажетъ—можно и безъ этого обойтись. Но если онъ мнѣ разсказалъ факты, то мнѣ же надо предоставить и освѣщать ихъ; такъ ли я говорю?— кротко спросилъ онъ.

— Безусловно,—подтвердилъ Пирожковъ.

— Вашъ знакомый можетъ служить типическимъ знаменіемъ времени...

— Въ какомъ же смыслѣ?—спросилъ Пирожковъ.

— Онъ смотритъ на себя, какъ на героя... У него нѣтъ ни малѣйшаго сознанія... неблаговидности его поступка... Онъ требуетъ отъ меня солидарности съ его очень ужъ широкимъ взглядомъ на совѣсть.

Отъ этихъ словъ адвоката Ивана Алексѣича начало коробить.

— Знаменіе времени,—повторилъ Пахомовъ. — Жажда наживы, злость бѣдныхъ и способныхъ людей на купеческую мошну... Это неизбѣжно; но нельзя же выставлять себя на судѣ героемъ потому только, что я на чужія деньги пожелалъ составить себѣ милліонное состояніе...

— А если онъ будетъ оправданъ?—полувопросительно выговорилъ Пирожковъ.

— Очень можетъ быть, но только при моей системѣ защиты—врядъ ли.

„Странный адвокатъ“,—подумалъ Пирожковъ.

— Можно добиться легкаго наказанія, да и то софизмами, на которые я не пойду... Вашъ знакомый обратился не къ тому, къ кому слѣдовало.

По унылому лицу адвоката прошла улыбка.

— Какъ общественный симптомъ,—продолжалъ онъ,— это меня нисколько не удивляетъ. Такъ и слѣдуетъ быть среди той нравственной анархіи, въ какой мы живемъ...

Господинъ Палтусовъ вовсе не испорченнѣе другихъ... Вы, вѣроятно, и сами это знаете... У него есть даже много... разныхъ points d'honneur... Онъ вѣдь бывшій военный?

— Да, служилъ въ кавалеріи,—кратко отвѣтилъ Пирожковъ,—потомъ слушалъ лекціи.

— На юридическомъ?—не безъ ироніи освѣдомился Пахомовъ.

— На юридическомъ.

— Самая опасная смѣсь... Послѣ практики въ законномъ убійствѣ людей—хаосъ нелѣпыхъ теорій и казуистики... Естественныя науки дали бы другой оборотъ мышленію. А впрочемъ, у насъ и онѣ ведутъ только къ первобытной естественности правилъ.

Онъ тихо разсмѣялся, молча потеревъ руки.

Пирожковъ всталъ и, пожавъ ему руку, у дверей спросилъ:

— Такъ и передать Палтусову?

— Такъ и передайте-съ... Насиловать свою совѣсть—не допускаю.

Съ педантической вѣжливостью проводилъ онъ Пирожкова до лѣстницы.

XXII.

Арестанта Пирожковъ засталъ за обѣдомъ, передъ грязнымъ столикомъ у окна.

Ему принесли ѣду изъ сосѣдняго трактира. Она состояла изъ широкаго, во всю тарелку, бифштекса, съ жирной подливкой, хрѣномъ и большими картофелинами, подоваго пирога и пары огурцовъ. На столѣ стояла бутылка вина.

Палтусовъ начиналъ поправляться въ лицѣ.

— Сплю, какъ сурокъ, — встрѣтилъ онъ Пирожкова,— и, странное дѣло, — совсѣмъ нѣтъ охоты къ книгѣ... Читать просто не хочется!.. Ну, что же?

Пирожковъ замялся.

— Отказывается?

— Да.

— Недосугъ?

По мягкости, Иванъ Алексѣевичъ хотѣлъ было солгать; но что-то его точно подтолкнуло.

— Нѣтъ,—мягко, но безъ уклончивости, отвѣтилъ онъ.

— Противъ его принциповъ? — уже не тѣмъ голосомъ спросилъ Палтусовъ.

— Да... онъ говоритъ, что не можетъ принять вашей системы защиты.

— А другой я не могу допустить.

— Однако, позвольте, Андрей Дмитріевичъ,—заговорилъ Пирожковъ, подсаживаясь къ нему и понизивъ голосъ,—одно изъ двухъ: или вы признаете фактъ, или нѣтъ.

— Какой фактъ?

— Фактъ... который вамъ вмѣняютъ.

— Я сказалъ адвокату то же, что и вамъ, — горячѣе продолжалъ Палтусовъ. — А ему я прибавилъ: если бъ я былъ и виноватъ, то предварительнаго заключенія—вѣдь меня могутъ и въ острогъ перевести—одного достаточно, чтобы произвести уравненіе—слишкомъ даже достаточно!..

Иванъ Алексѣевичъ показалъ своей миной, что онъ не совсѣмъ согласенъ.

— Да какъ же?.. — спросилъ, поднимая голову, Палтусовъ.—Вѣдь я могу быть оправданъ!.. И буду оправданъ. Но если бъ и была признана нѣкоторая моя виновность... развѣ мало просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ?

Палтусовъ бросилъ салфетку на столъ, всталъ и заходилъ въ другомъ углу узкой комнаты. Пирожковъ поглядывалъ на него и прислушивался къ звукамъ его голоса. Въ нихъ пробивалось больше вѣры, чѣмъ раздраженія.

— Добрѣйшій Иванъ Алексѣевичъ,—продолжалъ Палтусовъ, — вы человѣкъ святой, знаете своихъ моллюсковъ или этнографію Фиджійскихъ острововъ; а я человѣкъ дѣла. Позвольте хоть разъ въ жизни на чистоту открыться вамъ... А потомъ вы можете и плюнуть на меня, сказать: „воръ Палтусовъ и больше ничего!“ Не могу я не бороться съ купеческой мошной!.. Безъ этого въ моей жизни смыслу нѣтъ.

— Будто...—вставилъ Пирожковъ.

— Что же!.. Вамъ пріятнѣе было бы, чтобъ я пошелъ въ чинушки, губернатора добился черезъ десять лѣтъ? Тутъ я идею провожу... не улыбайтесь—идею... Все дѣло въ томъ: замараюсь или не замараюсь. Если не замараюсь—ладно!.. И заставлю купецкую утробу признать смѣтку, какая у меня здѣсь значится.

Онъ ударилъ себя по лбу, послѣ чего подошелъ къ Пирожкову и сѣлъ на кушетку.

— Какъ вамъ угодно, Иванъ Алексѣевичъ, такъ и принимайте то, что̀ я вамъ сейчасъ сказалъ... Я васъ безпокоить не стану... Будетъ вашей милости угодно, — онъ

весело улыбнулся, — зайдете иногда за справочкой... А этому квакеру, — вотъ какіе нынче адвокаты завелись, — я самъ напишу, что въ услугахъ его не нуждаюсь... Возьму какого-нибудь замухрышку... Вѣдь это я на первыхъ порахъ только волновался... Въ законѣ не твердъ... А теперь мнѣ и не нужно уголовной защиты.

— Какъ же не нужно? — наивно воскликнулъ Пирожковъ.

— Меня незаконно арестовали. Поусердствовали слѣдователь и прокуроръ. Они меня подвели подъ статью тысячу семьсотъ одиннадцатую... А тутъ простой гражданскій искъ.

— Такъ вы надѣетесь... попасть на свободу?

— Положительно надѣюсь... Мнѣ хорошій цивилистъ нуженъ, кляузникъ... Пахомовъ плохъ... Все это я обработаю... Ну, подержатъ меня еще недѣльку, но не больше... Судебная палата не допуститъ... У меня уже былъ здѣсь одинъ баринъ... А разъ дѣло—на гражданской почвѣ, я выплылъ. Это несомнѣнно. Тогда я въ правѣ требовать времени для реализаціи того, что̀ я пустилъ въ оборотъ, выгодный для моей покойной довѣрительницы...

По лицу Пирожкова видно было, что онъ плохо понимаетъ все это. Палтусовъ взялъ его за руку и потрясъ.

— Для васъ это тарабарская грамота!.. Видите—я трусу не праздную... Не судите меня очень строго: я чадо своего вѣка. Каждому своя дорога, Иванъ Алексѣевичъ!..

Продолжать разговоръ Пирожкову сдѣлалось неловко. Палтусовъ это понялъ и самъ выпроводилъ его черезъ нѣсколько минутъ. Арестанта жалѣть было нечего: онъ увѣренъ въ томъ, что его выпустятъ... Можетъ, и такъ! „Статья 1711“ осталась въ памяти Ивана Алексѣевича. Онъ даже позавидовалъ пріятелю, видя въ немъ такую бойкость и увѣренность въ „идеѣ“ своей житейской борьбы.

XXIII.

Въ два часа Пирожковъ долженъ былъ попасть въ университетъ, на диспутъ. Сколько времени не заглядывалъ онъ на университетскій дворъ... Своей жизнью онъ рѣшительно пересталъ жить. Зима прошла поразительно скоро. И въ результатѣ ничего... Работалъ ли онъ въ кабинетѣ счетомъ десять разъ? Врядъ ли... Даже чтеніе не шло по вечерамъ... Безпрестанныя помѣхи!..

Этотъ диспутъ служилъ ему горькимъ напоминаніемъ. Онъ встрѣчалъ магистранта въ одномъ студенческомъ кружкѣ. По крайней мѣрѣ, лѣтъ на пять старше онъ его, по выпуску. И вотъ сегодня его магистерскій диспутъ... И книгу написалъ по политической наукѣ, гдѣ не такъ велика литература, не нужно столько корпѣть надъ матеріалами.

И магистрантъ—изъ купцовъ. Вотъ и подите! Дворяне, культурные люди, люди расы, съ другимъ содержаніемъ мозга, и не могутъ стряхнуть съ себя презрѣнной инертности... А тутъ—тятенька торговалъ рыбой или „пунцовымъ“ товаромъ какимъ-нибудь, или пастилу мастерилъ, а сынокъ пишетъ монографіи о средневѣковыхъ цехахъ или объ ученіи Гуго Гроція.

Обидно!

На дворѣ новаго университета, сбоку, у подъѣзда стояло три кареты и штукъ десять господскихъ саней. Вся шинельная уже была переполнена, когда Пирожковъ вошелъ въ нее. Знакомый унтеръ снялъ съ него пальто и сказалъ ему:

— Не пущаютъ!.. Набито страсть... Вотъ нешто кругомъ...

Онъ шепнулъ швейцару. Тотъ провелъ Пирожкова кругомъ, по боковой лѣстницѣ, черезъ коридоръ, ведущій въ физическую аудиторію, и тихонько впустилъ въ дверь. За колоннами уже все было полно. На скамьяхъ стояли студенты и молодыя дѣвушки. Весь помостъ, поднимающійся амфитеатромъ, усыпали головы. Ни публики передъ эстрадой, ни оппонентовъ не было видно. Позади эстрады—бѣлый большой подвижной щитъ для демонстрацій по физикѣ. На немъ выдѣлялась фигура магистранта — румянаго, коренастаго блондина, съ бородкой. Онъ уже говорилъ свою рѣчь, покачиваясь передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. На столѣ графинъ и стаканъ.

Пирожковъ оглянулся во всѣ стороны—мѣста нѣтъ. Съ трудомъ взобрался онъ на помостъ и сталъ тутъ, держась за уголъ „парты“. Поглядѣлъ онъ наверхъ,—хоры тоже усѣяны головами. Сводчатый потолокъ, расписанный поблѣднѣвшими малярными фресками, полукруглое окно, впускавшее сѣроватый свѣтъ дня, позади помоста—рѣшётка, изъ-за которой видны шкапы и разные приводы. На рѣшётку взобралось нѣсколько человѣкъ. Аудиторія неспокойна. То сзади что-нибудь упадетъ и затрещитъ,

то хлопаютъ дверью, то слышится щелкъ замка, то гулъ раздается съ большой площадки, гдѣ толпа требуетъ входа, а „субъ“ съ сторожами не пускаютъ.

Женщинъ очень много. Пирожковъ узналъ нѣкоторыхъ въ лицо, хоть и не зналъ ихъ фамилій... На скамьяхъ помоста, между студентами, сидѣли больше курсистки— такъ казалось Ивану Алексѣевичу. Внизу на креслахъ для гостей — около самыхъ профессорскихъ вицмундировъ — дамы въ туалетахъ. Пирожковъ узналъ разныхъ господъ, извѣстныхъ всей Москвѣ: двухъ славянофиловъ, одного бывшаго профессора, трехъ-четырехъ адвокатовъ, толстую даму-писательницу, другую—худую, въ короткихъ волосахъ, ученую дѣвицу съ докторскимъ дипломомъ. Заглядывая внизъ, онъ разглядѣлъ и двоихъ оппонентовъ, и декана, сидѣвшаго лѣвѣе.

Рѣчь магистранта затянулась. Онъ видимо заучилъ ее наизусть и произносилъ тономъ проповѣдника, съ умышленными паузами и съ примѣсью какого-то акцента. Пирожковъ вспомнилъ, что этого купчика воспитывали по-нѣмецки.

Рѣчи похлопали, но не очень сильно. Первымъ оппонировалъ молодой толстый доцентъ, въ черномъ фракѣ. Онъ началъ мягко и держался постоянно джентльменски вѣжливыхъ выраженій; но насмѣшливая нота зазвучала, когда онъ сталъ доказывать магистранту, что тотъ пропустилъ самый важный источникъ, не зналъ, откуда писатель, изученный имъ для диссертаціи, взялъ половину своихъ принциповъ. Доказательства полились обильно, прерываемыя взрывами короткаго смѣха самого же оппонента. Все притихло. По аудиторіи разносился только его жирный голосъ вперемежку съ этимъ короткимъ смѣхомъ. Студенты переглядывались. Лица стали оживляться. Духота еще усилилась. Тихо спрашивали у сосѣдей тѣ, кто плохо разслышалъ, что̀ сказалъ оппонентъ. Гулъ на площадкѣ смолкъ. Возбужденіе умственной игры засвѣтилось па молодыхъ лицахъ. Пирожковъ почувствовалъ, что и онъ молодѣетъ. Онъ обрадовался такому настроенію.

Магистрантъ не мѣнялъ выраженія лица, только краснѣлъ и часто мигалъ. Всѣ видѣли, что въ работѣ его большой промахъ. Но онъ началъ возражать увѣренно, доказывалъ, что настоящаго пропуска нѣтъ, что матеріалы, приводимые имъ, достаточно указываютъ на его начитанность. Оппонентъ опять началъ „донимать“ его,

какъ выразился одинъ студентъ около Пирожкова. Огрызаться магистрантъ не смѣлъ и сдѣлался тихенькимъ. Аудиторія поняла это. Оппонентъ кончилъ нѣсколькими любезными фразами, похвалилъ изложеніе и „способность къ синтезу“. Ему сильно и долго хлопали. Второй оппонентъ ограничивался мелкими замѣтками и больше смѣшилъ слушателей. Но и онъ пощипалъ магистранта.

Диспутъ кончился въ половинѣ пятаго. Провозглашеніе степени подняло рукоплесканія. Захлопали гораздо сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Пирожковъ. У него внутри закопошилось недоброе чувство къ этому „купчику“, удостоенному степени магистра. Развѣ онъ, Пирожковъ, не развитѣе его? А вотъ стоитъ въ толпѣ, ничѣмъ себя не заявляетъ, слушаетъ аплодисменты такому купчику, посидѣвшему лишній годъ надъ иностранными книжками. Говоритъ этотъ купчикъ туго и напыщенно, діалектики нѣтъ, таланта нѣтъ, будетъ весь свой вѣкъ пережевывать факты, добытые другими. А поди, каѳедру дадутъ. Уже кругомъ говорили студенты, что онъ куда-то приглашенъ. Каѳедра давно стоитъ пустая, а никто, видно, не расчелъ... въ адвокаты всѣ идутъ.

Туго расходились. Разомъ прорвался гулъ разговоровъ, раздались оклики, молодой смѣхъ, захлопали дверьми, застучали большими сапогами по помосту, хоры очищались. Знакомыхъ студентовъ у Пирожкова не было. Да и отсталъ онъ отъ студентства. Ему кажется, что онъ другой совсѣмъ человѣкъ. Лица, длинные волосы, рубашки съ цвѣтными воротами, говоръ, балагурство: все это стѣсняло его. Онъ точно совѣстился обратиться къ кому-нибудь съ вопросомъ.

На площадкѣ, съ чугуннымъ поломъ, передъ спускомъ по лѣстницѣ, Пирожковъ, въ густой еще толпѣ, гдѣ скучились больше дамы, столкнулся съ рослымъ блондиномъ въ большой окладистой бородѣ; тотъ велъ подъ руку плотную даму, лѣтъ подъ тридцать, въ черномъ, съ энергическимъ лицомъ.

Встрѣчѣ съ ними Пирожковъ обрадовался. Это были мужъ и жена, близко стоявшіе къ университету по своимъ связямъ.

— Гдѣ вы пропадали?—спросилъ его блондинъ.

Иванъ Алексѣевичъ кратко и безпристрастно изложилъ повѣсть своего хожденія по Москвѣ. Мужъ и жена посмѣялись и пригласили его въ этотъ же вечеръ посидѣть.

Магистранта они оба пощипали. Пирожкову пріятно было слышать, съ какой интонаціей жена выговорила:

— Купчикъ!

А мужъ сдѣлалъ презрительную мину и сказалъ:

— Не ахтительный!..

Они взяли съ него слово быть у нихъ вечеромъ и пошли подъ руку внизъ по двору, покрытому лужами и кучами еще не растаявшаго снѣга.

Съ годъ не бывалъ Пирожковъ въ этомъ семействѣ. Онъ зналъ, что у нихъ собирается хорошій кружокъ; кое съ кѣмъ изъ друзей онъ встрѣчался. Ему давно хотѣлось поближе къ нимъ присмотрѣться. Теперь случай выпалъ отличный.

Опять почувствовалъ себя Иванъ Алексѣевичъ университетскимъ. Съѣлъ онъ скромный рублевый обѣдъ въ „Эрмитажѣ", вина не пилъ, удовольствовался пивомъ. Машина играла, а у него въ ушахъ все еще слышались пренія физической аудиторіи. Ничто не даетъ такого чувства, какъ диспутъ, и здѣсь, въ Москвѣ, особенно. Вотъ сегодня вечеромъ онъ, по крайней мѣрѣ, очутится въ воздухѣ идей, расшевелитъ свой мозгъ, вспомнитъ, какъ слѣдуетъ, что и онъ вѣдь магистрантъ.

Но вечеръ скорѣе разстроилъ его, чѣмъ одушевилъ. Собралось человѣкъ шесть-семь, больше профессора изъ молодыхъ, одинъ учитель, два писателя. Были и дамы. Разговоръ шелъ о диспутѣ. Смѣялись надъ магистрантомъ, потомъ пошли пересуды и анекдоты. За ужиномъ было шумно, но главной нотой было все-таки сознаніе, что кружки развитыхъ людей—капля въ этомъ морѣ московской бытовой жизни... „Купецъ" раздражалъ всѣхъ. Иванъ Алексѣевичъ искренно излился и позабавилъ всѣхъ своими, на видъ шутливыми, но внутренно горькими соображеніями.

„Магистрантъ" въ немъ не воспрянулъ и послѣ этой вечеринки. О работахъ никто не говорилъ. Совсѣмъ не о томъ мечталъ онъ. Поужиналъ онъ плотно и слишкомъ много пилъ пива.

XXIV.

Весь городъ ждетъ — остается десять минутъ до полночи. По площади Большого театра проѣхала карета въ шесть лошадей съ форейторомъ и кучеромъ въ треугольныхъ шляпахъ. Везли митрополита. Извозчиковъ мало,

прогудитъ барская или купеческая коляска, продребезжатъ дрожки, и опять станетъ тихо. По тротуарамъ спѣшатъ пѣшеходы: чуйки, пальто мастеровыхъ и приказчиковъ, мелькаютъ подолы платьевъ и накрахмаленныхъ юбокъ мѣщанокъ и горничныхъ. Несутъ пасхи и куличи. Въ воздухѣ потянуло запахомъ плошекъ и шкаликовъ. Колокольни освѣщены. Ихъ арки выглядываютъ въ темнотѣ и трепещутъ веселымъ розовымъ свѣтомъ.

Ждутъ удара въ колоколъ на Иванѣ Великомъ. Но вотъ гдѣ-то въ Замоскворѣчьѣ ударили раньше минуты на три, еще гдѣ-то ближе къ Кремлю, за храмомъ Спаса, въ Яузской части, и пошелъ гулъ, еще мягкій и прерывающійся, а потомъ залилось и все Замоскворѣчье. Густая толпа ждала этой минуты у перилъ обрыва.

Иванъ Великій облитъ свѣтомъ плошекъ и шкаликовъ по всѣмъ своимъ выступамъ и пролетамъ. Головы усыпали и выемы большой колокольни, и парапетъ первой площадки, гдѣ церковь, и арки бокового корпуса. Изъ-подъ средняго колокола выглядываютъ также лица. Они ярко освѣщены плошками. Легкій вѣтерокъ въ засвѣжѣвшемъ воздухѣ и паръ отъ дыханія относитъ книзу и въ сторону чадъ горящаго сала. Стѣна Успенскаго собора, обращенная къ Ивану, вся бѣлѣетъ отъ свѣта иллюминаціи и свѣчей, мелькающихъ полосами и кучками въ темной толпѣ. Она дѣлается всего скученнѣе вокругъ Успенскаго собора—ждетъ хода. Можно еще слышать негромкій, переливающійся шелестъ голосовъ. Сквозь большія стеклянныя двери собора, внутренность церкви—точно пылающій костеръ. Свѣтъ паникадилъ играетъ на золотѣ иконостаса: снопы огненныхъ лучей внизу, вверху, со всѣхъ сторонъ. Многоэтажный фасъ зданія Крестовой палаты также свѣтелъ. На него падаютъ разноцвѣтные огни чугунной рѣшётки. Въ полусвѣтѣ мощеной плитами площади выступаетъ менѣе массивный византійскій ящикъ Архангельскаго собора.

На Благовѣщенскомъ, по ту сторону воротъ, позолота крыши, такая яркая днемъ, скрыта ея изгибами. На крыльцѣ сплошной стѣной стоитъ народъ, но свѣчъ меньше, чѣмъ въ толпѣ, ожидающей хода вокругъ Успенскаго собора.

Ровно двѣнадцать. Пронизываетъ воздухъ ударъ въ сигнальный „серебряный“ колоколъ. И вотъ съ высоты Ивана поплылъ и точно густой волной сталъ опускаться

низкій трепетный гулъ. Онъ покрылъ всѣ звуки тысячной толпы, трескъ подъѣзжающихъ экипажей, отдаленный звонъ Замоскворѣчья, ближайшій благовѣстъ другихъ кремлевскихъ церквей. На гауптвахтѣ заиграли горнисты. Красное крыльцо лѣвѣе стоитъ въ темнотѣ. Изъ-за толпы не видно солдатъ. Слышны только скачущіе рѣзкіе звуки рожковъ на фонѣ все той же спокойной, ласкающей ухо волны большого колокола. Поближе къ Ивану можно распознать, что колоколъ надтреснутъ. При каждомъ ударѣ языка слышно звяканье, оно сливается съ основной нотой могучаго гудѣнья и придаетъ музыкѣ колокола что-то болѣе живое.

Проходитъ еще минутъ десять. Первой вышла процессія изъ церкви Ивана Великаго, заиграло золото хоругвей и ризъ. Народъ поплылъ изъ церкви вслѣдъ за ними. Двинулись и изъ другихъ соборовъ, кромѣ Успенскаго. Опять сигнальный ударъ, и разомъ рванулись колокола. Словно водоворотъ ревущихъ и плачущихъ нотъ завертѣлся и сталъ все захватывать въ себя, расширять свои волны, потрясать слои воздуха. Жутко и весело дѣлалось отъ этой бури расходившагося металла. Показались хоругви изъ-за угла Успенскаго собора.

Въ толпѣ, сузившей оставленную, аршина въ два, дорожку, пробѣжала дрожь, всѣ подались впередъ. Два квартальныхъ прошли скорымъ шагомъ, приглашая податься. Головы обнажились.

Впереди два молодца, одинъ въ черной чуйкѣ, другой въ пальто, несли факелы. Хоругви держало каждую по нѣсколько человѣкъ за подвижныя, идущія въ разныя стороны, древки. Хоругвеносцы въ галунныхъ кафтанахъ, съ позументомъ на крестцахъ. Одинъ изъ нихъ, съ широчайшей спиной, на ходу какъ-то особенно изгибался подъ тяжестью кованой хоругви. Пѣвчіе не въ очень свѣжихъ кунтушахъ—красное съ синимъ — шли попарно, со свѣчами. Въ колеблющемся яркомъ свѣтѣ мелькали стриженыя головы и худощавыя лица дискантовъ и альтовъ. Рукава кунтушей закинуты у нихъ вокругъ шеи. Псаломщики со свѣчами, діаконы, священники и архимандриты шагали попарно, потомъ группами. Заблестѣли дикиріи и трикиріи. Проплыла сѣдая борода „владыки“, съ глубоко надѣтой митрой подъ возвышающимися надъ нею золотыми коваными кругами. Головой выше другихъ, прошелъ молодой, еще не ожирѣлый, протодіаконъ, перева-

ливаясь слегка на правый бокъ. Шитые мундиры генераловъ искрились поверхъ красныхъ лентъ... А тамъ повалилъ, вплотную, народъ, раздвинулъ дорожку и заставилъ стоявшихъ на пути податься назадъ.

Обошли кругомъ. Взвилась въ небо ракета, и съ кремлевской стѣны раздался грохотъ пушки. Нѣсколько минутъ не простылъ воздухъ отъ сотрясеній мѣди и пороха... Толпа забродила по площади, начала кочевать по церквамъ, спускаться и подниматься на Ивана Великаго; заслышался гулъ разговоровъ, какъ только смолкъ благовѣстъ.

У высокаго парапета площадки Ивана Великаго стояли Рубцовъ и Тася Долгушина. Они забирались и подъ колокола. Тасю сначала оглушило, но вскорѣ она почувствовала какое-то дикое удовольствіе. Глаза ея блестѣли. Съ Рубцовымъ у нихъ шло на ладъ. Они совсѣмъ ужъ спѣлись.

— Посмотрите, Семенъ Тимоѳеичъ,— напрягаясь, говорила она ему, — какъ это красиво... Вотъ свѣчи стали гасить, скоро и совсѣмъ погаснутъ.

— А вы думаете, внизу-то тамъ, кто больше? Православный народъ?

— Разумѣется!..

— Сойдемте, увидите, что больше нѣмчура. Контористы, езеля всякіе... Сойдемте—сами увидите.

Они начали спускаться. У Таси немного закружилась голова отъ крутой лѣстницы, чада плошекъ и снующаго вверхъ и внизъ народа. Рубцовъ взялъ ее подъ руку и сказалъ подъ шумокъ:

— Вотъ и видно, что дворянское дитя: нервы-то надо укрѣпить,—сбираетесь вѣдь ими дѣйствовать.

— Гдѣ?—наивно спросила Тася.

— Вотъ тебѣ разъ! А на сценѣ-то?

Такъ они и остались подъ ручку и внизу. Толпы расползлись уже по площади. Стало темнѣе. Кучки гуляющихъ, побольше и поменьше, останавливались, кочевали съ мѣста на мѣсто. Безпрестанно слышались возгласы: „Ахъ, здравствуйте! Христосъ воскресъ!.. Вы давно?.. Куда теперь?..“ Видно было, что сюда съѣзжаются, какъ на гулянье, ищутъ знакомыхъ, дѣлаютъ другъ другу визиты. Не мало пріѣзжихъ изъ Петербурга, изъ губернскихъ городовъ, явившихся утромъ по желѣзнымъ дорогамъ. Имъ много говорили про эту ночь въ Москвѣ. Они осма-

тривались съ большимъ напряженіемъ, чѣмъ туземная масса.

Рубцовъ былъ правъ. Обиліе нѣмецкаго языка удивило Тасю. Ее прежде никогда не возили въ Кремль въ эту ночь. Нѣмцы и французы пришли какъ на зрѣлище. Многіе добросовѣстно запаслись восковыми свѣчами. То и дѣло слышались смѣхъ или энергическія восклицанія. Трещалъ и настоящій французскій языкъ толстыхъ модистокъ и перчаточницъ изъ Столешникова переулка и съ Рождественки.

Молоденькій комми и аптекарскіе ученики увивались за парами „нѣмокъ" съ Кузнецкаго.

— А гдѣ же наши?—спросила Тася Рубцова.

— Должно-быть, на паперти Благовѣщенскаго. Хотите посмотрѣть на пасхи съ куличами, тамъ вонъ, гдѣ церковь-то Двѣнадцати Апостоловъ, на-верху?..

— Предложимте имъ...

Въ полусвѣтѣ паперти Тася узнала Анну Серафимовну и Любашу. Уже больше двухъ недѣль, какъ Любаша почти перестала кланяться съ „компаньонкой". Тасю это смѣшило. Она не сердилась на крутую купеческую дѣвицу, видѣла, что Рубцовъ на ея сторонѣ.

— Куда же это провалились?—встрѣтила ихъ Любаша, и вся вспыхнула, увидавъ, что Рубцовъ подъ руку съ Тасей.

— Похристосуемся,—сказалъ Аннѣ Серафимовнѣ Рубцовъ.

— Дома, — проговорила она ласково и грустно, протягивая руку Тасѣ. — Вы ко мнѣ... Пора уже... Сыро дѣлается...

— А съ вами? — насмѣшливо спросилъ Рубцовъ Любашу.

— Не желаю...

— Какъ угодно...

— Вы ко мнѣ, Любаша? — пригласила Анна Серафимовна.

— Нѣтъ, мать дожидается. Прощайте,—рѣзко обратилась ко всѣмъ Любаша и пошла.

Ея дожидалась своя коляска. На ночь Свѣтлаго Воскресенья Любаша почему-то возлагала тайныя надежды. Но Рубцовъ даже не предложилъ ей подняться на Ивана Великаго. Да она бы и не поѣхала, если бы не надѣялась на какой-нибудь разговоръ.

Разговора не вышло. Она видѣла, что дворянка отбила у нея того, кого она прочила себѣ въ мужья.

„И наслаждайся!"—выразилась она мысленно, садясь въ коляску.

Рубцовъ повелъ Станицыну и Тасю смотрѣть куличи и пасхи. Анна Серафимовна была особенно молчалива. Тася взяла ее за руку и прижалась къ ней.

— Тяжело вамъ, голубушка?—полушопотомъ спросила она на ходу.

Анна Серафимовна поцѣловала ее въ лобъ. Рубцовъ замѣтилъ это.

Когда они сходили съ лѣстницы, собираясь домой, Рубцовъ взялъ Станицыну за руку, повыше кисти, и сказалъ, заглядывая ей въ лицо:

— И на нашей, сестричка, улицѣ праздникъ будетъ!

— На твоей-то и скоро,—шепнула она, и, пропустивъ впередъ Тасю, прибавила: — Что плошаешь?.. вотъ тебѣ дѣвушка... На красную бы горку...

Онъ тихо разсмѣялся.

XXV.

На разговѣнье внезапно явился Викторъ Миронычъ. Станицына только что сѣла за столъ съ Тасей и Рубцовымъ,—больше никого не было,—какъ вошелъ ея мужъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, улыбающійся своей нахальной усмѣшкой, — поздоровался съ ней англійскимъ рукопожатіемъ, попросилъ познакомить его съ Тасей, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Рубцова, и когда Анна Серафимовна назвала его, протянулъ ему два пальца.

Появленіе мужа сначала разсердило Станицыну, но она тотчасъ же сообразила, что это не спроста, и внутренно обрадовалась. Она даже не спросила его, гдѣ же онъ остановился, почему не въѣхалъ къ себѣ и не занялъ свою половину? Ему и прежде случалось жить въ гостиницѣ, а числиться въ Петербургѣ или Парижѣ.

— Были въ Кремлѣ? — спросилъ онъ, оглядывая ихъ всѣхъ.—Нанюхались шкаликовъ?.. Все одно и то же.

Онъ пополнѣлъ. Его шея не такъ вытягивалась. Манеры сдѣлались какъ бы попроще. Тася незамѣтно оглядывала его. Рубцовъ кусалъ губы и презрительно на него поглядывалъ, чего, впрочемъ, Викторъ Миронычъ не замѣчалъ. У всѣхъ точно отшибло аппетитъ. Пасхальная баба, въ видѣ толстаго ствола, вся въ цукатахъ и залив-

ныхъ фигурахъ, стояла непочатой. До прихода Станицына поѣли немного пасхи и по одному яйцу. Ветчина и разные коместибли стояли также нетронутыми.

— Какая охота портить желудокъ! — замѣтилъ брезгливо Викторъ Миронычъ, ни къ чему не прикасаясь; но налилъ себѣ полстакана лафиту, выпилъ, поморщился и съѣлъ корочку хлѣба.

Рубцовъ и Тася скоро ушли. На лѣстницѣ они условились осматривать вмѣстѣ картинную галлерею Третьякова на третій день праздника.

— Что это значитъ? — шопотомъ спросила его Тася, надѣвая свое пальто.

— Скоро конецъ всему будетъ... я это чую.

Они пожали другъ другу руку и ласково переглянулись...

Въ столовой жена сидѣла на углу стола; мужъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ подошелъ къ ней и положилъ руку на столъ.

— Annette, — заговорилъ онъ, поглядывая на нее бокомъ, — вамъ мой пріѣздъ непріятенъ?

— Мнѣ все равно, вы знаете, — сухо и твердо произнесла Анна Серафимовна. Она замѣтно поблѣднѣла.

— Я пріѣхалъ вотъ зачѣмъ: хотите свободу?

— Какую? — точно машинально спросила она.

— Полную... Я предлагаю вамъ раздѣлъ имущества и разводъ. Вину я беру на себя.

— Вамъ это нужно?

— Конечно, иначе бы я не предлагалъ вамъ. А то, что̀ вы надумали, — извините меня, — очень плохая сдѣлка. Вы, я думаю, и сами это видите?

Она только повела головой.

— Сколько же вы желаете?

— Какъ это вы спросили! Кажется, я съ вами джентльменомъ поступаю... Я беру свое состояніе, у васъ останется свое. Дѣтей я у васъ не отниму. Согласенъ давать на ихъ воспитаніе.

— Не надо! — вырвалось у нея.

Она помолчала.

— Вы женитесь? — спросила она и подняла голову.

— Зачѣмъ вамъ знать? Довольно того — я беру вину на себя. Если и обвѣнчаюсь, такъ не въ Россіи.

Она все поняла. Наскочилъ, значитъ, на какую-нибудь прелестницу... И нельзя иначе, какъ законнымъ бракомъ...

А знаетъ, что жена вины на себя не приметъ. Ну и пускай его разорятся. Неужели же жалѣть его?

Дѣтей она не отдастъ, да и требовать онъ не посмѣетъ, коли беретъ на себя вину.

Вдругъ ей стало такъ весело, что даже духъ захватило. Свобода! Когда же она и была нужнѣе, какъ не теперь? И представилась ей комнатка въ части. Лежитъ теперь арестантъ на кушеткѣ одинъ, слышитъ звонъ колоколовъ, а разговѣться не съ кѣмъ, рядомъ хранитъ хожалый, крыса скребется. Захотѣлось ей полетѣть туда, освободить, оправить, сказать ему еще разъ, что она готова на все.

— Подумайте,—раздался въ просторѣ высокой комнаты женоподобный голосъ Виктора Мироныча.—Я остановился въ „Славянскомъ Базарѣ". Теперь уже поздно. Буду ждать отвѣта. Если вамъ непріятно меня видѣть — пришлите адвоката.

Она отошла къ окну, постояла съ минуту, быстро обернулась и, сдерживая волненіе, сказала громко:

— Согласна.

Черезъ три минуты Станицынъ уѣхалъ. Въ бѣломъ пасхальномъ платьѣ сидѣла Анна Серафимовна въ опустѣлой столовой, одна, еще съ четверть часа. Свѣчи въ двухъ канделябрахъ ярко горѣли. Пасхальная ѣда переливала яркими красками. Тишина точно испугала ее. Она подперла рукой голову, и взоръ ея еще долго уходилъ въ одинъ изъ угловъ комнаты. Рѣшеніе было принято безповоротно. Арестантъ выйдетъ изъ своего заключенія. Онъ не можетъ быть воромъ! Вотъ онъ на свободѣ. Дѣло рѣшится въ его пользу. Выпишетъ она ему адвокатовъ изъ Петербурга, если здѣшніе плохи. Не пройдетъ и полугода...

Румянецъ покрылъ ея щеки. Пора ей сбросить съ себя тяжесть постылой жизни: пришелъ и для нея свѣтлый праздникъ!..

XXVI.

О Третьяковской галлереѣ Тася часто слыхала, но никогда еще не попадала въ нее.

Она доѣхала одна. Ее везли по Замоскворѣчью, переѣхали два моста, повернули направо, потомъ въ какой-то переулокъ. Извозчикъ не сразу нашелъ домъ.

Тася прошла нижней залой съ нѣсколькими перегородками. У лѣстницы во второй этажъ ждалъ ее Рубцовъ.

Въ первый разъ она немного смутилась. Онъ жалъ ей руку и ласково оглядывалъ ее.

— Какъ много картинъ...—выговорила она тономъ дѣвочки.

— Наверху еще больше. Тамъ новѣйшіе мастера. А тутъ старые. Все—русское искусство. Видѣли по дорогѣ, какая богатая коллекція ивановскихъ этюдовъ?..

Она должна была сознаться, что про Иванова слыхала что-то очень смутно, никогда даже не видала его большой картины.

— Вѣдь она здѣсь, въ Румянцовскомъ музеѣ виситъ,—сказалъ Рубцовъ,—какъ же вы?

— Да я,—чистосердечно призналась она,—ничего не знаю. Люблю красивыя картинки... а хорошенько ничего не видала.

Ей легче стало послѣ того, какъ она повинилась Рубцову въ своей неразвитости по этой части.

— Очень ужъ въ театръ ушли,—пріятельски замѣтилъ онъ и повелъ ее опять къ выходу.

Онъ все зналъ, началъ указывать ей на портреты, работы старыхъ русскихъ мастеровъ. И фамилій она такихъ никогда не слыхала. Постояли они потомъ передъ этюдами Иванова. Рубцовъ много ей разсказывалъ про этого художника, про его жизнь въ Италіи, спросилъ: помнитъ ли она воспоминанія о немъ Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорилъ онъ ей, когда они стояли передъ его вещами.

„Вотъ онъ все знаетъ, — думала Тася, — даромъ что купеческій сынъ; а я круглая невѣжда — генеральская дочь!"

Но это ее не раздражало. Она сказала ему почти то же вслухъ, когда они поднялись наверхъ. Рубцовъ разсмѣялся.

— Всякому свое,—замѣтилъ онъ,—большой премудрости тутъ нѣтъ... захаживалъ, почитывалъ кое-что...

Присѣли они на диванъ у перилъ лѣстницы. Справа, и слѣва, и противъ нихъ глядѣли изъ золотыхъ и черныхъ рамъ портреты, ландшафты, жанры съ русскими лицами, типами, видами, колоритомъ, освѣщеніемъ. Весь этотъ трудъ и талантъ говорили Тасѣ, что̀ можно сдѣлать, если идти по своей настоящей дорогѣ. Рубцовъ точно угадалъ ея мысль.

— Таисія Валентиновна,—началъ онъ вполголоса,—вы въ себѣ истинное призваніе чувствуете насчетъ сцены?

— О, да!—вырвалось у нея.—А вы какъ на это смотрите, что я въ актерки идти хочу?

— Какъ слѣдуетъ смотрю. Если бъ дѣвушка, какъ вы, была моей женой и захотѣла бы этому дѣлу себя посвятить—я бы всей душой поддержалъ ее.

Щеки Таси загорѣлись. Рубцовъ исподлобья поглядѣлъ на нее.

— Я не думала, что вы такъ широко смотрите на вещи,—выговорила она.

— Не обижайте. Ежовый у меня обликъ. Такимъ ужъ воспитался. А внутри у меня другое. Не все же господамъ понимать, что́ такое талантъ, любить художество. Вотъ, смотрите, купеческая коллекція-то... А какъ составлена! Съ любовью-съ... И писатели русскіе всѣ собраны. Не однѣ тутъ деньги — и любви не мало. Такъ точно и насчетъ театральнаго искусства. Неужли хорошей дѣвушкѣ или женщинѣ не идти на сцену оттого, что въ актерскомъ званіи много соблазну? Идите съ Богомъ!— онъ взялъ ее за руку.—Я васъ отговаривать не стану.

Они поглядѣли другъ на друга; Тася отняла свою руку и сидѣла молча.

— Таисія Валентиновна, — окликнулъ ее Рубцовъ,— можно ли намъ столковаться, а?

— Отчего же нельзя? — спросила она, отводя немного голову.

— Ой ли?

Рубцовъ радостно вздохнулъ и всталъ.

Снизу показались двѣ барыни съ дѣвочкой.

Еще съ полчаса оставалась молодая пара въ верхней залѣ. Рубцовъ продолжалъ все разсказывать Тасѣ. Многихъ писателей она не узнавала по портретамъ. Картины были для нея новизной. Ее никогда не возили на выставки. И эта галлерея стала ей мила. Здѣсь что-то началось новое. Она нашла прочнаго человѣка, способнаго поддержать ее. Онъ ее любитъ, проситъ ея руки, соглашается сразу на то, чтобы она была актрисой. Офицеръ или камеръ-юнкеръ заставилъ бы сойти со сцены, если бъ и влюбился, да и родня каждаго жениха „хорошей фамиліи“. А это люди новые, ни отъ кого не зависятъ, кромѣ самихъ себя.

Вотъ и она купчихой будетъ. И славно!.. Они сходили по лѣстницѣ подъ руку. Еще разъ постояли они внизу,

передъ эскизами Иванова и передъ портретами Брюллова и Тропинина.

— Мы побываемъ здѣсь еще разъ,—сказала Тася на крыльцѣ.

— Хоть каждое воскресенье. Я вѣдь теперь на фабрикѣ.

У ней было такое чувство, точно онъ ея давнишній другъ, назначенный ей въ мужья и покровители.

„Купчиха и артистка. Славно“,—рѣшила про себя Тася.

XXVII.

— Васъ господинъ Нѣтовъ желаетъ видѣть,—доложилъ Палтусову солдатикъ.

Евлампій Григорьевичъ вошелъ скорыми шагами, во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой и съ крестомъ на груди. На лицѣ его игралъ румянецъ; волосы онъ отпустилъ.

Палтусовъ принялъ его точно у себя дома, въ кабинетѣ, безъ всякой неловкости.

— Милости прошу,—указалъ онъ ему на кушетку.

Нѣтовъ сѣлъ и положилъ портфель рядомъ съ собой.

— Я къ вамъ-съ,—торопливо заговорилъ онъ и тотчасъ же оглянулся.—Мы одни?

— Какъ видите,—отвѣтилъ Палтусовъ и сразу рѣшилъ, что мужъ его довѣрительницы въ разстройствѣ.

— Узналъ я, что братъ моей жены... вы знаете, она скончалась... Да... такъ братъ... Николай Орестовичъ началъ противъ васъ дѣло... И вотъ вы находитесь теперь... я къ этому всему неприкосновененъ. Это, съ позволенія сказать,—гадость... Вы человѣкъ, въ полной мѣрѣ достойный. Я васъ давно понялъ, Андрей Дмитріевичъ, и если бы я раньше узналъ, то, конечно, ничего бы этого не было.

— Благодарю васъ,—сказалъ Палтусовъ, ожидая, что̀ дальше будетъ.

— Вы одни во всей Москвѣ-съ... человѣкъ съ понятіемъ. Помню я превосходно одинъ нашъ разговоръ... у меня въ кабинетѣ. Съ той самой поры, можно сказать, я и всталъ на собственныя ноги... три мѣсяца трудился я... да-съ... три мѣсяца, а вы какъ бы изволили думать... вотъ сейчасъ...

Онъ взялъ портфель, отперъ его и досталъ оттуда брошюрку въ свѣтленькой оберткѣ, въ восьмую долю.

— Это ваше произведенiе?—совершенно серьезно спросилъ Палтусовъ.

— Брошюра-съ... мое жизнеописанiе: пускай видятъ, какъ человѣкъ дошелъ до полнаго понятiя... Я съ самаго своего малолѣтства беру-съ... когда мнѣ отецъ по гривеннику на пряники давалъ. Но я не то, что для восхваленiя себя, а открыть глаза всему нашему гражданству... народу-то православному... куда идутъ, кому довѣряютъ. Жалости подобно!.. Тутъ у нихъ подъ бокомъ люди, ничего не желающiе, окромя общаго благоденствiя... Да вотъ вы извольте соблаговолить просмотрѣть...

Нѣтовъ совалъ въ руки Палтусова свою брошюру.

Съ первой же страницы Палтусовъ увидалъ, что писано это человѣкомъ не въ своемъ умѣ. Онъ не подалъ никакого вида и съ серьезной миной перелистовалъ всѣ шестьдесятъ страницъ.

— Вы мнѣ позволите,—сказалъ онъ,—на досугѣ просмотрѣть?

— Сдѣлайте ваше одолженiе... И позвольте явиться къ вамъ... Мнѣ ваше сужденiе будетъ дорого... А то, что вы здѣсь находитесь, это ни съ чѣмъ не сообразно и, можно сказать, очень для меня прискорбно... И я сейчасъ же къ господину прокурору...

— Нѣтъ, ужъ вы этого не дѣлайте, Евлампiй Григорьевичъ,—остановилъ его Палтусовъ.—Я буду оправданъ... все равно...

И въ то же время онъ думалъ:

„Ловко бы можно было воспользоваться душевнымъ состоянiемъ этого коммерсанта. Онъ еще на волѣ гуляетъ“.

Но онъ на это неспособенъ. Это хуже, чѣмъ выѣзжать на увлеченiи женщинъ.

Долго сидѣлъ у него Нѣтовъ, самъ принимался читать отрывки изъ своей брошюры, но какъ-то сердито, ядовито поминалъ про покойную жену, называлъ себя „подвижникомъ“ и еще чѣмъ-то... Потомъ сталъ торопливо прощаться, разсмѣялся и ухарски крикнулъ на порогѣ:

— Не намъ, не намъ, а имени твоему!

Палтусову стало еще легче отъ сознанiя, что деньги Марьи Орестовны, и какъ разъ четвертая часть,—наслѣдство человѣка, повихнувшагося умомъ. Его не нынче—завтра запрутъ, а состоянiе отдадутъ въ опеку.

Это такъ и вышло. Нѣтовъ поѣхалъ къ своему дядѣ. Тотъ догадался, задержалъ его у себя и послалъ за дру-

гимъ родственникомъ, Красноперымъ. Они отобрали у него брошюру, отправили домой съ двумя артельщиками и отдали приказъ прислугѣ не выпускать его никуда. Евлампій Григорьевичъ сначала бушевалъ, но скоро стихъ и опять сѣлъ что-то писать и считать на счетахъ.

Красноперый привезъ того доктора, съ которымъ Палтусовъ говорилъ на балѣ у Рогожиныхъ.

Психіатръ объявилъ, что „прогрессивный параличъ" имъ давно замѣченъ у Нѣтова, что болѣзнь будетъ идти все въ гору, но медленно.

— Куда же его,—спросилъ Красноперый,—въ Преображенскую или къ вамъ въ заведеніе?

— Можно и въ домѣ держать.

— Да вѣдь онъ одинъ, урвется, будетъ по городу чертить... срамъ!..

— Тогда помѣщайте у меня.

Черезъ недѣлю опустѣлъ совсѣмъ домъ Нѣтовыхъ. Братецъ Марьи Орестовны уѣхалъ на службу, оставивъ дѣло о наслѣдствѣ въ рукахъ самаго дорогого адвоката. Въ заведеніи молодого психіатра, въ веселенькой комнатѣ, сидѣлъ Евлампій Григорьевичъ и все писалъ.

XXVIII.

По одной изъ полукруглыхъ лѣстницъ окружного суда спускался Пирожковъ. Онъ приходилъ справляться по дѣлу Палтусова.

Иванъ Алексѣевичъ замѣтно похудѣлъ. Дѣло его „пріятеля" выбило его окончательно изъ колеи. И безъ того онъ не мастеръ скоро работать, а тутъ ужъ и совсѣмъ потерялъ всякую систему... И дома у него скверно. Пансіонъ мадамъ Гужò рухнулъ. Купецъ-каменщикъ, котораго просилъ Палтусовъ, далъ отсрочку всего на два мѣсяца; мадамъ Гужò не свела концовъ съ концами и очутилась „sur la paille". Комнаты сняла какая-то нѣмка, табльд'отомъ овладѣли глупые и грубоватые комми и пріѣзжіе комиссіонеры. Онъ съѣхалъ, помѣстился въ номерахъ, гдѣ ему было еще хуже.

Дѣло пріятеля измучило Ивана Алексѣевича. Бросить Палтусова—мерзко... Кто жъ его знаетъ?.. Можетъ-быть, онъ по-своему и правъ?.. Чувствуетъ свое превосходство надъ „обывательскимъ міромъ" и хочетъ, во что бы то ни стало, утереть носъ всѣмъ этимъ коммерсантамъ. Что жъ!.. Это законное чувство... Иванъ Алексѣевичъ, въ послѣдніе

два мѣсяца, набилъ себѣ душевную оскомину отъ купца... Вездѣ купецъ и во всемъ купецъ! Днями его тошнитъ въ этой Москвѣ... И хорошо, въ сущности, сдѣлалъ Палтусовъ, что прикарманилъ себѣ сто тысячъ. Онъ ихъ возвратитъ, если его оправдаютъ и удастся ему составить состояніе, навѣрное возвратитъ. Самъ онъ вполнѣ увѣренъ, что его оправдаютъ...

„Купецъ" (Пирожковъ такъ и выражался про себя—собирательно) какъ-то заволокъ собою все, что̀ было для Ивана Алексѣевича милаго въ томъ городѣ, гдѣ прошли его молодые годы. Вотъ уже три дня, какъ въ немъ сидитъ гадливое ощущеніе послѣ одного обѣда.

Встрѣтился онъ съ однимъ знакомымъ студентомъ изъ очень богатыхъ купчиковъ. Тотъ зазвалъ его къ себѣ обѣдать. Женатъ, живетъ бариномъ, держитъ при себѣ товарища по факультету, кандидата правъ, и потѣшается надъ нимъ при гостяхъ, называетъ его „ярославскимъ дворяниномъ". Позволяетъ лакею обносить его зеленымъ горошкомъ; а кандидатъ ему вдалбливаетъ въ голову тетрадки римскаго права... Постоянная мечта—быть черезъ десять лѣтъ вице-губернаторомъ, и пускай всѣ знаютъ, что онъ изъ купеческихъ дѣтей!

Такъ стало скверно Ивану Алексѣевичу на этомъ обѣдѣ, что онъ не выдержалъ, при всемъ своемъ благодушіи, отвелъ „ярославскаго дворянина" въ уголъ и сказалъ ему:

— Какъ вамъ не стыдно унижаться передъ этакой дрянью?

Цѣлыя сутки послѣ того и во рту было скверно... отъ зеленаго горошка, которымъ обнесли кандидата.

Теплый, яркій день игралъ на золотыхъ главахъ соборовъ. Пирожковъ прошелъ къ набережной, поглядѣлъ на Замоскворѣчье, вспомнилъ, что онъ больше трехъ разъ стоялъ тутъ со Святой... По бульварамъ гулять ему было скучно; нѣтъ еще зелени на деревьяхъ; пыль, вонь отъ домовъ... Куда ни пойдешь, все очутишься въ Кремлѣ.

Возвращался онъ мимо Ивана Великаго, поглядѣлъ на царь-пушку, поискалъ глазами царь-колоколъ и остановился.

Нестерпимую тоску почувствовалъ онъ въ эту минуту.

— Ба! кого я зрю?.. Царь-пушку созерцаете?.. Ха-ха-ха!—раздалось позади Пирожкова.

Онъ почти съ испугомъ обернулся. Какой-то брюнетъ

съ просѣдью, въ очкахъ, съ бородкой, въ пестромъ лѣтнемъ костюмѣ, помахиваетъ тростью и ухмыляется.

— Не узнали?.. А?..

Пирожковъ не сразу, но узналъ его. Ни фамиліи, ни имени не могъ припомнить, да врядъ ли и зналъ хорошенько. Онъ хаживалъ въ номера на Срѣтенку, въ „Ѳиваиду“, пописывалъ что-то и зашибался хмельнымъ.

— Ха-ха!.. Дошли, видно, до того въ матушкѣ Бѣлокаменной, что основы московскаго величія созерцаете? Дойдешь! Это точно!.. Я, милый человѣкъ, не до этого доходилъ.

Въ другой разъ Ивану Алексѣевичу такая фамильярность очень бы не понравилась; но онъ радъ былъ встрѣчѣ со всякимъ—только не съ купцомъ.

— Да,—искренно откликнулся онъ,—вонъ надо. Засасываетъ.

— А подъ ложечкой у васъ какъ?.. Закусить бы... Хотите въ „Саратовъ“?

— Въ „Саратовъ“?—переспросилъ Пирожковъ.

— Да, тамъ меня компанія дожидается... Журнальчикъ, батенька, сооружаемъ... сатирическое изданіе. На общинномъ началѣ... Довольно намъ батраками-то быть... Вотъ я тутъ былъ у купчины... На крупчаткѣ набилъ милліончикъ... Такъ мы у него заимообразно... Только кряжистъ, животное!.. Ѣдемте?

Куда угодно поѣхалъ бы Иванъ Алексѣевичъ. Царь-пушка испугала его. Послѣ того одинъ шагъ и до загула.

Литераторъ съ комическимъ жестомъ подалъ ему руку и довелъ до извозчика.

XXIX.

На перекресткѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, низменный, двухъэтажный домъ загнулся на бульваръ. Вдоль бокового фасада, наискось отъ тротуара, выстроился рядъ лихачей. Къ боковому подъѣзду и подвезъ ихъ извозчикъ.

— У насъ тутъ—кабинѐ-партикюльѐ,—пригласилъ Пирожкова его спутникъ.

Иванъ Алексѣевичъ помнилъ, что когда-то кутилы изъ его пріятелей отправлялись въ „Саратовъ“ съ женскимъ поломъ. Традиція эта сохранялась. И лихачи стоятъ тутъ до глубокой ночи по той же причинѣ.

Литераторъ ввелъ его въ особую комнату изъ коридора. Пирожковъ замѣтилъ, что „Саратовъ“ обновился. Главной

залы въ прежнемъ видѣ уже не было. И машина стояла въ другой комнатѣ. Все смотрѣло почище.

Въ „кабинè-партикюльè“ уже засѣдало человѣка четыре. Пирожковъ оглядѣлъ ихъ быстро. Фамиліи были ему неизвѣстны. Одинъ бѣлокурый, лохматый, въ красномъ галстукѣ, говорилъ сипло и поводилъ воспаленными глазами. Двое другихъ смотрѣли выгнанными со службы мелкими чиновниками. Четвертый, толстенькій и красный, коротко стриженый господинъ, подбадривалъ половыхъ, составлялъ душу этого кружка.

Когда литераторъ усадилъ Пирожкова, онъ обратился къ остальной компаніи.

— Братцы,—сказалъ онъ,—нашъ гость—ученый мужъ. Но мы и его привлечемъ... А теперь, Шурочка, какъ закусочка?

Шурочкой звали краснаго человѣчка.

— А вотъ вашей милости дожидались. Ерундопель соорудить надо.

— Ерундопель?—спросилъ удивленно Пирожковъ.

— Не разумѣете?—спросилъ Шурочка.—Это драгоцѣнное снадобье... Вотъ извольте прислушать, какъ я буду заказывать.

Онъ обратился къ половому, уперъ одну руку въ бокъ, а другой началъ выразительно поводить.

— Икры салфеточной четверть фунта, масла прованскаго, уксусу, горчицы, лучку накрошить, сардинки четыре очистить, свѣжій огурецъ и пять вареныхъ картофелинъ—счетомъ. Живо!..

Половой удалился.

— Ерундопель,—продолжалъ распорядитель,—выдумка привозная, кажется, изъ Питера, и какой-то литературный генералъ его выдумалъ. Послѣ ерундопеля — соорудимъ лампопò, моего изобрѣтенія.

Про „лампопо“ Пирожковъ слыхалъ.

Начали пить водку. Всѣ выпили рюмокъ по пяти, кромѣ Пирожкова... Его сталъ уже пробирать страхъ отъ такихъ „сочинителей“. Они дѣйствительно затѣвали сатирическій журналъ.

— Савва Евсеичъ долженъ быть,— повторялъ все толстенькій, размѣшивая въ глубокой тарелкѣ свой „ерундопель“.

Пріѣхалъ и Савва Евсеичъ, молодой купчикъ, совсѣмъ

крупичатый, съ кроткимъ пухлымъ лицомъ и масляными глазами.

Всѣ вскочили, стали жать ему руку, посадили на диванъ. Пирожкова представили ему уже какъ „сотрудника“. Онъ ужаснулся, хотѣлъ браться за шляпу, но сообразилъ, что голоденъ, и остался.

Черезъ десять минутъ ѣли ботвинью съ бѣлорыбицей. Купчикъ вступилъ въ бесѣду съ двумя другими „сочинителями“ о голубиной охотѣ. До слуха Пирожкова долетали все неслыханныя имъ слова: „турманà, гонные, дутыши, трубастые, водные, козырные“, какіе-то „грачи-простячки“. Это даже заинтересовало немного; но компанія сильно выпила... Кто-то ползетъ съ нимъ цѣловаться...

Купчикъ уже перемѣнилъ бесѣду. Пошли любительскіе толки о протодьяконахъ, о регентахъ, разсказывалось, какъ такой-то церковный староста тягался съ регентомъ басами, заспорили о томъ, чтò такое „подголосокъ“.

Ужасъ овладѣлъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Вѣдь и онъ, если поживетъ еще въ этой Москвѣ, очутится на иждивеніи вотъ у такого любителя гонныхъ турмановъ и партеснаго пѣнія.

Онъ собрался уходить. Литераторъ (Пирожковъ такъ и не вспомнилъ его фамиліи) удерживалъ его, обнималъ, потомъ началъ ругать его „дрянью, ученой важнюшкой, аристократишкой“. Компанія гоготала; купчикъ пустилъ ему вдогонку:

— Прощайте-съ, безъ васъ веселѣй!

Иванъ Алексѣевичъ на улицѣ выбранилъ себя энергически. И подѣломъ ему! Зачѣмъ идетъ въ трактиръ съ первымъ попавшимся проходимцемъ? Но „купецъ“ дѣлался просто какимъ-то кошмаромъ. Никуда не уйдешь отъ него... И на сатирическій журналъ даетъ онъ деньги; не будетъ самъ бояться попасть въ карикатуру; у него въ услуженіи — голодные мелкіе литераторы. Они ему и пасквиль напишутъ, и карикатуру нарисуютъ на своего брата, или изъ думскихъ на кого нужно, и до „господъ“ доберутся.

— Вонъ! вонъ! — повторилъ Пирожковъ, спускаясь по Рождественскому бульвару.

День разгулялся на славу. Всю линію бульваровъ продѣлалъ Иванъ Алексѣевичъ и только на Никитскомъ бульварѣ немного отдохнулъ. Но пошелъ и дальше.

XXX.

Пречистенскій бульваръ пестрѣлъ гуляющими.

Говорили про дѣло Палтусова, про сумасшествіе Нѣтова, про разводъ Станицыной. Толки эти шли больше между коммерсантами. Дворянскія семьи держались особо. Бульваръ уже нѣсколько лѣтъ какъ сдѣлался моднымъ. Высыпала публика симфоническихъ концертовъ.

Пирожковъ столкнулся съ парой: маленькая фигурка въ черномъ и блондинъ съ курчавой головой въ длинномъ темно-сѣромъ „дипломатѣ“.

— Иванъ Алексѣевичъ!—окликнули его.

Ему улыбалась Тася. Ее велъ подъ руку Рубцовъ.

— Вотъ мой женихъ,—представила она его.

Рубцовъ молча протянулъ ему руку. Его лицо понравилось Ивану Алексѣевичу.

Онъ повеселѣлъ.

— Вотъ какъ!—вскричалъ онъ.—А сцена?

— Сцена впереди,—выговорила съ увѣренностью Тася.—Я съ этимъ условіемъ и шла...

Рубцовъ тихо улыбнулся.

— Васъ это не пугаетъ?—спросилъ его Пирожковъ.

— Авось, пройдетъ,—сказалъ съ усмѣшкой Рубцовъ,—а не пройдетъ, такъ и слава Богу!

„Купецъ, — подумалъ Пирожковъ, — такъ и есть... И тутъ безъ него не обошлось“.

Тася немного потупилась.

— Андрея Дмитрича давно не видали?.. Я хотѣла къ нему поѣхать, но онъ передавалъ... (она промолчала, черезъ кого), что не надо...

Ей было совѣстно. Пирожковъ продолжалъ глядѣть на нее добродушно.

— Онъ надѣется...

— Выгоритъ его дѣло?—купеческимъ тономъ спросилъ Рубцовъ.

Звукъ этого вопроса покоробилъ Пирожкова.

— Онъ говоритъ,—продолжалъ уже барскими нотами Пирожковъ,—что его незаконно арестовали.

— Будто-съ?—переспросилъ съ усмѣшкой Рубцовъ.

— Хорошо, кабы!..—вырвалось у Таси.—А вы знаете... бабушка здѣсь... вонъ тамъ, черезъ три скамейки направо.

— Пойду раскланяться... очень радъ повидать Катерину Петровну... А вы еще погуляете?

— Да, еще немножко,—отвѣтила Тася и поглядѣла на Пирожкова.

Въ ея взглядѣ было: „вы не думайте, что я стыжусь своего жениха; я очень счастлива“.

„И слава Богу“, — подумалъ Иванъ Алексѣевичъ, приподнимая шляпу.

Онъ чувствовалъ все приливающее раздраженіе.

Старушки сидѣли однѣ на скамейкѣ.

Катерина Петровна держалась еще прямо, въ старушечьей кацавейкѣ и въ шляпѣ съ длиннымъ вуалемъ. На Фифинѣ было свѣтлое пальто, служившее ей уже больше пяти лѣтъ.

Иванъ Алексѣевичъ подошелъ къ рукѣ Катерины Петровны. Она усадила его рядомъ.

— Видѣлъ сейчасъ вашу внучку, — заговорилъ онъ, — и поздравилъ ее...

— Ахъ, вы знаете, милый мой... И слава Богу!

Катерина Петровна оглянулась на обѣ стороны и продолжала:

— Такое время, mon cher monsieur, такое время. La noblesse s'en va... Посмотрите вотъ, какіе туалеты... все вѣдь это купчихи... Куда бы она дѣлась?.. А онъ—директоръ фабрики. Немного мужиковатъ, но умный... Въ Америкѣ былъ... Что дѣлать... Намъ надо потише...

Она понизила голосъ. Фифина приниженно улыбалась.

— Съ нами почтителенъ, — добавила Катерина Петровна.

„И кормить васъ будетъ“,—подумалъ Пирожковъ.

Онъ бы съ охотой посидѣлъ еще. Старушка всегда ему нравилась. Но Ивана Алексѣевича защемило дворянское чувство. Онъ долженъ былъ сознаться въ этомъ. Ему стало тяжело за Катерину Петровну: Засѣкина—и на хлѣбахъ у купчика, жениха ея внучки!..

Посмотрѣлъ онъ черезъ бульваръ, и взглядъ его уперся въ богатые хоромы съ башней, съ галлереей, настоящій зàмокъ. И это—купеческій домъ! А дальше и еще, и еще... Началъ онъ стыдить себя: изъ-за чего же ему-то убиваться, что его сословіе бѣднѣетъ и глохнетъ? Онъ—любитель наукъ, мыслящій человѣкъ, свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, демократъ...

А на сердцѣ все щемило, да щемило.

— У насъ не побываете? — спросила его глупенькая Фифина.

— Гдѣ же, mon ange... онѣ заняты,—сказала Катерина Петровна.

„Онѣ! — чуть не съ ужасомъ повторилъ про себя Пирожковъ. — Точно мѣщанка или купчиха... Бѣдность-то что значитъ“.

Ему положительно не сидѣлось. Онъ простился со старушками и скорыми шажками пошелъ къ выходу въ сторону храма Спасителя. По обѣимъ сторонамъ бульвара проносились коляски. Одна коляска заставила его поглядѣть вслѣдъ... Показалась ему знакомой фигура мужчины. Цвѣтное перо на шляпѣ дамы мелькнуло красной полосой.

„Точно Палтусовъ“, — подумалъ онъ и пересталъ глядѣть по сторонамъ.

— Вотъ и опять встрѣтились, — остановилъ его голосъ Таси.

Пришлось еще разъ остановиться.

— Какъ нашли бабушку?..—спросила Тася.

— Бодра.

— Старушки у насъ будутъ жить, — сказала съ удареніемъ Тася и поглядѣла на Пирожкова.

Этотъ взглядъ значилъ: „ты не думай, мой будущій мужъ все сдѣлаетъ, что̀ я желаю“.

— А генералъ какъ поживаетъ?—спросилъ Пирожковъ.

— Онъ — при мѣстѣ... Жалуется... Можно будетъ его иначе пристроить.

„На купеческіе хлѣба“, — прибавилъ мысленно Пирожковъ.

Въ эту минуту прогремѣла коляска. Они стояли почти у перилъ бульвара и разомъ обернулись.

— Анна Серафимовна! — вскрикнула Тася. — Съ кѣмъ это?

— Да это Палтусовъ!—вскрикнулъ и Пирожковъ.

— Вашъ пріятель-съ? — спросилъ его съ улыбкой Рубцовъ.

— Да-съ,—отвѣтилъ ему въ тонъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Стало, его выпустили! — искренно воскликнула Тася. — Ну, вотъ видите,—обратилась она къ Рубцову.— Разумѣется, онъ не виновенъ!

Тотъ только выпустилъ воздухъ подъ носъ, скосивъ губу.

— Третьяго дня онъ еще сидѣлъ, — сказалъ Пирожковъ, — но для него это не сюрпризъ... Все доказывалъ, что статья 1711-я къ нему не примѣнима.

— Какая-съ?—полюбопытствовалъ Рубцовъ.

— Тысяча семьсотъ одиннадцатая,—повторилъ Пирожковъ и раскланялся.

— Все устроится!..—крикнула ему вслѣдъ Тася.

„Все устроится, — думалъ Иванъ Алексѣевичъ. — И Палтусовъ на свободѣ, катается съ купчихой: она его и спасетъ, и женитъ на себѣ... Теперь онъ, Пирожковъ, никому не нуженъ... Пора въ деревню—скопить деньженокъ—и надолго-надолго за границу... работать“.

Вдругъ у него заныло подъ ложечкой. Онъ опять голоденъ... И вспомнилъ онъ сейчасъ же, что сегодня надо ѣхать въ „Московскій“.

XXXI.

Противъ Воскресенскихъ воротъ справлялось торжество—„Московскій“ трактиръ праздновалъ открытіе своей новой залы. На томъ мѣстѣ, гдѣ еще три года назадъ доживало свой вѣкъ „заведеніе Гурина“—длинное, замшаренное, двухъэтажное зданіе,—гдѣ неподалеку процвѣтала „Печкинская кофейная“, повитая воспоминаніями о Мочаловѣ и Щепкинѣ,—половые-общники, составивши компанію, заняли четырехъэтажную громадину.

Эта глыба кирпича, еще не получившая штукатурки, высилась пестрой стѣной, тяжелая, лишенная стиля, построенная для ѣды и попоекъ, безконечнаго питья чаю, трескотни органа и для „нумерныхъ“ помѣщеній съ кроватями, занимающихъ верхній этажъ. Надъ третьимъ этажемъ лѣвой половины дома блестѣла синяя вывѣска съ аршинными буквами: „ресторанъ“.

Вотъ его-то и открывали. Зала—въ два свѣта, подъ бѣлый мраморъ, съ темно-красными диванами. Уже отслужили молебенъ. Половые и мальчики, въ туго-выглаженныхъ рубашкахъ съ малиновыми кушаками, празднично суетились и справляли торжество открытія. На столахъ лежали только что отпечатанныя карточки „горячихъ“ и разныхъ „новостей“—съ огромными цѣнами. Изъ залы рядъ комнатъ ведетъ отъ большой машины къ другой—поменьше. Длинный коридоръ съ кабинетами заканчивался отдѣленіемъ подъ свадьбы и вечеринки, съ нишей для музыкантовъ. Чугунная лѣстница, устланная коврами, поднимается наверхъ въ „нумера“, ожидавшіе уже своей особой публики. Вѣшалки обширной швейцарской—съ слу-

жителями въ сибиркахъ и высокихъ сапогахъ—покрывались верхнимъ платьемъ. Стоящій при входѣ малый то и дѣло дергалъ за ручки. Шелъ все больше купецъ. А потомъ стали подъѣзжать и господа... У всѣхъ лица сіяли... Справлялось чисто-московское торжество.

Площадь передъ Воскресенскими воротами полна была дребезжанія дрожекъ. Извозчики-лихачи выстроились въ рядъ, поближе къ рельсамъ желѣзно-конной дороги. Вагоны ползли вверхъ и внизъ, грузно останавливаясь передъ станціей, издали похожей на большой птичникъ. Изъ-за нея выставляется желтое зданіе старыхъ присутственныхъ мѣстъ, скучное и плотно-сколоченное, навѣвающее память о „ямѣ“ и первобытныхъ приказныхъ. Лавчонки около Иверской идутъ въ гору. Снопъ зажженныхъ свѣчей выдѣляется на солнечномъ свѣтѣ въ глубинѣ часовни. На паперти въ два ряда выстроились монахини съ книжками. Поднимаются и опускаются головы отвѣшивающихъ земные поклоны. Томительно тащатся пролетки вверхъ подъ ворота. Двѣ остроконечныя башни съ гербами пускаютъ яркую ноту въ этотъ хоръ впечатлѣній глаза, уха и обонянія. Минареты и крыши историческаго музея даютъ ощущеніе настоящаго Востока. Справа рѣшётка Александровскаго сада и стѣна Кремля съ цѣлой вереницей желтыхъ, свѣтло-бирюзовыхъ, персиковыхъ, желтыхъ стѣнъ. А тамъ, правѣе, огромный золотой шишакъ храма Спасителя. И пыль, пыль гуляетъ во всѣхъ направленіяхъ, играя въ солнечныхъ лучахъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ воздвигнуты хоромины для необъятнаго чрева всѣхъ „хозяевъ“, приказчиковъ, артельщиковъ, молодцовъ. Сплошная стѣна, идущая до угла Театральной площади,—вся въ трактирахъ... Рядомъ съ громадиной „Московскаго“—„Большой Патрикѣевскій“. А подальше, на перекресткѣ Тверской и Охотнаго ряда,—опять каменная многоэтажная глыба, недавно отстроенная: „Большой Новомосковскій трактиръ“. А въ Охотной—свой, благочестивый трактиръ, гдѣ въ общей залѣ не курятъ. И тутъ же внизу Охотный рядъ развернулъ линію своихъ вонючихъ лавокъ и погребовъ. Мясники и рыбники въ запачканныхъ фартукахъ молятся на свою заступницу „Прасковею-Пятницу“:—красное пятно церкви мечется издали въ глаза, съ свѣтло-синими пятью главами.

Гости все прибываютъ въ новооткрытую залу. Селянки,

растегаи, ботвиньи чередуются на столахъ. Все блеститъ и ликуетъ. Желудокъ растягивается... Все вмѣститъ въ себя этотъ луженый котелъ: и русскую и французскую ѣду, и ерофеичъ и шато-икемъ.

Машина загрохотала съ какимъ-то остервенѣніемъ. Захлебывается трактирный людъ. Колокола зазвенѣли поверхъ разговоровъ, ходьбы, смѣха, возгласовъ, сквернословія, поверхъ дыма папиросъ и чада котлетъ съ горошкомъ. Оглушительно трещитъ машина побѣдный хоръ:

„Славься, славься, святая Русь!"

Оглавленіе I тома.

Китай-городъ.

Романъ въ 5 книгахъ.

стр.

Книга первая 5
Книга вторая 92
Книга третья 173
Книга четвертая 256
Книга пятая и послѣдняя 344

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

БЕЗЪ МУЖЕЙ.

(повѣсть.)

Памяти великаго мастера.

I.

Тихо. На утесѣ прокричалъ орелъ. Быстро сгущалась ночь; на небѣ заискрились звѣзды; съ моря въ воздухѣ поплыла влага, но тепло еще дышало въ лицо по всему прибрежью. Въ темнотѣ, подъемъ въ гору, по шоссе, изгибался полосой отъ окраины, гдѣ разсыпались голыши, вплоть до площадки; тамъ, среди кипарисовъ, сѣрѣло зданіе, все въ окнахъ. Въ немъ освѣтится то одно окно, то другое.

Дорога вела вдоль виноградниковъ. Пахло дымкомъ— гдѣ-нибудь сторожа разложили костеръ. Сверху, подъ сводомъ неба, занялись гребни скалъ, отражая вспышку зари. По срединѣ пути, въ спускѣ къ котловинѣ, купа деревьевъ наклонилась надъ перилами моста. У самаго шоссе журчали изъ желобовъ два ствола воды.

Передъ тѣмъ только что приходили сюда съ графинами двѣ дамы, нацѣдили и вернулись наверхъ. Вода была ключевая, на вкусъ кисловатая, студёная. За ней не лѣнились ходить и господа.

По горѣ, то здѣсь, то тамъ, въ домикахъ, изъ-за деревьевъ парка забѣгали огни. Тѣни сливались и падали слоями. Звуки шаговъ доносились звучнѣе. По небу пробѣжала звѣзда. Вдали трепетно лизнуло по облаку пламя маяка. Море покоилось пластомъ стали и беззвучно вздрагивало.

Къ ключу подходила женщина въ черномъ—цвѣтъ ея платья отставалъ рѣзко отъ темноты ночи. Она шла тихо, но твердо, тѣло ея слегка колыхалось, а голову наклонила она впередъ и не глядѣла по сторонамъ. Отъ худобы она казалась выше средняго роста, изъ-подъ ободка косынки полосой пепла легла просѣдь волосъ. Лицо смутно расплывалось въ овалъ. Только изъ впадинъ зрачки замѣтно блестѣли.

Она несла бутылку. На спускѣ къ ключу она оступилась, пугливо вскрикнула, отерла ботинку о траву, нагнулась и подставила горлышко подъ струю. Назадъ пошла она сначала скорѣе, спотыкалась о щебень дороги, потомъ опустила голову и впала въ раздумье. Походка сейчасъ же замедлилась. Въ одномъ мѣстѣ откосъ горы выдался клиномъ. Въ виноградникѣ, надъ тычинками лозъ, зачернѣлъ длинный мужской станъ. Винтовка торчала за спиной сторожа-татарина. Онъ чуть замѣтно двигался между грядъ.

Она вскинула вверхъ голову, увидала сторожа, отшатнулась и вскрикнула.

— Ничиво!—успокоилъ ее татаринъ, по-русски, и тихо засмѣялся горломъ.

— Ахъ!—больше вздохнула, чѣмъ воскликнула она, и прошлась рукой по глазамъ.—Караульщикъ?

— Точно такъ.

Дальше она опять ускорила шагъ. Только у крутого спуска, передъ лѣсенкой, она остановилась, довольно долго глядѣла на ленту моря и сбѣжала внизъ къ домику; подъ навѣсомъ крылечка отперла она ключомъ дверь и скрылась.

II.

Но ее видѣло, когда она нацѣживала воду въ бутылку, цѣлое общество гуляющихъ: оно сидѣло по ту сторону деревьевъ, на скамьѣ. Ее узнали и въ темнотѣ.

Сидѣло двое мужчинъ и три дамы. Разговоръ пошелъ шопотомъ.

Маленькая женщина въ свѣтломъ платьѣ (всѣ онѣ были безъ шляпокъ) наклонила голову и, захлебываясь, говорила:

— Это она... видите, какъ она ходитъ? Разумѣется, сумасшедшая!..

— Ну, Людмила... кто это знаетъ?—возразилъ слабымъ

голосомъ мужчина въ макферланѣ—мужъ ея, контористъ изъ Петербурга.

— Ты ее не видалъ хорошенько.

— За табльд'отомъ она не бываетъ,—замѣтила полногрудая, низенькая дѣвушка, въ короткомъ клѣтчатомъ платьѣ. Изъ-подъ юбки бѣлѣлись чулки въ башмакахъ съ прорѣзами.

Между ними сидѣлъ мужчина съ густой бородой въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ и соломенной шляпѣ.

— Ахъ, mesdames,—звонко сказалъ онъ,—просто больная... Ну, можетъ, и разстройство какое... Кто же нынче не боленъ душевно. Новые психіатры...

Онъ не докончилъ и круто повернулся къ брюнеткѣ, сидѣвшей направо отъ него, на самомъ краю скамьи.

— Такъ какъ же, mademoiselle Усманская, вы не участвуете въ нашемъ пикникѣ?—спросилъ онъ дѣвушку въ сѣромъ платьѣ.

Она сидѣла, облокотясь о спинку скамьи. Волосы ея—совсѣмъ черные — были на лбу взбиты по-модному. Отъ нея шелъ запахъ геліотропа.

— Вы думаете, что вамъ будетъ весело?

Густой голосъ ея немного вздрагивалъ.

— И какъ еще!—крикнулъ мужчина въ бородѣ, всталъ и началъ говорить съ жестами.—Кавалькада: пять кавалеровъ, столько же дамъ. Два татарина. Одинъ изъ нихъ съ провіантомъ. Обѣдать тамъ, на Ай-Петри. Будемъ танцовать. Въ восьмомъ часу новый привалъ, и назадъ. Домой попадемъ къ ужину. Помилуйте,—обратился онъ опять къ дѣвушкѣ въ сѣромъ,—вы совсѣмъ не пользуетесь природой. Такая красота!.. Только тамъ, на высотахъ, и живешь!.. Вѣдь вы ѣздите верхомъ?

— Да.

— А до сихъ поръ я не видалъ васъ ни разу на конѣ.

— На конѣ!.. — повторила дѣвушка, и про себя разсмѣялась.

— Угодно? Я распоряжусь, прикажу Мехмеду съ вечера, чтобы еще была лошадь съ дамскимъ сѣдломъ.

Дѣвушка промолчала. Толстенькая дѣвица въ короткомъ платьѣ поглядѣла на мужчину въ бѣломъ: „зачѣмъ-де вы ее упрашиваете, она насъ стѣснитъ, она слишкомъ аристократка“.

III.

И въ самомъ дѣлѣ, она была не ихъ общества и тона. Даже сидѣла она, хоть и оперлась о спинку скамьи,—такъ, какъ будто дожидается удобной минуты распрощаться со всѣми и уйти. Ей давно надо быть дома. Совсѣмъ ночь; а она засиживается съ незнакомыми. Мать ждетъ ее, и можетъ опять выйти сцена. Но она рада была, хоть одинъ вечеръ, очутиться среди веселыхъ, непринужденныхъ людей. Этотъ Павелъ Павловичъ—такъ звали мужчину съ бородой—душа всего табльд'ота. Онъ начиналъ ей нравиться. Кажется, онъ адвокатъ.

— Который часъ?—вдругъ спросила она, не давая отвѣта на разспросы Павла Павловича.

— Десять скоро,—отвѣтила жена конториста.

— Мнѣ пора,—твердо выговорила она и поднялась.

За ней встали и остальные. Обѣ дамы остались назади. Рядомъ съ ними мужчина въ макферланѣ.

— Торопитесь?—спросилъ на ходу Павелъ Павловичъ.

— Да, поздно,—отвѣтила она и вбокъ поглядѣла на него.

Онъ шелъ грудью впередъ и закинувъ голову. Глаза онъ наполовину закрылъ. Шагалъ онъ легко, и лѣвая его рука двигалась съ жестомъ военнаго. Свою длинную бороду носилъ онъ книзу уже; щеки выдались отъ полноты и загара. Изъ-подъ шляпы темнѣли волосы. Но она видѣла, когда онъ снималъ шляпу, что у него начинаетъ рѣдѣть маковка. Который ему годъ—она опредѣлить не можетъ: между тридцатью и сорока.

— Подниматься легче будетъ,—сказалъ онъ, улыбнулся и предложилъ ей руку.

У ней было чуть замѣтное колебаніе; но она протянула свою и пошла съ нимъ въ ногу.

Ея голова приходилась ему по плечо. А когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, въ столовой, она показалась ему очень крупнаго роста. Онъ тогда, съ другого конца стола, замѣтилъ ея голову, большую, круглую, съ взбитыми на лбу волосами, ея сочныя губы, расширенныя ноздри, скулы, смуглое лицо, широкій станъ, затянутый въ длинный корсажъ и жестковатый. Брови ея, густыя и прямыя, и родинку съ волосиками на лѣвой щекѣ онъ также замѣтилъ. Возлѣ нея сидѣла ея мать, маленькая, совсѣмъ бурая „барынька“ (онъ такъ ее назвалъ про себя),

въ морщинахъ, въ накладкѣ изъ буколь коричневаго цвѣта, съ лорнетомъ. Она была въ свѣтломъ платьѣ и кружевной косынкѣ, съ наколкой на волосахъ; всѣхъ осматривала въ лорнетъ, дѣлала гримасы ртомъ со вставными изсиня зубами. Своими ужимками она показывала, что всѣ, кто сидитъ за столомъ—„не изъ общества".

Послѣ того онѣ только еще одинъ разъ являлись за табльд'отъ.

IV.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ онъ на ходу и слегка потянулъ ее, ускоряя шагъ.

— Вы знаете.

— Нѣтъ: имя, отчество?

— Марья Денисовна.

Ей странно было говорить съ мужчиной по-русски. Въ гостиныхъ это не дѣлается, по крайней мѣрѣ, въ началѣ разговора. А она любила русскій языкъ; ее даже огорчало то, что у ней странный выговоръ. Изъ всѣхъ мужчинъ, видѣнныхъ ею, здѣсь, въ паркѣ или въ общей столовой, этотъ Павелъ Павловичъ, кажется, самый занимательный. Но онъ, навѣрно, несвободно говоритъ по-французски. Онъ тоже „не изъ общества", хотя очень развязенъ и боекъ на слова. Что онъ адвокатъ — она почти рѣшила.

— Марья Денисовна, я вижу, вы не любите женскихъ пересудъ.

— Зачѣмъ? — спросила она и покраснѣла, замѣтивъ ошибку противъ языка: ей слѣдовало сказать: „почему".

— Да вотъ, насчетъ этой дамы... Ну чтò такого тутъ страннаго, что она ни съ кѣмъ не знакомится? И сейчасъ — сумасшедшая!.. Одна барыня увѣряетъ даже, что она пьетъ.

— Что?

— Пьетъ... не знаю ужъ чтò: вино... то-есть напивается.

— Фи!..

Дѣвушка сдѣлала движеніе всѣмъ станомъ.

— Вотъ видите!.. Иначе и нельзя. Живутъ вмѣстѣ, сидятъ по комнатамъ, пьютъ кофе, киснутъ... Вмѣсто того, чтобы цѣлый день лазить по горамъ, скакать, купаться по три раза... Вы въ которомъ часу? — вдругъ оборвалъ онъ свою рѣчь.

— Что?

— Купаетесь?

Такой простой вопросъ сейчасъ бы возмутилъ ея мать. Вѣдь она дѣвушка, онъ молодой еще мужчина, не представленный имъ; ночью, идетъ съ ней подъ руку и говоритъ о часахъ купанья въ такомъ тонѣ, точно будто онъ ея близкій родственникъ.

Онъ опять сбоку поглядѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Вы очень торопитесь? Развѣ вы не можете возвращаться, какъ вамъ вздумается?

— Нѣтъ, не могу,—сухо отвѣтила она.

Павелъ Павловичъ понялъ, что вопросъ его былъ лишній.

„Сердится дѣвица, — подумалъ онъ. — Хочется пожить, да маменька держитъ малолѣткомъ. А, кажется, намъ годковъ-то порядочно“.

Но такъ какъ онъ всегда жалѣлъ всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, то и тутъ мягко взглянулъ на нее и задумался.

Они шли молча минуты три. Небо уже кишѣло звѣздами.

V.

Павелъ Павловичъ Гущинъ считалъ себя защитникомъ и другомъ русскихъ дѣвушекъ вообще. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью; немного покровительственно обращался съ тѣми, кого встрѣчалъ въ пріятельскихъ кружкахъ. Вотъ и теперь онъ почувствовалъ жалость къ этой свѣтской барышнѣ, кажется, уже порядочныхъ лѣтъ и подъ надзоромъ, должно-быть, дрянной матери, набитой чванствомъ. Знаніе жизни, связи съ женщинами, двѣ дуэли, смѣлость и благородство поступковъ въ щекотливыхъ случаяхъ, — все это давало ему, въ собственныхъ глазахъ, право глядѣть на свою новую знакомую, какъ ласковый учитель глядитъ на воспитанницъ, когда заговариваетъ съ ними въ перемѣну, а самъ боится окрика классной дамы.

— И завтра не можете на пикникъ? — спросилъ онъ шутливо, но мягко.

Онъ хотѣлъ показать ей, что понимаетъ ея невольное раздраженіе.

— Мы собираемся въ Ялту.

— Да вѣдь вы уже были тамъ?

— Проѣздомъ. Мы еще ничего не видали.

— А если бъ вы остались дома... пустили бы васъ?

Она засмѣялась.

— Вы не сердитесь. Я васъ не дразню; но мнѣ за васъ обидно.

— Къ чему?—жестковато выговорила она.

— Помилуйте! Гдѣ мы? Въ какомъ мы году? Оглянитесь вокругъ васъ. Сколько дѣвушекъ на полной свободѣ... живутъ, ѣздятъ однѣ, уѣзжаютъ за границу, рѣшаютъ свою судьбу, любятъ... Это—невозможно!

— Очень возможно!—сказала она и смолкла.

Ей не слѣдовало и этого: что̀ бы она ни испытывала—большое мѣщанство жаловаться. Особенно мужчинѣ его лѣтъ. Еще мальчику-офицеру, иногда, выгодно сказать двѣ-три горькихъ фразы. Воображеніе сейчасъ заиграетъ у офицера. Въ десять минутъ она поняла этого бородатаго адвоката. Онъ обращался съ ней ласково и поощрительно; а она, тѣмъ временемъ, разбирала его сухо и спокойно. Съ такимъ человѣкомъ не нужно много тонкости. Надо дѣйствовать сильными минутами. Онъ считалъ ее „такъ-себѣ", свѣтской барышней, накрахмаленной, задерганной, пугливой и совсѣмъ не жившей. Еще немножко, и онъ начнетъ говорить съ ней фамильярно, какъ съ дѣвчонкой.

А она, когда встрѣтила его на берегу и присоединилась къ гуляющимъ, разорвала послѣднюю нитку чего-то, что̀ ей казалось прежде чувствомъ къ матери. Она ожесточилась. И теперь одна голова ея работала: если онъ адвокатъ, у него можетъ быть порядочная практика, онъ добръ, веселаго нрава, у него — либеральныя идеи, онъ легко поймается на великодушномъ порывѣ; лѣтъ ему, пожалуй, тридцать пять, такіе мужчины всегда нѣсколько запаздываютъ жениться — тѣмъ лучше. Только не надо его допускать до фамильярности, до тона добраго дяди, готоваго взять племянницу подъ крылышко.

VI.

— Вы здѣсь отдыхаете?—спросила она гораздо мягче.

— Да, это мои вакаціи.

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ я читаю.

— Вы читаете?—спросила она съ недоумѣніемъ.

— Лекціи.

— А-а...

Это ей показалось лучше, чѣмъ адвокатура; но что это даетъ—она не знала

— Вы...

Она искала слова.

— Я профессоръ.

Онъ прибавилъ—какого права. Сказалъ и гдѣ:—въ одномъ изъ южныхъ университетовъ.

— Это близко отсюда?

Опять ей сдѣлалось непріятно, что она задаетъ дѣтскіе вопросы.

— Не далеко, — весело отвѣтилъ онъ, и вдругъ сталъ напѣвать что-то.

Это ее и разсмѣшило, и укололо. Да, онъ „не изъ общества". Кто же это начнетъ въ разговорѣ съ свѣтской дѣвушкой напѣвать?.. Почему же послѣ того не засвистать? Она было хотѣла проучить его, но подумала: „не слѣдуетъ теперь". Его довольное лицо, бодрая походка съ покачиваніемъ, костюмъ изъ китайскаго шелка начинали сердить ее больше, чѣмъ то, что онъ запѣлъ. Такъ и пышало отъ него свободой и тѣмъ, что онъ молодъ, видный собой, занимаетъ положеніе, природу любитъ, аппетитъ у него отличный...

Почему все это у него, а не у ней! Онъ уже ей не казался ни добрымъ, ни понимающимъ. Но что жъ изъ этого? Каковъ бы онъ ни былъ, она не можетъ разбирать съ нимъ всѣ оттѣнки своего интимнаго чувства. Она должна все это припрятать. Иначе ей не уйти изъ каторги. Французское слово „bagne" было ею произнесено въ головѣ. Думала она по-французски.

— Я хотѣла бы поѣхать верхомъ, — начала она, — но только не въ такомъ большомъ обществѣ.

— Боитесь смѣшаться кое съ кѣмъ?

— Это неудобно,—отвѣтила она такъ значительно, что онъ перемѣнилъ тонъ.

— Вы, кажется, хорошо ѣздите? — поспѣшила спросить она.

Ей стало досадно, что по-русски она говоритъ безцвѣтно: не хватаетъ словъ. Просто она глупѣетъ. Будь это по-французски, она бы ему въ четверть часа показала, какъ она умѣетъ говорить и думать. На томъ языкѣ готовыя фразы. Ими играешь, какъ шариками. А тутъ надо заново составлять фразы. И въ салонахъ ихъ никогда не произносятъ.

— Хотите, какъ-нибудь маленькую прогулку въ Алупку?

Вотъ начнутся лунныя ночи. Чудо! Особенно въ верхнемъ паркѣ.

„А что это будетъ стоить? Но если у насъ пойдетъ на ладъ, *она* должна согласиться“.

Мать свою Марья Денисовна называла про себя „она“.

— Когда захотите—скажите мнѣ. Ваша maman можетъ на меня положиться.

VII.

Они поднялись наверхъ. По обширной площадкѣ еще гуляли. Подъ фиговымъ деревомъ, на длинномъ диванѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Отъ кухни къ сѣрому зданію пробѣгали лакеи и носили самовары и посуду. У колодца слышно было какъ лошади жуютъ сѣно. Паркъ шелъ кверху террасами.

— Вы вѣдь наверху живете?—спросилъ Гущинъ.—Позвольте мнѣ проводить васъ. Совсѣмъ темно. Я знаю хорошо дорожки.

Руку свою она уже успѣла выдернуть. Они шли рядомъ. Въ нихъ всматривались гуляющіе.

— Павелъ Павлычъ! — раздался женскій голосъ съ дивана.

— Васъ зовутъ, — тихо выговорила дѣвушка, — я не вижу кто.

— Павелъ Павлычъ!—донеслось изъ другой группы.

— Какъ васъ любятъ...

Она сказала это просто. Ему понравилось.

— Все насчетъ пикника. Да я еще успѣю вернуться.

По каменной узкой лѣсенкѣ, высѣченной въ горѣ, стали они подниматься на первую террасу, гдѣ въ двухъ домикахъ свѣтились огни. Она могла бы и отблагодарить его, подняться одна; но эти проводы казались ей не лишними. Отнынѣ она не будетъ терять ни одной секунды даромъ. И все, что̀ она задумаетъ, она выполнитъ, не взирая ни на что! Будь это еще двѣ недѣли назадъ, она не пошла бы даже гулять съ незнакомыми. Но теперь, что̀ бы ее ни ждало дома, она ко всему готова.

Со второй террасы они вступили въ аллею, совсѣмъ темную. Подъ ногами мягко разстилалась прошлогодняя хвоя и сухіе листья орѣшника. Сквозь листву мигали звѣзды.

Справа залаяла собака, другая подхватила, и обѣ залились жидкимъ лаемъ.

— Цыцъ! Розка! Фиделька!—крикнулъ на нихъ молодой женскій голосъ.

И въ аллеѣ забѣлѣлось.

— Здравствуйте, барышня,—звонко послышалось среди ночи.

— Поля... это вы?—спросила Марья Денисовна и остановилась.

— Я, барышня.

У Поли былъ пріятный гортанный голосокъ. Вблизи Гущинъ разсмотрѣлъ, что она прикрыла голову татарской чадрой, расшитой шелками по кисеѣ. Онъ примѣтилъ эту дѣвочку. Ей пошелъ шестнадцатый годъ.

И встрѣча съ Полей не смутила Марью Денисовну. Когда горничная убѣжала, Гущинъ опять подалъ руку своей дамѣ.

VIII.

Аллея перешла въ голую, неровную полянку, засаженную оливковыми деревьями. Они чуть-чуть серебрились. Отъ полянки паркъ сдѣлался гуще, пошли хвойныя деревья и крупный орѣшникъ. Дорожка сузилась. Темнота стояла синяя.

„А если онъ меня вдругъ поцѣлуетъ?"—спросила про себя дѣвушка.

И не смутилась своимъ вопросомъ. Но она не чувствовала никакого волненія, даже и такого, какое даютъ танцы, когда статный кавалеръ беретъ за талью. Спутникъ ея былъ также спокоенъ. Эта дѣвушка не настраивала его ни на что особенно нѣжное. Ему было съ ней гораздо менѣе ловко, чѣмъ со всѣми другими дамами и дѣвицами. Хотѣлось бы развѣ еще пожурить ее отеческимъ тономъ за то, какъ она допустила себя до такихъ „унизительныхъ" строгостей со стороны матери. Довести ее въ сохранности считалъ онъ своимъ долгомъ. Пускай свѣтская барышня знаетъ, что не въ однихъ барскихъ гостиныхъ умѣютъ быть любезными. Павлу Павловичу сдавалось также, что эти дамы напускаютъ на себя барство, кажется, совсѣмъ не въ мѣру. Если онѣ живутъ тамъ, наверху, въ маленькомъ домикѣ, въ комнаткахъ, въ родѣ чуланчиковъ, такъ состоянія у нихъ быть не можетъ. Туалеты матери—смѣшноваты, а дочь одѣвается только что прилично, хотя и по модѣ. Будь Гущинъ менѣе добро-

душенъ, онъ бы на этомъ поигралъ. Но жалость къ дѣвушкѣ покрыла все остальное.

— Вотъ скоро и ваша калитка,—сказалъ онъ тихо.

Она остановилась.

— Благодарю васъ. Вамъ пора вернуться. Здѣсь два шага.

— Собаки?

— Я знаю ихъ.

— Такъ рѣшено... мы ѣдемъ въ Алупку, какъ только дождемся полнолунія? Тогда позвольте взять еще одну только даму.

— Кого же? Изъ этихъ?

— Жена моя пріѣдетъ черезъ недѣлю. Она зажилась въ Швальбахѣ.

— Жена ваша?..

Голосъ у ней упалъ противъ ея воли; но Гущинъ этого не замѣтилъ.

— Да... А васъ это удивляетъ? Благодарю. Самый лучшій комплиментъ мнѣ.

Она поклонилась молча, руки ему не дала, и пошла къ калиткѣ.

Гущинъ побѣжалъ съ горы.

IX.

Домикъ, въ родѣ будки, раздѣленъ на двѣ комнатки. Между ними нѣтъ двери въ дощатой перегородкѣ. Одно окно выходитъ къ изгороди, другое, слѣва отъ входа,—на дворъ. Въ первомъ окнѣ только и былъ свѣтъ.

Марья Денисовна отперла ключомъ дверь изъ крошечныхъ сѣней, и вошла въ темноту.

— C'est vous? — спросили изъ-за перегородки высокой нотой.

Она ничего не отвѣтила и зажгла свѣчу. Еле можно было повернуться. Кровать и комодъ со столомъ занимали почти всю комнату. Вдоль перегородки, подъ двумя простынями, висѣли платья.

— C'est vous?—послышался вопросъ рѣзче и визгливѣе.

— C'est moi,—отвѣтила дѣвушка и стала раздѣваться.

Она знала, что мать сегодня не войдетъ къ ней; а если будетъ сцена, то завтра, передъ отправленіемъ въ Ялту. Да и то чего-нибудь „большого"—не случится. Послѣ того, что нынче было передъ обѣдомъ, мать можетъ ожидать всего.

Но *чего?* Вотъ этотъ вопросъ и всталъ передъ ней, когда она, наскоро раздѣвшись, легла и потушила свѣчу.

— Вы спите?—спросили ее по-русски.

— Я устала,—отвѣтила она и нарочно закрыла глаза.

Говорить съ матерью сдѣлалось для нея невыносимымъ, хуже чѣмъ выслушивать ея окрики и приставанья. Она кончитъ тѣмъ, что перестанетъ совсѣмъ говорить; будетъ только отвѣчать—односложно.

Но чѣмъ же она запугаетъ мать? А нужно. Опять нѣтъ никого въ виду. Тотъ профессоръ могъ бы спасти ее. Она бы не стала бросаться ему на шею, но сошлась бы съ нимъ скоро. Нѣсколько искреннихъ разговоровъ, и понравься она ему—отчего же бы и не конецъ? Онъ женатъ, и кажется прочно. Голосъ его звучалъ такъ мягко, когда онъ упомянулъ о женѣ. Лѣчится въ Швальбахѣ. Стало, болѣзненная. Зачѣмъ, зачѣмъ тутъ жена?..

Такія мысли уже не смущаютъ и не стыдятъ Марью Денисовну. Нѣтъ больше мочи выносить положенія двадцатичетырехлѣтней дѣвушки, нейдущей съ рукъ у матери. Есть предѣлъ: за нимъ то чувство, что вы—товаръ, невольница на торгу невѣстъ, переходитъ въ ожесточеніе. Все, что̀ бы ни ожидало васъ въ замужествѣ,—*лучше* того, какъ вы живете. Мать стала давно постылымъ существомъ. Въ ея лицѣ стояла передъ дѣвушкой одна алчность расчета: выдать повыгоднѣе и жить потомъ на хлѣбахъ зятя. Тайная нищета, тщеславіе, духъ касты, всѣ виды жалкаго и смѣшного себялюбія,—вотъ что была для нея мать. Уже второй годъ пошелъ, какъ она ей ненавистна до послѣдней степени. Мать—убійца: иначе она не въ силахъ считать ее. И это преступленіе отняло у дочери средство защиты. Чѣмъ она испугаетъ ее, какой угрозой?.

X.

Если бъ не то, что̀ случилось около двухъ лѣтъ тому назадъ, она—когда ей придется совсѣмъ невмоготу—пришла бы и сказала матери:

— Еще одна ваша выходка, и я брошусь въ море. Вы знаете, что я на вѣтеръ не говорю.

Но одна утопленница уже есть. Такая угроза—ни къ чему. Сестра Лили не грозила, а просто утопилась. Черезъ недѣлю придетъ день ея памяти. Это было на водахъ,—всегда вѣдь воды, сезоны!—въ августѣ. Случился генералъ въ уѣздѣ съ бригадой. Какого же еще жениха?

Мать напрягла послѣднія усилія. Лили—прозрачная, кроткая—выслушала приказъ: понравиться генералу и не разсуждать о томъ, что онъ пошлъ, толстъ, съ краснымъ прыщавымъ затылкомъ и грубыми шуточками. Черезъ мѣсяцъ ее объявили невѣстой. Послѣднія крохи были собраны для приданаго. Задолжали во всѣхъ магазинахъ Кузнецкаго и пассажа Солодовникова; зато что̀ за подвѣнечное платье было! Лили улыбалась, съ сестрой избѣгала разговоровъ, должно-быть, боялась ея, считала ее въ уговорѣ съ матерью. Въ публичномъ саду былъ большой прудъ. Лили ходила туда читать. Наканунѣ свадьбы она долго не возвращалась къ чаю; а ушла—когда всѣ еще спали.

Первая—сестра увидала письмо, незапечатанное, безъ адреса, пробѣжала его и бросилась къ матери.

Въ письмѣ стояло по-русски:

„Милая мама, я не могла побороть себя. Знаю, что огорчу васъ съ Мери; но это выше силъ моихъ. Онъ мнѣ противенъ, когда беретъ меня за руку—меня тошнитъ. А поцѣлуи его—просто мученье! Ты истратилась на мое приданое. Это меня терзаетъ; но я, ей-Богу, не могу. Страшный грѣхъ беру на себя, но Богъ проститъ. Прости и ты. И Маня пусть проститъ меня за то же. Не ищите меня. Не нужно. Меня уже нѣтъ въ живыхъ, когда вы читаете эти строки. Ключи отъ моихъ сундуковъ лежатъ на полочкѣ, подъ кроватью. Крѣпко цѣлую васъ. Христосъ съ вами.

„Лили“.

У ней у первой блеснула мысль—„Лили утопилась“. Побѣжали къ пруду, ѣздили въ лодкѣ съ баграми, насилу вытащили. Она надѣла себѣ на голову наволочку, а шею перевязала шнуркомъ и привѣсила къ нему гирю: гдѣ-то нашла старую гирю отъ стѣнныхъ часовъ.

И лежала она бѣлая, точно въ саванѣ, съ укутанной головой, на травѣ, на берегу, пока пришли полицейскіе и слѣдователь.

XI.

И что же?.. Мать изъ похоронъ сдѣлала зрѣлище. На Лили надѣли подвѣнечное платье, выписанное изъ Москвы. Сбѣжался весь городокъ, всѣ больные. Офицеры несли гробъ. А слѣдовало бы подвѣнечное платье прибрать для старшей дочери, оставшейся въ живыхъ. Ей мать и дала

понять, на другой день послѣ похоронъ, что женихъ долженъ остаться въ фамиліи, что это будетъ даже очень благородно и красиво.

Она только пожала плечами. Теперь бы она и за него пошла. Лили она завидовала. Та раньше догадалась. Идти на самоубійство, послѣ нея, будетъ—обезьянство. И угроза—исчезла. Скажетъ она: „я утоплюсь“, мать ей отвѣтитъ:

— Вы меня этимъ не испугаете!

А смѣлости нѣтъ:—не бросаться въ воду, не вѣшаться, а просто уйти, начать другую жизнь. Вѣдь если все будетъ лучше того, что она теперь испытываетъ, чего же бояться?..

Барышня выросла въ ней и держитъ ее въ рабствѣ. Страшитъ мѣщанская грязь, какъ будто черезъ годъ онѣ съ матерью не нищія! Все равно ничего у нихъ не останется. Долговъ столько, что имъ своимъ трудомъ никогда не выплатить. Все равно должна же она пойти въ гувернантки, въ классныя дамы, а мать вымолитъ себѣ мѣсто какой-нибудь кастелянши или жилички Вдовьяго Дома. Отецъ пенсіи не оставилъ; одно время удалось ему пристроиться къ концессіи, но кончилось это почти банкротствомъ и даже судомъ. Хорошо, что во-время умеръ. Онъ былъ бы навѣрно осужденъ. Надѣялись на карьеру брата Володи. Впереди манило флигель-адъютантство. Его убили въ Болгаріи, на Зеленыхъ-Горахъ. Будь мужчины живы, все бы какъ-нибудь иначе дышалось. Но съ-глазу-на-глазъ, недѣли, мѣсяцы, годы... безконечныя зимы съ выѣздами, походы на воды, на берегъ моря, въ модныя загородныя мѣста Москвы, Петербурга. Двумъ женихамъ было отказано: навели справки, они сами разсчитывали на приданое, прожились. Одинъ оказался что-то въ родѣ бѣглаго... Но этому уже четыре года. Въ четыре года ничего похожаго на серьезное ухаживанье... Или отъ нея требовали выхода замужъ за стариковъ, за всѣмъ извѣстныхъ развратниковъ. А когда начиналъ ѣздить чаще молодой человѣкъ, не очень глупый, не очень пустой — на нее нападало гадливое чувство къ себѣ.

Надо было объявить ему про то, что у ней есть въ прошедшемъ...

XII.

Свою „chute“—она называла это всегда по-французски—вспоминала Марья Денисовна только въ такихъ случаяхъ.

А въ промежутки между видами на сватовство она впадала въ безпамятность. У ней не было вчерашняго дня. Грызть себя она уже не могла. Слишкомъ она себя жалѣла. И все, что лѣтъ семь назадъ вызывало бы въ ней укоры совѣсти, теперь стало дѣломъ самымъ простымъ и неизбѣжнымъ.

Надо лгать и скрывать. Безъ лжи не проживешь двухъ часовъ. Прежде, бывало, какъ она возмущалась, если горничная солжетъ. Начнетъ стыдить ее: „какъ тебѣ, Дуняша, не совѣстно?!“ Сама расплачется отъ волненія.

А теперь?! Ей даже доставляетъ родъ удовольствія — пресѣчь ворчанье матери хорошо состроенной, вѣской ложью.

И гдѣ конецъ? Смерть матери? Она давно дошла до перебиранья этого вопроса. Другого исхода нѣтъ. Что же можетъ быть гаже? А между тѣмъ, что-то ее связываетъ съ матерью, не одна кровь, а другое еще, барское, свѣтское. Она часто смѣется надъ нею, ея запоздалыми манерами, взглядами, словами; а не можетъ не сознавать, что и въ ней есть частица того же тѣста; на немъ замѣсили и ея собственный составъ. Потому-то она такъ и видитъ насквозь свою мать. Никакихъ недоумѣній у нея быть не можетъ; ничего, чѣмъ бы она могла оправдать ее. Если это материнская любовь и забота то что̀ же, послѣ того, злоба и ненависть?

Завтра поѣздка въ Ялту, на два дня, готовитъ ей рядъ мелкихъ гадостей. Она не упиралась. Но она впередъ видитъ все сцѣпленіе дерганій и волненій: будутъ копеечничать—и все-таки, чтобы было все по-барски. Надо нанять коляску; а взять два мѣста, въ общемъ экипажѣ, неприлично. Сегодня приходилъ извозчикъ, съ нимъ торговались цѣлый часъ. Онъ три раза возвращался и хотѣлъ дать знать утромъ. Условиться съ нимъ надо будетъ ей, мать просыпается поздно.

Какая тоска! Тащиться по жарѣ, въ пыли шоссейной дороги, разряженной, проскучать, видѣть мельканіе какихъ-нибудь „уродовъ“...

А можетъ-быть, именно тамъ произойдетъ встрѣча съ тѣмъ, кто все сразу пойметъ, все проститъ, обо всемъ догадается, ни о чемъ не будетъ допрашивать, полюбитъ, обезпечитъ, увезетъ далеко, окунетъ въ новую жизнь... Отчего же не въ Ялтѣ?

Съ этой мыслью она заснула.

XIII.

Седьмой часъ утра. Жаръ уже стоялъ надъ горой и даже изъ-подъ тѣни прогонялъ прохладу; съ прибрежья поднимаются, по крутымъ тропинкамъ, купальщики. Купальныя будочки свѣтятся издали продолговатыми бѣлыми пятнами. На небѣ ни одного клочка облака. Поодаль отъ мужского купанья, въ густыхъ бирюзовыхъ волнахъ полощется полная женщина въ широкой шляпкѣ, съ опущенными полями. Ей любо въ водѣ. Она то начнетъ плавать, по-женски колотить ногами по водѣ и вспѣнивать ее съ шумомъ, то ляжетъ на спину, вытянетъ ноги и подниметъ голову, чуть-чуть разводя бѣлыми, гладкими руками. Ея плечи и шея выступаютъ съ округленнымъ блескомъ атласа изъ желтаго костюма, перехваченнаго кушакомъ. Вокругъ нея—пѣна и чешуйки золота на колыханіи зеленой и синей ряби—точно махровый вѣнецъ. По тропинкѣ поднимается мужчина въ кителѣ и закрываетъ лицо холстиннымъ зонтикомъ со стороны моря.

Въ большомъ зданіи и въ желтоватыхъ низкихъ домикахъ уже идетъ жизнь. Опять забѣгала прислуга изъ кухни и обратно. У колодца два босоногихъ татарчонка чистятъ овощи. Въ сторонѣ, подъ фиговымъ деревомъ приготовлены верховыя лошади. Сверху, по аллеѣ, куда вчера Павелъ Павловичъ провожалъ Марью Денисовну, промелькнуло спѣшными шагами нѣсколько молодыхъ статныхъ татаръ, въ черныхъ барашковыхъ шапочкахъ съ золотой звѣздой на тульѣ, въ нанковыхъ курткахъ и шароварахъ. Одинъ спѣшилъ напоить лошадь, два другихъ пронесли въ корзинахъ виноградъ и груши.

Наверху, выше того мѣста, гдѣ жила съ матерью Марья Денисовна, въ каменномъ зданіи, жильцы одни за другими выбирали виноградъ, только что утромъ срѣзанный и разложенный сортами, вѣшали, накладывали въ корзиночки и расходились по дорожкамъ парка—съѣдать свою порцію до завтрака. Жаръ все прибываетъ. Только вѣтерокъ, нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхнетъ между деревьями и остудитъ немного блистающее лѣтнее утро.

XIV.

Въ семь часовъ, широкій въ плечахъ, малаго роста, на кривыхъ ногахъ, извозчикъ, въ полурусскомъ, полутатарскомъ платьѣ—шапочка на немъ была баранья, рубаха—

красная, кумачная — осторожно постучалъ кнутовищемъ въ окно домика, съ той стороны, гдѣ комната барышни.

Марья Денисовна проснулась въ половинѣ седьмого, ждала извозчика и почти уже кончила свой утренній туалетъ.

Она подняла занавѣску, выставила голову и тихо сказала ему:

— Сейчасъ я выйду.

Извозчика звали Николай. Онъ выдавалъ себя за грека, а извозчики-татары считали его цыганомъ. Говорилъ онъ чисто по-русски, съ лица смотрѣлъ дѣйствительно цыганомъ, но могъ быть и грекомъ. Онъ переминался съ одной кривой ноги на другую. Рукава его рубахи торчали изъ прорѣзовъ жилетки, скроенной по-татарски, узко, изъ пестраго темнаго ситца, на крючкахъ, а не на пуговицахъ. Онъ носилъ часы на серебряной длинной цѣпочкѣ; суконные шаровары выпускалъ по-великорусски, поверхъ высокихъ смазныхъ сапоговъ.

Вчера онъ затребовалъ тринадцать рублей — въ Ялту и обратно и тамъ простоять два дня. Мать Марьи Денисовны замахала руками и разсердилась. Вернувшись въ третій разъ, онъ спустилъ до десяти. Усманскія давали восемь, съ его кормомъ. Торговаться должна была дочь. Старая Усманская сидѣла у себя, въ чуланчикѣ, прислушиваясь къ разговору, и только вскрикивала раздраженно:

— Mais c'est un brigand!.. Mais ça n'a pas de nom!

— Что же, Николай?—спросила дѣвушка и отвела его въ сторону, настолько, чтобы не будить мать, а скорѣе, чтобы та не вмѣшивалась своими возгласами.

— Кормъ вашъ?

— Но какъ же намъ... этимъ заниматься?

— Дай двѣ бумажки.

— Такъ это выйдетъ десять...

Она знала, что на всю поѣздку имъ нельзя истратить больше бѣленькой.

Николай сдвинулъ шапочку на затылокъ и хлеснулъ кнутомъ по концу сапога въ пыли.

— Не сходно!

— Какъ знаешь,—твердо сказала дѣвушка и повернула къ двери.

— Барышня!.. Стой! Стой! Такъ и быть—накинь полтину!

Четвертакъ она накинула. Условились—быть Николаю въ девять часовъ, тройкой. Багажу возьмутъ онѣ сундукъ и два мѣшка.

XV.

По уходѣ Николая, Марья Денисовна не сейчасъ вернулась въ свою комнату—мать ея все еще спала,—а встала въ тѣнь, отъ крыши, оглядывала и вдыхала въ себя воздухъ, слегка щурилась отъ солнца.

Который уже разъ она съ завистью смотритъ на все то, что здѣсь, въ этомъ уголкѣ Крыма, дѣлается около нея. Всѣ живутъ на волѣ и какъ слѣдуетъ. Одна только она—хуже и ниже всякой продажной женщины. И такія сравненія она уже употребляетъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, никого не обманываютъ... А онѣ съ матерью... у нихъ вѣдь не написано на лицѣ:

„Не имѣйте съ нами никакого дѣла, если вы свободный мужчина, способный прокормить семью".

Она смотрѣла на двухъэтажный домъ и на другой съ террасой, гдѣ помѣщался ресторанчикъ. Тамъ онѣ обѣдали гораздо чаще, чѣмъ внизу за общимъ столомъ. Въ просторной комнатѣ, выходящей на террасу, живетъ блондинъ съ женой. Она слышала, что онъ—ученый, магистръ, провелъ здѣсь цѣлую зиму, для здоровья жены. Оба молодые, все читаютъ и пишутъ, говорятъ много, смѣются, много и гуляютъ, иногда сильно заспорятъ. Доходило и до слезъ; но чаще цѣлуются. Ей видно. Гдѣ же ей мечтать о такой жизни?.. Рядомъ съ ними, стѣна-объ-стѣну—дама, за тридцать, худая, въ большой шляпѣ ходитъ, изящно одѣта, всегда весела. Мужъ ея живетъ внизу, они вмѣстѣ обѣдаютъ, точно у нихъ, каждый разъ, свиданія, когда она его ждетъ.

На дворикъ гостиницы вышла здоровая служанка, босикомъ—такъ ходятъ на югѣ, потянулась и начала чистить ножи. Что за здоровье! И этой горничной дѣвкѣ—лучше. У ней, навѣрно, есть женихъ или другой кто. Всегда хохочетъ, возится съ собакой, съ водоносомъ, съ поваренкомъ, въ день избѣгаетъ верстъ двадцать, сыта, одѣта, получаетъ на чай.

Вышла содержательница гостиницы—Амалія Карловна, покормила своего ослика морковью, приказала его осѣдлать и поѣхала на немъ по хозяйству. На ней только что вымытое холстинковое платье и соломенная шляпа.

Ея сухощавое тѣло стройно сидитъ въ сѣдлѣ. Ей она завидуетъ иногда до злости. Съ мужемъ она живетъ душа въ душу. Онъ уѣхалъ за провизіей въ Алупку. Цѣлый день она на ногахъ. Все держится ея надзоромъ. Почему же ей, безприданницѣ, почти нищей, не пойти за какого-нибудь приказчика, фермера, винодѣла или садовника, и жить вотъ припѣваючи среди прекрасной природы, въ довольствѣ и даже почетѣ?..

XVI.

Она достала, черезъ окно, зонтикъ со столика и спустилась внизъ, по аллеѣ парка.

Издали она разглядѣла темную площадку, гдѣ фонтанъ, въ лаврахъ, у крыльца каменнаго дома, въ восточномъ стилѣ. Тамъ живетъ три семейства. Вонъ сбѣжалось нѣсколько татарокъ: умыться и захлебнуть воды въ кувшины. Съ красавицей Фатьмой (она уже просватана) Марья Денисовна знакома. За ними прыгаютъ ребятишки. У дѣвчонокъ развѣваются по воздуху косички волосъ, выкрашенныхъ хиной. Показалось платье какой-то барыни. Она подходитъ къ фонтану, вынимаетъ гроздья винограда, обмакиваетъ ихъ, по очереди, въ воду бассейна и раскладываетъ по гранитному краю. Медленно движется вчерашній мужчина, что былъ въ макферланѣ, — сегодня онъ въ парусинномъ пальто, — ѣстъ виноградъ и выплевываетъ косточки. Ей видны движенія его рукъ и головы.

Какъ бы ей хотѣлось поѣсть винограда. И для здоровья было бы хорошо: у ней то и дѣло поднимается желчь, душитъ ее, производитъ припадки; она лежитъ пластомъ по цѣлымъ суткамъ. Но мать сказала, что это — „одна трата денегъ“. А своихъ у ней нѣтъ ни одного рубля въ портмонэ.

Всѣ живутъ, какъ имъ хочется — купаются, ѣдятъ виноградъ, пьютъ вино, ѣздятъ верхомъ, играютъ въ карты... Почему же бы съ ними не сойтись? Мать побывала два-три раза внизу и рѣшила, что это все „de petites gens“, и нѣтъ ни одного человѣка „стоящаго“, т.-е. жениха.

На одного была надежда, да и онъ женатъ. А остальное — все мужья съ женами, дѣти, подростки, много дѣвицъ, и даже пожилыхъ, старый чиновникъ на пенсіи; за нимъ всѣ ухаживаютъ; былъ еще докторъ, любимецъ всѣхъ дамъ; но онъ три дня какъ уѣхалъ въ Одессу.

Остался одинъ какой-то испитой штатскій. Нельзя даже приблизительно сказать, кто онъ.

А мать разсчитывала на большой выборъ. Этотъ „курортъ“ сдѣлался вдругъ ненужнымъ. Потянулась глупая жизнь безъ всякой цѣли. И купаться мать не позволяетъ иначе, какъ ночью. Отдѣльныхъ часовъ нѣтъ, а она находитъ, что и въ костюмѣ неприлично.

— Et Trouville? Et Biarritz?—возражала ей дочь.

— Trouville est Trouville! Et ça—c'est un trou.

И надо было вставать очень рано и бѣгать купаться тайкомъ. Сегодня она не успѣла, и по всему тѣлу ея разливалась непріятная нервная истома.

XVII.

Въ девять часовъ Ольга Евграфовна—мать Марьи Денисовны—еще не была готова. Коляска, тройкой, стояла у изгороди, и Николай похаживалъ около лошадей и поглядывалъ, скоро ли покажутся барыни. Онъ боялся, что жаръ дойметъ его тройку, и они не попадутъ въ Ялту до полдня.

Дочь вошла къ матери всего одинъ разъ — сказать ей, что коляска нанята за восемь рублей двадцать-пять копеекъ. Ольга Евграфовна поморщилась: ей и эта цѣна—дешевая по тому времени—показалась „ужасной“.

Она сидѣла на кровати и перебирала свои наколки и еще какую-то мелочь. Облысѣлая голова, безъ накладки, вдоль пробора тянулась бѣлесоватымъ пятномъ. За уши она закинула косички. Желтое лицо все было изрыто складками дряблой кожи. Ротъ она безпрестанно собирала движеніемъ узкихъ губъ. Носъ у ней былъ совсѣмъ не такой, какъ у дочери — длиннѣе, уже, съ пережабинкой на переносицѣ. Глаза сходились—съ зеленоватыми зрачками. Безъ накладки она смотрѣла старухой. Сидя, она согнулась, собралась въ комокъ. Выбираніе наколокъ, воротничковъ и перчатокъ, чищенныхъ и новыхъ, взяло у ней больше часу. Укладываться она не умѣла. Призвали номерную горничную. Ольга Евграфовна сдѣлала на нее нѣсколько окриковъ. Дочь помогала уложиться, когда сундукъ горничная переволокла кругомъ изъ одной комнаты въ другую.

— Quelle chaleur!—повторяла Ольга Евграфовна.

Дочь молчала и только разъ сказала:

— Если вамъ нездоровится, мы можемъ отложить.

Онѣ больше года, какъ говорили другъ другу „вы“, и по-французски, и по-русски.

Николай торопилъ и началъ даже громко ворчать. Барыня сказала дочери изъ окна:

— Dites lui qu'il se taise.

Марья Денисовна успокоила его, и двадцать минутъ десятаго онѣ усѣлись, на передокъ положили два мѣшка; а Николай взвалилъ сундукъ на козла, сѣлъ на него и заболталъ ногами въ воздухѣ.

Изъ парка дорога завиляла и вправо, и влѣво; спуски—одинъ другого круче; тормоза у коляски не было. Барыня вскрикивала па каждомъ поворотѣ и хваталась то за кузовъ, то за руку дочери. Марья Денисовна сидѣла молча и строго смотрѣла сверху. Солнце пекло.

XVIII.

— Алупки сичасъ! — крикнулъ Николай съ сундука и повернулся лицомъ.—Попоить!.. Садъ—хорошъ!.. Смотрѣть можна дворецъ.

Дочь глазами спросила мать: хочетъ ли она осмотрѣть дворецъ.

— Des dépenses! — пропустила та сквозь свои большіе, вставные зубы.

— Взапрѣли лошади! Попоить, — настаивалъ Николай.

Отъ слова „взапрѣли“ Ольга Евграфовна отвернулась. По губамъ дочери скользнула усмѣшка.

— Laissez le faire,—выговорила она и крикнула извозчику:—Можешь дать отдохнуть!

Николай ударилъ вожжами по дышловымъ. Фаэтонъ покатилъ пологимъ спускомъ, и скоро попалъ въ аллею парка, взбивая бѣлую ѣдкую пыль. Остановились они у воротъ. Сквозь нихъ виденъ былъ весь дворъ напролетъ до вторыхъ воротъ—справа сѣрыя стѣны службъ и дворца, слѣва, поверхъ низменнаго строенія, вьющаяся зелень въ лиловыхъ цвѣтахъ.

Марья Денисовна только теперь разглядѣла красоту архитектуры. Когда онѣ ѣхали изъ Ялты, сумерки уже обволакивали все. Ей стало веселѣе отъ взгляда на дворецъ. Справа открывалась часть цвѣтника. Магноліи, рододендроны, азаліи, лавровая вишня смотрѣли отовсюду. Она предложила матери пройтись по цвѣтнику и посмотрѣть—если пускаютъ—на комнаты. Она знала, что дворецъ стоялъ пустой. Мать отказалась идти: жарко да и

давать надо вездѣ на водку. Марья Денисовна пошла одна, встрѣтила за калиткой садовника, спросила его, какъ пройти къ дворцу, и сейчасъ же—налѣво—попала къ мраморной лѣстницѣ, со львами, спускающейся къ полгорѣ надъ моремъ. Она минутъ десять любовалась на фасадъ, съ башенками, съ полукруглой впадиной верхней террасы, съ арабскими надписями, изсѣченными въ дикомъ камнѣ. Ей не вѣрилось, что это—не дальній, чужой югъ, не Италія, а Россія... Внизу море горѣло на солнцѣ, и только на самой линіи кругозора синимъ поясомъ лежало вдоль бездоннаго голубого свода. Оттуда доходилъ еле слышный шумъ. Бѣлыя, мясистыя чашки магнолій вразсыпную стояли на стебляхъ. Въ цвѣтникѣ клумбы изгибались затѣйливо и радостно. Правѣе, нѣсколько ниже, темнѣла итальянская веранда, вся обвитая растеніями.

XIX.

Ей захотѣлось остаться тутъ, въ тѣни, подъ виноградными трельяжемъ, у восточнаго фонтанчика, вдѣланнаго въ стѣну. Она присѣла, закрыла глаза и забылась. На нѣсколько мгновеній все отлетѣло отъ нея: то, что она сама, ея мать, постылая жизнь тамъ, въ домикѣ, ненужная поѣздка въ Ялту...

Ноздри ея слегка раздувались. Она вдыхала воздухъ, насыщенный запахами цвѣтовъ и зелени. Родъ опьянѣнія почувствовала она, и тотчасъ же подумала: „а вѣдь это славно чѣмъ-нибудь опьянять себя... все пропадетъ!“ Тамъ, гдѣ онѣ жили, она ни разу не испытывала такого захвата всѣхъ чувствъ среди роскоши природы.

Еще двѣ-три минуты, и она бы заплакала.

— Комнаты осмотрѣть теперь нельзя-съ. Ушелъ татаринъ, который къ этому приставленъ, у него ключи... Часовъ въ пять, подъ-вечеръ,—говорилъ ей садовникъ.

Она быстро раскрыла глаза, встала, поблагодарила его и пошла вверхъ, опять по мраморной лѣстницѣ. Если бъ у ней и были свои деньги—она бы затруднилась дать ему на водку: онъ смотрѣлъ студентомъ-агрономомъ.

По плитамъ, выложеннымъ по рисунку, подошла она къ зеркальнымъ окнамъ и разглядывала внутреннее убранство столовой. Причудливо пестрѣлы двѣ огромныхъ японскихъ вазы по обѣ стороны камина. Онѣ приковывали ея взглядъ.

И разомъ горечь разлилась по ней; даже злость за-

хватила ее. Вѣдь есть же такіе счастливцы: обладаютъ чертогами—и даже не живутъ въ нихъ! Тутъ, въ оставленныхъ комнатахъ, больше добра, чѣмъ у ней съ матерью было съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ. Не можетъ она ничѣмъ любоваться: все отравлено! Будь у ней хоть одна свобода—она не стала бы такъ гадко завидовать. Развѣ не лучше: наняться въ прачки и приходить отдыхать вотъ сюда, любоваться всѣми этими чудными видами, вдыхать благоуханіе, смотрѣть на море, на небо, на цвѣты, на мраморные чертоги?..

— Quelle bourde!—выговорила она вслухъ, выбранила себя „дурой", круто повернулась на каблукѣ и пошла лѣниво къ калиткѣ.

Мать ея уже сердилась.

XX.

Лошади давно напились. Николай что-то жевалъ и перебиралъ ногами. Онъ уже сидѣлъ на сундукѣ.

— Toujours des rêvasseries!—проговорила мать и повернулась къ дочери спиной.

„И въ самомъ дѣлѣ,—подумала дѣвушка,—однѣ только rêvasseries... Къ чему? Что есть, то и нужно брать. Можетъ-быть, въ этой самой Ялтѣ..."

Она не докончила и назвала себя „идіоткой"; горькая гримаска легла на ея губахъ, ярко-красныхъ и выпуклыхъ.

Жаръ началъ донимать и лошадей. Дорога дѣлалась все красивѣе; но глазъ дѣвушки уже привыкъ къ цвѣту горъ, къ блѣднотѣ оливковыхъ деревьевъ, къ конусамъ кипарисовъ, къ золоту утренняго моря. Въ двухъ мѣстахъ Николай придерживалъ тройку, останавливался и тыкалъ рукой внизъ.

Бѣлый остовъ дворца въ Оріандѣ, выжженной пожаромъ, легко ширился на фонѣ зелени. Красота мѣста заставила и Ольгу Евграфовну сказать:

— C'est bien joli!

Но дочь ея смотрѣла уже затуманенными глазами и на утесъ съ маякомъ, и на гущи парка съ его подъемами и спусками. Еще равнодушнѣе поглядѣла она изъ коляски на разбросанныя по холмамъ приземистыя строенія Ливадіи. Она промолчала, когда мать замѣтила, не оборачиваясь къ ней:

— Je m'attendais à quelque chose de plus grandiose!..

— Ялта! Смотри, барышня!—крикнулъ Николай и хлеснулъ правую дышловую.

Марья Денисовна привстала. Городокъ охорашивался въ своей бухтѣ, игралъ на солнцѣ нѣжными тонами дерева и камня. Вода приняла густо-смарагдовый колеръ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ прибрежья, а мелкіе валы, набѣгающіе на камни, взбивали пѣну, какъ бахрому къ синей, волнующейся ткани. Въ высотѣ—худощавая церковь-башня... по спускамъ — балконы и колонки виллъ, внизу—цѣлая вереница веселыхъ домовъ, парусина купаленъ, крыши пристаней и кафè, а дальше—бѣлый съ чернымъ, округленный остовъ парохода.

На минуту доброе чувство вздрогнуло въ Марьѣ Денисовнѣ.

XXI.

И видъ города нашла она такимъ, что даже подумала:—„неужели это та самая Ялта?“

Но двѣ недѣли назадъ она ѣхала оттуда, а не туда, утомленная пароходомъ изъ Севастополя и качкой, закрывала глаза отъ пыли по городскому шоссе.

Теперь она невольно сравнивала этотъ русскій купальный городокъ съ тѣмъ мѣстечкомъ во Франціи, гдѣ онѣ провели два мѣсяца въ третьемъ году. Сестра Лилй была еще жива. Мать разсчитывала на успѣшность „кампаніи“ на морѣ, въ Дьеппѣ или Трувиллѣ. Цѣны испугали ихъ. Въ Трувиллѣ, если показываться, гдѣ нужно, и жить въ хорошемъ отелѣ — приходилось тратить до семидесяти франковъ въ день.

Поѣхали онѣ искать мѣстъ подешевле. Рекомендовали имъ новое, бойкое мѣсто съ хорошимъ купаньемъ—Кабуръ. Но тамъ тоже требуютъ по пятнадцати франковъ съ лица. Потащились онѣ въ третьемъ классѣ дальше. вдоль берега, останавливались въ каждой „дырѣ“ — un trou, какъ называла Ольга Евграфовна. Тянутся рыбацкія деревушки, съ громкимъ именемъ „морскихъ купаній“. Выбрали онѣ мѣстечко побойчѣе, Luc-sur-mer. Но что̀ это была за жизнь, съ половины августа, когда погода испортилась въ конецъ!..

Ютились онѣ въ двухъ маленькихъ мансардахъ дешевенькаго отеля. Грязно, тѣсно, шумъ, бѣготня по лѣстницѣ, перебранка прислуги въ кухнѣ, въ столовой, за обѣдомъ Богъ знаетъ какой народъ, безцеремонность

гарсоновъ; въ заведенiи купаленъ—не добьешся каморки раздѣваться; грубая старуха притащитъ вамъ шайку съ теплой водой; простыни сырыя; выйдешь къ морю—отъ костюма дрожишь, всѣ нахально смотрятъ на тебя; на днѣ—камни, варекъ, спотыкаешься, боишься прибоя; а нанять *baigneur'a* мать не хочетъ... Никакой природы: тянутся однѣ *фалѐзы.* И шагай по нимъ. Ни одного кустика. Ночи темныя; идутъ онѣ гуськомъ, попадаютъ въ лужи, дождь мороситъ. Глядѣть на море стало уже черезъ недѣлю тошно.

А тутъ передъ ней какая красота! Точно блески самоцвѣтныхъ камней, горы зеленѣютъ у самой воды; а вверху—дымчатыя скалы съ сахаристой игрой на гребняхъ. И стоило тогда тащиться за три тысячи верстъ, чтобы смотрѣть въ грошовомъ казино, какъ танцмейстеръ учитъ дѣвчонокъ, а маменьки ихъ сидятъ и вяжутъ...

XXII.

— Въ „Россiю"?—спросилъ Николай и разинулъ ротъ до ушей.

Мать поглядѣла на нее и сказала:

— Nous allons nous informer.

Николаю онѣ ничего не отвѣтили. Онъ понялъ, что надо везти въ „Россiю". Обѣ дамы отряхнули пыль платками, поправили шляпки и перемѣнили свои позы, прислонились больше къ спинкѣ сидѣнья.

Фаэтонъ катился уже по улицѣ. Вотъ аптека, кафè на водѣ... У самаго шоссе продаютъ виноградъ. Пыль взбивается клубами прямо въ лицо. Но весело! По тротуарамъ еще мало гуляющихъ. Попалось нѣсколько колясокъ. Поднялись по мелкому щебню на скверъ отеля. Совершенная тишина. Ни одного экипажа. На высокомъ крыльцѣ не видно прислуги.

Николай крикнулъ и слѣзъ. Вышелъ швейцаръ изъ нѣмцевъ, въ картузѣ съ галуномъ.

— Есть комнаты?—спросила дочь.

— Два номера всего осталось.

— Descendons!—довольно рѣшительно выговорила мать, и первая полѣзла изъ фаэтона.

Она нашла, что швейцаръ долженъ бы поусерднѣе поддержать ее подъ руку.

— Quel animal!—успѣла она выбраниться.

Въ сѣняхъ на нихъ пахнула прохлада. Швейцаръ подвелъ ихъ къ доскѣ и указалъ на номера.

— Princesse Tergassow,—обрадовалась мать,—въ десятомъ номерѣ.

И тише добавила по-французски:

— Все еще не выдала дочери... даромъ что красавица и съ талантами.

Но это не было сказано, чтобы утѣшить дочь, а злобно; глаза ея посвѣтлѣли.

Она приказала дочери подняться съ швейцаромъ и выбрать комнату, которая просторнѣе. Но прежде чѣмъ они пошли, она провела ручкой своего зонтика по доскѣ и вскричала:

— Des marchands! Des parvenus!.. Посмотри, какіе-то Пшеницыны, Сытниковы... Вотъ кто нынче—господа!

Дочь ничего на это не замѣтила и пошла вслѣдъ за швейцаромъ. Одна комната была въ три рубля, узенькая; другая въ три окна, но ходила пять рублей. Ольга Евграфовна пожала плечами и, ничего не говоря швейцару, стала опускаться съ крыльца.

Ихъ повезли въ ту гостиницу, гдѣ онѣ ночевали, когда пріѣхали изъ Севастополя.

XXIII.

Дорогой Марья Денисовна вспомнила, что швейцаръ, проходя мимо цѣлаго ряда номеровъ, сказалъ:

— Это все купчиха Боченкова занимаетъ, изъ Москвы—со свитой.

— Со свитой?—возмутилась и она.—Купчиха!

И еще онъ ей назвалъ какого-то молодого „богача“; фамилія его—Шеломовъ—осталась у ней также въ памяти.

Изъ „Россіи“ Николай поѣхалъ неохотно, почти шагомъ. Вся утренняя жизнь Ялты металась въ глаза. Обѣ оглянулись на фруктовыя лавки, подъ навѣсомъ, со столикомъ, на самой срединѣ площадки. На столикѣ графины и стаканы переливали граненымъ хрусталемъ. Груши, сливы, мирабели, виноградъ, абрикосы рѣзкими пятнами чередовались вдоль и поперекъ прилавка.

Ничего еще не попробовала Марья Денисовна съ тѣхъ поръ, какъ живетъ на южномъ берегу. Лавки дразнили ее богатствомъ выбора. Сидѣльцы съ тонкими профилями и смѣющимися подбородками выглядывали изъ-подъ навѣсовъ своими круглыми бархатными глазами. Татарскій

базаръ уходилъ въ глубь, подъ пролетныя ворота каменнаго дома. Николай предложилъ остановиться тутъ, въ гостиницѣ.

— Первый сортъ!—увѣрялъ онъ.

Но дамы не согласились. Дочь прикрикнула на него, и онъ уже безъ остановокъ провезъ ихъ еще нѣсколько домовъ и сталъ у подъѣзда отеля, гдѣ на самую улицу выползла широкая доска съ именами всѣхъ постояльцевъ, лакеевъ, поваровъ и судомоекъ. Это Ольгѣ Евграфовнѣ не понравилось; но одинъ изъ лакеевъ сказалъ ей спокойно:

— Полиція требуетъ и посейчасъ.

Ихъ провели изъ перваго этажа, по мостику, черезъ дворъ, въ заднее отдѣленіе и дали комнату на галлерейкѣ—темную, но просторную и не жаркую. Напротивъ, на галлерейкѣ же, онѣ могли сидѣть, пить чай и кушать, если желаютъ. Номеръ меньше двухъ съ полтиной не отдали.

Умывшись, дамы сошли въ садикъ, разведенный на дворѣ, съ накрытыми столами. Надъ столами спускались кисти рододендроновъ. Въ углу журчалъ фонтанчикъ. Бѣлье, приборы смотрѣли опрятно. Прислуга во фракахъ. Мать заказала яицъ всмятку и порцію кофею.

— Какъ васъ кликать?—спросила она красиваго лакея съ мелкими чертами.

— Ахметка,—отвѣтилъ онъ весело.

Онѣ разсмѣялись тому, какъ онъ самъ звалъ себя.

XXIV.

Долго ѣли и пили онѣ молча. Со вчерашней сцены у нихъ еще не было никакихъ отношеній. Мать какъ будто поняла, что отнынѣ она можетъ требовать отъ дочери только одного: — не дѣлай никакого esclandre! Выйти замужъ нужно — для обѣихъ. Въ гувернантки она не пойдетъ. Какъ ни прыгай—лучше же при матери искать жениха, чѣмъ одной, въ чужихъ людяхъ.

Марья Денисовна готова была обсудить что̀ онѣ будутъ дѣлать здѣсь.

Разговоръ пошелъ отрывочно по-французски и очень тихо, такъ что сидѣвшій неподалеку полный офицеръ въ уланской формѣ, какъ ни напрягался—ничего разслышать не могъ.

— Надо сдѣлать визитъ Тергасовымъ, — сказала мать.

— Визитъ?

— Или лучше пойти туда обѣдать... Все равно рубль.

Взглядъ дочери говорилъ:

„Она считается красавицей, зачѣмъ же я буду около нея—въ тѣни?“

Мать поняла.

— Княжна... все такая же, — она прикоснулась пальцемъ ко лбу, — даромъ что съ голосомъ. Я что-то слышала... здѣсь старый графъ... тотъ, что завѣдывалъ...

— Но онъ женатъ, у него дѣти большія...

— Нынче все возможно.

Эту фразу: „tout est possible“, мать произнесла больше съ укоромъ, чѣмъ возмутившись: — „все-де возможно, но не для насъ, мы и самаго обыкновеннаго не добьемся“.

Она поглядѣла на дочь. Ее всю перекосило.

„Развѣ можно понравиться съ такимъ дерзкимъ и хмурымъ видомъ? Никакой distinction. Сидитъ точно бонна, которая собирается сказать грубость“.

Всего сильнѣе придиралась Ольга Евграфовна къ носу и рту дочери, находила ихъ до-нельзя вульгарными и даже... неприличными.

„Sensuelle! — повторяла она про себя, — sensuelle!.. Quelque chose de bestial!“

Дочь это знала.

XXV.

До обѣда время прошло томительно. Сходили купаться. Мать сидѣла на берегу, на скамейкѣ; дочь славно выкупалась. Не было, по крайней мѣрѣ, замѣчаній насчетъ костюма, неприличія—мужчинъ вблизи. Марья Денисовна сидѣла въ водѣ до тѣхъ поръ, пока дрожь не начала ее пронизывать.

Надо было согрѣться. Мать разомлѣла отъ жара. Дочь, не прося у ней позволенія, сказала:

— Я пойду въ горы, мнѣ свѣжо отъ воды.

И пошла. Мѣстности она совсѣмъ не знала, взяла по переулку и стала подниматься по крутой, каменистой тропкѣ, дошла до татарской деревни и оттуда спустилась въ лощину. Посрединѣ ея течетъ рѣчка. Воздухъ разливаетъ вокругъ влажную мглу. Ей захотѣлось заснуть. Не все ли равно гдѣ? Подъ первымъ деревомъ. Мать не закричитъ:

— Voilà du propre!

Она выбрала мѣстечко, гдѣ трава не была притоптана,

прислонилась спиной къ пню дубка и скоро заснула. Спала она больше часа, и когда раскрыла глаза, солнце уже заглянуло подъ вѣтви дубка. Сладко потянулась дѣвушка и еще нѣсколько минутъ сидѣла подъ деревомъ, прищуривъ глаза.

Но надо было идти. Мать, навѣрно, сердится. Полчаса уйдетъ на туалетъ къ обѣду, а тамъ потащатся въ дорогой отель, показывать себя „хорошей" публикѣ... Та княжна Тергасова, что̀ живетъ въ „Россіи", тоже давно сидитъ въ невѣстахъ; Ольга Евграфовна говоритъ просто: въ „дѣвкахъ", когда употребляетъ русскій языкъ. Мать княжны—недалекая, пухлая барыня—не иначе хочетъ ее выдать, какъ за какого-нибудь принца.

„Жаль, черногорскій князь давно женатъ",—подумала Марья Денисовна и усмѣхнулась.

И ей представилась княжна: ея широкія плечи, талія—въ рюмочку, ростъ, восточный носъ, усики длинные, задумчивые, но ничего не выражающіе глаза; вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ она выѣзжаетъ и поетъ въ салонахъ, успѣла утомить свой контральто; но зато сколько зимъ ею восхищались и пророчили ей блистательную партію. Она и сама стала смотрѣть на себя, какъ на будущую „морганатическую супругу" владѣтельной особы.

А вотъ нейдетъ же съ рукъ у матери: что-то не слыхать было объ очень выгодныхъ сватовствахъ. Но та—съ хорошими средствами. Ей и не нужно никакой другой жизни. Замужемъ она останется такой же; только принимать будетъ въ своей гостиной одна, а не при матери. Тѣ же пойдутъ балы, концерты, тѣ же ухаживатели, тѣ же восхищенія ея красотой и голосомъ; только брильянтовъ и кружевъ будетъ больше носить.

XXVI.

Дума о красивой княжнѣ раздражила ее меньше, чѣмъ бы она сама ожидала. Вѣдь ей до всего этого никакого нѣтъ дѣла. Сама-то она не можетъ дольше такъ жить! Послѣдній срокъ — возвращеніе изъ Крыма. Что тогда выйдетъ—она еще не знаетъ; но такой предѣлъ она положила.

Назадъ Марья Денисовна шла скорѣе и вся разгорѣлась. Смуглость ея лица слилась съ густымъ румянцемъ. Мать навѣрно бы сказала ей что-нибудь ѣдкое насчетъ ея лица, отсутствія въ немъ изящества и благородства.

Немного она поплутала, зашла въ какой-то тупой переулокъ и должна была вернуться на прежнюю дорогу. Въ городѣ она наобумъ взяла влѣво и вышла къ базару, по ту сторону пролетныхъ воротъ, мимо которыхъ везъ ихъ сегодня Николай по шоссе.

Запахъ жареной рыбы и чадъ еще отъ чего-то заставили ее отворачивать лицо. Ей безпрестанно попадались оборванныя дѣти, татары въ ситцевыхъ курткахъ съ лотками, русскія торговки. Будь она совсѣмъ одна, ее бы это заняло на нѣкоторомъ отдаленіи.

Въ воротахъ она немного остановилась. Передъ ней мелькали гуляющіе и экипажи. По берегу движеніе усилилось.

Въ фаэтонѣ съ яркимъ трипомъ проѣхалъ офицеръ въ гусарской формѣ. Онъ развалился и смотрѣлъ въ ея сторону.

Она отшатнулась, а потомъ сейчасъ сдѣлала быстро три шага и даже выглянула изъ-подъ воротъ — влѣво, куда проѣхалъ фаэтонъ.

„Неужели онъ?“—спросила она. Она начала холодѣть; а черезъ десять секундъ щеки ея запылали.

„Онъ?.. Скопинъ?.. Не можетъ быть!.. Почему?..“

На этомъ вопросѣ она споткнулась, и тихо-тихо пошла по тротуару. До отеля оставалось нѣсколько минутъ ходьбы, а она двигалась чуть не четверть часа.

Почему же этотъ гусаръ не можетъ быть Скопинымъ? Его курчавые, рыжеватые волосы, и такъ же надѣваетъ назадъ фуражку, и ноги его, и спина, эта широкая спина, такая жирная и глупая.

Онъ!

Тогда надо бѣжать, притвориться, напустить на себя болѣзнь, заставить мать вернуться сегодня же. Она не хочетъ съ нимъ встрѣчаться, даже если бъ онъ и велъ себя скромно. Но мать его узнаетъ, она способна заговорить съ нимъ, когда онъ попадется имъ на берегу, или въ саду, или въ столовой отеля.

Въ вискахъ у ней застучало. Она испугалась прилива крови и даже взялась рукой за лобъ.

Онъ? Не онъ? То ей ясно было, что непремѣнно—онъ, то она говорила себѣ, что ей только показалось. Мало ли гусаровъ!..

XXVII.

Въ отелѣ Марья Денисовна остановилась на галлерейкѣ и спросила себя въ послѣдній разъ:

„Какъ же быть?“

Ея внезапная тревога слишкомъ непріятно потрясла ее. Она сама была рада освободиться отъ нея, и подумала:

„Я могла ошибиться!“

Къ номеру подходила она своей обыкновенной походкой; только лицо горѣло пятнами.

Мать—одѣтая къ обѣду—сидѣла противъ двери, на диванчикѣ, и сейчасъ же это замѣтила.

— Qu'est-ce? — спросила она и указала пальцемъ на щеки.

— La chaleur,—отвѣтила дочь и начала поспѣшно мѣнять туалетъ.

Никакихъ объясненій между ними не произошло.

Молча спускались онѣ съ площадки второго этажа. Ольга Евграфовна искоса оглядывала туалетъ дочери. Все-то на ней торчитъ отъ ея жесткой фигуры—что ни надѣньте на нее. Никакой нѣтъ граціи, ничего даже дворянскаго. Только и есть, что красныя губы да волосы черные. Выдашь ее!..

О гусарѣ Марья Денисовна сдѣлала надъ собой усиліе не думать. И перестала. Это ее порадовало. Значитъ — она можетъ пересилить свое волненіе, когда захочетъ. Вѣдь если бояться встрѣчи съ нимъ всегда и вездѣ—нельзя никуда показываться. Да и что ей за дѣло въ сущности? Все равно, она не можетъ выносить своей теперешней жизни.

Когда онѣ подходили къ отелю „Россія“, она разсѣянно смотрѣла на попадавшіеся экипажи и всадниковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворъ, она подольше остановилась взглянуть на татарина въ расшитой золотомъ курткѣ съ пожилымъ, красивымъ лицомъ. Она сейчасъ подумала, что онъ, должно-быть, ѣздитъ съ барынями въ горы и теперь дожидается заказовъ у отеля. Лѣтъ двадцать назадъ имъ навѣрно увлекались. Онъ разговаривалъ съ двумя такими же расшитыми татарами, молодыми и не такъ красивыми. Одинъ изъ нихъ подмигнулъ Усманскимъ и спросилъ:

— Лошадокъ прикажете?

Ольга Евграфовна возмутилась этимъ подмигиваньемъ и крикнула ему:

— Пропусти!

Всѣ трое усмѣхнулись. Дочь поняла эту усмѣшку: „Знаемъ, молъ, васъ... Копейки за душой нѣтъ, а туда же покрикиваешь, старая“.

Ей самой стало смѣшно. Самый молодой изъ троихъ татаръ сказалъ ей вслѣдъ ласково:

— Барышню бы покаталъ!

И всѣ трое тихо засмѣялись и заговорили по-своему.

XXVIII.

Въ отелѣ обѣденное время началось съ четвертаго часа, а было уже половина пятаго. То и дѣло сновали лакеи изъ столовой въ читальню, гдѣ съ утра, на трехъ столахъ, играли въ карты; никакихъ газетъ или журналовъ не было видно. Бильярдную давно уже отдали подъ номеръ — признакъ бойкаго сезона, когда поплыветъ Москва, купеческія дамы въ ожиданіи мужей — отъ Макарія.

Всѣ почти столы въ залѣ уже заняты. На террасѣ тоже обѣдаютъ. Справа, въ продолговатомъ отдѣльномъ кабинетѣ, веселое общество. Тамъ громко говорятъ, раздаются возгласы, хохотъ. Два лакея суетливо служатъ. Посрединѣ, между двумя мужчинами, совсѣмъ круглая, краснощекая блондинка, вся пестрая, съ открытой шеей, необычайной бѣлизны—милліонщица Боченкова. Налѣво отъ нея молодой человѣкъ, почти мальчикъ, брюнетъ, женоподобный, очень красивый, съ нахальными глазами. Направо офицеръ въ кавказской формѣ. Трое бородатыхъ статскихъ, въ родѣ купцовъ или помѣщиковъ, и напротивъ купчихи—пожилая дама, съ виду приживалка изъ нѣмокъ.

У нихъ на столѣ двѣ вазы съ бутылками шампанскаго. Мужчины всѣ курятъ; стали курить тотчасъ послѣ второго блюда. Трудно разобрать, о чемъ идетъ разговоръ. Всѣ шумятъ разомъ.

Обѣдающіе въ залѣ оглядываются на отдѣльный кабинетъ. Въ залѣ чинно. Столы подлиннѣе заняты цѣлыми семействами. За столиками сидятъ больше пары—мужья съ женами или матери съ дочерьми. Въ столовой прохладно и стоитъ пріятный сѣроватый свѣтъ. За прилавкомъ буфета дама съ иностраннымъ про[illegible]лемъ тихо

перекидывается словами съ мужчинами, подходящими къ закускѣ.

Обѣдали, наполовину, мужчины и дамы „изъ общества“. Такъ рѣшила и Ольга Евграфовна, когда вошла и оглядѣлась во всѣ стороны. Это можно было замѣтить по сдержанности звуковъ. Чувствовались чопорность и взаимное недовѣріе. Сосѣди не заговаривали между собою, боясь скомпрометироваться.

Преобладали женщины. Слышались фразы по-французски и по-англійски дѣтямъ, что-нибудь насчетъ того, какъ ѣсть и чего не дѣлать. Въ углу молодой генералъ, весь въ бѣломъ, за что-то распекалъ лакея; но дѣлалъ это мягкимъ баскомъ и такъ, что вся столовая должна была признать его право требовать и взыскивать. Духами пахло вперемежку съ запахомъ жареной рыбы-султанки и разварной кефали. Пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній, совсѣмъ не охотники до рыбы у себя дома, непремѣнно спрашивали ту или другую.

XXIX.

Усманскіе заказали два рублевыхъ обѣда и полбутылки сельтерской воды. Онѣ не пили вина и въ Крыму, даже тамъ, у себя, гдѣ бутылка хорошаго „Рислинга“ стоила всего сорокъ копеекъ.

Ольга Евграфовна видимо поджидала появленія въ столовой княгини Тергасовой съ дочерью. Она спросила, послѣ супа, у лакея — ходятъ ли обѣдать Тергасовы въ столовую.

— Каждый день, — отвѣтилъ лакей и указалъ рукой на незанятый столъ, — на четыре прибора имъ приготовлено.

Тергасовымъ надо было проходить мимо Усманскихъ. Но дочери совсѣмъ не хотѣлось подниматься и присѣдать передъ глупой княгиней, совершенно ей не нужной, такъ же, какъ и дочь ея. Она молчала и сосредоточенно ѣла рыбу. Но въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ блюдомъ глаза ея прошлись по столовой. Ни въ одной дамѣ, ни въ одной молоденькой дѣвочкѣ Марья Денисовна не увидала своей собственной доли. Хоть и были это все семейства съ матерьми, но все-таки больше свободы и непринужденности. Вонъ не старая еще мать, очень нарядная, кокетничаетъ съ военнымъ. Дочь она желала бы держать дѣвочкой, а у той уже роскошный бюстъ. Но онѣ

ладятъ. За ихъ столомъ—мило. Военный тихо смѣшитъ и мать, и дочь. Четвертое мѣсто занято мальчикомъ, въ матросскомъ костюмѣ съ загорѣлой шеей; длинные волосы подстрижены у него по модѣ, на лбу. Мальчикъ пьетъ вино, и тоже участвуетъ въ разговорѣ.

Изъ отдѣльнаго кабинета лакей отворилъ дверь, и оттуда вырвался гамъ. Ольга Евграфовна даже вздрогнула.

— Кто это?—спросила она у лакея.

— Боченкова... госпожа... изъ Москвы, милліонщица...

Гримаса Ольги Евграфовны остановила объясненія лакея.

— Quelle horreur!—прошептала она, но еще разъ туда поглядѣла.

Поглядѣла за ней и дочь.

Ей видны были, съ ея мѣста, затылокъ и крутая золотистая коса Боченковой, и ея плечи, и профиль молодого красавчика.

„Что это за противный фатъ!—подумала она.—Изъ какихъ?.. Купецъ?“

И не могла удержаться почти отъ такой же гримасы, какъ и мать ея.

XXX.

Но то шумное, непорядочное общество пировало себѣ и знать не хотѣло претензій барынь въ родѣ ея матери, да и ея самой. Вотъ эти живутъ, а не глохнутъ, какъ она, въ унизительной долѣ. У нихъ свои деньги, полная воля... Навѣрно, эта Боченкова—вдова, или разъѣхалась съ мужемъ—это нынче сплошь и рядомъ. А „gommeux“—этотъ румяный мальчикъ, вѣроятно...

Марья Денисовна не произнесла про себя слова: „son amant“; но безъ словъ подумала.

Изъ отдѣльнаго кабинета дошла до нея струя прянаго воздуха: смѣсь духовъ, ѣды, сигарнаго дыма, вина, запаха апельсиновъ, что-то трактирное и распущенное; но молодое, тревожное и до-нельзя обидное.

Ни приволья и шума, ни даже простого довольства на своей волѣ у ней не будетъ. Передъ ней гримаса матери. Искусственные зубы Ольги Евграфовны жуютъ цыпленка, а носъ брезгливо наморщенъ.

Дверь съ площадки широко отворилась и вошли три дамы.

— C'est la princesse?—прошептала Ольга Евграфовна, бросила косточку цыпленка, торопливо утерла ротъ и собралась подняться.

— Pas elles!—сказала увѣренно дочь.

— Какъ? Что?..

Но вошедшія, дѣйствительно, были не Тергасовы, а двѣ высокія дѣвицы съ пожилой дамой, совсѣмъ на нихъ не похожей.

Онѣ сѣли рядомъ съ ихъ столикомъ вправо. И мать, и дочь могли ихъ осматривать, не поворачивая сильно головы,—очень удобно.

На лицѣ старшей игралъ румянецъ, глаза улыбались посреди мягкаго овала. Меньшая, безъ кровинки, подъ тѣнью пепельныхъ волосъ, взбитыхъ на лбу, съ прозрачнымъ носикомъ, такая тонкая, что вся ея фигура изгибалась... Дама, навѣрно, состоящая при нихъ,—dame de compagnie. Она заговорила съ ними по-англійски.

Жадно вбирала въ себя Марья Денисовна эти два дѣвичьихъ образа. Не красотѣ ихъ она завидовала, а тому, что онѣ здѣсь, въ Ялтѣ, однѣ, съ компаньонкой, богаты—это видно—не по внѣшности только; никто надъ ними не стоитъ съ молоткомъ...

— Des robes du Louvre,—замѣтила Ольга Евграфовна и прибавила:—de la finance!..

То-есть, денежнаго-де банкирскаго общества, а не стараго дворянскаго.

XXXI.

Обѣдъ подошелъ къ концу, а княгини съ дочерью все не было.

Ольга Евграфовна подозвала лакея.

— Тергасовы не будутъ сегодня обѣдать?

— Должно полагать—не будутъ.

Послать узнать — значитъ все равно, что сдѣлать визитъ, а ей не хотѣлось бы дѣлать визитъ первой.

Дочь посмотрѣла на нее послѣ сладкаго блюда. „Чего же мы дожидаемся?"—говорили ея глаза.

— Nous demanderons au suisse,—рѣшила Ольга Евграфовна и начала надѣвать перчатки.

Это надѣваніе брало обыкновенно минутъ десять. Руки у ней давно потеряли всякую гибкость, да и боялась она надорвать перчатку. Дочь всегда дожидалась.

Она была рада тому, что обѣдъ въ „Россіи" не удался. Ужъ, конечно, это послѣдняя нелѣпая поѣздка! А тамъ, до отъѣзда, она на что-нибудь да рѣшится. О сегодняшней встрѣчѣ она забыла. У ней совсѣмъ прошла тре-

вога при появленіи новыхъ мужскихъ фигуръ въ столовой.

Наконецъ, мать поднялась. Послѣдній взглядъ бросила Марья Денисовна на двухъ сестеръ—и еще сильнѣе пронизала ее мысль: „никогда, никогда не удастся тебѣ пожить такъ, какъ онѣ проживутъ весь свой вѣкъ“.

Швейцаръ доложилъ Ольгѣ Евграфовнѣ, что княгиня съ княжной уѣхали съ утра къ знакомымъ въ имѣнье, между Ливадіей и Оріандой, и домой надо ихъ ждать вечеромъ, поздно.

Что же было дѣлать, куда идти? Знакомыхъ никого. Дочь предложила отыскать Николая и прокатиться. Имъ говорили, что около Ялты есть водопадъ, въ лѣсу, въ красивой мѣстности. На это мать не согласилась: извозчикъ потребуетъ прибавки, а и безъ того — все втридорога. Такъ онѣ и остались въ городѣ. Пошли-было въ садъ около своего отеля; но тамъ солнце все выжгло: ни тѣни, ни зелени. Оставалось гулянье по берегу. Пыль ѣла имъ глаза—безпрестанно проѣзжали фаэтоны, кавалькады скакали по пути къ Ливадіи. Всѣ бѣгутъ отъ пыли и духоты; а онѣ, точно нарочно, пріѣхали жариться и задыхаться.

XXXII.

Не пошли онѣ и въ клубъ. Некому было ихъ ввести, да Ольга Евграфовна и не допускала „никакихъ клубовъ“. Богъ знаетъ, какое тамъ собирается общество. И Марья Денисовна не настаивала. Она согласна бы была ѣхать назадъ, хоть въ тотъ же вечеръ. Пили онѣ чай на балконѣ отеля „Россія“, сначала молча, а потомъ мать стала бранить Ялту.

— Abomination!—отрывисто выговаривала она.—Пыль, вонь! И купанье—гадость... арбузныя корки плаваютъ... Personne de connaissances!..

Дочь не возражала. Ее можно бы, со стороны, принять за demoiselle de compagnie, привыкшую ко всему, что будетъ говорить барыня.

И спать имъ не хотѣлось. Въ комнатахъ къ ночи сопрется душный воздухъ. Кромѣ сидѣнья у самаго моря, ничего не придумаешь. Море издавало однообразный шумъ. Оно и днемъ порядочно пріѣлось. Ольга Евграфовна подъ прибой задремала на скамейкѣ. Марья Дени-

совна замѣтила это, встала, пошла къ самому краю, сѣла на камень, зажмурила глаза и такъ сидѣла недвижно.

Никакихъ у ней не было желаній. Какъ будто и вся ея горечь стихла. Полное равнодушіе окутывало ее. Своя жизнь казалась ей такой ничтожной, что не стоило и бороться. Ничего лучшаго не будетъ. А то, что уже было, говорило противъ нея. Кого можетъ она осчастливить? Кому она нужна? У ней недостало характера и на то, что сдѣлала слабая Лили. Долгій рядъ годовъ дѣвичьяго рабства высушилъ ее, исковеркалъ. Ни одного чистаго чувства она въ себѣ не находила. Все было перерыто и загрязнено. Богатыхъ дураковъ, которые бы бросились на женитьбу зря,—нѣтъ, что-то, нигдѣ, да и неужели продать себя, все равно, что стаканъ воды выпить? А человѣкъ съ душой—отшатнется отъ нея, не оттого только, что у ней въ прошедшемъ есть „пятно"; но онъ пожелаетъ найти въ ней душу, наивность.

Ни того, ни другого въ ней нѣтъ — выѣло. Красоты тоже нѣтъ, граціи—еще менѣе. Кокетничать—и того не умѣетъ. Она не глупа; да и умъ-то ея—жёсткій; а когда она захочетъ быть любезна, у ней выходитъ это нескладно. Ни къ какому обществу она не подходитъ. То, что ея мать называетъ „la vraie société"—скучно, она его насквозь видитъ. Въ другое общество ее не пускаютъ, да и сама она—чуть познакомится съ лицами попроще, чувствуетъ себя не по себѣ, не знаетъ какъ съ ними говорить.

Больше часа просидѣла она такъ на камнѣ!

XXXIII.

Спать имъ было все-таки душно. Изъ кухни шелъ запахъ съѣстного до поздняго часа. Онѣ молчали, ворочались въ постеляхъ и глядѣли обѣ на свѣтлыя пятна оконъ, выплывавшія изъ темноты. Мать жалѣла денегъ и приписывала неудачу поѣздки дочери; за ней вѣдь всюду шла „la malchance", что̀ бы ни предпринять, куда бы ни поѣхать. Послѣ смерти Лили—Ольга Евграфовна приписала самоубійство младшей дочери припадку безумія — пошло еще хуже. Даже никто и не знакомится изъ молодыхъ людей.

Завтра будетъ двадцатью-пятью рублями меньше; хорошо если хватитъ доѣхать до Москвы. Придется, пожалуй, опять на пароходѣ; настанутъ бурные дни, промучаешься, хоть проѣздъ и не долгій.

А потомъ?

Дочь—думала Ольга Евграфовна—похожа на безумную. Но надо переждать и тогда, улучивъ минуту, произвести на нее давленіе. Только бы наложить руку на приличнаго жениха. Должно-быть, надо спустить уровень требованій. Если бъ представился какой-нибудь коммерсантъ, съ образованіемъ? Нынче есть такіе, что на видъ не отличишь отъ иностранца, attaché посольства. По-англійски многіе говорятъ. Ихъ вездѣ принимаютъ. Но вѣдь такой коммерсантъ или банкиръ идетъ на удочку красоты. Ума имъ не нужно; да Ольга Евграфовна и не считала свою старшую дочь умной. Дерзкой, упорной—да. И не только дерзкой; но и хитрой, испорченной. Богъ знаетъ, что̀ таится въ ней! Будь у ней настоящій умъ, она сумѣла бы и при своей все-таки видной наружности интересовать мужчинъ, если не молодыхъ, блестящихъ, то людей среднихъ лѣтъ—прокуроровъ, инженеровъ съ хорошими мѣстами, полковниковъ генеральнаго штаба, которые любятъ серьезные разговоры съ дѣвицами. Къ нимъ надо немного поддѣлаться. На свѣтскій разговоръ, по-французски, эти господа не очень бойки... Что жъ дѣлать! Хоть по-русски, да чтобъ былъ толкъ.

А дочь, въ это время, старалась забыть, гдѣ она, съ кѣмъ спитъ въ одной комнатѣ, то, что нужно ей завтра опять одѣваться, идти куда-то, поджидать знакомствъ, ѣхать домой, чтобы тамъ продолжать ту же невозможную жизнь. Ужъ и то было счастіемъ, что мать боится снова выводить ее изъ себя. Это молчаніе было бы тяжело для каждой дочери, но ее оно радовало.

XXXIV.

За утреннимъ кофеемъ Ольга Евграфовна начала вслухъ разсуждать, какъ будто просила совѣта у дочери. Рѣчь шла опять о томъ: дѣлать ли первымъ визитъ княгинѣ Тергасовой.

Дочь ничего не говорила.

— Dites donc votre avis!

— Cela m'est indifférent.

Мать шопотомъ стала ставить на видъ бездушіе и злость дочери. Для кого же это все дѣлается? Кругомъ сидѣли посторонніе и завтракали. Ольга Евграфовна сдержала себя и, прекративъ безполезный разговоръ съ дочерью, приказала позвать посыльнаго. Она ему объяснила, съ

большой обстоятельностью, у кого спросить о Тергасовыхъ, и какъ передать княгинѣ, что Ольга Евграфовна Усманская приказала кланяться и узнать, въ которомъ часу можетъ она съ Марьей Денисовной застать у себя княгиню съ княжной.

Когда посыльный ушелъ, Ольга Евграфовна успокоила себя вслухъ тѣмъ соображеніемъ, что онѣ — пріѣзжія, и имъ слѣдуетъ первымъ сдѣлать визитъ, тѣмъ болѣе, что княгиня особа „третьяго класса“, а по теперешнему увлеченію стараго графа княжной, кто знаетъ, куда онѣ съ дочерью могутъ еще проникнуть?..

И на это дочь ничего не замѣтила, а допивала только свой кофе.

Вернулся посыльный: княгиня приказали благодарить; будутъ дома весь день до обѣда и очень рады видѣть Ольгу Евграфовну съ барышней.

Но кидаться къ Тергасовымъ нельзя было сейчасъ же; слѣдовало переждать по крайней мѣрѣ часа два. Туалетъ дочери Ольга Евграфовна находила: „sans rime, ni raison“.

Мѣнять туалета дочь не захотѣла. Жаръ стоялъ еще удушливѣе вчерашняго, а тутъ надо еще переодѣваться... Другое платье требовало такого же цвѣта перчатокъ. Боязнь расхода успокоила Ольгу Евграфовну. Но она настояла, чтобы вокругъ шеи намотана была блонда: это хоть и жарко, но очень модно. Англичанки носятъ такъ, и надо эту моду вводить.

Избѣгая сцены, Марья Денисовна обвязала шею блондой очень высоко, точно у ней болитъ горло и она прикрыла пластырь.

XXXV.

Тергасовы приняли Усманскихъ въ богатомъ номерѣ-салонѣ, съ вѣнской мебелью. На столѣ и двухъ подзеркальникахъ стояли букеты и корзины изъ цвѣтовъ. Воздухъ, полный цвѣточнаго запаха и англійскихъ духовъ, наполнялъ просторную комнату. Княгиня, съ трудомъ двигаясь отъ полноты, въ бирюзовомъ капотѣ съ кружевами, встала и пошла къ нимъ навстрѣчу. За нею неслышно и съ неподвижной головой плыла и княжна, высокая, съ низкой-низкой таліей, перетянутой золотымъ кушакомъ, въ свѣтлой тафтѣ, съ прозрачными рукавами, уже пожелтѣлая отъ утомленія десяти зимъ, но все съ

тѣми же глазами, въ формѣ миндалей, усиками, бѣлымъ, кавказскимъ носомъ.

Дѣвицы пожали другъ другу руку по-англійски, очень крѣпко, сѣли на другой половинѣ гостиной и заговорили по-французски, не перебивая себя, по разъ установленной программѣ, обѣ низкими голосами, безъ малѣйшаго оживленія: у княжны рѣчь текла еще лѣнивѣе, чѣмъ у Марьи Денисовны.

— Ина,— обратилась къ ней мать по-русски, — вотъ я прошу madame Усманскую съ нами сегодня на водопадъ, въ нашей коляскѣ.

— Parfaitement, maman,—отвѣтила княжна и взялась длинными пальцами за талію.

Ольга Евграфовна сочла нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженій насчетъ того, какъ бы имъ не опоздать домой.

— Вы еще успѣете вернуться сегодня. Даже пріятнѣе... по холодку.

Княгиня была родомъ чистая русская, тамбовская помѣщица, дочь прочила за принца, но охотно говорила по-русски.

Протекло минутъ съ двадцать въ визитныхъ разговорахъ. Вошелъ, безъ доклада, гусарскій офицеръ, въ голубомъ съ серебромъ, полный; лицо у него было красное и простоватое. Онъ носилъ рыжеватые, длинные усы и короткіе курчавые волосы. Въ лицѣ его сквозило что-то мальчишеское по выраженію толстыхъ губъ и вздернутаго носа. Онъ вошелъ, щелкнулъ шпорами, поклонился по-нынѣшнему, одной головой, низко спустивъ ее на грудь, и засмѣялся.

— Проигралъ, княгиня, пари!—громко сказалъ онъ.— Завтра идетъ „Дикарка“, а не „Майорша“.

И съ этими словами онъ подошелъ къ ручкѣ княгини.

— Monsieur Скопинъ,—представила его хозяйка.

— Mais... si je ne me trompe...—отвѣтила Ольга Евграфовна,—je connais un peu monsieur.

XXXVI.

Отъ лица Марьи Денисовны отхлынула вся кровь. Какъ только раздался голосъ гусара, она закрыла глаза и не открывала ихъ, пока не заслышала того, что произнесла мать. Княжна не замѣтила ничего. Она перевела свой затуманенный взглядъ къ гусару.

Но вотъ гость около дѣвицъ.

— Marie,—слышитъ она голосъ матери,—c'est monsieur Скопинъ.

Она быстро поглядѣла на него. Лицо гусара было все такъ же красно. Онъ сначала подалъ руку княжнѣ; теперь онъ переминался съ одной ноги на другую и продолжалъ смѣяться.

— Проигралъ, проигралъ пари!—повторилъ онъ, и въ ея сторону сказалъ: — Bonjour, mademoiselle... сколько лѣтъ!

Въ звукѣ этихъ „сколько лѣтъ" было для нея столько нестерпимо противнаго, что она сразу покраснѣла.

Глаза ея говорили ему: „не угодно ли вамъ сейчасъ же забыть о моемъ существованіи".

Но она сознавала, что этого сдѣлать нельзя. Вѣдь ея мать громко объявила, что это ихъ знакомый. Гусаръ присѣлъ къ княжнѣ и продолжалъ разговоръ. Онъ побылъ всего десять минутъ, подошелъ къ матерямъ, освѣдомился у Ольги Евграфовны, надолго ли она въ Ялтѣ и гдѣ живетъ. Кажется, она приглашала его къ нимъ. Княгиня спросила его:

— Вы не забыли? Ровно въ шесть часовъ мы выѣзжаемъ. Вы съ Иной верхами... А ваша дочь не ѣздитъ?..

— Я отвыкла,—отвѣтила за себя Марья Денисовна.

Гусаръ щелкнулъ шпорами. Совсѣмъ въ туманѣ она подала ему руку. Княгиня на прощаньѣ сказала имъ:

— Да отчего бы намъ не пообѣдать вмѣстѣ?..

— Мы дали слово... знакомымъ, — быстро сказала Марья Денисовна и такъ поглядѣла на мать, что та поддержала.

„Дороже будетъ стоить, — подумала она,—хоть разъ въ жизни нашлась".

Домой Марья Денисовна шла все въ томъ же туманѣ и повторяла: „я не буду, я не буду тамъ".

Сказаться больной? Ей стало гадко играть комедію. Она рѣшила, передъ обѣдомъ, уйти одной купаться, а матери предложить отдохнуть...

Выкупавшись, она вернулась въ отель и внизу, въ ресторанѣ, написала нѣсколько строкъ матери:

„Ne m'attendez pas. On m'a proposé une autre partie. J'ai accepté. Vous me trouverez ce soir à la maison".

До седьмого часу она просидѣла наверху, въ садикѣ какой-то незанятой виллы. Она видѣла, какъ Тергасовы

проѣхали въ коляскѣ къ ихъ отелю. Скорыми шагами спустилась она къ шоссе и пошла по дорогѣ въ Ливадію.

XXXVII.

Она шла и шла. Ноги передвигались у ней сами собой. Ливадія уже была позади. Солнце сѣло за горами. Въ горлѣ у ней пересохло: вотъ это одно и утомляло ее.

Никто не попадался. На душѣ не было жутко; она хотѣла только идти. Дорогой она обдумаетъ. Да и чего тутъ обдумывать?!. Не избѣжать полнаго разрыва съ матерью. А та не дастъ денегъ на возвращеніе ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Тѣмъ лучше!

Что бы ни произошло, она не могла оставаться въ Ялтѣ. И мать ея никогда ничего не узнаетъ!

Усталость начала замедлять шагъ. Присѣсть негдѣ. Шоссе своими изгибами обманывало и раздражало. Чу! сзади поднимается экипажъ... Тутъ она въ первый разъ только спросила себя: „да неужели я пѣшкомъ до самаго дома?“ А какъ же она доѣдетъ? Гдѣ возьметъ лошадей? И денегъ у ней нѣтъ, да и ничего она не знаетъ... Все явственнѣе шумъ колесъ; слышно, какъ они раздавливаютъ мелкій щебень шоссе. Въ ухѣ такъ непріятно отъ этого звука.

Поглядѣла она назадъ. Ничего не видно. Подъемъ тутъ круче, чѣмъ пойдетъ дальше. Но вотъ головы лошадей, извозчикъ въ бѣломъ холстинномъ картузѣ и свѣтломъ армякѣ: она можетъ это разглядѣть. Тройка темно-гнѣдыхъ. Изъ-за лѣваго плеча кучера видна дамская шляпка.

Неужели это мать? Нѣтъ, Николай совсѣмъ по другому одѣтъ и ростомъ меньше. Дама не одна въ коляскѣ.

Шоссе сузилось. Надо держаться къ одной сторонкѣ. Къ горѣ—неудобно, лежатъ кучи щебня. Къ обрыву еще хуже, пристяжная можетъ задѣть, того и гляди оступится нога и упадешь внизъ. Марья Денисовна перешла съ одной стороны на другую и стала на краю. Коляска уже поднялась на изволокъ и поѣхала рысью.

Ей показалось, что ее непремѣнно сбросятъ внизъ. Она замахала платкомъ. Въ коляскѣ поднялась мужская фигура и что-то крикнула извозчику. Въ трехъ шагахъ отъ дѣвушки лошади стали. Стыдно ей сдѣлалось; она хотѣла крикнуть имъ:—„поѣзжайте, поѣзжайте!“ Но не крикнула.

Изъ экипажа выскочилъ небольшого роста молодой че-

ловѣкъ въ сѣрой пуховой шляпѣ и люстриновомъ плащѣ. Онъ подбѣжалъ къ ней.

XXXVIII.

— Вамъ что-нибудь угодно?—торопливо спросилъ онъ.

Марья Денисовна смутилась и поглядѣла на него быстро и тревожно. Она замѣтила его маленькій носъ съ pince-nez, черную бородку и худыя загорѣлыя щеки.

— Ничего... извините...

— Вы испугались лошадей?

— Да...

Онъ говорилъ мягко и глядѣлъ на нее добрыми глазами.

— Можетъ, вамъ не хорошо?

Тонъ этого вопроса заставилъ ее подумать, что онъ докторъ.

— Я утомилась немного.

— Да вы куда же?

Она назвала мѣсто.

— Такъ вѣдь это больше пятнадцати верстъ отсюда. Вы не дойдете. Мнѣ кажется... у васъ...

Онъ немного замялся, отбѣжалъ къ коляскѣ, переговорилъ что-то вполголоса съ дамой и съ мужчиной, сидѣвшими рядомъ на заднихъ мѣстахъ, и скоро опять вернулся.

— Мы втроемъ, ѣдемъ изъ Ялты... У насъ свободное мѣсто... Это профессоръ Сапіентовъ, вы, можетъ, слыхали, нашъ извѣстный діагностъ... съ супругой, а я его ассистентъ... докторъ Чернавинъ. Они васъ просятъ... Мы васъ доставимъ до Алупки, а оттуда не трудно и пѣшкомъ, всего четыре версты. Дадимъ провожатаго.

Отказываться было не изъ чего. Подъѣхала коляска. Ассистентъ подсадилъ ее, и она должна была пожать руки профессору и его женѣ.

„Что я скажу имъ? — второпяхъ подумала она и отвѣтила: — надо что-нибудь солгать; не въ первый разъ“.

Прежде всего она нѣсколько разъ поблагодарила ихъ. Она быстро сочинила цѣлую исторію. Ее не подождали, она не сообразила, что такъ далеко. Всѣ слушали ее просто и не задавали никакихъ вопросовъ. Можно было и ничего не выдумывать.

Молодой человѣкъ совсѣмъ прижался къ боку, чтобъ ей было больше мѣста; дама попросила ее протянуть ноги;

профессоръ сперва все улыбался и поглаживалъ бороду, а потомъ густымъ баскомъ выговорилъ:

— Вамъ, барышня, не дойти бы и до полуночи. И прекрасно сдѣлали, что дали намъ сигналъ платкомъ.

— Нашъ извозчикъ можетъ васъ и до дому довезти...— предложила дама, и поглядѣла на мужа.

Онъ ей кивнулъ головой.

XXXIX.

Тутъ только Марья Денисовна разглядѣла ихъ. Мужъ былъ лѣтъ подъ сорокъ, плотный, сутуловатый, съ русой длинной бородой. Онъ смотрѣлъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ духовнаго званія. Такіе сѣрые большіе глаза и толстоватый къ концу носъ видала она у нестарыхъ священниковъ и дьяконовъ. Глаза умно и насмѣшливо улыбались. Сидѣлъ онъ сгорбившись, въ парусинномъ балахонѣ и стружковой шляпѣ. Голосъ у него тоже напоминалъ басъ дьякона и въ манерѣ произносить слышалось что-то рѣзковатое въ звукахъ „а“ и „о“. Она никогда и нигдѣ его не встрѣчала.

Жена профессора была его лѣтъ на десять моложе. Встрѣть ее Марья Денисовна одну, въ большомъ городѣ, она приняла бы ее, быть-можетъ, за купчиху: по ея пестрому туалету и волосамъ льняного цвѣта. Модная шляпка сидѣла на этихъ кудельныхъ волосахъ назадъ, а не сильно впередъ, какъ бы ей слѣдовало. На шеѣ и на рукахъ было слишкомъ много золотыхъ вещей и перчатки короткія. Лицо—рыхловатое и круглое съ добрымъ носомъ пуговкой — сильно загорѣло. Узенькіе глаза смотрѣли на нее немного съ недоумѣніемъ, скорѣе ласково.

Но когда она спросила мужа насчетъ извозчика—Марью Денисовну точно что укололо.

Этотъ голосъ!.. Гдѣ, когда она его слышала? Голова ея начала быстро-быстро искать въ прошедшемъ. Это было не больше, какъ пять лѣтъ... Неужели?!

Она начала холодѣть, руки у ней затряслись. Неужели сегодня судьба нарочно ловитъ ее безъ всякой жалости?..

Необычайнаго усилія стоило ей подавить свое внезапное разстройство. Она изъ-подъ глубокой модной шляпки стала всматриваться въ лицо профессорши; въ сумеркахъ это можно было сдѣлать.

Да, широкое лицо, волосы какъ ленъ, съ такими же городками на лбу, ноздри, рѣзко вырѣзанныя, узенькіе

глаза... Только она пополнѣла и кажется уже тридцатилѣтней замужней женщиной.

Она! акушерка Троицкая... Несомнѣнно! Но она ее не узнаетъ: это видно. Имени ея она и тогда не знала... Какъ ей помнить? А вдругъ!?. Если бъ эта женщина была одна, можно было бы и не запираться; но съ мужемъ, съ его ассистентомъ... Какой ужасъ!..

XL.

Запроситься вонъ изъ коляски? Они примутъ ее за сумасшедшую. Да и не станутъ пускать. Самое лучшее: притвориться ужасно утомленной, закрыть глаза и принять разслабленную позу.

Такъ она и сдѣлала.

— Вамъ не хорошо?—тихонько спросилъ ее ассистентъ.

Она ничего не отвѣтила.

— Пожалуйте на мое мѣсто, — предложилъ профессоръ.—Извините, я сразу не догадался.

— Разумѣется, Иванъ Иванычъ,—подтвердила жена и наклонилась, чтобы взять Марью Денисовну за талію и пересадить.

— Нѣтъ!—почти вскрикнула дѣвушка. — Мнѣ хорошо здѣсь... воздухъ мнѣ въ лицо... Сидите, пожалуйста.

Она говорила все это не раскрывая глазъ. Испугалась она того, что жена профессора разглядитъ ее, когда нагнется къ ея лицу, и узнаетъ.

— Какъ угодно,—пробасилъ профессоръ и переглянулся съ ассистентомъ.

Въ его глазахъ умнаго, безцеремоннаго практиканта можно было прочесть: „Должно-быть, фруктами злоупотребила, барышня“.

Такъ и оставалась Марья Денисовна, почти до самой Алупки. Она слушала ихъ разговоръ вполголоса. Они говорили о Ялтѣ, о Гурфузѣ, гдѣ провели два дня, о какомъ-то пріятелѣ, котораго ожидаютъ на-дняхъ изъ Москвы, о томъ, что не надо больше ѣсть борщу съ томатами, и что виноградъ въ Ялтѣ хуже, чѣмъ у нихъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ ее ассистентъ, когда они были верстахъ въ трехъ отъ Алупки.

Онъ видѣлъ, что она не спитъ.

— Благодарю васъ,—проговорила она измѣненнымъ голосомъ.

Сердце у ней все еще билось усиленно. Каждую се-

кунду она или вспыхивала, или холодѣла: вотъ-вотъ жена профессора вспомнитъ и узнаетъ ее. Ошибиться она не могла. Дѣвичью фамилію этой профессорши она отчетливо вспомнила. И почему же ей было не выйти за доктора? Онъ тѣмъ временемъ получилъ извѣстность. Теперь она, конечно, не практикуетъ больше. Но и теперь во всемъ тонѣ этой женщины есть что-то прямо показывающее, что она практиковала. Марья Денисовна вспомнила и то, что до своего акушерства Троицкая побывала въ кордебалетѣ, ходила экстерной въ театральную школу. Свою судьбу акушерка ей успѣла разсказать въ тѣ десять часовъ, съ десяти до восьми, которые она провела въ ея квартирѣ.

XLI.

— Мы и въ Алупкѣ!—сказалъ полушопотомъ ассистентъ.

Профессоръ ничего не замѣтилъ. Марьѣ Денисовнѣ послышалось, что онъ, какъ будто, зѣвнулъ. Жена что-то сказала ему на ухо. Онъ промычалъ, а потомъ добавилъ:

— Понятное дѣло.

Въѣхали въ аллею и повернули въ гору.

— Вамъ пѣшкомъ нельзя,—замѣтила жена профессора и слегка дотронулась до ея колѣнъ.

Она открыла глаза. Еще нѣсколько минутъ, и они простятся. Эта женщина рѣшительно не узнала ея. Надо какъ можно меньше говорить.

— Благодарю васъ,—чуть слышно проговорила она.

„А чѣмъ я заплачу извозчику?—Я дойду пѣшкомъ".

— Вы въ большомъ домѣ или въ этихъ маленькихъ вагончикахъ, что̀ въ паркѣ построены? — пошутилъ профессоръ.

— Ѣзда меня раздражаетъ, — заговорила погромче Марья Денисовна. — Я пройдусь пѣшкомъ, тутъ всего четыре версты.

— Какъ знаете,—сказалъ профессоръ.—Оно, можетъ, и лучше будетъ.

Жена не возражала. Ассистентъ поглядѣлъ на дѣвушку вбокъ и потомъ на профессора. И на его лицѣ было написано: „Иванъ Иванычъ зря ничего не скажетъ".

Коляска—мимо красивой мечети—спустилась въ проѣздъ между балаганами съ фруктами. Тутъ скучились татары-торговцы, мальчишки, парни, дожидающіеся случая получить на водку отъ господъ—подержать лошадь или сбѣгать куда-нибудь... Деревянная гостиница въ полувосточ-

номъ вкусѣ, съ наружными галлерейками, темнѣла въ глубинѣ.

— Вы здѣсь живете? — спросила Марья Денисовна.— Позвольте мнѣ сойти...

Мужъ и жена подались впередъ, и каждый протянулъ ей руку.

— Добраго здоровья, — сказалъ профессоръ, и въ его взглядѣ она прочла:—„только, милая, не вздумай ко мнѣ за консультаціей обращаться; я пріѣхалъ сюда отдыхать, а не лѣчить".

— Право бы доѣхали,—добавила жена.

— Оставь!—чуть слышно остановилъ ее профессоръ.

— Вы найдете ли дорогу до шоссе?—заботливо и кротко спросилъ ассистентъ.

— О, да!.. Я здѣсь бывала.

Торопливо выскочила она изъ коляски, сдѣлала имъ общій поклонъ и взяла направо по переулку. Она болѣе всего рада была тому, что никто изъ нихъ не спросилъ ея фамиліи. Солгать, назваться другимъ именемъ или не отвѣтить на вопросъ — она не нашла бы въ себѣ достаточно мужества.

XLII.

Вотъ она на шоссе. Еще свѣтло. Полоса дороги бѣлѣется рѣзко. Въ небѣ чуть замѣтенъ узкій серпъ мѣсяца. Шаги ея звонко раздаются во влажномъ воздухѣ, пропитанномъ растительными испареніями парка. Она идетъ бодро, но не бѣжитъ. Въ головѣ у ней все еще сидитъ, какъ гвоздь, чувство страха, смѣшаннаго съ радостью, что вотъ та женщина ея не узнала. Ей уже нужды нѣтъ до того, что тамъ, въ Ялтѣ, гусаръ способенъ выболтать первому встрѣчному все... Да навѣрно онъ сотни разъ и разбалтывалъ мужчинамъ и женщинамъ, за которыми волочился... женщинамъ, конечно, и называлъ ее. Этотъ позоръ отошелъ въ даль. Она разучилась думать о немъ уже больше двухъ лѣтъ, — точно будто она была застрахована отъ встрѣчи съ нимъ, въ Петербургѣ или за границей. Развѣ пять лѣтъ много времени? Давно ли это было?

Мать поѣхала тогда хлопотать о какомъ-то спорномъ наслѣдствѣ. Сестру Лили еще не взяли изъ института. Она гостила у кузины—старше ея на пять лѣтъ, свѣтской московской барыни, богатой, съ дуракомъ мужемъ. О ея

легкихъ нравахъ давно ходили слухи; но мать повторяла, что это—клевета, а сплетничаютъ разныя барыни изъ „petite noblesse“. Прогостить у ней зиму, значитъ навѣрно выйти замужъ. Въ домѣ кузины, послѣ тисковъ матери, сразу показалось какъ въ раю. Выѣзжай, уходи, дѣлай что хочешь, держи себя какъ тебѣ вздумается. Полонъ домъ мужчинъ. Гусаръ Скопинъ считался очень богатымъ—и дуракомъ. Кузина ей каждый день твердила:

— Душа моя, если хочешь прожить на волѣ и весело— жени на себѣ богатаго дурака.

Она указывала, безъ церемоніи, на своего мужа, тоже отставного гусара.

Гостиная кузины дышала однимъ позывомъ: пожить на счетъ мужчины, повеселиться — и чтобы все было шито-крыто. Напало на нее озорство. Она захотѣла поскорѣе, не думая ни о чемъ, заручиться глупымъ и богатымъ женихомъ. Кузина помогла:

— Надо идти прямо, — говорила та, — и ничего не бояться. Чѣмъ дальше, мой другъ, зайдешь, тѣмъ вѣрнѣе.

И опять ссылалась на себя.

— Тебѣ уже двадцать стукнуло. Состоянія у васъ нѣтъ, и съ такой maman, какъ твоя, никто на тебѣ не женится. Надо воспользоваться этой зимой.

Все это было вѣрно: она сама чувствовала логику кузины. И въ ней самой уже накипала горечь. Жизнь съ матерью становилась несносной. Два сватовства разстроились въ зиму передъ тѣмъ. Ее цѣлые дни пилили за глупость и безталанность.

XLIII.

Гусаръ былъ и тогда такой же глупый, болтливый, плохо воспитанный, даже съ плохимъ французскимъ языкомъ, надоѣдливый до-нельзя. Но кто-то пустилъ слухъ, что онъ страшно богатъ. Поэтому на лучшихъ балахъ онъ водилъ котильонъ, командовалъ смѣшно и шумно, съ ошибками противъ языка. Она тогда и не спрашивала себя: хорошъ онъ или уродъ, есть у него хоть маленькій умъ, что-нибудь похожее на душу, на правила... Въ ней замерли эти требованія. Не помнитъ она, чтобы было пущено особенное кокетство. Кузина говорила, что „дурачокъ Скопинъ идетъ отлично на удочку“.

Онъ и безъ того ѣздилъ каждый день. Кузина не скрыла ей—съ какими намѣреніями.

— Но я ему, душа моя, сказала: вы можете ѣздить, но ничего не добьетесь. Онъ и этимъ остался доволенъ. Но ты не обижайся, не говори, что я тебѣ уступаю свои обглодочки. Ты — дѣвушка. Тебѣ нуженъ мужъ. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы не задумалась сейчасъ же выйти за него.

И такія разсужденія не оскорбляли ее тогда.

Гусара стала настраивать кузина, шептать ему, что онъ будетъ совсѣмъ „уродъ", если упуститъ такую дѣвушку. Конечно, лгала ему насчетъ состоянія... Можетъ-быть, льстила самолюбію, увѣряла его, что Мари влюблена въ него „до безумія". Онъ скоро измѣнилъ тонъ, искалъ интимныхъ разговоровъ, уводилъ ее въ залу, когда тамъ никого не было, привозилъ конфеты, букеты, началъ вести себя почти женихомъ. Но матери она ничего не писала, просила и кузину молчать. Мать его видѣла раза два-три до своего отъѣзда, по тяжбѣ, въ Саратовъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ они цѣловались въ уголкахъ. Кузина нарочно оставляла ихъ вдвоемъ. Разъ, въ сумерки, онъ забѣжалъ за ней въ ея комнату. Она могла бы выгнать его, но не выгнала, думала, что все кончится лишнимъ поцѣлуемъ. Теперь она не можетъ сказать, что́ это было. Конечно, не насиліе. Нѣсколько недѣль въ обществѣ кузины развратили ее такъ, что она сама на все шла и если не говорила себѣ: „да, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ", — то не хотѣла ни о чемъ думать и отдавалась теченію.

Она не испугалась и на другой день. У ней недостало, однако, духу сейчасъ же сказать ему:

— Извольте писать maman и просить моей руки.

Особый родъ стыда, стыда за то, что онъ глупъ и баналенъ, удержалъ ее отъ откровенности съ кузиной. Онъ все не говорилъ, что желаетъ писать матери. Прошло еще двѣ недѣли. И вдругъ гусаръ исчезъ, уѣхалъ въ Малороссію въ четырехмѣсячный отпускъ. Кузина ни о чемъ „серьезномъ" и не догадывалась; но все-таки стала его называть „негодяемъ" и утѣшать ее тѣмъ, что такихъ сыщется много. Она узнала, кромѣ того, что онъ и „не думалъ" быть богатъ.

XLIV.

Тутъ только поняла она свое положеніе. И все скрыла отъ кузины; скрывала упорно, искусно, продолжала ѣздить,

танцовать, никогда такъ не веселилась, и ни разу не задала себѣ вопроса: „Если я кому-нибудь понравлюсь—какъ же я скажу всю правду?“

Она даже забыла о необходимости выйти замужъ, а только хотѣла забыться и схоронить концы... Никто же не зналъ... даже ея опытная кузина. Пріѣхала мать только постомъ. Тутъ она почувствовала, что̀ ждетъ ее еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... И рѣшилась скрывать до конца, до послѣдней возможности, сдѣлаться матерью тайно. Эта рѣшимость поглотила ее всю. Ничего другого она не видѣла впереди, впала въ совершенную безчувственность, сносила характеръ матери, подчинялась ея надзору, какъ за маленькой дѣвочкой, находила какое-то удовольствіе въ этомъ обманѣ. Ее не пускаютъ одну купить лентъ на Кузнецкій мостъ, а она будетъ скоро матерью! Съ кузины она потребовала клятвы — ни однимъ словомъ не проговориться объ ухаживаніяхъ гусара. Мать ворчала весь постъ и всю весну: какъ возможно быть настолько „pécore“, чтобы не сумѣть найти мужа въ такой гостиной, какъ у ея племянницы.

Никто ничего не замѣчалъ.

Да полно, было ли все это? Какъ же могла она вынести, не умереть, не схватить воспаленія; какъ ей удалось скрыть отъ матери?.. Не умерла, даже не заболѣла, и все скрыла. Тогда только она поняла, какое у ней здоровье. Не даромъ мать говорила, что она „une fille de ferme“ по своему сложенію.

Сегодня передъ ней проходятъ сцены и разговоры, пять лѣтъ спавшіе въ душѣ.

XLV.

Совсѣмъ стемнѣло, когда Марья Денисовна обогнула мысъ и стала спускаться къ первымъ домикамъ, гдѣ уже свѣтились окна. До того поглотило ее прошедшее, что она ни разу не подумала о томъ: что̀ теперь ея мать, гдѣ она, какую сцену придется ей вынести изъ-за своей „escapade“—такъ навѣрно назоветъ мать то, что она сдѣлала. Усталости у ней не было, ни въ ногахъ, ни въ головѣ. Хотѣлось одного: еще куда-нибудь и во что-нибудь уйти и не возвращаться въ ненавистную будку раньше глубокой ночи.

Прошедшее: гусаръ, день у акушерки Троицкой, то, что этотъ офицеръ отецъ ея ребенка, что та женщина

видѣла ея позоръ—мучили ее, какъ что-то до-нельзя противное. Но сердце молчало. Только бы опять схоронить концы и поставить одинъ большой крестъ надъ тѣмъ, что̀ было. И еще ядовитѣе накипала въ ней ненависть къ матери—другимъ словомъ не могла она назвать своего чувства и не хотѣла даже... Кто же довелъ ее до всего этого?

Мать, одна мать!..

Марья Денисовна поднялась къ площадкѣ, гдѣ третьяго дня съ разныхъ сторонъ окликàли Павла Павловича. Широкія окна столовой были освѣщены ярче обыкновеннаго. Она разглядѣла въ темнотѣ, что татаринъ проваживаетъ лошадей. Изъ кухни безпрестанно бѣгали горничныя и лакеи. Что-нибудь такое тамъ происходитъ особенное.

— Поля!—остановила она горничную въ чадрѣ.

— Ахъ, барышня!..

— Что здѣсь такое?

— А это съ катанья вернулись.

— Да развѣ они сегодня, а не вчера ѣздили?..

— Сегодня-съ. Вчера у одной дамы... что-то заболѣло. Исторія случилась тутъ... Всѣ въ страхѣ были.

— Что такое?—спросила Марья Денисовна, насильно втравляя себя въ любопытство.

— Да господинъ тотъ... съ бородой... Павелъ Павлычъ и барышня... полная-то такая... отстали... Всѣ здѣсь переполошились... Думали—убили ихъ... ха-ха! Посылали гонцовъ... Они сейчасъ только вернулись.

Поля еще разъ засмѣялась и съ поклономъ побѣжала за водой.

— Пойду я туда,—подумала Марья Денисовна.

XLVI.

Столовая гудѣла. У стола, накрытаго глаголемъ, съ двумя лампами, сидѣло человѣкъ до пятнадцати; всѣ разговаривали, ѣли, наливали себѣ въ стаканы, смѣялись, перебивали другъ друга. Посрединѣ сидѣлъ Павелъ Павлычъ, въ темной блузѣ, перетянутой ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ только что прожевалъ кусокъ говядины, запилъ „рислингомъ“, поднялъ вилку и началъ говорить. Лицо его дышало весельемъ и удалью. Онъ подмигивалъ пухленькой дѣвушкѣ, той самой, что гуляла третьяго дня съ Марьей Денисовной. Контористъ съ же-

ной были тутъ также. Пожилая дама большого роста, съ просѣдью, держала дѣвушку за руку и качала головой; но глаза ея улыбались.

Сидѣлъ еще тутъ старикъ въ парусинномъ пальто, пять-шесть дамъ и дѣвицъ и трое статскихъ.

Марья Денисовна догадалась, что половина этого общества ѣздила въ горы. Она начала понимать, что̀ случилось въ дорогѣ.

— Ну что же можетъ быть проще?—спрашивалъ Павелъ Павлычъ; онъ обращался къ пожилой дамѣ.—Разсудите сами. Ваша внучка—скачетъ чудесно... А остальные боятся подъ-гору... Умора! Особенно вонъ Анна Матвѣевна!

— Извините! Я смѣло ѣзжу!

— Ха-ха... Смѣло!.. Ну, положимъ. Это мы завтра при свидѣтеляхъ спросимъ у Мехмеда. Вотъ внучка ваша и поскакала... Я за ней. Дѣлаю два-три поворота... Догналъ. И стали поджидать. Ждали десять минутъ. Я кричу. Мертвый бы услыхалъ. Назадъ поднялись, доѣхали до перекрестка. Нѣтъ никого!

— Еще бы — въ другую сторону совсѣмъ! — крикнула Анна Матвѣевна, дама съ короткими волосами, очень красная.

— Это вѣрно! Сбился я. Я и беру на себя всю вину. Поскакали сначала внизъ, потомъ вверхъ. И попали куда? Угадайте?

— Въ Ливадію?—крикнулъ кто-то.

— Въ Эрикликъ, выше Ливадіи. Наверху, тамъ, насъ у воротъ остановили. Я долженъ былъ соврать... Суровость на себя напустить—только этимъ способомъ мы и очутились на шоссе. А тамъ ужъ сбиться нельзя было.

Пухленькая дѣвушка смѣялась, ѣла быстро, игриво всѣхъ оглядывала и глазами говорила:

„Ей-Богу, все это сущая правда! Можете намъ вѣрить!“

Молодыя дамы улыбались недовѣрчиво. Пожилая дама вздохнула.

— Ну, и слава Богу! Вонъ у васъ аппетитъ-то какой.

XLVII.

И всѣмъ стало еще веселѣе. Марья Денисовна видѣла ихъ и слушала изъ темнаго угла, около двери въ зимній садъ. Вотъ какъ живутъ люди. Молоденькая дѣвушка—

этой маленькой барышнѣ не больше восемнадцати—пропала въ горахъ съ красивымъ, совсѣмъ не старымъ мужчиной. Пріѣхали двумя часами позднѣе. Что бы тутъ было, если бъ съ нею случилось то же самое? Какихъ „гадостей" не отрыла бы въ этомъ ея мать!.. А за нихъ только испугались; бабушка—приличная дама, мягко смотритъ на нихъ и радуется тому, что все благополучно обошлось. Всѣ даже рады происшествію: тревогѣ, посылкѣ татаръ на шоссе, шуму, бѣготнѣ, импровизованному ужину.

Въ груди ея заныло. Еще секунда, и она разрыдается, но она подавила въ себѣ и это.

— Танцовать надо, танцовать! Mesdames! Людмила Васильевна... Пожалуйста! Скорѣе вальсъ. Надо пользоваться минутой.

Это кричалъ Павелъ Павлычъ, шумно, весело, взялъ за талію пухленькую дѣвушку и вывелъ ее на средину столовой. Жена конториста побѣжала въ темноту, за колонны, гдѣ стояло старое, разбитое фортепьяно, и бойко, по-петербургски, заиграла вальсъ Штрауса: „Freut euch des Lebens".

Павелъ Павлычъ закружился по столовой. За нимъ еще двѣ пары. Фортепьяно дребезжало; но раскатистый его гулъ подмывалъ наивностью звука. Первая пара провертѣлась мимо Марьи Денисовны. Тутъ только Гущинъ замѣтилъ ее и на-лету крикнулъ:

— Вернулись! Съ вами туръ!..

Но она не могла выдержать и вышла на галлерею. Звуки фортепьяно ворвались туда за нею и дразнили ее, кололи, хохотали надъ ней, надъ ея тайнымъ срамомъ, лганьемъ, грязью, гнусностью ея добровольной каторги.

Она сошла съ лѣстницы на площадку, а оттуда взяла внизъ по крутому спуску на ту дорогу, откуда она третьяго дня поднималась съ профессоромъ объ эту же пору. Вальсъ все дребезжалъ и шумѣлъ за стеклянными дверьми столовой; въ окнахъ мелькали головы и спины. Дѣвушка шла все внизъ, къ морю—и такъ ей нестерпимы сдѣлались звуки, что она заткнула уши и побѣжала.

XLVIII.

Миновала она котловину съ ключомъ студеной воды, и вдругъ пошла медленнѣе; по всему тѣлу разлилась слабость, ноги у ней подкашивались отъ внутренняго потря-

сенія. Насилу добрела она до скамьи, опустилась на нее и заплакала, сначала глухо, потомъ зарыдала.

Слезы у ней рѣдко появлялись. Поэтому мать и называла ее „истуканомъ". Когда плачъ вырывался у ней изъ груди, то всегда съ физической болью. И теперь рыданія смѣшивались съ истерической икотой. Платкомъ она зажимала ротъ. Еще нѣсколько секундъ такихъ душевныхъ мукъ, и она способна была бы кинуться въ море съ утеса, наклонившагося надъ водой въ ста саженяхъ правѣе.

— Что съ вами?—раздался надъ ней женскій голосъ.

Передъ ней стояла женщина въ черномъ платьѣ, съ кружевной косынкой на головѣ, и держала въ рукахъ бутылку. Марья Денисовна узнала фигуру той дамы, про которую говорили третьяго дня, объ эту же пору, что она—сумасшедшая.

— Не угодно ли отхлебнуть водицы?

Рыданія не позволяли Марьѣ Денисовнѣ отвѣчать.

Дама присѣла къ ней близко, взяла за свободную руку, пожала и прошептала:

— Женское горе!.. Чувствую!..

Отъ нея пахнуло на дѣвушку сердечной теплотой. Слезы полились обильнѣе и мягче. Черезъ минуту голова ея лежала на плечѣ дамы. Слабость долго не позволяла ей говорить.

— Пойдемте... ко мнѣ... отдохните. Вы въ жару; засвѣжѣло. Простудитесь.

Дама произносила слова отрывисто и чуть слышно. Будь Марья Денисовна спокойнѣе—она бы нашла такую манеру странной.

— Благодарю,—съ трудомъ выговорила дѣвушка.

— Я близко... внизъ нѣсколько ступеней... Обопритесь на меня.

Когда Марья Денисовна оперлась на руку дамы, она почувствовала въ тѣлѣ ея провожатой вздрагиванія. Они и ей сообщились. Она еле переступала ногами. Дама поддерживала ее за талію. Сама она шла колеблющейся походкой. Спускаться по лѣсенкѣ было очень трудно.

XLIX.

Дама отперла дверь подъ навѣсомъ крылечка и ввела къ себѣ Марью Денисовну. Горѣлъ ночникъ. Особенный лѣкарственный запахъ стоялъ въ душной комнаткѣ.

— Здѣсь... здѣсь... кровать... ложитесь.

Марья Денисовна легла. Теперь ей вступило въ голову. Сразу стало ей душно.

— Окно, окно!.. — успѣла она выговорить; въ глазахъ замутилось.

Окно отворили; но воздухъ комнатки оставался такимъ же душнымъ.

Голову ломило невыносимо.

— Я вамъ сниму... корсетъ.

Но раздѣться не было силъ. Дама начала тревожно ходить по комнаткѣ, отыскивая пузырьки съ лѣкарствами, предлагала компрессъ на голову. Кое-какъ разстегнула она лифъ. Платье было на Марьѣ Денисовнѣ то самое, въ которомъ она дѣлала визитъ Тергасовымъ.

— Вамъ... надо... совсѣмъ раздѣться...

Марья Денисовна слышала и понимала то, что ей говорятъ, но слабость не позволяла ей дѣлать движеній руками. Такъ пролежала она съ полчаса.

— Кажется, докторъ... живетъ... въ большомъ домѣ?— прошептала дама.

— Не нужно... Благодарю.

Въ платьѣ ее начало душить. Надо было снять корсетъ. Она уже могла подняться. Сбросила платье, стала сама отмыкать спереди застежки корсета.

Прошло еще съ четверть часа. Эти женщины не знали другъ друга даже по имени. Когда Марьѣ Денисовнѣ немного полегчало, она подняла голову, протянула руку и тихо выговорила:

— Скажите мнѣ, у кого я?

Дама быстро подошла къ ней, сѣла въ ногахъ, на кровати, и нагнула къ ней лицо. Марья Денисовна могла теперь разглядѣть его въ полусвѣтѣ комнатки.

Лицо это глядѣло на нее и улыбалось; но глаза блуждали. Блѣдность щекъ переходила въ землистый цвѣтъ. Въ правой рукѣ она держала цвѣтокъ и все имъ помахивала. Во всемъ ея тѣлѣ замѣчалось трепетаніе. Косынки она не сняла. Волосы съ сильной просѣдью не отнимали у ней моложавости, но моложавости болѣзненной, странной.

„Неужели правда, — подумала Марья Денисовна, — что̀ говорили тогда...“

L.

— Вамъ зачѣмъ же мое имя?—спросила дама и сильнѣе замахала цвѣткомъ.—У меня его нѣтъ... настоящаго.

— Какъ... нѣтъ?—выговорила еще съ трудомъ Марья Денисовна.

— Дѣвичье... мое имя... Прежнева. Знаете: прежняя... Ха-ха!.. Отъ которой ничего не осталось.

„Она разстроена въ умѣ!"—подумала дѣвушка.

— Прежнева?—выговорила она вслухъ.

— Съ мужемъ когда жила... не такую фамилію носила... Шеломова.

— Шеломова?..—повторила Марья Денисовна, какъ бы про себя.

И ей представился отель „Россія", столовая и шумный обѣдъ въ отдѣльномъ кабинетѣ... Тотъ красивенькій мальчикъ, женоподобный, что̀ сидѣлъ около полной купчихи изъ Москвы... Развѣ швейцаръ не говорилъ ей про Шеломова?.. Конечно...

— У васъ сынъ?

— Какъ вы знаете?..—вскрикнула дама и бросилась къ ней такъ, что Марья Денисовна пугливо подалась назадъ.

Все лицо этой женщины потемнѣло, глаза заискрились, руки задрожали, цвѣтокъ выпалъ изъ правой руки. Но она тотчасъ же сѣла опять на край постели и смущенно заговорила:

— Простите... Я напугала васъ. Вы не знаете меня. Первый разъ въ жизни видите. Вы такъ спросили... Я думала... не спроста...

Въ голосѣ ея зазвучали подавленныя слезы, что-то глубоко страстное и жалкое.

Она встала, заметалась по комнаткѣ, подбѣжала къ столику, открыла ящикъ, взяла тамъ какую-то вещь, потомъ оставила сейчасъ же и задвинула такъ же быстро. Все это не взяло и двухъ минутъ.

— Нѣтъ! Не стану!—вслухъ вырвалось у ней.

Возгласъ удивилъ Марью Денисовну. Въ этой женщинѣ было что-то располагающее къ себѣ и жалкое.

— Видите...—слабо выговорила Марья Денисовна,—я была въ Ялтѣ... Я оттуда... пріѣхала.

— Въ Ялтѣ? Въ Ялтѣ?

— Да, и тамъ въ отелѣ „Россія"... мнѣ назвалъ швейцаръ какого-то Шеломова... Изъ Москвы.

— Да?

Трепещущія руки схватили Марью Денисовну. Она уже была въ объятіяхъ этой женщины: та цѣловала ее и судорожно сжимала.

— Я не могу!—слабо вскрикнула дѣвушка.

— Ахъ, простите... Но вы назвали... фамилію... Вы говорите... въ отелѣ „Россія“?

— Да.

— Шеломовъ?.. Какой?.. Полный, лѣтъ подъ пятьдесятъ... борода... курчавый?..

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила Марья Денисовна,—очень молодой и почти мальчикъ.

— Какой?

— Красивый...

Она хотѣла прибавить: „довольно противный“, но не сказала этого.

— Володя?.. Господи!..

Раздались рыданія, возгласы... Такихъ Марья Денисовна никогда и не слыхивала. Они такъ возбудили ее сразу, что она вскочила, не чувствуя уже никакой слабости, и забѣгала по комнаткѣ, ища чего-нибудь, воды, капель...

LI.

Рыданія и возгласы перешли въ припадокъ съ судорогами. Марья Денисовна положила ее на ту же постель, гдѣ передъ тѣмъ сама лежала. Она дрожала отъ нервности; но о себѣ уже не думала. Передъ ней билась настоящая больная.

Чѣмъ помочь?

Вспомнила она, что та выдвигала ящикъ и что-то оттуда брала и назадъ положила. Конечно, лѣкарство. Но что́ именно? Она подбѣжала къ столику и выдвинула весь ящикъ до конца. Блеснуло что-то металлическое. Она сразу не поняла, что это. Иголка съ пузырькомъ. Смутно вспомнила она, что, кажется, такъ впрыскиваютъ морфій.

Припадокъ стихъ, но раздались глухія стенанія.

— Дайте... дайте,—стонала больная.—Бога ради!

Марья Денисовна подбѣжала къ кровати.

— Тамъ, въ столикѣ... игла... мнѣ впрыснуть...

— Чего? Морфію?

— Да, да!.. Поскорѣй.

Но Марья Денисовна не знала, что́ именно нужно дѣлать. Больная быстро и судорожно выхватила у ней иглу съ пузырькомъ, что-то такое мгновенно сдѣлала и упала головой на подушку. Черезъ минуту она уже стихла,

впала въ полудремоту и произносила отрывисто невнятныя слова.

Марья Денисовна присѣла къ ней въ ноги и прислушивалась. Вдругъ ею овладѣло совсѣмъ иное чувство. Эта женщина должна была перенесть больше ея мученій... Она, быть-можетъ, и въ своемъ умѣ. И этотъ морфій!.. Безпомощную жертву добила жизнь. А въ себѣ самой она чувствовала силы. Вотъ теперь—ночь, навѣрно двѣнадцатый часъ, она убѣжала изъ Ялты, мать уже пріѣхала, ждетъ, способна, Богъ знаетъ, чего надѣлать. И ей—ничего! Она не пойдетъ домой, не броситъ этой жалкой женщины, останется при ней всю ночь, забудетъ, что она, m-lle Усманская,—„изъ общества".

Волненіе больной стихло. Но она не спала, а улыбалась и глядѣла на свою гостью полузакрытыми глазами.

— Володя,—сладко прошептала она и заснула.

Гостья встала съ конца кровати и пересѣла въ кресло. Она рѣшила провести тутъ ночь.

LII.

Въ столовой большого дома, до третьяго часа ночи, шло веселье. Послѣ вальса танцовали двѣ кадрили, и даже мазурку, пѣли хоромъ. Общество высыпало на площадку, затѣяло горѣлки въ темнотѣ. Хохотъ и визгъ разносились по всему парку.

Танцы еще гудѣли, когда по извивамъ шоссе поднималась коляска. Николай понукалъ лошадей въ гору и курилъ. Ольга Евграфовна морщилась отъ табаку. Выходка дочери держала ее въ столбнякѣ. Она не бросилась ее отыскивать, а даже Тергасовой и ея дочери сказала:

— Ma fille est une folle!

И поѣхала съ ними смотрѣть водопадъ, вернулась въ отель—не нашла тамъ дочери, не дала ни одной копейки на водку, когда расплачивалась по счету, только приказала въ отелѣ записать: какъ зовутъ извозчика, и откуда онъ родомъ.

— Ты меня, пожалуй, убьешь,—сказала она ему, когда садилась въ фаэтонъ.

До тѣхъ поръ она еще надѣялась на то, что дочь на что-нибудь годна. Теперь—ни одного рубля не истратитъ она на ея туалетъ. Эта потерянная и полоумная способна на все. Но надо поступить какъ-нибудь чрезвычайно.

Не пустить ее, когда она явится? Небось, не бросится

въ море; у ней не такая чувствительная душа, какая была у Лили. Запереть на все время?.. Это ни къ чему не поведетъ. Она закоренѣлая негодница — „une misérable“ — повторяла Ольга Евграфовна, кутаясь въ шаль.

Николай подвезъ ее къ изгороди.

На дворѣ никого не было. Онъ крикнулъ. Никакого отвѣта.

Ольга Евграфовна поглядѣла въ сторону ихъ домика. Свѣта нѣтъ въ окнѣ дочери.

Николаю пришлось нести сундукъ одному. Лакей выбѣжалъ уже послѣ и донесъ ручной багажъ. Онъ же подалъ и огня.

— А барышня?—спросила Ольга Евграфовна.

— Какая-съ?

— Да моя же дочь!..

Будь это не ночью, Ольга Евграфовна дала бы ему пощечину.

Дочери не было дома.

Часть вторая.

I.

Часовъ около восьми—обѣдъ за общимъ столомъ давно уже отошелъ; на боковой площадкѣ, позади сѣраго дома, расѣлись вокругъ стола пріѣзжіе изъ Ялты.

Это было то самое общество, что̀ обѣдало въ отелѣ „Россія“, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Четырехмѣстная коляска четверней отдыхала за угломъ, въ тѣни. Татаринъ, рослый и молодой, весь въ золотомъ шитьѣ, проваживалъ трехъ лошадей. Одна — иноходецъ — покачивалась подъ дамскимъ сѣдломъ темно-малиноваго бархата.

На скамейкѣ со спинкой, между двумя мужчинами, сидѣла купчиха Боченкова въ свѣтлосиней амазонкѣ и низкомъ мужскомъ цилиндрѣ. Дымчатый вуаль она откинула на плечо. Высокій, стоячій воротникъ сдавливалъ ей шею и подпиралъ ея двойной подбородокъ. Грудь сжималъ узкій корсажъ; пуговицы чуть держались на немъ. Амазонку она носила короткую. Изъ-подъ приподнятаго края юбки выставила она подъемистую ногу, обутую въ лакированный сапогъ.

Справа отъ нея развалился хорошенькій брюнетикъ, тотъ, что сидѣлъ рядомъ съ ней и за обѣдомъ въ Ялтѣ. Слѣва, бокомъ, вытянулся, а правую руку закинулъ на спинку и наклонилъ къ ней голову мужчина лѣтъ подъ сорокъ, смуглый, волосатый и толстогубый. Носъ его, сплюснутый и ноздрявый, сжимало золотое pince-nez. Скулы щекъ остро выдавались впередъ. Бородка мелко росла и торчала въ разныя стороны. Волосы онъ зачесывалъ назадъ, низковатый лобъ наполовину загорѣлъ. И его, и двоихъ мужчинъ его же лѣтъ, занимавшихъ два стула

по ту сторону стола, по бокамъ пожилой дамы изъ нѣмокъ, всякій бы принялъ за московскихъ купцовъ. Но онъ былъ адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ; его визави — рябой блондинъ, тоже въ бородѣ, неопрятный и близорукій—піанистъ и композиторъ; а третій—съ лысиной, въ бородкѣ и въ клѣтчатой парѣ—секретарь желѣзнодорожнаго съѣзда, изъ студентовъ. Этотъ всего больше походилъ на конториста. Его глазки-коринки возбужденно перебѣгали отъ одного лица къ другому. Хорошенькій брюнетъ смотрѣлъ не русскимъ купчикомъ, а скорѣе сыномъ иностраннаго банкира. На немъ плотно сидѣли гороховая куртка и такіе же рейтузы, въ обтяжку, на два вершка ниже колѣнъ, съ двумя пуговицами надъ высокими сапогами. Свою черную войлочную шляпу съ вуалемъ онъ снялъ.

II.

— Что жъ они не несутъ?! —закричалъ брюнетикъ голосомъ избалованнаго мальчика и задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Володенька, не бурлите!

Лысый, обращаясь къ Боченковой, прибавилъ:

— Гликерія Уаровна, успокойте юношу.

Она провела влажными бѣлками своихъ глазъ по лицу и фигурѣ брюнета, откинула голову назадъ и раскрыла ротъ, откуда крупные зубы блеснули двумя полосками.

— Да если жарко,—выговорила она ласково и со вздохомъ.

— Доброта вы наша неутолимая!—сказалъ адвокатъ.— Ручку вашу. Во всемъ московскомъ царствѣ нѣтъ другой души такой, какъ у Лукерьи Уваровны.

Онъ произносилъ ея имя по-просту и дѣлалъ это нарочно; а она не обижалась. И многое позволила бы она адвокату, только бы онъ ее поскорѣе развелъ. За это дѣло онъ, по условію, получалъ сорокъ тысячъ.

— Голубушка,—попросилъ композиторъ,—и мнѣ пожалуйте.

Онъ потянулся черезъ столъ. Глаза его давно уже посоловѣли, и послѣ обѣда, въ Ялтѣ, онъ всю дорогу дремалъ. Къ десяти часамъ вечера онъ рѣдко не бывалъ „готовъ", и Гликерія Уаровна говорила ему:

— Ахъ, Лаврентій Ильичъ... Опять вы не годитесь, голубчикъ; а обѣщали мнѣ поиграть.

Въ Крымъ привезла она его на свой счетъ, такъ же какъ и адвоката, и секретаря съѣзда. Это вмѣстѣ съ нѣмкой и была ея „свита“, о которой сообщилъ швейцаръ отеля.

— Лавря—тово?..—подмигнулъ секретарь съѣзда.

— Блаженъ мужъ!

Всѣ засмѣялись остротѣ адвоката, кромѣ брюнетика. Онъ ёжился и хмурилъ брови.

— Шеломовъ!.. Вы ужасный человѣкъ!—заговорилъ съ нимъ секретарь. — Разстраиваете наше веселье. И хоть бы вы пили по-христіански... А то вы только видъ дѣлаете... А сами себѣ на умѣ.

— Ну, полно болтать... Лукичъ! — оборвалъ его Шеломовъ, какъ обрываетъ дядьку барчонокъ при матери-баловницѣ.

И прозвище „Лукичъ“ пришлось отлично къ секретарю. Его звали Сергѣй Лукичъ Полотеровъ. Всѣ засмѣялись.

— Сейчасъ... милый, — успокоительно проговорила Боченкова, сняла замшевую перчатку съ правой руки и положила ее на плечо Шеломова.—Вонъ и несутъ.

Изъ-за угла показались два лакея. Они несли вино и все остальное для крюшоновъ.

III.

Когда секретарь состряпалъ питье съ сахаромъ и апельсинами—всѣ стали наливать себѣ суповой ложкой и пить. Боченкова подливала Шеломову, и бѣлки ея глазъ еще томнѣе прохаживались по немъ. Адвокатъ медленно процѣживалъ искристую жидкость сквозь свои выпяченныя губы, секретарь смаковалъ и пилъ короткими глотками, а музыкантъ тянулъ какъ квасъ, стаканъ за стаканомъ, посапывалъ, закрывалъ глаза и облизывалъ усы. Черезъ двадцать минутъ вокругъ нихъ ходили пары, пахло виномъ и апельсинами. Щеки у всѣхъ горѣли, кромѣ нѣмки. На ея землистомъ лицѣ застыла улыбка широкаго рта. Трудно было бы сказать: зачѣмъ держитъ ее при себѣ Гликерія Уаровна.

Пошли разговоры особаго свойства: о мужчинахъ и женщинахъ, о мужьяхъ и женахъ, намеки на любовныя связи въ Москвѣ изъ міра коммерсантовъ и присяжныхъ повѣренныхъ, желѣзнодорожниковъ и модныхъ врачей, актеровъ, скрипачей и дантистовъ. Сдавалось, что въ

этомъ мірѣ—все возможно, были бы деньги. По лицу Боченковой, красному и разомлѣвшему, расплылась улыбка; она какъ будто говорила: „Съ нашимъ капиталомъ — какія же могутъ быть задержки тому, что намъ угодно?“

Передъ своей свитой она вела себя съ Шеломовымъ, какъ съ женихомъ, и если не на „ты“, то скорѣе по привычкѣ. Она и мужу, когда еще была влюблена въ него, говорила тоже „вы“. Валерьянъ Ѳадѣичъ—адвокатъ—ведетъ дѣло мастерски. Свидѣтели давно подготовлены. Мужъ долго упираться не сталъ, онъ теперь „обзавелся“, жениться во второй разъ не захочетъ; а если бъ его кто подбилъ—„не бери на себя вины“,—то можно уличить и съ настоящими, а не съ подставными свидѣтелями. На это Валерьянъ Ѳадѣичъ — первый ходокъ на Москвѣ. И онъ не изъ одной жадности, самъ говорилъ ей не такъ давно:

— Матушка, Лукерья Уваровна, да зачѣмъ вы на себя опять ярмо это накладывать хотите? Ну, живите себѣ, какъ вамъ угодно. У васъ видъ отдѣльный. И милліоны свои. Хоть къ себѣ въ домъ этого красавчика поселите. Кто вамъ можетъ препятствовать?

Она не пожелала жить *такъ*. Володя ея на восемь лѣтъ моложе, — уйдетъ. Положимъ, и вѣнчанье, по нынѣшнему времени, не много значитъ; а все—придержка. За что же она ему сразу сказала, когда они сошлись: — Володя, половина моего—твое?..

А у ней четыре дома въ Москвѣ, рыбныя ловли въ Астрахани, да капиталу больше шестисотъ тысячъ. Неужели за это и подъ вѣнецъ не стать, пока еще онъ такой красавчикъ?

Гликерія Уаровна смотрѣла на Володю Шеломова, какъ на свое пріобрѣтеніе. Можетъ, послѣ вѣнчанья, онъ ее и побивать будетъ... Тогда она увидитъ.

IV.

— А знаете исторію съ картинкой изъ цырюльни? — спросилъ секретарь.

— Это еще что?—лѣниво отозвалась Боченкова.

Рука ея лежала въ рукѣ Володи. Композиторъ открылъ одинъ глазъ и съ трудомъ выговорилъ:

— Ужъ ты... анекдотистъ!..

— Спи!—крикнулъ ему Володя.—Контрапунктъ!

Посмѣялись и этому прозвищу.

— Разскажите, голубчикъ, не тяните,—пригласила Гликерія Уаровна.

— Изъ какой цырюльни? — заинтересовался адвокатъ, положилъ локти на столъ и наклонилъ свою долговолосую голову.

— Да отъ нашего куафера. Теодоръ... или какъ онъ прозывается... Сидоровъ изъ Парижа... знаете, туда, за персидскую лавку?..

— Ну, знаю! Дальше!—крикнулъ Володя.

— Слушаю-съ, ваше благородіе... не извольте сумнѣваться... Получите все въ аккуратѣ.

Секретарь состроилъ смѣшное лицо и приложилъ руку къ лѣвому виску, какъ дѣлаютъ подъ козырекъ.

— Не мямли!

Володя, послѣ трехъ стакановъ, принялъ тонъ хозяина, который прихлебателями своей столовой можетъ понукать какъ вздумаетъ. Свита Гликеріи Уаровны допускала съ собой такой тонъ, даже и адвокатъ.

— Такъ вотъ-съ, государи мои, вы видали княжну Тергасову съ маменькой?

— Усы у ней,—перебила Боченкова.—И, Господи, какъ тянется. Плечи впередъ. Да и подлѣточекъ. Навѣрно, старше меня, даромъ что въ дѣвицахъ. Изъ армянокъ, небось?

— Совершенно вѣрно,—продолжалъ разсказчикъ. — Но теперь въ нее втюримшись старче... графъ Гольденкранцъ.

— Да вѣдь у него жена, дѣти, внуки? — выговорилъ композиторъ, смутно понимавшій еще о чемъ идетъ рѣчь.

— Что жъ изъ этого? Онъ до того дошелъ, что хоть разводиться.

— Да годокъ-то ему который? — спросилъ адвокатъ,— можетъ, подъ восемьдесятъ? И вѣнчать не будутъ.

— Сердце не разбираетъ, — вымолвила Боченкова. — Старичка жалко, ей-Богу... Разсказывайте, Лукичъ.

Она уже переняла прозвище у Шеломова и при этомъ подумала: „какой Володя у меня на слова находчивый, что твоя бритва!“

Володя прилегъ къ ней плечомъ и, не смущаясь тѣмъ, что они на виду у всѣхъ постояльцевъ сѣраго дома, — прикоснулся губами къ затылку Гликеріи Уаровны. Ее отъ этого глухого поцѣлуя такъ и обдало жаромъ.

V.

— Разсказывайте, Лукичъ!—немного задыхаясь, повторила она.

— Ну, вотъ-съ... Княжна съ маменькой изволила ѣздить по лавкамъ. И заѣхали къ Теодору... насчетъ шиньона... что ли... или какой-нибудь косметики. У него всякая штука есть. Такое событіе — ихъ сіятельства—чуть король испанскій не сватался послѣ смерти первой жены... и вдругъ попали на двѣ минуты въ парикмахерскую, гдѣ нашего брата стригутъ и бреютъ.

— Особенно Лукичу... маковку! — крикнулъ Володя, и расхохотался.

— Я продолжаю: у Теодора, или какъ тамъ его... забылъ... во второй-то комнатѣ, въ салонѣ, прямо противъ двери, на стѣнѣ — олеографія. Знаете, новая вещь — въ Парижѣ года три какъ была выставлена. Жанръ съ сюжетцемъ. На террасѣ сидитъ генералъ, въ домашней формѣ, въ кэпи, одна нога у него лежитъ укутанная на стулѣ... подагра, значитъ. Играетъ съ нимъ въ шахматы молодая жена, красивая. И мораль къ этому имѣется, нравоученіе. Это-де благоразумный бракъ — mariage de raison.

— Ты что намъ переводишь... Мы понимаемъ... и говоримъ!—крикнулъ Шеломовъ.

Онъ началъ уже „тыкать" секретаря. Пьянъ онъ не былъ, но воспользовался выпитымъ виномъ, чтобы позволить себѣ эту безцеремонность. На „ты" онъ бы не сталъ пить съ ними.

Секретарь только покачалъ головой, глядя на Боченкову: „Избаловали, молъ, голубушка, въ лоскъ".

Гликерія Уаровна отвела свои глаза на Володю и шепнула ему:

— Ужъ вы дайте ему выболтать.

— Да-съ, благоразумный бракъ... Картинка пикантная. Только олеографія... одно слово... Я къ себѣ не повѣшу. По-моему, это хуже въ сто разъ фотографіи.

— Почему? — вдругъ спросилъ композиторъ, совсѣмъ сонный.

— Нишкни! — кинулъ ему секретарь и хлебнулъ изъ стакана.—Олеографія, какъ олеографія. Въ цырюльнѣ ей и висѣть. Но княжна восхитилась. Уѣхали онѣ съ маменькой. А сюжета-то она, издали, хорошенько не раз-

глядѣла... видѣла только что-то пестренькое. И говоритъ она, въ тотъ же день, вечеромъ, старцу: какую я интересную картинку видѣла сегодня... Гдѣ?—ей не хотѣлось упоминать о парикмахерской. — Въ какой-то лавкѣ. И что жъ? Старецъ поднимаетъ на ноги всѣхъ альгвазиловъ. Рыщутъ по Ялтѣ, въ лавкахъ во всѣхъ. Никакой нѣтъ олеографіи съ интереснымъ сюжетикомъ. Въ аптеки даже забрались, въ булочныя... Нѣтъ олеографіи!

— Ха-ха-ха!—вдругъ точно прорвало композитора.

И всѣ захохотали разомъ.

VI.

— Ну, завернули и къ Теодору. Тамъ-то она, голубушка, и ждетъ. Сейчасъ ее цапъ-царапъ. Утромъ, только что княжна открыла глаза, и надъ ея кроватью виситъ она.

— И только-то?—спросилъ Володя.

— А что же вамъ?—обидѣлся немного секретарь.—Вы не изволили понять весь смакъ этого происшествія?

— Только-то?—школьнически повторилъ Шеломовъ.

— Мало?! Старецъ, не зная сюжета, взбудоражилъ весь городъ, и точно въ поученіе предмету своей страсти повѣсилъ: на, молъ, ангелъ мой, смотри, любуйся, знай, что тебя ожидаетъ, если бъ я, добившись развода съ законной супругой, поступилъ въ твои мужья. Стала бы ты со мной въ шахматы поигрывать и ногу мнѣ укутывать.

— Только-то?!—въ третій разъ крикнулъ Шеломовъ.

— Лукерья Уваровна,—сказалъ адвокатъ, и взялъ ее за руку,—уймите вы маленько вашего птенца. Что жъ! Исторія, какъ исторіи—не хуже самой олеографіи...

— Ахъ, господа,—прервала Боченкова, и тоже, какъ и сосѣдъ ея, положила локти на столъ.—Вы только на смѣхъ поднимать этого старика. А онъ, сердешный, любитъ, страдаетъ. Вѣдь онъ не виноватъ, что ему столько годовъ! Не разбираетъ любовь-то...

— Это точно, — перебилъ ее Шеломовъ. — Разбираетъ только вино. Вотъ оно и разобрало контрапунктиста!

— Браво!—крикнулъ адвокатъ.—Володенька! На этотъ разъ каламбуръ славный! Разбираетъ...

— А!.. Разбираетъ! — спросонья догадался музыкантъ и захохоталъ.

— Довольно!—скомандовалъ Шеломовъ.—Душно! Отсидѣли всѣ бока. Пройдемтесь хоть къ морю. Выкупаться бы славно.

— Всѣмъ вмѣстѣ?—спросилъ секретарь.

— Ахъ, Лукичъ, какой вы безстыдникъ! — остановила его Боченкова.

— Пойдемте, пойдемте! Я знаю ходъ,—вызвался секретарь.—Посмотримъ на монаха.

— Какого?—спросилъ Шеломовъ.

— Утесъ въ море выдался... точно монахъ съ капюшономъ на головѣ.

— Выдумываешь?

— Есть охота!..

Секретарь немного поморщился отъ этого „ты".

— Идемте... только потише, голубчики,—застонала Гликерія Уаровна и грузно стала вставать со скамьи.

Ее повели подъ руки ея кавалеры. Секретарь предложилъ руку нѣмкѣ, не проронившей ни одного слова. Музыкантъ поплелся за ними, опираясь на палку. На площадкѣ гуляющіе оглядывали ихъ издали. Весь домъ уже зналъ, что̀ это за пріѣзжіе и откуда. Сверху все время смотрѣли на нихъ двѣ пожилыя дѣвицы изъ своихъ комнатъ.

VII.

Они спускались по шоссе, громко говорили, смѣялись, останавливались на пути, присаживались на скамейки. Тѣмъ, кто имъ попадался навстрѣчу, мужчины кланялись и дѣлали гримасы. Двѣ-три дамы хотѣли даже идти жаловаться смотрителю дома и требовать, чтобы ихъ пригласили вести себя скромнѣе.

Къ берегу моря они спустились не по дорожкѣ, а прямо по откосу. Начался визгъ. Гликерія Уаровна чуть не упала. Нѣмка тоже оступилась. Музыканта Шеломовъ толкнулъ, и тотъ скатился внизъ на кучу кремней, при взрывѣ хохота. Сѣли они на эту самую кучу и начали бросать оттуда камешки; завязались пари у Володи съ адвокатомъ. Пошло на сотни рублей. Въ пари приняла участіе Боченкова, большая охотница до азартныхъ игръ. Съ кучи они поднялись, и у самой воды стояли и кидали камни, спорили о разстояніяхъ; Шеломовъ сказалъ нѣсколько дерзостей секретарю. Тотъ тоже сталъ держать пари и почти каждый разъ побивалъ расходившагося Володю. Всѣ они разомъ кричали и махали руками. Одинъ только музыкантъ сѣлъ на облизанные водой голыши, склонился на бокъ, а потомъ и совсѣмъ легъ.

— Лавря! баиньки!—крикнулъ ему Шеломовъ и, повернувшись къ водѣ, взмахнулъ рукой.

Камень взвился и упалъ въ воду въ десяти саженяхъ.

— Я дальше.

— И не думали!—возразилъ секретарь.

Заключенiе давалъ адвокатъ.

— Вровень,—рѣшилъ онъ.

— Довольно, господа. Теперь бы чудесно выкупаться,—предложилъ секретарь.

— Какъ же это?—спросила Боченкова и разсмѣялась.

— Раздѣвайте Лаврю! Берите его за сапоги!—скомандовалъ Шеломовъ и подбѣжалъ къ музыканту.

Двое другихъ схватили его за ноги. Тотъ поднялъ голову и сталъ отпихивать ихъ ногами. Произошла свалка. Купчиха взвизгивала отъ смѣху. Такъ возились нѣсколько минутъ. Музыкантъ лежалъ подъ всей кучей и громко охалъ. Первый сжалился надъ нимъ секретарь. Они встали и начали оправляться. Боченкова обмахивала Володю расшитымъ батистовымъ платкомъ.

VIII.

Изъ-за кустовъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ дурачились эти прiѣзжiе, выглядывало блѣдное женское лицо, мелькало черное платье.

Лидiя Никаноровна Прежнева всматривалась въ одного изъ мужчинъ, въ самаго молодого. Она вышла погулять раньше обыкновеннаго. До нея донеслись крики, смѣхъ, взвизгиванiя, хлопанье камней о воду. Первый вечеръ могла она выходить. Дня три пролежала она. За ней ухаживала ея новый другъ, Марья Денисовна. И сегодня Усманская пробыла у ней отъ завтрака до обѣда.

„Какъ только оправлюсь,—рѣшила она наканунѣ,—поѣду въ Ялту. Узнаю, точно ли это Володя, пойду къ нему, прямо брошусь на шею. Онъ меня не оттолкнетъ. Однимъ глазкомъ взглянуть на него!“

И вотъ только что пошла она отъ себя къ каменной лѣсенкѣ, голоса веселой компанiи остановили ее. И тотчасъ же она подумала:

„Это изъ Ялты прiѣхали. Знаютъ, быть-можетъ, моего Володю“.

Она разглядѣла, что было четверо мужчинъ и двѣ дамы, узнала, кто изъ нихъ самый молодой; но онъ стоялъ все спиной, у берега моря, и только разъ повернулся въ

профиль. Трудно ей было рѣшить навѣрно; а сердце все-таки сильно застучало, и холодный потъ выступилъ на лбу. Она схватилась за вѣтви, чтобы не пошатнуться отъ внезапной слабости. Онъ ли? Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Больше! Одиннадцать. Тогда у Володи волосы вились свѣтлорусые. А этотъ брюнетъ. Но вотъ онъ обернулся всѣмъ лицомъ и подбѣжалъ къ кучѣ камней, гдѣ лежалъ рябой, съ взъерошенными волосами, точно совсѣмъ пьяный, мужчина. Ее насквозь пронзило. Она впилась глазами въ лицо. Этотъ носъ! — точно отцовскій, круглыя брови, улыбка... Онъ, онъ!

Еще сильнѣе должна была она схватиться за вѣтви. Головокруженіе не прошло до тѣхъ поръ, пока она не закрыла глазъ и не сдѣлала надъ собой усилія. И опять сомнѣніе: онъ ли? Но почему же не подойти, не спросить? А если онъ отвѣтитъ: „да, я Владиміръ Шеломовъ, что вамъ угодно?“ Сказать: „Володя, я мать твоя, Прежнева!“ Онъ можетъ отвѣтить: „У меня матери нѣтъ, я ея не знаю“. И скажетъ это при постороннихъ, при какихъ-то кутилахъ... при той толстой блондинкѣ... Кто она? Усманская говорила, что видѣла ее за обѣдомъ въ отелѣ. Эта амазонка держитъ съ нимъ себя, какъ родная, какъ жена или... любовница.

„Побѣгу къ Марьѣ Денисовнѣ! Она мнѣ скажетъ“. За эту мысль схватилась она и, ничего не видя передъ собой, бросилась по лѣсенкѣ наверхъ.

IX.

Марья Денисовна шла къ ней. Онѣ встрѣтились на первой террасѣ, выше большой площадки. Прежнева вся дрожала и схватила обѣ ея руки.

— Что съ вами? Зачѣмъ выходили? — успѣла выговорить Марья Денисовна.

— Идемте! Они уѣдутъ. Вы...

Досказать Прежнева не могла и сѣла на траву, охваченная опять головокруженіемъ. Шатаясь, встала она, оперлась на руку Усманской и сама повела ее внизъ. Та узнала въ чемъ дѣло.

Когда онѣ подходили къ дому, коляска тронулась.

— Глядите, глядите!—отчаянно крикнула Прежнева и такъ рванулась впередъ, что чуть-чуть не упала внизъ съ крутого спуска.

Боченкова уже сидѣла на бѣлой лошади и подбирала

поводья. Татаринъ оправлялъ ей амазонку. Ея кавалеръ горячилъ своего караковаго: лошадь прыгала и повертывалась.

— Это... онъ? Онъ?—спрашивала, задыхаясь, Прежнева.

— Да, это тотъ брюнетъ... Шеломовъ.

— Володя!—глухо крикнула Прежнева и пошатнулась. Ея пріятельница взяла ее за талію и отвела къ скамейкѣ, подъ грушевое дерево. Кавалькада скакала внизъ по шоссе. Клубы пыли заслоняли всадниковъ; только бѣлый вуаль на шляпѣ Шеломова мелькалъ еще издали.

— Володя... онъ... онъ...—шептала Прежнева и всхлипывала.

Марья Денисовна стояла нагнувшись, и у ней, тамъ гдѣ-то, внутри, отдавались всхлипыванія этой женщины. „Зачѣмъ назвала я ей Шеломова?—подумала она.—Можетъ-быть, она и не стала бы разыскивать“. Но ей вспомнились сейчасъ же безконечныя рѣчи этой матери, возбужденныя морфіемъ, какъ она поѣдетъ въ Ялту, какъ упадетъ на грудь къ своему сыну и выплачетъ свое десятилѣтнее горе, и одинъ часъ свиданія вознаградитъ ее за все, за все.

„Все равно—случилось бы“,—думала Марья Денисовна, и повела, почти понесла Прежневу, еле переступая съ ноги на ногу. Она взяла по другой дорогѣ, минуя большую площадку, чтобы не попадаться гуляющимъ.

X.

Сердцу ея еще мало говорили терзанія матери. Она понимала ихъ больше головой. Зачѣмъ бросаться къ сыну, поднимать старое? Мальчикъ — фатъ, испорченный, вѣроятно, состоитъ при богатой купчихѣ въ роли друга.

Мало еще перенесла мукъ эта обездоленная Лидія Никаноровна! Одно ея замужество могло устрашить каждую дѣвушку, какъ бы ей плохо ни приходилось. Въ три дня, въ промежуткахъ припадковъ и крайней слабости, отрывками, безпомощно и скомканно, передавала ей Прежнева свою повѣсть. Родилась она въ богатой дворянской семьѣ, была одна дочь. Отецъ и мать такъ и дышали на нее. Учили ее дома. Тогда только что пошли идеи о воспитаніи, гуманности. Брали нà-домъ учителей, профессоровъ изъ университета. Отецъ былъ въ большихъ дѣлахъ, мать умерла, когда ей минуло четырнадцать лѣтъ. Конторой отца завѣдывалъ нѣкто Шеломовъ, университетскій кан-

дидатъ, смѣлый и вкрадчивый. Онъ вліялъ и на ея воспитаніе; отецъ ввѣрялся ему слѣпо. Всѣмъ ворочалъ онъ. Дѣвочкѣ управляющій проповѣдывалъ тайно самыя „новыя" тогда идеи, билъ себя въ грудь, когда говорилъ о народѣ, неравенствѣ, о гнусномъ барствѣ, о высокомъ служеніи всѣмъ „нуждающимся и обремененнымъ". И она стала на него молиться. Ей еще не наступило шестнадцати лѣтъ, когда она объявила отцу, что любитъ Шеломова и хочетъ быть его женой. Старикъ согласился. Черезъ два года онъ умеръ. Все состояніе перешло ей. Въ первые три года мужъ проповѣдывалъ ей тѣ же идеи; но дѣла все забиралъ въ свои руки. Она, какъ малое дитя, дала ему полную довѣренность, а потомъ и совсѣмъ уступила почти все. Смутно ей казалось, что между словами и всей жизнью мужа было противорѣчіе. Но онъ держалъ ее, какъ малолѣтка, во всемъ, вплоть до выбора кормилицъ и нянекъ для сына. Все чаще уѣзжалъ онъ по дѣламъ, на Уралъ, на Волгу, за границу. Когда Володѣ пошелъ восьмой годъ, Шеломовъ потребовалъ развода. Это ее ошеломило. Въ своемъ ослѣпленіи, въ рабской любви она не замѣчала, охладѣлъ онъ къ ней, или нѣтъ, а та женщина, которую онъ приготовилъ себѣ во вторыя жены, жила въ томъ же городѣ, бывала у нихъ. Ей приказали— она повиновалась, только молила оставить при ней сына. Сына обѣщали. Она пошла на все:—взяла вину на себя, даже отсидѣла на покаяніи.

XI.

Но сына у ней отняли и назначили годовое содержаніе въ полторы тысячи рублей. Вторая жена пожелала, чтобъ мальчикъ воспитывался при отцѣ; а отецъ явился ей доказывать, что этого требовала „логика" — въ глазахъ „всѣхъ порядочныхъ людей".

— Вы взяли на себя вину,—сказалъ онъ ей,—съ чѣмъ же сообразно, что сынъ мой будетъ при васъ?.. Онъ носитъ мою фамилію, а вы—госпожа Прежнева.

И въ этомъ она ему покорилась. Отъ его голоса и взгляда ее пробирала дрожь. Но натура не выдержала. Съ тѣхъ поръ напала на нее хворость, цѣлый рядъ всякихъ болей: и въ головѣ, и въ груди, и ногахъ; доходило до постоянныхъ конвульсій; куда она ни ѣздила, на какія воды—не помогало... И лѣчиться стало слишкомъ дорого, а мужъ больше не давалъ. Сына совсѣмъ отняли,

уѣхали на три года за границу; оттуда они пріѣзжали въ Россію только по дѣламъ. Пошли у второй жены дѣти; двое осталось въ живыхъ. Ни одного письма не получила она въ десять лѣтъ отъ сына; а ей не отвѣчали. Но она узнавала, гдѣ онъ; когда его отдали въ гимназію—знала она, что онъ вышелъ оттуда, не кончивъ курса, что собой очень красивъ, слышала, что сталъ помогать отцу въ подрядахъ; отецъ его балуетъ, отдѣлилъ ему часть своего капитала.

Въ послѣдній годъ она потеряла его слѣдъ, слышала только, что переѣхалъ въ Москву. Цѣлую зиму проболѣла она въ Крыму. Въ десять лѣтъ три раза ее лѣчили отъ душевной болѣзни, а она знаетъ, что никогда съ ума не сходила. Нестерпимыя боли и безсонницы пріучили ее къ морфію. А потомъ тоска, потребность забвенія тянули все чаще и чаще дѣлать себѣ впрыскиванія; а потомъ—ходить, лежать, говорить въ туманѣ. Вотъ почему ее считаютъ полубезумной, а иные увѣряютъ, что она пьетъ: она и это знаетъ.

Въ послѣдніе двѣ недѣли передъ встрѣчей съ Усманской, на нее нападала такая тоска, что она только морфіемъ спасалась отъ безмѣрныхъ душевныхъ страданій. И точно какой-то внутренній голосъ—увѣряла она—говорилъ ей, что сынъ ея живетъ поблизости. Она часто бредила, доходила до галлюцинацій, видѣла его; но всегда маленькаго, въ курточкѣ, въ кудряхъ.

XII.

До́ма Прежнева стала бодрѣе. Марья Денисовна усадила ее въ кресла, растворила настежь окно и дверь.

— Не смѣйте волноваться,—хмуря нарочно брови, сказала она ей.—И говорите вы слишкомъ много. Все будетъ... Не уйдетъ отъ васъ сынъ.

Ей была внозѣ роль сидѣлки и старшей сестры. Это ей позволяло уйти отъ самой себя.

— Я ничего, я ничего,—повторяла Прежнева, улыбалась, вся трепетала, оправляла руками косынку на головѣ. Глаза ея усиленно мигали, пальцы вздрагивали.

— Успокойтесь, умоляю васъ; а то сейчасъ же опять припадокъ будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... только...

И она поглядѣла быстро-быстро на ящикъ на столикѣ.

Значеніе этого взгляда уже знала Марья Денисовна. Тамъ лежала игла и морфій.

— Нѣтъ, Лидія Никаноровна,—строго выговорила дѣвушка, — этого не будетъ. И я у васъ отберу... Вы мнѣ обѣщали.

— Отберете?.. Какъ же это?.. Ну хорошо, ну хорошо. Я вѣдь рѣже... Ей-Богу, я рѣже... Я могу и день, и даже недѣлю... Но сразу—нельзя!..

— Не говорите!

— Молчу.

Усманская уже слышала отъ нея, еще сегодня, послѣ завтрака, длинный разсказъ, какъ она брала съ собою всюду морфій и иглу. На какой-то публичной лекціи ей такъ захотѣлось разъ впрыснуть, что она побѣжала въ дамскую комнату, расталкивая всѣхъ, и впустила тамъ себѣ сколько нужно.

— Голубчикъ вы мой, — шептала она вчера, когда была еще очень слаба, — вы этого не знаете... Это хуже пьянства... Зато все изъ сердца вышибетъ... Такъ въ туманѣ и живешь... Или точно давно, давно ничего не чувствовалъ. Не веселье, а одурѣніе... Вы на меня смотрите и думаете: жалкая... безумная... хуже пьяницы.

И тогда она долго плакала. Марья Денисовна боялась, что и теперь польются слезы, и не удержать ихъ.

— Право, я возьму,—сказала она и открыла ящикъ.

Прежнева слѣдила за ней глазами, видѣла, какъ та завернула все въ бумагу и положила въ карманъ.

— Можетъ пригодиться, — вымолвила она и жалобно улыбнулась.

XIII.

Но долго молчать она не могла.

— Милая, — зашептала она и глазами ловила взглядъ Марьи Денисовны,—какъ же теперь? Я поѣду.

— Вы не поѣдете, Лидія Никаноровна.

— Десять лѣтъ!

Слезы уже заблистали на рѣсницахъ.

— Если онъ помнитъ васъ... онъ пріѣдетъ самъ.

— Какъ же онъ пріѣдетъ?

— Напишите ему письмо. Я вамъ напишу.

— Нѣтъ, я сама!

— Пошлю вамъ на почту. Все сдѣлаю.

— Голубушка!..

Слезы уже текли по щекамъ крупными каплями.

Больше Марья Денисовна не позволила говорить Прежневой. Та ея послушалась.

— Посидите на воздухѣ. Я вамъ вынесу кресло, а сама пойду погулять, а то вы будете все говорить.

Ей было ново и пріятно ухаживать за этой женщиной, укладывать ее, оттирать. Такъ жила она третій день.

Она пересадила Прежневу на постель, вынесла кресло подъ навѣсъ, привела и усадила ее, покрыла ноги плэдомъ и, уходя, сказала:

— Ужъ какъ угодно... я вамъ иголки не дамъ и этого ужаснаго лѣкарства.

— А если боли... невыносимы?..

— Вы притворяться не будете? Нѣтъ, боли теперь не явятся. А такъ я ни за что не дамъ!..

Она засмѣялась и поглядѣла еще разъ на Прежневу.

— Милая, — прошептала та и протянула къ ней обѣ руки, всѣ высохшія и желтыя,—поцѣлуйте меня.

Теперь она могла ее цѣловать—привыкла; а въ первый день она должна была каждый разъ подавить въ себѣ брезгливое чувство. Отъ Прежневой шелъ лѣкарственный запахъ. Бѣлье на ней было заношенное: неряшливость давно пришла къ ней отъ лежанья, припадковъ, одиночества, житья по меблированнымъ комнатамъ.

— Вы понимаете меня... даромъ, что—не мать!..—прошептала Прежнева.

XIV.

Эти слова всколыхнули Марью Денисовну. И такъ нежданно!

„Даромъ, что не мать!“—повторяла она мысленно, поднимаясь отъ Прежневой.

И ее обманываетъ она, выдаетъ себя за непорочную дѣвушку даже передъ такимъ безобиднымъ, жалкимъ существомъ, какъ эта женщина. Нѣтъ! Она бы ее не стала обманывать, если бъ та спросила ее прямо, почему съ ней случился на дорогѣ истерическій припадокъ? Но Прежнева сама впала въ истерику, и цѣлыхъ два дня говорила все о себѣ; а про то, что заставило рыдать Марью Денисовну, — она уже забыла. И вообще она не могла останавливаться подолгу ни на чемъ, нѣсколько разъ возвращалась къ одному и тому же факту и спрашивала все:

— Вѣдь я вамъ это не говорила еще?

Обманывать она не будетъ Прежневу. И вчера еще захотѣлось разсказать ей все, до послѣдней черточки—не скрывать своего позора; но безъ слезъ, безъ истерикъ. Къ чему это? Только выказывать свое малодушіе. Вѣдь у ней нѣтъ угрызеній. Она только гадливость чувствуетъ къ прошлому, къ тому, что могла она вступить въ связь съ такимъ созданіемъ, какъ гусаръ Скопинъ. Изъ Ялты убѣжала она просто оттого, что не хотѣла ни подъ какимъ видомъ быть съ нимъ вмѣстѣ, испытывать добровольной кары. Это „паденіе“ и само по себѣ было нелѣпо, да и всю ея дѣвичью жизнь сдѣлало еще ужаснѣе; при каждомъ сближеніи съ порядочнымъ человѣкомъ—надо было мучиться тѣмъ: когда она должна объявить ему о пятнѣ своего прошедшаго?

И встрѣча съ бывшей акушеркой потрясла ее, какъ второй ударъ въ теченіе одного дня. Не раскаяніе говорило въ ней, а только страхъ быть узнанной—все равно, если бъ она когда-нибудь украла у модистки кусокъ кружева, была замѣчена и потомъ встрѣтилась съ ней... Повѣсть Прежневой, рана материнской души, страстное желаніе видѣть сына казались ей почти маніей—„пунктикомъ“, какъ выразилась бы Ольга Евграфовна. Ни разу, въ эти три дня, проведенные въ домикѣ Прежневой, не вспыхнулъ въ ея сердцѣ огонекъ материнства. Жена доктора ее не узнала. О чемъ же больше сокрушаться? Въ Алупку она не поѣдетъ. Все утонетъ въ прошедшемъ. Былъ ребенокъ. Теперь нѣтъ его. Навѣрно, умеръ. Она помнитъ только что-то красное и сморщенное.

XV.

Хорошо ужъ и то, что она вотъ идетъ одна, куда хочетъ, не ночевала дома, третій день проводитъ съ больной, домой возвращается только завтракать и обѣдать.

И все обошлось съ матерью въ какихъ-нибудь полчаса, и оттого, что она, когда шла домой, утромъ третьяго дня, ничего не боялась — даже самой отвратительной сцены. Первой начала она сама говорить, и такъ еще никогда не говорила.

— Жить, какъ вы желаете,—сказала она матери,—я не могу, да и для васъ это не выгодно.

— Не выгодно?—закричала мать.

— Да, не выгодно.

Сцена шла по-французски.

И она стала доказывать матери, что нелѣпо разсчитывать на блестящую партію. Онѣ не могутъ занимать мѣста, какъ надо, въ свѣтскомъ обществѣ. Если искать жениховъ—она выразилась: „faire une chasse aux promis“,—то необходимо держать себя свободно, почти какъ молодой дамѣ, выбирать между людьми немолодыхъ лѣтъ, вдовцами, изъ средняго общества: докторовъ, адвокатовъ, прокуроровъ, коммерсантовъ, помѣщиковъ.

Мать была поражена ея тономъ и доводами. Окрики и брань—какъ на „дѣвчонку“—были уже неумѣстны. Это поняла Ольга Евграфовна и сидѣла, перебирала ртомъ и общипывала бахрому на платкѣ. Угрозы никакой ей не сказала дочь; но въ звукахъ ея голоса впервые слышалось что-то, подсказавшее матери:

„Если ты не сдашься—все равно она сбѣжитъ!“

Объ исторіи въ Ялтѣ, объ этой escapade, было сказано всего нѣсколько словъ.

— Не хотѣла быть въ обществѣ Скопина,—смѣло выговорила Марья Денисовна.—Онъ дерзокъ и глупъ. Я встрѣтила знакомыхъ,—она выдумала фамилію,—вы ихъ не знаете. Они меня подвезли; а потомъ я попала къ больной. У ней и провела ночь. Вотъ и все.

Это „voilà tout“ показалось Ольгѣ Евграфовнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ по своей „irrévérence“, но прежняго вернуть было уже нельзя.

— Знайте,—сказала она подъ конецъ разговора,—что я вамъ даю сроку пять мѣсяцевъ. Къ новому году вы должны найти себѣ мужа. Намъ нечѣмъ жить.

— Я это знаю,—отвѣтила дочь.

XVI.

На краю площадки, подъ лавровымъ деревомъ, на складномъ стулѣ, сидѣлъ Гущинъ, въ своемъ шелковомъ костюмѣ. Марья Денисовна увидала его шаговъ за пятьдесятъ. Ей захотѣлось поговорить съ нимъ.

Нужды нѣтъ, что онъ женатый. Теперь она будетъ съ нимъ по-другому. Отбивать его у жены она не хочетъ: не настолько тщеславна, да ей и не по вкусу были бы всякій раздоръ, ревность, бракоразводный процессъ, скандалъ. Можетъ-быть, къ тому же, профессорша красивѣе ея и не старше лѣтами... Но Павелъ Павлычъ человѣкъ нужный. Жаль, что онъ служитъ не въ Петербургѣ и не

въ Москвѣ. Такіе люди бываютъ центры кружковъ... Свѣтскимъ выѣздамъ приходится сказать—прости. Искать надо именно въ кружкахъ, куда вхожъ такой пріятный профессоръ, какъ Гущинъ. У него навѣрно множество друзей и товарищей по всей Россіи... Съ нимъ надо начать бесѣдовать въ другомъ духѣ, выслушивать его совѣты, не разбирать его про себя, жестко и зло, а создать себѣ изъ него союзника. Съ нимъ она привыкнетъ къ болѣе простому обращенію, выучится вести по-русски разговоръ, не какъ чопорная барышня, а какъ говорятъ вонъ тамъ, за общимъ столомъ, всѣ эти дамы и дѣвушки, разныя курсистки и жены чиновниковъ, докторовъ, ученыхъ. А то она чувствуетъ себя, среди нихъ, совершенно „dépaysée"... И съ ними полезно сходиться, изучать ихъ. Разумѣется, очень скоро можно будетъ оставить ихъ позади. У нихъ нѣтъ ея теперешней опытности и свѣтскости. Стòитъ только овладѣть тѣмъ, что у нихъ въ ходу, что составляетъ ихъ „topics of conversation", какъ называла ея англичанка... Вѣдь она говоритъ и читаетъ на четырехъ иностранныхъ языкахъ. Мать не пустила бы ее ни на какіе курсы—о курсахъ въ ихъ свѣтѣ говорятъ съ ужасомъ,—но она любила и любитъ читать. Дѣльныхъ книгъ мало перебывало въ ея рукахъ, да и некогда было—ни по зимамъ, ни въ лѣтніе сезоны. Заняться этимъ, попросить указаній вотъ у такого Гущина, и черезъ два-три мѣсяца можно навести на себя совсѣмъ другой „genre".

Въ ту минуту, когда она подходила къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Гущинъ, Марья Денисовна почувствовала даже родъ удовольствія именно оттого, что она можетъ держаться съ нимъ совершенно иначе. Двѣ недѣли, какія онѣ проведутъ еще въ Крыму, получили для нея не тотъ смыслъ, какъ прежде: ими нужно было воспользоваться.

XVII.

— Ахъ! mademoiselle Усманская! Какъ я радъ!

Гущинъ подошелъ къ ней съ книгой въ одной рукѣ, а другой снялъ и низко опустилъ шляпу.

— Читаете?—спросила она его и указала глазами на книгу, въ восьмую долю, въ темно-сѣрой оберткѣ.

Видно было, что онъ ее только что разрѣзалъ.

По звуку ея вопроса, Гущинъ понялъ, что она будетъ иначе себя вести съ нимъ. Онъ весело блеснулъ своими свѣтло-карими, еще очень молодыми глазами и разсмѣялся.

— Вы мнѣ сегодня нравитесь.

— Очень рада, — отвѣтила Марья Денисовна такъ же бойко.

— Право!.. Въ первый разъ вы взяли хорошій тонъ. А то вы были какъ на веревочкѣ. Хотите присѣсть... Тутъ есть еще другой складной стулъ.

Они сѣли рядомъ. Внизу темнѣло море.

— Точно чернила,—сказала Марья Денисовна.

— Вы любите реальныя сравненія?

— У меня такъ вырвалось. Вы со мной, Павелъ Павлычъ, — она еще не звала его такъ, — не употребляйте мудреныхъ словъ.

— Какъ? Васъ пугаетъ слово реальный? Быть не можетъ. Вы навѣрно знаете три иностранныхъ языка.

— Реальный... Это—réaliste. Я понимаю. Но по-русски я не привыкла къ такимъ выраженіямъ.

— Пріучитесь!

— Хочу.

— Въ добрый часъ!

— И вы мнѣ, пожалуйста, помогите.

— Помилуйте... всей душой.

— Вотъ пріѣдетъ ваша жена—познакомьте насъ.

Она нарочно поторопилась сказать это: пускай онъ не думаетъ, что у ней виды на него съ хищнической цѣлью.

— Буся моя будетъ ужасно рада.

— Вы такъ зовете жену вашу?

— Да, она такая маленькая.

„Въ самомъ дѣлѣ, онъ славный человѣкъ,—думала дѣвушка,—и нѣтъ въ немъ никакой ученой важности“.

— Что это за книга? Русская?—спросила она.

— Переводъ извѣстнаго этюда Морлея о Руссо.

— Вы и по-англійски, конечно, знаете?

— Знаю; но мнѣ прислали переводъ. Хорошо сдѣланъ. Вы знакомы съ книгами Морлея?

— Никогда не слыхала такого имени,—отвѣтила Марья Денисовна.

— Быть не можетъ!..

— Какъ видите.

XVIII.

Такъ они проболтали до половины десятаго. Ночь уже спустилась такъ же быстро, какъ и тогда, какъ они шли къ ея домику. Профессоръ разспрашивалъ ее о поѣздкѣ

въ Ялту и попенялъ за то, что она убѣжала изъ столовой, не захотѣла съ нимъ протанцовать тура вальса.

Она начала горячо увѣрять его, что никакого нежеланія тутъ не было, а сдѣлалось ей слишкомъ горько отъ картины веселья, и она разрыдалась.

— Съ той ночи многое перемѣнилось, — значительно выговорила она,—и если у васъ опять будетъ что-нибудь— разсчитывайте на меня.

— И верхомъ поѣдете?

— Непремѣнно.

Гущинъ, на ея разспросы о постояльцахъ большого дома и домиковъ, давалъ ей подробныя свѣдѣнія. Онъ всѣхъ зналъ. Марья Денисовна пожелала „поглядѣть“ на тѣхъ изъ дамъ и дѣвицъ, кто, по его мнѣнію, занимательнѣе.

— Вамъ что̀ нужно? — вскричалъ Гущинъ, обрадованный такой быстрой перемѣной въ „задерганной“ барышнѣ. — Благой примѣръ независимыхъ русскихъ женщинъ васъ вылѣчитъ безъ всякихъ проповѣдей. Вы увидите, какъ можно, живя на крошечныя средства, блаженствовать.

— Ужъ и блаженствовать, — насмѣшливо повторила Усманская.

— Да-съ, блаженствовать! Да вотъ, чтобъ не далеко ходить... Угодно, я съ вами побываю въ скиту?

— Что это такое скитъ?

— Скитъ—вы знаете что̀... гдѣ монашки-раскольницы живутъ... Это я прозвалъ одинъ домикъ... тамъ вонъ, у самаго въѣзда, его не видно изъ-за кипарисовъ. Живутъ тамъ двѣ дѣвицы... пожилыя. Одной ужъ подъ сорокъ лѣтъ...

— Успокоилась,—точно для себя выговорила Усманская.

— Вовсе нѣтъ! И не думала успокаиваться. Вся пылаетъ, вся кипитъ! Одна у ней цѣль и отрада — знаніе, идеи... И дружба. Хотите къ нимъ?

— Какъ, сейчасъ?.. Какъ же это будетъ?..

— Ну, вотъ видите... и барышня сказалась. Да такъ же. Онѣ навѣрно сидятъ на балкончикѣ, чаекъ пьютъ съ простоквашей, яйцами. Хлѣбъ свой, разныя лепешечки. Я имъ скажу: „вотъ барышня хочетъ знакомиться съ хорошими людьми“, больше никакихъ представленій не нужно.

Она подумала и согласилась.

XIX.

Гущинъ повелъ ее подъ руку. Теперь она и не замѣтила даже, какъ ея рука очутилась около его стана. Они шли скоро и продолжали весело разговаривать. И Гущинъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей стихіи. Можетъ-быть, онъ приписывалъ даже вліянію ихъ перваго разговора то, что „барышня" набирается другихъ мыслей и сбрасываетъ съ себя свои претензіи. Это его искренно радовало.

„У ней навѣрно есть характеръ, — думалъ онъ, продолжая перекидываться фразами. — Какія брови и губы, и все лицо энергично! Надо только показать ей новые исходы".

— Вотъ и скитъ! — вскричалъ Гущинъ, и ускорилъ шагъ.—Мы попадемъ какъ разъ въ пору.

Они подходили къ домику съ крытой галлерейкой. Можно было издали разсмотрѣть фигуру надъ перилами.

— Это Катерина Яковлевна Русанова! — вскричалъ Гущинъ.

— У ней короткіе волосы. Нигилистка?

— Ха-ха! Какъ вы это спросили!.. На взглядъ вашей maman, конечно, изъ „нигилистиковъ". Такъ вѣдь въ Москвѣ называютъ серьезныхъ дѣвушекъ кумушки съ Поварской и Сивцева-Вражка. Вотъ увидите. Только лучше ужъ я вамъ сразу скажу, что у ней докторскій дипломъ.

— Лѣчитъ?

— Никого не лѣчитъ. Она — докторъ естественныхъ наукъ.

— Гдѣ же она училась?—спросила Усманская и подумала: „вотъ еще охота".

— За границей.

— Въ Швейцаріи?

— Почему же непремѣнно въ Швейцаріи? Это у васъ тоже одно изъ свѣтскихъ пугалъ. Въ Германіи защищала докторскую диссертацію.

— Какъ это страшно!

Оба разсмѣялись.

— Павелъ Павлычъ!—крикнули ему съ галлереи.

— Только, право, мнѣ не совсѣмъ ловко, — весело выговорила Марья Денисовна.

— А вотъ я сейчасъ васъ выдамъ.

— Нѣтъ, не надо... Я такихъ ученыхъ боюсь. Я ничего не знаю.

— Старая пѣсня!

XX.

Съ этими словами Гущинъ подвелъ Марью Денисовну къ домику.

Черезъ перила галлерейки перегнулась женщина въ темномъ платьѣ и протянула Гущину руку.

Въ двѣ-три секунды оглядѣла ее Усманская, насколько можно было въ густыхъ сумеркахъ надвинувшейся ночи. Лицо — худощавое, кажется, съ просѣдью въ волосахъ, большіе глаза, зубы сохранились и сверкнули въ широкой и ласковой усмѣшкѣ.

— Ха-ха-ха! — разсыпался по воздуху ея смѣхъ — еще очень молодой—лѣтъ на двадцать моложе ея лѣтъ.—Павелъ Павлычъ, вы глазами ищите Котика?

Но она не договорила, увидавъ, что онъ съ дамой.

— Катерина Яковлевна, я вамъ веду гостью. М-lle Усманская. Хочу познакомить ее со скитомъ. А Котикъ?

— Вотъ видите... О Котикѣ сейчасъ же освѣдомится профессоръ... Котикъ!

— Иду, иду! — крикнулъ изъ комнаты женскій, тонкій голосокъ.—Свѣчку уставляю въ фонарѣ.

— Какъ всегда — изображаетъ евангельскую Мареу, — сказалъ Гущинъ, все еще стоя съ Марьей Денисовной у крыльца.

— Да, да .. въ своемъ элементѣ... Да что жъ вы стоите?.. Милости просимъ,—сказала Русанова въ сторону гостьи,— мѣста хватитъ.

— И угощеніе будетъ? —спросилъ Гущинъ.

— И угощеніе. Есть простокваша... есть вареныя сливы со сливками... Котикъ сегодня самъ хлѣбъ пекъ, на молокѣ. Самоваръ тоже готовъ... Всего будетъ.

„Сами хлѣбы пекутъ, варятъ варенье, — думала Марья Денисовна, поднимаясь по ступенькамъ. — Какъ здѣсь славно пахнетъ!“

Пахло свѣжеиспеченымъ хлѣбомъ, молочной ѣдой, хорошимъ вареньемъ. Все это было разставлено на столикѣ, занимавшемъ собою почти всю ширину галлереи. Стулья стояли съ боковъ.

Русанова крѣпко пожала руку гостьи и посмотрѣла на нее прищурившись, но съ улыбкой. Марьѣ Денисовнѣ въ

этомъ пожатіи и во всей манерѣ почуялось что-то свое, дворянское.

„Эта докторша не всегда была такая“,—подумала она, и ей стало сразу удобнѣе.

— Мы будемъ много ѣсть!—вскричалъ Гущинъ.

— Не объѣдите. У Котика цѣлыя катакомбы запасовъ.

XXI.

Изъ комнатъ выбѣжала сожительница Русановой, та, кого она звала „Котикомъ“, вся розовая, хорошенькая, съ маленькой темнорусой косой на затылкѣ и гладкими волосами, въ голубой блузѣ; полузасученные рукава открывали руки по локоть, бѣлыя и тонкія. Она несла свѣчу въ стеклянномъ колпакѣ и плоскую чашку съ чѣмъ-то молочнымъ.

При видѣ посторонней дамы, она покраснѣла. Марья Денисовна такъ же быстро оглядѣла и ее. Она навѣрно— дѣвица, еще очень свѣжа и моложава, хотя и худая. Сразу понравился ей взглядъ свѣтло-голубыхъ глазъ, привѣтливый и пугливый. Движенія, несмотря на домашнюю неприбранность туалета,—показывали, какъ и въ Русановой, порядочность бывшихъ „барышень“.

— Ахъ! — тихо ахнула она. — Павелъ Павлычъ... А я въ такомъ видѣ...

Она кланялась частымъ наклоненіемъ головы и ему, и гостьѣ.

— Не взыщемъ, не взыщемъ... Вы евангельская Мароа... всего намъ изготовили—на всякій случай. Гостью привелъ освѣжиться въ вашемъ скитѣ... душой освѣжиться. Марья Денисовна Усманская. А это... Надежда... Надежда...

— И забылъ! — крикнула Русанова. — Не нужно никакихъ именъ и отчествъ. Котикъ—Захарова.

— Что же вы не кушаете?—захлопотала Захарова, возбужденная своимъ ненасытнымъ гостепріимствомъ.

— Дайте срокъ!—утѣшилъ ее Гущинъ, и принялся за свѣжій хлѣбъ.—И простокваша также будетъ?

— Будетъ, будетъ! Самоваръ уже вскипѣлъ, — обрадовалась Захарова.—У меня еще есть кое-что.

И она, торопливо оправляя рукава книзу, убѣжала.

— Вотъ созданіе-то!—пустилъ ей вслухъ Гущинъ, когда пережевалъ первый кусокъ. — Что за полнота любви и милосердія!

— Милосердія!—повторила со смѣхомъ Русанова.

— А то какъ же?.. Катерина Яковлевна! Вамъ-то бы, кажется, не надо возражать. Вы видите,—обратился онъ къ Усманской,—въ той особѣ, что̀ такъ насъ кормитъ въ эту минуту,—примѣръ всецѣлой преданности другу. Она посвятила всю жизнь свою вотъ Катеринѣ Яковлевнѣ, неразлучна съ ней, сидитъ надъ ней цѣлыя ночи,—вы не удивляйтесь: у Катерины Яковлевны видъ бодрый и крѣпкій, а здоровье слабое. Страдаетъ мучительными припадками по цѣлымъ мѣсяцамъ... И всегда ея подруга была съ ней, всю Европу изъѣздили... На Адріатикѣ, въ Скандинавіи... у какихъ-то гуцуловъ, и то побывали...

XXII.

— Павелъ Павлычъ! Ради Бога! Я не позволяла!..

Лицо Котика выставилось изъ двери.

— Занимайтесь своимъ дѣломъ!—крикнулъ ей Гущинъ и хлебнулъ полную ложку жирной простокваши.

— Обо мнѣ—не нужно! Что за реклама!..

— Извольте отправляться къ самовару... Мы сейчасъ чаю захотимъ... ваше дѣло!..

— Ваша сосѣдка ничего не кушаетъ, церемонится,— не удержалась Захарова и указала головой на Усманскую.

— Развѣ не вкусна ея стряпня? — спросила Русанова.

— О, да!—вырвалось у Марьи Денисовны, и она стала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

Въ первый разъ во все лѣто ей приводилось ѣсть такія хорошія домашнія вещи.

— Вотъ такъ, прекрасно!—поощрилъ ее Гущинъ.

Русанова тоже начала ѣсть очень основательно. Ея подруга прибѣгала нѣсколько разъ, ставила тарелки и чашки, принесла сама самоваръ, крендельковъ и бутылку вина, за что Гущинъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она не далась.

— Я кухарка!—засмѣялась она.—У кухарокъ рукъ не цѣлуютъ.

Послѣ ѣды, за чаемъ, завязался сейчасъ же горячій споръ между Гущинымъ и Русановой по поводу какой-то книги. Усманская не знала, что̀ это за книга, не могла судить, кто правъ, кто виноватъ,—ее укололо, впервые, сознаніе своего малолѣтства. Она сидѣла тутъ, пила чай, сначала снисходительно улыбалась, а потомъ состроила серьезное лицо и все-таки не могла принять участія въ разговорѣ, даже извлечь изъ него что-нибудь. Конечно,

такой споръ между мужчиной и дамой въ любой свѣтской гостиной былъ бы невозможенъ. Но отчего? Оттого, что никакой мужчина не станетъ спорить съ дамой или дѣвушкой о чемъ-нибудь дѣльномъ. Можетъ-быть, о романѣ, да и то больше перебирать: можно этотъ романъ читать порядочной женщинѣ или нѣтъ?

XXIII.

Вдругъ Марья Денисовна вспомнила, что у ней больная. Пора бѣжать въ другой домикъ. Она поспѣшно допила чай, встала и начала извиняться.

— Куда?.. — громко остановилъ ее Гущинъ. — У насъ еще не рѣшенъ вопросъ... Катерины Яковлевны вы еще порядкомъ не видали... Я васъ долженъ проводить.

Отъ провожанья она отказалась, пожала руку Русановой, но затруднилась сказать ей нѣсколько обыкновенныхъ свѣтскихъ фразъ.

— Безъ прощанья! — сказала ей та, все еще пожимая руку. — Мы каждый вечеръ дома, гуляемъ только по ночамъ, поздно.

— Да мнѣ кажется, что я въ вашемъ обществѣ... слишкомъ... глупа, — тише выговорила Усманская и разсмѣялась.

— Здѣсь наберетесь всего... — заговорилъ Гущинъ. — Вотъ разспросите Катерину Яковлевну, какъ она покинула родительскій домъ. Тоже вѣдь воспиталась въ шелкахъ и бархатахъ...

„Не такъ, какъ я",—подумала Усманская.

— Если позволите... буду у васъ, — вымолвила она и почувствовала себя совсѣмъ дѣвчонкой.

— Котикъ!—позвала Русанова, — m-lle Усманская уходитъ.

— Не безпокойте, пожалуйста.

— Не подаю вамъ руки,—извинилась Захарова, подбѣжавъ къ столу,—не успѣла вымыть. Павлу Павлычу хочу сдѣлать сюрпризъ.

— Видите, видите,—весело подхватила Русанова,—Котикъ въ васъ влюбленъ...

— Катя!.. Что ты! .. Что ты!

Захарова вся зардѣлась и тотчасъ же убѣжала.

Гущинъ порывался проводить Марью Денисовну, но она рѣшительно отказалась и пошла одна.

— Слово свое сдержите! Ждемъ васъ!—проговорила ей

вслѣдъ Русанова, перекинулась через перила и долго кивала головой во мглѣ засвѣжѣвшей ночи.

Вернется ли она? Ее охватило тамъ что-то совсѣмъ новое; обѣ онѣ — симпатичны; особенно этотъ „Котикъ“; только сама-то она не подходитъ къ нимъ! Но Гущинъ правъ: въ ихъ „скиту“ она привыкнетъ къ другому складу жизни, будетъ умѣть говорить и спорить съ дѣльными мужчинами, найдетъ „исходъ“ — какъ выражался Павелъ Павлычъ.

Скорой ходьбы понадобилось двадцать минутъ. Когда она заглянула въ окно при свѣтѣ ночника, Прежнева спала.

XXIV.

Четыре дня спустя, опять подъ вечеръ, у ключа, Прежнева подбѣжала къ Усманской, безъ косынки на головѣ, съ развѣвающимися волосами, красная и трепещущая.

— Неслась къ вамъ, — задыхаясь, говорила она и чуть не упала.

— Что? Будетъ?

— Да, да!..

Надо было усадить ее на скамью. Онѣ вмѣстѣ сочиняли письмо къ Володѣ. Усманская отправила его съ хозяиномъ гостиницы. Отвѣта тотъ не привезъ; но видѣлъ Шеломова, который сказалъ ему, что напишетъ по почтѣ. Всѣ эти три дня надо было ходить за Прежневой: ея ажитація не ослабѣвала до ночи. Нѣсколько разъ она начинала упрашивать Марью Денисовну впрыснуть хоть капельку морфію; но та была непреклонна. Послѣ просьбъ со слезами, она бранила себя всякими бранными словами, рвала волосы, переходила къ смѣху, къ ласкамъ, мечтала вслухъ, — какъ Володя будетъ у ней, она его совсѣмъ передѣлаетъ въ „чудное созданіе“, онъ возьметъ ее жить къ себѣ... Марья Денисовна нарочно охлаждала ее, доказывала, что въ двѣнадцать лѣтъ онъ, конечно, забылъ мать; хорошо, если откликнется хоть нѣсколькими словами и не огорчитъ ее своей холодностью и непочтительнымъ обхожденіемъ. Лучше же было подготовить ее ко всему худшему. Но Прежнева не спорила, даже не огорчалась. Она, въ промежуткахъ слезъ и упрашиваній дать ей морфію, мечтала и мечтала... Минутами Усманской казалось, что передъ ней полусумасшедшая.

Она спрашивала себя: „Можно ли такъ безумствовать? Какая радость увидать испорченнаго фатишку?“

Материнство все еще спало въ ней. Въ душѣ не поднималось ничего около этой покинутой матери, ушедшей въ мечты и порывы. Усманская ставила себя мысленно въ такое же положеніе. Она была бы слишкомъ обижена поведеніемъ мужа, возмущена его предательствомъ; ревность, гордость, сознаніе своихъ законнѣйшихъ правъ давно перешли бы въ ней въ полную презирающую холодность. Ее она распространила бы и на сына, воспитаннаго въ забвеніи матери женщиной, разбившей, отнявшей у ней все. Только „божья коровка“, какъ Лидія Никаноровна, съ ея нервами, расшатанными морфіемъ, могла еще терзаться, исходить въ надеждахъ и воздушныхъ зàмкахъ...

XXV.

— Вотъ, вотъ... прочтите...—задыхаясь, говорила Прежнева и шарила лѣвой рукой въ карманѣ платья, не находила его, искала въ правомъ, еще больше заволновалась и, наконецъ, вытащила скомканный листокъ модной бумаги, нарѣзанной вдоль, нѣжно-перловаго цвѣта, съ длинной золотой монограммой.

Она опустила голову на плечо Усманской и поцѣловала ее въ щеку.

— Читайте...—шептала она съ закрытыми глазами.

Голосъ замиралъ въ сладкой истомѣ блаженства.

„Какое безуміе!“ — почти брезгливо сказала про себя Усманская и разгладила рукой скомканную записку.

Стояло нѣсколько строкъ. Записка не начиналась даже словомъ „мамаша“, или „матушка“, или „maman“.

„Въ четвергъ,—написано было конторскимъ почеркомъ съ усами и росчерками, — послѣ обѣда пріѣду васъ провѣдать и посидѣть на вольномъ воздухѣ. Однако, прошу никакихъ исторій не поднимать.

„Владиміръ Шеломовъ“.

И такая-то записка наполняетъ эту несчастную блаженствомъ!

— Въ четвергъ! — порывисто прошептала она, — вѣдь это завтра, понимаете ли, душа моя, завтра!

Прежнева вскочила и стала прыгать и бить въ ладоши. Глаза ея забѣгали по сторонамъ, волосы еще больше растрепались. Усманская поглядѣла на нее со страхомъ,

поднялась со скамьи, взяла ее за обѣ руки и стала успокаивать.

— Ха-ха!..—смѣялась Прежнева, обнимала и цѣловала ее,—вы боитесь... душа моя... Я вижу... думаете, чудачка съ ума сошла... да? Я такъ и знала. Нѣтъ же, нѣтъ, милая... Я отъ радости... Вѣдь двѣнадцать лѣтъ Володя...

Голова ея упала въ колѣни Усманской. Рыданія и взвизгиванія чередой колыхали ея изможденное тѣло вмѣстѣ со смѣхомъ, но не истерическимъ, а безумно-радостнымъ.

Марью Денисовну кольнуло. Потомъ это блаженство, хлынувшее черезъ край материнской души, начало мутить ее физически. Жёлчь—съ ней часто случались припадки—подступила вдругъ. Она не могла больше выносить радости Прежневой, высвободила свои колѣни изъ-подъ головы ея и проговорила тихо:

— Полноте... довольно... Я такъ не могу!

XXVI.

Прежнева смолкла, испуганно, какъ дѣвочка, взглянула на нее, сдержала новый взрывъ смѣха, обняла ее и приникла головой къ ея груди.

— Милая... не буду! Не бойтесь. Простите. Вамъ непріятно. Кто же можетъ понять?.. Оставьте меня. Я побѣгу... наверхъ... Измучить себя надо. Бѣгу... не ходите за мной... Не бойтесь... Чай будемъ пить — да? Черезъ часикъ... И вы увидите... какая я тихонькая буду!

Прежнева побѣжала сначала внизъ, взяла направо по крутой дорожкѣ вверхъ, между виноградниками, обернулась еще, сдѣлала Марьѣ Денисовнѣ ручку и скрылась за двумя дубками.

Бояться за нее не хотѣлось Марьѣ Денисовнѣ. „Не упадетъ! Будетъ дома“. Она это подумала почти съ сердцемъ. Но ей было все-таки не по себѣ. Подъ ложкой сосало. Вотъ сейчасъ замутитъ еще сильнѣе. Надо торопиться или домой, или къ домику Прежневой. Лучше домой. Если это жёлчь, то не пройдетъ до ночи, да и завтра придется лежать пластомъ съ ужасной головной болью. Нѣтъ, это не жёлчь. Жутко стало на душѣ; а не отъ печени... Тоскливое и раздражающее чувство, еще совсѣмъ не вызнанное и не уясненное, засѣло внутри, просится куда-то и не можетъ выйти, лопнуть, разрѣшиться слезами или чѣмъ-нибудь инымъ.

Сидѣть на мѣстѣ—несносно. Она спустилась къ берегу;

попадающіе подъ ноги камешки раздражаютъ ее. Поскорѣе — къ большимъ глыбамъ, у самаго края воды. На одинъ изъ этихъ камней можно слегка подняться и сѣсть наверху, смотрѣть, какъ подъ нимъ кипитъ пѣна прибоя.

Добралась она до большого камня, перескочила черезъ двѣ щели, куда вода подтекаетъ, и сѣла на гладкую площадку, всю пестрѣющую изломомъ мраморныхъ слоевъ, перемѣшанныхъ съ гранитомъ. Сидѣть удобно, протянувъ ноги къ морю. Въ лицо летятъ брызги, вѣтерокъ играетъ волосами на лбу, пахнетъ солью и водорослями. Но на душѣ все такъ же нудно. И съ каждой минутой хуже и хуже. За горло схватитъ родъ спазма, къ глазамъ подступаютъ слезы; но онѣ не текутъ изъ орбитъ, рыданія не вырываются изъ груди. Въ голову бьетъ, мысль витаетъ около чего-то забытаго, постылаго; какъ будто не можетъ вспомнить, а потомъ пугается, не хочетъ вспоминать. Лучше было бы убѣжать куда-нибудь мыслью, за море... или смотрѣть на одну точку, на горизонтѣ, вонъ на парусъ рыбачьей лодки, или вверхъ на звѣзду...

XXVII.

„И ты—мать!"

Эти три слова внезапно выплыли и встали въ головѣ, не какъ смутная мысль, а какъ слова, начертанныя на темномъ фонѣ яркими буквами.

„Да!"—повторила она и поникла головой. Жаръ запылалъ у ней на лбу и на груди,—по всему тѣлу... Испарина смѣнила его мгновенно...

„Да—и я мать,—продолжала она читать слова въ своей головѣ,—а гдѣ же мой ребенокъ?"

Вопросъ выскочилъ самъ: она его не хотѣла задавать! Зачѣмъ онъ ей теперь? То сгинуло. Того не было никогда. Кромѣ стыда и безплодной боли, что же принесутъ ей такіе вопросы? Злость напала на нее. Стряхнуть съ себя это непонятное, дикое настроеніе, бросить его въ море, окунуться туда, въ воду, и выплыть со свѣжей головой, какъ ей случалось испытывать по утрамъ, послѣ тяжелаго сна съ видѣньями.

Руки ея, полусознательно, начали было разстегивать платье. Голова же подумала, что еще не стемнѣло, что могутъ въ пяти шагахъ быть гуляющіе.

Платье осталось на ея плечахъ. Она не окунулась, а

сидѣла, согнувъ колѣни, положила на нихъ голову и смотрѣла на одну точку — на чуть бѣлѣющее пятно паруса. Вопросъ опять стоялъ въ головѣ, не хотѣлъ уходить ни за что.

„Гдѣ твой ребенокъ?"

И она, какъ бы противъ воли, начала думать, что этотъ ребенокъ можетъ жить, живетъ и теперь, ему четыре года, онъ красивый мальчикъ, въ черныхъ кудряхъ, похожъ на нее... Но гдѣ онъ? Она никогда объ этомъ не спрашивала себя. Гдѣ-то, когда-то слыхала она или читала, что дѣтей, отнесенныхъ въ воспитательный домъ, отдаютъ въ деревни. Да, она читала случайно въ газетѣ цѣлую статью. Вотъ теперь вспомнила и то, что ихъ зовутъ „питомцы". Воспитываютъ ихъ бабы, изъ подгородныхъ деревень, кормятъ гадко, держатъ въ грязи, дѣти мрутъ сотнями... бабы скрываютъ часто ихъ смерть, чтобъ получать за нихъ содержаніе.

Какъ быстро и отчетливо она возстановила въ памяти газетную статью. Стало-быть, и ея мальчикъ прошелъ черезъ то же... умеръ!

Слово „умеръ" прозвучало внутри ея и облило ее тотчасъ холодомъ эѳира. Но почему непремѣнно онъ? Баба полюбила его, выкормила; онъ здоровый, краснощекій, проживетъ сто лѣтъ...

XXVIII.

„Но вѣдь онъ, все равно, умеръ для тебя! Ты его не найдешь".

„Не найду", — повторила она про себя, и тутъ только хлынули рыданія.

Они не облегчили ее. Чѣмъ больше лилось слезъ, тѣмъ ядовитѣе капли горечи падали ей на сердце. Ничего такого она не испытала во всю свою жизнь. Чувство было невыносимѣе всѣхъ дѣвичьихъ мукъ, дрязгъ, огорченій, схватокъ съ матерью, отчаянныхъ вызововъ судьбѣ и позорной доли барышни, обреченной на ловлю жениха. Она не умѣла утишить боли, справиться съ нею. Море тутъ, подъ ногами. Броситься въ него?! Не боязнь удержала ее, а что-то впереди, въ туманѣ, —какой-то приказъ, зарокъ; онъ тянулъ ее, удерживалъ отъ легкаго исхода вольной смерти. Пальцы ея правой руки безпричинно стали отряхивать и ощупывать платье. У ней въ карманѣ что-то лежитъ. Игла и морфій. Она забыла ихъ въ

этомъ платьѣ. Чего же лучше? Вѣдь она видѣла, какъ Прежнева, черезъ десять секундъ, переставала плакать и мучиться, улыбалась полубезумной улыбкой и начинала болтать долго, несвязно и уноситься куда-то, въ такой же міръ забвенія, какъ отъ опіума или гашиша. Здѣсь можно проколоть себѣ что хочешь: ногу, грудь; никого нѣтъ, никто не увидитъ.

Рука схватила въ карманѣ свертокъ и выхватила его безповоротнымъ движеніемъ.

„А вдругъ хуже будетъ?"—съ ужасомъ подумала она и такъ же быстро спрятала свертокъ въ карманъ. Нѣсколько разъ опускала она туда руку и выдергивала ее. Волны душевныхъ колебаній качали ее изъ стороны въ сторону. Ей немного какъ будто полегчало; она встала безъ усилій, потребность въ ходьбѣ, въ усталости явилась сейчасъ же. По другой тропочкѣ, каменистой и обсыпчатой, хватаясь за пни и сучья, полѣзла она наверхъ, все выше и выше. Только бы скорѣе выбиться изъ силъ, задохнуться, что-нибудь ощутить такое, послѣ чего тѣло падаетъ какъ снопъ, а голова переходитъ въ небытіе обморока...

Такъ бѣгала она по скалистымъ верхамъ, покуда могла лѣзть все кверху. Но силы не оставляли ее. Съ крикомъ ярости махнула она рукой въ одномъ мѣстѣ, откуда нельзя уже было подниматься, и побѣжала внизъ; платье цѣплялось за сучья, ботинки давно уже были разодраны. Бѣжала она по направленію къ домику Прежневой...

XXIX.

Подъ навѣсомъ шумѣлъ на столикѣ самоваръ. Лидія Никаноровна сидѣла въ креслахъ, тихо улыбалась и поглядывала на записку перловаго цвѣта. Лампа освѣщала окно, и столъ, и всю сторону навѣса.

Шумно сбѣжала къ ней Усманская по лѣсенкѣ, задыхаясь, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и упала на колѣни, около ея кресла, головой приникла къ ней и беззвучно всхлипывала, вся потрясенная.

Долго не могла она говорить; но когда подняла голову, поглядѣла прямо въ глаза Прежневой и увидала ея все еще блаженное выраженіе глазъ, крикнула:

— И я мать! Хочу! хочу! Отдайте мнѣ моего ребенка!

Прежнева пугливо оглядѣла ее. Не подѣйствовала ли

она сама на Усманскую? Не припадокъ ли душевнаго разстройства?

— Милая, милая,—начала она ее успокаивать.—Полноте, что̀ вы... выпейте... капли у меня прекрасныя.

Рыданія прекратились, и однимъ духомъ Марья Денисовна открыла ей первой свою тайну.

— Гдѣ онъ?—уже шопотомъ спрашивала она, все еще стоя на колѣняхъ передъ Прежневой. — Бросила его... какъ собачонку!..

По мѣрѣ того, какъ она это говорила, у ней внутри разгоралось новое чувство. Для нея вдругъ стало ясно, зачѣмъ она живетъ, что̀ ей нужно дѣлать, куда идти, для кого работать!.. У ней есть одна цѣль—ребенокъ!

Это чувство покрывало собою терзанія за свое преступленіе: она такъ назвала свой дѣвическій проступокъ.

Прежнева слушала ее съ участіемъ; но она сама была слишкомъ переполнена своей радостью, чтобы уйти въ душу Усманской. Когда она услыхала разсказъ о двухъ встрѣчахъ въ одинъ день: съ гусаромъ и съ бывшей акушеркой, то что-то припомнила, взяла Усманскую руками за голову, поцѣловала и прошептала:

— Бѣдная вы моя... вѣдь нынче... нельзя...

— Чего нельзя?—вся встрепенувшись, спросила Усманская.

— Кажется... я читала.

Но она уже испугалась, что сказала лишнее.

— Вотъ вы понимаете меня... не смѣетесь... надо мной... понимаете.

Теперь только Усманская поняла ее.

XXX.

Но Прежнева такъ и не досказала ей, когда волненіе Усманской унялось, того, что̀ ей пришло на память. Она гдѣ-то читала, или слышала, что дѣтей, отданныхъ въ воспитательный домъ, уже не возвращаютъ назадъ, номеровъ больше не выдаютъ. Не хотѣла она убить ее сразу.

— Номерокъ вы не велѣли взять тогда? — спросила она.—Припомните.

Марья Денисовна помнила, что сама акушерка посовѣтовала ей взять номеръ; но гдѣ онъ—она не знаетъ. Она такъ поглощена была тогда тѣмъ, какъ ей вернуться домой къ чаю, да и не хотѣла она знать этого

ребенка, можетъ-быть, обрадовалась бы, если бъ онъ родился мертвымъ.

А теперь!..

— Вотъ... Богъ-то и помогъ,—шептала, наклонившись надъ нею Прежнева,—авось... надо узнать... быть-можетъ, эта... жена-то профессора...

— Да, да!—вскричала Марья Денисовна, и начала ходить около домика, по дорожкѣ.

Хоть сейчасъ бы полетѣла она въ Алупку.

— Вамъ самой-то... неловко... душа моя. Я съѣзжу... къ этой профессоршѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вскричала Марья Денисовна, остановилась и сдѣлала сильный жестъ правой рукой.—Завтра же я къ ней, утромъ.

— Милая... вы... барышня... можетъ кто услыхать... Вы мнѣ все запишите на бумажкѣ. Ей-Богу, я не забуду ничего... Завтра пріѣдетъ Володя... Онъ меня воскреситъ... А въ пятницу я сама утромъ.

На это Усманская не согласилась. Она начала говорить сильно и горячо: какъ она отправится къ женѣ профессора, сразу ей откроется, напомнитъ ей все, до мельчайшихъ подробностей, добьется отъ нея непремѣнно!

Обѣ матери сидѣли рядомъ, на кровати, полуосвѣщенныя лампой, рука въ руку, глядѣли одна на другую умиленными глазами и жили однимъ чувствомъ. Время шло. Имъ не было ни скучно, ни страшно. Онѣ обѣ вѣрили.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ, когда Усманская собралась домой. Прежнева проводила ее до спуска къ ключу.

— Звѣздъ-то, звѣздъ-то сколько,—съ дѣтской радостью говорила Прежнева, закидывая голову.—Вотъ... та звѣздочка... моего Володи... А вашего, милая, какъ зовутъ?.. Можетъ, также Володя—да?.. Вонъ ему ту отдадимъ... что̀ прямо надъ головой...

Дѣвушка-мать ничего не отвѣчала, но долго глядѣла на звѣзду, и въ душѣ ея все росла и росла потребность жертвы...

XXXI.

Съ матерью у ней уже не было больше переговоровъ насчетъ того: куда идти и въ которомъ часу? Но Марья Денисовна, вернувшись, зашла къ матери проститься. Сразу смякъ ея тонъ съ нею. Она захотѣла повести совсѣмъ по-другому свое обхожденіе.

„Притворюсь,—говорила она себѣ, когда шла домой,—смирю себя, поддѣлаюсь къ ней, какъ только возможно".

Такая ложь будетъ для нея сладкой ложью, высокимъ притворствомъ. Она способна была увѣрять въ своемъ желаніи сдѣлать блестящую или денежную партію, выслушивать всѣ совѣты матери по туалету, умѣнью вести себя въ обществѣ, насчетъ разныхъ „manoeuvres". Будетъ обнадеживать и тѣмъ, что онѣ могутъ еще протянуть двѣ зимы па разные „expédients". Только бы она оставила ее въ покоѣ до возвращенія въ Москву.

Обдумывая все это, она не казалась гадкой самой себѣ. Вѣдь впереди онъ, ея ребенокъ, ея сынъ! „Только не Володя",—добавила она умственно. Не только на хитрость и притворство, но она готова пойти на униженія, выслушивать брань, испытать хоть побои. Сейчасъ же вернулись къ ней силы. Она знаетъ себѣ цѣну. Нужды нѣтъ, что у ней нѣтъ диплома на гувернантку; языкамъ ее выучили хорошо, по-французски и по-англійски пишетъ лучше чѣмъ по-русски. Неужели она не пропитаетъ и не сдѣлаетъ человѣкомъ одного мальчика, не продавая себя въ замужество, какъ барышня, тайно имѣвшая когда-то ребенка?.. Вотъ мужчинѣ — ни одному она лгать никогда не будетъ. Да и не нужно ей никого! Женихъ!—это только необходимый предметъ разговоровъ съ матерью до той минуты, когда она уйдетъ.

А это будетъ, какъ только ей вернутъ ребенка. Въ этомъ она не сомнѣвалась,—забыла вырвавшуюся у Прежневой фразу. Увѣренность переходила у ней во что-то непоколебимое.

Матери она предложила, прощаясь съ нею—даже поцѣловала у ней руку—завтра передъ обѣдомъ, почитать ей по-французски, въ тѣни кипарисовъ, внизу, надъ обрывомъ морского берега; выбрала для этого взятую съ собою книжку „Revue des deux Mondes". Ольга Евграфовна считала этотъ журналъ незамѣнимымъ и высоконравственнымъ. Въ головѣ матери уже третій день какъ складывался выводъ:

„Marie Lâcle un mariage. Laissons la faire".

XXXII.

Въ Алупку Марья Денисовна разсчитала пойти утромъ, пораньше, чтобы вернуться къ завтраку. Мать знала, что она, по утрамъ, уходитъ купаться и долго гуляетъ. Вече-

ромъ жену профессора можно было и не застать. Они навѣрно каждый день ѣздятъ кататься. Самый удобный часъ—утромъ, за чаемъ или только что та одѣнется.

День начинался большимъ жаромъ; но это ее не испугало. Хозяинъ гостиницы ѣздилъ за провизіей каждый день, въ тильбюри, гдѣ оставалось еще одно мѣсто. Но она не хотѣла просить его, не изъ боязни толковъ и сплетенъ, а ей тяжелъ бы былъ всякій разговоръ дорогой, да и все равно придется идти назадъ пѣшкомъ: она не можетъ же заставлять его дожидаться.

Въ половинѣ восьмого, она, въ холстинковомъ туалетѣ и подъ такимъ же зонтикомъ, пошла ровнымъ шагомъ по направленію къ Алупкѣ, сдерживала свой шагъ и старалась даже думать о чемъ-нибудь другомъ—до такой степени новое чувство наполняло ее съ утра. Хозяинъ гостиницы давно уже уѣхалъ. Но врядъ ли кто-нибудь встрѣтитъ или обгонитъ на дорогѣ. Да и не все ли ей равно? Только бы застать въ Алупкѣ жену профессора. Вѣдь они могли уѣхать...

При этой мысли она на одну секунду похолодѣла и остановилась; но сейчасъ же пошла быстрѣе. Если бъ и въ самомъ дѣлѣ она ихъ не нашла больше въ Алупкѣ, жена профессора все-таки не уйдетъ отъ нея. Ея мужъ—извѣстный консультантъ. Мѣсяцъ позднѣе, какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, и она у ней, и все ей припомнитъ, и добьется, и спасетъ своего сына...

Такъ должно быть!

На поворотѣ, около мыса—онъ напомнилъ ей побѣгъ изъ Ялты—она заслышала конскій топотъ. Ей сдѣлалось тревожно. Всадникъ, весь въ бѣломъ, скачетъ къ ней навстрѣчу, окруженный клубами пыли.

Это былъ Гущинъ. Онъ ее узналъ и замахалъ шляпой. Отъ разспросовъ не уйдешь.

— Марья Денисовна!—закричалъ онъ за десять шаговъ и придержалъ лошадь, нагнулся впередъ и поѣхалъ мелкой рысью. Лошадь пошла съ перевальцемъ, иноходью.

Поровнявшись съ Усманской, онъ остановился, еще разъ снялъ шляпу и нагнулся къ ней.

— Каково утро!—радостно крикнулъ онъ.—Отчего же вы пѣшкомъ?.. Куда? Просто гуляете?

Она могла бы сказать „да“; но лгать она не хотѣла.

— Въ Алупку.

— Туда и обратно?

— Какъ видите.

XXXIII.

— И я туда ѣздилъ... справляться: не тамъ ли живетъ профессоръ Сапіентовъ.

— Сапіентовъ!—вырвалось у ней.

Какъ она себя ни превозмогала, но кровь отхлынула отъ ея лица и ноги подкосились.

— Вы его знаете?.. Брали консультацію?.. Можетъ-быть, къ нему?.. Такъ я васъ долженъ предупредить, что онъ отъ всѣхъ скрывается... никакихъ больныхъ не принимаетъ. Мнѣ ужъ это говорили. А мы съ нимъ товарищи по университету, только на разныхъ факультетахъ. Еще спитъ!.. И жена также. Я тамъ велѣлъ сказать имъ, что прошу ихъ къ намъ, вечеромъ, и чтобъ они мнѣ дали знать, когда будутъ. Во вторникъ я жду жену.

Отвѣчать на прямой вопросъ уже не нужно было. Гущинъ слишкомъ много наговорилъ послѣ того.

— Я не лѣчусь!—сказала Усманская, выпрямилась и перевела духъ.

— А вы, кажется, жаловались на печень?.. Такъ вы просто гулять? Не схватите солнечнаго удара. Я, какъ пріѣду,—въ волны!.. Прощайте. Сапіентовъ—голова замѣчательная. Если пріѣдетъ—я вамъ дамъ знать. И жена у него славная. Изъ акушерокъ кажется.

Гущинъ ускакалъ. Она стояла посреди дороги и озиралась. Опять судьба играла съ ней. Сапіентовъ пріѣдетъ къ нимъ съ женой. Гущинъ будетъ непремѣнно знакомить. Какъ тогда быть?

Но это еще—„тогда“. А теперь она сама идетъ на розыски.

Къ гостиницѣ она подходила опять съ прежнимъ настроеніемъ. Пекло ужасно; но ее не томилъ жаръ. Прямо подошла она къ дому, поднялась на галлерейку и спросила у лакея, съ самоваромъ въ рукахъ:

— Госпожа Сапіентова?

— Вамъ къ нимъ самимъ? Насчетъ лѣченія? Такъ господинъ Сапіентовъ не принимаютъ.

— Нѣтъ, я просто въ гости.

— Сейчасъ только сама барыня встали. Вотъ я самоваръ несу.

— Скажите, что дама желаетъ ихъ видѣть. Знакомая

— Скажу-съ.

Дожидаться пришлось тутъ же. Лакей унесъ самоваръ;

но вернулся не тотчасъ же. Профессорша, видно, не была еще одѣта, какъ должно.

XXXIV.

Отворилось окно на галлерейку, и голова съ волосами кудельнаго цвѣта выглянула оттуда.

— Ахъ, это вы! Сейчасъ. Пожалуйте ко мнѣ. Только... безпорядокъ... у меня.

Сапіентова сейчасъ же узнала ее. Марья Денисовна подбѣжала къ окну, взяла ее за обѣ руки и быстро прошептала:

— Вамъ нельзя выйти... въ паркъ?

— Чаю еще не пила. Поздно встали. Тутъ пріѣзжалъ товарищъ... Иванъ-Иваныча—Гущинъ. Онъ не у васъ ли тамъ живетъ? Да войдите ко мнѣ. У мужа особенно спальня. Онъ еще не скоро придетъ. И чайку бы напились... Чашечку?..

Видно было, что профессорша боится жары и въ паркъ не выйдетъ.

Въ дверяхъ своей комнаты Сапіентова еще разъ поздоровалась съ гостьей и пригласила ее откушать чаю.

— Вы къ Ивану Иванычу?—спросила она вполголоса и указала головой на дверь.—Такъ онъ практики здѣсь бѣгаетъ, совѣтовъ не даетъ... Ужъ вы извините.

— Я къ вамъ,—выговорила Марья Денисовна и ощутила мгновенное смущеніе.

Но къ столу присѣла она уже въ полной рѣшимости сейчасъ, безъ всякихъ вступленій, поставить бывшей акушеркѣ страшный вопросъ. Она даже не спросила ее, слышно ли черезъ перегородку, и только спустила немного звукъ голоса.

— Вотъ и прекрасно. Мы очень рады. Иванъ Иванычъ тогда безпокоился, какъ вы дойдете пѣшкомъ. А ассистентъ—такъ тотъ просто влюбился въ васъ.

— Вы меня не узнаете?—прервала Усманская, и встала во весь ростъ.—И тогда по дорогѣ не вспомнили?

— Ахъ, батюшки! Вѣдь что-то тогда мнѣ показалось.

Сапіентова отошла, повернула голову на тотъ и на другой бокъ, прищурила глаза и засмѣялась.

— Да, да! Что-то есть какъ будто знакомое, а не могу назвать...

— Я—Усманская... вы имени моего не знали.

Она припомнила Сапіентовой ноябрьскій день, барышню,

пріѣхавшую на извозчикѣ, ребенка, отвезеннаго ею въ воспитательный домъ.

— Голубчикъ! — крикнула Сапіентова, и вдругъ стала говорить шопотомъ, по старой привычкѣ акушерокъ. — Это вы!.. Вотъ встрѣча-то! Молодцомъ какимъ вы тогда... ха-ха!.. Послѣ вы ко мнѣ не являлись...

XXXV.

Съ отрывистымъ смѣхомъ Сапіентова говорила долго-долго. Усманская не скоро могла остановить ее. Но она почувствовала, что тонъ профессорши сталъ безцеремоннымъ. Нѣсколько словъ сразу произвели между ними сближеніе, которое даютъ сообщничество, пятно и грѣхъ. Глаза бывшей акушерки веселѣе замигали. Она наливала чай и повертывалась головой, и раза два похлопала ладонью по плечу своей гостьи.

— Замужемъ небось?—спросила она, и подмигнула правымъ глазомъ.

— Я дѣвушка,—отвѣтила Усманская уже строже.

— А надо бы... какъ говорится... грѣхъ прикрыть.

Щеки Усманской зардѣлись. Долго она не могла выносить такой фамильярности.

— Вы носили моего ребенка, — заговорила она такъ, что Сапіентова притихла, — я отчетливо помню, что вы взяли номеръ и сказали мнѣ, что такъ лучше будетъ... можно потомъ... отыскать его.

— Вонъ у васъ память-то какая!.. Что жъ... можетъ, такъ оно и было. Я всегда напоминала. Только, теперь ужъ нельзя этого...

— Чего нельзя?—вся вздрогнувъ, спросила Усманская.

— Назадъ-то брать. Иванъ Иванычъ мой разсуждаетъ, что этакъ лучше. Острастки больше для господъ Донъ-Жуановъ.

— Но вѣдь это тогда было? Вы сохранили номеръ?..

— Вамъ, чай, отдала?.. Вы не помните?

— Нѣтъ, этого не было, я не подумала.

— Вотъ оно что,—проговорила серьезнѣе Сапіентова и приложила даже палецъ ко лбу — этому жесту ее учили еще въ театральной школѣ.

— Не убивайте меня!—прошептала Усманская, и слезы выступили у ней на рѣсницахъ.

— Погодите, погодите... Надо сообразить.

Съ минуту Сапіентова молчала, встала изъ-за стола,

подошла къ окну, опять вернулась, и, наклонившись надъ Усманской, раздѣльно и тихо выговорила:

— Счастливъ вашъ Богъ, что у меня аккуратность есть... Мои всѣ дѣла по акушерской части я въ сохранности держала. Ежели я номеръ тогда взяла, онъ у меня найдется.

— Здѣсь?..—радостно прервала Усманская.

— Нѣтъ, голубушка, со мной здѣсь ничего, кромѣ платьевъ да бѣлья нѣтъ.

Дверь тихонько отворилась. Сапіентова замолчала и отошла отъ гостьи.

XXXVI.

Оглянулась и Усманская. Просунулъ голову въ дверь ассистентъ и въ нерѣшительности остановился.

— Можно?—боязливо спросилъ онъ.

— Ну, Николай Васильичъ, — заговорила Сапіентова, протягивая ему руку,—вы, голубчикъ, чайку получите,—я вамъ сейчасъ стаканчикъ налью,—да и отправляйтесь себѣ на вольный воздухъ. У насъ тутъ... свой разговоръ.

— Извините, я не зналъ.

Ассистентъ поклонился Усманской, сдѣлалъ два шага въ ея сторону и сталъ, отъ смущенія, застегивать свой лѣтній сюртучокъ.

— Ваше здоровье?—позволилъ онъ себѣ спросить гостью.

Она ему отвѣтила разсѣянно.

— Вотъ вамъ чай, а вотъ вамъ и Богъ!—разсмѣялась профессорша, выпроваживая его въ дверь.

У стола она опять приняла ту же позу и тотъ же тонъ доброй соумышленницы.

— Дайте срокъ,—заговорила она,—мы вернемъ.

— Когда?—не утерпѣла спросить Усманская.

— Мой Иванъ Иванычъ поѣстъ еще винограду деньковъ пятокъ... Ему и пора... къ лекціямъ. А вы-то на Москву?

— На Москву.

— Такъ чего же лучше!.. Только, душечка, вы ужъ приготовьтесь къ тому: можетъ, нынче не выдаютъ назадъ ребятъ по старымъ запискамъ. У меня все въ сохранности. Такая и шкатулочка у меня есть. И книжка. Иванъ Иванычъ хвалитъ меня. Иной разъ загляну, такъ даже взгрустнется, захочется поработать. Я теперь не прак-

тикую, въ барыняхъ, въ профессорскихъ дамахъ состою... ха-ха!..

И она закурила папиросу.

За перегородкой кто-то началъ ходить.

— Это Иванъ Иванычъ, — шопотомъ сказала Сапіентова.—Вамъ его пугаться нечего. Я вѣдь васъ не выдамъ.

Правый глазъ опять мигнулъ.

— До Москвы,—глухо вымолвила Усманская.

— Да, до Москвы. Адресъ нашъ легкій.

Усманская записала адресъ. Ей больше нечего было говорить. Видѣть профессора она не хотѣла. Боялась она сильнѣе всего возвращаться къ вопросу: выдадутъ ли ребенка, если и сохранился его номеръ? Въ головѣ у нея сдѣлалось смутно. Не предложи ей Сапіентова чаю съ хлѣбомъ, она вдругъ бы ослабѣла. Чай выпила она торопливо и ушла до прихода профессора.

— Счастливъ вашъ Богъ, — шепнула ей еще разъ Сапіентова,—что у меня аккуратность есть!

XXXVII.

Съ утра до обѣда Прежнева не могла присѣсть ни на минуту. Сначала она прибирала свою комнатку, обтирала пыль, добыла цвѣтовъ, связала въ букетъ, поставила ихъ въ стаканъ. Ее заботило и то, какъ приготовить вечерній чай. Купила она вина; но не знала, придется ли оно по вкусу Володѣ; нашлись у ней американскіе сухари, да боялась она — не сухи ли. Виноградъ всѣмъ надоѣлъ; а грушъ такихъ, какъ въ Ялтѣ, у татаръ не нашлось.

Своимъ туалетомъ она занялась съ такой же тревожной заботой. Вмѣсто своего ежедневнаго чернаго платья изъ дешеваго кретона, она надѣла батистовое, суроваго цвѣта, приготовила кружевную наколку и даже пристегнула цвѣтокъ къ груди. И цѣлый день не выпускала она изъ рукъ оливковой вѣтки, постоянно вертѣла и теребила ее.

Она знала, что Усманская уйдетъ въ Алупку. Да ей и не нужно было никакой помощи. Слабости, обморока—она уже не боялась, къ морфію ее не тянуло. Чѣмъ ближе время подходило къ обѣду, тѣмъ чаще она выбѣгала подъ навѣсъ. Володя обѣщалъ быть къ вечеру; она это знала; но все-таки оглядывалась и при каждомъ шорохѣ поднималась по лѣсенкѣ на шоссе.

Скоро и семь часовъ. Дни стали короткіе. Въ половин

восьмого уже заходитъ солнце за горы. Неужели его не будетъ?..

Ей послышался конскій топотъ. Она выбѣжала на шоссе, шаговъ на сто отъ того мѣста, гдѣ поднимается лѣстница. Всадникъ приближался на гнѣдой лошади. Это онъ!

У ней потемнѣло въ глазахъ. Она замахала платкомъ; но онъ не прибавилъ шагу. Покачиваясь въ сѣдлѣ, онъ курилъ сигару и помахивалъ хлыстикомъ. Она подбѣжала къ нему и чуть не схватилась за стремя. Лошадь шарахнулась въ сторону.

— Осторожнѣе!—рѣзко крикнулъ онъ ей, приподнялся на стременахъ, осадилъ и не сталъ еще слѣзать.

— Володя!—замирающимъ голосомъ вскрикнула Прежнева.

— Гдѣ же лошадь оставить?—спросилъ онъ.—Къ вамъ можно спуститься?..

— Нѣтъ, нѣтъ, — заволновалась она, — туда, ко мнѣ лѣсенка... А то далеко кругомъ... Надо вотъ тамъ, къ дереву.

— Украдутъ, пожалуй. Лошадь чужая. Я одинъ изъ Алупки. Тамъ меня компанія ждетъ.

Тутъ онъ слѣзъ съ лошади.

XXXVIII.

Броситься къ нему на шею она не посмѣла, а только схватила его за свободную руку и впилась глазами въ лицо. Она искала милыхъ, незабвенныхъ для нея чертъ мальчика съ свѣтло-русыми кудрями. Волосы—почти черные, но такъ же вьются; овалъ лица вытянулся, сталъ сухощавъ, и носъ тонкій, съ горбинкой; глаза потемнѣли, почти синіе; но такіе же большіе. Красавецъ!.. Она не могла оторвать глазъ. Сынъ сдѣлалъ движеніе и высвободилъ руку. Ея руки онъ не поцѣловалъ; видно было, что ему не пришло это и въ голову.

— Нѣтъ, не украдутъ... тутъ караульщикъ... — лепетала она.

— Куда же идти?

— Прямо... Тамъ моя комнатка... Только у меня тѣсно... Мы подъ навѣсомъ... хорошо будетъ... чайку.

— Чаю я не желаю.

— Чего-нибудь... вина.

— Сейчасъ пилъ въ Алупкѣ. И безъ того жара. Каждый день все выпивки.

Щеки его раскраснѣлись, но онъ былъ трезвъ; къ ежедневнымъ обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ онъ давно припился.

Они говорили, не употребляя ни „ты", ни „вы".

— Все верхомъ изъ Алупки?—спросила Прежнева.

— Изъ Ялты... мнѣ не въ диковинку.

Шагъ онъ ускорилъ. Мать едва успѣвала за нимъ. На его лицѣ ничего не значилось, кромѣ гримасы отъ заходящаго солнца: одинъ глазъ онъ закрылъ и наморщилъ щеку.

И вдругъ онъ засвисталъ. Мать все глядѣла на него съ тѣмъ же экстазомъ и не слыхала этого свиста. Ничего она не хотѣла спрашивать; боялась чѣмъ-нибудь огорчить его; но, если бъ она смѣла, она остановила бы его, припала къ его груди, сдавила его въ объятіяхъ и повторяла бы безъ конца:

— Володя, Володя!.. Радость моя!..

Такъ дошли они до спуска къ лѣсенкѣ.

— Здѣсь, что ли, привязать? — спросилъ онъ и остановился.

— Да, да... Неудобно... Какъ бы не вырвалась!..

Стыдно ей стало, какъ дѣвочкѣ: не могла она объ этомъ подумать?..

— Ну, хорошо!..

Его голосъ, жидкій и женоподобный, становился все непріятнѣе.

Лошадь онъ привязалъ за поводъ къ низкой сосенкѣ, попробовалъ—крѣпко ли, и пошелъ впередъ. Спускаясь по ступенькамъ, опять засвисталъ.

XXXIX.

Чаю Шеломовъ не захотѣлъ; отъ вина также отказался: взялъ раскусилъ сливу, насилу ее доѣлъ и закурилъ новую сигару; разсѣлся въ кресло и высоко заложилъ правую ногу на лѣвую.

Подъ ней точно горѣла земля. Ни минуты она не могла сохранять одного положенія. То встанетъ, то сядетъ, то принесетъ что-нибудь и поставитъ передъ нимъ на столъ, а оливковая вѣтка все въ рукѣ и судорожно вертится въ разныя стороны.

— Вамъ угодно было видѣть меня,—началъ онъ, снялъ шляпу и положилъ себѣ на колѣни.

— Володя! — тутъ только посмѣла она выговорить. — Неужели?..

Она не смѣла докончить и разрыдалась.

— Пожалуйста, безъ слезъ!—сказалъ онъ съ новой гримасой. — Я не люблю сценъ! Вотъ видите — я пріѣхалъ. Что же-съ... Васъ я почти не помню. Вы точно моя мать?

— Да, да...—всхлипывая, повторяла она, и звукъ этихъ словъ схватилъ бы всякаго за сердце; но ему было только скучно.

— Я это знаю. Но между вами и папенькой давно все кончено. Меня вы уступили. Судить васъ я не желаю. Кто правъ, кто виноватъ... Это совершенно излишне. Если вамъ что нужно попросить у отца... Это, собственно, не мое дѣло... Но я, пожалуй, попрошу. Онъ мнѣ не откажетъ. Особливо теперь... Когда я такую партію дѣлаю.

— Партію?..— повторила она, подавленная тѣмъ, что сейчасъ слышала.

— Да... Вотъ я здѣсь тогда пріѣзжалъ съ моей невѣстой. Коммерціи совѣтница Боченкова.

— Замужемъ, — не въ тонѣ вопроса, а точно для себя прошептала Прежнева.

— Это—пока. Разводъ не за горами. Первая невѣста во всей Москвѣ, — это можно сказать безъ хвастовства. Отцу очень пріятно будетъ въ насъ компаньоновъ имѣть. Только мы папенькѣ не очень дадимся въ лапы. Онъ тоже—ловкачъ!

Шеломовъ свистнулъ и ударилъ хлыстомъ по воздуху.

— Будь счастливъ, радость моя!..

— Да ужъ это наше дѣло.

Глаза его остановились на лицѣ матери. Ему тутъ только пришло на память, что ее давно считали полоумной; а въ послѣднее время онъ слыхалъ отъ отца, что она тайкомъ пьетъ.

XL.

— Дитя мое! — глухо крикнула она и близко подошла къ нему.

Обѣ руки ея вытянулись, она хотѣла, видно, схватить его за голову.

— Полноте, — остановилъ онъ, — вы не разстраивайте

себя. У васъ, кажется, припадки бываютъ... и безъ того... Все это лишнее.

Неподвижно, съ устремленными на него глазами, стояла она, опустивъ руки.

— Неужели,—съ трудомъ выговорила она, какъ бы искала словъ,—неужели ничего нѣтъ между нами? Дитя мое!

Голова опустилась въ ладони рукъ, быстро поднявшихся до лица. Все тѣло вздрагивало. Она пошатнулась и чуть не упала на уголъ стола. Шеломовъ всталъ и взялъ ее за талію.

— Къ чему все это?—уже съ сердцемъ сказалъ онъ.—Мнѣ совсѣмъ не пристало входить въ ваши старые счеты съ папенькой. Кажется, понять это не трудно.

— Умерла...—прошептала она,—умерла—нѣтъ сына.

— Надо правду говорить. Другая женщина обо мнѣ заботилась. Да и зачѣмъ все это? Извините... Я думалъ что̀ серьезное, дѣльное... Тогда я, быть-можетъ... Вотъ и невѣста моя... добрая барыня. А тутъ, помилуйте... Смеркается. Меня ждутъ.

Силы оставили ее. Онъ пододвинулъ ей кресло, куда она безпомощно опустилась. Шляпу онъ уже надѣлъ и только что хотѣлъ сказать „прощайте“, какъ позади заслышалъ шаги по лѣсенкѣ и обернулся.

Оттуда сошла Усманская. Она еще сверху все видѣла и поняла.

— Вашей матушкѣ дурно?—спросила она его.

— Кажется... не знаю,—отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на нее, надвинувъ брови.

— Ничего...—пролепетала Прежнева.—Володя, ты ужъ уходишь... дитя мое?

При Усманской она сдѣлала надъ собой усиліе и начала говорить ему „ты“, чтобы показать ей свои материнскія права.

На ея вопросъ Шеломовъ промолчалъ и надѣвалъ перчатку на правую руку.

— Ваша мать васъ спрашиваетъ,—сказала ему Усманская и поглядѣла на него въ упоръ.

— Слышу-съ!—отвѣтилъ онъ съ нахальнымъ блескомъ въ зрачкахъ глазъ.—Успокоитесь когда... и коли что особенно нужно—напишите. Только поскорѣе. Наше житье въ Крыму на исходѣ. Въ Москву пора.

Видя, что онъ собирается идти, Усманская шепнула ему:

— Извольте поцѣловать у ней руку.

Онъ, совсѣмъ уже злобно, вытянулъ нижнюю губу, сдѣлалъ общій поклонъ и пошелъ къ лѣстницѣ.

XLI.

— Володя!..—застонала Прежнева; но она была уже пригвождена къ креслу.—Милая...—позвала она Усманскую, — упросите его... еще разокъ... Я виновата... безумная!

Усманская пожала ей руку, успѣла поцѣловать въ лобъ и догнала Шеломова въ ту минуту, когда онъ уже принялся-было отвязывать поводъ лошади.

— М-г Шеломовъ! — крикнула она, и сама не узнала своего голоса: такъ онъ задрожалъ въ воздухѣ.

Голова у ней болѣла. Послѣ завтрака, отъ ея возвращенія въ жаръ, схватилъ ее припадокъ мигреня, почему она и не могла сбѣгать до обѣда къ Прежневой. Но боль головы только усиливала ея негодованіе.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ, не поднимая шляпы.

— Вы не можете такъ вести себя съ родной матерью!

Эту фразу она сказала нарочно по-французски, желая вызвать его на французскій разговоръ.

— Извините. Я привычку имѣю по-русски выражаться.

— Вы хотите убить ее?

— Зачѣмъ же-съ такія слова употреблять. Да и вы, кажется, посторонній человѣкъ.

Она не дала ему докончить и заговорила съ такой силой, что онъ притихъ, и когда она пріостановилась, громко вздохнулъ.

— Все это такъ-съ,—выговорилъ онъ съ насмѣшечкой въ голосѣ,—но въ себѣ чувства нельзя разогрѣть. Къ ней—хоть она и мать мнѣ приходится—я не имѣю... какъ бы сказать...

— Такъ не обращаются съ несчастной женщиной!—перебила Усманская.

Голова болѣла у ней такъ, что она еле шла. Они двигались медленно вверхъ по шоссе.

— Несчастная?.. То дѣло... разводъ — давно быльемъ поросло... какъ говорится. Она получаетъ годовое содержаніе. Въ разсудкѣ она, кажется, не совсѣмъ тверда... да,—онъ оглянулся,—кромѣ того... Я самъ теперь вижу, что добрые люди не врали... Слабость какую имѣетъ...

— Какую?—чуть не крикнула Усманская.

— Вамъ должно быть извѣстно, если вы съ ней пріятельницы. Слабость насчетъ напитковъ...

— Это—ложь!

Но она захотѣла сказать этому бездушному мальчишкѣ, до чего довели его мать, до какой другой страсти.

— Знаете ли вы?..—спросила она и остановилась.

„Нѣтъ, и этого онъ не узнаетъ!“

XLII.

— Помилуйте,—возразилъ Шеломовъ,—да это сейчасъ видно. Къ ней надо бы кого-нибудь приставить. У меня самого нѣтъ такихъ капиталовъ. Но я скоро женюсь. Невѣста моя милліонное состояніе имѣетъ, и душа у ней мягкая. Мы, пожалуй, можемъ...

— Вы женитесь?—перебила Усманская, и у ней внутри такъ заклокотало, что она ѣдко и сурово прибавила:—Московскую купчиху, старше себя, берете, конечно.

— Почему же это—конечно?—возразилъ онъ, разозлился и поблѣднѣлъ.

— Вы пошли по папенькѣ, — отвѣтила Усманская, изумляясь сама, откуда у ней берутся такіе звуки и фразы по-русски.

— Вамъ что же до этого за дѣло?—спросилъ совсѣмъ грубо Шеломовъ и всталъ противъ нея, посреди дороги.

— Въ первый разъ вижу такое созданіе, какъ вы,— сказала она и сложила на груди руки.—Смотрю на васъ, и мнѣ невыносимо жаль вашей несчастной матери. Какъ можно было рваться къ такому сыну! Но я прошу васъ сказать мнѣ сейчасъ и не лгать: когда вы уѣзжаете изъ Ялты?

— Коли это васъ такъ интересуетъ—дней черезъ пять собираемся.

— Вы вѣдь не пустите къ себѣ мать вашу въ Москвѣ? Или гдѣ вы будете тамъ жить?..

— Къ чему же это? Тамъ отецъ съ моей мачихой. Тамъ вся родня моей невѣсты. Чужая женщина, и съ такими еще слабостями. Страшное дѣло!

— Благодарю васъ. Вы можете ѣхать, я васъ больше не удерживаю.

Шеломовъ поклонился, вскочилъ въ сѣдло и вдругъ расхохотался, звонко, на всю дорогу. Смѣхъ звучалъ школьнически.

XLIII.

Усманская нашла Прежневу на лѣсенкѣ, еле живую. Она прилегла и вытянула вверхъ голову, желая слышать хоть топотъ лошади. Съ трудомъ можно было увести ее въ комнату и уложить на постель. Вмѣсто слезъ, криковъ или горькихъ жалобъ, она увидала у ней ея блаженную улыбку, сладко блуждающіе зрачки; а голосъ былъ убитый, но мечтательный, уносящійся куда-то...

— Ничего... Я счастлива...—говорила она.—Какой красавецъ!.. Вѣдь правда?.. Не сердитесь на него... милая... Я сама виновата. Онъ такъ добръ. Сейчасъ хотѣлъ помочь мнѣ.

Возражать было бы слишкомъ жестоко. Но и обманывать ее она не хотѣла, считала еще опаснѣе.

— Лидія Никаноровна, забудьте вашего сына. Онъ такъ воспитанъ, что не можетъ сойтись съ вами.

— Это будетъ, это будетъ...—повторяла Прежнева.—Я ничего не требую. Вотъ видите, какъ у меня на сердцѣ ангелы поютъ... Не нужно ничего. И... отрады моей не прошу у васъ... Онъ отца любитъ; но я его увижу... А кто мнѣ помѣшаетъ въ Москвѣ?.. Его невѣста добрая... Онъ самъ говорилъ.

— Вы радуетесь его женитьбѣ на милліонщицѣ-купчихѣ?

— Какъ же не влюбиться въ него?

— Но онъ-то...

И тутъ опять Усманская не договорила.

На Прежневу нашло затемнѣніе. Она продолжала быть въ экстазѣ. Про свою тайну, свиданіе съ Сапіентовой, надежды и планы Усманская не могла говорить съ этой женщиной, дошедшей до какого-то бреда на-яву. Да и не хотѣлось ей теперь изливаться никому — будь у ней хоть подруга ея лѣтъ, возстань изъ гроба ея сестра Лили. Одного человѣка она спросила бы — Гущина. Можетъ-быть, онъ въ состояніи сказать ей навѣрно то, чего не знала Сапіентова. Съ нимъ она способна заговорить и о воспитательномъ домѣ.

Прежнева заснула.

„Нужно ли такъ жалѣть ее? — подумала Усманская, сѣла въ кресло и опустила голову, ослабленную пятичасовой болью. — Живетъ въ мірѣ призраковъ. И *такой* сынъ можетъ быть и у меня“, — прибавила она и содрогнулась.

XLIV.

Подходилъ день отъѣзда Усманскихъ. Дочь ни въ чемъ не противорѣчила матери; но Ольга Евграфовна не могла снаряжаться въ путь, не перебравъ опять всего, что ее раздражало въ теченіе глупо проведеннаго сезона. Не совсѣмъ спокойно ждала Марья Денисовна пріѣзда профессора Сапіентова въ гости къ Гущину, и сама объ этомъ не спрашивала Павла Павловича. Но разъ, встрѣтившись съ нею на берегу, онъ попенялъ на то, что Сапіентовъ обманулъ его, посулилъ быть и уѣхалъ слишкомъ поспѣшно въ Москву.

— Вы когда?—спросила Усманская.

— Да вотъ и мнѣ пора. Буся моя сюда не пріѣдетъ; она вернется съ знакомыми прямо домой, а купаться будетъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

— А скитъ?

— Скитницы васъ ждутъ. Право, передъ отъѣздомъ, побывайте у нихъ, заставьте Катерину Яковлевну разсказать вамъ, какъ она ушла изъ дому. Это придастъ вамъ бодрости.

— Развѣ я похожа на боязливую?

Вопросъ этотъ Марья Денисовна задала веселой нотой.

— На что-то вы рѣшились — это вѣрно, — въ тонъ ей отвѣтилъ Гущинъ.

— Рѣшилась,—повторила она.

— Отлично!—вскричалъ онъ и протянулъ ей руку.

— Павелъ Павлычъ,—заговорила она тише и серьезнѣе,—можетъ-быть, придется придти къ вамъ за чѣмъ-нибудь... вы не отдѣлаетесь фразой... нѣтъ?

— Что вы, Богъ съ вами!..

Но больше она ничего ему не сказала. Ее наполняло упорное желаніе все сдѣлать самой, тихо, безвѣстно, безъ сочувствій и сожалѣній. Больше и не слѣдовало говорить съ нимъ, чтобъ не позволить себѣ чего-нибудь лишняго. Всякая нескромность была бы хвастовствомъ, бравадой. То, что̀ ее ждало тамъ... въ Москвѣ, не требуетъ болтовни и чувствительныхъ откровенностей.

— Мы еще не прощались? — спросилъ Гущинъ, когда она уходила.

— Ѣдемъ мы въ среду.

— Позволите принести вамъ букетъ?

— Merci... лучше безъ цвѣтовъ. Это можетъ раздра-

жить maman. Она, вѣдь, знаетъ, что вы не женихъ. Что же дразнить?

Они оба разсмѣялись и еще разъ пожали другъ другу руку.

— А верхомъ мы такъ и не ѣздили!—крикнулъ ей Гущинъ, отойдя шаговъ на тридцать.

— И никогда не буду ѣздить!

— Что такъ?

Она только махнула рукой.

XLV.

Скитницы дѣйствительно поджидали „барышню"—такъ онѣ называли Усманскую въ разговорахъ съ Гущинымъ. Онъ зашелъ сказать имъ, что она придетъ съ ними проститься, и просилъ Катерину Яковлевну „подбодрить ее" своимъ примѣромъ, исторіей всей своей жизни.

— Въ барышнѣ,—говорилъ онъ, благодушно улыбаясь,—проснулся протестъ. Она, кажется, совсѣмъ готова сдѣлать рѣшительный шагъ.

Въ фантазіи Павла Павлыча развивалась уже картина тайныхъ стремленій свѣтской дѣвицы къ наукѣ, къ самостоятельному труду. Вотъ она исчезаетъ изъ родительскаго дома, переходитъ границу, друзья поддерживаютъ ее, и первые два семестра она страстно отдается занятіямъ; кто-нибудь тронетъ сердце матери, мать смягчается и дастъ ей средства кончить курсъ. Она—докторъ парижскаго университета, какъ та русская дѣвушка, которую чествовалъ весь факультетъ и, во главѣ, знаменитый Шарко... У ней сейчасъ же практика, газеты кричатъ о ней, зарабатываетъ она до сорока тысячъ франковъ. Мать пріѣзжаетъ къ ней и преклоняется передъ ея талантомъ и силой души. Разныя русскія барыни дѣлаютъ ей визиты, ухаживаютъ за ней, пріѣзжаютъ за совѣтами, дожидаются въ ея пріемномъ салонѣ, гдѣ ихъ поражаетъ роскошь обстановки. И онъ заѣдетъ къ ней, уже пожилымъ человѣкомъ, какъ къ доброй знакомой, порадуется ея торжеству, станетъ сначала звать ее домой, а потомъ согласится, что не изъ чего ей покидать столицу міра, гдѣ такъ скоро признали ея талантъ и дали ей всесвѣтную извѣстность. Пускай то общество, которое замораживало ея порыванія, почувствуетъ, что оно недостойно никакихъ жертвъ...

Долго мечталъ Павелъ Павлычъ за Марью Денисовну,

когда лежалъ передъ обѣдомъ, на плэдѣ, въ кипарисной рощицѣ, въ промежуткахъ между чтеніемъ англійской книжки по обычному праву. И то, что онъ читалъ, нравилось ему, и великодушныя думы о дѣвушкѣ, куда присасывалась частичка сознанія превосходства мужчины, пробившаго себѣ дорогу, вливали въ него особое возбужденіе и давали ему полноту жизненнаго пульса. Голова содѣйствовала желудку. Аппетитъ послѣ купанья, верховой ѣзды, чтенія и думъ удвоился. За общимъ столомъ Павелъ Павлычъ выпьетъ свою бутылку рислинга, повторитъ второго кушанья, закуритъ сигару и пойдетъ отдохнуть на галлерею въ качающемся креслѣ послѣ веселаго разговора съ дѣвицами и дамами. Ему тогда такъ хорошо! Онъ забываетъ даже, что черезъ двѣ недѣли надо взойти на каѳедру и состроить серьезное лицо, и въ который уже разъ произносить громогласно:

— Милостивые государи!..

XLVI.

— Такъ вотъ-съ, — разсказывала Усманской Катерина Яковлевна у стола, гдѣ Котикъ опять наставилъ всякой всячины,—латинскій языкъ для меня былъ—все... у другихъ подъ подушкой романъ, а у меня—грамматика. Мать ни о чемъ, конечно, не догадывалась. Никуда меня—безъ компаньонки или ливрейнаго лакея. А грамматику Цумфта я все-таки купила въ гостиномъ дворѣ и не разставалась съ ней, какъ Котикъ не разстается съ своимъ „Спутникомъ жизни".

— Спутникъ жизни?..—переспросила Марья Денисовна.

— Котикъ! Покажи ей своего „Спутника".

— Сейчасъ!—крикнула Захарова изъ комнаты и выбѣжала съ толстой книгой въ рукѣ.—Вотъ, посмотрите, тутъ все есть.

На первомъ листѣ стояло заглавіе: „Спутникъ жизни".

— Московскаго производства,—указала Катерина Яковлевна на то, гдѣ отпечатана книга.—Всю мудрость Котикъ оттуда черпаетъ.

— А какъ же?—перебила Захарова.—И по астрономіи все есть, и по исторіи, и какъ простоквашу дѣлать!.. Катя, больше не нужно?.. У меня еще много дѣла.

— Ступай и уноси своего „Спутника".

Катерина Яковлевна закурила папироску и, нагнувшись надъ столомъ, продолжала въ томъ же веселомъ тонѣ:

— Когда все подготовили мнѣ добрые люди, подошелъ день какихъ-то именинъ. Я съ утра была въ туалетѣ, мамѣ нездоровилось. Послала она меня къ теткѣ, чтобы съ ней дѣлать визиты. Я, какъ была въ платьѣ изъ фая, въ бархатной шубкѣ съ соболями, прямо и очутилась на большой дорогѣ... бѣглянкой... Какія на мнѣ были Juwelen—продала; а въ пять часовъ сидѣла уже въ третьемъ классѣ варшавской дороги. И тутъ... ха-ха!.. препотѣшная подробность... Подходитъ ко мнѣ какая-то дама, спрашиваетъ: до какого города я ѣду... и проситъ взять подъ свой присмотръ двухъ барышень, отправляющихся въ первый разъ въ жизни въ Вильну.

Разсказъ былъ подробный. Переходить черезъ границу, не имѣя паспорта, приходилось по болоту, въ легкихъ ботинкахъ, въ туманъ; не обошлось безъ тревоги—пограничный стражникъ стрѣлялъ въ нее. Но черезъ два дня бѣглянка была уже на мѣстѣ, а черезъ полгода мать пріѣхала къ ней на свиданіе. Семь лѣтъ работъ въ университетахъ и поѣздкахъ съ научной цѣлью пронеслись точно семь недѣль. Давно у ней степень доктора, родители умерли, примиренные съ нею, хоть и жалѣли про себя, что она промѣняла хорошую партію на латынь и всякую другую ученость. И не вѣрится ей самой, что она когда-то танцовала на балахъ, рядили ее въ цвѣты, декольтировали, прочили за флигель-адъютантовъ... у нихъ съ Котикомъ теперь по два лѣтнихъ, да по два зимнихъ платья; у ней сундукъ книгъ; а у Котика—ея „Спутникъ", гдѣ и астрономія, и простокваша.

XLVII.

Слушала Марья Денисовна и спрашивала себя: почему же этотъ разсказъ не говоритъ ей, какъ будто, ничего новаго? Развѣ она сама испытала что-нибудь похожее на это? Вѣдь Катерина Яковлевна была настоящая свѣтская барышня, изъ знатнаго дома, воспиталась подъ строгимъ надзоромъ, въ воздухѣ, переполненномъ предразсудками. Чего стòило рѣшиться бѣжать въ визитномъ туалетѣ, безъ перемѣны бѣлья, съ сорока рублями, въ глухую осень? Это ли не смѣлость и не выдержка?..

Но сама она уже не нуждалась въ такомъ примѣрѣ. Павелъ Павлычъ напрасно хлопоталъ о такой „притчѣ". Она не побѣжитъ за границу, въ нее не будутъ стрѣлять, она не станетъ учиться по-латыни, не пріобрѣтетъ сте-

пени доктора и не будетъ жить потомъ жизнью ученаго. То, что она сдѣлаетъ, будетъ проще, безвѣстнѣе и гораздо „ужаснѣе“ для дочери генеральши Усманской. Она будетъ кормить и воспитывать своего сына,—больше ничего.

— Кушайте,—пропѣлъ надъ ея головой ласковый голосъ Захаровой.—Вотъ и крендельки. Если понравятся... я еще испеку.

Вотъ такой, какъ этотъ Котикъ, она желаетъ быть: умѣть все варить и печь, хлопотать и ухаживать. И чтобы домовитость шла рука объ руку съ работой внѣ дома.

Она горячо поцѣловала Захарову, а потомъ и ея сожительницу.

— Ну, что жъ?—спросила ее Катерина Яковлевна послѣ большой паузы.—Если въ самомъ дѣлѣ васъ нужно переправить...

— Нѣтъ, мнѣ за границей нечего дѣлать.

— Какъ такъ? А Павелъ Павлычъ намъ наговорилъ тутъ...

— Онъ своимъ воображеніемъ...

— Такъ, такъ! Слышишь, Котикъ! Вотъ и тебя онъ по-своему идеализируетъ, а ты и размякла. Стало, внутри отечества останетесь?—обратилась она опять къ Усманской.—А все же, если рѣшились съ домашнимъ рабствомъ покончить...

— Позвольте мнѣ пока помолчать объ этомъ,—выговорила Усманская и крѣпко пожала ей руку.—Это не отъ недостатка довѣрія...

— Понятное дѣло! Вы въ Питерѣ будете?

— Еще не знаю... можетъ, попаду и туда.

— Насъ тамъ найдете. Вы когда отсюда?

— Послѣзавтра.

— Слышишь, Котикъ! Она вамъ сюрпризъ на дорогу готовитъ. Только смотрите—не увлекайтесь, а то въ лоскъ желудокъ испортите.

— Ахъ, Катя!.. Кто тебѣ позволилъ... болтать? Это ужасно!

Захарова вся затрепетала, и даже, убѣгая, погрозила пальцемъ своему другу.

Катерина Яковлевна проводила Усманскую до подъема въ гору.

XLVIII.

Прежнева получила изъ Ялты письмо отъ сына.

„Предупреждаю васъ,—писалъ онъ,—что я съ сегодняшняго дня въ Ялтѣ больше не нахожусь; а въ Москвѣ — куда я ѣду съ невѣстой моей—не могу для васъ ничего предпринять и вообще вмѣшиваться въ старыя дѣла. Меня прошу не безпокоить по причинамъ, которыя я вамъ доподлинно объяснялъ. Напраслины на себя не могу говорить и чувствъ имѣть къ вамъ, какъ къ матери. Отъ излишнихъ же разстройствъ буду всячески остерегаться.

„Владиміръ Шеломовъ“.

Когда Марья Денисовна пришла къ ней проститься, Прежнева сначала глядѣла на нее блуждающими глазами, ничего не слушала, только громко вздыхала; а потомъ упала передъ ней на колѣни и стала упрашивать возвратить ей то, что одно помогаетъ забывать всѣ ея муки.

— Вы не получите этого!—горячо отвѣтила Усманская.

Чувство прежней жалости къ Прежневой прошло въ ней. Эта женщина скорѣе тяготила ее; но все-таки она не хотѣла возвращать ей отравы.

— Вѣдь я достану же,—начала ее уговаривать Прежнева болѣе связнымъ языкомъ. — Каждый докторъ мнѣ пропишетъ; у меня рецептъ есть.

— Рецептъ?—переспросила Усманская.

— Ей-Богу, есть... Я пошлю въ Ялту... Но это цѣлыя сутки... Я не могу, не могу!

Она стала ползать на колѣняхъ и просить.

— Отдайте! Вы не имѣете права!.. Это хуже чѣмъ ограбить!.. Отдайте!

Надо было прекратить сцену. Черезъ часъ она принесла ей свертокъ; онъ такъ и пролежалъ у ней въ карманѣ другого платья.

— Гдѣ же вы будете жить?—спросила она, уходя.

Ей стало стыдно своей сухости. Жалость опять прокралась въ сердце.

— Здѣсь останусь... здѣсь... здѣсь...—повторяла Прежнева, качая головой.

Она уже успѣла впрыснуть себѣ, и блаженная улыбка заблуждала на губахъ; а въ правой рукѣ уже торчала какая-то вѣтка.

— Не ищите его больше,—сказала ей Усманская, какъ старшіе говорятъ дѣтямъ.

— Видѣла... Красавецъ!.. Милліонщица невѣста. Вотъ какого родила... Сама кормила... Сама!..

Что же было съ ней дѣлать? Душная комнатка, какъ гробъ, начала тѣснить Марью Денисовну. Она поцѣловала Прежневу, сдѣлавъ надъ собой усиліе.

Та даже не спросила, куда она ѣдетъ.

XLIX.

Послѣ бурливаго дня — самыя смѣлыя купальщицы не рѣшались идти въ воду—замирала мягкая вечерняя заря. На томъ самомъ камнѣ, гдѣ съ Усманской произошелъ переломъ, она не сидѣла, а стояла и прощалась съ моремъ. Незамѣтно полюбила она его. Съ нимъ, съ этой многоцвѣтной зыбью, связаны были для нея никогда еще не испытанныя чувства...

Глядѣла она на отблескъ заката—солнце скрылось за утесомъ—и жалѣла, что нѣтъ на этомъ прибрежьѣ такихъ закатовъ солнца, какъ въ сѣверной Франціи. Вспомнила она одинъ вечеръ въ Нормандіи.

Сначала половина неба была темно-фіолетовая и совсѣмъ заволокла солнце. Оно выглянуло щелью въ видѣ треугольника. Щель все дѣлалась больше, и рубиновый шаръ выплылъ и всталъ посрединѣ закруглившагося облака.

Онѣ сидѣли съ сестрой Лили, на „plage", въ соломенной будочкѣ и любовались. И когда она сравнила цвѣтъ солнца съ рубиномъ, то Лили вздохнула по-институтски и выговорила:

— Настоящій, настоящій рубинъ!

Потомъ облако растаяло. Рубиновый шаръ пустилъ отъ себя, черезъ широкій рукавъ молочной полосы, потокъ лавы, въ родѣ столба, такого же цвѣта, только съ огнеными краями. Потокъ этотъ всплывалъ въ поперечную зыбь, лиловую, съ розовыми сверкающими нитями.

— Такъ въ балетахъ бываетъ!—сравнила Лили.

Какъ живо ей это представилось теперь, въ минуту разставанья съ мѣстами, откуда она ѣдетъ *другою*. Лили погибла въ водѣ потому только, что недостало духу сказать матери:

— Я не хочу быть проданной этому противному генералу, не хочу!..

А вотъ она не бросится въ море теперь, не бросилась бы, если бъ весь этотъ лѣчебный табльд'отъ узналъ, что она около пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалась матерью. Не

стала бы она показывать всѣмъ своего ребенка и хвастаться имъ, но и хорониться отъ всѣхъ не стала бы. И будь жива Лили, она сумѣла бы и ее настроить такъ, чтобъ перемѣнить свою долю на что-нибудь иное...

Тихо шла она по берегу, переступая по камешкамъ. Нѣсколько гладкихъ кремней, красивыхъ, съ крапинками, она выбрала и взяла съ собой. По дорогѣ она глазами прощалась со всей природой. Такого чувства у ней прежде не было. Останься она одна, на свободѣ—она зажила бы съ этой природой въ любви и единеніи. Когда-нибудь—вернется она сюда, и не одна, съ мальчикомъ; поведетъ его на высоты, будетъ ему разсказывать про все, о чемъ онъ ее только станетъ разспрашивать.

О Володѣ Шеломовѣ она и забыла. И мать его не представилась ей въ эту минуту.

L.

— Вотъ гдѣ вы! — вызвалъ ее изъ раздумья возгласъ Гущина.

Это было на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они говорили, въ первый разъ, по-другому.

— Шла съ вами прощаться,—сказала Усманская и протянула ему руку.

— То-то! Грѣшно было бы уѣхать тайкомъ.

Глаза его ласково оглядывали ее. Точно онъ ее снаряжалъ въ путь—подъ своимъ благословеніемъ и покровительствомъ. Она чуть замѣтно усмѣхнулась отъ этой мысли. Припомнилось ей ихъ возвращеніе, ночью, подъ руку. Сущность не измѣнилась. Какъ тогда, такъ и теперь, Павелъ Павлычъ смотрѣлъ на нее взглядомъ мужчины, которому кажется, что онъ видитъ ее насквозь и готовъ оказать ей поддержку, если она исправится: а *настоящей-то* правды онъ не зналъ,—не только ея прошедшаго, ея дѣвичьяго проступка, но и того, кто она такая теперь, что перебывало въ ея душѣ. Она чувствовала себя гораздо старше его. Этотъ добрый Гущинъ только еще тѣшился жизнью, а она уже собралась нести свой крестъ.

„Что̀ бы ты мнѣ ни сказалъ,—думала она,—я все это знаю, и не туда пойду, куда ты думаешь“.

Но она не обижалась тономъ Гущина. Пускай его тѣшится! Онъ добрый и чистенькій человѣкъ. Встрѣча съ нимъ, когда она начнетъ жить по-другому, будетъ ей

пріятна. Это сказалось въ ея прощальныхъ словахъ и новомъ рукопожатіи. Гуцинъ пошелъ съ ней и все говорилъ о будущемъ русскихъ женщинъ, доказывалъ,—хотя она и не спорила,—что нравственность не будетъ ничего значить до тѣхъ поръ, пока женщина радикально не добьется всѣхъ правъ на трудъ. Она слушала его и соображала:

„Только бы мнѣ въ какомъ-нибудь занятіи получать хоть тридцать рублей въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи,—я воспитаю его непремѣнно!“

Быть-можетъ, придется попросить протекціи и у Павла Павлыча... Какъ-то онъ тогда заговоритъ съ ней? Не барышня въ модномъ туалетѣ, которую здѣсь всѣ считаютъ „аристократкой“, а безвѣстная дѣвушка съ ребенкомъ, „дѣвушка-мать“,—„fille-mère“,—подумала она по-французски, нищая, разорвавшая съ тѣмъ, что мать ея одно только и считала „обществомъ“?

И тутъ вспомнилась ей Прежнева. У той вѣдь все-таки есть кусокъ хлѣба. Но порывы и упованія всей ея жизни—во что они воплотились? Въ купеческаго „Альфонса“, въ бездушнаго мальчишку, котораго можно задушить своими руками—до такой степени онъ гадокъ!..

Все могло случиться и съ ней...

LI.

Раньше, чѣмъ въ то утро, когда онѣ ѣздили въ Алупку, коляска ждала у изгороди. Подрядили опять Николая. Ольга Евграфовна сама торговалась, и торги заняли два дня. Денегъ было совсѣмъ на исходѣ. Дочь предлагала ѣхать на пароходѣ; но въ Ялтѣ случился сильный прибой, прошелъ слухъ, что убило даже пріѣзжаго барина, старика, ударивъ его о столбъ купальни. Одинъ пароходъ изъ Севастополя сильно запоздалъ. Страхъ качки и бури не давалъ покоя Ольгѣ Евграфовнѣ. Когда она уговорилась съ Николаемъ за шестнадцать рублей — опять довольно дешево — и дала задатокъ, то всю ночь не спала отъ мысли, что этотъ цыганъ, гдѣ-нибудь, стакнувшись съ шайкой разбойниковъ, зарѣжетъ ее или по меньшей мѣрѣ ограбитъ.

— Вѣдь вырѣзали же здѣсь цѣлую фамилію,—говорила она дочери,—и до сихъ поръ не могутъ найти злодѣевъ.

— Тогда поѣдемъ на пароходѣ.

Но отъ слова „пароходъ“ Ольга Евграфовна серди-

лась и кричала, что не дѣло ея дочери распоряжаться и умничать.

На всѣ эти выходки Марья Денисовна не давала никакого отпора. Такая кротость, минутами, смущала мать, и она начинала тогда думать: не замышляетъ ли дочь чего-нибудь... если не ограбить ее, то произвести „une indignité“.

На такой мысли она останавливалась не подолгу. Въ ней притуплялась уже прежняя рьяность матери-свахи. Смутно она уже допускала, что, можетъ-быть, оно и лучше такъ — предоставить на волю Божію и позволить „дѣвкѣ на возрастѣ“ промыслить себѣ самой мужа.

Въ пять часовъ она уже умывалась, охая и жалуясь черезъ перегородку на то, что всю ночь она не сомкнула вѣкъ. Укладываніе еще не было, однако, кончено. Хозяйку разбудили. Марья Денисовна напоминала матери, что лучше бы было заплатить по счету съ вечера; но получила въ отвѣтъ:

— Вотъ еще какія нѣжности!.. C'est une hôtelerie, rien de plus!

Поднялась только для нихъ и вся прислуга. Насилу дочь уговорила Ольгу Евграфовну дать хоть по два двугривенныхъ человѣку и горничной.

Сундуки уже были вынесены. Николай возился около нихъ съ лакеемъ, когда къ калиткѣ изгороди подошла Русанова съ своимъ другомъ. Марья Денисовна увидала ихъ.

— Qui est ce?—спросила строго Ольга Евграфовна.

— De très bonnes personnes, — отвѣтила она и пошла къ нимъ навстрѣчу.

Захарова держала въ рукахъ свертокъ въ газетной бумагѣ, краснѣла и часто вскидывала рѣсницами.

— Вотъ онъ, сюрпризъ-то!—показала рукой Русанова.— Перепеловъ сама изжарила. Жирные-прежирные!..

— Не бойтесь, она всегда пугаетъ,—перебила Захарова и обѣими руками подала ей пакетъ.

— Marie!—позвала Ольга Евграфовна.

— Тсъ! начальство! — шепнула дурачливо Русанова. — Добраго пути, и въ Питерѣ насъ не забывайте.

Торопливо поцѣловались онѣ съ нею и побѣжали по аллеѣ, обернулись шагахъ въ десяти, и каждая махнула платкомъ.

Свертокъ былъ очень тяжелъ и отъ него превкусно пахло.

LII.

По холодку онѣ ѣхали не много. Солнце все ярче пригрѣвало; но жаръ не томилъ. Что-то такое ворчала Ольга Евграфовна, но что̀—дочь ея не могла бы ни повторить, ни вспомнить. Всю дорогу, до Байдарскихъ воротъ, она не отрывала глазъ отъ моря, скалъ и зеленыхъ спусковъ. Никакой тоски, тревоги, страха или сомнѣнія она не испытывала. Такъ должны идти на бой новобранцы. Весело, хоть и знаешь, что впереди не одна смерть—наповалъ, а чаще увѣченье, зіяющія раны, гангрена, мученья операцій, зараза госпиталей, агонія съ страшнымъ бредомъ... Уже за одно это она благодарила все: и ласковое небо, откуда три недѣли не лило хмураго дождя, и еще болѣе радостную, многоцвѣтную воду, и скалы, и деревья, и воздухъ, и Ялту, оставшуюся позади, и Алупку, и всѣхъ, съ кѣмъ судьба столкнула ее. Даже того пошлаго офицера благодарила она за внезапную встрѣчу. Безъ него она возвращалась бы съ матерью такой же озлобленной рабыней, безъ просвѣта въ будущемъ, съ мѣднымъ пятакомъ вмѣсто сердца, живымъ трупомъ.

— Байдары!—крикнулъ Николай, и указалъ вдали ворота, когда они миновали туннель.

Ей стало жаль разстаться съ дорогой по приморской выси.

Ольга Евграфовна выбранила пыль и прибавила съ подергиваніемъ плечъ:

— Si jamais je mets le pied dans ce pays bête!

Остановились онѣ на станціи, по ту сторону воротъ. Николай почти требовалъ остановки въ самихъ Байдарахъ, такъ какъ получалъ тамъ въ трактирѣ даровой кормъ, но Ольга Евграфовна сообразила, что тутъ казенная станція, и все будетъ дешевле, и закричала на него. Дочь должна была ее поддержать.

На станціи нашелся обѣдъ; но онѣ спросили себѣ только борщу. Свертокъ Котика вмѣщалъ въ себѣ, кромѣ сдобнаго хлѣба, лепешекъ, грушъ, цѣлый десятокъ жареныхъ, чрезвычайно жирныхъ перепеловъ.

Съ жадностью накинулась на нихъ Ольга Евграфовна. Дочь замѣтила ей:

— Prenez garde, maman.

Та, конечно, не послушалась и съѣла пять штукъ и пожелала соснуть. Молодой смотритель ходилъ съ Марьей

Денисовной въ горы—показывать ей пещеру, переводилъ ее съ камня на камень въ одномъ опасномъ мѣстѣ; она крѣпилась и ни разу даже не вскрикнула. Вернулись они—Ольга Евграфовна еще спала. Но не успѣла мать сѣсть въ коляску, какъ ее замутило отъ перепеловъ, и всю дорогу она ныла и повертывалась съ боку на бокъ, заставляла останавливаться и кончила бранью, увѣряя, что ее „отравили съ намѣреніемъ“.

Среди этого шумнаго вздора катился экипажъ по тихимъ отлогостямъ, миновалъ и поле съ памятникомъ Инкерманскому дѣлу, засвѣтло былъ уже верстахъ въ двѣнадцати отъ Севастополя; а мимо Георгіевскаго монастыря проѣхалъ когда начало смеркаться.

— Quelle poussière!—дала окрикъ на пыль Ольга Евграфовна.

И Марья Денисовна закрыла на минуту глаза. По обѣ стороны пошли бѣлесоватыя груды камней, заборы, развалины домовъ.

— Севастополь!—объявилъ Николай и ударилъ по лошадямъ.

LIII.

Въ полутемнотѣ, на ступеняхъ Графской пристани, сидѣла Марья Денисовна. Мать должна была лечь сейчасъ же по пріѣздѣ въ отель, и когда она успокоилась—можно было пойти погулять. Сна совсѣмъ не было.

Внизу разбросаны фонари въ докахъ, на пароходахъ, въ бухтѣ, на желѣзной дорогѣ. Чуть проглядываетъ и мѣсяцъ сквозь тусклое пятно облаковъ; но при блескѣ звѣздъ можно было разсмотрѣть на холмѣ обнаженный остовъ длиннаго зданія и черную статую во весь ростъ на высокомъ пьедесталѣ... Кругомъ шли тихіе разговоры гуляющихъ.

Она закрыла глаза. На нее нашло въ этомъ разрушенномъ городѣ, съ его пылью, грудами камней, тишиной, уныніемъ расплывающихся улицъ и въѣздовъ—настроеніе, неизвѣданное по своей не то сладкой, не то сосущей грусти. Особенно тутъ, на этихъ ступеняхъ.

Становилось уже поздно. Она поднялась подъ портикомъ, пошла по тротуару съ запыленными акаціями, мимо ярко освѣщенныхъ фруктовыхъ лавокъ. Но цвѣтныя пятна грушъ, винограда, яблокъ, сливъ не веселили понурой

площади, расходившейся въ три стороны. Около отеля она наткнулась на что-то.

Нищій, татаринъ-калѣка съ подогнутыми ногами, ползая на рукахъ, попросилъ у ней милостыни—у ней не было ничего. Она поспѣшно перешла наискосокъ черезъ площадь, туда, гдѣ подъемъ на бульваръ съ воротами и лѣстницей. Неровныя плиты говорили также о разрушеніи. Поднялась она къ памятнику и сѣла на первую скамейку. Городъ замеръ. Ощущеніе каменной могилы нашло на нее. Никогда она не думала, во всю свою жизнь барышни, о томъ, что было здѣсь... Сотни тысячъ смертей... Смутно она что-то слыхала отъ брата. Читала какіе-то разсказы. Имя русскаго писателя пришло ей на память.

Ей стало стыдно. Еще утромъ она чуть не сравнивала себя съ героями, идущими на бой.

Гдѣ-то внизу, въ трактирномъ садикѣ, вдругъ забренчала арфа и хриплый дѣтскій голосъ затянулъ „Стрѣлочка". А по всѣмъ улицамъ и съѣздамъ, на площади и на бульварѣ за ея спиной чуть видимая бѣлая пыль крутила и лѣзла въ глаза.

Дѣвушка застыла въ нѣмой и строгой думѣ.

Она еще больше знала теперь, для чего ей жить и куда идти.

ПСАРНЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. С. ТУРГЕНЕВУ.)

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Кому же, если не вамъ, посвятить очеркъ, гдѣ предметъ изображенія—рядомъ съ людьми—братья и сестры «Пегаза», обреченнаго вами на безсмертіе? Я не охотникъ — ни псовый, ни ружейный. Въ жизни не закололь я ни одного звѣря, не подстрѣлилъ ни одной птицы. Но въ дѣтствѣ—лѣтъ шестнадцати—меня брали на псовую охоту, и поблизости, лѣтомъ, и въ отъѣзжее поле—осенью. Съ малыхъ годовъ меня занималъ псарный дворъ, его обиходъ, люди и животныя—главное, собаки и щенки. Травить мнѣ не давали, да и хорошо дѣлали. Крики зайцевъ мутили мнѣ душу; но картина угонки борзыхъ, хоръ варкой стаи въ острову привлекали меня. Только, и тогда, и теперь, я любилъ и люблю собаку не исключительно за ея охотницкіе стати и таланты, какъ большинство промысловыхъ егерей и артистовъ-любителей охоты изъ господъ. Между ними—насколько мнѣ приводилось слушать разсказы, видѣть ихъ въ обращеніи съ псами, читать охотничьи книги, очерки, статьи — не замѣчалъ я много любви къ собакѣ, *какъ собакѣ*, помимо ея пригодности къ забавѣ человѣка. Ее хвалятъ, ласкаютъ, если хотите любятъ — за что? За то, что она доставляетъ наслажденіе скачкой, гонкой, травлей, музыкальнымъ лаемъ въ лѣсу, чутьемъ и стойкой въ болотѣ. Но какъ только она негодна, «сошедши съ поля» — ее на осину; да и въ ружейной охотѣ (что вамъ лучше меня извѣстно) не очень-то нѣжно съ ней обращаются. Словомъ, я дерзаю кинуть мысль, что охотницкое чувство къ собакѣ — чувство довольно-таки себялюбивое, не дошедшее до полнаго слiянія съ животнымъ въ симпатіи, не знающей ника-

кихъ расчетовъ и постороннихъ утѣхъ. Вѣдь любитъ же собака человѣка, несмотря на то, что онъ всячески тиранитъ ее. Знаю, что трудно слиться съ душевной жизнью животнаго. Не впасть при этомъ, въ то, что психологи называютъ антропоморфизмомъ—невозможно. Зато, совсѣмъ не трудно полюбить собаку по-человѣчески — хотя бы въ отвѣтъ на ея собачью привязанность. Песъ и безъ того обиженъ, не одними господами охотниками, но и господами учеными. Бремъ называетъ пса «добрымъ дуракомъ» и выдвигаетъ напоказъ высшій умъ кошки. Добрый дуракъ!.. Одинъ вашъ Пегазъ былъ — ума палата. А развѣ не доказательство высшей натуры — эта любовь всякой собаки — породистой или дворняги, и къ тяжелой работѣ, и къ потѣхѣ, и къ художественной сторонѣ того, чему научили ее? На охотѣ, на рынкахъ заграничныхъ городовъ, въ блестящихъ циркахъ и на дырявомъ коврѣ ярмарочнаго паяца—вездѣ-вездѣ вы видите этого вѣрнаго, пылкаго, веселаго, любезнаго сердцу пса, порывающагося поработать, потѣшить добрыхъ людей, не щадя своихъ животовъ.

Чистую, человѣчно-художественную любовь къ псу вложилъ я въ душу простого псаря—пріятеля моего въ дѣтствѣ, воспитавшаго себя на псарнѣ. Вамъ прекрасно извѣстно, что народъ нашъ — не въ обиду будь ему сказано — не отличается особой нѣжностью ни къ скоту, ни къ звѣрю, ни къ собакѣ. Песъ для него—«поганый». Этого не надо забывать... Кошку онъ считаетъ чище и уважаетъ ее больше. Но не надо забывать и того, что народъ въ тискахъ легенды, сказки, миѳа и суевѣрія, смѣшаннаго съ предписаніями вѣры. Почему же бы считалъ онъ собаку «поганой»? И его жестокость къ животнымъ, побои походя, безжалостные виды издѣвательства надъ собакой — наполовину отъ нужды, отъ суровости всего быта. Гдѣ тутъ «скоты миловати»? Тутъ и съ человѣкомъ-то сплошь и рядомъ обходятся по-собачьи. Только въ избранныхъ чуткихъ душахъ любовь къ природѣ вообще переходитъ и въ любовь къ звѣрю, къ Божьей пташкѣ, къ зайцу, къ щенку. Таковъ и мой Андрюшка —по-своему поэтъ и мыслитель, нѣжная женственная натура. Онъ не выдуманъ—вы это увидите. Для Андрюшки его званіе «корытничаго» и потомъ «выжлятника» было только поводомъ къ внутренней жизни милостивца безсловесной твари. У псовыхъ охотниковъ прошу я извиненія въ томъ, что мой очеркъ писанъ совсѣмъ не для того, для чего обыкновенно «сочиняютъ» разные разсказы и записки. Въ нихъ на первомъ планѣ — охотникъ, его приключенія, его потѣха, щекотанье его безконечнаго самолюбія и дѣтскаго задора, наконецъ, техническія тонкости и

курьезы... Природа, ея красоты, ея могучія освѣжающія объятія всегда въ нихъ—одна обстановка, декорація, грунтъ, а цѣль— травля, удаль, удовлетвореніе чувства, не нашедшаго себѣ другой менѣе хищной сферы. Много дружества ждутъ звѣри отъ не-охотниковъ. Хорошо отдохнуть на добромъ чувствѣ къ животному, да еще такому, какъ собака. Возиться съ своими ближними—наше писательское призваніе; но не слишкомъ ли много придаемъ мы вѣсу всякимъ дѣлишкамъ и страстишкамъ человѣческихъ своръ, смычковъ и стай? Наше людское высокомѣріе не допускаетъ насъ признать высокую гармонію въ душевномъ складѣ добраго пса. Что ни свойство—то прочный голосъ природы, что ни проявленіе—то ласка, преданность, веселость, храбрость, великодушіе! Мы пренебрежительно говоримъ: «инстинктъ», «безсмысленные позывы», а того не знаемъ, что вся наша людская бѣда—въ извращеніи инстинктовъ, въ безпорядочномъ, часто безумномъ попираніи здоровыхъ позывовъ и аппетитовъ.

Мнѣ разсказывали про покойнаго В. П. Боткина, — вашего сверстника и пріятеля, — какъ онъ говаривалъ, что желалъ бы умереть, глядя на любящіе, полные ласки, глаза двухъ собачекъ, что выше этой нѣжности нѣтъ на свѣтѣ. Не знаю, былъ ли онъ охотникъ. Если не былъ — такое чувство къ псамъ — большая похвала человѣку и художнику. И мнѣ когда-то, въ тяжелую полосу русской хандры, одинъ французскій писатель говорилъ въ сочувственномъ письмѣ: «Къ любви женщины не стоитъ стремиться, повѣрьте; заведите собаку — это дастъ вамъ полное чувство жизни». Я слишкомъ люблю собаку, чтобы заводить у себя домашняго раба, котораго непремѣнно будешь муштровать по своему человѣческому своеволію. Но кому я проповѣдую? Вы сами такъ любите вѣрнѣйшаго друга людей! Примите же мое приношеніе и не обезсудьте, если чего не дописалъ.

П. Б.

I.

Ранняя весна. Снѣгъ сошелъ съ крутой выпуклости горы. По взлобку ея тянется частоколъ барскаго сада. Мурава зазеленѣла по всему подъему; зажелтѣли и двѣ тропки, пробитыя крестъ-на-крестъ. Но въ оврагахъ, поблизости, и дальше къ дубовому лѣску залегли еще снѣжные сугробы и блестятъ въ лучахъ веселаго солнца. Внизу, у рѣчки, наискосокъ мостика, приземистый, продолговатый деревянный срубъ съ низкой крышей—весь закоптѣлый—дымится и сверху изъ трубъ, и съ боковъ, изъ раскрытыхъ, створчатыхъ дверей. Это—собачья кухня. Внутри отъ дыму ничего не видно свѣжему человѣку. Коптятъ конину. Мясо подвѣшено надъ печью. Дымъ густой пеленой обволакиваетъ его. На земляномъ полу валяются въ кучѣ лошадиныя вываренныя кости, голова, ребра, позвонки. Тамъ и сямъ разбросаны куски кожи съ шерстью, ноги съ копытами. Запекшаяся кровь застыла цѣлыми лужами, охваченная свернувшейся волокниной. Сквозь дымъ проглядываютъ красно-желтыя легкія, вздутыя и блестящія съ своими лопастями и заворотами; тутъ же лежатъ и другія внутренности. Чадъ отъ крови, ободранной кожи и сукровицы смѣшивается съ дымомъ еловыхъ дровъ и гуляетъ сквозь сарай отъ одной двери до другой.

Два псаря сидятъ въ углу, поближе къ той двери, что смотритъ на мостикъ, около глинянаго горшка, и посматриваютъ въ него; каждый помѣшиваетъ что-то палочкой. Позади ихъ, у стѣны, два большихъ ушата для овсянки, чанъ съ водой и котелъ ведра въ три. Оба псаря одѣты

въ старые темно-бурые казакины изъ домашняго сукна, грубаго, немного получше крестьянскаго, что идетъ на зипуны. Шаровары у нихъ изъ такого же сукна, въ заплатахъ, затрапезные псарные штаны посѣдѣли отъ времени, протерлись и поролись почасту — у одного около кухни и псарнаго двора, у другого—тутъ же и въ острову, на простыхъ непарадныхъ выѣздахъ, ободрались о сучья въ густомъ орѣшникѣ и ельникѣ. На одномъ псарѣ штаны засунуты въ сапоги съ порыжѣлыми голенищами, у другого спущены на шлепальцы изъ опорковъ, на босу ногу...

Псарю въ опоркахъ лѣтъ, должно-быть, за шестьдесятъ. Онъ—приземистый, какъ и его собачья кухня, старичокъ, широкій въ кости. Его маленькое лицо совсѣмъ закоптѣло. Борода давно не брита и еще темнѣе всего остального облика. Сѣрые, добрые глазки слезятся отъ долголѣтняго подкапчиванія вмѣстѣ съ конскими окороками. Носъ у него сморщенный книзу, точно онъ сейчасъ сдѣлалъ добрую понюшку „березоваго“. Волосы пошли сѣдиной, но не очень; курчавы и выбиваются изъ-подъ ермолки, сшитой изъ разнообразныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Въ зубахъ этого юркаго и нервнаго старичка торчитъ короткій, обмусоленный чубучокъ. Онъ покуриваетъ корешки. Трубочка круглая, деревянная, съ мѣдной крышкой. Табакъ потрескиваетъ и струя его ползетъ ему прямо въ лѣвую ноздрю. Второй псарь—молодой парень, лѣтъ восемнадцати—много по двадцатому году. Онъ сидитъ полулежа, вытянувъ ноги вправо и подпирая туловище лѣвой рукой. Правой онъ помѣшиваетъ въ горшкѣ. На немъ старый охотничій картузъ изъ краснаго сукна, перешедшаго въ сизо-малиновый цвѣтъ. Картузъ четырехугольный, съ черными кантами и съ кистью, на манеръ польской шапки, свѣсился на-бокъ и къ заду заломленъ по-псарски, съ синимъ суконнымъ же околышемъ и большимъ козыремъ, посрединѣ надтреснутымъ. Изъ-подъ козыря выглядываетъ сухощавое, овальное лицо, кожей бѣлое, безъ бороды и съ чуть замѣтнымъ пушкомъ на верхней губѣ. Носъ у него немного вздернутъ, съ нѣжными ноздрями; каріе большіе глаза смотрятъ мягко и вдумчиво; русые, засвѣтлѣвшіе отъ солнца плоскіе волосы падаютъ двумя широкими прядями на уши. Парень этотъ въ плечахъ узковатъ и держится немного сутуло. Роста онъ средняго и несовсѣмъ еще сложился. Штаны болтаются у него на худощавыхъ ногахъ.

II.

— Дядя Иванъ,—сказалъ напряженнымъ голосомъ молодой парень и вынулъ мѣшалку изъ горшка,—поди, довольно...

— Нѣтъ, Андрюха, накипь пойдетъ,—прошамкалъ безъ зубовъ старый псарь.

Его Андрюшка звалъ всегда „дядя Иванъ“, а на деревнѣ, во дворѣ и остальные псари звали его „Михѣичъ“. Андрюшка говорилъ съ нимъ громко. Михѣичъ былъ тугъ на одно ухо и уже лѣтъ больше десяти въ псаряхъ не ѣздилъ, а состоялъ собачьимъ „кухмистеромъ“.

— Больше какъ минутъ пятнадцать не слѣдъ,—выговорилъ молодой псарь убѣжденнымъ голосомъ.

— Кто тебѣ сказывалъ?

— Егерь Василій въ книжкѣ читалъ. Четверть часа варить, говоритъ, отъ двухъ штофовъ.

— Ладно,—подмигнулъ Михѣичъ и сдѣлалъ затяжку.—Двадцать годовъ знаю препорцію. А ты, Андрюха, больно мудришь, я погляжу.

Оба опять помѣшали жидкость. Они варили въ горшкѣ корень бѣлаго чемеричника. Около Михѣича, на земляномъ полу, въ тряпкѣ, лежитъ что-то бѣлое, въ кускахъ, и порошокъ желтаго колера. Эти снадобья — поташъ и сѣрная печень. Вотъ они процѣдятъ сквозь тряпицу въ другой горшокъ, пониже и покруглѣе, и всыплютъ туда оба снадобья, послѣ того поставятъ на золу и будутъ помѣшивать, а потомъ остудятъ.

Михѣичемъ держится не только вся кухня, но и аптека для борзыхъ и гончихъ. Какъ сойдетъ снѣгъ, вплоть до первой пороши, онъ ходитъ по оврагамъ и полямъ, по лѣсамъ и перелѣсьямъ и своими подслѣповатыми глазками ищетъ травъ и корешковъ. Онъ же покупаетъ лѣкарство въ москательномъ ряду. Доѣзжачій денегъ ему не даетъ, пропиваетъ, хоть и ставитъ на счетъ барину. Михѣичу остаются кости отъ лошадиныхъ тушъ, да и то не всѣ. Торговцы-„кошатники“ покупаютъ кости вмѣстѣ со шкурой—и вотъ на эти гроши Михѣичъ раздобудетъ поташу, сѣры, бакуна, скипидара, всего, что̀ нужно для частыхъ собачьихъ болѣзней.

Андрюшка долгіе годы водится съ Михѣичемъ, научился отъ него, какъ что варить, знаетъ, какъ звать всякую траву, что давать щенкамъ и осенистымъ псамъ, умѣетъ распо-

знавать болѣзни, отличать одну накожную нечисть отъ другой. Только съ нѣкоторыхъ поръ Михѣичъ немного обижается, что его выученикъ началъ его самого поучивать, хотя и почтительно. Михѣичъ грамотѣ не обученъ, а Андрюшка добывалъ какія-то книжки и оттуда вычитывалъ разные рецепты... То у него не такъ, другое, и „препорція“ не та, а иного и совсѣмъ не надо. Но мягкая душа Михѣича не способна на окрикъ, на злобное чувство. Онъ любитъ своего Андрюху. Вотъ, на-дняхъ еще, приступилъ онъ къ варкѣ „дегтярной смазки“, такого же цѣлебнаго средства, какъ и то, что они варятъ теперь—отъ коросты. Михѣичъ начинаетъ этой варкой свой псарный годъ... Онъ священнодѣйствуетъ. Выберетъ онъ хорошій, поливной горшокъ, не поскупится и гривну за него дать, чтобы мурава была густая, темная, чтобы звонъ шелъ отъ горшка, когда его щелкнешь. Приготовитъ онъ и клейстеръ — замазать крышку, когда все будетъ положено, и печь въ псарной избѣ вытопитъ особенно, и припасетъ всѣ снадобья... Вотъ и въ этомъ году такимъ же порядкомъ все изготовилъ. Такъ и тутъ Андрюшка почалъ умничать.

— Дядя Иванъ,—говоритъ,—на коровьемъ маслѣ мягче будетъ.

А испоконъ вѣку Михѣичъ бралъ свиное сало. И виданое ли дѣло мастерить смазку на коровьемъ маслѣ?.. Не послушался! Деготь тоже, по Андрюшкину толкованію, надо было развести въ молокѣ—„на-ко поди!“—и въ препорціи яри-мѣдянки, сѣры и квасцовъ они поспорили. Однако, Андрюшка уступилъ. Онъ всегда уступалъ Михѣичу.

III.

Михѣичъ, послѣ варки снадобья отъ коросты, пошелъ на скотный дворъ, гдѣ у него въ стряпухахъ жила свояченица. Онъ наказалъ Андрюшкѣ присматривать за копченьемъ „собачьей ветчины“. Коптили послѣднюю весеннюю порцію въ этомъ году—до наступленія осени. Зачастили теплые дни. Черезъ двѣ недѣли перестанутъ подмѣшивать къ овсянкѣ копченую конину вплоть до осени; но запасать ветчину надо будетъ и лѣтомъ.

Андрюшка вышелъ изъ кухни, снялъ на минуту картузъ, потянулся—и пошелъ, не спѣша, къ псарнѣ. Псарный дворъ стоитъ подъ горой, саженяхъ въ пятидесяти

отъ кухни, на томъ же берегу рѣчки. Онъ построенъ былъ за̀ново — старый сгорѣлъ, когда Андрюшку взяли изъ деревенскихъ дворовыхъ на псарню, лѣтъ шесть тому назадъ. Изба, въ три окна, съ жильемъ подъ крышей, раздѣляетъ два двора; лѣвѣе—большой дворъ идетъ въ гору крутой покатостью. Тутъ держатъ гончихъ и борзыхъ собакъ, кромѣ барскихъ. Дворъ замыкается сверху длиннымъ срубомъ, со скошенной крышей. Въ немъ четыре закуты—двѣ для гончихъ, двѣ для борзыхъ. Справа отъ избы дворикъ съ двумя закутами для сукъ въ разводкѣ и для щенковъ. Дворикъ этотъ на ровномъ мѣстѣ. Въ избѣ Андрюшка живетъ вмѣстѣ съ доѣзжачимъ и другимъ псаремъ. Доѣзжачій помѣщается съ весны въ горницѣ, а они оба въ избѣ. Михѣичъ спитъ зимой на полатяхъ, а съ весны перебирается въ свою свѣтелку подъ крышу. Случается ему частенько заснуть и въ кухнѣ.

Андрюшка подошелъ къ избѣ и сѣлъ на заваленку. Ходъ на псарный дворъ сбоку, черезъ калитку. Въ избу проходить надо дворомъ, подъ навѣсъ, направо, гдѣ стоятъ корыта для обѣденнаго корма стаи и борзыхъ. Калитка не запирается снаружи. Она держится за щеколду. Собаки выпущены изъ закутъ. Слышно и снаружи, за высокимъ тесовымъ заборомъ, какъ онѣ ходятъ по двору, взвизгиваютъ, зѣваютъ.

Только что сѣлъ Андрюшка, на дворѣ зарычала одна собака, потомъ вышла схватка. Андрюшка снялъ арапникъ, висѣвшій всегда на деревянномъ крючкѣ, у калитки, отворилъ ее очень быстро, переступилъ высокій порогъ и сталъ лицомъ къ стаѣ, опершись о бревно забора, хлопнулъ арапникомъ звонко и съ какимъ-то особеннымъ раскатомъ и высокимъ, нервнымъ голосомъ крикнулъ:

— На мѣста!..

Гончія были выпущены вмѣстѣ съ борзыми. Онѣ держались нѣсколько особо, къ навѣсу отъ забора—съ другой стороны двора, и по привычкѣ своей сбились въ кучу. Борзыя лежали вразсыпную, лѣвѣе отъ калитки, а также на помостѣ вдоль закутъ, на мосткахъ, положенныхъ внизъ отъ помоста, и въ самыхъ закутахъ—кто позябче и полѣнивѣе.

Стая гончихъ была слишкомъ въ двадцать смычковъ. Посрединѣ помѣщались всегда старые выжлецы и выжловки—крупнѣе и лучше ста̀тями, настоящей „костром-

ской“ породы, больше бѣлой шерсти съ подпалинами; муругія, половопѣгія, чубаропѣгія, помельче и нѣсколько другого склада, держались по краямъ стаи. Зарычали другъ на друга и собрались грызться два выжлеца: брылястый, длинноухій, съ толстой шеей, бѣлый, съ отмѣтиной на груди и большимъ темнымъ пятномъ сбоку, и совсѣмъ почти черный, съ подпалинами, сухой, низменный и съ длиннымъ хвостомъ.

— Набатъ!—крикнулъ Андрюшка и сдѣлалъ два шага впередъ.—Экая анаѳема!.. Вопило!.. Цыцъ!..

Новый ударъ арапника заставилъ собакъ замолчать. Набатъ улегся, а Вопило отошелъ въ глубину навѣса.

IV.

До шестнадцати лѣтъ Андрюшка входилъ на псарный дворъ съ внутренней тревогой. Его нѣжная природа склонна была къ боязливости. Взяли его хворымъ мальчикомъ и приставили къ Михѣичу „корытничимъ“. Въ первое время онъ не смѣлъ входить на дворъ одинъ, когда собаки выпущены изъ закутъ. Претили ему острый запахъ псины, не проходившій и зимой, нечистоты, грязь двора, собачьи корыта. Съ гадливостью промывалъ онъ эти корыта, мелъ хлѣвы, перемѣнялъ на нарахъ соломенную подстилку. А когда ему случалось оставаться одному на дворѣ, онъ крѣпко сжималъ арапникъ въ правой рукѣ и хмурилъ брови точно такъ, какъ дѣлалъ это покойный доѣзжачій Антонъ Гайновъ. Андрюшку взяли на псарню еще при немъ. Зналъ онъ и слыхалъ сколько разъ, что бѣда показать стаѣ страхъ. Разорвутъ въ клочки! Михѣича одинъ разъ смяли,—на что ужъ онъ старый псарь! Отвыкли что ли отъ него,—онъ калитку пріотворилъ тихонько и сталъ вносить горшокъ съ какимъ-то снадобьемъ,—вожаки изъ гончихъ не признали его, бросились, а за ними и вся стая; старикъ оторопѣлъ, горшокъ выпустилъ изъ рукъ, его и свалили. Если бъ не другой выжлятникъ, Степанъ Рябовъ, отъ Михѣича мокренько бы не осталось.

Прошла для Андрюшки эта пора боязливости. Онъ умѣетъ смотрѣть на стаю остро, поводить глазами, пріосаниваться, держать лѣвую руку въ бокъ, не хуже теперешняго доѣзжачаго Сеньки Пустарнака. Тотъ—лютый! Того всякая собака боится. Андрюшки не особенно боятся собаки, а скорѣе любятъ. Это онъ знаетъ, и ему самому любо. Не сразу прошла въ немъ и гадливость къ псамъ

и псарному обиходу. Мальчикъ онъ былъ тихій, чистоплотный, голоскомъ говорилъ дѣвичьимъ. Съ девяти лѣтъ до отдачи въ корытничіе Андрюшку готовили въ писаря. Училъ его земскій грамотей, а лѣтомъ, когда господа пріѣзжали въ усадьбу, онъ ходилъ въ барскій домъ писать сначала по прописямъ, а потомъ переписывать вѣдомости для конторы.

Теперь онъ стоитъ съ арапникомъ, прислонясь къ столбу забора, лицо настроилъ на строгость, а самъ любуется стаей. Онъ, безъ нужды, не хватитъ арапникомъ ни по одной собакѣ. Знаетъ онъ каждаго выжлеца и каждую выжловку вдоль и поперекъ. Диковинки нѣтъ никакой, что два гончихъ выжлеца—Набатъ и Вопило—то и дѣло грызутся. Они—соперники, не по женской части, а какъ вожаки стаи. Набатъ—осенистый, почти уже беззубый. Держа̀тъ его за голосъ и вѣрность чутья. Онъ давно былъ первымъ вожакомъ въ острову, еще когда Андрюшку только что взяли на псарню. Противъ него не выстоять ни одной гончей. За нимъ, особливо если онъ въ ударѣ, скачи безъ опаски: ни путанья, ни срыву, ни метанья изъ стороны въ сторону, ни гонки по старому слѣду быть не можетъ. Степенный, серьезный песъ—въ полной мѣрѣ, чутьистый, доимчивый, нестомчивый, и голосъ—прямой набатъ—такого во всей округѣ не отыщешь; да и по ста̀тямъ—чистый костромичъ. Года съ два выровнялся другой вожакъ—Вопило, подаренный барину сосѣдомъ, должно-быть помѣсь съ аглицкими гончими—въ мордѣ ублюдистый, съ круглыми ушами, по складу несуразый, коротконогій, сѣдлистый, съ кошачьей лапой и съ непомѣрно длиннымъ хвостомъ, но злобный, по чутью не хуже Набата, и хоть съ низкимъ, да заливистымъ лаемъ. Ну, вотъ они и враждуютъ. Андрюшка понимаетъ это, и только по долгу, чтобы стая не баловалась, хлопаетъ арапникомъ и кричитъ:

— На мѣсто! Сволочь вы этакая, на мѣсто!

Солнце въ эту минуту забралось подъ самый навѣсъ, туда, гдѣ скучилась стая. Собачьи морды—съ подпалинами и звѣздочками, уши, груди—половыя, бѣлыя, чубарыя, темно-огненныя—пестрѣли передъ Андрюшкой. Вся стая отъ окрика и ударовъ арапника подобралась, свалилась въ кучу. Посрединѣ Набатъ сурово и вкось поглядываетъ на своего соперника. Вопило отошелъ и сѣлъ на заднія лапы. Одно его ухо заворотилось. Онъ смотрѣлъ веселымъ, заискивающимъ взглядомъ на псаря. Кругомъ

ихъ, перепутавшись мордами и ногами, полулежали, сидѣли и стояли собаки постарше. Рѣже одна отъ другой держались молодыя гончарки, нюхали, чесались, крутили хвостами, взглядывали на Андрюшку.

Онъ глядѣлъ на стаю, и между нимъ и всѣми этими псами чувствовалась связь. Стая знала его гораздо больше, чѣмъ самого доѣзжачаго. Только арапникъ удерживалъ. А то бы они сейчасъ облѣпили его и принялись бы ласкать

V.

Да, хорошо знаетъ ихъ Андрюшка. И соперничество Вопилы съ Набатомъ запримѣтилъ онъ первый... Вонъ юлитъ хвостомъ муругая молодая выжловка Скрипка... За ней водятся грѣшки. Воровата, норовитъ ухватить лишній кусокъ изъ овсянки, таскаетъ въ закуту разную дрянь, а въ острову гонитъ противъ слѣда—„въ пятку“, безъ толку горячится и взвизгиваетъ. „Идти на кругахъ“—мастеръ молодой выжлецъ, Замарай; но отбойчивъ, послѣднимъ выбѣжитъ на опушку, когда въ два рога трубятъ сборъ. И до женскаго пола—очень ужъ охочъ. Двѣ сестры-однопометницы — Волторка и Докука, сиротливыя выжловки, но ладныя, хорошо одѣты и горячи въ острову, держатся вмѣстѣ, часто играютъ, лижутъ одна другую. И хворы: то шелудь, то восца, то натекъ въ сгибахъ ногъ. Возишься съ ними и зиму, и лѣто. Доѣзжачій хотѣлъ давно на осину, да баринъ не приказываетъ. И всѣ клички слились для Андрюшки съ собаками. Каждое слово приняло въ глазахъ его образъ, цвѣтъ, ста̀ти, примѣты. Спроси его теперь баринъ или какой сторонній посѣтитель, и сряду, и въ разбивку, онъ не забудетъ ни одного имени. Половина стаи воспиталась на его рукахъ. Онъ помнитъ вонъ того верзилу—Канарея слѣпымъ щенкомъ, и Красавку—первую выжловку въ стаѣ—какъ ей зашибло лапу по четвертому мѣсяцу, и они съ Михѣичемъ мастерили ей перевязку въ лубкахъ.

И натерпѣлся же онъ съ этими кличками. Не сразу онѣ ему дались. Онъ, мальчикомъ, путалъ борзыя клички съ гончими, называлъ Кидаемъ Громилу, а Рѣзву Овсянкой. Иныя имена до году не давались ему. Околѣлъ недавно выжлецъ Зепало. Никакъ онъ не могъ его выговорить: то Запало скажетъ, то Жепало. А доѣзжачій сейчасъ—въ зубы. Михѣичъ научилъ его лечь на печи, глаза

зажмурить и говорить сначала подъ рядъ клички и чтобъ собаку сейчасъ увидать передъ собой, какъ живую, а тамъ—въ разбивку. Вотъ, бывало, и лежитъ такъ Андрюшка, или лѣтомъ въ овражкѣ, за кустами черемухи, и шепчетъ:

— Соловей, Замыслъ, Смотрокъ, Бушуй, Соловка, Тревога, Фильтра, Угрюма, Шельма.

Такимъ же точно манеромъ и борзыхъ:

— Подаръ, Красай, Побѣждай, Досада, Пальма, Обида, Бритва, Отлика, Вьюга...

Борзыхъ, которыя содержались на псарномъ дворѣ, онъ долженъ былъ также знать поодиночкѣ. Ихъ никогда не держали больше двадцати штукъ. Борзятниковъ, изъ дворовыхъ, ѣздило человѣка четыре, кромѣ стремяннаго. Каждому полагалось по двѣ собаки, а третью они заводили отъ себя, вымѣнивали, получали въ подарокъ, какъ бы тайкомъ отъ барина, всегда почти рѣзвыхъ, но съ плохими статями. Держать ихъ и кормить не приказывали на псарнѣ; но баринъ не досмотритъ, а доѣзжачему—полштофа водки.

И этихъ незаконныхъ собачонокъ любилъ Андрюшка... Къ борзымъ щенкамъ у него даже какъ-то больше было жалости, чѣмъ къ гончимъ... Хотя онъ и не ѣздилъ съ борзыми, но каждая собака знала его. Вотъ и теперь: онѣ всѣ потянулись къ нему, вразсыпную. Смѣлѣе другихъ оказалась сѣрая, полукупая сучка—Отрада—изъ крымокъ, ходившая со стремяннымъ. Она подошла къ Андрюшкѣ, завиляла своимъ смѣшнымъ, короткимъ хвостомъ и лизнула языкомъ. Онъ позволилъ ей, и только когда Отрада подумала было стать на заднія лапы—далъ на нее окрикъ, хлопнулъ еще разъ арапникомъ и повернулся къ калиткѣ, бросивъ взглядъ на борзыхъ. Половина ихъ лежала въ закутѣ... Въ углу, у забора, сидѣлъ половой, псовый борзой—съ тонкимъ щипцомъ и глазами точно сливы—молодая, веселая собака. Онъ поднялъ уши и воззрился на псаря. Андрюшка обернулъ голову, примѣтилъ его и окликнулъ:

— Похвалушка!.. О-го-го!..

Похвалъ рванулся; но калитка захлопнулась за Андрюшкой. Стая расплылась. Тотчасъ же прошло въ ней мгновенное напряженіе. Много собакъ легли и задремали; другія стали бродить по двору, лакали воду изъ небольшого корытца, перебѣгали изъ одной закуты въ другую.

VI.

Андрюшка сѣлъ опять на заваленку. Передъ нимъ, немного лѣвѣе, открывалась дорога по той сторонѣ рѣчки и на изволкѣ, покрытомъ зеленью, церковь села Ѳедякова — казеннаго села, гдѣ стояли солдаты. Отъ псарни до Ѳедякова съ версту; но съ заваленки видна только колокольня съ зеленой крышей. Прямо, на широкомъ склонѣ, въ озимяхъ и яровой пашнѣ — два лѣска, куда весной ѣздятъ иногда со стаей, для напуска и натаскиванья молодыхъ собакъ. Оба лѣска—ядреные, больше изъ осинника, черемухи и орѣшника. Правѣе, выше обоихъ островковъ, изъ-за синяго сосноваго бора выставляется еще церковь—приходъ деревни, гдѣ родился Андрюшка... Боръ тоже казенный... До него версты четыре. Туда ѣздятъ только осенью. Онъ идетъ на десять верстъ. Въ немъ до сихъ поръ случается гонять „по красному звѣрю". Подъ горой, за поворотомъ, гдѣ идетъ къ барской усадьбѣ крутая дорога отъ моста,—прудъ и кругомъ овражистая рощица — вся дубовая, съ ручьемъ въ глубинѣ... Оттуда Андрюшка каждый годъ носитъ ежей; водятся тамъ и змѣи, но онъ ихъ не боится. На днѣ ручья лежитъ много „опоки", глинистаго, мягкаго камня. Изъ него вырѣзываетъ онъ трубки и разныя штучки, печатки, въ зимнее время...

Андрюшка сѣлъ на заваленку и прищурился отъ солнца. Изъ кухни все еще шелъ дымъ. Андрюшка все въ точности исполняетъ то, что ему скажетъ Михѣичъ... Только не любитъ онъ сидѣть сложа руки и къ табаку у него нѣтъ пристрастія. Но ему всегда пріятно поглядѣть на стаю. Точно всѣ эти собачьи морды сродни ему. И это чувство зародилось въ немъ не сразу. Онъ, мальчикомъ, ругался: „песъ, собачій сынъ, поганая морда!" Щенковъ и ему случалось бить, топить, мазать имъ скипидаромъ носъ. Вплоть до того времени, какъ сталъ онъ ѣздить настоящимъ псаремъ,—не было въ немъ теперешней жалости къ псамъ. Входилъ онъ въ охотницкій вкусъ, сталъ различать ладныхъ собакъ отъ плохихъ, похваливать ихъ голосъ, чутье, смѣтку, но все-таки смотрѣлъ на нихъ такъ же, какъ и другіе псари, какъ и доѣзжачій.

— Нешто у нихъ есть душа?—говаривалъ онъ.

И Михѣичъ, — на что уже мягкій старикъ, — и тотъ отвѣтитъ:

— Души у пса захотѣлъ!

Но разъ, на отъѣзжемъ полѣ, въ обѣденный перевалъ, случилась самая простая вещь, а глубоко запала въ чуткое сердце Андрюшки.

Какъ онъ сядетъ такъ вотъ одинъ, безъ дѣла, подумаетъ о собакахъ, ему сейчасъ и представится этотъ случай.

VII.

Осень. Полянка—перелѣсокъ между двумя островами—вся свѣтится отъ желтаго и краснаго листа опушекъ. День ясный, чуть-чуть морозецъ, утренникъ былъ славный. До завтрака, въ одномъ острову, позади, гнали важно... На барина поставили шестерыхъ матерыхъ русаковъ... Начуяли и по красному звѣрю, да увильнула лиса. Послѣ завтрака перешли въ другой островъ, густой осинникъ и дубнякъ, а листъ еще не опалъ; черезъ островъ идетъ оврагъ... Сначала гнали какъ слѣдуетъ... Андрюшка и другой выжлятникъ, Степанъ Рябовъ, не больше какъ минутъ пять и порскали всего. Доѣзжачій — онъ наканунѣ сильно урѣзалъ—наскочилъ на оврагъ; лошадь подъ нимъ была башкирская, бѣшеная, да вдобавокъ кривая—прямо бултыхъ, и изъ сѣдла вонъ... Стая замѣшалась; по горячему урвались за передовымъ собакъ десять; прочія стали рыскать, тявкать, пошли гнать въ пятку. Андрюшка ѣздилъ по лѣвую руку отъ доѣзжачаго и ничего сразу не увидалъ... Онъ же его нашелъ, въ оврагѣ, совсѣмъ разбитаго, подсадилъ въ сѣдло. Скулу себѣ доѣзжачій подбилъ, одну штанину распоролъ до колѣнъ. Надо было мигомъ перехватить стаю, чтобы не пустить тѣхъ, что̀ погнали по горячему, на опушку. На это Сенька—чортъ! Какъ только очутился въ сѣдлѣ, сейчасъ стремглавъ по какой хочешь чащѣ: канава ли, оврагъ ли цѣлый — все едино! Однако, не перехватилъ. Баринъ осерчалъ сильно... Затрубили сборъ, начуяли опять, работа пошла хорошая... Поставили до пятнадцати зайцевъ, да только все охотникамъ-борзятникамъ, а не барину. Поваръ Михаилъ Иванычъ двухъ русаковъ затравилъ, Павлу-сапожнику—на что ужъ шалый — и тому парочка матерыхъ досталась, Егоръ — хоть и слѣпой — добрыхъ бѣляковъ штуки три всторочилъ. А на барина, какъ ни бились, кромѣ двухъ паршивенькихъ бѣлячковъ, ничего не поставили... Да и то одинъ ушелъ...

Бѣда!.. Привалъ назначенъ былъ на перелѣсьѣ... Выѣхали. Половины стаи нѣтъ—стомилась, горячо больно гнала спервоначалу, а потомъ и расползлась. На изволкѣ, у полевыхъ дрожекъ, „камардинъ“ Гриша хлопочетъ вокругъ обѣда съ пузатымъ Михаиломъ Иванычемъ... Баринъ слѣзъ съ лошади,—Пулька прозывается,—не погладилъ ее, собакамъ прикормки не бросилъ, окрикъ далъ на стремянного Ѳедотку и пошелъ къ стаѣ. Картузъ на немъ высокій, блиномъ, поднялся на лбу; длинный казакинъ на лисьемъ мѣху перетянутъ шелковымъ кушакомъ, кинжалъ блеститъ за кушакомъ, арапникъ держитъ за рукоятку изъ козьей ноги. Доѣзжачій съ Степаномъ Рябовымъ трубятъ сборъ. Трусятъ съ опушки отсталыя и разметавшіяся по острову гончарки. Андрюшка стоитъ поодаль... Видитъ онъ, съ какимъ лицомъ подходитъ баринъ къ доѣзжачему. Вотъ онъ совсѣмъ плотно подошелъ къ нему и поднялъ ту руку, которая арапникъ держитъ. И доѣзжачій, и выжлятникъ перестали трубить.

— Что ты!..—заслышался глухой, шамкающій голосъ барина.

Сенька что-то буркнулъ и попятился назадъ.

— Молчать!

Рука барина, поднятая надъ головой Сеньки, дрогнула въ воздухѣ и спустила сложенный арапникъ на лѣвую щеку доѣзжачаго. Андрюшка стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Губы у него тряслись. Но глаза упали тотчасъ же на стаю... Она вся подобралась и плотно окружила Сеньку. Андрюшка зналъ, какъ она слушается доѣзжачаго. Стòило ему гаркнуть—и барина разнесли бы въ клочья... Попробуй, гаркни!.. Арапникъ еще нѣсколько разъ опустился на подбитую скулу и багровую щеку Сеньки. Онъ только моталъ головой въ другую сторону и щурился. У Андрюшки кровь бросилась въ лицо. Весь онъ пылалъ.

Глянулъ онъ направо, налѣво—видитъ: Гриша-камардинъ пересмѣивается съ поваромъ, и оба киваютъ на Сеньку,—такъ, молъ, тебѣ и надо, собачьему сыну: Бога благодари, что всю скулу тебѣ баринъ не своротилъ. Случись съ Андрюшкой такая же бѣда, они бы и надъ нимъ издѣвались. А все равно „холопы“, какъ и онъ. Вотъ подай барину этотъ самый Гриша тарелку не съ той руки, и ему отвѣдать арапника... Безстыжіе люди!.. Хамы безсердечные!.. Положимъ, доѣзжачій—самъ тоже „сахаръ“,

и овсянку воруетъ, и щенятъ на́-сторону продаетъ, и пьянствуетъ. Да сегодня-то онъ ни въ чемъ не повиненъ. Свалился въ оврагъ отъ горячности, не поставилъ на барина матерыхъ русаковъ—такъ нешто это возможно по заказу?..

Нудно и боязно Андрюшкѣ... Онъ самъ зажмурился. Ему слышенъ щелкъ ударовъ арапника. Раскрылъ онъ глаза, а стая вся уже въ сборѣ и еще плотнѣе прикучилась къ доѣзжачему. Сенька отводитъ голову отъ ударовъ барина, правая его рука держитъ красный картузъ, а лѣвая—большой витой арапникъ. И къ нему съ обѣихъ сторонъ, отдѣлившись маленько отъ прочихъ собакъ, подползли двѣ гончарки—старый кобель Гаркало, муруго-пѣгій, съ большой головой, злобный песъ, и ласковая чутьистая выжловка — Замчишка... Обѣ лижутъ ему руки и озираются на барина...

Андрюшку мигомъ индо слеза прошибла. Собаки, нечистые псы, и такую жалость имѣютъ!.. Нѣтъ, вретъ Михѣичъ, не паръ у нихъ, а тоже душа, хоть и не человѣчья!.. Эти двѣ гончарки только и учуяли, каково Сенькѣ подъ ударами арапника по голой щекѣ.

Съ той самой поры сталъ Андрюшка совсѣмъ по-другому смотрѣть на пса. И старыя собаки, и щенки полюбились ему. Какъ только какую-нибудь изъ гончихъ или борзыхъ за старостью и болѣзнями прикажутъ вздернуть или щенятъ-однопометниковъ, отобравъ попородистѣе,— остальныхъ въ рѣку топить,—у Андрюшки сверлитъ подъ ложкой, въ головѣ мутитъ, скверно ему цѣлыхъ два дня...

VIII.

Вешній легкій вѣтерокъ потянулъ ему въ лицо. Онъ снялъ опять картузъ, сладко зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и вдохнулъ въ себя длинную струю воздуха. Груди такъ легко дышится; во всѣхъ суставахъ истома. Андрюшка закинулъ немного назадъ голову, выпрямилъ грудь и пустилъ высокой фистулой:

— А-га-га-га!..

По шестнадцатому году объявилась у него особая способность. Онъ началъ выдѣлывать голосомъ родъ трели на самыхъ высокихъ нотахъ. Это еще покойный Гайновъ—доѣзжачій—называлъ „колокольчикомъ порскать“. За „колокольчикъ“ баринъ его отличалъ, два раза день-

гами дарилъ, сапоги далъ не въ примѣръ прочимъ псарямъ. Три года голосъ у Андрюшки все такой же высокій былъ. Навострился онъ разныя штуки выдѣлывать— и такъ, и этакъ. Баринъ стоитъ у лаза съ борзыми — и только бросятъ гончихъ въ островъ, сейчасъ прислушиваться начнетъ къ Андрюшкину „колокольчику". Помнитъ Андрюшка, какъ старикъ Гайновъ крикивалъ, подбоченившись въ сѣдлѣ и заломивъ картузъ на ухо, маленько подъ хмелькомъ:

— Дочуй, собаченьки, дочуй!

Въ самый разъ умѣлъ онъ такъ же кричать, хоть это и не его было дѣло, а доѣзжачаго.

Но вотъ прошлой осенью перехватило ему горло: въ отъѣзжемъ полѣ продрогъ на ночлегѣ... Колокольчикъ уже не тотъ вышелъ. Барину-то въ первый день еще невдомекъ было, а потомъ онъ и говоритъ:

— Андрюшка, гдѣ же голосъ-то у тебя?.. Пропилъ, что ли?

Зимой простудился шибко, въ жару больше недѣли лежалъ. Михѣичъ лѣчилъ. А потомъ въ горлѣ нарывъ душилъ его, насилу лопнулъ. Поправлялся туго, однако, къ посту оправился какъ слѣдуетъ... И стало его раздумье брать; въ сумерки, лежа на полатяхъ псарной избы, или проснувшись на разсвѣтѣ... Не потерять бы ему своего колокольчика. Что тогда будетъ? Силъ у него немного, ѣздитъ хоть и бойко, но устаетъ куда раньше, не то что доѣзжачаго Сеньки, но и пожилого Степана Рябова... Погонятъ его, приставятъ къ коровнику... А ему съ собаками разстаться больно жутко будетъ... И на псарнѣ ему любо, и въ острову. Да и какъ онъ станетъ порскать безъ своего колокольчика?..

Страшно ему было пытать свой голосъ: остался у него колокольчикъ или нѣтъ?.. Такъ и не пыталъ вотъ до этой минуты...

Андрюшка пустилъ сначала:

— А-га-га!..

Звукъ былъ грудной, гуще прежняго, шелъ изъ самаго нутра. Точно будто не его голосъ... А для порсканья хорошъ...

Онъ крикнулъ, немного приподнявшись:

— Вались, миленькія, вались!..

И это вышло ладно. Андрюшка всталъ, повернулся

влѣво, полузакрылъ глаза, ладонь правой руки приложилъ къ уху и хотѣлъ залиться...

Но колокольчика не вышло... Трель на самыхъ высокихъ нотахъ оборвалась. Нѣсколько нотокъ выскочило и потомъ вдругъ сипъ. Даже крякнуло въ горлѣ.

Оторопѣлъ Андрюшка. Потъ у него выступилъ по всему лбу. Онъ спустился на заваленку, руки у него упали на колѣна разомъ, на рѣсницахъ блеснули слезы. Нѣтъ больше колокольчика! Нечѣмъ тѣшить барина. Теперь онъ заурядный псарь... Для другого и простого порсканья достаточно, а отъ него будутъ требовать прежней голосовой удали.

Солнце ударило ему прямо въ лицо и заиграло на влажныхъ рѣсницахъ. Андрюшка долго плакалъ.

IX.

На „псовищѣ“ для маленькихъ щенятъ—около барскихъ амбаровъ, противъ скотнаго двора — по зеленой муравѣ играетъ штукъ пятнадцать щенковъ, борзыхъ и гончихъ. Имъ срублена тутъ же и закута. Держатъ ихъ особо отъ псарни. Нужно имъ изъ-подъ крутой горы кормъ каждый день таскать.

Посрединѣ псовища, обнесеннаго частоколомъ, большое корыто съ водой, подъ развѣсистой липкой; одна всего липка и растетъ. Двѣ другихъ не принялись—завяли. Стоитъ жаркій день. Щенятамъ прохладно въ тѣни. Они всѣ ранняго помета... Гончихъ больше, чѣмъ борзыхъ. Бѣгаютъ они по псовищу, лапы расползаются у нихъ; они шлепаются, грызутся.

Въ калитку вошелъ Андрюшка. Это было утромъ, часу въ девятомъ. Ему доѣзжачій приказалъ быть у щенятъ и ждать его. Надо отобрать самыхъ ладныхъ и вести на-показъ барину. Онъ назначитъ клички, по своему списку; плохихъ утопятъ. Доѣзжачему, быть-можетъ, удастся продать и на̀-сторону.

Андрюшка загорѣлъ. Усы у него замѣтнѣе пробиваются. Онъ уже раза два брился съ тѣхъ поръ, какъ господа переѣхали на лѣто въ усадьбу. Боялся онъ шибко пріѣзда барина. Порскать „колокольчикомъ“ онъ окончательно не могъ. Михѣичъ ему и полосканье давалъ, на меду, съ шалфеемъ. Только и ждалъ Андрюшка: вотъ велятъ сѣдлать—поблизости напустить гончихъ въ островъ, послушать барину, какъ натасканы молодыя собаки...

Прошли двѣ-три недѣли. Около Петрова дня—приказъ: раннимъ послѣобѣдомъ сѣдлать. Баринъ выѣхалъ на полевыхъ дрожкахъ, верхомъ не садился, и борзыхъ при немъ не было. Доѣзжачій даже сказывалъ Андрюшкѣ, что въ баринѣ охота какъ будто слабѣетъ. Съ докладомъ, попрежнему, ходилъ къ нему Сенька, передъ старостой, въ сумерки; однако, противъ прежняго, нѣтъ господскаго окрика, не спрашиваетъ про многое, въ кличкахъ сталъ путаться.

Бросили гончихъ, начали порскать. Андрюшка голосомъ пустилъ во всю глотку; по колокольчикомъ и не пытался. Стая валилась ладно, молодыя гончарки перечили мало, дружно донимали, двухъ бѣляковъ „на щипцѣ держали“. И лай у иныхъ объявился заливистый и густой. Когда выѣхали и затрубили сборъ, баринъ сошелъ съ дрожекъ и оглядѣлъ молодыхъ собакъ. Андрюшкѣ ничего не сказалъ. Точно и забылъ совсѣмъ, какимъ онъ голосомъ прежде порскалъ.

На душѣ отлегло съ тѣхъ поръ. Но сталъ чуять Андрюшка, что всему псарному дѣлу словно конецъ приходитъ. Сенька еще пуще запьянствовалъ, случалось и овсянку пропивать. Вотъ и теперь—надо вести щенятъ напоказъ барину, а у нихъ у всѣхъ животы раздуло. На нихъ отпускался полуситный хлѣбъ и студень изъ бараньихъ ногъ; все это Сенька прикарманивалъ и овсянку, никуда не годную, приказывалъ замѣшивать. Съ нимъ въ стачкѣ ключникъ; Михѣичъ сколько ворчалъ, жаловаться сбирался идти къ барину, однако, не сунулся.

Въ гончихъ щенятахъ намѣтилъ Андрюшка одного кобелька—муруго-пѣгаго, отъ Вопилы и Румянки. Славная собака выйдетъ. Сенькѣ онъ не показался. А Андрюшка съ Михѣичемъ ему ребра щупали, затылочную кость,—она торчитъ и желобочекъ есть посрединѣ. Михѣичъ искалъ „крючка“ на большомъ ребрѣ; не нашелъ. Барину ни въ какомъ случаѣ нельзя такого щенка показывать. Онъ изъ „арликановъ“ будетъ: одинъ глазъ темный, а другой бѣлесоватый—„сывороточный“.

Щенокъ вотъ для чего понадобился Андрюшкѣ. Давно ужъ онъ водилъ знакомство съ ружейнымъ охотникомъ Васильемъ, изъ вольноотпущенныхъ. Еще мальчикомъ Андрюшка ему зайчатъ лавливалъ и по пятаку продавалъ, ежей тоже, а потомъ они въ пріятельство вошли; иной разъ и уточку или чирковъ пару подаритъ Ан-

дрюшкѣ. Василій—бывшій выѣздной лакей, грамотѣ отлично знаетъ и есть у него книжка дареная, старинная: изъ нея онъ ужъ не однова разсказывалъ Андрюшкѣ про охоту, про звѣрей и птицъ, про болѣзни, про лѣкарства и про всякіе охотничьи снаряды и снасти. Вотъ изъ этой-то книжки навѣрняка и узнавалъ Андрюшка, отъ Василья, разныя разности и поправлялъ Михѣича. Но въ руки Василій книжки своей не давалъ.

На-дняхъ проходитъ мимо псарной избы, пробирается въ артемьевскіе луга; было это послѣ самаго Петрова дня; остановился, трубочки покурилъ, присѣлъ и говоритъ:

— Ты бы, Андрей Иванычъ, мнѣ щеночка хорошаго, изъ гончихъ кобельковъ, подсудобилъ, а то и парочку.

— Тебѣ для чего?—спрашиваетъ Андрюшка.

— Да хочу ихъ выдрессировать съ ружьемъ. Офицеръ есть въ батальонѣ, изъ чухонъ, изъ Финляндіи, оттуда за Петербургомъ, такъ у него смычокъ гончихъ есть. Ходятъ подъ ружьемъ. На зайца способны и на всякую лѣсную птицу... Можно, пожалуй, и на медвѣдя съ ними ходить.

Андрюшкѣ тутъ и пришла сильная охота выторговать себѣ за это ту книжку.

Онъ такъ и сказалъ Василію.

Тотъ ему въ отвѣтъ:

— Совсѣмъ не подарю — завѣтная. Такой не купишь. Ей чуть не сто лѣтъ; а на подержанье дамъ.

Такъ и поладили. Андрюшка выбралъ кобелька и подбиралъ выжловку. Въ первый разъ хотѣлъ онъ попользоваться щенятами. До тѣхъ поръ ни одной собачонки, ни одного щенка не стибрилъ, не продалъ на̀-сторону. Доѣзжачій бы только не надумалъ, что тутъ поживиться можно,—тогда не дастъ,—лучше утопить прикажетъ.

X.

Выбранный Андрюшкой щенокъ былъ такой же пузатый, какъ и прочіе. Онъ въ эту минуту игралъ съ гончаркой же отъ другого помета. Она была почти такой же шерсти, и тоже разноглазая. Вотъ ее-то бы и выпросить въ одинъ смычокъ съ кобелькомъ, для подарка Василію. Андрюшка подозвалъ ихъ, повалилъ на спину, пощупалъ у обоихъ щенковъ чутье, потрогалъ голову, лапы расправилъ, — какъ, молъ, будутъ держать зацѣпу: въ комкѣ,

или по-кошачьи... Оба щенка барахтались, немного огрызались, хватали его за руку острыми зубами. Морды ихъ — въ складкахъ — смотрѣли смѣшно и хмуро, уши падали впередъ, хвосты весело поднимались и двигались изъ стороны въ сторону. Въ умѣ Андрюшка перебиралъ клички. У него ихъ запасено довольно... Но ему хочется свою кличку дать, и кобельку, и сучкѣ... Скажетъ онъ Василію:

— Вотъ тебѣ смычокъ: Пискунъ и Смекалка.

Обѣ клички онъ самъ выдумалъ. Такихъ нѣтъ въ стаѣ. Да и надоѣли ему всѣ эти Громилы, Гаркалы, Вопилы, Соловки и Канарейки. Будь онъ баринъ или доѣзжачій такой, чтобы самому, безъ спроса, клички давать, онъ бы каждаго щенка называлъ по складу и характеру: какія онъ стàти выказываетъ и чего отъ него ждать въ острову. А то выходитъ частенько, что зовутъ иного выжлеца Помчило, а онъ „пѣшій", на ноги тугъ, и слѣдовало бы его кликать Верзило, за ростъ за большой.

Борзые щенята облѣпили Андрюшку. Ихъ-то и нужно вести къ барину. А они—не въ приборѣ: шелудивы будутъ, сейчасъ видно; животы имъ разнесло еще пуще, чѣмъ у гончихъ, двое „боками носятъ". Да и не отъ тѣхъ собакъ они, какъ бы слѣдовало. Сенька спьяна „поблюлъ" Азіата—изъ барской своры—съ Рѣзвой, а слѣдовало взять Зарѣзку — и баринъ такъ приказывалъ. Вотъ у щенятъ-то у всѣхъ, отъ этого помета, щипцы никуда и не годятся—„подузды", задъ завалился, „черныя мяса" плохи будутъ, уши, ровно у „крымокъ", висятъ, не подымаются, да и сидятъ низко. И „одѣты" бѣдно: не то псовые, не то „хортые"—не разберешь. Дрянь собачонки!

Все это обидно Андрюшкѣ. Переводятся ладныя собаки. Баринъ самъ въ дряхлость приходитъ, Сенька удержу себѣ не знаетъ: стыдъ потерялъ, куритъ и въ хвостъ, и въ голову, съ солдаткой изъ казеннаго села, пьянчужкой, связался. Прежде такой гадости не было, чтобы бабъ водить на ночь въ псарную избу; а теперь до поздней ночи гульба идетъ, по штофу вдвоемъ вытягиваютъ, гармоника, пѣсни безстыжія, сквернословіе, дерутся, на дворъ выбѣжала она, намедни, въ одной рубахѣ, а Сенька за ней съ арапникомъ. Михѣичъ ужъ которую ночь въ соб чьей кухнѣ спитъ. И Андрюшкѣ мерзко. Онъ подъ крышу въ свѣтелку уходитъ, такъ и тамъ его мутитъ. Не любитъ онъ гульбы. Съ бабами онъ не возится. И помысловъ ему

такихъ не приходитъ. Иной разъ злость его разберетъ. Сейчасъ бы вотъ и пошелъ къ барину.

— Ваше, молъ, превосходительство,—такъ и такъ. Все псовое дѣло идетъ въ раззоръ и половина стаи перепорчена. Ваша воля: коли я по злобѣ доношу, пускай мнѣ—лобъ!..

Да и совѣсть зазритъ. Какъ пойдешь? Вонъ и Михѣичъ—на что ужъ душа его скорбитъ—не смѣетъ идти, да и не гожо̀. Коли такъ взять: Сенька все же свой братъ, псарь, при одномъ дѣлѣ состоитъ, доставалось ему не мало и арапника, и розогъ, и въ „трубной" полгода выдержали, пожарнымъ.

Языкъ не поворачивается; да только и смотрѣть-то на него противно Андрюшкѣ, и говорить-то съ нимъ—индо въ горлѣ перехватываетъ.

XI.

Доѣзжачій сильно хлопнулъ калиткой, когда вошелъ. Сенька Пустарнакъ былъ лѣтъ на семь старше Андрюшки. У него лицо смуглое, самое псарское, со шрамомъ на лѣвой щекѣ, носъ широкій, съ горбомъ, темные усы онъ закручивалъ, брови густыя, вѣки всегда воспалены, подтеки на вискахъ; волосы сильно курчавятся. Во всемъ обликѣ удальство и загулъ, глаза точно подмигиваютъ, взглядъ ихъ то масляный, то наглый и злобный. Сенька и въ будни ходитъ въ старомъ парадномъ казакинѣ синяго сукна, изъ какого лакеямъ шьютъ фраки: воротникъ стоячій, выложенный кругомъ колечками изъ краснаго тонкаго шнурка; красныя же суконныя „груди" — все равно, что у казачковъ — съ четырьмя валиками; штаны такіе же, съ лампасами. Подпоясанъ онъ ремнемъ; на головѣ такой же картузъ, какъ и на Андрюшкѣ, — только доѣзжачій носитъ его, заломивъ назадъ. Отъ этого лицо у него выходитъ еще гулливѣе.

Андрюшка бросилъ щенятъ и крикнулъ на нихъ, завидѣвъ доѣзжачаго. Толстыя губы Сеньки разбухли. Онъ съ вечера пьянствовалъ. И какъ онъ это къ барину пойдетъ: правда, выспался, а все гарью отъ него изо рту отдаетъ.

— Какъ мы ихъ поволочемъ? — сердито спросилъ Пустарнакъ, и равнодушно оглядѣлъ щенятъ.

— Я, Семенъ Парменычъ, ремешковъ штуки три захватилъ,—отвѣтилъ Андрюшка не очень чтобы сладкимъ

голосомъ и полѣзъ рукой въ карманъ своихъ шароваръ.

— Передавишь... Гончихъ нечего водить. Такъ доложу...

— Раздуло брюхо-то больно борзымъ... и шелуди у двоихъ...

Сенька гнѣвно поглядѣлъ на псаря.

— А тебѣ какая сухота?

— Я для опаски, Семенъ Парменычъ, какъ бы, то-есть, генералъ...

— Генералъ, генералъ!—передразнилъ его Сенька. — Что ты рыло-то свое суешь? Кто доѣзжачій-то: ты али я?

Андрюшка немного поблѣднѣлъ, но огрызаться на Сеньку ему не слѣдовало. У него же надо просить пару гончихъ щенковъ. Сенька серчалъ не на него, а чуялъ бѣду. Наканунѣ они съ ключникомъ поспорили. Воровали они вмѣстѣ. Тотъ клялся-божился извести его, хотя бы и себя загубить. Сдѣлаетъ, ракалія, горбатая ехидна! А тутъ еще у щенковъ пузо раздуло отъ скверной овсянки, вмѣсто ситнаго хлѣба со студнемъ.

Сенька тоже подумалъ, что ему не слѣдъ съ псарями грызться; надо хоть съ ними ладить. Этакой вотъ, Андрюшка, даромъ что потихоня, тоже лѣзетъ напакостить. Да и помимо всего прочаго — и насчетъ собакъ. Баринъ будетъ спрашивать: „отъ кого такой-то щенокъ?“ — а у Сеньки отъ запоя память отшибло; еще переврётъ, пожалуй.

— Подай-ко вонъ того,—указалъ доѣзжачій Андрюшкѣ на борзого кобелька половой шерсти съ бѣлымъ брюхомъ.

Голосъ у Сеньки сталъ помягче.

Андрюшка поймалъ щенка.

— Отъ Катая и Язвы... — полуутвердительно выговорилъ Пустарнакъ.

— Никакъ нѣтъ,—поправилъ Андрюшка.

— Эка!

— Не отъ Катая, Семенъ Парменычъ, а отъ Подара и Бритвы.

— Шутъ ихъ дери, запамятовалъ!

Онъ запамятовалъ и насчетъ гончихъ, заспорилъ было, но сдался: Андрюшка напомнилъ ему, что трое чубаропѣгихъ щенятъ не отъ Гуслиста, а отъ Плакуна.

Доѣзжачій притихъ. Сталъ было онъ нащупывать ребра и головы борзымъ, да бросилъ. Андрюшка слѣдилъ за

нимъ глазами. Онъ помнилъ, какъ покойникъ Антонъ Гайновъ дѣлалъ это вмѣстѣ съ Михѣичемъ. Оба они вѣрили въ то, что хорошій щенокъ родится „съ лишнимъ ребромъ“—„сарное“ называется—и въ „крючокъ“ вѣрили, волоски считали подъ нижней щекой. Коли одинъ всего волосокъ—быть собакѣ перваго сорта. И на вѣсъ брали, и темя сильно по нѣскольку разъ давили. Андрюшка темени придерживался, но въ лишнее ребро не вѣрилъ. Ему и егерь Василій сколько разъ говаривалъ, что это „одна глупость“, и костей всегда „одинъ комплектъ“ бываетъ. Насчетъ „крючка“ Андрюшка былъ въ неувѣренности; но думалось ему часто, что и крючка никакого нѣтъ.

Сенька зналъ только одно: ухватитъ щенка, борзого ли, гончаго ли, за хвостъ и головой внизъ. Коли барахтается — хорошъ, а коли опуститъ голову и ноги свѣситъ —никуда не годенъ. Отъ матерей онъ отнималъ щенятъ рано, иныхъ по второму мѣсяцу, изъ-за вороватости своей. Говорилъ, что черезчуръ много мать отъ кормленья „трескаетъ“. Ему сподручнѣе было къ общему корыту ставить. Михѣичъ съ Андрюшкой сами выпрашивали у скотницы снятого молока и давали лакать щенятамъ, и тюрю имъ молочную мастерили, изъ своихъ объѣдковъ.

Доѣзжачій началъ хватать щенковъ за хвостъ, у двоихъ пощупалъ теменной хрящъ. И все ругался:

— Сволочь! На осину васъ!

А потомъ и скверными словами. Отобралъ, однако, четырехъ борзыхъ — вести къ барину. Изъ гончихъ выбралъ три смычка. Объ остальныхъ пока ничего не сказалъ...

„Думаетъ продать“,—рѣшилъ про себя Андрюшка.

— А какъ вотъ этихъ понимаете? — спросилъ онъ Сеньку, и указалъ на кобелька и выжловку.

— Арликаны!

— Генералъ не любитъ...

— Кормить нечего зря...

Тутъ Андрюшка выпросилъ ихъ. Сенька потребовалъ „магарыча“. Насилу завѣрилъ его, что это для подарка.

— Василій Ефимычъ самъ уважитъ: уточекъ принесетъ, или щеночка сбудетъ за хорошія деньги. Господъ много знаетъ!..

Мерзко было на душѣ у Андрюшки, когда онъ улещалъ доѣзжачаго. А тотъ и не доглядѣлъ, что собаки — даромъ, что арликаны—выйдутъ отличныя!

XII.

Поджидаетъ Андрюшка, сидя на заваленкѣ, у псарной избы, — это его любимое мѣсто, —егеря Василія. Щенки приготовлены. Василій долженъ пройти домой около трехъ часовъ. Живетъ онъ на хуторкѣ, въ трехъ верстахъ отъ города и въ четырехъ отъ усадьбы.

Зазорно какъ будто маленько — барское добро на̀ сторону, тайкомъ, дарить. И то сказать: все равно закинули бы обоихъ щенковъ. Да и сдается Андрюшкѣ, что не долго простоитъ вся псарня... Доѣзжачій скоро выскочитъ. Баринъ, на этотъ разъ, осерчалъ шибко и тукманки двѣ далъ Пустарнаку за то, что щенки пузаты и плохи ста̀тями. Слышалъ Андрюшка—въ людской избѣ гуторили—ключникъ Емельянъ опять жаловаться собрался на доѣзжачаго; „хоть и самъ угожу, быть-можетъ, на поселенье, да все генералу докажу".

И докажетъ, мужикъ злобный... Бѣда стрясется скоро. Андрюшкѣ опять жаль доѣзжачаго... У него есть такая мысль: какъ Сеньку въ арестантскую роту, или лобъ— и псарнѣ конецъ. Ужъ и теперь, видимое дѣло, что баринъ только для парада собакъ держитъ. А пристрастія нѣтъ. Были же не такъ давно, во дворѣ, свои музыканты. И музыкантская есть до сихъ поръ, въ томъ флигелѣ, гдѣ кухня. Помнитъ Андрюшка, какъ тамъ играли раза два въ недѣлю, и мальчиковъ на скрипкѣ учили. А теперь нѣтъ ничего; только контрабасъ торчитъ, съ львиной головой, за печкою. Музыканты почти всѣ перевелись. Въ солдаты отдали Ѳедьку-поваренка—на волторнѣ игралъ, Сашку, стремяннымъ ѣздилъ — первая скрипка былъ, Алешку-буфетчика—контрабасъ; Григорій-поваръ—флейта — по оброку ходитъ, пьянчужка, по трактирамъ больше шляется. Остался чуть ли не одинъ Павелъ—съ борзыми ѣздитъ—на кларнетѣ игралъ.

Такъ вотъ и со псарней будетъ!..

Который разъ западаетъ это на душу Андрюшкѣ. Къ чему его приставятъ тогда? Ни къ какому дѣлу онъ, кромѣ псоваго, не пріученъ, хотя, быть-можетъ, и способенъ былъ бы, если бъ его отдали „въ ученье". И къ фельдшерскому дѣлу, и въ писаря бы, или въ портные. Онъ и теперь можетъ, что нужно, зачинить, а то такъ и скроить. Такъ вѣдь надо учиться. Выйдетъ приказъ:

ступай въ скотники. Хорошо, если къ лошадямъ приставятъ; и лошадей-то охотничьихъ переведутъ небось...

Обрадовался Андрюшка, заприм̀тивъ Василья, какъ тотъ шагаетъ, внизъ подъ изволокъ, къ мосту. И дума съ него соскочила. Началъ даже картузомъ своимъ махать. Пошелъ егерю навстрѣчу. Они сошлись позади кухни. Василій—высокій, темноволосый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ плечахъ очень широкъ, только немного сутуловатъ. Лицо длинное, бѣлое, съ легкимъ загаромъ, и усы франтоватые, съ колечками; бороду бреетъ. Ходитъ въ сѣромъ, твиновомъ сюртукѣ, и манишку черную шелковую носитъ, шейный шарфъ, часы съ цѣпочкой, на головѣ фуражка новая изъ цвѣтной матеріи, на ногахъ нанковыя панталоны и хорошіе, мягкіе сапоги ремешкомъ связаны. Все у него аккуратно пригнано: и ягдташъ, и фляжка, и сумочка еще холщевая, для съѣстного, и пороховница. Винтовка дорогого стòитъ—у офицера задешево купилъ. Василій хмелемъ не зашибается, а выпиваетъ на охотѣ, сколько ему слѣдуетъ. Спокойный человѣкъ, учтивый и говоритъ всегда уважительно, не сквернословитъ и хвастанья охотничьяго въ немъ нѣтъ. Водятся и денежки.

Встрѣтились они на самомъ мосту, руку другъ другу подали, и картузъ каждый приподнялъ.

— Василію Ефимычу!

— Андрею Иванычу!

При егерѣ легашъ курляндской породы, уже не молодой песъ, съ раздвоеннымъ носомъ и отвислымъ животомъ, Рокса, умная и ласковая собака—больше для стойки, вплавь и для дальнихъ походовъ отяжелѣла.

Андрюшка остановился и оперся о перила моста.

— Готово!—весело и дружелюбно выговорилъ онъ.

— Гончарокъ?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Кобелька?

— Парочку!

— Ну, вотъ, спасибо,—протянулъ егерь и еще разъ пожалъ Андрюшкѣ руку.

— А вы, Василій Ефимычъ, обѣщаніе свое...

— Еще бы! Вотъ она.

Егерь ударилъ ладонью по холщевому мѣшку, отдувшемуся съ одной стороны.

— Здѣсь, значитъ, книжица?—спросилъ Андрюшка.

— Уговоръ лучше денегъ,—сказалъ егерь.—Въ собственность не уступаю, а на подержаніе.

— Скоро ли ее прочтешь всю-то, Василій Ефимычъ?

— Держи, хошь до зимы, а то и до весны, только чтобъ сохранна была...

Василій вынулъ изъ холщевой сумки книжку въ шестнадцатую долю, плотную, въ кожаномъ буромъ переплетѣ, съ чернильными пятнами.

— Вотъ и премудрость,—сказалъ онъ весело и подалъ книжку пріятелю.

Такъ и ухватился за нее Андрюшка, сейчасъ развернулъ и сталъ громко читать.

— „Совершенный егерь, стрѣлокъ“... Какъ же, Василій Ефимычъ... а объ нашемъ-то дѣлѣ?..

— А ты читай дальше. Не видишь нѣшто: „и псовый охотникъ“,—указалъ ему пальцемъ Василій. А тутъ ниже-то что напечатано?

Андрюшка прочелъ:

— „Съ приложеніемъ притомъ достаточнаго описанія о псовой охотѣ, также высвориваніи и наѣздкѣ борзыхъ и гончихъ собакъ“.

— Видишь!—вразумительно замѣтилъ егерь.

Лицо псаря совсѣмъ сіяло.

XIII.

Они пошли къ псарнѣ. Андрюшка не выпускалъ изъ рукъ книжки. Василій закурилъ трубочку и, остановившись еще разъ, указалъ пальцемъ на заглавіе.

— Прочти,—цифры умѣешь, небось, читать,—въ которомъ году книжка-то напечатана.

Медленно, но все-таки разобралъ Андрюшка, что напечатана она въ Санктпетербургѣ въ 1791 году. Эта цифра наполнила его высокимъ почтеніемъ къ книжкѣ; онъ и сообразить сразу не смогъ, насколько она его самого старше. Василій взялъ у него на минуту книжку и показалъ на оборотную страницу цвѣтной бумажки, передъ заглавной страницей.

— Видите, Андрей Иванычъ,—перешелъ онъ съ нимъ на „вы“,—въ какихъ рукахъ книжка была.

И онъ прочелъ таинственно и значительно:

— „Изъ числа книгъ, принадлежащихъ до Алексѣя Языкова“.

Послѣ чего показалъ псарю на то, что стоитъ подъ

этими строками. Сдѣланъ крестъ: на верхнемъ концѣ римское „XI“, на нижнемъ—„15-го дня“, справа и слѣва—„1793 года“.

Еще выше поднялась книжка въ глазахъ Андрюшки.

Прошли они на псарню. Щенки привязаны были въ сѣняхъ, подъ лѣсенкою въ верхнюю свѣтелку. Они понравились егерю. Посмѣялся онъ и надъ кличками, какія выдумалъ Андрюшка.

— Ладно,—говоритъ,—Андрей Иванычъ, пусть будетъ по-вашему. Кобелекъ заправскій. И сучка не плоха.

И онъ подарилъ ему убитую имъ уточку, предложилъ выпить изъ своей фляжки, да Андрюшка отказался. Они разстались закадычными пріятелями.

Проводилъ его Андрюшка до выгона, за деревней, и простился у опушки лѣса, по дорогѣ въ городъ. Книжку онъ держалъ за пазухой и пошелъ на псарню ускореннымъ шагомъ. На задахъ псарни, подъ черемухой, выбралъ онъ укромное мѣсто и легъ въ траву, неподалеку отъ рѣчки.

Раскрылъ онъ книжку и даже покраснѣлъ. Михѣичу онъ ничего не скажетъ про нее. Сначала хорошенько начитается, а какъ тотъ что-нибудь по-своему начнетъ мудрить, Андрюшка ему сейчасъ и утретъ носъ. Тогда ужъ на чистоту все — сейчасъ книжку, и укажетъ, гдѣ что стоитъ, и страница какая. Кафтанъ онъ снялъ и положилъ себѣ подъ голову. Читалъ онъ вслухъ.

Сначала оглавленіе... Сразу ему очень хорошо показалось: какія „качествы“ долженъ имѣть „совершенный егерь“. Подумалъ онъ было: псарь—не егерь, но тотчасъ же разсудилъ, что это все равно, и тотъ, и другой ходятъ вокругъ звѣря и собаки, и тому, и другому нужно себѣ, на каждый часъ и во всемъ, отчетъ отдавать.

Перечень „качествъ“ этихъ занимаетъ цѣлую страницу. Андрюшка раза три перечелъ ихъ, каждое раздѣльно, а потомъ сосчиталъ, сколько ихъ. Оказалось двадцать одно качество. И сталъ онъ себя спрашивать, все равно, что на духу, есть ли у него: богобоязливость, острое зрѣніе, хорошій слухъ, рѣзвыя ноги, нѣтъ ли „припадковъ на тѣлѣ“, свободно ли дыханіе, а чрезъ то громкій голосъ, способность есть ли къ перенесенію всякихъ трудовъ, несонливость, „безскучливость“ въ охотѣ, трезвость, вѣрность, здравый разсудокъ, „примѣчаніе“ (т.-е. наблюдательность), здоровые и прямые зубы, скорость „въ пред-

пріятіяхъ", отважность и неустрашимость, склонность къ собакамъ, любленіе чистоты ружья своего, молчаливость и беззавистливость?..

Что жъ! на каждое почти качество Андрюшка могъ отвѣтить утвердительно... И всему этому слѣдуетъ быть въ псарѣ. Вотъ только до „любленія" чистоты ружья псарь не имѣетъ касательства. Какъ передъ Богомъ, онъ не знаетъ за собой изъяновъ, почитай, по всѣмъ пунктамъ... Неустрашимость заставила его задуматься... Доѣзжачій куда его смѣлѣй; да вѣдь и онъ не трусъ, и въ ѣздѣ, и въ обращеніи со стаей... Случалось ему и волка сострунить. „Беззавистенъ" онъ вполнѣ, никому не завидуетъ, трезвъ, въ словѣ своемъ вѣренъ. Онъ взялся за зубы, пощупалъ—крѣпки ли они у него. Зубами онъ никогда не маялся, а склонность къ собакамъ у него—на рѣдкость. Ужъ самъ Михѣичъ ему то и дѣло говоритъ:

— Ты, Андрюшка, со псами ровно мамынька ро̀дная хороводишься.

Но нѣкоторые пункты онъ сейчасъ пожелалъ узнать въ подробности. Громко, молитвеннымъ тономъ прочелъ Андрюшка: „долженъ онъ быть не суевѣренъ и оставить всѣ пустыя примѣты, какъ-то: совиный крикъ, вытье звѣрей, встрѣчу попа". Онъ сознался, что примѣтъ этихъ онъ держится, и больно не любитъ съ попомъ повстрѣчаться. Статью о трезвости прочелъ онъ особенно весело и раза два даже расхохотался. Вотъ бы доѣзжачему почитать вслухъ, „для души спасенія". Точно будто для Сеньки Пустарнака стоятъ въ концѣ такія слова: „а какъ хмель въ головѣ заступитъ мѣсто двѣнадцати небесныхъ знаковъ, тогда вмѣсто исправленія своей должности будетъ онъ дѣлать великіе непорядки, а напослѣдокъ и должность свою совсѣмъ забыть можетъ". А какіе это „двѣнадцать небесныхъ знаковъ"? Подумалъ-подумалъ Андрюшка и рѣшилъ освѣдомиться у Василья. Бывала у него печатная тетрадь, гдѣ царь Соломонъ небесный кругъ чертитъ, и тамъ, поди, можно это узнать. Прочелъ онъ, что и собаку надо любить умѣючи и что „молчаливость есть душа важныхъ предпріятій"

XIV.

Цѣлыхъ три дня не могъ оторваться Андрюшка отъ „Совершеннаго егеря". Онъ читалъ сначала про звѣрей и передъ нимъ, точно живые, запрыгали разные звѣри.

Припоминались ему тѣ дни, когда онъ, малолѣткомъ, имѣлъ охоту до зайчатъ, еще до той поры, какъ его на псарню взяли. Держалъ онъ въ печуркѣ, въ скотной избѣ, двѣ пары зайчатъ — двухъ бѣляковъ и двухъ тумаковъ: подарилъ ему пастухъ. Потомъ онъ сталъ самъ ловить зайчатъ и продавать ихъ. Знаетъ онъ хорошо всѣ повадки, штуки и забавы „косого". И въ старой завѣтной книжкѣ находитъ онъ теперь подтвержденіе многихъ своихъ примѣтъ и свѣдѣній... Ему самому приходило, напримѣръ, на умъ: какъ сразу отличить самца отъ самки, когда заяцъ лежитъ на логовѣ? И ему тоже сдавалось, что зайчиха горбится и лежитъ уши свѣсивши, а самецъ кладетъ ихъ прямо по спинѣ. Зналъ онъ также (наблюлъ и Михѣичъ не разъ ему сказывалъ), что зайчиха „первымъ брюхомъ" несетъ не больше одного, а тамъ все больше и больше щенитъ зайчатъ, до шести штукъ. И кормитъ она ихъ мало, поди недѣли не кормитъ; начинаетъ опять бѣгать съ самцами.

— Этотъ косой, —балагуритъ, бывало, дядя Иванъ, — самый паскудный звѣрь насчетъ женскаго естества.

Слыхалъ Андрюшка толки промежду охотниками и о томъ, не бываетъ ли такихъ зайцевъ, что въ одно время и самцы, и самки; а то и такъ, что изъ самца въ самку обращаются? И самъ онъ, бывало, мнетъ-мнетъ зайчонка, а не можетъ отличить, какого онъ пола, мужского или женскаго. Въ книжкѣ онъ прочелъ—отчего это происходитъ; а чтобы взаправду двуполые родились—того не бываетъ. Зналъ и то Андрюшка, что заяцъ, не въ примѣръ кролику, родится зрячимъ. Разъ ему довелось заполучить зайчатъ, самыхъ маленькихъ, еле ползали, а всѣ зрячіе были и сами кормиться начали на третій день, какъ онъ ихъ въ печурку посадилъ. Жалость его къ зайцу поослабла, когда онъ прочиталъ, что самецъ не любитъ быть около самки, пожретъ молодыхъ, коли при немъ родятся. Сочинитель прибавлялъ, что самъ часто находилъ въ желудкѣ у старыхъ зайцевъ кости и челюсти маленькихъ зайчиковъ. И все это самецъ дѣлаетъ, чтобы заполучить опять зайчиху...

Андрюшка индо сплюнулъ. Гадко ему стало. Паскудный выходитъ звѣрь. А кричитъ, ровно ребенокъ, когда приходится его зарѣзать, отбить отъ гончихъ... Съ крика этого Андрюшку коробитъ. Маленькіе зайчата ему любы по сіе время.

Вотъ тоже и на ежей онъ охотился съ малолѣтства. Сначала боялся ежей; но вскорѣ стали они для него занятны. Съ Михѣичемъ долго кормилъ онъ ежа, ручнымъ сдѣлалъ, да сбѣжалъ—шельма!.. Звѣрь умный, полезный. И въ книжкѣ стоитъ: „на мышей онъ великій искоренитель“. Жретъ онъ все; а зимой спитъ и почти что ничего не ѣстъ... И про рожденіе его прочелъ Андрюшка мудреную статью. Несетъ ли онъ яйца или нѣтъ? Пророчество Исайино приведено: „возгнѣздится“, молъ. А какъ это понимать? Однако, прибавлено, что въ нѣмецкой-де библіи „господинъ Лютеръ не выразумѣлъ подлиннаго разума еврейскихъ словъ, а, можетъ-быть, написалъ по той догадкѣ, что ежи родятся почти голые, безъ шерсти“. Кто такой былъ „господинъ Лютеръ“—Андрюшкѣ было совсѣмъ невразумительно.

Читалъ онъ такъ три дня цѣлыхъ. Только къ собакамъ ходилъ по три раза въ день, ни разу ни въ людскую, ни въ скотную избу не заглянулъ. Но вдругъ взяло его смущеніе: да гдѣ же говорится о борзыхъ и гончихъ, о псарнѣ и болѣзняхъ собачьихъ, о наѣздкѣ и высвариваніи? Все оглавленіе онъ по нѣскольку разъ перечелъ. Идетъ рѣчь о духовой, т.-е. ружейной собакѣ и ея выправкѣ, и разные совѣты, опять же все егерю, а не псарю, не корытничему, не ловчему. Идетъ потомъ рѣчь о дикихъ козахъ, о свиньяхъ дикихъ, о какихъ Андрюшка и слыхомъ не слыхалъ, о барсукѣ, о волкахъ, рыси, выдрѣ, песцахъ и корсакахъ, о норкѣ, суркѣ, хомякѣ и бѣлкѣ. Такимъ же точно манеромъ — о „нижней“ дичи, о пѣвчихъ птицахъ, о цаплѣ или „чаплѣ“, объ уткахъ и глупышахъ. Многихъ названій не слыхалъ Андрюшка: савки какія-то, плутоноски, шилохвосты, крахалы, гагары. Узналъ онъ о чайкахъ всякаго цвѣта, о мартышкѣ и разбойникѣ, о ныркѣ или водяной курочкѣ, о всякаго цвѣта и званія куликахъ, о ржанкѣ или сивкѣ. Отыскалъ, что пеструю ржанку называютъ „колокольчикомъ“,—это заставило его еще разъ затуманиться о своемъ утраченномъ „колокольчикѣ“. Дошелъ онъ и до послѣднихъ страницъ, гдѣ говорится о курахтанахъ, травникѣ, зуйкѣ и чибисѣ.

На „чибисѣ“ книжка обрывалась безъ конца. Видно, что не хватало нѣсколькихъ листовъ. Андрюшка читалъ вслухъ:

„Сколько есть родовъ чибисовъ или пигалицъ?“

и останавливался на словахъ:

„Перваго рода сія птица раньше всѣхъ окажется и"

Дальше идти некуда. Но гдѣ же псовая охота? Ея не было въ книжкѣ. Неужели Василій обманулъ? Онъ въ него вѣрилъ, какъ въ степеннаго егеря и благопріятеля. На заглавной страницѣ увидалъ онъ: „томъ первый". Не понималъ хорошенько, что это значитъ „томъ", но догадывался—значитъ, только одна половина. А про другую егерь ничего не говорилъ; увѣрялъ вѣдь и пальцемъ показывалъ на слова: „съ приложеніемъ притомъ достаточнаго описанія о псовой охотѣ".

Сильно огорчился Андрюшка. Книжка ему опостылѣла.

XV.

Попался, наконецъ, и доѣзжачій, разомъ по двумъ дѣламъ... Ключникъ пошелъ къ барину и такъ ловко донесъ на Сеньку, что себя совершенно выгородилъ, и въ тотъ же день въ скотной избѣ Сенька „наохальничалъ" пьяный со старухой Дормидоновной, обозвалъ ее скверными словами и шлыкъ съ головы содралъ. Старуха къ барину, на что смѣлости хватило, допросилась у камердинера и бухъ въ ноги, воетъ. А у барина-то ключникъ только что побывалъ.

Приказъ вышелъ: Сеньку—на конюшню, „сто лозановъ". Сунулись брать его—онъ еще въ скотной избѣ бурлилъ. Отъ конюховъ и скотниковъ онъ вырвался, и на псарню. Прибѣжалъ онъ въ одной красной рубахѣ, воротъ разстегнутъ, грудь голая, глазами поводитъ, одинъ сапогъ треснулъ и нога въ портянкѣ видна. Андрюшка съ Михѣичемъ собирались овсянку нести, собакъ кормить. Сенька—въ псарную избу, ровно бѣсноватый, оретъ благимъ матомъ:

— Не подходи, зарѣжу!

Ушатъ съ овсянкой они оставили. Глядятъ—съ горы бѣжитъ Левонтій-скотникъ, да кучеръ Никита, да двое конюховъ—ребята все здоровые.

— Вяжите его!—кричатъ они имъ, и къ избѣ.

Андрюшка переглянулся съ Михѣичемъ.

— Нѣтъ, ужъ мы не станемъ,—прошамкалъ старикъ.

— Вѣдь вы—псари!—крикнулъ кучеръ Никита.

— Вяжите вы, вамъ велѣно,—сказалъ, отвернувшись, и Андрюшка.

Сердце у него сжалось. Сенька запереться не успѣлъ, схватилъ ножъ и началъ махать и такъ, и этакъ на

псарномъ дворѣ. Хорошо еще, что собаки были передъ кормомъ въ закутахъ. А то бы онъ пустилъ всю стаю — въ отчаянность впалъ. Однако, окружили его, сзади за руки ухватили. Долго бился Сенька, двоихъ такъ подъ микитки хватилъ, что плашмя ударились ὂ-земь.

Въ эту свалку ни Андрюшка, ни Михѣичъ не вмѣшивались. Подошелъ, тѣмъ временемъ, Степанъ Рябовъ. Онъ испугался, потемнѣлъ весь и слова не сказалъ. Сеньку онъ тоже не любилъ, но и въ немъ, видно, какое-то особое чувство дрогнуло. Все-таки свой же братъ—псарь.

Поволокли Сеньку. Онъ въ гору упирался и барахтался. Хмель еще гулялъ у него въ головѣ. Михѣичъ первый напомнилъ Андрюшкѣ и Степану Рябову, что пора кормить собакъ. Солнце уже сѣло за горой.

Притащили ушатъ съ овсянкой, налили ее въ корыта, оба псаря надѣли на себя по рогу на голубой шелковой перевязи, взяли арапники, Михѣичъ отворилъ закуты. Гончія кинулись внизъ по мосткамъ одной сплошной массой. Борзыя — вразсыпную. У нихъ и корыта были особыя, но въ одну линію.

За доѣзжачаго командовалъ старшій по лѣтамъ Степанъ Рябовъ. Онъ не перекинулся ни однимъ словомъ ни съ Андрюшкой, ни съ Михѣичемъ. Стоялъ онъ съ хмурымъ рябымъ лицомъ (оттого ему такое и прозваніе дали), нагнувши голову вбокъ, въ старомъ кафтанѣ изъ толстаго сукна, какъ и Андрюшка.

Собаки бросились и облѣпили корыта съ обѣихъ сторонъ. Но ни одна не смѣла начать лакать. Онѣ только взвизгивали и толкались, да и то не очень.

Затрубили псари. У нихъ выходило ладно. Андрюшка, хоть и не крѣпокъ былъ грудью, игралъ лучше Рябова. Брали они въ тонъ, одинъ повыше, другой пониже.

„Трумъ-ту-ту-трумъ-ту-ту-ту-у!“—разносилось по лощинѣ и подымалось къ барской усадьбѣ, среди тишины сумерекъ.

Вдругъ сверху раздались, заглушенные разстояніемъ, жалостные крики.

— Семена Парменыча, знать, полосуютъ!—разслышалъ и Михѣичъ въ звонкомъ вечернемъ воздухѣ.

Оба псаря остановились. Рябовъ только крякнулъ и опять затрубилъ, а Андрюшка не сразу совладалъ съ собою.

„Трумъ-ту-ту, трумъ-ту-ту!“—загудѣло опять складно и

размѣренно минуты съ двѣ—баринъ любилъ, чтобы долго трубили. И сквозь трубное гудѣніе прорывались крики, долетавшіе изъ конюшни. Должно-быть, конюхи и кучера отъ себя усердствовали, вымещали на Сенькѣ его буйство.

— Дбруцъ!—крикнулъ горломъ Степанъ Рябовъ.

Стая и борзыя кинулись на корыта, морды исчезли въ овсянкѣ, хвосты запрыгали и завиляли. Долго не слышно было ничего, кромѣ лаканья.

Смолкли и жалобные крики доѣзжачаго. Псари дали собакамъ облизать корыта и отогнали потомъ арапниками. Михѣичъ съ Андрюшкой понесли обратно пустой ушатъ. Къ нимъ подбѣжалъ у кухни мальчишка-дворовый, Мишанька, сынъ скотницы.

— Братцы,—крикнулъ онъ,—Сенька-то сбѣжалъ, ухватилъ ножъ въ людской, да и въ лѣсъ!.. Таково боязно!..

Все тревожнѣе дѣлалось на душѣ у Андрюшки. Что-то еще стрясется? Пустарнакъ на псарнѣ рѣзать ихъ будетъ или уворуетъ что? Пошли они къ Рябову; тотъ тупо молчалъ. Ему нездоровилось.

— Ну, и пускай его, — выговорилъ онъ. — Я ужинать пойду.

Черезъ полчаса прибѣжалъ барскій казачокъ, Васька Квасовъ. И прямо къ Андрюшкѣ.

— Къ барину ступай!

У Андрюшки колѣна задрожали. Онъ хотѣлъ было сбѣгать за парадпымъ кафтаномъ, да Квасовъ не далъ.

— Иди въ чемъ есть, еще загнѣвается!

— Ну, братъ Андрюха, не плошай! — проводилъ его Михѣичъ.

Совсѣмъ уже завечерѣло.

XVI.

Баринъ произвелъ Андрюшку въ доѣзжачіе—мимо Степана Рябова, старшаго по лѣтамъ и службѣ. Андрюшка совсѣмъ оторопѣлъ, когда его ввели въ кабинетъ, и только низко опускалъ голову, отвѣшивая поклоны.

— Какъ же вы, канальи, — спросилъ его баринъ, — не донесли мнѣ, что Сенька овсянку воруетъ?

— Не осмѣлились, ваше превосходительство,—съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ Андрюшка.

Приказалъ доложить на завтра о собакахъ и, отпуская, выговорилъ:

— Только деньгамъ переводъ — всѣхъ васъ на одну осину!

Эти слова запали въ душу Андрюшкѣ. Видитъ онъ, что баринъ одряхлѣлъ. Однѣ брови еще остались грозныя. Нѣтъ въ немъ ни капли прежней охоты. Такъ, для видимости, поддерживаетъ псарню. Въ другое бы время — какой еще чести: попасть въ доѣзжачіе, можно сказать, мальчишкой. Вотъ теперь-то и заводи порядки, блюди собакъ, по-божески. Лестно, а радости настоящей нѣтъ въ сердцѣ Андрюшки.

Зашелъ онъ въ скотную избу, въ застольную. Ему передъ Рябовымъ совѣстно!

— Вы, — говоритъ онъ ему, — Степанъ Веденѣичъ, не обижайтесь... Барская воля... Знаю, что супротивъ васъ я малолѣтокъ.

Рябовъ ничего не сказалъ. Развѣ о доходѣ отъ лошадиныхъ тушъ пожалѣлъ; а дѣла онъ не любилъ. У него свое рукомесло было: сапожнымъ мастерствомъ промышлялъ.

Михѣичъ порадовался, по плечу Андрюшку потрепалъ и говоритъ ему:

— Теперь ты у насъ нàбольшій. Надо бы съ тебя за это магарычъ,—косушечку, что ли!

У Андрюшки не было ни гроша. Но онъ посулилъ старику косушечку и прибавилъ:

— Ты ужъ, дядя Иванъ, по-старому со мной... Человѣкъ ты душевный, опытный.

Но не было радости на душѣ Андрюшки. Ему не вѣрилось, что псарня простоитъ долго.

Сенька пробѣгалъ недѣлю, шлялся по городу, а потомъ самъ пришелъ и въ ноги барину.

— Иду,—говоритъ,—въ солдаты, ваше превосходительство. Только освободите отъ сраму: въ арестантскую не отдавайте.

Баринъ уважилъ и сѣчь больше не сталъ. Сенька сейчасъ же попалъ въ доѣзжачіе къ полковнику въ гарнизонный батальонъ.

Все поуспокоилось. Андрюшка на первомъ докладѣ барину робѣлъ, а потомъ скоро примѣнился. Видѣлъ онъ одно: скупенекъ сталъ генералъ на псарню, вишь, корму „прорва“ уходитъ. Надо перевести половину собакъ. Ихъ и безъ того меньше было, чѣмъ показывалъ Сенька. На этомъ онъ тоже воровалъ. Прежде генералъ держалъ до-

ѣзжачаго по цѣлому часу, а теперь вошелъ—докладъ сдѣлалъ, что-нибудь спроситъ—и ступай. Да и не каждый день. Частенько Андрюшка не разберетъ, что̀ ему баринъ скажетъ, шамкаетъ онъ больно, да и тихо говоритъ. Изъ-за этого частенько „дурака“ стало доставаться.

Съ ключникомъ сначала у него лады пошли; а вскорѣ Андрюшка увидалъ, что и онъ плутъ естественный, и его на сдѣлку подманивать началъ. Увидалъ Андрюшка, что этакъ измучаешься и безвинно подъ барскій гнѣвъ угодишь. Посовѣтовался онъ съ Михѣичемъ и доложилъ обо всемъ генералу. Ключника смѣнили; но отъ этого самаго на Андрюшку всѣ въ скотной избѣ и на господскомъ дворѣ коситься стали, а то такъ и шпынять: „ябедникъ, себя хочетъ безсребренникомъ выставить; на-ко поди: святой—съ полочки снятой“. Пуще всѣхъ женщины загуторили. И Степанъ Рябовъ тихо ворчалъ. Онъ цѣлые дни сапоги шилъ, въ скотной избѣ. Не докличешься его и въ рогъ трубить по вечеру, къ корыту. Больше все Михѣичъ отдувается. А взыскивать съ Рябова Андрюшкѣ какъ будто совѣстно: моложе онъ его чуть не на десять лѣтъ. Просить другого псаря—баринъ заругается, скажетъ: „и безъ того псарня деньги и кормъ ѣстъ“.

Началъ Андрюшка затуманиваться.

И съ егеремъ Васильемъ у него на разладъ пошло. Онъ ему попенялъ, что книжка-то не вся... Тотъ надъ нимъ же подтрунивать вздумалъ: „у васъ,—говоритъ,—Андрей Иванычъ, глаза-то гдѣ же были, грамотѣ обучены, видѣли: томъ первый“.

Очень это не показалось Андрюшкѣ. Вотъ, считалъ человѣка совсѣмъ „правильнымъ“, да и тотъ вышелъ съ изъяномъ.

По псарному хозяйству у него пошло ладно. Съ Михѣичемъ они ни разу не повздорили. Андрюшка съ нимъ сталъ дѣлиться во всемъ, что̀ приходилось отъ лошадиныхъ шкуръ и костей. Давалъ и Рябову. Ему все еще было передъ нимъ немножко зазорно... Но отводилъ онъ душу только на псарномъ дворѣ, со стаей и на псовищѣ у щенковъ. Выпуститъ стаю и любуется ею; иной разъ приляжетъ у крыльца и подзоветъ своихъ любимцевъ къ себѣ, позволяетъ имъ обнюхивать и лизать себя. До осени онъ бы, по своей охотѣ, хоть каждый день напускалъ стаю въ мелкіе острова поблизости, да Степанъ Рябовъ ворчалъ. Однако, каждую недѣлю напускали. Баринъ вы-

ѣзжалъ три раза на полевыхъ дрожкахъ, слушалъ стаю, хвалилъ и спрашивалъ про новые голоса. Выровнялось четыре новыхъ смычка, и славно спѣлись... Только у барина все уходила и уходила охота...

И щенковъ поправили, стали „по-божески" кормить ихъ, чума со всѣми прошла благополучно, выравнивались ладныя собаки. Когда баринъ приказалъ—половину перевести, Андрюшкѣ сдѣлалось такъ жаль ихъ, что онъ взялъ на себя, скрылъ отъ барина, авось забудетъ; а когда осень минуетъ, можно будетъ дворовымъ борзятникамъ раздать, овсянки та же мѣра пойдетъ, а мясо—ихъ дѣло съ Михѣичемъ, ничего не стоитъ, отъ него же барышъ идетъ.

XVII.

Подошла и осень. Господа перебрались въ городъ, но баринъ ни разу не ѣздилъ въ отъѣзжее поле. Приключилась съ нимъ боль какая-то въ ногѣ, подагра, что ли, а можетъ и отъ старости просто... Затихло совсѣмъ на псарнѣ. Со Степаномъ Рябовымъ Андрюшкѣ плохо приходилось: не хочетъ ѣздить, да и кончено! И трубить-то не ходилъ. А стая выровнялась на славу: все половопѣгія, рослыя, молодыя собаки... Одному доѣзжачему какъ-то и зазорно было выѣзжать съ ними въ островъ. Борзятники всѣ изъ дворовыхъ, съ господами въ городѣ жили. Михѣича пробовалъ Андрюшка брать; да больно ужъ слѣпъ сталъ и въ сѣдлѣ еле держится... Пришлось попугать Рябова. До перваго снѣга разъ пятокъ выѣзжали. Гнали чудесно. У Андрюшки, вмѣсто колокольчика, голосъ сталъ грудной, зычный такой и опять съ особыми переливами. Въѣдетъ онъ въ островъ, стая назади, не спѣша двигается, и такъ себѣ покрикиваетъ на разные лады... И обидно ему, что некому новаго голоса его прослушать. Похвалилъ бы баринъ навѣрно. Ему самому почудится и покойникъ Гайновъ, и Сенька—такъ онъ по-ихнему порскать умѣетъ. Любуется онъ стаей, помогаетъ ей дочуять. Не нужно ему выбиваться изъ силъ, чтобы непремѣнно на барина русака выставить. Въ порѣдѣломъ лѣсу, между стволовъ, по землѣ, покрытой листьями, бѣгутъ гончарки, хвосты напряглись у нихъ, морды то поднимаютъ, то опускаютъ, бѣгутъ за передовой собакой... Вотъ затявкала одна, двѣ; залился вожакъ Вопило—и пошла музыка! Ан-

дрюшка покачивается и ѣдетъ легкой рысью, къ правому уху приложитъ руку и покрикиваетъ:

— Собачепьки, вались!

Не одна угонка ему люба, не зайцы, а каждая гончарка. Жалѣетъ онъ ее и точно радуется, что вотъ звѣрь, похожъ и на волка, и на лису, а какъ его выучить можно, и лаетъ умѣючи, чуетъ все, боится и любитъ человѣка...

По порошѣ онъ ѣздилъ съ борзыми, бралъ барскія своры. Года за три, когда баринъ не скупился еще на псовое дѣло, куплены были привезенные издалека два густопсовыхъ борзыхъ: Злоимъ (псари звали „Взлаимъ") и Завладай: одинъ свѣтло-половый, съ темной полосой вдоль спины, большой красоты песъ, другой—бѣлый, съ желтыми пятнами, поменьше ростомъ и погрубѣе посадкой, и щипецъ покороче. Злоимъ былъ и ласковѣе, лѣтомъ все больше въ барскихъ комнатахъ лежалъ, на диванѣ. По порошѣ они оба славно травили. Вдвоемъ повалили бы и волка.

Стала снѣжная зима. Совсѣмъ затихла псарня. Степанъ Рябовъ сидѣлъ въ скотной избѣ, да тачалъ сапоги. Михѣичъ коптилъ ветчину. Въ псарной избѣ Андрюшка плелъ арапники и мастерилъ лѣкарства.

Разъ, въ воскресный день, послѣ обѣда, часу такъ въ первомъ, говоритъ ему Михѣичъ:

— Андрюха, хошь я барскихъ-то борзыхъ свожу погулять?

Пошелъ по дорогѣ къ селу Ѳедякову. День стоялъ морозный, свѣтлый. Что-то скоро вернулся старикъ, да не одинъ, а за нимъ офицеръ, ротный, оттуда изъ села; тамъ солдаты стояли...

Бѣда стряслась! Злоима съ Завладаемъ Михѣичъ и пусти побѣгать: собаки старыя, степенныя, можно было безъ оглядки... Бѣгали они, бѣгали, да и воззрилисъ на прохожаго. А это самый ротный-то и былъ. Онъ шелъ пѣшкомъ. Вѣтерокъ у него капюшопъ отъ шинели поднялъ, да на голову. Собакамъ-то и показалось, должно-быть, чудно. Стрѣлой домчались онѣ до офицера—оба волкодавы—смяли его, и ну рвать. Хорошо еще, что капюшономъ ему голову окутало. Онѣ весь капюшонъ обгрызли и снизу полы. Завладай—злобнѣе Злоима, далъ хватку въ загривокъ и въ правую икру; до крови не прокусилъ сквозь сукно; однако, слѣдъ оставилъ; а шинель вся изгажена!..

Дѣло! Офицеръ потребовалъ Андрюшку, разсвирѣпѣлъ,

такъ и лѣзетъ; прибѣжали староста, управитель, земскій, выборный... Приказываетъ офицеръ Михѣича связать. Андрюшка не допустилъ. Михѣичъ ни живъ, ни мертвъ, трясется, пожелтѣлъ весь. Управитель его тоже отстоялъ.

— Извольте,—говоритъ,—генералу жаловаться.

— Подводу мнѣ!—скомандовалъ офицеръ.

Подводу дали.

Офицеръ опять на Андрюшку накинулся:

— Какъ же ты, разбойничья рожа, выпускаешь собакъ не на привязи?

Андрюшка ему въ отвѣтъ съ усмѣшкой:

— Не понимаете вы, сударь, въ нашемъ званіи. Извольте жаловаться. Собаки не люди... Опять же, собаки барской своры, шести осеней, привычныя; а вышло такъ—мы въ отвѣтѣ.

Тутъ же и оба борзыхъ стоятъ, смотрятъ на Андрюшку большими, ясными глазами, оба такіе красивые и смирные. Какъ ему на нихъ серчать, за что? Мало ли и человѣку что померещится?

Офицеръ тащилъ было и Михѣича въ городъ, на подводѣ; да Андрюшка не пустилъ и прямо сказалъ управителю:

— Видите, чай—еле душа въ тѣлѣ. Старикъ!

Съ офицеромъ поѣхалъ управитель. Взяли и Андрюшку. Онъ не упирался, самъ сказалъ:

— Въ отвѣтъ я долженъ идти... Провاживать слѣдовало Рябову, а я ему попустилъ. Дядя Иванъ по усердію пошелъ.

XVIII.

Изъ-за офицерской разодранной шинели вышла цѣлая исторія... Въ городѣ загудѣли толки. Барина въ газетахъ пропечатали: живыхъ, молъ, людей борзыми травитъ. А время стояло смутное. О волѣ всѣ гуторили. Генералъ испугался. На Андрюшку даже и не крикнулъ хорошенько, не ударилъ; только нахмурился и сказалъ:

— Провалитесь вы всѣ!

Офицеръ дѣло было затѣялъ... Баринъ откупился—пятьсотъ рублей заплатилъ; а шинеленка много тридцать стоила.

Вернулся Андрюшка на псарню, а Михѣичъ лежитъ, охаетъ на печкѣ. Желтуха у него сдѣлалась, а потомъ бредъ. Черезъ недѣлю померъ.

Совсѣмъ осиротѣлъ молодой доѣзжачій. И круто же ему приходилось всю зиму. Баринъ приказалъ черезъ управителя Степану Рябову помогать Андрюшкѣ по кухонной части, а Рябовъ отъ рукъ отбился. Приходилось самому доѣзжачему и овсянку варить, и мясо коптить, и ушатъ носить съ мальчишкой со скотнаго двора, да и тому приплачивалъ. Запахло волей. Дворовые, которые оставались въ усадьбѣ, начали побаиваться, что ихъ погонятъ. Воровство пошло. Таскали и дрова, и кормъ, и солому, и сѣно, и цѣлые срубы свозили. Съ новымъ ключникомъ у Андрюшки каждый день перебранки выходили... На борзыхъ болѣзни зачастили, опухоли въ сгибахъ, воспа. Нѣсколько собакъ поколѣло отъ воспаленія легкихъ. Просилъ Андрюшка управителя проконопатить на зиму закуты. Тотъ не уважилъ просьбы. Стая гончихъ нагрѣвалась только своимъ паромъ, сбившись въ кучу. Мѣнять солому на подстилку не изъ чего было каждый день. Чума прикинулась и на гончихъ. Заболѣлъ любимый смычокъ Андрюшки — вожакъ Вопило и выжловка Румянка... Онъ заскорбѣлъ, перевелъ ихъ въ избу, мазалъ, давалъ слабительное, кормилъ изъ своихъ рукъ. Послѣ того, какъ его соперникъ, Набатъ, въ концѣ лѣта околѣлъ, Вопило сталъ первымъ передовымъ выжлецомъ; такъ понималъ Андрюшку, ровно человѣкъ. Подъ стать ему выровнялась и Румянка, сучка на рѣдкость и ласковая такая, что отбивать ее надо, все руки лижетъ. Вылѣчилъ ихъ Андрюшка; но гончихъ передохло собакъ до десяти.

На масленицѣ, въ самый „прощеный день", когда всѣ дворовые въ усадьбѣ были навеселѣ, на псарню пришелъ вдругъ Сенька Пустарнакъ, въ солдатской шапкѣ и новомъ полушубкѣ, тоже сильно подъ хмелькомъ. Въ рукахъ гармоника, на шеѣ платокъ шелковый, подпоясанъ ремнемъ, съ серебрянымъ черкесскимъ наборомъ. Раздобрѣлъ какъ!.. Андрюшка ему обрадовался. Сенька затребовалъ полуштофъ.

— Ты,—говоритъ,—большіе доходы имѣешь!

Жилъ онъ все у батальоннаго командира въ гарнизонѣ, „ловчимъ" себя величалъ; полковникъ его любилъ, окромя доходовъ, жалованья по шести рублей въ мѣсяцъ. Чай, сахаръ барскій. Раза два, точно, „отполосовали", а то жизнь не въ примѣръ веселѣе и привольнѣе: городъ, компанія, писаря, денщики, женскаго полу—сколько хочешь.

— Ты бы въ солдаты шелъ,—подбивалъ онъ Андрюшку, продолжая куражиться.—Все равно проштрафишься.

— Воля будетъ,—возразилъ Андрюшка.

Онъ затуманился, слушая разсказы Сеньки.

— Воля! Велика сласть! Чай, ты—дворовый.

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, по шеямъ и вытолкаютъ. Мнѣ писарь батальонный сказывалъ—крестьянамъ-то одни дворы останутся, а земли ни-же-ни!

Сенька убрался, какъ смерклось, къ кумѣ, на порядокъ пьянствовать пошелъ. Андрюшка остался одинъ за столомъ. Въ избѣ холодно, темно. Горѣла девятириковая сальная свѣчка. Тоскливо ему стало. Нѣтъ у него никого. Собаки мрутъ, псарня рушится.

А баринъ въ такое сталъ смущеніе входить, что и лакеевъ бояться началъ—убьютъ. Пришла изъ города вѣсть, что въ деревню господа не переберутся на лѣто.

На Ѳоминой недѣлѣ потребовалъ управитель къ себѣ Андрюшку и велѣлъ ѣхать въ городъ. Баринъ надумалъ перевести псарню.

Андрюшка слыхалъ и отъ Михѣича, и отъ Гайнова, что̀ это значитъ. Когда хорошій охотникъ порѣшитъ со псарней—всѣхъ собакъ борзыхъ и гончихъ, вмѣстѣ съ щенятами, на осину....

— Какъ прикажете, ваше превосходительство?—спросилъ онъ, а у самого внутри точно что затянуло.

— Знаешь, какъ? Чтобы ни одного щенка на̀-сторону!..

И управителю строго наказалъ.

Два дня ходилъ Андрюшка какъ шальной. Выпуститъ собакъ на дворъ и смотритъ на нихъ долго-долго... Одинъ смычокъ и одна свора больно ужъ ему дороги... Свора барская: Злоимъ съ Завладаемъ. У барина жалости не хватило—взять ихъ въ домъ, пускай бы доживали. Очень ужъ молва пошла про то, что „офицера въ клочья изорвали“, противны стали и генералу оба пса!.. Смычокъ гончихъ—Вопилу съ Румянкой—Андрюшка ночью отдѣлилъ отъ стаи, вывелъ тихонько и передалъ пріятелю-мельнику изъ деревни Утечино, и денегъ далъ, чтобы кормилъ, пока не придетъ за ними.

Насталъ день казни. Не могъ доѣзжачій вѣшать самъ собакъ. Наконецъ, обрубилъ онъ сучья на двухъ черемухахъ, приготовилъ старыхъ четыре кулька изъ-подъ овсянки, навязалъ камней, добылъ веревокъ...

— Вѣшай ты! —сказалъ онъ Рябову.—Возьми Мишаньку на подмогу.

И ушелъ въ Дуплянку. Уходя, онъ смотрѣлъ, какъ первыхъ повели Злоима съ Завладаемъ, а сзади другую барскую свору—Азіата и Бритву. Обѣ своры скрылись за угломъ псарнаго строенія. Изъ Дуплянки онъ пѣшкомъ убѣжалъ въ городъ, повалился въ ноги къ барину и сталъ молить: отдалъ бы его въ солдаты—по охотѣ.

Баринъ согласился. Вопило и Румянка очутились при немъ недѣли черезъ двѣ. Андрюшку угнали далеко. Онъ попалъ въ драгуны.

Къ осени на мѣстѣ, гдѣ стояла псарня и собачья кухня, валялись головешки да гнилыя доски.

УМЕРЕТЬ—УСНУТЬ...

(РАЗСКАЗЪ.)

„Vis. et fais ta journée; aime, et fais ton sommeil".
Victor Hugo: Religions et Religion.

I.

Докторy Елкину двадцать восемь лѣтъ. Онъ еще студентомъ началъ кашлять, простудился на взморьѣ. У него, съ дѣтства, была страсть къ рыбной ловлѣ. Случилось это на третьемъ курсѣ. Онъ не обратилъ вниманія, не сталъ лѣчиться, на вакацію не ѣздилъ въ деревню. Да и не на что было. Онъ жилъ на стипендію. Уроковъ не набиралъ; ему нужно было работать. Съ первыхъ экзаменовъ, въ академіи, онъ взглянулъ на себя, какъ на работящаго научнаго студента. Такъ посмотрѣли на него и товарищи, и профессора. Золотая медаль, взятая за сочиненіе еще на четвертомъ курсѣ, додѣлала остальное. Вотъ онъ докторъ. Вотъ его шлютъ за границу—въ Вѣну, въ Парижъ, въ Лондонъ. Онъ ученый и горячій, смѣлый до дерзости хирургъ.

Но разъ, еще въ академіи, онъ порывисто закашлялся передъ операціей. Бистурій выпалъ у него изъ рукъ. Кровь хлынула горломъ. Въ обморокъ онъ не упалъ, но такъ ослабъ, что его должны были отвезти домой. Тутъ только онъ пошелъ къ профессору, далъ себя выстукать. Легкія были еще цѣлы. Послали его на кумысъ. Онъ проскучалъ въ Самарѣ, страдалъ отъ жары, не могъ тамъ работать, дѣлался днями нестерпимо раздражителенъ. Однако, пополнѣлъ. Кровохарканье не появлялось больше. Дорогой въ Нижній онъ заснулъ на палубѣ, и проснулся

съ дрожью. Начались поты. Лѣченья — какъ не бывало. Подползъ періодъ страшной болѣзни, смягченный для больныхъ туманнымъ словомъ „катаръ“. Но Елкинъ зналъ, что̀ это такое. Онъ не испугался. Не то, чтобы его охватилъ самообманъ чахоточныхъ. Въ него запало, скорѣе, другое чувство — чувство вызова, но не бравады. Онъ вызывалъ болѣзнь. Онъ какъ бы говорилъ ей:

„Ну, что же, ты — всесильна; но не думай, что я сдѣлаюсь твоимъ рабомъ. Ты пойдешь своимъ путемъ, а я моимъ. Сколько мнѣ отсчитано дней, столько я и проживу, не тужа, наблюдая тебя въ твоей разрушительной грызнѣ“.

И онъ выполнялъ этотъ вызовъ. Онъ взялъ заграничную командировку, ѣздилъ, слушалъ лекціи, посѣщалъ госпитали, дѣлалъ операціи, написалъ нѣсколько работъ. Въ часы отдыха — не отставалъ отъ товарищей. Его видали въ театрахъ, въ вѣнскомъ Пратерѣ, въ парижскомъ Бюлье, въ лондонскомъ Кремонрнѣ. Онъ любилъ ходить всюду, гдѣ пестрая толпа, гдѣ много нарядныхъ, здоровыхъ, красивыхъ женщинъ. Товарищи-докторанты иногда подтрунивали надъ нимъ, называли его „тайнымъ сластёной“, знали, что онъ очень воспріимчивъ къ женской красотѣ. Елкинъ не скрывалъ этого. Онъ не позволялъ себѣ „явныхъ глупостей“, но и не отставалъ отъ другихъ, не запирался, никогда не нылъ. Иногда, въ тихой бесѣдѣ съ пріятелемъ, возвращаясь домой, замедленнымъ шагомъ, онъ начиналъ сердиться на свою болѣзнь, язвить ее, дѣлать вслухъ соображенія: сколько можно прожить съ однимъ легкимъ. Онъ уже зналъ, что правое легкое у него тронуто, хотя и не образовалось еще кавернъ.

Разъ, въ Вѣнѣ, послѣ поѣздки въ горы, гдѣ такъ все блистало — и луга, и небо, и гребни горнаго лѣса, гдѣ всѣ такъ дурачливо и шумно справляли чьи-то русскія именины, у Елкина ночью опять хлынула кровь. И вышло ея двѣ лохани. Онъ слегъ. Товарищи перепугались. Приглашена была знаменитость по терапіи. Елкинъ, послѣ выстукиванія и выслушиванія, въ упоръ, съ улыбкой спросилъ нѣмца:

— Сколько вы мнѣ даете жизни?

Тотъ хотѣлъ-было сострить; но больной остановилъ его строже, и сказалъ твердо и значительно:

— Мнѣ это нужно знать. У меня есть интересныя работы.

— Въ Италіи, на покоѣ, безъ труда проживете и десять лѣтъ.

— А вотъ такъ, какъ я живу?

Профессоръ наморщилъ правую щеку и протянулъ:

— За два года я ручаюсь. Развѣ схватите воспаленіе.

II.

Елкинъ и тутъ не испугался. Онъ не зря потребовалъ приговора отъ знаменитости, выстукавшей на своемъ вѣку десятки тысячъ чахоточныхъ. Ему надо было расположить потолковѣе свое время. Не станетъ же онъ обкрадывать академію! Онъ долженъ кончить свои работы, напечатать ихъ, приготовить нѣсколько тонкихъ препаратовъ по хирургической анатоміи, прочесть хоть часть курса, показать молодымъ людямъ все „новенькое", что̀ онъ выучился дѣлать за границей.

Но... приговоръ отдался у него въ сердцѣ. Ему назначили крайній срокъ—два года, быть-можетъ, короче; но уже больше—не жди! Это его начало окачивать холодной струей. Совершенно такое ощущеніе. Сидитъ онъ за книгой или разсматриваетъ какой-нибудь инструментъ, углубится въ микроскопъ, или приводитъ въ порядокъ матеріалы новой работы... И вдругъ, его точно обдаетъ душемъ. Онъ вздрогнетъ. Мысль уже пронизала его мозгъ:

„Два года! Помни! Больше не проживешь!"

И всѣ боли злой чахотки разомъ наполнятъ и разопрутъ его грудь. Ему съ особой рѣзкостью слышится хрипѣніе въ горлѣ, свистящее, прерывистое дыханіе, онъ обоняетъ запахъ этого дыханія, его начинаютъ нестерпимо раздражать кашель и мокрота. Онъ съ припадками злости не плюетъ, а плюется. И точно черезъ микроскопъ, онъ сквозь грудную стѣнку проникаетъ глазомъ въ вещество своихъ легкихъ, видитъ эти дыры и ямы, эти сѣроватые узелки бугорчатки, которые вотъ-вотъ расползутся и станутъ гноемъ и кавернами... Онъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ бросался на кровать и метался, весь охваченный внутреннимъ огнемъ, бездыханный, облитый липкимъ по̀томъ...

Но это длилось всегда не больше пяти минутъ. Онъ стыдился своего малодушія. Опять начиналъ онъ ратоборство уже не съ болѣзнью, а съ смертнымъ приговоромъ. Зайдетъ товарищъ, онъ непремѣнно скажетъ ему:

— Знаешь, братъ, я, какъ институтка, считаю дни до выпуска. Мнѣ четыреста дней осталось.

— Ну, пошелъ!..

— Да нечего. Постукай. Въ правомъ-то легкомъ какія-то тряпицы болтаются, да и то съ одной лѣвой стороны.

И заговоритъ о своей работѣ, обстоятельно, съ любовью, одушевится, кашляетъ легко; когда схватитъ колотье или жженіе, только наморщиваетъ свою переносицу.

Но незамѣтно, безъ философскихъ книжекъ, безъ чтенія горькихъ поэмъ съ вѣчными жалобами жалкаго человѣчества на суровую и безсмысленную юдоль скорби,—этотъ пылкій человѣкъ, обреченный на вѣрную смерть, сталъ перебирать смыслъ своей казни, сравнивать свое заурядное положеніе съ ужасами, страшнѣе которыхъ не создаетъ жизнь и творчество. Вотъ приговорили убійцу къ казни. Онъ отравилъ жену, изъ-за грязной корысти. И онъ— химикъ, аптекарь. Жизнь ея была застрахована въ его пользу. У него любовница. Жену онъ билъ, тиранилъ, заставлялъ чуть не ноги мыть у его любовницы—безстыжей дѣвки, подобранной имъ въ помойной ямѣ свальнаго разврата... Злодѣй! Гаже, отвратительнѣе ничего не придумать! Но рѣзать ему голову машиной, торжественно, подъ прикрытіемъ батальона солдатъ, съ духовникомъ, полицейскими, судьями, журналистами, знатными иностранцами, со всѣмъ этимъ трусливо-гнуснымъ аппаратомъ мясной лавки и бойни, передъ полупьяной толпой зѣвакъ, воровъ, мальчишекъ, глупыхъ шалопаевъ, свѣтскихъ модницъ и проститутокъ, устраивать тутъ свой омерзительный пикникъ?!—Это еще гаже! Этому имени нѣтъ! Сидитъ этотъ коварный и подлый подливатель ціанъ-кали, сидитъ въ своей тюремной кельѣ. Апелляція отвергнута. Но просьба о помилованіи? Завтра, чуть свѣтъ, войдетъ начальникъ сыскной полиціи и скажетъ:

— Мужайтесь. Васъ ждутъ... Идемъ.

Но онъ надѣялся все время. Онъ вѣрилъ въ свой умъ, изворотливость; концы схоронены. Его осудили по совокупности уликъ. Кто видѣлъ, какъ онъ подмѣшивалъ ядъ?— Никто. Онъ ни разу не задрожалъ. Съ ядовитой увѣренностью подсмѣивался онъ надъ свидѣтелями, надъ прокуроромъ, даже надъ президентомъ.

Онъ надѣется... и когда? Десять часовъ до минуты, когда его голова въ страшномъ миганіи полетитъ въ корзинку, и кровь, какъ изъ ушата, зальетъ желтѣющія отруби.

Онъ надѣется! Да. Ему приносятъ ужинать. Аппетитъ у него славный. Онъ можетъ ѣсть мясо, пить красное вино. Ничто ему не напоминаетъ о собственномъ мясѣ и крови. Послѣ ужина, онъ ложится и засыпаетъ какъ убитый! А въ семь часовъ, когда палачъ съ помощникомъ введутъ его, связаннаго, съ обрѣзаннымъ воротомъ рубашки, на помостъ, его интересное, задумчивое лицо оглянетъ грязно-сѣрую массу колышащейся публики, и онъ громкимъ голосомъ скажетъ:

— Господа, я умираю невинный!

И тутъ — козыри въ рукѣ этого отравителя! А онъ, докторъ Елкинъ, долженъ отсчитывать каждый день, и сознательно, безъ признака надежды, идти навстрѣчу... не гильотинѣ, а безпощадно-копотливой болѣзни, съѣдающей его заживо. Мозгъ ясенъ, кровь приливаетъ къ нему, каждый мигъ освѣщенъ пониманіемъ науки. И за что? Что есть въ его жизни, кромѣ труда, простой, безсознательной честности? Вины нѣтъ, но есть тамъ, наверху, въ восходящей женской линіи — слабогрудая женщина. Ну, и отсчитывай свои дни, и знай напередъ, что каждая лишняя ночь принесетъ муки еще жгучѣе, а воздухъ будетъ все убывать, убывать, убывать!..

Ужасно это великое злодѣйство природы!

III.

На пригоркѣ, надъ моремъ, въ тѣни сосенъ, лежалъ докторъ Елкинъ, на сухой травѣ, покрытой слоемъ красно-бурой хвои. Жадно вглядывался онъ въ море и въ багровый, почти малиновый кругъ солнца, ожидая, какъ оно вотъ-вотъ нырнетъ въ изсѣра-синюю зыбь.

Съ той полосы его душевной жизни, когда онъ сравнилъ себя впервые съ осужденнымъ на казнь, прошло слишкомъ годъ. А онъ все еще дышитъ. Изъ-за границы вернулся онъ въ срокъ. Стоило на него взглянуть, чтобы увидать, какъ онъ плохъ. Предлагали ему Санъ-Ремо, Мадеру. Онъ отказалъ. Съ сентября началъ онъ читать лекціи, говорилъ довольно твердо и громко, но каждый разъ лежалъ, послѣ того, плашмя, до обѣда. Операціи онъ дѣлалъ, но рѣзать боялся, что дрогнетъ рука. Главное, ему страстно хотѣлось передать студентамъ все свое научное добро. Дня не проходило, чтобы онъ не предложилъ имъ какихъ-нибудь особенныхъ демонстрацій.

Миновала зима. Петербургская ростепель, съ вѣтромъ

и слякотью, уложила его на три недѣли въ постель. Онъ вознегодовалъ. Со стороны судьбы это было „просто подло“ — изъ двухъ лѣтъ, отмежеванныхъ ему, украсть почти цѣлый мѣсяцъ! Къ экзаменамъ онъ всталъ. Товарищи гнали его вонъ изъ Петербурга непремѣнно на югъ. Елкинъ не согласился. Въ концѣ іюля онъ поѣхалъ на Балтійское море. Онъ любилъ его съ дѣтства.

— Чего же лучше,—говорилъ онъ своему сослуживцу-терапевту, — тамъ хвоей можно дышать на всемъ прибрежьѣ. Умирать въ такомъ воздухѣ, право, толковѣе, чѣмъ въ парникѣ, на вашемъ хваленомъ Генуэзскомъ заливѣ.

Былъ восьмой часъ. До заката оставалось нѣсколько минутъ. Кругомъ, по холмамъ — тишина. На одномъ изъ пригорковъ виднѣется скамья и столъ. Въ котловинѣ, полной запаха хвои, нѣсколько жидкихъ кустиковъ. Позади—рядъ домиковъ съ желтыми заборами. Воздухъ переполненъ испареніями сосновой смолы, а съ моря доносятся струйки соленаго вкуса.

Низкій столбъ разбрызганнаго золотисто-краснаго свѣта падаетъ почти вровень съ горизонтомъ и разсыпается по корнямъ сосенъ, по дерну, по притоптанной бурой хвоѣ. Въ этотъ столбъ и вошло все изможденное, нервное, незамѣтно трепещущее тѣло больного. Холщевую шляпу онъ сбросилъ съ себя. Голову поддерживаютъ двѣ бѣлыя прозрачныя руки съ алыми ладонями. Въ нихъ чувствуется нервная дрожь. Высокая, сдавленная въ вискахъ, голова покрыта волнистыми вверхъ волосами свѣтло-русаго, почти огненнаго цвѣта. Вся жизнь ушла въ глубокіе глаза съ красивымъ разрѣзомъ, темносѣрые. Зрачокъ расширенъ. Въ немъ то и дѣло вспыхиваетъ огонекъ. Рѣсницы—густыя и темныя, такія же, какъ усы, и длинная, узкая борода, на щекахъ точно подбритая. Заостренный носъ съ прозрачными ноздрями. Лицо—начетчика изъ раскольничьей мѣстности. Щекъ уже совсѣмъ не видно. Только двѣ красныя точки выдвигаютъ впередъ скулы, подъ которыми залегли ямы. Ротъ съ крупными губами полуоткрытъ. Дыханіе судорожнымъ вздрагиваніемъ замѣтно въ горлѣ. Широкій складъ туловища скрываетъ ужасающую худобу. Свѣтлый люстринъ визитки и панталонъ лежитъ большими складками на этомъ тѣлѣ, гдѣ жиръ и мышцы давно высосалъ жаръ скоротечнаго истощенія.

Онъ поглядѣлъ влѣво, гдѣ сосны росли погуще. Глаза

его ярко вспыхнули отъ удовольствія. Никогда еще не видалъ онъ такого отраженія солнечнаго свѣта. Точно изъ земли билъ фонтанъ и расходился вѣеромъ янтарно-рубиновыхъ брызгъ — снизу потемнѣе, кверху, сливаясь съ блѣдно-опаловымъ пологомъ заката и съ широкой полосой, шедшей до двухъ третей всего пространства воды, гдѣ начиналась, безъ промежуточныхъ тоновъ, поперечная, сизо-розовая рябь.

— Экая прелесть!—сказалъ онъ вслухъ.

Совсѣмъ уже малиновый шаръ солнца вдругъ разрѣзала пополамъ тонкая дымка лиловаго облака, словно помѣстила его въ кольцо. И не въ этотъ только разъ Елкину казалось, что не солнце садится въ море, а само море затопляетъ солнце. Вотъ уже полшара. Сверху отрѣзана горбушка, еще цвѣтнѣе, точно наливной рубинъ. Ее все слизываетъ и слизываетъ снизу уровень воды. Вотъ чуть замѣтная полоска... „Ломтикъ моркови“, — сравнилъ Елкинъ, и тихо разсмѣялся.

Но и ломтикъ началъ сокращаться, перешелъ въ точку. Еще секунда — и нѣтъ ничего. Лиловое облако растаяло и слилось съ матовой бронзой заката. А море стало синѣе, рѣзкой чертой отдѣлилось отъ неба и пошло все поперечной, стальной чешуей.

Елкинъ закрылъ глаза и прислушивался къ шуму моря. Настоящаго вѣтра не было. Его лицо опахивалъ мягкій вѣтерокъ, отдававшійся чуть-чуть въ его ушахъ. Отъ воды идетъ одинъ немолчный звукъ. Похожъ онъ и на шелестъ липъ въ большомъ русскомъ саду, и на отдаленное паденіе воды на мельницѣ, или на горный ручей. И нѣтъ этому конца. Не дрему, а живое, громадное, всеобъемлющее чувство вливалъ этотъ шумъ въ еле-дышащую грудь чахоточнаго.

IV.

Теперь — вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ — онъ больше не возмущается. Была минута, когда онъ подумалъ о самоубійствѣ. Но всего одна минута. Онъ стыдилъ себя потомъ цѣлый мѣсяцъ. Ну, да, страданія безсмысленны, они усилятся къ концу. Разумнѣе закончить ихъ. Разумнѣе? Почему? Раньше срока онъ не умретъ. Зачѣмъ же самому помогать смерти, дѣлаться ея трусливымъ сообщникомъ? Нелѣпо и постыдно. Одно изъ двухъ: или онъ сгоритъ незамѣтно, какъ многіе чахотные, во снѣ, перевернется

на бокъ и — духъ вонъ, или ему выпадетъ на долю агонія. Такъ неужели не найдется добраго человѣка—предписать ему побольше морфія или другого снадобья, чтобъ мозгъ скорѣе закрывалъ свое телеграфное бюро и не докладывалъ о томъ, какъ страдаютъ ткани. Вотъ вѣдь и все!..

Любитъ онъ — въ эту минуту роскошнаго морского заката — всю природу: зелень, воздухъ, запахъ моря, мягкую хвою, а пуще остальнаго—солнце. Не умомъ однимъ, а всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ онъ связь съ источникомъ жизни, энергіи,—всего, всего!.. Ну, что жъ. Онъ самъ перегорѣлъ раньше срока, не накопилъ запаса, который льется оттуда, сверху, изъ огненной массы, потонувшей сейчасъ въ видѣ малиноваго шара. Никогда еще не говорилъ въ немъ такъ страстно великій таинственный голосъ природы. Онъ хорошо помнитъ—никогда!

И онъ не сдерживалъ крупной слезы, скатившейся ему на бороду. Небывалая истома примиренья передъ вѣчнымъ живымъ „нѣчто", передъ закономъ естества, передъ ежеминутнымъ чудомъ всего, что̀ движется и живетъ, охватила его до состоянія просвѣтленнаго блаженства. Жалость къ себѣ, къ тому, сколько заложено было въ немъ душевныхъ силъ, обреченныхъ на гибель, растворилась въ этомъ новомъ всепокрывающемъ чувствѣ...

— Ничто не пропадаетъ! Ничто не исчезнетъ! — шептали его лихорадочныя губы. — Едино все это, что̀ надо мной и вокругъ меня!..

Но какъ ему хотѣлось, въ то же время, вобрать въ себя больше красокъ, живыхъ настроеній, ласкъ отъ этой природы. Страстная любовь къ жизни сливалась съ благоговѣніемъ передъ великимъ чудомъ вселенной. Чтобы испытать такое чувство,—нужно было ему знать, что онъ умретъ съ первымъ осеннимъ вѣтромъ.

Вчера онъ купался. Для него уже не существовала опасность простуды. Кругомъ прыгали въ водѣ мальчишки, больше жиденята, съ смуглымъ мускулистымъ тѣломъ, визжали, барахтались, брызгались. Онъ съ любовью анатома разглядывалъ ихъ. Человѣческое тѣло, въ его изгибахъ, на водѣ, въ вольныхъ движеніяхъ ногъ, рукъ, бедръ, грудной клѣтки, поглощало его. Онъ забывалъ совершенно свою жалкую, нищенскую слабость, не смотрѣлъ на свои высунувшіяся ребра, ноги „какъ плети", бурую впадину груди. Ему не было завидно.

Вотъ и теперь, заслышалъ онъ сзади переливъ дѣтскихъ голосовъ и радостно повернулъ назадъ голову. По лѣсенкѣ, съ перилами, поднималась цѣлая ватага дѣтей— чистыхъ, нѣмецкихъ дѣтей—шесть дѣвочекъ и два мальчика. Кто поменьше, карабкался на крутой подъемъ. Кто постарше — шли степенно. Заправляла всей ихъ партіей дѣвочка лѣтъ десяти, въ большой соломенной шляпѣ, въ видѣ короба, съ длинной таліей, съ книжкой въ рукахъ. Елкинъ осматривалъ ихъ издали, каждаго поодиночкѣ. У одной дѣвочки, лѣтъ трехъ, голенькія ноги, изъ-подъ парусинной короткой юбки, привели его въ восторгъ. Шляпа на затылкѣ обнажала лобъ дѣвочки съ гладкими волосами, срѣзанными напереди, по-англійски.

— Что̀ за бутузъ!.. Божество!—прошепталъ Елкинъ, и началъ слѣдить ласковыми глазами за косолапенькими движеніями ребенка.

— Baby!—крикнула старшая дѣвочка тономъ на̀большей,—nicht so schnell! nicht so schnell!

На мальчикахъ были солдатскія фуражки безъ козырьковъ, съ синими околышами. Они на ходу подбирали сосновыя шишки. Гуськомъ поднялись всѣ дѣти, наверху потоптались на одномъ мѣстѣ, потомъ мальчики и мелюзга изъ дѣвочекъ подошли къ Елкину и уставились на него.

Онъ имъ улыбался, дѣвочку съ англійскими волосами подозвалъ рукой. Она покраснѣла. Мальчики въ солдатскихъ фуражкахъ пододвинулись поближе. Щеки у нихъ точно кто подпиралъ изнутри. Оба они раскраснѣлись, и волосы, цвѣта пакли, кудрявились изъ-подъ синихъ околышей. Маленькіе глазки искрились отъ радостнаго чувства дѣтской энергіи.

— Kinder, kommt, kommt!—закричала строго старшая дѣвочка.

— Lassen sie!—тихо остановилъ онъ ее.

Но дѣти послушно отступили и, смолкнувъ, стали спускаться съ пригорка.

Онъ провожалъ ихъ долгимъ взглядомъ. Можетъ, и не удастся уже больше увидать такого чуднаго ребенка, какъ эта дѣвчурка съ голенькими ножками?! Холостымъ, безъ потомства, послѣднимъ въ родѣ долженъ онъ умирать. Развѣ это не лучше? Что же бы онъ передалъ по наслѣдству вотъ такой прелестной дѣвочкѣ? Скоротечную чахотку? А то и того хуже: долголѣтнюю блѣдную не-

мочь, жалкое прозябанье безъ крови, безъ мышцъ, безъ вкуса къ жизни...

V.

Засвѣжѣло. Шумъ прибоя поднимался все явственнѣе. Забѣгали бѣлые зайчики. Подулъ вѣтеръ съ сѣверо-запада. Но Елкину не хотѣлось двигаться съ своей хвои, гдѣ его груди такъ хорошо дышалось. Внизу, вдоль влажнаго прибитаго песка, плоскія волны то и дѣло лизали прибрежье. Справа, влѣво и въ противоположную сторону тихо двигались фигуры гуляющихъ, — больше попарно. Нѣтъ-нѣтъ — проѣдетъ экипажъ, въ шорахъ, съ кучеромъ въ высокой цилиндрической шляпѣ, или пара пòни съ дамой въ соломенной викторіи, или амазонка съ кавалеромъ. Передъ нимъ все это движется такъ безшумно, точно въ панорамѣ. Не слышно ни топота копытъ, ни скрипа колесъ, ни разговоровъ.

И это мельканіе дамъ, мужчинъ, экипажей, всадниковъ вызвало въ немъ еще новое настроеніе. И ему онъ обрадовался. Ему захотѣлось пожить „на міру“. Тутъ, на купаньяхъ, все чуждо, хуже чѣмъ за границей. А надо бы въ свой большой городъ. Въ тотъ же Петербургъ. Августъ уже на дворѣ. Городская жизнь начинается.

Гдѣ-то, очень близко, въ одномъ изъ овражковъ раздались громкіе голоса, русскій языкъ пополамъ съ французскими и англійскими фразами. Онъ такъ былъ поглощенъ собой и природой, что не замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него уже больше получаса играютъ въ крокетъ.

Елкинъ привсталъ, надѣлъ шляпу, застегнулъ визитку и присѣлъ къ дереву, поджавъ подъ себя ноги, въ полъоборота къ обществу, игравшему въ крокетъ.

Тутъ было четыре дѣвицы: одна — длинная, какъ тычинка хмелю, другая ей по плечо,—сестры, въ одинаковыхъ вышитыхъ платьяхъ изъ Лувра и цвѣтныхъ казакахъ; при нихъ русская англичаночка, курносенькая и миловидная, въ синемъ кретоновомъ капотикѣ, въ родѣ ливреи, съ капюшономъ; еще плотная, краснощекая нѣмка-баронесса, пухлый французъ-учитель изъ Петербурга и жилистый, загорѣлый брюнетъ, балтійскій полякъ. Нѣмка поразила Елкина своимъ здоровьемъ. Онъ разглядѣлъ ея широкую ступню и даже сострилъ про себя:

„Да, на большой ногѣ онѣ здѣсь живутъ“.

Долгая барышня взвизгивала безпрестанно и потомъ тянула въ носъ:

— Monsieur Courcelle, à vous de jouer!

Въ другое время, лѣтъ пять-шесть назадъ, даже въ прошломъ году, онъ поглядѣлъ бы на этихъ дѣвицъ съ недовольной миной или презрительной усмѣшкой. — „Барышни, худосочное отродье, коптятъ небо, ходячая золотуха“, — вотъ что̀ бы онъ сказалъ про себя. Но теперь вышло совсѣмъ не то. Никакого предубѣжденія не ощутилъ онъ въ себѣ. Онъ видѣлъ передъ собою игру молодыхъ людей. Ихъ влекла все та же природа. Крокетъ— одинъ предлогъ, выдуманный лицемѣрными англичанами.

И ему стало досадно на себя, досадно и обидно. Зачѣмъ онъ пре́жде, когда еще было здоровье, избѣгалъ общества дамъ и дѣвицъ? Тогдашній его „демократизмъ“ показался ему непростительно-глупымъ. Онъ самъ, по своей винѣ, отнялъ у себя столько хорошихъ минутъ знакомства съ нѣжными женскими натурами, не слыхалъ кроткихъ, изящныхъ голосовъ, не видалъ вблизи ни граціи, ни милаго кокетства, ни горячаго порыва дѣвушки, въ расцвѣтѣ ея душевной красоты. Что онъ видѣлъ? Пестрыя толпы въ столицахъ, кокотокъ въ Мабиллѣ, или уличныхъ женщинъ на вѣнскомъ Грабенѣ и лондонскомъ Hay-Market! Иногда на сценѣ, тоже за границей, ему понравится актриса. Онъ купитъ ея карточку, читаетъ о ней фельетоны въ газетахъ, ждалъ выхода одной у театральнаго подъѣзда. Воображеніемъ онъ сближался съ ней, слышалъ ея голосъ, дополнялъ ея сценическій обликъ блескомъ ума, обаяніемъ натуры. Познакомиться съ ней... Какъ? Языками онъ владѣлъ плохо. Да и съ какой стати „затесался“ бы русскій „лѣкарь“ къ какой-нибудь знаменитости—и бухъ ей:

„Позвольте быть знакому. Вы мнѣ очень нравитесь“.

И такъ прошла молодость. О любви ему некогда было и подумать. Вспомнилъ онъ тутъ о двухъ-трехъ знакомствахъ съ русскими работающими дѣвушками. Тѣ даже и мысли-то въ немъ не вызывали, что онѣ особы другого пола. Длинные разговоры съ научными терминами, уроки, атласы, препараты по анатоміи, клеенчатые фартуки, ломтики колбасы, запахъ папиросъ,—вотъ что осталось у него въ памяти.

„Хорошіе парни“,—выражался онъ про нихъ тогда, да и теперь то же скажетъ.

Да, не любилъ! И женщины, ея красоты и обаянія не зналъ—да такъ и умретъ мѣсяца черезъ три. По его расчету, осталось семьдесятъ три дня, если нѣмецъ предсказалъ вѣрно. Стыдно ему сдѣлалось, когда онъ продолжалъ глядѣть на дѣвицъ, играющихъ въ крокетъ,—къ чему сводились всѣ его отношенія къ женщинѣ, какъ источнику любви и радости?.. Онъ даже вспыхнулъ, и вспыхнулъ въ первый разъ, думая объ этомъ. Ему вспомнились студенческія похожденія. Ну, тогда слишкомъ бушевала кровь. Но дальше грубаго усмиренія аппетитовъ никто не шелъ. А потомъ? Науку онъ любилъ; былъ чувствителенъ къ женской красотѣ. Какъ? Ему нравилось тѣло, одно тѣло. Прежде, онъ помнитъ, ему бывало жаль этихъ несчастныхъ, бѣгающихъ по бульварамъ и люднымъ улицамъ, по баламъ и кафе, на ловлю мужчинъ. Обидно за женщину, горько за человѣчество, создавшее такой видъ погони за кускомъ хлѣба. Да; но онъ не пренебрегалъ этими женщинами. Онъ платилъ имъ. Ему случалось даже хвалиться передъ товарищами за кружкой пива, что „вотъ какую я вчера заполучилъ Амалію или Фифину“.

„Заполучилъ“. Это именно слово и было въ ходу въ ихъ холостыхъ разговорахъ. И, точно ассортиментъ галстуковъ или порцій ѣды, проходятъ передъ нимъ: блондинки съ колоссальными шиньонами и бѣлоснѣжными формами, и сухенькія брюнетки, и греческіе и вздернутые носы, и овальныя плечи, и „богатыя“ бедра. Онъ даже, одно время, записывалъ ихъ въ книжечку, поименно, и съ обозначеніемъ числа и мѣсяца. А вѣдь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на скромнаго, почти добродѣтельнаго мужчину. Цинизма и въ разговорахъ не любилъ онъ дальше извѣстной черты. Его даже считали чопорнымъ по этой части, хотя и знали, что онъ „не прочь“.

Краска поздняго стыда долго не сходила съ лица Елкина. Будь онъ посмѣлѣе и не такъ слабъ, онъ способенъ былъ бы повиниться передъ барышнями. И ему еще сильнѣе захотѣлось въ городъ. Онъ заведетъ знакомства, будетъ ѣздить въ Павловскъ, найдетъ нѣсколько милыхъ семействъ. Все это отъ него зависитъ. Съ половины августа Петербургъ оживляется. Зажгутъ фонари. А тамъ и сентябрь...

Мысль о сентябрѣ не испугала его. Онъ приподнялся, держась за стволъ тонкой сосны. Общество собрало свои палки, шары и дуги и вошло, со смѣхомъ и разговорами,

въ калитку одной изъ дачъ, съ новой гонтовой крышей. Вѣтеръ все свѣжѣлъ. Но Елкину дышалось еще лучше. Была минута, когда проблескъ дѣтской радостной надежды, какъ ночной огонекъ, вспыхнулъ и озарилъ его мозгъ:

„А, быть-можетъ, процессъ разрушенья остановится?"

Онъ ничего не отвѣтилъ; но спустился бодро, шагая большими шагами. Онъ рѣшилъ не заживаться здѣсь больше недѣли.

VI.

Передъ обѣдомъ, въ послѣднихъ числахъ августа, Елкинъ тихо двигался вверхъ по Большой Морской. Городъ смотрѣлъ еще по-лѣтнему. Стоялъ душный, солнечный, потный день. Груди больного приходилось плохо. Онъ утромъ поѣхалъ къ товарищу на острова, думалъ освѣжиться. Но на пароходѣ его прохватило. Товарища онъ не засталъ и, ходя по аллеямъ острова, чувствовалъ себя точно въ теплицѣ. Въ городѣ ему стало лучше. Къ пятому часу Морская полна была движенія. Елкинъ находилъ улицу очень красивой, да и вообще Петербургъ зáново предсталъ передъ нимъ въ просторѣ и грандіозности набережныхъ, рѣки, стройныхъ каменныхъ перспективъ.

— Какой городъ! Какой городъ!—повторялъ онъ часто, точно онъ его изучаетъ въ первый пріѣздъ, а не родился тутъ, въ Гавани, не знаетъ этого Петербурга вплоть до переулковъ Выборгской.

Глаза его упали на боковую синюю вывѣску съ бѣлыми буквами. Это была постоянная выставка. Онъ рѣдко ходилъ на выставки по недосугу, да и любилъ повторять, что мало смыслитъ; но за границей останавливался всегда передъ витринами художественныхъ магазиновъ.

Елкинъ вошелъ. Онъ самому себѣ казался иностранцемъ или пріѣзжимъ изъ губерніи. Его это забавляло. На лѣстницѣ и на верхней просторной площадкѣ, гдѣ стояла пріятная свѣжесть, ему уже иначе дышалось. Кассирша въ темномъ платьѣ указала ему рукой на ходъ вправо. Онъ попалъ сначала въ музей прикладныхъ искусствъ. Пошелъ онъ по сыроватымъ комнатамъ, гдѣ въ шкапахъ пестрѣли передъ нимъ горшки, бокалы, болванчики, куски старыхъ матерій, тарелки, японскіе божки, бронзовыя статуэтки, деревянная посуда... Это утомило

его. Онъ не могъ ничему отдаться, сосредоточить себя, выбрать какую-нибудь вещь и любовно обглядывать ее со всѣхъ сторонъ. Послѣднія комнаты онъ пробѣжалъ, и когда попалъ опять въ боковое помѣщеніе музея, думая очутиться у выхода—то даже разсердился. Все это было ему чуждо, тускло, или слишкомъ причудливо, или слишкомъ скучено, отзывалось лавкой старьевщика на Щукиномъ. Онъ сознавалъ свое невѣжество; но ничто его не радовало. Все это походило на кабинетъ минераловъ. Настоящая жизнь, съ красками и вчерашнимъ днемъ правды и поэзіи, отсутствовала для него во всѣхъ этихъ ужасно дорогихъ и рѣдкихъ коллекціяхъ...

— Да гдѣ же картины?—спросилъ онъ у служителя.

— А вотъ налѣво, пожалуйте.

Елкинъ кинулся туда, точно онъ хотѣлъ нырнуть въ свѣжую проточную воду. Въ первой же залѣ, въ сторонѣ, на мольбертѣ стоялъ женскій портретъ. Елкинъ прошелъ мимо, не обернувшись: его издали привлекалъ пейзажъ съ заревомъ заката. Онъ видѣлъ на-дняхъ такой закатъ. Но вблизи пейзажъ ему не понравился. Слишкомъ ужъ размашиста была мазня. Небо, вода, солнце не дышали жизнью. Уныло обернулся онъ назадъ и увидалъ лицо. Сначала глаза и брови. Онъ подскочилъ къ портрету и замеръ. Ни письмо, ни мастерство, съ какими отдѣланъ былъ бархатъ шляпы, ни корсажъ, ни вязка руки, ни умѣнье художника усадить — ничего онъ не разглядывалъ... Лицо, глаза, брови, взглядъ и прозрачность этого лица, какая-то одухотворенная кожа, сквозь которую видна каждая жилка, трепещетъ каждый нервъ...

— Неужели—русская? — шепталъ онъ про себя. — Не можетъ быть! Испанка? Или оттуда, изъ славянскихъ странъ?

И онъ ушелъ въ эти глаза, какіе-то втягивающіе въ себя, бездонные и необычно лучезарные, положительно освѣщающіе все, что вокругъ нихъ. Эти глаза—русскіе. Они говорятъ по-русски. Это не Матильда, не Казимира, не Эмма; а Ольга, Вѣра, Татьяна... Да, Танечка, Варя, Настенька... Брови дышатъ тепломъ и нѣгой—въ морозный день, когда она вбѣжитъ съ улицы, въ шубкѣ, въ мѣховой шапкѣ, послѣ катанья на тройкѣ, и подставитъ эти брови любимому человѣку. Вотъ когда можно умереть—когда *должно* умереть! Улыбка—не насмѣшка, а наше русское себѣ-на-умѣ; но доброе, шаловливое себѣ-

па-умѣ женщины, которая не можетъ не чувствовать, что она — лучъ свѣта, что безъ нея не зачѣмъ жить; что она однимъ пальчикомъ остановитъ всякую враждебную стихію!..

Онъ ласкалъ этотъ плѣнительный и дышащій всей грудью образъ. Даже волосы—гладкіе, милые русскіе волосы—были ему близки; онъ ихъ зналъ съ дѣтства; но какъ они заканчиваютъ ея обликъ! У висковъ немного вьются... нѣсколько волосиковъ; а на лобъ надвинулись густой грядкой, и не знаешь—что̀ роскошнѣе, что̀ краше: волосы или брови и полуоткрытый ротъ, оттѣненный загибомъ точно выточеннаго носика съ розовыми ноздрями, гдѣ высокая порода досказала свое послѣднее слово.

— Пожалуйте, запирать будутъ,—пригласилъ его удалиться служитель.

Елкинъ какъ-то дико посмотрѣлъ на него.

— Запираютъ?—спросилъ онъ машинально.

— Да-съ.

Онъ еще разъ окинулъ портретъ горячимъ взглядомъ и скоро-скоро сошелъ съ лѣстницы, даже запыхался. Внизу, въ швейцарской, онъ стоялъ нѣсколько минутъ, точно въ нерѣшительности: подняться ему еще разъ, или идти.

Только на улицѣ онъ спросилъ себя: „а кто писалъ эту женщину и какъ ея фамилія?“ Каталога онъ не догадался купить, да, кажется, и не продаютъ. Ну, хоть фамилію художника. Всегда есть подпись въ правомъ или въ лѣвомъ углу. Теперь уже поздно. Онъ зайдетъ еще разъ на недѣлѣ.

— Непремѣнно!—воскликнулъ Елкинъ про себя.

VII.

Но онъ не попалъ на постоянную выставку на той же недѣлѣ. Три дождливыхъ дня съ изморосью заперли его дома. Да и надо было начинать скоро свой курсъ. Елкинъ хотѣлъ умереть „на бреши“. Всего бы лучше на лекціи, такъ, сразу, но врядъ ли удастся? Три дня лежалъ онъ на кушеткѣ, съ книгами, и безпрестанно все смотрѣлъ на барометръ. Его тянуло на воздухъ, ну хоть просто на улицу, гдѣ толкутся люди, къ какимъ-нибудь знакомымъ. Барометръ къ вечеру третьяго дня сталъ показывать къ вёдру. На другой день случилось воскресенье. Елкинъ съ утра вышелъ изъ дома, цѣлый день бродилъ или ѣздилъ, обѣдалъ позднѣе обыкновеннаго.

Въ сумерки, шелъ онъ по набережной. Онъ поглядѣлъ на рѣку и сравнилъ ее съ морскимъ прибрежьемъ.

У подъѣзда одного изъ трехъэтажныхъ домовъ стояло нѣсколько каретъ. Елкинъ облокотился о гранитный парапетъ набережной и сталъ глядѣть на подъѣздъ. Показалось ему странно, что входитъ туда всякій народъ: барыни, офицеры, чуйки, женщины въ головкахъ, солдаты. Что бы это такое было? Похороны?—Не тотъ часъ...

Онъ перешелъ черезъ мостовую.

— Чей домъ?—спросилъ онъ кучера.

Тотъ назвалъ извѣстную дворянскую фамилію.

— Что же это такое тутъ?

Кучеръ—это былъ каретный извозчикъ—усмѣхнулся.

— Моленная.

— Какая?

— Кто ихъ знаетъ. Баринъ самъ проповѣди держитъ. Мы ихъ видали. Къ намъ, въ Ямскую, ѣзжалъ, книжки дарилъ.

— Книжки?

— Да, душеспасительныя. Добрый баринъ.

Елкинъ что-то слышалъ объ этомъ баринѣ и этой молельнѣ, но вскользь.

— Можно входить съ улицы?—спросилъ онъ еще кучера.

— Извѣстно. Всякаго принимаютъ... Сами видите.

Въ стеклянную, съ бронзой, дверь все входила публика. Елкина это заинтересовало. Вслѣдъ за двумя старушками, въ чепцахъ, и сапернымъ унтеръ-офицеромъ онъ вошелъ не очень рѣшительнымъ шагомъ въ обширныя сѣни барскихъ хоромъ. Сѣни со сводами поворачивали вправо. Нужно было подняться нѣсколько ступенекъ. По пути разставлены лакеи, во фракахъ и въ ливреяхъ, неподвижные, скучающіе, съ выраженіемъ нѣсколько задѣтаго достоинства, но вѣжливые и—чему должно—выучены. Всѣ сѣни покрыты были верхнимъ платьемъ. Ливрея швейцара съ жирнымъ веселымъ лицомъ выставлялась изъ-за арки, у входа наверхъ, въ залу.

Елкинъ обратился къ швейцару и спросилъ наобумъ:

— Началось?

— Сейчасъ, — отвѣтилъ тотъ добродушно и серьезно, голосомъ, какой слышится въ церквахъ.

Швейцаръ снялъ съ него пальто, заведя его въ полуосвѣщенный закоулокъ, гдѣ всѣ вѣшалки были уже переполнены. Онъ положилъ пальто Елкина на длинный и

узкій полированный столъ. Въ глубинѣ закоулка стояли двѣ большихъ вазы художественной работы. Елкинъ замѣтилъ ихъ. Точно онъ входилъ въ какой музей.

— Безъ номера,—говорилъ ему швейцаръ, ловко перегнувъ пальто,—тутъ оно будетъ лежать въ сохранности.

Около лѣстницы и дальше, въ сѣняхъ, стояли и сидѣли лакеи съ платьемъ своихъ господъ. Но никто громко не разговаривалъ. Входившіе снимали съ себя пальто молча, истово, точно въ церкви. Простонародье шло стѣной, солдаты и чуйки производили скрипъ, смягчаемый ковромъ. До обонянія Елкина донесло запахъ смазныхъ сапоговъ и солдатской амуниціи. Онъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ, вслѣдъ за двумя старушками, съ которыми вошелъ на подъѣздъ. На площадкѣ—опять два лакея. Елкинъ взялъ вправо и попалъ въ отгороженный конецъ большой залы, за колоннами, гдѣ скучился „простой народъ". Было тѣсно и душно. Изъ-за плечъ и головъ онъ не могъ разглядѣть ничего въ глубинѣ залы. Видѣлъ онъ только ближе—лѣпной потолокъ, карнизы, люстру. Ему сдѣлалось не по себѣ. Вся эта скученная толпа сдержанно кашляла, топталась, вытягивала шеи и головы. Она ждала.

Елкинъ обратился къ лакею и спросилъ его, нельзя ли пройти въ залу съ другой стороны.

Лакей указалъ ему на лѣстницу.

— Вонъ тамъ-съ, у стеклянной двери... попроситесь.

Когда онъ поднимался за старушками, то замѣтилъ, вскользь, на площадкѣ, вправо, изъ зеркальнаго стекла дверь, съ портьерой изнутри. Оттуда выглядывалъ кто-то. Вотъ къ этой двери онъ подошелъ и увидалъ сквозь стекло, изъ-подъ приподнятой, тяжелой занавѣси, троихъ, очень молодыхъ людей. Одинъ былъ въ какомъ-то учебномъ мундирѣ.

Дверь пріотворилась. Елкинъ попросилъ позволенія пройти. Молодые люди чрезвычайно любезно пригласили его подняться по лѣстницѣ съ расписаннымъ потолкомъ и матовыми фонарями. Эта лѣстница привела его въ салопъ, куда онъ вступилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Онъ сообразилъ, что это—гостиная, рядомъ съ большой бѣлой залой. Стѣны, обтянутыя зеленовато-сизымъ штофомъ, дѣлали освѣщеніе еще слабѣе. Въ разныхъ углахъ стояли незажженыя массивныя жирандоли. Мебель и зеркала съ позолоченной рѣзьбой. Мозаичные столы, картины, портреты, статуи, вазы—наполняли комнату.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ рослый офицеръ, съ подбритыми маленькими бакенбардами, съ бѣлой фуражкой въ рукахъ, еще военный, плотный адъютантъ, и дама съ двумя тоненькими дѣвицами; всѣ три въ черномъ. Онѣ торопливо потянулись къ двери въ залу, гдѣ уже стояло нѣсколько человѣкъ, а три-четыре дамы сидѣли полукругомъ.

Елкинъ оглядѣлся. Адъютантъ и конногвардеецъ стали у консоля, позади стульевъ. Дама съ дочерьми какъ-то особенно поклонилась блондину, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ широкими сѣдоватыми бакенбардами, въ пиджакѣ. Пришла изъ залы немолодая дама, въ черномъ же платьѣ, и за ней дѣвушка, съ кроткимъ, свѣтлымъ лицомъ, въ сѣромъ, простомъ платьѣ—обѣ безъ шляпокъ. Онѣ о чемъ-то пошептались. Блондинъ поклонился пришедшимъ вмѣстѣ съ Елкинымъ, а ему сдѣлалъ рукой: не угодно ли пройти въ залу? Елкинъ поблагодарилъ наклоненіемъ головы и сѣлъ за консоль къ окну, такъ что толстая, штофная гардина совсѣмъ заслонила его.

Онъ не чувствовалъ неловкости. Въ креслѣ ему очень удобно сидѣлось. Его вовсе не стѣсняла эта великосвѣтская отдѣлка гостиной, всѣ эти „баре“ съ ихъ постными или улыбающимися лицами, „вся эта ерунда“, какъ онъ выразился бы въ другое время. Ему было забавно, тихо забавно, безъ личнаго задора, безъ желанія про себя — зубоскалить или возмущаться. Ничего такого онъ никогда не видалъ.

„Хочется имъ этого, чего-то. Скучно такъ-то шабалы бить. Все—жизнь!“—думалъ онъ.

Изъ-за гардины ему виденъ былъ торсъ мраморной женщины, которую обхватилъ какой-то античный богъ. Дерзко выставляли себя на полусвѣтѣ сумерекъ гостиной эти языческіе торсы, въ чувственномъ напряженіи перевивались и точно трепетали, какъ живые. Ихъ охватила страсть, радостная, безстыдная, безъ всякой думы о томъ: хорошо это или дурно. Мышцы, ямочки, изгибы, линіи— все дышало красотой и ласкало глазъ.

Въ музеѣ Елкинъ не сумѣлъ бы такъ разглядѣть все это; а тутъ вотъ ему стало особенно пріятно отъ сосѣдства мраморной группы. Прямо противъ него таинственно растворялись двери. Входили новыя лица. Разговоры, сначала шопотомъ, дѣлались громче. Блондинъ въ пиджакѣ нервно озирался, кланялся, раздавалъ цвѣтныя брошюрки.

Заглянувъ въ залу, онъ застегнулъ пиджакъ на верхнюю пуговицу и поднялся на эстраду, приставленную къ стѣнѣ, отдѣлявшей гостиную отъ залы. За нимъ протѣснились нѣсколько дамъ и адъютантъ. Конногвардеецъ, съ брошюркой въ рукахъ, оперся лѣвой рукой, въ замшевой перчаткѣ, о спинку простого чернаго стула.

VIII.

И Елкинъ приподнялся на своемъ креслѣ, чтобы посмотрѣть: какой видъ представляетъ собою эта „моленная“. Ему заслоняли одинъ уголъ двѣ женскихъ шляпки; но лѣвѣе онъ могъ свободно видѣть. Подъ эстрадой начиналась стѣна головъ, уходящая въ глубь залы; женщинъ гораздо больше мужчинъ, молодыя, старыя, въ туалетахъ, эполеты, погоны, чиновничьи бритыя щеки, сѣдые старики, лысины, дѣтскія лица. А тамъ, за колоннами, въ полусвѣтѣ, сплошная масса новыхъ головъ „простого народа“. Все смолкло и замерло въ ожиданіи.

Послышался голосъ съ эстрады. Елкинъ увидалъ, что это говоритъ блондинъ въ пиджакѣ.

— Номеръ третій!—донеслось до его слуха.

— Какой, какой номеръ? — начали переспрашивать около него.

Дама съ двумя дочерьми засуетилась, сунула брошюрку въ руки одной изъ нихъ, сама схватила другую брошюрку на столѣ и начала торопливо перелистывать, повторяя:

— Le numéro trois, n'est ce pas? Le numéro trois? Sophie, n'est ce pas?

Елкина это заставило усмѣхнуться. Кто-то и ему протянулъ брошюрку съ зеленой оберткой. Онъ взялъ, но не развертывалъ.

Съ эстрады раздалось медленное чтеніе вслухъ русскихъ стиховъ. Чтеніе было неискусное, въ особомъ, чувствительномъ тонѣ, какой употребляютъ родители или гувернантки, когда хотятъ разжалобить дѣтей. Елкину не хотѣлось вслушиваться въ смыслъ этихъ стиховъ. Замѣтилъ онъ только, что риѳма хромала. Но его веселое, безобидное, почти дѣтское настроеніе не прекращалось.

Заиграли на фисгармоникѣ,—должно-быть, на эстрадѣ же, вбокъ отъ того, кто прочелъ вслухъ стихи. Потомъ всѣ запѣли, какъ въ киркахъ, слѣдомъ за каждымъ аккордомъ, не то, чтобы особенно хорошо, но и не фальшиво. Преобладали женскіе голоса. Медленный ритмъ,

повторенiе однихъ и тѣхъ же словъ, однообразная мелодiя убаюкивали Елкина за его гардиной.

„Вотъ бы такъ и заснуть навсегда,—думалось ему,—когда придетъ срокъ. Чтобъ ничто не тревожило и не возбуждало. Все равно, что̀ они поютъ. Только бы не фальшивили“.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

„Всѣ эти дамы, барышни, гвардейцы, помѣщики, салопницы, солдаты и апраксинцы,—всѣ хотятъ спастись, непремѣнно спастись. Царствiя небеснаго! Меньше имъ нельзя. Ну, и стараются, и поютъ, и будутъ, должно-быть, слушать длинную проповѣдь досужаго и добраго барина, желающаго всѣмъ сердцемъ спасти ихъ. Но вѣдь смерть для нихъ—тамъ, гдѣ-то за горами, въ туманѣ. А скажи-ка любому изъ нихъ: ты приговоренъ, тебѣ жить два мѣсяца. Запоетъ ли кто? Да еще подъ музыку? Врядъ ли!..“

Онъ не подсмѣивался надъ ними. Нѣтъ. Онъ видѣлъ и чувствовалъ одно: вѣчную потребность скрасить если не эту жизнь, то хоть то, что̀ ждетъ тебя тамъ, гдѣ-то...

— Люди — человѣки! — прошепталъ онъ про себя, закрылъ глаза и впалъ въ сладкую дрёму подъ гулъ проповѣди.

Она началась послѣ пѣнiя. Ему слышался тотъ же картавый голосъ съ дворянской хрипотой, съ тѣми же чувствительными нотами, точно проповѣдникъ обращался къ малолѣтнимъ. Въ смыслъ онъ опять не вникалъ. Донесется до него какой-нибудь текстъ, не по-славянски, а на русскомъ языкѣ, или одна фраза повторяется два раза. И потомъ опять пойдетъ гулъ съ одними и тѣми же переливами голоса и, вѣроятно, съ возвращенiемъ къ главному доводу.

„Какъ усердствуетъ“,—замѣтилъ про себя Елкинъ и почувствовалъ, какъ у него по головѣ пошли мурашки нервнаго усыпленiя.

IX.

Переливы голоса смолкли. Елкинъ вышелъ изъ своей дрёмы и посмотрѣлъ на часы. Проповѣдь шла добрыхъ три четверти часа. Въ залѣ закашляли, засморкались, зажужжали разговоры. Около него тоже раздалась болтовня шопотомъ, больше по-французски. Онъ всталъ и приблизился къ двери. Проповѣдникъ пожималъ руку дамѣ, та, съ влажными, умиленными глазами, какъ-то присѣдала

передъ нимъ. Онъ отиралъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ крупныя капли пота на лбу.

— Не угодно ли туда?—обратился онъ опять къ Елкину и указалъ ему рукой на залу.

„Сдѣлаю я ему это удовольствіе“,—сказалъ Елкинъ мысленно и протискался къ первому ряду креселъ. Свѣтъ залы, послѣ пріятныхъ сумерекъ штофнаго салона, заставилъ его зажмуриться. Онъ остановился у эстрады, опершись о перила, потомъ раскрылъ глаза и сталъ искать, гдѣ бы ему присѣсть.

Противъ него, въ двухъ шагахъ, вся въ бѣломъ—она!—женщина портрета.

Онъ схватился за голову и невольно еще разъ закрылъ глаза. Она, она! Ея голова, волосы, глаза! И смотритъ на него вопросительно; а губы раскрылись, кротко смѣются, точно хочетъ она пожурить его:

„Откуда это ты вылѣзъ? Причешись, видишь—все хорошее общество; ну, поди сюда, сядь около меня“.

Щеки его, а потомъ все лицо, зардѣлись· его прохватила испарина. Никогда еще въ жизни онъ не бывалъ охваченъ такимъ припадкомъ стыда и смущенія. Ни на экзаменѣ студентомъ, ни мальчикомъ въ школѣ, ни передъ первой операціей камнесѣченія на трупѣ, когда онъ принялъ одну мышцу за другую и профессоръ довольно ѣдко подтрунилъ надъ нимъ. Никто бы не разувѣрилъ его въ эту минуту, что на него смотрятъ и знаютъ его секретъ. Еще двѣ секунды, и съ нимъ бы сдѣлалась дурнота. Онъ уже начиналъ чувствовать, какъ кровь отплываетъ отъ мозга, сердце замерло, въ рукахъ холодъ...

„Батюшки! какъ глупо, какъ нелѣпо! Срамъ!“

— Вотъ свободное мѣсто,—послышалось ему.

Первый звукъ этого голоса, съ свѣжей дрожью, точно вѣтерокъ, заставилъ его встряхнуться и овладѣть собою.

Господи! Это говорила она. Да, она и показывала ему головой на пустое кресло черезъ два мѣста отъ нея, на заворотѣ ряда, такъ что оттуда она будетъ видна. Онъ однимъ шагомъ опустился въ кресло и глубоко вздохнулъ. Лицо и голова его были влажны. Но онъ уже не могъ оторвать отъ нея глазъ. Она сидѣла къ нему въ полъ-оборота, какъ на портретѣ, только съ другой стороны. Въ ушахъ горѣли крупные, ввинченные брильянты, на шеѣ густое ожерелье, на рукахъ, въ длинныхъ шведскихъ перчаткахъ, два массивныхъ матовыхъ браслета.

Она любитъ украшенія. Что жъ тутъ удивительнаго? Эти брильянтовыя пуговицы въ ушахъ не затмеваютъ прозрачнаго блеска ея глазъ, вечеромъ совсѣмъ черныхъ, а только выставляютъ ихъ живую, трепещущую, глубокую прелесть. Бѣлое кашемировое узкое платье облило ее. Художникъ овладѣлъ на портретѣ ея лицомъ; но онъ пренебрегъ станомъ, плечами, волнистыми линіями груди. Онъ слишкомъ задрапировалъ ее. А такое тѣло—само здоровье, сама красота, нѣга!..

И Елкинъ чуть не вслухъ выговорилъ—не восторженный стихъ поэта, а трезвое латинское изреченіе, давно вычитанное имъ. Но слова этого изреченія показались ему прекрасной, свѣтлой мудростью; они были счастливымъ отголоскомъ того, что̀ онъ уже испыталъ отчасти, глядя на античную группу салона. Да, великая истина въ этихъ сухихъ словахъ: „Venustas et pulchritudo corporis secerni non potest a valetudine!..“

Онъ позналъ, что̀ такое значитъ, когда все окружающее пропадетъ, сойдетъ съ поля зрѣнія и одинъ предметъ поглотитъ васъ до уничтоженія васъ самихъ. Его гніющій, близкій къ разрушенію тѣлесный остовъ пѣлъ гимнъ этому роскошному, блистающему чаду природы. Умирая, онъ благословлялъ его на долгій и радостный путь. А самъ покорно исчезалъ, благодарный за такую минуту внезапнаго откровенія красоты, здоровья и творческой силы. Это было выше всего, о чемъ Елкинъ когда либо мечталъ. Да онъ и не мечталъ никогда ни о чемъ подобномъ. И не будь онъ приговоренъ къ смерти, онъ не былъ бы способенъ на такое чувство...

Въ залѣ примолкли. На эстраду вошелъ опять блондинъ и та дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, которую Елкинъ примѣтилъ при входѣ въ гостиную. Она сѣла за фисгармонику.

— Номеръ шестой!—выговорилъ громко проповѣдникъ.

Листы зашуршали. Елкинъ смотрѣлъ только на нее. Она откинула голову назадъ. Къ ней наклонился небольшого роста франтоватый мужчина съ подстриженной сѣдой бородкой и очень высокими воротничками. Онъ взялъ у ней брошюрку, привычной рукой развернулъ и указалъ на номеръ. Она поблагодарила его глазами, и какъ будто серьезно ушла въ чтеніе стиховъ. Но глаза сіяли не изувѣрствомъ, а радостью жизни. Елкину видно было, какъ ея губы про себя выговаривали стихъ, медленно, слѣдя

проповѣдникомъ. Онъ нашелъ тотчасъ померъ пѣсни и сталъ выговаривать вслѣдъ за нею. Вотъ они произносятъ одно и то же слово. Она произнесла въ одинъ разъ съ нимъ: и эти „жемчужинки живыя“, и „небесное царство“, и два раза это ничего не значащее „словно“, отъ котораго онъ въ другое время расхохотался бы на всю залу.

Дѣвица въ сѣромъ взяла аккордъ. Опять начали пѣть, какъ и въ началѣ вечера, звукъ за звукомъ. И она поетъ. Ротъ ея раскрывается. Рѣсницы опущены, и вдругъ поднимутся и пустятъ лучи, настоящіе лучи, въ параллель съ огнемъ брилліантовыхъ пуговицъ. Развѣ не для него и не для нея отысканъ этотъ текстъ въ пѣсенкѣ—номеръ шестой? „По́добно камнямъ въ вѣнцѣ, они возсіяютъ“. А она развѣ не самоцвѣтный камень, сто̀ящій цѣлаго царства? Она-то и есть та *жемчужи́нка*, о которой поютъ всѣ эти петербуржцы, снѣдаемые тоской и тяжестью сѣренькой, болотной, тупой, безпросвѣтной жизни. Но одинъ онъ видитъ, что̀ это за жемчужина.

И Елкинъ пѣлъ, не отрывая отъ нея глазъ:

„Онъ вернется, Онъ вернется
На землю, Царь славы
Взять жемчужинки живыя,
Любимыя Имъ“.

Кто онъ? Какой царь славы? Ничего онъ этого не знаетъ, да и не надо ему знать. Онъ пѣлъ для нея, онъ пѣлъ ей — слова ему подложили. Кто же жемчужинка, коли не она?! И онъ сливается съ нею въ одно дыханіе, въ одинъ звукъ. Какого еще блаженства?..

Дальше, дальше... Онъ повторялъ все ту же мелодію. Ему она сдѣлалась дорогой, милой. Каждое слово имѣло для него свой смыслъ:

„Словно ясныя звѣзды
На небѣ сверкаютъ,
Такъ онѣ возсіяютъ
На царскомъ вѣнцѣ“.

Что за бѣда, что это лепетъ какого-то дитяти, плохо обученнаго грамотѣ!.. Голосъ Елкина крѣпчалъ; сладкую дрожь чувствовалъ онъ въ груди. Онъ пѣлъ настоящимъ голосомъ... Или ему казалось такъ. А развѣ это не все равно?

„Онъ возьметъ ихъ, Онъ возьметъ ихъ
Въ небесное царство;

От земли Онъ соберетъ ихъ,
Любимыхъ своихъ,
Словно"...

Почему „словно"? Что это значитъ? Онъ не спрашивалъ. Жалобный припѣвъ съ преобладаніемъ женскихъ голосовъ хваталъ его за сердце. Не его ли это хоронятъ? Что жъ, пускай поютъ. Но нѣтъ. Вѣдь это ее долженъ взять „царь славы", какъ свою любимую жемчужину... Ее? Теперь?! Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ не могъ продолжать. А если бъ она умерла вмѣстѣ съ нимъ, въ одинъ мигъ? Никому бы не досталась, никому! Его тѣло будетъ разлагаться въ гробу, а она, благоуханная, въ кружевахъ, съ этими брильянтами въ ушахъ, вся теплая и трепетная, съ опьяняющимъ волшебствомъ взгляда, улыбки, мраморно-прекрасныхъ рукъ раскроетъ свои объятія другому?! И непремѣнно раскроетъ. Злость, ярость мужчины закипѣла въ немъ, стала въ горлѣ, точно заперла его. Елкинъ судорожно засунулъ руку подъ воротъ рубашки и оттянулъ его.

Въ залѣ пѣли послѣдній куплетъ. Онъ прислушался; но не могъ слѣдить влажными глазами по брошюрѣ:

„Кто изъ дѣтокъ, кто изъ дѣтокъ
Спасителя любитъ,
Тѣ жемчужинки живыя,
Любимыя Имъ,
Словно".

Это наполнило его опять. О себѣ онъ уже не думалъ. Она—„любимая". Кто же можетъ не любить ее? Та, к создалъ ее, сама безконечная природа должна ежесекундно любоваться ею, какъ самоцвѣтнымъ камнемъ на „царскомъ вѣнцѣ".

Опять протянулась жалобно-восторженная нота, пропѣтая сотнями голосовъ, и долго стояла въ ушахъ Елкина.

Задвигали креслами. Служба кончилась. Красавица встала. Всталъ и онъ, но не смѣлъ тронуться. Сѣденькій господинъ, въ высокихъ воротничкахъ, подалъ ей руку. Они прошли мимо него. Шлейфъ ея платья коснулся его ногъ. Она обернулась къ нему и такъ же ласково, какъ первую свою фразу, насчетъ свободнаго мѣста, выговорила:

— Извините, пожалуйста.

Елкинъ чувствовалъ, что онъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ и безумными глазами

Но пара скрылась въ дверяхъ гостиной. Елкинъ бросился вслѣдъ. Выходили медленно и чинно, гуськомъ. Ея голова, прядь локоновъ, ползущая по спинѣ, брильянтовая пуговица праваго уха влекли его. Онѣ не могли скрыться отъ него. Если бъ онъ упустилъ ихъ изъ вида, то *чувствовалъ* бы ихъ близость.

Какъ онъ любовно обращался къ этой штофной гостиной, ко всему этому дому. Ему, иначе какъ для курьеза, неприлично было бы посѣщать такую „моленную" Встрѣться съ нимъ товарищъ-медикъ, надо бы непремѣнно увѣрить его:

— И я, братъ, тоже, для потѣхи.

И онъ солгалъ бы. Никакой потѣхи онъ не доставлялъ себѣ. Онъ благословлялъ устроителя этого фребелевскаго сада богоисканія. Гдѣ же бы онъ встрѣтилъ ее иначе?..

Въ сѣняхъ сѣденькій баринъ подозвалъ ливрейнаго лакея и сталъ вмѣстѣ съ нимъ подавать ей плащъ и бѣлый вязаный платокъ. До Елкина не доносилось ихъ разговора.

„Мужъ?"—спросилъ онъ себя, и тотчасъ же отвѣтилъ:— „Нѣтъ".

Баринъ пожалъ ей руку, а потомъ поцѣловалъ поверхъ перчатк Она скоро, нагнувъ немного голову, сбѣжала по ступенькамъ. Лакей подсадилъ ее въ карету, собственную, парой въ шорахъ. Елкинъ забылъ даже, что онъ безъ пальто. Но бѣжать къ швейцару, взять извозчика, догонять?.. А потомъ? Или спросить у швейцара? Къ чему? Развѣ онъ можетъ явиться такъ?.. А если бъ и можно было? Вѣдь ему жить—два мѣсяца „невступно". А то и меньше.

Пальто Елкина лежало одиноко на длинномъ полированномъ столѣ темнаго закоулка.

— А я ужъ сомнѣвался,—сказалъ ему швейцаръ.

Все опустѣло. На улицѣ стояла ночь.

X.

Но портретъ—на выставкѣ. Смотрѣть на него позволяютъ съ ранняго утра до пяти часовъ. На другой день Елкинъ пролежалъ и былъ такъ слабъ, что не могъ держать книги въ рукахъ. Эта слабость не досаждала ему. Никакихъ мыслей, заботъ, опасеній, соображеній не бороздило его мозгъ. Всплывалъ одинъ образъ, но уже не половинный, какъ тамъ, на портретѣ, а во весь ростъ,

съ гармоніей цѣлаго, съ движеніями, то плавными, то игривыми... Ничего больше. Науки точно не существовало, студентовъ, желанія работать на ихъ пользу — до самой смерти. И ему не совѣстно. Изнутри поднимается точно какая волна, подплываетъ, наполняетъ сердце, а губы лепечутъ одно слово. Какое? Онъ не знаетъ. Любовь ли это? Голова не можетъ спрашивать. У ней нѣтъ на это ни силъ, ни охоты.

На слѣдующее утро Елкинъ всталъ и началъ одѣваться съ намѣреніемъ идти въ Большую Морскую. Пошелъ онъ пѣшкомъ. Утро стояло свѣжее, ночью морозило, сухой воздухъ рѣзалъ ему грудь. Зато солнце играло и тѣшило его глаза нарядной вереницей домовъ. Ноги передвигались, но такъ медленно. Нетерпѣніе взяло его. Онъ нанялъ извозчика за Пассажемъ и все понукалъ.

Каждый день будетъ онъ ходить. Съ этимъ и сойдетъ въ могилу. Никого онъ не обезпокоитъ, никого не смутитъ. На портретъ всякій воленъ смотрѣть хоть по цѣлымъ часамъ. Съ этой мыслью онъ поднялся по лѣстницѣ музея. Та же кассирша приняла отъ него входную плату. Служитель призналъ его и поклонился. Посѣтителей еще никого не было.

Гдѣ же мольбертъ съ портретомъ? Исчезъ! Елкинъ кинулся вправо, влѣво, обѣжалъ всѣ залы—нигдѣ!...

Это его ошеломило, ударило обухомъ. Смертельная бѣда стряслась съ нимъ. Онъ готовъ былъ зарыдать. Какъ же это? Недѣли не прошло? Портретъ былъ тутъ! И вдругъ нѣтъ! Онъ задавалъ себѣ эти вопросы, не понимая, что они безсмысленны. Былъ портретъ или картина, а потомъ прибрали, или продали, или взялъ къ себѣ назадъ художникъ. Это вѣдь не былъ портретъ. Онъ теперь только сообразилъ. Платье, шляпка, украшенія—все это смотрѣло картиной. Ну, и купили.

Проходилъ служитель. Елкинъ подошелъ къ нему, хотѣлъ обо всемъ разспросить и промычалъ что-то. Его охватилъ стыдъ. Какъ онъ будетъ разспрашивать объ ней? Заставлять сторожа разсказывать точно о какомъ диванѣ или скамейкѣ, которая все стояла, а потомъ ее прибрали!..

Присѣлъ онъ на стулъ. Все въ немъ разомъ рухнуло, опустилось, въ ногахъ—смертельная слабость, воздуху въ легкихъ—ни одного пузырька. Дойдетъ ли онъ до лѣстницы? Малодушно-боязно стало ему своей немощи. Ра-

зомъ потерялъ онъ всякую надежду даже на то, что онъ можетъ еще ходить, говорить, мыслить.

Держась дрожащей рукой за перила, сталъ онъ спускаться. Швейцаръ долженъ былъ натянуть на него пальто и застегнуть. Видъ посѣтителя заставилъ швейцара усомниться:—можно ли отпустить его одного пѣшкомъ.

— Не прикажете ли скликать извозчика?—спросилъ онъ.

Но глаза Елкина заискрились. Вѣдь онъ можетъ пойти въ „моленную"! Она тамъ будетъ. Будетъ ли? Нѣтъ, она не изъ этой секты. Разъ она пріѣхала, попѣла, но постоянно не бываетъ. Это для него—неоспоримо. И глаза опять посоловѣли. А художникъ! Кто—художникъ? Это знаютъ здѣсь. Тотъ же швейцаръ знаетъ. Къ художнику поѣхать, сказать ему прямо:

— Облагодѣтельствуйте, дайте посмотрѣть еще разъ!

Елкинъ вскрикнулъ отъ радости. Онъ спросилъ, сейчасъ же, чья это картина стояла въ первой залѣ, влѣво, на мольбертѣ?

Швейцаръ, безъ запинки, отвѣтилъ:

— Въ воскресенье увезли. Профессора Рощина.

Рощинъ, Рощинъ!—заиграли мысли въ головѣ Елкина. Звукъ знакомый. Ну, да, онъ его знаетъ, Рощинъ! Такой бойкій! Борода, острые глаза.

И ему вспомнился вполнѣ отчетливо, до посылки за границу, этотъ Рощинъ въ клиникѣ. Напоролся на сукъ, въ лѣсу, поджидая какого-то звѣря. И Елкинъ—ассистентомъ, осматривалъ его по два раза на дню.

„Онъ! Онъ самый!"

— Гдѣ живетъ этотъ профессоръ? Знаете?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Елкинъ.

Швейцаръ тотчасъ далъ адресъ

XI.

— Здѣсь профессоръ Рощинъ живетъ? — спрашивалъ Елкинъ въ сѣняхъ новаго, богато-отдѣланнаго дома, на набережной, у сѣденькаго швейцара изъ нѣмцевъ.

— Профессоръ? — переспросилъ тотъ. — Рощинъ — художникъ—вверхъ.

— Ну да, ну да,—назойливо повторялъ Елкинъ, обрадовавшись, что нашелъ.—Дома?

— Должно-быть, дома.

Швейцаръ сейчасъ же позвонилъ и попросилъ Елкина снять внизу калоши, чтобы не топтать ковра. У подъема

на лѣстницу стояли два массивныхъ канделябра, подъ античную бронзу. Елкинъ поглядѣлъ на нихъ и подумалъ:

„Вотъ онъ какъ разжился!"

Подниматься ему было тяжко, даже такъ тяжко, что онъ сидѣлъ на двухъ площадкахъ. На первой, сквозь зеркальныя стекла, онъ видѣлъ переднюю большой квартиры. На подзеркальникахъ лежало нѣсколько военныхъ фуражекъ съ яркими околышами. Въ залѣ, мимо дверей и черезъ переднюю, проходили молоденькіе офицеры— одинъ гусаръ, другой уланъ, два юнкера. Бряцанье ихъ шпоръ слышалось сквозь стѣну. Солнце играло въ зеркалѣ. Лучъ его проникалъ изъ залы. Квартира смотрѣла ужасно веселой, праздничной и какъ-то офицерски-молодой.

На второй площадкѣ Елкинъ посидѣлъ поменьше. Надъ нимъ изъ квартиры Рощина пріотворилась уже дверь. Освѣщеніе было сверху, черезъ стеклянную крышу. Изъ дверей выглядывало морщинистое, усатое лицо пожилого лакея въ коричневой визиткѣ.

Онъ ждалъ гостя. Елкинъ сталъ поспѣшно подниматься на послѣдній рядъ ступенекъ. Наверху онъ зашатался. Лакей, въ недоумѣніи, поддержалъ его и проговорилъ хмуро:

— Вамъ кого?

— Профессора Рощина.

Елкинъ отдышался, прислонившись къ периламъ.

— Вотъ моя карточка. Доложите.

Человѣкъ впустилъ его въ переднюю и лѣнивыми шагами скрылся въ коридорѣ.

— Проси, проси!—крикнулъ звучный мужской голосъ.

У Елкина даже въ ушахъ пропорхнула пріятная дрожь,

Въ первой комнатѣ, окнами на рѣку, съ голубой мебелью, просторной, улыбающейся, прибранной точно будуаръ молодой женщины, ему пожималъ руку художникъ.

— Какъ же, какъ же! — заговорилъ онъ своимъ высокимъ баритономъ, — помню васъ и до сихъ поръ спасибо говорю! Ухаживали вы за мной, точно сидѣлка. Вотъ это славно, что надумали меня отыскать и зайти. Да еще утречкомъ, да еще съ такимъ неаполитанскимъ освѣщеніемъ. Каковъ денёкъ-то? Даромъ, что сентябрь, а? Вотъ и подите: какія съ нашимъ братомъ Петербургъ шутки шутитъ!

Художникъ остановился и боковымъ, быстрымъ и точнымъ взглядомъ окинулъ лицо и всю фигуру своего гостя.

Елкинъ тоже поглядѣлъ на него, въ эту минуту, и въ глазахъ Рощина прочелъ свой приговоръ.

„И ты сразу догадался“,—подумалъ онъ, и улыбнулся ему.

— Я присяду, — сказалъ онъ, сдерживая припадокъ кашля.

— Да и я тоже хорошъ! Садитесь, голубчикъ. Вотъ сюда, на этотъ диванчикъ. Ну, какъ вы?

Слова опять замерли на губахъ живописца. А Елкинъ подавилъ щекочущее чувство въ горлѣ и съ особымъ удовольствіемъ продолжалъ разсматривать голову, все тѣло, туалетъ, золотыя вещи Рощина.

Онъ бы его не сразу узналъ. Передъ нимъ стоялъ настоящій русскій молодецъ, съ русой, слегка вьющейся бородой и такими же кудреватыми, не длинными волосами. На лбу волосы нѣсколько порѣдѣли и еще болѣе открывали высокій, изящный, красиваго подъема, замѣчательный бѣлый лобъ. Но всего болѣе нравились ему глаза Рощина. Они смѣялись и точно ловили краски, линіи, выраженіе. Это чувствовалось сразу. Глаза были сѣрые, какіе всего чаще встрѣчаешь у ярославскихъ крестьянъ-питерщиковъ. Въ остальномъ лицо не отличалось никакой особой красивостью. Одѣвался Рощинъ безъ претензій артиста, но любилъ характерные покрои, и въ томъ, какого цвѣта выбралъ онъ галстукъ, какъ завязалъ его, въ складкахъ домашняго сюртука, въ запонкахъ, въ рисункѣ утренней цвѣтной рубашки изъ плотнаго оксфорда—сквозила потребность художника.

— Молодцомъ вы!—заговорилъ и Елкинъ.—Какъ работаете, какъ живете! И здоровье у васъ какое—заглядѣнье!..

— Ничего, ничего! Дѣлишками доволенъ. Только Петербургъ одолѣваетъ. Вотъ въ прошломъ году квартиру эту нашелъ. Ну, кусается, — на такомъ мѣстѣ. Видъ. Мастерская тутъ же. Я сейчасъ вамъ покажу. И вдругъ— вы помните, небось?—два мѣсяца точно киселемъ какимъ небо-то вымазано было. Цвѣтъ на всемъ—дымъ съ изгарью, желтый туманъ. Пишешь въ этой изгари: портреты, картины, эскизы. Проглянетъ солнышко—обольетъ всѣ твои холсты — какъ взглянешь. Мерзость! Отвратъ! Ни одной живой краски. Хоть въ печку! А это все заказы, къ спѣху! Какъ быть? Обидно и горько. Что жъ бы вы думали? Въ разгаръ зимы—работищи куча—все это побросалъ—и

въ Парижъ. Тамъ холодъ, руки въ волдыряхъ; знаете эти... анжелюры... Но солнце бываетъ. И натурщицы есть. Тамъ только и двинулъ впередъ свою большую вещь, а здѣсь пробавляюсь портретами...

Онъ говорилъ скоро, но съ мелодіей московскаго выговора, какъ-то подмывательно. Елкину стало еще пріятнѣе отъ близости этого человѣка.

— Молодцомъ!—повторялъ онъ.

— Ну, а вы какъ?—Знаю, профессоръ... Здоровьище-то какъ? Не первый сортъ? Вамъ бы на югъ. Вѣдь здѣсь черезъ двѣ недѣли—адъ кромѣшный.

Елкинъ только усмѣхнулся. Художникъ понялъ эту усмѣшку.

— Портретикъ, что ли?

И прибавилъ мысленно: „Не поздно ли, другъ, задумалъ?“

— Портретикъ! — размѣялся Елкинъ. — Шутникъ вы. Нѣтъ, я по другому. Одна ваша работа...

— Заинтересовались? — перебилъ его Рощинъ, и глаза его пошли точно иглами. — Что жъ, это лестно. Не хотите ли взглянуть на текущія работки? И квартирой похвастаюсь. Нѣсколько лѣтъ собиралъ. Брикъ-à-бракъ люблю. Не всѣ у насъ любятъ; а я люблю. Думаю, что художнику непростительно жить какъ чиновнику изъ комиссаріата.

XII.

Рощинъ подхватилъ его и повелъ въ мастерскую. Они вступили въ обширный—четыре окна на рѣку—салонъ, гдѣ свѣтъ покрывалъ теперь всю заднюю стѣну и переливалъ по сотнѣ выпуклостей, драпировокъ, позолоты, скульптурныхъ вещей, металлическихъ блюдъ и золотыхъ кубковъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Старые гобелены отражали солнце блѣдными, желтыми и розоватыми отблесками своихъ поблеклыхъ красокъ. Въ нихъ было что-то нѣжное, тихо улыбающееся, неуловимо изящное, рядомъ съ яркими чувственными занавѣсами изъ восточныхъ атласистыхъ полосъ и бархатныхъ ковровъ, развѣшанныхъ тамъ и сямъ. Картины, начатые портреты, эскизы безъ рамокъ лежали, висѣли и стояли на мольбертахъ и подставкахъ. Сверху опускалась лампа-люстра старой бронзы. Шаръ, посрединѣ ея, бросалъ острые

лучи на полъ и на ближайшую черную раму одного портрета.

— Покажите, покажите!—попросилъ Елкинъ, кивнувъ головой на портретъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Минуточкой. Въ столовую и кофейную мою заверните, голубчикъ.

Въ столовой старинный фаянсъ и фарфоръ, по стѣнамъ и въ двухъ рѣзныхъ черныхъ шкапахъ, придавалъ небольшой комнатѣ настроеніе и складъ художественнаго хранилища. Кофейная — вся въ арабскихъ лѣтнихъ тканяхъ, укутанная сверху до низу, гдѣ самый звукъ голосовъ сейчасъ же упалъ и смягчился — обдала Елкина разрѣженнымъ воздухомъ.

— Тамъ, въ мастерской, вольнѣе дышать,—сказалъ онъ.

Они вернулись туда. Отъ этихъ впечатлѣній у Елкина пошли круги передъ глазами. Онъ тяжело опустился на старинную табуретку. Но ему стало сейчасъ же хорошо. Онъ испытывалъ начало сильнаго нервнаго возбужденія. Въ такой прекрасной декораціи ему надо говорить и разспрашивать о ней. Сердце застучало въ груди.

— Одобряете?—спросилъ художникъ.

— Еще бы!.. А у меня къ вамъ просьба.

— Все, что угодно.

Нетвердо, отводя глаза отъ Рощина, Елкинъ объяснилъ, что ему хочется насладиться еще портретомъ женщины, которую—онъ этого не скрылъ—видѣлъ и живую.

Художникъ сначала разсмѣялся и потрепалъ гостя по плечу, стоя надъ нимъ.

— Такъ вы вотъ какъ?.. А?.. Что жъ? Хорошо. Вкусъ прекрасный! Это, голубчикъ, первая женщина въ Питерѣ. Намъ можете повѣрить. Только вотъ вѣдь въ чемъ штука...

Елкинъ испуганно и жалко поглядѣлъ на него.

— На выставку портретъ попалъ случайно. Просили тамъ. Онъ не продажный. Это былъ заказъ.

— А не картина? Вѣдь въ костюмѣ? — пролепеталъ Елкинъ.

— Точно. Въ костюмѣ. Она такъ одѣвалась на костюмированный балъ. И что̀ это за прелесть, я вамъ скажу! Какое чувство художественное! И умница, и веселая, и дѣтокъ какъ любитъ...

— Дѣтокъ?—вырвалось у Елкина.

— Да, у ней цѣлыхъ трое. Мужъ хорошій господинъ, суховатъ немного, знаете—изъ здѣшнихъ петербургскихъ

выкормковъ; но ничего... Какъ же быть-то? Портретъ для мужа и писанъ. У него въ кабинетѣ виситъ. Надъ письменнымъ столомъ. Поѣдемте къ нимъ. Я васъ представлю. Люди хорошіе. Моднятся, но не очень.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замоталъ Елкинъ головой.

— Ахъ, батюшки, да что же это я? Совсѣмъ точно отшибло. Вѣдь если вы почувствовали сразу эту несравненную прелесть, такъ вотъ вамъ она въ другомъ видѣ.

— Какъ? — почти захлебнувшись, выговорилъ Елкинъ.

— Я ея портретъ пишу. Ужъ настоящій, во весь ростъ, и дѣтки будутъ. Тѣхъ послѣ. Знаете, съ ребятишками — комиссія.

Елкинъ поднялся. Художникъ подошелъ къ одному изъ мольбертовъ. Портретъ, длинный въ ширину, былъ завѣшенъ. Когда Рощинъ отдернулъ темный коленкоръ, изъ загрунтованнаго фона, въ лѣвомъ углу полотна, выдѣлилась, точно выплыла, въ столбѣ солнечнаго свѣта, ея голова, наклоненная, смотрящая нѣсколько внизъ, съ распущеннымъ локономъ вдоль правой щеки. Только голова и была отдѣлана съ шеей и высокой фрезой изъ прозрачнаго тюля.

— Ну какъ, ну какъ?—торопилъ Рощинъ.—Она живая или нѣтъ?

— Живая!—трепетными губами повторилъ Елкинъ.

Его наполнило глубокое, благодарное чувство къ художнику.

— Вотъ такіе портреты я радъ писать! — продолжалъ Рощинъ; но гость его не слушалъ.— Это — натура. А то, голубчикъ, меня одолѣли наши барыни. Одной улыбка удастся, или розанъ хорошо вплететъ... а за ней и всѣ пошли. И чтобъ непремѣнно такая же улыбка. Критика ругается. На пятіалтынные, говорятъ, размѣниваешь талантъ. Картины пиши! А какъ тутъ писать, когда солнце-то отпускается намъ про великій праздникъ?..

„Мать, трое дѣтей, мужъ, — повторилъ про себя Елкинъ.—Да, глаза смотрятъ на ребенка. Такъ улыбается только мать двадцати двухъ лѣтъ. Она сама его кормила. И двухъ остальныхъ. Но мужа не надо въ картинѣ. Не надо. Это—оскверненіе! Да его, слава Богу, и не будетъ“.

— Докторъ! — крикнулъ ему въ ухо Рощинъ, — да вы въ экстазѣ! Какъ васъ забрало. И счастливчикъ же вы,— знаете что̀?

— Что?

— Главнаго-то я вамъ и не досказалъ. Она черезъ десять минутъ здѣсь будетъ.

— Здѣсь?

Воздухъ совсѣмъ изсякъ въ груди Елкина. Онъ схватился за горло, но опять поборолъ малодушное чувство. Ему захотѣлось бѣжать. Онъ не выдержитъ ея взгляда. Какъ же это? Сейчасъ? Она будетъ тутъ, въ этой мастерской! Умрешь! А отчего бы и не умереть? Славно! Онъ сдѣлалъ глубокую и сладкую передышку.

— Что, голубчикъ!.. Задалъ я вамъ баню? Ха-ха-ха!..

Рощинъ опять потрепалъ его по плечу. Его искренняя веселость, точно пѣнистое вино, подлила догорающему тѣлу больного нѣсколько драгоцѣнныхъ капель жизни.

— Я, ничего,—сумѣлъ выговорить Елкинъ и отеръ лобъ.

Рѣзкій звонокъ швейцара заставилъ ихъ обоихъ обернуться.

— Она!.. Ну, не трусить... Небеса—въ одномъ взглядѣ! Вы въ сорочкѣ родились, докторъ.

XIII.

Шелестъ платья, чуть слышный тукъ-тукъ походки по ковру. Портьеру откинулъ Рощинъ. Въ дверяхъ стояла она, въ блѣдно-голубомъ пеньюарѣ, съ фрезой. Кружева и ленты извивались вдоль ея стана до самаго пола. Въ волосы вплетена бархатка, одинъ локонъ отброшенъ.

Дрожь, неудержимая, страшная и сладкая пробѣжала по тѣлу Елкина. Онъ стоялъ у мольберта и схватился рукой объ уголъ портрета.

Глаза красавицы вопросительно, но не сердито, обратились къ хозяину.

— Извиненія прошу, — пріятельскимъ тономъ заговорилъ Рощинъ.—Нарушилъ нашъ пароль. Вы добрая. Сейчасъ поймете.

„Онъ меня выдастъ!“—испугался Елкинъ и замеръ.

— Докторъ Елкинъ зашелъ ко мнѣ неожиданно. А онъ мнѣ жизнь спасъ...

— Какъ? — радостно и удивленно спросила она, и сейчасъ же узнала Елкина.

— Да такъ, отъ раны лѣчилъ. И какъ лѣчилъ! Я бы его долженъ былъ прогнать. Заговорились, да если бъ вы знали...

Рощинъ спохватился и только встряхнулъ волосами.

Елкинъ сдѣлалъ два шага къ двери и чуть слышно вымолвилъ:

— Я сейчасъ.

— Я васъ не гоню, — сказала она и пригладила себѣ рукой волосы. — Мы еще успѣемъ. Вѣдь да, Валентинъ Александровичъ?..

— Съ вами десять минутъ стоятъ цѣлаго сеанса. Ручку-то пожалуйте.

И онъ, на ходу, поцѣловалъ протянутую ему руку. Портретъ былъ уже завѣшенъ.

— Мы не очень быстро двигаемся,—сказала она, и обернулась лицомъ къ Елкину.

Его видъ поразилъ ее. Глаза потухли на мгновеніе. Жалость схватила ее.

— Докторъ, черезъ пять минутъ мы васъ удалимъ. Присядьте—гостья будете,—обратился Рощинъ къ ней.— А у меня ничего не приготовлено. Простите, голубушка. Я мигомъ!

И онъ выбѣжалъ изъ мастерской.

Двѣ-три секунды стояло молчаніе. Елкинъ не въ силахъ былъ говорить. Ему почуялось, что воздуху у него нѣтъ уже ни капли, говорить нечѣмъ. Онъ смотрѣлъ на нее, чего-то ожидая. Только бы уйти отсюда, или совсѣмъ изъ жизни и унести ее съ собой въ глазахъ, въ мозгу. Это такъ и бываетъ со всѣми осужденными на казнь. Онъ читалъ.

Она подалась къ нему на два шага и улыбнулась.

— Сядьте, пожалуйста, докторъ. Вы устали. Вы... больны?

Елкинъ послушался какъ дитя. Она нагнулась къ нему и спросила:

— Вы были въ то воскресенье тамъ?..

— Въ моленной?

— Какъ?..—Она тихо засмѣялась. — Да, въ моленной?

— Былъ.

— Я васъ узнала.

Вотъ она беретъ табуретъ и садится противъ него, близко-близко. Глаза у него застилаетъ и сквозь туманъ свѣтятся зрачки ея глазъ, и блеститъ ротъ, и жилки просвѣчиваютъ подъ кожей. Въ мастерской еще прибыло свѣту. Ему кажется, что все это грёзы.

И вдругъ онъ опустился на коверъ, ноги согнулись, руки вытянулись къ ней. Надломленный, онъ зарыдалъ и

приложился губами къ ея платью. Его опьянило, въ головѣ стучитъ. Онъ уже не слышитъ, что̀ произносятъ его губы.

— Я трупъ,—шепталъ онъ, силясь вдохнуть побольше воздуху. — Я мертвецъ. Мнѣ жить недѣлю, двѣ... а то и два часа. Вы слышите... Никогда не любилъ... Увидалъ васъ тамъ... на выставкѣ... портретъ. Рощина работа. Жемчужина... Они пѣли: вы—жемчужина... Живите. Простите. Я грязь. Я гниль. Не позволяйте мнѣ цѣловать ваши колѣни. Заражу васъ...

Она не отшатнулась. Краска покрыла ея лицо, а глаза съ испугомъ и умиленіемъ согрѣвали этого человѣка, въ агоніи, въ невиданномъ ею возбужденіи страсти, восторга, просвѣтлѣнія...

— Что вы, что вы?—вырвалось у ней.

— Красота, красота! Я — въ гробу, вы видите. Милостыню прошу, милостыню... еще разъ поглядѣть... У васъ любовь святая, дѣтская. Но вѣдь я милостыню! И благословлю...

Онъ схватилъ ея руку, поцѣловалъ два раза безумнорадостно и отшатнулся, съ ужасомъ въ закатывающихся зрачкахъ.

— Сотрите!.. — шепталъ онъ угасающимъ голосомъ, — сейчасъ! Прилипнетъ!..

Руки ея протянулись къ нему. Голова Елкина упала влѣво на плечо, и все тѣло рухнуло на бокъ, къ ногамъ ея. Она бросилась на полъ, поглядѣла ему въ глаза, схватила машинально за руку, вскрикнула и лишилась чувствъ.

Рощинъ вбѣжалъ съ палитрой и ящикомъ. Ящикъ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ все понялъ. Елкинъ былъ — трупъ. Красавица проснется...

Онъ стоялъ все съ палитрой, которая такъ и застыла на большомъ пальцѣ лѣвой руки. Мертвецъ у него въ квартирѣ! Молодая женщина, бездыханная, на полу. Но испуга не было въ сѣрыхъ иглистыхъ глазахъ артиста. На губахъ вспыхнула улыбка. Все лицо, вся поза говорили, какъ художникъ внезапно и могуче овладѣлъ человѣкомъ: онъ любовался. Картина была найдена!..

ПРИСТРОИЛСЯ.

(повѣсть.)

I.

Отставной унтеръ-офицеръ Грибцовъ стоялъ у зеркала, около перегородки для вѣшанья платья, и смотрѣлъ на свѣтъ старческими сѣрыми глазами. Онъ еще держится на ногахъ; но его уже сильно погнуло; по щекамъ пошли красныя жилки, брови повылѣзли. Къ нему приставлены два мальчика и молодой малый изъ уланскихъ вахтеровъ. Это обижаетъ старика. Когда подпимется по широкой парадной лѣстницѣ кто-нибудь изъ давнишнихъ гостей, онъ самъ снимаетъ шубу или пальто и говоритъ, не спѣша, точно со вздохомъ:

— Здравствуйте, батюшка!

И старается каждый разъ припомнить имя и отчество.

Теперь заведеніе помѣщено въ чертогахъ, а ему любо вспоминать про прежній трактиръ, на другой сторонѣ улицы, гдѣ его шинельная ютилась въ самомъ буфетѣ, а онъ сидѣлъ въ углу, въ полупотемкахъ, и вслухъ разбиралъ „Московскія Вѣдомости". Тѣсненько жилось и съ грязцой, а сердцу мило. И—занятно! Здѣсь только пройдутъ этой большой, ни къ чему не нужной комнатой, а тамъ первое мѣсто во всемъ трактирѣ считалось: и къ водкѣ каждый подойдетъ, и закуситъ, кулебяки кусокъ или корюшки маринованной, присядетъ къ столу, сейчасъ газету, а то и журналъ цѣлый... Сколько годовъ „сочинитель" Николай Ѳедорычъ ходилъ. Дни цѣлые

просиживалъ передъ буфетомъ, у перваго стола. Придетъ во-второмъ часу, листовки двѣ рюмки выпьетъ и сейчасъ, немного заикаясь, громко окличетъ:

— Грибцовъ!

— Чего изволите?

— „Вѣдомости“ читаешь?

— Такъ точно.

— Одобряешь?

— Одобряю-съ.

Газеты пересмотритъ одну за другой, толстый журналъ возьметъ, почитаетъ и начнетъ балагурить. Буфетъ — „раемъ“ называлъ, хозяина — „Саваоѳомъ“, буфетчика Михайлу — „архангеломъ“, горку для водокъ, въ видѣ ствола съ сучьями, „древомъ познанія добра и зла“. Въ театръ не стоило заглядывать — своя комедія была. Обѣдать ходилъ въ бильярдную, непремѣнно, чтобы щей или борщу, потомъ партійки двѣ сыграетъ и частенько тутъ же на диванѣ прикурнетъ, а то домой сходитъ — неподалечку жилъ,—вечеромъ, часовъ въ девять, ужъ сидитъ у своего стола, почитываетъ и балагуритъ...

Въ дверь, противъ лѣстницы, видна зала въ два свѣта, вся голубая: яркій морозный день льется въ двойной рядъ оконъ съ короткими верхними драпировками. Еще дальше темнѣетъ зелень зимняго сада. Эта половина трактира была еще пуста. Шелъ первый часъ, часъ завтраковъ, больше на той половинѣ, гдѣ буфетъ и машина. Мальчики въ сѣрыхъ полуфракахъ сновали черезъ темную комнату передъ буфетомъ. Лакеи — наполовину татары—раскладывали карточки по столамъ въ комнатахъ, выходящихъ окнами на Невскій... За буфетомъ приказчикъ, съ спокойнымъ блѣднымъ лицомъ, похаживалъ за прилавкомъ и тихо покрикивалъ на мальчиковъ.

Народу прибывало. Вслѣдъ за двумя артиллерійскими офицерами и военнымъ медикомъ, медленно поднялся по лѣстницѣ молодой человѣкъ, въ высокой цилиндрической шляпѣ и пальто съ бобровымъ воротникомъ. Пальто сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, поверхъ высокихъ ботовъ торчали панталоны изъ дорогого трико, но зашмаренныя по бортамъ. Весь онъ какъ-то перекосился и шелъ съ посадкой загулявшаго мастерового. И лицо у него — испитое и сонное—было въ такомъ же родѣ. Онъ носилъ темнорусые усы и бородку.

Пальто началъ стаскивать съ него одинъ изъ мальчи-

ковъ. Грибцовъ приподнялся было со своего табурета, но, увидавъ, кто пришелъ, тотчасъ же опустился.

Изъ пальто гость вылѣзъ въ синей жакеткѣ, безъ таліи. Она сидѣла на немъ такъ же, какъ и пальто, плохо была чищена, но видимо шита у хорошаго портного. Уныло осмотрѣлся гость, взялъ сначала влѣво, къ большой залѣ, неловко повернулся и пошелъ къ буфету. Помощникъ Грибцова и оба мальчика раскланялись съ нимъ фамильярно, а старикъ пустилъ изъ-за перегородки:

— Не сразу дяденькины денежки пропьетъ... Долго еще будетъ шляться...

— Потому компанію любитъ... Ну, и подаютъ ему, какъ барину,—замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ.

Всѣ трое разсмѣялись, а Грибцовъ покачалъ головой и выговорилъ только:

— Грѣхи!..

II.

Гость выпилъ у буфета двѣ рюмки, закусилъ спѣшно, глядя все вбокъ, и потащился, волоча ноги, въ дальнюю комнату съ органомъ. Панталоны волочились у него сзади по полу. Одно плечо онъ держалъ выше другого, шляпу несъ, какъ носятъ лоханку съ водой. На худой шеѣ пестрый шарфъ затыкала цѣнная булавка съ жемчужиной, но воротнички рубашки были помяты и руки безъ перчатокъ, съ грязными ногтями. Курчавые волосы стояли комомъ на лбу.

Онъ сѣлъ за столъ, подозвалъ человѣка и что-то заказалъ. Газеты онъ не спросилъ, а сидѣлъ, нагнувъ низко голову, и поводилъ ее, поглядывая на завтракающихъ. Его можно бы было принять за сильно выпившаго. Но онъ только опохмелялся. Онъ начиналъ свой день. Изъ одного трактира переходилъ онъ въ другой, ища компаніи, говорилъ мало и точно съ трудомъ, за всѣхъ знакомыхъ платилъ, сидѣлъ до самаго поздняго часа и рѣдко возвращался домой одинъ—почти всегда его отвозили съ служителемъ.

Грибцовъ не даромъ относился къ этому гостю презрительно. Не больше двухъ лѣтъ назадъ, гость этотъ служилъ самъ въ трактирѣ, звался просто „Ѳедькой“ и подавалъ бифштексы... Онъ былъ изъ захудалаго купеческаго рода, перебравшагося въ мѣщанство, но еще значился нѣсколько годовъ „купеческимъ сыномъ“. Отъ дяди

достался ему капиталъ въ полтораста тысячъ. Изъ Ѳедьки превращается онъ въ третьей гильдіи купца „Ѳедора Онисимыча Бурцева“. И стало его тянуть въ тотъ самый трактиръ, гдѣ еще такъ недавно ему давали гривенники, гдѣ онъ откупоривалъ бутылки пива и сельтерской воды. Служилъ онъ всегда скверно, все у него валилось изъ рукъ, пробки не выходили изъ горлышка, вода расплескивалась. Разъ въ недѣлю онъ слегка „урѣзывалъ“. Пьяницей, однако, не считался.

Теперь деньги налегли на него праздничной обузой. Тоска гложетъ его дома. Читать онъ умѣлъ одни заглавія газетъ, въ торговлю его не тянуло; часто грудь у него болѣла... И точно службу несъ онъ, ходя по трактирамъ. Гордости и чванства онъ не зналъ, лакеямъ совѣстился говорить „ты“. Мальчиковъ звалъ „Миша“, „Ваня“ и давалъ всѣмъ на водку очень щедро, но все-таки ему мало оказывали уваженія, служили съ усмѣшечками и за панибрата, и въ каждомъ трактирѣ сейчасъ же узнавали, что онъ самъ былъ „Петрушкой Уксусовымъ“.

Сегодня поджидаетъ Бурцевъ компанію, особенно одного новаго пріятеля... На прошлой недѣлѣ сидѣлъ онъ за столомъ въ этой самой комнатѣ, уже вечеромъ, и такъ ему грустно стало отъ одинокаго питья пива. Къ тому же столу подсаживается молодой человѣкъ его лѣтъ, съ газетой. Очень онъ Бурцеву понравился видомъ своимъ.

— Вы не купеческаго званія будете? — спрашиваетъ онъ его.

— Въ настоящее время,—отвѣчалъ тотъ,—я не этого званія, а роду дѣйствительно купеческаго.

— А какъ звать прикажете?

— Крупениковъ, Антонъ Сергѣевъ.

— А я—купеческій сынъ Ѳедоръ Бурцевъ.

Онъ себя всегда „купеческимъ сыномъ“ называетъ.

Спросилъ онъ сейчасъ мадеры. Гость поблагодарилъ, и двѣ бутылочки они усидѣли. И оказался этотъ Крупениковъ душевнѣйшимъ малымъ, и съ перваго разговора достаточно со своей судьбой познакомилъ.

Были у него деньги—остались отъ родителей—небольшія, но опекунъ сильно пощипалъ наслѣдство. По юности своей, онъ, выйдя изъ гимназіи, немного „чертилъ“ по Москвѣ. Онъ и родомъ московскій. Объявился у него голосъ. Поѣхалъ учиться и за границей былъ. На это по-

слѣднiй достатокъ пошелъ. Вернулся, думалъ себѣ сразу одобренiе найти, прогремѣть. А между тѣмъ, чуть не въ хористахъ состоитъ на шестистахъ рубляхъ. Малый молодой, пожить хочется, и тоска его гложетъ, что ходу ему не даютъ.

Бурцеву понравилось и то, что „артистъ" (такъ онъ его называлъ про себя) съ благородствомъ себя держитъ, не сталъ къ нему въ дружбу втираться и взаймы денегъ просить. А видимое дѣло—нуждается: обѣда въ семь гривенъ не можетъ себѣ спросить, и платье—хоть и въ чистотѣ соблюдаетъ, сильно поношено. Главное: гордости въ немъ никакой. Не кичится тѣмъ, что на театрѣ служитъ и уроки ему давали гдѣ-то за границей, по золотому за урокъ.

Бурцевъ не прочь его бы и поддержать. Да не однѣхъ ёму денегъ надо, а ходъ получить по своему дѣлу. Вотъ тогда и окладъ дадутъ, и въ газетахъ хвалить будутъ, и за вечеръ по три радужныхъ платить станутъ.

Первая бутылка пива была уже выпита, когда къ столу подошелъ тотъ, кого поджидалъ Бурцевъ.

III.

Онъ казался гораздо моложе Бурцева, но бѣлокурые подстриженные волосы уже порѣдѣли на лбу. Круглыя щеки съ румянцемъ, голубые, большiе, немного разбѣгающiеся глаза, вырѣзъ ноздрей, усмѣшка—все это говорило о купеческомъ происхожденiи. Глаза улыбались, но на лицѣ лежала тѣнь, а по губамъ, яркимъ и свѣжимъ, проходила черта обиженности—чисто-русское выраженiе. По сложенiю, онъ былъ полноватъ, средняго роста и носилъ подстриженную густую бородку съ рыжиной. Вокругъ глазъ сидѣло по нѣскольку веснушекъ. Сѣрый пиджакъ и такiя же панталоны донашивалъ онъ изъ своего лѣтняго платья; длинные отложные воротнички и манщеты были чисты.

Бурцевъ привсталъ, крѣпко пожалъ ему руку и пригласилъ жестомъ руки на диванъ.

— Пожалуйте, хереску не прикажете ли?

Крупениковъ отеръ платкомъ лобъ и, опуская платокъ въ наружный боковой карманъ, произнесъ высокимъ прiятнымъ голосомъ, съ московскимъ акцентомъ:

— Умаялся нынче какъ... страсть!

— А закусить?.. Не угодно ли хорошій биточекъ или почекъ въ мадерѣ?

Бурцевъ выговаривалъ слова унылымъ звукомъ; но глаза его остапавливались на новомъ трактирномъ пріятелѣ съ особой лаской, насколько онъ умѣлъ это выразить. Онъ внутренно гордился знакомствомъ съ артистомъ.

Крупениковъ осмотрѣлъ комнату. Бурцевъ замѣтилъ это.

— Поджидаете нешто кого?

— Обѣщался тутъ одинъ нашъ хористъ, Мухояровъ...

— Это какой-съ? Длинные волосы... и брови срослись?.. Точно какъ будто изъ духовнаго званія?

— Ха-ха!.. Похожъ. Именно онъ и есть самый.

— Мы ихъ давно знаемъ... Они больше въ бильярдной. Этимъ, кажется, и промышляютъ... хотя противъ маркела здѣшняго—далеко.

— Онъ, онъ!

— Не видалъ въ этой половинѣ. А быть ему въ бильярдной... Спосылаемъ мальчика.

Бурцевъ подозвалъ человѣка.

— Мухоярова господина знаете? На бильярдѣ хорошо играетъ!

— Знаю-съ,—утвердительно выговорилъ лакей.

— Попросите сюда. Господинъ, молъ, Крупениковъ пришелъ. А Бурцевъ проситъ откушать портеру.

Лакей ушелъ.

— Мы съ нимъ тоже въ знакомствѣ,—прибавилъ Бурцевъ.—Выпить основательно любитъ. И не гордъ. А вамъ по дѣлу?

— Да, что жъ прикажете дѣлать?!—вырвалось у Крупеникова, и щеки его сразу покраснѣли.—Надо на разныя штуки подыматься! Мухояровъ сведетъ меня съ актерикомъ однимъ. Сусанинъ—фамилія... Пенсію получаетъ и мастеритъ любительскіе спектакли. Такъ въ опереткѣ одной, одноактной, въ бенефисъ его, въ клубномъ спектаклѣ...

Крупениковъ остановился и закурилъ папиросу на свѣчѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, рѣсницы все опускались и губы выражали все сильнѣе усмѣшку обиженности. Ему совѣстно было передъ этимъ трактирнымъ купчикомъ. Добрый онъ малый, да гдѣ же у него пониманіе? И то ужъ достаточно горько для артиста съ чувствомъ, что принимаешь его угощеніе.

— И Сусанина этого мы видали здѣсь,—точно обрадовавшись, сказалъ Бурцевъ.

— Не знаю, что изъ этого будетъ. Онъ, слышно, малый ловкій...

— Это точно. Жаловались, которыхъ онъ нанималъ... норовитъ на даровщинку.

— Я и на это пойду, на первыхъ порахъ. Надо же себя хоть передъ клубной публикой заявить! А концертовъ долго ждать, да въ концертахъ и нельзя показать игры никакой...

Щеки его все разгорались. Волненіе овладѣло имъ въ разговорѣ о карьерѣ. Онъ не могъ его сдержать, хоть и совѣстно было каждый разъ такъ изливаться передъ первымъ попавшимся трактирнымъ посѣтителемъ. Голосъ его дѣлался выше и все чаще и чаще вздрагивалъ.

За буфетомъ онъ выпилъ большую рюмку горькой. Двѣ рюмки хересу и квасной стаканъ портеру приподняли его душевное настроеніе.

— Извѣстное дѣло! зачѣмъ не попробовать?..—выговаривалъ съ усиліемъ Бурцевъ.—Я, Антонъ Сергѣичъ, всей душой!..

Пространно изливаться онъ не умѣлъ, даже и въ сильномъ хмелю. Крупеникова трогала эта быстрая симпатія къ нему бывшаго трактирнаго лакея.

„Все лучше, чѣмъ ничего",—думалъ онъ; но у него не было тайныхъ расчетовъ на карманъ Бурцева. До этого онъ не хотѣлъ „унижаться".

— И въ опереткѣ можно себя показать!—бодрѣе вскрикалъ онъ, и глаза его заиграли жидкимъ блескомъ.

IV.

Изъ бильярдной явился хористъ Мухояровъ, такого именно вида, какъ его опредѣлилъ Бурцевъ, и заговорилъ басомъ протодіакона. Его и перетащилъ въ хоръ изъ монаховъ какой-то первый теноръ, любившій ѣздить на богомолья.

Мухояровъ вдвинулъ свою высокую и плечистую фигуру бокомъ. Длинный черный сюртукъ его весь былъ перепачканъ мѣломъ, обшлага засучены, на шеѣ вязаный шарфъ.

— А, почтеннѣйшій! — окликнулъ онъ Бурцева и подалъ ему огромную руку, заросшую волосами.—Портерку?.. Извольте! Ваше здоровье! И вамъ, господинъ теноръ! Стре-

кулистъ тотъ сейчасъ явится. Я его видѣлъ тамъ, въ зимнемъ саду, кого-то обрабатываетъ. Вы, дружище, съ нимъ построже; я ужъ ему говорилъ, какъ надо съ вами обойтись. Онъ норовитъ десять рубликовъ за представленіе.

Хористъ уже сидѣлъ и дымилъ своей толстой, крученой папиросой, вставленной въ длинный мундштукъ изъ тростника.

Крупеникова немного коробило отъ его фамильярнаго и семинарскаго тона. Все-таки, самъ онъ значится въ числѣ исполнителей, хоть и выходныхъ ролей; а Мухояровъ— простой хористъ, горлодеръ безъ всякаго музыкальнаго образованія. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ монастырскій служка не ехидствуетъ, не завидуетъ. Можно съ нимъ хоть поругать оперные порядки и начальство, не боясь, что онъ побѣжитъ ябедничать...

— Эльцу! Господа! — приглашалъ Бурцевъ. — Одно къ одному, значитъ... Спервоначалу портеръ, а потомъ эль!

— Отмѣнно! — пробасилъ Мухояровъ и допилъ свой портеръ.

Бурцевъ подозвалъ лакея и заказалъ ему на ухо:

— Съ этакимъ ярлыкомъ... знаете?—онъ сдѣлалъ пальцемъ какую-то фигуру.—А не того, что всѣмъ даютъ.

— Любитель!—пустилъ басомъ хористъ и ударилъ Бурцева по плечу.—Эти напитки—самые лучшіе для нашего брата. Господинъ теноръ! и вамъ совѣтую ихъ держаться. А вотъ что употребляютъ всякую дрянь передъ выходомъ на сцену: яйца сырыя, сельтерскую воду тамъ, что ли... такъ я считаю это однимъ суевѣріемъ. Госпожа Патти, слышно, стаканъ пива выпиваетъ. А покойникъ Осипъ Аѳанасьичъ говаривалъ... А! гряди, чадо!—крикнулъ Мухояровъ и всталъ навстрѣчу новому гостю.

Актерикъ на пенсіи, Сусанинъ, человѣчекъ съ тонкимъ и длиннымъ носомъ, бритый и совсѣмъ лысый, въ клѣтчатомъ кофейномъ костюмѣ, приблизился къ столу мелкими шажками, потирая руки.

— Васъ, кажется, встрѣчалъ здѣсь?—сладко спросилъ онъ Бурцева, и тотчасъ же прищурился на тенора. — Господина Крупеникова имѣю удовольствіе видѣть?

Голосъ у него отзывался звуками учтиваго капельдинера.

Крупеникову вдругъ противно стало толковать съ этимъ актеромъ при Мухояровѣ и Бурцевѣ, играть роль protégé грубаго горлана-хориста.

— Мы послѣ,—выговорилъ онъ.

— Спектакликъ-то мнѣ хочется наладить... Вотъ Виссаріонъ Иванычъ говорилъ, что вы согласны взять Галатею...

Слегка отуманенная голова Крупеникова не освободила его отъ новаго наплыва горечи и приниженности. Не туда рвался онъ, не такого случая ждалъ. Передъ нимъ горѣла, точно огненная, та звѣзда, которая откроетъ ему ходъ къ славѣ и успѣху. Потерпѣть еще полгода, а можетъ, и меньше... Кто-нибудь вдругъ заболѣетъ. Партіи у него давно выучены. Онъ самъ вызывается. Его „выкачиваютъ" десять разъ.. Или его ведутъ къ композитору... создать новое лицо...

Глаза Крупеникова ушли въ эту минуту далеко. Мимо дверей въ слѣдующую комнату мелькали лакеи и гости. Но вотъ онъ останавливается на одной фигурѣ и видитъ, что она идетъ къ буфету.

— Позвольте, господа! — быстро выговорилъ онъ и всталъ.—Знакомый... надо его догнать!

И почти побѣжалъ черезъ слѣдующую комнату. Онъ дѣйствительно узналъ знакомаго. Съ этимъ человѣкомъ уйдетъ онъ въ свои надежды и мечты, отведетъ душу съ настоящимъ музыкантомъ.

V.

Онъ догналъ въ большой залѣ человѣка лѣтъ подъ сорокъ, рослаго брюнета, съ зачесанными назадъ сѣдѣющими волосами, въ толстомъ драповомъ сюртукѣ.

— Евстафій Петровичъ!—радостно крикнулъ онъ,—какъ я счастливъ видѣть васъ!

Ему улыбнулось въ отвѣтъ поблекшее лицо музыканта и смотрѣло на него круглыми, воспаленными глазами. Носъ, немного вздернутый, былъ красенъ. По щекамъ шли пятна. Жидкая борода росла неровно. Но все это скрашивалось улыбкой. Ротъ дышалъ добродушіемъ. Его мало портили даже несвѣжіе зубы. Онъ подалъ Крупеникову тонкую, красивую руку съ длинными пальцами.

— А, голубчикъ!—отозвался онъ мягкимъ, сиповатымъ голосомъ.—Душевно радъ! Давно не видалъ васъ.

— Вы здѣсь кушаете? — почтительно спросилъ Крупениковъ.

— Закусить зашелъ, по дорогѣ. Въ той комнатѣ кое-

кого повстрѣчалъ... я тамъ себѣ велѣлъ подать, въ зи
немъ саду... А вы?

— Я такъ, путался съ одной компаніей, да очень у
она мнѣ... Вы позволите посидѣть около васъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Крупениковъ радостно переминался, слѣдуя бокомъ
своимъ знакомымъ. Онъ могъ хоть сколько-нибудь от
сти душу съ понимающимъ человѣкомъ. Съ Евстафіе
Петровичемъ Ковринымъ познакомился онъ въ одно
концертѣ. Ковринъ—отличный піанистъ и сочиняетъ пьес
Его голосъ сильно хвалилъ. До сихъ поръ помнитъ о
лестныя слова Коврина. Музыкантъ ѣлъ скоро. Крупен
ковъ сидѣлъ около него въ одной изъ бесѣдокъ зимняго са

— Ну, какъ вы, голубчикъ, устроились здѣсь?—сп
силъ Ковринъ и запилъ кусокъ мяса пивомъ.

— Бѣдствую,—тихо и чуть не со слезами выговори
Крупениковъ.—Все равно, что хористъ, числюсь на
ляхъ, а ничего не пою-съ.

И вылилъ онъ всю свою душевную горечь; сказалъ
то, что вотъ сейчасъ соглашался даже на клубной сце
въ опереткѣ выступать. Ему легко было изливаться Ко
рину. Онъ чувствовалъ доброту и мягкость піаниста. То
слушалъ, поглядывая на него своими ласковыми, восп
ленными глазами.

— Голосъ у васъ прекрасный,—сказалъ Ковринъ, утер
салфеткой и закурилъ папиросу.—Нѣсколько нотокъ
всѣмъ бархатныхъ. И лирическій огонёкъ есть, въ ру
скомъ вкусѣ. Вы могли бы создать бытовое лицо. Выжда
надо. Я, лѣнтяй, который годъ все обдумываю... А во
что̀ вы мнѣ скажите: хотите вы поручить свою судь
одной толковой бабѣ?

— Какъ бабѣ-съ?

— Такъ... И второй вамъ еще вопросъ: есть страс
у васъ?

Онъ понизилъ голосъ.

— То-есть, какія же это?—недоумѣвалъ Крупениковъ

— А вотъ хоть бы это?

Ковринъ выразительно и съ усмѣшкой щелкнулъ
пустой уже бутылкѣ пива.

— Я не пьяница,—искренней нотой отвѣтилъ Круп
никовъ,—а не отказываюсь, если съ пріятелемъ. Преж
и покучивалъ, когда деньги водились, молодъ былъ; о
нако, въ мѣру, и теперь всегда могу остановиться.

— Можете? Это хорошо. А вотъ я, душа моя, вамъ прямо признаюсь, слабъ. Ужъ какъ это явилось—долго разсказывать. И никакъ я съ собой не могъ совладать, опустился, забросилъ совсѣмъ инструментъ, забросилъ все... Никакихъ идей. Вотъ толковая-то баба и взяла меня въ руки. И поступилъ я къ ней на исправленіе. Тяжеленько подчасъ, зато есть надзоръ. Здѣсь не засижусь. Рюмку водки выпилъ, стаканъ пива—и довольно. А то какими глазами погляжу я на Прасковью Ермиловну, а?

Онъ разсмѣялся. Крупениковъ все еще недоумѣвалъ.

— Да вы, голубчикъ, не подумайте, что эта Прасковья Ермиловна—какая-нибудь сожительница моя или что она меня содержитъ изъ любовнаго влеченія. Тутъ другая статья. Вотъ потому-то я и васъ спросилъ: хотите ли вы поручить свою судьбу толковой бабѣ? О Прасковьѣ Ермиловнѣ Скакуновой не слыхали развѣ?

— Нѣтъ, не приводилось,—очень серьезно выговорилъ Крупениковъ.

— Прасковья Ермиловна—это, голубчикъ, дѣлецъ по музыкальной части; она учитъ, доставляетъ мѣста, выводитъ въ люди. Такой второй у насъ нѣтъ.

— Артистка?

— Бывшая. У ней своя школа. Да вы послушайте. Вотъ какъ я совсѣмъ развихлялся, она беретъ меня въ уголъ, да и говоритъ: „Ковринъ!—мы съ ней ужъ давно на ты,—ты совсѣмъ погубишь себя. Одного тебя оставлять нельзя“.—„Совершенно вѣрно“,—отвѣчаю я ей. „Иди ко мнѣ. Я тебѣ квартиру, столъ и сто рублей жалованья, будешь учить теоріи и игрѣ; только я тебя сначала выдержу и денегъ на руки полностью давать не стану“. И я согласился, да вотъ больше года и проживаю у ней. Сначала тяжеленько было—не скрою, даже до бурь у насъ доходило; одинъ разъ собрался было бѣжать... Но она вела свою линію, и все это душевно, отъ добраго сердца. Положимъ, я ей нуженъ; но вмѣсто меня она могла бы сейчасъ найти. Нынче голодныхъ-то музыкантовъ довольно по Петербургу рыщетъ. Черезъ три-четыре мѣсяца втянулся и сталъ субординацію выносить съ легкимъ сердцемъ. Чувствую, что безъ Прасковьи Ермиловны я долго не продержусь. Такъ вотъ, душа моя, васъ и надо свести къ моей начальницѣ. Лучше нея никто вамъ не укажетъ ходовъ.

Щеки Крупеникова опять разгорѣлись, зрачки голубыхъ глазъ сильно расширились.

— А онѣ какихъ лѣтъ?—спросилъ онъ.

— Прасковья-то Ермиловна? Да ужъ подъ пятьдесятъ. Только она еще ничего—лицо пріятное... Одно—тучность одолѣваетъ.

— Въ замужествѣ находятся?

— Кажется, вдова, а достовѣрно не знаю. У ней бывали сердечныя исторіи; сердце у ней и до сихъ поръ нѣжное...

Ковринъ тихо разсмѣялся и позвонилъ. Расплатившись, онъ обратился опять къ Крупеникову и пріятельскимъ тономъ сказалъ:

— Если хотите, зайдите ко мнѣ. Теперь Прасковья Ермиловна должна быть дома.

— Я несказанно радъ! Не знаю, какъ васъ благодарить, Евстафій Петровичъ!

У Крупеникова перехватило даже голосъ. Онъ быстро всталъ и нервно оглянулся по направленію къ залѣ.

— Васъ тамъ ждутъ?—спросилъ Ковринъ.

— Нѣтъ, я ужъ туда не пойду! Знаете, Евстафій Петровичъ, мнѣ тяжко сдѣлалось. Народъ-то ужъ больно не подходящій. Шапка моя тамъ осталась, я человѣка пошлю...

Онъ послалъ лакея. Въ передней, когда ему подавали шубу, лакей, ходившій за шапкой, передалъ ему приглашеніе: „пожаловать къ тѣмъ господамъ“.

Крупениковъ махнулъ рукой, догоняя Коврина, сходившаго съ лѣстницы.

— Что жъ прикажете сказать? — спросилъ въ слѣдъ лакей.

— Тороплюсь, не могу!—крикнулъ Крупениковъ.

„Бурцевъ, навѣрно, совсѣмъ уже пьянъ,—тревожно думалъ онъ,—а съ тѣми я не хочу и связываться. Вотъ Евстафія Петровича буду держаться!“

Піанистъ стоялъ внизу, на площадкѣ, въ старенькомъ пальмерстонѣ и натягивалъ зимнія касторовыя перчатки.

VI.

Школа Прасковьи Ермиловны Скакуновой занимала цѣлый этажъ, съ особымъ ходомъ, въ одномъ изъ новыхъ переулковъ Литейной части.

Они прошли по узкому коридорчику въ комнату піа-

ниста, высокую, въ два большія окна, съ перегородкой, драпированной зеленой портьерой. Стояло въ углу роялино. Изъ-за стеколъ узкаго шкапа виднѣлись переплеты нотныхъ тетрадей. Двѣ кипы нотъ лежали на инструментѣ. Въ этой комнатѣ пахло папироснымъ дымомъ; видно было, однако, что ее старательно убираютъ въ отсутствіе жильца. Мебель подъ воскъ, съ зеленымъ шерстянымъ репсомъ, отзывалась Апраксинымъ; но ее разставили весело и уютно. У окна стояло длинное кресло съ пюпитромъ и деревянными подсвѣчниками. Занавѣски на окнахъ блестѣли отъ свѣта морознаго дня.

— Вотъ видите,—заговорилъ погромче Ковринъ,—какъ меня Прасковья-то Ермиловна помѣстила? Точно въ какомъ швейцарскомъ пансіонѣ. Чистотой даже доѣзжаетъ немножко. Каждую субботу—мытье оконъ. И занавѣски чистыя, разъ въ мѣсяцъ. Зато живешь, какъ, бывало, въ родительскомъ домѣ. Въ постелькѣ лежать чисто, мягко, два раза въ недѣлю бѣлье мѣняютъ. Садитесь, покурите. У меня классъ—въ три. Я минуткой переодѣнусь.

Ковринъ исчезъ за перегородкой, откуда вышелъ въ короткой курточкѣ изъ потертаго желтовато-коричневаго бархата.

Крупеникову сдѣлалось по себѣ. Да, хозяйка этой квартиры—толковая баба. Съ ней не пропадешь.

— Хорошо у васъ,—сказалъ онъ вслухъ и вздохнулъ.—Даже завидно, Евстафій Петровичъ. Живешь въ номерахъ; въ комнатѣ темнота, копоть, въ углахъ сырость, въ занавѣскахъ пауки завелись. Ихъ и къ Свѣтлому празднику не перетряхаютъ. А вѣдь цѣна не маленькая: тридцать рублей плачу.

— Только субординація! И все это, голубчикъ, безобидно, материнской рукой... Новыхъ сколько вещей куплено изъ моихъ же денегъ. А на столѣ какъ аппетитно все выглядитъ; садись и работай!

Ковринъ указалъ на новый письменный столъ. Посрединѣ его лежала нотная бумага большого формата, какая употребляется для музыкальныхъ композицій. Изъ фарфороваго бокала смотрѣли нѣсколько карандашей и перьевъ.

— Превосходно работать! — со вздохомъ выговорилъ Крупениковъ.

— Лѣнь раньше насъ родилась. Подтянуться-то трудно ужъ очень. Да я надѣюсь постомъ засѣсть.

— По драматической?

— Можетъ-быть... А пока надо тряхнуть стариной, за романсы приняться.

VII.

Шумно влетѣло въ комнату что-то пестрое и яркое. Крупениковъ, стоявшій у печки, вправо отъ двери, даже подался въ сторону.

Коврину пожимала руку и покачивалась на мѣстѣ полная, краснощекая, рослая дѣвушка. Ея огромные, темные глаза смѣялись и сыпали искры. Роскошная грудь высоко подымалась. Она, вѣроятно, только что бѣгала по комнатѣ. Ротъ она широко раскрыла, бѣлые крупные зубы блистали на солнечномъ свѣтѣ. Въ ротъ засовывала она бутербродъ толстенькими пальчиками свободной лѣвой руки. Ея красныя, пухлыя, немного выпяченныя наружу губы такъ и забирали куски. Она ихъ облизывала языкомъ, скоро и весело. Голова ея, сжатая туго закрученной косой, сидѣла на могучихъ плечахъ немного вбокъ. Волосы на темени и на вискахъ лоснились и отливали. Широкій бюстъ еле держался въ узкомъ, свѣтлоклѣтчатомъ казакѣ съ металлическими пуговицами, надѣтомъ поверхъ пестрой юбки другого цвѣта.

— Ого-го! — загоготала она низкимъ голосомъ, почти баритономъ, когда проглотила послѣдній кусокъ, продолжая трясти руку Коврина.—Куда это вы изволили запропаститься, а?

Ковринъ поглядѣлъ на Крупеникова, точно хотѣлъ ему сказать глазами:

„Каковъ голосокъ-то у дѣвицы?“

— Дайте лучше васъ познакомить съ симпатичнымъ артистомъ. Крупениковъ, теноръ... Ирина Степановна Веселкина, будущая наша примадонна-контральто.

— Послѣ дождичка въ четвергъ! — расхохоталась дѣвушка.—Что за церемоніи такія? Это артистъ—ну, и довольно. Давайте лапку. Я—просто Ариша Веселкина. Голосъ есть, да ужъ больно неудобенъ. Нынче, говорятъ, и оперъ совсѣмъ не пишутъ для такихъ тромбоновъ. Ахъ, милушка, Евстафій Петровичъ, соблаговолите, Христаради, папиросочки затянуться; свои-то забыла. Ни у кого нѣтъ, да и настоятельница наша запрещаетъ.

Ариша сгримасничала, вытянула лицо и ротъ скруг-

лила колечкомъ, стала въ позу и высокимъ голоскомъ проговорила:

— Дѣвицы, я вамъ рекомендую не курить. Эта привычка вредна для артистокъ. Вы меня огорчите.

Ковринъ разсмѣялся, Крупениковъ тоже. Ариша оглянулась, какъ школьница, на дверь и сказала своимъ жирнымъ баскомъ, скороговоркой:

— Сладости у насъ непомѣрной мать-настоятельница, а стелетъ жестко! Вотъ и Евстафій Петровичъ у ней въ струнѣ ходитъ...

— Это вѣрно, — откликнулся вполголоса Ковринъ и также оглянулся на дверь.—Что, Прасковья Ермиловна въ классѣ?

— У себя. О васъ справлялась. Мнѣ замѣчаніе изволили сдѣлать, что мало сольфеджій пою.

— И это вѣрно.

— Да я бы васъ всѣхъ выгнала, если бы въ трубу-то мою затрубила какъ слѣдуетъ.

И, повернувшись на каблукѣ своей крупной, но красивой ноги, въ башмакахъ съ переплетомъ, она пустила вполголоса:

Мнѣ твердили, напѣвая:
Полюби, плутовка!
У мужчинъ, у всѣхъ така-ая
Скверная сноровка!

— Срамъ!—крикнулъ Ковринъ.—Цыганщина!

— А то что жъ? Я — цыганка по всему. Это вы меня только съ Скакунихой въ Альбони прочите. Ну, не сердитесь, Ковринька, не буду. Что жъ мнѣ дѣлать, коли изъ меня претъ? Разный вздоръ хочется пѣть и болтать. Вы,—повернулась она къ Крупеникову,—васъ какъ звать по имени, отчеству?

— Антонъ Сергѣевъ.

— Вы вѣдь въ оперѣ служите? Я помню, видѣла васъ въ чемъ-то, вотъ и забыла въ чемъ...

— Не мудрено-съ, — отвѣтилъ Крупениковъ и сильно покраснѣлъ.—Вѣстникомъ какимъ-нибудь или гишпанцемъ безъ рѣчей.

— Гишпанцемъ! И то, кажется, такъ, въ „Гугенотахъ“. Да?

— Въ „Гугенотахъ“ я, точно, занятъ—кавалера изображаю.

— Дайте срокъ, — вмѣшался Ковринъ и потрепалъ по

плечу тенора.—Вы должны выдвинуться, не нынче-завтра. Вотъ съ Ириной-то Степановной создадите два характерные типа въ бытовой музыкальной драмѣ!

— Буки-ум-бу!—загрохотала Ариша.—Однако, настоятельница-то хватится. Моя очередь сейчасъ; навѣрно приплыветъ. Прощайте!

Она комически присѣла.

— Вотъ что, голубушка, — остановилъ ее Ковринъ. — Спросите-ка Прасковью Ермиловну, можетъ ли она насъ принять передъ моимъ урокомъ у себя?

— Я боюю-юсь,—сошкольничала Ариша.

— Ну, полноте. Она вѣдь въ васъ души не чаетъ!

— Знаемъ мы! А за ангажементъ и сдеретъ процентъ! Или по-заграничному, контрактъ заставитъ подписать: столько-то, молъ, изъ жалованья, каждый годъ, въ теченіе десяти лѣтъ.

— Грѣхъ вамъ! Грѣхъ вамъ!—заговорилъ піанистъ.— Совсѣмъ она не такая! Вы, Антонъ Сергѣичъ, не вѣрьте!

Крупениковъ только поежился и усмѣхнулся.

— Такъ скажете?—спросилъ Ковринъ.

— Для васъ, душа моя, въ огонь и въ воду! — пробасила Ариша и выбѣжала изъ комнаты.

VIII.

— Лихая особа,—выговорилъ Ковринъ, подходя къ гостю.—Лѣнива только. Хохлушка родомъ. Голосомъ, дѣйствительно, Альбони можетъ выйти. Для такихъ натуръ новая музыка нужна, своя, залихватская, колоритная. Вотъ вѣдь и у васъ въ голосѣ и манерѣ есть что-то особенное. Не въ Раулѣ вы будете хороши, а въ какомъ-нибудь парнѣ бытовой, лирической драмы.

— Я и самъ такъ понимаю-съ, Евстафій Петровичъ, да гдѣ же показать-то себя?

Крупениковъ отвѣтилъ съ чуть замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Онъ не могъ сдержать этой дрожи, какъ только рѣчь заходила объ его артистической судьбѣ. И голову нагибалъ онъ немного вбокъ, и весь гнулся.

— Вы только не вѣрьте болтушкѣ,—продолжалъ Ковринъ, похаживая около рояля.—Она Прасковью Ермиловну настоятельницей зоветъ... Суровости въ ней никакой нѣтъ. Вы сами сейчасъ увидите. Она вся крупичатая: изъ Москвы родомъ.

— Изъ Москвы-съ? — радостно спросилъ Крупениковъ.

— Да, настоящая московка: и языкъ прекрасный, мягкость звуковъ — такъ здѣсь не умѣютъ говорить. Я хоть и въ Петербургѣ выросъ, а здѣшнее произношеніе ненавижу.

— Это точно,— оживился Крупениковъ, — въ Александринскій театръ зайдешь, ровно иностранцы какіе. На мѣсто „любофь“ здѣшнія актрисы „любовъ“ выговариваютъ... А „крофь“ у нихъ „кровъ“ выходитъ. И мнѣ претило не разъ.

— Да, да! Чиновничество всѣхъ заѣло. Вамъ, голубчикъ, будетъ очень по себѣ съ нашей настоятельницей— я это впередъ вижу. И не способна она бездушно выжимать сокъ изъ своихъ ученицъ. Эта хохотуша такъ, зря сболтнула.

Добрый музыкантъ поторопился успокоить тенора, замѣтивъ, что тотъ внутренно волнуется.

— Да это что же за бѣда-съ? — возразилъ Крупениковъ и тоже заходилъ по комнатѣ.— Вотъ въ Италіи такіе есть áгенты... Они и дерутъ съ васъ, да все-таки васъ на линію выведутъ. Бери съ меня процентъ, да давай мнѣ ходъ, возможность чтобы была показать себя. А здѣсь одна казенная привилегія! Куда вы дѣнетесь? Въ провинцію? Всего-то три оперные театра: Харьковъ, Кіевъ, Казань, да и обчелся. Опять же антрепренеръ сейчасъ говоритъ: „я долженъ васъ слышать, а то какъ же я вамъ хорошее жалованье назначу? По крайности, если бы вы хоть изъ консерваторіи вышли. У васъ диплома не имѣется. Васъ начальство учебное отрекомендовать не можетъ.

Глаза Крупеникова стали больше и забѣгали. Голосъ дѣлался выше и рѣзче. И руками онъ сильно разводилъ.

— А вы не изъ консерваторіи? — просто и вскользь сказалъ Ковринъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — рѣзко крикнулъ Крупениковъ и сталъ посрединѣ комнаты, весь красный.— И что въ этомъ за бѣда-съ? Мы знаемъ тоже, какихъ гусей съ дипломами-то выпускаютъ! Выйдетъ, воздуху наберетъ — куакъ! Хвать, и взялъ полутономъ выше, да и звука-то никакого нѣтъ! А мы, быть-можетъ, учились-то и не у такихъ профессоровъ... И денегъ-то собственныхъ не одну тысячу положили. И никакихъ мы отъ казны или покровителей субсидіевъ не получали!..

— Конечно, конечно, — успокоилъ его Ковринъ, подошелъ и положилъ ему руку на плечо. — Все это, душа

моя, отлично пойметъ Прасковья Ермиловна. Чуткая баба,—выговорилъ онъ потише,—сами увидите.

Въ дверь постучали. Они оба подняли голову.

— Войдите!—крикнулъ Ковринъ.

Вошла горничная.

— Евстафій Петровичъ,—проговорила она молодымъ, пѣвучимъ голосомъ,—Прасковья Ермиловна приказали сказать вамъ, что они васъ ждутъ у себя-съ, и ихъ,—она указала головой на Крупеникова,—приказали просить.

— Сейчасъ!—возбужденно откликнулся піанистъ.

— Ну, отправимся, голубчикъ. Я вотъ только волосы маленько оправлю.

Ковринъ пошелъ за перегородку. Крупениковъ бросилъ папиросу въ пепельницу и обдернулъ свой сѣрый лѣтній пиджакъ.

— Евстафій Петровичъ!—почти шопотомъ обозвалъ онъ.

— Что прикажете?

— Вѣдь вотъ исторія-то-съ... Я совсѣмъ и забылъ. Прилично ли будетъ въ первый разъ къ почтенной дамѣ и въ такомъ затрапезномъ одѣяніи? Прямо изъ трактира?

— Это вы насчетъ своего платья?

— Да-съ.

— Помилуйте. Да вы франтомъ.

— Лѣтняя пара. Опять же пиджакъ...

— Вы видите, я въ домашнемъ сюртучкѣ иду.

— Вы—совсѣмъ другое дѣло...

— Прасковья Ермиловна—свой человѣкъ, товарищъ, лишнихъ церемоній не любитъ. Эхъ, батюшка, какъ васъ Ариша-то напугала!

— Позвольте хоть гребеночку, поправить волосы.

— Сколько угодно. Пожалуйте сюда.

За перегородкой теноръ оглядѣлся въ зеркало, расчесалъ бородку, хватилъ голову щеткой и весь отряхнулся. Онъ все еще сильно волновался. Но ему было вообще пріятно. Все видѣнное здѣсь освѣжило его отъ трактирной компаніи Бурцевыхъ и Мухояровыхъ.

Піанистъ взялъ его за руку и повелъ. Крупениковъ почуялъ запахъ туалетнаго уксуса, которымъ обмылся Ковринъ: не за тѣмъ ли, чтобы истребить запахъ трактирнаго завтрака?

IX.

Прасковья Ермиловна Скакунова встрѣтила ихъ около дверей не гостиной, а своей особой большой комнаты, съ перегородкой. Первая половина отдѣлана была кабинетомъ, вторая служила ей спальней и будуаромъ. Прежде всего, Крупеникова обдалъ запахъ одеколона и еще какихъ-то духовъ. Душалось легко и пріятно въ этой комнатѣ. Пестрый веселый кретонъ на мебели, гардинахъ и портьерахъ, растенія въ пестрыхъ горшкахъ, блескъ отъ трюмо охватили его переливомъ красокъ. Онъ даже закрылъ глаза на нѣсколько минутъ, слушая, какъ музыкантъ представляетъ его.

Первый его взглядъ упалъ на бѣлокурую голову полной, почти толстой женщины. Свѣтлые волосы на лбу были наложены завитушками, коса изъ своихъ волосъ поднималась выше темени, лицо улыбалось — широкое и мясистое, съ ямочками на щекахъ. Брови почти сливались съ кожей. Въ сѣрыхъ глазахъ сохранилась игра. Губы поблекли, но передніе зубы бѣлѣлись. Полную шею сдавливалъ отложной, тугой, лоснящійся воротничокъ. Свѣтло-сѣрое франтоватое платье съ короткой пелериной скрадывало толщину охвата таліи. Грудь, сдавленная въ тѣсномъ корсетѣ, такъ и выдвигалась впередъ.

„Да она—ужъ старуха!"—хотѣлъ сказать про себя теноръ, и тотчасъ же поправился:—„добрѣйшей, должно-быть, души".

— Очень, очень рада, — протянула Скакунова высокой грудной нотой.

Въ этомъ звукѣ Крупениковъ сейчасъ же почуялъ московскую уроженку. Онъ пожалъ руку, бѣлую, пухлую, съ пальцами-огурчиками и съ ямочкой надъ каждымъ нижнимъ суставомъ. Рука была аппетитна.

„Право, она еще ничего,—добавилъ онъ мысленно,— однако, годовъ ей, навѣрно, за сорокъ, а то и за сорокъ-пять".

— Присядьте, присядьте,—приглашала хозяйка ласковымъ и ободряющимъ тономъ. — Я о васъ слышала... Какъ же!.. Какъ же!.. Вотъ это хорошо, Стасенька,—обернулась она къ Коврину, — что ты привелъ ихъ ко мнѣ. Не хотите ли папироску? Я сама не курю и ученицамъ не позволяю, а мужчинамъ нельзя нынче одной минуты пробыть безъ куренья.

Крупеникову стало менѣе неловко. Онъ присѣлъ на кресло, рядомъ съ хозяйкой, помѣстившейся на диванчикѣ. Ковринъ заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ,—заговорилъ онъ,—я Антону Сергѣевичу указалъ на самаго настоящаго человѣка. Ему ходу не даютъ. Кто же лучше Прасковьи Ермиловны наставитъ на путь?

Скакунова усмѣхнулась и кивнула въ сторону Коврина, точно хотѣла сказать: „очень ужъ расписываетъ".

— Я ему, — продолжалъ разговорившійся Ковринъ,— про себя разсказалъ. Безъ субординаціи нашему брату невозможно.

Быстрые, хоть и ласковые, глаза Скакуновой оглядѣли музыканта. Его разгорѣвшіяся щеки показались ей подозрительными.

— Стасенька, вы это гдѣ же изволили встрѣтиться съ ними?

Она спросила это полушутливо, материнскимъ тономъ. Ковринъ скорыми шагами подошелъ къ Скакуновой и взялъ ее за руку.

— Голубушка! я, значитъ, въ подозрѣніи? За что?

— Гдѣ же повстрѣчались-то? — повторила она и прищурила одинъ глазъ.

— Въ трактирномъ заведеніи, скрывать не хочу. Но какъ я себя тамъ велъ — вотъ что нужно изслѣдовать. Рюмка водки...

— Однако...

— Всего одна! И бутылка пива.

— А дома-то развѣ не было завтрака? Шатунъ!..

— Точно, и дома можно было поѣсть, и полтора цѣлковыхъ остались бы въ карманѣ. Но вы не извольте на меня ворчать. Это былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, искусъ...

— Устоялъ?..

Скакунова разсмѣялась, но сейчасъ же съ другимъ выраженіемъ оглянула и Коврина, и Крупеникова.

— Я ему про себя разсказывалъ,—указалъ Ковринъ на Крупеникова. — Съ этого и разговоръ по душѣ начался. Вотъ, молъ, живой примѣръ, какъ Прасковья Ермиловна людей направляетъ...

— Объ этомъ что́ же?—остановила она піаниста.

Ея движеніе очень понравилось Крупеникову.

— Какіе же тутъ секреты?! Онъ—нашъ братъ артистъ. Я прямо его спросилъ: не имѣетъ ли страсти?

— Въ родѣ Стасеньки?—пошутила Скакуно́ва.

— Именно! Не имѣетъ. Тѣмъ лучше.

Въ коридорѣ раздался звонокъ.

— Пора въ классъ, — сказала Скакунова Коврину.— Нынче надо подольше посидѣть, ты знаешь...

— Да, да!—заторопился Ковринъ.

— А, поди, не подготовился къ лекціи-то?

— Готовился. Только захватить упражненія.

— Ну, и съ Богомъ.

Все это она говорила мягко, точно старшая сестра или мать. Тонъ ея продолжалъ нравиться Крупеникову.

— Позвольте и мнѣ удалиться, началъ-было онъ и привсталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда вы? Вѣдь у меня класса нѣтъ! Его надо протурить, а то разболтается и объ урокѣ забудетъ. Ну, Стасенька, извольте-ка отправляться!

— Иду, иду!—крикнулъ Ковринъ, пожалъ руку тенору и пошелъ къ двери. Отворивъ ее, онъ остановился, закинулъ волосы за правый високъ и окликнулъ:

— Прасковья Ермиловна!

— Что, милый другъ?

— Главное — подбодрите нашего пѣвца и тряхните всѣмъ вашимъ знакомствомъ... И насчетъ начальства.

— Знаю, знаю. Никакъ его не выгонишь. Вотъ, другой разъ, штрафъ буду брать. А дѣвицы-то теперь, поди, въ форточку курятъ. Потомъ у всѣхъ горло заложитъ. Идите, Стасенька!

Ковринъ еще разъ кивнулъ Крупеникову и захлопнулъ за собою дверь.

— Право, мнѣ совѣстно,—началъ-было опять раскланиваться Крупениковъ.

— Ахъ, вы какой... Да бросьте вы вашу шапку. Мнѣ самой время дорого... Я бы вамъ сказала. А теперь вотъ съ полчасика самыхъ удобныхъ. Да что же вы не курите?

Все это было сказано такъ ласково и просто, что Крупениковъ совсѣмъ оттаялъ. Онъ отложилъ свою шапку, взялъ папиросу, закурилъ и, точно про себя, выговорилъ вслухъ:

— Право! Очень ужъ вы ко мнѣ добры!

X.

Не такою ожидалъ онъ найти эту „бабу-дѣльца“ послѣ поясненій Коврина въ трактирѣ и у него въ комнатѣ, послѣ того, какъ балагурила Ариша Веселкина. Передъ

нимъ, дѣйствительно, добрѣйшей души дама, съ благородными манерами, мягкая, отлично все понимающая. Сейчасъ же что-то пролилось ему въ сердце теплое, такое, чего онъ съ дѣтства не испытывалъ. Онъ даже вспомнилъ, что вѣдь онъ давно — круглый сирота. Точно онъ мальчикомъ пришелъ провести воскресенье къ тетенькѣ, балующей его. Всю недѣлю обращались съ нимъ грубо товарищи и надзиратели, а тетенька приголубитъ, вареньица дастъ, въ головку поцѣлуетъ, назоветъ Антошей. Одна такая тетка была у него, и у ней въ комнатѣ такъ же пахло. Все говорило о присутствіи ласки мягкой, пухлой женщины—старше тебя, опытнѣе, но зато снисходительной и податливой на всякую ласку.

Ему уже совершенно ловко. Вотъ она присаживается и говоритъ такъ родственно:

— Вы меня не дичитесь, голубчикъ. Ковринъ, по слабости своей, много, пожалуй, тутъ и лишняго наговорилъ. Я рада, что могла его опять... какъ вамъ это сказать... ну, да онъ самъ объ этомъ объявилъ, такъ и я попросту скажу... вытрезвить. А васъ вѣдь не надо вытрезвлять? Вы, я вижу, обижены. Это—хуже всего. У насъ вездѣ взятки, да кумовство. Я и сама чрезъ это все проходила. И я была въ загонѣ. Теперь меня, точно, уважаютъ, а почему? — потому что я ни въ комъ не нуждаюсь. Сама знала и нужду, и обиду, — поэтому, когда въ другихъ вижу Божью искру—поддержу.

Онъ слушалъ, низко наклонилъ голову и сдерживалъ дыханіе. Слезы уже подступили къ глазамъ. Ему стыдно было взглянуть на нее.

— А голосъ вашъ, признаться, забыла. Стасенька-то мой уноситься очень любитъ. Вкусъ у него богатый; по много и зря говоритъ.

И эти слова тронули Крупеникова. Другая бы не стала такъ искренно говорить. Не хочетъ лгать и отвертываться пустыми словами. Ужасно захотѣлось ему пропѣть ей что-нибудь сейчасъ же. Въ груди у него столько скопилось чувства: еще немного, и онъ разрыдается.

Все еще не поднимая головы, онъ поглядѣлъ вбокъ. Онъ только теперь разглядѣлъ низковатое піанино, приставленное къ перегородкѣ, и рядомъ бѣлую этажерку для нотъ.

— Вы не знаете... моего голоса,—съ трудомъ выговорилъ онъ,—позвольте мнѣ...

Онъ быстро всталъ и подошелъ къ піанино.

— Да зачѣмъ же?—остановила было она его.—Въ другой разъ...

Онъ уже сидѣлъ на табуретѣ.

— Сидя-то пѣть неудобно. Не хотите ли я вамъ съаккомпанирую? Можетъ, и наизусть знаете?

— Я изъ „Русалки".

— Чудесно! Сейчасъ найду. Арію князя?

Не спѣша, нашла она зеленую переплетенную тетрадь и положила ее на пюпитръ. Онъ сталъ сзади. Пока она брала вступительные аккорды, онъ оправился отъ своего волненія.

— Начинайте, — сказала она вполголоса и обернула голову.

Онъ запѣлъ:

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ таинственная сила!.."

Комната была большая. Голосъ его разлился по ней звонко и мягко, сначала съ дрожью, потомъ согрѣлся, и мелодія потекла все задушевнѣе и теплѣе.

Фразу:

„Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго — свободная любовь!"

Крупениковъ произнесъ характерно и красиво.

— Славно!—вполголоса вскричала Скакунова.

Когда арія дошла до конца, она встала, протянула ему обѣ руки и тронутымъ голосомъ сказала:

— Вы талантливы, голубчикъ; души — пропасть, и голосъ славный, сильный...

Ея щеки зарозовѣли. И глазами она его приласкала.

Крупеникову опять захотѣлось плакать. Онъ поцѣловалъ одну изъ протянутыхъ рукъ и почувствовалъ, какъ губы Прасковьи Ермиловны прикоснулись къ его волосамъ. Такъ ему тепло и сердечно! Какъ было бы хорошо, если бы она взяла его въ сыновья. Къ такой добрѣйшей душѣ сладко прильнуть. Съ ней все, что есть въ тебѣ хорошаго, какъ въ артистѣ, оживетъ, распустится...

Держа его за руку, она сѣла съ нимъ рядомъ на диванчикъ и стала говорить еще мягче и задушевнѣе. Обо всемъ разспросила, все узнала. Сейчасъ же и про себя объявила, что она — московка, и такъ же, какъ и онъ, купеческаго рода, по матери. Шестьсотъ рублей получаетъ артистъ съ такимъ голосомъ, на все про все! Какъ тутъ

жить молодому человѣку въ полной силѣ, да еще такому, что̀ свои деньги имѣлъ, за границей учился, по золотому профессорамъ плачивалъ? Она ему дастъ, коли онъ желаетъ, репетиторское мѣсто, по классу пѣнія. И завтра, а то и сегодня она поѣдетъ хлопотать. Она знаетъ, къ кому обратиться. Композиторы, критики у ней есть на примѣтѣ. Дождаться только хорошаго случая, потерпѣть, а въ дрянныхъ ролькахъ не показываться. А не выгоритъ—антрепренеры у ней же въ рукѣ. Ея рекомендація что-нибудь да значитъ. Дотянуть до конца сезона, а на лѣто — въ провинцію. Постомъ, въ концертахъ умѣючи заявить себя передъ публикой. И объ этомъ она постарается.

— Вы лучше родной матери!—съ трудомъ выговорилъ Крупениковъ.

Онъ слышалъ, какъ въ голосѣ ея зазвучали самыя теплыя ноты. Ему не стыдно было благодарить ее. Никакой гордости и обиды не чувствовалъ онъ отъ этого покровительства. Раза два еще прижался онъ къ ея рукѣ.

Прасковья Ермиловна, совершенно ужъ какъ мать, обняла его подъ конецъ.

— Это не спроста Стасенька привелъ васъ,—сказала она ему, подводя къ двери.—Вижу, еще денекъ, другой— и отчаянность на васъ напала бы. И кончено. Врагъ-то силенъ,—выговорила она съ улыбкой и вздохомъ доброй няни.

Крупениковъ радъ былъ отдаться въ руки этой няни. Онъ зналъ, что слабости въ немъ много. Того и гляди, сгинешь въ компаніи Бурцевыхъ. А въ ней, сквозь теплоту и ласку, видна твердость. Только прильни и не криви душой.

XI.

По уходѣ молодого тенора, Прасковья Ермиловна долго оставалась въ особомъ настроеніи. Все у ней внутри всколыхнулось. Благородныя чувства прилили къ ея сердцу, желаніе защитить, наставить, а главное — пригрѣть и обласкать. Она и вообще не считала еще себя старухой, но тутъ у ней слетѣло съ плечъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

Много она любила. Мужчины легли на ея плечи тяжелой ношей. Съ давней поры, лѣтъ чуть не тридцать тому назадъ, она должна была денно и нощно бороться съ

своимъ сердцемъ. Кажется, чего лучше, какъ прожить безъ этихъ мужчинъ? Что въ нихъ привлекательнаго? Грубы, пьютъ, курятъ, грязны, говорятъ сальности, способны проиграть все до рубашки, въ женщинѣ видятъ одно тѣло... Ни благодарности, ни душевнаго порыва, ни тонкой нѣжности, ни простой деликатности съ любящей женщиной... Настоящее звѣрье!

А не сохранишь своей свободы! Все тянетъ къ этому отродью. Знаешь всю ихъ негодность и очутишься шутя рабой или впутаешься въ глупую исторію, или закабалишь себя на много-много лѣтъ. Прикинется барашкомъ, глазами поводитъ, усики, голосъ прямо въ душу идетъ, бѣденъ, загнанъ, талантъ есть, а то такъ просто молодость, да жалобныя слова говоритъ — и не устоишь. И дура-дурой! Нельзя ошейника-то своего сбросить до тѣхъ поръ, пока не откупишься деньгами или не умретъ это сокровище!

Какую любовь свою ни вспомнишь, вездѣ приходилось расплачиваться собственной кожей. Дѣвушкой ужъ совсѣмъ глупо врѣзалась. Сколько лѣтъ тянулось вздыханье, поцѣлуи шли, по аллеямъ гуляли, на подъѣздахъ жданье, сувениры, истерики, слезы, а все кончилось тѣмъ же, чѣмъ и въ другихъ случаяхъ, когда дѣло сразу идетъ на всѣхъ парахъ. Пришлось грѣхъ хоронить, комедію цѣлыми годами играть передъ добрыми людьми, за дѣвицу себя выдавать. Хорошо, что ребенокъ не жилъ. Было бы ему сладко, нечего сказать! А выходъ изъ этой десятилѣтней любви? Оказался онъ такимъ же „салдафономъ", какъ и сотни другихъ, законный бракъ сулилъ, а когда свѣжесть лица, да мягкость кожи не тѣ стали— преспокойно завелъ себѣ какую-то чухонку. И обижаться не смѣй! Хорошо еще, что изъ тебя денегъ не тянулъ, не ввелъ тебя въ болѣзнь и нищету. И за то Господа Бога благодари!

Чего: лучше здоровой, не старой женщинѣ, въ полномъ соку, съ житейской смѣткой и находчивостью,—жить, да обставлять себя получше и добро дѣлать отъ избытка? Какъ бы не такъ! Засасывать начинаетъ тоска. Или закрадется жалость къ первому попавшемуся замухрышкѣ. Дѣтей больше не родилось, а материнство-то не умерло въ душѣ. Съ кѣмъ-нибудь надо возиться; нянька-то сидитъ во всемъ женскомъ естествѣ. И непремѣнно съ мужчиной. Брать на воспитаніе дѣвочку-сиротку—не хочется. Очень

ужъ и съ ученицами много возни. Ну, и подвернется... Ниже травы, тише воды онъ, когда ему „цыпъ-цыпъ" дѣлаешь. Готовъ въ услуженіе поступить. Одѣнешь его, мѣсто выхлопочешь, человѣкомъ сдѣлаешь и въ мужья возьмешь. Самой хочется въ законѣ пожить. И его-то поднять, чтобы онъ права надъ тобой имѣлъ, чтобы очень-то не презиралъ самого себя: что вотъ, молъ, у бабы живетъ на хлѣбахъ. Опять каторга! Глупъ, тошный, брюзга, лѣнтяй, хуже всякаго лакея. Гдѣ глаза были, что такое въ головѣ залегло, затменіе что ли, когда его въ мужья брала? Какъ ни уходишь въ дѣло, какъ ни стараешься подавить свою горечь — невозможно. Тутъ прилѣпишься къ кому угодно, и чѣмъ онъ вороватѣе, тѣмъ скорѣе все случится. И года не берутъ, разумъ, опытность, знаніе этихъ развратниковъ, сластолюбцевъ и обманщиковъ. Тутъ ужъ ничто не беретъ. Отдаешься всѣмъ сердцемъ, чувство изъ тебя ключомъ бьетъ, ревешь отъ избытка нѣжности, ничего не замѣчаешь: ни своей дурости, ни того, что обходятъ тебя, какъ послѣднюю глупую бабу. Сколько примешь тяготы, денегъ, хлопотъ, стыда, пройдошества, чтобы отъ тошнаго мужа отдѣлаться. Насилу откупишься, и что же? Мечтаешь о новомъ раѣ, какъ тотъ, желанный-то, въ этотъ рай тебя введетъ, забудетъ, что ты его на десять лѣтъ старше, и станете вы ворковать. Анъ вмѣсто того: — срамъ, пьянство, карты, дебошь, побои, полная мерзость. А подъ конецъ—издѣвательство, тебя же называютъ развратной бабой, нахально кричатъ, что только изъ-за денегъ и можно было съ тобой путаться!.. Господи!

И какъ еще достало здоровья, силъ, чтобы поддержать себя, не хлопнуться совсѣмъ въ грязь! Нѣтъ, глупа, глупа въ чувствахъ своихъ съ мужчинами, а въ остальномъ не тотъ человѣкъ; боятся, уважаютъ, считаютъ даже колотовкой! Да и въ самомъ дѣлѣ, умѣетъ же справляться со своимъ заведеніемъ; всѣ знаютъ ее, всюду хорошій пріемъ и почетъ, до сихъ поръ считается артисткой. Сумѣла сбившагося въ конецъ Коврина оправить. И онъ ея боится, какъ огня; а она ни разу на него и не прикрикнула. Надѣется и совсѣмъ его вылѣчить и заставить работать: пускай композиторствомъ со свѣжими силами займется; можетъ, и цѣлую оперу напишетъ. На всю жизнь его облагодѣтельствовала. А отчего? Оттого, что нѣжности къ нему настоящей не почувствовала, той прежней, женской, что къ мужчинѣ влечетъ и глаза застилаетъ.

Вотъ и этотъ тенорокъ. Жалко его ужасно! Такой молодой, простой, безъ хитрости, изныветъ отъ желанія выдвинуться впередъ. Тутъ все въ немъ и трепещетъ! Нельзя его не приласкать. Тутъ любовнаго увлеченія быть не можетъ. Все равно, что съ Ковринымъ; только приголубить его хочется. Ему не больше двадцати пяти-шести лѣтъ. Шутка, на двадцать лѣтъ она его старше! Года возьмутъ свое — опасаться нечего. И усталость сказывается послѣ всѣхъ прежнихъ мученій. Надо съ этимъ покончить. Ужъ матерью быть, такъ въ самомъ дѣлѣ матерью, пожалуй, и бабушкой. Такъ-то!..

XII.

Въ тотъ же день, передъ самымъ обѣдомъ, Прасковья Ермиловна уѣхала со двора. Она попала къ сборному часу одного иностраннаго табль-д'ота. Тамъ надо было прежде всего пощупать почву. Меблированныя комнаты содержалъ французъ, бывшій поваръ, женатый на обрусѣлой француженкѣ, бывшей опереточной пѣвицѣ. У нихъ квартируютъ всегда итальянцы; изъ русскихъ—тоже пѣвцы и пѣвицы, ищущіе мѣста; обѣдать ходятъ два театральные чиновника, одинъ покрупнѣе, другой мелкій, докторъ и еще два-три постоянные посѣтителя изъ меломановъ.

Хозяйку Прасковья Ермиловна нашла въ узкой комнатѣ, передъ столовой, за конторкой. Противъ двери въ столовую, у лѣвой стѣны, примостился небольшой столъ съ водкой и закуской. Обрусѣлая француженка молодилась. Ей на видъ, въ полусвѣтѣ комнаты, нельзя было дать больше тридцати, но Скакунова считала ее своей ровесницей. Мужемъ она помыкала почти какъ лакеемъ. Онъ съ утра прикладывался къ красному вину и за обѣдомъ надоѣдалъ всѣмъ своей болтовней съ южнымъ акцентомъ. Всѣ гости потѣшались надъ нимъ, передразнивая, какъ онъ произноситъ „estation“, вмѣсто „station“, и „escorpion“, вмѣсто „scorpion“, говорили ему прямо въ глаза, что онъ вретъ, когда онъ разсказывалъ въ сотый разъ свои похожденія на французскомъ военномъ корветѣ, во время кругосвѣтнаго плаванія, гдѣ онъ состоялъ корабельнымъ поваромъ. Господинъ Мусильякъ—такъ его звали—не обижался и продолжалъ трещать своимъ гасконскимъ языкомъ. Онъ самъ приправлялъ салатъ и присматривалъ на кухнѣ; кушанья подавались больше южныя—итальянскія и даже испанскія—съ перцемъ и чес-

нокомъ. Дѣла меблированныхъ комнатъ шли плоховато. Держались онѣ только тѣмъ, что госпожа Мусильякъ сумѣла привлечь когда-то одну особу, высокопоставленную въ театральномъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шести лѣтъ, но, по преданію, она все еще считалась не безъ вліянія. Теперь каждый день обѣдало двое служащихъ. Про одного подъ шумокъ говорили, какъ про настоящаго хозяина табль-д'ота. Онъ всегда садился рядомъ съ госпожой Мусильякъ, ему ставили особенное вино; иногда онъ привозилъ закуски или какого-нибудь ликёру, блюда начинали обносить съ него. Около него сидѣлъ всегда мелкій „чинушъ", какъ называла его Скакунова, но очень юркій, услужливый, большой сплетникъ. Отъ него можно узнать во̀-время всякую новость. Итальянцы и русскіе артисты мѣнялись по сезонамъ. Два тенора—одинъ испанецъ родомъ—жили каждую зиму. Часто ходилъ докторъ-шутникъ, молодой еще человѣкъ, съ черной бородой, пускающій въ ходъ полуприличныя остроты. Онъ говорилъ по-французски смѣло, но до смѣшного плохо: этотъ языкъ преобладалъ за столомъ. Почти всегда проживала и ходила обѣдать какая-нибудь пѣвица, ожидающая дебютовъ. Съ нея брали втридорога за комнату, заманивали ее обѣщаніями, заставляли тратиться на уроки у итальянцевъ и къ концу сезона сплавляли.

Вся столовая, продолговая комната въ два окна, обвѣшана сотнями фотографій разныхъ величинъ и во всевозможныхъ рамкахъ. Тутъ портреты всѣхъ пѣвцовъ, пѣвицъ, танцовщиковъ, танцовщицъ, актеровъ, актрисъ, знаменитостей оперетки и кафе-концертовъ. Многіе изъ иностранцевъ жили въ этихъ комнатахъ и дарили свои карточки и альбомные портреты съ надписями.

Столъ былъ накрытъ на двѣнадцать человѣкъ.

Элоиза Адольфовна Мусильякъ говорила съ Прасковьей Ермиловной всегда по-русски. Она прекрасно знала, что эта гостья пріѣзжала только по дѣлу. Иногда Скакунова оставалась и обѣдать. Сегодня ей хотѣлось поразспросить о чемъ слѣдуетъ у маленькаго чиновника.

— Егоровъ будетъ?—освѣдомилась она вполголоса у хозяйки, присаживаясь къ конторкѣ.—Я вамъ, милочка, не мѣшаю?

— Будетъ непремѣнно,—сказала дѣловымъ тономъ Мусильякъ.

— А здоровье Павла Михайловича?

„Павелъ Михайловичъ“ было имя чиновника покрупнѣе, играющаго роль настоящаго хозяина за столомъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила француженка, точно дама, благодарящая за своего мужа.

Первымъ пришелъ теноръ, испанецъ родомъ, толстенькій, низкорослый, съ подстриженной бородкой, очень смуглый.

— Готовъ!—крикнулъ онъ умышленно ломанымъ языкомъ и подбѣжалъ къ слуховой трубѣ, проведенной въ кухню.—Двѣ порцій карандашъ!—пустилъ онъ въ трубу.— Одна порцій патронташъ!..

Съ этого дурачества онъ начиналъ каждый день, и когда всѣ соберутся, повторялъ его еще разъ. Пришли еще два оперные пѣвца, два меломана, одинъ сѣдой, другой неопредѣленныхъ лѣтъ, явился и господинъ Мусильякъ, съ краснымъ, лоснящимся бритымъ лицомъ и рыжеватыми усами, въ потертой визиткѣ, отъ которой несло кухней. Пришла большого роста, широкоплечая и съ широкимъ лицомъ блондинка въ красномъ трико-джерсеѣ и въ длинныхъ косахъ.

— Кто это?—освѣдомилась Прасковья Ермиловна, все еще сидѣвшая около конторки.

— Полька одна, фамилія Левандовская.

— Дебютируетъ?

— Обѣщаютъ дебютъ...

— Какой голосъ?

— Контральто.

— Сильный?

— Очень... только мало училась.

Прасковья Ермиловна сейчасъ же подумала о своей Аришѣ. Она ее любила, хотя и была съ ней строже, чѣмъ съ другими. Вотъ примутъ такую польку—и будетъ мѣсто занято. А той еще добрый годъ, коли не два, надо учиться. Дѣвушка честная, даромъ что сорванцомъ смотритъ. У этакой же польки что́ есть завѣтнаго? На всякую сдѣлку пойдетъ, съ кѣмъ угодно: и съ первымъ пѣвцомъ, и съ капельмейстеромъ, и съ режиссеромъ.

Лицо Прасковьи Ермиловны немного затуманилось.

Пришелъ докторъ, что-то сошкольничалъ, наливая себѣ водки, и близко-близко подошелъ къ пѣвицѣ. Госпожа Мусильякъ кончила свои счеты, встала, отряхнулась и заглянула въ столовую.

— Вы съ нами не останетесь?—спросила она Прасковью Ермиловну.

— Нѣтъ, милочка, прикажите мнѣ поставить приборъ.

Прасковья Ермиловна разсудила, что надо остаться и отобѣдать.

XIII.

Въ четверть седьмого всѣ были въ сборѣ. И оба чиновника пришли, и музыкантъ-итальянецъ съ женой-нѣмкой. Теноръ еще разъ крикнулъ въ слуховую трубу: „порцій карандашъ!"—всѣ громко разсмѣялись. Господинъ Мусильякъ, на своемъ углу стола, приготовлялъ салатъ и затянулъ уже какую-то исторію изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Чиновнику покрупнѣе, Павлу Михайловичу, Прасковья Ермиловна успѣла что-то шепнуть. Хозяйка посадила ее по лѣвую руку отъ него, а рядомъ съ ней, лѣвѣе, маленькаго чиновника. Съ тѣмъ они весь обѣдъ говорили вполголоса по-русски, подъ шумъ и трескъ разговоровъ, гдѣ французскіе и итальянскіе возгласы и фразы пересыпались.

Въ передышку, между блюдами, Прасковья Ермиловна оглядывала общество. Всѣ эти мужчины уже на дорогѣ, каждому есть ходъ: и пѣвцамъ, и музыкантамъ, и доктору. Оттого они такъ и гогочутъ. Что вонъ въ томъ теноришкѣ есть путнаго? Двѣ ноты, да и тѣ головныя. А поди, тысячъ пятнадцать въ сезонъ получаетъ?! Заплатилъ агенту, когда еще съ голосомъ былъ, а потомъ и пошелъ по всѣмъ столицамъ. И каждый годъ дороже дѣлается, пока совсѣмъ не осипнетъ.

Горькое чувство не въ первый разъ поднимается въ Прасковьѣ Ермиловнѣ, когда она думаетъ о томъ, какъ итальянцевъ и всякихъ заѣзжихъ артистовъ ублажаютъ у насъ, въ ущербъ своимъ талантамъ. Она—патріотка. Удивительно, ка́къ еще она сама могла пробиться, обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на старость лѣтъ? А каково бѣдному молодому человѣку, вотъ хоть бы такому Крупеникову? Даже глаза ея стали влажны.

Къ концу обѣда она наклонилась къ своему сосѣду справа и сказала ему вполголоса:

— Такъ вы, пожалуйста, голубчикъ, Павелъ Михайлычъ... Надо же дать жить человѣку. Голосъ—масло!

Павелъ Михайлычъ что-то промычалъ.

— Безъ обмана?—спросила Прасковья Ермиловна.

— Безъ обмана,—повторилъ онъ.

Мелкій чиновничекъ все что-то ей нашёптывалъ во время пирожнаго и кофею. Она улыбалась, прихлебывая изъ чашки.

— Ужъ я на васъ, Митенька, надѣюсь,—говорила она покровительственно.

— Такъ и будемъ дѣйствовать, кума.

Онъ называлъ ее „кума" не въ шутку. Скакунова крестила у него дѣвочку. Этотъ Егоровъ сдѣлаетъ непремѣнно, о чемъ она его проситъ. А съ нимъ каждый пріятель, всѣмъ онъ можетъ услужить по своей должности. Онъ же сообщилъ ей, чего слѣдуетъ добиваться на первыхъ порахъ. Есть двѣ-три небольшія партіи, гдѣ Крупеникову выгодно появиться. Это устроить не трудно. Онъ и самъ бы этого добился, да не умѣетъ.

Прасковья Ермиловна узнала тутъ, что „тенорокъ"—такъ называлъ Крупеникова чиновничекъ — очень ужъ „амбиціозенъ", и дикость въ немъ есть, простоватость какая-то; ни къ кому онъ какъ слѣдуетъ не обратится, не выждетъ подходящей минуты. Такіе отзывы еще больше растрогали Прасковью Ермиловну. Что жъ такое, что онъ не умѣетъ ничего добиться? Значитъ, у него душа чистая, гордая; значитъ, онъ не способенъ ни подличать, ни унижаться. Но особенно защищать она его не стала: передъ чиновникомъ назвала только „прекрасной души юношей".

Изъ-за стола поднялась она въ возбужденномъ настроеніи, еще разъ пошепталась съ Павломъ Михайлычемъ и отвела хозяйку въ уголъ. Съ ней она умѣла ладить. Безъ подарочка тутъ не обойдется.

Домой она не поѣхала, а пошла пѣшкомъ. Стоялъ свѣтлый, сухой, морозный вечеръ. Пріятны ей были ея хлопоты. Не для себя она пускала всѣ эти пружины. Просто, доброе дѣло дѣлала, и не сухое, формальное, а душевное. Идетъ она въ шубѣ, а ей легко, не чувствуетъ своей толщины и нога правая не ноетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у ней когда-то вывихъ былъ. Много ли ей это стоило? Часа два потеряла, да за обѣдъ съ полбутылкой вина два рубля двадцать, а сколько отрады получила!

На Невскомъ, противъ памятника Екатерины, съ Прасковьей Ермиловной столкнулся носъ къ носу мужчина въ енотовой шубѣ, безъ капюшона, съ сѣдой бородой.

— А, Купоросовъ!—узнала она его.—Куда шагаете?

Это былъ пріятель, музыкальный критикъ. И какъ удачно вышло, что онъ именно теперь встрѣтился, когда она про-

должала обдумывать устройство артистической судьбы своего новаго любимца.

Купоросовъ, очень близорукій, не сразу призналъ ее и тотчасъ же началъ что-то бурлить о новой оперѣ, шедшей въ Маріинскомъ театрѣ. Послышались бранные возгласы. Слова: „ерунда", „мерзость", „навозъ" и другія выраженія въ такомъ же родѣ сыпались какъ горохъ.

Прасковьѣ Ермиловнѣ удалось, однако, остановить его и перевести разговоръ на молодого тенора съ отличнымъ голосомъ, съ русскимъ розмахомъ, задушевнымъ, оригинальнымъ тономъ. Надо его поддержать. Купоросовъ пожелалъ прослушать его, и если онъ окажется „безъ итальянщины", дать ему нѣсколько совѣтовъ. Слышно, что композиторъ Симбирскій пріѣзжаетъ изъ Москвы ставить оперу. Навѣрно, въ ней не мало будетъ „навоза", но кое-что ему удастся. Онъ поговоритъ Симбирскому объ этомъ Крупениковѣ, если у него окажется хорошій „пошибъ" голоса.

Прасковья Ермиловна держала критика за рукавъ и приговаривала:

— Ужъ вы не умничайте, голубчикъ... Русскую школу я и сама люблю, да голосъ-то прежде всего надобенъ...

— И кастраты пѣли!—перебилъ Купоросовъ.

— Говорю я вамъ: паренекъ чудесный. Вотъ ваша-то компанія все мечтаетъ выпустить на сцену своего героя въ бытовомъ вкусѣ, и чтобы колоритъ былъ. Лучше не найдете. На той недѣлѣ пришли бы ко мнѣ и Всеславцева бы привели.

— Онъ заперся; Богу молится...

— Такъ этого еще... ну, вы знаете кого. Стасеньку Коврина аккомпанировать заставимъ. Спасибо скажете.

Купоросовъ куда-то торопился, но обѣщалъ пріѣхать прослушать тенора.

XIV.

Другимъ воздухомъ повѣяло на Крупеникова. И у себя, въ пыльномъ номерѣ, и на улицѣ, и за кулисами, и въ трактирѣ, вездѣ онъ иначе себя чувствуетъ. Походка измѣнилась, нѣтъ уже унылой усмѣшки съ выраженіемъ обиды. Онъ началъ весело ждать.

Режиссеръ два раза ласково говорилъ съ нимъ. Вліятельный конторскій чиновникъ подошелъ разъ и спрашивалъ: какъ онъ доволенъ своимъ положеніемъ? На одной

недѣлѣ два раза ставили на афишу. Разумѣется, выдвинуться въ ансамблѣ нельзя; но пѣть въ хорошемъ финалѣ все-таки выгоднѣе, чѣмъ протянуть одинъ какой-нибудь речитативъ. Слышали его критикъ Купоросовъ и еще два музыканта у Прасковьи Ермиловны и очень одобряли. Онъ имъ пришелся по душѣ.

— Намъ такого нужно!—кричалъ критикъ.

Началъ онъ и свои занятія въ классахъ Скакуновой, репетируетъ по классу пѣнія. Это ему особенно весело: самъ-то онъ мало учился, а все-таки на себя иначе смотришь. Все-таки преподаватель. Прасковья Ермиловна съ каждымъ днемъ все добрѣе. Не говоритъ ничего про то, что за него хлопочетъ, да онъ видитъ же, откуда это идетъ. Отъ другого человѣка, даже отъ пріятеля, не то, что ужъ отъ женщины, онъ не принялъ бы, амбиція бы не позволила. А тутъ—ничего.

Даже радостно ему. Онъ увѣровалъ сразу въ то, что это—женщина особенная, послана ему не даромъ, за его „сиротство“ и „незадачу“, въ награду за благородство его помысловъ и въ охрану на всю жизнь. Никто не оцѣнилъ его такъ по первому разговору. Не одинъ голосъ замѣтила она, а душу всего человѣка поняла. Всю свою материнскую теплоту вылила, не торгуясь, безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ. Развѣ бы такъ она вела себя, если бы имѣла на него виды, какъ на молодого, пріятнаго лицомъ мужчину? Не умѣетъ онъ, что ли, разобрать, что̀ въ женщинѣ дѣйствуетъ, какая пружина? Скорѣе ему самому трудно бываетъ сдерживать себя: такъ бы и припалъ къ ней.

Заѣхала она къ нему посмотрѣть, какъ онъ живетъ. Сейчасъ же все устроила, отыскала отличныя двѣ меблированныя комнаты, поближе къ ея классамъ, и перевезла. Оставшись съ-глазу-на-глазъ въ номерѣ, такъ ли бы она повела себя, коли бы у ней иное было на умѣ? Ни единаго взгляда, ни единаго слова, а только одна ласка, какъ съ сыномъ.

Въ новой квартирѣ у него свѣтло, воздухъ отличный, чистота, инструментъ за дешевую цѣну она же добыла. Предложила ему столоваться у ней: беретъ двадцать рублей въ мѣсяцъ; даромъ не стала кормить, напрасно обижать человѣка; говоритъ: „изъ жалованья вычту“, а жалованья платитъ шестьдесятъ рублей, больше чѣмъ въ театрѣ получаешь. И весь день совсѣмъ по-другому по-

пелъ. Первымъ дѣломъ, никакого трактирнаго шатанья Бурцевыхъ и Мухояровыхъ не видишь. За кулисами Мухояровъ, подъ хмелькомъ, началъ было панибратствовать, такъ сейчасъ же ему и отпоръ былъ сдѣланъ... Часовъ-то свободныхъ оказалось вдвое больше. Утромъ часика два за фортепьяно посидишь, поучишься, голосъ провѣтришь, къ классу подготовишься. Позавтракаешь дома: такъ Прасковья Ермиловна уговаривалась съ хозяйкой. Отъ водки устраняешь себя. Не хорошо, коли пахнуть будетъ, хотя бы и малость, совѣстно передъ Прасковьей Ермиловной. И пріятно себѣ самому, что какъ будто страхъ начинаешь имѣть, точно въ дѣтствѣ, но не рабскій какой-нибудь страхъ, а въ умиленіе приходишь, когда подумаешь объ этомъ. Послѣ завтрака урокъ, черезъ день... Такъ тебя и тянетъ, и въ свободный день зайдешь. Всегда пріемъ тебѣ, точно первенцу любимому, сейчасъ кофей со сливками, разспросы, слухи по сценѣ; пропѣть заставитъ что-нибудь новое, совѣтъ всегда отличный дастъ, укажетъ, къ чему надо бы еще подготовиться, къ какой партіи, на всякій случай. Къ Коврину завернешь въ комнату. У него такимъ же манеромъ хорошіе разговоры, человѣкъ добрѣйшій, простой, знаетъ много; теперь сочинять опять началъ—все подъ ея же наставленіемъ; прослушаетъ, замѣтитъ что-нибудь, лучше всякаго газетнаго критика.

За одно душевное довольство надо передъ ней на колѣняхъ стоять. Съ утра до поздней ночи ходишь поднявъ голову, не ковыряешь себя, не ноешь, не ищешь трактирнаго пьянчужку, чтобы только выслушалъ, какъ ты судьбу свою клянешь. Достоинство чувствуешь въ себѣ не такъ, какъ прежде, безъ всякой фанаберіи, тихо и благородно. Что въ тебѣ есть, то и объявится. Коли талантъ въ тебѣ—не пропадетъ зря. Увѣренность явилась, и ждать теперь можно хоть цѣлый годъ... Оно и лучше такъ-то: подучишься, есть время. На одну-то удаль, да на хорошія верхнія ноты разсчитывать нельзя. Разумомъ надо выше стать, вдумываться, смотрѣть на то, какъ другіе играютъ, подмѣчать промахи, хорошему учиться, а не ломаться: „я, молъ, какъ выйду въ выигрышной роли, такъ всѣхъ и посажу!“ Въ роли-то не одно пѣніе. Нынче вонъ требуютъ „создать“ лицо, въ кожу къ нему влѣзть, чтобы и походка, и гримировка, и тонъ, и темпъ, и мало ли что. Все это онъ теперь слышитъ каждый день, благодаря все ей же, Прасковьѣ Ермиловнѣ. Прежде ему въ

голову и одной десятой не входило мыслей разныхъ, какія теперь уже сами собою ползутъ. За кулисами или когда въ оркестрѣ сядетъ слушать и смотрѣть—онъ другими глазами смотритъ, другими ушами слушаетъ. Начинаетъ онъ понимать, чего хотятъ русскіе новые композиторы, про какой „колоритъ“ они толкуютъ, почему имъ любы бытовыя сцены, что они называютъ „сочной“ музыкой. Сколько словъ, терминовъ, оборотовъ, указаній! Даже страшно и подумать, что вотъ даютъ тебѣ создать лицо. Создать! Но страхъ-то этотъ сладкій, отъ него мурашки ползаютъ, духъ захватываетъ при одномъ мечтаніи.

Въ двѣ какія-нибудь недѣли женщина, своей неизреченной добротой и лаской, что можетъ изъ человѣка сдѣлать! И все это незамѣтно, безъ натуги, безъ всякихъ приставаній. Идешь къ ней въ ученье: вей изъ меня веревки; только не оставь своей лаской, только будь со мной все такая же, чтобы вѣра въ тебя была, въ твое добро и неоставленіе!

Минутами Крупениковъ принимался тихо плакать, думая о своей благодѣтельницѣ.

XV.

Вечеромъ, въ комнатѣ Прасковьи Ермиловны горѣла подъ абажуромъ одна только свѣча на письменномъ столѣ. Скакунова сидѣла въ бѣломъ капотѣ и просматривала счеты. Съ утра ей нездоровилась. Она не была даже въ классахъ, поручила надзоръ Коврину. Но къ вечеру голова прошла, только душило ее немного. Эта нервность бываетъ съ ней раза два въ мѣсяцъ. Больше, вѣроятно, отъ полноты.

Она знаетъ, что попозднѣе, часамъ къ одиннадцати, „Антоша“—она такъ уже зоветъ Крупеникова — непремѣнно заѣдетъ изъ театра узнать о ея здоровьѣ. Теперь у ней совсѣмъ такое чувство, какъ у не очень еще старой матери къ молоденькому сыну, только что вышедшему изъ заведенія. Никакой непріятной тревоги, никакихъ особаго рода волненій — ничего. Тихая и теплая забота. Няньчиться она можетъ теперь вдоволь, и уже не такъ, какъ со Стасенькой,—гораздо нѣжнѣе. Да и разница есть. Тотъ—усталый, надорванный; хорошо, если опять не собьется; а этотъ—молодой, ничѣмъ еще не тронутъ.

И какъ онъ ведетъ себя въ классѣ съ дѣвицами! Точно самъ дѣвица. Хоть и купеческаго рода, а деликатность у

него удивительная. Ариша Веселкина такъ на него и напираетъ; тонъ у нея ужасный, а у него каждое слово мягко и съ достоинствомъ. Если бы и другое чувство имѣть къ нему, то и тогда нечего было бы ревновать.

На этой мысли Прасковья Ермиловна задумалась. Въ квартирѣ стояла полная тишина. Ковринъ былъ въ гостяхъ. Сквозь двойныя рамы изрѣдка слышалось, какъ проѣзжаютъ сани.

Съ вечера дверь въ сѣни запиралась. Затрещалъ воздушный звонокъ. Прасковья Ермиловна положила перо и закрыла книгу. Она не зажгла другой свѣчи, она боялась свѣта, чтобы опять не разболѣлась голова, а только переставила ее на другой столъ и подумала:

„Чаю ему надо. Нынче большой морозъ. Навѣрно прозябъ“.

Крупениковъ прислалъ сначала горничную узнать, можно ли видѣть Прасковью Ермиловну. Вошелъ онъ на цыпочкахъ, съ шапкой въ рукѣ. Съ морознаго воздуха отъ лица его пышѣло свѣжестью. Глаза весело блестѣли.

— Холодно вамъ отъ меня?— бережно спросилъ онъ и остановился въ дверяхъ.

Она пригласила его сѣсть поближе и поцѣловала въ голову, когда онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Ну, что?— окликнула она. — Хорошенькое есть что-нибудь?

— Помилуйте! Такая удача!..

— Что такое? — радостно вскричала она и поднялась съ кресла.

— „Русланъ“ долженъ былъ идти, — началъ Крупениковъ; онъ торопился и глоталъ слова.—А баянъ-то и захворай...

— Вы вызвались?

— Я-съ! У меня что-то было этакое... какъ бы сказать—предчувствіе...

— Бываетъ!

— Именно предчувствіе... Я вѣдь не занятъ... Думалъ уходить, да очень ужъ я первый актъ люблю.

— Еще бы! Дивно!

Они не перебивали другъ друга; восклицанія Прасковьи Ермиловны шли рядомъ съ его прерывистымъ разсказомъ.

— Вдругъ помощникъ режиссера бѣжитъ: стрѣлся со мной около уборныхъ—„Крупениковъ, говоритъ, режиссеръ

спрашиваетъ, можете вы сразу баяна?“ Я, только, знаете, головой кивнулъ, даже ничего не сказалъ и прямо бѣгу одѣваться. Въ груди у меня все ходуномъ ходитъ! Ахъ, голубушка!—вырвалось у него, — ни съ чѣмъ это нельзя сравнить! И страхъ, и томитъ тебя, и въ глазахъ круги, и сладко такъ, кажется, ни за какія бы сокровища никому не уступилъ. Вотъ какъ-съ. Явись тотъ, выздоровѣй вдругъ—я бы, кажется, тутъ на мѣстѣ повалился.

— Полно, полно... Антоша!

Отъ волненія она начала ему говорить „ты“.

— Ну-съ, аннонсъ сейчасъ сдѣлали. Въ публикѣ зашикали при моемъ имени. Каково это? А я ужъ сижу въ костюмѣ...

— За гуслями?

— Да, за гуслями. Всѣ слышатъ; за большимъ-то столомъ, гдѣ сидятъ наши набольшіе-то, пересмѣхнулись. У меня въ головѣ совсѣмъ померкло. Хористы, хористки, точно рожи мнѣ строятъ.

— Что ты это? Богъ съ тобой!..

— Ей-же-ей, рожи строятъ. Я ни живъ, ни мертвъ... Однако...

— И успѣхъ?! — порывисто перебила она его и схватила за обѣ руки.—Успѣхъ?..

— Заставили повторить-съ! Никогда этого не бывало! Пріемъ такой!

Онъ не договорилъ, испугался, что расплачется.

Прасковья Ермиловна обняла его и поцѣловала въ лобъ. Крупениковъ приникъ къ ея плечу. И что-то въ немъ заходило. Ужасная, почти нестерпимая радость подмывала его. Онъ держалъ ее и цѣловалъ. Ему надо было вылить въ горячихъ ласкахъ всю свою душу. Онъ забылъ, что она годится ему въ матери. Все въ ней, въ эту минуту, было для него дорого и привлекательно. Сладкое томленіе смѣнило тотчасъ же порывъ бурной радости. Благодарность душила его...

— Родная! — повторялъ онъ, — милушка моя! Люблю тебя... люблю!

И продолжалъ цѣловать ея руки, голову, плечи. Она ушла вся въ этотъ взрывъ. Ничего подобнаго она не помнила. Женщина проснулась въ ней...

Черезъ полчаса она сидѣла съ нимъ рядомъ и обводила его блаженнымъ взглядомъ, а правой рукой гладила по волосамъ.

Онъ все еще пылалъ. То встанетъ и начнетъ прыгать по комнатѣ, то схватитъ ее за талію и цѣлуетъ, то повторяетъ какое-нибудь одно слово или смѣется, по-дѣтски глядя на нее влажными глазами.

Она и не взвидѣла, какъ онъ сдѣлался ея любовникомъ. Даже когда онъ ушелъ, поздно, во второмъ часу, и она, по своей привычкѣ, засвѣтила лампадку и начала, стоя, креститься,—Прасковья Ермиловна точно забыла, что случилось два часа передъ тѣмъ.

XVI.

Недѣли черезъ двѣ, утромъ, послѣ своего урока, Крупениковъ завернулъ къ Коврину посидѣть. Музыкантъ сейчасъ же замѣтилъ, что теноръ пришелъ къ нему не спроста: лицо у него было слишкомъ возбуждено.

Въ эти двѣ недѣли онъ еще разъ пѣлъ въ „Русланѣ", но за болѣзнью: партіи ему еще не давали; обѣщали только, что онъ будетъ чередоваться. Прасковья Ермиловна еще сильнѣе тронула его своимъ поведеніемъ. На другой день, когда они остались вдвоемъ, она ему сказала:

— Антоша! ты себя не обманывай! Ну, сердце у тебя переполнилось... Я этимъ не воспользуюсь. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ стукнуло.

Онъ только цѣловалъ ея руки. Она заплакала и сразу повѣрила въ свое счастье. Потребность въ мужской любви и ласкѣ еще глубоко сидѣла въ ней. Прежній горькій опытъ сразу забылся.

Наружно все пошло по-старому. Она говорила ему „ты, Антоша", совершенно такъ, какъ и Коврину. Но Крупениковъ очень ужъ сіялъ, когда они бывали втроемъ; то и дѣло поглядывалъ на Прасковью Ермиловну, цѣловалъ у ней руки и называлъ „мамашей". Дней черезъ десять, Ковринъ сталъ какъ будто догадываться, но врядъ ли онъ предполагалъ, что дѣло дошло до полнаго сближенія.

— Что скажете, голубчикъ? — встрѣтилъ его Ковринъ обычнымъ вопросомъ.

Онъ пилъ кофей и покуривалъ. Никакихъ намековъ на отношенія тенора къ Скакуновой онъ не желалъ дѣлать. Крупениковъ, потирая руки, потоптался немножко на одномъ мѣстѣ, потомъ присѣлъ къ столику, на которомъ стоялъ стаканъ кофею, и наклонилъ голову.

— По душѣ хочется поговорить съ вами, Евстафій Петровичъ.

— Что жъ мѣшаетъ?

— Я вамъ вѣрю и уважаю васъ; вы—человѣкъ истинно христіанскаго...

— Полноте. Что за акаѳистъ! — перебилъ его Ковринъ и разсмѣялся.

— Да такъ-съ. Евстафій Петровичъ, вы меня не выдадите. Объ такой женщинѣ надо благоговѣйно... Тутъ не слабость или вожделѣніе...

Крупениковъ запутался и покраснѣлъ до ушей.

— Вы не волнуйтесь, Антонъ Сергѣичъ!

Ковринъ взялъ его за руку. На рѣсницахъ Крупеникова блестѣли слезы. Онъ весь вздрагивалъ.

— Простите, — бормоталъ онъ. — Я не могу хладнокровно. Сколько эта женщина во мнѣ чувства вызвала. И какое я къ ней имѣю обожаніе... ей-Богу! Мнѣ будетъ за нее до смерти обидно, если теперь кто-нибудь... вы меня понимаете, Евстафій Петровичъ?

— Полюбилась вамъ Прасковья Ермиловна?—спросилъ музыкантъ вполголоса. — Что жъ? Тѣмъ лучше. Субординація, мой милый Антонъ Сергѣичъ, еще скорѣе пойдетъ.

— Охъ, не извольте шутить, Евстафій Петровичъ, не извольте! Жизнь моя совсѣмъ преобразилась. Только Прасковья Ермиловна и научила себя понимать, и все, что артисту нужно...

Онъ опять сталъ путаться. Коврину сдѣлалось его жаль.

— Успокойтесь, голубчикъ. Я за васъ докончу. Вы полюбили ее. Ну, что жъ! она это оцѣнитъ. Она и теперь, кажется, уже оцѣнила. Во всѣхъ женщинахъ, душа моя, благодарность есть, а ужъ кольми паче въ женщинахъ на возрастѣ, которымъ давно пятый десятокъ идетъ.

— Нѣтъ-съ! Зачѣмъ же такъ-съ? Для меня въ настоящій разъ судьба рѣшается...

Краска мгновенно пропала съ лица Крупеникова. Онъ всталъ и затоптался около кресла, гдѣ сидѣлъ Ковринъ. Волненіе его все росло.

— Что же, наконецъ, вы у меня, дружище, спрашиваете? Что вы хотите дѣлать? Въ любви ей объясняться?

— Этого совсѣмъ не надо-съ!..

— Значитъ, что же?

— Евстафій Петровичъ! — порывисто заговорилъ Крупениковъ,—вы меня ввели сюда, вамъ я всѣмъ обязанъ.

Поддержите меня и въ этомъ разѣ. Онѣ, — онъ уже перестал называть ее по имени,— въ своемъ благородствѣ думаютъ, что мнѣ впослѣдствіи въ тягость будутъ. Но неужели же одно тѣло-съ? А душа-то, ничего нешто не значитъ? Душа-то? А какой же еще души искать? Опять же кому? Артисту!

Ковринъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло. Его добрыя губы сложились въ усмѣшку съ другимъ выраженіемъ.

— Вы, стало-быть,—медленно и почти шопотомъ спросилъ онъ, — руку ей предложить хотите, а можетъ, и предложили ужъ?

— Зачѣмъ такъ выражаться, Евстафій Петровичъ! — вскрикнулъ Крупениковъ и заходилъ по комнатѣ.—Руку! Такъ только на театрѣ говорятъ. Руку! Что же такое моя рука? Или мое имя? Я еще ничего не значу. Можетъ, и вообще-то объ себѣ черезчуръ много возмечталъ! Не руку, а всю душу... Какъ сынъ любящій! Больше! До гроба!

Ковринъ поднялся съ кресла, подошелъ къ Крупеникову, положилъ ему на плечи обѣ руки и долго на него глядѣлъ.

— Вы это серьезно, голубчикъ?—съ удареніемъ выговорилъ онъ.

— А то какъ же-съ, Евстафій Петровичъ?—громко дыша и поводя глазами, спросилъ тотъ.

— Ну, такъ я васъ долженъ остановить,—сказалъ Ковринъ. — Вы хотите быть мужемъ Прасковьи Ермиловны? Если она сама отказывается, цѣлую ея ручки. Это доказываетъ, что я въ ней не ошибался. Она не хочетъ губить васъ.

— Губить-съ?!.

Крупениковъ истерически захохоталъ.

— Да, губить! — повторилъ музыкантъ. — Вы— юноша, вамъ есть ли двадцать пять?

— Что̀ значатъ года, Евстафій Петровичъ? Неужели въ нихъ сила?

— Выдвинуть васъ, направить, развить, особенно практически — да, на это нѣтъ лучше Прасковьи Ермиловны; но вамъ теперь взять въ жены чуть не пятидесятилѣтнюю женщину?.. Душа моя, я при одной мысли за васъ трепещу! И прощайтесь со всѣмъ: со свободой, съ голосомъ, съ карьерой, съ поэзіей жизни! Это ужасно!..

— А это какъ же-съ? — перебилъ его Крупениковъ и, схвативъ за обѣ руки, близко приставилъ къ его лицу свое лицо,—это какъ же будетъ, по-вашему, Евстафій Петровичъ: видѣть доброту, ласку, заботу, попеченіе... ходъ вамъ доставили... настоящая дорога передъ вами... все это взять себѣ, такъ, значитъ, здорово-живешь? Пить-ѣсть, какъ сыръ въ маслѣ кататься, а потомъ и пошла вонъ, когда ты мнѣ больше не годна! Другія найдутся, помоложе!.. Это нешто честно? Вы мнѣ такъ, значитъ, совѣтуете? Полноте! Я васъ слишкомъ высоко ставлю! Вы это, Евстафій Петровичъ, обмолвились!

XVII.

Голосъ Крупеникова поднялся до самыхъ высокихъ нотъ. Когда онъ договаривалъ, въ комнату вошла Прасковья Ермиловна.

Ковринъ увидалъ ее первый. Она могла слышать послѣднія фразы. Лицо ея было полуиспугано. Крупениковъ оглянулся, выпустилъ руки Коврина и отскочилъ въ сторону. Но это была одна секунда. Онъ поднялъ голову и такъ же горячо, какъ говорилъ Коврину, обратился и къ ней:

— Вотъ, голубушка, я Евстафію Петровичу, какъ нашему общему другу, открылся и просилъ его содѣйствія. Пожалуйте сюда. Прошу васъ покорнѣйше.

Прасковья Ермиловна медленно подвигалась и съ недоумѣніемъ поглядывала на обоихъ. Но она начинала уже догадываться.

— Да зачѣмъ же сейчасъ? — началъ было Ковринъ шутливымъ тономъ.

— Нѣтъ, позвольте, Евстафій Петровичъ!—стремительно перебилъ его Крупениковъ,—позвольте ужъ мнѣ говорить. Это для меня—первое, святое дѣло! Вотъ при васъ—вы намъ другъ—при васъ я всего себя, всю свою душу полагаю передъ Прасковьей Ермиловной и прошу ихъ поручить мнѣ свою жизнь... до гроба!

Слезы душили его. Прасковья Ермиловна взяла его за локоть и начала материнскими звуками:

— Полно, Антоша, очень ужъ ты нервенъ. Твое чувство ко мнѣ я вижу. И Стасенька видитъ его. Что̀ я такое для тебя сдѣлала? Не возноси ты меня сверхъ мѣры...

— Позвольте,—перебилъ онъ ее, сдержавъ слезы, и даже

отвелъ ея руку. — Я при Евстафьѣ Петровичѣ говорю: дайте успокоеніе душѣ моей! Высокую честь окажите мнѣ. Будемъ любить другъ друга, чтобы всѣмъ въ глаза прямо смотрѣть. Лучше ничего не можетъ быть на свѣтѣ! И я каждому скажу, что блаженнѣе меня нѣтъ на свѣтѣ человѣка! И передъ всѣми я гордиться буду, что супруга моя—такая особа, какъ Прасковья Ермиловна!..

Онъ громко заплакалъ и упалъ ей на плечо. Прасковья Ермиловна стояла съ опущенными глазами. Все лицо ея слегка вздрагивало. Ковринъ смущенно смотрѣлъ вбокъ. Онъ не зналъ, что̀ сказать. Сцена получила такой поворотъ, что у него не хватило духа заговорить въ такомъ же тонѣ, какъ до прихода Скакуновой. А онъ чувствовалъ, что дѣло близится къ кризису, что эта женщина не устоитъ, тутъ же, на глазахъ его, свяжетъ по рукамъ бѣднаго, нервознаго малаго, доведеннаго до энтузіазма мягкой заботливостью няньки. Еще минута—и человѣкъ погибъ.

„А можетъ,—подумалъ онъ,—ему лучше и не надо?“

Прасковья Ермиловна отдѣлилась немного отъ Крупеникова и протянула руку Коврину.

— Что̀ же, Стасенька, — сказала она, — тебѣ теперь все извѣстно. Я не соглашалась, да видно Богъ велитъ! Будь нашимъ духовникомъ. При тебѣ Антоша проситъ меня быть его женой, при тебѣ я и отвѣтъ даю... послѣдній! Отказать ему я не могу. Ему хочется, чтобы мы оба добрымъ людямъ прямо въ глаза смотрѣли. Онъ на это имѣетъ право — такъ ли? Ты бы на его мѣстѣ такъ же поступилъ. Остается — мои года... Я ихъ не скрываю. Я на двадцать лѣтъ его старше.

Крупениковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ну, хорошо, не буду говорить. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Краситься и сурмить брови я, Антоша, не хочу... Вотъ, при Стасенькѣ говорю: сколько пролюбишь меня, столько и буду тебѣ женой. А потомъ въ матери гожусь... Стѣснять тебя не стану: у меня разумъ есть. Пережди, не возноси меня на облака. Протрезвись, а потомъ ужъ и дѣйствуй.

— Ничего я не желаю, кромѣ того, чтобы вамъ передъ Господомъ Богомъ клятву принести!—выговорилъ Крупениковъ, обнялъ сперва Прасковью Ермиловну, а потомъ и Коврина.

Музыкантъ совсѣмъ оторопѣлъ. Теперь ужъ говорить

ему нечего, послѣ словъ самой Прасковьи Ермиловны. Разумѣется, этотъ пылкій паренекъ полѣзетъ къ вѣнцу на будущей недѣлѣ.

— Мамочка!—крикнулъ Крупениковъ,—надо спрыснуть чѣмъ ни на есть.

Купеческая натура проснулась въ этомъ возгласѣ.

— Не рано ли?—пошутила Прасковья Ермиловна тронутымъ голосомъ.

— Фриштикъ маленькій! Вѣдь не въ трактиръ же намъ идти съ Евстафіемъ Петровичемъ! Вы сами не допустите.

— Ну, приходите въ столовую, — еще веселѣе сказала она и поцѣловалась даже съ Ковринымъ.

Когда мужчины остались одни, Ковринъ развелъ руками.

— Батюшка! Что же вы это меня какъ подвели? — спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ Крупениковъ разразился хохотомъ и хохоталъ минуты двѣ.

— Вотъ-съ каковы мы!—пополамъ со смѣхомъ заговорилъ онъ, бѣгая и почти прыгая по комнатѣ. — Только вы не сердитесь! Судьба, Евстафій Петровичъ, судьба! Я какъ началъ, вошелъ въ полное чувство, а въ эту самую минуту отворяется дверь — и Прасковья Ермиловна собственной особой! Ну, я и продолжалъ. Вы—другъ и благородный свидѣтель. На нее это сразу подѣйствовало!

И онъ опять разразился. Отъ этого хохота Коврина начало даже коробить.

— Ну, голубчикъ,—съ нѣкоторой горечью сказалъ онъ,— я мерзко поступилъ, опѣшилъ...

— Это что же вы опять?

— Нѣтъ вамъ моего благословенія. Пользуйтесь минутой, одумайтесь! Она сама даетъ вамъ передышку, не затягивайте петлю...

— Шутники вы, Евстафій Петровичъ! — снова захохоталъ Крупениковъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

„Самъ лѣзетъ—можетъ, такъ и нужно“,—подумалъ музыкантъ ему вслѣдъ.

XVIII.

„Молодые“ жили уже больше мѣсяца. Когда Прасковья Ермиловна, за нѣсколько дней до свадьбы, стала устраивать по-новому свое помѣщеніе, она увидала, что хоро-

шаго кабинета не выкроишь для „Антоши“ ни изъ комнатки около слоловой, гдѣ сложены были разныя старыя вещи, ни изъ одной изъ учебныхъ комнатъ: и безъ того классы помѣщались тѣсновато. Приходилось потревожить „Стасеньку“.

Она сказала это Коврину деликатно и, притомъ, совершенно по-пріятельски.

— Ты понимаешь, голубчикъ, — пояснила она, — мнѣ вѣдь передъ нимъ совѣстно—въ матери ему гожусь! Ужъ кому-кому, а тебѣ признаюсь: къ свѣтлому празднику мнѣ сорокъ шесть стукнетъ, слишкомъ на двадцать лѣтъ его старше. Онъ мнѣ метрику свою показывалъ. Надо его понаряднѣе помѣстить. А отъ насъ изъ дому я тебя не пущу...

— Я бы могъ только столоваться, — замѣтилъ было Ковринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что... теперь-то тебѣ и надо при мнѣ быть! Ты ужъ не обижайся!

И она была права. На Коврина раза два въ годъ нападала хмурость, нервозность какая-то, признаки возврата его слабости. Прасковья Ермиловна отлично изучила это. Онъ и вообще-то сталъ ёжиться и съ ней, и съ ея женихомъ. Еще разъ пробовалъ Ковринъ образумить тенора. Тотъ обидѣлся и попросилъ его объ этомъ болѣе „не разговаривать“. Скакунова почувствовала сама, что онъ отговаривалъ Крупеникова жениться на ней, но она не обидѣлась, сказала даже ему, что она съ нимъ согласна, „да отказаться-то нѣтъ силы—все ей бы пожить хочется“.

Однако, Ковринъ принялъ за охлажденіе къ нему свое перемѣщеніе изъ большой и удобной комнаты на улицу въ тѣсноватый кабинетикъ, гдѣ еле-еле ютилось въ углу роялино, а кровать заставлена была ширмами. Это переселеніе разомъ подавило музыканта. Точно съ свѣтлыми полосами зимняго дня ушло и душевное довольство въ комнатѣ съ окнами на дворъ, упиравшимися въ темно-коричневую стѣну. Разговорчивость его пропадала. За столомъ онъ больше жаловался на то, что не работается, на тяжесть въ желудкѣ, на головныя боли, на холодъ. Прасковья Ермиловна старалась завести общій разговоръ, шутила, потчивала его даже „херескомъ“. Но Ковринъ не поддавался. Ей хотѣлось, чтобы онъ съ ея мужемъ выпили на „ты“. Она объ этомъ раза два заговаривала. Ковринъ уклонялся. Даже не совсѣмъ ловко ей начало дѣлаться.

Вѣдь Антоша могъ подумать, что Ковринъ былъ съ нею въ связи, а теперь дуется. Она полу-шутя, полу-серьезно, заговорила и объ этомъ съ мужемъ. Онъ чуть не разсердился, какъ она можетъ предполагать, что онъ способенъ заподозрить ее въ такомъ „срамѣ"? Коврину, по его толкованію, просто непріятно, что онъ былъ противъ ихъ брака — и больше ничего. Прасковья Ермиловна и успокоилась на этомъ. Она видѣла, до какой степени ея Антоша „блаженствуетъ". Чистота его души умиляла ее. Онъ тѣшился, какъ малое дитя, прибѣгалъ къ ней со всякой малостью, ни одному помыслу своему не давалъ ходу, не спросившись у ней. Никогда никто изъ тѣхъ, кого она любила, не отдавался ей, съ первыхъ же дней, съ такой безотвѣтностью. Она плавала. Нянька, учительница, мать и возлюбленная — все въ ней было глубоко удовлетворено.

Она замѣтно посвѣжѣла. Желтоватый цвѣтъ пухлыхъ щекъ побѣлѣлъ и по утрамъ игралъ слабымъ румянцемъ. Шея налилась и блестѣла. Въ глазахъ появилась игривость, особенно, когда она шутила съ своимъ Антошей. Волосами она стала заниматься гораздо старательнѣе прежняго, спустила косу, въ видѣ завитого жгута, на шею, и перевязывала темнымъ бантомъ. Рядомъ съ мужемъ, когда они сидѣли утромъ за завтракомъ, она совсѣмъ не смотрѣла пожилой женщиной. Если бъ не ея толщина, ей бы никто не далъ больше тридцати двухъ-трехъ лѣтъ. Ея Антоша, при его плотномъ сложеніи и съ волосами, рѣдѣющими на лбу, не кололъ ей глаза молодостью. Ему легко было дать столько же лѣтъ. И къ школѣ бракъ Прасковьи Ермиловны какъ-то хорошо пришелся. Никто, ни учителя, ни ученицы, этому не удивились. Ужъ она бы замѣтила! Антошу всѣ очень полюбили, особенно въ старшемъ классѣ. Даже Ариша Веселкина — на что ужъ сорванецъ — и та не позволила себѣ никакихъ шуточекъ. И все такъ повеселѣло, точно на праздникахъ. Погода стоитъ ясная, съ легкими морозами; проѣдется Прасковья Ермиловна, нащиплетъ ей щеки — она еще помолодѣетъ, и придетъ въ классъ; дѣвицы всѣ франтоватыя, учатся гораздо лучше прежняго, каждой хочется понравиться ея Антошѣ. Ей извѣстно, что двѣ ужъ по немъ „страдаютъ". Это смѣшитъ ее. Прежде она, къ концу дня, утомлялась, часто дѣлала выговоры, чувствовала, что ею тяготятся, а чуть она за дверь — пере-

дразниваютъ ее. Теперь у ней со всѣми большіе лады. Въ три недѣли не пришлось ей ни одного замѣчанія сдѣлать. Ни нервныхъ припадковъ, ни одышки, ни безсонницы, ни раздраженія — ничего! Стала она себя сравнивать съ невиннымъ младенцемъ — такъ у ней на душѣ чисто и радостно. И не одного Антошу она жалѣетъ. Кому можетъ помочь—всѣмъ готова она протянуть руку. Еще недавно, передъ этой встрѣчей, она часто роптала, полегоньку становилась суше, думала о копейкѣ на черный день, внутренно, про себя, начинала глядѣть на людей, какъ на такое отродье, противъ котораго надо всегда держать камень за пазухой; а теперь кто хочешь приди! Ей хотѣлось бы дѣлать больше добра, быть еще ласковѣе, всѣхъ пригрѣть.

Вотъ поэтому-то хмуростъ и замкнутость Коврина стали ее не на шутку огорчать. Выпроводить его она вовсе не желаетъ. Она нужна ему: это — ея твердое убѣжденіе. Вѣдь она его держитъ не изъ корыстныхъ видовъ. Положимъ, онъ—даровитый музыкантъ и преподаватель не плохой. Да вѣдь Петербургъ, по музыкальной части, не клиномъ сошелся. Учителя она сейчасъ же добудетъ на его мѣсто. Но ей *слѣдуетъ* довести его до того, чтобы онъ что-нибудь крупное написалъ: симфонію или концертъ фортепьянный, романсовъ бы нѣсколько, а то и оперу. А въ такомъ съёженномъ настроеніи не долго и до взрыва задремавшей страсти.

Она разсудила — переждать и тайно производить надзоръ. Денегъ онъ не проситъ. И то хорошо. Антоша, по своей голубиной добротѣ, тоже перетерпитъ. При случаѣ, можно будетъ и наставленіе ему дать, какъ вести себя съ Ковринымъ.

XIX.

Мужа Прасковьи Ермиловны и въ театрѣ, и вездѣ, гдѣ она съ нимъ показывалась, изъ „господина Крупеникова“ перевели уже въ „Антона Сергѣича“. Жена, дѣловая женщина, приподняла его сейчасъ же въ глазахъ начальства, отчасти товарищей, разныхъ устроителей концертовъ, клубныхъ антрепренеровъ. Въ газетахъ были о немъ сочувственные отзывы. Одинъ репортеръ напалъ на дирекцію за то, что она выпускаетъ такого симпатичнаго и свѣжаго пѣвца только за болѣзнью другихъ и въ маленькихъ партіяхъ. Заговорилъ о немъ печатно и Купо-

росовъ, по-своему, прикрикнулъ въ видѣ предостереженія, чтобы онъ—Боже избави—не увлекался однимъ итальянскимъ сладкозвучіемъ, а готовилъ бы себя къ созданію русскаго лица въ оперѣ кого-нибудь изъ молодыхъ русскихъ композиторовъ. И этотъ окрикъ подѣйствовалъ. Особенно онъ понравился самому Крупеникову. Прасковьѣ Ермиловнѣ не нужно было даже усиленно хлопотать и подмасливать. Ея Антоша пошелъ, полегоньку, въ ходъ. Въ двухъ большихъ благотворительныхъ концертахъ Крупеникова заставили повторять, студенты кричали и вызывали его до десяти разъ. Ему тутъ же было сдѣлано предложеніе: пѣть въ одномъ клубѣ, каждую недѣлю, за очень хорошую плату. Онъ спросился Прасковьи Ермиловны. Она посовѣтовала пропѣть всего разъ, меньше ста рублей не брать, а отъ остальныхъ вечеровъ отказаться.

— Не мозоль, Антоша, глаза публикѣ до тѣхъ поръ, пока не ступишь твердой ногой на сцену.

Совѣтъ этотъ онъ принялъ съ благодарностью и высокимъ почтеніемъ, какъ и все остальное, чему она его учила.

Вся внутренняя жизнь артиста ушла въ немъ на подготовленіе себя къ тому желанному „лицу“, какое онъ долженъ былъ не нынче—завтра создать. Онъ вѣрилъ, что день этотъ настанетъ, и даже, быть-можетъ, скоро: завтра, послѣзавтра. И все сильнѣе замирало въ немъ сердце. Случалось не спать напролетъ ночей, рядомъ съ женой, спавшей, какъ убитая. Эта новая большая партія должна была доказать, что такая женщина, какъ Прасковья Ермиловна, не даромъ выбрала его, не даромъ отличили его и поощряли его такіе люди, какъ Ковринъ и „самъ“ Купоросовъ. Не къ руладамъ своимъ прислушивался онъ, когда упражнялся по утрамъ, не къ чистотѣ нотъ верхняго и средняго регистра, а къ чему-то особенному въ груди и въ мозгу. Онъ не зналъ и предвидѣть не могъ, какого „паренька“ придется ему создавать на сценѣ: будетъ ли это какой-нибудь князь, въ такомъ родѣ, какъ въ „Русалкѣ“, или витязь, или опричникъ, или мужичокъ? Надо было готовить разные бытовые пріемы: такъ ему твердили всѣ музыканты новой школы. Какіе это пріемы?—онъ понималъ смутно, но душой чувствовалъ, что въ немъ накапливаются они. Въ головѣ его мелькали разныя оперныя сцены. Вотъ онъ ведетъ любовный речи-

гативъ съ боярышней подъ кустомъ рябины. На немъ шитый галунами бархатный кафтанъ. Онъ будетъ стоять вотъ такъ, по-своему, а не такъ, какъ стоятъ тенора, приложивъ руку къ четвертому лѣвому ребру и растопыривъ ноги. Свою возлюбленную обниметъ онъ тоже по-своему, не тогда только, когда имъ нужно пѣть одну фразу, — какъ это дѣлаютъ всѣ пѣвцы на свѣтѣ. Нѣтъ! У него игра будетъ на первомъ планѣ. Не станетъ онъ ни растягивать фермàтъ на итальянскій фасонъ, ни подкатывать глаза подъ лобъ, ни разводить руками. Онъ уйдетъ совсѣмъ въ то, про что онъ поетъ. Или вотъ онъ приходитъ къ колдуну. Нечистая сила пахнула на него. Волосы у него дыбомъ, воротъ рубахи распахнутъ, зрачки расширены, голову его качаетъ въ разныя стороны. Все это онъ можетъ исполнить. Въ душѣ его ужасъ и смертная тоска. Голосъ перехватываетъ. Это не теноровые звуки, а стоны. Онъ прерывисто говоритъ подъ музыку; мелодія сливается съ дикціей. Такъ и слѣдуетъ; этимъ онъ и станетъ любъ публикѣ. Тогда только она и оцѣнитъ его. Актеръ въ немъ поднимется на одну высоту съ пѣвцомъ, а то и выше хватитъ.

Кàкъ онъ будетъ произносить речитативы, отдѣльныя слова, возгласы, цѣлыя мелодіи, онъ ужъ это теперь чувствуетъ, только никто еще не подложилъ ему такихъ нотъ, никто не даетъ текста. Изъ стараго репертуара онъ не хочетъ повторять теноровыхъ партій, боится впасть въ обезьянство. Въ нихъ ничего уже создать нельзя. Возьмешь ноту—и сейчасъ передъ тобой такой-то, какъ живой, встанетъ: видишь его позу, лицо, какъ онъ голову закидываетъ назадъ, слышишь, какъ растягиваетъ слова или развиваетъ мелодію. Не сбросишь съ себя чужого образца! Только въ чемъ-нибудь своемъ, совсѣмъ новомъ, и можно самого себя понять, добиться своего собственнаго облика. Потому-то вездѣ, и у насъ, и за границей, и бьются за новую партію, новую роль, въ комедіи, въ драмѣ, въ опереткѣ, въ серьезной оперѣ: — душатъ другъ друга подвохами, какъ голодные псы, вырываютъ другъ у друга лакомый кусокъ; женщины собой торгуютъ, любовниковъ у другихъ отбиваютъ, подкупаютъ режиссеровъ, передъ начальствомъ ползаютъ, унижаются. А удастся попасть въ любимцы публики, даютъ взятки, алчно слѣдятъ, какъ бы кто изъ начинающихъ не выдвинулся впередъ.

Противно все это! Онъ хочетъ быть чистъ, какъ агнецъ. Если онъ на что способенъ, пускай это оцѣнятъ публика и критика. Только дайте ему заявить себя.

Цѣлыми ночами думаетъ онъ объ этомъ. И вдругъ ему станетъ страшно. А какъ онъ схватитъ болѣзнь и въ одну недѣлю умретъ? Въ Петербургѣ легче всего: и тифъ, и дифтеритъ, и оспа. Умирать въ такіе годы... Онъ весь затрясется и прильнетъ къ Прасковьѣ Ермиловнѣ, разбудитъ ее, приласкается, какъ маленькій. И тотчасъ у него отляжетъ, пройдетъ всякій страхъ. Съ ней онъ не можетъ умереть такъ рано. Не дастъ она въ обиду никому, не позволитъ и болѣзни сломить его, вылѣчитъ, выходитъ.

Онъ кидался цѣловать у ней руки и повторялъ:

— Не умру я зря! Добьюсь я своего! Поймутъ меня, поймутъ!

XX.

Мечты сбылись — и свыше всякихъ чаяній. Пріѣхалъ композиторъ изъ Москвы ставить новую оперу. Прасковья Ермиловна давно въ знакомствѣ съ нимъ. Интригъ много было противъ Антоши. Однако, композиторъ самъ выбралъ. Потомъ былъ у нихъ съ партіей, прослушалъ нѣсколько номеровъ и сказалъ:

— Лучше мнѣ не надо. Вы отлично попали въ тонъ. Теперь только разработайте.

Когда остались они вдвоемъ съ Прасковьей Ермиловной, Крупениковъ весь дрожалъ отъ радости. Глаза у него такъ запрыгали, что она встревожилась, стала его поить холодной водой и компрессъ положила на голову.

— Этакъ нельзя,—повторяла она,—ты уходишь себя, Антоша!

— Мамочка! — возбужденно шепталъ онъ, — вы только поймите: хорошую, новую партію далъ самъ композиторъ! Послѣ обглодковъ-то разныхъ, послѣ того, какъ держали чуть не въ простыхъ хористахъ!

Двѣ ночи напролетъ онъ не могъ спать. Классныя занятія сдѣлались ему тягостны. Онъ попросилъ освободить его на время репетицій новой оперы. Цѣлые дни готовилъ онъ свою партію, по десяти, по двадцати разъ повторялъ одну фразу, ежеминутно бѣгалъ въ комнату жены за совѣтомъ, забѣгалъ и къ Коврину; но тотъ началъ

пропадать. Прасковья Ермиловна качала головой и боялась, что съ музыкантомъ начнется „его болѣзнь“.

Пришелъ день первой репетиціи съ оркестромъ. Лихорадка била Крупеникова. Все у него вылетѣло разомъ изъ головы, какъ только капельмейстеръ палочкой показалъ ему начинать: фразировка, игра, какое слово надо выдѣлить поярче, что брать грудью, что въ ползвука. Нѣсколько секундъ онъ былъ въ ужасѣ, похолодѣлъ, схватился за голову, точно предчувствуя обморокъ. Оркестръ привелъ его въ себя, онъ началъ вспоминать и запѣлъ.

Композиторъ стоялъ въ сторонѣ, не перебивалъ, одобрительно кивалъ головой; капельмейстеръ былъ также доволенъ. До самаго конца своей первой сцены Крупениковъ пѣлъ и говорилъ речитативы „внѣ себя“, что-то его подмывало: онъ уже не видалъ ни палочки дирижера, ни оркестра, не сбился ни въ одномъ полтактѣ. Ему привелось пѣть съ той самой дебютанткой, рослой, широколицей полькой Левандовской, которую Скакунова видѣла за табль-д'отомъ. Онъ съ ней не встрѣчался до этой первой репетиціи. Она путала часто, хватала его за руки, чтобы не сбиться, и въ промежуткахъ говорила:

— Ахъ, какъ вы тверды, ахъ, какъ вы тверды!..

Остальные исполнители шли кое-какъ, плохо еще знали текстъ; многое вели безъ всякой игры, не желали понапрасну уставать. Крупениковъ ничего этого не замѣчалъ.

Въ антрактѣ композиторъ поблагодарилъ его, но посовѣтовалъ „не тратиться на пробахъ черезъ мѣру“.

Онъ слушалъ и не вѣрилъ, что у него вышло что-нибудь порядочное. Въ остальныхъ актахъ съ нимъ дѣлалось то же самое: такъ же позабывалъ все передъ тѣмъ, какъ ему начинать—и разомъ точно что прорывалось въ немъ. Домой онъ пріѣхалъ совсѣмъ мертвый отъ усталости. Прасковья Ермиловна должна была уложить его въ постель. Ночью онъ бредилъ. Безпокойство его росло съ каждой новой репетиціей. Онъ ничего не ѣлъ за столомъ. Его мучила жажда; но онъ не смѣлъ пить за обѣдомъ вино. Въ театрѣ, на пробахъ, онъ спрашивалъ у всѣхъ, вплоть до помощника режиссера, до суфлера, до простыхъ хористовъ: какъ у него идетъ, не провалится ли онъ со срамомъ на первомъ представленіи?

Композитору стало его жаль. Онъ нѣсколько разъ его

успокаивалъ и отводилъ въ сторону, прося поберечь свои силы для спектакля.

— Поймите, Христа ради!—со слезами въ голосѣ говорилъ ему Крупениковъ,—вѣдь это на всю жизнь дорога! Вѣдь такой партіи двадцать лѣтъ ждутъ, да не выпадетъ такой удачи! Вы меня выбрали, вы мнѣ оказали довѣріе, искру во мнѣ открыли; а я буду такъ себѣ, неглиже съ отвагой попѣвать?!

— Не очень усердствуйте! — повторялъ ему композиторъ.—Ваша жена вамъ то же скажетъ!

— Она по добротѣ и любви своей! Но вы меня поймите!

Надъ его возбужденностью, страхомъ и волненіемъ начали подтрунивать даже хористы. Пѣвецъ-баритонъ, исполнявшій главную роль, обрѣзалъ его при всѣхъ:

— Что это вы, Крупениковъ, точно съ писаной торбой, съ партіей вашей носитесь!..

Онъ промолчалъ, но поблѣднѣлъ и затрясся.

„Дуракъ я, дуракъ съ торбой, — повторялъ онъ про себя.—Ладно!.. Вотъ мы увидимъ!..“

И неувѣренность въ себѣ, страхъ перваго спектакля росли въ немъ съ каждымъ часомъ. Его партнерка-полька шутливо подзадоривала его и все приглашала хорошенько кутнуть.

— Какъ?—почти съ ужасомъ спросилъ онъ ее.

— Да такъ, на тройкѣ... Шампанскаго бутылки двѣ на брата. Послѣ перваго представленія—ужинъ за вами. Слышите: въ „Самаркандъ“!

— Извольте, идетъ!

Но тутъ же его испугала собственная дерзость: собираться кутить, когда можешь съ позоромъ провалиться.

— Знаете что̀, — сказала ему дебютантка, — если вы коньячку не выпьете передъ спектаклемъ, вы упадете въ обморокъ...

Онъ только моталъ головой. Глаза его блуждали. Въ головѣ у него были однѣ мелодіи его партіи. Онъ перебиралъ въ сотый разъ интонаціи, боясь потерять то, что онъ такъ томительно выработалъ.

XXI.

Въ уборной свѣтло. Горятъ газовыя лампы по обѣимъ сторонамъ трюмо. Крупениковъ, полураздѣтый, сидитъ на диванчикѣ и пьетъ зельтерскую воду. У дверей портной

разложилъ костюмъ и что-то притачиваетъ на рукавѣ. Офиціантъ изъ буфета дожидается съ подносомъ и пустой полубутылкой.

Противъ Крупеникова, придерживаясь рукой за край трюмо, стоитъ Прасковья Ермиловна, въ черномъ бархатномъ платьѣ, сильно стянутая, такъ что вся кровь бросилась ей въ лицо. Широкій кружевной воротникъ, съ концами, въ видѣ fichu, лежитъ на ея жирныхъ плечахъ. Лѣвой рукой она обмахивается вѣеромъ съ страусовыми перьями. Она похожа на концертную пѣвицу передъ выходомъ въ залу. Глаза ея блестятъ. *Ея* Антоша дебютируетъ. Онъ тутъ, сидитъ и пьетъ зельтерскую воду; она его довела-таки до карьеры. Одно смущаетъ ея сегодняшнюю радость: Ковринъ „запилъ". Нѣсколько дней она старалась это скрывать, даже отъ мужа. Но Крупениковъ захотѣлъ пригласить его въ ложу, спрашивалъ о немъ— надо было сказать, что онъ пропадаетъ уже четвертый день и приходитъ ночью „совсѣмъ хоть выжми". Такъ выразился о немъ швейцаръ.

Кто-то его поитъ на сторонѣ. Она ему денегъ не даетъ. Но настанетъ такой день, когда онъ запрется у себя и запьетъ уже по-другому.

Безпокоилась она не мало все время репетицій. Антоша совсѣмъ извелся. Но сегодня — конецъ этой лихорадкѣ артиста. Онъ будетъ имѣть большой успѣхъ. Никто въ этомъ не сомнѣвается.

Всѣ имъ заинтересованы. Купоросовъ обѣщалъ цѣлую статью. Вотъ сейчасъ она пойдетъ въ залу, приведетъ его сюда, чтобы онъ сбодрилъ Антошу.

Прасковья Ермиловна остановилась глазами на похудѣломъ и обритомъ лицѣ Крупеникова.

— Зачѣмъ только ты обрился!.. Вѣдь надо же бороду наклеивать?—сказала она ему тономъ материнскаго упрека.—Это будетъ тебя раздражать.

— Ужъ оставьте, мамочка,—отвѣтилъ онъ серьезно и отдалъ стаканъ лакею.— Цвѣтъ волосъ не тотъ совсѣмъ. Не тотъ и человѣкъ. Опять же длиннѣе...

— Привязать...

— Въ привязной бородѣ? Что вы-съ! Готово? — крикнулъ онъ портному.

— Два стежка...

— Позови-ка, голубчикъ, Сашу—парикмахера.

Крупениковъ всталъ и подошелъ къ женѣ.

— Знаете что?—неувѣренно началъ онъ. — Надо вѣдь мнѣ проглотить чего-нибудь крѣпительнаго...

Онъ взглянулъ на нее, какъ на няньку.

— Чего крѣпительнаго?

— Да коньяку... Я боюсь!—шопотомъ продолжалъ онъ.— Въ обморокъ хлопнешься...

— Пустяки, Антоша!—не очень строго выговорила Прасковья Ермиловна.—Ну, стаканъ вина краснаго.

— Не стòитъ, вѣрьте слову... Надо коньяку... Я вѣдь знаю препорцію.

Крупениковъ засмѣялся, какъ мальчикъ, выпрашивающій ложку варенья. Прасковья Ермиловна на минуту затуманилась.

— Право, Антоша, не было бы хуже... Еще собьешься!..

— Для этого именно. А то я не могу секунды пробыть, чтобы не считать тактовъ и не повторять мелодіи... Надо, чтобы у меня и другое что-нибудь въ головѣ явилось...

По ея виду ему кажется, что она согласна.

— Любезный! — кричитъ Крупениковъ лакею. — Принеси-ка сюда еще бутылочку водицы и коньяку!

— Рюмку прикажете?

— Нѣтъ, графинчикъ... рюмки на три.

Официантъ торопливо вышелъ. Прасковья Ермиловна оправила лифъ и взяла мужа за руку.

— Смотри, Антоша, не возбуждай себя очень! Хуже будетъ.

Онъ и самъ не желалъ ничего спиртного. Какъ лѣкарство проглотитъ онъ коньяку, а не то, чтобы такъ, отъ бездѣлья.

Оставшись одинъ, Крупениковъ сѣлъ къ трюмо и началъ гримировать верхнюю часть лица, глаза, брови и носъ. Сейчасъ придетъ парикмахеръ и принесетъ волосы для бороды и парикъ. Волненія онъ что-то не чувствуетъ. Точно онъ увѣренность получилъ въ дѣйствіе трехъ рюмокъ коньяку.

„Меньше двухъ, и основательныхъ, никакъ нельзя“,— рѣшилъ онъ, подводя себѣ брови.

Дверь пріотворили изъ коридора. Просунулась бѣлокурая голова дебютантки Левандовской.

— Вы еще не готовы? — крикнула она. — Сейчасъ звонокъ.

— Успѣю,—смѣлымъ тономъ отвѣтилъ онъ, и самъ удивился, откуда у него такая бодрость.

— А я готова. Помните обѣщаніе?

— Какое?

Онъ совсѣмъ забылъ.

— А на тройкѣ-то? Или вы на попятный, жена не позволяетъ?

— Ну, вотъ еще какія новости! Валимъ!

Такъ онъ ухарски крикнулъ это „валимъ", что не узналъ своего собственнаго голоса.

— Ладно! Со мной два кавалера будетъ.

Она произнесла „кава́лера".

Дверь хлопнула. Рука Крупеникова остановилась на полпути къ щекѣ съ цвѣтнымъ карандашомъ, которымъ онъ гримировался.

Кутежъ! Тройка! „Самаркандъ"! А Прасковья Ермиловна? Съ ней—неловко, она съ незнакомыми мужчинами не поѣдетъ Да и какой же это будетъ кутежъ? А надо. Онъ чувствовалъ, что надо: чѣмъ бы ни кончился вечеръ—успѣхомъ или проваломъ. Безъ попойки, шума, болтовни, ѣзды вскачь, морознаго воздуха на нѣсколько верстъ не переживешь сегодняшняго спектакля — болѣзнь схватишь. Онъ такъ и скажетъ Прасковьѣ Ермиловнѣ. Она пойметъ.

Лакей принесъ коньяку. Пришелъ парикмахеръ. Черезъ четверть часа Крупениковъ былъ готовъ и въ ту минуту, какъ идти на сцену, проглотилъ двѣ большія рюмки.

XXII.

Прасковья Ермиловна запоздала въ залѣ, ждала Купоросова и побѣжала одна на сцену. Она нашла мужа у боковыхъ кулисъ, въ костюмѣ, не сразу узнала его въ парикѣ и бородѣ другого цвѣта, и быстрымъ шопотомъ сказала ему:

— Купоросовъ опоздалъ. Приведу послѣ перваго акта. Съ Богомъ, Антоша! Я пойду въ ложу...

Онъ такъ смѣло готовился къ выходу, что тряхнулъ молодецки головой и кинулъ ей:

— Теперь намъ—море по колѣно!

Помощникъ режиссера крикнулъ:

— Господинъ Крупениковъ! Пожалуйте!

Крупениковъ еще разъ тряхнулъ головой, улыбнулся Прасковьѣ Ермиловнѣ и бросился въ кулису.

Она побѣжала въ ложу.

Двѣ большія рюмки коньяку взяли свое. Никакой трусости не чувствовалъ ея Антоша. Онъ ничего не забылъ передъ той минутой, какъ ему начинать. Его возбужденность все росла, голосъ крѣпчалъ, глаза горѣли, онъ увлекъ и дебютантку. Ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не припоминалъ, ни о чемъ не безпокоился. Все шло само собой.

Въ ложѣ у Прасковьи Ермиловны сидѣлъ Купоросовъ и двое изъ учителей ея школы.

— Каковъ, каковъ Антоша?—шептала она критику.

— Молодцомъ, молодцомъ,—бормоталъ критикъ.

— Голубчикъ, пойдемте послѣ этого акта къ нему въ уборную поддержать его, чтобы онъ въ третьемъ-то отличился.

— Послушаемъ, послушаемъ дальше.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста! Вы видите, какъ публика принимаетъ. Но ваше слово для него особенно дорого.

А публика отлично принимала ея Антошу. Его вызвали два раза по уходѣ со сцены. Прасковья Ермиловна не узнавала его въ двухъ-трехъ мѣстахъ: до такой степени онъ горячо игралъ и пѣлъ.

— Игра-то, игра-то!—указывала она Купоросову.

Тотъ одобрительно мычалъ.

Она повела его въ уборную мужа. Крупеникова нашли они въ коридорѣ. Онъ пилъ зельтерскую воду, но она была съ коньякомъ.

Прасковья Ермиловна обняла его и прослезилась. Купоросовъ потрепалъ по плечу и началъ говорить ему пріятныя вещи, но такимъ тономъ, точно онъ его распекаетъ.

Крупениковъ слушалъ и взглядывалъ на длинную бороду и мохнатую голову критика, на его крупный носъ и нахмуренныя брови. Вотъ теперь онъ его совсѣмъ не боится—ни капельки. Что Купоросовъ ни говори—отъ этого онъ не будетъ пѣть и играть ни хуже, ни лучше.

— Только все еще на ферматахъ тянете по-итальянски, батюшка, бросить это надо! И въ музыкѣ-то самой много мармелада!—гудѣлъ критикъ.

Прасковья Ермиловна заволновалась, какъ бы похвалы не кончились распеканьемъ, и заторопила Антошу: ему надо было мѣнять костюмъ.

Купоросовъ ушелъ. Прасковья Ермиловна проводила его до лѣстницы и вернулась въ уборную.

— Вотъ, маточка, — говорилъ ей Крупениковъ, весь

красный и сіяющій,—вотъ вы боялись насчетъ коньячку... А онъ какъ подѣйствовалъ... Все рукой сняло!

— Ну, это, мой другъ, отъ увѣренности: много работалъ.

— Нѣтъ-съ, отличное средство, — возразилъ онъ даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Прасковья Ермиловна зорко посмотрѣла на него: что, если онъ потребуетъ еще коньяку и угостится къ третьему акту, на радостяхъ?

Она отвела его въ уголъ, къ зеркалу; въ уборную вошелъ портной и стоялъ у двери.

— Антоша!—шопотомъ начала она, съ дрожью въ голосѣ,—умоляю тебя, не дѣлай ты этой глупости. Поддержалъ свой куражъ, и довольно. Еще одна рюмка, и ты спадешь съ голоса или спутаешься. Дай мнѣ слово, — строже добавила она, и долго глядѣла ему въ глаза,— честное слово...

Она ужъ замѣтила, когда говорила ему, что у него въ глазахъ новое какое-то выраженіе. Не было прежней кротости, мягкой приниженности любящаго сына.

— Даешь мнѣ слово?—повторила она.

— Даю, даю,—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ.—Одѣваться надо, опоздаешь съ вами!

И этого бы онъ не сказалъ еще вчера.

Прасковья Ермиловна вышла изъ уборной медленно и, остановившись передъ дверью, обернула голову и жестомъ головы досказала:

— Смотри же, сдержи честное слово!

Ему было и смѣшно, и немножко досадно. Чего боится? Точно онъ малолѣтній или пьяница. Возилась съ Ковринымъ, вотъ и остались страхи.

Но слово было дано. Да онъ и не желаетъ. Сейчасъ выпилъ онъ коньяку съ зельтерской водой. Ну, и довольно.

Переодѣвшись, онъ дожидался своего выхода съ неудержимымъ зудомъ: поскорѣе опять явиться передъ слушателями, показать имъ, какъ онъ отдѣлалъ свою партію, заставить себѣ больше хлопать, чѣмъ первому пѣвцу-баритону.

Въ кулисѣ дебютантка схватила его за руку и шепнула на ухо:

— Просто влюбилась въ васъ, такъ вы пѣли... Ѣдемъ, а?

Онъ вспомнилъ о тройкахъ.

— Непремѣнно!—отвѣтилъ онъ, и даже забылъ совсѣмъ про Прасковью Ермиловну.

— Заказали? У меня ужъ есть.

— Пошлю. Сейчасъ приведутъ.

Иначе, какъ на тройкѣ, онъ не могъ кончить этого вечера. Ужъ и теперь голова его горитъ и всѣ жилы бьются.

XXIII.

Вечеръ кончился блистательно для исполнителей. Вызывали и композитора, но меньше, чѣмъ Крупеникова; его имя кричали почти столько же, сколько и имена перваго баритона и главной пѣвицы. Сверху, изъ галлереи четвертаго яруса, ему махали платками. Онъ появлялся до десяти разъ. Дебютантка взяла голосомъ, но играла плохо. Вызывали и ее.

Слово, данное Прасковьѣ Ермиловнѣ, Крупениковъ сдержалъ. Онъ не пилъ больше коньяку, ни цѣликомъ, ни въ водѣ. Въ каждый антрактъ она прибѣгала на сцену и приводила кого-нибудь изъ знакомыхъ музыкантовъ или рецензентовъ. Безпрестанно повторяла она ему, чтобы онъ не волновался, со слезами радости на глазахъ вызывала похвалы, показывала его, точно своего дорогого мальчика, сдающаго блистательно трудные экзамены.

Въ первый разъ это его начало раздражать; но онъ улыбался, громко дышалъ, жалъ руки, качалъ головой. Къ послѣднему акту его возбужденіе дошло до „градуса", послѣ котораго онъ уже больше не могъ подняться, ни въ игрѣ, ни въ пѣніи. Вызовы немного облегчили его, дали выходъ чему-то, что̀ давило его виски и стояло въ груди коломъ. Но и послѣ вызововъ его тянуло на морозъ, летѣть въ саняхъ, такъ, чтобы духъ захватывало...

Дебютантка еще разъ шепнула ему:

— Смотрите же. Мы будемъ ждать на подъѣздѣ. Посылайте за тройкой.

Вызовы съ трудомъ смолкли. Загасили газъ, подняли занавѣсъ. Но на верхахъ кто-то рявкнулъ:

— Крупеникова!

Прасковья Ермиловна слышала этотъ крикъ. Она стояла у дверей уборной. Крупеникова задержалъ режиссеръ и что-то говорилъ, пожимая ему руку.

— Ну, дитя мое,—приняла она его въ объятія, когда они очутились вдвоемъ въ уборной,—я такъ счастлива, такъ счастлива! Успѣхъ огромный! Всѣ кричатъ: какой свѣжій талантъ! Раздѣвайся, Антоша, простынь; я про-

сила моихъ гостей на чашку чаю, спрыснемъ твое торжество, выпьемъ по бокальчику. И Купоросовъ будетъ. А ты—отдохни и въ театральной каретѣ поѣдешь.

Онъ чуть-чуть отстранилъ ее рукой и выговорилъ тономъ товарища:

— Чай пить? Нѣтъ!.. Я кататься ѣду, мнѣ воздухъ нуженъ.

— Кататься?.. Куда?

Прасковья Ермиловна подалась назадъ.

Лицо у него было странное, брови сдвинуты, ротъ полуоткрытъ, зубы стиснуты, глаза точно больше.

— Антоша,—заговорила она, впадая въ свой материнскій тонъ,—какъ же тебѣ можно ѣхать? Ты развѣ куда ужинать собираешься? На тройкѣ?..

— Да, на тройкѣ-съ.

Онъ сталъ опять мягче, взялъ ее за руку, поцѣловалъ щеку.

— Маточка, не удерживайте меня! Не могу я оставаться въ комнатахъ. Не могу!

И въ голосѣ его заслышались ребяческія слезы.

Ей ужасно стало жаль его. Но какъ же пустить его одного? Съ кѣмъ? Видно, онъ согласился съ компаніей. Что эта полька шептала ему?

Влюбленная женщина заговорила въ Прасковьѣ Ермиловнѣ и усилила страхъ няньки и матери.

— Антоша, ты воленъ куда хочешь ѣхать, только ты меня сильно огорчишь.

Онъ опустилъ голову и нервно двигалъ носкомъ праваго сапога.

„Значитъ—нельзя“,—подумалъ онъ, какъ мальчикъ, которому не удалось выпросить пирожнаго.

— Нельзя, стало-быть?—вслухъ произнесъ онъ вопросительно.

— Да ужъ если тебѣ такъ захотѣлось, ну, пошлемъ отъ насъ за двумя тройками, прокатимся...

— Отъ насъ? — переспросилъ онъ и, махнувъ рукой, добавилъ:—Нѣтъ, ужъ что жъ это за катанье будетъ-съ!

Прасковья Ермиловна измѣнилась въ лицѣ. Она поняла смыслъ этой фразы.

— Кто же тебя приглашалъ? Оперныя дамы, вѣроятно?

Она не кончила. Такихъ разговоровъ между ними никогда еще не было.

Крупениковъ отошелъ къ столу и началъ раздѣваться.

Онъ боялся, что дебютантка пришлетъ за нимъ при женѣ.

— Хорошо, я не поѣду,—заговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Позовите ко мнѣ портного, поѣзжайте домой. Я пріѣду въ театральной.

Прасковья Ермиловна поняла, что ему хочется поскорѣе ее выпроводить. Не собирается ли онъ обмануть ее? Улетитъ на тройкѣ съ пьяницами, пропадетъ на всю ночь. Какая-нибудь мерзавка увлечетъ его. А послѣзавтра повтореніе оперы.

— Ты даешь мнѣ честное слово, Антоша?—напряженно-мягко окликнула она его у двери.

-- Ахъ, Господи!—вырвалось у него.—Что же это все честныя слова давать? Не воръ я! Не обманщикъ! Дайте мнѣ въ себя придти... Сказалъ, пріѣду...

Къ своему голосу онъ не прислушивался. Онъ только сдерживалъ себя, чтобы не закричать.

„Послѣ спасибо мнѣ скажетъ", — подумала Прасковья Ермиловна и поспѣшно пошла одѣваться.

„Одной слово далъ—другую обману,—выговорилъ про себя Крупениковъ.—Надо было послушаться. Вѣдь это—Прасковья Ермиловна, а онъ ей всѣмъ обязанъ!.. Огорчишь ее, будетъ еще Богъ знаетъ что думать, насчетъ женскаго пола. Надо слушаться".

Онъ нѣсколько разъ повторилъ послѣднюю фразу. Портной помогъ ему раздѣться. Пришли „отъ госпожи Левандовской" сказать, что „ихъ дожидаются". Онъ отвѣтилъ, что ему „никакъ нельзя, дурно себя почувствовалъ".

И въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя до-нельзя тяжело. Точно онъ попалъ въ какой-то парникъ и его тамъ закупорили.

XXIV.

Дома гостей было четверо мужчинъ. Прасковья Ермиловна пригласила еще Аришу Веселкину. Она была также въ театрѣ и упросила взять ее; порывалась и за кулисы поздравить Крупеникова, да ей сказали, что постороннихъ, особенно барышень, туда не пускаютъ.

Ждали Крупеникова долго. Сначала разговоръ былъ оживленъ: Купоросовъ наполовину ругалъ оперу, молодой профессоръ гармоніи поддакивалъ ему, два другіе музыканта хвалили одного „Антона Сергѣича", восхищались его народной манерой произносить речитативы. Прасковья Ермиловна начала безпокоиться.

Всѣ сидѣли за чаемъ, въ столовой, когда вошелъ Крупениковъ.

Онъ хотѣлъ улыбнуться всему этому обществу, но улыбка вышла у него такая странная, что Купоросовъ крикнулъ ему, черезъ столъ:

— Что̀ это вы, батюшка, какой кислый? Точно съ панихиды.

— Ка̀къ не устать!—вступилась тотчасъ же Прасковья Ермиловна.

— Это точно,—выговорилъ онъ и сѣлъ слѣва отъ самовара, рядомъ съ Аришей.

— А гдѣ же Ковринъ?—спросилъ одинъ изъ гостей.— Вѣдь онъ у васъ живетъ?..

— Какъ же,—отвѣтила Прасковья Ермиловна,—только я его совсѣмъ не вижу... Дѣла какія-то...

Ей не хотѣлось объявить, что онъ „закурилъ".

— Какія же дѣла-съ?—вдругъ какъ бы обиженно окликнулъ Крупениковъ.—Вы желаете скрыть. Все находился подъ началомъ, а теперь не выдержалъ. Евстафій Петровичъ,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой, оглядывая гостей,— давно въ задумчивость сталъ впадать, а теперь чертить началъ...

— Чертить?—не понялъ одинъ изъ музыкантовъ.

— Да-съ; я это по-нашему, по-московски, называю.

— Антоша! зачѣмъ же говорить... чего хорошенько не знаешь?—замѣтила Прасковья Ермиловна.

— Позвольте! — почти гнѣвно отвѣтилъ онъ и весь вспыхнулъ.—Очень хорошо знаю-съ, потому и говорю. Я Евстафія Петровича знаю-съ, и душевно люблю. Оговаривать мнѣ его нѣтъ надобности! Крѣпился человѣкъ— и не выдержалъ. Вотъ ужъ онъ который день дома-то не ночуетъ.

Прасковья Ермиловна поблѣднѣла. Никогда бы она не ожидала отъ своего Антоши такой выходки. Ужели онъ, какъ злой мальчикъ, мстилъ ей за то, что она не пустила его кутить?

Надо было вывернуться. Она приказала подать бутылку шампанскаго. Выпили по бокалу; но сдѣлалось скучно и натянуто. Купоросовъ заспорилъ съ молодымъ профессоромъ.

Ариша отвела Крупеникова къ окну, пожала ему руку, поздравила еще разъ и допила свой бокалъ.

— Вы—милка: такъ вы хорошо пѣли!—вполголоса го-

ворила она, стоя нарочно спиной, чтобы не слышно было Прасковьѣ Ермиловнѣ.—Просто прелесть! Я не ожидала. Обижайтесь, не обижайтесь. И за то вамъ спасибо, что вы командиршѣ носъ утерли.

Онъ слушалъ ее и припоминалъ, какъ онъ въ первый разъ разговаривалъ съ ней у Коврина, и что она тогда говорила про его теперешнюю жену.

— Стасенька бѣдный! — продолжала Ариша,—запилъ! И запьешь! Если бъ его взаперти не держали, какъ мальчика маленькаго, да деньги ему на руки отдавали, онъ бы кутнулъ день—другой. А теперь чѣмъ это пахнетъ!

— Да, да,—прошепталъ вдругъ Крупениковъ и схватилъ ея руку.—Это точно. Долго они еще сидѣть будутъ?—спросилъ онъ, указывая головой на гостей.

— Для васъ вѣдь это все дѣлается,—сказала Ариша и повела дурачливо плечами.

— Нѣтъ моей мочи!

Онъ схватился рукой за голову.

— Идите баиньки!.. А знаете, лихо бы прокатиться! Ночь какая, новый мѣсяцъ, снѣжокъ порхаетъ!

Щеки Ариши рдѣли. Точно онѣ сговорились съ той, съ Левандовской. Ему стало невыносимо въ этой столовой. Онъ подошелъ къ женѣ, нагнулся и шепнулъ ей:

— Я пойду въ кабинетъ, у меня, мочи нѣтъ,—голова болитъ.

— Ступай, ступай,—заботливо сказала она,—я извинюсь.

Она была даже рада этой головной боли: успокоится, заспетъ, гости поскорѣе уйдутъ. А выходку его объяснятъ возбужденіемъ спектакля.

Крупениковъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Въ кабинетѣ онъ легъ на диванъ, не раздѣваясь, снялъ только сюртукъ. Онъ потушилъ свѣчу, но руки и ноги зудѣли, въ груди раздраженіе все усиливалось. То плакать захочется, то сдѣлается невыносимо горько.

Вотъ онъ, тотъ желанный день, когда его оцѣнила вся публика! Сколько вызововъ, какіе крики! А ему такъ скверно — хоть бросайся въ прорубь головой внизъ... Отчего? Давитъ что-то, сковываетъ. Онъ—на помочахъ... И успѣхъ-то — *не его* успѣхъ. Не смѣетъ онъ отвести душу по-своему, не мечтать ему о ласкахъ страстно любящей молодой дѣвушки. Иди въ спальню своей благодѣтельницы, ложись рядомъ съ ней на двуспальную кровать.

Авось она, если ты приведешь ее въ умиленіе, позволитъ тебѣ прокатиться одному на лихачѣ по Невскому, да и то, чтобы „горлышко“ не простудить, чтобы вечеромъ она тебя доставила публикѣ въ сохранности!

Злость начала душить его. Онъ грызъ кожаную подушку. А „благодѣтельница“ придетъ, какъ только проводитъ гостей, придетъ и поведетъ къ себѣ укладывать Антошу въ постельку.

Онъ вскочилъ и заперся изнутри, легъ опять и сталъ, затаивъ дыханіе, ждать. Черезъ полчаса, Прасковья Ермиловна окликнула его. Онъ притворился спящимъ. Она возвращалась еще два раза. Онъ лежалъ мертвенно тихо. Въ два часа ночи его оставили въ покоѣ.

XXV.

Сна не было и не могло быть. Тоска грызла его, особая, какой онъ никогда еще не зналъ. Ему нѣтъ выхода: онъ—рабъ. Ничего у него нѣтъ своего: ни голоса, ни умѣнья, ни таланта, ни свободы, ни надежды на новую вольную жизнь. Все это „принадлежитъ“ Прасковьѣ Ермиловнѣ.

„Будто?“—спросилъ онъ себя къ разсвѣту, возмущенный этимъ чувствомъ гнетущаго рабства. Женщина, еще вчера бывшая для него и матерью, и другомъ, и возлюбленной, дѣлалась ему ненавистна. Хоть сейчасъ бѣжать!

Рано утромъ, часу въ восьмомъ, позвонили въ передней. Онъ поднялся, спустилъ ноги съ дивана, потомъ надѣлъ сюртукъ. Никто не отпиралъ. Горничныя еще спали.

Онъ вышелъ на цыпочкахъ въ переднюю и самъ отперъ.

У дверей стоялъ Ковринъ, въ осеннемъ старомъ пальто и шапкѣ, съ посинѣлымъ лицомъ и выпученными, точно безумными глазами. Въ другое время Крупениковъ испугался бы; но тутъ онъ бросился къ нему, схватилъ за руку, быстро ввелъ въ переднюю, поддержалъ его на ходу—тотъ качался—и провелъ прямо въ его комнату.

Ему стало сейчасъ же легче, какъ только онъ увидалъ Коврина. Онъ готовъ былъ обнять его и расцѣловать.

— Батюшка, Евстафій Петровичъ!—говорилъ онъ тронутымъ голосомъ.—Откуда? Дайте я сниму пальто, сядьте... не хотите ли чего?

Ковринъ далъ стащить съ себя пальто, снялъ шапку, опустился въ кресло, поглядѣлъ на него налитыми глазами и вдругъ жалобно запросилъ:

— Достаньте... Христа ради... чего-нибудь... стаканчикъ маленькій... голу-убчикъ!

— Знаю, знаю, — отвѣтилъ Крупениковъ, все такъ же ласково,—сейчасъ достану, понимаю я очень, каково вамъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, прошелъ тихонько къ буфету, досталъ графинчикъ—въ немъ всегда была горькая—такъ же скоро вернулся и налилъ самъ рюмку.

Ковринъ дрожащей рукой взялъ ее и проглотилъ, а за ней и еще двѣ.

— Гдѣ былъ, спросишь? — пролепеталъ онъ и улыбнулся. — Въ номерѣ лежалъ, въ баняхъ четверо сутки... „Нуй“ пилъ: бургонское такое. А потомъ простую, а сегодня выгнали. Денегъ нѣтъ. Шуба ушла. Дали вонъ, видишь, какую хламиду... Что̀, тенорокъ, глядишь на меня? Тотъ ли это Евстафій Петровичъ? Тотъ самый! Ты не думай, что я на тебя дулся. Нѣтъ, не на тебя; а за тебя, милый мой, за тебя! Ты—пропащій человѣкъ. И я бы не такъ запилъ, нѣтъ... Вѣрь мнѣ, у меня это проходило... Очень она меня, директриса-то наша, доѣхала своей системой!

— Да, да!—глухо вскричалъ Крупениковъ.

— А, небось, начинаешь чувствовать? Я тебѣ говорилъ: не губи себя! Знаю—ты пошелъ въ гору, въ новой операѣ пѣлъ. Когда пѣлъ?

— Вчера,—уныло отвѣтилъ Крупениковъ.

— Что̀ такъ кисло говоришь? Знать, фіаско, другъ?

— Нѣтъ, пріемъ большой!

— А отчего же ты такой?

Ковринъ прищурился и ткнулъ пальцемъ въ плечо Крупеникова.

— Отчего?

Слова сначала замерли. Испугался онъ говорить все. И кому же? Пьющему запоемъ человѣку. Что за нужда! Этотъ человѣкъ запилъ отъ нея же, отъ Прасковьи Ермиловны, отъ ея сладкой выучки, отъ ея попеченій... На зло ей!

И Ковринъ понялъ его, съ первыхъ словъ понялъ.

— Не пустили тебя? Такъ, такъ!.. Дай срокъ, и не то еще будетъ! Жалованье станетъ отбирать, засаживать за фортепіано. Тебя на вольный воздухъ тянуло, ты задыхался. Мудрено, какъ это у тебя голова не лопнула, а нянька и благодѣтельница запрещаетъ: „покушай съ нами чайку, Антоша, это пользительнѣе будетъ“.

Ковринъ пьянѣлъ туго. Онъ долго говорилъ про себя, про свои работы, надежды и планы. Съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ нахлѣбники къ Прасковьѣ Ермиловнѣ и сталъ „благонравенъ“, изсякла фантазія, не приходитъ ни одного мотива.

— Прости меня,—жалобно лепеталъ онъ, тряся Крупеникова за руку,—Христа ради, прости! Я тебя сюда привелъ, на эту сладкую деспотку указалъ, я тебя загубилъ! Вотъ ты увидишь: одну роль создалъ, а больше уже ничего не создашь!

„Такъ, такъ, — шепталъ про себя Крупениковъ и глядѣлъ на полъ, поводя растопыренными пальцами правой руки.—Пьянчуга этотъ правъ. Такъ и будетъ!“

— Какъ же быть?!—вскрикнулъ онъ съ ужасомъ.

— Бѣжать! И меня пускай выгонитъ... Я запрусь здѣсь... на пять сутокъ. Ты мнѣ приноси тихонько мою порцію. Мы ее доѣдемъ. А самъ бѣги! Будь мужчина! Хотѣлось кутнуть во всю ширь—дай волю себѣ! И сегодня же, слышишь, ступай на тройкѣ въ трактиръ, съ барышнями, съ офицерами, съ кѣмъ хочешь. Побоишься—задушитъ тебя, голову разорветъ на части.

— Полноте, — остановилъ онъ Коврина. — Вы на меня положитесь...

— Покажемъ мы нашей командиршѣ, каковы мы мальчики!..

Ковринъ засмѣялся и прилегъ на кровать.

— Евстафій Петровичъ, — прошепталъ Крупениковъ,— страшно мнѣ дѣлается!

— А-а!—чуть лепеча, протянулъ Ковринъ. — Страшно! То-то, паренекъ. Самое страшное, это—вотъ такія толстыя, сладкія бабы. Добра—ангелъ во плоти—руки мягкія, голосъ мягкій... А она прибираетъ къ этимъ рукамъ. И съѣстъ. Сѣдая будетъ, дряхлая, въ скаредность вдастся, а ты у ней будешь ручки цѣловать.

Слушалъ Крупениковъ и поддакивалъ ему съ возрастающимъ ужасомъ. Теперь только разобралъ онъ, что такое эта пухлая, дряблая баба. Все „радость моя“, да „жизнь моя“, ни одного окрика, а глядишь—у ней въ крѣпостномъ услуженіи...

Вотъ и будешь такой, какъ Ковринъ. Лучше запить, а то голова нестерпимо горитъ и горло перехватило.

Ему сдѣлалось такъ страшно, что онъ закрылъ глаза и упалъ головой на столъ.

XXVI.

Прасковья Ермиловна проснулась поздно. Ей доложила горничная, что Антонъ Сергѣича уже нѣтъ, а Евстафій Петровичъ „запершись“ у себя въ комнатѣ.

Крупениковъ, не переодѣваясь, убѣжалъ изъ дому. Въ двѣнадцать часовъ онъ входилъ по лѣстницѣ трактира, гдѣ когда-то познакомился съ купеческимъ сыномъ Бурцевымъ. На него-то онъ и разсчитывалъ. Тотъ, навѣрное, придетъ къ завтраку. Съ нимъ онъ „закатится“ на цѣлыя сутки. Именно такого человѣка, какъ Бурцевъ, ему надо было, чтобы почиталъ его, не умничалъ, понималъ, кто съ нимъ соглашается компанію водить. У Бурцева онъ и денегъ возьметъ—разумѣется, взаймы. Своихъ у него нѣтъ. Вѣдь онъ отдавалъ жалованье ей, благодѣтельницѣ, а учительствуетъ въ ея классахъ даромъ.

Бурцева онъ нашелъ все за тѣмъ же столомъ, въ комнатѣ, гдѣ машина. На вчерашнемъ представленіи онъ присутствовалъ, „самолично“ вызывалъ и много про Крупеникова въ газетахъ читалъ и радовался. Только одно ему было больно, что господинъ артистъ такъ его „забыли“. И денегъ онъ самъ предложилъ, точно это была его обязанность, и сейчасъ же вынулъ три радужныя. Не теряя времени, затребовалъ онъ разныхъ водокъ и винъ и сталъ заказывать ѣду, спрашивая безпрестанно Крупеникова:

— Какъ на вашъ вкусъ?

Крупениковъ умилился. Вотъ въ этой трактирной комнатѣ его, въ началѣ сезона, угощалъ тотъ же Бурцевъ. Тогда онъ перебивался съ хлѣба на квасъ, ждалъ актерика-антрепренера, соглашался даже и въ опереткахъ пѣть. А сегодня онъ—всѣми признанный артистъ. И не Прасковья Ермиловна сдѣлала это, а его собственный талантъ! Онъ стоитъ на своихъ ногахъ. Воля ему нужна, а не помочи! Хочешь кутить—и кути! Нужды нѣтъ, что Бурцевъ—бывшій половой. Въ немъ преданность есть, съ нимъ душа нараспашку.

Явился и Мухояровъ. И съ нимъ чокался онъ безъ гордости. Теперь тотъ чувствуетъ, какая между ними есть разница. Прохороводился онъ съ ними до пятаго часу, взялъ лихача на углу Литейной и поѣхалъ къ дебютанткѣ. Она только что встала послѣ вчерашняго ужина, сердилась на него, подразнила, но тотчасъ же простила,

дала поцѣловать ручку, а потомъ и шейку. Они поѣхали обѣдать за городъ, вдвоемъ, вернулись поздно. Къ себѣ въ номеръ она его не пустила, засмѣялась и сказала ему, убѣгая въ подъѣздъ:

— Жена ждетъ. Уважать ее надо; она почтенныхъ лѣтъ...

Хмель гудѣлъ въ головѣ Крупеникова. Хохотъ польки взбѣсилъ его. Домой онъ не возвращался до слѣдующаго утра.

Онъ пріѣхалъ въ двѣнадцатомъ часу дня, въ приличномъ видѣ, умытый, въ вычищенномъ платьѣ и, не спрашивая, гдѣ Прасковья Ермиловна, прошелъ прямо въ классъ. Это былъ его часъ. Онъ около двухъ недѣль не давалъ уроковъ, но дѣвицамъ было сказано, что послѣ перваго представленія занятія опять возобновятся.

Четыре дѣвицы старшаго класса ждали его; въ томъ числѣ и Ариша Веселкина. По ихъ лицамъ онъ догадался, что онѣ знаютъ про его кутежъ. Урокъ начался.

Всѣ четыре дѣвицы были рослы, красивы и очень франтовато одѣты. Ариша открыла свою бѣлую шею до ямочки между ключицами: на ней былъ матросскій воротникъ. Другая, блондинка, выставляла свой бюстъ въ черномъ шелковомъ трико.

Ихъ румяныя лица, блескъ глазъ, круглыя плечи, таліи, модныя ботинки—заиграли въ глазахъ Крупеникова. И всѣ эти дѣвушки глядятъ на него съ подмывающимъ выраженіемъ, особенно Ариша Веселкина.

Въ ихъ глазахъ онъ читалъ:

„Ахъ, вы, бѣдненькій! связались со старой бабой, поступили къ ней въ услуженіе и возите теперь свою тачку! Проститесь съ молодой любовью! Идите просить прощенія за вчерашнее“...

Онъ старался имъ улыбаться, быть добрымъ, внимательнымъ; но его тонъ дѣлался все раздраженнѣе, онъ придирался, на одну закричалъ, Аришѣ сказалъ грубость.

— Пожалуй, — отрѣзала она ему въ отвѣтъ, такъ, что остальныя слышали, — хорохорьтесь! Вы смѣлости набираетесь! Будетъ вамъ взбучка.

Онъ вскочилъ изъ-за фортепіано и хотѣлъ вывести ее изъ класса, но испугался.

А какъ вдругъ всѣ онѣ заговорятъ? Ужъ и такъ онѣ глазами срамятъ его:

„Сердишься, а мы тебя не боимся... Бѣдненькій! Про-

дался старой бабѣ; она ему въ бабушки годится, а онъ съ ней нѣжничаетъ. Артиста, видите ли, изъ него сдѣлала, карьеру открыла... Безстыдникъ!“

Да, все это читалъ онъ на лицахъ дѣвицъ. Насилу довелъ онъ классъ до конца. Онъ молчалъ, тревожно взглядывалъ на нихъ, щеки его горѣли, въ виски опять начало стучать, какъ послѣ перваго представленія. Неужели такъ будетъ каждый день? Ему нельзя смотрѣть на молодыхъ, красивыхъ дѣвушекъ. Онѣ ушли отъ него. Не имѣть ему молодой жены, не знать ему молодой любви!

А ей, этой сорокапятилѣтней старухѣ, подавай настоящую любовь. Она, вонъ видите, и ребенка желаетъ имѣть. Ей судьба послала свѣжаго муженька, послѣ всѣхъ любовныхъ похожденій. Тутъ ему въ первый разъ представился вопросъ: а сколько у ней перебывало любовниковъ? И мужъ былъ, не одинъ, кажется? Отчего же онъ, какъ Емеля-дурачокъ, никогда не поинтересовался узнать, съ кѣмъ и когда она жуировала? Ковринъ навѣрно знаетъ.

Изъ класса онъ прошелъ къ Коврину. Комната оказалась пустой, безъ постели, безъ книгъ и нотъ. Ему сказала горничная, что Прасковья Ермиловна вчера „попросили Евстафія Петровича выѣхать“.

Вотъ оно что! Это его возмутило. Когда не нуженъ человѣкъ — вонъ его, на улицу! Всякая неловкость, что не ночевалъ дома, исчезла въ немъ. Станетъ онъ отдавать ей отчетъ! Ему хотѣлось сорвать на ней все, что у него накипѣло, и сейчасъ же, сію минуту...

— Гдѣ она?—рѣзко спросилъ онъ у горничной.

— Онѣ въ гостиной. У нихъ гости. Военный какой-то.

Онъ и этимъ не смутился и съ возбужденнымъ, почти гнѣвнымъ лицомъ вошелъ въ гостиную.

XXVII.

Вошелъ и сталъ въ дверяхъ. На диванѣ развалился генералъ съ просѣдью и длинными усами, въ эполетахъ и съ сигарой въ рукѣ. Прасковья Ермиловна сидѣла рядомъ, наклонившись къ нему, и что-то говорила вполголоса. Она была въ капотѣ.

Крупениковъ кашлянулъ. Генералъ поднялъ голову и оправился. Прасковья Ермиловна поднялась, тревожно взглянула на Крупеникова, и щеки ея пошли красными пятнами.

— Ахъ, вотъ и мужъ мой! Позвольте вамъ представить.

— Весьма пріятно, — пробасилъ генералъ и протянулъ руку.

Послѣ рукопожатія вышла пауза.

Мужъ и жена поглядѣли другъ на друга. Она съ укоризной, онъ съ вызывающей усмѣшкой. Его глаза спрашивали: „Это что за гусь?“

— Вотъ генералъ Толкуновъ, — заговорила она, — мой давнишній знакомый... еще изъ Москвы.

— А-а! — протянулъ Крупениковъ и тутъ же подумалъ:—„изъ старыхъ дружковъ!“

— Мужъ-то у васъ, другъ мой, въ полномъ соку.

Генералъ повелъ усами и тихо засмѣялся. Отъ этого смѣха Крупеникова бросило въ жаръ.

„Какъ! и-ты?..“

И онъ выругался про себя.

— Слышалъ про вашъ талантъ... Поѣду васъ слушать... Непремѣнно. Вотъ кумушка мнѣ креслецо добудетъ, а теперь желаю вамъ добраго здоровья.

Въ томъ, какъ гость поцѣловалъ руку Прасковьи Ермиловны, было что-то особенное. Она проводила его до передней. Крупениковъ не пошелъ.

Онъ ждалъ ее, стоя у печки.

— Антоша,—заговорила она вполголоса, близко подойдя къ нему,—за что ты меня такъ тревожишь?..

— Кто это?—рѣзко перебилъ онъ ее.

— Иванъ Денисычъ Толкуновъ.

— Вы съ нимъ какъ же? Изъ старыхъ дружковъ? а?

— Что ты, Антоша?

— Отвѣчайте! Я васъ спрашиваю не потѣхи ради...

Прасковья Ермиловна протянула ему руку. Онъ отвелъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ такъ, Антоша!..

Но онъ смотрѣлъ на нее злобно и пристально. Подъ этимъ взглядомъ она больше и больше смущалась.

— А!—вскрикнулъ онъ. — Такъ и есть. Чего же вамъ отъ меня прятаться? Пріѣхалъ ненарокомъ старый дружокъ. Бываетъ. Такъ бы и сказали. Со мной нечего церемониться. Прикажете съ визитомъ къ нему или на побѣгушки? Свѣжаго муженька добыли — вотъ что его превосходительство изволилъ найти.

Она не возражала. Да, это былъ, дѣйствительно, первый человѣкъ, научившій ее, что̀ такое любовь. Генералъ былъ тогда моложе, хорошъ собой, но такъ же пошлъ, какъ и теперь. И она глупа была. Прошло около двад-

цати лѣтъ. Вотъ онъ пріѣхалъ къ ней по-пріятельски и сейчасъ тутъ же пускаетъ свои офицерскія прибаутки, по-старому: поздравляетъ съ молодымъ мужемъ, говоритъ сальности. Развѣ она стала бы скрывать свое прошедшее? Только рѣчи о немъ не заходило. Никто не имѣетъ на нее правъ! И этого-то генерала она въ другой разъ не пуститъ. Онъ вошелъ, не назвавшись.

Все это она могла бы сказать Антошѣ, но не о себѣ ей надо думать, а о немъ, объ его силахъ, здоровьѣ, талантѣ. Вотъ уже около мѣсяца, какъ онъ внѣ себя.

— Радость моя!—тихо заговорила она,—успокойся ты, ради Бога! Ну, настоялъ на своемъ, убѣжалъ, кутнулъ... И довольно, завтра тебѣ пѣть, приди ты въ себя!.. Не губи своего таланта!

Ея руки хотѣли обнять его, но онъ вырвался, отбѣжалъ къ окну и крикнулъ:

— Оставьте меня! Я самъ себѣ гадокъ! Не мужъ я вашъ, а хамъ, рабъ!.. рабъ!..

Съ нимъ сдѣлался припадокъ. Прасковья Ермиловна не растерялась. Докторъ объявилъ, что его нельзя отпускать одного изъ дому. Нечего было думать объ участіи въ спектаклѣ. Надо было приставить къ нему двухъ сидѣлокъ.

Когда жена, улучивъ минуту, спросила его:

— Антоша, что тебѣ угодно, радость моя?

Онъ обернулся спиною, закрылъ глаза и простоналъ:

— Похоронили, заперли! Надѣвайте кандалы! Только не кажитесь вы мнѣ на глаза! Задушу!

XXVIII.

Первый часъ ночи. Въ спальнѣ Прасковьи Ермиловны горитъ лампадка. Постель стоитъ нетронутой.

Вотъ уже десять дней, какъ Крупеникова не выпускаютъ изъ дому. Онъ порывался бѣжать. Его заперли. Ѣздитъ докторъ-психіатръ. Онъ обнадеживаетъ; но у ней самой надежда плохая. Мужъ не выноситъ ея. Какъ только она войдетъ къ нему въ комнату, онъ забьется въ уголъ и молчитъ или начинаетъ кричать и браниться.

Черезъ доктора она узнала, что Антоша считаетъ ее своимъ заклятымъ врагомъ, увѣряетъ, что она украла у него талантъ, оклеветала передъ начальствомъ, хочетъ „ѣздить на немъ верхомъ“ и выжимать сокъ, что онъ не можетъ уже пѣть—она заговорила его голосъ.

Манія преслѣдованія пришла вмѣстѣ съ маніей величія. Онъ говорилъ о себѣ, какъ о великомъ артистѣ, безвременно погибшемъ. И каждый оперный день, четыре раза въ недѣлю, онъ порывался бѣжать. Человѣкъ, приставленный къ нему, удерживалъ его, потомъ запиралъ. Начинался крикъ, стукъ въ дверь, битье мебели. Она не смѣла показываться въ эти часы.

Все расклеилось. Мѣсто Коврина, попавшаго въ клинику отъ бѣлой горячки, занималъ піанистъ изъ самыхъ посредственныхъ. Репетиціи пѣнія она должна была вести сама, но у ней голова шла кругомъ; она вздрагивала безпрестанно и прислушивалась, нѣтъ ли шума въ комнатѣ мужа. Докторъ совѣтовалъ помѣстить его въ лѣчебницу. Она не соглашалась.

Прасковья Ермиловна сидѣла въ кофтѣ у своего письменнаго стола. Въ ночномъ чепчикѣ она смотрѣла совсѣмъ старухой. Двѣ глубокія морщины легли по обѣимъ сторонамъ носа, подбородокъ обрюзгъ и раздвоился, въ бѣлокурыхъ волосахъ выступила замѣтная сѣдина.

Женщина, та, что такъ часто „ловилась“ на мужчинахъ, столько отдала имъ на своемъ вѣку—умерла въ ней. Тамъ, черезъ коридоръ, не любовникъ ея, не мужъ, а сынъ: такое къ нему чувство. Никого она такъ чисто и безкорыстно не любила, и что вышло?.. Погибъ отъ нея, отъ ея слабости: дала себя обойти, забыла, что она его на двадцать лѣтъ старше, не сумѣла быть умной нянькой...

Уже нѣсколько дней, какъ она стала чувствовать какую-то неловкость: подъ ложкой сосетъ, по утрамъ тошнота. Она не обращала на это вниманія. Но это странное нездоровье не проходило. Спросила она у доктора. Тотъ повелъ губами и шепнулъ ей:

— Да вы беременны!

Она испугалась, замахала руками. Какія глупости! Двадцать лѣтъ слишкомъ знаетъ мужчинъ, имѣла одного ребенка молодой дѣвушкой, и вдругъ, почти старухой, сорока слишкомъ лѣтъ... Глупости!

Но эти „глупости“ давали себя знать. Сегодня она побывала у одной „кумы“. Кума объявила ей, что это „такъ“ и уже „во второмъ мѣсяцѣ“.

Сначала она обрадовалась, но не надолго. Ее умилила мысль кормить, нянчить, выходить ребенка отъ Антоши. Но тотчасъ затѣмъ она впала въ большое уныніе... Онъ—безумный! Когда началась болѣзнь? Кто можетъ это опре-

дѣлить? Онъ и до репетиціи новой оперы уже бывалъ внѣ себя...

И его ребенокъ будетъ такой же.

Она съ ужасомъ оглядывала свою спальню, потонувшую въ мягкой мглѣ, еле освѣщенную бѣлымъ щиткомъ лампады. Да, родится въ отца. Такъ должно быть: кто моложе и сильнѣе, въ того и родятся дѣти, это она не разъ видала.

Какъ быть?.. Пойти на воровское дѣло, попросить у кумы хорошаго снадобья? Нѣтъ! Этого она ни въ жизнь не сдѣлаетъ! Надо ждать, выкормить и до самой смерти бояться, что дитя вдругъ свихнется, и навѣки. Отецъ будетъ въ это время сидѣть въ халатѣ, на девятой верстѣ, не хватитъ, быть-можетъ, средствъ держать его въ лѣчебницѣ. И она попадетъ туда же, не выдержитъ и ея натура...

А пока—она мать...

БЕЗВѢСТНАЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

„Pressez toute chose, un gémissement en sortira“.

L'abbé Roux. Pensées

I.

Въ двухъ окнахъ, влѣво отъ воротъ, въ подвальномъ этажѣ большого купеческаго дома, на Лиговкѣ, совсѣмъ оледенѣлыхъ, свѣтъ лампадки вотъ-вотъ померкнетъ. На дворѣ градусовъ двадцать морозу. По пустотѣ и тиши замѣтно, что поздній часъ. На углу переулка, наискосокъ мостика, заснулъ извозчикъ и совсѣмъ засунулъ голову въ передокъ саней. У воротъ дома бѣлѣется тулупъ дежурнаго дворника.

Изъ-за угла вышла кухарка, съ платкомъ на головѣ. Она оглядѣлась вправо и влѣво, что-то такое сообразила и пошла торопливо, кутаясь на ходу въ платокъ и шлепая по бойкому, неровному тротуару стоптанными башмаками.

У воротъ, не доходя до дворника,—онъ сидѣлъ по ту сторону, на скамьѣ, — кухарка подняла голову и начала вглядываться въ стѣну, отыскала глазами небольшую темную вывѣску и тогда только подошла къ дворнику и потянула его за рукавъ.

— Чево надо?

Голосъ дворника показывалъ, что онъ сейчасъ же повернется къ ней спиной и опять задремлетъ.

— Бабка тутъ, что ли?

— Чево?

— Да бабка-галанка?

— Здѣсь.

— Въ которомъ этажѣ?

— Да вонъ окна-то... свѣтъ гдѣ...

— Въ подвальномъ, значитъ?

— Въ подвальномъ.

— Пропусти въ калитку, милый...

— Не заперта, лѣзь.

Она нагнула голову и пролѣзла между цѣпью и порогомъ. Густая темнота понадвинулась на нее.

— Изъ подворотни ходъ? — окликнула она дворнику вполшопота.

— Да; нащупай, звонокъ есть, вправо сейчасъ...

Звонокъ издалъ рѣзкій и короткій звукъ. Кухарка стояла у самой двери и ощупывала ее обѣими руками. Обрывки не то клеенки, не то рогожи шуршали подъ ея правой ладонью.

Она не долго ждала. Изнутри ее спросили:

— Кто тамъ?

— За вами, матушка! Больно нужно!

— Сейчасъ, — раздалось въ отвѣтъ изъ глубины комнаты, и дверь стали отпирать не больше какъ черезъ минуту.

Половинка дверей отпихнула кухарку назадъ. Надо бы пойти сейчасъ пару, какъ всегда изъ дворницкихъ и жарко натопленныхъ подвальныхъ квартиръ; но паръ не показывался. Въ квартирѣ акушерки никогда не бывало тепло, особенно въ первой комнаткѣ, гдѣ плиту два дня уже какъ не топили.

Со свѣчой въ рукѣ стояла передъ кухаркой маленькая, далеко не старая еще на видъ женщина, въ юбкѣ и сѣромъ платкѣ, въ клѣтку, безъ ночного чепчика. Зачесанные, на ночь, бѣлокурые волосы лежали кучкой на маковкѣ, пригнутые шпилькой. Она немного щурилась отъ свѣта. Полное лицо съ желтоватой кожей смотрѣло просто: сѣрые, прищуренные глаза, добрые и крупно вырѣзанные, окинули быстро всю фигуру кухарки. Пухлыя губы широко раскрылись улыбкой. Лѣвая, свободная рука придерживала платокъ на груди.

— Входите, голубчикъ, входите... Я мигомъ!—пригласила она кухарку.—Присядьте... Холодно у меня... Вотъ къ этой стѣнѣ... Она еще тепленька..

Все это она выговаривала на ходу въ комнату, гдѣ стала одѣваться, безъ торопливости, какъ собираются на свое дѣло люди, привычные къ такимъ ночнымъ приходамъ, знающіе, какія вещи имъ надо захватить съ собою, заранѣе помирившіеся съ тѣмъ, что имъ въ эту ночь уже больше не спать.

Въ одной квадратной комнатѣ, низкой и сыроватой по угламъ, состояло ея помѣщеніе. Кровать ютилась за ширмами, влѣво отъ входа; направо всю стѣну занималъ старенькій, покрытый ситцемъ диванъ; надъ нимъ, по стѣнѣ, много фотографическихъ портретовъ и карточекъ; на окнахъ—цвѣты; подъ ними раскрытый ломберный столъ съ вчерашнимъ шитьемъ; въ лѣвомъ углу, гдѣ догорала лампадка передъ образомъ, шкапчикъ надъ комодомъ краснаго дерева. Все смотрѣло чистенько, но очень бѣдно. На окнахъ висѣли темно-коричневыя занавѣски на шнуркахъ.

Одѣлась акушерка скоро-скоро, что-то достала изъ комода и шкапчика и подошла къ вѣшалкѣ, гдѣ висѣли драповое пальто и шубка на кротовыхъ шкуркахъ, крытая сукномъ. Она надѣла шубку.

— Да васъ какъ звать? — вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, окликнули ее изъ кухни.

— Фамилія моя, голубчикъ? — спокойно и все еще съ улыбкой спросила акушерка.

— Да. Евсѣева, что ли? Никакъ этакъ?

— Этакъ, этакъ... Марья Трофимовна...

— То-то... Готовы, матушка?

— Готова!

— Больно ужъ мается...

— У кого?

— Работница... У дворниковъ... Извозчики гдѣ стоятъ...

— Идемте.

Марья Трофимовна повернула голову, не забыть бы чего, перекрестилась и скорыми, бодрыми шажками—ботики ея поскрипывали — вышла въ кухню со свѣчой въ рукѣ, поставила ее на опрокинутую кадку, служившую замѣсто стола, положила коробку спичекъ, и прежде чѣмъ тушить, оглянула еще разъ кухарку.

Ей понравилось это рябоватое, круглое лицо, съ прядью черныхъ волосъ, выбившихся на самый носъ, широкій и смѣшной: одна ноздря была уже другой.

— А тебя какъ звать?—спросила она.

— Пелагея.

— Вы вмѣстѣ съ той работницей спите?

— Вмѣстѣ, матушка, вмѣстѣ.

Свѣчу Евсѣева задула и выпустила впередъ кухарку. Она аккуратно заперла ключомъ наружную дверь и, вылѣзая за Пелагеей въ калитку на тротуаръ, успѣла сказать ласково дорнику:

— Мы съ тобой, Игнатъ, опять дежурные...

Дворникъ разслышалъ, сквозь сонъ, ея слова, но ничего не сказалъ въ отвѣтъ.

II.

Въ такіе ночные походы,—рѣдко и они выпадаютъ,— Марья Трофимовна чувствовала себя особенно легко, почти радостно. Здоровье у ней на рѣдкость. „Я—двужильная какая-то", — говоритъ она часто, какъ говорятъ про лошадей, способныхъ сдвинуть всякій возъ. Ни по свойствамъ души своей, ни по нуждѣ, не могла она отказываться, оттягивать визиты, напускать на себя самое нездоровье. Въ такихъ-то случаяхъ ея дѣло и вставало передъ ней во всей своей человѣчной простотѣ и пользѣ. Она знала, что разбудитъ ее вотъ такая кухарка у дворниковъ, гдѣ извозчики ночуютъ и держатъ лошадей, или еще того хуже: изъ угловъ кто-нибудь прибѣжитъ, замаранная дѣвчонка зоветъ къ побирушкѣ, въ грязь, въ чадъ и нестерпимую духоту, гдѣ нѣтъ ни воды, ни чистой тряпки, а она ничего, шутитъ, сама все найдетъ и знаетъ, что больше полтинника ей не могутъ заплатить. А то и даромъ.

И теперь, январь на исходѣ, а ея доходъ, за мѣсяцъ практики, не дошелъ и до бѣлой ассигнаціи. Какъ жить?.. А живетъ, никому почти не должна, и если бы...

Марья Трофимовна остановилась, точно на какой зарубкѣ, и не захотѣла думать въ этомъ же направленіи. Деньги, заработокъ, сведеніе концовъ съ концами поднимались всегда, сами собой, откуда-то изъ глубины, и всегда въ однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ, маленькихъ расчетахъ, маленькихъ надеждахъ и соображеніяхъ.

Но они не разстраивали ее настолько, чтобы она забыла хоть на минуту, куда идетъ, что́ ей нужно дѣлать, кто ждетъ отъ нея помощи.

Своего званія она, дѣвица лѣтъ тридцати восьми, до сихъ поръ немного не то что стыдится, а стѣсняется

передъ знакомыми изъ образованныхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей. Съ народомъ, съ паціентками, со всякими пожилыми простыми людьми, съ ними она всего больше водится, усвоила она себѣ спокойный тонъ, всегда немного съ шуточкой надъ своими обязанностями. Они всѣ считаютъ ее почему-то вдовой и обращаются какъ съ женщиной гораздо старше лѣтами. Такъ и ей удобнѣе. Никто ловчѣе и умѣлѣе ея не найдется въ самой бѣдной и грязной обстановкѣ, въ какой хотите поздній часъ ночи, и врядъ ли другая такъ ладитъ съ простонародьемъ, такъ изучила нравы, привычки, суевѣрья, примѣты, пороки и замашки темнаго и совсѣмъ бѣднаго, и полубѣднаго петербургскаго люда: мелкихъ чиновничьихъ семей, артельщиковъ, унтеровъ, дворниковъ, прислуги всякаго рода, впавшихъ въ нищету дворянскихъ семей, недавно повѣнчанныхъ паръ изъ учащейся молодежи, изъ огромнаго класса ищущихъ занятій.

Въ околоткѣ ее хорошо знаютъ, даже и съ Васильевскаго иной разъ обращались, а настоящаго ходу ей нѣтъ, да и не будетъ: въ такую ужъ она попала колею. Надобенъ особый случай: принять у какой-нибудь богатѣйшей и родовитой купчихи или чиновной барыни. Но это почти невозможно. Въ купеческихъ семьяхъ средней руки Марья Трофимовна принимала; перепадало ей тогда сразу до тридцати, до сорока рублей. Но ей непріятно вспомнить такія вотъ купеческія крестины. Унизительно обходить съ тарелкой или подносомъ крестнаго и крестную съ гостями и глядѣть, какъ тебѣ, подъ салфетку, кладутъ желтыя и зеленыя бумажки, точно арфянкѣ какой въ трактирѣ, послѣ того, какъ пропѣла: „Спи, ангелъ мой“. Лучше ей у бѣдняковъ, даже совсѣмъ легко и хорошо, и если бъ платили ей хоть маленькое жалованье, она не желала бы никакихъ подачекъ.

Такія мысли начинаютъ непремѣнно рѣять въ головѣ Марьи Трофимовны, когда она идетъ съ провожатой, къ спѣху, и ожидаетъ, что, пожалуй, уже поздно, что только напрасно ее потревожили. Но на это она никогда не сердилась, да и вообще не помнитъ, чтобы она гнѣвно или раздраженно на кого-нибудь дала окрикъ, что бы съ ней ни вышло. Пьяныхъ она, въ первые годы практики, ужасно боялась, но и къ нимъ привыкла, усылала ихъ, если они мѣшали, и не обижалась, когда кто ей отвѣтитъ дерзко или бранно.

— Ты въ одномъ платьѣ?—сказала Марья Трофимовна, оглянувшись, на ходу, въ сторону Пелагеи. — Морозъ какой!

— Тутъ близехонько! Ничего!

Отъ Пелагеи всегда пышило, точно отъ печки. Она могла, въ какой угодно морозъ, пробѣжать по улицѣ въ одномъ сарафанѣ и въ опоркахъ на босу ногу.

Холодъ все крѣпчалъ. Фонари по той сторонѣ Лиговки—керосиновые, а не газовые, мигали грязнымъ свѣтомъ, а газовые, по переулку, гдѣ шли скорымъ шагомъ обѣ женщины, совсѣмъ обмерзли и только по самой рединѣ каждаго стекла небольшое пятно пропускало свѣтъ, скованный со всѣхъ сторонъ забѣлѣвшимъ льдомъ.

Что̀ ей нужно было, Марья Трофимовна разспросила у Пелагеи на ходу. Большой трудности не предвидѣла она; женщина здоровая, солдатка и уже не „перворождающая". Боялась она серьезныхъ случаевъ, гдѣ законъ велитъ обращаться къ доктору.

Во-первыхъ, гдѣ его взять? Къ такой вотъ работницѣ-солдаткѣ доктора не дозовешься, ни частнаго, ни съ воли. А если пріѣдетъ, такъ поздно, когда настоящая минута пропущена. И тутъ Марья Трофимовна совершенно теряется, покраснѣетъ, не то говоритъ, запинается въ отвѣтахъ, точно она сама ничего не смыслитъ, хуже чѣмъ на первомъ экзаменѣ изъ анатоміи. До сихъ поръ—она практикуетъ уже около восьми лѣтъ—не можетъ она держать себя при докторахъ посуровѣе и посмѣлѣе.

Развѣ уже докторъ-то изъ очень тихонькихъ, или самъ настолько неопытенъ, что выспрашиваетъ для собственнаго руководства.

— Сюды, сюды,—потянула Пелагея за рукавъ Марью Трофимовну.

Онѣ вошли въ полуоткрытыя ворота деревяннаго одноэтажнаго дома съ мезониномъ. Сейчасъ же ее обдалъ запахъ, какой бываетъ на дворахъ, гдѣ живутъ извозчики. Въ темнотѣ, въ глубинѣ двора, ходили около саней два ночныхъ извозчика,—они только что зашабашили; шелъ уже пятый часъ утра, но еще стояла густая мгла. Изъ конюшни, вправо, ползъ паръ отъ дыханья лошадей и навоза. Одинъ изъ извозчиковъ зажегъ фонарь, и красноватое пламя сальной свѣчи всплыло среди темноты продолговатымъ языкомъ.

— Куды шлею-то забросилъ?—раздался хмурый голосъ и заставилъ Марью Трофимовну повернуть голову.

— Бойко, матушка, тутъ, бойко, — удержала ее кухарка. — Сюды вотъ пожалуйте. Только головкой не стукнитесь. Низенькая дверь-то.

Она, дѣйствительно, почувствовала подъ подошвами своихъ ботиковъ обледенѣлую лужу, вѣроятно, помоевъ. Если бъ Пелагея не предупредила ее, она навѣрное бы оступилась, на ходу она была довольно легка, но тѣломъ полновата и ходила съ перевальцемъ.

На морозѣ испаренья и запахи жилья, въ подвальномъ флигелѣ, не ошеломляли такъ, какъ въ оттепель. Кухарка отворила съ усиліемъ примерзшую дверь, обитую рогожей, и даже Марья Трофимовна, несмотря на свою покладливость, отшатнулась.

— Молодцы наши спятъ тутъ. А куфня-то налѣво, сейчасъ вотъ взять надо за дощатую переборку.

Въ избѣ спало человѣкъ десять извозчиковъ, въ повалку, на скамьяхъ и на полу. За чьи-то ноги задѣла Евсѣева и кто-то, спросонья, выбранилъ ее.

Слѣва, сквозь щель полупритворенной двери, виднѣлся свѣтъ...

— Здѣсь?—шопотомъ спросила она.

— Тутъ, тутъ...

Изъ-за перегородки раздавались стоны, заглушаемые, должно-быть, тѣмъ, что работница держала что-нибудь въ зубахъ, чтобы не кричать во весь голосъ.

— Мается,—проговорила Пелагея.

Что-то еще прошептала ей на ухо Евсѣева и получила въ отвѣтъ:

— Поищу... Только наврядъ есть ли...

Послѣ чего пропустила ее за перегородку, а сама стала ощупью искать чего-то въ печуркѣ. Она совсѣмъ успокоилась, какъ только привела акушерку, и даже сейчасъ же вкусно зѣвнула. Ей такъ захотѣлось вдругъ спать, что она сѣла тутъ же на низкую скамейку, подъ полатями,—съ нихъ тоже слышался храпъ извозчиковъ,— и забыла, чего отъ нея ждетъ Марья Трофимовна.

— Пелагеюшка, что же?—окликнула ее та, шопотомъ, въ дверку.

— Ась?—спросила она уже спросонья.

— Иль запамятовала?

— Запамятовала, и взаправду.

Стоны стали слабнуть. Приходъ Марьи Трофимовны пріободрилъ работницу.

Изъ мужиковъ никто совсѣмъ не просыпался; только одинъ пробурчалъ во снѣ:

— Чево вамъ, черти?..

III.

Домой Евсѣева вернулась, когда уже совсѣмъ развѣло, и безъ всякаго вознагражденія. Она и къ этому привыкла. Родился мальчикъ, съ огромной головой. Мальчиковъ она всегда ждала. Это ей напомнило другой случай, не такъ давно.

Приходитъ молодой человѣкъ, совсѣмъ еще юный. Она думала, что къ какой-нибудь родственницѣ приглашаетъ, а онъ говоритъ: „къ женѣ". Нѣмцы, молодые, ему двадцать четвертый годъ, ей двадцатый. Онъ служитъ въ магазинѣ приказчикомъ. Помнитъ она ихъ квартирку необыкновенной чистоты. Кухня—хоть сейчасъ на выставку. Даже подъ метелками подбиты клеенки. Ванна поставлена возлѣ плиты, и отъ крана съ холодной водой кишка идетъ къ ваннѣ; однимъ словомъ, видно, что все своими средствами смастерили, и такъ ужъ аккуратно, такъ аккуратно. На полкахъ бумажки вырѣзаны фестонами; приди въ бархатномъ платьѣ въ такую кухню—не запачкаешься. Спальня подъ-стать кухнѣ. И оба, мужъ и жена, рады-радешеньки, что у нихъ будетъ ребенокъ. Родился, вотъ какъ у этой работницы, прекрупный мальчуганъ. Отецъ былъ въ магазинѣ, прибѣжалъ, видитъ, что у него сынъ, весь вспыхнулъ, какъ дѣвица, и расцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Какой восторгъ! У всѣхъ ихъ братьевъ и сестеръ—дѣвчонки, а у нихъ однихъ только мальчикъ. Сейчасъ телеграммы полетѣли къ бабушкѣ съ дѣдушкой, и дня два приходили къ нимъ поздравительныя депеши.

Сколько, сколько всплываетъ въ головѣ ея смѣшныхъ и жалкихъ случаевъ. Давно ли она носила цѣлую недѣлю хлѣба, кусокъ пирога къ одной женщинѣ, въ пустую прачечную, куда дворникъ пустилъ ее изъ милости. Сама не доѣдала. И ей — ничего! Нѣтъ въ ней ни озлобленія, ни усталости. Въ народѣ, среди самой ужасной грязи, пьянства и безпутства, она находила человѣчность къ тѣмъ, кто мучится, и всегда почти радость въ отцахъ, особенно, когда явится на свѣтъ мальчикъ, а часто и отцу-то съ матерью ѣсть нечего.

Какъ живая стоитъ передъ нею одна дѣвчонка на побѣгушкахъ — кажется, Дуней ее звали. Прибѣжала, вся ушла въ большой платокъ, только глазки, какъ мышиные, бѣгаютъ, и говоритъ порывисто:

— Бабушка, пожалуйте, бабушка, милая, пожалуйте.

Было это осенью, мѣсяца три тому назадъ. Повела ее Дуняша—вотъ какъ и сегодня же Пелагеюшка—по набережной, пришли на большой дворъ, кругомъ домъ—ящикомъ, поднялись по грязной лѣстницѣ въ четвертый этажъ, вошли въ длинный-длинный коридоръ. По стѣнѣ висятъ грядками юбки, платья мастерицъ. И подъ одной такой грядкой кровать. На голыхъ доскахъ лежитъ молоденькая мастерица. Швейныя машины стучатъ. Помнитъ, какъ вмѣсто рубашки для ребенка принесли старое полотенце, да лоскутковъ — обрѣзковъ отъ платьевъ, какъ потомъ, уже на разсвѣтѣ, отправили слѣпую совсѣмъ старуху въ воспитательный.

Или еще у еврея, въ кассѣ ссудъ. Надъ самой кроватью висятъ ряды залежалыхъ сапогъ. Приходили все потомъ разряженныя еврейки — поздравлять; и теперь въ ушахъ ея стоитъ точно гулъ отъ ихъ гортанной болтовни; а за перегородкой шумъ у закладчика-хозяина, брань, хлопанье дверями.

И сколько еще, сколько такихъ эпизодовъ! Марья Трофимовна любитъ останавливаться мыслью на смѣшныхъ сценахъ, больше все такихъ, что трудно разсказать въ гостиной, хоть въ нихъ и нѣтъ ничего особенно неприличнаго, а все-таки нельзя. Она любитъ вспоминать ихъ, не потому, чтобы она хотѣла посмѣяться надъ своими паціентками, да и вообще надъ бѣднымъ людомъ. Такой ужъ у ней складъ головы и характера. Съ нимъ ей легче жить.

Вотъ и сегодня, когда она на разсвѣтѣ прилегла, не раздѣваясь, на кровать, чтобы доспать „свою порцію"— она такъ говорила—ея природная наклонность къ шуткѣ и юмору не позволила ей долго и тревожно думать о томъ, что̀ будетъ завтра или сегодня же, только передъ обѣдомъ.

А будетъ то, что придетъ къ ней Маруся, ея пріемышъ, придетъ обѣдать—воскресенье—и попроситъ на булавки, а дать нечего. Непремѣнно попроситъ и сдѣлаетъ это съ особой миной, точно ей это слѣдуетъ по закону, и прибавитъ каждый разъ:

— Пожалуй, хоть не давайте, ваша воля.

И эти слова, каждый разъ, рѣжутъ Марью Трофимовну по сердцу. Если у ней приготовленъ рубль, Маруся такъ скажетъ: „мерси!"—что лучше бы уже она отвѣтила грубостью.

Когда ночью она проснулась отъ звонка — Пелагея сильно дернула — и сообразила сейчасъ, что пришли за ней по дѣлу, вторая ея мысль была: заработаю, Марусѣ будетъ на булавки желтенькая.

Но желтенькой не было. Или она и была, да единственная, съ мелочью. Если отдать ее, надо будетъ жить въ долгъ—неизвѣстно, сколько дней. И безъ того у ней въ лавочкѣ книжка, и въ кухмистерской она платитъ два раза въ мѣсяцъ.

Щемитъ у ней на сердцѣ, когда она раздумается объ этой дѣвочкѣ.

Взяла ее самымъ обыкновеннымъ манеромъ. Такъ же вотъ пришли за ней къ вдовѣ-чиновницѣ, осталась съ двумя дѣтьми и третьяго ждала. Нищета полнѣйшая. Умерла въ родахъ. Мальчику шелъ седьмой годъ; дѣвочка на два года старше. Случилось это въ самомъ началѣ практики Марьи Трофимовны. Тогда и заработокъ былъ побольше какъ-то, да и на свои силы увѣреннѣе смотрѣла. Дѣти хорошенькія, особливо дѣвочка. Хоть на улицу за подаяньемъ иди, какъ только свезли мать на кладбище. Всегда она любила дѣтей; дѣвичья доля—перевалило ей уже за тридцать—стала тяготить ее, хотѣлось привязанности, цѣли, для кого-нибудь жить, о комъ-нибудь безпрестанно думать, на кого-нибудь дышать.

Мальчика взяли въ пріютъ—она же похлопотала,—а дѣвочку приняла замѣсто дочери. Сначала при ней жила; только пошли нелады и огорченія, да и средствъ не хватало учить ее, какъ бы слѣдовало. Думала она сначала—повести ее попроще, выучить ремеслу, въ портнихи или шляпницы отдать, въ мастерскую или пріютъ, гдѣ учатъ этому, да жалко стало. Слишкомъ хорошо она знала, что̀ такое ученица у хозяйки, если даже и такая, которая въ пріютѣ училась. Да и дѣвочка была видная такая изъ себя, голосъ у ней рано оказался и способность большая: гдѣ услышитъ — шарманка или музыка мимо пройдетъ — сейчасъ повторяетъ. Въ школу сначала дешевенькую отдала; училась Маруся не очень чтобы хорошо; но, глав-

ное, пошли огорченія для Марьи Трофимовны изъ-за ея характера.

Грубитъ или дуется, чванлива, лгать рано начала, франтовата и требовательна: подай то, да купи это, и слезы сейчасъ, что вотъ у другихъ и ленточка, и ботинки, и кушачокъ, а у ней нѣтъ.

Отдала потомъ въ гимназію. Очень тяжело было платить за нее и одѣвать, а училась она не настолько хорошо, чтобы просить объ освобожденіи отъ платы. Голосъ выручилъ. Заинтересовался одинъ преподаватель. Выхлопоталъ ей безплатные уроки въ одну музыкальную школу. Тамъ ее, на первыхъ порахъ, захвалили. Возмечтала она сразу: „я артистка буду, въ оперу меня возьмутъ, десять тысячъ жалованья“; она тогда и ноты-то еле знала, а ужъ четырнадцать лѣтъ ей минуло. Такое счастье ей выпало, что черезъ годъ поступила на даровое помѣщеніе со столомъ въ семейство одно—тоже приняли въ ней участіе изъ-за голоса. Такъ прошло еще два года; но ученье и музыкальное не спорилось.

Объ оперѣ она только мечтала.

IV.

Часу въ третьемъ пришла Маруся. Марья Трофимовна все передумывала, до ея прихода, на разные лады: сколько она ей дастъ на булавки, и рѣшила, что полтинникъ сколотитъ, а больше никакъ невозможно. Она уже приготовилась къ минамъ и тону своей питомицы.

Маруся входила всегда прямо въ комнату въ мѣховомъ бархатномъ пальто—Марья Трофимовна до сихъ поръ не знаетъ, откуда оно—и шляпкѣ, прикрытой бѣлымъ шелковымъ платкомъ, и долго такъ оставалась, подъ предлогомъ, что въ квартирѣ „хоть таракановъ морозь“.

Ко всему этому Евсѣева готовилась каждый разъ. Два обѣда приносилъ ей, по воскресеньямъ, на домъ мальчикъ изъ кухмистерской. Она купитъ чего-нибудь еще, два пирожка у Филиппова или къ чаю вотрушку съ вареньемъ.

Но Маруся ѣстъ нехотя, все какъ-то швыряетъ, частенько скажетъ даже:

— Ахъ, какая это гадость! Какъ это вы ѣдите, мамаша!

Дать на нее окрикъ, показать ей, какъ она неделикатна—не хватаетъ у Марьи Трофимовны духу. Эта дѣвочка производитъ на нее особенное обаяніе. Смотритъ на

нее и все время любуется; отъ голоса ея пріятно вздрагиваетъ и сама себя все обвиняетъ въ томъ, что не умѣла Марусю привязать къ себѣ сильнѣе, размягчить ее, сдѣлать другой.

На недѣлѣ сама забѣжитъ къ ней раза два-три. Идетъ туда и знаетъ напередъ, что или не застанетъ дома, или придетъ невпопадъ, и Маруся ей это непремѣнно замѣтитъ.

А все тянетъ. Иной разъ такъ сильно, что вечеромъ, уже поздно, начнетъ Марья Трофимовна торопливо одѣваться и бѣжитъ на Екатерининскій каналъ.

Маруся позвонила на этотъ разъ еще громче обыкновеннаго. Марья Трофимовна уже знала ея звонокъ и всегда устремлялась отворять. Сегодня у ней ёкнуло сердце. Должно-быть, что-нибудь особенное. Ужъ не отказали ли ей? Выгнали, быть-можетъ? Ничего нѣтъ мудренаго. Что-нибудь сгрубила или еще того хуже... поймали!

Все это промелькнуло мигомъ въ головѣ Евсѣевой, когда она переходила отъ стола — гдѣ уже дожидался обѣдъ въ судкахъ—къ входной двери.

Окруженная морознымъ паромъ, Маруся перескочила порогъ и поцѣловала Евсѣеву звонко и даже прильнула къ ней немного.

Марья Трофимовна такъ и разгорѣлась отъ этого поцѣлуя: онъ былъ совсѣмъ не такой, какъ всегда, когда Маруся подставляла только щеку и говорила точно подъ носъ:

— Здравствуйте, мамаша.

И „мамашей"-то не всегда называла ее.

Она потащила Марью Трофимовну въ комнату и на ходу нѣсколько разъ повторила:

— Что̀ я вамъ скажу! Что̀ я вамъ скажу!

Всѣ волненія и страхи Евсѣевой улеглись отъ одного веселаго и высокаго звука этихъ словъ. Нѣтъ, Маруся не будетъ сегодня морщиться отъ ѣды и все возьметъ съ благодарностью, хотя бы и полтинникъ.

— Что, что такое?—радостно спрашивала Евсѣева, поддерживая на ходу платокъ, который сваливался у нея съ лѣваго плеча.

— Ахъ, устала. Чуть не бѣгомъ бѣжала сюда. Пустите, мамаша.

Маруся почти упала на диванъ — на немъ она послѣ

обѣда непремѣнно развалится—вытянула ноги и вся подалась назадъ, съ громкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

Глаза Марьи Трофимовны любовно оглядывали и ея видный станъ, охваченный шубкой „по тальѣ", очень узкой и стянутой черной атласной лентой, и ея плечи, и шею, несмотря на морозъ, открытую, и большіе темно-сѣрые, смѣлые, и, въ эту минуту, возбужденные глаза, рѣсницы, отъ которыхъ глаза казались почти синими, цвѣтъ щекъ, нащипанныхъ морозомъ, удивительно бѣлые зубы и даже срѣзанный, непріятный подбородокъ. Подъ вуалеткой красноватаго тюля темно-русые волосы, завитые въ мелкія колечки, падали низко къ бровямъ, загнутымъ правильной дугой. Маруся уже подводила ихъ закопченой на свѣчѣ шпилькой. Губы толстоватыя и очень красныя — ихъ она еще не умѣла красить — были у ней круто выворочены, такъ что десны обнажались, и вверху, и внизу, очень глубоко.

Шляпка--мужской формы, съ кистью красныхъ вишенъ напереди, сползла съ нея отъ сильнаго движенія. Ботинки на высокихъ, изогнутыхъ каблукахъ, безъ галошъ, изъ глянцовитой тонкой кожи, съ узкими носками, были въ снѣгу. Она ихъ даже не отрясла.

Первая замѣтила это Марья Трофимовна.

— Ноги-то простудишь. Все безъ калошъ!

— Вотъ еще важность!—закричала Маруся и приподнялась довольно грузно — для своего возраста она уже отяжелѣла.—Кто же это нынче бахилы носитъ?

— Снимай, снимай, изомнешь.

— Да у васъ, поди, опять стужа!

— Нѣтъ, и печку, и плиту топила.

— Ахъ, мамаша...—заговорила Маруся выше тономъ, и сейчасъ же подошла къ зеркалу, въ простѣнкѣ, надъ столомъ, гдѣ дожидался обѣдъ.

— Маруся,—остановила ее Евсѣева, — сядемъ обѣдать, а то все простынетъ.

— Сядемте, за мной задержки не будетъ.

Она сняла шляпку съ вуалеткой, а Марья Трофимовна помогла ей стащить съ себя шубку.

Тонъ у Маруси былъ совсѣмъ не дѣвушки по семнадцатому году. Она привыкла говорить, особенно съ пріемной матерью, кидая слова; такъ вотъ, какъ переговариваются между собою товарки, ученицы изъ одного угла класса въ другой, пріятельницы, оставшіяся наединѣ, или

на прогулкѣ. Марья Трофимовна давно замѣчала, что у ея пріемыша складывается такая манера говорить; иногда останавливала ее, но получала всегда пренебрежительныя отговорки, и давно уже замолчала.

— Вы и вообразить себѣ не можете, — начала еще возбужденнѣе Маруся, садясь за столъ, — какая штука устраивается!

Она положила оба локтя на столъ и начала ѣсть лѣнивыя щи, не отнимая праваго локтя отъ стола.

— Хорошая?—почти съ захватываніемъ голоса спросила Марья Трофимовна.

— Да, не плохая, если все устроится.

— Что же, Марусенька?

Вотъ сейчасъ объявитъ Маруся, что домохозяинъ, гдѣ она жила въ семействѣ, вдовецъ, еще не очень старый, потомственный почетный гражданинъ, плѣнившись ея лицомъ, прислалъ просить ея руки. А почему же нѣтъ? И не такіе примѣры бываютъ.

Скоро-скоро хлебала Маруся щи, почмокивала при этомъ, и глаза ея задорно и хвастливо взглядывали на Марью Трофимовну.

— Не томи, голубка!—выговорила она.

— Вотъ сейчасъ, не сразу. Ухъ! Даже проголодалась!

И Маруся поспѣшно утерлась салфеткой.

V.

Марья Трофимовна положила руку на столъ, держала въ ней ножикъ и съ тревожной улыбкой вглядывалась въ Марусю.

Сквозь замерзлое стекло низкаго окна протянулся лучъ и упалъ на лицо дѣвушки.

Что-то было въ этомъ лицѣ, да и въ томъ, какъ Маруся сидѣла, перекинувшись вбокъ, какъ она ѣла и нагибалась надъ тарелкой, въ ея возгласахъ и вскидываніи глазами, — было и навсегда останется—тревожное, ускользающее и даже зловѣщее для сердца Марьи Трофимовны.

И она была молода, выросла безъ строгаго надзора, знала нужду, считалась хорошенькой, хотѣлось и ей жить, а вотъ этого чего-то, нынѣшняго, въ ней не было.

И это „что-то“ звучитъ во всемъ... И въ радостной вѣсти, что̀ Маруся нарочно затягиваетъ. Если и удача какая-нибудь, врядъ ли такая, чтобы обрадовала ее...

— Вотъ мамочка,—Марья Трофимовна слегка покраснѣла отъ ласковаго слова,—вы все сомнѣвались въ моемъ голосѣ, хвастуньей меня звали.

— Когда же? Хвастуньей собственно не называла.

— Да ужъ позвольте-съ: всегда холодной водой па меня брызнете... Анъ вотъ и шлепсъ вамъ, шлепсъ!

Маруся расхохоталась. Ея десны, розовыя и твердыя, обнажились и придали лицу выраженіе вызывающее, дерзкое. Его особенно не любила Марья Трофимовна, но никогда не замѣчала этого Марусѣ: „Такъ у ней отъ рожденія,—думала она каждый разъ,—не ея вина“.

— Ну, хорошо,—кротко выговорила она.—Ты покушай порядкомъ, я подожду.

Съ улыбкой своихъ умныхъ глазъ она оглядѣла еще разъ Марусю и стала спокойнѣе ѣсть.

— Вы, мамочка,—начала опять Маруся такъ же возбужденно, — я знаю ужъ... сейчасъ начнете нервничать... закричите...

— Когда же я на тебя кричу?

Маруся звонко положила ножъ съ вилкой на тарелку, сдѣлала жестъ правой рукой и встала.

— Мнѣ нѣтъ никакого расчета коптѣть въ гимназіи.

— Какъ?

Такъ и ждала Марья Трофимовна... Вотъ оно—радостное-то извѣстіе!..

Но она промолчала; только полузакрыла глаза и перестала ѣсть.

— Разумѣется, не къ чему мнѣ теперь коптѣть... (Маруся начала расхаживать по комнатѣ; салфеткой она помахивала)... — Когда мнѣ цѣлый ангажементъ предлагаютъ сразу.

— Ангажементъ?.. — повторила Марья Трофимовна и быстро повернулась въ ту сторону, гдѣ Маруся расхаживала.

— Да-съ, настоящій... И къ посту чтобъ въ труппѣ быть...

— Маруся... это такъ что-нибудь... пустые розсказни... Голосъ у тебя есть, я не спорю; да училась ты еще мало... И курса не кончила...

— Ну, вотъ, ну, вотъ! — закричала дѣвушка.—Я такъ и знала! И что это за каторжная жизнь!

Салфетка полетѣла на диванъ. Сама Маруся бросилась туда же и уткнула голову въ уголъ подушки.

— Да ты толкомъ разскажи, не дури!

Сейчасъ же Марьѣ Трофимовнѣ стало ее ужасно жаль; но она чувствовала, что если она сегодня, вотъ сейчасъ, уступитъ, Маруся погибла, кто-то ее схватитъ и уведетъ. Такъ быстро и такъ сильно было это чувство, что сердце у ней въ груди точно остановилось.

— Ну, вотъ,—повторила Маруся. Она не повертывала головы и собралась, кажется, разревѣться.

Ея слезы всегда дѣйствовали особенно па Марью Трофимовну. Сколько разъ, когда она передумывала о своей питомицѣ, стыдила она самоё себя, смѣялась надъ собой— и все-таки знала напередъ, что Маруся слезами можетъ сдѣлать изъ нея что хочетъ.

— Полно, полно,—заговорила она съ замѣтно перепуганнымъ лицомъ.

Она встала и, присѣвъ на диванъ, дотронулась рукой до колѣна Маруси.

Та движеніемъ ноги хотѣла оттолкнуть ее.

— Полно,—уже строже, набравшись духу, выговорила Марья Трофимовна.—Пора бы и вѣрить въ то, что тебѣ жизнь заѣдать не желаю... да и не умѣю.

Всхлипыванія смолкли. Маруся отняла голову отъ подушки, выпрямилась, поглядѣла боковымъ взглядомъ на Марью Трофимовну, и сейчасъ же лицо ея приняло увѣренный, вызывающій видъ.

— Ученье у меня идетъ плохо,—начала она говорить, точно взрослая сестра малолѣтней. — Голова не такъ устроена... Къ музыкѣ вотъ, къ пѣнью (она говорила пѣнью, а не пѣнію)—другое дѣло. Мнѣ коптѣть надо еще года три, коли не попросятъ выйти... Да и не вынесу я такого срама—дылда такая, чуть не подъ двадцать лѣтъ, а въ классѣ оставятъ еще на годъ, изъ какой-нибудь физики скапустишься...

„Это вѣрно,—думала Марья Трофимовна, схватывая слова Маруси,—не кончитъ она какъ слѣдуетъ, я давно себѣ говорю“.

— Вѣдь не въ оперу же тебя зовутъ?—вдругъ спросила она Марусю.

— Въ оперу!.. Куда сейчасъ захотѣли!

— Да ты, Маруся, сама все мечтала... Ничего не хотѣла, какъ въ оперу...

— Мало ли что!.. Глупа была! Да и опера, настоящая... не уйдетъ. Для нея деньги нужны, для ученья.

За границу надо, въ Миланъ... А этакъ и деньгу можно зашибить!..

— Голодна будешь,—перебила ее Марья Трофимовна,—сядь... что ль... этакъ-то все поладнѣе будетъ.

— Не хочу я ѣсть!

— Хоть сладкаго; пирожное есть...

— Ужъ воображаю!

Марья Трофимовна не обидѣлась; да она и привыкла къ такимъ выходкамъ.

Однако, Маруся присѣла опять къ столу, положила себѣ на тарелку кусокъ торта и начала ѣсть, небрежно, съ гримаской. Слезы исчезли изъ глазъ, но щеки оставались съ яркимъ румянцемъ гнѣвнаго волненія.

VI.

Въ разговорѣ вышелъ перерывъ. Маруся не начинала опять о томъ же. Марья Трофимовна продолжала бояться чего-то.

Но Маруся не выдержала.

— Вы думаете, мамаша, что я зря?.. Такъ вотъ вамъ въ двухъ словахъ... Одинъ артистъ, здѣсь онъ на время, московскій, слышалъ мой голосъ, сейчасъ далъ депешу туда, въ Москву, антрепренеру, и если я согласна, хоть сейчасъ... на хорошее жалованье...

„Антрепренеръ... Москва... одинъ артистъ... хорошее жалованье...“

Эти слова завертѣлись въ головѣ Марьи Трофимовны.

— Въ оперу?—выговорила она.

— Экъ вы... сейчасъ! Мало ли я о чемъ мечтала. Къ этому, что ли, опять возвращаться!..

— Кто же этотъ артистъ?

— Вѣдь вы не знаете... если я и фамилію скажу... Бобровъ... Всѣ отъ него тамъ въ восторгѣ. Какой баритонъ, въ родѣ какъ теноръ... Въ „Синей бородѣ“ и здѣсь пѣлъ... вѣнокъ ему поднесли.

— Стало-быть, это... въ опереткѣ?

Марьѣ Трофимовнѣ не на что было ходить въ театръ—развѣ въ раекъ, а оттуда она ничего не видѣла, да и задыхалась отъ жары. Но театръ она ужасно любила съ дѣтства. Она читала всегда съ удовольствіемъ все, что̀ стоитъ подъ рубрикой „Театръ и музыка“, знала названіе пьесъ, сюжеты ихъ, даже и оперетокъ.

Вотъ она и вспомнила сейчасъ, что „Синяя борода“—

оперетка, и, кажется, она читала на-дняхъ объ этомъ артистѣ Бобровѣ.

Ее схватило за сердце еще сильнѣе. Все для нея стало мигомъ ясно.

Этотъ пріѣзжій опереточный пѣвецъ хочетъ сбить Марусю, подманиваетъ ее, увезетъ съ собою въ Москву, погубитъ ее.

— Маруся!—вырвалось у ней почти со слезами,—Бога ради не дѣлай ты этого...

— Да чего? Чего не дѣлать-то?.. Не дали и досказать.

— Я знаю, я вижу—отсюда...

— Ха-ха! Вижу!.. Какъ же это?

— Доучись! Умоляю тебя!

— Наладили... Коли вы такъ, я слова больше не скажу.

Дѣвушка вскочила и начала одѣваться.

— Куда ты?

Голосъ продолжалъ дрожать у Марьи Трофимовны.

— Есть мнѣ интересъ быть здѣсь. Вы матерью считаетесь, все говорите: „люблю, люблю": а тутъ счастіе мнѣ открывается... Мнѣ, какъ вамъ угодно—Маруся стояла на сѣрединѣ комнаты и застегивала пальто,—а я въ гимназіи этой коптѣть больше не намѣрена. Ничего мнѣ тамъ не добиться. Что я, въ садовницы, что ли, фребелевскія или въ педагогички попаду?.. Много-много что въ бонны!.. Такъ благодарю покорно.

Она присѣла съ озорствомъ и повернула къ двери.

Марья Трофимовна подбѣжала къ ней, обняла, стала удерживать.

— Ну, полно, скажи толкомъ, Маруся, я тебѣ добра...

— Слышала тысячу разъ! Прощайте. Мнѣ нужно.

— Куда же?

— Нужно... Къ знакомымъ... Теперь ужъ пятый часъ, смеркается.

— Да какъ же это, Маруся, — растерянно говорила Марья Трофимовна,—вѣдь ты опять—на цѣлую недѣлю?

— Можетъ, и больше...

— Ну, я зайду...

— Нѣтъ-съ... Ко мнѣ я не могу принимать, у меня и комнаты порядочной нѣтъ. Ужъ отъ однихъ этихъ аспидовъ-благодѣтелей отдѣлаться, такъ и то благодать.

— Отдѣлаться... Какъ?

— Да такъ же, очень просто! Каждый кусокъ считаютъ, такъ въ ротъ тебѣ и смотрятъ... Прощайте, что жъ вы меня насильно, что ли, хотите держать?..

Руки опустились у Марьи Трофимовны. Въ звукахъ голоса Маруси было что-то совсѣмъ новое. Такъ прежде она не говорила. Тутъ—мужчина, любовное влеченіе; быть-можетъ, теперь уже и поздно!.. Пытливо и тревожно посмотрѣла она въ лицо Маруси: кровь отхлынула отъ щекъ, лицо злое и задорное... Никакой связи съ нею въ сердцѣ этой несчастной дѣвочки.

— Богъ съ тобой,—прошептала она, и ей стало обидно за свое разстройство.

Она подавила слезы, повернулась и, не удерживая больше свою воспитанницу, отошла къ кровати.

— Прощайте! — звонко, почти съ радостью крикнула дѣвушка и захлопнула за собою наружную дверь.

Сумерки сгущались. Наступила тишина. Марья Трофимовна присѣла на постель и оглянулась. Никогда она еще не знала такой горечи. И тотчасъ же ее подняло съ постели. Она торопливо начала одѣваться, не прибрала ничего на столѣ... Ее влекло на улицу; она готова была бѣжать вдогонку... Необходимо выслѣдить дѣвочку... Честность, на секунду, возмутилась въ ней...

„Шпіонить за ней? Не шпіонить, а спасти“.

Маруся побѣжала на свиданіе, непремѣнно, такъ должно быть!..

„Надо спасти!“

Въ двѣ-три минуты она собралась и была уже подъ воротами. Замокъ щелкнулъ. Она задумалась и не сразу вышла на улицу.

„А зачѣмъ?—спросила она себя.—Только еще больше терзаній. Пускай идетъ на гибель“.

Но это только промелькнуло. Страхъ за Марусю, упреки себѣ — „допустила, не доглядѣла“ — грызли ее и подталкивали. На послѣднія деньги взяла бы она извозчика; но, быть-можетъ, и такъ догонитъ.

Вышла она на улицу. Надо взять направо... Марья Трофимовна обогнула угловой домъ, и глаза ея быстро прошлись вдоль всего тротуара.

VII.

Пошелъ уже седьмой часъ, когда Марья Трофимовна попала опять на Невскій, на перекрестокъ между Михай-

ловской и Гостинымъ дворомъ. Свѣтъ электрическихъ фонарей заставилъ ее на минуту зажмурить глаза. Она давно не попадала на Невскій и всего разъ, издали, переходя отъ Литейной на Владимірскую, видѣла голубое мерцаніе фонарей, съ дымчатымъ заревомъ, по ту сторону Аничкова моста.

Она не догнала Маруси. Но домой она не вернулась. „А можетъ-быть, гдѣ-нибудь попадется“,—думала она, и внутренняя тревога все росла въ ней. Быстрыми шагами, глядя по сторонамъ, исходила она нѣсколько улицъ и переулковъ. Хотѣла-было броситься туда, гдѣ жила Маруся, да посовѣстилась... Сказать, что зашла такъ, просто?.. Она ужъ чѣмъ-нибудь да выдастъ свою тревогу. Да и не туда убѣжала Маруся. Непремѣнно на свиданіе съ нимъ, съ этимъ опереточнымъ пѣвцомъ. Для Марьи Трофимовны это было несомнѣнно.

И вотъ, когда она, измучившись отъ ходьбы, хотѣла уже тащиться къ себѣ, ей точно въ голову что ударило вмѣстѣ съ мыслью: „на Михайловской улицѣ, около магазина гуттаперчевыхъ издѣлій“.

Почему около этого магазина? Она вспомнила, что онъ называется „Макинтошъ“. Да, „Макинтошъ“. Это слово повело за собой и другую подробность. Кто-то, не такъ давно, разсказывалъ ей, кажется, какая-то паціентка (она могла даже сказать: какая) признавалась ей въ своемъ „грѣхѣ“. И „душенька“ вызвалъ ее въ первый разъ къ этому самому „Макинтошу“. Тутъ часто назначаютъ свиданія.

Все это крутилось въ головѣ Марьи Трофимовны. Придерживала она одной рукой салопчикъ и съ оглядкой переходила Невскій. Ноги, въ резиновыхъ высокихъ калошахъ, погружались въ снѣжную кашу улицы цвѣта сухого толокна. Вверхъ и внизъ не смолкала ѣзда—почти что одни извозчики. Часъ шелъ обѣденный для господъ, а въ театры еще было рано. По тротуару солнечной стороны, въ бѣловато-сизомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей, двигалось много гуляющихъ, и разговоры гудѣли. Она начала вглядываться: все больше молодые мужчины, съ бородками, въ родѣ приказчиковъ, не мало и подростковъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, въ барашковыхъ шапкахъ, съ приподнятыми цвѣтными тульями. Между ними мелькаютъ, особой походкой, женскія фигуры. На нихъ—пальто съ узкими тальями; высокія шляпки такъ и торчатъ вверхъ,

на иныхъ задорно, на другихъ смѣшно. Марья Трофимовна хорошо знала, что это за женщины. Но не всѣ были такія. Проходили и молодыя дѣвушки, по двѣ, по три, съ кавалерами, видомъ скорѣе на барышень похожи, чѣмъ на швей. Онѣ громко разговаривали, смѣялись.

Она повернула въ Михайловскую улицу. Направо будетъ магазинъ резиновыхъ издѣлій. Она была уже увѣрена, что любовныя свиданія назначаютъ всего чаще въ Михайловской: или около Европейской гостиницы, или напротивъ, около магазина „Макинтошъ". Вотъ и магазинъ. Ей даже стало какъ бы немного совѣстно: точно она сама идетъ на свиданіе.

Народу проходило меньше. Около высокаго подъѣзда въ магазинъ она столкнулась съ брюнетомъ въ скунсовой шубкѣ на отлетѣ и бобровой шапкѣ набекрень. Онъ былъ рослый и лицомъ похожъ на армянина.

„Онъ, онъ!"—прошептала она, и ей захотѣлось остановить его, взять за руку, умолить „Христомъ-Богомъ" не губить ея дѣвочки. Она и остановилась-было. Прохожій тоже замялся на ходу: ему было неудобно пройти по тротуару, суженному въ этомъ мѣстѣ.

Марья Трофимовна взглянула на него, чувствуя, что блѣднѣетъ, и сошла съ тротуара, сама дала ему дорогу.

Брюнетъ слегка запахнулся, поглядѣлъ на нее точно съ вопросомъ — и пошелъ развалистымъ и учащеннымъ шагомъ къ Невскому.

„Нѣтъ, не онъ!"—успокоила она себя.

И сейчасъ же сообразила, что тотъ, актеръ опереточный, врядъ ли носитъ большую бороду. Актеръ долженъ быть бритый, а у этого борода покрываетъ чуть не полгруди. Посмотрѣла она черезъ улицу долгимъ взглядомъ; прошлась имъ по тротуару Европейской гостиницы, стоя все еще около подъѣзда магазина резиновыхъ издѣлій. Ей видно было и внутрь воротъ отеля. Газовые канделябры ярче освѣщали проходящихъ. Промелькнуло нѣсколько женщинъ, и въ одиночку, и по-двое. И мужчины шли, съ той стороны, отъ угла Большой Итальянской. Но никто что-то не останавливался, не заговаривалъ; ни одной пары не видно было, похожей на любовное свиданіе.

Тутъ только усталость вдругъ точно подкосила Марью Трофимовну, и вся ея бѣготня показалась ей глупой и жалкой. Она чуть не заплакала на улицѣ.

Бѣжать къ благодѣтелямъ Маруси—безполезно. Дѣвочка

не вернется раньше ночи. Она и прежде уходила отъ нея, тотчасъ послѣ обѣда, къ подругамъ; ей часто дарили билеты въ театръ или брали съ собой въ ложу.

Совсѣмъ разбитая, двигалась Марья Трофимовна внизъ по Невскому, ни въ кого уже не вглядывалась, шла съ поникшей головой. Не малодушна она, а теперь ей самой хотѣлось, чтобы кто-нибудь сказалъ ей ободряющее слово; на кого-нибудь опереться бы вотъ въ эту именно минуту, поглядѣть, какъ люди живутъ въ довольствѣ, увѣренные въ себѣ, безъ заботы о завтрашнемъ грошѣ и безъ такихъ жалкихъ волненій.

Поблизости, въ переулкѣ,—квартира ея давнишней пріятельницы Переверзевой, такой же, какъ она, акушерки... Такой же!..

И вся разница въ судьбѣ и жизни этой Переверзевой представилась ей. Учились только вмѣстѣ, а потомъ какое же сравненіе!.. Та и на курсы ужъ поступила молодой вдовой; у ней денежки остались отъ мужа или свое приданое—Марья Трофимовна хорошенько не знаетъ. Практику она себѣ добыла сразу; явилась и любовь, взаимная, на рѣдкость. Правда, „другъ"—не законный мужъ, да она сама не хотѣла. Отъ Марьи Трофимовны у ней секретовъ не было, хотя онѣ и рѣдко видались.

— Старше я его на нѣсколько лѣтъ,—весело говаривала она ей, когда Марья Трофимовна, бывало, зайдетъ къ ней,—не удержишь мужчину вѣнцомъ; довольно мнѣ и перваго... тоже чадушко былъ. Не хочу я любимаго человѣка въ кабалѣ держать.

Живутъ они, какъ мужъ съ женой, но на разныхъ квартирахъ, въ одномъ домѣ. Онъ служитъ въ банкѣ, хорошее мѣсто занимаетъ. И оба—такіе веселые, все смѣются, да подпѣваютъ, здоровые; она хоть старше его, а кажется ровесницей. Такъ это между ними было ровно: съ выдержкой, со скромностью, при постороннихъ другъ другу „вы" говорятъ; никакихъ вольностей, никто и не подумаетъ, кому не извѣстно. Какъ мать она его полюбила, и вотъ уже больше десяти лѣтъ съ нимъ няньчится. Онъ студентомъ былъ, бѣдный, хилый, не очень бойкій на ученье. Переверзева ему сейчасъ и мѣсто нашла, и съ нужными людьми свела; глядь, черезъ два-три года онъ уже на трехъ тысячахъ жалованья. Всѣмъ онъ ей обязанъ: не одной карьерой своей—и жизнью. Часто болѣзни съ нимъ случались, и въ студентахъ, и послѣ. Она его вы-

ходила, на кумысъ возила, за границу; а теперь опъ круглый сталъ, точно огурецъ гладкій. И все-то удавалось этой Переверзевой! Практику получила въ хорошихъ семьяхъ, не гнушалась, впрочемъ, и средней руки паціентками, завела у себя и комнаты для рожениць, а потомъ залу для женской пассивной гимнастики. Не дальше, какъ въ прошломъ году, о Рождествѣ, предлагала она, сама первая, Марьѣ Трофимовнѣ поступить къ ней въ помощницы.

Почему не пошла? Да какъ-то ей не по душѣ эти „пріюты“ для рожениць. Не то, чтобы она въ чемъ подозрѣвала Переверзеву; только въ такой практикѣ нельзя безъ тайнъ да разныхъ увертокъ... Надо каждую принимать, кто явится да хорошія деньги заплатитъ... А мало ли кто тутъ бываетъ, шито-крыто? Вотъ въ помощницы по гимнастикѣ не пошла тогда — это великую глупость сдѣлала... А все отчего? Не хотѣлось разставаться со своей квартиркой. Переверзевой нужно было у ней жить,—чтобы всегда наготовѣ. А какъ же Маруся-то? Она придетъ въ воскресенье, или въ другой день прибѣжитъ, переночуетъ иногда все-таки какъ въ домѣ, къ ней, къ „мамѣ“!.. У Переверзевой она бы стала стѣсняться за свою дѣвочку. Маруся, пожалуй, отрѣзала бы:

— Что это: вы въ услуженіе поступили? Къ вамъ и ходить-то нельзя: въ чужихъ людяхъ живете, угла своего нѣтъ!

Такъ и отказалась, и сколько разъ горько жалѣла. Навѣрно, она и отъ практики своей многое бы ей уступила: ей самой и дома много работы. При ней можно быть какъ у Христа за пазухой. Развѣ если бы пришлось совсѣмъ ужъ плохо жить! Переверзева не горда, къ ней не совѣстно самой обратиться... Только теперь вотъ, сейчасъ, она ни о чемъ не будетъ просить для себя... Только бы та ей совѣтъ добрый подала, только бы около нея, около ея энергіи и житейской смѣлости взять себя самоё въ руки, не грѣшить малодушіемъ, не губить дѣвочки изъ-за своей же постыдной слабости и трусости.

Подходила Марья Трофимовна къ тому переулку, гдѣ жила Переверзева, и ей такъ ярко представлялось ея лицо: круглое, свѣжее, точно подъ лакомъ, темные волосы, тоже съ лоскомъ, мелкія черты, свѣтлокаріе глаза, вся ея плотная, широкая въ кости, рослая фигура, ея обычное, неизмѣнное выраженіе лица, говорящее вамъ:

„Ну, что пюнить, надо дѣйствовать, посмотрите-ка на меня!“

И ея домашній нарядный капотъ, съ тонкимъ бѣльемъ, даже ея духи припомнились ей...

VIII.

Переверзева занимала большую квартиру, въ первомъ этажѣ, ходъ прямо съ отдѣльнаго подъѣзда.

Марья Трофимовна позвонила, и видъ двери, аккуратно обитой зеленымъ сукномъ, доска съ фамиліей, особый звонокъ для ночного времени, ящикъ для писемъ и газетъ,— все это такъ шло къ ея пріятельницѣ, такъ ото всего этого пахло дѣльной и бойкой жизнью, хозяйскимъ глазомъ, домовитостью, довольствомъ.

Ей отперла сама Переверзева.

Въ передней стоялъ полусвѣтъ, и Марья Трофимовна не могла сразу разглядѣть ея лицо.

— Вы, Евсѣева? — окликнулъ ее голосъ Переверзевой. Онъ ей показался не такъ звонокъ, какъ бывало прежде.

— Я, я,—кротко отвѣтила она и тихо прошла въ дверь.

Онѣ поцѣловались.

— Сколько не были!.. Забыли меня, грѣшно... Раздѣвайтесь, пойдемте ко мнѣ...

Переверзева помогла ей снять салопчикъ и повела ее мимо коридора въ свою половину, изъ двухъ комнатъ: первая—спальня съ большими шкапами, вторая, пониже, широкая комната, полная всякой мебели, картинокъ, вазочекъ, вышиваній, цвѣтовъ, полочекъ и ковриковъ. Въ ней стоялъ запахъ благовоннаго куренья. Лампа обливала свѣтомъ столъ, гдѣ уже приготовленъ былъ чайный приборъ.

— Вотъ кстати и чайку напьетесь. За дѣломъ пожаловали, или такъ, поглядѣть, совѣсть зазрила, узнать: жива ли, молъ, Авдотья Николаевна?

Переверзева говорила скоро, попрежнему, тѣмъ же ласковымъ тономъ, но Марья Трофимовна успѣла уже оглядѣть ее...

— Да что это вы?—спросила она нерѣшительно.— Никакъ больны были... Какъ похудѣли... Узнать нельзя...

— Всяко было! — отвѣтила Переверзева и кивнула головой на особый ладъ. — Садитесь... Сейчасъ Маѳуша и самоварчикъ принесетъ. Вы какъ?

— Да... что я,—начала остановками Марья Трофимовна.—Браните меня... Дѣйствительно, около года глазъ не казала... И вдругъ вотъ захотѣлось... Когда...

Она не договорила. Еще одно слово, и она разревется; а этого она не любила, стыдилась слезъ и знала, что это ей „нейдетъ“—даже говаривала про себя: „не къ рожѣ“.

Удержалась она, поглядѣла на Переверзеву, и ея сердце ёкнуло, не за себя одну, не за свою только тревогу, а и за то, что̀ она прочла на этомъ лицѣ.

Не то одно, что Авдотья Николаевна вся какъ-то поссохлась и кожей потемнѣла; а глаза стали другіе. Ротъ улыбается, и въ то же время глаза сухіе и вдавленные.

„Не та Переверзева, не та“,—подумала Марья Трофимовна, и даже ея домашній распашной капотъ, шитый шелкомъ, смотрѣлъ иначе.

— Про меня что,—заговорила она,—вы про себя скажите... Навѣрно были больны?

Спросила она съ большимъ участьемъ. Переверзева поглядѣла на нее и потрепала по плечу.

— Спасибо. Вы такая же добрая душа... Всяко было, Евсѣева... Сначала тифецъ, потомъ внутри нарывъ образовался... умирала три мѣсяца... отлежалась, на кумысѣ была, въ Крымъ возили... Вотъ видите, ничего. Дьявольское у меня здоровье... Только не та ужъ я... Вы, я думаю, не узнали?.. Совсѣмъ старуха.

— Гдѣ же...

— Да я объ одномъ и прошу Господа Бога: на старушечье положеніе перейти.

Въ голосѣ Переверзевой зазвучали ноты, какихъ Марья Трофимовна никогда не слыхала у нея.

— Что же такъ?—чуть слышно спросила она.

— Вы не знаете, голубчикъ, я вѣдь теперь одна, какъ перстъ,—протянула Переверзева.

Горничная вошла съ самоваромъ. Переверзева начала мыть чашки.

Съ минуту онѣ обѣ молчали.

— Какъ перстъ... Вы что̀ на меня смотрите?.. Такъ спокойнѣе...

Бѣлые ея пальцы поворачивали чашку въ водѣ и обтирали ее быстро и нервно.

— Неужели Леонидъ... такъ вѣдь, кажется? — заговорила Евсѣева почти шопотомъ...

Ей вдругъ страшно стало выговорить слово „скончался“.

Потомъ она взглянула на цвѣтной капотъ Авдотьи Николаевны и подумала: „Она бы въ черномъ ходила“.

— Женился! — вскричала со смѣхомъ Переверзева и стала еще быстрѣе мыть и перетирать чашки.

— Какъ же?—вырвалось у Марьи Трофимовны. У ней и въ горлѣ пересохло. — Вѣдь онъ вами и живъ сталъ... Она не могла удержаться отъ усмѣшки и неучтиваго тона этихъ своихъ словъ.

— Мало ли что, милая!..

И тутъ Авдотья Николаевна оставила мытье чашекъ и разсказала ей все: какъ отъ нея скрывали свое ухаживанье, а потомъ къ ней же обратились, чтобы устроить сватовство; она же должна была себя за „тетку“ выдавать; какъ потомъ предлагали ей что-то въ родѣ „отступного“, а послѣ вѣнца—она и посаженой матерью у него была — ее черезъ недѣлю же уложилъ тифъ, а тамъ нарывъ, лѣченье, разъѣзды... И теперь—одиночество полное, безповоротное, послѣ пятнадцати лѣтъ житья „душа въ душу“.

Марья Трофимовна слушала подавленная. Даже ни одного слова не нашлось у нея ободряющаго...

— И вѣдь любитъ ее!—вскрикнула вдругъ Переверзева. Разсказъ свой она вела съ улыбкой, даже шутливо, только изрѣдка пожметъ плечами или сдѣлаетъ движеніе кистью руки; а тутъ вдругъ голосъ задрожалъ, дернуло углы рта, глаза покраснѣли сразу...

— Любитъ! Души не чаетъ!.. А она хуже моей Марѳуши... Ни лица, ни образованья... ни приданаго большого... Ребеночекъ родился. Вотъ что!.. Дѣтолюбіе, видите ли!..

И она засмѣялась.

— Ужъ эту онъ не броситъ, — закончила она. — Вотъ какое дѣло!.. Жить нужно, Евсѣева, руки на себя наложить я не подумала: чего-то у меня нѣтъ для самоубійства, а смерть этакихъ, какъ я, не беретъ!.. Не хотите ли вареньица? Какими тутъ утѣшеніями разведешь такое горе?

— Вамъ только захотѣть, — заговорила Марья Трофимовна,—можете замужъ выйти... Найдется человѣкъ, оцѣнитъ...

— Спасибо, голубчикъ, спасибо! Отставного провіантмейстера съ подагрой, что ли?.. И дѣло-то мое мнѣ наполовину опостылѣло... Къ веснѣ я квартиру сдамъ, ком-

нать-держать не буду для роженицъ. Гимнастику удержу... больше для себя...

Она помолчала и заговорила со смѣхомъ:

— А то меня задушитъ, параличъ хватитъ. Что за радость калѣкой оставаться? Сразу не пришибетъ такую, какъ я... Вотъ!..

Свое горе куда-то ушло у Марьи Трофимовны. Такъ съ ней всегда бывало. Передъ ней билась живая душа, раненая на смерть... Ужъ Переверзевой не найти такой второй привязанности. Только ея желѣзная натура будетъ, по привычкѣ, выполнять обычный свой обиходъ. А на сердцѣ смерть.

Какъ-то у ней ротъ не раскрывался, чтобы начать жаловаться на свою Марусю, тревожиться, просить совѣта.

— Какъ же это?..—повторяла она, любовно оглядывая Переверзеву, и рука ея дотронулась до круглаго плеча акушерки.

— Ужъ если тоска очень заберетъ, возьму на воспитаніе дѣвчонку какую ни на есть, вотъ такъ, какъ вы сдѣлали... У меня заработки есть... Быть-можетъ, хоть тутъ не выйдетъ такого... водевиля...

Хочетъ взять пріемыша. Но вѣдь дѣвочка-то можетъ оказаться хуже Маруси!.. Надо сейчасъ разсказать Авдотьѣ Николаевнѣ, съ чѣмъ она сама шла сюда, какія радости видитъ она отъ своей пріемной дочери, излиться, попросить совѣта, самоё предостеречь...

Но Марья Трофимонва молчала. Она только разстроитъ Переверзеву! Жаловаться на Марусю, показывать свою тревогу—это значитъ пугать ее, воздерживать! А у ней, вѣдь, только, поди, и осталось, что эта надежда: взять на воспитаніе дѣвочку, вызвать въ себѣ материнство, начать опять няньчиться, какъ она няньчилась съ своимъ „Лёлей“...

„Нѣтъ, я ничего не скажу... послѣ... послѣ“...

Такъ ничего и не сказала. Когда Переверзева сама перевела разговоръ на ея дѣла, на практику, на Марусю, она отдѣлалась шуточками... Ей стало стыдно заикнуться даже о томъ: какъ она бьется среди этихъ тревогъ за свою дѣвочку, какъ плохо идетъ практика, какъ впереди ничего, кромѣ богадѣльни... Да и туда попадешь ли?..

— Пропадете опять? — сказала ей на прощанье Переверзева.

— Ваши гости!.. — шутливо отвѣтила Марья Трофи-

мовна и пошла отъ нея такъ, какъ будто она заходила напиться чайку съ вареньемъ и погрѣться у самовара.

IX.

Цѣлую недѣлю провела Евсѣева въ тревогѣ. Маруся ускользала отъ нея. Придешь въ послѣобѣденное время—ей скажутъ: барышня ушли. Она сидитъ-сидитъ до десяти часовъ—Маруся не возвращается.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній вошла въ комнатку, гдѣ она дожидалась, сама барыня. Она первая стала разспрашивать ее про Марусю и замѣтила, что „такъ молодой дѣвушкѣ вести себя нельзя“, намекнула на то, что „если такъ пойдетъ дальше“, то они ее дольше держать у себя не будутъ. Марья Трофимовна не выдержала — расплакалась. Барыня стала ей выговаривать: какъ она такъ слаба, что не имѣетъ никакого „нравственнаго вліянія“ на свою пріемную дочь. Видно было, что этимъ „благодѣтелямъ“ Маруся сильно надоѣла, и они ее, все равно, попросятъ удалиться.

— Скажите мнѣ, — убитымъ голосомъ спросила Марья Трофимовна,—развѣ вы думаете, чта она погибла?

— Это вамъ надо знать, а не мнѣ, — брезгливо отвѣтила ей барыня и вышла.

Осталась Марья Трофимовна одна въ комнаткѣ Маруси, сѣла на ея кровать и такъ просидѣла больше двухъ часовъ: свѣча вся почти догорѣла...

Куда дѣвались ея шуточка, ея бодрость... Чувствуетъ она, что дѣвочка ея уже „погибла“ или погибнетъ, какъ только останется на волѣ, уѣдетъ отсюда въ Москву. И она безсильна. Что̀ она можетъ сдѣлать? Еле-еле сколачиваетъ она платить за ученье въ гимназію. Если такъ плохо пойдетъ практика въ августѣ,—нечего и думать заплатить за полугодіе. Здѣсь Марусей тоже тяготятся... Взять къ себѣ... Она сбѣжитъ, непремѣнно сбѣжитъ. Просто, возьметъ да и очутится въ какомъ-нибудь кафе-шантанѣ, или хористкой. Чѣмъ больше она думаетъ, тѣмъ безполезнѣе кажется ей всякій запретъ, всякая борьба.

Одного страшится ея сердце: потерять совсѣмъ Марусю... Что же сдѣлать... Такая натура у дѣвочки: кровь играетъ, любовь возьметъ свое не нынче — завтра... Она уже чувствуетъ, что готова все простить, только бы не совсѣмъ потерять ее, не остаться „какъ перстъ“, какъ Переверзева!..

Марья Трофимовна и не замѣчаетъ, что было уже двѣнадцать. Сейчасъ догоритъ свѣчка и запылаетъ бумажка...

— Вы тутъ?

Маруся окликнула ее и, въ пальто, подсѣла къ ней на кровать, обняла и поцѣловала.

— Извини... поздно...—начала какъ бы оправдываться Марья Трофимовна.—Очень ужъ я соскучилась.

И слезы показались у ней на рѣсницахъ. Совсѣмъ не то хотѣла она сказать. Надо было подавить свою слабость, выказать характеръ... Гдѣ!..

— Вы видѣли ту... снафиду? — шопотомъ спросила ее Маруся и кивнула головой въ сторону двери.

— Она вошла... Маруся... она тебя...

— Знаю! — почти крикнула Маруся, легла поперекъ кровати и вскинула ногами...—Отлично, что вы пришли... Мочи моей нѣтъ!.. Они воображали изъ меня въ родѣ бонны сдѣлать... съ дохлой ихъ дѣвчонкой хороводиться... Я только не хотѣла, мамочка, васъ разстраивать; а вотъ уже больше недѣли эти искаріоты меня всячески пыряютъ... Мочи моей нѣтъ!.. Завтра меня здѣсь духу не будетъ...

Маруся вскочила и каблуки ея застучали по полу.

— Потише, ради Христа,—удержала ее Марья Трофимовна за рукавъ.

— Не выгонятъ, небось, теперь, ночью!..

— А ты какъ знаешь?..

Сейчасъ же припомнила она Марусѣ, какъ, года два назадъ, какіе-то господа выгнали, ночью, на дачѣ, гувернантку, а она взяла да и утопилась тутъ же въ Невѣ.

— Я не утоплюсь! —вскричала Маруся, и тутъ только сняла шляпу.—Ну, мамочка, васъ Самъ Богъ прислалъ... Воля ваша—я не могу такъ жить... Вотъ свѣча сейчасъ догоритъ, а тѣ аспиды больше одной на три вечера не даютъ... Растабарывать намъ долго нельзя... Вы обо мнѣ соскучились... Вы у меня добрая...

Послѣдній слѣдъ строгости растаялъ въ душѣ Марьи Трофимовны.

— Какъ же ты... Господи?..—чуть слышно прошептала она.—Маруся... чѣмъ же мы съ тобой?..

Она не договорила. Стыдно ей стало сознаться въ своей крайней бѣдности; Маруси она не прокормитъ, развѣ въ долги надо войти неоплатные.

— Прощайте, мамочка!.. Впотьмахъ нельзя же такъ... Я спать хочу; а завтра все, все узнаете. Я къ вамъ переѣду всего на три-четыре дня... Вы не бойтесь. Деньги у насъ есть...

Она наклонилась къ уху Марьи Трофимовны и повторила:

— Есть!

— Какъ, отъ кого?—съ ужасомъ выговорила Евсѣева.

— Задатокъ.

— Задатокъ?

— Да полно вамъ!.. Точно я украла... Я теперь — артистка. Вотъ всю недѣлю я хлопотала... Тоже вѣдь не сразу; а теперь... задатокъ.

Рукой она ударила по правому карману пальто. Она еще не снимала его.

„Кончено, кончено все... — про себя шептала Марья Трофимовна. -- Эти деньги... эти деньги..."

Она не сомнѣвалась, что „деньги эти—цѣна погибели ея дѣвочки". Кто же дастъ такъ?.. Негодовать, выходить изъ себя уже поздно, да она и слишкомъ была разбита...

Свѣча, въ самомъ дѣлѣ, догорѣла. Надо идти...

Она встала, беззвучно поцѣловала Марусю и даже ничего не сказала на прощанье. Машинально пробралась она мимо кухни, гдѣ кто-то уже храпѣлъ, и тогда только вспомнила, что у ней въ карманѣ коробка длинныхъ восковыхъ спичекъ... Маруся отворила ей дверь на заднюю лѣстницу; она спустилась со спичкой въ рукѣ и на улицѣ только потушила ее. Все это сдѣлалось какъ во снѣ. Одно она чувствовала и помнила: Маруся будетъ у ней завтра ночевать, Маруся съ ней ласкова; у ней есть дочь; она не одна какъ перстъ...

И „задатокъ" вылетѣлъ у ней изъ головы. Только что она пришла къ себѣ, какъ за ней прибѣжали къ роженицѣ. Она не успѣла даже ничего захватить съ собою— такъ ее торопила маленькая дѣвочка, которая дрогла подъ дырявымъ платкомъ... За эту ночную помощь Марья Трофимовна получила три двугривенныхъ и нѣсколько пятаковъ.

X.

И все потомъ вышло такъ, какъ хотѣла Маруся. Съ тѣхъ поръ протянулось три, больше — четыре долгихъ

мѣсяца, а Марья Трофимовна все спрашиваетъ себя, и ночью, засыпая, и утромъ, только что встанетъ:

„Какъ я ее отпустила?“

Такъ и отпустила, и провожала на желѣзную дорогу, крестила, благословляла, писала ей каждую недѣлю, ждала ея писемъ съ замираніемъ сердца. Эта дѣвочка сдѣлалась ей еще дороже, какъ только паровозъ умчалъ ее въ Москву. Тогда только поняла Марья Трофимовна — чего она лишилась, какъ ея жизнь потускнѣла...

Маруся, когда уѣзжала, говорила ей:

— Ну, мамочка, вамъ теперь все полегче будетъ. Вѣдь я вамъ хоть и не больно сколько, а все-таки стоила... У меня мое жалованье будетъ. Можетъ, когда попаду на настоящее амплуа, такъ и васъ выпишу, и не нужно вамъ будетъ гадостями вашими заниматься.

Она всегда называла ея дѣло „гадостями“.

И слова Маруси были ей пріятны. Она, сквозь слезы, улыбалась ей и даже раза два отвѣтила на ея смѣхъ, на дурачества и ужимки. Обѣ онѣ насмѣялись надъ какой-то барыней въ допотопномъ салопѣ.

Задатокъ, что такъ ужаснулъ Марью Трофимовну въ комнаткѣ у Маруси, уже не пугалъ. Она вѣрила всему, что̀ ей говорила Маруся. Тотъ пѣвецъ, что такъ страшенъ былъ, что представлялся соблазнителемъ, выходилъ, по разсказу ея, добрымъ малымъ. Онъ ей выхлопоталъ ангажементъ на маленькія рольки, прямо на жалованье, но самъ уѣхалъ сейчасъ же въ Москву, доигрывать зимній сезонъ...

— Маруся! Маруся! — только повторяла Марья Трофимовна и не могла ее начать допрашивать, какъ на исповѣди.

Но ей не вѣрилось, что ея дѣвочка уже „погибла“. Вѣдь не даромъ у ней житейскій опытъ. Нѣтъ, у Маруси лицо и усмѣшка дѣвушки, еще не знавшей грѣха... Ну, можетъ-быть, дошло до поцѣлуевъ... Марья Трофимовна вспомнила свою первую любовь, въ Москвѣ, двадцать лѣтъ назадъ... Вѣдь тоже могло кончиться грѣхомъ, однако не кончилось — и она дѣвушка, хоть всѣ ее и считаютъ вдовой.

Да, всему она вѣрила, слушая Марусю. Та, въ день отъѣзда, обняла ее крѣпко-крѣпко, всплакнула и вдругъ, точно спохватилась, говоритъ:

— Вы, вѣдь, мамочка, безъ копейки сидите... Возьмите у меня хоть красненькую.

Она взяла. И ей не было стыдно, а, напротивъ, пріятно, гордость какую-то она почувствовала: вотъ и моя Маруся зарабатываетъ деньги и со мной дѣлится.

Послѣ, черезъ мѣсяцъ, все это она обсудила и ей казалось ея поведеніе такимъ глупымъ, пошлымъ, преступнымъ, ужаснымъ!.. А всего больше глупымъ. Лежитъ она въ кровати и все перебираетъ: какъ она глупа была, безжалостно смѣется надъ собою... Вѣдь знала же она, что за Марусей съ дѣтства водилось: прилыгать, похвалиться, а то такъ и цѣлыя исторіи сочинять. Съ годами оно не проходило. Одно было, кажется, вѣрно, что ангажементъ она получила; да и то, навѣрное, не на маленькія роли, а хористкой; и не на шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а много на тридцать. И какъ только Маруся попала въ Москву, ничего отъ нея нельзя было узнать толкомъ. Сначала написала довольно большое письмо о томъ, какъ ее слушалъ антрепренеръ, о которомъ она выражалась, что онъ „магъ и волшебникъ", — и остался ея голосомъ очень доволенъ, адреса квартиры не дала, а просила писать прямо въ театръ. Потомъ шесть недѣль прошло—ни одной строчки.

Настрадалась Марья Трофимовна, тосковала выше всякой мѣры, похудѣла, стала тяготиться практикой, сидѣла по цѣлымъ днямъ въ плохо протопленной комнатѣ и гадала; а надъ гаданьемъ она всегда смѣялась. Думала она обратиться къ антрепренеру, или къ этому пѣвцу, тенору или баритону; имя его она помнила изъ разсказовъ Маруси. Однако, ни того, ни другого не сдѣлала. Робость на нее напала, небывалое малодушіе. И съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе хотѣлось видѣть свою дѣвочку, приласкать ее, услыхать ея смѣхъ, полюбоваться на ея стройный станъ. Если бы Маруся бросила ей хоть одно слово: „пріѣзжайте, мамочка" — она бы все распродала, поселилась бы у ней хоть въ кухнѣ, готовить бы ей стала, бѣлье стирать...

Она признавалась сама себѣ въ этой страсти къ своему пріемышу, не хотѣла лгать передъ самой собой, сознавала, что это постыдно, что ея дѣло—святое дѣло: въ ея услугахъ нуждаются бѣдняки, приниженные и обойденные жизнью, какъ и она сама. Все это представлялось ея честной головѣ, и сердце ея откликалось на такія мысли, и

краска вдругъ выступитъ на щекахъ, а все-таки она не могла жить безъ Маруси.

Послѣ шестинедѣльнаго молчанія Маруся прислала почтовую карту: была нездорова, а теперь, постомъ, много работы на репетиціяхъ къ весеннему сезону — больше ничего.

Сто разъ перечитывала Марья Трофимовна эту карту, всю въ штемпеляхъ, написанную бѣлесоватыми чернилами. Была больна? Чѣмъ? Ея воображеніе приводило ей все самое худшее... Ужъ не въ „такомъ" ли она положеніи? Развѣ она признается теперь, на волѣ, опереточная хористка... Хоть жива! И слово „жива" все собой прикрывало и искупляло. Только бы увидать ее... Но когда?

Этотъ вопросъ началъ глодать сердце Марьи Трофимовны. Она не могла оставаться такъ, по шести недѣлямъ, въ неизвѣстности... Это—выше ея силъ.

Отчего бы ей и не переѣхать въ Москву? Вѣдь Москва—ея родной городъ. У ней найдутся тамъ подруги, даже и родственники должны быть... Она училась въ Петербургѣ—хорошо училась; на новомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ купеческомъ „урочищѣ", не трудно найти практику, особенно такой неприхотливой, какъ она.

Эта мысль уже не покидала ее съ тѣхъ поръ. Но она не посмѣла написать Марусѣ, даже намекнуть ей. Только напугаешь. Зачѣмъ? А вотъ, къ веснѣ, продать свою рухлядь и прямо пріѣхать, какъ будто поглядѣть на нее. Потомъ и остаться.

Еще мѣсяцъ прошелъ безъ писемъ отъ Маруси. Постъ уже позади; Ѳомина недѣля. У Марьи Трофимовны набралось такъ много визитовъ, что она и не взвидѣла, какъ пролетѣла Святая. Письмо Маруси, уже не на картѣ, а на двухъ листкахъ—всю ее всколыхнуло. Рѣзкія жалобы на все: и на театральные порядки, и, главное, на мужчинъ. Такъ писать можетъ только страстная дѣвочка, обманутая или уже наполовину брошенная.

Этотъ пѣвецъ, разумѣется, бросилъ ее, можетъ, и надругался, и сталъ преслѣдовать. Мало ли ихъ тамъ, въ хорѣ, смазливыхъ? Но такая, какъ Маруся, не снесетъ. Она отравится, да и его зарѣжетъ сначала. Двѣ ночи напролетъ не спала Марья Трофимовна. Все ярче представлялись ей картины: точно она сама совсѣмъ брошенная, опозоренная дѣвушка. И не смѣшно ей на себя. Лихорадка какая-то особенная бьетъ ее. Письма-то не могла

въ отвѣтъ написать — въ первый день; а потомъ, какъ сѣла, такъ на двѣнадцати страницахъ все умоляла Марусю признаться, что̀ такое вышло, слезы капали на бумагу, руки еле ходили отъ волненія, и все-таки она не могла кончить сразу этого письма: такъ у ней выливалась душа потокомъ возгласовъ, нѣжныхъ словъ и даже заклинаній.

Еще недѣля—нѣтъ отвѣта. Марья Трофимовна депешу — и на депешу никакого отклика. Телеграфировать антрепренеру или режиссеру? Но про кого? Вѣдь Маруся не написала ей даже подъ какой фамиліей она играетъ; сказала только вскользь, что у ней будетъ „чудесная фамилія".

Въ четыре дня распродала Марья Трофимовна все до послѣдней кадушки—купили старьевщики со Щукина, и какъ она ихъ не усовѣщивала, больше девяноста трехъ рублей не получила. А отъ Маруси—ничего.

Пахло весной, когда она прощалась глазами съ Петербургомъ изъ окна вагона дешеваго пассажирскаго поѣзда. Городъ уже отошелъ въ дымчатую даль, а она все еще искала его затуманеннымъ взглядомъ. Никуда не ѣздила она больше десяти лѣтъ, даже и лѣтомъ: разъ была въ гостяхъ въ Царскомъ, да въ Петергофѣ раза два. Теперь только, въ вагонѣ, что-то подступило ей къ сердцу: жалко этого города, до слезъ жаль и всѣхъ, съ кѣмъ дѣло сблизило ее: всѣхъ дешевыхъ и даровыхъ паціентокъ, мелюзги, голытьбы въ разныхъ углахъ и концахъ Петербурга. Связь эту она еще больше чувствовала тутъ, сидя на деревянной скамейкѣ, среди сѣренькаго набора пассажировъ третьяго класса. Но вѣдь завтра она увидитъ, разыщетъ свою Марусю.

А вдругъ ея и слѣдъ простылъ? Марья Трофимовна холодѣла, растерянно озиралась, готова была схватить за руку свою сосѣдку-старуху, повязанную по-бабьи, и начать ее спрашивать: какъ она думаетъ, вѣдь Маруся не можетъ же такъ сгинуть?..

Эти приступы щемящей тоски схватывали нѣсколько разъ, въ родѣ перемежающейся лихорадки, и, только убаюканная сильной качкой стараго вагона, свалилась она головой на подушку и заснула въ неудобной позѣ...

И пробужденіе ея было такое же тревожное. До Москвы еще далеко. Поѣздъ идетъ цѣлыя сутки. Съ разсвѣта до прихода прошелъ еще чуть не цѣлый день. У

ней и книжки не было съ собой. Свои, медицинскія, она уложила въ сундучокъ, куда вошло почти все ея добро. Деньги, около шестидесяти рублей (пришлось раздать по мелкимъ долгамъ больше десяти рублей), зашиты въ замшевомъ мѣшочкѣ на груди. И мѣшочекъ этотъ, ночью, безпокоилъ ее. Она то и дѣло просыпалась, схватывала себя за грудь, нащупывала, тутъ ли онъ, какъ бы не срѣзали. Она читала въ газетахъ, какъ нынче „шалятъ" въ вагонахъ, и всего больше въ вагонахъ третьяго класса. Окуриваютъ чѣмъ-то, а то и просто срѣжутъ во время перваго, крѣпкаго сна.

Откуда у ней эта нервность явилась? Себя не узнаетъ. Давно ли она ничего-то не боялась; жила одна, въ подвальной квартирѣ. Какъ легко было забраться къ ней и самоё зарѣзать. Даже дворникъ нерѣдко говаривалъ ей:

— Смѣлая вы, сударыня.

А она ему всегда въ отвѣтъ:

— Обманутся, Игнатушка, господа мазурики. У меня всего имущества: крестъ да пуговица, какъ у служивыхъ.

Съ полудня въ вагонѣ началось движеніе, укладка, охорашиванье, завертыванье; стали подъѣзжать къ Москвѣ.

— Скоро и Химки!—сказалъ кто-то вслухъ.

Это слово „Химки" пронизало Марью Трофимовну. Она даже покраснѣла.

Химки!.. Давно ли ѣздила туда... на Петровъ день. Не въ самыя Химки, а подальше, гдѣ еще такіе красивые пригорки, лощины, имѣнье есть съ паркомъ? Соколово, кажется, прозывается? На ней было голубое платье цвѣточками, крестная подарила... Ее подъ руку повелъ, въ гору, къ усадьбѣ...

Неужели все это кануло? И этого человѣка уже въ живыхъ нѣтъ. Ей не вѣрилось, что съ того времени прошло больше пятнадцати лѣтъ. И всѣ двадцать... Что за нужда... Химки! Вотъ они существуютъ, и зелень кругомъ, сейчасъ и Москва! Прорѣзалъ поѣздъ Сокольники... Опять сколько тутъ пережито...

Марья Трофимовна обернулась, встряхнула свое пальто, надѣла шляпку, пожалѣла, что не вышла на станціи умыться—за это больше пятачка не возьмутъ—и ее сразу, вдругъ, освѣтила увѣренность, что Маруся тутъ, здорова, смѣется, а то письмо — такъ, минутное раздраженіе; что

заживутъ онѣ въ чистенькой квартиркѣ, гдѣ-нибудь на Самотекѣ, или повыше тамъ, около Екатерининскаго института. Съ садикомъ можно найти двѣ комнатки. И въ театръ ей не далеко бѣгать. Вѣдь театръ въ саду, оттуда рукой подать.

Разомъ вернулось къ Марьѣ Трофимовнѣ знаніе Москвы; точно она вчера еще ходила по всѣмъ этимъ мѣстамъ. Самотека, а тамъ и Цвѣтной, гдѣ въ дѣтствѣ она бѣгала, и балаганы гдѣ стояли, и пахло такъ резедой и гвоздикой. Тамъ и переулки, ея кровные переулки, и Срѣтенка, и Сухаревка—все такъ и зароилось въ ея головѣ.

XI.

„Куда, однако, пристать? — подумала Марья Трофимовна, подъѣзжая къ станціи: никого вѣдь у нея не осталось въ Москвѣ, къ кому можно прямо въѣхать. И въ перепискѣ она ни съ кѣмъ не состояла.—Надо—въ номера!"

Но сердце у нея опять вздрогнуло, когда поѣздъ вошелъ подъ желѣзныя стропила дебаркадера. Затерялась было она въ толпѣ; кто-то почти сбилъ ее съ ногъ; артельщики забѣгали въ длинномъ хвостѣ пассажировъ съ котомками, узлами, рогожами, кульками, подушками. Мало кто попользовался ихъ услугами. Навѣрно половина пассажировъ была все простой народъ и даже цѣлая вереница мужиковъ, рабочихъ съ инструментами въ котомкахъ.

Безъ артельщика Марья Трофимовна растерялась бы совсѣмъ. Ея петербургская дѣльность и бывалость исчезли отъ душевнаго волненія. Даже руки вздрагивали, когда она отдавала артельщику одинъ изъ своихъ узловъ.

— Багажъ имѣется?—бойко спросилъ онъ ее.

Ей даже досадно стало, что тамъ еще сундучокъ есть въ багажѣ. Сейчасъ бы вотъ положить все, что было при ней въ вагонѣ, и летѣть... А теперь надо въѣзжать въ гостиницу... Очень ей этого не хотѣлось...

Она посовѣтовалась съ артельщикомъ. Выдался толковый малый.

— Вамъ этого не надо, сударыня. Багажъ вы оставьте,—сундучокъ, что ли... тамъ, въ багажномъ; у васъ квитанція есть; это все у меня. Вотъ и номеръ мой—двадцать девятый.

— Сохранно будетъ?—спросила его, кротко улыбаясь, Марья Трофимовна.

— Помилуйте... Вѣдь мы достояньемъ отвѣчаемъ.

Она улыбнулась снова. Слово „достояніе“ успокоило ее своимъ звукомъ.

У крыльца галдѣли легковые извозчики, совали ей жестянки. Артельщикъ помогъ ей и тутъ, приторговавъ ей за два двугривенныхъ на Самотеку. Ей, послѣ петербургской ѣзды, и это показалось очень дорого.

Два узла она все-таки же взяла съ собой „на всякій случай“; оставила у артельщика только подушки да мѣшокъ съ разнымъ „дрянцомъ“, какъ она сама называла.

Пролетка, съ откиднымъ верхомъ, тряская и высокая, по-московски, подбрасывала ее и трещала по разлѣзшейся мостовой. День стоялъ все такой же свѣтлый и теплый, какъ и утромъ былъ; даже потеплѣе стало. Весна давала о себѣ знать не такъ, какъ въ Петербургѣ, въ ту же пору. И деревья, здѣсь и тамъ, зеленѣли прямо надъ заборами.

Мѣста около московской машины мало измѣнились—туда, вверхъ, къ Краснымъ воротамъ и правѣе, куда извозчикъ повезъ Марью Трофимовну, по направленію къ Самотекѣ. Кажется ей, что вотъ этотъ длинный, извилистый переулокъ совсѣмъ тотъ же. Та же грязноватая и изрытая мостовая, бани, портерныя, калашни съ паромъ изъ подвальныхъ оконъ, мастеровые попадаются съ испитыми лицами, въ халатахъ, въ стоптанныхъ опоркахъ на босую ногу; такъ же продаются на лоткахъ „кокурки“ на постномъ маслѣ, и по всему переулку пахнетъ постнымъ днемъ. Только люднѣе стало, больше треску, гораздо больше всякихъ вывѣсокъ пивныхъ и трактирныхъ заведеній.

Послѣ Петербурга, все погрязнѣе, шумно, нараспашку; на улицѣ живутъ, какъ у себя въ комнатахъ. Между двумя перекрестками Марья Трофимовна насчитала до двадцати мужчинъ и женщинъ безъ шапокъ и съ непокрытыми головами... Вольнѣе, хоть и съ грязцой, и пестрѣе; такъ изъ каждой харчевушки или мучного лабаза и ползетъ особый какой-то, свой, московскій духъ...

Ей стало опять радостно на душѣ. Далеко ли до Самотеки? Вотъ уже и Цвѣтной бульваръ. Она взглянула влѣво: все новые дома; красныя двѣ глыбы,—одна совсѣмъ круглая.

— Это панорама,—пояснилъ ей извозчикъ,—а то—Саломонскаго циркъ: по зимамъ конное ристаніе бываетъ.

Марья Трофимовна во второй разъ широко улыбнулась слову. Артельщикъ пустилъ слово „достоянье", а этотъ вотъ паренекъ „ристаніе" гдѣ-то подцѣпилъ.

— Это что же такое, голубчикъ?—почти вскрикнула она, когда пролетка проѣхала дальше и поровнялась съ мѣстомъ, гдѣ еще недавно стоялъ Самотецкій прудъ.

— Самотека!—отвѣтилъ весело извозчикъ.

— Какъ Самотека? Это садъ какой-то... Совсѣмъ другое мѣсто...

Извозчикъ обернулъ къ ней щекастое лицо и показалъ всѣ свои бѣлые зубы.

— Знать не признали, сударыня? Или не здѣшняя вы?

— Да когда же это все передѣлалось?

— Первый годъ такъ въ настоящемъ видѣ... А завалили прудъ давненько ужъ!..

Узнать нельзя! Марьѣ Трофимовнѣ и жалко стало прежняго, заглохшаго, развороченнаго оврага, и радостно за новую прогулку... И ея старушка-Москва охорашивается...

Дальше идутъ тоже все новыя аллеи, цѣлый молодой паркъ. Она разспросила обо всемъ извозчика. Шутка! Такое гулянье: тянется вплоть почти до института. Они уже ѣхали по лѣвой сторонѣ Самотеки, гдѣ тоже идетъ бульваръ. Вотъ сейчасъ и подъемъ будетъ въ гору, на Божедомку. Тутъ какъ будто все по-старому осталось. Она и садъ этотъ отлично помнитъ. Ее брали дѣвочкой-подросткомъ раза два. Зато какая радость была! Тогда гремѣлъ тутъ Морель, и оркестръ Сакса, и на пруду брильянтовые фейерверки жгли; цѣлыя морскія сраженія давались. И цыганъ она тутъ въ первый разъ въ жизни слышала на эстрадѣ... Не слыхала она до того и французскихъ шансонетокъ, и ей смутно помнится, какъ на эстрадѣ какая-то брюнетка передергивала юбками. Но она сама стояла въ толпѣ и не могла всего видѣть.

Повернула пролетка въ переулокъ и начала подниматься на крутой подъемъ, шагомъ.

Волненіе свое Марья Трофимовна сдерживала тѣмъ, что сжимала крѣпко правой рукой одинъ изъ узловъ.

— Вамъ къ самому саду?—спросилъ ее извозчикъ,—къ лѣстницѣ?

— Да, да...—порывисто выговаривала она. Я, голубчикъ, не знаю... давно не была въ Москвѣ. А гдѣ входъ?..

— Есть вѣдь, никакъ, и задній ходъ для актерокъ.

Это онъ сказалъ такъ, наобумъ; но слово „актерокъ" и кольнуло ее, и заставило еще сильнѣе забиться сердце.

Подъѣхали къ лѣстницѣ. Наверху, на площадкѣ—раскрашенный входъ и двѣ кассы. Все у нея въ глазахъ запестрѣло. Она соскочила на мостовую въ одинъ мигъ и засуетилась; хотѣла-было брать съ собою и узлы.

— Да вы поспрошайте, барыня, мы подождемъ.—основательно замѣтилъ ей извозчикъ.

Одна касса была заперта; въ другой виднѣлась голова молодого брюнета. Марья Трофимовна недовѣрчиво подошла къ нему и заговорила:

— Позвольте узнать...

— Вамъ ложу?—остановилъ онъ ее.

Выговаривалъ онъ съ нерусскимъ акцентомъ.

— Нѣтъ... я справку... артистка тутъ...

Онъ ее не сразу понялъ и не сразу спросилъ:

— Какъ фамилія?

Надо было назвать ея настоящую фамилію: Балаханцева, а театральной она не знала.

— Балаханцева,—выговорила она самымъ мягкимъ голосомъ.

— Какъ?—переспросилъ кассиръ и поморщился.

Она повторила.

— Такой нѣтъ.

— Въ хорѣ...—попробовала она пояснить.

— И въ хорѣ... Я не знаю...

И онъ отвернулся и сталъ считать на счетахъ.

Какъ могла она не узнать актерской фамиліи Маруси? Вѣдь это безуміе какое-то!.. И вотъ, теперь нѣтъ возможности допытаться!..

Она такъ разстроилась, что ей не пришла даже мысль объ адресномъ столѣ, гдѣ Маруся должна была значиться на основаніи своего паспорта.

Постояла она съ минуту, бросила еще разъ жалобный взглядъ вглубь кассы, заикнулась было:

— Позвольте!

И смолкла... А тутъ еще извозчикъ... Какъ бы не уѣхалъ: она не догадалась и номера посмотрѣть. Нѣтъ, извозчикъ стоитъ.

Какъ быть?

Вся глупость ея поѣздки, этого бѣгства изъ Петербурга встала передъ ней. Но страхъ за Марусю превозмогъ.

Ей вдругъ показалось, что это—конецъ: Маруси больше ужъ нѣтъ въ Москвѣ... Или она наложила на себя руки, или сгинула, уѣхала куда-нибудь, съ горя, съ труппой, на югъ, на какую-нибудь ярмарку.

Мысли чередовались быстро-быстро, а Марья Трофимовна все стояла въ двухъ шагахъ отъ кассы, но уже ближе къ лѣстницѣ.

— Да вамъ кого, сударыня? — спросилъ ее кто-то хриплымъ голосомъ, и на нее повѣяло дыханіе съ запахомъ спиртного.

Передъ ней что-то въ родѣ швейцара или сторожа, съ усами, одѣтаго еще не парадно... Она его совсѣмъ и не примѣтила.

Обрадованно бросилась она къ нему и сейчасъ же сунула ему въ руку два пятиалтынныхъ. Это очень подѣйствовало. Марья Трофимовна разсказала ему, въ чемъ дѣло,—подробнѣе, чѣмъ кассиру.

— Да я всѣхъ знаю барышень... Черноватая изъ себя?.. Большого роста... Изъ Питера?..

— Да, да!.. Балаханцева ея настоящая фамилія.

— Этакой нѣтъ...

— Я знаю, голубчикъ, она по-другому называется... Красивая... Въ посту она поступила...

— Это точно, — согласился усачъ. — Жила она, еще о Святой, на Срѣтенкѣ, въ номерахъ, тутъ — наискосокъ „Саратова"... Изволите знать?

— Помню, помню,—готова была она прилгать, только чтобы онъ добрался до Маруси...

Но все-таки фамиліи онъ не припомнилъ, даже и какъ она въ афишахъ называется. Только обнадежилъ и, по плечу ее хлопнувъ, сказалъ, чтобы сегодня — пораньше, передъ началомъ—пріѣхала. Онъ ее проведетъ къ задамъ театра.

— Делекторъ ругается, и чтобъ, значитъ, постороннихъ не было, да я уже уважу вамъ.

И онъ подмигнулъ ей правымъ глазомъ и получилъ отъ нея еще пятиалтынный.

XII.

А до вечера? Она посовѣтовалась съ извозчикомъ. Какъ же вещи? И не имѣть пристанища... Вдругъ Маруси, въ самомъ дѣлѣ, не окажется въ труппѣ? Вѣдь

надо же будетъ ѣхать ночевать. Багажъ поздно не выдадутъ. Да и теперь, съ узлами, куда же она дѣнется?

Извозчикъ, хотя и молодой парень, а резонно ей сказалъ:

— За багажомъ надо вернуться, барыня. Мало ли что случиться можетъ.

Она повторяла про себя догадки сторожа о „той, петербургской". Вѣдь онъ вспомнилъ же сейчасъ, что та жила еще на Пасхѣ (давно ли, значитъ?) наискосокъ отъ трактира „Саратовъ". Этотъ трактиръ Марья Трофимовна знаетъ. Про него говаривали въ ихъ переулкѣ. И тогда онъ былъ тутъ же, кажется, у Срѣтенскихъ воротъ...

— Гдѣ „Саратовъ"? — спросила она, когда пролетка уже поднималась къ Краснымъ воротамъ.

— Трактиръ?..

— Да, да, милый...

Она боялась, какъ бы и этотъ парень чего не запамятовалъ.

— У Срѣтенскихъ воротъ. Первое заведеніе насчетъ лихачей.

И онъ сталъ ей разсказывать, перевернувшись опять въ полъ-оборота на козлахъ, что у „Саратова" стоятъ самые дорогіе извозчики съ тысячными рысаками.

— Запряжекъ до двадцати иной разъ бываетъ,—пояснилъ онъ.—Мѣсто такое... Въ заведеніи...

Но онъ не докончилъ. Должно-быть, сообразилъ, что дамѣ разсказывать про „все такое"—не пристало.

Не скоро дотащились они до вокзала. Марья Трофимовна не торговалась съ парнемъ за обратный конецъ; онъ было ее прижалъ; но артельщикъ съ номеромъ двадцать девятымъ усовѣстилъ его, добылъ ея сундучокъ и сторговался на Срѣтенку, съ багажомъ.

Она сама захотѣла на Срѣтенку. Тамъ, быть-можетъ, она встрѣтитъ Марусю, въ этихъ самыхъ номерахъ, около „Саратова". Да и все ея дѣтство прошло тутъ. Въ двухъ шагахъ и переулокъ, гдѣ ее выкормили. Можетъ, и домишко цѣлъ...

— Ты знаешь номера наискосокъ отъ „Саратова"?

— Это къ Рождественскому бульвару? На углѣ? Какъ не знать!.. Да вы нешто туда?

— Туда,—отвѣтила Марья Трофимовна рѣшительно.

Парень въ третій разъ обернулся къ ней всѣмъ лицомъ и приподнялъ сзади шляпу, какъ бы сбираясь почесать затылокъ.

— Вамъ, сударыня, въ тѣхъ номерахъ будетъ... тово...

— А что?—почти съ испугомъ спросила она.

— Тамъ хорошій проѣзжающій не останавливается, а больше съ дѣвицами, изъ того самаго „Саратова“, значитъ...

Онъ не договорилъ и повернулъ голову.

„Съ дѣвицами... изъ „Саратова“... И Маруся въ такихъ номерахъ!“

Вся она опять похолодѣла, какъ въ вагонѣ, когда ей представлялись всякіе ужасы насчетъ ея питомицы. А почему же это невозможно? Кто же поручится, что она давно не попала въ какой-нибудь вертепъ?.. Опоили, осрамили, изъ труппы выгнали, пить-ѣсть надо — и вотъ она въ такихъ номерахъ... Купчикъ или офицеръ—ея возлюбленный—возитъ ее по садамъ... и спаиваетъ... Маруся изъ такихъ... У нея всегда была охота кутнуть, выпить чего-нибудь покрѣпче, наливки... О шампанскомъ она говорила, захлебываясь...

— Такъ куда же ѣхать прикажете, сударыня? — прервалъ вопросъ извозчика думы Марьи Трофимовны.

Она растерялась, не знала, какъ и быть...

— Ты ступай все-таки на Срѣтенку.

— Мы васъ доставимъ въ хорошее мѣсто. Подальше, дома черезъ три, есть настоящія комнаты... Будете довольны...

Она только кивнула головой. Привезли ее въ меблированныя комнаты, съ крытымъ подъѣздомъ, въ родѣ гостиницы.

— А вотъ и „Саратовъ“, — показалъ ей парень, когда они завертывали на Срѣтенку.

Коридорный, видомъ угрюмый, но обходительный, сейчасъ устроилъ ее въ узенькой комнатѣ второго этажа; цѣну сказалъ, когда ея вещи были уже внесены — рубль въ сутки, а помѣсячно—двадцать пять рублей. Для нея—дорого. Но она осталась. Вотъ сегодня найдетъ Марусю, и если къ ней не переѣдетъ, все равно найдетъ себѣ квартирку много въ семь рублей.

Такъ ей вдругъ стало одиноко, жутко, дико въ этой узкой комнатѣ, съ пылью и спертымъ запахомъ дешеваго номера. Сѣла она у окна и съ полчаса не могла даже приняться за свой сундучокъ, достать изъ мѣшка мыло, умыться, отдать почистить свое пальто. Окно выходило бокомъ на улицу. И, прежде всего, издали глядѣли на

нее зеленыя двери съ подъѣздомъ трактира „Саратовъ". Нѣсколько дрожекъ выстроились вдоль тротуара, подъ дорогими попонами.

Разговоръ съ извозчикомъ не выходилъ у нея изъ головы. Онъ точно отбилъ у нея и руки, и ноги, не хотѣлось ей двинуться... Она смотрѣла и смотрѣла, и прислушивалась къ трескотнѣ ѣзды, смягченной двойными рамами, еще не выставленными, съ цѣлымъ слоемъ пыли на стеклахъ.

„Что же это я?" — чуть не вслухъ выговорила она и вскочила со стула.

Черезъ двадцать минутъ она, умытая и въ вычищенномъ пальтецѣ—оно ей служило уже третій годъ,—сошла на тротуаръ бодрыми короткими шажками и повернула къ Рождественскому бульвару.

Да, на углу, ходъ съ бульвара, дѣйствительно номера „для проѣзжающихъ", и извозчики стоятъ такіе же, кажется, какъ и около „Саратова". На крыльцо вышелъ коридорный и крикнулъ:

— Силантій!.. Подавай!.. Барышни готовы...

„Какія *барышни?*"—повторила про себя Марья Трофимовна, и тотчасъ же отвѣтила себѣ—*какія!* Краска ударила ей въ голову. Стало ей стыдно, точно будто этотъ коридорный крикнулъ, что вотъ сейчасъ выйдетъ Маруся и поѣдетъ на лихачѣ. Страшно ей сдѣлалось войти на крыльцо и спросить: не проживаетъ ли тутъ госпожа Балаханцева?

Она перешла улицу и, немножко подальше, стала наискосокъ бульвара; онъ тутъ только и начинается.

Она должна была дождаться появленія этихъ „барышень". Лихачъ сѣлъ на козлы, бросилъ папироску, что-то крикнулъ другому извозчику попроще и передернулъ вожжами. Пролетка у него узкая и очень низкая, безъ верха.

— Подавай!—крикнулъ опять коридорный.

Съ крыльца скоро-скоро, почти бѣгомъ, спустились двѣ „барышни". Марья Трофимовна такъ и впилась въ нихъ глазами. Съ ея бывалостью она мигомъ распознала въ нихъ нѣмокъ—и у нея отлегло отъ сердца. Но она всетаки не двинулась съ мѣста, пока обѣ нѣмки, разряженныя, въ высокихъ шляпкахъ съ красными перьями, не разсѣлись, громко разговаривая ломанымъ языкомъ и съ лихачомъ, и съ коридорнымъ. Все разглядѣла: и ихъ лица, и тальи, и туалеты, и все повторяла мысленно:

„Вотъ *какія* тутъ живутъ“.

Идти спрашивать Марусю у нея окончательно не хватило смѣлости; да и гадко стало, оскорбительно за свою „дѣвочку“. Она пристыдила себя и перешла опять улицу, къ бульвару.

По сосѣдству, у Успенья-въ-Печатникахъ, ударили къ вечернѣ. Въ дѣтствѣ она бѣгала въ эту церковь, и еще къ Троицѣ „Листы“. Любила всего больше „утреню“, — какъ говорятъ московскіе. И богомольна она была, пока жила въ Москвѣ. Въ Петербургѣ все это какъ-то отпало. Здѣсь, вонъ, сколько церквей, куда ни взгляни!..

По бульвару проходило довольно народу,—больше простого. Прогуливались только няньки съ дѣтьми да женщины въ платкахъ особаго какого-то вида. Марья Трофимовна догадалась, какого онѣ сорта, и ей опять стало горько: напомнило про тѣ угловые номера и ея страхи и подозрѣнія насчетъ Маруси... Сверху Рождественскаго бульвара открывался передъ нею видъ; она начала всматриваться въ него, оглядывать съ разныхъ сторонъ, стала отгонять отъ себя мысли. Да и Москва забирала ее. Такая пестрая и красивая уходила панорама бульвара все вверхъ, къ Тверскимъ воротамъ... Деревья шли двойной полосой нѣжной зелени... Пятиглавыя церкви, цвѣтныя стѣны домовъ; вдали красная колокольня Петровскаго монастыря и блѣдно-розоватая башня Страстного... Узнала она и Екатерининскую больницу, и длинное бѣлое двухъэтажное зданіе Эрмитажа...

Родной городъ расшевелилъ въ ней что-то, радовалъ, помогалъ ей легче переносить свою тревогу. Вотъ вѣдь она одна—ни души у нея здѣсь нѣтъ, кромѣ Маруси, — да и та, можетъ, улетѣла,—а она не боится. Ей Москва сразу стала дороже Петербурга. Впервые испытала она сладость прошлаго, какое бы оно ни было... Какъ въ немъ все блестѣло красками, трогало и привлекало! Скука, обида, нужда, слезы, погибшая любовь, молодость, — всѣ утраты точно не оставили никакихъ горькихъ слѣдовъ въ душѣ, только цѣлую вереницу образовъ... Они всплывали каждую минуту и все сильнѣе скрашивали вотъ эту самую мѣстность: Рождественскій бульваръ (попросту „Трубу“), Грачевку, все съ тѣмъ же трактиромъ „Крымъ“ и съ рядомъ крутыхъ переулковъ. Дѣвочкой Марья Трофимовна застыдится, бывало, когда какой-нибудь гимназистикъ спроситъ ее:

— А вы гдѣ живете?

И она должна отвѣтить:

— Въ Тупикѣ, около Нижняго Колосова.

Она уже понимала, что это нехорошій переулокъ; да и весь-то околотокъ... Одна Грачевка чего стоитъ!..

А теперь ей вдругъ дороги стали и Труба, и Грачевка, и всѣ переулки. Тутъ вѣдь, въ одномъ изъ этихъ переулковъ-тупиковъ (тотъ поприличнѣе), должны сохраниться и остатки семьи, гдѣ она воспиталась. Домикъ, навѣрно, стоитъ еще. Куда она ни взглянетъ, все еще держатся эти деревянные домики, розовые, бурые, зеленые.

Ускореннымъ шагомъ спустилась она внизъ.

XIII.

Должно-быть, какой-нибудь храмовой праздникъ случился: что-то ужъ много пьяненькихъ начало попадаться, когда она вошла на Грачевку. Одинъ даже попугалъ ее: она отъ такихъ отвыкла въ Петербургѣ, хоть и попадала въ самыя пьяныя мѣста, около Сѣнной. На немъ, кромѣ халата въ лохмотьяхъ, кажется, ничего и не было. Посоловѣлое, съ подтеками лицо, голова вся въ вихрахъ, голая, мохнатая грудь... Съ одной стороны тротуара на другую его такъ и качаетъ... Онъ ничего уже и не видитъ передъ собою...

— Нагрузился, бѣдненькій! — вырвалось у Марьи Трофимовны, когда они поровнялись.

Юморъ бралъ верхъ надъ испугомъ. Она подалась — уступила ему дорогу. Растерзанный халатникъ поднялъ правую руку надъ ея головой и крикнулъ:

— Тревога всѣмъ частямъ!.. Наяривай!..

— Что орешь?.. Ошалѣлъ!..—дала на него окрикъ бабалавочница.

Она стояла на порогѣ закусочной и ѣла сѣмечки.

Водкой, помоями, лукомъ и постнымъ масломъ несло изъ каждой подворотни и изъ захватанныхъ дверей полпивныхъ и кабаковъ. Изъ второго этажа краснаго, неоштукатуреннаго дома доносилось гудѣнье машины.

Но все-таки и Грачевка стала нарядиѣе и почище прежняго. Марья Трофимовна бодрѣе смотрѣла вправо и влѣво. Все каменные дома, есть даже и въ четыре этажа, а прежде и двухъэтажный-то каменный былъ на рѣдкость. Яркія вывѣски меблированныхъ комнатъ, парикмахерскихъ. Особенно даже много развелось куаферовъ,

съ перечисленіемъ на вывѣскахъ, какіе у нихъ имѣются „бандо“ и „шиньоны“... Отчего бы ихъ здѣсь такъ расплодилось?

„А переулки? — поправила себя Марья Трофимовна.— Не мало требуется въ этихъ мѣстахъ нарядныхъ причесокъ... И вывѣска акушерки. Э, да вотъ и еще... — Она улыбнулась тому, что на одной изъ нихъ это званіе было написано на четырехъ языкахъ: даже „midwife“.—И кому это на Грачевкѣ понадобится по-англійски отыскивать нашу сестру?“—спросила она про себя, и вплоть до перекрестка Нижняго и Верхняго Колосова переулковъ шла веселая. Москва ее молодила и даже память о томъ домикѣ, гдѣ все уже, поди, перемерло, какъ-то не щемила ей сердца.

Переулочекъ кончается тупикомъ. Черезъ „рѣшётку“ домъ—совсѣмъ не тотъ... даже и ошибиться было бы не трудно, принять одинъ переулокъ за другой. Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ огороды начинаются и идутъ въ гору, къ Сухаревой, на много десятинъ,—тамъ и стоялъ буренькій домикъ въ пять оконъ съ подвальными комнатками во дворъ. Со двора торчала голубятня надъ сарайчикомъ.

Въ переулкѣ-тупикѣ не видать прохожихъ. Она оглянула его быстро-быстро во всѣхъ направленіяхъ... Исчезъ домикъ!.. Снесли? Крыша не тá... Но вонъ тамъ, вправо, на самомъ днѣ тупика... это онъ!.. Только крыша другая. Теперь онъ изжелта-сѣрый, и крыша какъ будто не та: пониже, не такъ торчитъ, какъ прежде.

Тихо пошла Марья Трофимовна посрединѣ мостовой. Противъ воротъ—они были заперты—она остановилась и прочла на доскѣ:

— „Купца третьей гильдіи Сигова“.

Въ чужихъ уже рукахъ, значитъ,—никого не осталось. А все-таки надо узнать. Она отворила калитку. Въ окнахъ домика шторы были спущены, и все показывало, что хозяева спятъ. Лай раздался на дворѣ и звуки цѣпи. Это ее не испугало. Она переступила высокій порогъ калитки и пошла по доскамъ къ крылечку.

Цѣпная собака—изъ овчарокъ—запрыгала на цѣпи, но лаять скоро перестала. Конура напомнила ей любимицу ея „Зюку“, дворнягу; только та бѣгала на волѣ и ни на кого никогда не лаяла...

Никто не показывался ни на заднемъ крыльцѣ, изъ

кухни, ни на переднемъ. Дворъ обстроили заново. Два сарайчика влѣво, гдѣ входъ въ садъ. Рѣшётчатый заборъ окрашенъ въ яркую зеленую краску, и видно, что садъ держатъ въ порядкѣ: липы и одна береза—ее сажали при ней—теперь выше сарайчиковъ сажени на двѣ...

— Кого вамъ?

Изъ подвальной комнаты — ея комнатки! — выглянуло женское лицо, желтое, морщинистое, волосы съ просѣдью...

Неужели это Анна Савельевна?.. „Сестрица“ ея воспитателей, которую она звала „тетенькой“ и боялась какъ холеры? Ее-то всего меньше разсчитывала она найти тутъ. Тогда она была молодая вдова, недурна собою, только злючка и гордая, жила отдѣльно; у нея водились деньги и все къ ней, черезъ свахъ, обращались офицеры и чиновники изъ палаты...

Да полно, она ли?

Надо было откликнуться. Марья Трофимовна скорыми шажками подошла къ окну.

— Извините... Мнѣ хотѣлось справиться: кто изъ Меморскихъ живетъ здѣсь... А вы не Анна Савельевна?

— Я, я... а вы-то кто, позвольте узнать?

Вопросъ звучалъ недовѣрчиво.

— Я—Евсѣева... Машенька... помните, быть-можетъ?

— Машенька? Меморскихъ пріемышъ? Пелагеи Агаѳоновны внучатная племянница?

— Да-съ,—почти сконфуженно отвѣтила Марья Трофимовна.

— Вамъ чего же?—все такъ же недовѣрчиво и точно съ усмѣшечкой спросили ее.

— Да я... изъ Петербурга... хотѣла побывать на родныхъ мѣстахъ... узнать, нѣтъ ли кого въ живыхъ... Вы не позволите ли къ вамъ на минутку?

— Ко мнѣ — нельзя-съ, — отозвалась „тетенька“, и ея блѣдныя губы даже повело. — Если вы желаете такъ поговорить... узнать... подождите. Я выйду на дворъ.

„Боится меня: ужъ не думаетъ ли, что ограблю?“ — спросила себя Евсѣева, и не обидѣлась.

Она терпѣливо стала ждать. „Тетенька“ не тотчасъ вышла. Когда она показалась въ дверяхъ задняго крыльца, Марья Трофимовна ее еще менѣе узнавала: и ростъ не тотъ, согнулась и на-бокъ держится. Голову она покрыла сѣрымъ платкомъ и щеку подвязала, и вся куталась въ старую мантилью изъ порыжѣлой мохнатой матеріи: лѣтъ

двадцать пять—тридцать, она была модной и называлась „урсъ“.

Подходила къ ней Анна Савельевна сбоку, странной походкой. Только одинъ глазъ смотрѣлъ возбужденно и недовѣрчиво, а другой былъ наполовину прикрытъ бѣлымъ платкомъ, которымъ она подвязала щеку.

— Свѣжесть, свѣжесть, — заговорила она, — вотъ какъ только вечеромъ... тепла ужъ и нѣтъ.

И вся съежилась.

— Какой еще погоды!—замѣтила Евсѣева.

— Солнце-то не грѣетъ... Или ужъ у меня сырость... въ подвалѣ живу... въ подвалѣ-съ... Такъ вы Машенька? Не узнала бы васъ, не взыщите, много годовъ... Не молоденькія мы съ вами... Я васъ къ себѣ не пустила... У меня сыро... да и посадить некуда... Собачья конура!..

И глазъ ея зло оглянулся на домъ.

— Да и здѣсь хорошо... Нельзя ли въ садъ пройти?

— Въ садъ? Поди запертъ... Запираютъ. Точно я воровать буду цвѣтки!.. Купчишки! — шопотомъ выговорила она,—вотъ нажрались и дрыхнутъ. Всѣхъ до одного человѣка перерѣзать могутъ—объ этомъ и заботки нѣтъ. Я только одна и смотрю, чтобы кто не забрался. Собака тоже ожирѣла, не лаетъ, да они и отъ лая не продерутъ зѣнокъ-то своихъ...

Замка́, однако, не было въ калиткѣ. Онѣ вошли въ садикъ. Пахло цвѣтомъ яблони и черемухи. Марья Трофимовна закрыла глаза и сладко вобрала въ себя этотъ духъ... Ея спутница тяготила ее; но надо было поговорить съ ней, если она сама это затѣяла, выслушать отъ нея исторію домика въ Тупикѣ...

Анна Савельевна говорила охотно, но съ желчными прищелкиваньями языкомъ. Меморскіе, воспитавшіе Марью Трофимовну, давно умерли, еще до ея переѣзда въ Петербургъ. Изъ ихъ дѣтей дочь умерла въ Сибири, за учителемъ, больше десяти лѣтъ назадъ, а два сына сгинули. Домишко проданъ былъ съ торговъ. Анна Савельевна и про себя разсказала: ее провели на какихъ-то денежныхъ дѣлахъ, и она еле спасла кое-какія крохи; думала купить домикъ Меморскихъ, да „купчишко“ перебилъ, и она его долго-долго „срамила“, пока онъ ее пустилъ въ жилицы, подешевле, какъ родственницу бывшихъ домовладѣльцевъ...

Подъ конецъ своего разсказа она посмякла, но не про-

слезилась ни разу, и только косвенно замѣтила, что она— „человѣкъ больной“, еле живетъ на свои „гроши“ и нельзя „на нее обижаться“. Евсѣева слушала и понимала, что та боится, какъ бы она не стала проситься къ ней погостить. На этотъ счетъ она ее сейчасъ же успокоила, сдѣлала надъ собой усиліе, взяла свой обычный петербургскій тонъ, сказала, что пріѣхала по своимъ надобностямъ, а въ Петербургѣ практикуетъ уже десять лѣтъ. Это успокоило „тетеньку“, и она начала жаловаться на свои болѣзни и просить совѣтовъ у даровой акушерки.

— Всѣ, всѣ, милая, или перемерли, или сгинули... Вотъ тотъ юнкерокъ, что, помните, кажется, и за вами ухаживалъ...

Марья Трофимовна слегка покраснѣла.

— Какъ, бишь, его фамилья была?.. Еще на Устрѣтенкѣ у него мать жила, туда, къ Сухаревой...

— Амосовъ, — сказала Евсѣева, а краска все еще не сходила съ ея щекъ.

— Ну вотъ, ну вотъ... Онъ въ офицеры вышелъ и сначала какъ загремѣлъ... и въ полковыхъ адъютантахъ никакъ былъ—каску съ хвостомъ носилъ... Вѣдь онъ въ карабинерномъ, что ли...

— Въ гренадерской дивизіи, — подсказала Марья Трофимовна, чувствуя, какъ волненіе все еще не оставляетъ ее.

— Въ гренадерскомъ, оно и есть—ваша правда. Мать умерла... старушка-то, говорятъ, подъ-конецъ, попивала, знаете; въ параличѣ ноги давно отнялись. Онъ домикъ спустилъ, и, должно-быть, ужъ въ крови, отъ матери... закутилъ и совсѣмъ сгинулъ. Изъ полка выгнали за дебоширство... И неизвѣстно гдѣ... Кто-то говорилъ... на Хитровомъ рынкѣ... въ „золотой ротѣ“...

Анна Савельевна говорила это уже безъ желчной гримасы, а съ сокрушеніемъ: что, вотъ, все перемерло и прахомъ пошло, и ея очередь близко; только она этого не сказала прямо: смерти она боялась пуще всего. Марья Трофимовна поняла и это.

И вдругъ ей захотѣлось побыть одной въ садикѣ. Память о дѣвическихъ годахъ охватила ее сильнѣе послѣ того, что разсказала тетенька.

— Вамъ не свѣжо ли? — сказала она и поднялась со скамейки, гдѣ онѣ сидѣли подъ зеленымъ переплетомъ бесѣдки, еще не покрытымъ листьями ползучаго растенія.

— Сырость здѣсь, сырость...—согласилась вдова и начала кутаться.

— Извините...

Онѣ вышли изъ садика.

— Извините, что обезпокоила васъ, — договорила Евсѣева и протянула ей руку.

— Надолго въ Москву?—спросила Анна Савельевна съ прежнимъ недовѣріемъ.

— Не могу еще опредѣлить.

Глаза вдовы говорили: „Только ко мнѣ, матушка, не повадься шататься; я и не пущу!“

Она проводила Марью Трофимовну до передняго крыльца.

— Позвольте мнѣ на минутку еще въ садикъ... сорвать, на память, вѣтку яблони. Небольшой будетъ изъянъ хозяевамъ.

Она выговаривала это въ смущеніи.

— Мнѣ, пожалуй... только ужъ я уйду, а то эти лабазники еще придерутся, — скажутъ: я вожу чужихъ деревья ломать.

Анна Савельевна спустилась внизъ, не подала еще разъ руки Евсѣевой и не обернулась отъ двери.

Почти украдкой вошла опять Евсѣева въ садикъ. Отъ калитки вела тѣсная аллейка, вся обставленная густыми кустами сирени. Площадка съ круглымъ столомъ и диваномъ смотрѣла еще голо. И въ клумбы цвѣтовъ еще не сажали. Но тутъ она и не оставалась; она пошла въ край, къ забору, гдѣ тянулись огороды. Тамъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ стояли всѣ въ цвѣту. Одно — груша — раскинулось свѣтло-розовымъ шатромъ.

Подъ это дерево нагнулась Марья Трофимовна и, войдя, сѣла на скамью, а головой прислонилась къ стволу.

Шатеръ цвѣтовъ нѣжилъ ее и обволакивалъ тонкимъ благоуханіемъ. Это дерево было ей особенно памятно. Вотъ такъ же цвѣли яблони и грушевыя деревья. Стояла чудная весна, еще краше и благодатнѣе. Но подъ шатромъ цвѣтовъ укрывалась она тогда не одна. Подъ нимъ былъ взятъ и отданъ первый поцѣлуй...

Марья Трофимовна закрыла глаза и долго вдыхала въ себя тонкій запахъ. И сами собою, еще безъ всякихъ горькихъ думъ и выводовъ, подступили слезы. Онѣ потекли по щекамъ тихо, а глаза все еще она держала закрытыми. Эти слезы прошли у нея скоро, и сердце какъ

будто остановилось, ничего не ощущало, и голова оставалась слегка затуманенной. Но вотъ она раскрыла глаза и оглянулась, повернула ихъ въ ту сторону, гдѣ поверхъ глухого забора были видны огороды, зады домовъ и грифельнаго цвѣта столбъ Сухаревой башни съ острой зеленой шапкой.

Разомъ нахлынули мысли. Никогда, въ Петербургѣ, въ самыя трудныя минуты, ничего такого не приходило ей въ голову.

Вся ея жизнь — а ей пошелъ уже тридцать девятый— встала и представилась ей одной сплошной „глупостью", и глупостью жестокой, съ издѣвательствомъ надъ всѣми ея самыми законными побужденіями. Хоть одно ея чувство—дало ли оно ей не то что одну великую радость, а что-нибудь, похожее на отраду? Здѣсь вотъ, въ этомъ Тупикѣ, у ея воспитателей, дѣвочкой, на какую жизнь ее обрекали? Зачѣмъ не дали ей сгинуть замарашкой, въ кори или крупѣ, гдѣ-нибудь въ трущобѣ, куда она попала, оставшись круглой сиротой? Держали, все-таки, барышней „приказнаго званія", и правила у нея рано сложились, любящая она вышла, а не злая, не порочная... А могла бы...

Мальчики только и дѣла дѣлали, что дразнили ее, били, ябедничали матери, ругали ее словомъ „пріемышъ". Вотъ тутъ, подъ этимъ самымъ грушевымъ деревомъ, забилось ея дѣвичье сердце. И тѣ же мальчики—уже тогда большіе были балбесы—подглядѣли, начали свое озорство, разсказывали разныя отвратительныя гадости про того, кто ее поцѣловалъ въ первый разъ; проходу ей не давали... Благодѣтельница-тетка чуть не выгнала, потому что не сумѣла притянуть будущаго офицера и женить на себѣ. Какую-нибудь недѣлю только любила она... во всю-то свою жизнь. И откуда взялась у нея охота учиться? Пятнадцать почти лѣтъ перебивалась она потомъ,—и хотя бы ждала чего впереди, а то вѣдь знала, что не выйти ей изъ своей честной нищеты, не вкусить ей того, что другимъ дается даромъ. Чего! Взяла себѣ дочь, начала играть въ материнскія чувства. Старая дѣва... и туда же ударилась въ любовь къ пріемышу-дѣвчонкѣ!.. Безуміе, насмѣшка надъ самой собой!

Слово „Провидѣніе" мелькнуло въ головѣ Марьи Трофимовны. „Какое? Гдѣ? Въ чемъ?.."

И ужъ не за себя только было ей горько и обидно, а

за всѣхъ. Она, акушерка, помогала рожденію стольких ребятъ... Зачѣмъ?.. Разводила только нищихъ, преступниковъ, проститутокъ, идіотовъ. А съ какой вѣрой въ свое дѣло, съ какой внутренней гордостью шла она, каждый разъ, на зовъ. Вѣдь отлично она знала, что ребенка отправятъ въ воспитательный,—и это еще хорошо, а то карабкаться ему въ грязи, вони, смрадѣ, грубости, пьянствѣ, въ безпрестанныхъ болѣзняхъ. Гдѣ у нея былъ здравый смыслъ? И этимъ ремесломъ надо питаться! Отъ его крохъ воспитала она свою дѣвочку. Вся она ушла въ нее, постыдно любитъ эту Марусю—и не можетъ отвлечь ее ни отъ какого зла и позора. А осталась бы она честной—развѣ не все равно? Вышла бы замужъ за студента—нынѣ это легче всего—дѣти, болѣзни и та же нищета, да еще нестерпимѣе отъ ученья, отъ умственнаго голода. Всего хочется отвѣдать, и яснѣе видишь, какъ кулакъ да рубль вездѣ въ почетѣ, какъ правда затоптана удачей, а на душевную доблесть плюетъ всякій, кто урветъ себѣ кусокъ пирога. Да и сытые-то не меньше голодныхъ маются... Еще хуже!.. Вотъ она прилетѣла въ Москву, страдаетъ, волнуется, холодѣетъ и замираетъ... И все это изъ-за чего?.. Изъ-за одной блажи, изъ одного мечтанья: представила себѣ, что безъ Маруси жить не можетъ, а вѣдь и съ Марусей, и безъ Маруси, и ей самой, и всѣмъ, всѣмъ одинаково гадко, всѣхъ жизнь подсидитъ и накроетъ! Злую издѣвку надъ всѣми посылаетъ судьба; да и нѣтъ никакой судьбы, а есть что-то, что̀ приказываетъ жить, карабкаться, ждать, плакать, смѣяться, прыгать точно куклы на проволокахъ, „Петрушка Уксусовъ“—огромная, безграничная кукольная комедія...

Руки Марьи Трофимовны опустились въ зеленѣющій дернъ, головой она поникла на грудь и такъ оставалась съ четверть часа... Глаза ни на что не глядѣли и были полусомкнуты. Добрый и веселый ротъ раскрылся, да такъ и не мѣнялъ выраженія внутренней боли.

Она поднялась, вся отряхнулась, поправила на головѣ шляпку и выскочила на дорожку изъ-подъ низкихъ вѣтвей грушеваго дерева.

„Что это я?“ — чуть не вслухъ вскрикнула она испуганно.

Рука ея потянулась къ вѣткѣ съ нѣсколькими цвѣтами. Она сломила ее, поднесла къ лицу, понюхала и долгимъ окружнымъ взглядомъ оглядѣла еще разъ садикъ. Скоро-

скоро пошла она... Она уходила отъ этихъ нежданныхъ и страшныхъ мыслей, никогда не забиравшихся къ ней въ душу... Не за тѣмъ вернулась она въ садикъ.

— Мамзель, что вы это озорничаете? — остановилъ ее голосъ сзади.

Она обернулась. У сарайчика стоялъ, должно-быть, хозяинъ: въ розовой рубахѣ на выпускъ и короткомъ архалукѣ; круглая его голова курчавилась сѣдыми кудрями; животъ сильно подался впередъ.

Точно въ дѣтствѣ, когда ловили съ малиной или яблоками, испугалась Марья Трофимовна и даже выронила изъ рукъ вѣтку.

— Въ чужомъ саду—это не порядокъ,—уже помягче сказалъ купецъ Сиговъ и, чтобы ее разглядѣть, прикрылъ глаза ладонью.—Да вы не туточная?

— Простите,—промолвила Евсѣева и подняла вѣтку: она ей была въ эту минуту особенно дорога.

Пріободрившись, она подошла къ хозяину поближе и сказала однимъ духомъ:

— Я здѣсь воспиталась... У Меморскихъ... Навѣстить пріѣхала... Прошла въ садикъ... За вѣтку вы ужъ не взыщите...

— Не суть важно; только попали съ улицы какъ же?..

Онъ оглянулся сердито на овчарку, и та начала лаять и прыгать на цѣпи.

Въ форточкѣ подвальнаго жилья показалось лицо „тетеньки“. Она и вида не подала, что знаетъ Евсѣеву.

Только на Цвѣтномъ бульварѣ очнулась Марья Трофимовна и почти упала на скамейку: такъ у нея ослабѣли ноги... Она отгоняла отъ себя то, что налетѣло на нее въ садикѣ купца Сигова.

Затѣмъ ли она пріѣхала въ Москву?

— Батюшки! — вслухъ испугалась она. — Вѣдь никакъ уже седьмой часъ?..

Усачъ у кассы говорилъ ей, что надо пораньше, до пріѣзда публики. Онъ именно назначилъ: „часу въ седьмомъ, когда вся команда собирается“.

Еще разъ оправила себя Марья Трофимовна и пошла внизъ, къ Самотекѣ. Она и забыла чего-нибудь перекусить. Съ утра такъ ѣздила и ходила она—цѣлыхъ шесть часовъ—и голодъ не далъ знать ей о себѣ. И теперь если бъ ее кто-нибудь спросилъ:

— Ѣли вы сегодня?

Она затруднилась бы отвѣтить.

Засвѣжѣло, но солнце еще не сбиралось садиться. Пыли стало меньше. По Цвѣтному гуляло много народу; но она ни на что уже не оглядывалась и спѣшила къ Самотекѣ. Не хотѣла и не могла она перебирать вопроса: „найдется Маруся, или нѣтъ?“ Ей довольно было и того, что ожиданіе, тревога, возбужденность страха такъ еще наполняютъ ее. О себѣ, о своей долѣ, она не могла уже подумать...

Пѣшкомъ конецъ показался ей долгимъ. Но вотъ сейчасъ и переулокъ. Она миновала бани, гдѣ стоятъ извозчики. Поднимется—и она тамъ!..

XIV.

Усачъ узналъ ее тотчасъ же и подвелъ къ актерскому входу въ театръ. Въ саду еще не было публики. Только официанты накрывали скатертями столы у круга и въ сторонѣ, гдѣ бѣлѣлся большой алебастровый бюстъ среди еще наполовину оголенныхъ деревьевъ.

Жутко опять сдѣлалось Марьѣ Трофимовнѣ. Садъ, буфетъ, эстрада, столы, столбы на отдѣльномъ плацу, сѣрая глыба высокаго деревяннаго театра, дышали для нея чѣмъ-то совершенно чужимъ, почти зловѣщимъ. Отъ нихъ она не ждала ничего добраго.

На скамейкѣ, у самаго актерскаго входа, сидѣла женщина, по платью и лицу въ родѣ горничной.

— Вотъ имъ нужна тутъ одна барышня,—поручилъ ее усачъ. И пояснилъ: — Портниха это театральная. Она вамъ все разскажетъ, сударыня. Прощенья просимъ. Мнѣ пора и къ должности.

Онъ уже надѣлъ голубую ливрею и треугольную шляпу. Пришлось дать ему еще на водку. Въ такомъ мѣстѣ безъ двугривеннаго ничего не добьешься.

Двугривеннымъ начала она и знакомство съ портнихой.

— Вамъ кого, сударыня? — спросила ее та лѣниво и небрежно, даже и послѣ того, какъ получила на чай.

— Балаханцеву... Адреса ея не знаю... а сегодня нарочно пріѣхала изъ Питера,—не удержалась Марья Трофимовна.

— Балаханцева? Такой нѣтъ у насъ. Я всѣхъ на память знаю.

Этакого именно отвѣта и должна была ждать она, а

все-таки онъ ее еще разъ огорчилъ. Она вѣдь знала сама, что Маруся по театру иначе прозывается.

Своей тревогой она не хотѣла дѣлиться съ этой прожженой портнихой; но еще разъ не удержалась и начала описывать наружность Маруси.

— Славская это, по всѣмъ примѣтамъ.

— Славская? Такъ и на афишѣ?

— Мы вѣдь, сударыня, не знаемъ, какъ онѣ въ паспортѣ прописаны. А эта Славская родственница вамъ приходится?

Марья Трофимовна отвѣтила глухо.

— Славская, навѣрно. Только вы не на такой спектакль напали. Сегодня ее въ пажахъ точно будто нѣтъ.

— Въ пажахъ? — переспросила Евсѣева. — Это что же такое?

— Не знаете? Изъ хористокъ, которыя поскладнѣе... Ихъ такъ и зовутъ: пажами... Въ трико, значитъ, онѣ, кажный вечеръ, по-мужски...

— Ну да, ну да,—уже глотая слезы, промолвила Евсѣева какъ бы мысленно.

— На афишку вы поглядите... вонъ тамъ... у столба... Да навѣрно ея нѣтъ... Что-то мнѣ сдается, не значится ли она въ отпуску?

— Больна?—вырвалось у Евсѣевой.

— Что-то я, какъ будто, и вчера ея не видала, а ей слѣдовало участвовать... „Бокаччіо“ давали. Всѣмъ пажамъ надо быть въ сборѣ...

— Можетъ, знаете, гдѣ живетъ госпожа Славская?

У нея даже дыханіе перехватило.

— Справлюсь... Погодите... никакъ въ Телешевскихъ номерахъ, или вотъ тутъ...

— На Срѣтенкѣ?—подсказала Евсѣева.

— И то, должно-быть, тамъ. „Грандъ-Отель“, что ли, называется.

Портниха наморщила одну бровь и прибавила:

— Нѣтъ, тамъ Пересыпина живетъ... Содержитъ ее мучникъ отъ Сухаревки...

Это сообщеніе о „содержателѣ“ иначе направило разговоръ... Марья Трофимовна сама не хотѣла дѣлать разспросовъ; но портниха тутъ только и оживилась...

И въ пять минутъ все узнала Евсѣева. Славскую—не было уже никакого сомнѣнія, что это Маруся—сманилъ первый актеръ; а теперь онъ ее бросилъ... Съ кѣмъ она

теперь „путается“—доподлинно неизвѣстно еще за кулисами, но, навѣрно,—съ кѣмъ-нибудь.

— И хорошо еще, коли изъ гостей кого подцѣпила, а то если изъ нашихъ,—еще ее оберетъ, и въ больницѣ належится; такъ-то, сударыня.

Портниха почему-то прищелкнула языкомъ при этихъ словахъ и подперла обѣими руками свою тощую грудь, прикрытую голубой полинялой пелеринкой.

Ни жива, ни мертва, сидѣла Марья Трофимовна. Что же еще? О чемъ узнавать? Что исправлять и спасать?..

Такъ горько стало, что чуть-чуть она истерически не расхохоталась.

А все-таки надо было ждать. Рабочіе проходили мимо нея, хористы—мужчины, а потомъ и дѣвицы, нѣкоторыя очень нарядныя. Изъ-за кулисъ уже слышался гулъ, смѣхъ, рулады, перебранка. Въ саду прибывала публика, заходили пàры, заигралъ оркестръ... На плацу гимнасты и рабочіе приготовляли свои сѣтки, веревки, трапеціи... Потянуло по нѣсколько влажному воздуху запахомъ котлетъ и еще чѣмъ-то съѣстнымъ.

Портниха ушла. Марья Трофимовна сидѣла, и глаза ея ничего уже не видѣли послѣ удара обухомъ по головѣ. Она выдержала, не вскрикнула, даже, кажется, улыбалась, когда та ей кинула слово „путается“, говоря о любовныхъ похожденіяхъ Маруси.

Ея дѣтище!.. Сколько лѣтъ дрожала надъ ней!.. Господи!.. Сколько лѣтъ?.. Да, полно, былъ ли надъ ней надзоръ? Развѣ она знала, какъ ея дѣвочка вела себя въ послѣднюю зиму? Да и раньше? Откуда у нея вдругъ бархатное зимнее пальто появилось?.. И разныя вещицы?.. А она еще увѣряла себя, что Маруся — нетропутая дѣвушка... Кто ее увѣрилъ? По лицу узнала, что ли? Такъ, вотъ, сейчасъ мимо нея больше дюжины промелькнуло дѣвушекъ. Двѣ-три такъ и пышатъ свѣжестью, лица дѣтскія. А разспроси еще у портнихи—такъ у каждой найдется возлюбленный или старый содержатель.

Чего ждать, чего ждать?!.

Глаза ея все сильнѣе застилала пелена... Мимо прошелъ шумно, давая на кого-то окрикъ, коренастый мужчина въ странномъ костюмѣ: большіе сапоги, парусинная блуза съ греческими рукавами, надѣтая прямо на тѣло; шея голая, какъ у женщины; грудь вся въ цѣпяхъ, мо-

петахъ и брелокахъ. На головѣ—матросскій картузъ. За нимъ пробѣжало двое служащихъ при театрѣ...

— Канальи! Сволочь!—раздавалось изъ-за ограды для гимнастовъ.

Она этого ничего не видала и не слыхала. Но взглядъ ея упалъ на что-то яркое, изжелта-зеленое. То была высокая шляпка, въ полъ-аршина, надѣтая впередъ и вбокъ, вся въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ. Такого же почти травяного цвѣта пальто, съ самой узкой таліей, все въ бляхахъ и подковахъ и съ выпяченной турнюрой сзади...

„Вотъ и барышни со Срѣтенки появились“,—вдругъ промелькнуло у нея въ головѣ, но она еще не разглядѣла ни лица, ни походки.

— Начали?—вдругъ раздалось почти надъ ея головой.

— Маруся! — глухо вскрикнула она и хотѣла встать, но ноги у нея подкосило.

— Мамаша!

Маруся обернулась, развела руки, махнула зонтикомъ въ воздухѣ, не покраснѣла, не обрадовалась замѣтно, а только подошла къ ней, сѣла сейчасъ же на скамейку, нагнула голову и потомъ разсмѣялась:

— Вотъ выкинули штуку!

Онѣ поцѣловались. Марья Трофимовна вся дрожала и ничего не могла выговорить. Руки ея хотѣли обнять Марусю за талію и безпомощно опустились...

— Здѣсь... жива...—пролепетала она, удерживая слезы, блѣднѣя и вспыхивая.

Стыдно ей стало и за Марусю, и за себя... Кругомъ народъ... Хорошо, что музыка заглушала всѣ остальные звуки.

— Это какъ?—спросила Маруся и вскочила со скамьи.

— Провѣдать тебя...

— Надолго?..

— Какъ поживется...

Выговоровъ, упрековъ Марья Трофимовна не могла дѣлать. Да у нея все это и вылетѣло. Она улыбалась; она рада бы была, если бъ какое-нибудь дурачество Маруси поощрило ее, вызвало бы въ ней самой шутливый тонъ.

Но глаза жадно оглядывали Марусю... На кого она стала похожа? Двѣ капли—на тѣхъ барышень, что сѣли на пролетку лихача у Рождественскаго бульвара. Что за прическа!.. Боже ты мой! Весь лобъ покрытъ взбитыми

волосами, вплоть до бровей. Ото всей хнетъ пудрой и крѣпкими духами... Юбка у платья короткая, вся нога выступаетъ въ ботинкѣ изъ желтой кожи. Въ томъ, какъ Маруся откинулась назадъ, въ подергиваньи плечъ, въ движеньяхъ головы, въ самомъ звукѣ голоса—уже горловомъ и хриповатомъ — Марья Трофимовна читала безповоротный приговоръ:

„Погибла, погибла!"

Взглянула она опять въ лицо своего дѣтища: глаза подведены, и губы въ красной помадѣ, и пудра на щекахъ, и брови закручены дугой. Никакого смущенія—ни проблеска... И радости нѣтъ... Даже не улыбнулась. Только взглядъ бѣгаетъ. Онъ сталъ злѣе, фальшивѣе...

— Что жъ вы не написали... а вдругъ такъ? — спросила Маруся и тутъ же оглянулась въ сторону, и даже наморщила лобъ.

— Отъ тебя ничего не было, Маруся... Вотъ я и собралась.

— Испугались. Ха-ха-ха! Что̀ мнѣ дѣлается...

Отъ этого смѣха у Марьи Трофимовны внутри заныло.

— Ну, слава Богу... — выговорила она, все еще улыбаясь, а губы у нея подергивало; она боялась, что не выдержитъ.

— Да что мы здѣсь... Идемъ въ уборную... Я нынче не занята. На той недѣлѣ какъ лошадь работала. Нашъ-то чадушко—антрепренеръ,—пояснила она,—какъ бѣшеный волкъ рыскалъ по сценѣ-то, до седьмого пота всѣхъ пронималъ... Просто каторжная жизнь!

Она это говорила довольно громко, поднимаясь по лѣсенкѣ за кулисы. Марья Трофимовна слушала и уже боялась, какъ бы кто не донесъ на Марусю ея начальству.

На сценѣ шло представленіе. Онѣ прошли мимо кулисъ, гдѣ Марью Трофимовну—она никогда не попадала за кулисы—обдало и свѣтомъ, и особымъ запахомъ... Фиrуранты сидѣли въ костюмахъ; каска пожарнаго свѣтилась въ глубинѣ; декораціи тѣснились у прохода.

— Сюда вотъ,—отворила ей Маруся дверку.—Теперь никого здѣсь нѣтъ.

Это была не общая уборная хористокъ, а одна изъ тѣхъ, что назначаются для солистовъ, на амплуа.

— Ну, поцѣлуемся! Здравствуйте, мамаша! Очень рада! Только напрасно безпокоились... Тоже вѣдь стоитъ ѣзда-

то; или въ лотерею выиграли?.. Фу, ты, жарища аnаѳемская!

Маруся скинула съ себя шляпку и пальто, бросила и то, и другое на кресло, погасила одинъ изъ газовыхъ рожковъ у трюмо, а потомъ сѣла противъ Марьи Трофимовны въ ярко-пунцовомъ атласномъ лифѣ на клѣтчатой юбкѣ. Ноги она разставила и закинула голову назадъ, а платкомъ обмахивалась.

Слезы остановились у Марьи Трофимовны тамъ гдѣ-то, въ груди. Она машинально засмѣялась. Ей легче стало вести разговоръ въ шутливомъ тонѣ...

— Такъ ты нынче вольный казакъ?—спросила она.

— Да, мнѣ все едино. Я до перваго числа дослуживаю.

— Куда же ты?..

— Охъ, мамочка... — заговорила Маруся и положила одну ногу на другую. — Ничего вы не понимаете житейскаго. Вотъ меня воспитали... а все вы какъ маленькая... Я въ полгода того насмотрѣлась и сама восчувствовала, точно я въ семи котлахъ купалась... Ученая! Ха-ха-ха!..

— Не смѣйся такъ, ради Бога... Что съ тобой?.. Скажи мнѣ...

Головой Марья Трофимовна прильнула къ груди Маруси. Дольше она не могла выдерживать веселый тонъ.

— Письмо мое помните? — рѣзко и вызывающе крикнула Маруся.

— Оно-то меня и переполошило.

— Думали—бѣдъ надѣлаю?..

— Все думала... все было...

— А слѣдовало тогда этой черномазой образинѣ купоросным масломъ плеснуть, чтобы гулялъ тогда по Европѣ съ пуделемъ и просилъ на пропитаніе, какъ калики перехожіе... Моментъ пропустила, а теперь уже глупо. Да и думать я о немъ забыла... Что онъ — первый сюжетъ, что нашъ плотникъ, Махоркинъ... Ха-ха-ха!

Только бы она не смѣялась! Этотъ смѣхъ обдавалъ Марью Трофимовну ужасомъ.

— Манюшка! — успѣла она выговорить и глухо, глухо разрыдалась.

— А вы не надрывайтесь надо мной: я вѣдь еще не въ гробу... Житейская школа называется... Мало ли о чемъ мечтала... Дебютъ въ „Перикòлѣ“, а теперь вотъ

въ „пажахъ“ состоимъ... Только послѣ перваго числа они отъ меня вотъ чего дождутся!

Она показала кукишъ и вскочила.

— Нечего канючить, мамаша! Ну и прекрасно, что пріѣхали. Я вамъ, благо, и писать собиралась... Исторія короткая. Глупа была; поумнѣла. Со всѣми этими подлецами,—и она злобно поглядѣла сквозь дверь,—я не хочу дня оставаться дольше перваго... Ничего я не должна... Не нужно намъ подачекъ! Мы сами кого хотѣли, того и полюбили...

Она опять развалилась на стулѣ и хлопнула себя по тому мѣсту, гдѣ карманъ.

— Чортъ!.. Забыла... Память у меня куриная стала. У васъ папироски есть?

— Когда же я курила, Манюша?

— Пора бы... Ха-ха... Въ малолѣтствѣ находитесь. И наши-то всѣ на сценѣ... Этакое свинство!

Никакихъ вопросовъ уже не дѣлала мысленно Марья Трофимовна. Она видѣла теперь, что̀ сталось изъ ея Маруси въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Женщина, узнавшая мужчину, сидѣла передъ ней. Было бы смѣшно даже заговорить съ ней въ тонѣ увѣщанія. И что-то особенное зашевелилось въ душѣ пріемной матери... Вѣдь эта „погибшая“ дѣвушка все-таки живетъ въ своей волѣ, испытала страсть; бросили ее, озлобили, но она и теперь съ кѣмъ-то утѣшается... Жалко все это, позорно для хорошо воспитанной дѣвицы; но развѣ ея-то собственная непорочность на что-нибудь нужна была? Она-то развѣ не жалка тоже по-своему?

— Хотите въ залу?—спросила Маруся и начала надѣвать шляпку.—Я могу контрмарку попросить...

— Зачѣмъ же?

— Экая важность!.. Вотъ и полюбуйтесь на перваго-то сюжета... На моего благодѣтеля... Онъ нынче своимъ надтреснутымъ горломъ рулады выводитъ...

— А ты?.. Со мной?—чуть слышно выговорила Евсѣева.

— Я приду... послѣ... Мнѣ нужно повидаться со знакомыми... Вечеръ еще великъ. Отошелъ актъ!

Она начала торопливо напяливать пальто и, одѣвшись, повела за собой Марью Трофимовну.

XV.

Вечеръ былъ дѣйствительно великъ для ея пріемной матери. Марья Трофимовна высидѣла цѣлый актъ оперетки. Маруся прибѣжала къ ней на минутку, въ мѣста за креслами, и шепнула ей: кого играетъ ея „благодѣтель“ и какъ его фамилія.

Когда онъ вышелъ и запѣлъ, драпируясь въ мантію, и сталъ помахивать правой рукой, а на публику глядѣлъ съ самоувѣренной усмѣшкой, она прильнула къ нему глазами... Да онъ изъ какихъ-нибудь инородцевъ... И произноситъ-то плохо, поетъ глухимъ голосомъ, немного по-цыгански, игры никакой нѣтъ, а публика его „принимаетъ“.

Чѣмъ дольше она на него глядѣла, тѣмъ сильнѣе набиралась мужества: въ антрактѣ пойти за кулисы, такъ, прямо въ уборную, и сказать ему, какъ онъ гнусно поступилъ съ Марусей. Не можетъ быть, чтобы у него ничего уже не было въ душѣ!.. Хоть крошечку совѣсти да осталось же. Бросилъ онъ ея дѣвочку... Пускай хоть не доводитъ ее до отчаянья, не толкаетъ ее въ пропасть. Онъ много значитъ въ труппѣ; можетъ поддержать...

Мысли начали путаться у Марьи Трофимовны къ концу акта, но рѣшимость пойти, говорить съ этимъ брюнетомъ въ шляпѣ съ перьями не пропадала.

Актъ отошелъ. Маруся не показывалась. Это только пріободрило Марью Трофимовну. Она незамѣтно проскользнула за кулисы и дѣловымъ тономъ спросила у рабочаго:

— Гдѣ уборная господина Боброва?

Тотъ ее провелъ. Она стукнула въ дверь.

— Войдите!—крикнули изнутри.

Онъ былъ одинъ, стоялъ передъ зеркаломъ и пудрилъ себѣ лицо.

Фигура и туалетъ Евсѣевой, должно-быть, удивили его. Довольно вѣжливо спросилъ онъ:

— Вамъ угодно?

Не дала она себѣ ни малѣйшей передышки и высказала все — откуда только слова брались. Слезъ не было; ни возгласовъ, ни жалобъ, ни угрозъ. Говорила она тихо, точно сама въ чемъ исповѣдывалась, но такъ говорила, что актеръ ни разу ея не прервалъ.

— Вы не должны ей передавать, что я къ вамъ обратилась... Сдѣлайте хоть что-нибудь для дѣвушки, которую вы выбросили на такую дорогу...

Тутъ она сѣла на табуретъ и сразу смолкла...

Первый сюжетъ говорить былъ не мастеръ. Онъ сначала все улыбался и поводилъ плечами, курилъ и поматывалъ головой, но когда она смолкла, онъ точно выпалилъ:

— Съ нея ничего не выйдетъ!

И онъ сталъ доказывать Марьѣ Трофимовнѣ, что у него было искреннее желаніе поставить Марусю на ноги, но она работать не хотѣла, а сразу мечтала быть на видныхъ роляхъ.

Вопросъ о томъ, что онъ ее покинулъ, увлекъ и бросилъ—онъ, разумѣется, обошелъ. Сказалъ только:

— Всякій порядочный человѣкъ знаетъ, что̀ ему надо дѣлать.

Эта фраза заставила Марью Трофимовну сказать ему, безъ слезъ, медленно и сильно:

— Такъ, стало, можно дѣвушку... погубить, а потомъ— и ничего... ни передъ Богомъ, ни передъ людьми?

Губы перваго сюжета покривила усмѣшка. Онъ выговорилъ вполголоса, но очень внятно:

— А вы, мадамъ, думаете, что ваша пріемная дочь была... въ Петербургѣ... Вы меня понимаете? Такъ это совсѣмъ напрасно. Я въ отвѣтѣ не буду. Не то чтобы это похоже было съ вашей стороны... какъ бы сказать... на шантажъ. Я этого не говорю!—поспѣшилъ онъ прибавить и даже сдѣлалъ жестъ рукой, точно будто хотѣлъ осадить ее сверху внизъ.

Она закрыла глаза и чувствовала, что ея приходъ сюда—только новое униженіе за Марусю, и совершенно напрасное.

— Васъ я понимаю не съ такой стороны,—продолжалъ актеръ.—Вы жалѣете... любите ее. Повѣрьте: не стòитъ эта дѣвочка... И васъ она проведетъ и выведетъ. Скандалистка. И здѣсь ее держать не будутъ. Съ перваго числа— и фью! Раза три я изъ-за нея попадалъ въ такія исторіи. Дралась съ товарками. Помилуй Боже! Я сколько лѣтъ служу, а такой скандалистки еще не видалъ. Да кто же съ ней будетъ жить? — спросилъ онъ убѣжденно, и не предполагая, что слово „жить“ ударитъ Евсѣеву какъ ножомъ.

Она продолжала молчать.

— Вы пріѣхали сюда спасать ее?.. Позвольте вамъ самимъ... совѣтъ дать... Теперь ваша воспитанница связамшись съ однимъ... валетомъ.

— Съ кѣмъ?—спросила она, не сразу понявъ.

— Шантажистъ уже форменный. Безъ мѣста шатается. Съ этимъ она—мое почтеніе—куда попадетъ. За рѣшётку, навѣрно. Это ужъ я вамъ говорю... какъ честный человѣкъ. Такъ нешто... дѣвушка... съ понятьемъ и которая соблюдаетъ себя... свяжется съ такой сволочью?

Онъ даже сплюнулъ и затянулся папиросой.

У дверей раздался звонокъ и крикъ:

— На сцену!..

— Вы меня извините, мадамъ, — сказалъ онъ и отошелъ къ зеркалу.—Мнѣ еще надо вотъ... поправить. Досталась вамъ дочка... нечего сказать... Мое почтеніе.

Безъ словъ вышла она изъ уборной перваго сюжета и не знала, какъ ей поскорѣе попасть на воздухъ. Если бы Маруся поймала ее, навѣрно вышла бы сцена. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего она добилась?..

Приниженно сѣла она на ту же скамейку, гдѣ ожидала Марусю до спектакля.

Давно уже стемнѣло. Изъ нѣсколькихъ лампъ лился электрическій свѣтъ, и за его предѣломъ темнота выступала рѣзче. Съ эстрады слышалось хоровое пѣніе съ бубномъ. Густая толпа стояла спинами къ театру. Вдоль круга двигались пары и заходили въ сторону, къ темнѣющей площадкѣ гимнастовъ. Пары дѣлались все чаще. За столами, гдѣ свѣчи мелькали желтыми языками въ шандалахъ со стеклами, ѣли и пили; шумный разговоръ прорѣзывалъ то и дѣло женскій смѣхъ.

На все это глядѣла Марья Трофимовна, и ей казалось, что сюда она попала за тѣмъ, чтобы узнать, наконецъ:— какъ жизнь идетъ для тѣхъ, кто не знаетъ ея разныхъ сентиментальныхъ глупостей. Что-то совсѣмъ новое, торжествующее, безпощадное, тупое въ своемъ безстыдствѣ обступало ее. И то, что пѣлось въ театрѣ, и здѣсь въ саду — блуждающія пары и повсюдный смотръ и выборъ женщинъ, — и такъ это просто, безъ всякаго покрова и стѣсненья. Гдѣ же тутъ совѣсть ея, съ чувствами... старой дѣвы, наивной и смѣшной, безсильной и жалкой?..

Да, Маруся ея давно уже была предназначена для такой именно жизни, вотъ для такого сада, для перехода отъ одного мужчины къ другому. Какъ же она не догадалась объ этомъ? А еще захотѣла спасать, направлять!..

Вонъ идетъ пара... завертываетъ налѣво, за купу деревьевъ, по узкой дорожкѣ. Свѣтъ только проводилъ ихъ

въ тѣнь и не пошелъ дальше. Она смотритъ на эту пару какъ будто съ намѣреніемъ, съ любопытствомъ. Мужчина—сухой, длинный, въ высокой шляпѣ и короткомъ пиджакѣ, почти курткѣ, и панталоны на немъ свѣтлыя. Его Марья Трофимовна видѣла. Онъ остановился. Женщина повернулась къ нему лицомъ и что-то говоритъ, горячо, машетъ зонтикомъ... Онъ все пятится къ свѣту.

Да это Маруся! А длинноногій ея кавалеръ, навѣрно, тотъ, съ которымъ она теперь „путается".

Мысленно Евсѣева выговорила это слово.

Вотъ они вышли и въ яркій свѣтъ. Ея зеленое пальто стало желтымъ. Лицо—и на такомъ разстояніи—бѣлое, а ротъ точно провалился: отъ яркой краски совсѣмъ черный.

Онъ уже не держитъ ее подъ руку; ему, видимо, хочется уйти. Она продолжаетъ говорить такъ же горячо, не пускаетъ его или дѣлаетъ упреки. Длинноногій все-таки идетъ къ одному изъ столовъ. И она за нимъ. За этимъ столомъ видна шляпка и двое мужчинъ.

Присѣли оба. Она сейчасъ же встала. Ее угощаютъ. Она наклонилась: вѣроятно, выпила стаканъ, но оставаться не хочетъ, еще что-то говоритъ на ухо ему и съ рѣзкимъ жестомъ отходитъ отъ стола, идетъ къ театру.

„Завтра уѣду!"—вскрикнула про себя Марья Трофимовна и вся выпрямилась на скамейкѣ.

Куда уѣдетъ? Въ Петербургъ? Но вѣдь она всѣ свои пожитки продала. Квартиру сдала. На что же она станетъ обзаводиться? У нея ужъ не будетъ и половины денегъ, когда она вернется. Да и какъ же это можно этакимъ манеромъ? Сейчасъ—малодушіе, жалкое безсиліе, бѣгство. Это гадко, бездушно... Развѣ такъ любятъ! Теперь-то и нужно дѣйствовать. Нельзя ее бросить. Она ухватится за несчастную дѣвочку, ляжетъ поперекъ дороги къ той пропасти, куда ее толкаетъ вотъ вся эта жизнь.

Маруся пошла къ театру сначала порывисто... Остановилась. Ее тянетъ туда, къ столу, гдѣ онъ... Секунды три-четыре была въ нерѣшительности, повернула опять къ театру...

Значитъ, есть же въ ней достоинство, хочетъ выдержать характеръ.

„Неужели онъ... шантажистъ?"

Марья Трофимовна прибавила:

„Изъ этихъ... изъ валетовъ?"

Да кто бы онъ ни былъ — надо ей узнать его. Она ничего не испугается,—хоть злодѣй, хоть бѣглый! Тѣмъ паче!..

Маруся идетъ скорѣе, голову опустила; видно, что кусаетъ губы; правая рука бьетъ зонтикомъ по бедру, — сердится. Что жъ, это хорошо! Теперь-то и надо ковать желѣзо!..

Идетъ она за кулисы и никого уже не замѣчаетъ; электрическій свѣтъ слѣпитъ каждому глаза.

— Маруся!—остановила ее на ходу Марья Трофимовна такимъ же почти звукомъ, какъ и въ первый разъ.

— Что это, какъ вы меня испугали! — откликнулась Маруся.

Она дѣйствительно вся вздрогнула отъ оклика.

— Присядь, — спокойно выговорила Марья Трофимовна.—Нагулялась.

— А вы что же не въ театрѣ? Что это, мамаша!.. Вы и здѣсь за мной надзоръ устроить хотите? Такъ вы это напрасно...

— Полно...

— Да ужъ нечего! Зачѣмъ вы тутъ на скамейкѣ сѣли?

Ея раздраженный, почти грубый тонъ уже не дѣйствовалъ на Евсѣеву. Что-то дальше будетъ.

— Если вы пріѣхали со мной повидаться, такъ, пожалуйста, не извольте слѣдить за мной! И безъ васъ тошно!..

Послѣднее слово вырвалось уже отъ сердца, но съ горечью обиды и... кажется, ревности.

— Присядь,—такъ же невозмутимо выговорила Марья Трофимовна.

— Есть ли что̀ гаже на свѣтѣ мужчинъ!—вскрикнула Маруся и сѣла на скамейку.—Одинъ безстыжѣе другого!

„Вотъ это хорошо!"—подумала Евсѣева.

— Вы сейчасъ видѣли, что я тутъ съ однимъ человѣкомъ ходила. Я не скрываюсь... Чего мнѣ?.. Талантъ у него... комикъ. Вы не думайте, что это такъ чумичка какая-нибудь, или на велосипедѣ по кругу ѣздитъ... Простакъ!

— Простой души? — спросила Марья Трофимовна, забывъ, что это—театральный терминъ.

— Ахъ, что вы!.. Простакъ—молодой комикъ значитъ. И голосокъ милый. А ужъ насчетъ мимики—ни у одного у насъ нѣтъ и капельки его игры.

„Онъ, онъ!.. Шантажистъ!“ — рѣшила Марья Трофимовна.

— И вотъ извольте... Какая-то... — Маруся употребила ругательное слово, но выговорила его глухо.—Ободранная кошка... бѣлила сыплются, точно штукатурка. Только извольте чувствовать — примадонной себя величаетъ!.. Ангажементъ въ Саратовѣ... Въ какомъ-то вокзалѣ будетъ пѣть.

Она задыхалась. Ее вдругъ всю подернуло. Оттуда, отъ стола, послышался смѣхъ.

— Ишь ржутъ!—вырвалось у нея...—Ну, хорошо же!

Въ этомъ возгласѣ и въ жестѣ еще проявилась дѣвочка.

— Не ходи,—тихо подсказала Евсѣева.

— Я пойду туда!? — гнѣвная и вся красная—пудра давно опала съ ея щекъ—крикнула она. — Я пойду? Да Алешка у меня ноги лижи,—я и тогда...

Голосъ ея все поднимался... Глаза такъ и выдались... Марьѣ Трофимовнѣ стало за нее страшно. Она взяла Марусю за руку и шепнула ей:

— Уйдемъ отсюда... Ко мнѣ... Брось ихъ!

— Къ вамъ?.. Пойдемъ! Мамаша, я къ вамъ—ночевать?.. Можно?

— Еще бы!

Марья Трофимовна чуть не захлебнулась отъ радости. Къ ней!.. Лягутъ въ одну постель... или она себѣ на полу постелетъ, а Марусю на кровать, какъ бывало въ Петербургѣ. Тутъ только она вспомнила и про то, что съ утра не ѣла. Вотъ онѣ поѣдятъ вмѣстѣ. Поди, и Маруся голодна.

— Мы поужинаемъ,—также шопотомъ сказала она ей на ухо. —Хочешь?

— Кутнемъ!—со смѣхомъ подхватила Маруся.

— Только не здѣсь,—сказала торопливо Марья Трофимовна.

— Провались онѣ совсѣмъ, съ своей проклятой лавочкой!..

Маруся встала, окинула гнѣвнымъ взглядомъ весь садъ, и театръ, и кругъ со столами.

Поднялась и Марья Трофимовна. Ей казалось, въ ту минуту, что въ дѣтенышѣ ея произошелъ нравственный переворотъ, что-то такое въ родѣ наитія свыше,—ударъ, который человѣческую душу очищаетъ въ одно мгновеніе.

Она взяла опять Марусю за руку и держала ее крѣпко-крѣпко.

— Идемъ, Манечка, идемъ!.. — сказала она, вся радостная.

А Марусю все еще тянуло туда, къ столу, гдѣ долгоногій ея „простакъ" чокался съ примадонной и двумя бородатыми господами въ макферланахъ.

— Придешь,—точно про себя говорила Маруся,—придешь, знай, какъ щенокъ ползать будешь. Пожалуйста, голубчикъ, разлетись... и за извозчика заплатить нечѣмъ будетъ. А тебѣ—шлепсъ по носу... Поцѣлуй пробой да и ступай домой!

Все это слушала Марья Трофимовна, но плохо разумѣла смыслъ выходки. Она не соображала уже: значитъ, это возлюбленный Маруси? Значитъ, онъ къ ней пріѣзжаетъ по ночамъ, въ ея номеръ?

Ни на чемъ этомъ уже не могла остановиться голова ея. Одно она знала, одно ее проникало:

„Вотъ сейчасъ возьму Марусю, посажу на пролетку и мигомъ очутимся мы у меня на Срѣтенкѣ, и я ее не выпущу, я спасу ее!"

— Идемъ, идемъ,—повторяла она и даже потянула Марусю за собой.

— Куда вы... мамаша, да погодите... Я должна въ уборную. Забыла тамъ вчера ботинки и новый корсетъ. Еще четыре денька,—и ноги моей не будетъ въ этой чортовой перечницѣ!

Какъ бы она не скрылась изъ-за кулисъ, другимъ ходомъ! Пять минутъ жданья показались Марьѣ Трофимовнѣ тяжелыми. Она уже собралась было кинуться за кулисы, но Маруся вышла съ узелкомъ въ рукахъ.

— Не хочу я мимо этихъ животныхъ проходить,—выговорила она злобно.—Возьмемте сюда, вправо. Кругомъ обойдемъ.

Она бросила послѣдній гнѣвный взглядъ въ сторону стола, гдѣ выше другихъ торчала цилиндрическая шляпа ея друга.

Не помнила себя Марья Трофимовна отъ почти безумной радости, когда проходила съ Марусей по дорожкамъ, гдѣ имъ попадались одиноко бродившія женщины. Вотъ и кругъ передъ выходомъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ она увозитъ свою Марусю къ себѣ подъ крылышко изъ этого вертепа?

— Прощайте!—крикнула Маруся какому-то служащему у контроля.—На будущей недѣлѣ избавлю васъ отъ своего лицезрѣнія.

— Что такъ?—спросилъ ее молодой мужской голосъ.

Этотъ разговоръ дошелъ до ушей Марьи Трофимовны точно издалека.

— Вонъ изъ Москвы!.. Ангажементъ!..

— Что вы!..

— Чего вы удивляетесь? Неужели, думаете, на сорока-то рубляхъ пріятно каждый день горло драть? Прощенья просимъ...

Грубость словъ и выраженій уже не дѣйствовали на Марью Трофимовну. Она опять схватила руку Маруси. На подъѣздѣ подвернулся все тотъ же усачъ. Онъ хотѣлъ крикнуть извозчика.

— Сами наймемъ,—отрѣзала Маруся.—Ты, пьянчуга, только хапать на водки гораздъ.

Онѣ спустились по переулку. Извозчики приставали къ нимъ. Маруся только все повторяла рѣзко и крикливо:

— Срѣтенка, четвертакъ!

Нашелся, наконецъ, охотникъ.

Въ пролеткѣ Марья Трофимовна почти истерически обняла Марусю.

XVI.

Чистые-Пруды уже въ густой зелени. Прошла недѣля теплой, почти жаркой погоды, съ той ночи, когда пролетка весело катила съ Божедомки въ номера на Срѣтенку.

Въ сумерки двигалась Евсѣева по правой аллеѣ вдоль пруда, еще не покрытаго зеленой плѣсенью... Гуляющихъ посбыло; дѣтей увели; но молодежь—гимназисты, подростки-дѣвушки, воспитанники въ военныхъ шинеляхъ—попадались по-трое, по-четверо.

Куда шла она? Марья Трофимовна сама не знала. Впервые у нея было чувство, когда васъ выгонятъ на улицу.

Да, у нея нѣтъ квартиры, нѣтъ пожитковъ, а денегъ всего полтинникъ, вотъ—въ карманѣ пальто. Хорошо еще, что отпустили въ пальто: могли и его задержать.

Опять, все равно, что въ Петербургѣ, когда Маруся скрутила свой отъѣздъ въ Москву,—совершенно такъ же все случилось быстро, незамѣтно, безъ всякаго участія

воли... Ей только было жаль, она только любила свою дѣвочку; она только довѣряла.

И что же вышло?.. Приласкалась къ ней Маруся, у нея въ номерахъ. Пробыла съ ней два дня; вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ Сокольники, дѣлали планы, какъ онѣ заживутъ въ Москвѣ зимой. Маруся получила ангажементъ—такъ она увѣряла—въ Рыбинскъ, играть въ водевиляхъ и въ одноактныхъ опереткахъ. Призналась она еще разъ, что „приняла участіе“ въ талантливомъ „простакѣ“, томъ самомъ, что̀ гулялъ съ ней въ саду, въ высокой шляпѣ. Она побурлила недолго. Ревность ея улеглась, какъ только она съѣздила къ себѣ. Они помирились.

Надо было признать фактъ: у Маруси была связь и, вѣроятно, не первая. Марья Трофимовна уже не заикалась ни о чемъ, только все твердила:

— Манечка, хорошій ли онъ человѣкъ?

А Маруся повторяла:

— Когда захочу, тогда и выйду за него. Онъ въ ногахъ валяется—я не хочу!.. Надъ нами не каплетъ.

Что же: въ актерскомъ быту—не такъ, какъ на міру: надо признать нравы, какъ они есть. И Марья Трофимовна, точно дѣвочка, выслушивала отъ опытной молодой женщины, что разсчитывать все на партію—когда въ актрисы пошла—да „соблюдать себя“—чистая „утопія“. Это слово „утопія“ Маруся произносила особенно презрительно. Когда-нибудь попадетъ она въ „звѣзды“, прогремитъ сначала въ провинціи, а потомъ здѣсь или въ петербургской „Аркадіи“... Тогда и партію сдѣлаетъ... Примѣры бывали—и не одинъ...

Въ два дня жизни по душѣ съ Марусей Марья Трофимовна такъ себя не помнила отъ радости, что ей ея дѣвочка казалась и доброй, и откровенной, и желающей учиться, добиваться своей цѣли. Она почти негодовала на перваго сюжета: онъ оклеветалъ ее нарочно, чтобы только свалить съ себя вину. Съ трудомъ удерживалась она не пересказать Марусѣ разговора съ нимъ... Но о немъ сама Маруся ничего не упоминала: точно будто она съ нимъ никогда и знакома не была. Это тоже очень трогало Марью Трофимовну.

„Благородно! — повторяла она про себя. — Зла не помнитъ“.

На третій день Маруся прибѣжала—лица на ней нѣтъ.

Истерика. Страшно напугала. Дѣло... Подозрѣніе падаетъ на ея возлюбленнаго... Надо сейчасъ хоть сорокъ рублей. Иначе все погибло...

Ни одной секунды не возражала она—дала эти деньги; осталась сама съ нѣсколькими рублями. Исчезла Маруся на цѣлыя сутки... Потомъ опять прибѣжала. Подошло первое число — надо ѣхать въ Рыбинскъ, а „задатокъ", выданный ей, ея „простакъ" давно прожилъ. Выѣхать не съ чѣмъ, и заказывать платье нельзя: не „голой же" играть, какъ она говорила въ отчаяніи, со слезами, поднимая кулаки, точно всѣ виноваты въ ея „незадачѣ".

Послѣдніе рубли отдала Марья Трофимовна. Какъ же не отдать?.. Гдѣ же возьметъ Маруся? А лучше, какъ тамъ, въ Рыбинскѣ, пропуститъ срокъ, и ступай пѣшкомъ, или... торгуй собою... Разъ Маруся и крикнула:

— Разумѣется, въ камеліи пойдешь!..

Все уладилось. Можно ѣхать. Маруся, наканунѣ отъѣзда, была нѣжна, клала все ей голову на плечо, ластилась, какъ никогда.

— Мамаша,—сказала она вдругъ,—что же вамъ оставаться здѣсь? Поѣдемте съ нами, а пока переѣзжайте ко мнѣ... и вещи ваши перевезите.

Она такъ и сдѣлала: переѣхала къ Марусѣ и мечтала ѣхать съ ней на Волгу. Чего ей надо? Ну, она будетъ у нихъ экономкой, и бѣлье выстираетъ; можетъ, практика какая выпадетъ: городъ богатый, купеческій... Да и что она останется одна въ Москвѣ? На что будетъ жить? Съ чѣмъ вернется въ Питеръ?

Ее и трогало, и веселило это предложеніе Маруси... Значитъ, сердце есть, хочетъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что въ нее вложено... Да и не нужно ничего, кромѣ любви и ласки...

Переѣхала. У Маруси были двѣ комнатки. Въ одной она и размѣстилась. На другой день Маруся—„простака" своего она ей не показывала—говоритъ ей:

— Свой багажъ я уже отправила съ товарнымъ поѣздомъ.

Просыпается Марья Трофимовна на третій день. Что-то тихо рядомъ.

Маруся уѣхала тайкомъ; оставила записку:

„Мамаша, простите. Онъ не согласился взять васъ — говоритъ, намъ надо будетъ переѣзжать все лѣто. Это стѣснитъ. До свиданія зимой".

И только.

Марьѣ Трофимовнѣ вступило въ голову. Она была больше сутокъ въ оцѣпенѣніи. Но этимъ не кончилось. Хозяинъ, когда она захотѣла съѣхать и взять гдѣ-нибудь уголъ,—у нея не было и рубля въ карманѣ,—задержалъ ея вещи. Онъ объявилъ ей, что потому только и отпустилъ госпожу Славскую,—она ему была должна за мѣсяцъ,—что та представила ему свою „мамашу", какъ поручительницу, которая и займетъ ея помѣщеніе, и заплатитъ за нее.

Все это было сдѣлано за ея спиной; она, какъ малолѣтняя, ни о чемъ не догадывалась... Черезъ нѣсколько часовъ она очутилась на улицѣ... Идти жаловаться? Куда? Оставаться въ квартирѣ? Еще больше должать? Ѣхать въ Рыбинскъ? На что? Да и кто же знаетъ: туда ли поѣхала Маруся? А можетъ, въ Нижній, въ Саратовъ, въ Одессу?

Когда первое ошеломленіе прошло, Марьей Трофимовной овладѣла горечь, злость настоящая, такая, что у нея на языкѣ явилось ощущеніе желчи. Она вся потемнѣла... Нельзя хуже обойтись, какъ обошлась съ ней жизнь... Вотъ она нищая, на улицѣ, обманута своимъ дѣтищемъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ; одурачена, ограблена до послѣдней почти копейки, до послѣдней нитки, кромѣ того, что̀ у нея на плечахъ.

Она такъ и сказала хозяину:

— Извольте, берите мой багажъ, удерживайте. Мнѣ платить нечѣмъ...

И ушла. Ее сначала хотѣли задержать; но хозяинъ одумался. Ему выгоднѣе было удовольствоваться ея пожитками. А начнешь дѣло—еще, пожалуй, все ей присудятъ. Она могла кинуться въ участокъ. Всякая охота, всякая энергія рухнула. Только одна неизмѣримая горечь затопляла ея душу.

Голодная, не замѣчая своего голода, двигалась она по бульварамъ — улица точно пугала ее — снизу вверхъ. Въ сумеркахъ попала она на Чистые-Пруды.

Опредѣленнаго вопроса: гдѣ она будетъ ночевать? что̀ же теперь дѣлать ей, одной, во всей Москвѣ?—она не задавала себѣ. Ей было буквально „все равно". Оборвалась какая-то нить. Любовь эта, куда она все положила, слишкомъ ее оскорбила, подсидѣла, обездолила. И то, что̀ ей, впервые, пришло тамъ, въ Тупикѣ, въ садикѣ, подъ гру-

шевымъ деревомъ, теперь встало передъ ней, какъ настоящая правда жизни.

„Да, все такъ, безъ цѣли, безъ добра и награды вертится на свѣтѣ... Ни правды, ни любви не нужно, и чѣмъ нелѣпѣе, глупѣе, безобразнѣе падаютъ карты въ этомъ ужасномъ граппасьянсѣ, тѣмъ это вѣрнѣе дѣйствительности“...

Вотъ что выходило изъ отрывочныхъ мыслей, которыя, отъ времени до времени, встряхивали ея тяжесть, окаменѣлость всего ея существа.

Холодно ей стало, на особый ладъ, бездушно холодно. Люди по бульварамъ, дѣти, въ особенности барыни, студенты, военные, рабочіе съ котомками—плотники и каменщики, — всѣ ей совсѣмъ сторонніе... Люди же... не стòятъ ни слезы, ни вздоха, ни куска хлѣба... Помогай, не помогай — все будетъ вертѣться то же колесо... Все такъ же зря...

Прежде, бывало, каждому нищему она хоть копеечку да подастъ. Знала она отлично, сколько между ними пьяницъ, обманщиковъ, воровъ, закоренѣлыхъ бродягъ, а все-таки подавала, не могла не подать...

Сегодня, нужды нѣтъ, что у нея осталось два двугривенныхъ и мѣдью сколько-то — будь у нея и нѣсколько красненькихъ—она ничего бы никому не подала. По дорогѣ сколько нищихъ останавливали ее; она и не знала, что ихъ столько въ Москвѣ... Всѣ они ей были чужды, даже противны; она сторонилась, завидя подозрительную фигуру...

Ну, и она нищая. А не протянетъ руки. Умретъ на улицѣ, а не протянетъ: такъ ей, по крайней мѣрѣ, тогда казалось. Зачѣмъ она станетъ поддерживать жизнь нищаго, даже если онъ и не обманщикъ?.. Чѣмъ больше ихъ умретъ, тѣмъ лучше... Право!..

Ноги начали подкашиваться; она сѣла на скамью, въ самомъ загибѣ пруда, туда, къ Покровкѣ...

Голодъ только тутъ далъ ей себя почувствовать. Откуда-то сзади, точно нарочно, запахло калачами и теплымъ чернымъ хлѣбомъ. Что же, она купитъ себѣ сайку, яйцо, всего на пятакъ. О ночлегѣ она почему-то усиленно избѣгала думать.

— Позвольте васъ побезпокоить, сударыня... Благородный человѣкъ... Не откажите...

Она еще не поднимала головы, но уже знала, что это

за звукъ. Глухой офицерскій голосъ... Вишь, зачѣмъ пошелъ!.. Извѣстно: поручикъ проситъ на бѣдность. Еще удивительно, какъ о ранахъ изъ-подъ Севастополя не приплелъ...

— Сударыня... Вѣрьте слову... униженье...

Зло ее взяло. Она подняла голову и собралась крикнуть ему:

„Проходите!.. Очень мнѣ нужно!..“

Слова замерли.

Офицеръ стоялъ около скамейки, вбокъ, но очень близко. Отставной военный сюртукъ, фуражка съ краснымъ околышемъ, сапоги еще цѣлые, подпирается палкой.

Голосъ, длинный овалъ лица, родимыя пятна около носа, ростъ... Неужели—Амосовъ, Петруша, что̀ былъ юнкеромъ въ гренадерской дивизіи, ея первая любовь, тотъ, что взялъ и первый поцѣлуй, въ садикѣ, подъ грушевымъ деревомъ? Она все это вспомнила, не торопясь, всматривалась въ него, говоря себѣ мысленно:

„Похожъ, только не онъ. Да вѣдь и тотъ—такой же! У меня попросилъ бы милостыни. И этотъ попроситъ и пропьетъ. Онъ уже клюкнулъ“.

Слеза не прошибла ее; руки не задрожали; но что-то опять новое,—особенная, другая горечь прилила къ той, теперь уже старой. Надъ могилой, около покойника, такъ, должно-быть, чувствуешь. Плакать? Все уже выплакано. Пьяница и тотъ, побирушка, можетъ, и жуликъ... Что жъ мудренаго?

Офицеръ ждалъ съ недоумѣніемъ.

— Смѣю спросить? — окликнулъ онъ и, кажется, смутился.

— Вы вѣдь не Амосовъ, Петръ Данилычъ, со Срѣтенки?

— Никакъ нѣтъ.

Офицеръ, какъ будто, застыдился и, пожавшись, сказалъ:

— Позволите присѣсть?

— Садитесь,—выговорила она съ улыбкой.

— Не осудите—не осудимы будете... Однихъ вознесетъ, другихъ...

— Я и не осуждаю, — перебила она его и поглядѣла на него вбокъ.

— Вы въ достаткѣ... Не откажите...

— Вы у меня просите? — выговорила Марья Трофимовна. — Забавно. А, можетъ, я не богаче васъ... вы почемъ знаете?

— Помилуйте! Изволите шутить...

Онъ былъ совершенно пришибленъ своимъ нищенствомъ.

Она это поняла, но ей не стало, отъ его сходства съ Петрушей, жалче свою „первую любовь“. И совѣстно ей не было за него.

„Оба мы бродяги“, — подумала она, и захотѣлось ей узнать, есть ли у него квартира.

Тогда она показала бы этому побирушкѣ, что она еще болѣе нищая, чѣмъ онъ, если есть.

— Послушайте,—начала она веселѣе, почти задорно,— у васъ вѣдь навѣрно квартира хоть какая-нибудь имѣется?..

Онъ оглянулся, сдѣлалъ какое-то неуловимое движеніе своей длинной шеей и быстро выговорилъ:

— Никакъ нѣтъ!.. Вамъ я лгать не стану... Прошу понять...

И въ этотъ отвѣтъ онъ вложилъ все достоинство свое: по звуку она повѣрила; она была, въ ту минуту, уже не довѣрчивая, поглупѣвшая мать Маруси, а опытная, бывалая акушерка.

Ей опять захотѣлось выспросить у него, гдѣ же онъ ночуетъ, коли нѣтъ постояннаго угла.

— Такъ вы,—продолжала она все еще полушутливо,— какъ птица небесная... гдѣ придется, тамъ и прикурнете?.. Что жъ, теперь тепло... Можно и на вольномъ воздухѣ, всю ночь...

— Не скажите, — возразилъ онъ уже въ болѣе дѣловомъ тонѣ, — на бульварахъ не даютъ спать всю ночь хожалые; въ паркѣ развѣ... А ночь засвѣжѣетъ. До іюля мѣсяца еще очень свѣжо, иной разъ и въ родѣ морозца.

— Гдѣ же вы ночуете? — уже настойчивѣе спросила она его.

Онъ сдѣлалъ свой неуловимый жестъ шеей.

— Извѣстно гдѣ... На Хитровомъ...

— На Хитровомъ рынкѣ?—вспомнила она.

— Совершенно вѣрно-съ... Есть тамъ и даровое помѣщеніе...

— Ночлежный домъ?

— Да-съ, на иждивеніи двухъ первой гильдіи купцовъ. Въ просторѣчіи Ляпинка называется.

Два слова: „иждивеніе“ и „просторѣчіе“ напомнили ей слово извозчика: „ристаніе“.

Она чуть не разсмѣялась.

— Даромъ?..

— Даромъ-съ... И даже сбитень... поутру... А ночлежниковъ не мало благороднаго званія... впавшихъ въ несчастіе... вотъ какъ и я... Когда фортуна отвернетъ свое колесо, подняться невозможно...

Офицеръ вздохнулъ и всталъ въ просительную позу...

— Теперь еще легко попасть и попозднѣе ежели придти, а зимой, сверхъ комплекта, иной разъ больше сотни принимаютъ... А опоздалъ, — какъ хочешь, коли нѣтъ пятачка.

— А пятачокъ за что платятъ?—спросила быстро Марья Трофимовна.

— За койку... Тамъ вездѣ кругомъ съемщицы... Не изволите знать?.. Извините... для васъ это все низкіе предметы... А вѣрьте... если благородный человѣкъ...

Онъ впадалъ опять въ тонъ просящаго офицера.

Тутъ у нея въ груди что-то заиграло, забилось, точно мотылекъ... Горечь стала менѣе острой; но обида всей жизни выступила передъ ней еще безпощаднѣй въ лицѣ этого пьяненькаго побирушки, похожаго на ея первую любовь, на ея жениха, за котораго она приняла дѣвушкой столько срама и слезъ... Въ одинъ день, какое... Провидѣніе добивало ее, учило уму-разуму, казало въ самой близи, въ двухъ шагахъ отъ нея, нищенство, и того хуже... И она можетъ сдѣлаться пьянчужкой... Почемъ знать?.. Вѣдь говорила же недавно „тетенька", что ея офицеръ пошелъ въ мать: та испивала, и онъ началъ, когда лѣта пришли...

Сразу всякое чувство стыда, порядочности, достоинства показалось ей такимъ жалкимъ вздоромъ...

„Все равно, все равно...—повторяла она мысленно.—И всѣ равны... во всѣхъ грязь и порокъ, всѣ могутъ быть лжецами, и душегубами, и пьяницами, и ворами, и сумасшедшими..."

А офицеръ все стоялъ въ просительной позѣ.

— ...И сегодня нечѣмъ будетъ заплатить за уголъ... Хозяйка не пуститъ даромъ... Придется въ Ляпинку... Честный человѣкъ...

„У меня проситъ!—перевела она себѣ его бормотанье.— А вѣдь я, и вправду, богаче его..."

Марья Трофимовна нащупала въ карманѣ мелочь, и ей точно захотѣлось поразить офицера своей щедростью— раздѣлить съ нимъ что̀ у нея тамъ лежало. Она вынула

то, что́ захватила двумя пальцами. Это были два двугривенныхъ.

Молча подала она ихъ, встала и почти побѣжала отъ него, не слушая того, какъ онъ ее благодарилъ.

XVII.

Ходила она еще часа два. Фонари давно уже горѣли. Ѣзда стала рѣже... Сколько переулковъ, площадокъ, перекрестковъ миновала она. Только около десяти часовъ, когда была она неподалеку отъ земляного вала, всталъ передъ ней вопросъ:

— А гдѣ же ночевать?

И совершенно спокойно, съ тихой усмѣшкой, которую она сама почувствовала на губахъ, Марья Трофимовна отвѣтила: „въ этой... въ Ляпинкѣ“. Ей сначала не пришло на умъ то, что было уже поздно; не испугалась она и того, что можетъ тамъ столкнуться съ своимъ знакомымъ, съ пьянчужкой-офицеромъ. Она знала отлично, что онъ лгалъ безстыдно, какъ закоренѣлый пьяница, что ея два двугривенныхъ, послѣдніе, пошли сейчасъ же въ кабакъ или портерную, а ночевать онъ поплелся въ эту самую Ляпинку.

На какомъ-то проѣздѣ, гдѣ прошипѣлъ грузный вагонъ желѣзно-конной дороги, она спросила у городового твердымъ голосомъ:

— Какъ дойти до Хитрова рынка?

Тотъ объяснилъ ей вѣжливо и съ большими подробностями... Ошибиться было трудно. Тамъ помѣщалось при входѣ зданіе части.

— Спуститесь проулкомъ,—пояснилъ городовой,—мимо ночлежнаго дома.

— Мимо Ляпинки?—подсказала она.

— Такъ точно...

Черезъ двадцать минутъ она дошла до этого самаго переулка. Вонъ и каланча части виднѣется. Зданіе тянется въ родѣ тюрьмы или больницы; къ подъѣзду загородки идутъ... Это самое и есть.

Но переулокъ пустъ. Ни единой души около подъѣзда, ни на другомъ, узкомъ и крутомъ тротуарѣ, спускающемся вдоль низкаго каменнаго забора.

„Опоздала“,—подумала Евсѣева тупо, безъ всякой даже досады.

Она не знала, какъ и гдѣ звонить; да и не отопрутъ

ей одной. Ни минуты она не стала волноваться. Заперто, такъ заперто. Не все ли равно? Ноги, правда, ноютъ, почти отказываются. Ну, пойдетъ на бульваръ,—ихъ вѣдь много по Москвѣ,—сядетъ на скамейку, заспетъ, навѣрно заспетъ; разбудитъ „хожалый" (такъ вѣдь называлъ офицеръ),—она на другой бульваръ; оттуда тоже прогонятъ. Она прямо скажетъ, чтобы ее взяли, свезли въ участокъ, куда хотятъ... Есть такой „комитетъ", — она знаетъ. Пускай ее запишутъ въ нищіе... Не станетъ она работать, какъ прежде... Зачѣмъ? Для кого?

И ей представилось нахально смѣющееся лицо Маруси, съ красными губами и обнаженными деснами... То-то она со своимъ „простакомъ", гдѣ-нибудь на пароходѣ или въ бесѣдкѣ, на Волгѣ, въ ресторанѣ, потѣшаются надъ старой дурой, которую обвели и заставили лѣзть въ петлю за нихъ!.. А офицеръ, пьяный, издѣвается тоже надъ ней и съ прибаутками разсказываетъ сосѣду по ночлежному дому, какая ему встрѣча была сегодня.

— Скупа, бестія! — навѣрно, выругался онъ, — только сорокъ копеекъ отвалила!

Эти образы все ожесточаютъ ее и дѣлаютъ безчувственнѣе къ своему положенію. Она двигается машинально. Сошла внизъ по переулку... Площадь. Слѣва, гдѣ часть съ каланчой, на засоренной мостовой нѣтъ ничего; правѣе — всякая всячина, оставшаяся отъ денного торга. Съ трехъ сторонъ, стѣной, въ родѣ ящика, идутъ двухъэтажные дома, всѣ въ окнахъ. Освѣщеніе вездѣ, кромѣ одного темнаго мѣста. Она разглядѣла ворота и глубину двора, а на дворѣ тоже каменный домъ, весь освѣщенный.

Совсѣмъ не такъ, какъ она думала найти этотъ „рынокъ": она ждала чего-то гораздо зловѣщѣе, тѣснѣе, грязнѣе, страшнѣе... Трактиръ, кабакъ, съѣстная лавка, еще трактиръ... Окна растворены; виденъ народъ, рубахи мужчинъ, красные платки бабъ и дѣвокъ... гамъ, чаепитіе, водка, пиво, простоволосыя женщины. Она сейчасъ догадалась, — какія: какъ потому смѣются, перекрикиваются съ одного стола на другой... Играетъ органъ...

Обогнула она по тротуарамъ всю почти площадь; нашло на нее неизвѣданное еще озорство; вотъ тутъ же, на рынкѣ, прилечь у какой-нибудь кучи... Да кажется, копошатся человѣческія фигуры... Она бродяга, нищая. Почему же ей не растянуться прямо на мостовой? Она уже не находила мысль ни безумной, ни унизительной... Какъ

только станетъ потише, она выберетъ мѣстечко... Да она еще богачка; вѣдь на ней пальто. Оно не очень поношено. Тутъ же завтра дадутъ рублей пять.

Марья Трофимовна стала гладить его правой и лѣвой рукой. Сукно еще крѣпкое. Лѣвая рука прошлась по карману.

Да никакъ тамъ что-то есть?.. Неужели деньги?.. Она нащупала. Деньги. Осталось у нея два пятака и двѣ копейки—„семишникъ“, какъ называетъ народъ.

Она имъ не особенно обрадовалась; но все-таки сообразила: переночую въ ночлежномъ домѣ. Эта ночевка представлялась ей хуже, чѣмъ на воздухѣ, тутъ, на клочкѣ стоптанной, грязной соломы или подъ навѣсомъ палатки... Она помнила хорошо, въ какихъ она бывала въ Петербургѣ углахъ, въ какихъ подвалахъ, гдѣ тоже пускаютъ ночевать...

— Что жъ?.. Ей лучше теперь нечего и желать. Она повернула назадъ, къ той сторонѣ площади, гдѣ самый шумный трактиръ и ворота съ темнымъ дворомъ. Почему-то она сообразила, что на дворѣ-то и должны быть ночлежныя квартиры.

Она не ошиблась. У воротъ кто-то ей указалъ:

— Идите въ любую дверь,—хоть въ тотъ домъ, хоть сюда, во флигеляхъ. Вездѣ примутъ.

— Плата пять копеекъ?—спросила она безъ всякаго смущенія въ голосѣ.

— Обнаковенно.

На дворѣ не такъ темно, какъ казалось ей издали. „Должно-быть,—сообразила она,—посрединѣ-то домъ барскій, даже былъ съ флигелями, а теперь—трущобы. Такъ тому и слѣдуетъ. Такова жизнь“...—добавила она, усмѣхаясь въ полутемнотѣ и вглядываясь въ дорожку, которая вела прямо къ главной двери.

Вошла она въ сѣни. Ее удивило то, что такъ свѣтло. Лѣстница и коридоры,—все это освѣщено ярче, чѣмъ въ иномъ хорошемъ домѣ, керосиномъ. Спускаться не нужно, а, напротивъ, подниматься. И внизу должны быть квартиры, да ее потянуло наверхъ. Ни удушливаго запаха, ни особенной нечистоты. Во многихъ домахъ въ Петербургѣ, да и въ томъ, гдѣ она выжила столько годовъ, задняя лѣстница и весной вдвое грязнѣй и вонючѣе.

Вѣрно она попала въ дворянское отдѣленіе. Запросятъ больше пятака... У нея двѣнадцать копеекъ. Можетъ, и

всѣ двѣнадцать заплатить; а завтра... Что завтра?.. Сказано: нищая и бродяга.

Въ коридорѣ нѣсколько дверей. Она дернула за первую налѣво и попала въ высокое помѣщеніе, гдѣ было такъ же свѣтло, какъ и на лѣстницѣ, жарко, полно народа,—мужчинъ и женщинъ, довольно шумно, и стоялъ уже особый запахъ.

Направо отъ входа, въ отгороженной каморкѣ, съ высокой кроватью и множествомъ подушекъ, съ кіотомъ и двумя зажженными лампадками, жила съемщица, не старая еще баба, въ ситцевомъ капотѣ, повязанная платкомъ. Она встрѣтила Марью Трофимовну привѣтливо, только лицо у нея было красное, въ пятнахъ, и нечистый ротъ, который она все складывала въ комочекъ.

— Вамъ съ постелькой?—спросила она низкимъ голосомъ.

— А цѣна?

— Гривенничекъ, матушка... Пожалуйте... Вонъ тамъ, въ углу, и занавѣсочка есть.

Вслѣдъ за хозяйкой она прошла чрезъ все помѣщеніе. По всѣмъ стѣнамъ нàры шли въ два этажа. Лампа висѣла посрединѣ потолка, надъ столомъ. Вокругъ него, на скамьяхъ, сидѣло человѣкъ шесть, семь; двое, въ рубашкахъ, смахивали на рабочихъ; остальные—въ рваномъ городскомъ платьѣ; двое—совсѣмъ еще мальчишки. Они играли въ какую-то азартную игру. На столѣ штофъ уже подходилъ къ концу и валялись объѣдки чего-то съѣстного.

Играющіе покосились на вошедшую „барыню“, но играть не перестали и громко спорили, кидали бранныя слова; поднимались и взрывы смѣха.

По нàрамъ, и вверху, и внизу, должно, не всѣ еще спали... Иные мужики разувались... Бродяги и нищіе лежали въ платьѣ; но ихъ было не много. Больше рабочіе, крестьяне. И запахъ стоялъ мужицкій, знакомый Марьѣ Трофимовнѣ по петербургскимъ угламъ. Бабы спали тоже въ платьяхъ... Спали и парами, за занавѣсками, и просто такъ. Парами лежали и въ нижнихъ нàрахъ, прямо на полу, безъ всякой подстилки.

Съемщица разсчитывала, что барыня спроситъ чего-нибудь, чайку или бутылку пива, и устраивала ее съ оттѣнкомъ почтительнаго обхожденія. Она ей отдала уголокъ за занавѣской и принесла подушку. Черезъ окно

стояла и настоящая постель съ двумя большими ситцевыми подушками и стеганымъ розовымъ одѣяломъ.

— Это помѣсячно нанимаетъ,—пояснила хозяйка,—старичокъ приказнаго званія... Все у него свое... Придетъ попозднѣе... Безпокойства отъ него не будетъ...

Не только не дѣлалось Марьѣ Трофимовнѣ жутко, или совѣстно, или боязно, но она досадовала на себя: зачѣмъ пришла ночевать въ такое помѣщеніе, гдѣ не одни бродяги и побирушки, а и старики со своими постелями. Не того она ждала. Ей точно надо было пройти въ этотъ же вечеръ, въ эту же ночь, черезъ всѣ виды униженья, обмана, издѣвательства, „великой глупости“, которую называютъ человѣческой жизнью.

— Ничего не требуется? — съ удареніемъ спросила съемщица.

Она поблагодарила ее и задернула занавѣску. Раздѣваться она не сразу стала. Что-то удерживало: старое, дѣвичье, опрятное и стыдливое... Но она и это нашла нелѣпымъ и раздѣлась; пальто и платье положила подъ подушку, ботинокъ не сняла. Она не боялась, что ее ограбятъ ночью, украдутъ и пальто, и платье. Паспорта у нея не было,—хозяинъ меблированныхъ комнатъ оставилъ у себя. Приди полиція,—она въ полной формѣ бродяга, не имѣющая вида... Одно уже къ одному!..

За столомъ продолжали играть. Потребовали было еще полуштофъ. Къ играющимъ подсѣла женщина въ красномъ сарафанѣ, изъ такихъ, что Марья Трофимовна видѣла въ окна трактира... Она запѣла какіе-то куплеты,—не пѣсню, а куплеты со срамными словами... Кажется, съемщица пристыдила ее.... Направо отъ угла Марьи Трофимовны раздавался уже храпъ... Подъ нею тоже возились... Пьяный мужской голосъ и бабій, визгливый, хныкающій... Дерутся!..

— Пошла, шкура! — крикнулъ мужчина, и изъ-подъ нары на полъ выскочила и растянулась на полу нищенка, простоволосая, вся въ болячкахъ, босая, ужасная!..

Но Марья Трофимовна глядѣла на нее, не ежилась, не содрогалась. Вѣдь это теперь ея товарки... Почемъ же она знаетъ, что „жизнь“ не доведетъ и ее до того же самаго?

— Варваръ!..—хныкала нищенка.—Мало тебѣ, Ироду, двухъ сорокоушекъ... Прорва бездонная!..

Наискосокъ лежалъ молодой малый, мастеровой. Его

лицо, худое и насмѣшливое, было видно изъ угла Марьи Трофимовны.

— Что котъ-то?.. Не свой братъ, тетенька!..—крикнулъ онъ нищенкѣ.

И обернулся къ сосѣду, рабочему-мужику, съ разговоромъ. Слова его долетали до нея очень явственно сквозь шумъ играющихъ за столомъ. Женщина въ красномъ сарафанѣ начала опять напѣвать.

Черезъ десять минутъ Марья Трофимовна уже знала, что̀ такое „коты“ на языкѣ Хитрова рынка. Нищенка, что лежала подъ нею, содержала своего „душеньку“. Онъ цѣлый день лежалъ на койкѣ или сидѣлъ въ трактирѣ, а она на него работала. „И такихъ *котовъ*, должно-быть, сотни въ ночлежныхъ домахъ, здѣсь, на Хитровомъ?“—спрашивала она себя, и это открытіе какъ нельзя больше подходило подъ то, что ей дала жизнь. „Любовь!.. А въ самомъ-то концѣ этого вѣчнаго обмана—„котъ“ съ Хитрова рынка, живущій насчетъ нищенки... И нищенка его обожаетъ... Онъ же ее топчетъ ногами, зная, что она приползетъ и добудетъ денегъ, и принесетъ ему сороковушку! И такъ будетъ всегда, тысячи лѣтъ!..“

Она чуть-чуть не расхохоталась.

Вдругъ все притихло въ ночлежномъ помѣщеніи. Кто-то изъ двери шепнулъ какихъ-то два слова хозяйкѣ. Она выбѣжала изъ своей каморки и бросилась къ столу... Сейчасъ же исчезли карты и водка. Женщина въ красномъ куда-то точно провалилась подъ нару. Изъ игравшихъ остались, однако, трое вокругъ стола въ непринужденныхъ, навычныхъ позахъ; остальные полѣзли на свои мѣста.

— Неужели облава?—шепнулъ кто-то около Евсѣевой.

Нищенка уже безъ спроса полѣзла къ своему коту.

Всѣ замолкли разомъ. Съемщица остановилась въ дверяхъ своей каморки и ничего не говорила. Въ коридорѣ послышались шаги.

„Полиція!“—почти радостно подумала Евсѣева.

XVIII.

Ей были видны изъ-за занавѣски вся средина комнаты и входная дверь, приходившаяся въ дальнемъ углу комнаты. Она даже привстала, взяла пальто изъ-подъ подушки и пріодѣлась имъ.

А вдругъ какъ въ самомъ дѣлѣ станутъ осматривать

паспорты? Она раздѣта... Такъ, при всѣхъ, при городовомъ и приставѣ... И заставятъ идти ночевать въ часть...

Но она не схватилась за платье; только надѣла въ рукава пальто и прилегла въ полусидячей позѣ...

Большой оторопи не произошло среди ночлежниковъ. Безпаспортныхъ было мало; она, когда входила, видѣла, что больше все мужики, настоящіе, деревенскіе...

Но испугались всѣ одного появленія полиціи. Молчаніе, хоть и длилось не больше минуты, показалось и ей томительнымъ.

Дверь толкнули изъ коридора съ усиліемъ. И она, когда входила, не сразу ее отворила.

Всѣ у стола поднялись. И многіе привстали на койкахъ. Но одна баба, деревенская, въ темномъ сарафанѣ, пробиравшаяся спать подъ верхнюю нàру, прямо противъ входа, такъ испугалась, что осталась на полу, на корточкахъ. Платокъ сбился у нея съ головы. Вся она сжалась въ комокъ и даже голову уткнула въ колѣни. Глядя на нее, Марья Трофимовна чуть опять громко не расхохоталась.

Она ждала свѣтлыхъ пуговицъ и фуражки съ кокардой.

Но первымъ вошелъ штатскій, среднихъ лѣтъ мужчина, въ длинномъ пальто, въ pince-nez, съ темной бородкой и въ мягкой поярковой шляпѣ. За нимъ, почти рядомъ, другой, уже пожилой, съ большой сѣдой бородой, толстый, въ очкахъ, подпирался сучковатой палкой.

„Сыщики“,—мелькнуло у нея въ головѣ, какъ навѣрно и у всѣхъ ночлежниковъ, бывалыхъ, не-деревенскихъ.

За двумя штатскими влетѣлъ и заюлилъ передъ ними, какъ бы показывая имъ путь, шустрый, вертлявый околоточный, по всѣмъ признакамъ, изъ еврейчиковъ, съ усиками на красивенькомъ лицѣ и тоже въ очкахъ. Онъ уже что-то такое имъ заговорилъ, въ видѣ поясненія.

Переступилъ за порогъ и приставъ, въ шинели и фуражкѣ. Изъ-подъ шинели виденъ былъ сюртукъ, а не мундиръ. Приставъ выступалъ медленно, не смотрѣлъ хмуро, а скорѣе улыбался, и его сѣдые, широкіе, казацкіе усы совсѣмъ не придавали ему строгости. Широкая, нѣсколько уже тучная фигура горбилась. Такія лица Марья Трофимовна видала у старыхъ малороссовъ. За нимъ, съ портфелемъ, вошелъ худой, франтоватый „поручикъ“ (такъ въ ея дѣтствѣ звали въ Москвѣ квартальныхъ) съ длинными бакенбардами.

Первое, что увидалъ приставъ, была, разумѣется, баба на полу. Она наполовину успѣла уже залѣзть въ свою мурью.

— Эй, тетка! — окликнулъ ее приставъ. — Ты въ ночевку туда?

Онъ говорилъ съ какимъ-то не-великорусскимъ акцентомъ.

— Въ ночевку, кормилецъ, — отвѣтила она и такъ забавно поглядѣла на него, что свита пристава разсмѣялась.

— Матушка, — обратился приставъ къ съемщицѣ, довольно мягко, въ нравоучительномъ тонѣ, — подъ нары пускать ночевать не дозволяется, по правиламъ...

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, — выговорила хозяйка и отретировалась къ своей каморкѣ.

„Вотъ сейчасъ начнутъ", — подумала Евсѣева.

Но ни приставъ, ни его помощники, ни околоточный ничего такого не начинали, что похоже бы было на обыскъ или на осмотръ паспортовъ. Даже дверь осталась полуотворенной, и въ коридорѣ не видно было ни одной темной фигуры городового.

— На сколько мѣстъ? — тихо спросилъ одинъ изъ штатскихъ, помоложе, обратившись больше въ сторону еврейчика.

— На сколько?—переспросилъ приставъ.

Хозяйка подалась впередъ.

— На сорокъ,—отвѣтилъ за нее околоточный.

Другой штатскій, сѣдой, отошелъ и оглядывалъ нары.

„Нѣтъ, это не сыщики,—рѣшила Евсѣева:—врядъ ли будутъ допрашивать".

Ей это было непріятно. Она желала чего-нибудь сильнаго, рѣшительнаго, ночевки въ части или и того хуже...

„Кто же они?"—спросила она себя про штатскихъ.

И ей почти тотчасъ же пришелъ отвѣтъ:

„Это—газетчики, репортеры".

Она постоянно читала въ Петербургѣ дешевыя газеты, знала, что нынче, по доброй волѣ, сотрудники обходятъ разныя трущобы, и одни, и съ полиціей.

Когда она это сообразила, вся компанія собралась уже въ обратный путь. Прошло врядъ ли больше трехъ-четырехъ минутъ.

— Смотри же, матушка, — подтвердилъ хозяйкѣ приставъ,—внизъ не пускать!.. Штрафъ взыщу!..

Околоточный что-то такое ему доложилъ, сбоку, шопотомъ.

— Угодно во флигель? — спросилъ штатскихъ приставъ. — Тамъ будетъ погрязнѣе; а здѣсь... изволите видѣть... еще сносно...

Сѣдой господинъ оглядѣлъ еще все помѣщеніе, вскинулъ глазами и на потолокъ, пожевалъ губами и замѣтилъ:

— Сравнительно... очень сносно... Такіе ли бываютъ углы!

Евсѣева, со своей койки, молча съ нимъ согласилась.

Тонъ сѣдого окончательно убѣдилъ ее въ томъ, что это сторонніе посѣтители, изучающіе московскую жизнь.

Когда она объ этомъ подумала, она надъ ними подсмѣялась.

„Изучаютъ тоже!.. А сами точно не могутъ угодить, вотъ такъ же, какъ и я, не хуже другихъ благородныхъ, на койку... а то и въ богадѣльню?“

Приставъ со свитой былъ уже у выхода.

— Такъ во флигель прикажете, ваше высокоблагородіе? — торопливо освѣдомился околоточный и забѣжалъ впередъ.

— Какъ господамъ угодно,—все такъ же невозмутимо-добродушно сказалъ приставъ.

Сѣдой пожевалъ губами: должно-быть, ему уже достаточно было хожденія; но черноватый быстро отвѣтилъ:

— Пойдемте, господа.

И всѣ ушли. Съемщица проводила ихъ въ коридоръ и, тотчасъ же вернувшись, шикнула на тѣхъ, что̀ остались у стола и думали, кажется, продолжать кутежъ.

— Господа, а господа! Довольно похороводили... Еще честь-честью сошло-то. Благодареніе Владычицѣ!.. Пора и на боковую...

— Тетенька, одну еще партійку! — запросилъ подгулявшій халатникъ, съ обстриженной головой, малый лѣтъ семнадцати, не больше.

— А у тебя, Гришутка, паспортъ-то гдѣ? — спросила его хозяйка.—Въ какой конторѣ его писали?

— У Яузскаго моста, какъ пойдешь по набережной, первая лѣстница съ фонаремъ,—сострилъ тотъ.

— То-то же. Страха на васъ нѣтъ, оглашенные!.. Огонь потушу...

— Права не имѣешь, тетка!—басомъ откликнулся кто-то изъ-подъ на̀ры.

Всѣ разсмѣялись, кто не спалъ.

Однако, увѣщаніе съемщицы подѣйствовало; игроки допили полуштофъ и разбрелись въ разные углы.

Больше никто не явился со двора. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ уже спали... Хозяйка заперла дверь на задвижку, долго молилась передъ кіотомъ, раздѣлась и потушила одну лампаду, а дверь въ свою каморку тоже заперла на крючокъ.

Кто посапывалъ, кто бредилъ, кто храпѣлъ; иные лежали какъ мертвыя тѣла: навзничь и съ открытыми глазами.

Сонъ быстро сталъ овладѣвать и Евсѣевой... Она прикрылась пальто и положила правую руку подъ подушку, какъ дѣлала всегда въ Петербургѣ.

Засыпáла она съ болѣе тихимъ чувствомъ. Ею овладѣло полнѣйшее равнодушіе, нежеланіе ни думать о томъ, чтò будетъ завтра, ни перебирать свою судьбу, ни заниматься тѣмъ, чтò около нея дѣлается и гдѣ она. Эта душевная дремота была сильнѣе физической истомы, наступившей быстро отъ жары и духоты ночлежнаго помѣщенія. Никакого образа не выплыло передъ ней. Только одно сознаніе,—но такое ясное: „мнѣ все равно“.

XIX.

Ее разбудилъ шумъ. Раскрыла она глаза — свѣтъ, такой же, какъ и давеча, когда она пришла на ночлегъ. Но не сразу она отдала себѣ отчетъ, гдѣ она.

Вправо отъ нея, вѣроятно, тоже въ углу, суетятся, раздаются глухіе стоны, женскіе стоны...

„Роженица!“—выскочило слово у нея въ головѣ. Сонъ отлетѣлъ. Все такъ стало просто и хорошо, попрежнему... Точно ее разбудили, у нея, на Лиговкѣ, ночью, часу въ третьемъ,—шелъ какъ разъ третій часъ и теперь,—и она въ пять минутъ соберется и бѣжитъ, въ снѣгъ, въ пургу, въ сильный морозъ, въ слякоть,— всегда безъ отказа.

Стоны все сильнѣе. Другой женскій голосъ что-то гуторитъ. Кто-то слѣзаетъ съ койки. Дверь въ каморку хозяйки скрипнула: видно, и та поднялась. Много народу проснулось и зѣваетъ...

Мигомъ надѣла на себя пальто Евсѣева, ловко соскочила на полъ, безъ ботинокъ—она ихъ сняла на ночь— и подбѣжала къ роженицѣ.

Она не ошиблась. Если не нищенка, то бездомная, уже

совсѣмъ почти старуха, въ затасканномъ капотишкѣ, вся черная, кажется, чахоточная... Сильно мучится...

— Экое дѣло!—бормочетъ надъ ней тоже ночлежница, помоложе, крестьянка, здоровая, но совершенно неумѣлая, можетъ-быть, не замужняя.

— Куда вы, сударыня?—остановила Евсѣеву съемщица.—Извините... Вотъ какая оказія... И не стыдно: такой вотъ супризъ... Съ кѣмъ ее отправлять въ покой?.. Вамъ почивать помѣшали...

— Ничего,—отвѣтила Евсѣева, скоро, весело, дѣловымъ тономъ и заворачивала уже рукава.

— Да вы, сударыня...

— Я—бабушка; это моихъ рукъ дѣло...

Она не договорила и устремилась къ женщинѣ. Везти ее—если бы и было на чемъ и на что—нечего и думать. Долголѣтняя практика подсказала ей, что черезъ полчаса, много черезъ часъ, все будетъ кончено.

И она начала дѣйствовать. Все сегодняшнее вылетѣло изъ нея. Не сходила ли она временно съ ума? Чтó такое она думала, говорила про себя, какъ могла впасть въ такую отчаянность? Вотъ ея дѣло... Вотъ она судьба, вотъ назначеніе, все то же... И здѣсь, и въ ночлежной квартирѣ не ушла она отъ своей звѣзды...

И такая внезапная и могучая радость охватила ее, что она не испытывала ни малѣйшей робости, какъ всегда бывало въ своей практикѣ... Вернулись къ ней шутка, смѣхъ, простое, выносливое, пріятельское отношеніе къ народу, къ своей практикѣ.

— Господа кавалеры,—обратилась она полушопотомъ къ двумъ ночлежникамъ,—вы уступили бы немножко мѣстечка... дамѣ... Случай такой... Безъ него и насъ бы на свѣтѣ не было.

Оба „кавалера“ поняли ея шутку и сошли внизъ, легли подъ нàру... Нѣсколько женщинъ еще проснулись и стали спускаться.

— Вы, тетеньки, не утруждайтесь понапрасну. Мнѣ одной достаточно, да такой, чтобы не боялась...

По комнатѣ прошелъ уже одобрительный гулъ: вотъ барыня—бабушка оказалась, сама, безъ зова. Только самые „отчаянные“ ругались, что не даютъ имъ спать. Съемщица морщилась, но постоялки ея всѣ были добрѣе... Кто-то принесъ полотенце и еще какихъ-то тряпочекъ...

— Хозяюшка, теплой водицы бы... Самоварчикъ развести,—попросила Марья Трофимовна.

— Гдѣ же теперь, сударыня?.. И безъ того такая... пачкотня... для васъ...

— Въ лавкѣ въ чайной взять, — сказалъ кто-то, — на рынкѣ. Навѣрняка еще не заперли...

Ей еще кто-то пояснилъ, что на Хитровкѣ такія лавки есть, для горячей воды.

Но у роженицы не было ни полушки. Она ничего не могла и выговорить. Марья Трофимовна боялась — переживетъ ли?

И вдругъ она вспомнила, что вѣдь у нея должна остаться въ карманѣ пальто семитка... У нея было три мѣдныя монеты, а не двѣ, тѣ, что она отдала хозяйкѣ.

Сердце ёкнуло у нея, когда рука шарила въ карманѣ... Вдругъ какъ нѣтъ?

Тутъ!

— Вотъ, хозяюшка, семитка!—захлебываясь отъ радостнаго чувства, вскричала она.

— Дайте, матушка, я сбѣгаю,—предложила себя баба.

— Смотри, совсѣмъ не пропади!— подозрительно замѣтила съемщица.

— Чтой-то ты! Грѣхъ такой возьму я на душу?..

Баба на̀-скоро одѣлась. Другая ее заступила. Съемщица убралась къ себѣ. Но стоны дѣлались все продолжительнѣе... Еще много народу проснулось. Ворчанье, однако, стихало, когда просыпавшіеся видѣли, что̀ приключилось.

Марья Трофимовна вся отдалась своему дѣлу. Только бы благополучно! Только бы остались жить и мать, и ребенокъ! Большой будетъ... И навѣрно мальчикъ...

Ея собственная судьба и обидная доля представились ей какъ и быть слѣдовало. Чего же ей больше? Сколькимъ нужна ея помощь! А пропитаться — пропитается... Какой вздоръ! Здѣсь ли, въ Питерѣ, хоть въ деревнѣ... Да зачѣмъ?.. На одномъ такомъ Хитровомъ рынкѣ и напоятъ, и накормятъ, и пригрѣютъ.

Да, она цѣлый день, да и все время въ Москвѣ, и тогда, въ Тупикѣ, подъ грушевымъ деревомъ, была внѣ себя... На нее „находило“...

Ушла Маруся, убѣжала, обманула, сбилась съ пути... Вернется, навѣрно, вернется—больная, можетъ, зараженная. Кто ее пригрѣетъ? Найдется и для бѣглянки уголъ, пока есть у нея, у Марьи Трофимовны, голова и руки!

Развѣ она разслабла? Вотъ какъ у нея все спорится. Хоть въ клиникѣ—лучше никто не приметъ.

Принесли воды. Она сбѣгала къ хозяйкѣ и добилась маслица.

Та даже удивилась.

— Что же это вамъ, матушка? Вѣдь она потаскушка... Охота!.. Все равно, родитъ...

Эти слова возмутили ее; но она себя сдержала—нельзя ссориться. Хозяйка — нужный человѣкъ для той, для роженицы.

Начинало чуть-чуть свѣтать, когда все благополучно кончилось.

Мальчикъ, да такой крупный — отъ этакой-то дохлой матери! Нашлось въ чемъ и повить его. Но куда дѣвать?

Мать его такъ ослабѣла, что Марья Трофимовна начала пугаться, стала упрашивать хозяйку — не гнать ея завтра, хоть сутки - другія, обѣщала ей заплатить и за постой, за ѣду.

И ни разу не спросила она себя: да чѣмъ же я заплачу? Ей казалось это такъ просто. Она *непремѣнно* добудетъ все, что нужно. И въ больницѣ мѣсто, коли на то пошло!.. Вѣдь найдется хоть одинъ добрый человѣкъ, ординаторъ. Да и не на улицѣ же умирать этой несчастной... По закону слѣдуетъ.

Но мальчикъ ее особенно безпокоилъ и трогалъ. Въ воспитательный снесутъ. Въ первый разъ ей стало такъ жалко ребенка. Сколькихъ она и сама возила, и всегда жалѣла; а теперь, вотъ, до слезъ жаль.

— Есть у нея паспортъ?—спросила она съемщицу.

— Есть, да давно просроченъ. Она—я вамъ докладывала—потаскушка...

— Мужъ есть?

— Какой мужъ!.. Съ ней и на Хитровомъ-то никто жить не станетъ... Такъ пригуляла...

Съемщица все больше возмущала ее, но она еще сильнѣе сдерживала себя.

— Куда же она ребенка?

— Извѣстно куда... подкинетъ... а то и до грѣха недолго...

И такая скверная усмѣшка прошлась по синеватому, скупому рту съемщицы, что у Марьи Трофимовны сдѣлалось что-то въ родѣ дрожи. Этого младенца, ею повитого и принятаго, ея, нѣкоторымъ родомъ, дѣтище, забросятъ

на дровяной дворъ или въ помойную яму!.. И несчастненькую побирушку поймаютъ, судить будутъ, сошлютъ, а если и оправдаютъ, такъ не спасутъ ребенка... Вѣсъ-то одинъ въ немъ какой!.. И крикнулъ какъ славно!..

Она подумала, и, когда мать обернулась къ ней лицомъ, спросила ее:

— Ты, голубчикъ, въ воспитательный дитя-то свезти хочешь?

Та поглядѣла на нее посоловѣлыми глазами и простонала:

— Куды ище... Не знаю я...

— Да куда же инъ? — окликнула ее съемщица черезъ всю комнату.

— Я возьму!—вырвалось у Марьи Трофимовны звонко, радостно.

Всѣ такъ же притихли, какъ и предъ приходомъ полиціи, а это былъ часъ сборовъ.

— Да, да!—говорила Евсѣева, качая ребенка и дѣлая ему губами смѣшливую мину. — Выкормимъ тебя, бутузъ, кормилку возьмемъ!

И ее наполнила увѣренность, что все будетъ такъ, какъ она говоритъ; и вывернется она, напишетъ сейчасъ Переверзевой.

Какъ она о ней не подумала! Та ее возьметъ къ себѣ въ помощницы и пришлетъ сюда бѣлую ассигнацію, заберетъ она этого „бутуза“, подыщетъ кормилку и станетъ съ нимъ няньчиться еще сильнѣе, чѣмъ няньчилась съ Марусей... И Маруся прибѣжитъ... У нея тоже можетъ быть ребеночекъ, какъ и у этой побирушки... Она и его приметъ, и повивать будетъ, и выведетъ въ люди!..

Чего же ей? И такъ пойдетъ до самой смерти, до послѣдняго издыханія...

Утро заглянуло въ окно ночлежной и обволокло свѣтлой пеленой и бабушку-повитуху, и ея пріемнаго сына.

Оглавленіе II тома.

стр.

Безъ мужей. Повѣсть 3

Псарня. Очеркъ 122

Умереть—уснуть... Разсказъ 164

Пристроился. Повѣсть 199

Безвѣстная. Разсказъ 270

СОБРАНІЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

ПО ЧУЖИМЪ ЛЮДЯМЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Больная проснулась и провела глазами по голымъ стѣнамъ больничной комнаты Онѣ стояли полутемныя, высокія, холодящія. Свѣтъ ночника вздрагивалъ и производилъ мгновенную дрожь на одной изъ нихъ. Бѣлая кровать, одна во всей комнатѣ, уединенно и цѣломудренно занимала средину, узковатая, съ черною доской на желѣзномъ прутѣ. Въ углу, у широкой изразцовой печки, спала въ креслѣ сестра милосердія, свѣсила голову на плечо и звонко дышала

Ее трудно было разглядѣть. Одинъ только бѣлый чепчикъ выступалъ съ густого фона кожаной спинки кресла, да мерцалъ ободокъ креста на шеѣ.

Испуганно, почти дико озиралась больная. Она вышла изъ забытья. Въ первыя секунды она не смогла еще овладѣть сознаніемъ того, гдѣ она, давно ли такъ лежитъ, опасно ли больна? Но сознаніе выплывало въ ея отягченномъ мозгу довольно быстро.

Первое ея чувство былъ ужасъ. Она испугалась смерти, отчетливо, безповоротно.

Да, она больна: опасно, смертельно... И знаетъ это всѣмъ своимъ тѣломъ. Оно безпомощно лежитъ пластомъ, ноги отбиты, въ крестцѣ зловѣщій ознобъ, грудь сдавлена, голова въ тискахъ, слабость—неиспытанная, почти обморочная.

Съ усиліемъ подняла она правую руку и прошлась ею по лбу и щекамъ. На лбу—липкій потъ. На головѣ—гуттаперчевый пузырь со льдомъ.

Ходъ болѣзни вспомнился ей. Простуда, тупая головная боль, ознобъ, разстройство желудка, жаръ... Перевезли ее въ больницу.

„Въ больницу“,—повторила она беззвучно спекшимися губами, и ужасъ ея возросталъ. Она познала особую боязнь больницы, общую и простому народу, и господамъ. Больница, вѣдь это вѣрная смерть,—нищенская, рядовая, безпривѣтная, съ ужасными операціями, съ грубымъ равнодушіемъ врачей, фельдшеровъ и сидѣлокъ, лежанье по мѣсяцамъ въ палатахъ, длинныхъ, уставленныхъ койками, пропитанныхъ запахомъ госпитальнаго смрада и карболки, гдѣ около васъ стонутъ, храпятъ, крикомъ-кричатъ и дѣлаютъ все то, чѣмъ немощь человѣческая становится грязна и противна,—больница, гдѣ по утрамъ унтеръ обходитъ палаты и громко спрашиваетъ:

— Кому причащаться?

И смерть тамъ предметъ промысла, обычная статья мелкихъ доходовъ служителей, причта, гробовщиковъ.

Рука больной упала на фланелевое одѣяло, высоко поднятое до подмышекъ; голову она откинула немного на подушку. Страхъ ея не пропадалъ; она все яснѣе думала о близости смерти. И отвращеніе къ больницѣ также росло, хотя она лежала въ просторной комнатѣ, на чистѣйшемъ бѣльѣ, воздухъ провѣтривался, пахло чѣмъ-то ароматическимъ, къ ней приставлена „сестра“—и ночуетъ около нея уже не первую ночь... Она умретъ вотъ на той же кровати, одна или на рукахъ сестры, въ безпамятствѣ, можетъ-быть, безъ большихъ страданій, какъ будто это не все равно... Не боли страшатъ ее, а самая смерть, переходъ въ ничто.

Будетъ лежать на той же кровати, а потомъ на столѣ, трупъ; *ея* трупъ! Онъ въ одинъ день разложится... отъ него пойдетъ невыносимый запахъ... Положатъ его въ гробъ и зароютъ въ мокрую яму,—теперь октябрь,—а тамъ ждутъ его черви, полное уничтоженіе.

Нервное вздрагиваніе потрясло больную до маковки.

Перейти въ ничто? Оборвалась жизнь... Но она не хочетъ! Этого нельзя!.. Она не свела своихъ счетовъ!.. Развѣ она готова къ переходу туда?

„Куда?“—мысленно спросила она себя. Въ первый разъ

въ жизни задала она себѣ *этотъ* вопросъ, рѣшительно въ первый.

Она не думала никогда, съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя взрослой, про какіе-нибудь счеты съ тѣмъ, что будетъ „на томъ свѣтѣ". Повторяла она, вмѣстѣ съ другими, эти слова: „на томъ свѣтѣ", какъ говорятъ: „царство небесное" или „горняя обитель", но ничего они ей не представляли собою, никакой картины, и не вызывали особаго чувства. Сколько великихъ постовъ прошло съ говѣньемъ, исповѣдью, причастіемъ... Она надѣвала бѣлое платье, повторяла за священникомъ вполголоса торжественныя слова: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси"... На исповѣди все обходилось прилично и мягко, она признавалась въ своихъ грѣхахъ общими мѣстами, разъ навсегда затверженными... И когда священникъ спрашивалъ:

— Не имѣете ли еще какихъ особенныхъ прегрѣшеній?

Она неизмѣнно отвѣчала:

— Не припомню, батюшка.

И въ самомъ дѣлѣ, она не помнила, или ихъ и совсѣмъ не было, этихъ „особенныхъ прегрѣшеній", такихъ, за которыя служитель алтаря налагаетъ суровыя эпитеміи... Такъ прошло десять, двадцать, тридцать лѣтъ.

Ей сорокъ пять, минуло въ сентябрѣ, въ самый день четырехъ именинницъ: Вѣры, Надежды, Любви и Софіи. И, по крайней мѣрѣ, двадцать лѣтъ съ того времени, какъ она овдовѣла, тянулся одинъ большой и многообразный смертный грѣхъ: лжи, лицемѣрія, затаеннаго ехидства и человѣконенавистничества.

Она перейдетъ въ ничто, или въ „лучшій" міръ, послѣ двадцати лѣтъ, полныхъ этого первенствующаго грѣха. Вся ея жизнь мгновенно предстала ей, охваченной ужасомъ смерти, какъ безконечная ткань изъ двоедушныхъ словъ, поступковъ, минъ, жестовъ, съ неустанною работой обдумыванія, подготовки, актерской практики, точно заучиваніе цѣлой сотни ролей передъ зеркаломъ.

И она должна умереть, быть-можетъ, сегодня или завтра, съ такимъ прошедшимъ? Лгать себѣ уже нельзя. Если Господь смилуется надъ нею и пошлетъ ей исцѣленіе,—а она была свѣжая, здоровая и сильная женщина,— она стряхнетъ съ себя свою оболочку, въѣвшуюся въ нее

отъ ея положенія,—грѣхъ лицемѣрія, двоедушія и затаенной злобности.

Головѣ легче, почти совсѣмъ легко; боли она уже не чувствуетъ въ вискахъ и темени. Она приподнялась всѣмъ туловищемъ и прислонилась спиной къ тремъ подушкамъ.

Новый взглядъ въ уголъ, на кресло, гдѣ спала сестра милосердія, пріостановилъ ея страхъ.

Эта сестра ходитъ за нею по призванію, изъ жалости къ людямъ, не спала цѣлыя ночи напролетъ и всегда кротко обращалась съ нею, выносила ея нервничанье.

Въ болѣзни маска спала съ больной; сладкій звукъ голоса, усвоенный ею со всѣми, исчезъ, перешелъ въ хриплый, отрывистый и часто злобный. А сестра была неизмѣнно вынослива.

Вотъ и теперь, стòитъ ей окликнуть эту, уже пожилую дѣвушку, она проснется безъ всякаго жеста скуки и нетерпѣнія, безъ зѣвоты и потягиванія, и тихо спроситъ.

— Что угодно?

Жажда мучитъ больную. Она, въ полутьмѣ, не найдетъ питья, да и руки не повинуются.

— Сестра!—окликнула она, и ея голосъ раздался въ комнатѣ.

Голосъ былъ слабый, но одно это слово произнесла она слащаво, фальшиво.

„Господи!—внутренно выговорила она со слезами на глазахъ,—опять эта комедія. Не избавиться мнѣ отъ нея никогда! И умереть-то я никогда не умру искренно и просто!“

Но почему же ей не обратиться къ сестрѣ мягкимъ голосомъ? Тутъ нѣтъ фальши: хоть къ своей сидѣлкѣ почувствовать искреннюю благодарность.

— Пить хочется,—прошептала она.

Ея голосъ тотчасъ упалъ. Она не могла уже мѣнять, по произволу, его звука.

Сестра подошла къ столику около кровати.

— Извольте,—чуть слышно выговорила она.

Жадно стала пить больная изъ кружки.

— Сразу много нельзя,—остановила ее сестра.

Громко вздохнула больная; питье еще больше освѣжило ее. Но мысль о смертной опасности опять начала овладѣвать ею.

— Позвольте температуру,—сказала сестра, взяла со

стола термометръ и своими гибкими и привычными пальцами стала разстегивать кофту больной.

Та повиновалась, закрыла глаза и лежала такъ, недвижно, съ термометромъ подъ мышкой. Слышно было только ея неровное дыханіе. Сестра присѣла на табуретъ, въ ногахъ кровати.

— Сестра!—окликнула больная.

— Что угодно?

— Я умру?

— Господь съ вами!

— Что жъ скрывать?.. Надо подготовиться. Я чувствую... смертельную слабость.

— Это ничего,—отвѣчала сестра, не мѣняя позы.

— Я была въ безпамятствѣ?

— Да.

— И долго?

— Съ перерывами—нѣсколько дней. Съ той среды.

— Что жъ докторъ сказалъ?

Сестра хотѣла было запретить больной говорить, но ей стало жаль. Отчего же не утѣшить, не дать надежды? Докторъ не отчаивается. Были признаки ослабленія болѣзни.

— Умру?—порывисто добавила больная.

— Что вы! Что вы! Богъ съ вами! Вчера температура не поднималась.

— Все равно!

Но, про себя, больная радостно повторяла: „температура не поднималась",—и что-то блеснуло у ней въ головѣ и отдалось въ груди... Можетъ, и встанетъ!

Сестра подошла къ ней, вынула термометръ, поднесла его къ ночнику и проговорила погромче:

— Вотъ видите. Вчера было сорокъ и пять десятыхъ, а сегодня сорокъ ровно. Падаетъ температура!—вырвалось у ней теплымъ звукомъ.

„Радуется!—подумала больная,—радуется вчужѣ; а что ей за дѣло до меня, до того, умру я или выздоровѣю?"

— Спасибо, голубушка,—вымолвила она внятно.

— Нельзя говорить!

Больная смолкла. Головѣ продолжаетъ быть легко, мысли ползутъ безъ усилія, и она не можетъ ихъ остановить; только слабость мѣшаетъ выговаривать ихъ беззвучно губами, какъ она привыкла это дѣлать, когда была здорова.

— Подите... усните... въ кровати, сестра.

Она не могла не сказать этого. Ей ничего не нужно. Сестра заслужила сонъ въ кровати, а не сгорбившись въ креслѣ.

— Тсс!—остановила та ее и перешла къ креслу.—Не безпокойтесь. Мнѣ и такъ хорошо.

Свернулась калачикомъ, подложила подъ голову что-то такое,—больная не смогла разглядѣть, что̀ именно,—и сейчасъ же опять заснула.

Ровное дыханіе сестры стало разноситься по засвѣжѣвшей комнатѣ. Больная прислушивалась къ нему, вдругъ успокоенная, почти увѣренная въ томъ, что смерть не ждетъ ея, въ концѣ ея болѣзни. Дыханіе говорило ей, что опасность не можетъ быть смертной; иначе бы эта добрая душа пришла въ волненіе, которое не скрылось бы отъ умирающей. Сестра не будетъ лгать, не скажетъ: „сорокъ градусовъ ровно“, когда температура показываетъ сорокъ одинъ и выше.

„Кризисъ прошелъ“,—произнесла больная мысленно.

Это слово „кризисъ“ давно ей знакомо. Безъ него, вѣдь, не обходится ни одна тяжелая болѣзнь. Но отчего же сестра не сказала ей сейчасъ: „Кризисъ прошелъ благополучно“?

Стало-быть, *вся* опасность еще не миновала? Или, быть-можетъ, ей просто не пришелъ этотъ терминъ? Или она, по скромности своей, не позволяла себѣ что-нибудь рѣшать отъ себя, прежде нежели не выскажетъ своего мнѣнія докторъ?

Доброе чувство къ сестрѣ смѣшалось теперь съ радостью надежды, почти увѣренности... Ей захотѣлось обласкать, про себя, эту добрую душу нѣсколькими нѣжными словами. Она начала ихъ произносить въ умѣ, и ей было это ново и непривычно-отрадно.

Кого же она такъ называла долгіе годы своей жизни по чужимъ людямъ—компаньонкой, кочевавшей изъ одного семейства въ другое, одно другого ненавистнѣе и тошнѣе?.. Даже собачки или кошки не успѣла она завести своей, приласкать ее, погладить, дать нѣжное прозвище.

Вѣдь доброе чувство, да еще про себя, безъ всякаго наружнаго знака, мало того, что пріятно, но и отвлекаетъ отъ собственныхъ заботъ и страховъ, и обидъ, и грошовыхъ нуждъ. Обратилась она сердцемъ къ сестрѣ и сейчасъ же ей стало легче, и она не боится смерти, загля-

дываетъ въ будущее, хочетъ передѣлать себя, обновиться, жить такъ, чтобы во второй разъ смерть уже не наводила такого ужаса.

Неужели всего четверть часа тому назадъ смерть дышала ей прямо въ лицо? Теперь только слабость, родъ дремы во всемъ тѣлѣ, даетъ ей знать о томъ, что она все еще захвачена опасною болѣзнью. Но и эта слабость скорѣе пріятна. Боли нѣтъ уже ни въ поясницѣ, ни въ ногахъ, ни въ груди, ни въ головѣ.

Почему же такому состоянію и не быть „кризисомъ"?

И это слово „кризисъ" уже не страшитъ ее. Кризисъ долженъ былъ явиться—онъ и пришелъ, нынче ночью; а страхъ охватилъ ее потому, что она еще не сознала хорошенько новыхъ признаковъ болѣзни. Испугалась за прежніе опасные дни и ночи, за свое безпамятство, за жаръ, за головную боль.

Начнется выздоровленіе. Она слыхала и сама видала, какъ хорошо выздоравливать отъ воспалительныхъ болѣзней. Поплывутъ дни растительной жизни, покойные, беззаботные, аппетитъ будетъ расти, голова ослабнетъ надолго; но это-то и прелестно... Многое забудется. Она не станетъ жалѣть о временной потерѣ памяти... Пускай и совсѣмъ забудетъ она про прежнее житье, про всю свою внутреннюю работу фальши, притворства и унизительной слащавости, про тайную злобу ко всѣмъ и ко всему. Богъ поможетъ ей! Не чуда проситъ она, — только того, что̀ можетъ вырвать болѣзнь.

И тогда она наживетъ себѣ другую, новую душу.

Отрывочно, но не безсвязно проходили въ ея головѣ эти мысли. Дремота подкрадывалась къ ней тихо-тихо, слухъ доносилъ еще дыханіе сестры, но глаза уже слипались, потомъ и совсѣмъ смежились вѣки...

Больная уснула съ тихою усмѣшкой на полуоткрытыхъ губахъ.

II.

Въ камерѣ свѣтло. Съ первымъ снѣгомъ зашло въ нее солнце. Оно играетъ на снѣжинкахъ оконъ, по свѣтло-сѣрымъ стѣнамъ пробѣгаетъ змѣйками.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ началось выздоровленіе. Слабость еще не позволяетъ ходить по комнатѣ, ни читать, ни писать... Сестра больше не ночуетъ, но часто

заходитъ къ больной, подолгу сидитъ около нея и читаетъ ей по-русски

Всѣ къ ней добры и внимательны Докторъ приходитъ по два раза въ день

Она теперь только разсмотрѣла его, когда головѣ стало полегче и глазамъ не больно глядѣть.

Докторъ—еще молодой человѣкъ, но съ большою лысиной и черною длинною бородой Голова и лицо—крестьянскіе, красивые; хрящеватый, нервный носъ, красныя губы, глаза, быстрые, проницательные, темно-сѣрые, сидятъ глубоко подъ бровями; кожа матовая. Отъ всей его фигуры, довольно рослой и коренастой, вѣетъ нервною и мышечною силой; въ выраженіи лица—чувство своего превосходства. Говоритъ онъ съ мягкимъ московскимъ произношеніемъ и въ глазахъ мелькаютъ искорки... Человѣкъ тонкій и, должно-быть, съ характеромъ, на ногу себѣ наступить не дастъ.

Такъ она его оцѣнила, про себя. Сестра его очень уважаетъ и, кажется, даже немножко влюблена въ него. Она съ особеннымъ выраженіемъ произноситъ его имя „Василій Ѳедоровичъ“.

И сама больная чувствуетъ къ нему что-то похожее на нѣжность. Но куда же ей, почти старухѣ, влюбляться? Она ему благодарна за то, что онъ спасъ ее отъ смерти,— чего же еще?

Но каждый день, поутру, около девяти часовъ — часъ его обхода — она приходитъ въ пріятное волненіе, оправляетъ воротъ и рукавчики кофты и весь халатъ, въ которомъ она лежитъ уже не подъ одѣяломъ, и чепецъ, смотрится въ зеркальце, приглаживаетъ волосы и старается сдѣлать все это до прихода сестры, обыкновенно встрѣчающей доктора въ дверяхъ.

Вотъ и сегодня больная взяла зеркальце со столика, посмотрѣлась въ него и поправила городокъ изъ темныхъ волосъ, выпущенный изъ-подъ чепца. Старитъ ее больничный чепецъ. А она, на видъ, еще моложава. И до болѣзни никто ей не давалъ больше тридцати семи-восьми...

Лицо похудѣло ужасно, но отъ этого самаго стало еще моложавѣе. Оно было у ней, до болѣзни, пухлое, немного съ желтоватымъ отливомъ кожи, круглое; между припухлыхъ щекъ торчалъ короткій и приподнятый носъ,—онъ-то ее и моложавитъ больше всего. Зубы сохранились всѣ

до единаго. Они бѣлые и мелкіе, и въ волосахъ сѣдинъ не было

Больная приподняла, съ одного края, чепчикъ и начала всматриваться карими, немного близорукими глазами: нѣтъ ли бѣловатыхъ волосковъ?

Кажется, нѣтъ..

Она оправила завязушки чепчика, отряхнула носовымъ платкомъ грудь халата и вытянула изъ-подъ рукавовъ рукавчики кофты.

Въ ея движеніяхъ замѣтна была женщина, любящая опрятность на себѣ и вокругъ себя. Губы у ней при этомъ складывались въ особую гримасу чистоплотной брезгливости

Она успѣла и на этотъ разъ приготовиться къ визиту доктора до прихода сестры.

Дверь отворилась чуть слышно. Сестра вошла осторожно, какъ всегда, ступала тонкими подошвами кожаныхъ башмаковъ и смотрѣла немножко вбокъ, съ головою, нагнутой къ лѣвому плечу.

Неизмѣнно выраженіе ея широкаго, добраго рта съ желтоватыми, большими зубами. Лицо плоское, розовато-блѣдное, съ тысячью мелкихъ морщинокъ, двѣ пряди мягкихъ волосъ выцвѣли. И она такъ же чистоплотна: чепецъ, пелеринка, фартукъ такъ и блестятъ.

— Какъ вы сегодня, Муза Прокофьевна? — спросила сестра, наклонившись къ ней, и подала ей руку.

Больная улыбнулась ей и безъ сладости выговорила:

— Благодарю васъ... совсѣмъ хорошо.

Ей пріятно было слушать интонацію собственнаго голоса Нѣтъ, она не фальшивитъ въ тонѣ, какъ до болѣзни. Да и какая ей надобность егозить передъ сестрой и даже передъ докторомъ? Развѣ имъ есть какой-нибудь интересъ такъ хорошо съ ней обходиться? Они не такіе люди—особенно докторъ, чтобы съ ними нужно было прикрывать маской свои настоящія мысли и чувства.

Сестра произноситъ ея имя отчетливо и старательно, точно она нé вѣсть какая особа.

Собственное имя „Муза“ давно ей опротивѣло. Надъ нимъ подтрунивали вездѣ, во всѣхъ барскихъ домахъ, гдѣ она жила,—либо баринъ, либо сыновья-нахалы, либо прислуга, а то и сама барыня.

Послѣдняя ея „госпожа“—развѣ компаньонка не та же прислуга?—звала ее просто „Муза“, никогда не прибавляя

„Прокофьевна“, окликала ее по сотнѣ разъ на дню, нараспѣвъ, и каждый разъ этотъ звукъ подергивалъ ее.

„Муза! подайте мнѣ книгу. Муза! я спустила петлю. Муза! поѣзжайте въ Голофтѣевскую галлерею за шерстью...“

А сестра выговариваетъ „Муза Прокофьевна“ и точно масло прольетъ по сердцу больной.

— Позвольте температуру.

— Зачѣмъ?.. Я, право, совсѣмъ здорова.

— Василій Ѳедоровичъ требуетъ.

Глаза сестры выразили такое преклоненіе передъ личностью Василія Ѳедоровича, что больная про себя подумала было:

„Втюрилась, матушка, втюрилась!“

Но этотъ злой возгласъ устыдилъ ее тотчасъ же; она даже слегка покраснѣла.

— Извольте,—поторопилась она выговорить, и сама поставила себѣ термометръ подъ мышку.

Въ это время сестра налила ей лѣкарства и поднесла бережно въ стаканчикѣ, замѣняющемъ столовую ложку.

Муза Прокофьевна проглотила безъ гримасы и сказала:

— Кисленькій лимонадецъ!..

Сестра тихо разсмѣялась.

На слова она была довольно скупа. Вся ея душевная жизнь ушла внутрь и проявлялась во взглядѣ ея уже тускнѣющихъ глазъ, улыбкахъ и тихомъ смѣхѣ.

— Походить мнѣ хочется, — сказала больная, — попрошусь у Василія Ѳедоровича.

— Вамъ такъ только кажется, Муза Прокофьевна, а попробуйте — ноги окажутся слабы. Посидѣть можно, я думаю...

Она не досказала и прислушалась.

— Василій Ѳедоровичъ идутъ! — торопливо выговорила сестра и пошла къ двери.

Больная еще разъ оправилась и прикрыла ноги въ некрасивыхъ туфляхъ платкомъ.

Вошелъ докторъ съ дежурною фельдшерицей.

Обѣ женщины, и больная, и сестра, обратили къ нему лица съ выжидательнымъ выраженіемъ.

— Ну, что, сегодня, кажется, молодцомъ? — спросилъ докторъ на ходу и кивнулъ ласково сестрѣ. — Какъ температура?

— Тридцать семь и восемь десятыхъ, Василій Ѳедоровичъ,—доложила сестра.

— Превосходно!.. Позвольте языкъ.

Онъ уже сидѣлъ на краю кровати и взялъ ея руку. Солнце обливало свѣтомъ его бѣлый лобъ, переходившій въ такую же бѣлую лысину крутого черепа. На немъ гладко сидѣлъ черный сюртукъ, до верху застегнутый. Отъ него пахло о-де-колономъ.

— Не дурно!.. Не дурно!.. Аппетитъ есть?

— Да, докторъ, очень даже большой, — шутливо отвѣтила больная.

— Не позволите ли на полную порцію? — спросила дѣловымъ тономъ сестра.

— Конечно! И вина... до двухъ рюмокъ. Вамъ нашъ портвейнъ по вкусу? — весело спросилъ онъ больную.

— По вкусу.

— Ну, и прекрасно!

Онъ взялъ со столика склянку съ микстурой. Ея оставалось на донышкѣ.

— Мы вамъ другое пропишемъ.

Фельдшерица записала рецептъ и порцію подъ диктовку доктора.

Онъ все еще сидѣлъ на кровати и оглядывалъ больную.

— Еще недѣльку, и можно будетъ выписаться... коли пожелаете.

— А читать можно?

— Не совѣтую... погодите еще денька три-четыре. Зачѣмъ мозги-то утруждать? Послѣ такой болѣзни...

— Привычка.

— Да, вы, вѣдь, были, кажется, чтицей?

Она ничего не отвѣтила, только кивнула головой.

Сестра и фельдшерица поняли, что докторъ хочетъ о чемъ-то съ больной переговорить, и тихо вышли изъ камеры.

— Выписаться всегда успѣете, — сказалъ докторъ и посмотрѣлъ на больную другимъ, болѣе серьезнымъ взглядомъ своихъ проницательныхъ и глубокихъ глазъ. — Вамъ здѣсь не дурно?

— Очень хорошо.

— Вотъ видите. Поживите у насъ. Черезъ недѣльку будете ходить, работать можете.

— А меня не погонятъ? — спросила она вкрадчиво.

Это у ней вышло противъ ея воли.

„Сразу не отстанешь“, — тотчасъ подумала она.

— Кто же смѣетъ? Отъ меня зависитъ, — сказалъ увѣ-

ренно докторъ, и повыше правой брови у него явилась складка человѣка, съ которымъ не такъ-то легко воевать.

Она его прекрасно понимала, и ее влекло къ нему. Какая разница—онъ и она, хотя оба они трудовые, подневольные люди. Вѣдь и лѣкарей нынче на Москвѣ какъ песку морского!.. Не поладилъ съ начальствомъ—и попросятъ вонъ, все равно, что ее всякая вздорная старуха или франтиха-барынька. А какая разница! Онъ знаетъ, что ему долженъ быть ходъ—не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, не въ Москвѣ, такъ въ губерніи. Сестра уже говорила ей, что Василій Өедоровичъ напечаталъ „ученую книжку", и не просто медицинскую, а съ литературною отдѣлкой. Пожалуй, попадетъ и въ доценты, ученое имя себѣ сдѣлаетъ.. И онъ—сынъ вольноотпущеннаго (это ей тоже сестра сообщила вчера), даромъ, что у него такой красивый обликъ. Что-то крестьянское и до сихъ поръ чувствуется.

Какъ же ей равнять себя съ нимъ? Какую ѣдкую зависть возымѣла бы она къ нему до своей болѣзни! Какъ бы она стала ему льстить въ глаза, а про себя честить его разночинцемъ, выскочкой, „лукавымъ мужичонкомъ", особливо если бъ „ея барыня" сдѣлала его годовымъ докторомъ и стала за нимъ ухаживать. Онъ изъ „подлаго" сословія, а она — полковничья дочь!.. Теперь зависти никакой нѣтъ. Она отъ всей души желаетъ ему блестящей карьеры и почти гордится тѣмъ, что она у него лѣчилась.

— Вы отсюда на прежнее мѣсто? — спросилъ докторъ, вынимая изъ кармана панталонъ узкую серебряную папиросницу.—Васъ одна папироса не обезпокоитъ?

— Пожалуйста, я очень люблю.

И она не лгала. Табачный дымъ она выносила; но ей пріятно въ особенности то, что она можетъ разрѣшить ему куренье, доставить ему хоть вздорное удовольствіе.

Докторъ закурилъ, сунувъ папиросу въ лѣвый уголъ рта и зажмуривъ на той же сторонѣ глазъ.

— Куда я отсюда?—переспросила она медленно.—Какъ придется!.. Къ Марьѣ Филипповнѣ Грибановой, если мѣсто не занято.

— Она о васъ похлопотала для помѣщенія сюда.

— Она. Что-то нѣтъ отъ нея никого. Вотъ буду посильнѣе—напишу.

— Можно и поручить кому-нибудь изъ нашихъ спра-

виться. Угодно, и я заѣхалъ бы Гдѣ она живетъ? Кто это: важная барыня или коммерсантка изъ нынѣшнихъ, что̀ въ *тьерсъ этà* лѣзутъ и въ бары?

Ротъ его повела усмѣшка.

— Пожилая дѣвица,—договорила больная и стала слѣдить за собою, чтобы не проскользнуло въ ея тонѣ никакихъ фальшивыхъ звуковъ.—Барышня-дворянка, съ хорошимъ родствомъ.

— Старушенція?

— За пятьдесятъ.

— Свой домъ?

— Нѣтъ. Живетъ въ chambres garnies.

И она назвала улицу.

— Знаю! бывалъ тамъ. Одинъ мой паціентъ прозвалъ эти номера: „Дворянское гнѣздо".

— Очень вѣрно!

Они оба разсмѣялись: онъ погромче, она посдержаннѣе. Собственный смѣхъ показался ей добродушнымъ. Она осталась имъ довольна.

— Мѣсто хорошее? — спросилъ докторъ тономъ человѣка, знающаго цѣну людямъ и работѣ у чужихъ людей.

— Какъ сказать?.. Положеніе такое же, какъ и вездѣ... въ компаньонкахъ,—не безъ труда выговорила больная.— Двадцать рублей.

— На полномъ содержаніи?

— Да, и комнатка своя. Она занимаетъ цѣлое отдѣленіе.

— Капризная, небось, дѣва?

— Не особенно.

Ей рѣшительно не хотѣлось пробирать свою недавнюю „госпожу", хотя случай и представлялся прекрасный.

— Ну, такъ торопиться особенно нечего, — и докторъ поднялся,—справиться—справьтесь, или мнѣ поручите, я въ тѣ мѣста часто ѣзжу, а пока — ѣшьте, пейте, мысли печальныя отгоняйте. Благо и солнце у васъ вонъ какъ играетъ!

Онъ пожалъ ей руку. Прикосновеніе его руки было пріятное: мягкая и теплая кожа совсѣмъ уже не отзывалась мужицкимъ родомъ.

— Благодарю васъ, Василій Ѳедоровичъ, — искреннею нотой проводила его она и, по уходѣ доктора, оставалась минутъ десять съ закрытыми глазами. Все лицо ея выражало душевную кротость.

III.

Швейцаръ, въ чуйкѣ, съ лиловымъ воротомъ рубашки, отворилъ наружную дверь и впустилъ даму, сошедшую съ дрожекъ.

— А, Муза Прокофьевна! Вотъ и вы пожаловали!

Она, уже на дрожкахъ (санный путь еще не насталъ), почувствовала слабость, какъ только проѣхала всего одну улицу. Слишкомъ понадѣялась на себя. Правда, докторъ разрѣшилъ прокатиться. А ей надо же знать, куда она дѣнется послѣ шестинедѣльнаго лежанья въ больницѣ: найдетъ ли свободнымъ прежнее мѣсто, или должна будетъ взять комнату и начать рыскать по Москвѣ, отыскивать себѣ пропитаніе?

Ея „колотовка"; — такъ она звала, до болѣзни, свою дѣвицу-барышню, — прислала ей разъ полфунта чаю, но на ея письмо ничего не отвѣтила. Ѣхала Муза Прокофьевна съ малою надеждой и старалась всю дорогу, подъ тряску извозчичьей пролетки, не возмущаться безсердечіемъ своей старой дѣвы. Изъ больницы ее не тянуло. Если бы можно, она осталась бы тамъ подольше. Ея тамошняя жизнь, между докторомъ и сестрой, текла въ благодушномъ настроеніи. Выздоравливать, видѣть на себѣ заботу хорошихъ людей оказалось пріятнѣе, чѣмъ ей говорили когда-то. Иными днями она себя не узнавала. Остался ея мягкій голосъ съ пѣвучимъ московскимъ произношеніемъ; но все, что она скажетъ вслухъ, то самое она и думаетъ, и ни разу не поймала она себя на чемъ-нибудь двоедушномъ и лукавомъ.

— Николаюшка, здравствуй! — сказала она швейцару, когда вошла въ переднюю и присѣла на диванъ, стоявшій у входа, противъ доски съ именами квартирантовъ.

И прежде звала она его такъ же ласково, но тогда это была маска. Всѣхъ людей въ номерахъ она ненавидѣла за ихъ дерзость или безцеремонность съ „мадамой", т. е. съ ней, съ компаньонкой, и швейцара, и коридорнаго Евсѣя, и номерную Ѳеклушу, и собственную старую горничную своей госпожи, Прасковью.

— Марья Филипповна у себя? — спросила она, переводя дыханіе.

— Никакъ нѣтъ-съ... Ушли гулять на Тверской бульваръ.

— Однѣ ушли?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ барышней.

— Съ какой барышней?

— Къ нимъ ходятъ, по утрамъ... читаютъ имъ.

— Чтица, стало-быть?

— Такъ точно.

— Изъ какихъ?

— Не могу знать навѣрное. Изъ пріютскихъ никакъ.

„Мѣста лишилась“,—проговорила про себя Муза Прокофьевна, но не разсердилась, не начала мысленно честить „колотовку“. Москва велика и не было никакой особенной сладости жить у старухи и выносить ея нравъ. Можетъ, это и къ лучшему.

— Кто же тамъ, въ помѣщеніи?

— Прасковья Дементьевна.

Прасковья! Невыносимая Прасковья! Съ ней она жила въ одной комнатѣ, должна была уступить ей мѣсто за дощатою загородкой, гдѣ та спала, и выносить ея сапъ, храпъ и воркотню подъ носъ, а по утрамъ шлепанье стоптанными башмаками, безпрестанную безсмысленную ходьбу въ коридоръ и назадъ и возню съ вареніемъ кофею „для барышни“. Она только и умѣла угодить кофеемъ Марьѣ Филипповнѣ. Прасковья выросла вмѣстѣ съ барышней, такая же, какъ и та, старая дѣва, рабски привязанная къ ней, тупоголовая, обидчивая и спесивая. Сколькихъ неимовѣрныхъ усилій стоило Музѣ Прокофьевнѣ постоянно держаться съ ней ласковаго, иногда искательнаго тона!.. И такъ каждый день, почти два года, зимой и лѣтомъ, въ Москвѣ и въ деревнѣ, гдѣ Прасковья помѣщалась тоже рядомъ съ нею, за перегородкой, и сопѣла, и храпѣла, и бормотала себѣ подъ носъ, и хлопала дверью, и шлепала башмаками ежеминутно.

— Хорошо, — сказала Муза Прокофьевна, и должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы ничего не прибавить.

Меньше говорить—вотъ вѣрное средство не лгать и не фальшивить. За мысли нельзя ручаться. Онѣ приходятъ или не приходятъ—не въ нашей волѣ, но говорить и не говорить—этимъ мы можемъ управлять.

Она встала и начала подниматься по лѣстницѣ потихоньку, придерживаясь рукой за перила, и дышала тяжелѣе, чѣмъ до болѣзни.

На первой площадкѣ ей поклонился, свѣсивъ голову на крахмальную грудь рубашки, коридорный Евсѣй, бри-

тый, представительный лакей, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, правая рука управляющаго. И передъ нимъ она не разъ лебезила. Онъ бывалъ съ ней вѣжливъ, но совсѣмъ не такъ, какъ съ Марьей Филипповной. Ту всѣ побаивались, и даже звали ее иногда „генеральшей“, хотя она только генеральская дочь.

— Евсѣй, здравствуй!—отвѣтила она ему на поклонъ и не назвала „Евсѣюшка“, какъ прежде.

Надо было подняться еще цѣлымъ этажомъ выше. Марья Филипповна, по скупости, жила высоко, чтобы за отдѣленіе въ три комнаты, такое же, какъ въ бельэтажѣ, платить двадцатью рублями дешевле. И, все-таки, одной такой „старушенціи“,—Муза Прокофьевна вспомнила веселое слово доктора,—надо цѣлое помѣщеніе съ гостиной, и спальней, и комнатой „pour mes gens“, какъ она называла своимъ знакомымъ; а въ числѣ этихъ „gens“ значилась и компаньонка. Считая лакея и горничную при номерахъ, полотеровъ, кубовщика и швейцара, за ней ухаживало семь человѣкъ.

Муза Прокофьевна задержала ходъ этихъ мыслей, окликнувъ на верхней площадкѣ номерную Ѳеклушу.

Ѳеклуша—добрая дѣвушка и хорошенькая. Ея глазки, въ родѣ мышиныхъ, ласково и смѣшливо мигаютъ. Носикъ пуговкой немножко сталъ краснѣть, свѣтлое ситцевое платье сидитъ на ней ловко и бѣлый фартукъ — къ лицу.

Съ Музой Прокофьевной она всегда была привѣтлива и ни отъ какой услуги не отговаривалась недосугомъ. Но и ее компаньонка не любила, по цѣлымъ недѣлямъ внутренно придиралась къ ней, подозрѣвала ее въ шашняхъ съ коридорнымъ, наконецъ, просто не могла равнодушно смотрѣть на ея молодость, на свѣжее личико, на пышную грудь и слышать ея звонкій, ласкающій голосокъ. Постоянная веселость и выносливость Ѳеклуши возмущали ее.

„Этакая идіотка! — часто говорила она про себя, проходя по коридору, гдѣ Ѳеклуша летала изъ одного номера въ другой.—Этакая идіотка! Чего она рада?.. Цѣлый день мечется по комнатамъ, прибираетъ, выноситъ, чиститъ, сбѣжитъ разъ сорокъ на кухню и поднимется пятьдесятъ ступенекъ, живетъ въ конуркѣ, безъ окна, ѣстъ урывками и—довольна, улыбается... Щеки у ней точно два масляныхъ блина...“

Этого она не могла простить Өеклушѣ. Житье номерной во много разъ тяжелѣе ея службы. Она это сознавала и еще больше раздражалась; кончила даже тѣмъ, что стала находить положеніе Өеклуши гораздо лучше своего, считать, сколько отъ каждаго жильца она получитъ въ мѣсяцъ, и безпрестанно повторяла про себя, что номерная горничная ни у кого въ услуженіи не находится, а только исполняетъ свою должность, между тѣмъ какъ она—Муза Прокофьевна Петина, дочь полковника и вдова чиновника восьмого класса—живетъ въ услуженіи у старой колотовки, за которой ходятъ семь человѣкъ прислуги.

— Муза Прокофьевна... матушка!..

Сердечный возгласъ Өеклуши отдался въ душѣ Петиной. Дѣвушка бросилась къ ней, помогла ей добраться до послѣдней ступеньки и усадила на стулъ, стоявшій на верхней площадкѣ.

— Совсѣмъ задохнулась...—выговорила она.

— Полегчало вамъ, матушка? — спрашивала заботливо Өеклуша.

— Вотъ видишь, Өеклуша, брожу.

— Все еще тамъ лежите?

Өеклуша не захотѣла произнести слово „больница", но ея пухлый лобъ наморщился на особый ладъ.

— Тамъ еще... скоро выйду... У васъ какъ здѣсь все... по-старому?—спокойно спрашивала Петина и осталась довольна собою.

Өеклуша ей положительно нравилась, и она подумала даже, что если ей придется опять здѣсь жить, у Грибановой, Өеклуша будетъ скрашивать ея жизнь.

— По-старому,—отвѣтила дѣвушка, и ротъ ея широко улыбнулся. — Только Малинины съѣхали. Антуфьева барышня замужъ выходятъ, младшая, изъ тридцатаго номера.

— За кого?

— За офицера. Говорятъ, богатый офицеръ, драгунъ, съ синими лацканами.

— Ну, а тебѣ какъ, Өеклуша? Все такая же тяжелая служба? На подмогу никого не берутъ?

— Нѣтъ-съ... справляюсь!

— Ты неутомима!

Она встала и потрепала Өеклушу по плечу. Прежде она этого бы не сдѣлала, хоть и смазывала медомъ свои слова, когда ей нужно было что-нибудь спѣшное отъ этой дѣвушки.

— Марья Филипповна гулять ушли,—доложила на ходу Θеклуша.

— Знаю. У ней новая чтица? — спросила Петина, не мѣняя спокойнаго тона.

— Новая-съ,—отвѣтила Θеклуша вполголоса.

Ей непріятно было огорчать прежнюю компаньонку Грибановой.

— Живетъ здѣсь?

— Нѣтъ-съ, приходитъ на цѣлый день.

— Молодая?

— Совсѣмъ молоденькая,—радостно отвѣтила горничная.

Чуть было не выбранила ее Петина про себя „идіоткой“.

Добродушіе Θеклуши еще возросло въ эти шесть недѣль.

— Изъ барышень?

Вопросъ Петина задала еще тише, чѣмъ ей говорила Θеклуша, въ трехъ шагахъ отъ двери въ ея бывшую комнату.

— Въ школѣ какой-то училась, какъ въ родѣ пріюта. Хорошенькая, волосы чудесные.

— По-французски читаетъ?

— Не слыхала-съ. Кажется, она не умѣетъ по-французски.

„Не умѣетъ“,—повторила мысленно Петина и, взявшись за ручку двери, сказала:

— Большое спасибо тебѣ, Θеклуша, за добрую память обо мнѣ.

— А вы, Муза Прокофьевна, нешто опять не къ намъ? Вѣдь, я думала, та чтица вамъ взамѣну, пока вы нездоровы были?

— Не знаю, милая, не знаю.

— Къ намъ пожалуйте... У насъ житье покойное... и ко всѣмъ вы привыкли.

Θеклуша разсмѣялась и убѣжала. По коридору уже трещалъ, около ея каморки, электрическій звонокъ.

Муза Прокофьевна постучалась и, не дожидаясь оклика изъ комнаты, вошла туда.

Опять охватилъ ее тотъ запахъ, что шелъ отъ загородки, гдѣ жила Прасковья, — смѣсь кофе съ коровьимъ масломъ, которымъ она смазывала себѣ волосы, и какой-то травы въ ея сундукѣ, стоявшемъ подъ кроватью, и лампаднаго масла.

— Прасковья Дементьевна! не узнали меня?

Старая горничная, въ шелковой кацавейкѣ и въ сѣткѣ

на темныхъ, еще не сѣдыхъ волосахъ, безъ бровей, что-то готовила на окнѣ, гдѣ стоялъ кофейникъ на спиртовой ламночкѣ и всякія корзинки, склянки и баночки.

— Ахъ, сударыня!.. И въ самомъ дѣлѣ не признала сразу! Долго жить будете!.. Вотъ вы ужъ какъ—оправились совсѣмъ. Позвольте я салопъ-то съ васъ сыму.

Прасковья какъ будто обрадовалась бывшей компаньонкѣ своей барышни. Ея хмуро-тупое лицо стало яснѣе. Она помогла Музѣ Прокофьевнѣ снять съ себя лисью шубку съ котиковымъ воротникомъ, приличную, но очень уже подержанную.

— Кофейку не угодно ли? Я духомъ заварю.

Петиной захотѣлось вѣрить, что старуха не фальшивитъ передъ нею. И ей самой теперь она не такъ противна. Дворовая, какъ дворовая,—пожалуй, лучше очень многихъ: преданна безкорыстно, честна, не пьетъ, многое умѣетъ уладить, заштопать, солить, варить и — все это безъ очковъ.

— Благодарю васъ, Прасковья Дементьевна, не хочется.

Она сѣла на кушетку, служившую ей постелью. Прасковья перестала возиться около окна и присѣла на кончикъ стула. Ей, видимо, хотѣлось отвести душу, потолковать съ компаньонкой.

— Вы къ намъ опять?—начала она прямо.

— Да у васъ другая чтица.

— Что жъ, что другая?.. Барышня такъ ее взяли... на время. Просто дѣвчонка, изъ пріютскихъ. Одна княгиня-благотворительница подсудобила.

Это деревенское слово „подсудобила“ показывало достаточно, что Прасковьѣ новая чтица не нравится.

— Молодая?

— Дѣвчонка гладкая... Прости, Господи... блохи не уколупнешь. Все прихорашивается цѣлый день, да коклюсы свои приглаживаетъ.

— И по-русски, и по-французски читаетъ?—спросила Муза Прокофьевна.

— По-французски? — повторила Прасковья и повела ртомъ.—Кто ее выучилъ?.. И по-русски-то ровно дьячокъ бормочетъ—алявалля!

— Какъ же Марья Филипповна обходится безъ французскихъ книжекъ?

— Такъ и обходится. Вотъ я и говорю вамъ, суда-

рыня, гдѣ же ей васъ заступить! Вы какъ отчеканивали! И я, бывало, отсюда все слышу и разумѣю. Такимъ же образомъ и по-французски.

„Неужели, — подумала Муза Прокофьевна,— Прасковья была мнѣ предана? А я что-то не замѣчала“.

Она оглядѣла дряблое лицо горничной и сказала про себя:

„Нѣтъ, это изъ-за непріязни къ новой чтицѣ“.

— Вотъ, кажется, наша пріютская. Слышите, на весь коридоръ каблуками стучитъ и мурлычетъ... ровно здѣсь, съ позволенія сказать, скверное мѣсто какое!..

Прасковья встала и плюнула.

IV.

Шумно отворилась дверь и вошла новая чтица. Суконное пальто съ барашковымъ воротникомъ и такая же шапочка подъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, румяныя щеки, высокая грудь, густыя брови, молодые зубы, блескъ глазъ, даже родинка на правой щекѣ,—все это въ одинъ мигъ оглядѣла Муза Прокофьевна.

— Прасковья!—окликнула дѣвушка мягкимъ, низковатымъ голосомъ.—Марья Филипповна приказали заварить поскорѣе чаю. Вотъ варенья я принесла и сухариковъ. Марья Филипповна гостей приведетъ. Въ бельэтажѣ новые жильцы... Антуфьевы: мать и двѣ барышни.

Она это говорила, снимая съ себя платокъ и потомъ шубу и шапочку. Дыханіе у ней, отъ ходьбы, перехватило. Грудь ея колыхалась подъ кофточкой цвѣта бордо, перехваченной желтымъ кожанымъ кушакомъ. Она положила покупки на комодъ и тотчасъ же обратилась къ чужой дамѣ:

— Вамъ Марью Филипповну? Онѣ сейчасъ будутъ.

Голосъ ея нравился Петиной, да и вся она. Молодостью пышило отъ нея и замолаживало невольно сорокапятилѣтнюю женщину, на которую только что глядѣла смерть во всѣ глаза.

„Ее оставитъ колотовка“,—подумала она и не ощутила злости къ чтицѣ.

Ей стало жалко эту свѣжую, красивую и веселую дѣвушку. Она видѣла, какъ пройдетъ ея жизнь въ меблированныхъ комнатахъ около старой дѣвы, съ ея замашками и тономъ, въ однообразнѣйшей обстановкѣ, и такъ цѣлые годы, пока не приглянется въ жены какому-ни-

будь телеграфисту или конторщику, или не сбѣжитъ къ студенту, на Патріаршіе пруды.

— Я подожду,—сказала она тихо, безъ приторной сладости, которую навѣрное бы пустила прежде.

— Да онѣ свой человѣкъ,—съ удареніемъ выговорила Прасковья.—Это Петина, Муза Прокофьевна, у насъ жили... вотъ въ этой комнатѣ.

— А!.. Вы мадамъ Петина!

У чтицы въ этомъ возгласѣ заслышалось смущеніе. Она сейчасъ же испугалась. Могутъ прогнать. Но молодость и безпечная натура взяли верхъ.

— Пожалуйте въ гостиную, — ласково пригласила она Петину, и тотчасъ же, передъ зеркальцемъ на комодѣ, поправила прическу.

Двѣ густыя черныя косы падали у ней по спинѣ, связанныя внизу.

— Онѣ знаютъ...—не удержалась, осадила ее Прасковья и прибавила:—Пожалуйте, сударыня, тамъ книжки французскія давно васъ дожидаются.

Эти слова чтица прекрасно разслышала. Она все еще поправляла прическу передъ зеркальцемъ.

Прасковья перешла съ Петиной въ слѣдующую комнату, отдѣланную гостиной, свѣтлую, но узкую и невеселую, съ репсовою мебелью вдоль стѣнъ и большимъ столомъ передъ диваномъ. Стѣны стояли голыя, безъ малѣйшей картинки. Разнокалиберное зеркало торчало на другой стѣнѣ, въ оправѣ краснаго дерева. Дверь вела въ третью комнату—спальню. Всѣ три были подъ-рядъ.

— Барышнѣ-то безъ французскаго по вечерамъ скучненько,—продолжала Прасковья, не понижая голоса.

Петиной стало почти непріятно за эти намеки.

— Кто эти Антуфьевы?—спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ, и подошла къ столу, гдѣ лежало нѣсколько книжекъ.

— Генеральша... давнишняя пріятельница барышни и по деревнямъ сосѣди были. При покойникѣ жили широко. Теперь обѣдняли. Вотъ пріѣхали вывозить барышень... А сама-то хворая... Не знаю, какъ и выѣзжать будутъ. Дѣвки матерыя, горластыя,—прибавила Прасковья своимъ особымъ „непочтительнымъ“ тономъ, хорошо знакомымъ Петиной.

На столѣ лежало два французскихъ романа и старая книжка „Revue des Deux Mondes“, какъ разъ тотъ но-

меръ, который она читала Грибановой передъ своею болѣзнью. Стало, съ тѣхъ поръ старухѣ по-французски никто не читалъ. Она своими глазами не работала, кромѣ чтенія писемъ, да и то съ трудомъ. Близорукость перешла у ней въ слабость зрѣнія, особенно на одинъ глазъ.

Въ эту минуту Петина не могла рѣшить, какіе у ней шансы сохранить прежнее мѣсто. Безъ французскихъ книгъ старухѣ скучно; она привыкла къ слушанію романовъ и статей, непремѣнно по-французски. Она и говорила почти всегда на этомъ языкѣ, многосложно, съ претензіей, съ московскими барскими оборотами, любила важничать знаніемъ языка и безпрестанно поправляла Петину; принимала визиты барынь и разныхъ „хрычей", отъ двухъ до пяти каждый день, и заводила тогда нескончаемый монологъ: или про тѣ мѣста, гдѣ живала за границей, или про знатное родство, или про то, какъ дворянство обижено и упало.

Остаться безъ мѣста, искать его сейчасъ, еще ослабѣвшей отъ болѣзни, пугало ее; но и состоять при Грибановой послѣ житья въ больницѣ, на свободѣ, въ тишинѣ, при уходѣ, лучше котораго трудно и придумать, не привлекало ее нисколько.

Неожиданно отворила и тотчасъ стремительно захлопнула дверь маленькая старушка въ черномъ.

Петина ждала, какъ „барышня", по своей разсѣянности, думая, что она вошла въ спальню, а не въ гостиную, сейчасъ же повернетъ ключъ въ двери.

На этотъ разъ она этого не сдѣлала.

— Кто тутъ? — окликнула она, еще не оборачиваясь совсѣмъ.

— Мы, сударыня, и съ Музой Прокофьевной, — отвѣтила Прасковья громко и возбужденнѣе обыкновеннаго.

— Муза! Это вы?

Старуха прищурила на нее свои подслѣповатые глаза и подошла къ ней короткими шажками, съ нервнымъ покачиваніемъ сухого, широкаго, согнутаго туловища.

— Déjà... rétablie?—спросила она, не дожидаясь отвѣта, въ носъ, нараспѣвъ и низкимъ голосомъ, и опять такъ еще недавно ненавистный звукъ прошелся по душѣ компаньонки.

Фраза „déjà rétablie?" отозвалась въ ней, особенно это „déjà" значило другими словами: „ты, матушка, живуча, какъ кошка, прилетѣла изъ больницы; а я думала, что

ты или отправишься въ Елисейскія поля, или, по крайней мѣрѣ, проваляешься мѣсяца три".

Все ей противно: манера говорить московской дворянки и старой дѣвы, самый звукъ голоса, гдѣ сидѣлъ оттѣнокъ увѣренности въ себѣ, сознаніе какого-то и надъ чѣмъ-то своего превосходства, безцеремонное отношеніе ко всему тому, что: „n'est pas de son bord", при наружности, туалетѣ и даже жестахъ, которые Муза Прокофьевна давно считала старомодными, смѣшными и невоспитанными.

— Поздравляю... со скорымъ выздоровленіемъ, — продолжала Грибанова свой монологъ и, обратившись въ сторону Прасковьи, приказала:—Поскорѣе чай. Каля тебѣ говорила. Пожалуйста только не копайся!..

Ни одного слова отъ сердца, ни одного звука сочувствія своей компаньонкѣ, бывшей при смерти и прожившей съ ней полтора года, хоть въ благодарность за то, что выносила свою подневольность, ухаживала за ней разъ пять въ эти полтора года, и въ деревнѣ, и въ Москвѣ, во время припадковъ ревматизма и болей въ ногахъ, когда старуха дѣлалась невыносима своею раздражительностью.

„И эти московки,—подумала она,—обитательницы меблированныхъ комнатъ, и барыни въ собственныхъ домахъ воображаютъ, что онѣ добры, гостепріимны, привѣтливы, судачатъ про иностранцевъ, про заграничные народы, находятъ, что нѣмки, француженки, англичанки—всѣ безъ сердца, всѣ сухи, плохо воспитаны, эгоистки... Да ни въ какой семьѣ самыхъ закорузлыхъ буржуа или бюргеровъ не встрѣтили бы меня такъ, какъ эта колотовка!"

Мысль быстро промелькнула въ головѣ Петиной, когда старуха повернулась на низкихъ каблукахъ своихъ прюнелевыхъ открытыхъ башмаковъ. Она заглянула въ дверь и крикнула:

— Каля! ты приготовила все къ чаю?

„Что это за имя?"—спросила себя Петина, стоя у окна въ неловкой позѣ.

Грибанова не сказала ей даже: „сядьте".

Она разсудила сама сѣсть и выговорила кротко, но безъ прежней слащавости:

— Извините, Марья Филипповна, я присяду... еще слаба на ногахъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Старуха кинула эти слова, не оборачиваясь къ ней лицомъ, и прошла въ спальню, повернулась еще на каблукѣ и продолжала говорить все на тотъ же тонъ.

— Поторопились! Надо бы вылежать!.. Vous savez... эта болѣзнь... elle peut revenir... возвратная, можетъ-быть.

„Типунъ тебѣ на языкъ!" — выбранилась Петина, не вытерпѣвъ. Старуха возмутила ее этимъ бездушнымъ умничаньемъ.

Изъ спальни, гдѣ Грибанова начала мыть руки и душить себя ненавистными Петиной духами пачули, она все говорила:

— Oui, ma chère, поторопились. Вы развѣ совсѣмъ вышли?

— Нѣтъ еще, — громче отвѣтила Петина изъ гостиной.—Но въ концѣ недѣли выписываюсь. Надо освободить камеру.

Въ гостиной Грибанова, вернувшись, не сейчасъ усѣлась, а все ходила отъ зеркала къ столу, отъ стола къ окну: то книжку возьметъ, то переставитъ горшокъ цвѣтовъ, то поправитъ абажуръ, и все своею сорочьею походкой, съ подпрыгиваніемъ и поворотами на каблукахъ, скоро-скоро, точно будто комната—огромная зала.

„Неужели я не найду ничего лучше,—думала Петина,— а должна буду опять запираться въ этихъ номерахъ на всю зиму?"

Ее пронизала даже нервная дрожь. Лучше разомъ выяснить вопросъ.

— У васъ чтица?—сказала она совсѣмъ не сладко, но безъ недовольства въ голосѣ.

— Каля!

— Какъ вы ее зовете?

— Каля!.. Калерія!.. Нельзя мнѣ было оставаться безъ никого!

— Я не къ тому, Марья Филипповна. Конечно, вамъ нужна была чтица... Я не хочу ни у кого отбивать мѣста. Если вы довольны этою дѣвушкой—и прекрасно. Я постараюсь найти другое мѣсто.

Ей было удивительно то, какъ это она сказала спокойно, безъ тайной злобы, безъ ужимокъ. Должно-быть, оттого, что, въ самомъ дѣлѣ, она рада будетъ оставаться безъ мѣста, только не идти опять къ Грибановой.

— La petite,—начала старуха (она была еще все на ногахъ),—est gentile. Видѣли вы ее?

— Видѣла.

— Сирота, изъ пріюта; меня княгиня Полоцкая,—Грибанова произнесла по-московски: „кнэиня“,—просила. Elle lit... comme ça... не то, чтобы ахти какъ! Да и не нужно этого... Вы, моя милая, очень ужъ старались. Меня это тоже утомляетъ... Seulement, elle ne sait que le russe.

Петина почти пожалѣла, про себя, что эта чернобровая и грудастая „Каля“ обучена только по-русски.

— Какъ же вы теперь?..—начала она неувѣренно.

— Ecoutez donc! — властно перебила ее Грибанова, и тутъ только сѣла въ большое кресло и въ позѣ, въ какой она принимала у себя и могла сидѣть такъ по цѣлымъ часамъ сряду. — Ecoutez donc!—повторила она еще властнѣе. — Я обдумала все въ вашемъ интересѣ, Муза. Лучше вы сами бы ничего не пріискали. Я вамъ, Муза, разыскала прекрасную кондицію. И здѣсь, въ нашемъ гарни.

— Здѣсь?—переспросила Петина и внутренно совсѣмъ не обрадовалась.

— Ecoutez donc! Внизу, въ бельэтажѣ, поселилось семейство Антуфьевыхъ, une bonne connaissance à moi. Мать est une Кривоусова, de maison; мы вмѣстѣ выѣзжали. Une famille comme il faut. Были богаты! Теперь... должны вотъ, какъ и я же, жить по комнатамъ, въ гарни.

„Слышала“,—хотѣла было замѣтить Петина, но воздержалась.

— Двѣ барышни... невѣсты, très bien de leurs personnes. Сама un peu maladive. Имъ нужна компаньонка, чтобы выѣхать, проводить и вообще tenir compagnie. Вотъ я и разсудила помѣстить васъ къ нимъ. По вечерамъ вы будете свободны... очень часто. И ко мнѣ милости просимъ, по-французски почитать. Я буду вамъ платить, положу по пяти рублей... Да онѣ дадутъ рублей... пятнадцать, на всемъ готовомъ, какъ у меня, больше не дадутъ.

— Комната?—прервала Петина.

— Кровать отдѣльно... за перегородкой. Assez proprette. Барышни спятъ въ другомъ отдѣленіи...

— Тутъ же?

— Ахъ, матушка! — вдругъ подняла тонъ старуха, — нельзя же требовать салоновъ. Скажите спасибо и за это, по нынѣшнимъ временамъ. Elles vont venir à l'instant même... Понравитесь вы имъ—можете въѣзжать хоть завтра, благо вашъ сундукъ здѣсь же стоитъ, вонъ тамъ, въ коридорѣ,—все сохранно.

Петина промолчала. Въ коридорѣ раздались звонкіе голоса, прерываемые смѣхомъ. Дверь отворилась. Въ гостиную вошли двѣ барышни и ихъ мать. Она ихъ осмотрѣла и у ней вырвались мысленно слова:

„Все лучше, чѣмъ цѣлый день со старухой!"

V.

— Какъ ты смѣешь это говорить?!

— Смѣю!

— Мама, запрети ей... Это Богъ знаетъ на что похоже!

— Лида!.. ты вмѣшиваешься не въ свое дѣло!..

— Но вѣдь я права? C'est une affaire d'argent! C'est ignoble! Epouser sans amour!

— Лида! je te défends...

— Гадкая!

Салфетка летитъ почти прямо въ лицо барышнѣ, круглой, хорошенькой брюнеткѣ, съ насмѣшливымъ лицомъ... Бросила салфетку меньшая, съ волосами цвѣта кудели. худая, прозрачная кожей, голубоглазая. Обѣ одѣты въ одинаковыя платья, съ иголочки, клѣтчатыя, цвѣтныя и очень модныя.

Завтракать только что начали. Подали котлеты съ картофелемъ, непривлекательную померную ѣду. Сестры сидѣли одна противъ другой, на диванѣ—мать, съ просѣдью, сухощавая, длинная дама, поблекшая, съ привычнымъ выраженіемъ чопорнаго, неумнаго лица, въ сѣромъ платьѣ. Противъ нея помѣщалась новая компаньонка, Муза Прокофьевна.

Младшая, Мэри, вскочила изъ-за стола, бросилась на кресло около окна и заплакала, съ истерическими всхлипываніями. Старшая, Лида, продолжала ѣсть, и ея глаза, гдѣ блестятъ задоръ и язвительность, обращены тоже къ окну; но она не смотритъ на сестру, а черезъ ея высокій шиньонъ, въ окно, на крышу, покрытую ярко сіяющимъ снѣгомъ.

Петина потупила глаза и деликатно доѣдала кусочки картофеля. На ея лицѣ застыло приличпо-кроткое выраженіе, въ которомъ разобрать ничего нельзя.

Про себя, она говоритъ: „Хорошо, нечего сказать! Бранятся какъ судомойки, только вперемежку съ французскими фразами! Старшая завидуетъ жениху младшей и напускаетъ на себя благородныя чувства, возмущается

бракомъ по расчету, а сама была бы рада-радехонька выскочить за того же богатенькаго дурачка, драгунскаго подпоручика!"

Она уже не можетъ остановить ходъ этихъ мыслей и воздержаться отъ прежней своей компаньонской мины— кротко-слащавой и непроницаемой.

Мать встала поспѣшно и подошла къ младшей дочери; ее она больше любитъ, но побаивается старшей,—та съ характеромъ, зла, дерзка и настойчива. Злится теперь еще сильнѣе отъ замужества младшей; знаетъ, что она хорошенькая, и лучше сложена, и бойка на языкъ, а вотъ сидитъ „въ дѣвкахъ" который ужъ мясоѣдъ.

— Полно, Мэри, je t'en prie?

— Non! Non! — всхлипываетъ блондинка, уткнувъ голову въ спинку кресла.

Съ самаго утра онѣ бранились и кричали разомъ, и въ ушахъ Петиной стоитъ звонъ отъ ихъ голосовъ,—высокихъ, пѣвучихъ и крикливыхъ,—и стоитъ онъ третью недѣлю, съ тѣхъ поръ, какъ она поступила въ Антуфьевымъ.

Да и что же ей дѣлать, какъ не сохранять приличную, сладковатую мину? Развѣ онѣ—эта захудалая барыня и эти двѣ невѣсты-безприданницы—смотрятъ на нее какъ на равную, или хоть на компаньонку, но заслуживающую довѣрія, способную дать хорошій совѣтъ, войти въ ихъ интересы?

Онѣ торговались съ ней „какъ жиды", упирались нѣсколько дней на двѣнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ, да еще съ ея сахаромъ, насилу-насилу додали ей еще три рубля, помѣстили ее въ такую же „закуту", въ какой Прасковья живетъ наверху, надъ ними. Тамъ она принуждена каждую ночь слушать болтовню или перебранку дѣвицъ до невозможныхъ часовъ—до трехъ, до четырехъ, даже и въ тѣ дни, когда онѣ не выѣзжаютъ; а ей сонъ нуженъ, она еще чувствуетъ приступы слабости послѣ тифа. Пробовала мягко и осторожно вставлять свое слово и, разумѣется, умнѣе того, что здѣсь говорится,—мать дѣлаетъ гримаски, точно она прислуга, не смѣющая вставлять слова въ разговоръ господъ. Меньшая дочь ничего не слушаетъ и не понимаетъ, кромѣ тряпокъ, офицеровъ, собранья, коньковъ и сплетенъ про барышень; старшая— непремѣнно отзовется какою-нибудь дерзкою фразой.

Стало-быть, маска нужна, опять та же, еще такъ не

давно ненавистная, съ которой она испугалась умирать въ больницѣ.

— Ну, полно, ну, полно!—успокаивала мать.—Лида, надѣюсь, пойметъ, какъ она дурно поступаетъ.

Лида продолжала смотрѣть черезъ голову сестры, прищуриваясь, на снѣгъ, лежавшій на крышѣ, и ея свѣжія, полныя губы слегка вздрагивали. Все лицо выражало: „я права и буду еще настаивать на томъ же“.

Вошелъ коридорный Евсѣй съ блюдомъ. При немъ надо было сохранить приличіе.

Мэри встала, громко высморкалась и какъ ни въ чемъ не бывало сѣла на свое мѣсто и сказала сестрѣ:

— Ma serviette, s'il vous plait!

У старшей мелькнуло желаніе бросить ей салфетку обратно въ лицо, но при „человѣкѣ“ этого нельзя.

Евсѣй сейчасъ догадался, что вышла семейная сцена. Но на его бритомъ, кругломъ лицѣ дрессированнаго лакея все оставалось безстрастнымъ и приличнымъ.

Компаньонка вбокъ взглянула на него и сейчасъ же подумала:

„Вотъ съ кого должно брать примѣръ! Развѣ Евсѣй станетъ имъ показывать свои настоящія мысли и чувства? Зачѣмъ? Чтобъ онѣ его оборвали? Онъ ихъ презираетъ и справляетъ свою должность. У каждаго своя маска, иначе совсѣмъ пропадешь!..“

— Что это?—брезгливо спросила коридорнаго барыня, наклонившись къ блюду.

— Рагу-съ.

— Что?—переспросила насмѣшливо старшая.

— Рагу,—доложила особенно кротко и отчетливо компаньонка.

— Да это что же,—спрашивала мать коридорнаго,— изъ какого мяса?.. Вѣдь это, кажется, баранина.

— Фи! баранина!—почти взвизгнула Мэри и во весь ротъ сгримасничала.

— И лукъ тутъ! Лукомъ пахнетъ... Quelle horreur!— отозвалась Лида и сдѣлала тоже гримасу.

Всѣ разомъ заговорили, какой гадостью ихъ кормятъ. Развѣ онѣ не объявляли разъ навсегда управителю, что онѣ ни баранины, ни луку, ни шпинату, ни зразъ съ кашей, ни лапши, ни ножекъ не ѣдятъ. И вдругъ имъ даютъ баранину, и въ соусѣ лукъ!

Евсѣй, еще ставя блюдо на столъ, доложилъ степенно и значительно:

— Барашекъ... молодой... Самый свѣжій. Многіе одобряютъ...

— Но мы не ѣдимъ, мой милый,—остановила его мать, говорившая съ прислугой въ тонѣ покровительства.

— Другого блюда нѣтъ-съ. Какъ вамъ будетъ угодно.

Онѣ знали, что съ Евсѣемъ шутить было неудобно: онъ способенъ сказать повару, чтобы имъ другого ничего, заново, не готовили, а то такъ заставитъ ихъ прождать цѣлыхъ два часа.

Евсѣй преспокойно поставилъ блюдо съ бараньимъ рагу и сталъ перемѣнять тарелки.

Съ гримасами и восклицаніями начали барышни и ихъ мать выбирать кусочки, отряхая отъ соуса и лука. Его запахъ пріятно защекоталъ въ ноздряхъ компаньонки. Она любила и ягнятину еще съ дѣтства.

— Вамъ положить?—съ пріятною улыбкой предложила Петина младшей.—Я вамъ выберу кусочки.

— Пожалуйста!

„Нечего,—говорила про себя компаньонка,—и баранину слопаете, потому что голодны и только завтраками и держитесь; на четырехъ берете всего два обѣда. Не можете ѣсть баранины и луку, а сами торговались изъ-за этого завтрака и каждый день кричите, что васъ грабятъ, берутъ за два блюда на четыре персоны тридцать пять рублей!“

Эти „привередничества“ при тайномъ безденежьѣ и „сквалыжничествѣ“ —самыя безцеремонныя слова такъ и скакали у ней въ головѣ—становились ей все противнѣе. При этихъ барскихъ требованіяхъ копеечничать на каждомъ шагу, а за квартиру платить полтораста рублей въ мѣсяцъ, и часто брать карету, и должать во всѣхъ пассажахъ и всѣмъ портнихамъ.

Ея жалованья въ концѣ мѣсяца ей не заплатятъ, она видитъ это уже и теперь, впередъ...

Петина вдругъ сдержала свои мысли, испугалась и пристыдила себя.

„Что это?.. Опять прежняя Муза Прокофьевна? Озлобленная, ненавистница, льстивая, съ притворною улыбкой и медоточивыми словами странницы-богомолки?“

Ей сдѣлалось почти физически тошно. Если бъ передъ ней сидѣли другіе люди, она покаялась бы сейчасъ же;

но одинъ новый взглядъ на нихъ — и ей такой порывъ показался дикимъ.

„Развѣ онѣ поймутъ и оцѣнятъ? Никогда! Это будетъ только предлогъ къ гримасамъ или безцеремоннымъ выходкамъ“. Она не мѣняла своей притворной улыбки и спросила барыню:

— Кофей прикажете заварить?

— Разумѣется!—отвѣтила за мать старшая дочь.

Обѣ барышни доѣдали баранье рагу. Дома ѣли онѣ очень неопрятно и невоспитанно: наваливались грудью, оба локтя клали на столъ, чмокали, ѣли съ ножа, крошили хлѣбъ, не рѣзали, а дергали мясо или теребили его вилкой. Муза Прокофьевна привыкла, живя по такимъ семьямъ, къ дурной манерѣ ѣсть; но сегодня ей какъ-то особенно противно, и она рада была уйти въ спальню барышень, гдѣ на окнѣ, какъ Прасковья—Грибановой, она заваривала кофе.

Разговоръ возобновился у стола, все о томъ же, о замужествѣ младшей барышни. Старшая не сдавалась. Она начала говорить больше матери, чѣмъ сестрѣ, что этотъ бракъ почти скандальный. Какой-то заѣзжій офицерикъ, армейскій драгунъ, глуповатый, правда, смазливый, — „даже по-французски не говоритъ!“ — вставила она въ число своихъ доводовъ, никто его въ московскихъ хорошихъ домахъ не знаетъ. Стоитъ онъ съ полкомъ Богъ знаетъ гдѣ, въ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ Польшѣ...

Мэри вскочила и ушла въ комнату матери, но оттуда она прислушивалась къ словамъ сестры, говорившей такъ громко, что въ коридорѣ все было какъ пролито, и Ѳеклуша давно уже знала, что у Антуфьевыхъ идетъ „драная грамота“ изъ-за жениха и барышни „ругаются“. Эта вѣсть обошла всѣ этажи и объ ней уже говорили на кухнѣ и даже въ отдѣленіи, гдѣ живутъ кубовщикъ и полотеры.

Слушала и Петина, улаживая спиртовую лампочку подъ жестянымъ кофейникомъ.

Доводы старшей дочери еще не скоро истощились. Она почти настаивала на томъ, чтобы мать написала сыну,— онъ служилъ въ Петербургѣ, — и навела черезъ него справки объ этомъ „офицерикѣ“,—не говоря уже о томъ,— добавила Лида, все поднимая голосъ,—какъ „дико“ отдавать руку и сердце послѣ трехъ котильоновъ, и гдѣ? — въ дворянскомъ клубѣ, на вечерахъ, по средамъ, гдѣ бы-

ваетъ „всякій сбродъ"—и зубные врачи, и приказчики, и мелкіе адвокаты изъ жидковъ.

Мать сказала:

— Tu as raison, Lydie,—и крикнула:—Мэри, не извольте капризничать! Объ этомъ надо подумать.

Мэри притихла; но когда компаньонка подала кофей,—надо было три раза сходить за чашками въ коридоръ, — она наскоро проглотила свой кофей, вскочила и крикнула:

— Муза! мы идемъ на бульваръ!

Петина вопросительно взглянула на барыню.

— Конечно!—закричала Мэри, готовая заплакать.—Мы съ Лидой обѣщали вчера!.. Нельзя же обманывать.

— Кому обѣщали? Ему?—спросила мать.

— Mais oui!

Мэри повернулась лицомъ къ сестрѣ и еще громче крикнула:

— Идти за него или нейти, но нельзя же такъ оборвать!.. C'est ignoble! Гулять все-таки мы пойдемъ.

— Прикажете одѣться? — спросила Муза Прокофьевна барыню съ особенно пріятнымъ выраженіемъ лица.

— Коли вамъ говорятъ!—нестерпимо грубо кинула ей Мэри.

Компаньонка молча и съ граціознымъ наклоненіемъ головы прошла въ свою „закуту".

Все у ней внутри дрожáло отъ обиды и отвращенія. А руки терпѣливо приглаживали передъ зеркальцемъ, въ темнотѣ убогой и тѣсной загородки, волосы на лбу и надѣвали шапочку, и увязывали шею платкомъ.

Какъ она ихъ ненавидѣла! И прежде, до своего душевнаго „переворота", она не припоминала этакой злобы, какъ въ эту минуту. Даже руки у ней дрожали и на языкѣ, на самомъ кончикѣ, явился вкусъ горечи, точно отъ желчи.

И надо надѣвать шубку поскорѣе, а то Мэри крикнетъ на весь коридоръ:

— Муза! что вы копаетесь! Это ни на что не похоже!..

Она должна идти съ ними гулять, а у ней теплыя ботинки съ протоптанною подошвой и некогда ей было отдать ихъ починить... Надѣть калоши, — одна изъ барышень непремѣнно крикнетъ: „Это невозможно, Муза! Съ вами идти нельзя. Извольте снять ваши *бахилы!*"

И однимъ бульваромъ дѣло не ограничится. Женихъ-

драгунъ пригласитъ ихъ, навѣрное, кататься на конькахъ. Коньки надо будетъ нести ей же, если не всю дорогу, то назадъ непремѣнно, и тамъ, на пруду Ѳомина, сидѣть на вѣтру и морозѣ, зябнуть, пока барышни съ офицеромъ, взявшись за руки, будутъ выдѣлывать вензеля.

— Муза! вы готовы?—раздался голосъ Мэри.

— Готова, Марія Борисовна.

— Слава Богу!.. Съ вами это рѣдко случается.

Возгласъ барышни вызвалъ въ ней цѣлый потокъ затаенной брани; она поспѣшила въ гостиную съ улыбкой на губахъ, дрожавшихъ отъ обиды и злобы.

VI.

Лампа горитъ тускло и пахнетъ керосиномъ. Коридорный не вытираетъ ее какъ слѣдуетъ. Петина наклонилась надъ книгой и читаетъ. Старуха Грибанова, вся сгорбившись, сидитъ въ темномъ углу въ креслѣ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ.

— Ахъ, Муза,—прервала она чтеніе,—comme vous prononcez mal aujourd'hui!

Петина поднимаетъ глаза въ сторону старухи и кротко ждетъ замѣчанія.

— Вы, милая, совсѣмъ разучились... Кто это произноситъ: *шè-зёсъ, à ёсъ*... Dieu sait quoi!

— Не буду, Марья Филипповна.

— И опять слово horrible... У васъ выходитъ *горрибль*. Сколько лѣтъ читаете—и все ошибки!

Старуха завозилась на креслѣ и зачмокала губами — признакъ того, что она будетъ и дальше ворчать и придираться.

У Музы Прокофьевны звонитъ въ ухѣ, голова тяжелая, въ глазахъ—точно песокъ насыпанъ. Она бы прилегла; но развѣ это возможно?!

Сегодня она здѣсь будетъ читать до девяти. У ея господъ вечеръ, четвергъ, станутъ собираться черезъ полчаса; она должна разливать чай и хлопотать о закускѣ, бѣгать безпрестанно въ коридоръ и даже спуститься не разъ на кухню.

— Ecoutez donc! — прервала чтеніе старуха, — нынче опять у васъ базаръ?

— Да, нынче четвергъ.

— Вотъ вы оттого такъ ужасно и читаете, что туда торопитесь

— До девяти я свободна. Вамъ извѣстно, Марья Филипповна. Я предупредила.

— Знаю, матушка, знаю. Вы хоть бы вашимъ дѣвицамъ сказали, что такъ нельзя кричать, какъ онѣ кричатъ, когда у нихъ гости, да и днемъ, когда онѣ между собою болтаютъ. Черезъ потолокъ проходитъ все. Я спать не могу по ихъ четвергамъ. Хохочутъ, мебель передвигаютъ... И все это подъ моею спальней.

— Какъ же я могу дѣлать имъ замѣчанія? У нихъ мать.

— Такъ можете отъ моего имени. Не хотите для меня ничего сдѣлать, вотъ вы что лучше скажите.

Возражать Петина не рѣшалась, да и охоты не имѣла. Вялость во всемъ тѣлѣ приковывала ее къ стулу и наполняла особою усталостью, голова дѣлалась все тяжелѣе.

— И что это у нихъ за манера?—продолжала Грибанова.—Какъ только кто-нибудь войдетъ съ визитомъ ли, вечеромъ ли, онѣ подымутъ крикъ и хохотъ.

— Манера такая!

— Воспитанія нѣтъ. Какъ же матери-то не стыдно? Вѣдь она хорошаго рода. Еще институтки... Институтки онѣ, что ли?

— Кажется, Марья Филипповна.

— Кажется!—передразнила старуха.—Что это вы ничего не знаете? Живете у нихъ нѣсколько недѣль, а не слыхали даже, институтки онѣ или нѣтъ.

— Институтки. Я вспомнила.

Петиной было уже настолько не по себѣ, что она даже ничего не чувствовала противъ старухи за ея ворчанье и грубость.

— Мнѣ съ ними не дѣтей крестить... Но все это подъ моими головами, подъ моею спальней. Вы должны это поставить на видъ мадамъ Антуфьевой, и сегодня же, безпремѣнно.

„Меня поправляетъ по-французски, — подумала компаньонка,—а сама говоритъ: *безпремѣнно*".

Въ дверь постучали.

Старуха завела этотъ иностранный порядокъ, и не мало доставалось отъ нея прислугѣ за то, что входятъ не постучавшись.

— Войдите!—крикнула она сердито.

Ѳеклуша выставила въ полуотворенную дверь свое круглое, хорошенькое личико.

— Музу Прокофьевну просятъ,—пролепетала она.

— Что это за манера?—осадила ее тотчасъ Грибанова.—Войди порядкомъ и затвори дверь! А то сквознякъ! Тамъ у васъ въ коридорѣ хоть таракановъ морозь.

Дѣвушка вошла, затворила плотно дверь и встала въ амбразурѣ.

— Музу Прокофьевну просятъ внизъ,—повторила она.

— Слышали. Больше ничего?—спросила Грибанова.

— Больше ничего-съ.

— Ну, ступай.

Ѳеклуша быстро повернулась и захлопнула за собою дверь.

— Какое же тутъ возможно чтеніе?

Старуха сердито повернулась въ креслѣ, спиной къ своей чтицѣ.

— Извините, Марья Филипповна... Я бы съ удовольствіемъ.

Голосъ Петиной упалъ. Она сама удивилась этому.

„Неужели слягу опять?"—подумала она довольно равнодушно.

Ей вспомнились безцеремонныя слова Грибановой насчетъ того, что она слишкомъ рано выписалась изъ больницы, что ея болѣзнь можетъ вернуться.

Вдругъ представилась ей камера, гдѣ она вылежала шесть недѣль, сестра милосердія, докторъ Василій Ѳедоровичъ... Какъ ей тамъ было хорошо выздоравливать! Какъ за ней ходили!.. Опять бы туда отъ этого ненавистнаго „бабья", отъ этихъ барынь и барышень меблированныхъ комнатъ, отъ ихъ бездушія, грубости, воркотни, суетности, жадности, отъ непрерывныхъ и все болѣе и болѣе горькихъ и горькихъ обидъ.

Она приподнялась съ книгой въ рукѣ.

— Идите, идите!.. Только, пожалуйста, извольте сказать m-me Антуфьевой, что я не могу выносить такого содома! Не уймутся ея барышни—я буду управляющему жаловаться.

— Хорошо-съ. Покойной ночи, Марья Филипповна.

— Хороша покойная ночь! Я знаю, что до пѣтуховъ не засну. Да развѣ онѣ ужинъ даютъ?

— Холодную закуску.

— Скажите, пожалуйста! Деньжонокъ нѣтъ, а туда же—разносолы!.. И то сказать, deux demoiselles à marier! За кого просватана меньшая?

— За офицера.

— Да, мнѣ Каля сказывала, что сестры совсѣмъ перебранились изъ-за него. Старшая не позволяетъ.

Муза Прокофьевна только пожала плечами и улыбнулась, скосивъ ротъ.

— Завтра я вся къ вашимъ услугамъ,—сказала она, и ея фальшивый тонъ уже не коробилъ ее нисколько.

Въ гостиной, у Антуфьевыхъ, шумный и крикливый разговоръ дѣвицъ стоялъ стономъ.

Сидѣло двое молодыхъ людей: студентъ въ золотыхъ очкахъ и съ чолкой на лбу и штатскій—изъ „архивныхъ" чиновниковъ. Драгуна-жениха не было. Ему написали утромъ письмо, что Мэри слишкомъ молода, дала ему слово необдуманно, и назначили ему, не отказывая наотрѣзъ, годовой срокъ.

Мэри утромъ плакала, а теперь, съ возбужденнымъ лицомъ, говорила громче сестры, безпрестанно смѣялась раскатистымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и перебивала то сестру, то молодыхъ людей.

— Муза! Venez donc! — встрѣтила ее мать. — Le thé vous attend.

Самоваръ приготовленъ былъ у окна, съ печеньями, купленными у Филиппова, подешевле... Петина сейчасъ же стала разливать чай. Самоваръ немного пахнулъ и дымилъ. Голова у ней все сильнѣе разбаливалась. Она часто страдала мигренями; но это былъ не мигрень, а другая, болѣе тупая боль. Но она помогала ей почти ничего не думать, кромѣ того, кому какъ налить чай: послаще или покрѣпче, и кому предложить какого печенья.

Гости прибывали. Пріѣхали барыни-сестры, обѣ вдовы, съ Плющихи, гдѣ жили въ собственномъ особнякѣ. Въ углу молодежи тоже прибыло: три дѣвицы и вольноопредѣляющійся. Онъ внесъ съ собою запахъ сапогъ и закурилъ крѣпчайшую папиросу. То и другое волнами ударило въ виски компаньонки, сидѣвшей за чайнымъ столомъ, вблизи этого юнкера.

Около дамъ помѣстился одинъ баринъ, ихъ общій пріятель, старый холостякъ, съ звучною дворянскою фамиліей, разсказчикъ анекдотовъ и любитель-актеръ, считавшійся въ Москвѣ талантомъ-самородкомъ.

Въ который разъ въ ея жизни доносились до Петиной обрывки все того же, то тягучаго и липкаго, какъ пастила, то тараторящаго разговора объ однихъ и тѣхъ же именахъ московскихъ баръ.

— Vous savez... Marie Paul vient d'arriver.

— Pas possible!

— Le prince Alexandre Michel a eu un coup apoplexie foudroyante.

Это значило по-русски: „Марія Павловна“ и „Александръ Михайловичъ“. Давно извѣстны ей эти московскія вольности французскаго барскаго разговора; она надъ этимъ всегда потѣшалась тайно, а теперь ей не до потѣхи. Она должна думать только о томъ, чтобы не пропустить кого-нибудь изъ гостей, не оставить ихъ безъ чаю. Въ кружкѣ молодежи русскій разговоръ господствуетъ. Всѣ они хуже учены по-французски своихъ отцовъ и матерей, особенно молодые люди.

— А-а!..—разомъ встрѣтили дѣвицы Антуфьевы входящаго офицера.

И перекрестная болтовня съ раскатами смѣха поднимается съ новою силой. Входящій офицеръ осыпанъ градомъ дѣвичьихъ вопросовъ, отвѣчаетъ больше звуками, чѣмъ словами, самъ порывисто смѣется. Мэри овладѣваетъ разговоромъ, Лида перебиваетъ ее, остальныя барышни взвизгиваютъ.

„Господи!—почти стонетъ про себя компаньонка,—Грибанова сердится наверху. Я должна сказать сегодня же Антуфьевой насчетъ крика“.

Но это ни къ чему не приведетъ, только вызоветъ непріятность,—все обрушится на нее же, за то, что она „суетъ носъ не въ свое дѣло“.

А посмотрѣть, какъ эти самыя барышни Антуфьевы проходятъ по коридору гуськомъ, когда идутъ гулять, или, въ однихъ платьяхъ, поднимаются въ верхній коридоръ къ знакомымъ... Воды не замутятъ! Онѣ идутъ мелкими шажками, скорѣе плывутъ, чѣмъ идутъ, вытянутыя въ струнку, съ своими длинными косами по спинамъ, смотрятъ впередъ, точно у нихъ шея схвачена тисками, ни разу не взглянутъ въ сторону... Помилуйте! Развѣ это можно „pour des demoiselles de distinction“?

Это была послѣдняя злобная мысль компаньонки. Она съ милою усмѣшкой поднесла послѣднюю чашку чаю старику-холостяку и только что сѣла опять къ самовару, какъ ее начала пронимать дрожь вдоль спины, хотя въ комнатѣ температура поднялась до двадцати градусовъ.

Въ глазахъ прошлось облако и на лбу выступилъ холодноватый потъ.

Она улучила минуту, подошла къ Антуфьевой и шепнула ей:

— Простите... ужасная головная боль. За ужиномъ я не нужна... позвольте мнѣ удалиться къ себѣ.

И сдѣлала при этомъ, съ большимъ усиліемъ, просительно-пріятное лицо.

Барыня поморщилась и протянула:

— Comme vous voudrez.

Это значило: „вамъ слѣдуетъ быть при дѣлѣ, бѣгать за посудой, звать коридорнаго, предлагать гостямъ кушать“.

Большая капля горечи капнула на ея душу. Ее всю передернуло, и она безъ всякихъ ужимокъ и извиненій прошла въ другую комнату, освѣщенную одною свѣчой подъ абажуромъ, взяла эту свѣчу и, придя въ свою загородку, бросилась на постланную на ночь постель.

Дрожь не прекращалась. Въ комнатѣ было очень свѣжо; она и не замѣтила, что форточка стояла отворенной и черезъ нее морозный воздухъ входилъ широкою струей, и прямо противъ занавѣски, прикрывавшей отверстіе ея загородки.

Голова начинала горѣть и клонило ко сну. Она забылась, но ее пробудилъ гамъ разговоровъ и стукъ ножей о тарелки.

Ужинали.

Петина съ трудомъ подняла голову и стала прислушиваться.

Все та же дѣвичья болтовня, смѣхъ, перебиранье слуховъ о „Marie Paul“ и „prince Alexandre Michel“.

О, какъ онѣ ей ненавистны! Она начала кусать подушку и биться о нее головой... Ей захотѣлось, чтобы сейчасъ же загорѣлся домъ, и всѣ онѣ погибли съ ихъ смѣшными замашками, мелкими душонками, съ ихъ житьемъ на чужой счетъ или на проценты, или въ долгъ, съ ихъ поскуднымъ равнодушіемъ ко всему, что не онѣ, и отсутствіемъ простой жалости къ такимъ, какъ она, которую онѣ третируютъ хуже, чѣмъ коридорнаго Евсѣя, потому что тотъ имъ сгрубитъ или сдѣлаетъ гадость, какъ довѣренный лакей управителя.

Ее била лихорадка вѣчной, безысходной обиды вмѣстѣ съ какимъ-то зловѣщимъ недугомъ, который опять подползалъ къ ней.

Послѣ припадка она ослабла, безпомощно опустилась на подушку, навзничь, и опять забылась...

Снова разбудилъ ее громкій шопотъ двухъ сестеръ, рядомъ, въ спальнѣ. Онѣ лежали въ темнотѣ,—свою свѣчу онѣ потушили,—у себя, лежали лицомъ къ Музѣ, на двухъ кроватяхъ, стоявшихъ параллельно, и взапуски болтали о мужчинахъ.

Лида успѣла помириться съ Мэри, и офицеръ-драгунъ уже не тревожилъ ее. Архивный молодой человѣкъ понравился ей сегодня, любезничалъ съ ней особенно. Мэри не ревновала: она занята другимъ—штатскимъ, помѣщикомъ изъ Коломны, „très distingué", два раза бывшимъ за границей; у него конный заводъ и еще какая-то фабрика...

Шушуканье дѣвицъ затягивалось. Навѣрное, шелъ уже четвертый часъ ночи. Петина взялась за голову: въ темнотѣ, кажется, не такъ болитъ, и ознобъ прошелъ.

„Можетъ, просто, нервы",—успокоила она себя.

Но шушуканье дѣвицъ мѣшало заснуть. Какъ бы она прикрикнула на нихъ, если бъ посмѣла!

— Лида!.. Мэри! — вдругъ донеслось изъ спальни матери.—Mon Dieu... Venez donc!.. Разбудите Музу.

— Что такое?

Она встала. Разумѣется, за нее же возьмутся.

— Муза, Муза, вставайте! — крикнула ей Мэри, — съ maman что-то сдѣлалось...

Одѣтая, она зажгла свѣчу и вышла изъ-за занавѣски. Дѣвицы поднялись, въ рубашкахъ и кофтахъ, и заметались.

Барыню схватили колики. Она стонала и каталась по кровати.

— Доктора!

За докторомъ слали компаньонку.

Чуть было не стала она возражать: ей самой нездоровится, какъ же она побѣжитъ, ночью, въ морозъ?

Но она не посмѣла. Голова болитъ, въ ногахъ слабость. Съ трудомъ надѣла она на себя шубку, разбудила швейцара, справилась, гдѣ тутъ поблизости докторъ. Ближе Никитской аптеки нѣтъ съ ночнымъ дежурствомъ врачей.

На улицѣ снѣгъ хлеснулъ ей въ лицо и вызвалъ дрожь.

„Проклятыя! проклятыя!"—шептали ея горячія губы.

И ни одного извозчика.

VII.

Больничная камера тонетъ въ полутьмѣ, освѣщенная одною висячею лампой.

Бѣлѣютъ койки. Ихъ до десяти въ этой палатѣ тифознаго женскаго отдѣленія. Есть тяжелыя; двѣ-три выздоравливаютъ. Сидѣлка прикурнула въ углу. По камерѣ ходитъ ритмическій звукъ дыханія больныхъ. Нѣкоторыя дышатъ съ усиліемъ.

Петина проснулась и пришла въ себя. Что-то придавливаетъ ее и сковываетъ ей члены. Она лежитъ третью недѣлю. У ней „возвратный". Попала она не туда, не въ ту лѣчебницу, гдѣ ей было такъ хорошо, а въ простую больницу, старую, пропитанную госпитальнымъ запахомъ, на дворянскую половину. Положили ее вмѣстѣ со всѣми. При ней уже двѣ женщины умерли. Тогда она еще не впадала въ забытье. Она видѣла, какъ одна изъ нихъ умирала рядомъ, черезъ проходъ. Ихъ раздѣлялъ ночной столикъ.

Умирала молодая женщина, вдова офицера. Ее причащали уже въ полубезпамятствѣ. Повторяла она безсмысленно разныя слова. Имя „Витя" безпрестанно соскакивало съ ея языка. Пѣла она пѣсни и куплеты изъ оперетокъ, но жалобнымъ голоскомъ, отъ котораго у Петиной холодѣло подъ ложечкой и ужасъ смерти не переставалъ мутить ей остатокъ сознанія.

Хуже ничего она въ жизни не испытывала. Вотъ и ея очередь пришла. На этотъ разъ она знаетъ и чувствуетъ: это настоящая смерть. Ее не отвратишь и ничѣмъ не умилостивишь ее.

Доктора не церемонятся здѣсь. Младшій ординаторъ прибѣжитъ и пробормочетъ себѣ подъ носъ, о чемъ-нибудь спроситъ вяло и спѣшно и сдѣлаетъ кислую гримасу.

Она его возненавидѣла и почти не отвѣчала ему, жаловалась на все старшему доктору и бранила всѣхъ докторовъ и ихъ „кухню".

Старшій докторъ изъ семинаристовъ, съ балагурнымъ тономъ, здоровенный, возмущавшій ее своимъ самоувѣреннымъ видомъ, всею своею повадкой человѣка, хапающаго большія деньги на частной практикѣ.

Раза два онъ на нее прикрикнулъ, когда она чего-то не хотѣла дѣлать, и съ тѣхъ поръ сталъ ей еще противнѣе ординатора. Сидѣлки—лѣнивыя, жадныя, бездуш-

ныя — догадались сейчасъ, что она бѣдная и „па-водокъ“ отъ нея не будетъ. Ѣда—отвращеніе. Посуда—оловянная: кружки и тарелки.

И каждый день одно въ головѣ, сердцѣ, кругомъ, въ этой палатѣ, во всѣхъ остальныхъ—смерть, которая придетъ не сразу. Ее надо ждать, точно въ передней ждутъ очереди у доктора, или адвоката, или сановника—просители.

Такъ протянулась первая недѣля. Въ концѣ ея Петиной стало гораздо хуже. Сознаніе подолгу смѣнялось бредомъ. Температура поднялась до крайняго предѣла.

Больною въ послѣдній разъ овладѣлъ ужасъ, уже знакомый ей и по первому лежанью въ лѣчебницѣ, когда болѣзнь пощадила ее на время—до своего возврата.

„Возвратная!“ — повторяла она, хватаясь за это слово, безсильная думать послѣдовательно и, въ то же время, потрясенная смѣсью ощущеній отчаянія и злобы.

Она испугалась всей своей прежней жизни, когда смерть дохнула на нее впервые: лжи, притворства, постыдной маски, испугалась отвѣта за такую жизнь, расплаты „на томъ свѣтѣ“, жадно хотѣла жить, чтобы „стряхнуть“ съ себя свою „личину“.

И она была тогда чистосердечна. Она повѣрила, что можно измѣнить себя, стòитъ только искренно пожелать этого, познать истину, покаяться...

Какое безуміе!.. Исправитъ одна могилка.

„Могилка!“—стала она повторять новое слово. Ее завтра выроютъ на дешевомъ мѣстѣ кладбища, въ мерзлой землѣ... А, можетъ, свалятъ и въ общую яму.

Кто позаботится о ней? Кто похоронитъ честно и благородно, какъ прилично дворянкѣ, дочери полковника, вдовѣ чиновника восьмого класса?

Ужъ не „колотовка“, не Грибанова ли? Или тѣ мерзкія, бездушныя, прогорѣлыя Антуфьевы, аристократки изъ меблированныхъ комнатъ? Онѣ ее уморили. Для барыни, объѣвшейся холодной осетрины съ хрѣномъ, должна она была бѣжать, ночью, во вьюгу, за докторомъ и до утра прикладывать барынѣ припарки, когда она сама еле держалась на ногахъ.

А потомъ нѣсколько дней провалялась она. Имъ—скареднымъ и транжиркамъ на себя, въ долгъ — не пришла даже и мысль послать за докторомъ.

„Муза капризничаетъ, Муза валяется на постели, Богъ знаетъ что!“

Вотъ какіе возгласы слышала она изъ своей закуты въ то время, какъ у ней пылали щеки и голова была охвачена жаромъ. Тифозную перевезли ее въ больницу. Сосѣдка по коридору сжалилась и прислала своего доктора. Тотъ сказалъ:

— Тифъ. Возвратный.

И какъ эти барышни, съ ангельскими лицами и косами во всю спину, шарахнулись отъ нея, отъ зачумленной!

— Mon Dieu!.. C'est une horreur! Она насъ заразитъ!..

Заперлись всѣ три въ дальней комнатѣ, въ спальнѣ матери, и не выходили оттуда до тѣхъ поръ, пока ее не вынесли изъ квартиры два полотера.

Ни разу не прислали онѣ узнать, жива или уже свезли на погостъ, фунтика сахару не прислали, банки варенья.

Старуха Грибанова, для очистки совѣсти, чтобы потомъ разсказывать своимъ „кнэинямъ“, прислала чтицу справиться въ контору. Навѣрное, строго-на-строго наказывала ей въ палату къ больной—Боже упаси!—не заглядывать.

Да, она лгала, хитрила, улыбалась, говорила медоточивыя слова, поддѣлывалась. Какъ же иначе можно было поступать, чтобы прожить, не очутиться на улицѣ или попрошайкой, или швеей съ заработкомъ въ пятьдесятъ копеекъ въ день, на своихъ харчахъ и на своей квартирѣ?

„Такъ и слѣдовало“,—повторила она, цѣпляясь за готовыя мысли.

Вся обида жизни, двадцати пяти лѣтъ, проведенныхъ компаньонкой и чтицей, обступила ее въ образахъ, мелькавшихъ одинъ за другимъ и вмѣстѣ... Вотъ она дѣвушкой-институткой у бѣдныхъ, скупыхъ родственниковъ не то приживалкой, не то племянницей... Тетка пилитъ, жилецъ-офицеръ, любовникъ тетки, пристаетъ въ углахъ съ пошлостями; дядя пьетъ и говоритъ сальности... Выдали за тихаго чиновника... Она его хоронитъ... Въ конторкѣ осталось отъ похоронъ два рубля, да еще при пособіи отъ начальства. Вдовой началось хожденіе по чужимъ людямъ. Они мигаютъ ей, растягиваются вдоль или вкось, всѣ эти рожи барынь, мужей ихъ, барышень, кадетовъ, прислуги, особенно одинокихъ барынь, не желающихъ старѣться, съ румянами на щекахъ, дѣлаютъ ей гримасы, водятъ носами, кричатъ:

— Mais écoutez donc!.. Муза... Vous radotez, ma chère.

И съ житья у родныхъ, сиротой и чтицей, она прiучилась говорить сладко, слѣдя за собою, выбирая слова, упражнялась, про себя, въ пѣвучихъ московскихъ звукахъ, точно диктовала дѣтямъ изъ хорошей книжки. И лицо свое налаживала она на тотъ же тонъ: дѣлала ротъ калачикомъ, улыбалась имъ на всякiе лады, умѣла улыбаться и глазами, опускать ихъ, поднимать—искательно, съ уваженiемъ, кротко, жантильно,—всячески... Умѣла ходить, нагнувъ голову къ лѣвому или къ правому плечу, корпусомъ немного впередъ, на цыпочкахъ или маленькими шажками, чуть слышно.

Всегда и вездѣ изображала она собою молодую вдову тонкаго воспитанiя, принужденную жить „въ людяхъ".

Но какъ же могла она быть иною?

Этотъ вопросъ возвращался послѣ все новыхъ и новыхъ приступовъ полубреда, сквозь которые прощанiе съ жизнью дергало ее несмолкаемымъ ужасомъ, отчаянною и безсильною яростью.

Проклятiй она уже не въ силахъ была произносить, даже про себя, но она ихъ чувствовала. Слова замѣнялись движенiями души. Она различала ихъ. Символы выскакивали въ мозгу; только не могла она овладѣвать ими тотчасъ и докладывать сознанiю.

Изъ всей этой мýки конечнаго расчета съ жизнью выплыло одно чувство, покрывшее остальное: безполезность всякаго усилiя, порыва, надежды на то, что станешь другой: стóитъ только захотѣть—и стряхнешь съ себя свой исконный грѣхъ... Все идетъ неизбѣжною чередой, безъ остановки, неизвѣстно зачѣмъ и куда, и забираетъ тебя вѣчно вертящимся колесомъ; а ты бьешься, лукавишь, злобствуешь, ненавидишь людей, видишь отъ нихъ новыя и новыя обиды... И все изъ-за чего?

Изъ-за куска хлѣба, изъ-за платьишка съ барскаго плеча, изъ-за того, чтобы тебя считали самоё барыней, а не судомойкой, чтобы около тебя слышался французскiй языкъ и за столомъ лакей подавалъ тебѣ послѣдней то, что осталось отъ твоихъ господъ.

Умирающая вдругъ поднялась въ кровати съ усилiемъ и нѣсколько секундъ сидѣла, упираясь изнемогающими кистями рукъ въ матрацъ... Глаза ея блуждали по полутемной палатѣ. Она слышала дыханiе больныхъ и храпъ сидѣлки.

„Нешто умру?" —спросила она себя по-русски, просто-

народнымъ оборотомъ, и застыла въ смутномъ ощущенiи.

Страшиться смерти или нѣтъ? Чего же страшиться?.. Вѣдь это конецъ всему, вѣдь дальше будетъ то же, что было до сихъ поръ... Еще хуже! Придетъ старость... отъ двухъ тифовъ можетъ быть новая тяжкая болѣзнь, цѣлыми годами, отекъ легкихъ, водяная. И пока не положатъ въ больницу или не помѣстятъ въ богадѣльню, надо будетъ переходить отъ одной „колотовки" къ другой, жалованье будутъ убавлять, станутъ просто держать изъ милости, какъ приживалку. А если будетъ слѣпнуть... Вѣдь слѣпота—вторая смерть!..

Лучше нырнуть и тамъ...

„Гдѣ тамъ? — удалось ей беззвучно выговорить губами.—Гдѣ?"

Она не знала. Ее не влекло туда. Она не боится „того свѣта", но и не тянетъ ее къ нему, какъ къ послѣднему убѣжищу мира и тишины.

Слезы умиленнаго страха передъ тайной разставанья съ жизнью не дрожали на ея отягченныхъ вѣкахъ.

На одной изъ коекъ больная завозилась, привстала и окликнула:

— Сидѣлка!

Умирающая обратила къ ней глаза и въ головѣ у ней зеленою полосой промелькнула мысль:

„Эта скоро выпишется".

Она вспомнила: больная тоже страдала возвратнымъ тифомъ, старуха-чиновница, какъ она, гораздо ея старше, за шестьдесятъ лѣтъ.

И она выпишется завтра, послѣзавтра, на-дняхъ, испытаетъ радость выхода на улицу, чистаго воздуха, высокое наслажденiе сознавать, что смерть позади, что живешь, какъ и другiе, молодые, здоровые и безпечные.

Сидѣлка, кряхтя, подошла къ больной, звавшей ее.

— Испить,—прошептала та.

„Испить",—повторила Муза Прокофьевна, заметалась на постели и начала вслухъ бредить.

На разсвѣтѣ она пришла на нѣсколько минутъ въ полусознанiе.

Надъ ней наклонилось широкое и потное лицо сидѣлки.

— Батюшку... не желаете? — говорила она ей громко, почти въ самое ухо.

— Что?

— Батюшку... Плохи вы, сударыня, не ровенъ часъ, чего Боже сохрани!..

Муза Прокофьевна ничего не отвѣтила и только правою рукой стала что-то спихивать.

Сидѣлка приняла это за знакъ согласія и ушла сказать старшему фельдшеру.

Глаза умиравшей остановились на койкѣ въ углу, на койкѣ старухи-чиновницы.

Та уже сидѣла на постели, жевала кренделекъ, запивая его чайкомъ.

По лицу Музы Прокофьевны проползла змѣйкой гримаса ядовитой усмѣшки, точно говорившей:

„Чаекъ попиваешь, старушенція, довольна, что завтра тебя выпустятъ, и ты отправишься къ какимъ-нибудь кумушкамъ на Божедомку судачить про всѣхъ и про меня! Довольна, подлая, что ты, старая старуха, осилила „возвратную“, а я умираю и мой трупъ будутъ выносить въ ту самую минуту, какъ ты станешь спускаться съ лѣстницы и унтеръ понесетъ твои пожитки!“

Въ головѣ, какъ въ густомъ туманѣ, съ красно-огненнымъ освѣщеніемъ, мерцали фигуры, цвѣта, слова, смѣнялись полнымъ мракомъ и опять выскакивали.

Но надъ всѣмъ этимъ... тамъ гдѣ-то, въ тѣлѣ, въ душѣ, въ груди или въ мозгу... кипѣла, какъ расплавленная смола, и вырывалась горечь и злоба всей жизни, со скрежетомъ безсилія противъ того, что тянуло вонъ изъ этой самой постылой жизни, изъ этой жалкой и постыдной тины...

Грудь поднималась порывисто, пальцы то и дѣло выползали изъ-подъ байковаго одѣяла... Бормочущія, запекшіяся губы шептали безъ конца.

Смерть спускалась къ изголовью тяжело, поводя чернымъ крыломъ, и медлила нанести послѣдній, все искупляющій ударъ.

ЗА КРАСНЕНЬКУЮ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

— Полина! гдѣ вы?.. Пора вести дѣтей гулять.

— Сейчасъ!

Полина прихорашивалась передъ зеркаломъ, приставленнымъ къ стѣнѣ, надъ умывальникомъ, пудрила себѣ щеки и подбородокъ, прошлась пуховкой и по чолкѣ, спускавшейся до бровей.

Эта чолка, или „холка“—она ее и такъ называла—придавала Полинѣ особенный видъ. Барыня уже говаривала ей:

— Неужели вы не можете разстаться съ вашей прической?

Разъ Полина услыхала, какъ барыня назвала ея холку: „порочная чолка нашей бонны“.

Эти слова разсмѣшили ее.

Порочная, такъ порочная; но холка къ ней идетъ, а это—главное.

— Полина!—раздался опять окликъ барыни.

— Приспичило! — ворчливо прошептала молодая дѣвушка.

Ей уже пошелъ двадцатый годъ съ Покрова, но по фигурѣ и лицу никто не дастъ больше шестнадцати, несмотря на ея „порочную“ чолку. Волоса у нея дымчатые, тонкіе и довольно жидкіе. Вотъ еще причина, почему она держится за свою прическу. Она густо помадитъ волоса на лбу и умѣетъ пышно ихъ класть грядкой; издали кажется, что они у нея густые-прегустые.

Торопливо приколола Полина высочайшую шляпку длинной бронзовой булавкой съ матовымъ кубикомъ на концѣ. И шляпка—она это замѣчала—также не очень-то нравится барынѣ. Мало ли что!.. Не ходить же ей кикиморой?.. Пожалуй, и цвѣтъ пальто, голубовато-зеленоватый, тоже находятъ слишкомъ яркимъ... Такъ вѣдь на свой счетъ ее одѣвать не будутъ? А жалованья всего красненькая!—стыдно признаться!.. Горничныя, а тѣмъ паче кухарки, получаютъ сплошь и рядомъ гораздо больше. Хорошо еще, что она можетъ добывать себѣ разныя туалетныя вещи. Въ томъ-то и „гадость", что она не то горничная, не то бонна; начала жить у этихъ господъ въ услуженіи и переименована въ бонны, жалованья прибавили три рубля и обѣщали черезъ годъ—шутка, сколько ждать!—еще пять рублей.

Въ зеркальце Полина въ послѣдній разъ взглянула на свое овальное личико съ извилистымъ носикомъ и двумя ямочками... Она отлично знаетъ, что можетъ нравиться, если бъ ей даже никто этого и не показывалъ изъ мужчинъ.

— Полина!.. Что же вы?

Послѣ третьяго оклика Полина кинулась изъ своей комнаты въ дѣтскую, откуда дверь была полуотворена на площадку.

Тамъ дѣти дожидались, наполовину одѣтыя, для прогулки. Около нихъ хлопотала сама барыня, высокая, очень худая особа съ сѣдѣющими волосами и добрыми сѣрыми глазами, въ темной блузѣ.

Дѣтей было трое: старшая дѣвочка Маша, лѣтъ восьми, похожая на мать, блѣднолицая, съ голубыми, длинными глазами, шаловливая, размашистыхъ движеній. На голову нахлобучила она бѣлый вязаный беретъ съ кистью и дергала за эту кисть, пока мать натягивала ей на слишкомъ долгія руки кафтанчикъ изъ темно-сѣраго сукна, скроенный по-мужски. Вторая дѣвочка, лѣтъ пяти, Шура, стриженая, съ золотистыми вихрами и немного горбоносая,—носъ у нея былъ „комическій", по опредѣленію отца,—весело оглядывала всѣхъ темными глазами и подпрыгивала на мѣстѣ, сложивъ ноги, точно черезъ веревочку... На нее еще ничего не надѣвали изъ верхняго платья, и полуголыя ея ножки въ цвѣтныхъ короткихъ чулкахъ, обутыя въ открытые козловые башмачки, подгибались немного при каждомъ прыжкѣ.

— Шура! перестань!—сейчасъ же остановила ее Полина, взяла поперекъ тѣльца, посадила къ себѣ на колѣни и начала натягивать вязаныя длинныя штиблеты.

Шура смѣялась груднымъ, отрывистымъ смѣхомъ и кричала:

— Кока, а Кока!.. Ты бутузъ! Ты бутузъ!..

„Бутузъ" на полтора года моложе Шуры. Между ними большая дружба, но онъ ее уже начинаетъ „тузить", когда она къ нему черезчуръ пристаетъ. Кока—его гораздо рѣже зовутъ Колей—считается въ семействѣ „философомъ". До двухъ лѣтъ онъ все молчалъ и смотрѣлъ на всѣхъ своими огромными, выпуклыми глазами, ни къ кому особенно не льнулъ, не требовалъ, чтобы его занимали, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ въ своемъ креслицѣ и о чемъ-то все думалъ... Боялись, что онъ будетъ косноязыченъ; но когда онъ накопилъ запасъ словъ, то заговорилъ, и опять на свой манеръ.

Шура прибѣжитъ въ гостиную, попрыгаетъ, то сядетъ на кресло, то поегозитъ около гостя и „представляетъ комедію", по выраженію ея матери. Или среди разговора, ни съ того, ни съ сего, разразится:

— А у насъ сегодня трубочки со сливками!..

Совсѣмъ не такъ заявляетъ себя Кока. Когда его приведутъ изъ дѣтской, и онъ подойдетъ къ кому-нибудь, подставитъ свой большой, крутой лобъ или сочныя губы, то онъ продолжаетъ думать вслухъ и произноситъ цѣлый монологъ картавымъ голоскомъ и съ очень милымъ вытягиваніемъ губъ. Вздернутый его носикъ съ большими ноздрями даетъ тому, что́ онъ лепечетъ, забавный оттѣнокъ...

Маша отошла къ окну и начала уже обдергивать застежки у своего кафтанчика. Мать принялась одѣвать Коку. Онъ за этимъ процессомъ о чемъ-то началъ разсуждать и силился находить самыя настоящія слова. Нѣкоторыя ему рѣшительно не давались. Вмѣсто „л" онъ произносилъ „уо̀" и вмѣсто „р"—„л". Но мать старалась его понять. Кока былъ ея тайный любимецъ, и Шура это пронюхала своей ревнивой „женской" природой... На-дняхъ она все отталкивала брата отъ колѣнъ матери, чуть та его прижметъ къ себѣ, совершенно какъ завистливая собачка. Въ дѣтской она сама то и дѣло принимается цѣловать Коку, и въ лобъ, и въ губы, и въ „загривочекъ", такъ что онъ иной разъ и тукманкой отвѣтитъ на эти

неистовыя ласки. Но „мама“ больше ласкала его, чѣмъ ее. Дошло до того, что она прибѣжала къ матери, сѣла къ ней на колѣни, залилась горючими слезами и, всхлипывая, начала просить:

— Не ласкай Коку! Не ласкай! Онъ чужой! Онъ чужой!..

— Какой чужой?—чуть не съ ужасомъ спросила мать.

— Чужой! Ты моя... Я твоя!.. А онъ чужой!..

Такъ и нельзя ее было сдвинуть съ того, что Кока чужой и цѣловать его при ней нельзя.

Но сегодня Шура слишкомъ занята предстоящей прогулкой и не заводитъ свои ревнивые глазки въ сторону матери; а та, одѣвая Коку, раза два прикоснулась губами къ его щекѣ и милому вздернутому носику съ большущими ноздрями...

Дѣти готовы, обдернуты, упакованы и принаряжены: Маша все „вихляется“ и задѣваетъ нарочно за мебель, Шура подпрыгиваетъ по-козьи, Кока молчитъ и посапываетъ. Полина повела его за руку. На немъ такой же беретъ, какъ и на дѣвочкахъ, но красный.

— Пожалуйста, — останавливаетъ барыня бонну, когда та была съ дѣтьми въ передней.

— Чего-съ?

— Пожалуйста, не ходите вы на Невскій! Тамъ слишкомъ большая ѣзда. Можете побыть въ саду Аничкова дворца, если сегодня пускаютъ, а потомъ пройдитесь по набережной къ Лѣтнему саду...

— Хорошо!..

Тонъ отвѣта Полины не особенно хмурый, но и не очень довольный.

Она знаетъ, почему барыня запретила вести дѣтей по Невскому.

Вовсе тутъ не дѣти и не лошади на Невскомъ: совсѣмъ другое...

Недѣли три тому назадъ, Полина вела старшую дѣвочку изъ Фребелевскаго сада, и дорога самая ближняя по Невскому. Шли онѣ по солнечной сторонѣ, и на углу Садовой, гдѣ кондитерская Баллэ, повстрѣчался съ ними одинъ „топографъ“, унтеръ-офицеръ изъ топографской школы, Булочкинъ, „великолѣпный“ брюнетъ, пріятель ея брата; остановился, щелкнулъ шпорами, приложилъ руку къ гербу барашковой шапки и попросилъ позволенія пройтись до Литейной.

Она, конечно, позволила. Что же въ этомъ худого? Онъ не солдатъ; да и солдатъ-то нынче множество изъ гимназистовъ и студентовъ... А у Булочкина какія манеры! Разговоръ ведетъ онъ тонкій и совершенно приличный. Даже очень полезенъ, при дѣтяхъ: если на какого-нибудь извозчика прикрикнуть, онъ можетъ и шашку поднять!.. Шли они тихо; только онъ такія смѣшныя вещи сталъ разсказывать и лицо у него серьезное при этомъ, жилка ни одна не дрогнетъ — разумѣется, она смѣялась, и Маша тоже прислушивалась и то и дѣло прыскала.

Вотъ вѣдь и все „преступленіе". Онѣ и не замѣтили барыни, ни Полина, ни дѣвочка... А та ѣхала на дрожкахъ, какъ разъ около Аничкова моста пересѣкла Невскій и отлично ихъ узнала, говоритъ даже, что окликнула ихъ, да онѣ ничего не слыхали... Она видѣла, какъ ихъ провожалъ „юнкеръ" съ саблей и провелъ ихъ до самой Литейной. Такъ оно и было, довелъ до Литейной, опять сталъ во фронтъ, шпорами щелкнулъ, отдалъ рукою честь и сказалъ:

— До зобачэнья, панна Паулина!

Булочкинъ такъ зоветъ ее всегда, увѣряетъ ее, что въ ней русскаго ничего нѣтъ; даже стыдитъ немножко тѣмъ, что она по-польски выражается съ грѣхомъ пополамъ... А онъ, даромъ что чистый москвичъ, живалъ въ Вильнѣ, на съёмкахъ, и такъ и „рѣжетъ" по-польски.

Какое же преступленіе во всемъ этомъ? И все-таки, вечеромъ того же дня, она удостоилась выговора. Барыня спросила ее:

— Съ вами юнкеръ шелъ? Родственникъ вашъ?

Хотѣла она прямо солгать, почему-то—дура!—застыдилась и отвѣтила только:

— Пріятель брата!

— Прошу васъ, на Невскомъ, не заговаривать съ мужчинами.

— А ежели старый?—вырвалось у Полины.

— Вообще съ посторонними... Вы исполняете свои обязанности, вы при дѣтяхъ...

„Обязанности"...

Выносить она не можетъ, что барыня употребляетъ такія важныя слова... „Исполнять обязанности". За красненькую, при своей одеждѣ?..

— И Невскаго вообще прошу васъ избѣгать.

— Да вѣдь, иначе, большой крюкъ?

— Нужды нѣтъ...

Вотъ что̀ значило наставленіе не водить дѣтей по Невскому.

Когда же на него попадешь? Съ дѣтьми нельзя, а ее пускаютъ не больше одного раза въ недѣлю, да и то еще каждый разъ позволеніе дается съ гримасой.

Не то чтобы барыня была зла, или придирчива, или гордячка; да все у нея на умѣ надзоръ за поведеніемъ... подозрѣваетъ ее въ чемъ-то... и прямо не говоритъ... чуть что̀—и давай разныя „важныя“ слова нанизывать, точно проповѣдь читаетъ...

На лѣстницѣ Маша начала скакать черезъ ступеньку и чуть не „расквасила“ носъ. Коку Полина взяла на руки. Шура побѣжала за старшей сестрой и считала столбики перилъ:

— Пять, шесть, семь! Кока!.. Ты бутузъ!

У нея такіе дни бываютъ! Какъ выдумаетъ, вотъ какъ сегодня: „ты—бутузъ“, такъ и будетъ до ночи повторять, и на улицѣ, и за столомъ, и въ дѣтской, пока Кока не догадается, не хватитъ ее кулачкомъ по маковкѣ или по спинѣ... Его только Шура и боится.

Что̀ можетъ быть тошнѣе возиться съ дѣтьми? Особенно если къ этому и не думаешь себя готовить, какъ она вотъ, Полина. Конечно, лучше называться „бонной“, чѣмъ горничной. Хорошо еще, что такое слово нынче употребляютъ. Прежде просто говорили: нянька. Да и за „бонну“ врядъ ли ее считаютъ „стоющіе“ мужчины, у кого есть вкусъ...

Чѣмъ же она не гувернантка? Сколько есть учительницъ, до шестисотъ рублей получаютъ, не то что изъ русскихъ, а даже изъ француженокъ и англичанокъ, которыя „выглядятъ“—Полина постоянно употребляетъ это петербургское слово—хуже всякой „замухрыжистой“ бонны. Ни манеръ, ни одѣться не умѣютъ, ни причесаться. Такъ, какія-то „замусоли“.

Внизу, на площадкѣ, швейцаръ снялъ у нея съ рукъ Коку, она опять взяла его за руку, дѣвочки пошли впередъ, но каждая сама по себѣ. Маша „презирала“ Шуру, а Шура или приставала къ ней, или на нее дулась.

Тротуаръ выдался узкій, Полина крикнула дѣтямъ:

— Идите поодиночкѣ, а не за разъ!

Шура побѣжала впередъ и стала стукать ножками по

плитамъ тротуара, надавливала на каблуки и считала шаги свои:

— Семь, восемь, девять...

— Finissez!—крикнула Полина, и ей стало полегче оттого, что у нея такъ звонко и, какъ ей показалось, „шикозно“ вышло это французское слово.

Отчего ей и не пускать въ ходъ тѣхъ французскихъ словъ, какія у ней остались въ памяти? Ее учили не на мѣдныя деньги.

И тутъ барыня тоже умничать стала. Она не прочь ее подучить и по-французски, и другимъ предметамъ, но съ дѣтьми не позволяетъ употреблять иностранныя слова.

— Вы дѣлаете ошибки!.. Вы можете пріучить ихъ ухо къ неправильнымъ оборотамъ и нечистымъ звукамъ.

Вѣдь дается же кому такой разговоръ: „неправильные обороты“, „нечистые звуки“—точно профессоръ.

Полина не сознавала того, что барыня серьезно заботилась о „развитіи“ своей бывшей горничной, а теперь бонны. Мужъ подсмѣивался надъ ней и частенько говорилъ:

— Да оставь ты ее... ничего изъ нея не выйдетъ; у нея на умѣ „Зоологическій садъ“ да „Орфей“, а ты ее развивать задумала. Смотри, чтобы она дѣтей гдѣ-нибудь не растеряла дорогой или не пріучила ихъ къ какимъ-нибудь пошлымъ выходкамъ.

Но барыня не сдавалась. Ей Полины было жалко, искренно жалко. Передъ нею стояло молодое женское существо, миловидное, смѣшноватое, но, кажется, еще не испорченное, выброшенное судьбой изъ жизни почти барышни. А у Ольги Павловны—такъ звали барыню—даже и забота о троихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ не отбила охоты „развивать“.

Она дѣлила свое время между дѣтской и всевозможными лекціями; въ промежуткахъ читала все, о чемъ только говорилось на послѣдней лекціи. Сначала ходила на курсы по естественнымъ наукамъ, уже матерью семейства, выдержала выпускной экзаменъ, хотѣла было пойти въ „медички“, да расхворалась, и мужъ не допустилъ.

Послѣ того у нея не прекращалась тоска по лекціямъ. Соляной Городокъ сдѣлался для нея чѣмъ-то въ родѣ клуба. Съ осени, по крайней мѣрѣ раза по три, бывала она тамъ; даже и не справлялась иногда по газетамъ, кто читаетъ, а прямо шла къ восьми часамъ, платила сорокъ

копеекъ и слушала, въ антрактахъ переходила отъ одной пріятельницы къ другой, все узнавала про нихъ, охала надъ неудачами, радовалась удачамъ, спорить не любила, но сочувствовала постоянно кому-нибудь изъ лекторовъ, кто дѣлался героемъ сезона.

Не проходило ни одной благотворительной лекціи, ни одного чтенія въ клубѣ, въ Кредиткѣ, въ залѣ Кононова, куда бы Ольга Павловна не попадала или, по меньшей мѣрѣ, не стремилась. Если пропускала—значитъ, кто-нибудь изъ дѣтей прихварывалъ.

Мужъ не мало потѣшался надъ ней, но жили они очень согласно, и онъ въ воспитаніе ребятишекъ не вмѣшивался.

Проводивъ дѣтей съ бонной, Ольга Павловна задумалась о Полинѣ, по поводу замѣчанія, сдѣланнаго насчетъ Невскаго.

Дѣвушка могла обидѣться. Вѣдь это подозрѣніе — намекъ на то, что она — легкая особа, заговаривающая съ мужчинами.

Но развѣ можно было не напомнить о Невскомъ? Бонна съ ея дѣтьми идетъ и хохочетъ, у Аничкова моста; рядомъ—юнкеръ, гремитъ саблей и вретъ какія-то пошлости!..

И сдается ей иногда, что мужъ ея правъ... Пробуетъ она до сихъ поръ пріучать Полину къ чтенію, даже говоритъ съ ней по-французски и поправляетъ ее, даетъ ей задачникъ Евтушевскаго и пріохочиваетъ къ рѣшенію задачекъ, самыхъ простенькихъ, выправляетъ ея письменныя упражненія.

Орѳографія ей лучше всего дается, и даже она можетъ недурно построить фразу, хотя и съ ошибками противъ русскаго языка.

И надъ этимъ мужъ подтрунивалъ.

— Ты ее выучишь, навѣрно, любовныя записки писать, но до тройного правила не дотянешь ее; повѣрь мнѣ, гораздо раньше она сбѣжитъ съ какимъ-нибудь юнкеромъ изъ берейторской школы.

„Жалкая дѣвочка!“—повторила про себя барыня и пошла читать статью о солнечныхъ затменіяхъ.

II.

Обидно Полинѣ то, что у нея такая плохая комнатишка. Главное — очень узка. И свѣтъ не попадаетъ на ту стѣну, гдѣ виситъ зеркальце. На другую стѣну нельзя его повѣсить: мѣшаетъ большущій шкапъ, гдѣ половина

вещей господскихъ. И все не знаетъ она, что̀ лучше: быть горничной или бонной. Комната у нея та же, теперешнюю горничную помѣстили въ темномъ чуланчикѣ, гдѣ передняя. Подавать кушанье, выносить и подметать было для нея „низко"; зато возиться безпрестанно съ дѣтьми—тоже не малая каторга.

Не къ тому ее готовили.

Нужды нѣтъ, что отецъ ея вышелъ изъ вольноотпущенныхъ, но онъ управлялъ богатыми имѣніями въ западномъ краѣ. Онъ всегда жилъ какъ баринъ, ѣздилъ въ фаэтонѣ, игралъ въ карты съ исправниками и судебными приставами, женился на шляхтянкѣ. Мать ей передала свое миловидное личико, и манеры, и говоръ. По-польски Полина много забыла въ послѣднія пять лѣтъ, какъ отецъ перебрался послѣ смерти матери въ Петербургъ; русскій выговоръ у нея порядочный; но она до сихъ поръ не замѣчаетъ того, что у нея то и дѣло выскакиваютъ разные польскіе и южно-русскіе обороты. Она еще говоритъ: „зъ Варшавы", или: „я скучала *за вами*", или: „провинціональный", и многое въ томъ же родѣ. Но общій складъ ея рѣчи петербургскій, и барыня хорошенько еще не замѣтила всѣхъ этихъ ошибокъ: иначе она взволновалась бы, какъ бы бонна не передала ихъ дѣтямъ.

Отлично помнитъ По̀лина житье въ господскихъ усадьбахъ, гдѣ ея отецъ—управляющій—помѣщался какъ настоящій баринъ. Имѣнія принадлежали всегда большимъ господамъ, которые въ нихъ сами не живали.

Она помнитъ даже,—ей тогда было лѣтъ шесть, семь,—что мать ѣздила съ ней кататься въ коляскѣ, на четырехъ лошадяхъ, по двѣ цугомъ, въ шорахъ; кучеръ былъ одѣтъ въ ливрею и хлопалъ предлиннымъ бичомъ. Звукъ бича никогда не испарялся изъ ея памяти... Это хлопанье бича, передняя уносная пара рыжей масти съ лисьими хвостами на хомутахъ — по венгерско-польской модѣ, соединялись въ ея памяти съ просторомъ полей и зелеными дубовыми рощицами обширныхъ барскихъ „маетностей"...

Мать умерла, отецъ потерялъ мѣсто, „проворовался", какъ говорили дворовые, —и это ихъ слово Полина слышала не одинъ разъ. Братъ учился въ гимназіи, его взяли и перевели вмѣстѣ съ нею въ Петербургъ. Спачала кое-какъ перебивались, одно время даже и порядочно

жили. Но среди этой, все еще полубарской обстановки, случилось дѣло...

Отецъ попалъ въ „шайку“, которую всю, почти до одного человѣка, переловили. Въ ней были и шантажисты, и даже поддѣлыватели чужихъ подписей. Онъ векселей не фабриковалъ, но въ вымогательствѣ по какимъ-то постыднымъ похожденіямъ одного богатаго барина дѣйствовалъ, хотя и не явно; его все-таки привлекли, сначала засадили, потомъ выпустили на поруки, потомъ опять засадили, и такъ до трехъ разъ; кончили тѣмъ, что сослали его, за неимѣніемъ явныхъ уликъ, административно...

Полинѣ пошелъ тогда четырнадцатый годъ. Она выучилась читать и писать красивымъ почеркомъ, могла бойко повторять нѣсколько заученныхъ французскихъ словъ и на фортепіано играла по слуху два вальса, цыганскія пѣсни и вошедшія въ моду у мелкихъ актрисъ и кокотокъ опереточные фразы и куплеты...

Услали отца — и съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ. Она и до сихъ поръ не знаетъ, живъ онъ или умеръ. Брата взялъ въ приказчики въ суровскую лавку одинъ еврей изъ Перинной линіи, а въ ней приняли участіе двѣ дамы, патронессы одного общества, хотѣли помѣстить въ фельдшерицы, да она оказалась слишкомъ слабой въ „русскихъ предметахъ“, и послѣ разныхъ поступленій, на два, на три мѣсяца, въ школы кройки, во „фребелички“ и другія профессіи, она попала въ услуженіе. Братъ ея Адамъ — такъ его назвали при крещеніи, по желанію матери — перешелъ на жалованье получше въ модный магазинъ, на Литейной, сталъ рослымъ, красивымъ малымъ, широкимъ въ плечахъ, большимъ франтомъ и тайнымъ кутилой. Она его всегда боялась, и онъ ей нравился всѣмъ. Считала она его за умницу и даже за „ученаго“. Онъ относился къ ней насмѣшливо, иногда съ покровительствомъ. Когда она поступила въ услуженіе, онъ почти пересталъ къ ней ходить, срамилъ ее, чуть не прибилъ, какъ могла она унизиться до положенія „холопки“? Потомъ явился къ ней разъ, подъ вечеръ, по заднему ходу, слегка выпивши, приласкалъ ее; потомъ занялъ у нея два рубля, конечно безъ отдачи, и сталъ ее подбивать, всячески доказывая, что жить въ боннахъ, на жалованьѣ горничной, совершенная нелѣпость.

— Съ твоей мордочкой,—говорилъ онъ ей,—съ манерами, да не найти хорошаго мѣста?

Чего-чего ни перечислилъ онъ по части одной продажи: и парфюмерный магазинъ въ Гостиномъ, гдѣ только „одинъ женскій полъ", и нѣсколько буфетовъ, гдѣ такихъ „пумпусиковъ", какъ она, съ радостью примутъ, и магазины готовыхъ дамскихъ вещей... Кончилъ онъ тѣмъ, что сказалъ:

— По-моему, лучше ужъ въ булочную, въ продавщицы идти, чѣмъ состоять на положеніи полухолопки!

Выраженіе „полухолопка" рѣзало ее по кожѣ и заставляло краснѣть во всю щеку.

— Достань, Адамъ, достань! — повторяла Полина, разстроенная и сильно возбужденная словами брата.

— И достану!..

Съ того раза онъ не приходилъ больше десяти дней. Да она отчасти и рада была этому, потому что у себя въ комнатѣ принимать ей не совсѣмъ удобно; барыня, кажется, до сихъ поръ подозрѣваетъ, что это не братъ ея родной, а такъ молодой человѣкъ изъ ухаживателей! Голосъ къ тому же у Адама зычный, низкій баритонъ, и шопотомъ онъ не согласится говорить. Въ немъ отъ матери сидитъ „шляхетскій" гоноръ, обидчивъ онъ выше всякой мѣры, и если разсердится, то способенъ произвести скандалъ, гдѣ угодно, особенно послѣ лишней бутылки пива.

О мѣстѣ что-то, однако, не было помину, иначе Адамъ написалъ бы ей по городской почтѣ.

Полина присѣла къ столику, гдѣ у нея стоитъ ящичекъ, оклеенный голубымъ атласомъ, отперла ключикомъ, который носила на шеѣ, и вынула оттуда нѣсколько записочекъ.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ у нея завелся въ домѣ маленькій „интересецъ".

По воскресеньямъ приходитъ племянникъ барыни, кадетъ Миша, уже на выходѣ. У него смѣшной носъ, въ родѣ какъ у собакъ, съ раздвоеніемъ между ноздрями, зато щеки румяныя, курчавые каштановые волосы и свѣтло-каріе глаза. Они у него загораются каждый разъ, какъ Полина около него...

Во второй же приходъ кадета, онъ всунулъ ей въ руку записочку... Не могла же она не прочесть ее!..

Въ записочкѣ стояло:

„Душечка Полиночка, вы не знаете, что̀ вы для меня. Пожалуйста, отпроситесь хоть одинъ разъ, въ тѣ дни, когда я прихожу къ тетѣ; но съ утра, чтобы не возбудить подозрѣнія“.

Записочку Полина нашла дерзкой... Какъ могъ этотъ „мальчишка“ сейчасъ же просить у нея любовнаго свиданія?.. Надо бы было хорошенько проучить его, показать записку его теткѣ.

Но это сейчасъ же показалось ей „неблагороднымъ“... Къ чему вмѣшивать господъ? Она и сама сумѣетъ справиться съ кадетикомъ, „осадить“ его, такъ что онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Однако, Полина, ложась спать въ тотъ же день, перечла еще разъ записочку Миши, и слова: „вы не знаете, *что* вы для меня“, вызвали на ея пухленькихъ губахъ усмѣшку. Слово „что̀“ было подчеркнуто, и это заинтересовало ее... Вѣдь онъ не мальчуганъ, у него усы пробиваются, онъ баринъ и, кажется, богатенькихъ родителей.

Вѣдь если онъ сразу влюбился въ нее, развѣ можно на это сердиться?

Но все-таки надо ему было показать, что она видитъ его насквозь, и самой не заговаривать.

Въ слѣдующее воскресенье Полина нарочно не отпрашивалась и была неотлучно при дѣтяхъ. Миша пришелъ въ дѣтскую, поздоровался съ нею, дѣтей началъ сажать къ себѣ на колѣни, вскакивалъ, подбѣгалъ къ ней, хотѣлъ-было дѣлать ей намеки, потомъ не выдержалъ, сталъ всячески къ ней подслуживаться... Но она сухо съ нимъ обращалась и глазами раза два ему показала, что за его дерзость слѣдовало бы ему уши надрать.

Кадетъ это понялъ, и началъ даже краснѣть, опускать глаза... Полину очень смѣшило и еще больше льстило ея самолюбію такое волненіе.

Вотъ она, значитъ, какова! Однимъ взглядомъ можетъ дерзкаго мальчика осадить. Впередъ будетъ знать, какъ записочки всовывать въ руку въ такомъ тонѣ... Но она огорчилась тѣмъ, что Миша въ это воскресенье другой ей записочки не всунулъ въ руку и даже не положилъ на ея столикъ. Дверь она не запирала. Онъ могъ это сдѣлать во всякое время...

Вмѣсто одного, она въ слѣдующіе дни получила три письма по городской почтѣ.

„Полина! — писалъ кадетъ красными чернилами, — вы поступаете со мною такъ, что мнѣ остается одно—исчезнуть“.

И такъ, на четырехъ страницахъ перваго письма, и строки, крестъ-накрестъ, шли на второй и третьей страницахъ.

Разумѣется, она не испугалась. Подчеркнутое слово „исчезнуть“ значило, что, молъ, я съ собою покончу. Кто же нынче не пугаетъ самоубійствомъ?.. Она такъ ему и написала въ отвѣтъ, по городской почтѣ, въ почтовое отдѣленіе на Островъ, до востребованія:

„Пугать меня не надо“.

И больше ничего. А руку свою немного измѣнила.

Собою она была довольна.

Кадетъ сталъ писать чуть не каждый день. Почтальону (и не одному, а троимъ) Полина наказала отдавать письма, адресованныя ей, въ кухню, съ задняго крыльца. Она боялась, какъ бы барыня не обратила вниманія... Руку свою Миша тоже немного измѣнялъ; но все-таки можно было узнать его почеркъ.

Накопилось у нея больше дюжины писемъ и записочекъ. Въ нихъ Миша просилъ свиданія или возможности, когда придетъ къ роднымъ, „улучить минуту“ и „выслушать выраженіе его страсти“.

Но Полина все еще уклонялась. Онъ цѣлый день торчалъ въ дѣтской. Она глядѣла на него ласковѣе, нѣсколько разъ сдѣлала ему глазки, позволила, невзначай, когда Миша поднялъ что-то съ полу, около низкаго кресла, гдѣ она сидѣла, пожать ей кончики пальцевъ. Но кадетъ дѣлался все предпріимчивѣе и въ темномъ уголкѣ хотѣлъ прижать ее...

Она кинула ему почти негодующе:

— Что за дерзость!..

Но внутренно не разсердилась на него. Положимъ, можно было объяснить его безцеремонный порывъ тѣмъ, что онъ на нее смотритъ какъ на бывшую горничную, которую онъ засталъ въ томъ же домѣ. Любовныя записки говорили о большомъ увлеченіи. Миша, нужды нѣтъ, что кадетъ, уже на возрастѣ; на нѣсколько мѣсяцевъ старше ея, выйдетъ въ офицеры, навѣрное въ кавалерію... И теперь бы онъ ей нравился, да его кадетское пальтецо смѣшило ее. Онъ полный, пальтецо короткое и кушакъ,

точно на женщинѣ: все вмѣстѣ какъ-то ее не настраиваетъ...

На его записки она отвѣчаетъ рѣдко и очень сдержанно: два-три слова и непремѣнно измѣненнымъ почеркомъ. Ей и хочется иногда написать побольше, выразить не любовь свою, а разныя чувствительныя вещи, вспомнить дѣтство, высказать, какъ ея „благородныя чувства" страдаютъ отъ теперешняго положенія, дать ему нѣсколько совѣтовъ насчетъ любовныхъ влеченій и показать ему, съ какой дѣвушкой онъ вступилъ въ тайную переписку.

Миша провожалъ ее, когда она пошла гулять съ дѣтьми. Это было при его теткѣ. По лицу барыни Полина могла заключить, что та еще никакихъ подозрѣній не имѣетъ.

Дорогой кадетъ не переставалъ надоѣдать ей своими нѣжностями и даже такъ пріободрился, что предложилъ зайти „куда-нибудь" въ кофейную или кондитерскую.

Полина отказала, хотя ей ужасно захотѣлось зайти...

На возвратномъ пути повстрѣчался съ ними ея братъ Адамъ. Онъ шелъ такой франтоватый, въ пальто съ мерлушковымъ воротникомъ и въ высокой зимней шапкѣ московскаго фасона.

Они поговорили. Полина „представила" ему кадета. Миша почему-то затруднился первымъ протянуть руку Адаму, скорѣе всего изъ нерѣшительности; а тотъ обидѣлся,—Полина это замѣтила,—глаза его зло заблестѣли, и онъ такъ строго спросилъ:

— А вы, господинъ кадетъ, позволеніе имѣете гулять съ моей сестрой отъ вашей тетки?

Миша сначала сконфузился, но тотчасъ же обидчиво отвѣтилъ:

— Для этого я не обязанъ просить ни у кого позволенія...

Адамъ возразилъ однимъ словомъ:

— Однакожъ!

И, кивнувъ головой только сестрѣ, пошелъ, помахивая тростью.

Черезъ два дня Адамъ пришелъ къ ней, и не заднимъ ходомъ, а черезъ парадное крыльцо, прямо въ дверь, скрипѣлъ и стучалъ своими заграничными ботинками на толстыхъ подошвахъ, и вызвалъ ее сейчасъ же черезъ горничную изъ дѣтской.

Онъ сидѣлъ у нея на кровати въ шапкѣ и пальто.

— Досталъ мѣсто? — радостно спросила его Полина шопотомъ.

— Не такъ это легко!.. А вотъ что̀ ты мнѣ скажи...

Адамъ всталъ, подошелъ къ двери, затворилъ ее плотно и началъ ей производить формальный допросъ: давно ли этотъ кадетъ увивается за нею и не желаетъ ли она съ нимъ „амурничать"?

Полина захотѣла было войти „въ амбицію", но струсила.

— Я тебѣ замѣсто отца! — говорилъ Адамъ, и такъ громко, что она должна была его упросить — говорить потише.

— Навѣрно съ записочекъ любовныхъ началъ? — уже шопотомъ спросилъ Адамъ.

Полина не сразу на это отвѣтила, а стала говорить, что это „ни съ чѣмъ несообразно" думать о ней, точно о какой дурочкѣ... Развѣ можно „увлечься" кадетомъ, хотя бы у него и румяныя щеки и усики?..

Но Адамъ плохо ее слушалъ, а прямо подошелъ къ столику, взялъ атласный ящичекъ, который, на бѣду, не былъ запертъ, точно чутьемъ догадался, что тамъ любовная корреспонденція.

Онъ вытряхнулъ на подушку всѣ письма и записочки Миши... Полина хотѣла было не допустить, даже разсердиться или заплакать, но братъ отвелъ ее рукой, сѣлъ опять на постель, сталъ перечитывать, дѣлать изъ нихъ пачку.

— Его собственной рукой писано?—спросилъ онъ уже не суровымъ, а скорѣе ласковымъ тономъ.

— Его!

— Переиначено?

— Нѣтъ!..

— Ладно!

И онъ засунулъ пачку въ карманъ пальто.

— Этого ты не смѣешь, Адамъ! — почти вскрикнула Полина.

— Дурочка ты!.. У тебя это сцапаютъ и вытурятъ вонъ со скандаломъ, а у меня это будетъ въ сохранности!.. Поняла?

И онъ щелкнулъ ей большимъ, мясистымъ пальцемъ по лбу.

Полина разсмѣялась и тотчасъ же сообразила, что Адамъ—„не промахъ"; что держать эти письма и записки опасно. Даже у нея мелькнула у самой мысль, что пачка

любовныхъ изліяній, просьбъ и нѣжностей кадета „пригодится“.

III.

Стала задумываться Полина. Съ дѣтьми она нервна и придирчива. Кока съ ней заговариваетъ, но она даетъ на него окрики. Мальчикъ обидится, уйдетъ въ уголъ и вымещаетъ свою обиду на Шурѣ. Та его ревнуетъ, егозитъ около него и добьется-таки тукманки отъ брата. Старшая дѣвочка вся искривлялась. Мать недовольна, но, по своимъ „принципамъ“, не можетъ сдѣлать энергическаго выговора боннѣ. Она уже совѣтовалась съ мужемъ. Тотъ сказалъ:

— Дѣлай, какъ знаешь! Что же тебѣ стòитъ расчесть ее?..

— Она очутится на улицѣ! Развѣ ты не видишь, какая у нея натура... и наружность?!

Баринъ не хотѣлъ разубѣждать барыни. Онъ ее очень любилъ, но про себя и въявь подтрунивалъ надъ ея „идеями“ и „гуманной чувствительностью“.

Влюбленности кадета тетка еще не замѣчала, и по характеру не была подозрительна. Но, противъ своей воли, она начала приходить въ безпокойство и разъ, войдя въ дѣтскую, когда Полина дергала Шуру за руку и, кажется, сбиралась дать ей „шлепсъ“, она прочла ей длинное нравоученіе.

Оно было весьма сдержанное и даже благожелательное, но Полинѣ показалось нестерпимо обиднымъ и унизительнымъ. Въ этомъ нравоученіи она признала намекъ на ея кокетство съ кадетомъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Она сначала слушала съ разгорѣвшимся лицомъ и часто моргала, вдругъ начала возражать, и такимъ тономъ, какого барыня еще не слыхала отъ нея...

Когда она слушала барыню, то въ воображеніи ея всталъ братъ Адамъ, съ пачкой писемъ кадета въ рукахъ, и это ее наполнило чувствомъ силы, точно будто у нея противъ барыни есть что-то такое очень вѣское и рѣшительное; не только она не боялась быть уличенной, а, напротивъ, готова была даже кинуть баринѣ такой возгласъ:

„Вамъ-де слѣдовало за племянничкомъ построже надзирать, а не мнѣ читать нотаціи“.

Если бы барыня не смолкла, Полина навѣрное бы „выпалила“ ей эти именно слова.

Въ возбужденномъ настроеніи вернулась Полина къ себѣ въ комнату, и ей захотѣлось вдругъ укладываться. Она подошла къ своему сундуку, покрытому плэдомъ, сняла плэдъ, отперла и даже откинула крышку.

Укладываться она, однако, не стала.

Куда же она дѣнется, сейчасъ же?

Да барыня и не пригрозила ей ничѣмъ. Но вся эта „канитель", т. е. положеніе няньки при дѣтяхъ сдѣлалось пошлымъ до-нельзя.

„Нянька!? Ну, какая она нянька?!" — Переводъ французскаго слова „бонна" на русское разсмѣшилъ ее. Полина вслухъ расхохоталась, но тотчасъ же опять выпятила свои хорошенькія губки и легла на постель, что̀ она дѣлала рѣдко, изъ боязни помять прическу.

Опять мысль ея перешла къ Адаму. Братъ пугалъ ее, и привлекалъ.

Куда же ей до него? Положимъ, онъ и „нахвастаетъ" многое, и до сихъ поръ не могъ ей предложить никакого порядочнаго мѣста, только все соблазняетъ разговорами. Но она знаетъ, что у Адама „чортовъ" характеръ. Когда онъ разозленъ, онъ волка схватитъ за горло. Ну, волка — не волка, а на человѣка, на любого, кинется, будь хоть тамъ генералъ или какой угодно важный сановникъ. И если Адамъ все еще „торчитъ" въ мелкихъ приказчикахъ, то оказіи не вышло ему пробиться и получить „полный ходъ".

Полина вслѣдъ за тѣмъ подумала:

„А что̀ онъ сдѣлаетъ изъ пачки писемъ кадета?"

Не отвѣчая себѣ на этотъ вопросъ, Полина задала и другой:

„Жалко ей или нѣтъ Мишу? Нравится онъ ей, серьезно?.."

Не противенъ, потому что нѣтъ около нея въ домѣ никакого другого молодого и красиваго мужчины — больше вѣдь и ничего. Но жалѣть его она не жалѣетъ. Чего жалѣть такого балбеса? Письма онъ умѣетъ писать, да и то черезчуръ уже распространяется и пишетъ связно, каракульками, такъ что ей трудно разбирать. Въ первыхъ записочкахъ, когда онъ измѣнялъ свой почеркъ, разбирать было легче, а потомъ и пошло все хуже и хуже.

„Зато почеркъ настоящій".

Она мысленно произнесла эти слова и не испугалась,

не застыдилась ихъ. „Настоящій почеркъ“ — это улика. Изъ нея Адамъ что-нибудь *такое* да устроитъ. Онъ не спроста взялъ къ себѣ письма.

Въ первый разъ въ мозгу Полины поднялся вопросъ:

„Что̀ называть хорошимъ поступкомъ и что̀ безчестнымъ, и можно ли отъ себя требовать разныхъ тонкостей передъ господами?“

Вѣдь она все-таки живетъ у „господъ“, а сама шляхтянка, ну, хоть дочь шляхтянки.

Ея совѣсть подсказала далѣе, что барыня добрая, принимала въ ней участіе, пробовала учить ее, наставить на хорошій путь.

Но вѣдь все это—„одна канитель“. Учись, корпи, изнывай надъ шаловливыми дѣтьми и дальше двадцати рублей жалованья не пойдешь. Да и двадцати никогда не получишь. Гувернантки изъ нея не сдѣлаютъ. Можетъ, по-французски будетъ побойчѣе болтать, а „русскимъ предметамъ“ ни въ жизнь она не научится! Нынче съ педагогическихъ курсовъ идутъ на четыреста рублей, а это выходитъ всего-то по тридцати рублей въ мѣсяцъ съ небольшимъ. Попроще гувернантки живутъ за двадцать рублей, а то такъ „изъ-за пищи“, за столъ и квартиру, хуже, чѣмъ „она грѣшная“.

По ея происхожденію и воспитанію она изъ того же „званія“, какъ и ея господа, но къ нимъ она не можетъ чувствовать то, что слѣдовало бы быть благодарной, не замышлять ничего противъ нихъ.

„Если изъ-за этого толстощекаго Мишки,—она такъ уже звала его про себя,—выйдетъ хоть самомалѣйшая непріятность, она сейчасъ Адама „за бока“, и пускай онъ изъ всего извлекаетъ что-нибудь выгодное для нея“.

Полина не подумала о томъ, какъ это будутъ звать хорошіе люди... Слово не пришло ей на умъ. Да развѣ— и то сказать!—она стала сама первая дѣлать глазки кадету или завлекать его? Нимало! Это она „хоть на духу“ скажетъ. Какъ же его можно сравнивать съ ея знакомымъ изъ топографскаго училища, изъ-за котораго тоже вѣдь досталось ей отъ барыни. Вотъ изъ-за того сто̀ило бы „пострадать“ и нотацію выслушать.

Всѣ эти вопросы дали ея душѣ оборотъ, неожиданный для нея самой.

Она задумалась о жизни „вообще“.

Злиться на другихъ, хотя бы и на теперешнихъ сво-

ихъ „господъ“, по правдѣ сказать, — ей не хочется... У нея характеръ легкій. Если бы она жила въ своемъ семействѣ такъ, какъ ее воспитывали, она бы ни съ кѣмъ не ссорилась, все бы распѣвала, да пріятныя книжки читала, да наигрывала бы на фортепіанахъ или ѣздила бы по сосѣдямъ-помѣщикамъ.

Но можетъ ли она смотрѣть серьезно на свое теперешнее дѣло?

На свѣтѣ такъ ведется, что одни богаты, другіе бѣдны, или разорены, впали въ нужду—вотъ какъ она съ отцомъ. Почему одни блаженствуютъ, а другіе должны къ нимъ прислуживаться, отъ нихъ обиды терпѣть, весь вѣкъ подачками ихъ кормиться?.. Почему?

Она не могла на это отвѣтить, но сердце ей нашептывало, что никакого на все это нѣтъ хорошаго резона. Такъ все дѣлается, зря, на этомъ свѣтѣ. Никакой „правды“ нѣтъ, да и быть не можетъ.

„Все дѣло, — думала Полина, — въ случаѣ, въ удачѣ. Сумѣлъ улучить минуту, вотъ и хорошо, вотъ и жить будешь припѣваючи... Отецъ ея поймался... А если бы удача повернулась къ нему лицомъ, онъ, навѣрное, былъ бы теперь самъ помѣщикъ или крупнѣйшій арендаторъ, а ее бы съ большимъ приданымъ отдали за эскадроннаго командира, въ драгунскомъ полку, въ томъ, что стоялъ около нихъ, въ жидовскомъ городѣ. Жаль только, что мундиры-то нынче у всѣхъ такіе ненарядные. То ли дѣло было, когда она дѣвчонкой, по девятому году, сиживала на колѣняхъ у этихъ самыхъ драгунъ; но они тогда носили гусарскій мундиръ, зеленый съ золотомъ, и фуражки съ голубымъ изумруднымъ околышемъ.

Къ такимъ выводамъ подталкивалъ ее и возрастъ.

Полина, вотъ уже больше года, какъ перешла отъ тревоги, слабостей, головныхъ болей, страха по ночамъ—къ другому настроенію. Теперь ей вдвое тяжко сидѣть взаперти или прохаживаться на прогулкѣ съ дѣтьми. Она хочетъ жить, а жить—значитъ рисковать, значитъ идти навстрѣчу всякой случайности и всякой удачѣ... Кто же знаетъ? Въ кадетѣ Мишѣ „сласть“ небольшая, но онъ можетъ очень и очень пригодиться... Да и не уродъ онъ, его усики и пышныя щеки, и даже неустановившійся теноровый голосъ, нѣтъ-нѣтъ да и запрыгаютъ передъ нею, когда она лежитъ утромъ, лѣнится, кутается въ одѣяло и жмуритъ глазки, какъ кошка...

Главное дѣло—ловко вести всякое знакомство, ухаживаніе, пользоваться тѣмъ, что̀ само идетъ къ тебѣ навстрѣчу. Вѣдь безъ того же кадета ей еще тошнѣе было бы жить въ боннахъ.

А отъ всякой глупости ее удержитъ братъ. Онъ — „башка", какъ его назвалъ и отецъ; лучше и не придумаешь для всякаго казуснаго житейскаго случая, гдѣ придется постоять за нее и выудить что-нибудь отъ „простофиль" или осадить нахала и заставить загладить свою вину.

Полина сѣла къ столику и начала писать записку Мишѣ. И на этотъ разъ она не забывала переиначивать свой почеркъ. Она отпросилась на цѣлый день и разсчитывала уйти со двора. Миша придетъ къ завтраку и прочтетъ ея записку. Въ ней она скажетъ только, что часу въ третьемъ она будетъ въ Лѣтнемъ саду, на большой аллеѣ; но оставаться въ саду не станетъ, а только пройдется взадъ и впередъ.

Но какъ передать записку? Оставить у швейцара? Онъ, пожалуй, разболтаетъ. И безъ того у него есть наклонность обо всемъ разспрашивать... Полина подозрѣваетъ, что швейцаръ изъ „жидковъ-перекрещенцевъ"... Нѣтъ, швейцару отдать нельзя. Развѣ горничной?.. Съ нею она не въ ладахъ. Горничная на нее начала дуться, узнавъ, что Полина была прежде на ея мѣстѣ. Онѣ съ кухаркой довольно громко ругали ее и не одинъ разъ называли „выскочкой", „барской барыней" и другими прозвищами, грубили ей на каждомъ шагу, особенно горничная. Надо было даже пожаловаться барынѣ, чтобы заставить эту „дрянь" выметать изъ ея комнатки. Та вслухъ говорила:

— Не велика фря! И сама можетъ прибирать у себя.

Раза два Полина изъ-за нея всплакнула. Нѣтъ! И горничной нельзя оставить записочки... Кому же?

А изъ дѣтей кому-нибудь? Сначала она подумала: старшей дѣвочкѣ? Она не по лѣтамъ смышленая и даже съ разными порочными наклонностями, „все отлично понимаетъ"—такъ ее аттестовала сама Полина.

Но потому-то именно и не безопасно будетъ отдать ей записку для передачи Мишѣ. Не Кокѣ же?.. Онъ еще ничего не разумѣетъ порядкомъ, пожалуй, разорветъ или начнетъ мусолить конвертъ или запихивать его въ ротъ. А Шурѣ?

На Шурѣ Полина остановилась. Почему же нѣтъ? Ей не надо и долго растолковывать. Просто сказать: „Вотъ, Шурочка, здѣсь лежитъ записка; когда Миша придетъ, отдай ему“.

Записку положить въ дѣтской на столѣ, подъ какую-нибудь игрушку. А вдругъ какъ Шура, во весь голосъ, объявитъ это при матери!..

Между Кокой и Шурой Полина долго колебалась... Ни разу ее не остановила мысль, что она—„бонна“, какъ же это она дѣлаетъ маленькихъ дѣтей посредниками своихъ „шашней“; вѣдь такъ назовутъ это кухарка, горничная. а то и сама барыня.

И все-таки она выбрала Шуру.

Уходя, Полина отвела ее въ уголокъ—остальныхъ дѣтей не было—и сказала:

— Слушай, Шура, ты видишь вотъ это?

И она показала ей книжку.

— Вижу, Поля!—весело пролепетала Шурочка и протянула ручку.

— Я положу сюда, подъ твой картонный домикъ... Когда Миша придетъ, отдай ему...

Полина разсудила, что будетъ совершенно безопасно вложить записку въ книжку.

— Только ты не трогай книжки!.. Картинокъ тутъ нѣтъ...

— Не буду!

— То-то! Я узнаю, если будешь мусолить листки.

— Не буду!—повторила Шура.

Полина положила книжку подъ картонный домикъ. Шура сама ей помогала. Книжку домикъ прикрылъ, такъ что никто бы и не догадался...

На этомъ Полина успокоилась и ушла, совершенно довольная своей комбинаціей. Но случилось не такъ, какъ она мечтала...

Шура исполнила ея порученіе. Въ дѣтскую вошелъ Миша въ ту минуту, когда тамъ никого, кромѣ нея, не было.

Она сейчасъ же подскочила къ нему, взяла его за руку, съ серьезной миной подвела его къ столику, гдѣ стоялъ картонный домъ, и сказала таинственно:

— Подыми!

Онъ поднялъ.

— Возьми книжку!

— Отъ кого?—спросилъ Миша, и весь зардѣлся.

— Отъ Поли!

Онъ схватилъ книжку порывисто и развернулъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлась закладка.

Какъ разъ въ эту минуту вошла въ дѣтскую его тетка.

Миша захлопнулъ книжку, но такъ неловко, что изъ нея выпала записочка.

Шура запрыгала вокругъ нея и закричала:

— Уронилъ! уронилъ!

— Что это?—спросила тетка не строго, но пытливо.— Отъ кого?

— Я не знаю,—отвѣтилъ кадетъ.

И опять Шура подскочила къ запискѣ, подняла ее и поднесла Мишѣ.

— Тебѣ! Тебѣ!

— Почему же мнѣ?

Онъ ужъ догадался, въ чемъ дѣло, и такъ разсердила его эта нелѣпая дѣвчонка, что онъ чуть было, при теткѣ, не далъ ей „леща", какъ говорили у него въ корпусѣ.

— Подай!—крикнула строже мать.

Шура подала.

— Кто тебѣ отдалъ книжку?

— Поля!

— Для кого?

— Вотъ для Миши.

— А-а!..

Вышла значительная пауза. Кадетъ хотѣлъ было отвоевать себѣ записку и началъ возражать:

— Однако, позвольте, ma tante... это... вѣроятно... Полина...

— А вотъ увидимъ...

Но она не распечатала конверта, только положила себѣ въ карманъ.

— Когда Полина вернется, я при тебѣ и при ней раскрою письмо и увижу, кому оно написано.

Миша чуть не заплакалъ.

IV.

Въ магазинѣ, гдѣ братъ Полины состоялъ приказчикомъ, еще только начинали торговать. Адамъ смотрѣлъ въ окно на мокрый тротуаръ, на пѣшеходовъ, на проѣзжавшія дроги съ покойникомъ. Утро стояло мокрое и немного туманное. Хозяинъ сдѣлалъ ему выговоръ за прогулъ.

Адамъ на него злился и кусалъ себѣ губы. Ему хотѣлось выместить на комъ-нибудь свое сердце. Одного мальчика онъ уже толкнулъ въ загривокъ, рискуя, что тотъ пожалуется хозяину. Онъ самъ былъ младшій приказчикъ, и драться ему еще не полагалось.

Когда онъ взбѣшенъ, у него сердце сжимается и блѣдность дѣлается такая, что вотъ-вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ. Но это только кажется; напротивъ, у него силы прибываетъ и дерзости, всѣхъ онъ можетъ сокрушить въ такія минуты.

Дверь съ улицы растворилась широко и шумно. Адамъ быстро повернулъ голову.

Вошла, почти вбѣжала, Полина.

И она казалась блѣдной. Ея чолка не такъ старательно была расчесана. Шляпка сидѣла немного назадъ, что́ къ ней шло.

— Адамъ!..

Полина кинулась къ брату, и онъ сейчасъ же замѣтилъ, что у нея заплаканные глаза.

— Что такое?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Исторія!.. Меня гонятъ!.. Заступись!..

Слезы уже подступали ей къ горлу.

Братъ отвелъ ее въ уголъ, за выступъ арки, гдѣ навалена была цѣлая кипа матерій.

— Ну, говори!..

Она заплакала, но нервное движеніе головой брата остановило ея слезы.

Вчерашняя „исторія“ приняла въ пересказѣ Полины совсѣмъ другія формы и краски. Выходило, что барыня гонитъ ее „со шкандаломъ“ и „осрамила“ ее передъ прислугой, на весь домъ, что баринъ тоже наговорилъ ей „всякихъ обидъ“ и что „такъ этого оставить невозможно“.

Она передавала все это порывистымъ шопотомъ, глотая слезы, и краснѣла постепенно. Адамъ слушалъ ее нетерпѣливо и сморщилъ переносицу.

— Окончательно гонятъ?—перебилъ онъ ее.

— Дали четыре дня сроку и жалованье до перваго числа; а мнѣ до восьмого слѣдуетъ... Адамъ, приди!..

— Ладно!.. Мы имъ покажемъ!..

Его разсерженность находила себѣ исходъ.

— Куда же я дѣнусь?—пролепетала Полина.—Ты ничего не нашелъ?..

— Здѣсь нельзя распространяться. Приходи въ кухмистерскую противъ памятника... въ обѣдъ... Мы тамъ разберемъ.

— Хорошо!

— Только смотри, чтобы у тебя чего-нибудь не сцапали въ комнатѣ.

— Я на ключъ заперла дверь.

— То-то! А мы этихъ буржуевъ приструнимъ!

Полина поднялась на цыпочки и прикоснулась губами къ блѣдной щекѣ Адама.

— Нечего!.. Безъ нѣжностей...

Она сконфузилась и пошла, но вернулась и самымъ низкимъ шопотомъ спросила:

— Письма у тебя, Адаша?

— Какія?

— Ахъ, ты, Господи!.. Да того... кадета?

— Еще бы!.. Иди!..

— Такъ въ пять часовъ, въ кухмистерской?

— Противъ памятника.

Изъ магазина Полина вышла болѣе спокойной походкой и держала все голову внизъ, не смотрѣла то на вывѣски, то на встрѣчныхъ... Она была немного смущена тѣмъ, что Адамъ встрѣтилъ и выслушивалъ ее сурово, не сказалъ ей ни одного утѣшенія, не приласкалъ ее ничѣмъ.

Ну, да что же дѣлать, коли у него такой нравъ! Зато, *такъ* онъ этого не оставитъ, добьется того, что ей заплатятъ до восьмого, извинятся передъ ней, да и еще что-нибудь съ нихъ Адамъ „сдеретъ".

— Непремѣнно,—вслухъ выговорила Полина, когда поворачивала съ Литейной въ Малую Итальянскую.

Какъ можно, чтобы онъ не воспользовался теперь пачкой писемъ кадета? Да она сама — будь они у нея — сейчасъ же бы не такъ осадила барыню. Да и того на первый разъ было довольно, что она ей отвѣтила.

Записочка выпала изъ книжки. Книжку Шура получила отъ нея.

„Какъ будто уличили ее съ повиннымъ!" Но вѣдь мало ли что̀ вретъ эта дѣвчонка. Она—„сочинительница". Это и матери ея извѣстно. Если даже повѣрятъ дѣвчонкѣ, то вѣдь всего-то-на̀-все и есть, что передача книжки кадету. Записочка могла быть заложена въ нее въ видѣ закладки...

Отпереться отъ своей руки она не успѣла, когда барыня

стала передъ ней „судейшей“; но это можно будетъ сдѣлать. Почеркъ не ея—это первое, а второе то, что на конвертѣ не было никакого адреса.

Сама „судейша“ проговорилась:

— Положимъ, адреса нѣтъ и подписи нѣтъ, и рука какъ будто не ваша, но вы назначили свиданіе въ Лѣтнемъ саду именно на такой часъ, къ которому Михаилъ Петровичъ могъ поспѣть въ Лѣтній садъ.

На это обвиненіе у нея хватило разсудка ничего не отвѣтить.

Не разрюмилась она и послѣ, когда барыня стала ее стыдить материнскимъ тономъ, хотѣла отъ нея добиться покаянія, раскаянія...

Какъ бы не такъ!

Положимъ, не очень мудрено было и притвориться кающейся, попросить прощенія и, не сваливая ничего на кадета, взять всю вину на себя. Это навѣрное удалось бы съ такой „ученой дурехой“, какъ барыня. Но ничего такого Полина не сдѣлала, и теперь хвалила себя. Очень ужъ ей тошно въ боннахъ, и такая „исторія“, такъ или иначе, да поставитъ ее на другую дорогу.

Она не стала „ябедничать“ на Мишу, но сказала съ достоинствомъ:

— Вы, *мадамъ*, лучше бы за племянникомъ вашимъ присматривали. Я его не́ соблазняла... И если я захочу, то его же на свѣжую воду выведу...

Больше ничего она не прибавила. Она тогда въ одинъ мигъ сообразила, что ей будетъ выгоднѣе приберечь пачку записочекъ и „большущихъ“ писемъ кадета и выпустить съ ними Адама.

Вотъ это-то ея поведеніе, за которое всякій ее „умницей“ назоветъ, и взорвало барыню. Она чуть не со слезами начала говорить ей, какая она испорченная дѣвочка, какъ она не заслуживаетъ снисхожденія.

— Повинись вы чистосердечно, я бы вамъ простила!..

Этакое „блаженство“ жить у нея, въ чуланчикѣ, за красненькую, и возиться съ тошными ребятишками!

Чѣмъ ближе подходила Полина къ дому, тѣмъ она больше убѣждалась въ томъ, какая она умная и ловкая, сколько у нея характера и какихъ „дѣловъ“ можно надѣлать съ такимъ братомъ, какъ ея Адамъ.

Она жила у господъ, но должности своей не испра-

вляла. Ей дали трое сутокъ сроку. Она ихъ „освободитъ“ и раньше.

Вошла она съ параднаго подъѣзда, хоть и знала, что горничная встрѣтитъ ее съ хмурымъ видомъ; „вотъ какая фря—ее прогнали, а она звонитъ въ электрическій звонокъ и заставляетъ выбѣгать въ переднюю“. Но если эта „бестія“ скажетъ ей грубость, она должна смолчать, чтобы не подать самомалѣйшаго повода къ чему-нибудь „такому“ вплоть до прихода брата.

Дверь отперла кухарка и впустила ее безъ ворчанія. Кухарка была добрѣе горничной, и ей стало жаль Полину тотчасъ послѣ ея сцены съ барыней. Она даже говорила въ кухнѣ:

— Еще бы, такого балбеса племянника завели, да чтобы шашней не было!..

Полина прошла тихо, но съ достоинствомъ, мимо отворенной двери въ гостиную, не снимая своей шубки, и начала, безъ шума, укладываться. Она уже знала, что послѣ господскаго обѣда можетъ выйти такая сцена, съ участіемъ ея брата, послѣ которой придется сейчасъ же выѣзжать и вывозить свои пожитки.

Въ чемоданъ все не вошло. Она долго соображала, изъ чего сдѣлать узелъ и что̀ оставить для помѣщенія въ верхнемъ отдѣленіи чемодана.

Это укладыванье взяло у нея около двухъ часовъ. Добра набралось столько, что на одномъ извозчикѣ она не уѣдетъ, а двухъ брать дорого. Лучше припасти на всякій случай ломового. Объ этомъ позаботится Адамъ.

И тутъ, въ первый разъ, ея легкая голова остановилась на вопросѣ: гдѣ она будетъ сегодня ночевать?

У брата?

Но у него комнатка узенькая, въ одно окно.

„Гдѣ-нибудь“, — отвѣтила себѣ Полина, и въ пятомъ часу ушла въ кухмистерскую, что̀ противъ памятника.

Господа обѣдали въ шесть часовъ и на этотъ разъ безъ старшей дѣвочки. Ее послали къ дѣтямъ присмотрѣть за ними. При ней мать не хотѣла говорить съ отцомъ о Полинѣ.

Мужъ, по обыкновенію, слегка подсмѣивался надъ женой.

Онъ ей сказалъ въ началѣ обѣда, по-французски, чтобы не понимала горничная:

— Такъ и должно было случиться!.. Кадетъ въ любовномъ возрастѣ...

Но она не могла смотрѣть на эту исторію, какъ онъ, только юмористически. Она возмущалась и чистосердечно была огорчена испорченностью молодой дѣвочки, отсутствіемъ въ ней „нравственнаго инстинкта“. Мужъ опять подтрунилъ надъ ея склонностью къ „психологическимъ тонкостямъ“, а потомъ сталъ говорить серьезнѣе.

Надо поскорѣе отправить бонну и позаботиться о хорошей иностранкѣ. Онъ стоялъ за недорогую англичанку, которая, по крайней мѣрѣ, будетъ вести меньшихъ дѣтей въ привычкахъ опрятности и гигіены.

Барыня не очень восторгалась англичанками. Онѣ бываютъ грубоватыя, даютъ дѣтямъ „эгоистическій“ складъ настроенія, да многія изъ нихъ,—тѣ, что подешевле,—и тайно попиваютъ.

Обѣдъ кончился, впрочемъ, тихой бесѣдой. Одно только смущало барыню—и она не скрыла этого отъ мужа—какъ бы не вышло еще чего-нибудь „такого“?

— Да чего же? — спросилъ лѣниво мужъ, закуривая сигару.

— Отъ этой испорченной личности всего можно ждать...

Только что были сказаны эти слова, какъ въ передней—дверь въ столовую оставалась отворенной — затрещалъ звонокъ.

Одинъ разъ, два раза, три раза, звонъ былъ сердитый и требовательный.

— Боже мой!.. Что это такое?..

Съ этимъ возгласомъ поднялась барыня. Изъ дѣтской выскочила старшая дѣвочка. Горничная бросилась въ переднюю.

Поднялся и баринъ съ сигарой въ зубахъ.

Въ передней раздался мужской, низкій и твердый голосъ.

Барыня вышла въ переднюю первая, за ней мужъ, нѣсколько позднѣе.

Ближе къ вѣшалкѣ стоялъ, посреди прихожей, Адамъ и держалъ Полину за руку.

Онъ не снялъ своей круглой фетровой шляпы и опирался другой рукой на палку. Полина стояла въ возбужденной позѣ, грудью впередъ. Щеки ея рдѣли. Братъ ея былъ блѣденъ, и только глаза его злобно блестѣли.

Въ кухмистерской онъ выпилъ рюмку водки и двѣ бутылки пива, изъ которыхъ далъ стаканъ сестрѣ.

— Да-съ, пожалуйте мнѣ сюда самоё хозяйку!

Эти слова встрѣтили барыню. Она внутренно очень испугалась, но, запахнувшись въ свой вязаный платокъ, остановилась около двери и довольно спокойно спросила:

— Что вамъ угодно? И кто вы?..

— Я—братъ Полины... И мнѣ угодно, мадамъ, чтобы вы и вашъ мужъ дали мнѣ объясненіе—почему вы выгоняете со скандаломъ честную дѣвушку?

Онъ говорилъ, разставляя широко слова и не мѣняя тона, точно онъ предварительно выучилъ вступительныя слова своей рѣчи.

Барыня хотѣла отвѣтить поблагороднѣе и поосторожнѣе, но ее предупредилъ мужъ; онъ выдвинулся изъ-за нея и сказалъ:

— Снимите, прежде всего, шляпу.

Адамъ обнажилъ свою красивую, курчавую голову.

— Шляпу я сниму; но я жду отвѣта. Дѣвушка—моя сестра. Я—ея защитникъ.

Баринъ разсердился сразу, какъ многіе флегматики, принужденные дѣйствовать, взорванные чѣмъ-нибудь неожиданнымъ и дерзкимъ.

— Мы васъ не знаемъ и знать не желаемъ. Если вы братъ, то внушите вашей сестрѣ лучшія правила... Она можетъ съѣхать отъ насъ... Жалованье ей заплатятъ; а васъ мы покорнѣйше просимъ не вмѣшиваться и не начинать здѣсь сценъ.

— Что-о-съ? — съ дрожью въ голосѣ спросилъ Адамъ, оставивъ руку Полины,—она тоже начинала трусить,—и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ступайте вонъ!—крикнулъ баринъ.

— Paul, de grace!.. — шопотомъ хотѣла удержать его жена.

— Ну, это аттанде!—отвѣтилъ Адамъ.—И если вы посмѣете дотронуться до меня, вы будете раскаиваться.

Барыня вся обмерла. Ей показалось, что карманъ пальто Адама топырился... тамъ револьверъ...

Она схватила руку мужа и стала его отпихивать къ двери, повторяя:

— Va-t-en!.. Va-t-en!

Но мужъ ея далъ приказаніе горничной послать за дворникомъ.

Адамъ сообразилъ, что его могутъ вытолкать, перемѣнилъ позу и, обращаясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Полина, ничего не бойся!.. Иди въ свою комнату и выноси свои вещи... Я отсюда не выйду, я долженъ тебя защищать!..

— Вашей сестрѣ ничего не сдѣлаютъ дурного!—вскричала барыня. — Ея жалованье она можетъ сейчасъ получить...

— Меня не смѣютъ гнать! Я—братъ!—повторилъ Адамъ и сѣлъ на ясеневый стулъ, около зеркала.

„Зачѣмъ же онъ не покажетъ пачку писемъ?—думала Полина, оправившись отъ смущенія. — Теперь-то бы и надо!“

— Идите въ вашу комнату,—сказала ей барыня, которой удалось уговорить мужа не посылать за дворникомъ.

— Я не могу одна все вынести...—проговорила Полина почти кротко.—Братъ мнѣ долженъ помочь.

И на это согласилась барыня. Дѣти выбѣжали было въ переднюю, но ихъ выпроводили...

Когда чемоданъ, узелъ, картонки Полины были вынесены на площадку, Адамъ въ растворенную дверь крикнулъ:

— Вы еще про насъ услышите!..

V.

Черезъ три-четыре дня господа получили повѣстку отъ мирового судьи.

Это ихъ разстроило гораздо больше, чѣмъ они сами, быть-можетъ, ожидали.

За завтракомъ сидѣли они опять другъ передъ другомъ. Старшую дѣвочку отвели въ школу; съ меньшими пошла гулять новая бонна, изъ нѣмокъ, пожилая и довольно суровая.

Барыня стояла, однакожъ, за то, чтобы судиться... Баринъ не хотѣлъ разбирательства и видимо боялся скандала...

Въ первый разъ они серьезно поспорили.

— Ничего, кромѣ грязи, изъ этого не можетъ выйти!—говорилъ баринъ.

— Мы ни въ чемъ не виноваты...

— И это не совсѣмъ вѣрно,—возразилъ мужъ.—Миша нашъ родственникъ. Записочки нашли отъ него...

— Но Миша отрицаетъ.

— Ахъ, мой другъ!—перебилъ баринъ. — Развѣ ты не

видишь, что онъ лжетъ?!. Я не знаю, кто изъ нихъ испорченнѣе: онъ или она...

Барыня баловала своего племянника, но ей горько было сознаться, что, пожалуй, мужъ и правъ...

Кадетъ заперся, думая, должно-быть, что онъ всѣ письма и записочки Полинѣ писалъ измѣненной рукой.

— У брата этой дѣвицы,—продолжалъ свои доводы баринъ,—въ рукахъ коллекція любовныхъ писемъ... Онъ съ ними явится къ мировому, и его адвокатъ этимъ какъ нельзя лучше воспользуется... Сейчасъ все это явится въ репортерскихъ отчетахъ!..

— И пускай!

„Трусить“ передъ „гласностью“ считала барыня верхомъ малодушія.

— Ты напрасно хорохоришься!

Это слово „хорохоришься“ показалось женѣ очень обиднымъ и вульгарнымъ.

Но мужъ продолжалъ свои доводы... Выходило, по его разсужденію, что они ни въ какомъ случаѣ не правы. Ихъ „нравственная“ и прямая обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы молодая дѣвушка, почти „ребенокъ“, не попадала подъ развращающее вліяніе въ ихъ домѣ; а соблазнять Полину началъ ихъ племянникъ!.. Стало-быть, идти на разбирательство—по крайней мѣрѣ, вредить молодому человѣку. Лучше довести его самого до сознанія своей вины, а не выдавать его.

Этотъ оборотъ доводовъ началъ дѣйствовать на барыню. Ей жалко стало Мишу. Она подумала и о томъ, что процессъ и въ Полинѣ вызоветъ чувство дешевой побѣды, если приговоръ судьи будетъ въ ея пользу... Тогда она, при *такомъ* братѣ, превратится въ закоренѣлую авантюристку и шантажницу...

Въ концѣ ихъ разговора состоялось молчаливое соглашеніе, хотя ничего не было сказано рѣшительнаго.

Каждый изъ нихъ остался съ непріятнымъ чувствомъ предстоящей исторіи; но и барыня склонилась къ тому, что „разбирательства лучше избѣжать, не изъ малодушныхъ, а изъ порядочныхъ и гуманныхъ мотивовъ...“

Надо было дѣйствовать.

Разбирательство у мирового назначалось черезъ недѣлю...

Но и братъ съ сестрой также ждали и разсчитывали.

Адамъ обдумалъ планъ; но сразу онъ его не объявлялъ сестрѣ. На женщинъ вообще онъ смотрѣлъ съ большимъ

презрѣніемъ. Полина, помѣстившись почти въ „углу", за перегородкой, у тѣхъ самыхъ жильцовъ, гдѣ квартировалъ и Адамъ, почувствовала себя гораздо хуже, чѣмъ у господъ. Тѣсно, темно, съ грязцой, заброшенно... Братъ цѣлый день въ магазинѣ, обѣдать ходитъ въ трактиръ или въ кухмистерскую; вечеръ проводитъ въ пивной и возвращается очень поздно... Въ театръ ни разу не предложилъ ей сходить... Она бы согласилась и на верхи, но онъ гордецъ, „фордыбака", ему непремѣнно—въ кресла... Даже мѣста амфитеатра въ Александринскомъ онъ считаетъ „ниже своего достоинства".

У нея оставалась всего одна красненькая — ея мѣсячное жалованье. За квартиру, за недѣлю, она отдала хозяйкѣ впередъ полтора цѣлковыхъ. Ѣла она дома, коечто, ходить въ кухмистерскую было дорого, особенно съ братомъ; онъ непремѣнно потребуетъ что-нибудь особенное, а платить заставлялъ ее половинную долю.

По утрамъ она ходитъ въ контору справляться — не требуютъ ли на мѣсто. И за это пришлось еще заплатить. Она рекомендуется на нѣсколько должностей: продавщицы, кассирши, за буфетъ; бонны она не поставила. Въ конторѣ она видитъ, какая „пропасть" ищущихъ мѣстъ, и не такихъ, какъ она, недоучившаяся, а настоящихъ — ученыхъ, съ курсовъ разныхъ... Бывшія педагогички ѣдутъ въ губернію, на двадцать рублей, а то такъ берутъ мѣста сельскихъ учительницъ, за „три синенькихъ", въ глушь, куда она „ни за какіе орѣхи" не поѣхала бы... Лучше умерла бы здѣсь, съ голоду...

Адамъ что-то замолчалъ о хорошемъ мѣстѣ. Только что она объ этомъ заикнется, онъ дастъ на нее окрикъ. Характеръ у него „дьявольскій", и она не стала бы съ нимъ жить, если бъ даже у нихъ были средства.

Думала Полина и о кадетѣ. Прошло дня четыре—она начала ждать записочки отъ Миши, хотя и не признавалась себѣ въ этомъ. Но онъ струсилъ — такъ рѣшила Полина; вѣроятно, мальчишески разрюмился; а если и заперся, все-таки же теперь не станетъ ее разыскивать.

Да и какой въ немъ „интересъ"?

Денегъ у него нѣтъ, въ офицеры — еще когда-то выпустятъ; Адамъ изъ него ничего не извлечетъ. Надо его бросить. Она къ нему и не имѣла никогда склонности.

И все-таки Полина заикнулась Адаму о кадетѣ. Онъ на нее прикрикнулъ:

— Дура ты! Дура! И больше ничего! Когда они теперь въ нашихъ рукахъ, а ты хочешь имъ опять всѣ козыри въ руки отдать!..

И она себя самоё дурой назвала.

Вѣдь ясное дѣло, что теперь надо добиться „отступного“, выставляя себя жертвой соблазна... Что̀ бы тамъ ни говорилъ кадетъ, какъ бы ни запирался, а письма налицо.

До разбирательства оставалось только три дня. Адамъ зашелъ къ ней, утромъ, отправляясь въ магазинъ; она еще лежала въ постели.

— Что валяешься?—далъ онъ на нее окрикъ.

Въ рукахъ у него была пачка писемъ и записокъ кадета.

— Я сейчасъ!—всполошилась она.

— Ну, лежи!..

Онъ сѣлъ на край постели и положилъ пачку на одѣяло.

— Вотъ что̀ ты сдѣлай,—началъ онъ полушопотомъ.— Разбери хорошенько, отложи къ сторонѣ большія цидулы, гдѣ онъ ужъ настоящей своей рукой писалъ; а записочки, которыя вначалѣ были и рука гдѣ измѣнена, особо отложи и перевяжи тесемочкой. И чтобъ все было готово... Я послѣ завтрака отпрошусь—и пойду...

— Къ нимъ?

— Извѣстное дѣло!

— Лучше отъ нихъ подождать...

— Засылать они не будутъ; а что теперь трусятъ—я пари подержу; а главное, ты не суйся!.. Не съ твоимъ куринымъ мозгомъ это все разсудить!..

Она не возражала и внутренно очень обрадовалась: Адамъ своего добьется и съ пустыми руками не придетъ. Она хотѣла даже обнять его, да онъ такихъ „миндальностей“ не терпѣлъ.

Какъ только она осталась одна, Полина поспѣшно умылась, и въ кофточкѣ принялась разбирать записочки и письма, разбила ихъ на нѣсколько пачекъ, отдѣлила большія отъ маленькихъ, и тѣ, гдѣ Миша пылче всего выливалъ свои чувства, положила отдѣльно. А потомъ начала въ каждой кучкѣ отбирать то, что̀ писано безъ измѣненія почерка, и класть особо. Такъ же и съ записками, гдѣ кадетъ еще старался писать чужой рукой.

Къ приходу Адама все было приготовлено. Полину нѣсколько разъ разбиралъ тихій смѣхъ, когда она раскладывала кучки и потомъ собирала ихъ въ двѣ пачки.

Каждую пачку она перевязала „фавёркой“. У нея нашлась и голубая тесемочка изъ-подъ конфетъ, и красная ленточка, которой уже былъ первоначально перевязанъ пакетикъ съ сашѐ и парой еще не надѣванныхъ перчатокъ.

Голубымъ она перевязала записки съ измѣненной рукой, болѣе скромныя и невиннаго содержанія, краснымъ—остальныя; тамъ стояли самыя пылкія любовныя слова. Красный цвѣтъ прямо подходилъ къ такому содержанію. Она видѣла, въ одной пьесѣ, переводной съ французскаго, какъ любвникъ возвращаетъ своей возлюбленной пачку ея писемъ. И она отлично помнитъ, что они были перевязаны крестъ-накрестъ ленточкой, такъ аккуратно и красиво, какъ вотъ теперь она все подобрала и увязала.

Часу въ двѣнадцатомъ пришелъ Адамъ.

Полина пріодѣлась. Она была увѣрена, что онъ возьметъ ее съ собою. Ей даже представлялась сцена въ гостиной... Ее непремѣнно посадятъ на кресло, и она будетъ сидѣть съ опущенными рѣсницами, въ то время какъ братъ приступитъ къ объясненію... Она умѣетъ, гдѣ нужно, и покраснѣть. Вмѣшиваться она не станетъ. Вотъ они и посмотрятъ, какія у нея манеры и какъ она себя держитъ... Пускай поищутъ: какую такую бонну найдутъ они на десять рублей!

Въ этихъ мысляхъ Адамъ засталъ ее. Она была уже въ шляпкѣ.

— Ты куда?—отрывисто спросилъ онъ.

— Съ тобой, Адаша.

— Остроумно!..

— А развѣ я лишняя?

— Ты-то?.. И очень! У тебя никакого апломбу нѣту, а тутъ нужно мужское давленіе... Можешь и снять шляпу...

— Все равно... Выйдемъ вмѣстѣ... Я въ контору пройду!..

— То-то въ контору!.. Не начни по Пассажу прохаживаться!

— Что это, Адамъ!

Она чуть не расплакалась!.. Какъ могъ онъ ее подозрѣвать въ такой „гнусности“?!.. Да и съ какой стати выставляетъ онъ себя такимъ строгимъ гувернеромъ?.. А самъ-то онъ развѣ не кутитъ? Но ей строгость Адама все-таки скорѣе нравилась. Онъ, стало-быть, стоитъ за „ндравственность“, какъ она произносила, съ буквой „д“

— Ну, хорошо,—кротко произнесла она,—ступай одинъ!.

— Подай письма!—приказалъ Адамъ.

Полина подала обѣ пачки.

— Которыя писаны съ поддѣлкой?

— Вотъ эта связка, поменьше...

Адамъ взялъ ее и засунулъ въ боковой карманъ пиджака.

— А эти ты не возьмешь? — съ удивленіемъ спросила Полина и держала въ рукахъ пачку побольше.

— Нѣтъ, не возьму.

— Да это жъ главныя...

— Запри ихъ въ сундукъ!.. Они пригодятся; только не сразу.

Онъ усмѣхнулся на особый ладъ.

Въ его усмѣшкѣ Полина могла прочесть:

„Ты дурочка—ничего не понимаешь!..“

Съ тѣмъ онъ и ушелъ. Полина отправилась въ контору послѣ него. Она еще попудрила себѣ носъ и немного чолку. Передъ зеркаломъ—оно было еще меньше и плоше, чѣмъ у господъ—раздумалась она еще разъ: почему Адамъ взялъ съ собою только одну пачку записокъ?—и рѣшила, что онъ „будетъ держать за пазухой камень“.

Она заперла оставленную ей связку въ свой сундукъ и почувствовала, что изъ всего этого что-нибудь и выйдетъ.

Въ это время Адамъ уже звонилъ у парадной двери той квартиры, откуда его хотѣли выпроводить съ дворникомъ. Усмѣшка не сходила съ его сухого и властнаго рта. Какъ только горничная отворила ему, онъ вошелъ очень смѣло, шляпы не снималъ и велѣлъ передать карточку барынѣ.

— Я по дѣлу,—прибавилъ онъ басомъ.

— Барыня вышедши,—доложила горничная и карточки не брала.

— А баринъ дома?

— Дома-съ...

— Въ такомъ случаѣ отдайте карточку ему.

Баринъ прочелъ на карточкѣ: „Адамъ Ардальоновичъ Пышковскій“, и не догадался, что это братъ Полины; ея фамилію онъ плохо помнилъ.

— Это тотъ... скандалистъ, — шопотомъ доложила ему горничная.

— Какой скандалистъ?

— Братъ Поли...

„Полиной“ она не желала называть бывшую горничную.

— Позовите!—приказалъ тотчасъ же баринъ.

Въ просторномъ кабинетѣ свѣтъ падалъ изъ оконъ прямо на входную дверь.

Адамъ вошелъ, остановился у самой двери и оглянулъ кабинетъ. Баринъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, прямо противъ него, но на большомъ разстояніи.

— Садитесь,—сказалъ ему баринъ вѣжливо и, какъ ему показалось, съ улыбочкой.

Эта улыбочка могла значить: „я тебя, милый мой, не очень боюсь".

— Вы братъ Полины?

— Нешто не узнали меня?—довольно безцеремонно спросилъ Адамъ.

— Узналъ-съ,—оттянулъ баринъ.—Вы пришли, вѣроятно, предложить намъ мировую...

Отпираться было бы глупо.

— Ежели подходяще,—процѣдилъ Адамъ почти сквозь зубы.

— Что же вы желаете?..

— Да вотъ... у насъ есть фактическія доказательства...

Адамъ вынулъ пачку писемъ и держалъ ихъ двумя пальцами правой руки.

— Записочки?

— Вашего племянника. Помимо всего прочаго... какъ вы прогнали дѣвушку, со срамомъ и безъ всякаго повода.

Тонъ Адама поднялся.

— Вы сколько же хотите за эти записки?—перебилъ его баринъ, и на лицѣ его опять заиграла усмѣшка.

— Извините... я не шантажистъ какой-нибудь.

— Мы это оставимъ...

Баринъ вышелъ изъ-за письменнаго стола и сдѣлалъ два-три шага къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ братъ Полины.

— Ежели соотвѣтственно обидѣ...

Слова выходили у Адама съ задержкой, и это начало его бѣсить. Онъ слегка покраснѣлъ.

— Тутъ все записки моего племянника?..

— Обязательно!—отвѣтилъ Адамъ и прибавилъ:—Положимъ, въ нѣкоторыхъ поддѣлана рука. Но господинъ кадетъ не очень искусенъ по этой части... Въ томъ случаѣ, какъ онъ будетъ запираться... есть вѣдь на это и эксперты...

— Конечно!—весело отвѣтилъ баринъ.

Его братъ бонны занималъ, и онъ уже видѣлъ, что дѣло кончится „отступнымъ".

— Поддѣлка самая немудрая...

— Позвольте поглядѣть...

Братъ Полины повернулся въ креслѣ.

— Да какъ же я съ вами па сдѣлку пойду, если я не ознакомлюсь съ этими... документами?..

— Ужъ будьте покойны... А впрочемъ, я къ вамъ пришелъ въ надеждѣ на благородное обхожденіе... Извольте... Просмотрите! Вотъ я здѣсь кладу.

И Адамъ положилъ пачку на маленькій столикъ, около его кресла.

Баринъ подошелъ, развязалъ и подержалъ въ рукахъ нѣсколько записочекъ.

— Въ сущности, это вздоръ!—выговорилъ онъ.

— А ежели вздоръ, то изъ-за чего же вы сестру мою со шкандаломъ выгнали? Въ чемъ ея преступленіе? Въ томъ, что она, какъ ваша супруга увѣряетъ, отвѣтила ему?

— Преступленія никакого нѣтъ, а бонна назначила свиданіе въ Лѣтнемъ саду, что́ не желательно было для насъ, вотъ и все...

— Превосходно-съ; а желательно ли будетъ для господина кадета, если, напримѣръ, его начальство извѣстится о его похожденіяхъ?

Вопросъ Адама звучалъ такъ увѣренно, что баринъ сказалъ мысленно:

„Какой молодой, но чистокровный негодяй!"

Ему захотѣлось вытолкать Адама, но онъ воздержался.

— Хорошо,—выговорилъ онъ, кладя записки на столикъ.—Чего вы желаете?.. Если ваша цифра будетъ нелѣпо высока, извольте являться къ мировому.

Адамъ поторговался, но не очень; въ сундукѣ Полины лежали остальныя письма, поцѣннѣе этихъ записочекъ, и баринъ такъ былъ простъ, что удовольствовался ими.

Отъ него потребовали расписки въ полномъ удовлетвореніи. Когда онъ спускался съ лѣстницы, въ карманѣ у него лежало двѣ „бѣленькихъ", но онъ ихъ не отдалъ сестрѣ, а сказалъ, что половину онъ положилъ для нея „на текущій счетъ".

VI.

О Полинѣ въ домѣ ея бывшихъ господъ стали забывать. Кадета простили. Новая бонна не могла, по своему виду и лѣтамъ, вызывать въ немъ любовнаго влеченія. Но у его тетки остался на душѣ точно дурной вкусъ отъ

того, что съ братомъ Полины пошли на сдѣлку и заплатили отступное. Напротивъ, мужъ ея былъ очень доволенъ и ни въ чемъ себя не упрекалъ.

Раннимъ послѣобѣдомъ, барина не было дома, барыня сидѣла въ дѣтской и показывала Шурѣ картинки изъ книги „Степка-Растрёпка". Хотѣлось ей также заставить ее выучить наизусть сентиментальные стишки. У Шуры память становилась очень цѣпкой, и она то и дѣло передразнивала отца съ матерью, свою бонну, старшую сестру и братишку. Она знала и куплетики изъ „Малютки":

„Публика отборная
Въ залѣ собрана:
Комната просторная
Ужъ полнымъ-полна!"

Горничная доложила, что съ задняго крыльца пришелъ какой-то пожилой господинъ и говоритъ, что у него до барыни дѣло. Фамиліи своей не называетъ.

— На бѣдность?

— Должно полагать, что такъ...

— Попросите въ гостиную...

— Да къ нему и въ коридоръ бы можно...

— Попросите въ гости́ную!—съ ударе́ніемъ сказала барыня и спустила съ своихъ колѣнъ Шуру.

Въ гостиной стояла полутемнота. Горничная зажгла двѣ свѣчи на одномъ изъ дальнихъ подзеркальниковъ.

У камина стоялъ высокій человѣкъ, сѣдой, съ длиннымъ, смѣшнымъ носомъ, бородатый, обвязанный шарфомъ, въ плохой черной парѣ.

Всего скорѣе было принять его за „просящаго", какимъ его и сочла горничная.

Онъ раза два кашлянулъ хрипло и глухо и переминался съ ноги на ногу. Отъ него по гостиной пошелъ запахъ плохого табаку и неопрятнаго, стараго платья.

— Вамъ угодно?—спросила барыня, прищуриваясь отъ близорукости.

„Проситель"—такъ она его уже окончательно опредѣлила—пододвинулся, нагнулъ на особый ладъ голову и спросилъ:

— Вы однѣ изволите быть?

Тономъ онъ напоминалъ дворецкаго или управителя изъ отпущенниковъ.

И вдругъ барынѣ стало немного жутко, почти страшно. Онъ могъ броситься на нее и зарѣзать.

Она позвонила.

— Зажгите лампу, здѣсь темно.

Горничная хлопотала около лампы, поглядывая на барыню.

И ей дѣлалось жутко. Больше никого, кромѣ дѣтей, не было въ домѣ. Бонна и кухарка отпросились со двора.

— Вамъ угодно?—повторила барыня, когда горничная ушла.

Старикъ осмотрѣлся и сдѣлалъ два шага отъ камина.

— Моя фамилія Пышковскій... Вамъ не безызвѣстна?..

— Пышковскій?..

— Отецъ дѣвицы Пелагеи, что жила у васъ при дѣтяхъ...

— А-а!..

Ей сейчасъ представилась вся исторія съ Полиной.

„Опять шантажъ!"—подумала она и поглядѣла тревожно на этого отца „дѣвицы Пелагеи". Онъ уже выдѣлялся при свѣтѣ лампы гораздо отчетливѣе. Его длинный носъ тревожилъ ее,—она еще такъ недавно читала книгу Ломброзо о преступномъ человѣкѣ, и тамъ говорится, что у всѣхъ воровъ и грабителей длинные носы. Но глаза съ красноватыми вѣками и унылымъ взглядомъ вызвали въ ней чувство жалости.

„Зачѣмъ оскорблять подозрѣніемъ?"—спросила она.

— Вы позволите присѣсть?—спросилъ отецъ Полины.

Ей сдѣлалось опять совѣстно за себя: почему она раньше не пригласила его сѣсть.

Онъ сѣлъ и опять закашлялся.

— Извините—безпокою васъ... Катаръ привязался... А въ Петербургѣ, при такомъ климàтѣ...

Слово „климатъ" онъ выговорилъ съ удареніемъ на „à".

Барыня припомнила, что ей Полина разсказывала про отца своего. Онъ управлялъ большими помѣстьями, жилъ бариномъ, „пострадалъ" и скитался неизвѣстно гдѣ.

„Можетъ-быть, онъ бѣглый преступникъ или каторжный?"

Этого вопроса она опять застыдилась.

— Сударыня, — продолжалъ онъ и повернулъ вбокъ свою голову съ приплюснутымъ затылкомъ и съ лысиной на маковкѣ, — про свои мытарства я вамъ разсказывать не буду... зачѣмъ же лишать драгоцѣннаго времени?.. По-

страдалъ!.. Дѣтямъ хотѣлъ дать надлежащее воспитаніе... Сами изволите видѣть... Пелагея кое-чему училась... и на фортепьянахъ, и по-французски... дѣвочка она не дурная... только характеромъ вышла легкая... Надо снизойти...

— Что же вамъ угодно?—перебила его барыня.

— А собственно такъ, позвольте изъясниться...

„Опять что-нибудь кляузное",—подумала барыня и стала жалѣть о томъ, что мужа ея нѣтъ дома.

— Она загладила свою глупость... Вотъ я теперь вернулся... Почти что съ волчьимъ паспортомъ,—онъ опустилъ голову, но голосъ его пошелъ ей въ душу, — пить, ѣсть надо, а кто же можетъ, хоть на первыхъ порахъ, поддержать. Дѣти — сынъ не задался... Черстваго сердца. Пелагея не въ примѣръ добрѣе... И вотъ, сударыня, отъ вашего милосердія будетъ зависѣть...

— Я ничего не могу!.. — стремительно выговорила барыня.

— Весьма многое, прошу извинить меня...

— Мы и безъ того...

— Я знаю-съ,—докончилъ отецъ Пелагеи,—что въ вашемъ помѣщеніи вышло не совсѣмъ пристойное препирательство. Дѣвочка обидѣлась... хотя за ней, безъ сомнѣнія, была вина. Позвольте, какъ родителю, и свое сужденіе сказать. Допустить себя до полученія любовныхъ записочекъ и даже пространныхъ писемъ ей, ни въ какомъ разѣ, не слѣдовало. Ежели ваша добрая воля была прекратить все дѣло...

— Вамъ извѣстно, какую роль во всемъ этомъ игралъ вашъ сынъ?

— Извѣстно-съ... И я, сударыня, одобренія моего не даю... Это, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы вымогательство...

— Вы сами сознаете?

— Всенепремѣнно. И будь я здѣсь, ни до чего бы такого не допустилъ, хотя бы и при полной денежной крайности.

„Онъ, кажется, честный",—поторопилась подумать барыня, и ей уже не было жутко отъ присутствія этого человѣка съ волчьимъ паспортомъ и длиннымъ „преступнымъ" носомъ. Вѣдь одинъ носъ не можетъ же быть несомнѣннымъ признакомъ порочности?.. Вонъ и у Шурочки какой уже большой носъ, хоть и „комическій".

— Это очень похвально,—выговорила барыня и опять

опустила голову: ей показалось, что она не имѣетъ права учительствовать.

— Въ настоящемъ же обстоятельствѣ обращаюсь униженно къ вашему великодушному сердцу и прошу убѣдительно вникнуть...

Она чуть замѣтнымъ жестомъ остановила его на нѣсколько секундъ.

— Дочери моей выходитъ очень хорошее мѣсто. И меня, черезъ нее, могутъ призрѣть. Люди богатые... У нихъ усадьба подъ Петербургомъ... безъ надлежащаго надзора. Меня бы пустили пріютиться во флигелѣ для надзора за зданіями и экономіей...

— Очень рада, если ваша дочь опять на хорошей дорогѣ.

— Но, сударыня, безъ личной рекомендаціи ничего теперь невозможно получить...

Барыня начала понимать.

— Вамъ угодно, стало-быть?..

— Вашего благороднаго содѣйствія... Не пускайте и дѣвочку мою съ волчьимъ паспортомъ... Она вамъ, сударыня, да, полагаю, и дѣтямъ вашимъ зла не могла сдѣлать...

— Конечно, — отвѣтила барыня, — но если Полина поступаетъ на мѣсто педагогическаго характера, я не могу рекомендовать ее... у нея нѣтъ никакой подготовки... и вы сами знаете, что натура у нея... легкая...

— Ахъ, матушка!..

Голосъ старика дрогнулъ.

Онъ вдругъ полѣзъ рукой въ боковой карманъ сюртука и вынулъ оттуда какой-то пакетъ.

— Приношу вамъ убѣдительное доказательство... моихъ шляхетныхъ чувствъ. У сына вытребовалъ я эти письма вашего племянника, уже подлинной рукой писанныя... Они могли бы подать поводъ къ новому разбирательству... Я вытребовалъ, сударыня... вотъ они... Прошу нѣсколькихъ строкъ вашей многоуважаемой руки...

„Вотъ оно что!“—подумала барыня, и вся вспыхнула.

Она сообразила, что ея мужъ промахнулся, а племянникъ опять можетъ быть привлеченъ къ щекотливому дѣлу...

— Извольте!..

Черезъ пять минутъ, послѣ нѣсколькихъ прочувствованныхъ фразъ, съ рекомендаціей въ рукахъ, отецъ Полины удалился.

Въ столовой кончали обѣдъ. И баринъ, и барыня все еще находились подъ впечатлѣніемъ недавней второй исторіи. Она кончилась благополучно. Письма кадета сожжены. Хотя въ нихъ и не было ничего опаснаго, даже если бъ отецъ Полины донесъ начальству Миши; но онъ безъ выкупа не возвратилъ бы ихъ, непріятность вышла бы непремѣнно.

Обоимъ дышалось легче, но минутами и мужъ и жена сознавали, что оба они „сглупили“: одинъ черезчуръ испугался, другая перепустила своего гуманизма. Имъ хотѣлось забыть про всю эту глупую исторію. Главный поводъ къ ней — Миша — чувствовалъ свою вину, сидѣлъ теперь за „зубреньемъ“ къ экзамену и приходилъ рѣже.

Обѣдалъ у нихъ товарищъ мужа по службѣ, моложе его, очень франтоватый и ласковый къ дѣтямъ. Онъ, почти каждый разъ, возилъ имъ сласти, противъ чего возставала мать.

И сегодня онъ привезъ имъ московскаго лакомства. Кока, въ дѣтской, сосредоточенно доѣдалъ свою розовую палочку абрикосовской пастилы. Старшая дѣвочка обѣдала съ большими. Шура, тоже полакомившись пастилой, выпорхнула въ столовую, прильнула къ гостю и кончила тѣмъ, что сѣла ему на колѣни и трогала его бакенбарды, лацканы сюртука, булавку на галстукѣ и воротнички.

Мать нѣсколько разъ останавливала ее.

— Мы друзья!..—успокаивалъ гость.

— А у тебя нѣтъ того, что у папы...

И она показала на манжеты отца. У гостя они подошли подъ обшлага рукава.

— Нѣтъ, есть!..—отвѣтилъ гость.

— Покажи!

Гость вытянулъ обѣ манжеты, онѣ блестѣли, и на каждой было по золотой запонкѣ съ жемчужиной посрединѣ.

Шура все это осмотрѣла, и ей непріятно было то, что она ошиблась. Манжеты налицо и запонки богаче, чѣмъ у папы.

Она даже наморщила кожу своего „комическаго“ носа.

— А вотъ у тебя, — сказалъ гость, — такъ нѣтъ никакихъ манжетъ...

И онъ прошелся двумя пальцами по кожѣ ея полненькой и голенькой ручки.

Шура задумалась—примолкла болѣе чѣмъ на минуту.

— Зато, -- съ торжествующимъ выраженіемъ и громко выговорила она,—у тебя нѣтъ крахмальной юбки!

Всѣ большіе разсмѣялись.

Но матери показалось, что въ этомъ отвѣтѣ звучали ноты недавней бонны, Полины. Шура начала обезьянить ея манеру говорить... У той были также быстрые отвѣты, не лишенные остроумія. И та способна отвѣтить чѣмъ-нибудь въ родѣ этой „крахмальной юбки“.

Съ искренней грустью подумала мать:

„Шура все-таки похожа на птицу, никакихъ идей она не пріобрѣтетъ“.

Но тотчасъ же, схвативъ веселые и добрые взгляды мужчинъ, обращенные на нее, утѣшилась мыслью:

„Зато ее будутъ любить!“

Прошло цѣлыхъ три года. Шура выучила наизусть всѣ стишки изъ „Степки-Растрёпки“; Коку водили въ Фребелевскій садъ. Старшая дѣвочка начала тосковать по длиннымъ платьямъ.

Мать ихъ стала болѣзненнѣе, еще похудѣла, но все такъ же читала книжки, интересовалась „вопросами“ и посѣщала лекціи. Вообще она мало ходила пѣшкомъ.

Разъ, на углу Невскаго и Садовой, около Пассажа, съ ней раскланялась изящная молодая дама, въ бархатной кофточкѣ съ бобромъ и высокой шляпѣ съ перьями. Красноватая вуалетка прикрывала верхнюю половину лица.

Барыня отвѣтила на поклонъ. Онѣ обѣ остановились разомъ.

— Какъ я рада!—воскликнула молодая дама и протянула ей руку.

„Кто это?“—спросила себя барыня. Лицо знакомое, но назвать она не можетъ.

„Должно-быть, на лекціяхъ встрѣчала“,—успокоила она себя и спросила:

— Давно васъ не видать! Какъ поживаете?

— Я замужемъ.

— А-а!

— Ужъ второй годъ... Мой мужъ имѣетъ контору. Мы живемъ хорошо. Онъ много зарабатываетъ. Дѣтей у насъ нѣтъ.

Показалось барынѣ изъ-подъ вуалетки, что щеки молодой дамы слегка подбѣлены. Голосъ тоже знакомый,

даже очень; но ничего она все-таки не можетъ пришпилить къ личности этой дамы.

— Очень рада...

— Вы позволите зайти къ вамъ?—спросила вкрадчиво дама.

— Пожалуйста! Мы все тамъ же.

— Въ Надеждинской? Въ угловомъ домѣ?

— Да!

Онѣ опять пожали другъ другу руку.

По дорогѣ домой, барыня раза два-три спросила себя: „да кто же это, наконецъ?“ И такъ и рѣшила, что какая-нибудь сосѣдка по лекціямъ Соляного-Городка.

Подаютъ ей карточку дня черезъ два. Стоитъ неизвѣстная ей фамилія.

— Просите!

Горничная пропустила въ дверь гостиной даму въ бархатной кофточкѣ съ бобромъ.

— Все у васъ попрежнему? — начала гостья, оглядываясь на стѣны.—А дѣти гдѣ? Кока, я думаю, большой! И Шура?..

— Извините,—конфузливо сказала барыня.—Я все припоминаю...

Гостья поняла.

— Да вы, кажется, не узнали меня?.. Поля, Полина!

— Ахъ, вы—Полина?

Первой мыслью барыни было: „да какъ же это у васъ, послѣ попытокъ шантажа, хватило смѣлости разлетѣться къ намъ?“

Но ея принципы взяли верхъ.

— Вы извините,—заговорила Полина, и сквозь бѣлила начала слегка краснѣть. — Я обрадовалась, когда встрѣтила васъ... Что̀ было, то̀ прошло! Мнѣ и дѣтей хочется повидать... Позвольте подарочекъ имъ принести...

И такъ все это было сказано безмятежно, добродушно, что барыня почти растрогалась.

Полина чувствовала свое полное торжество: ее приняли сразу за настоящую даму, и она будетъ вхожа въ домъ, откуда ее прогнали съ исторіей.

— Благодарю васъ! — еще сконфуженнѣе пролепетала ея бывшая барыня.

ПОСЛѢДНЯЯ ДЕПЕША.

I.

Раздавалось только прерывистое дыханіе въ полутемнотѣ покоя, гдѣ лежалъ тяжело-больной. Лампочка съ абажуромъ, скрытая въ углу, вбокъ отъ кровати, завѣшанной шерстяною матеріей, еле досылала свѣтъ до лица дѣвушки, слѣдившей за дыханіемъ больного. Она стояла у нижней спинки кровати и облокотилась на нее однимъ локтемъ.

Сквозь окна безъ двойныхъ рамъ и спущенныя гардины глухо доносился гулъ людной улицы огромнаго города. Въ каминѣ тлѣлъ коксъ. По угламъ комнаты начинало холодѣть.

На ночномъ столикѣ склянки, пузырьки, коробочки, стаканъ, ложечка—все перепуталось и говорило о быстрой смѣнѣ средствъ за какіе-нибудь три-четыре дня.

Не раньше, какъ въ среду, — шелъ четвертый день, — отецъ этой дѣвушки вернулся вечеромъ съ публичной лекціи, на бульварахъ, былъ возбужденъ, много и оживленно разговаривалъ, — какъ всегда; у нихъ сидѣли гости, и только, къ самому концу вечера, сказалъ, что на лекціи была ужасная духота и его немного прохватило при выходѣ.

Ночью открылся сильный жаръ. На другой день утромъ стало мучить колотье въ правомъ боку. Кашель, удушье, а потомъ и бредъ указывали на воспаленіе. Какъ разъ пріѣхалъ днемъ тотъ докторъ, большая знаменитость, что̀ заѣзжалъ, разъ въ недѣлю, къ ней. Она только что опра-

вилась передъ тѣмъ отъ нервнаго разстройства. Докторъ былъ знаменитостью собственно по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Онъ сталъ лѣчить и отца.

Опасность сказалась съ перваго же утра. Докторъ не произнесъ еще названія болѣзни, но она уже догадывалась, что это воспаленіе легкихъ, или, по крайней мѣрѣ одного праваго, гдѣ было самое сильное колотье.

Дома никто головы не терялъ. Двѣ ея меньшія сестры: постарше—отъ одной съ нею матери, а другая—дѣвочка—отъ мачихи, хотѣли чередоваться съ нею и съ мачихой около больного, но онъ ихъ усылалъ.

Маленькая сестра съ перваго дня была недовольна тѣмъ, какъ знаменитый докторъ началъ лѣчить отца.

— Онъ не долженъ былъ браться! — строго говорила она. — Онъ знаетъ хорошо совсѣмъ другія болѣзни. Что онъ такое сдѣлалъ? Сейчасъ поставилъ банки! Развѣ ставятъ банки? Это при Мольерѣ такъ лѣчили: пускать кровь!

И старшая сознавала, что это—правда, хоть и двѣнадцатилѣтняя дѣвочка такъ негодовала. Но отказать доктору никому не пришло въ голову: вѣдь онъ — знаменитость и лѣчитъ отъ всякихъ внутреннихъ болѣзней. У нея скребло теперь на сердцѣ оттого, что такъ сдѣлалось по ея винѣ.

Вѣдь докторъ навѣщалъ ихъ только для нея. Не будь ея—онъ не пріѣхалъ бы съ визитомъ, и лѣченіе пошло бы иначе. О консиліумѣ она было заикнулась, но ей самой стало ужасно страшно. Вчера отецъ лучше себя чувствовалъ; весь день не впадалъ въ забытье, меньше кашлялъ, говорилъ со всѣми, шутилъ. Онѣ всѣ обрадовались. Сегодня, съ утра, пошло хуже да хуже. Докторъ былъ два раза: по его лицу, ужимкѣ губъ, по взгляду, точно тайкомъ брошенному сегодня вечеромъ на больного, она поняла всю глубину опасности.

Докторъ, уходя, произнесъ слово: „кризисъ", —слово, ничего не говорящее и страшное. Кризисъ долженъ произойти въ ночь или къ утру. А ночь уже началась. Она знаетъ, что если къ утру отцу лучше не будетъ, тогда все уже поздно. И тогда-то и пригласятъ на консиліумъ еще двухъ-трехъ знаменитостей.

Строгое, красивое, не очень уже молодое лицо дѣвушки вытянулось отъ двухъ ночей безъ сна. Носъ съ горбиной передалъ ей отецъ, и большіе голубые глаза, и широкія темнорусыя брови. Она смотритъ въ полутьму, силится,

въ совершенной темнотѣ пòлога, разглядѣть дорогія черты. Овалъ головы выступаетъ; густые волосы съ просѣдью разметались. Голова лежитъ навзничь, но обернулась немного влѣво, къ стѣнѣ. Воротъ мягкой рубашки поднялся и рѣзко отдѣляется отъ темноты пòлога. Теперь она видитъ, что глаза только полузакрыты и ротъ—также. Дыханіе идетъ ртомъ, тревожно, съ особымъ звукомъ, хватающимъ ее за душу.

Одѣяло плотно, какъ всегда во французскихъ постеляхъ, покрываетъ грудь больного до подмышекъ. Одна рука — правая — выбилась наружу и, нѣтъ-нѣтъ, поднимается и дѣлаетъ жесты.

Это опять начало бреда.

„Неужели *его* не станетъ завтра, послѣзавтра? — думаетъ дочь.—Еще въ среду его разговоръ такъ искрился!.. Кто бы сказалъ тогда, что ему уже подъ шестьдесятъ? Да и какой это возрастъ для людей, какъ *онъ?*"

Она думала объ этомъ почти спокойно. Мысль о смерти не вставала еще передъ нею, какъ холодящее ощущеніе, а только какъ смутная возможность.

Ее мучило гораздо болѣе то, что „изъ-за нея" „спеціалистъ совсѣмъ по другимъ болѣзнямъ" началъ лѣчить и его; и ни у кого не достало духу или ума, находчивости отстранить его. На маленькую ея сестру прикрикнули даже за ея „умничанье", за то, что она нашла банки „допотопнымъ лѣченіемъ".

Кризисъ назрѣвалъ. Что-то дѣлается въ этомъ правомъ легкомъ? Нѣтъ ли въ немъ и теперь уже нарыва? Тогда—конецъ.

II.

Больной сдѣлалъ движеніе. Дѣвушка нагнулась.

— Чтò такое, чтò такое?..

Онъ спросилъ испуганно и поднялъ голову въ полузабытьи.

— Это я.

— Депеша есть?

— Не принесли еще.

— Ну вотъ, ну вотъ!

Онъ хотѣлъ, кажется, совсѣмъ выпрямиться, но силъ у него недостало. Голова безпомощно упала на подушку; одной—правой—рукой попробовалъ онъ сдѣлать неопредѣленный жестъ.

И опять впалъ въ забытье.

Вечерняя депеша запоздала. Утромъ была уже одна. Какъ только онъ выходилъ изъ забытья, первый его вопросъ:—„депеша есть?“

Тамъ, на Женевскомъ озерѣ, лежитъ больной его другъ. „Но у того старая, запущенная болѣзнь, приковавшая его къ постели „надолго“,—почти съ завистью подумала дѣвушка.

Но ей не стало обидно ни за себя, ни за остальныхъ домашнихъ, что отецъ и въ тяжкой болѣзни думаетъ только о своемъ „Николѣ“. Онъ всѣхъ ихъ любитъ,— мысленно она выговорила „любилъ“, — и брата, и ее: сколько тяжелыхъ заботъ положилъ на ея воспитаніе, болѣзни; чему ни училъ, куда ни возилъ? И меньшихъ сестеръ — также, особенно самую меньшую, отъ второй жены.

Но „Николя“ — это нѣчто особенное! А вѣдь онъ просто пріятель, чужой по крови. *Такой* дружбы она никогда не видывала, да и не читала нигдѣ въ книжкахъ. Между ними встала женщина. Другіе бы подставили другъ другу грудь на дуэли, а тутъ одинъ уступилъ другому права мужа. Иначе и не могло быть при такомъ чувствѣ...

Дѣвушка, отъ усталости, опустилась на низкій табуретъ, позади кровати, но голова ея была возбуждена.

Необычайная дружба ея отца съ его „духовнымъ“ братомъ повела ее теперь къ думѣ о той странѣ, откуда ее вывезли годовалымъ ребенкомъ. Это — ея *родина;* а увидитъ ли она ее когда-нибудь? При жизни отца, конечно, нѣтъ!.. Она и не хочетъ этого. Пускай она *никогда* не вернется на родину, только бы жилъ *онъ*...

Но эта родина—живая, передъ нею, въ его лицѣ. Отецъ ея пріѣхалъ оттуда совсѣмъ готовымъ человѣкомъ, большимъ талантомъ, блестящимъ, несравненнымъ писателемъ, и привезъ съ собою то, чѣмъ его сдѣлала родина, и тотъ городъ, гдѣ онъ родился, гдѣ учился, гдѣ съ отроческихъ лѣтъ полюбилъ своего „Николю“.

Всѣ его разсказы о томъ времени именно теперь приходили ей на память, и всего ярче выяснялись въ головѣ годы студенчества и первой любви, женитьбы, пріятельскаго кружка передъ давно и страстно желанной поѣздкой въ Европу...

Быть-можетъ, никогда не попадетъ она туда, въ старую русскую столицу, — ее что-то увѣряетъ въ этомъ, —

а она отсюда видитъ всѣ мѣста—въ городѣ и въ окрестностяхъ его—особенно за городомъ. Она видитъ деревенскій домъ на пригоркѣ, въ сторонѣ отъ шоссе,—позднѣе тамъ же прошла и желѣзная дорога,—съ садомъ, надъ обрывомъ, съ живописными холмами и лощинами вокругъ. Пріятельская пирушка на воздухѣ затянулась. Справляютъ день рожденья... или провожали кого-то: все равно,—случаевъ бывало много. Какіе споры, сколько идей и блеска, пыла, веселости, надеждъ!.. Вино пили щедро. Одинъ изъ пріятелей, докторъ, хохочетъ раскатистымъ смѣхомъ, страшнымъ для непривычнаго слуха, на всѣхъ кричитъ, всѣмъ командуетъ, и всѣ его слушаются, и всѣмъ весело отъ выходокъ чудака...

Имъ становилось нестерпимо въ тогдашней жизни; они задыхались, страдали душой; а время, все-таки, было чудное. Беззавѣтная, лучезарная дружба ея отца съ его „Николей“ и тогда поднималась надо всѣмъ, чтó двое постороннихъ мужчинъ могутъ испытывать другъ къ другу...

Почему же такъ?

Должно-быть, ихъ „поколѣніе“ не такъ чувствовало, какъ теперешнія? Гдѣ у ней самой, въ ея дѣвичьей жизни, что-нибудь похожее? А она уже пожила на свѣтѣ, ей идетъ двадцать шестой годъ; еще два-три года, и она—„старая дѣва“. Оттого-то имъ—этимъ людямъ „сороковыхъ годовъ“—такъ особенно и жилось. Нужды нѣтъ, что многіе поплатились за свои идеи и упованія... Сколькихъ разбросало по свѣту: тѣхъ сослали, эти ведутъ скитальческую жизнь на чужой сторонѣ; никто не сдѣлалъ карьеры.

Зато всѣ почти, кто остался вѣренъ себѣ, сойдутъ въ могилу съ именемъ...

„Но чтò имя, когда живой человѣкъ перестанетъ дышать?..“

Она вся вздрогнула: побоялась, что ея душа перейдетъ въ сонъ...

„Чтò--слава, когда вотъ тутъ, на этой постели, будетъ лежать холодѣющее тѣло?..“

И это можетъ-быть. Неужели—завтра?

Она быстро закрыла лицо ладонями и почти зажала себѣ ротъ, чтобы не разрыдаться.

Но на душѣ у нея, сквозь ѣдкую боль, смѣшанную съ ужасомъ смерти отца, просвѣчивало что-то, вызванное теплою думой о чудной дружбѣ людей „того“ поколѣнія.

Все переживетъ такое чувство: и страсть къ любимой женщинѣ, и славу, и даже кровную связь съ дѣтьми... Она не ревновала къ другу за ежедневныя депеши отца. Съ какою радостью сѣла бы она около кровати и стала бы писать текстъ телеграммы, подъ его диктовку, какъ дѣлала сегодня, уже два раза, и вчера также, если бъ это не было ему такъ вредно; а удержать его нельзя: онъ не можетъ отказаться отъ такого высшаго наслажденія...

III.

Дверь тихонько отворилась. Въ спальню проскользнула дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, рослая, бѣлокурая, съ крупнымъ ртомъ, въ темной шерстяной блузѣ, перетянутой широкимъ кожанымъ кушакомъ.

Она беззвучно подбѣжала къ старшей сестрѣ, сѣла къ ней на колѣни, озиралась на больного и стала разспрашивать ее такъ тихо, что та понимала ее больше по движеніямъ губъ.

— Спитъ?

— Въ забытьи.

— Бредитъ?

— Почти нѣтъ.

— О чемъ спрашивалъ?

— О депешѣ.

— Нѣтъ депеши: вчера пришла въ четверть восьмого, а сегодня нѣтъ!—сказала дѣвочка и сдвинула свои тонкія брови.

Она помолчала нѣсколько секундъ и начала, уже отъ себя, разсказывать порывисто, но отчетливо, и все такимъ же еле слышнымъ шопотомъ.

— Я умоляла мàму послать депешу брату, а она не согласилась; говоритъ: „что̀ его напрасно пугать?..“

— Она права,—строже выговорила старшая сестра.

— Надѣется на кризисъ!..

Это слово обдало старшую холодомъ.

Дѣвочка повела губами.

— Я ему не довѣряю...

— Кому?

— Да доктору! Кризисъ! Фраза! — прибавила она совсѣмъ какъ большая.

Онѣ помолчали.

— Порошокъ принялъ?

— Принялъ.

— Ахъ, хоть бы пришла депеша! Это его опять оживитъ...

И, отвѣчая на свою мысль, она сказала медленно:

— Не всѣ *его* такъ любятъ... изъ друзей...

— А что?

— Да вотъ... заходилъ тотъ...

Она назвала имя стариннаго пріятеля отца, жившаго также за границей, съ которымъ онъ былъ, одно время, въ ссорѣ, но незадолго до болѣзни помирился.

— Мама при мнѣ ему говоритъ,—продолжала дѣвочка и держала свое лицо совсѣмъ плотно къ лицу сестры, — говоритъ ему: „послушайте, вы мнѣ разъ какъ-то сказали, что у васъ, изъ русскихъ, было только два самыхъ дорогихъ человѣка: онъ, — дѣвочка повернула немного голову къ кровати,—и тотъ еще“... ну, ты знаешь... критикъ?..

— Знаю.

— Мама его и просила—я весь разговоръ слышала:— „останьтесь до завтра,—докторъ объявилъ, что завтра — кризисъ,—что̀ вамъ сто̀итъ подождать до завтра? Одно изъ двухъ: или онъ встанетъ, или“...

Дѣвочка поблѣднѣла, схватила руку сестры и сильно пожала ее.

— И что же?

— Мама еще ему сказала: „вѣдь вы будете упрекать себя, если вдругъ вы его никогда не увидите“...

— Не говори такъ!

— Кажется, это на всякаго бы подѣйствовало!

— Неужели... не захотѣлъ?

— Простился!

Губы дѣвочки сложились въ горькую усмѣшку.

— Вотъ такъ другъ! — болѣе рѣзкимъ шопотомъ выговорила она.

— Почемъ знать?.. Онъ не могъ, — сказала старшая сестра: она всегда боялась осуждать другихъ.

— Это ясно!—рѣшила дѣвочка.—И пускай его! И не надо! Только вотъ папа, бывало, хвалитъ все свое, — она недолго искала слова,—свое поколѣніе!..

Ея развитость не по лѣтамъ давно пріучила ее къ такимъ словамъ.

— Вотъ тебѣ и поколѣніе, и друзья!.. Кто изъ насъ на это способенъ?..

Слова ея, проговоренныя шопотомъ, вызвали въ старшей опять думу о дружбѣ отца, о томъ поколѣніи, что дѣвочка сейчасъ такъ искренно обличала... Стало — это все было тамъ въ гостиной, полчаса тому назадъ? Стало—и ея отецъ можетъ-быть для пріятелей, для тѣхъ, кто такъ долго шелъ съ нимъ рука объ руку, настолько безразличнымъ, что не хочется даже переночевать, чтобы узнать: остался онъ живъ, или нѣтъ?!.

„И пускай его!“ повторила она слова своей сестренки—мѣткія слова.—„И не надо!“ Пусть одна только дружба—та, про которую отецъ любилъ произносить стихи Пушкина, когда говорилъ о „союзѣ“ съ близкими сердцу: —„Онъ какъ душа—нераздѣлимъ и вѣченъ!“—пусть дружба эта грѣетъ его, и освѣщаетъ, и призоветъ опять къ жизни!..

Слезы показались на ея рѣсницахъ.

— Мы его спасемъ! — страстно зашептала дѣвочка и прижалась къ ней.—Только ты пошла бы спать... милая! Оставь меня. Я насилу прогнала маму. Она на ногахъ не стояла... Но я прогнала!..

— Тсс!..

Больной повернулся, но не просыпался. Дѣвочка опустилась съ колѣнъ сестры, стала на цыпочкахъ у спинки и глядѣла въ темноту полога. Обѣ онѣ притаили дыханіе. Въ комнатѣ слышалось тиканье часовъ на каминѣ, да потрескиваніе догорающихъ углей.

Онъ началъ бредить. Обѣ дочери прислушивались. Сначала онѣ ничего не могли разобрать. Какъ будто онъ отъ кого-то отбивался. Онъ произносилъ слабые звуки, кажется, по-русски; но ни одного слова имъ не удавалось схватить.

IV.

Минуты черезъ двѣ голосъ сталъ крѣпчать; произношеніе было уже разборчивѣе.

— Ты выше!—бредилъ больной.—Ты выше... да! Ахъ, Коля!—громко вздохнулъ онъ.—Нѣтъ, не говори: императивъ...

— Что такое? — спросила дѣвочка.

Она не поняла слова: „императивъ“.

Старшая остановила ее движеніемъ головы.

— Никто, никто въ мірѣ не способенъ... Одинъ — ты! Простилъ, и все отдалъ, все!..

Онѣ слушали, и каждое слово, подхваченное на-лету, открывало имъ смыслъ: для одной — совсѣмъ ясный, для другой — смутно понимаемый: но и она знала если не о чемъ, то о комъ бредитъ отецъ.

Вдругъ онъ запѣлъ. Это ихъ испугало. Что-то заунывное, какъ будто со словами. Голосъ вытягивался въ длинную и жалобную ноту. И точно онъ хотѣлъ схватить напѣвъ и никакъ не могъ сдѣлать это сразу.

Во мглѣ комнаты это пѣніе звучало и страшно, и жалко. Никогда онѣ не слыхали, чтобы отецъ что-нибудь напѣвалъ, хоть и былъ такого живого характера. Это пѣніе несло имъ съ собою предчувствіе близкаго конца...

Пѣніе оборвалось. Старшая дочь сидѣла на стулѣ съ опущенной головой. Дѣвочка положила ей на колѣни свою голову и удерживала рыданія.

— Кто здѣсь? — спросилъ больной твердо, и поднялъ голову.

— Я,—отвѣтила старшая дочь.

— Одна?

— Здѣсь и Лили.

— А-а!

Дѣвочка выскочила изъ-за угла кровати и прильнула къ изголовью.

— Папа,—зашептала она.

— Ну, что... вертунья?..

Онъ приласкалъ ее, погладивъ по мягкимъ и густымъ волосамъ.

— Тебѣ лучше... скажи?

— Лучше.

Онъ отвѣтилъ это такъ твердо, что старшая,—она тоже вышла изъ-за кровати,—радостно вскинула рѣсницами.

— Тебѣ хорошо?—спросила она у кровати.—Надо еще порошокъ...

— Знаю.

Онъ поморщился. Лицо его показалось имъ обѣимъ совсѣмъ здоровымъ, съ румянцемъ, съ блескомъ въ возбужденныхъ глазахъ.

— А депеша? — спросилъ онъ и совсѣмъ сѣлъ въ постели.

Дѣвочка подложила ему за спину подушку.

— Депеши еще нѣтъ, папа,—сказала она первая.

Ея сестра готовила лѣкарство.

— Какъ же это?—почти жалобно выговорилъ онъ и сталъ оглядываться.—Ему хуже?

Отъ безпокойства его глаза потемнѣли.

— Дали бы знать, папа,—подсказала дѣвочка.

— Я самъ спрошу его... депешей!

Опять къ нему вернулось возбужденіе. Онъ подперся правымъ локтемъ о подушку.

Старшая дочь поднесла ему лѣкарство. Онъ, безъ гримасы, выпилъ и самъ поставилъ рюмку на столикъ, улыбнулся имъ обѣимъ и сложилъ руки на груди.

Это была его любимая поза: стоялъ ли онъ или сидѣлъ, особенно когда что-нибудь слушалъ со вниманіемъ и сочувствіемъ. Она обрадовалась этой позѣ, и ей не стало уже страшно за то, что онъ будетъ громко говорить ей текстъ депеши и утомится.

— Не диктуй, папа! Послушайся меня! Мы сейчасъ пошлемъ, спросимъ... и съ отвѣтомъ...

Старшая молчала и только просительно взглядывала на него.

— Садись!—приказалъ ей отецъ,—пиши карандашомъ!

Выговаривалъ онъ хорошо, безъ той прерывистой передышки, какъ во снѣ. Она сѣла у лампы.

— Ты готова?—спросилъ онъ.

— Готова.

— „Умру я или останусь въ живыхъ,—диктовалъ онъ ей, и голосъ его вздрагивалъ отъ силы чувства,—тебѣ шлю я свой привѣтъ, вѣчный,—тотъ, что̀ долженъ пережить меня и витать надъ тобою всегда, согрѣвать тебя, безцѣнный другъ и братъ мой...“

Ему недоставало воздуха. Онъ закашлялся.

— Папа!—звукомъ тихой мольбы выговорила дѣвушка и подняла голову отъ бумаги.

— Пиши!

Новый приливъ возбужденія овладѣлъ имъ.

— „Твой образъ, твоя ангельская доброта мирятъ меня со всѣмъ, что̀ я видѣлъ среди людей и въ себѣ въ первомъ: мелкаго, возмутительнаго, грязнаго и хищнаго. Мнѣ сладко мое преклоненіе передъ твоей святою личностью. Откликнись, хоть еще разъ, на мой призывъ, однимъ словечкомъ откликнись! Я жду твоей масличной вѣтви въ моемъ предсмертномъ ковчегѣ...“

Рука дѣвушки летала по страницѣ. Онъ диктовалъ по-

русски; она передавала по-французски: потребность его души сказалась въ этомъ предпочтенiи родного языка.

— Ты усталъ! Будетъ!—шепнула дѣвочка, все еще у его изголовья.

— „Ты одинъ... твой голосъ... и способенъ, быть-можетъ, вернуть меня къ жизни. Прощай, Николя!..“

Внезапно голосъ его оборвался, и голова упала на подушку. Дѣвочка испуганно вскрикнула. Старшая дочь бросилась къ кровати.

Въ груди дыханiе вызывало хрипъ. Правая рука стала тянуть къ себѣ одѣяло...

Агонiя началась.

ТРИ АФИШИ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

— Господи! Куда я ихъ заложила?..

Нервныя руки шарили въ ящикѣ комода, лицо еще не старой, худой и поблеклой женщины наклонилось надъ ящикомъ, и глаза перебѣгали отъ одной вещи къ другой.

Тамъ валялись разныя тряпки, пустыя картонки изъ-подъ папиросъ, газетные листы. Тамъ же должны были лежать перевязанныя шнуркомъ три старыя афиши. Но она ихъ не находила. Безъ этихъ афишъ и фотографической карточки изъ той же эпохи Надежда Степановна Строева не отправлялась на поиски мѣста.

И сегодня она одѣлась въ свое единственное, не изношенное платье съ шелковой отдѣлкой, сшитое больше пяти лѣтъ назадъ, уже перекрашенное въ прошломъ году. На лбу у ней подвитые кудерки, густая еще коса положена на маковку. Въ темныхъ волосахъ пробивается сѣдина.

— Ахъ ты, Господи!

Афиши исчезли изъ ящика. Строева перешарила еще разъ все, что тамъ лежало, и съ тоскливой тревогой въ лицѣ заметалась по комнатѣ. Темный и узкій номерокъ въ двѣнадцать рублей былъ такъ тѣсенъ, что она безпрестанно задѣвала за что-нибудь: за кровать, за комодъ, за убогій умывальный столъ, облѣзлый и кривобокій.

Потерять эти три афиши и карточку изъ того времени,

когда Строева занимала въ провинціи первое амплуа,— было бы для нея чѣмъ-то зловѣщимъ. Она держалась за нихъ, какъ за реликвіи. Онѣ только и говорили про ея сценическое прошлое, служили ей вещественнымъ доказательствомъ ея карьеры. Безъ нихъ она сейчасъ почувствуетъ себя въ пустомъ пространствѣ, безъ имени, безъ всякихъ даже правъ на кусокъ хлѣба.

Она не могла найти, выбилась изъ силъ, сѣла на кровать и тихо заплакала.

Суевѣрное чувство наполнило ее всю: безъ трехъ афишъ и карточки она считала себя совсѣмъ потерянной. А положеніе было тяжкое. Она еще не переживала такого, никогда и нигдѣ: ни въ провинціи, въ долгіе уже годы своихъ скитаній, ни въ Петербургѣ, ни здѣсь, въ этой Москвѣ, куда она стремилась, какъ въ обѣтованное мѣсто. Столько театровъ, такія жалованья, бѣшеная конкуренція, огромный спросъ на актеровъ, всякихъ: и большихъ, и маленькихъ, тысячныхъ и рублевыхъ.

И вотъ скоро наступитъ хмурый октябрь, а у ней ничего нѣтъ, ничего—ни обѣщанія, ни задатка, ни ангажемента въ провинцію—ничего!

Строева тихо плакала и обтирала глаза смятымъ, заношеннымъ платкомъ. Ей хотѣлось зарыдать и хоть сколько-нибудь облегчить свое горе. Но рыданія не вырывались изъ груди, спирались въ горлѣ, а слезы все текли неудержимо. Глаза краснѣли, носъ также, все лицо. Она всхлипнула одинъ разъ и вдругъ перестала плакать, поднялась съ кровати, остановилась у комода, отерла глаза и щеки.

Ее пронизала мысль: „какъ же я съ такимъ лицомъ пойду просить объ ангажементѣ?“

Слезы изсякли вдругъ. И снова она принялась искать на полу, во всѣхъ закоулкахъ, подъ комодомъ; зажгла свѣчу, искала и подъ кроватью.

Ни афишъ, ни карточки нигдѣ не было.

Выбившись изъ силъ, Строева присѣла къ окну и безпомощно опустила голову въ раскрытыя ладони рукъ.

— Безталанная я, безталанная!—прошептала она, и это слово „безталанная“ вышло у нея такъ глубоко трагическимъ по звуку, что она невольно прислушалась къ нему и еще разъ повторила его, уже какъ актриса.

Развѣ у ней нѣтъ дарованія? Откуда бы взялся такой звукъ? Вѣдь она и на сценѣ можетъ пустить его! Стоитъ

только вспомнить настоящее житейское горе — и сейчасъ вызовешь въ себѣ настроеніе и найдешь точно такую интонацію.

Да, талантъ у ней есть и былъ всегда. Не бездарность гнететъ ее, а неудача — вотъ больше трехъ лѣтъ, что-то роковое и жестокое, съ чѣмъ не хватаетъ силъ бороться.

Вчера еще она держала въ рукахъ три афиши и карточку, перехваченныя каучуковымъ кружочкомъ, когда ходила въ театръ и дожидалась режиссера. Такъ и не дождалась. Но пачку она не выпускала изъ рукъ. Прежде она носила ее въ маленькомъ кожаномъ мѣшечкѣ, съ металлической ручкой въ видѣ кольца. Мѣшечекъ былъ изъ щагреневой кожи, заграничный. Ей подарили когда-то, на югѣ, въ Ростовѣ-на-Дону. Но мѣшечка уже давно нѣтъ. Онъ ушелъ къ закладчику, вмѣстѣ со всѣми цѣнными вещами, и лисьей шубой, и хорошими туалетами.

Время близилось къ полудню. Пора идти... А какъ идти безъ *всего?*

Режиссеръ выслалъ ей сказать, что сегодня она застанетъ его, но не позднѣе часа. Онъ ея не знаетъ. И она не служила съ нимъ нигдѣ, даже фамиліи его не помнитъ. Будь съ нею афиши — она сейчасъ бы показала ему, въ какихъ роляхъ выступала еще не такъ давно. Но не о такомъ амплуа мечтаетъ она теперь. Гдѣ ужъ!.. Съ однимъ платьемъ, безъ шубы, въ потертой тальмѣ, въ старомодной шляпкѣ...

Мысль о шляпкѣ заставила Строеву обернуться къ комоду, гдѣ, около зеркальца, пріютилась шляпка съ отдѣлкой изъ поблеклыхъ лентъ, въ видѣ щитка. Года два назадъ она была модная, а теперь никто уже не носитъ такихъ.

Она схватилась рукой за шляпку и встряхнула ее. Подъ тульей, на цвѣтной пыльной салфеткѣ, покрывавшей комодъ, лежала пачка изъ трехъ афишъ и карточка, съ приклееннымъ къ фотографіи листкомъ чайной бумаги.

— Ахъ ты, Господи! — звонко, съ досадой и радостью крикнула актриса и сжала пачку въ нервныхъ тонкихъ пальцахъ.

Совсѣмъ изъ головы вылетѣло у ней то, что она вчера вечеромъ положила пачку подъ шляпку, именно съ тѣмъ, чтобы не забыть, чтобы всего легче взять ее съ собою, когда будетъ надѣвать шляпу.

— Господи! Господи! — повторила она, и ее охватило чув-

ство дѣтской радости, точно будто она нашла какой-то талисманъ съ чудодѣйственной силой, открывавшій ходъ всюду.

Она опять присѣла на кровать, сняла каучуковый ремешокъ съ пачки, бережно положила его на подушку, потомъ—такимъ же бережнымъ жестомъ—и карточку, и стала развертывать афиши, какъ будто не была увѣрена въ томъ, что ихъ тутъ три.

Всѣ три были налицо.

Она стала развертывать ихъ, гладила рукой, любовалась... А на сердцѣ у ней сладко щемило, на глазахъ опять навертывались слезы, но уже не слезы острой горечи.

Первая афиша была бенефисная, на большомъ листѣ тонкой глянцевитой бумаги. Спектакль, на лѣтнемъ театрѣ, въ одномъ изъ волжскихъ городовъ, былъ въ пользу артистки Строевой. Ея имя стояло двухвершковыми буквами. Она играла Катерину въ „Грозѣ"... Вторая афиша—тоже бенефисная—на розовой бумагѣ и поменьше размѣромъ, три года назадъ. Большой пьесой шли „Ошибки молодости"... Она играла княгиню Рѣзцову. Тогда у ней были платья, цѣлая дюжина дорогихъ шелковыхъ и бархатныхъ туалетовъ и костюмовъ. Она считалась и хорошей „grande coquette", и въ драмѣ занимала первое амплуа.

Третья афиша—узенькая, обыкновенная, какія продаютъ капельдинеры. Она играла на югѣ съ плохой труппой, но считалась все-таки гастролершей. Давали „Бѣшеныя деньги".

Она не могла оторваться отъ нихъ, гладила бумагу, всматривалась въ большія буквы заглавій, проникалась сознаніемъ, что это не сонъ, что она, дѣйствительно, держитъ ихъ въ рукахъ, что она, на самомъ дѣлѣ, играла всѣ эти роли—и Катерину, и княгиню Рѣзцову, и героиню „Бѣшеныхъ денегъ".

Ярко, почти съ отчетливостью мозгового видѣнія, представляла она себѣ эти три фигуры въ костюмахъ—Катерину, въ расшитой кичкѣ, бѣломъ крепоновомъ платкѣ и сарафанѣ—букетами по глазетовому фону, и зеленое шелковое платье второго акта съ купеческой „головкой"—изъ двуличневой шелковой косынки; въ княгинѣ Рѣзцовой — въ трехъ разныхъ туалетахъ — черное шелковое платье съ бархатной отдѣлкой она носила вплоть до про-

шлаго лѣта и продала старьевщицѣ-еврейкѣ... А какое оно было когда-то модное, какъ облекало ея тогда еще пышный станъ... И героиней „Бѣшеныхъ денегъ“ видѣла она себя, въ томъ актѣ, что происходитъ въ увеселительномъ саду. На ней былъ бѣлокурый парикъ, локоны падали по спинѣ, на лбу—завитая чолка, рукава въ прошивкахъ, сквозь нихъ бѣлѣлись руки — полныя и красивыя. И какъ она любила эту роль!.. Въ ней она чувствовала себя такъ легко, какъ дома. Ей не нужно было поддѣлываться подъ барскія интонаціи. Онѣ у ней выходили естественно. Слышалось, что она и въ жизни умѣла говорить точно такъ же. Ее не смущало то, что роль не симпатична. Сколько можно въ ней было показать оттѣнковъ женскаго кокетства, смѣлости, демонической граціи, шельмовства, блестящей испорченности! Она не была такою въ жизни, а любила роли въ этомъ родѣ; онѣ ей удавались лучше, чѣмъ слезливыя и романтическія, которыя приходилось играть гораздо чаще.

Долго Строева не могла оторваться отъ трехъ афишъ.

— Господи, что это я!..—вслухъ выговорила она, и начала торопливо ихъ складывать, сдѣлала опять узенькую пачку, взяла съ подушки карточку и поглядѣла на нее еще разъ.

На карточкѣ она была снята молодой женщиной съ косой, положенной въ видѣ короны на темя, съ эполетцами на плечахъ изъ толстыхъ шелковыхъ шнурковъ. Снималась она въ Казани, послѣ бенефиса, гдѣ въ первый разъ играла въ „Завоеванномъ счастьѣ“.

И почему именно эта карточка уцѣлѣла? Сколько разъ она снималась, и въ сколькихъ городахъ, и въ сколькихъ костюмахъ!.. Тѣ всѣ раздала или затеряла, а эта вотъ уцѣлѣла и прошла вмѣстѣ съ нею черезъ всю ея сценическую жизнь.

Каучуковый ремешокъ обхватилъ пачку. Строева подумала, не положить ли за корсетъ... Такъ было бы вѣрнѣе, но вынимать неудобно. Лучше держать просто въ рукѣ, плотно сжать... Изъ кармана юбки можетъ выпасть...

Она поднялась съ кровати бодрая. Улыбка появилась на поблеклыхъ губахъ... Передъ зеркальцемъ поправила она волосы, бережно надѣла шляпку,—пачка все еще лежала на подушкѣ,—свою старенькую драповую накидку, и съ вѣрой въ удачу, послѣ такой хорошей примѣты, фальшивой тревоги, вышла въ коридоръ, заперла дверь, ключъ

взяла съ собой и прошла мимо комнаты хозяйки не на цыпочкахъ, а твердымъ шагомъ, не боялась того, что та станетъ приставать за неплатежъ квартирныхъ денегъ.

II.

— Обождите... Семенъ Захарычъ сейчасъ не могутъ... заняты...—говорилъ Строевой дежурный служитель въ короткомъ пиджакѣ, вечеромъ превращавшійся въ капельдинера.

Она стояла въ коридорѣ, совсѣмъ почти темномъ, около входа на сцену. Гдѣ-то вдали мерцалъ огонекъ лампочки, поставленной на лѣстницу, которая вела въ ложи.

— Гдѣ же обождать?—тихо, почти просительно выговорила Строева.—Въ фойэ?..

— Можно и въ фойэ... А то пожалуйте въ режиссерскую.

— Куда же пройти?

Она еще не бывала за кулисами этого театра и не знала, гдѣ помѣщается режиссерская.

— Пожалуйте!..

Служитель провелъ ее черезъ проходъ, мимо литерной ложи и около закуты, гдѣ помѣщался газовщикъ во время представленія, указалъ на крутую узенькую лѣсенку.

— Тамъ и подождите,—сказалъ служитель, и куда-то юркнулъ.

На сценѣ шла еще репетиція. Строева остановилась у кулисы. Запахъ, особый, не разложимый и не передаваемый, запахъ кулисъ, опять обдалъ ее... Больше полугода она имъ не дышала. Какъ ни ужасна была ея теперешняя доля, какъ ни предательски обошлась съ ней сцена, она не могла еще чуять этотъ запахъ безъ сердцебіенія, скорѣе пріятнаго, чѣмъ болѣзненнаго.

Изъ-за павильона, отнимавшаго свѣтъ отъ этого угла, доносился гулъ голосовъ и громкій шопотъ суфлера. Одинъ голосъ, глухой и вздрагивающій, врывался въ реплики репетирующихъ. Она узнала окрики режиссера.

— Нѣтъ-съ! Нельзя! Марья Сергѣевна! Этакъ невозможно. Вы у него передъ носомъ уходите... Короче возьмите. Извольте повторить!

— Ушла!—раздался женскій голосъ.

— Ушла!—повторила про себя Строева, и въ первый разъ подумала:—„почему актеры и актрисы, въ такихъ случаяхъ, говорятъ: „ушла", а не „ухожу", или „сѣла", а не „сажусь"?

— Вотъ это десятое дѣло!—пронесся возгласъ режиссера.

Строева зажмурила глаза и облокотилась о край кулисы.

Женскій голосъ—она сообразила сейчасъ, что это первый сюжетъ—опять зазвучалъ звончѣе другихъ. Выдался монологъ.

„Какая же это читка?“ —думала Строева, и стала поправлять интонаціи.

— Не такъ, не такъ! — повторяла она.

И въ голосѣ ея слышались совсѣмъ другіе звуки: гораздо умнѣе, правдивѣе, не съ такими избитыми пріемами поднятія и опущенія тона.

„Сколько получаетъ?—спросила она, приходя въ волненіе.—Навѣрно не меньше пятисотъ въ мѣсяцъ, если не всѣ шестьсотъ“.

Шестьсотъ рублей!

А у ней нѣтъ въ портмонэ и трехрублевки... Останься она теперь безъ ангажемента, „хоть на выходъ“,—въ первый разъ мелькнуло въ ея головѣ,—и нищета полная; два-три платья снесетъ къ закладчику, и останется нищей. Ѣхать въ провинцію,—поздно, пропустила время, понадѣялась „Богъ знаетъ на что“, не уѣхала въ Нижній, на шестьдесятъ рублей.

Все такъ же жадно продолжала она прислушиваться къ читкѣ первой актрисы.

Голосъ былъ уже не очень молодой, женщины за тридцать. Строева сообразила, кто это можетъ быть. Имена двухъ первыхъ актрисъ театра были ей извѣстны, но она съ ними нигдѣ не служила...

— Вамъ кого?—спросили ее сбоку.

Она боязливо обернулась съ фразой извиненія на губахъ.

Спросилъ ее какой-то молодой малый, въ обшарканномъ сюртукѣ и рубашкѣ съ шитымъ косымъ воротомъ, что-то въ родѣ бутафора или машиниста.

— Я къ режиссеру,—шопотомъ выговорила она.

— Онъ занятъ.

— Я знаю. Они приказали мнѣ подождать въ режиссерской.

— Такъ вы туда и подите... Здѣсь нельзя постороннему народу.

Все это было сказано довольно грубо. Она покраснѣла, промолчала и на цыпочкахъ отошла отъ кулисы.

— Не туда, не туда!.. Лѣвѣе!—крикнулъ ей малый въ обшарканномъ сюртукѣ.

Щеки зардѣлись у нея и сперло духъ. Чувство безпомощности проникло въ нее, нищенской и щемящей... Она и про режиссера сказала уже „они", точно прислуга.

Въ режиссерской она присѣла на диванчикъ и оглядѣлась. Надъ овальнымъ столомъ, откуда не прибрали подносика съ пустой полубутылкой сельтерской воды, горѣлъ газовый рожокъ. Стѣны были оклеены афишами, покрыты фотографическими портретами и рисунками. Изъ-за перегородки виднѣлся письменный столъ. Тамъ тоже горѣлъ газъ. Было очень душно. Строева разстегнула верхнія пуговицы тальмы лѣвой рукой, а въ правой держала пачку изъ трехъ афишъ и карточки.

И справа, на стѣнѣ, афиша на ярко-зеленой бумагѣ потянула ее къ себѣ. Большимъ жирнымъ шрифтомъ выдѣлялось заглавіе пьесы „Ошибки молодости". Она сочла это за добрую примѣту.

Когда она заслышала быстрые мужскіе шаги, внизу, по направленію къ режиссерской, она перекрестилась... Но шаги повернули въ сторону выхода въ коридоръ нижняго яруса. Протянулось томительныхъ четверть часа... Она была въ нерѣшительности: снять ей свою тальму,—дѣлалось нестерпимо жарко,—или остаться въ ней. Тальма смотрѣла менѣе заношенной, чѣмъ платье. Въ плохо освѣщенной режиссерской не такъ легко было разглядѣть изъяны.

Репетиція кончилась. Строева слышала, какъ прокричалъ что-то режиссеръ. Она могла схватить только слово „господа". Потомъ кто-то запѣлъ, проходя за кулисы, прокатился женскій смѣхъ, плотники зашагали тяжелыми сапогами, убирая павильонъ, и стали переговариваться между собою.

Она встала и подошла къ двери... Щеки горѣли, въ глазахъ точно насыпали песку... На сердце защемило. Вся тяжесть ея положенія, вся ея артистическая доля давили ее въ эту минуту и стояли передъ нею нестерпимымъ укоромъ самой себѣ, печальной и глупой затѣей, выбившей ее изъ колеи. И возврата назадъ не было. Ей за тридцать, молодость прошла, здоровье подорвано, въ волосахъ сѣдина, опоры нигдѣ и ни въ чемъ. Каторжной цѣпью прикована она къ этимъ кулисамъ, выхода нѣтъ!..

Опять зеленая афиша привлекла къ себѣ ея взглядъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ она играла какъ „гастролерша“ роль княгини Рѣзцовой, и ей подавали вѣнокъ, и на шелковой юбкѣ ея платья были нашиты кружевные воланы?..

А теперь?..

По лѣсенкѣ вбѣжала въ режиссерскую маленькаго роста актриса, съ лицомъ дѣвочки четырнадцати лѣтъ, въ красной бархатной шляпѣ, сидѣвшей на ея головѣ въ видѣ соусника, и въ зимней кофточкѣ, обшитой перьями. Запахъ аткинсоновскихъ духовъ наполнилъ тѣсную комнату.

Актриса, съ засунутыми въ карманы руками, повернулась на каблукѣ и закинула голову жестомъ комической ingénue.

— Никого! — звонко протянула она и вбокъ поглядѣла на Строеву.

Она заглянула и за перегородку.

— Репетиція кончилась?—спросила ее Строева.

— Я не занята въ большой пьесѣ. Водевиль сейчасъ будутъ репетовать... А вамъ кого?

— Господинъ режиссеръ долженъ сюда придти...

— Господинъ режиссеръ! — повторила актриса съ дурачливой миной.—Это кто- же? Прокофьевъ?

— Семенъ Захарычъ, кажется, ихъ зовутъ...

— Вы, значитъ, по дѣлу?

Актриса достала изъ кармана юбки папиросницу и закурила.

— На выходъ?..—кинула она тотчасъ же второй вопросъ.

„На выходъ“,—отдалось въ душѣ Строевой.

Значитъ у ней такой видъ, что никто и не подумаетъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ „выхода“. Ей стало такъ обидно, что она отвернула голову, чтобы актриса не замѣтила слезъ.

Та, не дожидаясь отвѣта, повернулась опять на каблукѣ и затянулась дымомъ.

— У насъ народу набрано всякаго. Врядъ ли вы чего-нибудь добьетесь... У насъ, знаете, порядки строгіе. Когда нужно—и настоящихъ артистокъ наряжаютъ на выходъ. Кто меньше полутораста рублей получаетъ—не имѣетъ права отказываться. Такъ и въ контрактѣ стоитъ.

Строева промолчала. Она не могла говорить о себѣ и

своей долѣ безъ сильнаго душевнаго волненія,—боялась расплакаться. Развѣ такая вертлявая дѣвочка съ подкрашенными глазами можетъ дать ей добрый совѣтъ или войти въ ея положеніе? Только лишнюю обиду придется проглотить.

— Я скажу режиссеру, что вы дожидаетесь!—крикнула ей актриса на порогѣ дверки и кивнула ей своей бархатной шляпой.—Онъ теперь навѣрно закусываетъ, а сейчасъ мы водевиль будемъ репетовать...

Она сбѣжала съ лѣстницы, скрипя своими высокими ботинками на высочайшихъ каблукахъ.

Раздался ея голосокъ. Она кого-то остановила на пути, разсмѣялась и крикнула:

— Ахъ вы, уродъ!

Какъ всѣ эти звуки, манеры, слова были ей знакомы, даже скрипъ ботинокъ и размѣръ шаговъ, искусственная походка, какая пріобрѣтается на подмосткахъ. Она сама не пріобрѣла этихъ фасоновъ. Въ ней и опытному глазу трудно распознать актрису, иначе какъ по тону, когда она разговорится.

— Семенъ Захарычъ!—крикнула ingénue.—Семенъ Захарычъ!

— Что еще?—отозвался изъ глубины глухой мужской голосъ.

— Васъ ждетъ въ режиссерской какая-то мадамъ.. Вы ей приказали тамъ побыть.

— Дайте мнѣ хоть бутербродъ проглотить. Экъ приспичило! Мало ихъ тутъ шляется...

Голосъ режиссера ничего хорошаго не обѣщалъ Строевой. Въ немъ звучалъ отказъ. Но просить надо, жизнь не ждетъ... Она отерла глаза, встала, подошла къ зеркалу, висѣвшему по другую сторону стола, и поправила шляпку. Пачку съ тремя афишами не выпускала она изъ лѣвой руки... Безъ нихъ она была бы еще безпомощнѣе.

— Иванъ Андреичъ! — донесся до нея глухой голосъ режиссера.—Начинайте... Я сейчасъ вернусь!..

III.

Строева встала и оправилась. Въ колѣняхъ у нея сразу ослабли ноги. Легкая дрожь проползла вдоль спины.

— Прошу извинить,—раздался глухой голосъ режиссера.—Я васъ просилъ послѣ репетиціи... Я чертовски занятъ...

Худой, съ небритыми щеками и недавно запущенной бородой, съ плотно остриженными волосами на головѣ, небрежно одѣтый, онъ, близко подойдя къ ней, оказался на цѣлую голову выше ея. Его широкій ротъ съ желтыми зубами повела косая усмѣшка; сѣрые глаза вглядывались въ нее строго.

Она начала извиненіе.

— Вамъ собственно что же угодно?

— Моя фамилія, по театру, Строева. Вы меня не знаете?—тономъ робкаго вопроса выговорила она.

— Не имѣю удовольствія.

Садиться онъ ее не просилъ.

— Я около десяти лѣтъ служу... Занимала...

— Извините... госпожа Строева... Вы покороче пожалуйста... Вы сами знаете, какова наша служба...

— Вотъ эти афиши...

Она сорвала съ пачки резиновый ремешокъ, отдѣлила карточку отъ трехъ афишъ и подала ихъ режиссеру.

— Что это такое?

Онъ еще сильнѣе скосилъ свой широкій ротъ.

— Вотъ, — заговорила она, нервно и стремительно, и начала развертывать листы и класть ихъ на столъ.

— Старыя афиши?—иронически спросилъ режиссеръ.

— Да... старыя афиши.

Она сдержала внезапно нахлынувшія слезы, выпрямилась и заговорила совсѣмъ другими звуками. Въ нихъ заслышалась женщина, получившая хорошее барское воспитаніе. Актриса, съ заученными интонаціями рѣчи, слетѣла съ нея.

— Эти три афиши—мое единственное достояніе... На нихъ стоитъ мое имя... какъ артистки, занимавшей первое амплуа...

— Да, я вамъ вѣрю... Теперь и фамилію вашу припоминаю...

— Позвольте мнѣ досказать,—остановила она его.—Я играла и гастроли, какъ видите вотъ здѣсь, на афишѣ... и это было такъ еще недавно... Вы—артистъ. Вы знаете, какъ легко потерять положеніе... Бѣда ждетъ за угломъ... Болѣзнь... потеря свѣжести. Я не затѣмъ это говорю, господинъ режиссеръ, чтобы васъ разжалобить. Я хотѣла только познакомить васъ съ моимъ недавнимъ прошлымъ. Но мои желанія самыя умѣренныя. Я хочу быть полезной... какую угодно работу...

И дальше она не пошла. Доводовъ у ней не хватило... Да и какіе доводы?.. Онъ видѣлъ, что она доведена до крайности, что она проситъ о кускѣ хлѣба.

— Труппа у насъ въ полномъ комплектѣ... А дублюръ намъ на каждое амплуа нельзя держать...

Режиссеръ поглядѣлъ на нее бокомъ и выразительно скосилъ ротъ... Она поняла въ этомъ взглядѣ оцѣнку того—могла ли она быть „дублюрой".

— Я и не предлагаю,—проговорила она сразу спавшимъ тономъ.

— На выходъ,—продолжалъ режиссеръ,—намъ тоже не требуется лишняго народа... Мы обстановочныхъ пьесъ не любимъ ставить... Это не нашъ жанръ... И насчетъ Шекспира мы не прохаживаемся.

Она молча поглядѣла на него продолжительно и печально... Слишкомъ тяжко сдѣлалось ей — нищенски повторять все одно и то же.

Онъ зажмурилъ правый глазъ — у него это былъ родъ тика—и прокашлялся.

— Если васъ и приметъ дирекція, такъ на самый маленькій окладъ.

Она хотѣла спросить „на какой"—и воздержалась.

— Я всѣмъ буду довольна,—пролепетала она.

— Сегодня я вамъ все-таки отвѣта дать не могу... Такъ какъ вы долго служили и держали первое амплуа, опытность у васъ должна быть... Посмотримъ. Зарекомендуйте себя, когда случай выпадетъ. Только у васъ гардеробъ врядъ ли есть подходящій...

Взглядомъ, безъ словъ, она отвѣтила ему: какой же могъ быть у ней гардеробъ?..

— Ну-съ,—заторопился режиссеръ,—дѣло не ждетъ.— Голосъ его сталъ помягче и глаза не такъ строго пронизывали ее.—Маленькій окладъ, на выходъ, я вамъ добуду... рублей на тридцать, на сорокъ—не больше.

Онъ былъ уже на первой ступенькѣ лѣстницы. Строева быстро подалась къ нему.

— Я согласна,—стремительно выговорила она.

— Ну, такъ завтра навѣдайтесь. Только пораньше, передъ началомъ репетиціи. Меня съ десяти часовъ здѣсь найдете... Мое почтеніе.

Длинная фигура исчезла.

Строева повернулась къ столу и, вся разбитая отъ волненія, присѣла съ опущенной головой. На столѣ лежали

развернутыя ея три афиши... и карточка на одной изъ нихъ.

Она подняла голову и долго смотрѣла на эти афиши. Примѣта не измѣнила. Ей обѣщано мѣсто, у ней, на зиму, есть пропитанiе... Сорокъ рублей!.. Въ ея положенiи и это огромный окладъ... А тамъ — кто знаетъ — выпадетъ случай, сколько ролей знаетъ она наизусть, можетъ сыграть безъ репетицiи, только бы кто-нибудь подѣлился туалетами. Если случится это передъ самымъ спектаклемъ—найдется и платье.

Внизу, на сценѣ, кончилась репетицiя водевиля, а она все еще сидѣла у стола, точно прикованная, и глядѣла на свои афиши...

Медленно принялась она свертывать ихъ и складывать въ пачку, вмѣстѣ съ карточкой. Не сразу нашла она и каучуковый ремешокъ... Болѣе спокойно положила она пачку за корсетъ,—теперь она ихъ уже никому не будетъ показывать,—широко вздохнула и, уходя, оправила прическу передъ зеркаломъ. Собственное лицо показалось ей не такимъ поблеклымъ, устарѣвшимъ и жалкимъ, какъ полчаса передъ тѣмъ.

Съ гримировкой она еще могла сыграть княгиню Рѣзцову... Нуженъ только туалетъ, да парикъ... Но гдѣ уже мечтать о такихъ роляхъ!.. Хорошо, если дадутъ и бытовую, гдѣ можно обойтись ситцевымъ платьемъ и кацавейкой... Та, прежняя Строева, которой подносили вѣнки и браслеты, уже умерла... Въ зеркалѣ, въ эту минуту, отразилась только тѣнь ея...

„Что же это я?..“—подумала она и испугалась, какъ бы режиссеръ не поднялся еще и не далъ на нее окрика.

На сценѣ сдѣлалось шумнѣе... Опять раздались перекрикиванья плотниковъ, начавшихъ прибирать декорацiи.

Тихонько начала она спускаться по лѣсенкѣ, боясь, чтобы ступени не скрипѣли.

Между двумя кулисами она остановилась, ей загородилъ путь бутафоръ, несшiй скамейку... Она должна была обождать, а потомъ взять правѣе, къ выходу въ коридоръ, мимо литерной ложи.

Ее слегка толкнулъ уходившiй съ репетицiи актеръ, въ мягкой шляпѣ и длинномъ пестромъ пальто, небольшого роста,—толкнулъ и тотчасъ же обернулся.

Она узнала маленькое лицо съ удлиненнымъ, краснѣющимъ носомъ, очки, плохо сидѣвшiе на носу, краснова-

тость щекъ, въ особенности пучки волосъ, смѣшно торчавшихъ на вискахъ.

— Здравствуйте, Мишинъ! — окликнула она его тихо и неувѣренно.

Онъ сначала воззрился на нее близорукими глазами, поправилъ очки, откинулся назадъ и разсмѣялся.

— Батюшки! Надежда Степановна!.. Вы ли это?.. Сколько зимъ... Вотъ встрѣча... Сконъ апель истуаръ!.. Куда? Откуда?.. Къ намъ на службу? А въ настоящій моментъ— идете, или вамъ кого надо?..

Встрѣча съ комикомъ Мишинымъ обрадовала ее чрезвычайно. Она крѣпко пожала ему руку и весело оглядывала его маленькую фигурку, забавный носъ, клоки волосъ на вискахъ.

— Я выхожу... Вы также?

— Всенепремѣнно... Только какъ же это такъ? Надо бы покалякать. Неугодно ли въ буфетъ?.. Тамъ мы чайку спросимъ... Вотъ встрѣча!

Онъ уже успѣлъ разглядѣть, какъ была одѣта Строева, и въ его добрыхъ, подслѣповатыхъ глазахъ промелькнула жалость.

— Вы здѣсь служите? — спросила она, когда они перешли въ коридоръ.

— Самолично.

— Какъ же я объ этомъ не знала... милый... Сергѣй... По батюшкѣ она забыла, какъ его зовутъ.

— Ардальоновъ, сынъ Мишинъ.

— И на афишѣ не видала что-то...

— А произошло это оттого, что я только на той недѣлѣ объявился. У Макарія на ярмаркѣ проваландался до первыхъ чиселъ сентября; да случилась семейная одна исторія... вытребовали меня на родину... въ городъ Елецъ... Тамъ я вмѣсто трехъ-то дней три недѣли прожилъ, да еще схватилъ лихорадку... Пожалуйте сюда... вонъ ламночка горитъ. Это въ буфетъ дорога.

IV.

По буфету расползлись сумерки. Около стойки никого не было, кромѣ буфетчика. Мишинъ и Строева сѣли за столикъ, вправо, за уголъ.

— Я, Надежда Степановна, сейчасъ чайку спрошу; вы съ лимончикомъ или со сливками?

— Я безъ всего.

— Сію минуту.

Комикъ подошелъ къ стойкѣ, заказалъ чаю, выпилъ водки, сильно поморщился и закусилъ килькой.

— Вотъ судьба-то, — говорилъ онъ, вернувшись, и положилъ оба локтя на столъ.—Я думалъ, вы меня не узнаете. Тогда я мальчуганомъ смотрѣлъ. Помните, въ Ростовѣ-на-Дону? А теперь ужъ и сѣдина пробивается... Ужасно я радъ видѣть васъ...

Онъ перемѣнилъ тонъ и, смотря на нее поверхъ очковъ, спросилъ потише:

— Къ намъ служить?

— Не знаю... Обѣщалъ режиссеръ.

— На какой окладъ?

Ей сдѣлалось нестерпимо стыдно сказать, что ее, да и то еле-еле, принимаютъ „на выходъ".

Но она поборола это чувство... Мишинъ—добрый малый, понимающій, изъ студентовъ; онъ не будетъ тайно злорадствовать, что вотъ госпожа Строева, бывшій „первый сюжетъ", когда служили вмѣстѣ въ провинціи, — теперь клянчитъ грошоваго жалованьишка, на выходъ.

— Окладъ!.. — повторила она и покачала головой. — Какой ужъ окладъ, Мишинъ... Все возьму...

Мишинъ сдѣлалъ печальную мину, которая у него вышла комической.

— Такія времена, — выговорилъ онъ, и вскинулъ бровями, отчего выраженіе стало еще забавнѣе. — Да вѣдь вы, Надежда Степановна, — какъ бы спохватился онъ, — могли бы съ честью держать амплуа... ну, хоть бы грандъ-дамъ!

Онъ поправилъ очки, и ему бросились въ глаза ея потертая тальма и старомодная шляпка.

— Гдѣ ужъ?.. Вы лучше вотъ что скажите, Мишинъ,— она стала говорить шопотомъ, — режиссеръ у васъ всѣмъ орудуетъ?..

— Есъ,—отвѣтилъ Мишинъ и повелъ губами на особый ладъ.—Кормило въ его рукахъ.

— А сборы какъ?

— Пока ничего. Но—между нами, — онъ наклонился къ ней черезъ столъ, — я чую, что у насъ безъ междоусобія не обойдется... Вы меня чуточку помните по этой части, Надежда Степановна, я всегда отъ всякой дипломатіи сторонился и никакихъ особыхъ правъ себѣ не выговаривалъ. Контрактъ всякій подпишу, только двухъ

вещей не могу: роли въ стихахъ и гишпанцевъ изображать...

Строева тихо разсмѣялась.

— Да-съ, гишпанцевъ не могу... Здѣсь ихъ, по всѣмъ видимостямъ, изображать не въ обычаѣ; а насчетъ стиховъ я прихожу въ нѣкоторое смущеніе... Говорятъ, собираются пройтись слегка по Мольеру...

— Для меня теперь, Мишинъ, все равно, только бы продержаться до поста. А тамъ, ужъ и не знаю, какъ быть...

— Плохія, плохія дѣла вездѣ, до безобразія плохія. Атрепренерская повадка одна: задаткомъ приманилъ, а на второй мѣсяцъ и настраиваетъ лыжи; или соберетъ всю труппу въ фойэ, черный двубортный сюртукъ застегнетъ до верху и произнесетъ нѣкоторый дискуръ: милорды, молъ, и господа, сборы, какъ изволите видѣть, какіе, въ кассѣ чахотка, я запаснымъ капиталомъ не обладаю... И выходитъ слѣдующая альтернатива: или закрыть двери въ сей храмъ музъ, или вы сами уже выпутывайтесь изъ бѣды—составьте между собою сосьете,—онъ произнесъ слово умышленно русскимъ звукомъ,—играйте, голубчики, на маркахъ, это расчудесное учрежденіе и вы на него очень, по теперешнему времени, падки; меня же, джентльмены, не благоугодно ли взять въ главные распорядители съ жалованьемъ, приличнымъ моему прежнему директорскому званію...

Комикъ не могъ воздержаться отъ прибауточнаго тона; привычка брала верхъ надъ его чуткой и добродушной натурой... Ему хотѣлось разспросить ее, по душѣ, о томъ, какъ она дошла до теперешняго положенія, сказать ей что-нибудь ободряющее, но онъ стѣснялся.

Она это поняла.

— Вы женаты, Мишинъ? — спросила она, отхлебнувъ изъ стакана.

— Оборони Боже! Одинъ, какъ перстъ. И даже гражданскаго сожительства чураюсь.

— И не скучно?

— Мало ли что!.. Да и гдѣ скучать!.. Въ нашемъ амплуа это не полагается.

Неожиданная мысль промелькнула въ головѣ Строевой.

„Мишинъ—холостякъ, ни съ кѣмъ не связанъ, если не скрываетъ. Окладъ у него, навѣрно, не меньше двухсотъ рублей... Для нея—и поддержка такого актера была бы находкой!..“

— По женской части,—продолжалъ Мишинъ въ томъ же тонѣ, — у насъ есть спеціалисты. А главный Донъ-Жуанъ на-дняхъ явится... Его перетянули съ неустойкой въ полторы тысячи...

— Кто это?—спросила Строева.

— Свирскій... Семьсотъ рубликовъ окладъ.

— Свирскій?—вырвалось у нея.

Она тотчасъ же смолкла и поглядѣла вбокъ на Мишина.

„Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ“.

— Вы съ нимъ служили?

— Не приводилось... Слыхалъ, что гусь лапчатый...

Это имя „Свирскій“ наполнило ее волненіемъ, которое она силилась подавить.

— Который Свирскій? Извѣстный, по провинціи, первый любовникъ?

— Онъ самый.

Да, Мишинъ могъ не знать про ея прошедшее съ этимъ Свирскимъ. Съ комикомъ она служила всего одну зиму, и тогда уже, когда Свирскій бросилъ ее.

— И его ждутъ... сюда?..

— Долженъ выступить на будущей недѣлѣ. И анонсы уже сдѣлали.

Она должна будетъ служить въ одной труппѣ со Свирскимъ!.. И состоять выходной актрисой на нищенскомъ окладѣ, въ то время, когда онъ получаетъ семьсотъ рублей и за него платятъ полутоРатысячную неустойку...

„Что она для него? Старуха, статистка!.. И какая нестерпимая обида—видѣть успѣхъ этого человѣка, послѣ всего, что̀ она пережила съ нимъ и изъ-за него!..“

— Съ кѣмъ же онъ теперь живетъ?—спросила Строева сдавленнымъ звукомъ.

— Пріѣдетъ онъ сюда съ нѣкоей госпожей Перцовой... Какіе у ней таланты—я не знаю... Окладъ тоже и ей рублей двѣсти никакъ... Выдаетъ онъ ее за жену; но, кажется, вокругъ ракитова куста они вѣнчались. Наши дамы будутъ отбивать его взапуски...

Слушая Мишина, она нѣсколько разъ спросила себя: „Неужели поступлю?“ И была минута, когда она рѣшалась бѣжать къ режиссеру и сказать ему, что на выходъ она не согласна, что ей не нужно больше никакой службы въ Москвѣ...

Но вѣдь она очутится, черезъ недѣлю, на улицѣ! О провинціи думать нечего... У ней нѣтъ ни одного мало-

мальски сноснаго туалета. Никто ей не дастъ задатка—на проѣздъ... Безуміе—не схватиться за сорокъ рублей!.. Будь что будетъ!

— Такъ мы, значитъ, сослуживцы, Надежда Степановна. Контрактъ подписали?

Мишинъ поднялся.

— Какой контрактъ,—выговорила она и также поднялась.—Что положатъ, то и возьму. Вы видите, Мишинъ, я убитый судьбой человѣкъ... Другому я бы не стала такъ говорить, а вы—съ душой. Что жъ!.. Была на первыхъ роляхъ, а теперь на выходъ.

— На выходъ? — протянулъ Мишинъ и поглядѣлъ на нее поверхъ очковъ.—Что вы, голубушка!..

— На сорокъ рублей, — чуть слышно промолвила она и усмѣхнулась.

— Здѣсь, въ Москвѣ?!.. Да какъ же прожить?..

Онъ опустилъ свою смѣшную голову съ двумя пучками на вискахъ.

— Надо прожить!..

— А потомъ?

— Не знаю... Да, Мишинъ, исковеркалъ театръ всю мою жизнь... Одно спасенье—безпечность... Впередъ глядѣть не хочу и не умѣю.

— Да нѣтъ, — заговорилъ онъ, пожавъ ея руку, — это никакъ невозможно!.. Режиссеръ васъ не знаетъ. Вѣдь вы можете быть полезнѣйшимъ членомъ труппы... Я поговорю... Вамъ надо къ самому принципалу обратиться... Такая артистка въ труппѣ, какъ вы,—пріобрѣтеніе. Жаль, принципалъ-то нездоровъ... Да я съ Прокофьевымъ поговорю, сегодня же, на спектаклѣ... Я, знаете, всегда въ сторонѣ держу себя, чуждъ всякихъ интригъ и домогательствъ чураюсь не меньше, чѣмъ гишпанскихъ ролей. А на этотъ разъ, я поговорю!..

— Спасибо, спасибо!

Слезы навернулись на ея рѣсницы.

— Вамъ завтра хотѣлъ дать отвѣтъ режиссеръ?

— Завтра.

— Ну, и прекрасно! Какъ же это можно—на выходъ?.. Ну, положимъ, если меньше ста рублей жалованья, такъ въ контрактѣ будетъ стоять—на выходъ, а все-таки же не въ статистки...

— Я согласилась на сорокъ рублей.

— Хоть красненькую еще накинутъ. Помилуйте... обидно за васъ!

Мишинъ еще разъ пожалъ ея руку и свободной рукой взъерошилъ волосы.

Оба вышли молча изъ буфета и внизу молча же попрощались. Имъ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ театральныхъ услыхалъ ихъ разговоръ. Онъ далъ ей свой адресъ.

Мишинъ жилъ на Тверской, въ меблированныхъ комнатахъ „Ливадія“.

V.

— Свирскій, Свирскій!..

Она выговорила это имя вслухъ и закинула голову, сидя на кровати, въ своемъ номерѣ.

Вчера ее приняли съ жалованьемъ въ сорокъ пять рублей. Мишинъ не выпросилъ полныхъ пятидесяти; но онъ говорилъ съ режиссеромъ—этому она вѣрила. Сегодня она пришла въ театръ такъ, безъ дѣла... На сценѣ репетировали „Блуждающіе огни“, но она не знала, что̀ за пьеса идетъ... И первое лицо, мелькнувшее передъ ней, между двумя кулисами,— было лицо только что пріѣхавшаго перваго любовника, который вечеромъ долженъ былъ явиться въ своей лучшей роли.

Онъ не много измѣнился. Тотъ же красивый профиль съ довольно крупнымъ носомъ, тѣ же глаза, большіе и глубоко сидящіе во впадинахъ, и не отцвѣтшій еще ротъ; только бритыя щеки стали пополнѣе, и въ станѣ онъ пополнѣлъ и слегка гнулся. Ростомъ онъ показался ей ниже... Курчавые волосы глядѣли еще черными. Лицо интересное и живописное, голосъ звучалъ искренне, съ теноровыми нотами.

И это интересное лицо, этотъ грудной, вибрирующій голосъ и благородство тона чему служатъ, какой пошлости? На нихъ ловилось столько женщинъ, поймалась и она.

Но не онъ первый затянулъ ее въ театральную тину. Вотъ передъ ней — вся ея десятилѣтняя карьера. Черезъ двѣ недѣли ей минетъ тридцать пять лѣтъ; двадцати пяти сбѣжала она отъ мужа и очутилась въ актрисахъ.

Какъ это случилось? Внезапно, послѣ катастрофы, выбившей ее изъ колеи? Нѣтъ. Еще до выхода замужъ

барышней, невѣстой съ воспитаніемъ, съ языками, въ довольно строгомъ и почтенномъ дворянскомъ домѣ, — она бредила славой, извѣстностью. Тогда уже ее глодалъ червякъ актерства — „*каботинства*", — какъ нынче начали говорить. И тогда она была уже „каботинкой". Замужество подвернулось само собою—недурная партія, не старый и не глупый человѣкъ, изъ мѣстныхъ дворянъ, занятой, мягкій, скучноватый, любившій почитать хорошую книжку. Дѣтей не было. Она заскучала скоро, порываясь куда-нибудь, гдѣ можно себя *показать*, проявить свои таланты, во что-нибудь помѣстить женскую нервность и суетность. Мужъ не мѣшалъ искать свое призваніе, даже поощрялъ. Началось самымъ обыкновеннымъ образомъ — съ чтенія стиховъ на любительскихъ вечерахъ, на эстрадѣ, подносились букеты и вѣнки. Каботинство росло. Понадобились и болѣе острые сценическіе успѣхи... Весь городъ кричалъ, что у Надежды Степановны Лаптевой — фамилія ея мужа — такая читка стиха, какой нѣтъ и у столичныхъ знаменитостей. Въ первый разъ, все еще съ благотворительной цѣлью, выступила она въ сценѣ у фонтана, и успѣхъ въ Маринѣ Мнишекъ затуманилъ голову. Ядъ разлился по всему ея тревожному существу: жажда рукоплесканій, трепетъ передъ выходомъ на сцену, огни рампы, опьяняющіе сразу... Черезъ мѣсяцъ она уже играла съ актерами, на афишѣ печаталось въ широкой рамкѣ: „при благосклонномъ участіи Надежды Степановны Лаптевой"...

Пріѣхала новая труппа. Антрепренеръ Дарьяловъ занималъ самъ первое амплуа. О немъ уже шла молва: разсказывали, что онъ учился въ одномъ изъ петербургскихъ барскихъ заведеній, служилъ потомъ въ гвардіи, проигралъ состояніе въ рулетку, быстро прогремѣлъ по провинціи, три раза банкрутился, какъ содержатель театра. Въ нѣсколькихъ городахъ увлекалъ онъ на сцену даже и дѣвушекъ изъ общества, бросалъ ихъ, доводилъ до самоубійства. Легенда окружала его. Не прошло и двухъ-трехъ недѣль съ его пріѣзда, какъ онъ уже былъ вхожъ въ ихъ домъ, слушалъ ея декламацію, провозглашая ее „готовой артисткой", устроилъ ей овацію, когда она согласилась играть въ его бенефисѣ,—встрѣча градомъ букетовъ и разноцвѣтныхъ бумажекъ съ ея именемъ, стонъ стоялъ отъ криковъ и вызововъ... Голова ея совсѣмъ пошла кругомъ.

Онъ увлекъ ее такъ быстро, что она не спохватилась, между двумя ролями, въ воздухѣ душной уборной, даже безъ фразъ и страстныхъ увѣреній, а точно такъ и быть слѣдовало. Она жадно впитывала въ себя этотъ особенный напитокъ изъ славолюбія, грѣха, дѣланныхъ чувствъ и театральныхъ фразъ. То, что она играла, переплелось съ жизнью, полной нервнаго возбужденія и уже ненасытной жажды все новыхъ и новыхъ успѣховъ... Любительницей она не могла, не желала оставаться... Но она не пошла къ мужу, не сказала ему серьезно и прямо:

— Пусти меня въ актрисы... Я не могу жить безъ сцены...

Она увѣрила себя, что мужъ не отпуститъ ее, что она будетъ вѣчно маяться въ безвкусной долѣ барыньки губернскаго города.

И она сбѣжала.

Черезъ какую школу провелъ ее этотъ совратитель провинціальныхъ любительницъ! Даже теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, краска проступаетъ у ней на щекахъ. Соблазнитель не давалъ себѣ труда хоть немножко прикрыть грязь своей душонки, показалъ себя сразу; а она превратилась въ его вещь, какъ-то совсѣмъ перестала сознавать себя личностью, свою страсть къ сценѣ перенесла цѣликомъ на него, готова была на всякую жертву, на всякое униженіе; только бы ей какъ можно больше играть, идти впередъ, видѣть, что онъ доволенъ ею, что она нужна ему, какъ актриса его труппы.

Добровольно дѣлалась она его сообщницей во всемъ, что онъ заставлялъ ее продѣлывать съ мужемъ, отъ котораго она принимала денежную поддержку. Эти деньги онъ проигрывалъ въ карты, отбиралъ все до копейки, отказывалъ въ необходимыхъ туалетахъ... Потомъ пошло еще хуже... Съ женщиной онъ перестала церемониться, заводилъ новыхъ любовницъ, и у себя въ труппѣ, и на сторонѣ, заставлялъ ее присутствовать на своихъ оргіяхъ.

Она продолжала быть въ чаду... Онъ давалъ ей играть — это было главное. Изъ любительницы она превращалась въ актрису, публика отличала ее... Но и тутъ начались страданія... Чѣмъ она больше развивалась какъ артистка, тѣмъ жестче и несправедливѣе относился онъ къ ней, кричалъ на репетиціяхъ, задергивалъ и передавалъ ея роли мелкимъ актрисамъ, попавшимъ въ его одалиски... Это всего больше убивало ее...

Вотъ тогда — пошелъ уже третій годъ ихъ сожительства — въ труппу принятъ былъ начинающій актерикъ, красивый, тихонькій, съ груднымъ голосомъ. Это былъ Свирскій... Про него разсказывали, что извѣстный на югѣ антрепренеръ замѣтилъ его въ какомъ-то ресторанѣ, во фракѣ, съ салфеткой офиціанта, былъ прельщенъ его профилемъ, жестами, манерой говорить... Черезъ годъ онъ уже игралъ маленькія рольки, а когда сталъ съ ней служить, то на немъ уже лежалъ нѣкоторый лоскъ и прикрывалъ и его малую грамотность, и недавнюю службу по ресторанамъ.

Всѣмъ было извѣстно, какъ сладко ей жилось дома. Свирскій тронулъ ее своимъ глубоко-почтительнымъ тономъ. И тогда уже онъ умѣлъ сочинять о своемъ прошедшемъ небывалыя исторіи и разсказывать ихъ задушевными и наивными словами. Онъ выдавалъ себя за „сына любви“ большого барина, побывавшаго въ сербскихъ добровольцахъ. Она ему вѣрила. Издѣвательство Дарьялова надъ этой сентиментальной хлестаковщиной только вызывало въ ней особенную жалость къ „бѣдному мальчику“.

Онъ же преклонялся передъ ея талантомъ. Играя съ ней, онъ шепталъ ей восторженныя фразы, уже отъ себя, называлъ ее „божествомъ“ и „жертвой“, трепеталъ отъ негодованія, когда она стала полегоньку разоблачать ему свою жизнь съ антрепренеромъ. Пылкое признаніе, захватившее ее врасплохъ, съ истерическими слезами и клятвой убить Дарьялова, даже если она и не броситъ его, только за низкое его поведеніе, подѣйствовало. Вмѣстѣ съ жалостью къ „бѣдному мальчику“ закралась страсть къ красивому, молодому и даровитому юношѣ. Дарьяловъ овладѣлъ ею какъ циникъ-соблазнитель, властно увлекшій ее на сцену... Свирскаго она впервые полюбила и ушла съ нимъ уже не тайно, а защищая свои права оскорбленной и настрадавшейся женщины. „Мальчикъ“ къ концу сезона выдвинулся такъ, что антрепренеръ жалѣлъ о немъ гораздо больше, чѣмъ о своей возлюбленной... Они вмѣстѣ получили выгодный ангажементъ... Въ любви ея къ Свирскому, съ первыхъ же мѣсяцевъ ихъ связи, было беззавѣтное увлеченіе и мужчиной, и артистомъ... Она бредила его успѣхами столько же, сколько и своими. Съ нимъ она почувствовала себя застрахованной на долгіе-долгіе годы отъ всякой актерской невзгоды. Только бы

нимъ играть вмѣстѣ. Это чувство перешло скоро въ какой-то суевѣрный культъ. Потерять его значило загубить въ себѣ актрису, пропасть безвѣстно... И она говорила ему это сама, раздувала его и безъ того непомѣрное тщеславіе, перестала замѣчать его хвастовство, его смѣшную рисовку, его неразвитость и малограмотность. Такъ пролетѣло два сезона...

И теперь еще, сидя въ сумеркахъ на кровати, она оплакиваетъ тѣ два сезона не потому, что кается,—нѣтъ. Но никогда уже она не жила такъ на сценѣ. Страсть къ театру, страсть къ красивому актеру, двойное увлеченіе й своей, и его славой!

И ее бросили въ первый разъ. Она возмутилась, не стала гоняться за нимъ, переломила нервную болѣзнь, налетѣвшую на нее, играла больше года одна, совсѣмъ на другомъ концѣ Россіи, — Свирскій—на югѣ, гдѣ онъ выдавалъ за свою жену маленькую опереточную актрису, она — на сѣверѣ. Вотъ въ этотъ перерывъ ихъ связи и служила она въ одной труппѣ съ комикомъ Мишинымъ. Тогда она почувствовала подъ собою другую почву. Публика продолжала „принимать“ ее, но ей самой казалось, что это непрочно, что безъ Свирскаго она не пойдетъ впередъ. Суевѣрно связывала она свою судьбу съ его карьерой и къ концу года затосковала по немъ до припадковъ нервнаго разстройства. Они встрѣтились на гастроляхъ въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ, лѣтомъ. Онъ протянулъ ей руку на репетиціи и почтительно раскланялся. Прощенья онъ не просилъ, да она и не требовала. При немъ не было уже его опереточной актрисы... Она опять сошлась съ нимъ, и на нѣсколько лѣтъ. Но это сожительство протянулось для нея, какъ одна сплошная обида... Свирскій только позволялъ обожать себя. Въ немъ не было цинизма и дерзкаго разврата антрепренера Дарьялова, но онъ весь ушелъ въ мелкое запойное женолюбіе, въ глупую, смѣшную рисовку, въ хлестаковщину самаго послѣдняго сорта. Все это она видѣла и не замѣчала, не хотѣла замѣчать. Ея страсть перешла въ обожаніе матери, въ постыдное баловство, въ преклоненіе передъ талантомъ, не знающее себѣ предѣловъ. А Свирскій становился только развязнѣе въ своихъ пріемахъ; дѣла не любилъ, ролей не училъ, выѣзжалъ всегда на двухъ-трехъ тирадахъ, гдѣ пускалъ свой задушевный голосъ и нервный пылъ. Но успѣхи его въ про-

винціи все росли... Жалованье шло въ гору... Около него она была увѣрена въ себѣ, не завидовала ему, играла все, что ей давали, ночи напролетъ учила роли, съ одной репетиціи являлась въ новыхъ пьесахъ, мечтала о большихъ сценахъ.

Умеръ ея мужъ, оставивъ ей, по завѣщанію, маленькій капиталъ. Свои деньги, приданныя, давно были прожиты Дарьяловымъ. Свирскій и не подумалъ предложить ей бракъ. И онъ не хуже антрепренера-обольстителя обошелся съ капитальцемъ, оставленнымъ ей покинутымъ мужемъ. Онъ дѣлалъ долги, походя, заставлялъ ее поручаться за себя, ея жалованье забиралъ впередъ и прокучивалъ, хлестаковщина его росла, обращеніе съ нею дѣлалось невыносимымъ по своей пошлости.

И онъ началъ бить ее... Она не вынесла, серьезно заболѣла, пролежала половину сезона, и очутилась одна, безъ ангажемента. Свирскій поѣхалъ на гастроли, и съ тѣхъ поръ они больше не сходились. Онъ бѣгалъ отъ нея, обращался даже къ властямъ въ двухъ губернскихъ городахъ, чтобы его избавили отъ ея преслѣдованій... Не могла она не гоняться за нимъ... Для нея со Свирскимъ уходила вся ея будущность... Страсть къ мужчинѣ перегорѣла; но актерство держало ее въ своихъ когтяхъ. Какъ только Свирскій окончательно ушелъ отъ нея—она стала спускаться подъ гору.

Два сезона сряду она служила почти даромъ... Антрепренеры банкрутились. Сбереженій у ней не было. Къ концу третьяго сезона она схватила плевритъ, оставившій послѣ себя долгіе слѣды. Послали ее въ Крымъ. Тамъ она, на кое-какія крохи, прожила зиму, пробовала играть съ любителями, опять заболѣвала, жить стало окончательно не на что...

И пошли отказы отъ ангажементовъ... Лицо поблекло. Туалетовъ нѣтъ... Она попадала въ маленькія труппы, въ „сосьетэ“, только бы играть первыя роли. Еще долгое нездоровье—и подползла голая, нищенская доля. Она не взвидѣлась, какъ пришлось въ Москвѣ искать мѣста на выходъ... Актерство все съѣло, какъ жадный клещъ, выпило кровь, бросило на большой дорогѣ, въ канаву—и нѣтъ ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ силъ уйти отъ него, искать пропитанія другимъ трудомъ, пойти въ горничныя, въ сидѣлки, въ бонны...

Надо издыхать въ воздухѣ крашенаго холста.

VI.

Шла репетиція. Въ глубинѣ сцены, позади павильона, двѣ актрисы въ мѣховыхъ тальмахъ и шапочкахъ пили чай за небольшимъ столомъ. Стоя между двумя кулисами, Строева прислушивалась къ тому, что происходило на сценѣ. Ей надо было улучить минуту и переговорить съ режиссеромъ насчетъ перемѣны фамиліи. Она не хотѣла, если ее поставятъ на выходъ, чтобы имя ея попалось на глаза Свирскому. Ее наполняло какое-то дѣтское чувство, точно будто она сбирается играть въ прятки. Какъ можно дольше хотѣлось ей остаться незамѣченной. Въ наружности своей она такъ измѣнилась, что врядъ ли онъ узнаетъ ее сразу. Ей надо будетъ попросить сегодня же комика Мишина ничего не говорить о нихъ знакомствѣ, о томъ, что они когда-то служили вмѣстѣ. Если столкнется она со Свирскимъ и онъ узнаетъ ее — она притворится, что никогда съ нимъ не встрѣчалась, и всѣмъ своимъ поведеніемъ покажетъ ему, что желаетъ совсѣмъ стушеваться.

Но какъ отвѣчать за такого человѣка? Ея фигура будетъ все-таки же колоть ему глаза. Онъ способенъ выжить ее изъ труппы, даже зная, что она дошла до нищенскаго оклада въ сорокъ пять рублей. Довольно и того постояннаго приниженнаго чувства, съ какимъ она будетъ оставаться въ этомъ театрѣ, безпрестанно видѣть передъ собою въ лицѣ Свирскаго свою жалкую судьбу какъ женщины и какъ артистки.

И вмѣстѣ съ тѣмъ ее влекло туда, за павильонъ, къ рампѣ... Точно желая ее поддразнить, тамъ репетировали „Ошибки молодости“. Она прислушивалась жадно къ репликамъ героини и героя. Княгиню Рѣзцову играла Миловзорова—главный женскій сюжетъ труппы, женщина уже не первой молодости, съ картавымъ, дребезжащимъ голосомъ и съ остатками красоты. Строева, не различая ясно каждаго слова, схватывала каждую фразу и повторяла про себя. Она до сихъ поръ знаетъ роль наизусть. Реплики свои Свирскій давалъ небрежно, чуть слышно, шелъ по суфлеру, какъ и всегда.

— Надежда Степановна!—назвалъ ее кто-то сзади.

Это былъ Мишинъ, въ бараньей шапкѣ и какомъ-то тулупчикѣ, съ запотѣлыми стеклами очковъ.

Она быстро отвела его въ темноту, къ тому мѣсту, гдѣ помѣщался громъ.

— Ради Бога, Мишинъ, — начала она шопотомъ, — не говорите вы никому про меня...

— То-есть въ какихъ смыслахъ?—дурачливо спросилъ онъ и началъ вытирать платкомъ стекла.

— Да просто не называйте меня по фамиліи. Я хочу просить режиссера дать мнѣ другую фамилію...

— Да вѣдь это отъ васъ, голубушка, зависитъ. Въ нашемъ званіи можно какую угодно кличку взять. Даже это теперь въ большой модѣ... Непремѣнно двойная фамилія: Астраханцевъ-Незванцевъ, Сергѣевъ-Пронскій, Ларіонова-Самарская...

— Пожалуйста, про меня никому не говорите, что вотъ я прежде служила съ вами и на какомъ амплуа была, когда и гдѣ...

— Да что же вамъ скрывать?.. Развѣ вотъ то, что теперь...

Онъ затруднился и не досказалъ, не желая ее обидѣть.

— Ну да, ну да, у каждаго своя амбиція...

— Понятное дѣло. Однако, режиссеру-то вѣдь извѣстно... И вы ему, конечно, говорили про свою прежнюю службу, да и я намеднись...

— Ну, режиссеру уже нельзя было не сказать, а вотъ другимъ...

Она видѣла по его глазамъ, что онъ не догадывается о настоящемъ мотивѣ ея просьбы. Ее даже удивило, что Мишинъ не зналъ ея прошедшаго со Свирскимъ, удивило и очень обрадовало.

— Вы сегодня развѣ заняты?—спросилъ Мишинъ.

— Нѣтъ... Гдѣ же?..

— Дайте срокъ, вотъ бенефисы пойдутъ...

— Я и боюсь... Если понадобится платье какую-нибудь гостью изображать въ свѣтскомъ салонѣ... Лучше уже въ прислугѣ состоять...

— Да, нынче такое франтовство пошло, и Боже мой!.. Вонъ, посмотрите, — Мишинъ указалъ головой на двухъ актрисъ, распивавшихъ чай, — какія ротонды-то!.. Вы знаете, кто та толстушка-то, вонъ та, съ угла сидитъ и булку уписываетъ, съ двойнымъ подбородкомъ. Это морганатическая супруга господина Свирскаго.

Строева сдѣлала движеніе въ сторону кулисъ и быстро оглядѣла полную блондинку въ бархатной шубѣ съ куньимъ

воротникомъ. Та жевала булку и запивала чаемъ съ особеннымъ аппетитомъ.

— Въ какихъ супругахъ она состоитъ? — переспросила она.

— Въ морганатическихъ.

— И фамилію его носитъ?

— Двойное у ней прозвище: Долина-Свирская... Только представляетъ онъ ее всѣмъ какъ законную жену и поговариваютъ, что эта толстуха прибрала его къ рукамъ. Разумѣется, онъ охулки на руку не положитъ насчетъ женскаго пола, но съ опаской началъ дѣйствовать... побаивается... А она, говорятъ, въ разъѣздѣ съ мужемъ, дворяночка, и свои деньги есть. Талантовъ у ней, кажется, нѣтъ никакихъ; однако, чуть ли не двѣсти рублей получаетъ... Главный же талантъ — ѣстъ до чрезвычайности. Вонъ видите какъ уписываетъ булку, а дома ужъ, навѣрно, и чай пила, и кофе, и завтракала. Ѣсть-то она ѣстъ, но своего капитальца не проѣдаетъ. И фиктивному муженьку, — когда онъ профершпилится, забравши жалованье мѣсяца за два впередъ, — карманныхъ денегъ выдаетъ только на папиросы, да на цвѣтные галстуки.

Она слушала Мишина, и ея прошедшее всплывало передъ ней еще ярче и обиднѣе, чѣмъ вчера, когда она сидѣла на кровати и противъ воли перебирала свою жалкую судьбу. На другомъ концѣ сцены, у столика, жирная блондинка продолжала пить чай и доѣдать булку. Ея пухлыя, свѣжія щеки издали такъ смѣшно двигались отъ жеванья. Котиковая шапочка сидѣла на бѣлокурой головѣ вбокъ и придавала всему ея виду что-то очень провинціальное, ухарское, глуповатое...

„И у тебя былъ капиталецъ, — думала Строева, — и ты была образованная барыня, считалась умной, даровитой, изъ ряду вонъ; а вотъ эта толстуха только ѣстъ и сумѣла прибрать его къ рукамъ... Быть-можетъ, совсѣмъ бездарная, а получаетъ вчетверо больше тебя и считается его женой. А ты дрожишь, какъ бы онъ не узналъ тебя и не выжилъ изъ труппы, не лишилъ оклада въ сорокъ пять рублей...“

— Можетъ-быть, авансикъ хотите попросить? — выговорилъ шопотомъ Мишинъ.

— Авансикъ? — переспросила она, не понявъ хорошенько, о чемъ онъ говоритъ.

— Малую толику?

Она объ этомъ не смѣла думать, а прожить цѣлый мѣсяцъ не знала какъ...

— Опасно... Сразу могутъ изъ-за одного этого прогнать.

— Это точно...

Мишинъ замолчалъ. Если бы она воспользовалась его словами и попросила у него взаймы рублей десять, двадцать,—онъ, вѣроятно, далъ бы. Но въ ту минуту она отдавалась совсѣмъ другимъ чувствамъ. Ею опять овладѣвала тревога и горечь несноснаго жданья. Лучше ужъ сейчасъ же встрѣтить Свирскаго, самой остановить его, увѣрить въ томъ, что она вычеркнула изъ своего прошлаго ихъ прежнія отношенія и просить его не обращать на нее никакого вниманія, какъ будто бы она не существовала.

— Вонъ режиссеръ,—торопливо сказалъ ей Мишинъ.— Перехватите его, а мнѣ надо въ уборную, взять тетрадку. Насчетъ авансика-то бы все-таки же сдѣлали подходецъ... Всего хорошаго, Надежда Степановна.

Она была почти рада, что онъ ушелъ. Еще двѣ-три минуты,—и она бы не выдержала и стала бы изливаться.

Въ дверяхъ павильона показался режиссеръ и сталъ кричать на плотниковъ:

— Живоглоты вы! Что я вамъ говорилъ вчера! Какъ у васъ каминъ прилаженъ?

Онъ долго бы на нихъ кричалъ, но что-то такое вспомнилъ, махнулъ рукой, круто повернулся и пошелъ въ режиссерскую, какъ разъ мимо Строевой.

— Я къ вамъ...

— Что нужно?

Онъ не сразу узналъ ее.

— Вы меня приняли...

— Знаю, знаю. Вы госпожа Строева?

— Вотъ именно объ этомъ я и хотѣла просить васъ. Я желала бы служить здѣсь подъ другимъ именемъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе... Не все ли это равно? Ха-ха! Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно: Иванова—вы, Сидорова, Строева или не Строева.

— Конечно, конечно, — лепетала она, чувствуя, что слезы готовы брызнуть у ней изъ глазъ. — Но, вы понимаете, еще такъ недавно я занимала амплуа...

— А! Это ваши тои афишки, что вы мнѣ показ[illegible] намедни?

— Прошу васъ,—почти съ мольбою въ голосѣ заговорила она,—забудьте, что я вамъ ихъ показывала... Вы, какъ артистъ, поймете мое чувство...

Режиссеръ усмѣхнулся и отвелъ взглядъ въ сторону.

— Какъ вамъ угодно... Разумѣется, у каждаго своя амбиція... Какъ же вы желаете прозываться?

— Ларина.

— Изъ „Евгенія Онѣгина“, значитъ? Не громко ли? Это вѣдь дѣвическая фамилія Татьяны.

— Поставьте какое угодно имя.

— Нѣтъ, ужъ извините... И это все?

Ей показалось, что онъ ее жалѣетъ, что сквозь его рѣзкій и угловатый тонъ пробивается нѣкоторое сочувствіе.

Мысль объ авансѣ промелькнула въ ея головѣ, но она не рѣшилась.

— Имѣю честь кланяться!—крикнулъ режиссеръ и побѣжалъ въ свою комнатку.

Строева присѣла около лѣсенки. Ей вдругъ сдѣлалось все равно: будетъ на афишѣ стоять фамилія Строевой или нѣтъ, прочтетъ эту фамилію Свирскій, столкнется она съ нимъ... Она уже не боялась этой встрѣчи. Ничего ей не нужно. Все, что она сейчасъ говорила, съ чѣмъ пришла,—казалось ей такъ глупо, безцѣльно, безсмысленно... Хуже ничего не можетъ случиться того, что она теперь переживаетъ.

VII.

— Маруся! ты кончила пить чай?

Голосъ заставилъ Строеву встрепенуться. Она подняла голову и быстро встала.

— Сейчасъ, сейчасъ. Надѣвай пальто, я тебя догоню.

Свирскій долженъ былъ пройти мимо нея: пальто его висѣло около лѣсенки, ведущей въ режиссерскую. Она застыла на мѣстѣ.

— Виноватъ! Позвольте мнѣ пройти.

Онъ остановился, взглянулъ на нее, прищурилъ глаза, откинулъ голову актерскимъ жестомъ назадъ и немного вправо, и развелъ руками.

— Мадамъ Строева? Надежда Степановна? Какими судьбами?

На его бритомъ, уже изношенномъ, но еще красивомъ лицѣ лежало ухмыляющееся выраженіе, и когда онъ пе-

resталъ жмуриться, то въ глазахъ она прочла не досаду или страхъ, а снисходительное самодовольство.

Она сейчасъ поняла, что онъ все забылъ, кромѣ ея наружности, что онъ даже и не подумалъ о возможности какихъ-нибудь счетовъ между ними.

Надѣвая шляпу, Свирскій выговорилъ небрежнымъ тономъ:

— Если вамъ нужно кого-нибудь здѣсь, то я буду очень радъ...

Она не дала ему досказать.

— Мнѣ ничего не нужно, благодарю васъ. Безпокоить я васъ не буду, повѣрьте... Я не знала, что вы здѣсь служите...

— Ахъ, Боже мой, Надежда Степановна,—перебилъ онъ ее въ свою очередь, — я душевно радъ быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Онъ оглянулъ ее, и снисходительная усмѣшка перешла въ мину явнаго сожалѣнія.

— Гдѣ вы служите? Или оставили сцену?.. Послушай,—окрикнулъ онъ плотника,—подай мнѣ пальто, вонъ тамъ, крайнее.

Строева готова была сказать ему:

„Оставьте меня... я васъ не трогаю... Идите своей дорогой...“

Но тонъ Свирскаго на особенный ладъ смутилъ ее. Она не знала, — обрадоваться ли ей или почувствовать себя униженной такимъ обращеніемъ.

Плотникъ подалъ ему богатую бекешь на стеганой атласной подкладкѣ, съ дорогимъ бобромъ.

— Я поступила сюда на службу,—выговорила она довольно твердо, и посмотрѣла ему прямо въ глаза.—Только пожалуйста не называйте меня Строевой. Я взяла другую фамилію.

— На какое же вы амплуа, Надежда Степановна?

— Ни на какое. Просто на выходъ...

Она это произнесла съ опущенной головой, но съ такимъ выраженіемъ, которое должно было показать ему, что и въ ней все ихъ прошедшее уже перегорѣло, и она желаетъ одного: оставаться въ тѣни.

— Быть не можетъ! Какъ же вамъ не стыдно было не обратиться ко мнѣ! Вамъ, вѣроятно, говорили, что я буду служить именно здѣсь. Я могъ бы васъ отрекомендовать. Да и теперь это дѣло еще поправимое...

Онъ застегивалъ свою бекешь и покачивался, переминаясь съ ноги на ногу.

Она молчала. Что ей было отвѣтить на все это? Сначала она подумала, что онъ играетъ комедію и искусно притворяется... Потомъ все ей стало ясно: хлестаковщина Свирскаго была опять передъ ней налицо, закорепѣлая актерская рисовка. Онъ уже драпировалъ себя въ костюмъ великодушнаго товарища, которому жаль бѣдной женщины, пострадавшей отъ ударовъ судьбы на театральномъ поприщѣ. О своей роли въ этой судьбѣ онъ окончательно забылъ или вспоминалъ какъ объ одномъ изъ своихъ романовъ, промелькнувшихъ въ его прошедшемъ. Вѣроятно даже, что онъ считалъ себя ея избавителемъ, когда-то спасшимъ ее отъ циническаго тиранства антрепренера Дарьялова. Онъ первый началъ лелѣять ея дарованіе. Съ нимъ она познала упоеніе истинной страсти...

— Вотъ я и готова!—раздался голосъ блондинки, докончившей жевать булку.

Она подошла къ нимъ, запахивая свою богатую мѣховую ротонду.

Строева сдѣлала невольный шагъ назадъ и не поднимала глазъ ни на Свирскаго, ни на его сожительницу.

— Маруся! Какая встрѣча! Моя старая сослуживица и добрая знакомая—Надежда Степановна. Мы сейчась вотъ столкнулись здѣсь...

И, указывая на блондинку, Свирскій твердо и отчетливо выговорилъ:

— Жена моя!

Та подала ей пухлую руку со множествомъ колецъ и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядѣла на ея потертое пальто и старомодную шляпку.

— Ты знаешь, Маруся,—продолжалъ Свирскій, застегнувъ послѣднюю пуговицу своей бекеши,—ты помнишь изъ моихъ разсказовъ... Надежда Степановна первая когда-то оцѣнила мое дарованіе.

Маруся поглядѣла на него вопросительно.

Вмѣсто непріятнаго стѣсненія, Строева вдругъ почувствовала нѣчто совсѣмъ другое. Свирскій былъ такъ неожиданно хорошъ въ своей новой роли, импровизованной имъ тутъ же, что она какъ-то отрѣшилась отъ самой себя и только слушала и глядѣла.

— Да,—продолжалъ онъ и откинулъ голову назадъ,—есть вещи, которыхъ не слѣдуетъ забывать...

— Вы гдѣ же служите?—спросила блондинка.

— Да Надежда Степановна сообщила мнѣ сейчасъ невѣроятную вещь. Она у насъ въ театрѣ, но совершенно въ неподходящихъ условіяхъ...

Свирскій приподнялъ плечи и сдѣлалъ выразительный жестъ правой рукой.

Въ глазахъ его подруги Строева ничего не замѣчала, кромѣ желанія идти домой.

— Да что же мы здѣсь стоимъ? — продолжалъ Свирскій. — Идемте. Маруся, у тебя нынче, надѣюсь, хорошій обѣдъ?

Маруся раскрыла свой сочный ротъ съ мелкими бѣлыми зубами и вкусно выговорила:

— Будетъ московская селянка на сковородкѣ.

— И еще что?

— Пожарскія котлеты съ бѣлыми грибами.

— Превосходно!

— И оладьи съ яблоками.

— Надежда Степановна, — обратился онъ къ Строевой,—раздѣлите нашу скромную трапезу... Я вамъ скажу, у Маруси особенный талантъ по кухонной части. Будете довольны... Побесѣдуемъ, вспомнимъ старину.

Изумленіе Строевой уже прошло. Свирскій вошелъ въ роль и теперь нельзя уже было сбить его съ тона. Она могла, конечно, прервать такой печально-шутовской разговоръ гораздо раньше, еще до появленія этой толстухи, и сказать ему, что онъ обязанъ щадить ея женское достоинство, не напускать на себя тонъ благодушнаго покровителя, что она даетъ ему право не кланяться съ собой, совершенно не замѣчать ея присутствіе въ труппѣ.

А теперь ей казалось, что такъ лучше, какъ выходило по той роли, въ которую въѣдался Свирскій. Разумѣется, лучше. Онъ, конечно, разсказывалъ про нее своей теперешней названной женѣ; но уже, навѣрное, не такъ, чтобы смущать ее, если она, дѣйствительно, держитъ его въ рукахъ; разсказывалъ что-нибудь сочиненное имъ въ одну изъ своихъ импровизацій хвастовства и актерской рисовки, можетъ-быть, выдавалъ за жертву непониманія публики или за несчастную женщину, увлеченную негодяемъ, которой онъ, Свирскій, протянулъ руку и спасъ на краю пропасти, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

„Такъ лучше“,—успѣла она рѣшить про себя. Онъ

боится своей толстухи и даже отъ лишняго стакана вина въ ея присутствіи не будетъ глупо проговариваться, а съ глазу-на-глазъ съ нею, Строевой, онъ уже показалъ свой тонъ. Будь это пять лѣтъ тому назадъ, встрѣться онъ съ нею, когда она еще считалась и была недурна собою и при туалетахъ, — онъ бы захотѣлъ ее „осчастливить“, а теперь ничего подобнаго даже и ему не придетъ въ голову.

Если онъ будетъ выдерживать свою роль стараго товарища и великодушнаго покровителя „несчастной женщины“, дошедшей до того, что она должна была поступить въ фигурантки,—будетъ ли ей хуже въ труппѣ? Вѣдь онъ для нея жалкій продуктъ актерскаго быта, человѣкъ, обобравшій ее, осквернившій ея первую беззавѣтную страсть. А здѣсь, въ театрѣ, Свирскій — особа, получаетъ чуть не тысячный окладъ... Строева ничего не отвѣтила на приглашеніе къ обѣду, но поклонилась въ знакъ согласія. Свирскій взялъ свою подругу подъ руку и поправилъ шляпу, отъ которой шелъ лоскъ. Строева пошла за ними по полутемному коридору. На крыльцѣ Свирскій сталъ надѣвать перчатки и оглядывалъ улицу какими-то торжествующими глазами. Онъ очень былъ доволенъ собою, тѣмъ, какъ онъ обошелся съ „несчастной женщиной“, сознавалъ въ эту минуту все свое мужское и артистическое превосходство. Подъ руку держалъ онъ молодую бабенку съ роскошнымъ тѣломъ и при капиталѣ, зналъ, что она отъ него не уйдетъ, а, напротивъ, будетъ все вцѣпляться въ него, про себя смѣялся надъ нею: онъ ее, когда ему вздумается, проводитъ и смотритъ на свои грѣшки, какъ на необходимую принадлежность своей артистической карьеры, какъ на ту дань, какую женщины во всѣхъ городахъ приносятъ ему.

Тутъ же стоитъ и та, кто первая распознала его большой талантъ и положила на него всѣ свои душевныя силы. Счеты ихъ покончены; онъ ее любилъ, когда она была молода, красива и непритязательна. А теперь судьба позволяетъ ему оказать ей покровительство, какъ бѣдной женщинѣ, незаслуженно доведенной до крайности. Эта обтрепанная тальма, эта шляпка показываютъ прямо, что она въ нищетѣ. Онъ готовъ предложить ей временную поддержку. Она всегда была горда и не нужно оскорблять ее подачкой милостыни. Онъ сдѣлаетъ это гораздо ловчѣе... конечно, при случаѣ.

Строева шла по узкому и неровному тротуару, позади нарядной, чисто актерской четы. Все на нихъ блестѣло: цилиндрическая шляпа, бекешь съ бобромъ, шуба, брильянтовыя серьги въ грубоватыхъ, но розовыхъ ушахъ блондинки.

Они что-то такое между собою говорили вполголоса. Онъ наклонялъ къ ней свой актерскій профиль и улыбался точно такой же улыбкой, какую когда-то состроилъ себѣ, когда въ первый разъ игралъ Армана Дюваля, а Строева—Маргариту Готье. Да, онъ за ней ухаживаетъ, побаивается ея, имѣетъ почтеніе къ ея деньгамъ. Но они—пара. Оба счастливы тѣмъ счастьемъ, какого ей никогда не выпадало на долю.

Свирскій съ своей дамой перешли черезъ улицу и остановились подъ навѣсомъ углового дома съ вывѣской виноторговца.

Онъ обернулся въ полъ-оборота и крикнулъ отставшей немножко Строевой:

— Надежда Степановна, пожалуйте сюда! Вы пойдете съ Марусей, а я забѣгу на минуту. По случаю нашей товарищеской встрѣчи устроимъ маленькій фестиваль. Бутылочку холодненькаго.

— Зачѣмъ же?—вырвалось у нея.

Ей показалось это не то издѣвательствомъ, не то шутовствомъ.

Но опять она себя поправила и мысленно проговорила:

„И пускай!“

Свирскій приподнялъ шляпу, освободилъ свою руку, улыбнулся имъ обѣимъ съ прищуриваніемъ глазъ, которое у него выходило особенно красивымъ, и вошелъ въ магазинъ.

— Пойдемте,—протянула лѣнивымъ звукомъ блондинка,—немножко поможете мнѣ. Мы еще не совсѣмъ наладились съ кухаркой. Въ Петербургѣ, да и на югѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ — все гораздо удобнѣе и, по-моему, дешевле. А мужъ мой любитъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

Строева промолчала и пошла съ толстухой въ ногу.

VIII.

Былъ въ исходѣ седьмой часъ. По уборнымъ уже начинали гримироваться. Сцена стояла совсѣмъ почти тем-

ная. Бутафоръ съ помощникомъ вносили мебель и, не спѣша, разставляли ее. Глухихъ и сердитыхъ окриковъ режиссера не было еще слышно.

По двору театра, держась около стѣны, пробиралась Строева къ боковому входу на сцену. Выпалъ снѣгъ и морозный вѣтеръ рѣзко дулъ въ лицо; она куталась въ свою старенькую драповую тальму и уцѣлѣвшій отъ прежнихъ временъ пуховый оренбургскій платокъ.

Сегодня она не занята; да и всю недѣлю не будетъ занята, но сидѣть дома, въ постыломъ своемъ двѣнадцатирублевомъ номеркѣ, или лежать на постели, чтобы не тратить ничего на освѣщеніе,—черезчуръ тяжело. Театръ ее тянетъ и утромъ, и вечеромъ. Она давно помирилась съ закулиснымъ убиваньемъ времени, съ этимъ шляньемъ изъ уборныхъ на сцену и обратно и кочеваньемъ между кулисъ. Прежде, при всей страсти къ театру, она тяготилась безсмысленной потерей времени на репетиціяхъ и на спектакляхъ. Теперь хожденіе въ театръ помогаетъ убивать томительные досуги, а главное—уходить отъ себя, отъ своихъ думъ, отъ перебиранія все тѣхъ же итоговъ актрисы-неудачницы.

Сегодня она побѣжала бы, даже если бъ ей и нездоровилось. Давали „Ошибки молодости“. Княгиня Рѣзцова была когда-то ея коронная роль. И утромъ, на репетиціи, она выстояла въ кулисѣ всѣ дѣйствія, про себя повторяла всѣ тирады и реплики главнаго женскаго лица. Актриса, игравшая княгиню Рѣзцову, не нравилась ей. Она находила, что у ней слишкомъ приподнятый тонъ, напыщенность въ манерахъ, безпрестанное подчеркиваніе. Собою она была видная и одѣвалась роскошно. Эта пьеса точно дразнила Строеву. Она вспомнила, что и въ режиссерской, когда приходила просить о мѣстѣ, зеленая афиша заставила ее обернуть голову и прочитать заглавіе пьесы. Это были все тѣ же „Ошибки молодости“. Стоя за кулисой, около двери павильона, она закрывала глаза и уносилась мечтой въ прошлое, чувствовала себя героиней пьесы, внутренно играла и находила новые звуки, какіе прежде не давались ей.

Строева повернула отъ боковой дверки влѣво и тихо, держась желѣзныхъ перилъ, стала подниматься въ уборныя. Въ коридорѣ женскихъ уборныхъ она присѣла на окно. Ей пріятно было тутъ, послѣ холода и рѣзкаго вѣтра улицы. Мимо проходили портнихи и актрисы. Она

почти никого еще не знала; но о ней уже шли толки въ труппѣ. Кто-то видѣлъ, какъ съ ней разговаривалъ первый актеръ. Нѣкоторые считали ее впавшей въ бѣдность барыней изъ общества, взятой „на выходъ". Съ лишними вопросами къ ней никто не обращался; въ общей уборной, гдѣ одѣвались мелкія актрисы, ей еще не привелось сидѣть передъ столикомъ и гримироваться. Режиссеръ ни въ чемъ еще не выпускалъ ее.

Въ коридорѣ Строевой сдѣлалось жарко; она сняла свою тальму и положила тутъ же на окно. Наискосокъ отъ того окна, гдѣ она сидѣла, приходилась дверка въ уборную первой актрисы. Но уборная стояла еще пустая, ярко освѣщенная газовыми лампами около большого трюмо.

— Никакъ Миловзорова-то еще не пріѣхала?—спросилъ кто-то съ лѣстницы.

Строева подумала:

„Пора бы ей начать одѣваться".

И ей какъ будто бы было пріятно, что Миловзорова еще не пріѣхала, точно будто она смутно хотѣла какой-нибудь исторіи, тревоги, отмѣны спектакля.

Свирскій игралъ, разумѣется, главную мужскую роль. Когда-то она сама просила своего сожителя Дарьялова выпустить въ этой роли „симпатичнаго мальчика"—Свирскаго. Она помнитъ, какъ, послѣ спектакля, этотъ симпатичный мальчикъ приниженно, почти благоговѣйно, благодарилъ ее въ восторженно-льстивыхъ выраженіяхъ. Сегодня утромъ онъ репетовалъ роль небрежно и будетъ въ ней гораздо ординарнѣе, *казеннѣе*, чѣмъ семь и восемь лѣтъ тому назадъ.

А свою роль съ нею онъ уже отыгралъ: покормилъ обѣдомъ, сказалъ, что она можетъ всегда найти за ихъ столомъ „лишній приборъ", но, конечно, режиссеру о ней не говорилъ и при встрѣчахъ съ нею на сценѣ здоровался съ оттѣнкомъ пріятнаго покровительства.

Для нея такъ лучше. Сытная ѣда толстухи коломъ стояла у ней въ груди цѣлыя сутки послѣ того. Сдѣлаться ихъ прихлебательницей она не была въ состояніи.

Въ коридоръ вбѣжалъ маленькій человѣчекъ—помощникъ режиссера, заглянулъ въ уборную Миловзоровой, повернулся вправо и влѣво и крикнулъ:

— Портниха! Кто тамъ есть!

Въ одной изъ дверокъ показалась женская голова.

— Марья Сергѣевна развѣ не пріѣзжала еще?—спросилъ помощникъ.

— Нѣтъ, Иванъ Павлычъ... И горничной ихъ нѣтъ. Корзину тоже не присылали.

— Что за оказія!

И помощникъ побѣжалъ къ лѣстницѣ.

„И корзины не присылала“, — повторила про себя Строева, встала и начала ходить тихими, короткими шагами по коридору; ходила и прислушивалась къ голосамъ внизу, на сценѣ.

Раздался возгласъ режиссера:

— Вотъ такъ пакость! Это чортъ знаетъ что такое! За двадцать минутъ до занавѣса сказываться больной!..

„Такъ и есть“,—почти радостно подумала Строева, и начала тихонько спускаться съ крутой лѣстницы.

Внизу она нашла тревогу въ полномъ разгарѣ. Режиссеръ бѣгалъ позади павильона, уже совсѣмъ приготовленнаго къ первому акту, ерошилъ волосы, дѣлалъ своими длинными руками раскидистые жесты и безъ устали кричалъ:

— Вѣдь это живоглотство!—донеслось до нея.—Живоглотство чистѣйшей пробы! Что я теперь буду дѣлать?..

Помощникъ назвалъ, должно-быть, какое-нибудь заглавіе пьесы.

— Вотъ выдумали!—крикнулъ режиссеръ.—Какой она сборъ сдѣлала въ послѣдній разъ? Трехсотъ рублей не дала. За двадцать минутъ! Штрафъ предлагаетъ взять! Что мнѣ въ ея штрафѣ? Вчерашній спектакль повторить—нельзя. Мишина нѣтъ. Я его сегодня въ Коломну отпустилъ на какой-то дурацкій благотворительный спектакль.

„Предложу я себя!“—пронеслось въ головѣ Строевой. Она стояла уже внизу, но все еще держалась рукой за желѣзный прутъ, служившій перилами.

Режиссеръ продолжалъ браниться и бѣгать по сценѣ, повторяя свое любимое слово:

— Живоглоты!.. живоглоты!..

Точно что ее толкнуло впередъ, и она, смѣлой поступью, пошла къ нему навстрѣчу.

— Что вамъ угодно?—накинулся онъ на нее.

— Семенъ Захарычъ! Я знаю роль наизусть, играла ее десятки разъ. Угодно вамъ выпустить меня съ анонсомъ?

— Вась?

Онъ подался всѣмъ корпусомъ назадъ.

— Если вы мнѣ не вѣрите—спросите господина Свирскаго. Онъ меня видалъ въ этой роли.

Она не побоялась назвать Свирскаго. Что-то ей подсказало:

„Онъ поддержитъ тебя, изъ рисовки, или изъ желанія сдѣлать непріятность первой актрисѣ. Съ нею онъ не въ ладахъ...“

— Да помилуйте, — заговорилъ режиссеръ, нѣсколько смягчая тонъ,—гдѣ же у васъ туалетъ?

— Платьевъ у меня нѣтъ... Это уже ваше дѣло, Семенъ Захарычъ...

— Да и Свирскій не согласится играть. Онъ и безъ того ведетъ эту роль черезъ пень-колоду. Онъ будетъ ужасно радъ... Какое всѣмъ имъ дѣло до интересовъ театра? Кто имъ преданъ, кромѣ дурака Прокофьева?

— Спросите его.

Режиссеръ быстро взглянулъ на нее; должно-быть, ему показалось, что она еще по фигурѣ, по лицу и по манерѣ говорить можетъ взяться за роль княгини Рѣзцовой.

— Пойдемте!—крикнулъ онъ ей и зашагалъ въ мужскую уборную.

Она шла за нимъ безъ всякихъ колебаній. Она даже не подумала лишній разъ: поддержитъ ли ее Свирскій или сдѣлаетъ гримасу, и можетъ ли вообще это случиться, черезъ какихъ-нибудь двадцать минутъ, чтобы она очутилась въ главной роли въ „Ошибкахъ молодости“. Да еще здѣсь!..

— Вы одѣваетесь? — спросилъ режиссеръ Свирскаго, просунувъ голову за занавѣску, которой было прикрыто отверстіе дверки. — Слышали, какой супризецъ поднесла намъ наша Раиса Минишна Сурмилова?

— Слышалъ!—отвѣтилъ Свирскій изъ уборной.

— Вы, небось, рады?

— Почему же?

— Да вѣдь вы, кажется, не любите этой роли?

— Кто вамъ сказалъ? Напротивъ...

— Ну, на репетиціи...

— Мало ли что? Изъ-за чего же я буду играть въ полную игру?

— Ну, это дѣло десятое; а вотъ въ чемъ штука: госпожа, — режиссеръ обернулся въ сторону Строевой,

остановившейся въ простѣнкѣ между двумя дверками,— какъ васъ прикажете звать? Вы, вѣдь, меня просили о перемѣнѣ фамиліи...

— Какъ угодно...

— Такъ Строева, что ли?

— Да, Строева.

Ея бодрое возбужденіе не проходило.

— Такъ вотъ... госпожа Строева вызывается спасти нашу ситуацію, говоритъ, что много разъ играла княгиню Рѣзцову, между прочимъ и съ вами.

Свирскій не сразу отвѣтилъ.

„Не посмѣетъ, — увѣренно подумала она, — будетъ играть".

— Вызывается?—переспросилъ Свирскій.

— Да, коли вамъ, батюшка, говорятъ русскимъ языкомъ. Разумѣется, съ анонсомъ... и все такое...

— Надежда Степановна, дѣйствительно, играла эту роль,—началъ отчеканивать Свирскій.

— Говоритъ, что наизусть знаетъ ее...

— Не сомнѣваюсь, — протянулъ Свирскій. — Что жъ? Судя по тому, что у меня сохранилось въ памяти, — она справится съ ролью не хуже, чѣмъ наша Раиса Минишна.

— Такъ вы, значитъ, отвѣчаете за нее?

— Руку на отсѣченіе не дамъ, но рискнуть можно...

— Ну, ладно.

Режиссеръ обернулся къ Строевой и крикнулъ:

— Извольте идти въ уборную.

— А туалетъ?—спросила она, чувствуя, что этотъ вопросъ—лишній, что она должна играть и платья откуда-нибудь да возьмутся.

И платья нашлись. Былъ сдѣланъ анонсъ. Пьесу начали десятью минутами позднѣе. Публика не потребовала назадъ денегъ, но сдѣлалась злая. При появленіи Строевой послышалось шиканье. Оно ее не смутило. И въ уборной, за гримировкой и одѣваньемъ, и передъ выходомъ на сцену, и подъ огнемъ рампы она ничего не боялась. Что могла она потерять? Если бъ даже сыграла она и плохо,—а роль она знала наизусть,—и сердитый режиссеръ не сталъ бы мстить ей за это, а въ случаѣ хотя маленькаго успѣха, она сейчасъ же бы заняла другое положеніе.

Свирскій захотѣлъ быть до конца великодушнымъ, шопотомъ говорилъ ей, между репликами, одобрительныя

фразы, игралъ старательно, ей въ тонъ. Минутами ей казалось, что она, тамъ, въ провинціи, играетъ свою коронную роль съ симпатичнымъ мальчикомъ, котораго такъ искренно хотѣла поддержать. Она сама чувствовала, что читаетъ хорошо, совсѣмъ не такъ, какъ Миловзорова— проще, значительнѣе, мѣстами съ настоящими барскими интонаціями. Но публика не сдавалась. Послѣ паденія занавѣса, съ верхней галлереи раздались было вызовы и были прерваны дружнымъ шиканьемъ. Кресла и ложи не мирились съ тѣмъ, какъ она была одѣта, съ ея поблеклымъ лицомъ, которое гримировка не могла уже сдѣлать моложе и эффектнѣе. Какъ она ни старалась, ничего не помогало. Но смѣлость ни на минуту не оставляла ее. Роль довела она до конца увѣренно, въ томъ же тонѣ, съ той же искренной и умной читкой.

И вдругъ, послѣ пятаго акта, ее вызвали безъ протеста. Кресла не хлопали, но и не шипѣли. Свирскій выходилъ съ нею и, держа ее за руку, прошепталъ все тѣмъ же актерски-покровительственнымъ тономъ:

— Поздравляю васъ, мой другъ.

Когда она кланялась и глядѣла въ полутемную зрительную залу, все было забыто, вся пережитая обида, горечь, весь срамъ, доставшійся ей въ удѣлъ отъ этой не умирающей страсти къ подмосткамъ. Она опять жила, какъ хотѣла бы жить до смерти, и была обязана этимъ самой себѣ, своему таланту.

— Ну, спасибо! — крикнулъ ей режиссеръ вдогонку, когда она поднималась въ уборную.—На четыре съ плюсомъ играли, барынька!

IX.

Въ фойэ раздавались громкіе голоса. Туда сошлась вся почти труппа, кромѣ выходныхъ. На репетиціи вдругъ разнесся слухъ, что спектакля не будетъ. Общество не отпускало больше газа. Вся послѣдняя недѣля прошла въ глухомъ волненіи между вліятельными членами труппы: платежъ жалованья затягивался, сборы падали. Если придется сегодня изъ-за газа отмѣнить спектакль, это убьетъ репутацію театра.

На сходкѣ въ фойэ говорили всѣ разомъ, горячились, перебивали другъ друга. Режиссеръ предлагалъ составить товарищество, и съ нимъ многіе были согласны; но другіе колебались и хотѣли, прежде всего, добиться получе-

нія жалованья. Въ это время сцена стояла совсѣмъ темная. Газовыхъ рожковъ, освѣщающихъ репетицію, не было видно. Въ коридорѣ бельэтажа, гдѣ горѣла одна керосиновая лампочка, скучилось нѣсколько женскихъ фигуръ. Это были выходныя актрисы, въ томъ числѣ и Строева. Онѣ не шли въ фойэ, гдѣ кричали и спорили главные сюжеты труппы. Онѣ тревожно ждали только, чѣмъ все это кончится, будетъ ли вечеромъ спектакль, какъ поведется дальше дѣло, есть ли надежда на полученіе жалованья...

Строева служила уже около мѣсяца, но жалованья еще не получала. Она заняла у Мишина, но эти взятыя въ долгъ деньги были уже прожиты.

— Галдятъ, галдятъ, — заговорила шопотомъ одна изъ выходныхъ актрисъ, — а мы все-таки ни при чемъ останемся...

— Режиссеру да первачамъ хочется захватить все въ свои лапы.

— Слышите, сосьетэ хотятъ... по крайней мѣрѣ, на маркахъ будемъ играть...

— Намъ-то какія марки? Первымъ дѣломъ сокращеніе расходовъ, и насъ по шапкѣ!

Эти слова были какъ разъ то, о чемъ думала въ эту минуту Строева.

Разумѣется, выходныхъ уволятъ. Но вѣдь она теперь не выходная? Режиссеръ говорилъ ей, что будетъ держать ее „про запасъ". Въ одной одноактной комедіи онъ назначалъ ей новую роль.

А теперь все рухнетъ! Гулъ голосовъ сталъ потише. Долго что-то доказывалъ режиссеръ, потомъ говорилъ Свирскій, и потомъ еще одинъ изъ крупныхъ актеровъ. Должно-быть, на чемъ-нибудь рѣшили стоять.

— По шапкѣ насъ, по шапкѣ! — прошептала та же выходная актриса. — Что жъ, господа? — обратилась она къ остальнымъ. — Мы, нешто, безсловесныя? Пойдемте и мы спросимъ: заплатятъ ли намъ двадцатаго числа и кто теперь будетъ набольшій?

И въ этой группѣ женщинъ вдругъ всѣ вполголоса затараторили, охваченныя новымъ наплывомъ тревоги и недовольства...

Строева ничего не говорила.

На нее этотъ переполохъ дѣйствовалъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Жалованье она врядъ ли получитъ, отдать

долгъ Мишину нечѣмъ. Лишній народъ будетъ, конечно, удаленъ, въ томъ числѣ и она, но слезы не подступаютъ къ глазамъ, точно будто даже ей такъ лучше, и какая-то смутная надежда мелькаетъ передъ нею.

Въ широкихъ дверяхъ фойэ, откуда свѣтъ падалъ полосой на полъ коридора, показался Мишинъ. Онъ былъ въ мѣховомъ пальто и надѣвалъ шапку; вѣроятно, уходилъ уже совсѣмъ.

— Сергѣй Ардальонычъ!—окликнула она его.

Комикъ оправилъ очки и сталъ разглядывать въ темнотѣ, кто его окликаетъ.

— Уходите?

Онъ узналъ голосъ Строевой.

— Ухожу-съ, Надежда Степановна, ухожу-съ... Для этихъ парламентскихъ препирательствъ я никуда не годенъ. Знаете, такая древняя русская поговорка есть: „отъ міра не прочь, а міру я не челобитчикъ".

— Уходите совсѣмъ изъ труппы?

— Пока нѣтъ; только я всѣхъ этихъ препирательствъ терпѣть не могу. Уладятъ они сосьетэ — я готовъ буду остаться. Наши первачи только о своей утробѣ заботятся, а не о мелкой сошкѣ. Первымъ дѣломъ надо подумать о тѣхъ, кому животы-то совсѣмъ подвело. Я не про себя говорю; безъ мѣста я не останусь, могу сейчасъ навострить лыжи; но я этого не сдѣлаю; какъ міръ, такъ и я.

Къ нимъ подбѣжала та выходная актриса, что говорила громче другихъ.

— Ну, а насъ-то какъ, по шапкѣ?

— Это будетъ большая гнусность!

— Откуда же возьмутъ жалованье?

— Наработаемъ на маркахъ. Это, знаете, универсальное средство. Другихъ не выдумали.

— А сегодня какъ же съ газомъ-то?—спросилъ кто-то изъ женщинъ.

— Делегата пошлютъ; авось уладитъ. Если не будетъ газа, такъ сальныя свѣчки зажжемъ. Гдѣ-то я читалъ, что и великій Мольеръ съ товарищами такъ игралъ. Вмѣсто лампъ-то горѣли сальныя свѣчи и ихъ во время дѣйствія снимали щипцами. Такая и должность была...

— Господи! какъ же намъ быть? Вѣдь это ужасно! — заговорили женщины, всѣ, кромѣ Строевой.

Она отвела Мишина подальше къ лѣстницѣ.

— Сергѣй Ардальонычъ, — шопотомъ начала она, — я

вѣдь вамъ должна... Но теперь, гдѣ же получить жалованье?

— Полноте, Надежда Степановна.

Мишинъ махнулъ рукой.

— А если вы не останетесь здѣсь... когда все распадется... куда вы поѣдете?

— Да меня въ два мѣста приглашаютъ: въ Казань и въ Орелъ.

Она хотѣла было сказать:

„Увезите меня съ собою! Будьте благодѣтелемъ до конца“.

Мишинъ пожалъ ей руку, нахлобучилъ шапку и торопливо сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ! — крикнулъ онъ, и побѣжалъ внизъ по ступенькамъ.

Тѣмъ временемъ группа выходныхъ актрисъ подошла ко входу въ фойэ и остановила режиссера, выглянувшаго оттуда въ большой ажитаціи, съ побурѣлымъ, перекошеннымъ лицомъ.

— Семенъ Захарычъ! Семенъ Захарычъ! — раздались женскіе голоса,—какъ же вы рѣшили? Чего намъ ждать? Скажите, ради Бога. Мы соскучились здѣсь..

— Мишинъ ушелъ?—крикнулъ режиссеръ.

— Ушелъ, ушелъ,—отвѣтили ему.

— Что за пакость! Когда нужно дѣйствовать,—сейчасъ наутекъ.

— Скажите намъ что-нибудь насчетъ жалованья. И какъ нынѣшній спектакль?

— Господа, — остановилъ ихъ режиссеръ, — завтра будетъ собрана вся труппа, до послѣдняго выходного актера. Мы вырабатываемъ проектъ товарищества. Кто войдетъ въ него, тотъ будетъ, разумѣется, нести рискъ...

— А какъ же мы-то останемся?

— И о васъ позаботятся... Надо спасать дѣло...

— А спектакль будетъ сегодня?

— Будетъ или нѣтъ—вы это узнаете, коли явитесь вечеромъ. А затѣмъ имѣю честь кланяться. Я долженъ идти туда. Васъ всѣхъ оповѣстятъ.

И онъ убѣжалъ.

Это ихъ мало успокоило. Кто-то изъ нихъ предложилъ войти въ фойэ и тамъ дожидаться конца совѣщанія.

Но Строева не пошла. Она сознавала безполезность лишняго жданья и лишней тревоги. Тихо спустилась она

съ лѣстницы и вышла на улицу съ такимъ чувствомъ, точно будто она возвращается съ обыкновенной репетиціи. Если и сладятъ они тамъ свое сосьетэ — сущность останется та же. И на „маркахъ" будетъ тотъ же захватъ первыми сюжетами большихъ окладовъ и та же нищенская доля батраковъ... Они тамъ кричали въ фойэ, возмущались поведеніемъ содержателей театровъ, вопили объ эксплуатаціи и грабежѣ... А всякій изъ нихъ только и думаетъ о томъ, какъ бы хапнуть кушъ, съ каждымъ сезономъ набиваетъ себѣ жалованье, оклады растутъ, растутъ, антрепренеры перебиваютъ другъ у друга всѣхъ этихъ первыхъ любовниковъ и любовницъ, резонеровъ, наивностей и кокетокъ, платятъ за нихъ неустойки и банкрутятся...

А на что идутъ эти оклады? На безпутное транжирство мужчинъ, на непомѣрное франтовство женщинъ. Развѣ какой-нибудь Свирскій стоитъ семисотъ рублей жалованья въ мѣсяцъ? Эти первачи проигрываютъ по сто рублей въ винтъ, пьютъ семирублевый лафитъ, должаютъ у портныхъ на тысячи рублей,— и никакой великодушной мысли, никакого пониманія общихъ товарищескихъ интересовъ.

„Живоглоты!" — повторила она про себя любимое слово режиссера.

Вотъ она никогда не думала о кушахъ, брала, что ей предлагали, была жадна только къ одному: къ игрѣ, къ искусству, къ славѣ! Но и себя она не могла оправдать: и въ ней эта страсть къ сценѣ выѣла настоящую жалость къ батракамъ актерскаго труда... Вотъ и въ эту минуту она не можетъ болѣть душой за цѣлый десятокъ своихъ товарокъ и товарищей, которые рискуютъ остаться до будущаго сезона безъ ангажемента, а стало-быть и безъ куска хлѣба. Она не можетъ ихъ жалѣть, больше, чѣмъ самоё себя, а себя она устала жалѣть — и тамъ, на самой глубинѣ души, есть что-то, заставляющее ее искать и надѣяться...

Въ шестомъ часу Строева шла опять изъ дому въ театръ. Дома она не спрашивала обѣда, напилась только чаю съ хлѣбомъ. Чаю еще оставалось немножко въ четверкѣ, но сахаръ весь вышелъ. Она пила не торопясь, легла потомъ отдохнуть, не раздѣваясь, проспала около часа и, когда въ темнотѣ проснулась, то удивилась даже, какъ въ ней нѣтъ никакой тревоги насчетъ того, будутъ ли сегодня играть или театръ окажется темнымъ и

запертымъ. Она вышла отъ себя все съ тѣмъ же отсутствіемъ тревоги, чувствовала только въ своей осенней тальмѣ, какъ морозъ пробирается ей за спину. Она подумала о Свирскомъ всего одинъ разъ, безъ злорадства, представила себѣ его возлюбленную, вспомнила обѣдъ у нихъ. Они и сегодня такъ же хорошо ѣли и будутъ долго такъ жуировать. Антрепренеры еще лѣтъ десять будутъ перебивать его другъ у друга, платить огромные задатки и такія же неустойки. А она будетъ мерзнуть подъ своей тальмой, пробираясь въ театръ, гдѣ у ней, конечно, пропадетъ ея трехнедѣльный трудъ: и тогда надо или идти просить подаянія, или покончить съ собою какимъ-нибудь дешевымъ способомъ: веревкой, головками фосфорныхъ спичекъ.

Но мысль о самоубійствѣ не проникала ее. За корсажемъ у ней лежала пачка съ тремя афишами. Съ нею, какъ съ какимъ-то талисманомъ, она не разставалась, никогда не оставляла ее у себя въ номерѣ... Она ощущала ее на груди. Мало ли что можетъ быть? Развѣ она думала, что черезъ нѣсколько дней по поступленіи въ труппу на выходъ сыграетъ роль княгини Рѣзцовой? И о ней писалъ одинъ рецензентъ, сталъ рѣшительно на ея сторону, сдѣлалъ рѣзкій выговоръ публикѣ за шиканье, нашелъ талантъ, искренность, большое благородство и даже про наружность сказалъ, что она совсѣмъ еще не такъ стара.

Кто знаетъ?!

Строева повернула за уголъ. Театръ стоялъ неосвѣщеннымъ. Она подошла къ крыльцу и прочла анонсъ подъ фонаремъ: въ немъ говорилось, что спектакль, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отлагается на послѣзавтра. Когда она повернулась, на груди своей почувствовала она легкое шуршаніе пачки съ тремя афишами.

Талисманъ напомнилъ о себѣ. Она не хотѣла падать подъ ударами судьбы. Сцена влекла ее. Этотъ или другой театръ, здѣсь или въ провинціи — все равно. Она должна умереть на подмосткахъ.

ГОЛУБОЙ ЛИФЪ.

(разсказъ.)

I.

Аннушка стояла передъ шкапомъ и вынимала оттуда посуду. Надо приготовить тарелки къ десерту и нести въ кухню салатникъ. Барыня сейчасъ будетъ сама дѣлать салатъ, и если опоздать хоть на одну минуту, она разсердится. Внутренность шкапа косвенно освѣщала лампочка, висѣвшая за угломъ коридора. Свѣтъ падалъ на лицо и профиль горничной, на ея рослую фигуру, на высокія плечи, на ея пышный бюстъ, стянутый голубымъ кашемировымъ лифомъ. Юбка изъ темной шерстяной матеріи падала модными складками. Турнюръ усиливалъ выемъ спины, самой по себѣ гибкой.

Щеки Аннушки густо покрыты румянцемъ отъ подаванія блюдъ, частой ходьбы въ кухню изъ столовой и обратно, отъ душнаго воздуха комнатъ, отъ всего ея здороваго молодого тѣла. Ей и въ другое время дня, когда меньше ходьбы, кровь безпрестанно била въ голову и въ лицо. Сейчасъ она только что обносила соусъ и слышала, какъ господа говорили про нее по-французски. Всего она не понимала, но нѣкоторыя слова и мины поняла. Обѣдаетъ гость, пріѣзжій изъ Москвы, товарищъ барина, такихъ же лѣтъ, лысый, толстый, очень шумный. Она почуяла, что онъ замѣтилъ что-то насчетъ ея наружности, должно-быть, сказалъ, что франтиха, что-нибудь о ея голубомъ лифѣ, о таліи и груди. Барышни скосили свои, и безъ того косые, рты, и что-то каждая проговорила въ носъ. Навѣрно что-нибудь нехорошее сказали про нее. Пускай ихъ!

— Аннушка! Скорѣй!—раздался изъ столовой высокій, немного надтреснутый голосъ барыни.

Горничная шла уже назадъ изъ кухни съ салатникомъ. Она ускорила шагъ. До сихъ поръ она не можетъ выносить равнодушно оклики и понуканья. Особенно голосъ барыни — не то что запугиваетъ, а раздражаетъ ее. И пальцы у ней начинаютъ вздрагивать, нападаетъ разсѣянность, все валится изъ рукъ. Если господа въ концѣ мѣсяца захотятъ вычитать изъ жалованья за то, что̀ она разбила,—пожалуй, ничего и не останется изъ девяти рублей. Двѣ тарелки, стаканъ, рюмка, цѣлый соусникъ. А фарфоръ и хрусталь дорогіе.

Ее грубо не бранятъ ни барыня, ни барышни, а только пожимаютъ плечами, или которая-нибудь изъ нихъ спроситъ: „О чемъ вы задумались?“ И этотъ насмѣшливый вопросъ—хуже всякаго браннаго окрика. А она, дѣйствительно, думаетъ, когда подаетъ за столомъ, вовсе не о томъ, какъ бы ей половчѣе обнести блюдо. Совсѣмъ о другомъ... Всего чаще о томъ, что не годится она въ услуженіе. Собой она слишкомъ рослая и видная. Брови дугой, коса до колѣнъ, любитъ нарядно одѣться, талія въ рюмку, бюстъ такой, что обѣ барышни на нее безъ злости глядѣть не могутъ, и походка у ней—особенная; каждый въ правѣ ей сказать: „Да что вы это манежитесь?“ А она не виновата, по-другому ходить не можетъ.

Вотъ почему ей служить—да еще при гостяхъ—чистое мученье.

Въ столовой, просторной квадратной комнатѣ, оклеенной обоями подъ орѣхъ, съ дорогой дубовой мебелью и массивными шкапами, уставленными серебряной посудой и вазами изъ граненаго хрусталя, сидѣло за обѣдомъ семь человѣкъ: баринъ съ барыней, двѣ барышни—одна лѣтъ девятнадцати, другая по шестнадцатому году,—мальчикъ-гимназистъ, приходящая учительница музыки и гость. Баринъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ большими усами, узенькими бакенбардами, курчавый, глаза часто прищуриваетъ, губы толстыя и гнилые зубы, весь холеный, но не толстый, одѣтъ и дома, точно молодой человѣкъ, въ короткомъ пиджакѣ, носитъ свѣтлые галстуки. У него жемчужина на булавкѣ, а на безыменномъ и четвертомъ пальцахъ правой руки нѣсколько перстней и колецъ, какъ у женщины. Мѣсто хозяйки занимаетъ его жена, когда-то красивая барыня, съ двойнымъ подбородкомъ, толстая,

тяжело дышащая, затянутая въ корсетъ. Ея сѣрые глаза съ толстыми складками вѣкъ обводятъ сидящихъ за столомъ вопросительно: она любитъ надзирать, къ мужу до сихъ поръ неравнодушна и въ двухъ своихъ барышняхъ не видитъ никакихъ недостатковъ; къ мальчику—построже. Старшая дочь—рыжая, съ чуть замѣтными веснушками и прозрачной кожей. И рѣсницы у ней свѣтло-рыжія, глаза злые, немного раскосые, плоскогруда и узка въ плечахъ, держится прямо и занимается своими волосами. Младшая, такая же сухая, но черноватая, маленькаго роста, старообразнаго лица съ нечистымъ подбородкомъ. Обѣ одѣты въ одинаковыя платья изъ модной клѣтчатой вигони. Между ними сидитъ учительница музыки — нѣмка, широкая въ кости, сухая, съ мужеподобнымъ лицомъ, въ наколкѣ и въ шелковомъ сѣромъ платьѣ. Мальчикъ-гимназистъ въ блузѣ, хорошенькій, черноглазый мальчикъ, выглядываетъ изъ своей салфетки, подвязанной подъ горло, и подъ столомъ стучитъ ногами. Разговоръ ведетъ гость, товарищъ мужа по училищу. Онъ—во фракѣ, и тоже завѣшенъ салфеткой.

Когда Аннушка вошла въ столовую съ салатникомъ — гость прервалъ свой шумный разсказъ и тотчасъ же уставился на нее свими карими круглыми глазами. Локти его лежали на скатерти. Онъ занималъ мѣсто противъ хозяйки, на другомъ концѣ стола.

— Вотъ опять голубой лифъ!— встрѣтилъ онъ появленіе Аннушки и захохоталъ.

Обѣ барышни слегка поморщились. Барыня перевела глаза на горничную и съ не совсѣмъ довольной миной приняла отъ нея салатникъ.

— Судокъ! — приказала она ей, и что-то прибавила вполголоса, по-французски, мужу.

Тотъ взглянулъ на Аннушку не строго, съ пріятнымъ прищуриваніемъ. Она уже больше недѣли замѣчаетъ, что баринъ къ ней ласковъ, зоветъ ее къ себѣ въ кабинетъ мягкимъ голоскомъ... Чувствуетъ она и то, что барыня, съ каждымъ днемъ, все къ ней строже. Должно-быть, ревнуетъ... И безъ того у барыни по этой части не мало терзаній. Кухарка сказывала уже ей, что у барина давно коекто на сторонѣ. Много было изъ-за этой разлучницы въ домѣ слезъ, истерикъ, крику. И дѣвицы знаютъ про это. Кажется, только та, на сторонѣ-то, сама отошла, на другого промѣняла; а не мало тысячъ стоила барину. Онъ,

до поступленія Аннушки, такъ съ мѣсяцъ передъ тѣмъ, сталъ сильно тосковать; барыня съ барышнями просіяли; да только не надолго; боятся, что опять заведется кто-нибудь, и опять онъ начнетъ цѣлые дни и ночи проводить у своей „сударушки“ и тысячи въ нее всаживать. Аннушку барыня не хотѣла брать,—это тоже ей кухарка передавала, — да баринъ настоялъ, цѣлый день ворчалъ: „вы, говоритъ, меня въ гробъ уложите, все уродовъ берете въ горничныя“. Мужской прислуги барыня не выноситъ, и когда куда ѣхать—нанимаютъ лакея, на вечеръ.

Судокъ Аннушка не сразу нашла въ буфетномъ шкапу. Возгласъ гостя, прозвище, которое онъ ей далъ, смутили и не то обидѣли, не то пріятно задѣли ее. Она и безъ того разсѣяна, а тутъ еще этотъ гость... Вмѣсто праваго отдѣленія шкапа, она кинулась къ лѣвому и дождалась окрика:

— Совсѣмъ не тамъ!

Грудь ея пришла въ волненіе. Щеки пылали. Гость переглянулся съ бариномъ и мотнулъ головой. Они поняли другъ друга. Поняли ихъ мимику и обѣ дѣвицы, и мать ихъ. Барышни какъ будто начали краснѣть, но тотчасъ же каждая нагнулась къ учительницѣ и что-то заговорили черезъ нее.

Судокъ трепеталъ въ рукахъ Аннушки, когда она ставила его. Одна изъ хрустальныхъ пробокъ упала на столъ со звономъ.

Всѣ женщины нервно вздрогнули. Аннушка еле успѣла удержать въ рукѣ весь судокъ. Она отъ смущенія даже закрыла глаза.

— Что это такое!..—вырвалось у барыни. — Это ни на что не похоже. Такое ротозѣйство!

Баринъ по-французски успокаивалъ ее.

— Фальшивая тревога!—крикнулъ гость.—Все цѣло и невредимо.

Пробка только задѣла за одну изъ бутылокъ. Ихъ стояло нѣсколько.

Руки продолжали дрожать у Аннушки, и дыханіе можно было слышать.

„Что вы сопите!“ — хотѣла ей кинуть барыня, но воздержалась.

Она знала, что мужъ способенъ прочитать ей нотацію при дѣтяхъ за этотъ „голубой лифъ“: такъ уже всѣ мысленно стали звать горничную.

Аннушка отошла къ двери и немного укрылась портьерой. Но половина ея лица, спущенная на лобъ прядь волосъ орѣховаго цвѣта и густая бровь, и вся ея роскошная грудь, еще поднимающаяся отъ смущенія,—заставили опять барина и гостя переглянуться.

II.

Разговоръ въ столовой пошелъ о разныхъ городскихъ новостяхъ, а всего больше о недавнихъ осеннихъ скачкахъ. Аннушка прислушивалась, стоя за портьерой. Барышни держали пари за лошадей и безпрестанно употребляли слово, которое ей передъ тѣмъ никогда не удавалось схватить ухомъ. Это слово было „тотализаторъ“. Она не сразу поняла его значеніе, не вдругъ сообразила, что это—азартная игра. Вотъ бы ей взять на счастье, на какую-нибудь лошадь. Попросить бы одну изъ барышень; но ни старшая, ни меньшая не входятъ съ нею въ разговоры; все только морщатся или односложно приказываютъ. Поддѣлываться къ нимъ она не желаетъ. Подарить ни одна такого билета на тотализаторъ — и не подумаетъ. Обѣ „скупищія“. Отецъ имъ далъ каждой по красненькой на игру; одна выиграла пятьдесятъ слишкомъ рублей; другая проиграла и такъ разозлилась, что ее рвало даже жёлчью...

Всякій господскій разговоръ или около игры и денегъ вертится, или около театровъ. Вотъ сейчасъ начнутъ непремѣнно перебирать всякихъ актеровъ и пѣвцовъ. Имена ихъ Аннушка уже знала по афишамъ. Она сама любила театръ, бывала на верхахъ и въ русской оперѣ. У барыни и барышень есть любимцы. Особенно одинъ французскій актеръ; его имя черезъ каждое пятое слово назовутъ. У барина—танцорки. Про выписную итальянку всего больше бываетъ разговора. Объ опереткѣ въ Ливадіи, въ Аркадіи разспрашивалъ гость; онъ уже не засталъ загородныхъ театровъ.

Тамъ Аннушка не бывала; она жила у другихъ господъ, по варшавской дорогѣ, въ усадьбѣ, около Сиверской станціи. Ей тоже хотѣлось бы на острова попасть. Да и всякія господскія забавы она не хуже ихъ оцѣнитъ. Только имъ деньги легко очень достаются, а у ней жалованья всего 9 рублей, „съ горячимъ“. Но на это жалованье развѣ она могла бы такъ одѣваться? У ней есть малень-

кая поддержка. Два раза въ годъ она получаетъ, на Рождество и на Пасху, свою „пенсію“.

До Рождества еще далеко... Аннушка задумалась.

— Что жъ вы!—вдругъ раздался окрикъ барыни.

Она встрепенулась и опять покраснѣла. Окрикъ показался ей очень обиднымъ. И почему на нее такъ покрикиваютъ? Чѣмъ она хуже ихъ? Особенно вотъ такихъ худосочныхъ и безгрудыхъ дѣвицъ? Сумѣла бы и она одѣться „по послѣднему журналу“, поѣхать на скачки или въ театръ, и тамъ всякій бы изъ мужчинъ уставилъ на нее бинокль.

Надо было бѣжать за пирожнымъ. И пирожное — на этотъ разъ — жидкое. Того и гляди — разольешь. Руки у ней снова начали вздрагивать. Кухарка тоже заворчала на нее: минута перепущена—барыня „забранится“, и виновата все Аннушка своимъ ротозѣйствомъ.

— Пялишься больно, матушка! — послала ей кухарка вдогонку и хлопнула дверью.

И по коридору Аннушка не могла унять своего волненія отъ всѣхъ неизбѣжныхъ обидъ.

И обѣдъ этотъ, постылый, такъ тянется. Къ десерту надо подать особыя тарелки, изъ китайскаго фарфора. На каждую тарелку дуй, — хрупки точно бисквиты; и такъ ужъ у двухъ изъ-подъ низа оббиты ободки; хорошо еще, барыня не замѣтила. Да корзиночку съ ликерами надо еще вынуть изъ буфетнаго шкапа и не уронить ни одной рюмочки, что̀ привѣшены съ боковъ.

За кофе и ликерами Аннушка слышала все тѣ же разговоры, только теперь начали балетомъ, а кончили тотализаторомъ. Ей такъ хотѣлось, чтобы поскорѣе перешли въ гостиную. Мужчины давно уже курили; барышни что-то мурлыкали, учительница музыки—вся красная и потная—допивала кофе маленькими глотками; барыня посоловѣла, какъ всегда съ ней бывало отъ сытнаго обѣда; гимназистъ еще сильнѣе стучалъ ногами подъ столомъ.

Наконецъ-то зашумѣли стульями. Аннушка въ эту минуту была опять въ коридорѣ, ставила на столикъ посуду. Господа перейдутъ скоро изъ гостиной—баринъ съ гостемъ въ кабинетъ; барышни — или сядутъ играть въ четыре руки на роялѣ, или къ себѣ уйдутъ—валяться по диванамъ съ книжками. А ей надо опять все убрать со стола, встряхнуть и сложить скатерть и салфетки, выне-

сти всю посуду въ кухню и сдать судомойкѣ, потомъ сдвинуть столъ и прибрать въ столовой.

Къ этой половинѣ обыденной работы Аннушка каждый почти день чувствовала особенную истому. Она старалась докончить все какъ можно скорѣе, и тутъ опять могъ случиться „бой посуды". И ѣсть ей всегда хотѣлось объ эту пору. „Люди" закусывали послѣ господъ. Настоящій обѣдъ полагался послѣ господскаго завтрака, но тогда у ней не было никакого аппетита, да и то, что̀ готовила кухарка—для себя и для нея—она часто не могла ѣсть. У кухарки вкусъ грубый, она любитъ селянки, да тюри, да студень, да жареныя кровяныя колбасы, въ скоромные дни. И соблюдаетъ всѣ посты, ѣстъ постное и по средамъ, и по пятницамъ. У Аннушки желудокъ—деликатный, хоть и кажется, что здоровье такъ и пышетъ у ней изъ всѣхъ поръ. Многаго она не могла ѣсть, а отъ постнаго масла ее всегда мутитъ. Изъ-за этого у ней съ кухаркой постоянныя стычки. Кухарка безпрестанно коритъ ее тѣмъ, что она и того не терпитъ, и этого въ ротъ не беретъ, и третьяго „на духъ не пускаетъ". Отъ барыни полагалось на ѣду ихъ обѣихъ и третьей, швеи, — уходившей послѣ господскаго обѣда,—всего семьдесятъ копеекъ. Хорошо еще, что швея тоже плохо переносила постное, студени и селянки, и кухарка должна была уступать большинству голосовъ.

Аннушка настоящимъ образомъ закусывала только остатками отъ господскаго стола. Когда гостей не было — эти остатки скудны: барышня, барыня, гимназистъ много ѣли. Да и когда гости были, очень-то не оставалось, и то надо прямо все кухаркѣ нести, отъ нея „клянчить". Она сваливала на барыню, которая требовала, чтобы изъ оставшагося мяса или телятины, или жареной живности дѣлать на другой день, къ завтраку, „рагу̀". На эти „рагу̀" Аннушка въ правѣ была смотрѣть, какъ на своихъ личныхъ враговъ.

Только что она прибрала столовую и хотѣла идти въ кухню закусить, какъ ее окликнулъ голосъ барина, растворившаго дверь изъ кабинета, гдѣ онъ уже сидѣлъ съ гостемъ.

— Подайте чистое полотенце, — ласково сказалъ онъ ей,—и умыться Ивану Павлычу.

Иваномъ Павлычемъ звали пріѣзжаго пріятеля. Умывальный мраморный столъ помѣщался въ темной уборной,

въ закоулкѣ коридора. Аннушка достала полотенце, освѣтила уборную и приготовилась подать гостю умыться: держала въ правой рукѣ огромный умывальникъ изъ тяжелаго англійскаго фаянса, мохнатое полотенце—въ лѣвой рукѣ.

Гость вкатился въ уборную точно шаръ, снялъ съ себя сначала фракъ, засучилъ рукава, подмигнулъ дѣвушкѣ, щелкнулъ себя по лысинѣ ладонью и нагнулъ голову надъ лоханью:

— Вы, душечка, полейте мнѣ на самую маковку.

— Хорошо-съ,—почти съ неудовольствіемъ сказала она.

— Васъ какъ звать... Аннушка?—спросилъ онъ.

— Аннушка.

— А папеньку вашего какъ величали?

Вопросъ этотъ онъ задалъ изъ простого балагурства и женолюбія: горничная настраивала его въ игривомъ духѣ.

Рука Аннушки слегка дрогнула: она уже поливала водой лысину гостя. Когда онъ поднялъ голову и мокрымъ лицомъ, съ полузакрытыми глазами, обернулся въ ея сторону, она выговорила:

— Я—питомка.

— А-а! — протянулъ гость, и глаза его стали еще игривѣе.

Это „а-а“ отозвалось у дѣвушки внутри, и уже не въ первый разъ. Всегда почти ей, послѣ ея словъ „я—питомка“, приводилось выслушать такое: „а-а“, или болѣе безцеремонное: „вотъ что“, и съ ней тотчасъ послѣ того начинали говорить совсѣмъ другимъ тономъ. Даже и такіе господа, кто поделикатнѣе и подобрѣе, кто точно жалѣлъ ее, глазами или звукомъ голоса все-таки высказывали ей, какъ будто, что на ней есть особенное пятно, что она не такая, какъ всѣ другія.

Гость громко фыркнулъ и потеръ себя обѣими ладонями по лысинѣ; она блестѣла отъ свѣчи, стоявшей тутъ же, около умывальнаго стола.

Онъ опять обернулъ свое красное лицо къ горничной.

— Соблаговолите-ка на руки,—сказалъ онъ еще игривѣе и взялъ кусокъ мыла.—Стало, изъ воспитательнаго? Небось, въ деревнѣ воспитывались, на лонѣ природы?

Эти выраженія продолжали волновать Аннушку. Если бъ отъ волненія и усталости службы за обѣдомъ щеки ея такъ не рдѣли—она бы покраснѣла сразу.

— Въ деревнѣ жила,—выговорила она и отвернула голову къ двери.

Гость могъ полюбоваться ея профилемъ, шеей, выходившей изъ стоячаго воротника ея голубого лифа, контуромъ ея головы съ высокой прической и всѣмъ ея бюстомъ.

— Плохо, небось, кормили?—спросилъ онъ, когда принималъ изъ рукъ ея мохнатое полотенце.

— Теперь ужъ забыла, сударь,—сказала она совсѣмъ не своимъ обыкновеннымъ голосомъ. И слово „сударь" она почти никогда не употребляла.

— А родители-то у васъ, должно-быть, не изъ простыхъ были?—съ подмигиваніемъ замѣтилъ гость, утирая себѣ щеки.

Если бъ его глаза не были закрыты полотенцемъ, онъ могъ бы схватить въ измѣнившихся чертахъ горничной выраженіе нервной горечи. Ея ротъ передернуло на особый ладъ. Она поставила на мраморную доску умывальникъ и отошла къ двери.

— Полотенце... вотъ тутъ вѣшается.

Она указала на деревянные пяльцы для развѣшиванія полотенецъ.

Тонъ ея словъ показалъ, что балагурить она не желаетъ. Но гость, должно-быть, не обратилъ на это вниманія. Онъ продолжалъ вытирать себѣ голову за ушами и подъ подбородкомъ и самъ мелкими шажками пододвинулся къ горничной.

— Хорошо-съ, милая, хорошо,—говорилъ онъ и поглядывалъ на нее своими глазками, гдѣ, послѣ того, какъ она назвала себя „питомкой", явились искорки въ зрачкахъ.

Вѣроятно, ему уже представилась возможность особенно легко и удобно „пріударить" за этой петербургской субреткой изъ „питомокъ", у которой такая роскошная фигура и что-то въ лицѣ есть „несомнѣнно породистое".

— Отлучаетесь рѣдко?—сказалъ онъ потише.

— Куда?—спросила Аннушка разсѣянно и небрежно.

— Господа отпускаютъ?

Этотъ вопросъ она поняла въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ задалъ его гость. Она даже ничего ему не отвѣтила, а, принужденно улыбнувшись, попятилась къ дверкѣ и скрылась.

Черезъ коридоръ она скорыми шагами прошла мимо

кухни въ свою комнату—такую же узкую, какъ уборная, только съ окномъ. Ей такъ стало гадко отъ этого гостя и его разспросовъ, что она забыла о своемъ голодѣ, объ остаткахъ обѣда. Ей захотѣлось поскорѣе остаться одной, у себя, до того часа, когда надо опять накрывать на столъ, тащить самоваръ, готовить чайную посуду, доставать сухари и печенье, варенье и лимонъ. Да и до того еще разъ пять-десять зазвенятъ въ электрическій звонокъ, особенно если господа сядутъ играть въ карты.

III.

Въ своей комнаткѣ Аннушка прилегла на кровать. Тамъ горѣла и немного чадила низенькая стеклянная лампочка. Кромѣ кровати, стоялъ комодъ съ зеркаломъ, покрытый цвѣтной салфеткой. Платья и пальто висѣли въ углу, подъ ситцевой простыней. Она держала комнатку чисто и жаловалась только на темноту: окно упиралось прямо въ стѣну. Когда она поступила къ новымъ господамъ, барыня поставила ей на видъ, что вотъ у ней будетъ „особенная комната“. Тутъ же шила и суточная мастерица, уходившая къ обѣду господъ, что̀ начинало очень стѣснять Аннушку.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ. Никого не было дома, кромѣ мальчика-гимназиста и кухарки. Баринъ уѣхалъ въ клубъ, барыня съ барышнями къ роднымъ, запросто... Гимназистъ, послѣ чая,—онъ пилъ одинъ,—поготовилъ часа два уроки и легъ спать. Кухарка тоже спитъ. Но Аннушка не раздѣвается. Надо ждать господъ. Сначала вернутся барыня съ барышнями; позднѣе, часамъ къ тремъ—баринъ. Раздѣваться нельзя до трехъ.

Работать ей не хочется, надоѣло при лампѣ. Она боится, что у ней будутъ болѣть глаза. Да и не можетъ она, какъ другія, разгонять мысли работой. Машинка тутъ стоитъ, у окна. Она еще плохо съ ней умѣетъ обращаться... А мысли уже такъ и рѣютъ въ головѣ.

Тотъ, пріѣзжій баринъ, сегодняшній гость, разстроилъ ее своими вопросами. Каждый разъ, какъ она вынуждена выговорить: „я—питомка“, въ груди у нея заноетъ, и на весь вечеръ она уже не можетъ стряхнуть съ себя особеннаго душевнаго настроенія.

Вопросъ этого гостя,—какъ звали „ея папеньку“,—всколыхнулъ въ ней то самое, отъ чего она не въ силахъ отдѣлаться—ея вѣчную обиду.

Отчего она „питомка“? Она знаетъ, что у ней отецъ—баринъ, и большой баринъ, богатый, титулованный. Будь она простого рода, подкидышъ какой-нибудь кухарки, судомойки или уличной потаскушки, ее не взяли бы изъ воспитательнаго, не отдали бы въ пріютъ, и не стала бы она получать, по два раза въ годъ, родъ пенсіи. Но кто ея отецъ? Тотъ ли баринъ, къ которому ее водили послѣ того, какъ она изъ пріюта вышла, или другой какой? У того она два раза была. Онъ, по лѣтамъ, можетъ быть ей отцомъ, ему не больше пятидесяти, рослый и румяный; въ глазахъ у него что-то есть похожее на ея глаза; ей сдавалось, въ послѣдній разъ, какъ она его видѣла, что и голоса у нихъ схожи. Она подходила къ нему, къ ручкѣ, онъ ее трепалъ по плечу и за подбородокъ бралъ. Глаза у него ласково глядѣли на нее.

Но если этотъ князь, въ самомъ дѣлѣ, ея отецъ, то какъ же могъ онъ оставить ее въ горничныхъ, когда она „его кровь“?!... Этого она никогда не могла ему простить, да и теперь не прощаетъ. Съ тѣхъ поръ не извѣстно, гдѣ этотъ князь, принимавшій участіе въ ея судьбѣ. Кажется, за границей живетъ; ей пенсію—по пятидесяти рублей въ полгода—выдаютъ изъ домовой конторы. Разъ навсегда это положено. И никогда она не слыхала ни отъ кого, кто могла быть ея мать... Изъ простого званія или барышня? Аннушка давно ужъ убѣдилась въ томъ, что и мать ея была дворянка, красавица, или дѣвица, согрѣшившая тайно, или молодая вдова—и непремѣнно красавица... Почему вдова не воспитала ее, хоть и тайно, а отослала въ воспитательный—на такой вопросъ Аннушка не находила нужнымъ отвѣчать. Чаще всего она считала себя дочерью барышни, знатной, которая должна была скрыть свой грѣхъ. Потомъ эта барышня умерла. Живи она—ей бы не бывать въ пріютѣ, а отдали бы ее въ пансіонъ. Въ пріютѣ надзирательница не любила ее, бранила лѣнтяйкой и безпрестанно тыкала ей въ глаза то, что она должна быть смирнѣе всѣхъ остальныхъ дѣвочекъ. И она понимала—почему. Отъ женщинъ вообще она не знала ласки. И та солдатка, что̀ держала ее въ деревнѣ, на прокормленіи, часто вмѣсто груди давала ей скверную соску, а то такъ просто жеваныхъ пряниковъ или толокна. Но та, по крайней мѣрѣ, по-своему любила ее, сокрушалась, когда у „Анютки“ была корь, плакала, когда должна была сдавать ее на другія руки. Объ этой глу-

поватой и рябой Матренѣ Аннушка долго помнила, знала, что у ней есть и молочный братъ въ солдатахъ; не отыскивала его, и если бъ онъ пришелъ, быть-можетъ, почувствовала бы еще сильнѣе обиду своего происхожденія.

Сегодня у барышень, когда онѣ позвали ее къ себѣ, помочь имъ одѣться, она, глядя на ихъ плоскія груди и костлявыя спины, съ особенной горечью чувствовала свое превосходство. Что въ нихъ есть такого, господскаго? Съ какого права онѣ важничаютъ и „ехидничаютъ“? Не будь у нихъ законнаго отца-афериста, съ порядочнымъ чиномъ, какая имъ цѣна? Не обучи ихъ языкамъ да музыкѣ, онѣ себѣ и мѣста на пять рублей не нашли бы.

И только одно утѣшало Аннушку и злобно радовало ее: никто ихъ никогда не полюбитъ и не присватается по доброй волѣ; ни одинъ мужчина. А она—будь она на мѣстѣ старшей, давно бы стояла уже подъ вѣнцомъ.

Подъ вѣнецъ и ее тянетъ. И у ней есть предметъ. Разумѣется не офицеръ, и не крупный чиновникъ, и даже не купецъ. Что жъ за нужда, что онъ унтеръ-офицерскую форму носитъ?! Нынче всѣ должны быть солдатами, будь ты хоть княжій сынъ—вольноопредѣляющимся зовешься, а все такой же солдатъ.

Аннушка зажмурила глаза нарочно, чтобъ ей яснѣе представился ея Алеша: его смуглый овалъ съ пышными губами и усами, закрученными по-офицерски, и низко лежащей на лбу кудрявой „чолкой“. И глаза его ей сейчасъ же представятся „какъ живые“—глаза съ крапинками въ зрачкѣ, то совсѣмъ темные, то посвѣтлѣе, такъ что она до сихъ поръ не знаетъ—какіе они у него: темносѣрые или синіе. Мундиръ гвардейскаго сапера, даже и солдатская шинель сидятъ на немъ точно онъ изъ благородныхъ. Да и долженъ онъ быть не простого званія. И онъ изъ незаконныхъ дѣтей. Только въ воспитательный его не сунули, а такъ держали въ чужихъ людяхъ; хорошо еще, что кое-чему выучили, и онъ, еще до службы, мѣсто получилъ.

Въ тотъ день, когда она поступила къ этимъ господамъ, Аннушка услыхала отъ барыни:

— Первое условіе—никакихъ мужчинъ къ себѣ не принимать.

— И родныхъ?—заикнулась было Аннушка.

— У васъ родныхъ быть не можетъ. Если вы хоть

разъ не исполните моего запрещенія, то будете сейчасъ же разсчитаны.

Тогда она согласилась. Алеша еще не былъ для нея тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ. Въ какихъ-нибудь три недѣли— и можетъ совсѣмъ чужой мужчина такъ притянуть къ себѣ!.. Еще недавно она отыгрывалась отъ мужчинъ—и пожилыхъ господъ, и подростковъ-барчуковъ, и офицеровъ, и лакеевъ:—кто только не дѣлалъ ей глазокъ и не порывался взять за талію!.. Она всѣхъ одинаково „отваживала"—одного шуткой, другого крикомъ, третьяго полнымъ пренебреженіемъ... А тутъ что-то совсѣмъ иное захватило. Вѣрно судьбы своей не миновать...

Барынинъ запретъ сдерживалъ ее первыя двѣ недѣли. Она уходила раза два со двора, поблизости, на скверъ Пушкинской улицы, безъ спросу; да одинъ разъ отпрашивалась послѣ обѣда до вечерняго чая; выбѣгала подъ ворота раза два. Алеша требуетъ ночного свиданія, или, по крайней мѣрѣ, хоть разговора „какъ слѣдуетъ", если нельзя на сторонѣ, то у ней въ комнатѣ.

Ей надо ладить съ кухаркой. Она ей подарила платокъ и фунтъ кофею. Та стала помягче; но съ ея сварливымъ нравомъ трудно разсчитывать на что-нибудь вѣрное. Кухарка какая-то точно порченая—сейчасъ обидится и донесетъ, а то такъ и просто не пуститъ черезъ кухню посторонняго мужчину, да еще молодого унтеръ-офицера. Въ кухнѣ принимать его Аннушкѣ самой не хочется; у себя въ комнаткѣ можно только или утромъ, до господскаго завтрака, или послѣ обѣда, когда швея уйдетъ; правда, она иной день и не приходитъ; но разсчитать вѣрно нельзя. Алеша на службѣ, и отпускъ у него не каждый день.

Съ закрытыми глазами Аннушка лежитъ и на губахъ ея—поцѣлуй Алеши. Онъ поцѣловалъ ее такъ быстро, что она и не взвидѣлась, когда они сидѣли на скамейкѣ сквера и только что стало смеркаться. Нѣтъ, принять ночью—нечего и думать! Даже если бъ подкупить кухарку—все-таки опасно. Опасно для нея... Она—дѣвушка, она хочетъ быть его женой и жить съ нимъ въ законномъ бракѣ. Но отчего же не принять его въ дообѣденный часъ, заручившись тѣмъ, что швея въ этотъ день работать не будетъ или попросить ее уйти въ комнату барышень? Только бы господъ никого не было... Чтобъ она этого не добилась—быть не можетъ!

Аннушка задремала, улыбаясь. Трескъ звонка заставилъ ее вскочить: господа вернулись.

IV.

Въ домѣ опять никого нѣтъ изъ господъ. Всѣ уѣхали въ театръ. Въ комнаткѣ Аннушки за столикомъ, съ котораго снята и поставлена на полъ ручная швейная машина, сидитъ она и ея женихъ. Она такъ уже зоветъ своего Алешу, но только про себя, или развѣ въ разговорахъ съ кухаркой.

Этотъ „женихъ“ — красивый брюнетъ смуглаго лица, нѣсколько худощаваго въ щекахъ. Хрящеватый тонкій носъ и закрученные вверхъ усы его выставляются изъ полутемноты. Онъ сидитъ между столикомъ и комодомъ, куритъ папиросу, небрежно пьетъ чай. Аннушка должна была подкупить кухарку, сдѣлать ей подарокъ дороже того, какъ разсчитывала, чтобы пригласить Алешу къ себѣ, не днемъ, а вечеромъ, хоть и не очень поздно. Она могла бы уйти со двора и до пріѣзда господъ быть дома, но побоялась назначать свиданіе Алешѣ на сторонѣ, гдѣ-нибудь въ гостиницѣ.

Онъ ей сильно нравится. Что-то въ немъ влечетъ къ нему—общее, точно родственное, и только еще больше волнуетъ ея кровь. Кромѣ наружности, и разговоръ его ей чрезвычайно нравится: ее не обижаетъ то, что онъ умнѣе ея, учился „почти какъ въ гимназіи“—и по манерамъ ей не уступаетъ. Вотъ онъ и теперь сидитъ, въ своемъ унтеръ-офицерскомъ кафтанѣ съ галуномъ на воротникѣ, изъ-подъ котораго выставляется бѣлый ободокъ воротничка крахмальной рубашки. Такую голову не стыдно имѣть и офицеру въ самомъ первомъ полку. Аннушка гордится имъ, и ей горько, что такой красавецъ и такая умница—долженъ быть „въ низкомъ званіи“ оттого только, что онъ родился незаконнымъ сыномъ.

У себя она его не такъ сильно боится. Ей даже пріятно, что кухарка дома и что-то чинитъ за перегородкой кухни: наискосокъ дверь къ ней притворена. Такъ гораздо безопаснѣе.

Они—на „ты“ уже вторую недѣлю. Это „ты“ немного успокоило Аннушку. У ней уже не бьется сердце каждый разъ, какъ онъ взглянетъ на нее и улыбнется своими красными, точно вишни, пухловатыми губами и немножко поведетъ правымъ крыломъ носа. Ей съ нимъ легче, ми-

нутами совсѣмъ легко, и она давно бы подошла, схватила его за курчавую голову, расцѣловала, если бъ не боялась, что онъ этимъ воспользуется, или скажетъ что-нибудь не такое... не въ отвѣтъ на ея чувство. Онъ уже подговаривался, чтобъ она его пустила къ себѣ попозднѣе; но у Аннушки достало духу сказать:

— Ну, ужъ это, Алексѣй Петровичъ,—однѣ глупости!

Когда онъ пришелъ сегодня, черезъ кухню, она сначала посидѣла съ нимъ тамъ и кухаркѣ назвала его еще разъ женихомъ и минутъ черезъ десять, когда самоваръ былъ готовъ, перешла съ нимъ къ себѣ. Сдѣлала она это очень просто, точно онъ ея братъ, даже не очень краснѣла. На ней былъ все тотъ же голубой лифъ, но съ другой юбкой; кушакъ она надѣла, подаренный ей лѣтомъ, изъ темно-малиновой, матовой кожи, заграничный. Онъ удачно пришелся, по цвѣту, къ голубому лифу. Въ волосы она воткнула бронзовую шпильку. Больше ей не хотѣлось рядиться, да и господа замѣтили бы.

Одно ее немножко мозжитъ: они въ зависимости отъ этой вздорной женщины—кухарки. Та ежеминутно можетъ выдать ея тайну.

— Еще не хочешь стаканчикъ?—спросила Аннушка и взглянула на сапера черезъ самоваръ.

— Не суть важно. Выпью и еще.

Онъ закурилъ новую папиросу и быстро сплюнулъ въ уголъ. Такой привычки она не могла бы одобрить ни въ комъ другомъ; но Алеша даже и это дѣлалъ изящно и почти незамѣтно.

Аннушкѣ ужасно хотѣлось заговорить о своемъ чувствѣ и навести Алешу на то: думаетъ ли онъ серьезно о вѣнцѣ.

Онъ всталъ, подсѣлъ къ ней ближе, на постель, и вдругъ спросилъ:

— А баринъ-то къ тебѣ приволакивается?

— Глупости какія!

— Однако?

— Ты что же, Алеша, ревновать что ли хочешь?

Глаза ея ласкали его и весело улыбались.

— Вѣдь ты сказывала,—продолжалъ Алеша,—барина-то теперь тужурка его бросила.

— Какъ ты назвалъ?—переспросила Аннушка.

— Тужурка... значитъ, которую на содержаніи имѣлъ.

— Бросила.

— Вотъ онъ и сталъ на тебя облизываться... И какая это сволочь, эти разжирѣлые жуиры изъ благородныхъ господъ,—выговорилъ онъ съ силой и опять быстро сплюнулъ. — Можно ли къ нимъ чувства имѣть какія-нибудь человѣческія?

— Да, нечего сказать!

Онъ попадалъ прямо на то, что̀ въ ней каждый день поднималось внутри. И поблѣднѣвшее лицо, острый взглядъ его красивыхъ глазъ получаютъ совсѣмъ особое выраженіе. Ей сначала становится жутко и тотчасъ же пріятно. Недаромъ онъ такъ привлекъ ее къ себѣ: никто лучше не понимаетъ, какъ они съ нимъ обижены передъ богатыми, передъ тѣми, что „съ жиру бѣсятся“.

— Сволочь!—повторилъ Алеша.

Ругательное слово звучало для нея и красиво, и сильно, и злобно.

Онъ уже не въ первый разъ говоритъ о „господахъ“. Аннушка отъ него только слышала эти, по ея мнѣнію, умнѣйшія слова. Саперъ уже доказывалъ, что имъ съ ней никакъ нельзя смотрѣть на всѣхъ этихъ „аспидовъ“ и „пакостниковъ“ по-христіански. Надо держать камень за пазухой, надо всякими средствами карабкаться, чтобы сѣсть на ихъ мѣсто. А если этого никакъ добиться нельзя, то себя всячески ограждать, „зубъ за зубъ“ съ ними быть.

Аннушка слушаетъ его и думаетъ:

„Съ такимъ мужемъ проживешь не хуже, чѣмъ барыней. Ужъ онъ выйдетъ въ люди, пробьется, изъ нея сдѣлаетъ что-нибудь, заведеніе ей откроетъ: она же вкусъ имѣетъ и въ мадамахъ расцвѣла бы, какъ пава“.

Но не изъ интереса мечтаетъ она о „вѣнцѣ“ съ Алешей. Все въ немъ влечетъ ее, и бросаетъ въ краску, и на сердцѣ вызываетъ сладкую истому.

Она взяла его за руку и хотѣла приложить къ своей груди, противъ сердца, да застыдилась.

Она не сумѣла бы выразить такъ значительно то, что сейчасъ говорилъ онъ, да и кому же бы она стала говорить—кухаркѣ? Та только глазами хлопаетъ да зѣваетъ, если не дуется на нее. Господами и кухарка часто недовольна, даже плюется и ворчитъ вслухъ; но для нея есть „хорошіе“ господа и „сквалыги“, то-есть такіе, что не требуютъ отчета въ каждой копейкѣ и позволяютъ воровать, или тѣ, что „суютъ носъ во всякую дрянь, прости

Господи". Но она не способна была всѣхъ господъ, огуломъ, считать „сволочью", потому только, что они „разжирѣлые жуиры", какъ сейчасъ вотъ такъ „шикарно", по ея мнѣнію, выразился Алеша.

Саперъ, видимо, попалъ на свою зарубку. Онъ сталъ говорить все въ томъ же духѣ, голосъ его дѣлался глуше, ротъ поводила презрительная усмѣшка. Аннушка слушала его съ низко опущенной головой. Ея лицо становилось напряженнымъ и глаза потемнѣли. Она перебирала, внутри себя, всѣ свои обиды, заброшенность питомки, плохое житье у кормилицы, пріютъ, князя, не пожелавшаго признать ее „своей дочерью". И въ эту минуту она еще сильнѣе была убѣждена въ томъ, что она его дочь. Онъ могъ бы признать ее, усыновить, сдѣлать княжной... Развѣ она бы выносила лаханки послѣ такихъ „паршивокъ", какъ ея теперешнія барышни?

— И вотъ хоть бы меня взять, — слышался ей голосъ Алеши, — нешто мои родители захотѣли вникнуть въ то, каково мнѣ будетъ весь свой вѣкъ попрыгивать? Точно съ клеймомъ на лбу! Прежде, когда въ рекруты брали — такъ сейчасъ: лобъ! И на насъ съ тобой, Анюта, такое же лежитъ отличіе. И всю-то жизнь надо его носить. И никакого дѣла, никакого себѣ счастья нельзя устроить, самаго такого, что мужику сиволапому, и то сподручнѣе.

Она подняла голову, поняла, что тутъ есть какой-то намекъ. Не на ихъ ли любовь и свадьбу?

— Алеша, — чуть слышно выговорила она, — много ли намъ съ тобой нужно?.. Проживемъ — была бы только любовь. Ты скоро изъ службы выйдешь... Можно заведеньице открыть, у меня пенсія есть... А?

Съ тревогой въ глазахъ поглядѣла она на него, опять черезъ самоваръ, и протянула руку.

Онъ всталъ, весь выпрямился, крякнулъ и бросилъ на полъ окурокъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что намъ съ тобой и этого дѣлать не слѣдуетъ... нельзя. Мы — пролетаріи.

Это слово онъ при ней выговорилъ впервые. Она не совсѣмъ понимала его смыслъ, но почувствовала, что это что-нибудь самое унизительное для людей ихъ положенія.

— Почему нельзя? — съ дрожью въ голосѣ спросила она и тоже встала.

— Видимое дѣло! Какая у насъ гарантія?

„Гарантія“ Аннушка поняла, только не увидала тотчасъ же, почему нужно было употребить именно это слово.

— Нищихъ разводить? Надѣвать на себя ярмо?

Ей не хотѣлось съ нимъ соглашаться. Какое же „ярмо“? Могли бы и дѣтокъ воспитать. Много не надо, а двоихъ бы очень и очень вытянули и поставили на ноги.

Саперъ тряхнулъ головой, повернулся на каблукѣ, присѣлъ снова на кровать, нагнулся всѣмъ корпусомъ и обнялъ ее за талію.

— Ты, чай, не за одно то̀ меня полюбила,—шопотомъ заговорилъ онъ,—что замужъ мечтаешь выйти... Такъ-то, Анюта?

Его губы потянулись къ ней. Она начала блѣднѣть отъ волненія и прильнула къ нему щекой.

Въ тихой комнаткѣ раздался звукъ поцѣлуя. Изъ кухни доходило тиканье маленькихъ стѣнныхъ часовъ. Кухарка задремала-было, вдругъ проснулась и стала прислушиваться.

„Шепчутся,“—про себя сказала она.

Новый звукъ поцѣлуя заставилъ кухарку брезгливо повести ртомъ. Она потушила свѣчку и залеглась спать, не раздѣваясь. Ей какое дѣло! Подарокъ Аннушка сдѣлала „не Богъ знаетъ какой“. А если барыня „сцапаетъ“—ей какая печаль. Всегда можно отговориться... „провела, молъ, тайкомъ, когда я заснула за перегородкой“.

Но ей и теперь казалось, что это—неладно, часъ уже поздній. Аннушка говорила, что ея „женихъ“ посидитъ всего „съ часокъ“, а они тамъ шушукаются уже больше двухъ часовъ. Вонъ—цѣлуются...

Кухарка гадливо потянулась въ темнотѣ. Она была пожилая дѣвушка, и если имѣла въ молодости любовныя связи, то ужъ очень давно. Теперь у ней сразу и сонъ отрѣзало. Ворочается и не можетъ заснуть. И разжигаетъ ее внутри все сильнѣе и сильнѣе. Она не вытерпѣла, встала, зажгла опять свѣчу, потомъ подошла къ двери въ коридоръ и вполголоса окликнула:

— Анна!

Въ комнатѣ продолжали цѣловаться.

— Анна!—повторила кухарка раздраженнѣе.—Пора вашему гостю и домой. Господа скоро будутъ.

Поцѣлуи смолкли.

— Хорошо!—откликнулась нехотя Аннушка.

И сейчасъ же они довольно громко заговорили съ Алешей.

„Нечего! — ворчливо подумала кухарка и зашлепала стоптанными туфлями по коридору.

Минутъ черезъ десять саперъ, уже въ шинели и шапкѣ, поскрипывалъ сапогами, пробираясь за Аннушкой черезъ кухню. Она ему свѣтила лампочкой. Оба они молчали до самой выходной двери. Тамъ они подержали другъ друга за руки; но поцѣлуя не было.

— Когда придешь?—шепнула она.

Онъ ей что-то сказалъ на ухо. Аннушка покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый... Лучше сюда.

Онъ кивнулъ на перегородку.

— Ничего,—успокоила она его,—какое ей дѣло?

Послѣднія три слова были сказаны чуть слышно; однако кухарка ихъ схватила, и ее всю передернуло.

„Ладно! — думала она. — Я тебѣ, матушка, покажу, какое мнѣ дѣло, коли на то пошло!“

Дверь за саперомъ заперла Аннушка на крюкъ и торопливой походкой пошла обратно черезъ кухню.

— Анна!—раздался глухой и хмурый голосъ кухарки.— Ты ужъ лучше бы на волѣ своими шахеръ-махерами занималась.

— Что такое?—спросила звонко Аннушка и вся вспыхнула.

— Да то! Ровно я безъ ушей! Слышала, матушка!

Нестерпимо обидно сдѣлалось Аннушкѣ. Какъ смѣетъ эта „гарпія“ дѣлать такіе грязные намеки? Ну, поцѣловалъ ее Алеша, и она его — это правда; но и только! Она затѣмъ его и пригласила къ себѣ, чтобъ все было „честно-благородно“.

— Съ какой это стати вы такія мерзости мнѣ говорите?—вспылила она.

— Ла-а-дно,—въ носъ протянула кухарка.—Я тебѣ не надзирательница досталась; только надо и честь знать; изъ-за тебя я, сударушка, въ отвѣтъ передъ господами не намѣрена попадать.

Кухарка окончательно задула свѣчу и стала раздѣваться впотьмахъ.

— Совсѣмъ напрасно!—кинула ей Аннушка, сдерживая свое сердце, и немного хлопнула дверью.

„Выдастъ!“ — мелькнуло у ней въ головѣ, когда она заперлась.

V.

Барыня рѣшила, про себя, не держать Аннушку дольше слѣдующаго мѣсяца. Она разочла бы ее и теперь; но до конца мѣсяца остается всего девять дней. Надо было предупредить за недѣлю, — такъ дѣлается за границей; такъ и она поступила — не изъ доброты, а чтобы „не было никакихъ глупыхъ сценъ“.

Разсѣянность горничной, ея запаздыванія въ услугахъ, битье посуды усилились. Раза два на нее давали рѣзкіе окрики — она „грубила“, по выраженію барыни и барышень, т. е. отвѣчала на каждый окрикъ въ обиженномъ тонѣ.

— Она невыносима!—говорили всѣ три.

И барынѣ очень было непріятно, что ея мужъ постоянно защищаетъ Аннушку, даже при дѣтяхъ, въ особенности за столомъ. Въ послѣдній разъ, дѣло дошло до того, что она должна была сказать при дѣтяхъ же:

— Cette fille est tout bonnement scandaleuse!

И при этомъ такъ поглядѣла на него, что онъ началъ краснѣть. Наканунѣ, проходя по коридору, мимо двери въ кабинетъ, она увидѣла, въ полуотворенную дверь, голубой лифъ (отъ этого голубого лифа просто поводило ее всю); Аннушка стояла передъ кушеткой, на которой лежалъ баринъ и бралъ съ подноса стаканъ. Показалось барынѣ, что мужъ ея поднялъ голову къ бюсту горничной и рукой оправлялъ кружевца.

Оно дѣйствительно такъ и было. И Аннушка снисходительно улыбалась, когда баринъ пошалилъ съ ней. На нее послѣднее свиданіе съ Алешей, его разговоръ о „пролетаріяхъ“, о невозможности порядочнаго брака между такими „клеймёными“, какъ онъ да она, навели особый „стихъ“—такъ она назвала свое настроеніе. Она и раньше замѣчала, что баринъ къ ней льнетъ; теперь его заигрыванія — правда, довольно деликатныя, но уже совсѣмъ прозрачныя—не возмущали ее, какъ прежде.

„Ну и пускай,—думала она, когда пухлая рука барина въ перстняхъ „пошутила“ съ кружевцами ея лифа,—и пускай влюбляется въ меня... Такъ и надо!“

Въ этомъ „такъ и надо“ было желаніе насолить барынѣ и ея „криворотымъ“, сознаніе того, что она красивѣе и привлекательнѣе ихъ, и если бъ хотѣла, сдѣла-

лась бы „тужуркой“ барина; но она честная, и этого не будетъ.

Каждый день баринъ находилъ предлогъ остаться съ ней съ-глазу-на-глазъ, позвать ее въ кабинетъ или остановить въ коридорѣ.

„Пускай его“, — продолжала думать Аннушка, и когда барыня наткнулась на нихъ—и не спроста—въ передней, гдѣ баринъ съ ней балагурилъ, ей доставило большое удовольствіе кисло-недоумѣвающее вытягиваніе губъ этой покинутой жены.

Она стала догадываться, что ее скоро „протурятъ“. Можно было бы пожаловаться барину, но ей самой не хотѣлось оставаться тутъ; только обидно будетъ, если ее разочтутъ такъ, „здорово-живешь“. Намекнула она объ этомъ въ одно изъ дообѣденныхъ балагурствъ барина, въ видѣ вопроса: „Доволенъ ли онъ ей?“ Онъ сказалъ: „Очень доволенъ“, и поглядѣлъ на нее пристально: „во мнѣ, дескать, вы всегда найдете поддержку“.

Посовѣтовалась она съ Алешей. Они видѣлись съ нимъ на улицѣ. Никуда она съ нимъ заходить не хотѣла: въ эти дни она всего сильнѣе боялась его. Алеша ей сказалъ, что онъ ее къ барину не ревнуетъ, что „къ этой сволочи“ надо совсѣмъ по-другому относиться и ихъ „эксплоатировать“. Слово эксплоатировать ей очень понравилось.

— А если онъ мнѣ что-нибудь посулитъ, — спросила Аннушка,—подарочекъ какой или что?

Ей было совсѣмъ будто и не стыдно дѣлать такой вопросъ. Они разговаривали, какъ два пріятеля, дѣйствующихъ сообща противъ враговъ своихъ.

— Возьми, разумѣется!—сказалъ Алеша и презрительно сплюнулъ.

Они стояли на углу противъ Пушкинскаго сквера, въ сумерки, и статуя виднѣлась имъ сбоку и немного какъ бы пугала Аннушку.

— Взять?—переспросила она.

— Обязательно!

— Да вѣдь онъ потомъ приставать будетъ? — выговорила она и повернула вбокъ голову.

— Велика важность!

Но ей все-таки показалось, что Алеша разсуждаетъ „правильно“, хотя и не слѣдовало ему говорить послѣднихъ словъ: „велика важность“.

Она вернулась домой не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ пошла на свиданіе. Противъ господъ — „вообще“ — она была настроена уже безъ всякаго снисхожденія... Алеша правъ — они эксплоатируютъ, они сволочь, — употребляла она мысленно его бранное слово. По дорогѣ она даже начала мечтать о томъ, какъ выйдетъ замужъ за Алешу, а барина заставитъ достать ему хорошее мѣсто, хотя бы артельщика въ какой-нибудь конторѣ, и залогъ за него внести.

И ей казалось тогда, что все это обойдется „честно-благородно“, что дѣло не пойдетъ дальше балагурства или маленькихъ прикосновеній.

„Велика важность! — повторила она тѣ самыя слова Алеши, которыя ее покоробили сначала, когда начала она подниматься по черной лѣстницѣ. — Ну, поцѣлуетъ, ну, прижметъ, отъ этого меня не убудетъ!“

Бѣгала она въ надеждѣ, что барыня ея не хватится. Она просила кухарку „сказать — на случай чего“, что Аннушка пошла за нитками въ суровскую лавочку.

Дверь была заперта изнутри. Это ей показалось нехорошимъ признакомъ. Она позвонила. Ей не сразу отперли. Кухарка встрѣтила ее съ краснымъ и сердитымъ лицомъ. Въ рукахъ держала она деревянную ложку.

— Барыня спрашивала.

— Хватилась?

— А то какъ же? — рѣзко отвѣтила кухарка и стала тотчасъ же мѣшать въ кастрюлѣ.

— Ты что же сказала?

Кухарка не отвѣчала на этотъ вопросъ.

— Въ лавочку, молъ, пошла, — подсказала ей Аннушка, порывисто дыша и останавливаясь у дверей въ коридоръ.

На ней была шубка „по тальѣ“ и шляпка съ бантомъ въ видѣ большой бабочки. Щеки рдѣли отъ легкаго октябрьскаго мороза.

— Мнѣ какое дѣло тебя выгораживать! — огрызнулась кухарка.

„Выдала, ехидна!“ — хотѣла-было крикнуть Аннушка. Но ей стало „низко“ перекоряться съ этой „гадиной“ — и она, даже не хлопнувъ дверью, прошла къ себѣ тихо, сняла шляпку и шубку, неторопливо, и начала передъ зеркаломъ поправлять прическу.

„Ну, и ладно, велика важность!“ — повторяла она про

себя, краснѣя еще больше отъ волненія и отъ душнаго воздуха своей комнатки. Она ждала, что вотъ зазвонятъ, а сама не хотѣла „предъявляться“. Лучше сразу оборвать и самой попросить расчета. Безъ мѣста она не останется. Только надо ей сначала повидаться съ бариномъ. Ничего ей не стòитъ такъ къ нему подладиться, что онъ ни за что не позволитъ прогнать ее. Да она этого не хочетъ. Опостылѣло ей быть въ услуженіи. Никогда она еще такъ не возмущалась положеніемъ „холопки“.

Волосы она поправила и вышла въ коридоръ, прислушиваясь по направленію кабинета — не дома ли баринъ; хотѣла пройти въ переднюю: поглядѣть — виситъ его пальто съ бобровымъ воротникомъ.

Изъ-за угла ее окликнули. Это была барыня.

По одному взгляду на ея лицо, Аннушка поняла, что кухарка не просто ее выдала, а разсказала про посѣщеніе Алеши.

— Гдѣ вы были?—спросила глухо барыня.

По щекамъ ея пошли красныя пятна.

— Ходила по своей надобности.

— Къ любовнику!—отрѣзала такъ же глухо барыня.

Дочери ее могли слышать; но это ее не останавливало. Теперь она знаетъ черезъ кухарку, что „эта негодница“ принимаетъ къ себѣ, „ночью“, своего возлюбленнаго — солдата! Кухарка разсказала ей также, что сама она спала и только тогда спохватилась, когда солдатъ проходилъ черезъ кухню, домой. Такъ вотъ какова эта „дѣвица“ въ голубомъ лифѣ, за которую горой стоитъ ея мужъ!.. Солдата принимаетъ у себя въ комнатѣ! Надо сейчасъ бы ее выгнать вонъ, и со скандаломъ; но есть барышни, вмѣшается мужъ—непремѣнно; да и эта „мерзкая“ нагрубитъ, надо будетъ ставить ихъ съ кухаркой на очную ставку; она, конечно, запрется.

Вотъ что было на душѣ у барыни, когда Аннушка догадалась объ измѣнѣ кухарки.

На окрикъ: „къ любовнику!“—она ничего не отвѣтила, только стала замѣтно блѣднѣть, и глаза сверкнули такъ, что барыня немного попятилась къ передней.

— Вы у меня больше не живете, — выговорила она и поглядѣла ей прямо въ глаза, сдѣлавъ надъ собой усиліе.—Послѣ двадцатаго,—прибавила она, спохватившись.

Отдать за недѣлю жалованье она все-таки не хотѣла.

Тутъ на Аннушку налетѣло почти неудержимое жела-

ніе „выложить“ ей, что она сама уходитъ сейчасъ же. Но и она подумала:

„А съ бариномъ повидаться?..“

— Очень хорошо, — небрежно отвѣтила она и повернула назадъ.

— Стойте!.. Выглажены у васъ кружева?

— Какія?—сурово спросила Аннушка.

— Какъ какія!.. Этому имени нѣтъ!

И пошелъ разносъ. Барыня уже не считала нужнымъ сдерживать себя и начала браниться, въ первый разъ такъ сильно и разнообразно. Была тутъ „дура“, „дрянь“, „потаскушка“.

Аннушка вдругъ подошла къ ней — носъ къ носу—и, громко переводя дыханіе, почти крикнула:

— Не извольте ругаться!

Барыня не унималась.

— Не извольте ругаться! Я уйду сейчасъ и жаловаться буду.

— Кому?—успѣла спросить барыня.

— Извѣстно кому—мировому.

— Жалуйтесь!

Больше, однако, никакихъ ругательствъ барыня не произносила. Она почти бѣгомъ отправилась въ комнату дѣвицъ, показавшихся-было въ дверяхъ, заперлась съ ними, и цѣлый часъ раздавались негодующіе разговоры, по-французски. Кажется, они требовали, чтобы горничную прогнать сегодня же и даже послать за полиціей; но мать поставила имъ на видъ то, что не могутъ же онѣ остаться безъ прислуги, хотя бы и одинъ день; а тетка обѣщала прислать прекрасную горничную изъ лютеранской конторы.

Аннушка прошла въ свою комнатку, вся блѣдная отъ злобнаго чувства. Если бы она знала—гдѣ найти теперь Алешу, она сейчасъ же бы убѣжала. Что-то такое въ ней точно оборвалось. Она уже не мечтала о замужествѣ, о чистой любви—ее душило, ей надо было сорвать на чемъ-нибудь свою обиду.

VI.

Недѣля, оставшаяся до срока службы Аннушки, доходила.

Опять въ квартирѣ никого. Ушла и кухарка, отпросилась на свадьбу къ племянницѣ, попросила позволенія

у барыни, коли засидится, переночевать тамъ, гдѣ-то въ Чекушахъ. Барышни уѣхали съ отцомъ въ театръ. Барыня — особенно, къ роднымъ. Мальчика она съ собой взяла.

Въ комнаткѣ горничной слышались голоса — тотъ же глуховатый и отрывистый мужской голосъ вперемежку со звонкимъ полушопотомъ дѣвушки.

У ней сидѣлъ Алеша.

Въ послѣдніе дни на нее „отчаянность" напала. Она задумала пустить къ себѣ Алешу, какъ только кухарка отлучится. Ей точно хотѣлось исторіи. И на Алешу она стала совсѣмъ иначе смотрѣть. Въ его любовь она какъ будто перестала вѣрить; только самъ онъ ей все больше и больше нравился. Она была уже почти увѣрена въ томъ, что онъ на ней не женится, что онъ не можетъ на ней жениться, что для такихъ, какъ „онъ да она", законный бракъ—„ерунда",—тоже его любимое слово. И все это сваливала она на свое „каторжное" званіе, во всемъ этомъ видѣла она дѣло все той же „сволочи", все тѣхъ же господъ, которые больше ничѣмъ не занимаются, какъ пьютъ да ѣдятъ, да по диванамъ валяются, да въ карты играютъ, да по театрамъ ѣздятъ, да „тужурокъ" имѣютъ.

Съ бариномъ у ней уже было разъ объясненіе, обиняками, однако, довольно-таки понятное. Онъ ее по головѣ погладилъ и за талію взялъ. Если бъ она хотѣла, она довела бы его до болѣе ясныхъ предложеній. Что-то ей говорило: онъ только и ждетъ того дня, когда барыня прогонитъ ее. „Посуловъ" онъ ей еще не дѣлалъ; но она по его глазамъ видѣла, что онъ готовъ подарить ей сейчасъ же всякую цѣнную вещь.

Еще такъ недавно она боялась остаться одной съ Алешей въ пустой квартирѣ, а теперь поѣхала бы съ нимъ куда угодно, и если пригласила къ себѣ, такъ сдѣлала это нарочно.

Лампочка горѣла на столѣ въ коридорѣ и свѣтъ ея заходилъ чуть-чуть въ комнатку.

— Ахъ, Алеша... не о томъ я мечтала. Не любишь ты меня... не любишь!

Шопотъ перешелъ въ поцѣлуй. Изъ темноты глаза молодого, властнаго мужчины жгли ее...

Въ кухнѣ пробило одиннадцать. На постели, недвижно, лежала Аннушка съ закрытыми глазами. По щекамъ ея

текли тихія слезы. Она не хотѣла, ей совѣстно было бы плакать громко. Алеша сталъ бы стыдить ее.

Онъ—тутъ, развалился на стулѣ и куритъ. На пышныхъ, но злыхъ губахъ блуждаетъ усмѣшка.

„Чего, чего я разрюмилась,—стыдила себя дѣвушка,—онъ мой душенька, я ему не противна, чего же мнѣ еще?.. Насильно на себѣ не женишь... Нешто у меня приданое? Сто-то рублей въ годъ... да жалованьишко. Нечего сказать, большая сласть на горничной жениться. Надо ему мѣсто достать. А гдѣ его достанешь, если честно жить?.. Да и чего мнѣ бояться? Что я, барышня что ли? Грѣхъ хоронить отъ жениховъ!..“

Дальше она не смогла разсуждать. Ей стало очень ужъ горько и обидно. Она должна сейчасъ зарыдать.

— Алеша,—съ усиліемъ начала она звать его,—поди сюда, поди, милый!

Онъ подошелъ, лѣниво, чуть переводя ноги...

— Ахъ, Алеша!

Аннушка приподнялась. Рука ея обхватила шею любимаго человѣка.

Въ кухнѣ затрещалъ воздушный звонокъ.

Руки Аннушка опустила мгновенно.

— Эхъ! Каторжная жизнь!

Алеша прыснулъ: ему, должно-быть, слишкомъ смѣшонъ показался такой конецъ страстной сцены.

— Удирать, что ли, прикажете?—спросилъ онъ, приподнимаясь.

— Зачѣмъ, оставайся!

— Да вѣдь сцапаютъ.

— Я выпущу... позднѣе.

Звонокъ повторился.

— Навѣрно сама!

Аннушка быстро встала, пошла къ двери и пріостановилась.

— Знаешь что́, Алеша: лягъ на кровать. Такъ лучше не замѣтятъ.

Онъ легъ, вытянулъ ноги и засмѣялся.

Лампочку Аннушка взяла съ собой въ переднюю.

Звонила, дѣйствительно, барыня. Она вернулась изъ гостей съ мальчикомъ.

— Вы вѣчно спите! Не дозвонишься!..

Окрикъ былъ умѣренный. Барыня не хотѣла себя „унижать“. Новая горничная была припасена на чет-

вергъ: оставалось всего два дня. Надо было терпѣть эту „грубіянку“ и „развратницу“.

— Чай готовъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Вѣдь вы знали, что господа поѣхали въ театръ?

— Вы ничего не приказывали.

— Чтобъ сейчасъ былъ самоваръ!

— Кухарки нѣтъ.

— А сами вы не можете?!

Аннушка сообразила, что ей удобнѣе будетъ возиться въ кухнѣ съ самоваромъ и выпустить Алешу въ это время.

— Слушаю, — отвѣтила она кротко, повѣсила шубку барыни, пальто гимназиста, зажгла въ столовой канделябръ и пронесла его въ спальню барыни.

То, что у ней спрятанъ мужчина, — ее нисколько не волновало... Да и къ чему? Вся-то жизнь, видно, такъ же пройдетъ. Въ такія минуты — и надо бросаться на звонокъ, точно ученая собака...

Она чуть не расхохоталась истерически. Но надо самоваръ ставить, огонь разводить, углей насыпать. Вся еще перепачкаешься...

Проходя по коридору, она приперла дверь къ себѣ и шепнула:

— Лежи смирно, Алеша!

Въ кухнѣ она надѣла на себя фартукъ, засучила рукава и начала доставать изъ печки угольковъ для самовара.

Сначала она возилась около самовара усиленно и шумно, хотѣла и сама перебороть свою горечь. Но не выдержала. Новый наплывъ нестерпимой обиды захватилъ ее. Она сѣла на скамейку у плиты, опустила голову въ руки и зарыдала. Ни о чемъ она уже больше не думала, никого не обвиняла, ни на кого не сердилась, только повторяла одно слово: „питомка!“

Кое-какъ набила она углями трубу самовара и вынесла его на площадку задняго крыльца. Потянуло ее къ себѣ — туда, гдѣ Алеша... Броситься къ нему на шею, забыть все на его груди, цѣловать его до полнаго забвенія... тутъ же, подъ носомъ этой „толстой ругательницы“.

Она не устояла противъ этого желанія: скинула съ себя фартукъ, бросила на лавку съ сердцемъ и вышла на цыпочкахъ изъ кухни

У дверей въ свою комнатку она остановилась и приложила ухо.

Алеша всхрапывалъ. Этотъ храпъ кольнулъ ее больно въ сердце. Она испугалась за него—не за себя; вошла, растолкала его и шопотомъ пожурила. Онъ, въ-просонкахъ, обнялъ ее.

Она осталась.

Барыня, въ пеньюарѣ, — она раздѣвалась сама, -- проходила по коридору, минутъ десять спустя, со свѣчой въ рукахъ. Ея шаговъ не было слышно. Она плыла по половику, лежавшему вдоль коридора.

Вдругъ она остановилась и начала прислушиваться. Да, въ комнатѣ горничной шепчутся. Мужской голосъ...

Барыня шмыгнула въ чуланчикъ и притаилась. Разговоръ продолжался шопотомъ, и все чаще проскользали мужскіе, хриповатые звуки.

У Аннушки спрятанъ любовникъ. Иначе быть не можетъ! Только надо поймать съ поличнымъ. Барыня почувствовала пріятное щекотанье во всемъ тѣлѣ. Вотъ сейчасъ негодница получитъ, что̀ она заслужила. Позвать швейцара съ парадной лѣстницы, приказать послать за полиціей... Нѣтъ, полиціи не надо, довольно дворника.

Пока она колебалась мысленно между дворникомъ и полиціей, въ передней затрещалъ сильный и продолжительный звонокъ. Вернулись барышни съ отцомъ. Не успѣла барыня выйти изъ своей засады, какъ Аннушка, шумя юбками, проскользнула мимо нея къ передней. Барыня вышла, набралась духу, растворила дверь въ комнатку и, держа свѣчу, крикнула:

— Кто вы? Какъ вы смѣли! Вонъ!.. вонъ!

Саперъ хотѣлъ-было укрыться за дверью; но это ему не удалось: сапоги торчали и выдали его.

— Извините,—довольно робко пробормоталъ онъ.

— Вонъ!—крикнула барыня и убѣжала.

Она сообразила, что мужъ ея вернулся не одинъ, что надо сдѣлать все прилично. Какъ только барышни прошли въ спальню, а баринъ — въ кабинетъ, она догнала его и, по-французски, порывисто доложила, какая гадость у нихъ въ эту минуту, требуя, чтобъ онъ „распорядился“.

— Ахъ, матушка, — выговорилъ онъ съ гримасой,— какое мнѣ дѣло до всего этого...

— Шашни!.. Въ нашей квартирѣ!..

И это на него не подѣйствовало.

Она настояла на томъ, чтобы Аннушка сейчасъ же была призвана, сюда, въ кабинетъ.

Ее призвали. Барыня, все еще колеблясь между швейцаромъ, дворникомъ или городовымъ, начала на нее кричать. Баринъ сейчасъ же остановилъ ее.

— Кто у васъ? — спросилъ онъ ее тихо, и въ этомъ вопросѣ слышалась скорѣе легкая обида на то, что у ней—любовникъ.

— Молочный братъ мой, — отвѣтила она и поглядѣла на него, тутъ же на глазахъ барыни, такъ, что онъ захотѣлъ повѣрить ей.

— Она лжетъ!—крикнула барыня.—У ней не можетъ быть брата.

— Молочный-то навѣрное есть,—не согласился баринъ.

Сцена кончилась истерикой барыни. Прибѣжали барышни. Аннушка обратилась къ барину, среди слезъ и оханья, и сказала:

— Позвольте мнѣ, сударь, завтра утромъ съѣхать. Я себя на службѣ у вашей супруги не считаю.

— Идите, идите!—отправилъ ее баринъ и даже не потребовалъ, чтобы горничная помогла дѣвицамъ уложить больную.

VII.

Семейство опять въ сборѣ, за обѣдомъ. И пріѣзжій пріятель приглашенъ. Всѣ съ большимъ аппетитомъ ѣдятъ паштетъ изъ перепеловъ. Кухарка превзошла себя.

Служитъ новая горничная, маленькая, черноватая, сухая въ лицѣ и фигурѣ, одѣтая въ форменное темное платье, съ бѣлымъ высокимъ фартукомъ и даже въ маленькомъ чепчикѣ, на заграничный ладъ.

Ея службой барыня довольна и особенно мягкимъ голосомъ зоветъ ее:

— Оля!

Гость, ничего не зная, спросилъ въ срединѣ обѣда:

— А гдѣ же голубой лифъ?

Гимназистикъ первый бросилъ взглядъ на мать. Барышни сдѣлали такую мину, точно гость сказалъ какую-нибудь неприличность. Барыня опустила рѣсницы и не сразу отвѣтила. Баринъ дожевывалъ кусокъ и даже головы не поднялъ.

— Вы спрашиваете про ту... горничную?—выговорила, наконецъ, барыня.

— Да... Эффектная была особа!

Гость сдѣлалъ жестъ кистью правой руки, показывая какой у Аннушки роскошный бюстъ.

Барышни переглянулись, и обѣ разомъ закусили губы.

— Ее прогнали!

Эти два слова барыня произнесла съ такимъ презирающимъ выраженіемъ, что гость, при всей своей провинціальной безцеремонности, не сталъ дальше разспрашивать.

— Дайте мнѣ еще соусу!—крикнулъ баринъ новой горничной и вбокъ поглядѣлъ на пріятеля.

„Какъ, молъ, тебѣ не стыдно такъ безтактно вести себя? Ты видишь, небось, за что все это бабьё возненавидѣло Аннушку..."

Гость, наконецъ, понялъ. Но это подзадорило его. Послѣ обѣда они пошли съ бариномъ въ кабинетъ, курить и пить кофей. Новая горничная подала ящикъ съ сигарами и подставила маленькій столикъ къ турецкому дивану, куда оба улеглись съ ногами.

— Что такое вышло?—спросилъ гость барина, когда они остались одни.

— Насчетъ чего?—лѣниво откликнулся тотъ, но уже понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

— Голубой-то лифъ?.. Неужели... супруга накрыла?..

Это ему показалось такъ смѣшно, что онъ прыснулъ.

— Вздоръ какой!.. Ничего подобнаго.

Баринъ мямлилъ и жевалъ сигару, лежа съ низко опущенной головой.

— Однако!.. Дѣло житейское. И я бы на твоемъ мѣстѣ охулки на руку не положилъ.

— Да вздоръ же, говорю тебѣ... Мари съ первыхъ же дней ее не возлюбила. И въ самомъ дѣлѣ, какъ горничная, она... какъ бы это сказать...

Онъ все больше и больше мямлилъ.

— Оставляла желать многаго,—подсказалъ гость.

— Именно. Но Мари выгнала ее... Какой-то тамъ молочный братъ пришелъ къ ней на той недѣлѣ. Вотъ и вышелъ...

— Скандалъ въ благородномъ семействѣ,—подсказалъ опять гость и щелкнулъ пальцами.

Гостя своего баринъ находилъ „ужасной провинціей";

но ему было довольно пріятно говорить про „голубой лифъ“. Окруженный дымомъ дорогихъ сигаръ, со вкусомъ крѣпкаго кофею и любимаго ликера во рту, онъ переваривалъ свой обѣдъ съ тихой усмѣшкой петербуржца, въ которомъ не можетъ, до самой смерти, замереть охота къ сладкой жизни, и непремѣнно съ чѣмъ-нибудь запретнымъ; у него—онъ не былъ игрокомъ—къ женщинамъ.

Его недавняя связь внѣ дома оборвалась внезапно и обидно для него. Потосковалъ онъ недѣлю-другую, и наполнить пустоту надо было какъ можно скорѣе. Безъ этого онъ не признавалъ жизни. Ему, въ ту минуту, подъ звуки рояля изъ гостиной, хотѣлось даже разсказать коечто про „голубой лифъ“, да отъ пріятеля ужъ очень отшибало пошловатостью.

Все-таки пересилило желаніе начать холостой разговоръ.

— Ты развѣ не знаешь нашихъ барынь... съ ихъ нервами!

— Знаю, братъ. Самъ дотягиваю первое десятилѣтіе. А этотъ кавалеръ-то, что̀ Марья Кирилловна у дѣвицы нашла, ты вѣришь въ то, что онъ ей родственникъ? Вѣдь она, кажется, питомка? Такъ какое же родство?

— Молочный братъ!

— Вотъ она какая статья...

И гость свистнулъ.

Барину хотѣлось вѣрить, что саперъ, найденный у Аннушки, былъ дѣйствительно молочный братъ. Да и какая охота ему входить въ разбирательство? Не будь его пріятель такъ пошловатъ, онъ разсказалъ бы ему про то, какъ теперь думаетъ объ устройствѣ „голубого лифа“ на „квартиркѣ“.

Вотъ они оба выйдутъ вмѣстѣ. На Невскомъ было бы еще удобнѣе продолжать этотъ разговоръ... Но тотъ, пожалуй, еще привяжется.

Баринъ, на вопросъ гостя:

— Куда же эта птичка спорхнула? — отвѣтилъ, обернувшись къ печкѣ:

— Такая не будетъ сидѣть безъ мѣста.

И пріятель повѣрилъ. Онъ зналъ, что его вкусы — дорогія барыни при удобныхъ мужьяхъ или француженки...

Больше объ Аннушкѣ и рѣчи не было. Они вмѣстѣ вышли на улицу. Гость спѣшилъ въ русскую оперу и взялъ извозчика на углу Троицкаго переулка. Баринъ, все еще

съ сигарой въ зубахъ, повернулъ назадъ и пошелъ шагомъ человѣка, которому особенно спѣшить нечего, но пріятно думать о томъ, куда онъ идетъ.

Онъ повернулъ въ Пушкинскую улицу и въ концѣ ея вошелъ въ обширный подъѣздъ дома, полнаго меблированныхъ комнатъ.

Тамъ жила Аннушка.

Въ самый тотъ день, когда она съ гордымъ и возбужденнымъ лицомъ пришла къ нему проститься, онъ обласкалъ ее, разспросилъ обо всемъ, обѣщалъ ей найти мѣсто бонны, сунулъ ей въ руку порядочную пачку и сказалъ:

— Возьмите, милая, приличную комнату.

Она поняла, но ручку у него не поцѣловала, и это ему больше всего понравилось. Комнатка была нанята; онъ туда ходитъ—не каждый день, но очень часто. Ему не хочется ничего грубаго, никакого вымогательства. Онъ ждетъ, чтобы она сама къ нему привязалась, и въ то же время сознаетъ, что если бъ онъ и захотѣлъ добиться всего сразу—этого не будетъ.

Ему это ново и затягиваетъ его чрезвычайно. Онъ чувствуетъ въ бывшей горничной „породу“.

VIII.

На дачѣ терраса, выходившая въ садикъ, на шоссе, огласилась восклицаніями барышень. Онѣ вбѣжали разомъ. Ихъ мать сидѣла надъ столомъ и чистила ягоды.

— Мамаша! Это Богъ знаетъ что такое...

— Нѣтъ, ты не знаешь!..

— Это невообразимо!..

Онѣ перебивали одна другую и задыхались отъ порывистой рѣчи.

— Да что̀ такое?—перебила ихъ мать.

— Figure-toi,—заговорила еще стремительнѣе старшая дочь, и по-французски докончила свой разсказъ. Она не хотѣла, чтобы слышала ихъ горничная Оля, промывавшая поодаль очищенныя ягоды.

Онѣ сейчасъ обѣ видѣли Аннушку, „en fin notre Аннушка“, и точно нарочно—въ голубомъ лифѣ, но только въ прелестномъ туалетѣ, па подъѣздѣ дачи, въ ста саженяхъ отъ ихъ домика, ближе къ парку. И у подъѣзда стояла коляска съ парой сѣрыхъ... И Аннушка — „cette

créature“—надѣвала перчатку, и на ступеняхъ крыльца онѣ прекрасно разглядѣли—кого?.. Отца!

— Taisez-vous!—крикнула барыня, хотя и фраза объ „отцѣ“ была сказана по-французски.

Барышни были въ такомъ волненіи, что щеки ихъ пошли пятнями. Онѣ расхаживали по террасѣ, сильно поводили руками, безпрестанно останавливаясь передъ матерью, и то одна, то другая кидали ей все одинъ и тотъ же вопросъ:

— Qu'en-dis-tu, maman?

Для нея это извѣстіе было ударомъ. Она сейчасъ выслала Олю съ террасы. Дочерямъ она не дала никакихъ объясненій, сказала только, что онѣ, вѣроятно, ошиблись насчетъ отца, а до коляски, и туалетовъ, и дачи той „негодницы“ ей нѣтъ никакого дѣла. Но барыня сдерживала себя и соблюдала декорумъ. Ей большихъ усилій стòило, чтобы не придти въ ярость и не выложить наружу передъ дочерьми, на какія дѣла способенъ ихъ отецъ.

Такъ протянула она до обѣда. Къ обѣду мужъ ея не вернулся. Онъ съ утра уѣхалъ—якобы въ городъ... Всѣ уже спали, когда извозчичья пролетка подвезла его къ крыльцу; но барыня не спала... Она даже сама открыла парадную дверь, впустила его, проводила въ кабинетъ, гдѣ ему стлали постель на диванѣ,—и тутъ вышла продолжительная сцена. Кончилось припадкомъ, разбудили прислугу, вскочили и дѣвицы, послали за докторомъ, пошли припарки, компрессы... Никто въ домѣ не спалъ до полнаго разсвѣта. Баринъ къ утру заперся у себя въ кабинетѣ и не выходилъ до полудня.

Въ густой бесѣдкѣ садика Аннушка сидѣла въ пеньюарѣ и курила папиросу. Она только что позавтракала. Отъ іюльскаго жара она вся разомлѣла. Пышная грудь ея чуть замѣтно колышется. Обнаженныя руки выплываютъ изъ разрѣзныхъ рукавовъ голубого пеньюара. Голубой цвѣтъ остался ея любимымъ. Она въ него вѣритъ. Этотъ цвѣтъ принесетъ ей счастье.

„Счастье“ пришло вмѣстѣ съ потерей того, что̀ она такъ берегла... Была честная, любила, и теперь любитъ, еще, быть-можетъ, пуще прежняго, мечтаетъ о „законѣ“, а живетъ, какъ ей подсказываетъ милый другъ. Съ его совѣтами и пошла удача. Баринъ прилѣпился къ ней сильнѣе, поди, чѣмъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ „тужур-

камъ", и къ нему нѣтъ у ней никакой жалости. Добръ къ ней, руки у ней цѣлуетъ, ни въ чемъ не стѣсняетъ, къ Алешѣ даже не ревнуетъ, на колѣняхъ стоитъ по цѣлымъ часамъ,—а у ней внутри такъ и клокочетъ...

Она потребовала отъ него, чтобы была у ней дача дороже, чѣмъ у барыни съ барышнями, и непремѣнно чтобъ въ томъ же мѣстѣ, чтобъ она могла мимо нихъ кататься, и въ голубомъ лифѣ. „Помните, молъ, и знайте: я—ваша бывшая служанка, и вотъ какъ я живу на деньги вашего папа́!" Такъ оно и случилось, хоть онъ и упрашивалъ, представлялъ всякіе резоны,—ничего не подѣйствовало. Барыня давно пронюхала про все; но какое ей, Аннушкѣ, дѣло до его „фамиліи"? Исполняй ея капризъ. Алеша одобряетъ ее, говоритъ, что такъ и надо. Иногда ей какъ будто станетъ жалко „сѣдушку",—такъ она зоветъ бывшаго своего барина; но Алеша сейчасъ же ее пристыдитъ. Онъ умный, онъ свою линію ведетъ аккуратно. Теперь онъ артельщикъ въ банкирской конторѣ, при кассѣ состоитъ. Еще годикъ-другой—и свою контору откроетъ. И „сѣдушка" ему еще на обзаведеніе отвалитъ кушъ: она такъ устроитъ... А тамъ, а тамъ... „Нешто не доведу до вѣнца?"—спрашиваетъ она въ который разъ. И глаза ея уходятъ вдаль и губы оттягиваются болѣзненно, точно она собирается плакать.

Вотъ кто-то идетъ по дорожкѣ. Это—„сѣдушка"—„баринъ", какъ она еще иногда зоветъ его, когда думаетъ или совѣтуется съ Алешей. Тотъ тоже не ревнуетъ, говоритъ: „это все равно, что законный бракъ; мы съ тобой стараго мужа надуваемъ", и смѣется своими пышными губами и сплевываетъ попрежнему; но куритъ онъ уже хорошія сигары и одѣвается франтомъ.

„Баринъ" подошелъ поспѣшно, оглянулся, поцѣловалъ ее въ темя,—она слегка поморщилась,—сѣлъ рядомъ и сразу началъ хныкать, просить, чтобы какъ-нибудь она не показывалась днемъ, если не хочетъ съѣзжать съ дачи. Ему просто „мочи нѣтъ".

Аннушка заставила его представить ей въ лицахъ, какъ его приняли „въ три жгута" вчера ночью, и прерывала его разсказъ взрывами смѣха. Онъ кончилъ и сталъ еще умильнѣе упрашивать ее „пожалѣть его", не дразнить его семейства, „подумать о приличіяхъ"!..

Тутъ она уже злобно разсмѣялась и начала ему отчитывать. Чтобъ она стала скрываться отъ его барыни и ба-

рышень?—Да никогда! Далея имъ ея голубой лифъ! И она другого цвѣта больше и носить не будетъ! Вотъ и пеньюаръ себѣ голубой сдѣлала. Никогда еще ей не хотѣлось такъ выместить на его „фамиліи“ все, чего она натерпѣлась, какъ „питомка“, принужденная жить по господамъ, выносить всякую гадость, подмывать и подчищать, подавать имъ умываться и одѣваться, выслушивать ихъ окрики и понуканья.

Ну, да, она теперь госпожа, настоящая госпожа, и если захочетъ—заставитъ его сейчасъ написать себѣ вексель въ тридцать тысячъ, и дачу не то что нанять, а купить, какъ онъ ей купилъ и коляску, и лошадей, и мебель, и песцовую шубу, и брильянтовыхъ вещей сколько!

Онъ слушалъ, опустя голову, и ея голосъ щекоталъ его нервы. Она его привлекала больше всѣхъ прежнихъ—нужды нѣтъ, что не прошло года, какъ она снимала ему сапоги. Въ ея озлобленности было что-то дѣйствующее на него особенно, лишающее его воли.

— Я прошу тебя,—шепталъ онъ,—Аня, прошу честью—для нашего спокойствія!

— Спокойствіе!—крикнула она, встала и вся потянулась своимъ гибкимъ и уже холенымъ тѣломъ. — Есть оказія... Пускай онѣ тебя бросятъ и живутъ однѣ. Мало ли теперь такихъ разводокъ? Давай имъ пенсію. Ты семейнымъ-то человѣкомъ, какъ быть слѣдуетъ, никогда и не бывалъ. Никто меня не принудитъ жить такъ, какъ я не хочу!

И она повернулась на каблукѣ туфли, съ голубымъ же бантомъ, и медленно пошла къ террасѣ. Она знала, что будетъ по ея, — и сейчасъ вотъ прикажетъ она заложить коляску, надѣнетъ опять вчерашнее платье и проѣдетъ мимо ихъ дачи. Пускай любуются!

Нѣтъ у ней жалости. Алеша правъ. Надо съ ними, съ „законными“, поступать безъ пощады и выжимать изъ нихъ все, до послѣдней копейки.

У ПЛИТЫ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Въ довольно просторной, но низкой кухнѣ — жарко и полно всякихъ испареній. На плитѣ нѣсколько кастрюль и „балафоновъ". Въ духовомъ шкапу „доходятъ" пирожки. Борщо̀къ черезъ полчаса будетъ совсѣмъ „во вкусѣ". Цыплята въ кастрюлькѣ шипятъ. Отъ нихъ идетъ самый сильный запахъ — сухарями, жареными въ сливочномъ маслѣ. На чистомъ столѣ приготовлено блюдо съ затѣйливымъ переборомъ изъ тѣста, для овощей. Ихъ четыре сорта: горошекъ, цвѣтная капуста, фасоль, каштаны. Господа любятъ, чтобы подавалось по-старинному, покрасивѣе, съ укладкой.

Часу съ третьяго Устинья безъ перерыва переходитъ отъ стола къ плитѣ, отъ плиты къ крану, отъ крана къ духовому шкапу. Чадъ и пылъ отъ плиты все сильнѣе распираютъ ей голову. Краснота щекъ почти багровая. Потъ лоснится по всему лицу и стоитъ крупными каплями на лбу. Она носитъ чепчикъ — пріучили ее нѣмцы, гдѣ она долго жила „на Острову". Въ просторной ситцевой кофтѣ, подпоясанная фартукомъ, съ засученными бѣлыми, пухлыми руками — она двигается быстро, несмотря на свою полноту. Да и лѣтъ ей довольно: съ осени пошелъ сорокъ четвертый. Изъ-подъ чепчика выбиваются, немного уже сѣдѣющіе, курчавые темно-каштановые волосы. На одинъ глазъ — глаза у нея свѣтло-сѣрые — Устинья слегка коситъ. Вслѣдствіе постояннаго отворачиванія головы и лица отъ раскаленной плиты у нея на-

пряжены всѣ мышцы, брови сердито сдвинуты, у носовыхъ крыльевъ складки толстой кожи пошли буграми. На правой щекѣ большая родинка съ тремя волосками—то опустится, то поднимется. Устинья часто, при усиліи, когда снимаетъ тяжелую кастрюлю или что-нибудь толчетъ, раскрываетъ ротъ съ одного бока и показываетъ два бѣлыхъ зуба.

То и дѣло обтирается она фартукомъ, хотя и знаетъ, что это не очень чистоплотно. Къ жару она до сихъ поръ, вотъ уже больше двадцати лѣтъ, не можетъ привыкнуть настолько, чтобы совсѣмъ его не чувствовать, какъ другія кухарки. Она—„сырая"; зато головѣ ея легче бываетъ отъ постоянной испарины.

Устинья заглянула еще разъ въ глиняную кастрюлю, гдѣ пузырился борщо̀къ, и въ эмальированную, гдѣ шипѣли цыплята. И то, и другое почти что „въ доходѣ", а господа навѣрно не сядутъ во̀-время, непремѣнно опоздаютъ, потомъ будутъ недовольны. Она все у нѣмцевъ же, на Острову, пріучилась готовить по часамъ. Вотъ и теперь посмотрѣла она на стѣнные часики съ розаномъ на циферблатѣ и бережно поставила блюдо подъ овощи въ шкапъ, чтобъ переборка изъ тѣста пропеклась и зарумянилась. Ее господа не ѣдятъ, но Устинья дѣлаетъ тѣсто какъ слѣдуетъ, и послѣ сама его ѣстъ съ остатками овощей, если день скоромный. Постовъ она довольно строго держится; но въ среды и пятницы разрѣшаетъ и на скоромное, да иначе и нельзя изъ-за остальной прислуги. Горничныя—модницы, и даже въ Великій постъ, со второй недѣли, „жрутъ мясище".

Нѣмцамъ на Острову Устинья многимъ обязана, и помнитъ это до сихъ поръ—кое-когда навѣщаетъ ихъ, въ большіе праздники. Первымъ дѣломъ они ее грамотѣ выучили. Она было упиралась, да сама скоро сообразила, что грамота и счетъ, хоть сложеніе и вычитаніе,—куда не безполезны. И самоё не обочтутъ, да удобнѣе и концы съ концами хоронить на провизіи. Въ первое время нѣмка-барыня сама часто ходила поблизости на рынокъ, къ Андреевскому собору, а потомъ перестала, начала прихварывать. Устинья безъ стыда и совѣсти никогда не воровала, но въ лавкахъ процентъ ей платили, да на мелочахъ урывала, такъ копеекъ по пяти съ рубля. Она на это смотрѣла какъ на законную статью дохода. Кухарочное ремесло считала она самымъ тяжелымъ, не столько

отъ ходьбы и усталости работы, сколько отъ плиты. Безъ головныхъ болей она не бывала ни одной недѣли, и весь ея характеръ портился единственно отъ жара и чада. Въ дѣвкахъ, дома, въ деревнѣ, она была мягкая, какъ тѣсто, ласковая, тихая и словоохотливая; съ тѣхъ поръ, какъ въ кухарки попала, стала хмуриться, больше все молчать, а внутри у нея, къ тому часу, когда плита въ полномъ разгарѣ, такъ и сверлитъ, такъ и сверлитъ. Тутъ не подвертывайся ей: пожалуй, изъ чумички и кипяткомъ ошпаритъ.

Къ нѣмцамъ Устинья поступила еще полумужичкой, кое-что умѣла стряпать, что́ успѣла подсмотрѣть у настоящаго повара, когда жила въ судомойкахъ въ русскомъ трактирѣ, куда и чиновники ходили ѣсть шестигривенные обѣды. Заглавія она легко запоминала и „препорцію“. Но все-таки была она такъ себѣ, „кухарецъ“, какъ называлъ ее одинъ сидѣлецъ овощной, рублей на пять жалованья. Барыня-нѣмка по-русски чисто говорила; любила зайти въ кухню и даже подолгу въ ней побыть, стала, вмѣстѣ съ грамотой, показывать Устиньѣ, какъ готовить разныя нѣмецкія закуски, форшмаки, картофельные салаты съ селедкой и всякаго рода „хлѣбенное“, къ чему Устинья, еще въ деревнѣ, имѣла пристрастіе, когда пекла тамъ пироги, вотрушки, „кокурки“. На Острову она научилась даже дѣлать „штрудель“ изъ раскатаннаго тѣста съ сухарями, корицей и яблоками, какого ни одинъ и дорогой поваръ не умѣетъ.

Грамотность повела и къ чтенію поваренныхъ книгъ. Сначала она плохо схватывала самый языкъ этихъ книгъ и туго запоминала вѣсъ и количество „по печатному“. У нѣмки было нѣсколько книгъ: Авдѣева, Малаховецъ и еще тоненькая книжечка, гдѣ все больше польскія блюда. Барыня ѣла мало, но семейство было большое и хлѣбосольное, совершенно на русскій ладъ. Доходы начались порядочные, какъ только барыня перестала сама ходить на рынокъ; практика для Устиньи разнообразная, и привычку она себѣ выработала готовить по часамъ. Потомъ, когда барыня сдѣлалась совсѣмъ болѣзненной, расходы по столу уменьшились; зато надо было готовить и легкія вещи для слабаго желудка, дѣтямъ, старухѣ-тещѣ особенно, а барину съ пріятелями — непремѣнно такія же сытныя и пряныя блюда.

Незамѣтно, въ три-четыре года, изъ „Устиньи Наумов-

ны“ вышла кухарка „за повара“. Она видѣла, что ей цѣна — не пять и даже не семь рублей. А дѣла было все-таки много. Устинья этимъ воспользовалась безъ исторіи, прямо подыскала мѣсто на двѣнадцать рублей, объявила это господамъ; они такой цѣны не дали, и она отошла, но сохранила съ этимъ семействомъ связь; не иначе поминала, какъ добрымъ словомъ, нѣмку-барыню.

Послѣ того, ни къ однимъ господамъ не чувствовала она ничего подобнаго. Плита держала ее въ постоянномъ глухомъ раздраженіи. Она себя „сокращала“, рѣдко когда грубила, водки не пила; иногда бутылку пива. Ходьба на рынокъ только и освѣжала ее по утрамъ. Безъ рынка она бы совсѣмъ задохнулась. Рынокъ же доставлялъ ей доходъ, на который она теперь смотрѣла уже какъ на главную статью, а на жалованье — какъ на придатокъ. Не могла она подолгу оставаться на одномъ мѣстѣ. Кухня, какая бы она ни была, начинала давить ее тѣснотой, однообразіемъ своей обстановки, чадомъ, жарой и запахомъ. Къ дѣлу она не имѣла настоящей любви, и готовила хорошо, дѣйствительно „за повара“, потому что это ей далось и вошло въ ея достоинство, въ амбицію. Всякимъ замѣчаніемъ она внутренно оскорблялась, и на русскихъ барынь смотрѣла какъ на капризныхъ дѣтей, ничего не смыслящихъ, неспособныхъ даже разсказать толковымъ языкомъ, какъ изжарить бифштексъ.

При поступленіи къ новымъ господамъ, Устинья прямо спрашивала: есть ли пріемъ гостей и какъ велико семейство, и не скрывала того, что процентъ съ зеленщиковъ и мясниковъ для нея „первая статья“. Если семейство маленькое и пріема нѣтъ—она не соглашалась идти и на пятнадцать рублей, даже и на двадцать съ кофеемъ, чаемъ, сахаромъ и разными другими „пустыми приманками“, по ея выраженію.

И ее брали: она не воровала безъ мѣры, не пила, была довольно чиста „вокругъ себя“, чрезвычайно аккуратна насчетъ часовъ и умѣла готовить рѣшительно все, что входитъ и въ домашній, и въ званый обѣдъ, съ придачей разныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и даже коренныхъ итальянскихъ блюдъ; она имъ выучилась, живя у стараго профессора пѣнія, родомъ изъ Милана.

II.

Безъ судомойки или „мужика“ Устинья, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, не желала нигдѣ жить. Она сурово отстаивала свое поварское достоинство, ни подъ какимъ предлогомъ не соглашалась чистить ножи и мыть посуду. Въ иныхъ мѣстахъ ходили дневальныя бабы, въ другихъ нанимались младшіе дворники или держали особенныхъ „кухонныхъ“ мужиковъ.

Судомойку недавно разочли. Сама Устинья просила объ этомъ. Выдалась „несуразная“, да вдобавокъ еще неопрятная бабенка и начала пошаливать: то форма пропадетъ, то фунта масла не досчитаешься. Да и работы нѣтъ такой, какъ у мужчины: копаются, нечистоплотны, съ посудой обращаться непривычны, надъ ножами только потѣютъ, а чистка — „горе“.

Вчера старшій дворникъ докладывалъ барынѣ, что у него есть на примѣтѣ парень, самый подходящій. Устинья еще не видѣла его; онъ долженъ былъ явиться передъ обѣдомъ. Барыня сказала ей сегодня утромъ:

— Я въ это входить не буду. Вамъ съ нимъ имѣть дѣло... Заставьте его поработать. И если онъ годится— переговорите насчетъ цѣны. Мы больше восьми рублей не дадимъ, съ нашей ѣдой, и за уголъ будемъ платить—въ дворницкой; а въ квартирѣ ему ночевать мѣста, вы сами знаете, нѣтъ.

Устинью барыня вообще „уважаетъ“. До сихъ поръ не было еще между ними никакихъ исторій, а живетъ она у этихъ господъ уже около года. Въ первое время барыня, просматривая счета, находила не разъ, что на провизію идетъ больше, чѣмъ шло прежде. Устинья слегка обидѣлась и предложила платить ей по стольку-то на день, по числу „персонъ“, и на гостей полагать особенно. Господа на это не пошли—и дѣло обмялось. Выборъ судомоекъ и кухонныхъ мужиковъ вездѣ предоставляли ей.

Обѣдъ совсѣмъ готовъ, кромѣ соуса къ рыбѣ. Судакъ уже достаточно проварился въ длинной жестяной кастрюлѣ. За него Устинья поставитъ рубль семьдесятъ копеекъ; но заплатила она за него полтора цѣлковыхъ. Она съ рыбы сама взимаетъ процентъ, потому что не въ ладахъ съ содержателемъ того садка, гдѣ до сихъ поръ брала рыбу, а временно покупаетъ—гдѣ придется; стало, и настоящаго процента еще не имѣетъ. Рыбу, чтобы она не

переварилась, Устинья отставила; но еще надо приготовить соусъ.

Съ этимъ соусомъ слѣдуетъ отличиться—и съ перваго же раза. Барыня сама въ кухнѣ почти-что ничего не смыслитъ; но баринъ любитъ тонко поѣсть, и кое-когда, вдругъ, что-нибудь такое выдумаетъ, позоветъ ее и начнетъ растолковывать на свой ладъ, какъ составить особенную приправу къ рыбѣ или къ зелени. Получаетъ онъ французскую газету, и тамъ печатаютъ, изо-дня-въ-день, обѣденное меню; а что помудренѣе—тамъ же объясняется.

Вотъ онъ третьяго-дня и передалъ Устиньѣ, уже черезъ барыню, соусъ дѣлать къ разварной рыбѣ въ родѣ того, какъ къ мотлёту полагается: на красномъ винѣ и бульонѣ, съ лучкомъ и вареным, мелко накрошеннымъ картофелемъ. Барыня принесла газету, по-русски перевела Устиньѣ, да мало вразумительно; однако, онѣ столковались. Мудренаго тутъ нѣтъ ничего; только пропорція показана маленькая—человѣка на три; а здѣсь садится каждый день, безъ гостей, семь человѣкъ. Устинья должна была сообразить. Случилось слово „литръ“,—насчетъ пропорціи краснаго вина. Барыня не сумѣла ей объяснить, больше ли это бутылки, или меньше, — справиться не у кого было — баринъ уѣхалъ со двора. Сообразила она и тутъ, что больше полутора стакана не слѣдуетъ вина, коли человѣкъ на семь, на восемь.

Только что Устинья стала приготовлять все, что нужно для этой новой поливки изъ французской газеты, какъ кухонную дверь съ задней лѣстницы тихонько пріотворили и просунулась бѣлокурая мужская голова.

— Чего надо?—окликнула она строгимъ голосомъ.

— Это я, матушка, мужикъ кухольный.

Вошелъ несмѣло и дверь оставилъ пріотворенной мужичокъ лѣтъ двадцати пяти-шести, въ синей сибиркѣ, чисто одѣтый, въ большихъ сапогахъ и на шеѣ желтый платокъ; росту средняго, немного сутуло держится, съ узкими плечами, лица пріятнаго, волосы свѣтло-русые, тонкій носъ и сѣрые большіе глаза; бородка маленькая, клинышкомъ.

Устинья быстро его оглядѣла. Онъ ей показался подходящимъ. Лицо его ей понравилось.

— Въ кухольные?—переспросила она.

— Точно такъ, матушка.

— Положеніе знаешь?

И этотъ вопросъ былъ заданъ такимъ тономъ, чтобы онъ сразу почувствовалъ, что она въ кухнѣ командиръ, и отъ нея онъ будетъ зависѣть вполнѣ.

— Знаю, матушка.

Произносилъ онъ высокимъ теноромъ, и выговоръ его она сейчасъ же признала за свой, природный, волжскій „верховой“, отъ котораго она въ Петербургѣ почти-что отучилась. Онъ говорилъ на „онъ“—и очень мягко.

— Положеніе такое,—повторила она,—жалованья семь рублей.

— Власъ Иванычъ... — заикнулся парень, — сказывали: на восемь рублёвъ.

— Семь,—повторила Устинья.

Лучше выторговать рубль, и послѣ, если окажется старателенъ, прибавить еще рубль, какъ будто въ награду за усердіе и по своей протекціи.

— Маловато... поштенная.

И слово „поштенная“ напомнило ей деревню.

— Больше не дадутъ; харчи хорошія; чай будешь пить, за уголъ — въ дворницкой — плата хозяйская. Чего тебѣ еще?—спросила она уже помягче.

Парень почесалъ въ затылкѣ, но тотчасъ же наклонилъ голову и, глянувъ на нее вбокъ своими выразительными сѣрыми глазами, выговорилъ:

— Пущай-инъ такъ будетъ, матушка.

Это слово „матушка“ онъ произносилъ особенно мягко, точно онъ съ барыней разговариваетъ.

— Да ты гдѣ живешь-то?

— Я-то? Здѣсь, поблизости, въ Спасскомъ переулкѣ, на Сѣнной.

— Мнѣ вѣдь сёдни нужно къ обѣду.

Устинья изъ своихъ прежнихъ, крестьянскихъ словъ удержала „сёдни“, хотя при господахъ его не употребляла.

— Мы съ полнымъ удовольствіемъ. Я останусь. А переберусь къ вечеру—если такъ.

— Вотъ я еще посмотрю, — сказала Устинья, разводя въ горшечкѣ дичинный бульонъ, — какъ ты со службой своей справляться будешь.

— Извѣстное дѣло, матушка.

Парень былъ подпоясанъ пестрымъ кушакомъ такъ, какъ подпоясываются разносчики. Онъ шапку положилъ на лавку и сталъ распоясываться. Подъ сибиркой у него оказались: жилетъ и розовая рубаха, на-выпускъ. Устинья

и на одёжу его поглядѣла вбокъ, продолжая мастерить соусъ.

— Сейчасъ-то еще нѣтъ настоящей работы; а вотъ вынеси-ко тамъ корзинку съ мусоромъ да подмети здѣсь.

— Слушаю.

Онъ снялъ сибирку, засучилъ рукава и собрался брать корзину.

— Тебя какъ звать?

— Епифаномъ.

— Откуда ты? Паспортъ, небось, при тебѣ?

— При мнѣ, матушка. Я—мижегородской, по казанскому тракту.

Епифаново „мижегородской"—съ буквой „м"—пришлось по душѣ Устиньѣ.

— Такъ мы земляки?—откликнулась она.—Про Горки село слыхалъ?

— Какъ не слыхать, матушка!.. Я—гробиловскій. Шелеметевская вотчина была до воли.

Онъ даже и фамилію Шереметевыхъ произносилъ съ буквой „л", какъ истый нижегородецъ.

— А я изъ Горокъ, — сказала Устинья, и въ первый разъ улыбнулась.

III.

Около мѣсяца живетъ Епифанъ въ кухонныхъ мужикахъ. Съ Устиньей онъ ладилъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Держалъ онъ себя все такъ же смиренно, истово, головы никогда высоко не поднималъ, говорилъ мягко и тихо, такъ что горничныя — ихъ двѣ — первые дни и голоса его не слыхали; начали даже подшучивать надъ нимъ по этому поводу.

Устинья взяла его подъ защиту и все повторяла имъ:

— Нешто всѣ такія халды, какъ вы — охтенская команда?

Изъ нихъ только Варя была дѣйствительно съ Малой Охты; да Устинья уже заодно дала имъ такое прозвище.

Варя—ужасная франтиха, и что ни праздникъ—сейчасъ же отпросится въ театръ, и послѣ, въ кухнѣ, за перегородкой, утюжитъ мелкія барынины вещи и мурлычитъ безъ перерыву. Даже Устинья вчужѣ выучила, слушая ее:

Какой обѣдъ намъ подавали!
Какимъ виномъ насъ угощали!..

И Варя, и Оля, за обѣдомъ, продолжали подзадоривать

Епифана. Онъ ѣстъ медленно, по-крестьянски, часто кладетъ ложку на столъ и степенно прожевываетъ хлѣбъ. Варя ему непремѣнно скажетъ:

— На долгихъ отправились, Епифанъ Сидорычъ...

И обѣ вразъ прыснутъ.

И тутъ опять Устинья должна ихъ вразумить. Онѣ никогда не ѣли по-божески, какъ добрые люди ѣдятъ, въ строгихъ семьяхъ, а такъ, урывками, „по-собачьи“. Одно слово — питерскія мѣщанки, съ дѣтства отбившіяся отъ дому.

Епифанъ никогда не начиналъ ѣсть мяса изъ чашки, и дожидался, чтобы сказали:

— Можно таскать!

Спросилъ онъ чуть слышно насчетъ „тасканья“ — и опять обѣ горничныя подняли его на смѣхъ за это „мужицкое слово“.

— Таскать! Таскать!..—повторяли онѣ. — Что̀ таскать? Платки носовые изъ кармановъ? Ха-ха-ха!..

Онъ даже покраснѣлъ и посмотрѣлъ на свою защитницу. Устинья на этотъ разъ не въ шутку разсердилась на „охтенскихъ халдъ“, и отдѣлала ихъ такъ, что онѣ прикусили языки; но, на особый ладъ, переглянулись между собой.

И это замѣтила Устинья. Переглянулись онѣ: „кухарка, молъ, подыскала себѣ тихонькаго дружка и держитъ его у себя подъ юбкой“.

Такое подозрѣніе сильно ее взорвало; она вся побурѣла, но браниться съ ними больше не стала; только цѣлую недѣлю плохо кормила и барскихъ остатковъ не давала ни той, ни другой.

Какъ могли онѣ — „халды!“ — думать срамно о ней и о Епифанѣ, когда у нея даже и въ помышленіи ничего не было?!. Она, если не совсѣмъ старуха, такъ ужъ въ лѣтахъ женщина, а онъ молодой паренёкъ, и въ сыновья ей годится.

Послѣ этой выходки дѣвушекъ за обѣдомъ, Устинья часто что-то возвращалась мыслью къ кухонному мужику. Точно будто онѣ, своимъ перeглядываніемъ и смѣхомъ, что-то такое у нея на душѣ разбудили.

Въ первые еще дни послѣ того, какъ Епифанъ поступилъ къ ней, Устинья, угощая его чайкомъ въ кухнѣ (никого кромѣ нихъ не было), въ сумерки, полегоньку, между передышками питья въ прикуску, освѣдомилась о

его семьѣ, женатъ или холостъ, велика ли родня, и какъ ему насчетъ солдатчины предстоитъ?

На все это Епифанъ толково, почти шопотомъ и съ еще бо́льшими разстановками въ похлебываніи чая съ блюдечка, отвѣчалъ ей, сидя на лавкѣ, у стола, въ одной уже рубахѣ. И онъ, и она выпили по четыре чашки.

Онъ былъ младшій сынъ солдатки, вдовы, жребій взялъ хорошій и въ солдаты угодитъ развѣ только въ ополченіе, да и льготу имѣетъ, какъ грамотей — онъ прошелъ всѣ классы училища. Семья — бѣдная; братья раздѣлились—ихъ трое; онъ женатъ.

Извѣстіе, что Епифанъ женатъ, какъ-то ей не показалось. Однако, она не пустилась его разспрашивать: какова жена, собой красива ли, изъ какой семьи, есть ли дѣти, женился по согласію съ нею или такъ, изъ расчету, по крестьянской необходимости взять бабу, для работы и хозяйственнаго обихода.

Но Епифанъ ничего, повидимому, не утаилъ. Женили его по девятнадцатому году, когда только одинъ старшій братъ жилъ отдѣльно. Земли, по уставной грамотѣ, приходилось, пожалуй, по три десятины, да земля — тощая; а деревня, хоть и близко къ городу, но доходнымъ промысломъ не „займается“, была прежде всегда оброчной при господахъ и промышляли кое-чѣмъ, извозомъ и бурлачествомъ и на ярмаркѣ всякой работой; которые и огородишкомъ кормились; бабы въ городъ все тащили, по воскресеньямъ, пряжу, грибы, ягоды, а теперь и носить-то нечего. Мать ослабла совсѣмъ, и послѣ выдѣла двоихъ старшихъ братьевъ—второй въ солдаты попалъ—еле перебивалась. Онъ при ней остался, въ старой избѣ. Коровенка одна, пара овецъ — и то, по нынѣшнему времени, въ рѣдкость.

Жениться ему не хотѣлось. Мать упросила. Въ сосѣдней деревнѣ, Утечино, посватали дѣвку, старше его года на четыре, старообразную съ лица, не очень бойкую ни на разговоръ, ни въ работѣ; только они съ матерью повѣрили слуху, что за ней денегъ „отвалятъ“, и приданое — четыре большихъ короба. Ходили слухи, что она „согрѣшила“, оттого и за безчестье можно получить прибавку. Однако, никакого „богачества“ не оказалось. Коробъ одинъ всего приданаго дали кое-съ-чѣмъ, да свадьбу сыграли на шестьдесятъ рублей, да сорокъ рублей въ домъ она принесла—вотъ и все.

Устинья слушала разсказъ Епифана и про себя хвалила его истовость, то, что онъ не жаловался, не срамилъ жены насчетъ ея грѣха, и не началъ ей расписывать про постылую женатую жизнь; онъ далъ только понять, что съ первыхъ же недѣль жена ему стала неподходяща. Она забеременѣла, родила дѣвочку—должно-быть, „заморыша“ — и послѣ родовъ здоровьемъ начала перепадать; дѣвочка не дожила и до году. Ему въ семьѣ дѣлалось „не по себѣ“—такъ онъ и выразился. Онъ и взялъ паспортъ, сначала у Макарья на ярмаркѣ служилъ, тоже кухоннымъ мужикомъ въ армянской харчевнѣ. Случай вышелъ ему съ купцами ѣхать въ Москву и до Питера добраться.

Такъ правдиво и обстоятельно поговорилъ о себѣ Епифанъ, что и Устинья ему кое-что разсказала про свое деревенское житье-бытье. Сначала такъ, вкратцѣ, а потомъ и вспоминать полюбила про разныя разности изъ дѣвичьей своей жизни. Она изъ той же почти „округи“, только на арзамасскомъ трактѣ. И они были крѣпостные, она еще помнила все отлично, ее тогда уже замужъ отдавали. И она, какъ Епифанъ же, шла по-старинному, попала за хорошаго парня; но лобъ ему въ скоромъ времени забрили, передъ самымъ объявленіемъ воли. Солдаткой она рано изъ деревни ушла и рано овдовѣла: мужъ на службѣ, въ горахъ, померъ, гдѣ-то на китайской границѣ, она никогда не могла выговорить, въ какомъ мѣстѣ.

Епифанъ слушалъ Устинью, за такимъ вечернимъ питьемъ чая, съ особеннымъ выраженіемъ лица и поклонами головы, какъ почтительный сынъ слушаетъ родную мать; это ей очень льстило. Она бы ему охотно разсказала про разные соблазны, черезъ какіе прошла въ Питерѣ солдаткой, да еще вдовой и пріятнаго вида; но сразу она не хотѣла очень-то его баловать—того гляди, зазнается и начнетъ запанибратствовать. Онъ парень неглупый, и могъ легко понять изъ ея словъ, что она себя — „не въ примѣръ прочимъ“ — соблюдала довольно строго. Сходилась ли она, нѣтъ ли, съ кѣмъ-нибудь, когда еще была молодой бабенкой — на это Устинья никакого намека не сдѣлала; но всѣми своими рѣчами давала ему почувствовать, что съ нею и слѣдуетъ ему обходиться почтительно.

IV.

Точно „шайтанъ", вселился потихоньку Епифанъ въ сердце Устиньи. Такъ и она называла его по-деревенски „шайтаномъ", уже послѣ того, какъ онъ ее всю къ себѣ притянулъ...

Снаружи все было попрежнему, даже горничныя-задиры,—и тѣ ничего особеннаго не замѣчали; кухоннаго мужика онѣ оставили въ покоѣ, за обѣдомъ надъ нимъ не смѣялись, совсѣмъ какъ будто и нѣтъ его тутъ. А онъ все такой же, какимъ былъ и при поступленіи: больше помалчиваетъ, ѣстъ медленно и первый ни къ какой ѣдѣ не приступаетъ; всегда ждетъ, чтобы другіе начали.

Да и приблизивъ его къ себѣ, Устинья, въ первые дни, смотрѣла на него, какъ на сироту. Что-то материнское къ нему чувствовала. Ей дѣлалось совѣстно самой себя за то, что она, „старуха", и вдругъ пользуется такимъ молодымъ человѣкомъ; а его она жалѣла и не ставила ему въ вину того, что онъ ее подбилъ на грѣхъ, на запоздалую страсть.

Винить его она не могла. Нельзя ей было говорить, что онъ ее подбилъ, одурачилъ, опоилъ какимъ-нибудь дурманомъ. Это случилось — она и сама не понимаетъ, какъ. Жалко ей стало его чрезвычайно, — она его, какъ паренька по двѣнадцатому году, приласкала... И только позднѣе она стала испытывать на себѣ его силу. Говоритъ онъ ей тихо, полушопотомъ, смиренно; но каждое его слово входитъ ей внутрь, и взглядъ его сѣрыхъ глазъ, немножко исподлобья, пронизываетъ ее. Видъ у нея такой, точно будто она хозяйка, а онъ — ея батракъ; на дѣлѣ же совсѣмъ по-другому становилось. Она еще дивилась тому, какъ онъ не догадывается о своей власти надъ нею, не начинаетъ мудрить, не вытягиваетъ изъ нея всѣхъ жилъ...

Не можетъ онъ не смекать, что у такой кухарки, какъ она, должны быть деньги. По его тихимъ, проницательнымъ взглядамъ она замѣчала, что онъ отлично соображаетъ, какой доходъ приноситъ ей, каждую недѣлю, одна провизія. Онъ грамотный и видитъ, что̀ она за цѣны ставитъ въ записной книжкѣ, которую показываетъ барынѣ. Цѣны ему отлично извѣстны. Живя по трактирамъ, онъ запоминалъ ихъ, да и теперь не пропуститъ случая

освѣдомиться. Устинья не скрыла отъ него, что она „благородно“ пользуется процентами въ лавкахъ. Считать онъ умѣлъ скорѣе ея, и давно привелъ въ извѣстность, какой можетъ быть ея мѣсячный доходъ. Но вотъ они уже больше мѣсяца въ связи, а Епифанъ ни разу не заикнулся даже насчетъ ея сбереженій, ничего не попросилъ, на выпивку или въ деревню послать лишній рубль. Къ вину онъ склонности не имѣетъ, и его трезвость была не наружная только, а настоящая.

Устинья въ двадцать лѣтъ житья на мѣстахъ отложила нѣсколько сотъ рублей. Сначала она носила по мелочамъ въ сберегательную кассу, потомъ купила билетъ съ выигрышемъ, другой, третій... Два раза въ годъ она ихъ страховала, мечтала о кушахъ въ десять тысячъ—дальше она не шла въ своемъ воображеніи,—упорно продолжала вѣрить, что не перваго марта, такъ перваго сентября она непремѣнно выиграетъ. Кромѣ билетовъ, были у нея и наличными, въ разныхъ мѣшочкахъ, затыканныхъ въ бѣльѣ и платьѣ ея кованаго сундука, стоявшаго подъ кроватью. Билеты она держала у себя, хоть и сильно боялась пожаровъ. Слышала она про то, что всего лучше положить билеты въ банкъ на храненіе; но она на это не рѣшалась... Надо было исписывать много листовъ, да и узнается, да и какъ бы не вышло затрудненія при обратномъ полученіи денегъ. Купоновъ она не отрѣзала; знала, что выигрышные билеты даютъ проценты очень малые, но все-таки держалась ихъ исключительно.

Не одинъ уже разъ, глядя со слезами нѣжности въ глазахъ на своего Епифашу, она готова была ввести его въ денежныя тайны, даже похвалиться немного своимъ капиталомъ, посулить ему что-нибудь на разживу... Но она все ждала, что онъ первый начнетъ говорить ей про свои нужды.

Но Епифанъ не просилъ у нея денегъ. Про деревню ему приводилось говорить, про то, что оттуда все требуютъ помощи, что онъ „по силѣ возможности“ посылаетъ; но жалованье его извѣстно, а доходы—какіе же?..

Вотъ эти „доходы“ и повели къ объясненію. И тутъ онъ поступилъ такъ, что она его, про себя, великой умницей назвала.

Сидятъ они вдвоемъ, за чаемъ, разговоръ идетъ о кухаркахъ, о жизни у господъ, о тягостяхъ кухонной службы, о плитѣ, о частыхъ головныхъ боляхъ Устиньи. Ея ме-

довый мѣсяцъ съ другомъ дѣлалъ ей кухню и плиту еще постылѣе. Бросила бы она все это и обзавелась бы своимъ домомъ, да еще при такой умницѣ, какъ ея любезный.

Епифанъ, какъ бы про себя, выговорилъ:

— Жалованья своего вы, чай, не проживете!

Онъ все еще продолжалъ говорить ей „вы", Устинья Наумовна.

— Извѣстное дѣло,—отвѣтила она и поглядѣла на него вкось.

— А прóцентъ (онъ произносилъ съ удареніемъ на „про") превосходитъ жалованье.

И это онъ сказалъ не тономъ вопроса, а какъ вещь несомнѣнную.

— Ты спрашиваешь, больше ли процентъ супротивъ жалованья?

Вопросъ Устиньи звучалъ уже совсѣмъ задушевно. Тайны она передъ Епифаномъ не хотѣла имѣть.

— Такъ точно,—чуть слышно вымолвилъ онъ и посмотрѣлъ на нее продолжительно.

Въ его взглядѣ Устинья увидѣла, до чего онъ ее довести желалъ.

„Ты, молъ, доходомъ пользуешься безвозбранно; но все-таки ты изъ господскаго кармана не одну сотню въ годъ вынешь этакимъ манеромъ. Я—твой помощникъ по кухнѣ, несу на своихъ плечахъ всю черную работу, знаю очень хорошо, чѣмъ ты пользуешься, и молчу... Такъ не лучше ли будетъ намъ дѣлиться, по-честному, безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ?"

Все это она нашла во взглядѣ его сѣрыхъ, тихо пронизывающихъ глазъ, и на другой же день сама первая объявила ему, что онъ отъ нея каждый мѣсяцъ будетъ получать то, „что ему слѣдуетъ".

— У меня жалованье, у тебя—другое,—вразумительно говорила она.—Ты не меньше моего трудишься. Съ моего доходу и тебѣ должна идти доля.

Доля эта была третья, и онъ сталъ ее получать на руки. И такъ онъ былъ растроганъ этимъ „неоставленіемъ" Устиньи, что только, безъ всякихъ словъ, много разъ на дню прижметъ ее тихонько къ своей груди и глазами обласкаетъ.

Никакихъ у нихъ исторій изъ-за денегъ, ни попрошайства, ни вытягиванья. И ничего она для него изъ про-

визіи не утаиваетъ. Онъ не лакомка. Когда-когда оставитъ ему кусокъ послаще, и не спрашиваетъ его, куда у него идутъ ея деньги, домой ли отсылаетъ, или на что тратитъ. Подозрѣній насчетъ гулянокъ съ женскимъ поломъ, на сторонѣ, у нея нѣтъ. Епифанъ любитъ хорошую одёжу и купилъ себѣ пиджакъ и шелковую жилетку; но видитъ она, что у него къ транжирству никакой нѣтъ склонности. Хмельнымъ ни разу не приходилъ. Всѣ имъ въ домѣ довольны—и старшій, и остальные дворники. Устинья сообразила, что онъ ихъ чѣмъ-нибудь ублажаетъ.

„Халды" - горничныя тоже стали съ нимъ заговаривать, и „Варька" куда не прочь была бы „хвостомъ вильнуть", да онъ съ ними все такъ же себя держитъ, какъ и вновѣ. Полегоньку и онѣ передъ нимъ спасовали, даромъ что онъ кухонный мужикъ.

И сама не можетъ уже распознать Устинья, какъ она любитъ своего Епифашу... Всячески любитъ: и жалѣетъ его, и боится его, и льнетъ къ нему...

И все тошнѣе ей дѣлается стряпня,—цѣлый день возиться и сдерживать себя на людяхъ. Точно она прикована къ этой плитѣ, а ея возлюбленный—вольный человѣкъ: сегодня тутъ,—завтра взялъ паспортъ, да и утекъ. Не вѣкъ же онъ будетъ оставаться кухоннымъ мужикомъ. А года-то идутъ... Она черезъ пять лѣтъ совсѣмъ старуха; онъ—еще кровь съ молокомъ, только въ возрастъ вступитъ настоящій, къ тридцати годамъ подойдетъ.

И жаръ кидался ей въ голову отъ всѣхъ этихъ думъ, не меньше чѣмъ отъ плиты.

V.

О томъ, что у Епифана есть жена, Устинья одно время точно забывала... Вѣдь онъ ей сказывалъ, что жена старше его, женился онъ на ней, не любя ея, считаетъ „ледащей" бабенкой, къ ней его нимало не тянетъ. Будетъ ей посылать отсюда когда—денегъ, когда—немудрый гостинецъ, съ „аказіей".

Но чѣмъ глубже забиралась въ душу Устиньи страсть къ Епифану, тѣмъ ей ненавистнѣе дѣлалась самая мысль, что, какъ ни какъ, онъ все-таки женатъ, у него баба есть, и эта баба—его законная „супруга". Можетъ вѣдь и сюда пожаловать, особливо, когда старуха помретъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Что жъ она тамъ одна будетъ оста-

ваться?.. Земли малость, пахать некому... Она возьметъ да и явится.

И потомъ, какова бы она тамъ ни была, все-таки она молодая баба. Вѣдь онъ никогда не говорилъ, что она уродина, а только старообразна. Кто ее знаетъ, можетъ, теперь раздобрѣла. Ей житье не плохое: Епифанъ помогаетъ семьѣ.

Ходитъ Устинья вокругъ плиты и точно подъ ложечкой у нея что сверлитъ. Надо ей дѣлать бешамель къ телятинѣ, а она никакъ тревоги изъ себя не можетъ вытравить. Вотъ сейчасъ совсѣмъ забыла прибавить къ заправкѣ сахару, какъ баринъ любитъ. Прежде у нея всякій соусъ или подливка въ головѣ такъ и выскочитъ: все, до послѣдней малости, и что послѣ чего положить, и сколько минутъ подержать на огнѣ, и въ какой пропорціи; а тутъ, на такомъ пустякѣ, какъ бешамель, и чуть не сбилась!

Постоянное присутствіе Епифана волнуетъ ее. Онъ никуда почти не отлучается и такъ ловко и скоро справляетъ свою черную работу, что успѣваетъ и ей, по поварской части, помогать. Кое-что онъ зналъ и прежде, а теперь могъ бы уже простой, незатѣйливый обѣдъ и весь сготовить. Если бъ ему подручнымъ въ большую кухню, къ хорошему, ученому повару, изъ него бы и теперь еще вышелъ не плохой кухарь. Но въ немъ нѣтъ настоящей охоты къ этому дѣлу, какъ и въ самой Устиньѣ. Онъ также не любитъ плиты, постояннаго жара и чада... И онъ такъ разсуждаетъ, что за поварскую и кухарочную службу—„всякія деньги дешевы". Слыхалъ онъ, что въ отеляхъ и ресторанахъ французамъ, а случается и русскимъ, главнымъ поварамъ, до трехъ тысячъ платятъ. Врядъ ли бы онъ польстился и на такое жалованье!

Епифана совсѣмъ не туда тянетъ. У него склонность къ промыслу, къ торговлѣ, къ толковому обхожденію съ деньгами. И не такъ, что въ „ламбаръ" положилъ, да и отрѣзывай „купончики", а такъ, чтобъ своей собственной головой изъ одной копейки сдѣлать пять и десять въ одинъ годъ.

Устинья, при всей его сдержанности, поняла это, и въ ея головѣ стали роиться мысли все вокругъ того, какъ бы Епифана привязать къ городу окончательно. Деревенскіе порядки ей были довольно извѣстны. До тѣхъ поръ, пока ты въ крестьянскомъ обществѣ числишься,—ты за-

крѣпощенъ. Захочетъ общество, и откажетъ тебѣ въ высылкѣ вида, и могутъ тебя туда по этапу прогнать. Надо Епифана совсѣмъ освободить, чтобъ ни староста, ни волостной писарь, ни старшина, ни мать, ни, главное, жена не могли держать его въ зависимости отъ деревни.

Спрашиваетъ она его въ тотъ самый день, когда она на бешамелѣ чуть было не запнулась:

— Епифаша, а коли бы у тебя теперь въ карманѣ до тысячи рублевъ было, ты нешто остался бы въ крестьянствѣ?

Онъ на нее сначала поглядѣлъ, по-своему, снизу, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ.

— И въ деревнѣ можно, по нынѣшнему времени, многимъ займаться,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Однако, ты городской, по всему. Ежели бъ, напримѣръ, къ мѣщанскому сословію приписаться?

— Даромъ никто не выпуститъ. Что жъ о пустомъ говорить!

Слово: „пустое" ее даже обидѣло. Епифанъ какъ будто не могъ сдержать досады: „и зачѣмъ, молъ, ты меня только дразнишь, а серьезнаго ничего въ моемъ положеніи не измѣнишь!"

Это задѣло ее. И захотѣлось ей сейчасъ же доказать ему, что она не на вѣтеръ говоритъ, а если бъ онъ не ёжился и прямо ей свои всѣ сокровенныя желанія выложилъ, она бы освободила его отъ деревни, отъ міра, отъ жены постылой.

Съ жены Устинья и начала.

— Вѣдь я до сихъ поръ не знаю, Епифанъ,—заговорила она степеннымъ, почти суровымъ голосомъ,—въ какихъ ты чувствахъ къ своей фамиліи? Можетъ, ты такъ только говоришь, а между прочимъ для тебя твоя баба—большая привязка, и ты отъ нея и по доброй волѣ не отойдешь.

— Куда же я отойду? Да и зачѣмъ? Пока по городамъ буду жить, кто же меня станетъ тревожить?.. Тамъ вѣдь тоже деньга-то нужна, а отъ меня идетъ хорошая благостыня.

— Однако, баба твоя—на ногахъ. Дѣтей у васъ нѣтъ. Мать умретъ, она и пожалуетъ самолично, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей хозяйничать не надъ чѣмъ, а здѣсь она хоша въ стряпухи на извозчичій дворъ пойдетъ.

— Безъ моего разрѣшенія этого не будетъ,—спокойно замѣтилъ Епифанъ.

— Все-таки! Вотъ видишь, Епифаша,—она продолжала уже гораздо мягче,—твою судьбу я бы съ великой радостью устроила. Только надо, чтобъ ужъ никто тебя изъ деревни не безпокоилъ.

И они начали разговаривать по-душѣ, тихо-тихо. Кстати и въ домѣ-то никого не было, кромѣ дѣтей съ гувернанткой, да больной ихъ тетки, а горничныя шили въ комнаткѣ, около передней. Устинья прямо его допросила, сколько это будетъ стоить, если бъ, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ крестьянскаго сословія. Онъ началъ соображать и сказалъ ей приблизительно сумму. Надо будетъ землицей своей почти-что совсѣмъ пожертвовать. Это бы еще не Богъ вѣсть какая потеря, но, по его разсужденію, выходило, что не стоитъ это дѣлать. Были бы только „настоящія" деньги—кто ему мѣшаетъ, чѣмъ хочетъ, заниматься въ Питерѣ: въ артель поступить, торговлю открыть, даже и въ гильдію записаться?

Устинья опять упомянула о женѣ.

— Это даже смѣху подобно!—возразилъ Епифанъ и засмѣялся немного въ носъ.—Чего же ея бояться? Окажусь я исправенъ насчетъ денежныхъ пособій — и она будетъ сидѣть тамъ, въ Грабиловѣ. Совсѣмъ она не такого характера, чтобъ ее въ столицу тянуло... Какъ есть самая простая баба, нрава угрюмаго, и опять же привычна къ своему хозяйству, и въ услуженіе, безъ крайней надобности, не пойдетъ.

Такіе доводы все еще не вполнѣ успокоили Устинью.

— Опять же и то взять,—болѣе спокойно говорилъ ей Епифанъ,—ежели я къ мѣщанству припишусь, она должна, по мнѣ, къ тому же сословію отойти. Такимъ манеромъ она скорѣе теперешняго угодитъ въ Питеръ. Въ тѣ поры у нея не будетъ уже никакой задержки: избы, хозяйства или землицы. Ко всему этому она приставлена и отчетомъ передо мною обязана. Тогда она за мной, какъ разъ, увяжется. Въ крестьянствѣ ли, въ мѣщанствѣ ли — отъ нея окончательно не отвяжешься; она не сапогъ! — добавилъ онъ, и такъ улыбнулся, что Устиньѣ, въ первый разъ, сдѣлалось не по себѣ — столько было въ усмѣшкѣ его нѣсколько блѣднаго рта тихой „язвы".

Она примолкла и точно побоялась продолжать дальше этотъ задушевный разговоръ, который сама же вызвала.

Но ей не было уже ходу назадъ. Съ ея амбиціей нельзя, какъ пустой болтуньѣ, только раздразнить человѣка, а ничего ему не указать существеннаго.

Она должна была это сдѣлать. Разговоръ возобновился и шелъ каждый вечеръ, за чаемъ; она сама возвращалась къ нему. Епифанъ уже въ подробностяхъ узналъ, сколько у нея накоплено экономіи. И онъ самъ сталъ сообщительнѣе насчетъ своихъ желаній и расчетовъ. Да и чего ему было скрывать то, что онъ хоть при небольшомъ капитальцѣ, на первыхъ порахъ, могъ бы приняться за такое дѣло, которое сулитъ больше пользы? И онъ такъ при этомъ улыбнулся глазами, что Устинья прочно увѣровала въ то, какъ быстро хотѣлъ разживиться ея „сердешный другъ“

VI.

До весны они толковали промежъ собой только о своихъ дѣлахъ, расчетахъ и мечтаніяхъ. Полегоньку Епифанъ сталъ разспрашивать Устинью про господъ. Въ барскія комнаты онъ почти-что не былъ вхожъ. Кухонному мужику не полагалось входить туда; развѣ барыня позоветъ, чтобы послать куда-нибудь; въ такихъ случаяхъ она вызоветъ его на темную площадку передъ столовой. Самоваръ вносили и уносили горничныя. Онъ могъ бы это дѣлать, но барыня не терпѣла запаха смазныхъ сапогъ. Она и полотеровъ съ трудомъ терпѣла, и въ ихъ дни сама уѣзжала всегда со двора. Въ эти дни и Епифанъ иногда призывался помочь въ перетряхиваніи ковровъ или въ установкѣ болѣе грузной мебели. Барину онъ началъ чистить сапоги, калоши, а потомъ и платье; но до себя его баринъ тоже не допускалъ, развѣ когда поблизости пошлетъ, такъ какъ онъ грамотный и адреса не перепутаетъ.

Но все-таки онъ хорошо ознакомился съ квартирой, расположеніемъ комнатъ и даже, черезъ Устинью и своими наблюденіями, составилъ себѣ вѣрную картину семейства и вообще всей жизни, и отдѣльно о каждомъ человѣкѣ.

Дѣти были какъ дѣти... Одинъ мальчикъ, лѣтъ десяти, и три дочери, тоже все малолѣтки, учатся въ заведеніяхъ, но живутъ дома. Мальчика одного пускаютъ, дѣвочекъ возятъ въ дурную погоду, а въ хорошую посылаютъ съ одной изъ горничныхъ, съ Олей.

При дѣвочкахъ—гувернантка, мамзель, швейцарка, молоденькая, изъ себя некрасивая и тихая. Отъ нея людямъ никакой обиды нѣтъ, да она и плохо еще понимаетъ по-русски. Родители—мать съ отцомъ — дѣтей любятъ, много тратятъ на ихъ ученье, и на одежду, и на книжки, игры всякія; дѣтская комната, гдѣ они занимаются, больше гостиной и полна всякой всячины. Епифанъ разсматривалъ не разъ, что̀ тамъ стоитъ и виситъ по стѣнамъ. Мальчикъ, Петенька, полюбилъ его и кое-о-чемъ ему разсказывалъ, даже маленькую электрическую машину ему заводилъ. Ходитъ къ нему на домъ студентъ, почти каждый день, а къ дѣвочкамъ—русская мамзель и музыкантъ, еще молодой человѣкъ, съ длинными до плечъ волосами. Баринъ — среднихъ лѣтъ, въ обхожденіи строговатъ, но его̀ въ домѣ совсѣмъ не слышно, занятъ цѣлый день, и дома, и въ должности своей, въ какомъ-то „Обществѣ". Знаетъ Епифанъ, черезъ швейцара, что каждый день, въ пятомъ часу, баринъ ѣздитъ па Островъ, на биржу. Стало, денежныя дѣла дѣлаетъ, да и кабинетъ у него такой, какіе у денежныхъ людей должны быть,—съ конторкой, этажерками и съ желѣзнымъ шкапомъ, привинченнымъ къ полу. Такого шкапа Епифанъ до того еще никогда не видалъ. Съ полотерами онъ раза два возился въ кабинетѣ и хорошо этотъ шкапъ осмотрѣлъ. Штука—дорого стоитъ, и они еще тогда, съ однимъ изъ полотеровъ, побалагурили: „что есть-де искусники, и въ такую посудину могутъ проникнуть".

Насчетъ барыни Епифанъ держался мнѣнія Устиньи: рыхлая, съ болѣзнями, привередлива; въ сущности — ни во что̀ не входитъ; выѣзжать не любитъ, а къ ней—милости просимъ, пообѣдать и въ карточки — картежница завзятая, а то—по цѣлымъ днямъ лежитъ на кушеткѣ и книжки читаетъ, кое-когда въ классную заглянетъ и дѣтей больше барина балуетъ.

Въ домѣ много значитъ сестра барина, пожилая дѣвушка, вся скорченная отъ „болѣстей", святоша, Евгенія Сильвестровна; у нея своя большая комната съ уборной. Устинья сильно не долюбливала ее и не мало „покумила" насчетъ ея съ Епифаномъ. Кажется снаружи, что эта ханжа ни во что̀ не вмѣшивается, а на дѣлѣ-то она на господъ большое имѣетъ вліяніе, особливо на брата; онъ съ ней обо всемъ совѣтуется, и даже въ выборѣ прислуги ея мнѣнія спрашиваютъ всякій разъ. Она и горничнымъ

наставленія читаетъ, чуть что-нибудь ей покажется подозрительнымъ, насчетъ ихъ поведенія. Она же была противъ того, чтобы брать на кухню мужика, и настаивала на судомойкѣ. И хотя изловить ей не удается Устинью съ Епифаномъ, но она навѣрное пронюхала, потому что начала какія-то душеспасительныя слова говорить кухаркѣ, когда та съ ней въ коридорѣ встрѣтится. Сама она въ кухню не захаживаетъ. Случается, что Устинья понесетъ ей въ комнату котлетку или куринаго бульону: она частенько съ господами не обѣдаетъ, по болѣзни.

Епифанъ и въ ея комнату попалъ съ полотерами. И тамъ онъ разглядѣлъ, въ альковѣ, около самой кровати, въ стѣнѣ, вымазанной свѣтло-зеленоватой краской, замочную скважину и ободокъ дверки. Онъ сообразилъ, что и это—шкапчикъ для храненія денегъ и цѣнностей, только вдѣланный въ стѣну, а не такъ, какъ въ кабинетѣ барина, въ видѣ настоящаго шкапа, подъ лакъ.

И онъ ее, изъ всего семейства, не жаловалъ. Разъ какъ-то она на него особенно поглядѣла и спросила мягкимъ голоскомъ:

— А ты, милый, женатъ?

— Женатъ,—отвѣтилъ Епифанъ и опустилъ рѣсницы.

— И хорошо живешь съ женой?

— Хорошо, матушка,—отвѣтилъ онъ своимъ совсѣмъ сладкимъ тономъ.

Но старая барышня опять его спросила:

— Давно не былъ въ деревнѣ?

— Третій годъ.

— Ай-ай!..

Больше ничего не сказала, только покачала головой.

Пришла весна. Господа рано собрались на дачу по финляндской дорогѣ. Дѣвочекъ отпустили изъ заведенія, а мальчику надо было еще доучиться. Тетка, Евгенія Сильвестровна, расхворалась, не опасно, а такъ все-таки, что ей переѣзжать еще нельзя было: въ ногахъ ломота сдѣлалась, и раньше начала іюня докторъ ей не позволялъ перебираться на дачу. При ней и мальчикъ долженъ былъ остаться до конца мая.

Много было толковъ, какъ уладить насчетъ кухарки. Устинья дачу вообще не любила—тамъ работы не меньше, а доходъ совсѣмъ не такой. Разносчики прямо все таскаютъ на барское крыльцо: рыбу, живность, ягоды, масло... Но она утѣшалась тѣмъ, что и Епифанъ пере-

ѣдетъ съ ней; онъ тамъ даже нужнѣе, чѣмъ въ городѣ. На полтора мѣсяца подговорили поваренка, за двадцать рублей, а Устинья должна была оставаться при старой барышнѣ прислуживать, и готовить ей и мальчику, да и баринъ будетъ въ первыя недѣли наѣзжать въ городъ, по дѣламъ, а тамъ ужъ совсѣмъ переберутся.

Епифана хотѣли было брать тотчасъ же, но Устинья поговорила съ бариномъ—онъ къ ней благоволилъ за ея мастерство — и представила ему резонъ, что старая барышня нездорова, надо при ней быть неотлучно; кого же послать? Не бѣгать же все за дворниками? Съ ея резономъ баринъ согласился. Такъ и было сдѣлано.

Переѣздъ назначили на пятое мая. При этихъ хлопотахъ Епифанъ сильно дѣйствовалъ, и барыня дала ему цѣлковый на чай. Можетъ-быть, ей „святоша" — Евгенія Сильвестровна—и шепнула что-нибудь про связь кухарки съ кухоннымъ мужикомъ, но она никакихъ придирокъ не дѣлала и не поглядывала на Епифана такъ, какъ та „колченогая", по выраженію Устиньи.

Остаться одной, на цѣлый мѣсяцъ, полной хозяйкой кухни, провизіи и съ „Епифашей", все это Устинью радовало на особенный ладъ: ей хотѣлось и на „колченогой" выместить немножко ея „securanie носа" въ то, что̀ до нея не касается. Усчитывать себя она не дастъ; ей барыня оставила карманныя деньги, а остальное—на книжку у поставщиковъ. Кормить она будетъ ту „колченогую" какъ слѣдуетъ, но за себя, свое достоинство и сердечныя дѣла—постоитъ!.. Одиночество „лѣтняго положенія" особенно ей придется по душѣ. Съ Епифаномъ ей еще удобнѣе все обсудить — къ осени надо его устраивать по-новому, и ей пора бросать тошную плиту!..

VII.

Когда Устинья съ Епифаномъ остались вдвоемъ, точно хозяева квартиры, имъ уже не передъ кѣмъ было хорониться. „Колченогая" лежала или сидѣла у окна, въ своей спальнѣ, мальчикъ ходилъ въ гимназію, да и по вечерамъ сидѣлъ больше у одного товарища, готовился къ переходному экзамену. Своего дружка Устинья не иначе и вслухъ звала, какъ „Епифаша" или „Сидорычъ", въ видѣ шутки. Принесетъ младшій дворникъ дровъ, они его сейчасъ чайкомъ попоятъ; онъ, разумѣется, смекаетъ, что у кухарки съ Епифаномъ большіе лады; и старшій дворникъ

объ этомъ „извѣстенъ“, но какая же ему о томъ забота: дѣло самое обыкновенное, держатъ себя оба благородно, не напиваются, не буянятъ, не ссорятся и никакихъ „охальностей“ промежду собою не творятъ. Дворникъ вообще дружитъ съ Устиньей, и отъ нея ему иногда кое-что перепадетъ изъ провизіи или дешевле ему уступали въ зеленной и въ овощной лавкѣ.

Такъ имъ хорошо стало на просторѣ, что Устиньѣ кажется, ровно она у себя, въ собственной квартирѣ живетъ съ Епифаномъ, полными хозяевами. Въ кухнѣ они мало сидѣли—она имъ обоимъ пріѣлась, а больше все въ горницѣ дѣвушекъ, просторной, въ два окна, гдѣ стояли и господскіе шкапы съ лишнимъ платьемъ.

Въ тотъ самый день, когда господа переѣхали на дачу, Устинья объявила Епифану, что онъ можетъ перебираться ночевать въ квартиру. На это изъявили согласіе баринъ съ барыней. О такомъ распоряженіи она, первымъ дѣломъ, доложила Евгеніи Сильвестровнѣ. Та поглядѣла на нее съ кислой улыбочкой и выговорила, поморщившись, тотчасъ же затѣмъ:

— Вѣдь внизу швейцаръ. Зачѣмъ еще мужчину?.. Отъ нихъ такой дурной запахъ.

Устинья уперлась глазами въ полъ и отвѣтила:

— Такое ихъ было распоряженіе.

Но она все-таки замѣтила у старой дѣвушки особенное движеніе губъ, тонкихъ и синеватыхъ. Ее передернуло.

„Верти—не верти носомъ, — зло промолвила про себя Устинья,—а будетъ по-моему, и тебѣ, матушка, до этого дѣла нѣтъ!“

Епифану она передала свой разговоръ съ „колченогой“, и они, за чаемъ, промыли ей косточки; больше, впрочемъ, Устинья, а Епифанъ сначала только усмѣхался на ея ядовитыя выходки и, помолчавъ, вдругъ спросилъ ее:

— А что, Устюша, у этой самой барышни должны быть свои собственныя деньги?

— Безпремѣнно!

Устинья отвѣтила такъ не наобумъ. Когда она поступила къ этимъ господамъ, вмѣсто Оли жила другая дѣвушка, скромная, лѣтъ за тридцать. Она угодила замужъ и отошла. И въ тѣ три-четыре недѣли, какъ онѣ были еще вмѣстѣ, Катерина ей многое про господъ разсказала, какъ и всегда бываетъ между степенной прислугой, когда одна другую хочетъ обо всемъ вразумить. Старая барышня

совсѣмъ не бѣдная. Ей доля немного поменьше досталась, чѣмъ брату. Она была, слышно, въ молодости не дурна собой и музыкантша, и въ какого-то тамъ музыканта „врѣзалась" до сумасшествія, такъ что ее чуть ли не въ лѣчебницѣ держали, никакъ съ годъ. Музыкантъ этотъ былъ женатый, да и померъ, къ тому же, въ скоромъ времени. Тутъ она опять впала въ сильное разстройство; ноги у нея отнялись вдругъ и даже языкъ, и съ тѣхъ поръ она уже поправиться не могла,—состарѣлась и вся согнулась „въ четыре погибели",—прибавила Устинья отъ себя. Имѣнье она наполовину удержала, проживала у брата, на харчахъ, за себя платила; но не больше, какъ рублей семьсотъ въ годъ. Поэтому-то къ ней и уваженіе такое, ровно она бабушка, что наслѣдниками послѣ нея будутъ и баринъ, и прямо—дѣти. Она свободную-то отъ надѣла землю, въ одной деревнѣ, давно продала, да и выкупныя еще получила. Вотъ больше двадцати лѣтъ какъ она копитъ. Должно-быть, черезъ брата она и деньги въ оборотъ пускала, на биржѣ; можетъ, и подъ закладныя давала. Изъ дѣтей она „обожаетъ" мальчика, Петеньку, и нужно полагать, что ему, по крайности, двѣ трети капитала достанутся, а барышнямъ—остальное, барину—по закону, та земля, что̀ у нея осталась непроданной, родовая, отъ матери.

Все это выслушивалъ Епифанъ въ глубокомъ молчаніи, и только обтиралъ себѣ, отъ времени до времени, лобъ клѣтчатымъ платкомъ.

— А вѣдь у нея въ стѣну вдѣланъ шкапчикъ несгораемый,—вдругъ сказалъ онъ глухимъ голосомъ, точно у него что въ горлѣ перехватило.

— Ишь ты!—отозвалась Устинья.

Она объ этомъ шкапчикѣ не знала.

— Самъ видѣлъ.

— Шкапчикъ, ты говоришь? Стало, маленькій?

— Однако, билетовъ можно туда до сотни тысячъ уложить.

Глухой тонъ Епифанова голоса не пропадалъ.

— Коли такъ,—продолжала Устинья, и вкусно вытянула остатокъ чая съ блюдечка,—она у себя главный капиталъ, въ этомъ самомъ шкапчикѣ, держитъ.

— Врядъ ли,—откликнулся Епифанъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой; глаза его были полузакрыты и обращены въ сторону.—Господа цѣнныя бумаги кладутъ въ банкъ...

въ государственный, — прибавилъ онъ увѣренно, и тутъ только взглянулъ на Устинью.

Отъ этого взгляда ей во второй уже разъ стало жутко.

— Ты нашей сестры не знаешь,—начала она возражать ему.—Что меня, кухарку, взять, что барышню такую, да еще старую, колченогую, мы ни въ жисть не положимъ въ банкъ, хоть развѣрнѣйшій онъ будь.

— Сохраннѣе быть не можетъ, — возражалъ, въ свою очередь, Епифанъ, — квитанціи тамъ выдаютъ, а бумаги въ жестяныхъ ящикахъ въ подвалахъ со сводами хранятся. Мнѣ, въ трактирѣ, одинъ солдатъ сказывалъ. Онъ на часахъ тамъ стаивалъ, не одинъ разъ, при самой этой кладовой.

Но Устинья не могла уступить ему. Она напирала на то, что „ихъ сестра въ какой ни на есть банкъ“ не отдастъ всѣхъ своихъ денегъ. Она одумалась немного, сообразила что-то и добавила, вся красная отъ чая и овладѣвшаго ею страннаго волненія:

— Вотъ что я тебѣ скажу, Епифаша... Повѣрь ты мнѣ. Ежели эта дѣвуля даетъ деньги подъ залогъ или черезъ барина на биржѣ афёрами занимается, то малую часть она ему отдала на храненіе.

— Сундукъ у барина въ кабинетѣ здоровый! — выговорилъ Епифанъ.—Не сдвинуть и двумъ дворникамъ.

— Много тамъ тоже не лежитъ! Барину надобны всегда деньги. Мнѣ швейцаръ пояснялъ, какъ это они тамъ на биржѣ „играютъ“. А остальное,—продолжала Устинья съ увѣренностью, — у нея, въ этомъ шкапчикѣ,—и бумаги какія по деревнѣ, и закладныя, и все, все.

— Билеты-то именные бываютъ, — еще глуше вымолвилъ Епифанъ и отвелъ глаза въ сторону.

— Такъ что жъ, что именные?

Она не совсѣмъ ясно разумѣла про то, что̀ онъ ей говоритъ.

— Вотъ у тебя просто билеты, — объяснялъ Епифанъ чуть слышно, и голосъ его вздрагивалъ. — Потеряй ты ихъ сейчасъ или украдь у тебя кто-нибудь, и ежели номера не записаны, и ты, въ ту жъ минуту, не дашь знать по начальству — и пиши пропало! Это все едино, что товаръ или бумажка радужная: вошелъ, значитъ, къ первому мѣнялѣ, по Банковской линіи или на Невскомъ,— и продалъ.

— Быть не можетъ!—вырвалось у нея.

Устинья даже и не подумала никогда о такой близкой опасности—лишиться навсегда своихъ сбереженій.

— Я же тебѣ и говорилъ, — добавилъ Епифанъ, — въ банкъ надо снести на храненіе.

Она промолчала, колеблясь между страхомъ и сомнѣніемъ, а онъ все тѣмъ же, чуть слышнымъ еще голосомъ объяснялъ ей, что есть именные билеты, гдѣ стоитъ, кто сдѣлалъ вкладъ въ банкъ и на сколько годовъ, и на какіе проценты. У старой барышни всѣ капиталы могли быть въ такихъ именныхъ билетахъ.

Но когда Епифанъ сообщилъ ей, что на такіе вклады въ конторахъ даютъ больше процентовъ, чѣмъ за простые билеты, Устинья опять стала доказывать свое:

— Не знаешь ты нашей сестры! Больше даютъ, слѣдственно и риску больше потерять. Контора лопнетъ. Я, вонъ, малость получаю со своихъ, зато выигрышъ! Безпремѣнно и у барышни не одинъ десятокъ есть такихъ же. Она Петеньку своего обогатить желаетъ.

Съ этимъ доводомъ Епифанъ согласился.

И вдругъ разговоръ у нихъ точно обрѣзало. Они замолчали и поглядѣли другъ на друга.

„Вонъ ты какой дошлый у меня!“—подумала Устинья, и жуткое чувство долго еще не проходило у нея.

VIII.

Старая барышня посиживала себѣ и полеживала въ своей спальнѣ. По другимъ комнатамъ она совсѣмъ и не ходила; слухъ у нея былъ „анаѳемскій“ — все слышала, днемъ ли, ночью ли.

Епифанъ долженъ былъ спать въ передней. Онъ такъ и дѣлалъ, съ вечера; но послѣ полуночи перебирался въ другую половину квартиры.

Не укрылось это отъ „колченогой“. Устинья подавала ей бульонъ съ яйцомъ—любимое ея кушанье; она по-своему перевела губами и сказала ей съ удареніемъ:

— Шаги я мужскіе слышу поздно ночью черезъ коридоръ. Пожалуйста, чтобы этого впередъ не было!

Устинья промолчала, только ее въ краску ударило.

Вечеромъ, за чаемъ, она пожаловалась на барышню, передала Епифану ея запретъ.

— По-другому дѣлать будемъ,—сказалъ онъ спокойно; но въ глазахъ у него блеснуло.

Они стали разговаривать еще тише, такъ что ихъ черезъ перегородку, и то врядъ ли бы кто услыхалъ.

— Да,—говорилъ Епифанъ, и каждое его слово точно отдавалось у нея въ груди,—вотъ такая старушенція—всю ее скрючило, ни на какое она дѣло не годна, только себѣ и людямъ въ тягость—и всѣ передъ ней прыгаютъ изъ-за ея капитала.

— И не подохнетъ въ скорости!—уже съ положительной злостью отозвалась Устинья.—Этакія-то живучи̇!

— А деньжища-то куда пойдутъ? Мальчику... Кто еще знаетъ, что изъ него прокъ выйдетъ? Хоша бы и не злой человѣкъ оказался, не распутный, а все же барчонокъ, балованный, станетъ себѣ купончики отрѣзывать да въ утробу свою, въ сладкое житье всаживать.

— Извѣстное дѣло,—подтвердила Устинья, и такъ нестерпимо ей сдѣлалось досадно на эту старую „дѣвку“, которая отъ безсонницъ вздумала наблюдать за тѣмъ: всю ли Епифанъ ночь спитъ въ передней... Всякую гадость она способна ей сдѣлать. Только съ господами, до поры до времени, не хотѣла она ссориться, а то бы она ей отравила житье до переѣзда на дачу одной ѣдой.

— А какъ вы, Устинья Наумовна,—полушутливо началъ Епифанъ,—полагаете: большой грѣхъ былъ бы вотъ такую колченогую достоянія ея рѣшить, хоша бы и совершенно противъ ея желанія?..

Устинья громко разсмѣялась: вопросъ свой Епифанъ задалъ съ тихой, язвительной усмѣшкой, и глаза его досказывали то, что она и сама способна была устроить этой Евгеніи Сильвестровнѣ.

— Рѣшишь!—выговорила она и весело тряхнула головой.—Послѣ дождичка въ четвергъ!

— Все дѣло рукъ человѣческихъ, — проронилъ онъ и началъ дуть на блюдечко; кусочекъ сахара звонко щелкнулъ у него на крѣпкихъ и бѣлыхъ зубахъ.

Такому обороту разговора Устинья, въ этотъ вечеръ, вполнѣ сочувствовала. Да и что̀ за грѣхъ поболтать о томъ, какъ бы слѣдовало дѣвулю обчистить „что̀ твою луковку“ и раздѣлить ея деньжища тѣмъ, кто настоящую цѣну имъ знаетъ?

— Вѣдь ты подумай, Епифаша, — мечтала вслухъ Устинья,—на худой конецъ, у нея такихъ билетовъ, какъ у меня, двадцать штукъ найдется... А то и больше.

— Двадцать штукъ — не больно еще какая уйма де-

негъ,—остановилъ ее Епифанъ, слегка поморщилъ переносицу и въ умѣ сосчиталъ, сколько это будетъ.—Хоша бы и всѣ перваго выпуска—такъ это пять съ чѣмъ-то тысячъ...

— То-то и есть!—разгоралась Устинья.—Кладемъ-инъ, двадцать штукъ... Подержи ихъ въ однѣхъ рукахъ десять лѣтъ, а то и больше—безпремѣнно выигрыши будутъ... Сколько облагодѣтельствовать можно стоющаго народу!

— Въ умѣлы-ихъ рукахъ,—тягуче выговаривалъ Епифанъ,—какихъ-какихъ аферъ, какихъ оборотовъ!..

Слово „афёра" и онъ сталъ употреблять. Но въ пустыя мечтанія у него не было охоты вдаваться. Въ ту же ночь, когда и „дѣвуля" заснула, онъ босикомъ пробрался по коридорчику, мимо двери ея спальни, побесѣдовать съ Устиньей.

Ему не спалось, и онъ сталъ шопотомъ настраивать Устинью уже въ другомъ духѣ.

И съ нея сонъ быстро слетѣлъ, когда она заслышала въ его шопотѣ звуки, совсѣмъ уже не похожіе на тѣ, какими они, полушутя, полусерьезно, перебирали вопросъ о „кубышкѣ" старой барышни.

Онъ точно гвоздемъ вбивалъ ей въ голову свои соображенія и не просилъ, а всякіе давалъ ей „резоны". Ни одного слова не обронилъ онъ зря, на вѣтеръ. Сотни разъ перебралъ онъ въ умной „башкѣ" и перекидывалъ такъ и этакъ подробности своего плана.

И планъ всталъ передъ Устиньей во всей своей исполнимости. До переѣзда барышни съ мальчикомъ на дачу оставалось уже всего дней десять-двѣнадцать. Въ этотъ промежутокъ и надо было все „произвести".

У нея ни разу, слушая его, не соскочилъ съ губъ возгласъ: „Епифанъ! Да ты и вправду?"—Она прекрасно понимала, что все это „вправду".

Чего же имъ ждать лучшей оказіи? Сразу судьба ихъ вознесется до самаго верхняго края. Какія у нихъ деньжонки, если бы они стали и вмѣстѣ проживать, здѣсь ли, въ Москвѣ, или въ губерніи? „Паршивенькая" тысчонка рублей!.. И все-таки онъ, Епифанъ, не уйдетъ отъ своего крестьянства. И жена, и все прочее. На казну они, что ли, посягаютъ, или вотъ какъ кассиры всякіе, заправители банковъ, общественное достояніе расхищать будутъ? Колченогая старая дѣвка собирается обогатить барчатъ

а они и отъ родителей будутъ достаточно надѣлены. Можно ли приравнять этихъ барчатъ къ нимъ обоимъ, трудовымъ людямъ? Даже и разговаривать-то объ этомъ стыдно! А потомъ не слѣдъ и жаловаться, коли такую оказію пропустить изъ-за одного своего малодушія.

Все рѣже переводила духъ Устинья. Въ головѣ ея поднимался одинъ вопросъ за другимъ: какъ же „произвести"? А шопотъ Епифана продолжался, ровный, безъ учащенія, показывающій, какъ онъ владѣлъ собой, какъ онъ приготовленъ—хоть сію минуту приступай къ дѣлу.

Барышнѣ надо выказать покорность, поласковѣе съ ней заговаривать, а къ тому дню, какой онъ назначитъ, она должна, въ чемъ тамъ удобнѣе найдетъ, въ жидкой ли, въ твердой ли пищѣ, подсудобить и колченогой, и барчуку снотворнаго снадобья. Оно у него готово. А за остальное онъ берется. Шкапчикъ въ стѣнѣ, положимъ, желѣзный; но дверка не можетъ быть черезъ мѣру толста: онъ, извѣстно, справится одинъ, безъ товарища. Въ такихъ дѣлахъ всякій лишній участникъ—пагуба. Хотя бы пришлось проработать и всю ночь, до разсвѣта—все-таки онъ вскроетъ шкапчикъ.

— Совершенно простая штука!—слышитъ Устинья заключительныя слова Епифана.

„А потомъ-то куда?"—съ замираніемъ сердца спрашиваетъ она мысленно.

И на это есть у него резоны.

Съ большимъ-то капиталомъ, въ случаѣ нужды, черезъ границу перемахнуть моремъ. Ему сказывали добрые люди—въ Турцію ничего не стоитъ перевалить. Тамъ есть русскіе люди. И въ Австріи тоже—къ „столовѣрамъ"; за „липованъ" себя выдать, обсидѣться, гдѣ Богъ пошлетъ, годокъ-другой. Промыселъ начать полегоньку: бахчи, сады фруктовые, рыба, извозъ, судоходство. Нешто одни господа умѣютъ бѣгать съ чужой мошной? И лапотники уходятъ, да не то что съ воли, а съ каторги, до пяти разъ.

Устинья ничего не выговорила во всю ночь.

IX.

Плита издаетъ тяжелый, все возрастающій жаръ. Голова Устиньи такъ и трещитъ. Она даже опустилась на лавку, взяла голову въ обѣ руки и держала ее, нагнувшись, нѣсколько минутъ.

Бьетъ ей въ виски, колотитъ въ темя, тошнота подступаетъ подъ ложечку.

Второй день у нея въ сундукѣ запрятана склянка со снадобьемъ. Епифанъ молча отдалъ, и только вечеромъ того же дня сказалъ:

— Не зѣвай! Когда скажу—дѣйствуй!..

Какъ же дѣйствовать? Въ чай влить—рискованно. Барышня привередлива и чуткá до послѣдней возможности: чуть, не то что въ чаѣ, а и въ кофе, вкусъ не тотъ—она сейчасъ замѣтитъ и требуетъ все выплеснуть и зáново заварить. Мальчикъ еще глотнулъ бы въ чемъ повкуснѣе, въ сливкахъ или въ вареньѣ; такъ вѣдь главное-то дѣло не въ немъ, а въ „колченогой!“ И опять же нельзя ихъ опоить или окормить съ утра. Съ ними дурнота можетъ сдѣлаться, они тревогу подымутъ, мальчикъ къ швейцару побѣжитъ—и все будетъ изгажено. Вечеромъ пьютъ только чай. Не иначе, какъ въ обѣдѣ. И вотъ она съ утра до ночи ломаетъ себѣ голову: въ какое кушанье всего способнѣе подпустить и въ какой пропорціи. Епифанъ передъ тѣмъ, какъ отдавать ей склянку, говорилъ:

— Всего не вливай, а такъ, съ полсклянки...

А кто доподлинно смѣрилъ? Вдругъ какъ это ядъ, и оба они больше ужъ не проснутся? Она не рѣшалась предложить такой вопросъ Епифану. Съ той ночи, когда онъ ей открылся, она потеряла всякую волю надъ собой, ничего не смѣетъ ему сказать, даже самое простое.

Ядъ—не ядъ (онъ бы сказалъ, не сталъ бы брать безъ нужды такого грѣха на душу), а все-таки надо знать, въ какой пропорціи подлить, чтобы не портило вкусу. Снадобье—темное, запахъ какъ отъ капель, много ни къ какому кушанью не подмѣшаешь, чтобы сейчасъ же барышня не насторожилась. Тогда—бѣда! Она этого такъ не оставитъ. Попробовать на языкъ Устинья боится: кто его знаетъ?.. Вдругъ какъ это ядъ?

Перебирала она въ памяти всякіе соусы, густые, съ крѣпкимъ бульономъ. Барышня ихъ не любитъ, не станетъ кушать. Густыхъ похлёбокъ, борщу, жирныхъ щей она даже „на духъ“ не подпускаетъ. Чтò же остается?..

Вотъ и въ эту минуту Устиньѣ такъ тяжко на лавкѣ, голова кружится, тошнота все прибываетъ, а въ мозгу одинъ за другимъ проходятъ соуса, подливки, горячія пирожныя, и передъ каждымъ изъ нихъ она мысленно остановится.

„Нашла!“ — вдругъ выговорила она про себя; и ей стало легче, особенная свѣжая испарина проползла вдоль спины, она подняла голову и встала, прошлась по кухнѣ, потомъ подперлась руками въ бока̀ и долго смотрѣла на дворъ, въ открытое окно.

„Нашла!“—повторила она.

Давно она не готовила пирожнаго, которое часто подавали у нѣмки-барыни на Острову. Оно—шведское; та ему не то въ Выборгѣ, не то въ Гельсингфорсѣ научилась. Дѣлаютъ его изъ варенья, крыжовника, со сливками. Варенья можно и теперь достать, но оно свѣтло-зеленаго цвѣта—не годится, да и барышня скажетъ навѣрно, что слишкомъ сладко, и для желудка тяжело; а сливокъ она, пожалуй, тоже ѣсть не согласится. Пришло Устиньѣ на умъ замѣнить крыжовникъ французскимъ чѐрносливомъ, сдѣлать изъ него родъ каши, на густомъ сиропѣ, со специями, а кругомъ, какъ и слѣдуетъ, по шведскому рецепту, полить слегка взбитыхъ сливокъ; къ пюре изъ чернослива припустить немножко, для духу, „помаранцевыхъ“ корочекъ. Это добавленіе она выдумала отъ себя.

Черносливъ барышня очень одобряла въ разныхъ видахъ. Ей хоть каждый день подавай изъ него компотъ, даже безъ всякаго гарнира. Онъ ей служитъ вмѣсто лѣкарства. Устинья и предложитъ на завтра шведское пирожное, только съ пюре изъ чернослива; а о сливкахъ можно и совсѣмъ умолчать. Когда станетъ подавать— если барышня поморщится, она ей скажетъ:

— Для васъ, матушка, только то, что̀ въ середкѣ, а баринъ и сливочки подберутъ.

Такъ выходило прекрасно. Черносливъ, да еще въ густомъ пюре съ корицей, съ подожженымъ сахаромъ—и еще чего-нибудь слѣдуетъ прибавить для крѣпости, хотя бы ванили кусочка два-три—поможетъ скрыть вкусъ снадобья. Пожалуй, на языкѣ и явится что-нибудь особенное, но уже послѣ того, какъ нѣсколько ложекъ будетъ проглочено; да врядъ ли колченогая разберетъ, при запахѣ ванили и отвкусѣ корицы и другихъ специй, что есть тутъ что-нибудь „лѣкарственное“.

Голова уже не трещала. Устинья принялась смѣлѣе заправлять соусъ.

Въ кухню вбѣжалъ гимназистъ. Онъ только что вернулся изъ классовъ, въ парусинной блузѣ, и даже ранца еще не снялъ.

— Устюша! — окликнулъ Петя, и сзади дотронулся до ея локтя.

— Чтой-то какъ напугали!..

Устинья вздрогнула. Это неожиданное появленіе мальчика въ кухнѣ, какъ разъ, когда она обдумывала шведское пирожное, взволновало ее.

— Чтó вамъ, милый баринъ?

Петя былъ красивенькій брюнетикъ, съ глазами немного навыкатѣ, пухленькій и очень ловкій въ движеніяхъ. Устиньѣ онъ нравился гораздо больше барышень, и она его любила покормить внѣ часовъ обѣда; завтракомъ онъ, кромѣ воскресенья и праздниковъ, не пользовался.

— Скоро готово?—спросилъ Петя звонкимъ дѣтскимъ альтомъ и ласково вскинулъ на нее своими выпуклыми близорукими глазами.

— Минутъ еще двадцать погодить надо, а то и всѣ полчаса. Да и тетенька раньше не сядутъ. Опять же накрыть надо.

— Я самъ накрою.

— Куда ужъ вамъ... Кушать нешто хочется?—съ внезапнымъ волненіемъ спросила она его.

— Ужасно хочется!

Петя даже облизнулся.

— Чего же бы вамъ?..

— Пирожки нынче есть,—увѣренно сказалъ мальчикъ.

— Вы какъ пронюхали? Ловко!

— Пахнетъ пирожками.

Онъ подошелъ къ духовому шкапу и хотѣлъ уже взяться за ручку.

— Горячо!—крикнула Устинья и бросилась вслѣдъ за нимъ.—Дайте срокъ... Я сама выну.

Пирожки съ фаршемъ изъ „левера“ подрумянились. Устинья наполовину выдвинула листъ и сняла осторожно два пирожка на деревянный кружокъ.

— Смотрите, не обожгитесь!..

Но Петя уже запихалъ полпирожка въ ротъ, сталъ подрыгивать и подувать на горячій кусокъ, переваливая его изъ-за одной щеки въ другую.

— Говорила—обожгетесь.

— Ничего!

Онъ уже проглотилъ и принялся за вторую пол

— Ну, теперь не мѣшайте, баринъ, а то опозда

Но онъ еще медлилъ въ кухнѣ.

— Устюша!

— Что угодно?

— Пирожное какое?

— Когда?—невольно вырвалось у нея, и она даже вся захолодѣла.

— Сегодня.

— Царскія кудри для васъ, а барышнѣ особенно—рисъ съ яблокомъ.

— А завтра?

— Завтра... ужъ не знаю.

Слово „черносливъ" не шло у нея съ языка.

— Пожалуйста, послаще... съ вареньемъ бы, или сливокъ битыхъ давно не давали!

„Господи! Сливокъ битыхъ!"—повторила она про себя; даже лобъ у нея сталъ чесаться отъ прилива крови, и она держала низко голову надъ столомъ.

Петя ушелъ и изъ коридора крикнулъ:

— Спасибо, Устюша!

Это „спасибо" отдалось у нея внутри, точно подъ ложечку капнуло холодной водой. Онъ ее же благодаритъ!.. Не за битыя ли сливки завтрашнія и за черносливъ?..

Нѣжныя, пухленькія щеки Пети, его ласковые выпуклые глаза мелькали передъ ней... Этакой птенецъ!.. Много ли ему надо, чтобы уснуть... и совсѣмъ не пробудиться?

X.

За полночь. Все спитъ въ квартирѣ. Устинья одна въ комнатѣ горничныхъ. Епифана нѣтъ. Онъ въ передней, и до нея доходитъ чуть слышно его храпъ.

Онъ, видно, можетъ спать ровно малый младенецъ, когда у него „такое" на душѣ? Что же онъ послѣ того за человѣкъ? Неужели и впрямь — душегубецъ или грабитель безстыжій, закоренѣлый? И вся-то его кротость и мягкость — только личина одна, въ родѣ какъ святочная „харя", которой обличье прикрываютъ?..

Мечется Устинья; душитъ ее несносно, и голова работаетъ безъ устали.

Теперь уже поздно назадъ пятиться. Сегодня Епифанъ ей „приказъ" отдалъ. Такъ и сказалъ:

„Я тебѣ, Устинья, вотъ какой приказъ отдаю".

Завтрашній день выбралъ онъ окончательно, безъ вся-

кихъ отговорокъ. Послѣзавтра на цѣлыхъ два дня пріѣзжаетъ съ дачи баринъ; можетъ, пробудетъ и цѣлыхъ три. Хорошо еще, коли завтра къ вечеру не нагрянетъ. Епифанъ два дня пропадалъ по уговору съ ней — подготовлялъ въ городѣ все, что̀ нужно. Она у него не разспрашивала, что̀ именно подготовилъ онъ; а самъ онъ не любитъ лишнее говорить. Вѣдь она уже въ его рукахъ, сообщница. Стало, должна повиноваться; куда скажетъ идти или ѣхать—туда и поѣдетъ; что̀ прикажетъ дѣлать, то и сдѣлаетъ.

Съ вечера она увязала узелъ съ его и своимъ добромъ. Сундука брать нельзя, даже ежели и ночью выбираться. И съ узломъ-то надо умѣючи обойтись, улучить минуту, когда у воротъ дворниковъ не будетъ. Билеты свои она зашила въ кусокъ коленкора и повѣсила себѣ на шею, на крѣпкой тесемкѣ. Къ завтрашнему обѣду вся провизія готова и для шведскаго пирожнаго: черносливъ, померанцовая корка, ваниль, корица. Сливки охтенка приноситъ утромъ. И весь день надо двигаться около плиты, балагурить съ барчонкомъ, когда онъ въ кухню забѣжитъ, „улещать" старую барышню. Та на пирожное согласилась.

Подольетъ она, попробуетъ сама—Епифанъ ее увѣрилъ, что это не ядъ, и даже капли двѣ при ней отпилъ; убѣдится, что вкуса „особеннаго" отличить нельзя. Все это пускай такъ и произойдетъ. О грабежѣ Устинья не думаетъ. Ей не жаль добра „колченогой". Да и можно ли ей, бывшей мужичкѣ, подневольному трудовому человѣку, разбирать такія деликатности?.. Что̀ плохо лежитъ изъ барскаго добра, да еще такая уйма денегъ, то и слѣдуетъ брать. Какъ она себя ни стыдила всю эту недѣлю— не содрогается она отъ мысли о кражѣ. Не то ее колышетъ и давитъ въ эту ночь!.. Хорошо, и старая дѣвуля, и мальчикъ будутъ безпросыпно лежать, какъ покойники... А вдругъ, въ то время, какъ Епифанъ примется ломомъ вышибать желѣзную дверку, барышня проснется? Что̀ тогда?

„Извѣстно что̀", — прошептала почти вслухъ Устинья. Она знала, что ломъ Епифанъ уже приготовилъ, и ломъ— въ кухнѣ, въ углу, между шкапикомъ изъ некрашенаго дерева и большимъ шкапомъ, гдѣ у нея хранится сухая провизія. Она вышла въ кухню.

Тамъ еще стояла бѣлесоватая мгла петербургской полуночи. Все можно было разглядѣть. Ломъ стоялъ въ томъ же углу. Но ее гвоздилъ другой, болѣе страшный вопросъ:

„На случай того, что барышня не во̀-время проснется— неужто Епифанъ покончитъ съ нею все тѣмъ же ломомъ?.. Нѣтъ, по-другому!“

Она стала оглядываться, соображать, быстро подошла къ кухонному шкапчику, покрытому толстой доской для раскатыванья тѣста. Отворила она дверку, пошарила тамъ и вынула что-то черное, футляръ. Это были кухонные ножи, счетомъ четыре, весь наборъ, какой продается въ ножовыхъ лавкахъ. Устинья держала ихъ въ чистотѣ, и изъ-за нихъ не мало отъ нея доставалось судомойкамъ.

Одного ножа, самаго большого, недостаетъ. Она вѣрно угадала. Ее проняла сначала чуть замѣтная дрожь. Футляръ съ тремя ножами такъ и остался у нея въ лѣвой рукѣ. Нѣсколько секундъ она стояла посрединѣ кухни— потъ покрывалъ ея лобъ и шею. И такимъ же ускореннымъ шагомъ пошла она за перегородку, гдѣ ся пустая желѣзная кровать и кованый сундукъ подъ нею. Тамъ она пошарила въ углу, на лавкѣ, гдѣ знала, что Епифанъ клалъ свои вещи. Не разставаясь съ ножнымъ футляромъ, она нащупала въ какихъ-то тряпицахъ взятый имъ большой ножъ, вынула его, чуть не порѣзала себѣ большого пальца, вставила въ ножны и унесла весь наборъ съ собою.

Все ей теперь представилось отчетливо — какъ будетъ дѣло, если, паче чаянія, произойдетъ тревога. Другого хода нѣтъ Епифану, какъ всадить барышнѣ ножъ въ горло... Такъ всегда бываетъ—хотятъ грабить не за тѣмъ, чтобы рѣзать; а рѣзнутъ по надобности, чтобы не быть пойманнымъ. На крикъ старухи подымется мальчикъ. Петенька — смѣлый. Онъ выскочитъ непремѣнно, если только снадобье не свалитъ его вполнѣ. И тогда что̀?.. А то же... И съ нимъ надо будетъ покончить.

Не каторга, не ссылка, не судъ и расправа испугали Устинью. Истязать не будутъ ее, пытать въ застѣнкѣ, гонять „скрозь строй“, какъ прежде, или вѣшать. Ссылку, работу можно вынести, особливо, если сошлютъ въ одной партіи съ любимымъ человѣкомъ.

Вспомнились ей деревня, ея дѣвичество, церковь, служба... Ихъ Горки недалеко отъ большого села Богородскаго, гдѣ все кожевники и сапожники, тоже шереметьевскіе, какъ и Грабилово, откуда Епифанъ, и того же самаго барина. Тамъ водились раскольники, и простые старообрядцы, и духоборцы. Одно время хаживала къ нимъ

одна солдатка, начетчица, и ее подбивала учиться грамотѣ, по старымъ книгамъ. Но Устинья осталась равнодушной къ ея рѣчамъ. И тогда, и теперь все то же она знаетъ изъ молитвъ: неполныхъ четыре члена „вѣрую“, „достойну“ всю; произноситъ однимъ духомъ: „Богородица-*дѣворадуйся*“ въ полной увѣренности, что это одно слово. Ни единаго раза не поучалъ ее ни батя-попъ, ни кто изъ семьи, ни старичокъ какой, изъ православныхъ. Постовъ она держится, въ примѣты, лѣшаго, домового, „шишѝгу“ до сихъ поръ вѣритъ.

Слабый лучъ духовнаго страха мелькнулъ передъ нею. Но ей не за что было схватиться. Губы ея тряслись, какъ въ лихорадкѣ, но не шептали никакихъ молитвенныхъ словъ. Ее держалъ припадокъ тревоги и смутнаго ужаса.

Опять начало ее душить. Она прошла кухней, на цыпочкахъ, и длиннымъ коридоромъ, остановилась у дверей въ спальню барышни, приложилась ухомъ и слушала... Тихо. Она не можетъ различить дыханія. Но ей не жаль „колченогой“. Кухонный ножъ опять представился ей. Ей больше уже не страшно, никакого нѣтъ въ ней чувства къ этой старой дѣвкѣ, у которой въ шкапчикѣ набиты десятки тысячъ билетами. Пускай и завтра такъ же спитъ, ѐ-ту же пору; а проснется—„туда ей и дорога“.

Устинья отошла отъ двери со скошенной усмѣшкой своего широкаго рта и стала пробираться назадъ. Но чуть замѣтная полоса свѣта упала изъ полуотворенной двери. Ее точно потянуло туда. Въ комнаткѣ Пети окно стояло отворенными. Свѣтъ начинавшейся зари падалъ ему вкось на лицо. Голова откинулась на подушку. Глаза на нее смотрѣли, но онъ спалъ крѣпко, съ полуоткрытымъ ртомъ. Больше трехъ секундъ Устинья не выдержала, шарахнулась и почти бѣгомъ вернулась къ себѣ... Голова мальчика съ перерѣзаннымъ горломъ... и глаза его, выпуклые, большіе, глядятъ не нее... Она бросилась въ постель и закрылась одѣяломъ. Видѣніе не проходило...

Всю ночь не спала Устинья. Еще до пробужденія Епифана, она уже спустилась на дворъ, по черной лѣстницѣ, дождалась восьми часовъ—и пошла въ участокъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ИЗЪ НОВЫХЪ.

(РОМАНЪ.)

Часть первая.

I.

Передъ желтой колоннадой Англійскаго дворца, по лужайкѣ, со стороны желѣзной дороги, разбрелись парусинныя блузы и фуражки мальчиковъ-пѣвчихъ. Нѣкоторые сошли къ рѣчкѣ и удили. Вдали, на перекресткѣ, лучъ свѣта отражался мигающей точкой на чемъ-то металлическомъ у конвойнаго казака, верхомъ, въ бараньей шапкѣ на затылокъ, съ ружьемъ въ козьемъ, мохнатомъ чехлѣ. Свѣтло-гнѣдая его лошадь вышла головой и всею грудью изъ-подъ свода аллеи: можно было разглядѣть, какъ она мотаетъ головой и вся переминается отъ мухъ и оводовъ.

Утро стояло теплое, но не сухое, съ чуть замѣтнымъ паромъ въ воздухѣ. Разбросанное вдоль дороги къ Березовому домику сѣно слало пахучую струю до самаго моста. Кумачныя рубахи и бѣлыя фуражки кавалерійскихъ солдатъ—они разметывали сѣно—выступали на фонѣ дерна и деревьевъ свѣтлыми пятнами.

Къ мосту, что̀ около Березоваго домика, приближалась замедленной походкой, подъ большимъ чернымъ японскимъ зонтомъ, Зинаида Мартыновна Ногайцева.

Лицо — безъ румянца, нѣсколько изжелта-бѣлое, отъ тепла прозрачное, смотрѣло спокойно и непривѣтливо,

сухимъ взглядомъ своихъ черныхъ, болѣе длинныхъ, чѣмъ крупныхъ глазъ. Носъ съ тонкими ноздрями прекраснаго рисунка; немного сдвинутыя, не очень густыя брови; полусжатый ротъ; заостренный подбородокъ; губы — цвѣта жидкой крови; на высокомъ и узковатомъ лбу — городки волосъ, темнорусыхъ и лоснящихся; всѣ ея черты установились и застыли, какъ будто она хотѣла ихъ передать пластинкѣ фотографа. Радостное утро не играло на ея лицѣ, да и свѣтъ не попадалъ подъ широкій японскій зонтъ и борта высокой, очень модной соломенной шляпы, съ пучкомъ искусственныхъ полевыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ весь передъ тульи; макъ и маргаритки перемѣшивались въ этомъ букетѣ.

Зинаида Мартыновна шла нескоро, но не разслабленной походкой; она ступала широко и не такъ, какъ у насъ ходятъ свѣтскія дамы и взрослыя дѣвушки. Въ лѣвой рукѣ она держала книжку въ яркой желтой оберткѣ. Ея фигура подалась впередъ, опять на особый ладъ. Туалетъ, даже и тутъ, въ Петергофѣ, въ іюлѣ, говорилъ объ особенномъ уходѣ за собой, о суровомъ соблюденіи моды, не той, что переѣхала изъ Парижа съ хозяйками лучшихъ мастерскихъ къ Свѣтлому Празднику, т. е. опоздала уже на цѣлый сезонъ, а о той модѣ, которая установилась и тамъ, въ Булонскомъ лѣсу, только въ день „Grand Prix“—въ первыхъ числахъ іюня, не больше мѣсяца назадъ.

Станъ ея скрасилъ бы, впрочемъ, всякую моду, даже и запоздалую. Въ такой шляпѣ Зинаида Мартыновна была выше женщины хорошаго роста. Довольно длинная шея ушла въ высокій, мужского покроя, воротникъ кофточки съ разрѣзомъ для бѣлаго, уже совершенно мужского жилета. Свѣтлый галстукъ, съ булавкой англійскаго образца, переходилъ въ полотняный стволъ воротничка; батистовый платокъ торчалъ цвѣтными коймами изъ бокового кармана; складки кретоноваго цвѣтного платья падали спереди и подъ турнюрой одна въ одну и лежали недвижно; изъ-подъ короткаго подола выступали длинноватыя, но подъемистыя ноги въ лаковыхъ башмакахъ и дымчатыхъ чулкахъ.

Она была и не суха тѣломъ, и не роскошна. Талію стягивалъ корсетъ очень низко; ниже, чѣмъ вообще у русскихъ женщинъ, обозначалась, слегка волнуясь, и линія груди.

Все остальное на Зинаидѣ Мартыновнѣ: лайковыя перчатки съ широкимъ шитьемъ, грубоватыя на видъ, но тогда обязательныя по своей новизнѣ; духи—запахъ ихъ поднимался изъ складокъ платка; серьги, браслеты на правой рукѣ—ихъ было нѣсколько; кружева, оборки бѣлой юбки, вещи, хранившіяся въ карманахъ: часы, портмонэ и маленькій carnet,—отзывались не простой, случайной, непродуманной, невыношенной нарядностью, а чѣмъ-то уже сложившимся въ особаго рода ученіе. Такъ въ это утро во всемъ Петергофѣ и дальше, въ Ораніенбаумѣ, навѣрное никто не одѣтъ, кромѣ ея кузины, съ этимъ именно отпечаткомъ, съ подобною вѣрностью указаніямъ того, что англичанки, говоря съ русскими барышнями на водахъ, называютъ: „good style“.

Трудно было опредѣлить: замужняя она или дѣвушка. По туалету — ни въ какомъ случаѣ, развѣ по походкѣ и ясности суховатаго взгляда, по тому, какъ она несла свою грудь и довольно широкія плечи —иной, бывалый человѣкъ, призналъ бы въ Зинаидѣ Мартыновнѣ дѣвушку.

Ей пошелъ двадцать четвертый годъ; она зимой смотрѣла не старше, но никакъ и не моложе своихъ лѣтъ, и хорошо это знала. Лѣтній воздухъ, а еще болѣе свѣтлый туалетъ скорѣе моложавили ее.

Перешла она мостъ съ перилами изъ березовыхъ бревенъ и повернула налѣво, по дорожкѣ къ мыску, гдѣ, подъ развѣсистымъ деревомъ, удѣлана круглая скамья, обхватывающая стволъ, дошла—и сейчасъ же сѣла. Она не любила ходить безъ цѣли. Мечтательности Зинаида Мартыновна не знала. Но въ эту минуту, подъ ея малоподвижной, величавой маской, съ сухимъ взглядомъ черныхъ глазъ, шла внутренняя работа. Сердце у нея не билось, кровь не приливала къ прозрачнымъ желтоватымъ щекамъ. Только къ правому виску приступала легкая боль, точно начало мигрени: такъ всегда случалось, когда ее что-нибудь тревожило, когда она принуждена думать о непріятныхъ вещахъ или придти къ рѣшенію не по своей охотѣ, не для своего удовольствія.

Взглядъ, вправо и влѣво, послала она, не мѣняя положенія. Сидѣла она прямо, съ живописнымъ наклономъ головы, безъ умышленной рисовки. Вообще, все, что только „жантильно“, безпощадно гнала отъ себя Зинаида Мартыновна. Движенія и позы она уже давно установила и

приспособила къ своему росту и къ тому тону, какой она себѣ выработала.

Посмотрѣла она на книжку, взяла ее со скамьи, заглянула въ нѣсколько страницъ, поправила на лбу одинъ изъ городковъ, взглянула и на часы, спрятанные не въ жилетѣ, а въ кофточкѣ.

Они показывали сорокъ пять минутъ десятаго. Со стороны Березоваго домика никого она не видѣла, кромѣ сторожа, укрывшагося въ будкѣ, до прихода дежурнаго лакея. По ту сторону рѣки шли двѣ дамы, и дѣвочка прыгала черезъ веревочку. Красныя и бѣлыя пятна на сѣнокосѣ то собирались въ группы, то расходились...

Но вотъ она выпрямилась еще замѣтнѣе и кивнула своей высокой шляпкой. Маки и маргаритки встрепенулись.

Къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, спѣшилъ мужчина, весь въ чесунчѣ, со шляпой въ рукахъ, отдуваясь немного; можно было видѣть, какъ онъ запыхался и машетъ платкомъ въ другой рукѣ.

— Простите моему окаянству, Зинаида Мартыновна!— крикнулъ онъ еще съ моста.

Ей не очень понравилось то, что онъ называлъ ее во весь голосъ на такомъ разстояніи. Она не любила своего имени и отчества, не жаловала и того, чтобы ее громко звали по-русски; плохо мирилась и съ именемъ „Zizi“: такъ звали ее только дома.

Мужчина въ чесунчѣ подбѣжалъ и сейчасъ же крѣпко пожалъ ея перчатку своею широкою кистью съ золотистыми волосками на суставахъ.

— Простите, — коллега тутъ, полковой врачъ, встрѣлся... — заговорилъ онъ высокимъ теноровымъ голосомъ, простымъ, почти простонароднымъ звукомъ. — Затащилъ на минутку въ аптеку, — тамъ, на шоссе, противъ кадетскаго лагеря...

Зинаида Мартыновна повела по немъ глазами, какъ бы пожелала остановить его... И сидя, она была развѣ на одинъ или на два вершка ниже его. На видъ лѣтъ подъ тридцать, съ крестьянскимъ лицомъ, русыми волосами на головѣ и въ бородѣ, полный, красный, веснущатый, онъ привѣтствовалъ ее своими желтоватыми, карими глазами и улыбкой широкаго свѣжаго рта, откуда бѣлые рѣдкіе зубы выглядывали совсѣмъ по-дѣтски.

— Здравствуйте, докторъ, — сказала Ногайцева безъ всякаго выраженія.

— Можно присѣсть, Зинаида Мартыновна?.. Уморился!

— Садитесь.

Она была скупа на слова, не потому, что хотѣла быть съ нимъ нелюбезной: вообще русскій разговоръ стѣснялъ ее, да и по-французски или по-англійски она не умѣла или не хотѣла говорить тирадами; предпочитала смѣлыя замѣчанія и готовые ловкіе отвѣты.

Докторъ Лукашинъ сѣлъ на скамью, поджалъ подъ нее свои короткія ноги, отеръ лобъ платкомъ и надѣлъ шляпу, послѣ чего чуть слышно вздохнулъ: „ну, вотъ, молъ, я теперь совсѣмъ готовъ и ожидаю вашихъ приказаній“.

Взглядъ вбокъ далъ ему знать, что Зинаида Мартыновна не желаетъ, не считаетъ для себя ловкимъ самой начинать разговоръ.

— Это я понимаю,—началъ онъ самымъ простымъ тономъ, точно продолжалъ прерванную пріятельскую бесѣду,—прекрасно я понимаю, Зинаида Мартыновна; вчера вамъ, при всѣхъ этихъ барыняхъ и господахъ, да и при Софьѣ Германовнѣ, не хотѣлось меня... къ себѣ, что ли, уводить... Такъ вѣдь?

Она отвѣтила наклоненіемъ головы.

— Прекрасно, я смекнулъ... да и зачѣмъ же себя нудить?.. особенно со мной. — Глаза его улыбнулись необычайно добро.—Ужъ со мною-то нечего... цирлихъ-манирлихъ... Ну, вотъ-съ и поговоримъ ладкомъ... Кажется, никакихъ барышень съ книжками сюда не направляется... Папиросочку позволите?

— Курите,—сказала она и поглядѣла, не идетъ ли кто въ ихъ сторону.

— А если помѣшаютъ... мы вонъ туда въ домикъ... какъ будто для осмотра екатерининскихъ памятниковъ...

Она понимала, что Лукашинъ прикрываетъ болтовней неловкое чувство: по своей добротѣ—она это признавала и говорила даже, что онъ „stupidement bon“ — докторъ оттягивалъ то, что онъ ей сообщитъ сейчасъ, для чего она его вызвала въ паркъ передъ своимъ обычнымъ утреннимъ визитомъ къ княгинѣ Трубчевской.

— Скажите,—ускорила она сама,—все это правда, что̀ Cocò привезла изъ Москвы?

Голосъ ея звучалъ пріятно, но слова она произносила слишкомъ отчетливо.

— Насчетъ папа́ вашего?

— Да...

— Видите, Зинаида Мартыновна... — Лукашинъ подвинулся къ ней, а папиросу взялъ огнемъ книзу, — я самъ не видалъ... вашего папà... Мартынъ Лукичъ, кажется?

— Да,—почти нéхотя подтвердила она.

— Такъ самъ лично я не могъ его видѣть... Но тотъ врачъ, у кого онъ на рукахъ... мы съ нимъ одного выпуска... изъ академіи; послѣ онъ душевными занялся, и теперь вотъ какъ въ Москвѣ гремитъ!.. Малый чудесный даже Крафтъ-Эбингъ...

Лукашинъ остановился: почувствовалъ на себѣ ея взглядъ.

— Извините, Зинаида Мартыновна... Я только къ слову. Во всей этой учености... не силенъ. Но папà вашъ — въ прекраснѣйшихъ рукахъ. И вотъ Улановъ—это психіатра фамилія—подтвердилъ мнѣ, что теперь состояніе Мартына Лукича весьма тихое... и онъ совершенно здраво разсуждаетъ. Васъ онъ очень бы желалъ видѣть, и даже мнѣніе Уланова таково, что это на него хорошо подѣйствуетъ. То же онъ сказалъ, должно-быть, и Софьѣ Германовнѣ. Вы ей можете въ этомъ повѣрить.

Она не сразу откликнулась. Лукашинъ могъ бы разслышать ея дыханіе, ноздрями, при сжатомъ ртѣ; онъ застучалъ каблукомъ о щебень площадки и ничего не разслышалъ.

— Хорошо,—отвѣтила она такъ, какъ говорятъ, когда не желаютъ дать согласіе.

— Ужъ вы на меня не пеняйте! — продолжалъ Лукашинъ, заглянувъ ей подъ шляпку, съ новой усмѣшкой и рта, и глазъ.—Софья Германовна, по своей добротѣ, часто навѣщала вашего папá... тамъ, въ заведеніи... Улановъ вошелъ въ его душевную жизнь... не такъ, какъ другіе... только плати имъ за содержаніе... Нѣтъ, чудеснѣйшій, рѣдкій парень—вы можете вѣрить...

Опять взглядъ безъ словъ пригласилъ его сократить. Лукашинъ разсмѣялся надъ самимъ собою.

— Простите!.. Не могу кратко. Да я при васъ еще больше путаюсь. Вотъ подите: вѣдь помните, за границей, еще дѣвочкой васъ зналъ... почти что въ короткихъ платьяхъ, бакфишъ были, а теперь внушаете...

— Что же этотъ Улановъ... вы не хотите мнѣ сразу разсказать...

— Это точно!..

Лукашинъ расхохотался.

Quel idiot!"—назвала она его про себя.

– Зинаида Мартыновна,—началъ онъ уже безъ смѣха, почти съ серьезной миной, и голосъ его дрогнулъ,—вы— дѣвушка безъ всякихъ, сколько мнѣ извѣстно, предразсудковъ. И лѣта ваши такія... вы ихъ не скрываете... Стало—я буду попросту. Папа вашъ... заслужилъ передъ вами, все сдѣлалъ, хоть и на послѣдяхъ... имя, законное положеніе... и состояніе такое. А если остались въ прошедшемъ какія зацѣпки... какъ же съ этимъ быть?..

— Я ни въ чемъ не виню отца,—твердо выговорила она.

— И чудесно! Но маменька ваша...

— Какая?—вдругъ спросила она съ поворотомъ головы, и въ ея глазахъ заострились двѣ иголки. — Я не знаю моей матери... Если она и живетъ до сихъ поръ... насколько мнѣ извѣстно, то и отца она...

Зинаида Мартыновна искала слова.

— Покинула, хотите вы, что ли, сказать?.. Такъ вѣдь это когда же случилось? И папенька тоже пожилъ; небось, не одинъ романъ у него былъ? Какъ же все это разобрать теперь... давность прошла!

Онъ тихо разсмѣялся. Ее чрезвычайно непріятно задѣвали всѣ эти рѣчи простодушнаго доктора. Она считала ихъ безтактными, и если бъ ей не хотѣлось узнать все до конца, она бы прекратила первая разговоръ.

— И что же?—спросила она такъ, что Лукашинъ почти оторопѣлъ.

— Да вы не волнуйтесь, Зинаида Мартыновна. Я въ двухъ словахъ...

— Будто?—остановила она его такимъ тономъ, какимъ озадачивала въ салонѣ плохонькихъ молодыхъ людей.

— Это точно!.. Словообиліе у меня варварское! Я васъ держу безъ толку; пора вамъ къ той, къ княгинѣ...

— Да, пора.

— Такъ вотъ-съ...—Онъ набрался духу. — Папа вашъ, когда сталъ приходить въ себя, обратился сердцемъ... къ своей давнишней подругѣ...

„Подруга,—повторила въ головѣ Зинаида Мартыновна,— ma mère, excusez du peu!.."

— Все забылъ, все простилъ и пожелалъ видѣть ее... А она оказалась больная... съ хроническимъ недугомъ... но все-таки была у него... Все это при Улановѣ.

„Какъ трогательно!" — чуть не вслухъ выговорила Зинаида Мартыновна.

— А остальное-то само собою разумѣется. Улановъ мнѣ передалъ это, отчасти и Софьѣ Германовнѣ. Только съ ней ваша... маменька,— выговорилъ онъ вполголоса, — не видалась.

— А видѣлась съ вами,—досказала Ногайцева и встала.

Этого движенія Лукашинъ не ожидалъ. Онъ еще не кончилъ, и у него было въ карманѣ пальто—самое важное. Но онъ не двигался и скороговоркой досказалъ:

— Да-съ... Это точно... И маменька ваша достойна жалости... объ васъ спрашивала... плакала... я не скрою... А вотъ и письмо.

Письмо онъ выхватилъ изъ бокового кармана, протянулъ его Ногайцевой и тогда только всталъ.

Ея лѣвая рука была уже занята — держала книжку, а въ правой былъ зонтикъ. Она немного даже отступила. Лукашинъ стоялъ передъ ней съ письмомъ, красный, улыбающійся, сконфуженный и такой же заразительно простодушный, какъ и въ началѣ этого объясненія.

— Возьмите,—сказалъ онъ тихонько,—вамъ жалко станетъ, барышня...

Это слово: „барышня“—вырвалось у него такой нотой, что и она тотчасъ же мягко улыбнулась.

— Подержите,—сказала она ему и подала книжку.

Лукашинъ взялъ книжку въ правую руку, а лѣвой отдалъ ей письмо.

Однимъ взглядомъ проглотила она адресъ. На конвертѣ большого формата стояло твердой мужской рукой: „Ея Высокоблагородію Зинаидѣ Мартыновнѣ Ногайцевой, въ собственныя руки“.

— Это ея рука?

Вопросъ былъ недовѣрчивый.

— Нѣтъ, это я надписалъ по ея просьбѣ... Ужъ мнѣ каяться заодно: семь бѣдъ!.. Вы прочтите вотъ тутъ, по дорогѣ, въ тишинѣ, знаете, барышня, безъ всякихъ этакихъ щекотливостей... Если жалко станетъ—это главное... какъ Богъ на душу положитъ—такъ и ладно. А засимъ прощенія прошу. Сегодня вѣдь я званъ къ вамъ къ обѣденному столу.

— Будете?

Она спросила это глухо и задумавшись. Рука ея съ письмомъ опустилась. Лицо было наполовину прикрыто зонтикомъ.

— Буду... Только знаете, Зинаида Мартыновна, меня

ваша сестрица зоветъ всегда въ родѣ какъ за границей—помните—отца Веніамина посольскаго, когда онъ, бывало, пріѣдетъ требу справлять. Она вѣдь и меня считаетъ изъ духовныхъ, а этой крови во мнѣ нѣтъ!..

Неопредѣленной усмѣшкой отвѣтила она ему и покачнулась немного станомъ; но не сказала ему: „прощайте“.

— Я, впрочемъ,— не унимался Лукашинъ, — не одинъ буду... Иванъ Альфонсычъ приглашенъ... Вы рады его видѣть, Зинаида Мартыновна: вѣдь онъ вашъ бывшій менторъ?

— Блэзо?..—переспросила она.—Онъ уменъ.

Тутъ она кивнула ему головой и пошла скорѣе, чѣмъ двигалась къ мѣсту ихъ встрѣчи. Лукашинъ частыми шажками догналъ ее и духомъ выговорилъ:

— Повѣрьте, у меня и въ помышленіи не было васъ разстроить, Зинаида Мартыновна.

— Вѣрю, вѣрю.

Она отвѣтила это на ходу и не обернулась къ нему.

Такъ дошли они до поворота. Лукашинъ снялъ шляпу, махнулъ ею въ воздухѣ и побѣжалъ къ желѣзной дорогѣ.

Одна—Ногайцева замедлила шаги и повернула въ аллею влѣво. Ей нужно было походить еще хоть пять минутъ въ тѣни передъ тѣмъ, какъ идти къ княгинѣ, привести въ порядокъ свои мысли, спросить хорошенько о главномъ самоё себя.

Этотъ „идіотъ“ Лукашинъ приготовилъ ей самую нелѣпую неожиданность!.. До двадцати трехъ лѣтъ дожила она, и никогда не задумывалась о своей матери. Сначала ее воспитывали такъ, точно будто она сирота. Очень рѣдко кузина отца, ея названная „maman“, или ея мужъ, или Cocò, упоминали про Москву, вообще про Россію... Она сама давнымъ-давно свыклась съ той мыслью, что жизнь ея всегда пройдетъ за границей. Дѣвочкой, лѣтъ двѣнадцати, увидала она въ первый разъ отца... Maman сказала ей за недѣлю:

— Твой отецъ пріѣдетъ. Ты должна любить его.

Отецъ явился такой... ненарядный, неряшливый, обрюзглый, съ краснымъ носомъ, съ пятнами на щекахъ и лысиной, беззубый, все что-то такое болталъ хриплымъ голосомъ, разсказывалъ анекдоты; за столомъ смѣялись его дурачествамъ, но она и тогда уже поняла, что на него смотрятъ какъ на шута; поняла она и то, что онъ совсѣмъ прожился и у кузины пріѣхалъ погостить и поиграть въ

рулетку... Онъ и проигралъ послѣднія деньжонки, а все ходилъ каждый день въ игорную залу, — домой возвращался только ѣсть... Узнала она, что онъ и кёльнерамъ, и лакеямъ при рулеткѣ остался долженъ... Полюбить его она не могла, да и не хотѣла, такъ-таки сознательно не хотѣла, особенно черезъ годъ, когда она вдругъ поняла— кто она.

„Je suis une batarde“,—выговорила она тогда, и озлилась. Она увидала, что у нея даже фамиліи нѣтъ, что она—просто „Zizi“, что отецъ у нея „незаконный“, прожившійся баринъ, почти нищій, состоитъ при родственницахъ да при богатыхъ купцахъ—прихлебателемъ. Все это она прекрасно сообразила, и не только любить, но и жалѣть его не хотѣла. Да онъ и не показывался года три-четыре. Гдѣ онъ жилъ—она не знала, и сама никогда про него не спрашивала. „Тамъ, гдѣ-то... въ Россіи“. И вся-то Россія уже и тогда представлялась ей зловѣщей далью... Оттуда шла главная ея обида, то клеймо, какое лежало на ней. Воспитательница, мужъ ея, дочь, обращались съ ней какъ съ родной, и даже всѣ посторонніе считали ее за вторую дочь madame Kuhn. Она скоро стала преобладать надъ своей кузиной Сосо̀, вызвала въ ней настоящую къ себѣ слабость и даже имѣла тонъ ея старшей сестры. Но она смотрѣла впередъ, предвидѣла, какъ черезъ три года, когда она будетъ невѣстой, окажется, что она — нищая и безъ имени, побочная дочь разорившагося барина и неизвѣстно какой женщины.

„De mère inconnue“,—повторяла она тогда безпрестанно фразу, вычитанную въ какомъ-то уголовномъ отчетѣ.

И, узнавъ совершенно случайно изъ разговора старшихъ, что „эта женщина“ была „фигурантка“ или „корифейка“ (такъ, кажется, они называли), она еще сильнѣе вознегодовала.

Лучше бы было просто родиться отъ „femme du peuple“, о которой никто никогда бы и не упомянулъ.

А подошелъ ей уже восемнадцатый годъ. Тетка вела ихъ съ Сосо̀ одинаково. Обѣ онѣ усвоили себѣ „высшій стиль“ дѣвицъ того заграничнаго общества, у котораго нѣтъ ни отечества, ни національности, съ совершенно особенной повадкой. И Англія, и Америка, и Парижъ, и Трувиль, и нѣмецкія воды, и Ницца, и Монако надѣлили ихъ своими вкладами. Ни въ чемъ она не уступала кузинѣ — ни въ строгости соблюденія моды, ни въ малѣй-

шихъ оттѣнкахъ походки, разговора, мимики, ни въ усиленной преданности всякаго рода спорту: на скачкахъ, на гонкахъ, на крокетѣ, на игрѣ въ мячъ и въ кавалькадахъ. Съ шестнадцати лѣтъ у нея стали появляться признаки малокровія, мигрени, сердцебіеніе, катаральное недомоганіе. Она боролась съ этими „sales infirmités" (она ихъ сама такъ называла), скрывала ихъ, не лѣчилась, чтобы никто изъ тѣхъ, кто могъ выбрать ее себѣ въ жены, ни отъ кого не услыхалъ, что она болѣзненная. Только цвѣтъ лица выдавалъ ее; но онъ многимъ нравился.

Однако, ни лордъ, ни герцогъ, ни даже банкиръ или русскій дипломатъ, или золотопромышленникъ не являлись. Значитъ, всѣмъ было извѣстно—кто она... Побочная дочь... Да это еще полбѣды въ теперешнемъ свѣтѣ; главное—у нея нѣтъ ничего; тетка сдѣлаетъ приданое, но капитала не дастъ. Вотъ тогда-то ее и охватила жажда денегъ. Безъ всякихъ внушеній и проповѣдей исполнилась она благоговѣнія къ этой силѣ. Будь у нея—ну, хоть сто тысячъ рублей—она купила бы себѣ и мужа, да и этого не нужно: создала бы себѣ жизнь, гдѣ каждый фибръ ея существа испытывалъ бы удовлетвореніе, на полной свободѣ, въ привычкахъ „высшаго стиля", въ томъ кругу истинныхъ царей Европы, въ сосредоточіи того, что̀ зовется „la haute gomme" — съ выраженіемъ зависти — тѣми, кто самъ туда никогда не попадетъ.

Только это и грызло Зинаиду Мартыновну—ее уже такъ звали тогда нѣкоторые русскіе: священникъ, камердинеръ дяди, псаломщикъ, докторъ Лукашинъ, домашній врачъ дяди, кое-кто изъ знакомыхъ мужчинъ. Только это... Борьбы съ собой, самоосужденія, уколовъ совѣсти, исправленія себя по какимъ-нибудь книжкамъ или собственнымъ настроеніямъ — она не знала. Ея начитанность — она читала по̀ходя всякія книжки, даже и по философскимъ вопросамъ, и по физіологіи—все, что она находила „drôle"—рано создала ей особую теорію самооправданія:

— Такая у меня натура!

Эту фразу стала она повторять на четырехъ языкахъ, и никогда въ ней не затеплился — самъ собою или подъ внезапнымъ душевнымъ ударомъ—огонекъ, который растопилъ бы твердую глыбу ея особенной положительности.

И вдругъ—отецъ получаетъ наслѣдство, заочно усыновляетъ ее, собрался къ ней, но не доѣхалъ, отдѣлилъ ей двѣсти тысячъ и черезъ полгода сошелъ съ ума. Его са-

жаютъ. Онъ безнадеженъ. Ѣхать къ нему туда было бы совершенно „некстати“.

Прошло еще четыре года. Отецъ „все въ томъ же положеніи“. Она бы ни за что не поѣхала въ Россію, даже на мѣсяцъ, если бъ не эта Coco, съ своимъ разводомъ и желаніемъ навѣстить старика Куна, переѣхавшаго въ Москву. Четыре года прошли у Зинаиды Мартыновны по ея программѣ. И все у нея было, все: имя, настоящее, законное, старо-дворянское, и свое состояніе. Разомъ пропало у нея всякое желаніе идти замужъ. Пускай наивные люди — есть такіе и въ ея средѣ — толкуютъ, что она не хочетъ разстаться съ своей кузиной и до смерти будетъ состоять при ней... „Quelle bourde!“ Она свыклась съ Coco, ей съ ней ловко; въ ея домѣ ей будетъ всегда удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Пока еще придетъ старость, а дѣвушкой, одной,—все-таки „не то“, потому что не создашь себѣ совершенно такой же матеріальной обстановки. А не сойдется она съ новымъ мужемъ Coco—тогда устроится иначе.

Да, четыре года жила она съ такимъ захватывающимъ чувствомъ своей свободы и силы, съ такимъ пользованіемъ всѣмъ, что для нея жизнь... Не знала она ни одного щекотливаго вопроса, никакого запрета... Дѣла ей не было до того, что про нее говорятъ за глаза. Никто никогда не позволилъ себѣ самаго невиннаго намека... Да и кто же посмѣлъ бы сказать, что вотъ такой-то погубилъ ея репутацію?.. Она—дѣвушка на самомъ дѣлѣ, а не номинально. Цѣлый рядъ всякихъ формъ flirt'а проходитъ въ ея воспоминаніяхъ — и никогда она не боялась за себя... Если было „drôle“ — она шла на сближеніе... А „pas drôle“—осаживала сразу. И съ каждымъ годомъ убѣждалась Зинаида Мартыновна въ томъ, что мужчина и женщина нисколько не созданы для взаимнаго влеченія, что они, напротивъ,—враги. „Завлекать“ — такого слова она не признавала, даже и не дѣлала никогда себѣ никакихъ упрековъ. Тѣ мужчины, всего чаще женатые, что искали съ ней романа, она знала—какой это народъ; она говорила всегда, что они и не могутъ быть другими. Она ничего отъ нихъ и не требовала, какъ только той игры, которой занимались уже многія дѣвушки „высшаго стиля“.

Объ одномъ она искренно сожалѣла, что не проходятъ у нея мигрени, и должна она каждое почти лѣто ѣздить то въ Крейцнахъ, то въ Франценсбадъ. Но съ тѣхъ поръ,

какъ у нея имя и состояніе, она не скрывала своихъ „sales infirmités“, которымъ, впрочемъ, не особенно вѣрили и ея интимные друзья, видя, какъ она всегда на бреши, во всѣхъ видахъ спорта, какъ она пьетъ и ѣстъ.

Такъ и утекли четыре года, и Зинаида Мартыновна не видѣла конца своему безпробудному довольству, какъ вдругъ... эта поѣздка съ Сосо́ на лѣто въ Россію, московскія вѣсти, временное возвращеніе къ разсудку отца и открытіе матери...

Еще за границей, когда она помирилась съ „памятью“ отца, была уже дворянкой и богатой невѣстой, она, послѣ смерти тетки, узнала отъ ея мужа нѣкоторыя подробности... Эта „корифейка“ давнымъ-давно бросила отца и была „подругой“ другихъ вивёровъ тамъ, въ Москвѣ!.. А тутъ они помирились, и „идіотъ“ докторъ взялся быть посредникомъ; да и Сосо̀, съ тѣхъ поръ, какъ опять влюблена — въ который разъ! — и позируетъ насчетъ искренности и сердечности, тоже надѣлала разныхъ безтактностей...

Прошло не пять, не десять минутъ,—цѣлыхъ тридцать, а Зинаида Мартыновна все еще прохаживалась взадъ и впередъ, вдоль одной изъ аллей, влѣво отъ Англійскаго дворца...

И, быть-можетъ, въ первый разъ она ни къ чему не пришла сама. Надо будетъ попросить совѣта у княгини Трубчевской и говорить ей о своей матери,—стало-быть, опять „mettre sur le tapis“ свое незаконное происхожденіе.

Ѣхать въ Москву? Или просто махнуть рукой и поступить по-своему? Эта поѣздка была для нея нѣчто такое, что̀ могло повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія, выбить ее изъ колеи, заставить пройти черезъ ощущенія, которыхъ она боялась не менѣе смерти. Не слѣдуетъ ей— Зинѣ Ногайцевой, идти на это. Не должна она измѣнять всему своему существу, своей судьбѣ, той твердыни пользованья жизнью, какую она себѣ устроила.

Но... она попала сюда, въ эту странную землю, въ общество, уже не то, что тамъ, въ международныхъ мѣстахъ, гдѣ блеститъ и царитъ „high-life“. Пока она здѣсь, при Сосо̀, нельзя такъ рѣзко освобождать себя отъ дочерняго долга. Не годится. Уже Сосо̀ сказала ей вчера:

— Cela ne se fait pas, Zizi!..

Отецъ у нея теперь законный. Она не можетъ же не

исполнить его какъ бы предсмертной воли: не повидаться съ нимъ.

Тутъ еще этотъ психіатръ—„чудеснѣйшій малый“! Онъ наболталъ Сосо̀, что такое свиданіе поправитъ больного окончательно. Все это—докторская „vanité“; но Сосо̀ сразу убѣдилась и разрюмилась. Вѣдь Мартынъ Лукичъ — ея дядя, хоть и не родной, но она очень любила считать себя „коггенной, столбовой“ по матери, чтобы прикрыть происхожденіе отъ нѣмца-коммерсанта, получившаго за благотворительность чинъ статскаго совѣтника, уже на старости, послѣ того, какъ женился на дѣвицѣ Ногайцевой.

Словомъ, въ этой странѣ — она связана. Не убѣжать ли ей? Сейчасъ взять паспортъ, и прямо — на воды или на купанье? И будь она одна, она бы, вѣроятно, такъ и сдѣлала.

Княгиня Трубчевская, до сихъ поръ, для нея—живая книга свѣтской мудрости, высокій характеръ и авторитетъ, примѣръ того, какъ умъ и умѣнье пользоваться своимъ положеніемъ все покрываютъ и все пересиливаютъ. Она и съ Сосо̀-то согласилась поѣхать на сезонъ въ Петергофъ потому, что княгиня тоже тамъ жила, а прежде нѣсколько зимъ провела безвыѣздно за границей. Дѣвицей Ногайцевой, уже дворянкой и приданницей, Зинаида Мартыновна поставила себя подъ патронатъ княгини. Она сама предложила ей себя въ чтицы — и почти каждый день, передъ обѣдомъ, ходила къ ней, и зимой, и лѣтомъ. Все прошлое княгини, хроника ея побѣдъ, а подъ старость—и просто пріобрѣтеній тѣхъ, кто шелъ на это, разумѣется, не даромъ, ея отношенія къ мужу, множество слуховъ и анекдотовъ, одинъ другого цвѣтистѣе,—все это было ей извѣстно до того дня, когда она сѣла около кушетки княгини и начала ей читать какую-то статью изъ „Revue“,—такъ по-парижски называла та журналъ Бюлоза, безъ прибавленія: „des deux mondes“.

Ничто ее во всемъ этомъ не смущало, какъ не смущало и ея кузину Сосо̀, уже вышедшую въ это время замужъ. Онѣ еще дѣвочками-подростками прекрасно все это знали. Тетка любила ухаживанья, и мужчины, въ курортѣ, гдѣ не перебирать знакомыхъ труднѣе, чѣмъ въ столицѣ, не стѣснялись присутствіемъ подростковъ и пространно разсказывали о прошедшемъ и настоящемъ княгини.

Но та же тетка отправлялась къ княгинѣ, какъ къ особѣ высшаго разряда, и Зизи, каждый разъ, на Promenade впивалась въ ея фигуру, тонъ, манеру говорить по-французски, умѣнье заставить замолчать всѣхъ или разговаривать о томъ, что ей пріятно. Это поклоненіе было не восторженное, — разсчитанное, дѣловое. Она ее изучала и тогда, а еще болѣе когда сдѣлалась ея добровольной чтицей.

Ей, такъ долго страдавшей оттого, что она „побочная", безъ имени, захотѣлось, у кушетки княгини Трубчевской, наверстать время своего незаконнаго положенія въ high-life, изъ прямого источника получать все, что могло додѣлать для нея стиль жизни, пріемовъ, взглядовъ, всей ея философіи...

II.

Княгиня Трубчевская занимала дачу въ Старомъ Петергофѣ, нанятую на сезонъ. Дача принадлежала разбогатѣвшему доктору. Больше одного лѣтняго сезона княгиня и не разсчитывала прожить въ Россіи. Она пріѣхала по какому-то дѣлу одна: князь былъ за границей. Да они и никогда почти не оставались вмѣстѣ.

Зинаида Мартыновна вошла въ цвѣтникъ дачи ровно въ одиннадцать часовъ,—опоздала, по крайней мѣрѣ, на двадцать минутъ, и это ее серьезно безпокоило. Княгиня не знала, что̀ такое кого-нибудь ждать, и даже любила повторять историческую фразу „короля-солнца": „J'ai failli attendre!"

Необходимо было тѣмъ прямѣе сказать, что заставило ее опоздать, и просить совѣта.

Дача выходила въ цвѣтникъ своимъ узорчатымъ фасадомъ въ русскомъ вкусѣ, съ пѣтушками и полотенцами и двумя вышками съ металлической облицовкой крыши. Цвѣтникъ смотрѣлъ довольно голо. Солнце плоско падало на него, и ни на одной дорожкѣ не было тѣни. Ногайцева пересѣкла его ускореннымъ шагомъ и, поднимаясь на довольно высокую террасу, такъ же дышала ноздрями со сжатымъ ртомъ, какъ и въ паркѣ, въ промежуткахъ разговора съ Лукашинымъ.

Чтеніе происходило, обыкновенно, передъ завтракомъ; его подавали около часу, въ темной, прохладной гостиной, обшитой некрашенымъ деревомъ и съ такой же мебелью.

Княгиня, навѣрное, сидитъ уже въ глубинѣ, противъ двери па террасу, и вышиваетъ.

— C'est vous, mon enfant?—раздался сухой и глуховатый голосъ княгини, когда Зинаида Мартыновна была еще на предпослѣдней ступенькѣ.

Разговоръ пошелъ только по-французски. Княгиня не употребляла смѣси и всегда зло смѣялась надъ этимъ. Русскія фразы, и очень своеобразнымъ языкомъ, она пускала иногда за границей, на прогулкѣ, когда садилась подъ дерево, „дѣлала кругъ" и принимала на воздухѣ поклоны и привѣтствія пріѣзжихъ русскихъ барынь, разныхъ нѣмокъ и англичанокъ.

Ногайцева извинилась и сѣла; она немного запыхалась. На лицѣ княгини она ничего не прочла: ни недовольства, ни особаго привѣта. Въ полутьмѣ гостиной опо выдѣлялось своимъ оваломъ, все точно изъ папье-маше, но искусно стянутое къ вискамъ, съ ровно наложеннымъ слоемъ косметикъ и пудры, подъ парикомъ изъ свѣтло-русыхъ волосъ, посыпанныхъ также пудрой. Черты были у нея въ молодости мелкія и миловидныя, въ особенности ротъ и носъ; теперь все это отекло и обмякло. Умѣнье и сноровка держали въ равновѣсіи одряблѣвшія мышцы. Выраженіе было безстрастно-довольное, совсѣмъ еще не старушечье. Въ своемъ шитомъ бѣломъ капотѣ княгиня держалась прямо и не лишена еще была таліи. Ногайцева знала, чего ей стòило такъ держаться. Ходить безъ поддержки она почти уже не могла—не отъ старости: ей пошелъ всего пятьдесятъ четвертый годъ, а отъ изнурительной хронической болѣзни. Но этого посторонніе не знали, и въ столовую она шла всегда, ни на чью руку не опираясь. Руки сохранились молодыя—полныя и бѣлыя, съ ямочками и длинными пальцами, что̀ вмѣстѣ встрѣчается рѣдко.

— Quelle chaleur! une étuve, — сказала снисходительно княгиня и добавила, что ей жаль Ногайцеву, и что онѣ могутъ и полѣниться: „faire l'école buissonière".

Никакой тревоги или озабоченности въ лицѣ Ногайцевой она не захотѣла примѣтить.

Въ первый разъ кровь прилила къ щекамъ Зинаиды Мартыновны—она отъ этого подурнѣла. Тотчасъ же, передъ чтеніемъ, рѣшилась она заговорить о себѣ.

Ей это было гораздо труднѣе, чѣмъ она думала. Тутъ только почувствовала она, до какой степени выше ея ин-

тересовъ стояла эта „свѣтлѣйшая“, ушедшая вся въ сохраненіе своего тона и въ поддержаніе развалинъ нераскаяннаго тѣла. Не отъ нея ждать теплаго пожатія, слезы или просто ласковаго, ободряющаго звука. Но вѣдь этого ей и не надо; ей надобенъ приговоръ высшаго эксперта: какъ она скажетъ, такъ и надо поступить, и никакія Coco, никакіе „идіоты“ не собьютъ ея, она имъ и рта не позволитъ раскрыть, — разъ она получитъ санкцію княгини.

Довольно твердымъ голосомъ и въ короткихъ словахъ — княгиня не выносила многословія — разсказала она про отца, безъ всякихъ, конечно, отступленій къ прошедшему.

Княгиня кивнула раза два головой, и когда Ногайцева дошла до того, что у него теперь „une période lucide“,— выговорила съ небрежной миной рта:

— Il est condamné!.. C'est passager, mon enfant.

И это уже было по-сердцу Зинаидѣ Мартыновнѣ. Стало, княгиня не вѣритъ такому выздоровленію; стало, нечего торопиться въ Москву. Тонъ княгини показывалъ ясно, что ей все давно извѣстно, и она признаетъ законность теперешняго положенія Ногайцевой. Въ глазахъ ея не трудно было прочесть такое мнѣніе:

„О чемъ же тутъ распространяться? Безпутный игрокъ-отецъ прекрасно сдѣлалъ, что получилъ прогрессивный параличъ, послѣ того, какъ усыновилъ тебя, моя милая, и записалъ тебѣ приданое въ двѣсти тысячъ“.

Но Зинаида Мартыновна не сказала тутъ же: „какъ вы мнѣ совѣтуете, княгиня, ѣхать или нѣтъ?“ Та ждала еще чего-то.

Признаніе о матери далось труднѣе. Но она еще кратче объяснила „это обстоятельство“. Матери никогда не знала, вдругъ теперь та свалилась съ неба. У отца съ матерью была „сентиментальная“ сцена. А потомъ, глупый докторъ Лукашинъ—княгиня видала его за границей—и только...

Раза два повела головой княгиня, и опять мина рта дала знать, что все это „ne vaut pas un rouge liard“,— ея любимая поговорка. Только она для самой себя кончила болѣе серьезной миной, съ оттѣнкомъ мягкаго покровительства.

Письмо лежало у Зинаиды Мартыновны за жилетомъ. Тамъ, въ англійскомъ паркѣ, она два раза прочла его.

Выраженія, ошибки правописанія, самый почеркъ, чернила, бумага—вызывали въ ней брезгливое чувство. Внутри у нея ничего не дрогнуло. И теперь ей стало неловко,— уже не за то, что у нея мать „Богъ знаетъ кто“, а за это „смѣшное“, полуграмотное письмо. Вдругъ какъ княгиня пожелаетъ сама взглянуть на него!

Съ рѣшимостью, какая схватываетъ васъ, когда вы отдаетесь зубному врачу въ руки, она вынула конвертъ, а изъ него — на-двое сложенный листъ дешевой почтовой бумаги, купленной, вѣроятно, въ мелочной лавочкѣ.

— Voyons, — раздался голосъ княгини. — Lisez-moi ça, petite.

Слова „petite“ никогда еще не употребляла княгиня. Въ немъ былъ новый оттѣнокъ —точно пренебрежительнаго снисхожденія.

Невольно закусила Ногайцева губы и тоже въ первый разъ озлилась на эту „свѣтлѣйшую“, но все-таки преклонилась за́ново передъ ея тономъ. Вотъ этотъ тонъ все освящаетъ и покрываетъ собою. Что за бѣда, что за границей, тамъ, гдѣ Зизи воспиталась, каждая нѣмка-конторщица, любой оберъ-кёльнеръ разскажутъ вамъ „ужасныя исторіи“ про княгиню изъ недавняго времени, изъ того, что̀ бывало всего какихъ-нибудь лѣтъ десять-пятнадцать назадъ. И плѣнные французы-офицеры, и годовой докторъ-нѣмецъ, и какой-то заѣзжій піанистъ-венгерецъ, да и не перечтешь! Когда ей стукнуло уже сорокъ, и она, боясь старости, не знала себѣ мѣры въ своихъ вкусахъ, эта самая женщина способна была на бѣшеныя выходки публично. Уже дѣвочками-подростками Зизи и Сосо̀ слышали, какъ мужчины повторяли ея знаменитую фразу про соперницу—не французскую, а русскую фразу, которую она пустила при всѣхъ:

— Да, эта дрянь отбила у меня капитана!..

Но все это *было*, и тонъ, высшая школа, недосягаемый стиль покрываютъ то, что способно было бы уронить до общаго и полнаго презрѣнія всякую заурядную барыньку. И вотъ она, Зизи Ногайцева, сидитъ передъ своимъ судьей на табуретѣ, побурѣла отъ смущенія, обиды, злобнаго чувства, и не смѣетъ встать, положить письмо въ карманъ и уйти. Она будетъ его читать и поступитъ такъ, какъ ей продиктуютъ.

— Voyons,—повторила княгиня и перемѣнила позу.

Все лучше: не нужно показывать почерка и „кухарочныхъ ошибокъ“.

„Милая дочка“...

Эти два слова Зинаида Мартыновна хотѣла было проглотить и не смогла.

„Извините меня (знаковъ, кромѣ точекъ, не было никакихъ) столько лѣтъ были неизвѣстны мы и вотъ Богъ привелъ. Папенька теперь опять пришелъ въ себя, такъ я въ сердцѣ своемъ носила... и въ болѣзняхъ своихъ, чтобы Господь привелъ увидать тебя, Зинушка моя сердечная. Извините, что такъ называю. Не надѣюсь я долго жить... пока теперь у тебя отъ папеньки и фамилія, и хорошія средства — и такъ меня это радуетъ, и соберетесь ли, хоть глазкомъ поглядѣть бы къ намъ въ Москву. Да папенькѣ будетъ великая радость.

„Извините, я отъ всей души и что въ моихъ поступкахъ было—право, если бъ моя воля, никогда бы я свое дитё не оставила. Да и все это уже позади. Радость — дочка моя. Не дай мнѣ умереть безъ благословенія тебя навѣки —

„Мать ваша“.

Голосъ Зинаиды Мартыновны не падалъ и не поднимался; онъ скользилъ по словамъ. Она читала сама со знаками и измѣнила разъ пять безграмотность окончаній. Но уже той брезгливости, что была у нея въ аллеѣ парка, она не испытывала, только еще больше горькій стыдъ и желаніе поскорѣе, поскорѣе конца этой операціи.

— Elle signe?—спросила княгиня.

— „Людмила Разшивина“.

— Une danseuse?—переспросила княгиня, но не тономъ настоящаго вопроса.

— Oui, princesse, — отвѣтила Зинаида Мартыновна и громко перевела духъ.

Лобъ ея былъ влаженъ.

Она не позволила себѣ ни вопроса, ни возгласа, никакихъ словъ душевной тревоги. Она ждала.

Княгиня опять перемѣнила позу, вытянула ноги, перевела губами и сдѣлала ими что-то въ родѣ:—Пхе!

Послѣ чего сейчасъ же скороговоркой рѣшила:

— Mon enfant, il n'y a pas de quoi fouetter un chat!

И потомъ, не торопясь, бросая фразы легко и вѣско („какъ умно!“ — повторяла про себя Ногайцева), мягко и снисходительно разобрала она этотъ „cas de conscience“.

Отцу Зина должна быть все-таки благодарна, и можно бы было поѣхать къ нему, тѣмъ болѣе, что это „ne tire pas à conséquence“. Но внезапное появленіе этой матери... „Une mère est toujours une mère, mon enfant“,—но надо знать хорошенько: нѣтъ ли подъ этимъ примиреньемъ съ отцомъ какой-нибудь интриги? Это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Можетъ-быть, у него есть еще часть капитала—не успѣлъ прокутить передъ своимъ сумасшествіемъ. Да это — ихъ дѣло, но ей, молодой дѣвушкѣ, хотя все-таки „avec un certain détail dans le passé“, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ летѣть прямо на какое-то подозрительное семейное свиданіе и рисковать очень многимъ.

Княгиня не пояснила подробно, чѣмъ именно, но Зинаидѣ Мартыновнѣ сейчасъ же представились всѣ возможности этого риска. Никто лучше бы не отвѣтилъ на ея сокровенныя думы.

А Coco?.. Вся эта болтовня въ теперешнемъ ея чувствительно-благородномъ настроеніи?

На это ей отвѣтили, что съ Coco спорить не слѣдуетъ, безтактно было бы рѣзко упираться: — надо сказать, что она не прочь ѣхать и поѣдетъ, когда убѣдится, что сдѣлать такъ будетъ „достойно ея теперешняго положенія“.

Эту фразу: „digne de votre condition actuelle“, она быстро схватила и уложила въ своей головѣ, какъ нѣчто разрѣшающее ей все.

На чтеніе романа оставалось всего около двадцати минутъ. Княгиня, ласковѣе обыкновеннаго, сама разрѣшила Ногайцевой не читать, — только спросила ее: ознакомилась ли она хоть немножко съ содержаніемъ книги; это былъ новый романъ, изданіе Шарпантье. Просмотрѣть его Ногайцева не успѣла, что ее также раздосадовало на самое себя: обыкновенно она это дѣлала. У княгини не было никакихъ любимыхъ писателей. Она слушала все; ея чтицѣ пошелъ двадцать четвертый годъ, и имъ обѣимъ уже не пристало стѣсняться другъ передъ другомъ.

Отъ княгини Зинаида Мартыновна выучилась фразѣ насчетъ того, что̀ „drôle“ и что̀ — „pas drôle“. Вкусу ея она довѣряла безусловно, и въ три года ей пришлось выслушать сотни короткихъ, всегда толковыхъ, часто злыхъ отзывовъ. О безнравственности романистовъ княгиня никогда не говорила и выслушивала до конца самыя смѣлыя мѣста. Иногда скажетъ:

— C'est d'une crudité inutile.

Не спускала она никому изъ новыхъ писателей — „des bêtises“, т.-е. невѣрныхъ описаній, выдумокъ, фактовъ изъ третьихъ рукъ. Ногайцева помнила въ особенности четыре ея приговора. Всѣ четыре пришлись на долю романовъ Зола́. Сцены при дворѣ Наполеона въ Компьенѣ, изъ „Son Excellense Eugène Rugon“, княгиня разобрала по ниточкѣ и разсказала, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, въ качествѣ приглашенной. Въ „la Faute de l'abbé Mouret“ она подсмѣялась надъ авторомъ за то, что онъ заставилъ искать въ одно время года и ландышей, и картофеля, чего въ природѣ не случается. Про подробности родовъ изъ „Potbouille“ она объявила, что такихъ точно ощущеній никогда не испытывала; а у нея были очень трудные роды—дѣти не жили. Въ „la Joie de vivre“ нашла, что постоянное оранье подагрика-дяди „est tiré pas les cheveux“.

— Mon frère avait la goutte,—припоминала она, — ma tante, la comtesse Wladykine, de même, mon père en souffrait terriblement, et personne ne hurlait comme chez monsieur Zola!

Зинаида Мартыновна еще разъ попросила извиненія: она не успѣла проглядѣть книгу. Когда взятыя ими книги оказывались слишкомъ скучными или слабыми, княгиня слегка стыдила ее, говорила обыкновенно:

— Non, c'est de la bouillie!.. Abrégeons!

Онѣ прошлись немного по террасѣ, княгиня сильно опиралась о руку Зинаиды Мартыновны, но станъ держала прямо. Горничной она никогда не звала для этого, а какъ войдетъ посторонній,—сейчасъ же садилась и вела разговоръ съ высокоподнятой головой и выпрямленною грудью.

Она спросила ее про Сосо̀ Дрозенъ, про ея разводъ; сказала, что разводиться, тратить большія деньги за тѣмъ только, чтобы опять женить на себѣ какого-то заграничнаго „paltoquet“—великая глупость, и добавила:

— J'espère, mon enfant, que vous vous passerez bien du divorce...

Сосо̀ она не терпѣла за многое; всего же больше за ея свѣжесть и ту шумную бойкость, на которую мужчины идутъ гурьбой, даже и безъ всякихъ заднихъ мыслей... Она знала, что у Сосо̀ всѣмъ удобно и весело.

— On y entre comme dans un moulin! — часто выражалась княгиня.

Отъ Зинаиды Мартыновны она уже слышала, что здѣсь, въ Петербургѣ, чета Ожиговыхъ и французъ Блэзо.

— Monsieur Blaisot, qui blaise?.. — сострила она и не улыбнулась.

Ногайцева знала давно, что княгиня не любитъ Блэзо, не потому, чтобы возмущалась его прошедшимъ „непримиримаго“ и коммунара, а по другой причинѣ. Одно время, когда онъ давалъ уроки Зизи, она принимала его, восхваляла его, искала ему занятій. Потомъ вышелъ рѣзкій поворотъ... Тамъ, въ курортѣ, гдѣ это все происходило, такую рѣзкую перемѣну въ княгинѣ объясняли очень понятно,—и Зизи слыхала эти объясненія.

Княгиня все-таки освѣдомилась: зачѣмъ Блэзо пріѣхалъ. Онъ женился на русской, и у него дѣла по ея наслѣдству. Это вызвало у нея злое замѣчаніе насчетъ его теорій „коллективиста“, но больше она ничего не сказала и перешла къ Ожиговымъ.

Эти улизнули, конечно, отъ долговъ; что-нибудь еще продать и понюхать—„flairer“, — нельзя ли здѣсь опять пристроиться, не помирятся ли съ ними „en haut lieu“? Но это они—напрасно. Ихъ пѣсенка спѣта, и ходу больше не будетъ. Да и не туда теперь дуетъ вѣтеръ.

— Le vent est au moujik et aux vertus de famille, — сказала княгиня и остановилась на ходу, вскинула головой на фасадъ дачи съ пѣтушками, косяками и полотенцами изъ крашеной сосны.—Vous voyez, ma chère,—указала она на эти орнаменты, — voilà les emblèmes décoratifs du moment.

И безъ словъ она, своей миной, дала почувствовать Зинаидѣ Мартыновнѣ, уже не въ первый разъ, что у нея, у княгини Трубчевской, ея ума, тона невозмутимой увѣренности въ себѣ, никто не отниметъ; что она — другой эпохи, той, которая отошла безвозвратно, и не желаетъ она поддѣлываться подъ разныя нынѣшнія „niaiseries“. Это всего больше цѣнила въ ней Зинаида Мартыновна. На ея глазахъ разрушалась эта женщина, но со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ стояло: „кàкъ мы пожили— не вашего ума дѣло“.

Коньки, пѣтушки, полотенца и „l'engouement du *prostoï*“—острота княгини—перевели разговоръ еще на нѣсколько знакомыхъ лицъ. Не сплетничество видѣла въ этомъ ученица,—да и, въ самомъ дѣлѣ, княгиня не была сплетницей, — а поводъ къ безпощадной, не вздорной

оцѣнкѣ людей. Ей стоило только хорошенько слушать и запоминать,—и у нея накопится такой запасъ знаній того свѣта, гдѣ она хочетъ оставаться до смерти, какъ ни у кого. За это княгиня ничего не требовала, даже лести или подлаживанья.

— Et Rynine?

Этотъ вопросъ княгиня сдѣлала съ блуждающей улыбкой, и тотчасъ же приняла серьезный видъ.

Разговоръ показывалъ, что Рынинъ интересуетъ ихъ нѣсколько болѣе остальныхъ. Онъ наканунѣ былъ съ визитомъ у княгини и много говорилъ о Ногайцевой. Сегодня онъ будетъ обѣдать у Сосо̀. Княгиня, точно про себя, вымолвила:

— Voilà un garçon... qui a toutes les ambitions. Et une volonté de fer! Il arrivera!..

Никакого оживленія не показывалось на лицѣ Ногайцевой. Она сказала съ пренебрежительной миной и совершенно искренно:

— No good style!

— C'est un masque, petite...

И княгиня пояснила, почему. Въ немъ есть многое, что нужно именно теперь. Опять съ улыбкой поглядѣла она на орнаменты дачи. Рынинъ бѣденъ, но хорошей фамиліи, учился мальчикомъ за границей, и сталъ теперь не даромъ такимъ... „farouche" въ своихъ патріотическихъ чувствахъ: „slavophile, chauvin et, avant tout, roublard",—закончила княгиня.

Зинаида Мартыновна всѣ эти слова схватила на лету: они ей могли пригодиться очень скоро.

Четверть часа ходьбы утомили княгиню. Что-то такое у нея заболѣло внутри, сразу; она подавила гримасу, потемнѣла въ лицѣ, попросила отвести себя къ кушеткѣ и отпустила Ногайцеву. Завтракать она ея не удерживала, потому что къ ней будетъ „un homme de loi" изъ города, она поѣстъ наскоро и отдохнетъ немного.

На вопросъ Ногайцевой о ея здоровьѣ, княгиня выговорила со скошеннымъ ртомъ:

— Je vais claquer, mon enfant, d'ici—deux ans!..

Она легла на кушетку, закрыла глаза: видно было, что у нея очень сильныя боли.

— Je ne vous retiens pas!—повторила она два раза.

Зинаида Мартыновна беззвучно сошла съ террасы.

III.

Жаръ спустился прозрачной дымкой надъ взморьемъ, вдоль дороги въ Ораніенбаумъ. Шелъ пятый часъ. По верхнему шоссе облака пыли безпрестанно поднимались отъ экипажей. Тѣни падало мало. Изрѣдка прохлада доходила только до садовъ и цвѣтниковъ дачъ. Всего больше ея было вокругъ „государевой" дачи: и наверху, гдѣ подъ густою зеленью липъ выстроились въ два ряда гипсовыя сухощавыя фигуры на пьедесталахъ, и по ту сторону, въ цвѣтникѣ и въ извилистыхъ аллеяхъ, на дорожкахъ съ подъемами и спусками. Особенно пріятна была прохлада на террасѣ.

На одномъ изъ желѣзныхъ дивановъ террасы сидѣла Зинаида Мартыновна, все съ той же книжкой, которую носила утромъ къ княгинѣ. Она провела цѣлыхъ четыре часа совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно. Всего чаще княгиня оставляла ее завтракать. Ѣда у княгини не очень ей нравилась: она любила покушать основательно, знала толкъ въ гастрономіи, имѣла слабость къ русскимъ закускамъ и разнымъ блюдамъ, вкуснымъ и опаснымъ,— за что и платилась частымъ нездоровьемъ; только русскія „comestibles" да кулебяки и ботвиньи и нравились ей изъ всего національнаго. Княгиня сидѣла на діэтѣ. Но все-таки она охотно оставалась у нея завтракать. За столомъ княгиня бывала всегда разговорчивѣе, острѣе; съ визитомъ къ ней являлись только люди „très stylés", или такіе, къ которымъ недурно было присмотрѣться, на всякій случай.

Сегодня Зинаида Мартыновна и дома позавтракала дурно, одна, кое-чѣмъ. Сосо уѣхала съ утра въ городъ, все къ своему адвокату по бракоразводнымъ дѣламъ; прислуга думала, что барышня останется завтракать у княгини. Никогда она такъ дурно не ѣла, какъ сегодня. И не хотѣлось ей сидѣть одной и ждать визитовъ. Она этого и вообще не любила. Когда ее кто-нибудь занималъ и было это „drôle", она уходила съ нимъ преспокойно гулять по горамъ. А здѣсь она ни на комъ не останавливала своего выбора, да, вѣроятно, и не остановитъ до возвращенія за границу.

Взяла она книжку и послѣ завтрака пошла ее просматривать къ взморью. Она уже нѣсколько разъ заходила

на „государеву“ дачу, раза два осматривала комнаты и чувствовала себя въ нихъ по-заграничному. Отдѣлку салоновъ, будуара, столовой, картинки Ватто, Ванъ-Лоо, Бушѐ, общій характеръ виллы — террасы и садъ — находила она въ „стилѣ“ и отдыхала на всемъ глазами. Ей было тутъ уютно, даже, на особый ладъ, ново: точно она совсѣмъ не въ Россіи, не въ этомъ довольно-таки безвкусномъ для нея Петергофѣ.

Русскій дворецкій (Сосо̀ привезла еще изъ-за границы грума и valet de pied — англичанъ) доложилъ ей, когда она уходила, что Софья Германовна вернутся скоро и поѣдутъ съ гостями куда-то кататься, — кажется на Бабій-Гонъ, — такъ угодно ли Зинаидѣ Мартыновнѣ, чтобъ за ними заѣхать на государеву дачу?

Она приказала сказать Софьѣ Германовнѣ, что проситъ заѣхать за ней, когда они будутъ возвращаться назадъ, домой, передъ самымъ обѣдомъ.

Вотъ теперь она и ждала ихъ. Съ кѣмъ заѣдетъ Сосо̀? Навѣрное съ пріятелемъ своимъ, Теняшевымъ, можетъ-быть, и съ Ожиговыми. Рынинъ будетъ только къ обѣду. Ей вспомнился разговоръ о немъ у княгини. Да, онъ, конечно „roublard“, но въ немъ есть что-то еще мужское, какое-то особое „себѣ на умѣ“, худо скрываемое пренебреженіе къ женщинѣ и легкое отношеніе къ тому, что она, Зина Ногайцева, считаетъ хорошимъ стилемъ. И все-таки онъ трется же около ея общества. Ей ничего не надо: она карьеру свою сдѣлала, а ему, видимо, надо очень многаго добиться. Къ такимъ мужчинамъ, какъ этотъ Рынинъ — некрасивымъ, безъ граціи и дурачливости, съ которыми не чувствуешь себя по-товарищески и не хочешь „пофлёртировать“, сейчасъ же является враждебность: вовсе не та враждебность, какую въ старомодныхъ книжкахъ представляли какъ перевернутую любовь, переходящую прямо во взрывъ страсти... Пустяки! Просто, такой „мужчинка“, какъ говоритъ Сосо̀ съ Теняшевымъ — (только та этого не чувствуетъ)—врагъ. Видишь насквозь его желаніе: взять тебя, всего чаще безъ всякой любви, и принизить; если и страсть на обоихъ нахлынетъ—она понимала это только въ идеѣ, — такъ все же они чужды одинъ другому, два звѣря, которымъ надо разгрызть одну и ту же кость. А сколько же такихъ паръ — ихъ сотни тысячъ! — гдѣ вся жизнь показываетъ, какіе мужчина и женщина прирожденные враги; и ничего у нихъ общаго

нѣтъ и быть не можетъ въ томъ, что составляетъ ихъ коренную природу, въ чемъ они сами по себѣ.

Перелистывала она новый романъ, взятый съ собой, — завтра она начнетъ его у княгини, — и эти мысли переплетались со сценами любовной исторіи. Авторъ этого не говоритъ, но она-то видитъ, что такъ было на самомъ дѣлѣ.

Ее этотъ выводъ—она его сдѣлала не на-дняхъ, давно уже — особенно ободряетъ; придастъ смѣлость и прямоту тому, какъ она будетъ поступать въ каждомъ обстоятельствѣ: ихъ только разныя сентиментальныя кривляки и дуры — „des cruches“ — считаютъ „щекотливыми“. Она, здѣсь, на террасѣ, перебрала всѣ заключенія княгини насчетъ ея „cas de conscience“, и теперь у нея нѣтъ никакихъ колебаній: она знаетъ, какъ ей говорить и какъ оттянуть безъ всякихъ объясненій то, чего ей не слѣдуетъ дѣлать, что̀ не „digne de sa condition actuelle“.

Ей послышались голоса позади дачи; экипажъ только что остановился передъ воротами, на верхнемъ шоссе.

„Это они“, — подумала Зинаида Мартыновна, встала и пошла къ нимъ навстрѣчу.

На дорожкѣ, около воротъ, со стороны задняго фасада, къ ней подбѣжала Cocò Дрозенъ, ея кузина. За нею шли двое мужчинъ, штатскій и военный. Штатскій былъ Теняшевъ, ихъ давнишній заграничный пріятель, лѣтъ за тридцать. Пухлое, смуглое лицо, борода, развалистая походка, мягкая шляпа, небрежность лѣтняго туалета, пестрый, далеко не изящнаго выбора галстукъ, дѣлали его по виду мало подходящимъ товарищемъ и фактотумомъ обѣихъ кузинъ; не больше подходили и къ его службѣ за границей, требующей представительности. Военный, на цѣлую голову выше Теняшева ростомъ, двигался жесткой походкой, не сгибалъ колѣнъ. На немъ форменно сидѣли: бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ, китель и кавалерійскія рейтузы. Лицо буро-красноватое, нечистое, старообразное, съ жидкими усами, бритое, и очень короткіе темнорусые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ: — наружность Рыпина не привлекала къ нему. При всемъ томъ онъ казался порядочнѣе Теняшева, и на блѣдномъ, широкомъ ртѣ съ сжатыми, довольно толстыми губами, лежала улыбка извѣстнаго рода увѣренности; сѣрые узкіе глаза щурились подъ удлиненными рѣсницами. Въ правой рукѣ, безъ перчатки, онъ держалъ прутикъ, сорванный дорогой.

Сосо̀ налетѣла на Зинаиду Мартыновну шумливо, и потокъ словъ запрыгалъ и затрещалъ, какъ мѣра гороху, высыпанная на гладкій каменный полъ. Эта коротенькая молодая женщина—она на два года была старше Ногайцевой—полная, съ таліей въ рюмочку, бѣлокурая, причесанная по рисунку, въ красномъ кумачнаго цвѣта платьѣ и бѣломъ жилетѣ, съ палко̀й-зонтикомъ въ рукахъ, съ огромной турнюрой, — засѣменила передъ ней ножками, запестрила своимъ платьемъ, огромной шляпой съ отвороченными бортами, уходившей подъ цѣлый каскадъ перьевъ и лентъ, красной вуалеткой, всѣми своими „bijoux“. Лицо ея раскраснѣлось, щеки даже лоснились немного отъ яркаго румянца, а пышный ротъ выпускалъ гортанною нотою слова съ веселымъ и дѣловымъ выраженіемъ—оно было у нея обычное—и тонъ ея картаваго, рѣзковатаго, высокаго голоса съ иностраннымъ акцентомъ на всѣхъ языкахъ звучалъ также какой-то дѣловитостью: точно будто она распоряжается сложной церемоніей или устраиваетъ спектакль, или подготовляетъ трудное практическое дѣло. Зинаида Мартыновна и Теняшевъ, и всѣ ея старые пріятели, давно знали, что Софья Германовна Дрозенъ ни о чемъ иначе не можетъ говорить, ни по другому держать себя.

— Et bien, quoi?—осадила ее Ногайцева, какъ всегда.

— Monsieur Ryn̈ine te salue, Zizi,—потише сказала та ей въ сторону.

— Je vois, — отвѣтила спокойно Зинаида Мартыновна и отдала поклонъ военному однимъ наклоненіемъ головы, на русскій манеръ: такъ она пріучилась кланяться еще за границей.

Теняшевъ пожалъ ея руку по-пріятельски и сейчасъ же расхохотался.

— Вы что?

Она съ нимъ почему-то говорила по-русски.

— Ха-ха-ха!.. Зина-то,—онъ обратился къ Сосо̀,—Зина-то цѣлый день съ книжкой... знаете, пьесу я такую видѣлъ у нѣмцевъ... кажется, „Нарциссъ“ называется; такъ тамъ чтица есть у маркизы де-Помпадуръ (онъ выговорилъ: *дуръ*), тоже все съ книжкой... вотъ какъ наша Зинаида Мартыновна, добровольная мученица; въ этакую-то духоту и къ завтрашнему сеансу готовится!

И его смѣхъ опять раздался,—довольно добродушный, но не умный.

Въ другое бы время она сама улыбнулась, а тутъ ей захотѣлось высунуть ему языкъ или дать окрикъ, какъ на дурака.

— Да, охота пуще неволи!—выговорила Сосо̀; ей тоже захотѣлось перейти къ русскому языку. Она вѣдь была „столбовая", да и въ Петергофѣ это „assez bien porté".

Но она тотчасъ же перешла къ другому сюжету. Заѣхала она за Зизи отъ Ожиговыхъ, которыхъ отвозила; а всѣ пятеро они были на Бабьемъ-Гонѣ, гдѣ устроили чудесный „lawn-tennis", и она очень жалѣла, что Зизи не дождалась. У нея были билеты для входа во всѣ эти мѣста. Теперь она заѣхала за ней; хочетъ она, чтобы ее довезли домой, или она еще подождетъ немного? А Сосо̀ нужно на минутку съ Теняшевымъ въ оранжерею, выбрать фруктовъ. Онъ видѣлъ какіе-то восхитительные персики и дыни...

Зинаида Мартыновна отказалась ѣхать.

— Какъ же ты одна? — спросила Сосо̀. — Хочешь, я тебѣ оставлю Рынина? Вотъ билетъ, — подала она ему карту.

Отказаться было неловко. Но Рынинъ понялъ, что она не особенно восхищена будетъ такимъ tête-à-tête, и самъ сказалъ съ улыбкой:

— Mademoiselle Zina любитъ уединеніе. Зачѣмъ же ей навязывать меня?

Голосъ его звучалъ деревянно и слова выходили съ нѣкоторымъ усиліемъ.

Это: „mademoiselle Zina" съ продолженіемъ рѣчи на русскомъ языкѣ взбѣсило Зинаиду Мартыновну. Она нарочно сказала кузинѣ очень вѣжливо и кротко:

— Merci, Cocó, prends-le,—и указала рукой на Теняшева.

Рынину слѣдовало остаться.

— Ѣдемъ,—скомандовала Сосо̀, взяла Теняшева подъруку и побѣжала съ нимъ къ экипажу.

— Не опоздай! — крикнула она отъ экипажа. — Мы въ семь часовъ ровно... Il faut changer de toilette! Nous avons du monde!

— Успѣю! — отвѣтила Зинаида Мартыновна по-русски и повернула къ дачѣ.

— Вамъ угодно остаться одной?—услышала она сзади голосъ Рынина. — Вы не стѣсняйтесь... Я уйду... И мнѣ надо переодѣться. Софья Германовна просила меня къ обѣду.

Его тонъ рѣшительно мутилъ ее. Не было ничего въ немъ дерзкаго, говорилъ онъ самыя обыкновенныя вещи, но во всемъ сквозило пренебреженіе къ ней. Онъ ей явно показывалъ, что она для него—ровно ничего!..

А Рынинъ шелъ за ней, и его сѣрые, недобрые глаза медленно обглядывали, и во всѣхъ деталяхъ, ея станъ, походку, давно усвоенное ею покачиванье на бедрахъ, лѣвую руку, лежащую вдоль бедра, каблуки ея лаковыхъ башмаковъ.

„По послѣднему фасону,—не спѣша, острилъ онъ мысленно.—Непохожа на нашихъ — заурядныхъ, но что-то въ ней есть — не Faubourg St.-Germain... Лицо напоминаетъ красивыхъ мѣщанокъ“.

Это онъ рѣшилъ, когда, на-дняхъ, въ первый разъ, оглядѣлъ ее, сидя въ гостиной у Сосо̀, наискосокъ отъ Зинаиды Мартыновны, которая все время молчала.

Она сдержала свое сердце и подумала, что это банально, точно въ плохомъ романѣ, когда герой и героиня начинаютъ со взаимныхъ пикировокъ.

— Вы меня проводите до насъ?—сказала она и обернулась къ нему въ полголовы.

— Сейчасъ прикажете?

— Нѣтъ, еще жарко. Здѣсь, въ цвѣтникѣ и на террасѣ, хорошо.

Она выговаривала по-русски безъ того акцента, какой былъ у Сосо̀, хотя обѣ онѣ воспитывались вмѣстѣ. Но она лучше училась, одно время любила болтать, то съ „батюшкой“, то съ „Лукашинымъ“, а всего больше съ Теняшевымъ; онъ повѣрялъ ей свои супружескія и всякія другія тайны всегда по-русски. Говоръ ея былъ даже очень русскій.

И его отмѣтилъ Рынинъ и сказалъ про себя:

„Ну, да, голубушка, и говоришь ты, какъ наши дѣвицы изъ кордебалета“.

— Рококо!—указалъ онъ на окна дачи.

Онъ подалъ свой билетъ лакею на крыльцѣ и сказалъ ему, что осматривать комнатъ не будетъ.

Они спустились по дорожкѣ и остановились на мостикѣ. Тамъ обдавало свѣжестью, и запахъ цвѣтовъ относилъ туда легкій вѣтерокъ съ моря.

Рынинъ поглядѣлъ на желтый томикъ въ ея лѣвой рукѣ.

— Вы — я слышалъ отъ Софьи Германовны — ходите читать книжки Трубчевской.

— Да.

Ей захотѣлось прибавить: „а вамъ что̀ до этого за дѣло?“

Она почувствовала, что вопросъ былъ не спроста.

— И давно?

— Давно...

— Изучаете эту бонапартистку?

Такого слова она рѣшительно не ожидала. „Бонапартистка“—это еще что?

Стоитъ передъ ней, въ некрасивой, жесткой позѣ, у перилъ, офицеръ, сухой, съ солдатскимъ лицомъ, даже на гвардейца мало похожъ, голосъ какъ у динстмана (сравненіе съ писаремъ не могло ей придти), безъ всякаго „стиля“, и вдругъ съ улыбочкой—зубы показалъ при этомъ желтые — называетъ княгиню Елену Романовну Трубчевскую—„бонапартисткой“!

„Что же это? Сарказмъ, колкость, „камуфлетъ“, какъ любитъ выражаться Cocó, въ такихъ случаяхъ, или это какой-то неизвѣстный ей терминъ?“

Она рѣшилась вывѣдать.

— Почему „бонапартистку“?

Она даже ничего больше и не прибавила.

— А какъ же? Вѣдь она того времени... Старая гвардія... княгиня Меттернихъ... и тѣ еще двѣ модницы, Галифѐ-Пурталѐсъ...

Точно нарочно онъ выговорилъ на русскій ладъ, съ мягкой буквой „е“: „Галифѐ-Пурталѐсъ“.

Тутъ она поняла, что это все — „камуфлетъ“, и стала совсѣмъ бѣлая. Но оборвать его сразу было бы уже совершенно не въ „стилѣ“.

— Не знаю, — отвѣтила она, но не такимъ звукомъ, что онъ долженъ бы былъ замолчать или перемѣнить разговоръ.

— Галифѐ-Пурталѐсъ, — продолжалъ онъ, — Наполеона интриговали на маскированныхъ балахъ. Еще онъ одной-то изъ нашихъ такихъ бонапартистокъ сказалъ, что ей въ политику пускаться нечего: скорбна главой.

— Я не понимаю этого... moi!

— Скорбна главой—значитъ: la comprenette difficile...

— Вы это про княгиню?—спросила она и пожала плечами. — Вы, значитъ, не имѣете о ней понятія, а кажется, бываете у нея... У нея — comprenette difficile! Ха-ха!

Она искренно разсмѣялась. Что за идіотъ! И княгиня же находитъ, что онъ выйдетъ въ люди. Смѣхъ подѣйствовалъ. Онъ покраснѣлъ и выпрямился.

— Я знаю, что она умна...

— Вы вѣдь бываете у нея,—не дала она ему кончить,—тоже для изученія?

— Точно такъ,—отвѣтилъ онъ, и дерзко, и серьезно.

— Пригодится?

Она видѣла, что разговоръ переходитъ въ пикировку, а у нея нѣтъ силы дать ему другой оборотъ.

— Мнѣ пригодится... знаете: всякое лыко въ строку. А занимательно бы было узнать, какъ она тамъ, за границей, у себя, въ своемъ Монрепо?

Зинаида Мартыновна вопросительно вскинула на него рѣсницами изъ-подъ шляпки.

— Вы не знаете, что̀ такое Монрепо?

— Понимаю.

— Нѣтъ, вотъ въ петербургскомъ смыслѣ?

— Не понимаю. Но,—она не могла удержаться,—я думаю,—она начала искать русскихъ выраженій,—вы слышали, monsieur Рынинъ, что я близка къ княгинѣ... и вашъ тонъ, все, что вы сейчасъ себѣ позволили,—ее сильно затрудняли русскія фразы, а надо было кончить по-русски,—я нахожу лишнимъ... Это не gentlemanlike!—выговорила она англійское слово.

Рынинъ не сразу отвѣтилъ. Въ это время они подошли опять къ террасѣ.

Онъ обернулся къ ней лицомъ, снялъ свою фуражку съ длиннымъ козырькомъ, согнулъ шею въ видѣ поклона и даже прищелкнулъ шпорами. Она подумала было, что онъ продолжаетъ свой дерзкій „камуфлетъ“.

— Вы правы,—выговорилъ онъ, уже по-другому.—Мнѣ даже весьма пріятно, что вы меня осадили.

— Пріятно?

— Да, у насъ, въ Россіи, вездѣ, и въ самомъ избранномъ обществѣ (слово: „избранный“ онъ сказалъ иронически), полнѣйшая распущенность по этой части. По̀ходя оскорбляютъ людей, завѣдомо вамъ близкихъ. И никто не заставитъ уважать свои отношенія...

— Вы меня хотѣли испытать?—остановила его Зинаида Мартыновна и тихо разсмѣялась.

— Можетъ-быть. Вы, значитъ, съ характеромъ. Нынче это рѣдкость между нашими барышнями.

— Я не люблю этого слова.

— Слушаю-съ. Но почему же вы думаете, что я хотѣлъ только испытать васъ?.. А, быть-можетъ, я хотѣлъ васъ предостеречь!

— Предостеречь?

Она остановилась. Сталъ и онъ. Они были уже по ту сторону дачи.

— Вы скажете, конечно, съ какой стати, по какому праву? Повѣрьте, не изъ того, чтобы васъ поймать на благородныхъ чувствахъ. Я не настолько добръ, чтобы зря протягивать руку. Но... вы позволите присѣсть... и быть съ вами откровеннымъ?..

Зинаида Мартыновна, въ видѣ отвѣта, сѣла на одинъ диванъ съ нимъ, подъ дерево.

Съ крыльца смотрѣлъ на нихъ лакей въ сѣромъ короткомъ пальто, обшитомъ галунами. Барышню онъ уже зналъ, офицера видѣлъ въ первый разъ.

— Вы, кажется, взяли себѣ идеаломъ эту... не бойтесь, я не назову ее еще разъ... вамъ это непріятно. А вѣдь это напрасно. Одно изъ двухъ: или вы про нее ничего не знаете... и тогда вы...

— Je suis une dupe?—досказала она и такъ на него посмотрѣла, что онъ помолчалъ и выговорилъ:

— А если вамъ все извѣстно, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ... cela dépasse ma comprenette à moi,—добавилъ онъ по-французски.

— Вы хотите сказать: въ такомъ случаѣ я... une monstre de perversité?

— Позвольте,—выговорилъ онъ живѣе и болѣе простымъ тономъ,—нотацій я вамъ не могу читать, проповѣдей—точно такъ же; какая вы есть, такая и будете... Вы—дѣвушка на полной волѣ и, кажется, безъ всякихъ уже иллюзій. Отчего же и не быть такой?.. Но вы теперь живете здѣсь. Будемте говорить, какъ бы двое мужчинъ. Одинъ знаетъ хорошо то мѣсто, гдѣ оба живутъ, а другой только что пріѣхалъ. Здѣсь не нѣмецкій курортъ, гдѣ все сойдетъ... Здѣсь—родина ваша...

— Я знаю,—выговорила она спокойнѣе.

Она его слушала почти съ интересомъ, но безъ всякаго добраго чувства.

— Я хочу оказать вамъ простую услугу, mademoiselle Zina. Не понимаю только, какъ madame Дрозенъ или этотъ Теняшевъ—вѣдь онъ вашъ пріятель—не скажутъ вамъ,

что вамъ ходить, каждый день, читать къ Трубчевской, прослыть ея воспитанницей... ея, такъ сказать, духовной дочерью, нѣтъ никакого расчета...

— Это все?—спросила она и опять встала.

Поднялся и Рынинъ.

— Одинъ вопросъ, — остановилъ онъ ее. — Вы знаете, зачѣмъ пріѣхала въ Россію княгиня?

— По дѣлу.

— По какому?

— Это до меня не касается...

— Ну, такъ я вамъ скажу, по какому: она хлопочетъ отдать мужа подъ опеку. А князь,—вы вѣдь его, навѣрное, видѣли, тамъ, въ курортѣ,—ни въ чемъ не повиненъ... Онъ любитъ кутнуть, но это не резонъ, чтобы отнимать у него состояніе... и пускать въ ходъ самые неблаговидные каналы.

— Кто же это доказалъ?

Больше она ничего не прибавила и пошла ускореннымъ шагомъ къ воротамъ. Рынинъ подбѣжалъ къ лакею, опустилъ ему что-то въ руку и догналъ ее на шоссе.

— Вамъ угодно, чтобы я васъ проводилъ?—спросилъ онъ уже прежнимъ тономъ.

— Благодарствуйте.

Это „благодарствуйте“ звучало совершенно такъ, какъ за обѣдомъ, когда Зинаида Мартыновна благодарила Егора, дворецкаго.

Молча спустились они внизъ и пошли по шоссе, держась лѣвой тропинки; жаръ уже спадалъ.

— Вы, можетъ-быть, устали?

Она, дѣйствительно, насилу шла.

— Угодно мою руку?

Не принять было нельзя. Они пошли въ ногу. Идти съ нимъ было ловко.

— L'incident est clos,—сказалъ онъ, не заглядывая къ ней подъ зонтикъ. — Вы стоите за свою... княгиню. Это прекрасно. Я васъ предупредилъ... Мы можемъ и встрѣтиться у нея.

— Значитъ, она вамъ нужна! — живѣе выговорила Зинаида Мартыновна.

— Мнѣ всѣ одинаково нужны, и никто въ частности. Ей-Богу! Вѣдь я не оттого вамъ такъ высказался, что на нее сердитъ. Ея взглядъ на меня я знаю.

— Знаете?

Это ее заинтересовало.

— Добрый человѣкъ пересказалъ.

— И что же?

— Slavophile, chauvin et roublard.

„Она и другимъ то же“, — подумала Ногайцева, и у нея мелькнуло въ головѣ: не умнѣе ли этотъ прыщавый офицеръ, въ бѣломъ сюртукѣ, княгини Елены Романовны?

— Вѣдь такъ? Безъ увертокъ.

— Да, это ея слова.

Ей не слѣдовало признаваться. Но она сдѣлала это машинально; съ этой минуты, какъ онъ держалъ ее подъ руку и она шла съ нимъ въ ногу, она точно стала гораздо моложе его, почти дѣвочкой; а онъ владѣетъ собою лучше ея, несравненно лучше, и уже говоритъ съ ней въ родѣ какъ ловкій гувернеръ, послѣ хорошей головомойки. Она готова была выдернуть руку и крикнуть ему:

— Не нужно мнѣ васъ, идите своей дорогой! Намъ съ вами не бывать даже простыми пріятелями.

И ее переполнило знакомое ей чувство естественной вражды къ мужчинѣ, къ настоящему, вотъ такому, какъ этотъ „roublard“, сухому, долговязому, отъ котораго идетъ особый запахъ,—смѣсь одеколона съ испареніями кожи отъ его рейтузъ и вылощеннаго утюгомъ бѣлаго кителя.

Но рука его прижимала ея руку плотно, жестко, авторитетно.

Она задыхалась отъ всѣхъ этихъ чувствъ, когда Рынинъ раскланялся съ ней, доведя до дому.

IV.

Рынинъ ночевалъ у пріятеля, въ зданіяхъ дворца. Онъ пріѣхалъ на однѣ сутки изъ лагеря подъ Краснымъ. Ко дворцу взялъ онъ извозчика, туда и назадъ, и поторговался съ нимъ, чего его сослуживцы и вообще кавалеристы почти никогда не дѣлаютъ. Но онъ зналъ, когда и гдѣ соблюсти экономію. Тратить зря онъ не любилъ, да и не могъ. Считая съ жалованьемъ — оно у него шло въ счетъ—онъ могъ проживать, не дѣлая долговъ, тысячи четыре на самый большой конецъ. Лошадей упряжныхъ, разумѣется, не держалъ. Верховая стояла въ эскадронѣ. У него не было даже „подъѣздка“, а одинъ только „па-

радеръ“, но добрая лошадь, купленная по случаю очень дешево. Въ полкъ онъ вернулся всего полгода назадъ. Его служба, почти съ самой турецкой войны, прошла внѣ полка; поэтому онъ такъ и запоздалъ въ производствѣ: былъ всего еще штабсъ-ротмистръ, когда его товарищи уже командуютъ эскадронами въ гвардіи и полками въ армейской кавалеріи. Ему пошелъ тридцатый годъ.

Но Рынинъ смотрѣлъ на свой полкъ, на строевую службу вообще, только какъ на временную, выжидательную станцію. Его не туда влекло.

На тряскомъ извозчикѣ онъ сидѣлъ, высокій и сухой, немного согнувшись, въ фуражкѣ съ удлиненнымъ козырькомъ, и въ немъ не было ничего не только ухарскаго, но даже и той особенной развалистости, какой держится почти каждый молодой офицеръ-кирасиръ. Онъ и не желалъ поддѣлываться подъ тотъ жанръ, что установился въ полку за послѣднее время: жанръ этотъ мѣняется каждыя пять лѣтъ, а то и чаще. Если бы онъ выпячивалъ грудь покруче, да былъ поплечистѣе—его манера держаться, когда онъ стоялъ и ходилъ, похожа бы была скорѣе на выправку офицера-пруссака, а еще ближе—нѣмецкаго чиновника въ мундирѣ.

Нѣмецкое воспитаніе прошлось по немъ. Въ южной Германіи, въ школѣ, онъ учился года четыре, а потомъ и въ университетѣ два года былъ „корбуршемъ“ въ корпораціи.

Пришлось отбывать повинность. Война, славяне, наплывъ идей, къ которымъ онъ сразу получилъ наклонность и по-своему воспользовался ими,—вотъ что выяснило ему самого себя. Онъ унтеръ-офицеромъ состоялъ въ ординарцахъ при одномъ легендарномъ генералѣ, отлично его понялъ и изучилъ, остался тамъ, за Балканами, въ видной, но недоходной должности. Когда онъ въ мундирѣ, у него грудь въ иностранныхъ, больше всего—славянскихъ крестахъ. Но выше онъ не могъ подняться: время настало тугое; случались и настоящія недоразумѣнія съ тамошнимъ высшимъ русскимъ начальствомъ. Онъ предпочелъ вернуться въ полкъ и ждать.

Рынинъ любилъ женщинъ, какъ охотникъ любитъ дичь; слабости къ нимъ не имѣлъ никакой; когда-то водился и съ кокотками и считался въ ихъ кругу дерзкимъ и часто циничнымъ до крайности. Француженки звали его „pince-sans-rire“, потому что онъ вышучивалъ и ихъ компанію

съ безстрастнымъ выраженіемъ лица. Его боялись. У него не было ни одной дуэли, даже и въ ту пору, когда онъ участвовалъ въ попойкахъ и славился своей крѣпостью. Теперь онъ пьетъ только красное вино, не любитъ шампанскаго, и циническихъ вещей, ни злыхъ, ни шутливыхъ, не говоритъ изъ принципа.

Въ Петербургѣ онъ началъ бывать вездѣ, гдѣ держатся нѣкоторыхъ взглядовъ въ „русскомъ" направленіи. Двѣ-три вліятельныя дамы принимали его не какъ простого кавалера для танцевъ, а съ особеннымъ оттѣнкомъ: точно онъ агентъ кого-то, какой-то особы; этой дымки онъ не разсѣвалъ вокругъ себя и, гдѣ можно было, говорилъ всегда вовсе не какъ строевой военный, а скорѣе какъ дипломатъ въ мундирѣ, на особый манеръ. Многіе замѣчали, что онъ начитанъ—и не такъ, какъ другіе. Почти каждая брошюра и книга по славянскимъ вопросамъ, все, что касается нѣмцевъ, ихъ замысловъ, будущей войны съ ними, видовъ на Константинополь и на „Эгейское" море,—все это ему было извѣстно. Въ одной гостиной онъ развернулъ даже какой-то южно-славянскій листокъ, и дамы попросили его прочесть нѣсколько строкъ, чтобы послушать, какъ это звучитъ. Одна разсмѣялась: Рынинъ сейчасъ же прекратилъ чтеніе. Все это хорошо его ставило и въ женскомъ обществѣ. Но до сихъ поръ и послѣ своего возвращенія въ Россію онъ ни къ одной свѣтской женщинѣ не ѣздилъ „съ намѣреніями".

Зинаиду Ногайцеву увидалъ онъ сначала на музыкѣ, въ Нижнемъ саду. Кое-что слыхалъ онъ о ней и за границей, и ему припомнилось даже что-то о ея „исторіи". Эта статная дѣвица „высшей школы" (такъ онъ ее, по-кавалерійски, называлъ) вызвала въ немъ, въ первый же разъ, чувство, какое является у берейтора при видѣ чужой выдрессированной манежной лошади, которая выдѣлываетъ свои упражненія, не обращая на него вниманія; другой ее вышколилъ, а его бича она не испугается. И онъ сказалъ себѣ: „я съ ней познакомлюсь и погляжу, что̀ подъ такой школой имѣется". Въ ней ему все-таки понравилась эта „школа". Петербургскихъ дѣвицъ, въ массѣ, онъ называлъ про себя весьма нелестнымъ терминомъ,—до такой степени онѣ казались ему „жидки" во всѣхъ смыслахъ. Онъ въ большинствѣ ихъ не находилъ ничего ни „славянскаго", ни даже „хорошаго" нѣмецкаго. Жениться на одной изъ нихъ онъ допускалъ развѣ

изъ расчета, и то только если избѣжать „этого“ нельзя будетъ.

Познакомиться съ Сосо̀ Дрозенъ не было никакой трудности. И раскусить ее также. Въ Сосо̀ школа рѣзче была видна, чѣмъ на Ногайцевой. Она выкладывала ее, кромѣ внѣшняго облика, въ своемъ неумолкаемомъ „bagout“, въ своемъ „montant“ — ея любимыя выраженія. Для него, очень бывалаго, обѣ кузины попали въ разрядъ сначала дрессированныхъ модныхъ „дѣвочекъ“ (онъ произносилъ иногда это слово и безъ уменьшительнаго окончанія). Только у нихъ все было поновѣе, особенно здѣсь, въ Петергофѣ. И Рынинъ не встрѣчалъ еще такихъ отрѣшенныхъ отъ своей родины русскихъ женщинъ, да и отъ всего, кромѣ ихъ моднаго толка. Въ немъ презрительное чувство смѣшивалось еще съ любопытствомъ и съ желаніемъ осаживать „этихъ бабёнокъ“, показывать имъ, при случаѣ, когда онъ присмотрится къ нимъ, какія онѣ „шутихи гороховыя“. Онъ вполнѣ искренно поглядѣлъ на нихъ такимъ именно образомъ, а вовсе не изъ одной зависти, что вотъ онъ, Рынинъ, долженъ облизываться, глядя на то, какъ такая Софья Германовна Дрозенъ живетъ, сколько она тратитъ, какая у нея обстановка. Его не покидала увѣренность, что и у него все это будетъ, и не это одно, а власть, возможность заставлять прыгать по своей дудкѣ тѣхъ, кто теперь проходитъ мимо него, не спрашивая: кто этотъ длинный, прыщаваго лица, офицеръ, въ бѣлой фуражкѣ и кавалерійскихъ рейтузахъ?

Въ Петергофѣ домъ Сосо̀ Дрозенъ былъ для него „курьёзнѣе“ другихъ: онъ тоже начиналъ уже испытывать, послѣ жизни за границей, вялость и тусклость общаго тона и въ гостиныхъ, и въ дѣловыхъ кабинетахъ, и въ казармахъ...

Въ десять минутъ Рынинъ на квартирѣ пріятеля былъ готовъ, умылся, велѣлъ себя почистить и перемѣнилъ китель на сюртукъ, который онъ носилъ длиннымъ, на три вершка длиннѣе, чѣмъ носили тогда: при его ростѣ, модный короткій сюртукъ дѣлалъ бы его фигуру смѣшной. На обратномъ пути онъ улыбнулся про себя, когда сталъ перебирать въ головѣ всѣ маленькіе эпизоды и фразы, ихъ стычки въ цвѣтникѣ, на террасѣ и подъ деревомъ, на дворѣ „государевой“ дачи. Нечего тутъ и сомнѣваться: она „спасовала“. Онъ вышелъ изъ перваго опыта съ пол-

нымъ успѣхомъ. Такъ должно пойти и дальше. Такой типъ женщинъ всегда ему нравился. Малорослыхъ („карапузиковъ“), вотъ такихъ, какъ Сосо, съ грушевиднымъ бюстомъ, на короткихъ ножкахъ, чего-то похожаго на хорошенькую „Spritz-mamsell“, гдѣ-нибудь въ Вѣнѣ или Пештѣ, въ кіоскѣ съ содовой водой, онъ не признавалъ. Даже и чувственность его требовала совсѣмъ не того. Ему нужны были болѣе чистыя линіи, драпировка, падающая вдоль стройныхъ бедръ, величавый подъемъ головы, походка съ ритмомъ,—такая есть у Зины Ногайцевой,—матовость кожи, строгость профиля, высокій лобъ. Все это у нея имѣлось и все-таки на какой-то „славянской подкладкѣ“, что ему было, опять-таки, пріятно...

„Она повыше сортомъ очень многихъ,—думалъ онъ, на возвратномъ пути къ дачѣ Сосо Дрозенъ,—повыше, хоть и набита всякимъ обезьянствомъ“.

Почуялъ онъ въ стычкѣ сегодня передъ обѣдомъ и то, что въ Зинѣ Ногайцевой есть какая-то, мало попадающаяся и за границей, бывалость. Мужчины ее не волновали. Точно будто она чрезъ все уже прошла. Въ ея непорочность онъ ни малѣйшимъ образомъ не вѣрилъ: вѣдь она что-то въ родѣ питомицы княгини Трубчевской.

„Но изъ такой, вышколившей самоё себя по доброй волѣ, особы въ хорошихъ рукахъ можетъ выйти нѣчто?..“

Усмѣшка сошла съ губъ его, и онъ задумался отъ этого вопроса. Извозчикъ ѣхалъ очень тихо; онъ на него не кричалъ, а обыкновенно бывалъ съ извозчиками, и вообще съ народомъ, жестокъ и даже золъ.

Сегодня тамъ, на Бабьемъ-Гонѣ, во время игры въ мячъ—„lawn-tennis“, какъ они всѣ называли—съ нимъ разболтался этотъ Теняшевъ, по всѣмъ признакамъ—ихъ давнишній пріятель, сталъ ему сначала, ни съ того, ни съ сего, разсказывать, какихъ у него жена „дѣловъ“ надѣлала: прогремѣла на всю Европу, и карточки ея вездѣ продаютъ; а онъ, по добротѣ, ее „жалѣючи“, далъ ей разводъ и взялъ все на себя, почему онъ „въ этихъ дѣлахъ“ и опытенъ, и руководитъ теперь хлопотами Софьи Германовны: устроилъ такъ, что ей больше не грозятъ родственники мужа, а прежде они хотѣли ее „цапъ-царапъ“, какъ только она носъ покажетъ въ Россію для совѣщаній съ адвокатомъ, который ѣздилъ уже два раза къ ней въ Берлинъ, да все это сдѣлалось „дьявольски дорого“.

Онъ слушалъ Теняшева, а самъ оглядывалъ его и удивлялся, какъ такой „Алексѣй коридорный“ могъ занимать за границей постъ, отъ котораго, на первыхъ порахъ, онъ, Рынинъ, не отказался бы. Что у этого „коридорнаго“ ходило въ головѣ, ему трудно было рѣшить: какія идеи и соображенія насчетъ національной политики? Не безъ удовольствія узналъ онъ, что его изъ Европы переводятъ куда-то далеко, чуть не на Тихій океанъ...

Но Теняшевъ отъ Сосо перешелъ сейчасъ же къ „другу“ своему—Зинѣ; онъ такъ просто и называлъ: „Зина“, и говорилъ о ней съ причмокиваньемъ, какъ дѣлаютъ виноторговцы, предложивъ вамъ на пробу вина: „лучше, молъ, за эту цѣну не найдете, да и дороже будетъ, а все не то“. Рынинъ не ставилъ сначала никакихъ серьезныхъ вопросовъ. Это было бы „жениховствомъ“. Онъ свободно уловилъ тонъ, въ которомъ всего лучше говорить о Зинѣ съ ея пріятелемъ; только онъ не могъ не удивиться, какъ же это она сошлась съ такимъ, ужъ совсѣмъ не высшаго стиля, соотечественникомъ? Должно-быть, ей ловко съ нимъ, стѣсняться не нужно; она, должно-быть, смотритъ на него не какъ на мужчину, а больше какъ на наперсника, безъ пола...

Теняшевъ, все подмигивая, кидалъ фразы не то въ хвалебномъ тонѣ, не то въ такомъ, что вотъ, молъ, у насъ теперь какія дѣвицы водятся. Тутъ было всего: и „ее на кривой не объѣдешь“, и „принцевъ крови объѣзжала“, и возгласъ: „порода какова! и вправду хорошо русская печь печетъ“, и разное другое, въ такомъ же вкусѣ.

А въ антрактѣ между двумя партіями, тотъ же Теняшевъ щелкнулъ языкомъ и сказалъ ему, точно по секрету:

— Такихъ у васъ отроковицъ пѣтъ: на всей своей волѣ, въ родѣ какъ королева амазонокъ, и двѣсти тысячъ чистаганчикомъ отъ безпутнаго тятеньки; этакій выигрышъ не часто бываетъ, хоть бы и перваго сентября.

Рынинъ, не разспрашивая его, самъ узналъ про то, что отецъ Зины „въ домикѣ сидитъ“, послѣ чего послѣдовала шутка насчетъ того, что на такой дѣвицѣ жениться тогда было бы опасно, если бъ у нея дѣти пошли.

— А у Зины не будетъ, за это ужъ я вамъ ручаюсь.— Теняшевъ на ухо сказалъ ему, потомъ уже совсѣмъ за панибрата: — Да она и въ морганатическія къ сіамскому

королю не пойдетъ... Что ей?.. Для нея мы, мужчинки, такъ что-то въ родѣ динстмановъ и лон-лакеевъ.

На первый разъ Рынину было достаточно. Но запанибратство Теняшева не мѣшало ему въ знакомствѣ съ обѣими кузинами. Онъ зналъ теперь, кто ихъ приближенные.

Сосо̀ сказала ему, что къ обѣду у нея будутъ, кромѣ четы Ожиговыхъ, домашній врачъ ея отца, „un bon diable“ — изъ „вѣчныхъ студентовъ“, какъ пояснилъ Теняшевъ, и французъ Блэзо — бывшій учитель Зины, „un communard muselé“—по опредѣленію хозяйки дома.

Мужа и жену Ожиговыхъ, которыхъ они завозили съ Бабьяго-Гона къ нимъ на дачу, Рынинъ встрѣчалъ когда-то, еще до войны. Тогда они шли въ гору, и потомъ разомъ споткнулись. Онъ зналъ—на чемъ, и смотрѣлъ на „Мишку“ Ожигова—такъ его звали въ кутящихъ компаніяхъ—какъ на пустѣйшаго бабника, мотыгу и переметную суму; теперь же къ этому взгляду присоединилось и брезгливое чувство къ его „недоразумѣнію“, какъ вездѣ повторяла его жена, старавшаяся увѣрить каждаго, что ея мужъ оклеветанъ. Для Рынина такіе люди, какъ Ожиговъ, были всегда особенно ненавистны, хотя онъ ни однимъ звукомъ не выказывалъ этого, а, напротивъ, отзывался о нихъ слегка, какъ о сотнѣ другихъ баръ, чиновниковъ или военныхъ. Его возмущала глубоко, непримиримо, возможность того, что подобные „Мишки“ бываютъ „взысканы“, могутъ попадать наверхъ; бѣсило то, что выше ихъ, да и туда, гдѣ они сидятъ, не забраться и такимъ, какъ онъ, если бабушка не поворожитъ. Когда онъ раздумывалъ объ этомъ, то считалъ въ себѣ оскорбленнымъ „лучшаго сына родины“; мечталъ даже иногда, какъ онъ, добившись власти, способенъ будетъ сажать „въ лужу“ всякое такое дрянцо, не достойное ни наслѣдственнаго состоянія, ни имени: Ожиговы были графы.

Впрочемъ, онъ считалъ себя весьма родовитымъ, родовитѣе хоть бы такого Мишки Ожигова, прадѣду котораго былъ пожалованъ титулъ графа „римской имперіи“, что̀, какъ онъ выражался, „не жирное кушанье“. Смѣло носилъ онъ и свое, не для гостиныхъ и будуаровъ выбранное, крестное имя. Его звали Парменій или, по-просту, Парменъ. Но онъ печаталъ на карточкахъ: „Парменій Никитичъ Рынинъ“ и поставилъ бы: „Ширяевскій“; онъ толковалъ указъ о дворянскихъ вольностяхъ такъ, что

каждый старшій въ родѣ, владѣющій родовымъ имѣніемъ, можетъ прибавлять къ фамиліи имя своей вотчины. Но „Ширяевымъ" онъ теперь не владѣлъ. Оно пошло съ молотка, за долги отца. Парменіемъ его звали вездѣ почтительно; и у Сосо онъ заставилъ, въ русскомъ разговорѣ, выговаривать отчетливо свое имя и отчество — первую Зину. Имя Парменъ въ родѣ его отца—стародавнее, какъ въ родѣ его матери значилось двадцать Лукьяновъ—тоже имя не очень модное, зато весьма звучное по-французски. Себя онъ не позволялъ и думать звать на французскій ладъ, и всегда почти замѣчалъ:

— Надо бы говорить: Парменидъ, да я въ философы не мѣчу...

И многіе отъ него узнавали, въ первый разъ, что былъ такой древній мыслитель.

Когда извозчикъ, протащившій его отъ дворца болѣе четверти часа, завернулъ на дворъ дачи Софьи Германовны Дрозенъ, Рынинъ подумалъ не безъ удовольствія, что личности, окружающія Зину Ногайцеву, мѣшать ему не могутъ.

Мѣшать — въ чемъ? Онъ еще не отвѣтилъ на это, но его уже подмывало охотницкое чувство къ безкровной красавицѣ. Еще разъ остановился онъ мыслью на томъ ощущеніи, съ какимъ онъ велъ ее сегодня вотъ сюда же, къ этой дачѣ съ двумя башенками, построенной навѣрное нѣмцемъ-банкиромъ.

И въ этомъ онъ не ошибся. Дачу строилъ отецъ Сосо— Германъ Францовичъ Кунъ, когда разбогатѣлъ въ Петербургѣ. На ней Сосо и родилась. Но до нынѣшняго года дача ходила внаймы.

До обѣда оставалось двадцать минутъ; на дворѣ, гдѣ между палисадникомъ и широкимъ подъѣздомъ желтѣла площадка, не стояло ни одного экипажа. Рынинъ подъѣхалъ на своемъ, очень невзрачномъ, извозчикѣ прямо къ крыльцу. И въ этомъ онъ любилъ оставаться самимъ собою, выказывая даже нѣкоторое франтовство, когда нужно было.

Дамы еще не выходили въ гостиную; ихъ туалетъ могъ затянуться до семи часовъ, если не зайти за срокъ обѣда.

Въ прихожей, въ видѣ большого полутемнаго коридора, съ витой лѣстницей налѣво и дверью прямо — въ распи-

санныхъ готическихъ стеклахъ—Рынина встрѣтилъ лакей, высокій, молодой, бритый, но съ крошечными бакенбардами, въ короткомъ ливрейномъ фракѣ свѣтло-голубого сукна, при темномъ бархатномъ воротникѣ, въ шелковомъ полосатомъ жилетѣ, штиблетахъ и воротничкахъ, какіе можно видѣть на прислугѣ только въ Гайдъ-Паркѣ.

Рынинъ уже зналъ, что этотъ лакей — англичанинъ, и ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, не говоритъ. Мальчикъ-грумъ, тоже англичанинъ,—его не было въ передней,—говорилъ по-французски. Софья Германовна „обожала“ Англію и увѣряла всѣхъ, что никакой другой страны и общества не признаетъ.

Воздухъ и полусвѣтъ передней, драпировки изъ восточныхъ матерій, громадное японское блюдо для карточекъ, такой же фонáрь дѣлали изъ лакейской пріятную галлерею. Гость согласился, что эта русско-нѣмецкая англоманка довольно сильна въ декоративномъ стилѣ.

По-англійски Рынинъ не говорилъ свободно, какъ и большинство русскихъ мужчинъ, но онъ все-таки отвѣтилъ, что̀ было нужно, когда лакей предложилъ ему пройти въ салонъ.

Тамъ уже дожидался Теняшевъ, все въ томъ же неряшливомъ съютѣ, и незнакомые Рынину двое мужчинъ: Лукашинъ и Блэзо. И въ гостиной стоялъ полусвѣтъ отъ спущенной на балконѣ большой маркизы и японскихъ шторъ на окнахъ. Она была вся въ букетахъ и цвѣточныхъ горшкахъ. Въ одномъ изъ угловъ — два почти шарообразныхъ куста крупныхъ живыхъ маргаритокъ, только изъ цвѣтовъ, составленные вмѣстѣ, казались полукруглымъ, высокимъ диваномъ. Обои и мебель, желтаго штофа съ бѣлымъ лакомъ, набрасывали на всѣ предметы золотисто-палевый колоритъ. Комната ушла вся въ бронзу, плюшевые столики и этажерки, переполненныя фарфоромъ, и въ старыя матеріи, набросанныя на пьянино; на мебель, со стѣны, смотрѣли два венеціанскихъ зеркала; за картинами хозяйка не гналась.

Всѣ „bibelots“ она привезла изъ-за границы на одно лѣто.

Теняшевъ познакомилъ Рынина съ обоими мужчинами.

Ихъ видъ удивилъ его: Лукашинъ замѣнилъ свое пальто изъ чесунчи визиткой кофейнаго цвѣта, а Блэзо былъ въ черной сюртучной парѣ, купленной въ „готовыхъ платьяхъ“. Небольшого роста, немного выше доктора, узкопле-

чій, со впалой грудью, скорѣе темнорусый, чѣмъ черноволосый, съ маленькимъ, желтымъ, немного веснущатымъ лицомъ, очень напоминающимъ русскаго мастерового изъ Москвы или Тулы, съ шершавой бородкой рыжевато-черной,—онъ держался совсѣмъ не по-свѣтски, какъ грамотный рабочій, наборщикъ или часовщикъ, надѣвшій свою черную праздничную пару. Онъ еще менѣе Лукашина подходилъ къ стѣнамъ bouton d'or, японскимъ potiches и цѣлому морю розъ, незабудокъ, лилій, геліотроповъ, петуній и маргаритокъ. Его зеленоватые глаза съ крапинками, подъ густыми бровями, смотрѣли на всѣхъ слишкомъ серьезно для такого мѣста, но ротъ улыбался — не особенно, впрочемъ, ласково: въ углахъ его сидѣла складка человѣка, много пережившаго и съ большой выдержкой.

Такимъ онъ показался Рынину, которому Блэзо ничего не сказалъ, никакой обычной фразы француза, даже простого: „Enchanté!“ Она бы къ нему и не пошла. Рынину это понравилось, а присутствіе *такого* француза въ салонѣ Cocò Дрозенъ онъ началъ себѣ объяснять ея „милымъ“ гостепріимствомъ, должно-быть, унаслѣдованнымъ отъ русской матери... Разумѣется, такого точно вида русскаго учителя или литератора она бы къ себѣ не позвала обѣдать, а этотъ французъ — „avec un passé“—побывалъ, какъ слышно, въ коммунарахъ или, по малой мѣрѣ, въ какихъ-нибудь „коллективистахъ“.

Все это было довольно забавно и обставляло для него, на неожиданный ладъ, личность и фигуру Зины Ногайцевой.

Изъ-за портьеры, со стороны внутреннихъ комнатъ, выскочила собачка-грифонъ и подбѣжала прямо къ Рынину.

— Съ ней надо не иначе, какъ по-англичански,—заговорилъ Теняшевъ и началъ ее звать:—Тоби, Тоби!

Но грифонъ прыгалъ около Рынина.

— Другого языка не знаетъ? — обратился тотъ къ Теняшеву.

— Не знаетъ... Ахъ, жаль, что здѣсь нѣтъ моего гончаго смычка.

— Вы охотникъ? — спросилъ Теняшевъ Рынина и, не дожидаясь его отвѣта, продолжалъ:—Борька и Зорька у меня... таксы... знаете, кривоножки? Въ норку кротовую зароются такъ, что готовы подохнуть, если не вытащить.

Лукашинъ погладилъ Тоби; поглядѣлъ на него и Блэзо, но ничего не сказалъ.

— А Зинаиды Мартыновны песикъ гдѣ?—спросилъ докторъ у Теняшева.

— За границей остался. Ему операцію будутъ дѣлать... по всѣмъ правиламъ хирургіи.

— А что̀ у него?

— Грыжа... кажется.

— C'est le vieux Dizzy? — присталъ къ разговору и Блэзо.

Рынинъ увидалъ, что онъ понимаетъ русскій разговоръ, и нашелъ не лишнимъ спросить его, давно ли онъ знаетъ Россію?..

За него отвѣтилъ ему докторъ.

— Иванъ Альфонсовичъ почти-что нашъ. Онъ только стѣсняется немножко, а по-русски чисто говоритъ. Вѣдь онъ въ Россіи лѣтъ пять учительствовалъ и даже, кажется, немножко практиковалъ, —такъ ли, коллега?.. Вы ужъ не запирайтесъ. Вы вѣдь тоже докторъ, хоть и не пишете этого на карточкахъ.

Разговоръ пошелъ и дальше по-русски. Но Блэзо больше кивалъ головой, и на прямыя обращенія Рынина отвѣчалъ чрезвычайно кратко, но не мѣняя своей полусерьезной мины и безъ всякаго подлаживанья.

Это не укрылось отъ Рынина и скорѣе понравилось ему. Всѣ четверо стояли посрединѣ гостиной и разговаривали вполголоса; но никто изъ нихъ не былъ стѣсненъ. И Рынинъ видѣлъ, что не только Теняшевъ, но и докторъ, и Блэзо держатся совсѣмъ не такъ, какъ держали бы себя въ настоящемъ высокопоставленномъ салонѣ, передъ выходомъ хозяйки.

Ему и сегодня, на „государевой“ дачѣ, хотѣлось уже осадить Зину Ногайцеву и по этой части: показать ей, на первый разъ, хоть въ видѣ намековъ, что ни на нее, ни на ея кузину не смотрятъ такъ, какъ бы ей, вѣроятно, хотѣлось. „Школа“ въ нихъ есть, какъ есть она въ актрисахъ, модисткахъ, наѣздницахъ, танцовщицахъ—для наружныхъ пріемовъ, а настоящаго барства все-таки нѣтъ, и этому Зину не научила даже и ея „бонапартистка“; у той оно въ крови.

Онъ оглядѣлъ гостиную и потомъ опять обвелъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ, и въ немъ самомъ поднялось чувство увѣренности, что онъ только и есть—настоящаго тона гость для такой гостиной. Пускай эта самая Зина считаетъ его конюхомъ и „malappris“, послѣ ихъ сего-

дняшняго разговора. Самый, по-своему, порядочный человѣкъ былъ, все-таки, по его оцѣнкѣ, французъ. Передъ тѣмъ, что онъ про него уже слышалъ, Рынинъ совсѣмъ не преклонялся, но чуялъ въ немъ натуру, сродни своей...

Францію онъ считалъ почти-что погибшей страной, а французовъ — „промзглой" націей. Не однѣ московскія передовыя статьи повліяли на него. Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, но презиралъ еще болѣе „французишекъ" за то, что они дали себя побить и, навѣрное, будутъ, по его мнѣнію, и въ другой разъ побиты, если вздумаютъ мечтать о „реваншѣ". Во Франціи онъ живалъ, вхожъ былъ, одно время, въ офиціальныя сферы — и военныя, и штатскія, и въ частные политическіе кружки.

„Людишки, а не люди",—повторялъ онъ часто, и былъ убѣжденъ, что Франціей овладѣла „дѣвка", „la fille", что „паскудствомъ" пропахли тамъ рѣшительно всѣ. Онъ не любилъ „французить" ни въ полку, ни въ свѣтѣ.

Дверь изъ передней полуоткрылась; грумъ, одѣтый такъ же, какъ и лакей, только въ короткомъ камзолѣ, вмѣсто фрака, выговорилъ съ акцентомъ и очень громко:

— Madame la comtesse, monsieur le comte Ogigoff.

Всѣ мужчины обернулись. Первой вошла жена, уже отцвѣтающая, крупная женщина, съ несвѣжимъ цвѣтомъ лица, въ красномъ платьѣ, по другого цвѣта, чѣмъ то, какое было днемъ на Cocò, въ шляпкѣ,—что Рынинъ сейчасъ отмѣтилъ. За ней, немного вприпрыжку, — забѣгая сбоку,—показался мужъ съ узко-разрѣзанными глазами и плоскими свѣтлорусыми волосами, жидкими и прилизанными. На всемъ его лицѣ лежалъ жирный глянецъ. Онъ былъ во фракѣ и даже въ бѣломъ галстукѣ. Усы его торчали въ нитку и подъ выдавшейся нижней губой сидѣла бородка.

Ожиговъ узналъ Рынина и далъ ему „шекэндсъ", покачнувшись на-бокъ, съ широко-раскрытымъ ртомъ и коротким смѣхомъ...

„Все такой же болванъ", — выбранился про себя Рынинъ, и сейчасъ же былъ представленъ графинѣ. Онъ ее встрѣчалъ когда-то, и напомнилъ ей объ этомъ.

— Онѣ не готовы!.. Разумѣется!—сказала она лѣниво, низкимъ голосомъ, и пошла, переваливаясь, къ дивану.

Графъ жалъ по очереди руки остальнымъ мужчинамъ и смѣялся короткимъ смѣхомъ.

Манера графини — и говорить, и держать себя — была Рынину давно и отлично извѣстна. Все это сложилось здѣсь, въ Петербургѣ, въ Царскомъ, въ Павловскѣ, на островахъ, въ томъ кутящемъ кружкѣ, гдѣ „Мишка“ еще не такъ давно всѣхъ угощалъ и задавалъ пиры въ загородныхъ трактирахъ и у себя. Его жена пріобрѣла въ этомъ кружкѣ—къ нему принадлежало и нѣсколько другихъ барынь—особый кутильно-актерскій тонъ разговора и всей повадки. Онъ и ихъ называлъ „доморощенными бонапартистками“. Было время, когда три-четыре такія барыни вводили въ Петербургѣ нравы второй имперіи, ѣздили однѣ, безъ мужчинъ, кутить въ рестораны, слушать цыганъ, держали себя совсѣмъ по-мужски.

Отъ этого времени въ Ожиговой осталась,—когда прошла свѣжесть,— привычка ярко одѣваться, полуночничать, держать у себя беккара̀ и говорить по-русски, какъ говорятъ актрисы и старыя танцовщицы, а молодымъ людямъ давать бранныя прозвища, почти всѣхъ называть „лягушками“.

Съ той поры, какъ ея „Мишка“ сошелъ со сцены, она за границей постоянно и со всѣми говорила о немъ и убѣляла его, часто болѣла, кормила у себя русскихъ, отличалась богомольностью и особенную страсть выказывала къ покойникамъ, даже къ обмыванію ихъ, къ похоронамъ и похороннымъ хлопотамъ. Ея мужъ безпрестанно ѣздилъ то въ Парижъ, то въ Россію, и его репутація неразборчиваго любителя женщинъ не остывала. При женѣ онъ держался мальчикомъ и былъ aux petits soins. Его невѣрностей жена какъ бы не признавала, и между мужчинами, еще не такъ давно, считалась совсѣмъ не строгой.

— Идутъ, идутъ! — вскрикнулъ и вскочилъ Теняшевъ. Онъ уже присѣлъ къ графинѣ и что-то такое началъ ей разсказывать „нецензурное“.

Кузины появились разомъ; впереди Cocò — немного торопливой походкой, и говорила еще въ дверяхъ. Обѣ онѣ были одѣты въ разные цвѣта, но по одному рисунку, изъ легкой, мелкими букетами тафты, съ кружевными рубашками корсажей и юбками съ шитьемъ и густыми буфами. Въ волосахъ—по цвѣтку: у Cocò—роза, у Зины—лилія.

„Подъ кадрель!“—замѣтилъ про себя Рынинъ, любившій такія солдатскія сравненія.

Туалеты были дѣйствительно „first-rate“, но Рынинъ прикинулъ обѣихъ кузинъ къ линяющей и грубовато-одѣтой Ожиговой, и нашелъ, что она, все-таки, русская барыня, хоть и актерскаго тона, а онѣ — двѣ высшаго покроя „пробиръ-мамзели“, тѣ, что цѣлый день стоятъ передъ трюмо и на нихъ накидываютъ пальто, юбки, кофточки и sorties de bal. Этотъ контрастъ даже особенно рѣзко выяснился передъ нимъ.

— Bonjour!—кидала Сосо̀, тряся всѣхъ по очереди за руку, уже вполнѣ на британскій манеръ. — Мы не опоздали... Зизи меня напугала... Ah, monsieur Blaizot, votre élève me rend la vie bien dure... Tobby! — крикнула она на собачку,—go one! Докторъ, у Зизи опять ея мигрень; это несносно; пропишите ей что-нибудь... Monsieur Rynine... отчего вы не въ бѣломъ... какъ это называется?.. ки... ки...

— Китель,—подсказалъ Теняшевъ.

Сосо̀, не переводя духа, продолжала:

— Графъ, не правда ли, какъ мы васъ отдѣлали въ lawn-tennis? А послѣ обѣда надо немножко въ крокетъ...

Она говорила больше по-русски, картаво и напряженно — изъ вниманія къ доктору: Лукашинъ и за границей не выучился, какъ слѣдуетъ, ни одному иностранному языку.

— Madame est servie! — объявилъ грумъ, сталъ у дверей и поддерживалъ портьеру.

Сосо̀ дала руку графу, Теняшевъ повелъ графиню. Рынинъ подошелъ къ Зинѣ.

Она поклонилась ему, когда входила, вѣжливо, но очень сухо, и теперь просунула лѣвую руку, а правой поправила на ходу цвѣтокъ, что̀ онъ счелъ явнымъ признакомъ невниманія.

— Иванъ Альфонсовичъ, вашу руку!

Лукашинъ повелъ француза и что-то ему шепнулъ на ухо.

Блэзо выговорилъ только:

— Dame!

Столовая была отдѣлана въ стилѣ Louis XIII, съ дубовой обшивкой, металлическими блюдами по стѣнамъ, съ обоями изъ cuir repoussé. Два старинныхъ портрета голландскихъ мастеровъ, въ черныхъ рамахъ, глядѣли съ двухъ противоположныхъ стѣнъ. Каминъ темнаго мрамора заставлялъ экранъ въ старомъ нѣмецкомъ вкусѣ.

Высокіе поставцы и полки пестрѣли майоликой и фарфоромъ. Серебряныхъ вещей почти не было видно. Цвѣтныя стекла пропускали въ столовую двойственный свѣтъ, но на дворѣ солнце стояло еще высоко.

Дворецкій Егоръ, бывшій курьеръ, ѣздившій много за границу, всталъ у входа около одного изъ рѣзныхъ поставцовъ, въ бѣломъ жилетѣ, съ брюшкомъ и чистенькой лысиной, въ черномъ фракѣ, но въ чулкахъ и башмакахъ.

Закуски не сервировались на отдѣльномъ столѣ или буфетѣ — Сосо̀ находила это „par trop traktir“ — и ихъ подавали по-иностранному: послѣ супа. Но Теняшевъ пользовался привилегіей рюмки водки передъ супомъ и кусочка селедки.

На этотъ разъ Сосо̀ обратилась, садясь, къ мужчинамъ:

— Графъ не пьетъ, Лукашинъ—также, monsieur Blaizot... также.

— Но я пью, — замѣтилъ о себѣ Рынинъ, нарочно, хотя совсѣмъ не имѣлъ этой привычки.

— Нашего полку прибыло! — крикнулъ Теняшевъ, и указалъ на него рукой дворецкому съ шутливой миной.

Всѣ разсмѣялись, кромѣ Зинаиды Мартыновны. Она сѣла аккуратно, накрыла салфеткой колѣни, оправила городокъ на лбу, немного придвинула къ себѣ солонку, отрѣзала корочку и густо посыпала ее солью.

У нея начинался припадокъ невралгіи въ правомъ ухѣ и вискѣ.

V.

Обѣдъ открыла ботвинья—на шампанскомъ; Теняшевъ обратилъ на это вниманіе всѣхъ. Графъ разсмѣялся и что-то сказалъ, наклонившись близко къ Сосо̀. Сидѣлъ онъ вправо отъ нея, за нимъ—Теняшевъ, подлѣ него Ожигова, потомъ Лукашинъ. Зина помѣщалась между Рынинымъ и Блэзо.

Съ первыхъ глотковъ Рынинъ уже слѣдилъ за ней. Его занимало, какъ она будетъ ѣсть, и не откроетъ ли онъ въ типѣ ея лица, въ чемъ-нибудь неуловимомъ, того, что для него будетъ не безполезно принять къ свѣдѣнію? Въ високъ ей уже сильно кололо и грозило перейти и во всю правую половину черепа, но она ѣла старательно и при этомъ чуть замѣтно посапывала — отъ привычки

дышать ноздрями. Это не ускользнуло отъ Рынина: онъ не сдержалъ даже мимолетной усмѣшки. Ему казалось, что въ томъ, какъ Зина ѣстъ, — молча, сосредоточенно, точно выполняетъ обрядъ, — было что-то простонародное, мѣщанское. И ея профиль съ городками изъ волосъ на лбу отдавалъ для него русскимъ кордебалетомъ. Въ ней онъ рѣшительно находилъ родовое сходство съ разными Марѳушами, Онечками, Липочками, Марьями Николаевнами и Надеждами Вассіановнами, какихъ знавалъ, когда поступилъ въ полкъ вольноопредѣляющимся.

Она, повидимому, вполнѣ освободила себя отъ обязанности занимать его. Ему это было даже пріятно.

„Позлись, голубушка,—думалъ онъ, когда глоталъ ботвинью,—отъ этого у меня не убудетъ, а у тебя ничего не прибудетъ“.

Съ Блэзо она обмѣнялась двумя фразами очень тихо и поглядѣла на Теняшева, когда тотъ кивнулъ на нее и перекинулъ ей какую-то глупость черезъ столъ, продолжая „врать“ съ Ожиговой.

Сервизъ шелъ своимъ чередомъ, въ образцовомъ порядкѣ. Дворецкій Егоръ подавалъ вина уже налитыми въ большія и малыя рюмки; взрослый англичанинъ обносилъ блюда, а грумъ перемѣнялъ тарелки. Меню—наполовину изъ русскихъ, довольно тяжелыхъ, но прекрасно приготовленныхъ, кушаній—показывало, что обѣ кузины смотрятъ на ѣду, какъ на очень серьезное дѣло. О кушаньяхъ и шелъ почти весь разговоръ; онъ оживился въ особенности, когда подали фаршированные бѣлыми грибами помидоры.

Зина отвѣдала сначала съ кончика вилки и одобрительно кивнула головой, потомъ глазами, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ:

— C'est exquis!

Всѣ стали хвалить; графъ попросилъ еще; попросила и Зина; она ѣдой боролась обыкновенно съ приступами мигрени, и увѣряла, что ей часто это удается.

— Вы не подражаете нашимъ барышнямъ, — сказалъ, наконецъ, Рынинъ безъ усмѣшки. — На обѣдъ смотрите основательно.

— А вы?—спросила она безстрастно и провела по немъ сухой взглядъ.

— Я долженъ ѣсть мясо, но не люблю его; вкусы у меня самые мужицкіе: щи, каша, огурцы.

— Par genre ou par conviction? — окликнула его Coco, и продолжала разговоръ съ сосѣдомъ по лѣвую руку.

Блэзо опять заговорилъ съ Зиной, и она наклонила къ нему голову довольно внимательно. Рынинъ схватывалъ ея фразы. На какой-то вопросъ француза,—онъ не могъ разслыхать, какой,—Зина выговорила, между двумя кусками, основательно разжеванными:

— J'aime à être plutôt assise que debout, plutôt couchée qu'assise. Vous savez, que je suis dolente...

Первую половину фразы Рынинъ слыхалъ уже давно, и ему захотѣлось сказать своей сосѣдкѣ, что она пускаетъ въ ходъ чужія „mots", но онъ воздержался и подумалъ:

„Иначе не можетъ быть: все чужое, какъ ихъ обезьянство туалета, сервировки, тона, англоманіи, всего"...

И чѣмъ дольше онъ сидѣлъ за этимъ длиннымъ обѣдомъ, съ четырьмя отдѣленіями, съ семью сортами винъ и тонкостями сервировки, онъ все больше убѣждался въ томъ, что бывшіе тутъ русскіе, считая и хозяйку, принадлежатъ къ сборному, въ сущности, мало порядочному обществу, съ которымъ ни бороться, ни считаться, ни даже разсчитывать въ чемъ-нибудь — для него, Рынина, серьезномъ — нечего. Одна только вотъ эта дѣвица съ восковымъ лицомъ, городками на лбу и бѣлой лиліей въ глянцовитыхъ волосахъ, стòитъ, быть-можетъ, чтобы ею занялись.

Щеки Зины—къ жареному—стали розовѣть. Рынинъ отмѣчалъ, что она не отказывалась ни отъ какого вина: ни отъ мадеры, ни отъ лафита, ни отъ шато-икэма. Это ему напомнило два-три большихъ званыхъ обѣда, въ Англіи, въ городѣ и въ Ричмондѣ, гдѣ его сажали между молодыми дѣвушками, и онѣ также пробовали отъ каждаго вина, а къ концу обѣда дѣлались гораздо разговорчивѣе.

Подали маседуанъ изъ тѣхъ „сверхъестественныхъ" фруктовъ,—такъ называлъ ихъ Теняшевъ,—за которыми Coco ѣздила передъ обѣдомъ.

Coco, красная, почти пылающая, попала на свою тему и говорила быстро-быстро, громко, картаво и увѣренно, почти сердито, что жизнь есть одна—въ зàмкѣ, въ Англіи и Шотландіи, весь годъ, кромѣ конца „season". Гонять лисицъ „chasse-à-course", стрѣлять, дѣлать экскурсію въ горы, ѣздить на яхтѣ, зимой устраивать праздники въ

зàмкѣ, и чтобы все это было широко, по-барски. Какое же сравненіе съ глупой жизнью въ Парижѣ, гдѣ всѣ топчутся въ нѣсколькихъ комнатахъ, и непремѣнно blague, и „всякія гадости“, и сплетни, и духота въ театрахъ, и всѣ другъ друга ненавидятъ... „et des journaux pornographiques“!

И пошла, и пошла...

Ее остановилъ графъ вопросомъ:

— Хорошъ Парижъ?

А Теняшевъ крикнулъ, подражая раешнику:

— Пріѣдешь—угоришь!

Противъ Парижа Сосò говорила еще минутъ десять, и такъ порывисто и связно, что не было никому никакой возможности вставить хотя одно слово. Зину не смущалъ этотъ потокъ; она слышала все это уже много разъ.

— Вы согласны съ кузиной вашей?—спросилъ ее Рынинъ.

— Почти.

А Сосò обратилась даже къ поддержкѣ Блэзо и потребовала, чтобы онъ согласился, до чего Парижъ — „une horrible bastringue“.

Онъ снисходительно улыбнулся и кивнулъ головой.

— Мы,—продолжала все такъ же пылко Сосò, и указала энергическимъ жестомъ на Зину, — мы съ Zizi воспитались на любви къ Англіи, это нашъ языкъ, мы любимъ только англійскія книги, мы думаемъ на этомъ языкѣ. И моя мечта — жить тамъ всегда, всегда, и эту мечту я лелѣю.

Она даже придавила своимъ круглымъ кулачкомъ скатерть.

— Прикажете запѣть „God save the queen“?—спросилъ Теняшевъ, и поднялся со стаканомъ.

— Вы все глупости! — Сосò почти разсердилась. — Я серьезно, я очень серьезно говорю...

— И убѣждены, — остановилъ ее Рынинъ, сначала шутливо, — что въ васъ сидитъ настоящая британская женщина?

Зина подумала: „она у меня и „ког’генная“, „столбовая“, когда ей захочется, чтобъ ее считали „стаг’гой г’гусской „фамиліи“.

— Не съ молокомъ ли матери,—все еще шутливо продолжалъ Рынинъ,—вы выбрали это? Матушка ваша была русская дворянка...

— C'est égal, mais tous nos principes...

— Полноте!—выговорилъ Рынинъ и выпрямился.

Зина поглядѣла на него.

— Полноте,—повторилъ онъ,—ничего въ васъ англійскаго нѣтъ, настоящаго, чѣмъ держится Англія...

— Vous me donnez un démenti, monsieur Rynine?

— Oui, madame, je vous le donne, — отвѣтилъ онъ, и еще разъ повторилъ, что ничего онъ настоящаго, серьезно-англійскаго не видитъ въ ней, да и въ кузинѣ тоже. Воспитаны онѣ русской барыней, хоть и за границей, и ни на кого, кромѣ какъ на самихъ себя, не похожи.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Теняшевъ.

— C'est ça!—откликнулся и графъ.

Графиня обратилась къ Сосò со словами:

— Чтò, ударъ-то не дуренъ?

Незамѣтно подали десертъ. Рынинъ перешелъ къ Англіи и перебралъ разныя, чисто британскія стороны жизни и нравовъ; не забылъ cant'а, ханжества, спѣси и тайной слабости англичанокъ къ графинчику съ коньякомъ или хересомъ.

Все это было не ново, но мужчины смѣялись; даже Блэзо повторялъ: „c'est ça, c'est ça!", а докторъ не вытерпѣлъ,—пустилъ фразу Расплюева о „просвѣщенныхъ мореплавателяхъ".

— Молодецъ! — одобрила Рынина Ожигова возгласомъ полковой командирши.

— Il n'y a que Paris!—крикнулъ ея мужъ французу

Теняшевъ всталъ со стаканомъ и провозгласилъ:

— За здоровье побѣжденной и побѣдителя!

Сосò не захотѣла пить и всѣмъ кинула фразу:

— Vous n'y êtes pas!.. Il faut être né pour cela!

Зина поглядѣла на нее довольно строго. Пробивающійся румянецъ красилъ ее. Глаза блестѣли. Рынинъ подумалъ:

„Должно-быть, голубушка, ты изъ англійскихъ-то обычаевъ придерживаешься слабости къ напиткамъ".—И прибавилъ кавалерійскимъ терминомъ: — „Вотъ онъ — *фéлеръ*-то".

Если бъ онъ чувствовалъ себя позлѣе, онъ кончилъ бы тѣмъ, что сталъ бы жестоко вышучивать Сосò и довелъ бы ее до слезъ. Новый „стиль" этого дома былъ передъ нимъ уже на ладонкѣ. Больше ему не нужно было ничего оглядывать.

Разговоръ, однако, не прекратился и перешелъ въ споръ, который покрывали несмолкаемыя рѣчи Софьи Германовны.

Сигналъ вставать подала не хозяйка, а Зина, и повела мужчинъ въ курильню, небольшую комнату налѣво, обставленную старинной рѣзной мебелью, съ широкимъ, какъ двѣ кровати, диваномъ. Сейчасъ принесли туда кофе съ пятью сортами ликеровъ. Ожигова закурила; Сосо̀ пила сельтерскую воду; Зина присѣла къ столу и стала каждому мужчинѣ, поочередно, предлагать ликеръ, а себѣ налила рюмочку ви̇̀ски. И Рынина она спросила дѣловымъ тономъ, точно это было весьма важное дѣло:

— Vous proposerai-je de la fine?..

Она даже не прибавила: „champagne“.

Такой тонъ, по части ликеровъ, шелъ къ ней, дополнялъ для него физіономію этой дѣвушки. Точно будто она совершала во всемъ какой-то обрядъ: такъ одѣвалась, такъ обѣдала, такъ угощала ликерами и водками и сама отъ нихъ не отказывалась. Ея лицо говорило ему: „Всѣ вы мнѣ одинаково не нужны и не интересны; но вы—случайность программы дня въ томъ домѣ, гдѣ я живу, гдѣ на мнѣ не лежитъ обуза хозяйки, но гдѣ я привыкла получать весь необходимый для меня комфортъ“.

Послѣ ви̇̀ски Зина проглотила чашку кофе залпомъ и сдѣлала замѣтное движеніе языкомъ. Все это было ей вкусно, и она не скрывала своего чувственнаго удовольствія.

— Ваша голова прошла?—спросилъ ее Рынинъ и подсѣлъ къ ней поближе, въ позѣ стараго знакомаго.

— А вы какъ знаете, что у меня болѣла голова?

— Догадался. Вы, кажется, лѣчитесь ѣдой и напитками?

— Вы угадали.

Она была съ нимъ поласковѣе, но въ ея меньшей сухости участвовалъ обѣдъ и кофе съ ликерами; онъ ни минуты не обманывался на этотъ счетъ. Ему все-таки хотѣлось поговорить съ ней иначе, сказать, что имъ не пристало смотрѣть другъ на друга „comme deux chats de faïence“.

Но подошелъ Теняшевъ и началъ говорить вздоръ съ намеками, которыхъ Рынинъ не понималъ. Онъ видѣлъ только, что съ Зиной ея пріятель обходится совсѣмъ уже

не какъ съ дѣвушкой, и что ей можно все разсказывать, позволять себѣ шуточки весьма легкаго содержанія.

„Что же я-то, дурень, церемонюсь?“—выбранилъ онъ себя, и собрался было сейчасъ же показать ей это, да Cocò пригласила его въ садъ устроить крокетъ.

— Смилуйтесь!—крикнулъ ей Теняшевъ.—Сейчасъ послѣ всѣхъ яствъ и питій!

— Да, да, сейчасъ! Графъ, вы не пойдете съ нами?

— Позвольте докурить.

— Курите...

Курила и графиня и совсѣмъ лежала на низкомъ и широчайшемъ восточномъ диванѣ. Она была сегодня не въ ударѣ. Ей сильно нездоровилось, да и ничего не выходило такъ, какъ она разсчитывала для ея „Миши“.

Cocò послала въ садъ и доктора съ Блэзо. Они повиновались безъ всякаго протеста, и были уже внизу, когда хозяйка дома только еще вышла съ Рынинымъ на балконъ.

— Вы злой, — заговорила Cocò, — и ваши идеи... c'est bien porté!.. теперь я знаю; но я не согласна, — рѣшительно произнесла она.

— А, небось, не станете увѣрять,—возразилъ онъ уже совсѣмъ фамильярно,—что не правда насчетъ англійскихъ нравовъ — пристрастіе къ крѣпительнымъ напиткамъ у женскаго пола? А?

Онъ стоялъ надъ ней наклонившись и смотрѣлъ съ высоты своего роста, точно на собачку,—курчавую, раздушенную и шуструю болонку.

— Ça... c'est vrai,—созналась Cocò, и даже остановилась. Она уже спустила было ногу съ первой ступеньки лѣстницы.—Что жъ!.. я скажу, что вотъ и у Зизи уже есть эта... англійская привычка.

— Ah, bah!—шутливо изумился Рынинъ.

— Да, ей нужно три раза въ день... des liqueurs fortes... Она увѣряетъ, что безъ этого... она не проживетъ... Elle souffre d'anémie et des migraines atroces...

— И что же... Зинаида Мартыновна аккуратно, въ извѣстные часы, принимаетъ... это лѣкарство?

Рынинъ продолжалъ иронически, а Cocò говорила все съ той же серьезной возбужденностью.

Она тихонько сходила въ садъ, гдѣ докторъ съ Блэзо уже начали устраивать крокетъ.

— Да,—говорила Cocò, точно она разсказываетъ про

то, какой порядокъ заведенъ у нихъ насчетъ ѣды,—послѣ завтрака она выпиваетъ вйски...

— И послѣ обѣда,—подсказалъ Рынинъ.

— И послѣ обѣда... А ночью, въ постель, ей надо brandy.

— Коньячку, значитъ?

Онъ сдѣлалъ вопросъ трактирнымъ звукомъ, но Сосо не замѣтила.

— Да, грогъ... съ теплой водой...

— Ну, совершенно по-англійски, по всѣмъ правиламъ.

— Puisque cela lui fait du bien!

— Только,—продолжалъ шутить Рынинъ,—вы, кажется, вѣдь совсѣмъ собираетесь переселяться въ Англію?

— Непремѣнно.

— Когда же это?

— Послѣ.—Она немного остановилась.—Après mon divorce...

— Такъ Зинаида-то Мартыновна какъ бы тамъ, въ туманномъ Альбіонѣ, не усилила бы своей порціи?

— Espérons qu'il n'en sera rien,—все такъ же серьезно отвѣтила Сосо.

— Вы что же:—вдвоемъ или втроемъ?

— Comment l'entendez-vous?

— Съ мужемъ... или съ другомъ?

Она не покраснѣла,—Сосо и безъ того была очень красна,—а только снова остановилась на дорожкѣ, передъ газономъ, гдѣ мужчины вколачивали дуги для крокета.

— Vous savez, — заговорила Сосо, еще скорѣе, точно вытверженный урокъ, — moi, je suis pour l'amour libre...

— Оно и удобнѣе.

Рынинъ уже не считалъ нужнымъ стѣсняться.

— Oui, absolument libre!

Она перемѣнила почему-то французскій языкъ на русскій, отвела Рынина къ кусту, за уголъ, и продолжала:

— Такъ гораздо лучше, болѣе... честно, чѣмъ когда мужъ и жена... постоянно нѣжности... вотъ какъ Ожиговы, напримѣръ. Я имъ это въ глаза говорю... „Миша... Миша!“—она передразнила манеру графини,—и невѣрности à perte de vue... Я разошлась съ мужемъ,—вы вѣдь это знаете,—я его не обманывала. Онъ согласенъ на разводъ...

— А потомъ, поди, сейчасъ и опять выскочите за кого-нибудь?..

— Такъ нужно... J'accepte l'usage, mais je suis pour l'amour libre!.. Allons!.. Ахъ, онъ совсѣмъ не такъ... Лукашинъ!.. Monsieur Blaisot! Вы Богъ знаетъ что̀ дѣлаете... Рынинъ, позовите остальныхъ, тамъ... въ fumoir...

Ему не очень понравилось, что Сосо̀ назвала его просто „Рынинъ“.

Онъ этимъ воспользовался и полушутя кинулъ ей, поднимаясь на террасу.

— Меня зовутъ Парменій Никитичъ.

— Какъ?

— Парменій Никитичъ. Вы вѣдь знаете.

— C'est trop compliqué!.. и похоже на пармезанъ... Ха-ха-ха!

Сосо̀ убѣжала. Рынинъ съёжился и зашагалъ по лѣстницѣ черезъ двѣ ступеньки.

Онъ нашелъ Зину на диванѣ, подлѣ Ожиговой; около нея, на полу, сидѣлъ Теняшевъ, а графъ развалился на валькѣ дивана и положилъ голову на широкое ребро подушки.

Всѣ смѣялись, когда Рынинъ вошелъ. Онъ пригласилъ ихъ въ садъ.

— Мучительница, Софья Германовна!—крикнулъ Теняшевъ.—Барынямъ не хочется...

— Я пойду,—отозвалась Зина.

Во всякихъ играхъ—хоть ей совсѣмъ было не до крокета, голова все еще болѣла—она считала обязательнымъ участвовать: это входило въ „стиль“ избранной ею жизни.

— А тѣ „лягушки“ тамъ?—лѣниво спросила Ожигова.

— Какія?—переспросилъ Рынинъ.

— Докторъ и тотъ... санкюлотъ? Зачѣмъ Сосо̀ пригласила ихъ?—обратилась она къ Зинѣ и Теняшеву.

— Для счету,—отвѣтилъ тотъ и сгримасничалъ.

— C'est ça,—подтвердила Зина и преспокойно зѣвнула.

— Покойной ночи!—сказалъ ей Рынинъ.

— Это заразительно!—вскричалъ Теняшевъ и всталъ на ноги.—Дѣлать нечего:—мать-командирша приказала.

— Миша!.. подними, я одна не встану!..

Мужъ и жена никакой охоты не имѣли играть въ крокетъ; но они ухаживали за Сосо̀: вѣроятно, хотѣли произвести у нея перехватку денегъ до осени; на-дняхъ они собирались въ деревню; здѣсь имъ больше нечего было дѣлать; они уѣзжали „не солоно хлебавши“, какъ выра-

жался даже незлобивый докторъ. Всѣ поплелись въ садъ. Зину и Ожигову повелъ графъ и заставилъ ихъ сбѣжать по лѣстницѣ съ взвизгиваньемъ.

Теняшевъ взялъ Рынина подъ руку и задержалъ его на террасѣ.

Онъ поглядѣлъ на него такими глазами, точно хотѣлъ ему сказать:

„Ну, теперь, баринъ, вы нашихъ барынь разглядѣли. Каковы „статьи“-то у Зины?“

Рынинъ позволилъ даже взять себя за талію, и когда спустился въ цвѣтникъ, то прошелся съ Теняшевымъ въ сторонѣ, по дорожкѣ, за кусты, мимо давно отцвѣтшей сирени.

Кто-то ихъ окликнулъ; Теняшевъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Сейчасъ!

И они углубились въ липовую аллею, вдоль забора, очень тѣнистую, усыпанную краснымъ пескомъ.

Рука Теняшева все еще держала офицера за длинную талію.

Безъ всякихъ подходовъ со стороны Рынина, онъ самъ завелъ разговоръ объ обѣихъ кузинахъ.

— Знаете, въ „Периколѣ“, кажется, есть кабачокъ „zu drei Kusinen“... я въ Вѣнѣ видѣлъ... а у насъ...

— Тоже кабачокъ?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... Зачѣмъ обижать ихъ! Онѣ добрѣйшія... особенно Софья Германовна... да и Зина... только вѣдь напускаетъ на себя это какое-то истуканство... въ иностранномъ вкусѣ. Надо знать всю ея исторію.

И точно Рынинъ просилъ его объ этой „исторіи“, Теняшевъ разсказалъ ему все—и во второй разъ,—про отца, про мать, про узаконеніе, про наслѣдство и про то, какъ теперь вотъ Зина находится въ смущеніи: Софья Германовна тащитъ ее въ Москву, а она никогда своей матери не знала, да не вѣрится Теняшеву, чтобы и тотъ, „Мартынъ-то многогрѣшный“ — онъ такъ звалъ Ногайцева — пришелъ въ себя какъ слѣдуетъ. А упираться ей все-таки не пристало:—вѣдь „какъ ни какъ“—двѣсти тысячъ записалъ. Да тутъ еще—„всякія лихія болѣсти“, отъ которыхъ „самое бы вѣрное средство — замужство, а она и слушать не хочетъ!“

О Зинѣ Теняшевъ говорилъ съ замѣтнымъ и безкорыстнымъ участіемъ, хоть и выдавалъ ее безъ всякой надобности чужому человѣку.

Такъ же точно, отъ себя и по собственной охотѣ, сталъ онъ почти жаловаться на Сосо̀.

— Этакое положеніе... пятьдесятъ тысячъ дохода... за границей вилла — полная чаша, должна бы угодниковъ славить за то, что мы ее распутаемъ съ мужемъ—пятнадцать тысячъ это будетъ стоить, да-съ!—и что же: за стрикулиста какого-то сейчасъ же выходитъ, какъ только утвердятъ разводъ.

— Кто же онъ?—полюбопытствовалъ, однако, Рынинъ.

— Да, по-нынѣшнему выражаясь, *растакуэръ* какой-то! — знаете, нынче такое званіе въ Парижѣ выдумали. Не то англичанинъ, не то голландецъ, не то швейцарецъ... Неизвѣстно какого званія. Ноги какъ у журавля. Вотъ, видите ли, у него двадцать паръ исподняго платья и столько же гарусныхъ жилетокъ! Ахъ, бабье, бабье!

Теняшевъ даже вздохнулъ и выговорилъ:—„Что дѣлать, что дѣлать!“—съ нотой сокрушенія.

Послѣ этого онъ круто перемѣнилъ разговоръ и спросилъ Рынина:

— Вы, я думаю, тяготитесь строевой службой?

Рынинъ только пожалъ плечами.

— Что дѣлать, что дѣлать!—повторилъ Теняшевъ той же нотой.—Вотъ и меня пошлютъ aux diables, aux petits coulikis!.. Это я такъ русскую пословицу перевелъ. Я буду тамъ чуть не на Мадагаскарѣ, а супружница моя — то-есть эксъ-супружница—изволитъ свою фотографію на всѣхъ водахъ выставлять... вмѣстѣ съ опереточными королевами... и съ professional beauties. А вѣдь мнѣ ее жалко!—выговорилъ онъ, заглянувъ Рынину въ глаза, и тряхнулъ на особый ладъ головой.—Ей-Богу, жалко!

„А вотъ тебя, мой милый, ни чуточку не жалко“, — отвѣтилъ мысленно Рынинъ.

Теняшевъ даже задумался-было, но острый, пронзительный окликъ Софьи Германовны вывелъ его изъ грустнаго настроенія.

Надо было идти играть въ крокетъ.

— У этихъ дамъ,—сказалъ по дорогѣ Рынинъ,—игры и уходъ за тѣломъ — въ родѣ какой-то религіи... Это совсѣмъ новая черта.

— Истину глаголете! Тамъ, въ Европѣ-то, изъ обезьянства англичанамъ и англичанкамъ, просто всѣ въ какихъ-то эквилибристовъ и жонглеровъ обратились. Весь день въ фуфайкахъ, съ голыми руками, въ шапочкахъ,—знаете, та-

кими кружечками?—въ трико и въ башмакахъ: настоящіе жонглеры. Вы, навѣрное, читали: въ Парижѣ-то, циркъ устроили себѣ!.. Самые, что ни на есть, отчаянные gommeux, и двое никакъ наѣздницами, въ юбочкахъ, стоя на лошадяхъ, разныя на̀ выдѣлывали. Я ужъ нашимъ-то барынямъ и говорю: не лучше ли бы имъ въ циркъ поступить прямо? Зина-то вѣдь какъ больна бываетъ, а чтобы когда-нибудь отказаться отъ игры, охоты, скачки — ни Боже мой! Умретъ на мѣстѣ, а не откажется!

Игра уже началась. Сосо́ сама ихъ размѣстила и сдѣлала выговоръ. Для нея это дѣйствительно было дѣло. И докторъ, и Блэзо играли довольно неуклюже, слушались ея и очень старались. Лукашинъ находилъ, что такая игра, послѣ обѣда съ разными „финзербами“, очень полезна. Онъ никогда не возставалъ на спортсменскія наклонности Софьи Германовны, и Зинѣ частенько говаривалъ за границей, что ей всякая такая штука полезна, кромѣ верховой ѣзды вскачь и на сильныхъ рысяхъ; а она и не признавала никакой другой ѣзды, какъ вскачь, за лисицей, позади стаи англійскихъ гончихъ.

Ожиговы играли вяло и только изъ угожденія хозяйкѣ. Рынинъ принялся за дѣло старательно и стоялъ около Зины; у нея лицо опять было блѣдно-желтоватое, а глаза ушли въ землистые круги. Она замѣтно похудѣла въ лицѣ, въ одинъ день. Онъ невольно заглядѣлся на нее. Въ своемъ, нѣжныхъ цвѣтовъ, платьѣ, съ извилистой линіей таліи и спины и красивымъ наклономъ головы — съ его стороны была воткнута и бѣлая лилія—она облокотилась о палку и смотрѣла вдаль, точно не замѣчая даже его присутствія.

Внутреннее чувство подсказало ему: „нѣтъ, ты ее еще не осадилъ; ты для нея еще не существуешь; она не поддается тебѣ ни въ чемъ; ты для нея—ни герой, ни женихъ, ни другъ, ни руководитель“.

Онъ былъ слишкомъ уменъ и строгъ къ себѣ, чтобы не сознаться во всемъ этомъ. И она ему нравилась, какая бы она ни была: порочная, пустая, чванная, глупая, съ привычкой къ вѝски, со смѣшной, въ его глазахъ, „религіей“ моднаго обезьянства, дочь „ерыги“ и какой-то корифейки... навѣрное изъ мѣщанокъ. *Такихъ* онъ все-таки не встрѣчалъ ни въ Петербургѣ, ни за границей. Одна, владѣетъ собой — на рѣдкость, какъ къ ней ни придирайся, все-таки же съ блестящимъ свѣтскимъ воспита-

ніемъ, съ прекрасными *своими* средствами... Гдѣ же такія невѣсты? Да и вообще „стоющія“ женщины?..

Рынинъ такъ задумался, что Сосо окликнула его и чуть не лишила его очереди.

„Глупо будетъ ничего ей не сказать“, — укоризненно подумалъ онъ и, приблизившись къ Зинѣ, выговорилъ почти вполголоса:

— Mademoiselle Zina... вы вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, съ огромной выдержкой... Я вижу, что вы еле на ногахъ стоите, а все такъ же вѣрны спорту...

Онъ задумалъ это сказать довольно искренно, а вышло у него въ нехорошемъ, вызывающемъ тонѣ.

Зина обернулась къ нему въ полголовы и твердо, мужскимъ звукомъ, отвѣтила ему:

— Вамъ играть!

Онъ закусилъ губу и до конца партіи не проронилъ ни слова.

Сосо хотѣла было и вторую, да Ожиговы торопились на музыку. Дамы разомъ засуетились—оправить туалетъ; Теняшевъ и графъ были ихъ кавалерами; Рынинъ извинился: онъ долженъ былъ ѣхать въ Красное. Для доктора и Блэзо въ брэкѣ не было мѣста, и они пошли подъ руку.

Сосо простилась съ Рынинымъ по-пріятельски и сказала ему:

— Ne nous oubliez pas!

Съ Зиной онъ раскланялся молча и даже ждалъ, чтобы она первая подала ему руку. Она это сдѣлала и потрясла ему руку, совершенно такъ же, какъ Лукашину и французу.

Сказать ей что-нибудь на прощанье, что-нибудь злое и мѣткое—онъ не хотѣлъ, можетъ-быть, и не смогъ бы, потому что онъ не на шутку злился.

„Очень нужно!“—повторялъ онъ, шагая по шоссе.

Впереди ему виднѣлись докторъ съ Блэзо. Они уже спускались съ горы къ мосту, около гранильной фабрики. Подумалъ было онъ:

„А недурно бы разспросить этого доктора про болѣзни той недотроги-царевны?“

Но быстрый жестъ правой рукой показалъ, что онъ тотчасъ же отказался отъ такой мысли.

На перекресткѣ, у казармъ, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ прямо ко дворцу.

VI.

Два пріятеля, которыхъ Рынинъ увидѣлъ на пути въ Нижній садъ, шли не спѣша. Они были почти одного роста. Лукашинъ держалъ француза подъ руку, на спускѣ придерживалъ его и раза два сказалъ ему:

— Смотрите, Иванъ Альфонсычъ, здѣсь крутенько.

Онъ давно ладилъ съ Блэзо; въ минуты же особенно-благодушнаго настроенія переходилъ на „ты“, звалъ его въ шутку „Ива Альфонсычъ“ и даже просто—„Ивушка“. Настоящія имена того были: Ивъ-Феликсъ-Франсуа; но онъ самъ себѣ придумалъ для русскихъ имя и отчество: Иванъ Альфонсычъ, по отцу.

Вотъ уже болѣе шести лѣтъ, какъ Лукашинъ знакóмъ съ Блэзо. Они сошлись за границей, гдѣ Блэзо временно проживалъ, переселившись изъ Швейцаріи, по пути въ Россію. Тогда онъ, одно время, давалъ уроки Зинѣ Ногайцевой, а Лукашинъ около десяти лѣтъ безсмѣнно состоитъ домашнимъ врачомъ при отцѣ Софьи Германовны и часто переѣзжаетъ съ нимъ изъ Москвы за границу и обратно.

По-французски Лукашинъ понималъ, но свободно изъясняться не могъ; съ тѣхъ поръ, какъ Блэзо, пробывъ въ Россіи цѣлыхъ пять лѣтъ, сталъ не только прекрасно понимать по-русски, но даже и порядочно говорить, ихъ бесѣды уже не были затруднены. Обыкновенно Лукашинъ говорилъ по-русски, а его пріятель — вообще не многословный и на своемъ языкѣ — выражалъ по-французски только то, что ему еще не давалось по-русски.

Не по сходству натуръ или взглядовъ сблизились они; сдѣлали это мягкость, безобидность, прилипчивая доброта Лукашина, казавшаяся французу, на первыхъ порахъ, почти „кретинизмомъ“. Лукашинъ сначала сильно побаивался его, считалъ „кровожаднымъ“ и думалъ, что онъ не мало „душъ загубилъ“ и отправилъ на гильотину. Политикой докторъ, такъ же какъ и литературой, совсѣмъ не занимался, и ему казалось, что „коммуна“ пускала сначала въ ходъ настоящую гильотину, а потомъ пошла уже „скрозь“ разстрѣливать. Когда онъ примѣнился къ Блэзо, то сказалъ ему, еще за границей:

— Иванъ Альфонсычъ, повинись мнѣ, милый человѣкъ: сколько ты душъ загубилъ изъ-за своей проклятой политики?

Тотъ расхохотался—такъ задушевно было это сказано—и далъ Лукашину честное слово, что онъ никого рѣшительно не разстрѣливалъ и не посылалъ на гильотину, которая и не дѣйствовала „въ революціи 18-го марта“, и что никогда онъ тамъ не былъ членомъ коммуны, а „коммунаромъ“ его ославили русскія барыни потому только, что ему, дѣйствительно, нельзя было еще вернуться во Францію и онъ ждалъ амнистіи, въ которую онъ и тогда уже твердо вѣрилъ, а съ паденія министерства „16-го мая“—ждалъ со дня на день.

Но все-таки для Лукашина онъ былъ „великій бунтарь“; вѣдь докторъ слыхалъ же отъ него разсказъ, какъ Блэзо шелъ со своимъ „легіономъ“ національной гвардіи въ Hôtel de Ville, и какъ тамъ держали они нѣсколько часовъ въ плѣну главнаго генерала и главнаго министра.

Нѣсколько разъ онъ заставлялъ его показывать, въ какой позѣ генералъ сидѣлъ, привязанный къ стулу.

— Да вѣдь ты какъ есть штафирка,—говорилъ Лукашинъ, ласково оглядывая его,—учителемъ былъ и тамъ, у себя дома, и какимъ же легіономъ могъ ты командовать? Это только у римлянъ были легіоны?

Иванъ Альфонсычъ снисходительно улыбался этимъ славянскимъ „наивностямъ“, но, по взгляду его глазъ, по движенію бровей и рта, по всѣмъ линіямъ его сухого, нервнаго тѣла, докторъ смутно чувствовалъ, что такой человѣкъ можетъ командовать, и его будутъ слушаться, и пойдутъ за нимъ, и самъ онъ не побоится полѣзть на баррикаду.

Только Лукашинъ не могъ понять: какъ это человѣкъ всю свою жизнь все стремится къ торжеству какой-то тамъ „программы“ и до самой своей смерти не уймется. „По прочему,—разсуждалъ онъ,—Иванъ Альфонсычъ—человѣкъ солидный, тихій, аккуратный, что твой почтовый экспедиторъ, честнѣйшій на расплату, да и никогда у пріятеля даже не займетъ пяти рублей; и всѣ приличія, насчетъ хоть бы визитовъ, строжайше соблюдаетъ. Пять лѣтъ,—шутка сказать,—въ Россіи мѣста хорошія занималъ, и никакого соблазна не поселялъ, а передъ тѣмъ въ Швейцаріи, худо ли, хорошо ли, докторскій дипломъ получилъ; теперь, вотъ, женился по любви и за женой взялъ состояньице, и дѣтки есть... Чего бы, кажется, лучше? Такъ нѣтъ, все его эта „программа“ мучитъ, и онъ изъ-за политики будетъ умирать, выборы

какіе-то устраивать и афишки печатать, говорить о своей „sainte cause“ съ блескомъ въ глазахъ, а случись что̀— и опять легіонъ, и пойдетъ какого-нибудь генерала привязывать къ стулу“.

Зналъ Лукашинъ и то про своего пріятеля, что кличка „коллективистъ“—ее наши же барыни пустили—тоже къ Ивану Альфонсычу не относится. Блэзо ему объяснялъ, какіе такіе водятся тамъ, въ Парижѣ, „коллективисты“, но самъ онъ къ нимъ не принадлежитъ. Чего ему хочется, для человѣчества вообще и у себя дома, то и Лукашинъ считаетъ „правильнымъ“, и даже иначе и представить себѣ не можетъ, чтобы на свѣтѣ, гдѣ люди „лобъ крестятъ“, можно было жить, не попирая правды; но все-таки же дѣлу не поможешь тѣмъ, что генерала къ стулу бечевкой привяжешь или дюжину-другую человѣческихъ душъ загубишь. Не могла незлобивая и недѣятельная натура Лукашина признать такого вѣчнаго напряженія, стойкости принциповъ, силы негодованія, чувства возмездія и страстныхъ потугъ для побѣды надъ тѣми, кого считаешь врагами свободы, равенства, прогресса, демократіи.

Всѣ эти слова Лукашинъ признавалъ, считалъ ихъ „хорошими вещами“, и все-таки между нимъ и „Ивой Альфонсычемъ“ лежала пропасть. Тотъ на него не сердился, даже не стыдилъ его, а только спрашивалъ, когда у нихъ бывали такіе разговоры,—какъ же онъ науку-то уважаетъ? Вѣдь и ее надо водворять борьбой, а то обскуранты, изувѣры, гасильники отодвинутъ все назадъ, на тысячу лѣтъ, если ихъ не держать въ страхѣ.

Спорить Лукашинъ былъ не мастеръ; повторялъ только:

— И безъ легіоновъ вашихъ пойдетъ наука... Нашимъ-то отцамъ, сейчасъ, въ тифѣ, руду пускали, отъ блѣдной немочи — учили марену̀ давать, потому что она краснаго цвѣта; а вотъ насъ — стали же учить по-другому, по-настоящему...

Теперь, въ ихъ послѣднее свиданіе, они уже не спорили; все общее было переговорено между ними. Лукашинъ много разъ каялся Ивану Альфонсычу, что его мало что̀ интересуетъ даже и въ „вашемъ хваленомъ Парижѣ“... Въ палату или на сходку какую его не залучить. Книжекъ философскихъ онъ не читаетъ, а романы— только дорогой, да и то больше уголовные... Пойдетъ онъ охотно въ „Ипподромъ“ или въ „Эденъ-Театръ“, любитъ

смотрѣть на разныя „штуки“, только чтобы не очень опасныя для самого „штукаря“... Что жъ дѣлать! Голова у него не такая, а сердце живетъ доставленіемъ душевнаго и тѣлеснаго довольства, хоть какой-нибудь маленькой пріятности всѣмъ тѣмъ, кто около него.

Частенько, бывало, Блэзо говаривалъ ему, что онъ, докторъ Лукашинъ, все-таки долженъ имѣть „демократическія чувства“: вѣдь онъ пролетарій по рожденію; ближе стоитъ къ народу, а онъ мирится съ барствомъ, съ разжившейся „плутократіей“, не возмущается всѣми этими паразитами, которымъ онъ, по доброй волѣ, отдаетъ свой трудъ, находясь у нихъ въ услуженіи. Это допустимо,—надо же на что-нибудь жить,—но не тѣ чувства слѣдуетъ имѣть къ міру враждебному всякимъ рабочимъ вплоть до поденщиковъ умственнаго труда.

Лукашинъ не особенно защищался, а какъ-то незамѣтно привелъ своего пріятеля къ тому, что бо́льшаго съ него и требовать нельзя. Чѣмъ же было бы лучше, если бы онъ „вгонялъ себѣ внутрь“ демократическія чувства?

— Печень разбухнетъ,—говаривалъ онъ,—а ничего я не исправлю. Пойти на казенную службу—тамъ еще гаже: плутовать придется; частной практикой заняться—надо шарлатанить. Старикъ мой—отецъ Софьи Германовны—право, еще ничего: добраго сердца, веселый и въ дочери души не слышитъ. А остальные до меня не касаются.

Но и на „остальныхъ“ Лукашинъ смотрѣлъ всегда точно на дѣтей, которымъ надо сунуть въ руку или въ карманъ курточки леденецъ, винную ягоду, кусочекъ шоколада.

Такъ и тянулось пріятельство этихъ двухъ натуръ. Нервная страстность кельта и все растворяющая мягкость лѣниваго славянина кончили тѣмъ, что пришли къ полному ладу въ своихъ отношеніяхъ.

Заря переходила въ свѣтлыя сумерки, когда Лукашинъ съ Блэзо миновали мостикъ, у швейцарскаго сторожевого домика, и пошли вдоль пруда, по дорожкѣ, около самой воды; засвѣжѣло очень скоро, и въ саду началъ подниматься чуть примѣтный туманъ.

Отъ площадки, гдѣ играло въ этотъ день два хора музыки, передъ памятникомъ Петру, доносились послѣдовательныя, низкія волны духовыхъ инструментовъ. Били всѣ фонтаны, и въ широкихъ бассейнахъ, обставленныхъ съ двухъ сторонъ полукруглыми бесѣдками, по главной

аллеѣ, и всѣ водометы Самсона. Журчаніе, блескъ и брызги воды сливались съ разнообразнымъ гуломъ отъ ѣзды, музыки, голосовъ, конскихъ копытъ въ кавалькадахъ. Дворецъ Марли глядѣлся въ недвижныя воды пруда; зеленые четыреугольники, дорожки, идущія вдоль и поперекъ, своды аллей, желтая краска зданій, просторъ и вмѣстѣ подчищенность, скованность всѣхъ прогулокъ, одинаково, на этотъ разъ, настраивали и Лукашина, и Блэзо.

На музыку они не спѣшили и, не доходя до того мѣста, гдѣ стоятъ золоченыя статуи, сѣли на скамейку. Въ этой части сада было почти безлюдно. Все уже прошло и проѣхало на музыку, толпилось на площади между двумя хорами и расползлось по садику и террасѣ Монплезира, гдѣ только что потухъ послѣдній оранжевый отблескъ зари.

Лукашинъ радъ былъ тому, что Coco пригласила Блэзо на обѣдъ черезъ него. Онъ любилъ, чтобы Ивану Альфонсычу оказывали уваженіе. Вѣдь всѣ эти барыни побаиваются его. И прекрасно! Но ему хотѣлось поговорить съ Блэзо о Зинѣ. Ему сдавалось, что французъ былъ къ ней когда-то не совсѣмъ равнодушенъ, а потомъ точно махнулъ на нее рукой и справлялся, бывало, про нее точно для очистки совѣсти.

Какъ только они присѣли, Лукашинъ сейчасъ же сообщилъ Блэзо свой разговоръ съ Зиной утромъ, въ Англійскомъ паркѣ; она навѣрное была тронута, хотя и не высказала этого, и поѣдетъ въ Москву.

— Ужъ какъ тебѣ угодно, Иванъ Альфонсычъ, — сказалъ онъ радостно, — исковеркана, — это точно, а все же русская въ ней душа. А исковеркали кѣмъ же и чѣмъ? Все вашей хваленой Европой.

Блэзо не вѣрилъ въ то, что у этой дѣвушки, — „chez cette fille“ — могло явиться „un mouvement spontané“.

— Да ты видѣлъ, въ какомъ она состояніи была за столомъ, Ѳома невѣрный!

У нея начинался мигрень и съ сосѣдомъ не ладился разговоръ, вотъ и все: Блэзо изучилъ ее достаточно. Для него Зина была крайнимъ примѣромъ того, до какихъ предѣловъ можетъ дойти безпринципіе свѣтскаго эгоизма въ русской барынѣ или барышнѣ — все равно: — „elle n'est vierge que formellent“ — рѣшилъ онъ въ скобкахъ: — въ обществѣ безъ всякой національной и политической окраски. Онъ сталъ медленно и въ короткихъ афоризмахъ

развивать ту мысль, что въ Парижѣ, да и нигдѣ въ Европѣ, даже въ Америкѣ — Америка была для Блэзо ненавистнѣе всѣхъ странъ—такая „gommeuse“ не можетъ дойти до подобнаго крайняго извращенія, какъ русская, созданная средой, въ которой выросла и сложилась „cette écœurante Zina!“—докончилъ онъ, не возвысивъ голоса.

— Да ты, Ивушка, разсуждаешь, какъ наши почвенники. Я хоть и мало газетъ читаю, а знаю, что такіе водятся.

Блэзо на это усмѣхнулся. Лукашину не хотѣлось съ нимъ спорить, особенно сегодня, давно не видавшись, а ему надо на-дняхъ назадъ въ Москву и опять, быть можетъ, годъ цѣлый, а то и больше, не увидятся. Но что жъ дѣлать? Все-таки въ себѣ онъ чувствовалъ, въ эту минуту, „русака“, да и про Блэзо зналъ, что и тому у насъ совсѣмъ не плохо жилось, что онъ, въ своемъ хваленомъ Парижѣ, частенько скучаетъ по русскимъ пріятелямъ. Это онъ отъ его жены слышалъ самъ.

— Иванъ Альфонсычъ,—Лукашинъ наклонился къ его плечу,—ка̀къ, голубчикъ, ручаться за русскую барышню?!. хотя бы вотъ и такую, какъ наша Зинаида Мартыновна... никакъ нельзя!.. Теперь она вся въ фалбалы свои да въ крокеты ушла... а вдругъ, глядишь... и очутится гдѣ-нибудь... хотя бы въ твоемъ же легіонѣ... Примѣры-то бывали... И ужъ ты, какъ хочешь тамъ, а у нашихъ дѣвушекъ — я не больно ихъ одобряю за разные выкрутасы—геройства побольше, чѣмъ у вашего женскаго пола... Ась?..

Блэзо, въ знакъ своего недовѣрія, покачалъ головой.

— Опять же, больная она... Я ужъ это превосходно знаю, да и ты тоже... Вѣдь у нея припадки какіе! Страсть! Крови въ недочетѣ ведра на два, по малой мѣрѣ, чуть не до каталепсіи дѣло доходило, а каждый день—точно какъ на инспекторскій смотръ гвардейцы готовятся. Вѣдь это тоже, Ива Альфонсычъ, доказываетъ натуру... Жалко, искры еще никто не зажегъ въ ней, — вотъ какъ надо говорить. Опять то̀ возьми — замужъ совсѣмъ не хочетъ. Вѣдь съ какими фертами за границей зналась! Да и здѣсь. Сегодняшній-то офицеръ — изъ сурьезныхъ — тоже не спроста появился... А грибъ съѣстъ.

— Vicieuse et lâche! — выговорилъ Блэзо на всѣ эти доводы пріятеля. — Elle veut jouir, elle craint la maternité!

Лукашинъ почувствовалъ въ короткомъ приговорѣ француза что-то сильно похожее на правду, и примолкъ, даже задумался. Они посидѣли молча. Туманъ сталъ обволакивать золоченыя статуи и уходилъ въ даль аллеи длинной полосой. Музыка въ засырѣвшемъ воздухѣ стала слышнѣе. Кругомъ совсѣмъ опустѣло.

Блэзо глядѣлъ на плоскую панораму уходящихъ къ взморью дорожекъ, съ правильными линіями деревьевъ, и его мысль, въ эти минуты, возбужденная разговоромъ съ пріятелемъ, витала вокругъ общей идеи — онъ всегда такъ думалъ — этого пестраго, чуднаго, хаотическаго и способнаго „на все" русскаго общества... Развѣ Зина Ногайцева не подходила всего больше вотъ къ этому саду, съ его голландско-французской отдѣлкой, золочеными крышами, желтой штукатуркой, мостиками, фонтанами, монплезирами, садомъ, скульптурой рококо? Со всей его чужой, краденой, изломанной граціей, нарядностью и съ внутренними болѣзнями въ видѣ тумана, сырости, бѣлесоватой, хлоротической ночи?..

— Quel calme plat! — вырвалось у него, и онъ повелъ рукой по воздуху.

— Это точно!—понялъ его по-своему Лукашинъ.—И я всей этой подмалеванной Ингерманландіи не жалую.

Но мысль его пріятеля пошла дальше. Онъ почти соглашался съ Лукашинымъ, только не насчетъ Зины Ногайцевой. Не она, такъ десятокъ другихъ, такъ же воспитанныхъ, неспособныхъ, казалось бы, на высокіе порывы, вдругъ преображаются... et les voilà martyres!.. И ничего нельзя предвидѣть, и ко всему нужно готовиться, всего ждать. Пять лѣтъ выжилъ онъ среди русскихъ, знавалъ много народу, особенно между молодежью, а можетъ ли онъ уложить въ своей головѣ, раздѣлить на параграфы, клѣтки, группы общіе признаки движенія этого общества, этой націи? Заставь его написать руководящую статью или этюдъ... Онъ не выберется изъ отрывочныхъ фактовъ, одинъ другого чуднѣе, а если станетъ обобщать— непремѣнно надѣлаетъ своихъ соображеній, а не настоящихъ выводовъ.

Зина похожа на этотъ садъ — да; но вся-то русская жизнь, насколько ему, иностранцу, удалось даже въ одномъ большомъ городѣ схватить ее, развѣ не похожа? А между тѣмъ все это вывелъ тотъ русскій человѣкъ, что̀ стоитъ тамъ, откуда доносится музыка, коренной „моско-

витъ", буйный, порочный, жестокозвѣрскій и безгранично широкій. А былъ же онъ влюбленъ въ голландскую ограниченность, въ буржуазную домовитость, жилъ вонъ тамъ, черезъ прудъ, съ своей женой, какъ достаточный шкиперъ, тѣшилъ себя, обучаясь всякой заграничной выдумкѣ! И французская стриженая садовая природа прельщала его; цѣликомъ переносилъ онъ ее сюда, и находилъ, вѣроятно, что необходимы его націи эти кастраты-деревья, эти полураздѣтыя пастушки изъ мрамора и алебастра, — вся эта нестерпимо-подражательная, декоративная природа. Но остался до смерти тѣмъ же русскимъ, способнымъ на все: на геніальныя идеи и на ужасающія, жестокія выходки.

— Ау!—нарушилъ Лукашинъ думу пріятеля.

— Eh quoi?—окликнулъ его тотъ и взялся за часы.

Перешло уже за половину десятаго.

— Такъ-то, Ива Альфонсычъ... „не уявися, что̀ будемъ"... То же можно сказать и о дѣвицѣ Зинаидѣ, да и вообще.

Блэзо не понялъ изреченія Лукашина, и вопросительно взглянулъ на него.

— Не уявися... Это въ Писаніи такъ говорится... То-есть, значитъ, всего слѣдуетъ ожидать.

— Oui, — съ улыбкой, но искренно выговорилъ Блэзо, отлично понявъ, на этотъ разъ, мысль Лукашина.

— Пора уходить... На машину!..

Они возвращались вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ Лукашинъ остановился у товарища, на Выборгской; несмотря на приглашеніе Софьи Германовны жить у нея—ему такъ удобнѣе было... Блэзо долженъ былъ остаться въ Петербургѣ около мѣсяца по дѣламъ своей жены — очень непріятнымъ дѣламъ, съ запутанными взысканіями; а Лукашинъ надѣялся проводить въ Москву Зинаиду Мартыновну, ему нельзя было ждать: старикъ Кунъ съ неохотой отпускалъ его и не могъ безъ него остаться дольше недѣли.

Когда пріятели встали и повернули къ выходу, начался уже разъѣздъ. По аллеѣ замелькали между деревьями коляски, а по обѣимъ дорожкамъ потянулись пѣшеходы. Музыка доигрывала послѣдній номеръ. Сырость проникала подъ платье, и туманъ сталъ все явственнѣе подниматься отовсюду: съ каналовъ, съ пруда, съ лужаекъ, изъ плоскихъ аллей и подъемовъ, укрывшихся

подъ своды деревьевъ. Всѣ спѣшили точно съ обязательнаго парада или церемоніи; никому не захотѣлось оставаться въ саду лишнихъ пять минутъ.

Спѣшили и Лукашинъ съ Блэзо. Имъ хотѣлось дойти до станціи пѣшкомъ.

Опустѣлъ Нижній садъ. Только вдоль главной аллеи, въ медленныхъ волнахъ тумана, двигались плотныя фигуры полицейскихъ въ пальто и фуражкахъ.

Тамъ, гдѣ два хора музыкантовъ, за полчаса передъ тѣмъ, держали всю массу публики на скамейкахъ и въ проходѣ между обоими кіосками, не было уже никого. А подальше, наверху, на перекресткѣ, впереди двухъ фонтановъ, на высокомъ пьедесталѣ, закинулась назадъ, опираясь на палку, коренастая фигура въ треугольной шляпѣ, въ кафтанѣ съ широкими рукавами и въ большихъ походныхъ сапогахъ, вылитая изъ бронзы, только слегка потерявшая блескъ металла.

Туманъ обволакивалъ ее нѣжно, вверхъ по гранитному пьедесталу, извивался вокругъ мощныхъ ногъ и поползъ по смѣло откинутой скульпторомъ богатырской спинѣ. Плечи еще выдвигались изъ дымчатаго пара и заломъ головы, увѣренно, молодецки смотрящей на свою стихію— близкое взморье, на свое добро, на всѣ свои затѣи, кругомъ. Вся несокрушимая сила, схваченная художникомъ, перешла теперь въ этотъ заломъ головы, посаженной вбокъ.

Но плечи утонули въ волнѣ тумана, а за ними и шея, и затылокъ, и одинъ уголъ шляпы, а тамъ и вся голова... Внизу часть пьедестала темнѣла еще пятномъ, да палка, да сапогъ еще не были окутаны.

Послѣдній звукъ экипажа донесся сверху, съ дороги передъ дворцомъ. Бѣлесоватая ночь слилась съ туманомъ, и на всемъ стояла свѣтлая мгла, а сквозь нее то золоченая статуя, то скатъ мраморныхъ плитъ, то шпицъ, то бассейнъ—мелькнутъ и скроются.

Небо не слало ничего: ни мерцанья звѣздъ, ни болѣе мрачнаго покрова грозовыхъ тучъ. Въ воздухѣ стояла мягкая, недвижная влага,—и деревья, травы, цвѣты, кустарники, все притихло и точно застыло въ густой млечной пеленѣ.

VII.

Передъ обѣдомъ, около платформы желѣзной дороги, подъ яркимъ солнцемъ, дожидалась публика, пришедшая пѣшкомъ отъ ипподрома, гдѣ только что кончились полковыя офицерскія скачки. Погода установилась къ полудню. Наканунѣ цѣлый день шелъ дождь, и все полотно скачекъ было въ грязи и даже въ большихъ лужахъ. Оттуда, отъ павильоновъ съ тотализаторами, все еще тянулась публика: дамы, много штатскихъ, военные разныхъ мундировъ, въ томъ числѣ и тѣ, что̀ участвовали въ скачкахъ. Нѣкоторыхъ такъ облѣпили брызги и комки грязи, что на нихъ и жалко, и смѣшно было глядѣть. Въ особенности пострадалъ одинъ, только что произведенный гусарикъ, еще безусый и бѣлокурый, какъ бываютъ бѣлокуры мальчишки, лѣтомъ, въ деревняхъ. Его красный мундиръ былъ весь испачканъ, да и лицу досталось не меньше. Но онъ улыбался весело, по-дѣтски, и поглядывалъ на всѣхъ молодцовато, пробираясь по доскамъ.

Дожидались тутъ и экипажи, но много дамъ еще не спѣшили садиться. Подъ навѣсомъ платформы и около нея, у выхода за загородъ, на самомъ полотнѣ дороги образовались пестрыя группы. Оживленныхъ разговоровъ не слышно было. Всѣ держались чопорно, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ паръ и двоихъ юркихъ молодыхъ людей, очень модно одѣтыхъ въ яркіе свѣтлые цвѣта съ длинными носками своихъ лодкообразныхъ лаковыхъ башмаковъ. Въ сторонѣ, у перилъ, держались двѣ танцовщицы, и при каждой по офицеру и по штатскому. Изъ всѣхъ молодыхъ женщинъ эти танцовщицы были самыя нарядныя, съ непомѣрно длинными таліями и высокими шляпами. Смѣяться онѣ стѣснялись и говорили со своими кавалерами тихо.

До прихода поѣзда—онъ долженъ былъ забрать пассажировъ въ Новый Петергофъ и Ораніенбаумъ—оставалось пять минутъ.

Сосо̀ Дрозенъ потеряла свой брэкъ. Мальчикъ-грумъ напуталъ по незнанію языка; онъ держалъ лошадей, и когда начался разъѣздъ, брэка не оказалось. За нимъ побѣжалъ Теняшевъ. Дамамъ—съ ними была и Ожигова — пришлось дожидаться. Онѣ тоже потянулись къ платформѣ. Если Теняшевъ долго проищетъ экипажа, онѣ мо-

гутъ доѣхать по желѣзной дорогѣ до станціи, а тамъ взять коляску.

Зинѣ всѣ эти дни нездоровилось. Лукашинъ уѣхалъ, не дождавшись ея; она избѣгала разговора не только съ нимъ, но и съ Сосо̀. Той она сказала только, чтобы ей дали время все обдумать; доктору—что письма къ отцу или къ матери она не приготовила. Она увѣряла его, что у нея въ головѣ стоитъ что-то въ родѣ гвоздя, и она не можетъ связать двухъ мыслей.

Сосо̀ не приставала къ ней. Она боялась болѣзни Зины и знала, что если та расклеится, то неизвѣстно, когда опять будетъ „на что-нибудь похожа":—безъ Зины, бодрой, безупречно представительной, подтянутой и безмятежной, Софьѣ Германовнѣ и жизнь была не въ жизнь.

Однако, въ день скачекъ, Зина съ утра уже приготовилась, и туалетъ ея, только что полученный изъ Франкфурта—Сосо̀ заказывала себѣ и кузинѣ половину туалетовъ тамъ, увѣряла даже, что во Франкфуртѣ лучше шьютъ, чѣмъ въ Парижѣ — блисталъ на ней всѣми цвѣтами радуги.

Къ половинѣ скачекъ Зина утомилась, и ей стало очень скучно. Когда поскакали офицеры того полка, гдѣ служилъ Рынинъ, она его узнала сейчасъ же по его длинной, сухой фигурѣ и большому козырьку фуражки. Она злобно разсмѣялась, глядя, какъ всѣ они попада́ли въ лужи и перескакивали черезъ нихъ среди брызгъ и комковъ липкой грязи. Сосо̀ хохотала отъ чистаго сердца. Ожигова раза два крикнула:

— Бѣдныя лягушки!

По доскамъ, къ платформѣ, Зина шла позади Сосо̀, — Ожигова осталась на пути съ какимъ-то знакомымъ, — утомленной, почти разбитой поступью. Ей было совсѣмъ не по себѣ, и она почти навѣрно знала, что на другой день сляжетъ. И весь этотъ ипподромъ, павильоны, далеко не наполненные публикой, отсутствіе мужчинъ, хотя сколько-нибудь для нея занимательныхъ, много „Богъ знаетъ" какихъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ въ „ужасныхъ" мордовскихъ и малороссійскихъ рубашкахъ, безъ перчатокъ, съ размашистыми жестами и окликами гимназистовъ, долгоногихъ юношей въ блузахъ—давали ей ощущеніе не большихъ столичныхъ скачекъ съ милліонными пари, а чего-то совершенно провинціальнаго. Она даже не захотѣла играть и на настоящихъ скачкахъ, бывшихъ

уже раза два передъ тѣмъ, когда увидала, что въ кассѣ сидятъ артельщики въ родѣ тѣхъ разносчиковъ, у которыхъ Сосо́ покупала клубнику и вишни. А сегодняшнія состязанія—эти офицеры, въ фуражкахъ на затылкѣ, въ несвѣжихъ мундирахъ, многіе съ некрасивыми посадками—были для нея просто ученьемъ военныхъ, которыхъ пригнали въ полковой манежъ.

Когда нѣсколько дамъ вскрикнуло, — одинъ офицеръ упалъ въ лужу вмѣстѣ съ лошадью и сломалъ себѣ на носу pince-nez, но оправился тотчасъ же и пошелъ бодро, хоть и весь въ грязи,—она даже оглянулась въ ихъ сторону и сдвинула брови, чуть не сказала имъ:

— Чего вы нервничаете?

Такъ ли она себя чувствовала два года назадъ, осенью, когда сидѣла наверху кареты, запряженной „four in hand"? И правилъ принцъ... А потомъ, въ ложѣ, lunch съ шампанскимъ и возвращеніе, когда они пересѣли въ ландо: принцъ и четыре дамы. И чтò тогда было!.. Какихъ дурачествъ они ни выдѣлывали!?! Все ему тогда позволила бы каждая изъ нихъ; она—менѣе другихъ, зато она командовала имъ какъ собачкой всю недѣлю, пока онъ жилъ тамъ, всю недѣлю осеннихъ скачекъ.

Горькое чувство желчи во рту заставило Зину подавить съ трудомъ гримасу, идя за Сосò. Принцъ... наслѣдникъ трона. И каково!.. И вотъ этотъ длинный, армейскаго вида, офицеръ Рынинъ, который и ѣздить-то не умѣетъ такъ, какъ она или Сосò,—особенно рысью,—и онъ смѣетъ здѣсь задавать тонъ, позволять себѣ „камуфлеты", дѣлать ей замѣчанія, направлять ее, точно какую дѣвчонку!

Еще досаднѣе было ей и то, что послѣ разговора съ Рынинымъ, на царской дачѣ, она поглядѣла иначе на княгиню Трубчевскую. Въ ней что-то такое покачнулось. Чтò ей, въ сущности, за дѣло, что княгиня пріѣхала сюда хлопотать объ отдачѣ своего мужа подъ опеку? А хоть бы и такъ?! Онъ безпутный виверъ. Всѣ мужчины—или развратники, или моты, игроки, пьяницы. Даже принцъ оказался не лучше другихъ, когда она съ нимъ провела ту, знаменитую недѣлю. Наконецъ, спроси она сама княгиню, какое у нея въ Россіи дѣло?—та бы сказала. Однако, вотъ, скрывала же отъ нея, отъ своей чтицы. Стало-быть, или не хотѣла передъ ней показать себя въ подозрительномъ свѣтѣ, или считаетъ ее... такъ.. une batarde prétentieuse...

Она и не бывала съ того дня у княгини,—написала

ей, что нездорова. И дѣйствительно, ей нездоровилось. Сегодня могла бы пойти утромъ пораньше, но не захотѣла, просто не захотѣла.

Теперь она чувствуетъ, что у нея уже нѣтъ той опоры, въ лицѣ княгини, какая была еще недѣлю назадъ. Она не пойдетъ къ ней за окончательнымъ рѣшеніемъ: ѣхать ей въ Москву или только написать, и кому написать, и какъ написать. А Сосо непремѣнно и очень скоро поведетъ рѣчь объ этомъ. Она уже подговаривалась вчера, сказала вскользь, что ей надо еще разъ въ Москву... Совсѣмъ не надо: не настолько она нѣжная дочь, а просто „pour forcer la main“ ей же, Зинѣ Ногайцевой.

Обѣ кузины вошли на платформу.

Первый, кто раскланялся съ ними, былъ Рынинъ.

Онъ стоялъ у перилъ, выпрямился. Свою фуражку отсадилъ онъ сильно на затылокъ, такъ что изъ-подъ удлиненнаго козырька показался его лобъ, менѣе загорѣлый, чѣмъ лицо съ бронзовымъ отливомъ и все такое же угреватое.

На обѣихъ щекахъ, на правой, около носа, на лѣвой, ниже рта, сидѣло по большому пятну запекшейся грязи и мелкія брызги на подбородкѣ и съ лѣвой стороны красной шеи. Одно пятнышко усѣлось на нижнемъ вѣкѣ и довольно смѣшно дѣлало его глазъ точно съ подтекомъ.

Вся его грудь, одинъ рукавъ и рейтузы тоже были въ брызгахъ. Рынинъ поклонился дамамъ весело, и нисколько его не стѣсняло то, что онъ въ такомъ видѣ. Кругомъ на него указывали глазами, но безъ насмѣшливыхъ улыбокъ. Грязи досталось всѣмъ скакавшимъ, и это даже подходило къ настроенію публики и характеру дня.

Зина поклонилась ему на ходу. Руки не подала. Сосо засмѣялась и сказала:

— Vous voilà joliment fagoté!

А ей захотѣлось что-нибудь необыкновенно злое и презирающее сказать этому „важнюшкѣ“, въ которомъ ничего нѣтъ: ни талантовъ, ни красоты, ни манеръ, ни хорошей даже посадки верхомъ, ни умѣнья носить мундиръ. Вонъ какія у него складки на бокахъ и слишкомъ длинная талія, а фалдочки такъ коротки, что смѣшно!..

— Вы довольны?—сказалъ онъ ей первый, когда она поровнялась съ нимъ.

— Чѣмъ?

— Да вотъ тѣмъ, что насъ, и меня въ томъ числѣ, такъ отдѣлала грязь, по обязанностямъ службы?

Сосо̀ не слыхала этихъ словъ Рынина; она опять засуетилась, выглядывала, нѣтъ ли гдѣ Теняшева и не видать ли ихъ брэка.

— Вы рисуетесь,—сказала Зина, и ее ужасно, въ ту же минуту, кольнуло въ високъ.

— Не знаю, кто изъ насъ,—отвѣтилъ онъ безъ ироніи, тономъ старшаго, который желаетъ тихонько урезонить и немножко проучить строптивую дѣвочку.

Вся, какая была въ ней, кровь бросилась въ лицо. Она такъ его возненавидѣла въ эту минуту, что даже ее стало душить, а потомъ кровь быстро отхлынула, и ей надо было взяться за перила, иначе она бы закачалась.

— Какой туалетъ!—продолжалъ онъ тихо, съ усмѣшкой въ глазахъ.—Всѣ въ восхищеніи... А знаете что, Зинаида Мартыновна,—онъ въ первый разъ называлъ ее такъ,—вѣдь, посмотрите, вотъ тамъ стоятъ дамы съ военными... онѣ всего больше подходятъ къ вамъ...

Она обернула голову. Ее продолжало душить... Что такое онъ ей говорилъ? Зачѣмъ онъ это говорилъ? Навѣрно, еще какая-нибудь новая и предательская дерзость.

Указалъ онъ ей на двухъ танцовщицъ; одна, болѣе стройная, съ правильнымъ нѣмецкимъ лицомъ, дѣйствительно, по турнюрѣ и разряженности, только и подходила къ Ногайцевой и ея кузинѣ. Около нея стоялъ высокій блондинъ съ бородкой деревенскаго парня, уже съ брюшкомъ, въ такомъ же точно короткомъ мундирѣ, какъ и Рынинъ; но онъ былъ поменьше забрызганъ. Рядомъ съ нимъ переминался худенькій штатскій, въ обтянутомъ фисташково-зеленоватомъ сьютѣ, съ огромными руками, въ яркихъ перчаткахъ, совсѣмъ вышедшими изъ рукавовъ пиджака. Этотъ заморышъ похожъ былъ на собачонку около крупнаго бѣлокураго парня съ брюшкомъ. Вся группа смотрѣла очень по-петербургски, и было что-то въ штатскомъ и въ дѣвицѣ забавное и празднично-франтоватое и дурного тона балетной „gomme“.

Все это схватила и поняла Зина мгновенно, и недостало у нея ни присутствія духа, ни физической бодрости, чтобы предупредить то, что̀ ей сейчасъ скажетъ ненавистный офицеръ.

Онъ все улыбался.

— Танцовщица... и эта, и та... Сестры.. какъ, бишь, ихъ фамилія? Да это все равно.

— Такъ вы находите, что я на нихъ похожа?—спросила Зина, и больше не могла уже ничего прибавить.

Слово „танцовщица" прозвучало у него особенно. Конечно, онъ знаетъ, что она незаконная дочь балетной корифейки... и онъ нарочно указалъ ей на этихъ двухъ— „ces deux filles", со злобой и презрѣніемъ выговорила она про себя.

Куда же дѣвались всѣ ея reparties, ея отвѣты, которыми она могла тамъ, за границей, парировать кому угодно... даже тому принцу, а ужъ онъ ли не дерзокъ на слова, особенно послѣ десерта и ликеровъ?!

Голова не повинуется ей... холодный потъ выступилъ на вискахъ... но она слышитъ его тихій, деревяннаго звука голосъ:

— Право, Зинаида Мартыновна, не стòитъ у насъ такъ... точно на майскій парадъ...

И глаза его говорили такъ ясно то, чтó она уже видѣла въ нихъ и прежде:

„Какъ ты ни рядись, какого стиля ни держись, и все же ты похожа на танцовщицу и на иностранку-наѣздницу, а не на барышню родовитаго семейства, настоящаго высокопоставленнаго общества, и всѣ кругомъ, навѣрное, этакъ и смотрятъ на тебя".

Въ головѣ у нея дѣлалось все туманнѣе... Что же это такое? Неужели она упадетъ въ обморокъ? Видитъ она передъ собою Cocò; красный, розовый, абрикосовый цвѣта пестрѣютъ передъ ней. И она такъ же одѣта, точно попугай.

Сначала вертѣлись цвѣта платья, а потомъ пошли круги, круги и сѣрою рябью все заволокло, въ родѣ частаго дождя... Это—приступъ невралгіи.

— Проведите меня,—успѣла она сказать.

Рыпинъ взялъ ее подъ-руку, крѣпко-крѣпко прижалъ ее къ своей и ведетъ. Она уже съ трудомъ различаетъ лица, туалеты, мужчинъ, женщинъ; голова закружилась; мучительно тошно...

Вся она обомлѣла: вдругъ тутъ, при всѣхъ, въ такомъ туалетѣ, и тошнота... усилится?

Она сдѣлала надъ собою послѣднее усиліе.

Рыпинъ проталкивался въ толпѣ. Сзади раздался звонокъ; всѣ побѣжали къ поѣзду, чуть не сбили ихъ съ ногъ.

— Тише! — гнѣвно крикнулъ онъ. — Не видите—дамѣ дурно?!

Раздался испуганный возгласъ Сосò:

— Zizi, qu'as-tu?

Это было послѣднее слово, дошедшее до нея; больше она уже ничего не помнила. Сосò ужасно засуетилась... Больную усадили на скамейку; но никто изъ толпы не подбѣжалъ, только мужчины посторонились.

Экипажа все не было. Рынинъ распорядился живо: послалъ двухъ жандармовъ, у кого-то нашелъ даже флакончикъ съ „солями". Черезъ пять минутъ, когда поѣздъ ушелъ, среди ужасной толкотни, брэкъ Софьи Германовны былъ приведенъ; Теняшевъ прибѣжалъ за ними.

Рынинъ посадилъ обѣихъ дамъ. Зина пришла въ себя, но была такъ слаба, что ее повели подъ обѣ руки.

И опять ведетъ ее этотъ офицеръ и держитъ ее такъ крѣпко, и она въ толпѣ, больная; можетъ-быть, ее тошнило? Она спросила бы объ этомъ Сосò, но ничего не могла выговорить.

Рынинъ вызвался сѣсть править. Теняшевъ не допустилъ его; Сосò посадила Зину рядомъ, сзади помѣстился грумъ.

Всѣ благодарили Рынина. Должна была и Зина сказать ему съ усиліемъ:

— Merci, monsieur!

Но ея вѣки не поднялись на него. Лицо ея было совсѣмъ мертвое, когда экипажъ тронулся тихо. Онъ глядѣлъ ему вслѣдъ, и фигура Зины, съ головой почти на плечѣ у Сосò, не вызывала въ немъ жалости. Урокъ былъ ею полученъ, и лучше, чѣмъ онъ самъ могъ мечтать. И все-таки что-то тянуло его къ этой дѣвушкѣ. Не въ послѣдній разъ видѣлись они, даже если бъ она и уѣхала сейчасъ. Ему сдавалось, что она не станетъ заживаться ни въ Петербургѣ, ни вообще въ Россіи.

Рынинъ прослѣдилъ глазами за экипажемъ и, когда онъ исчезъ изъ виду, немного стряхнулъ съ себя застывшую грязь, сдѣлалъ подъ козырекъ двумъ генераламъ и зашагалъ къ полотну ипподрома, гдѣ еще продолжалось офицерское угощеніе подъ палаткой.

VIII.

Въ темной, душной спальнѣ Зинаиды Мартыновны, выходившей на югъ, въ полдень, при спущенныхъ шторахъ,

происходилъ разговоръ, не громкій, но съ нервнымъ настроеніемъ. Вся комната куталась въ свѣтлую тафту, покрытую складками расшитой кисеи. Кровать, съ балдахиномъ, тоже вся утопала въ шитьѣ и складкахъ тюля.

Зина сидѣла, а не лежала, на кровати въ бѣломъ пеньюарѣ-кофтѣ, съ распущенными волосами. Около изголовья стоялъ столикъ изъ поливной глины, въ арабскомъ вкусѣ; на немъ — остатки ея завтрака. Послѣ чашки бульона, съѣла она два сандвича и выпила большую рюмку портвейна. Ея обычнаго вйски докторъ ей не позволилъ.

У ногъ, на табуретѣ изъ двухъ подушекъ, положенныхъ крестомъ одна на другую, сидѣла Софья Германовна, одѣтая уже къ выѣзду,—она собиралась въ городъ,—въ такой же высокой шляпѣ, покрытой букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, какая была на Зинѣ въ то утро, когда она ходила къ княгинѣ Трубчевской.

Съ обморока на скачкахъ прошло четыре дня. Всѣ эти дни Зину держали въ постели и у нея былъ одинъ припадокъ столбняка, очень серьезный. Изъ Петербурга приглашенъ былъ даже профессоръ академіи. Но теперь она себя чувствовала довольно хорошо, только въ головѣ еще осталась тупая боль и въ рукахъ нервная дрожь.

Софья Германовна держала листокъ депеши. Она только что прочла его. Обыкновенно между собою онѣ говорили по-англійски въ гостиной, зато въ интимныхъ объясненіяхъ и спорахъ часто употребляли русскій языкъ, чтобы такъ ихъ никто не понималъ, за границей, изъ иностранной прислуги. Ту же привычку удержали онѣ и въ Россіи, забывая, что здѣсь-то ихъ и можетъ всякій понять, кто вошелъ бы неожиданно въ комнату.

— Надо ѣхать,—выговорила Сосо̀ серьезно и голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе.

— И поѣзжай, если только этотъ идіотъ Лукашинъ не пугаетъ тебя.

— Я знаю папа̀: онъ не позволилъ бы выписывать меня, если бы не чувствовалъ себя очень нехорошо.

Депеша была получена утромъ, изъ Москвы, отъ Лукашина. Старикъ Кунъ заболѣлъ серьезно, хотя и не опасно. Сосо̀ была не такъ чтобы очень нѣжная дочь, но любила, по-своему, старика и не простила бы себѣ, если бы не пріѣхала во̀-время, не застала бы его въ живыхъ.

Этотъ внезапный отъѣздъ нисколько не смущалъ Зины: онъ не былъ для нея даже большой неожиданностью.

Софья Германовна и безъ того собиралась въ Москву и тащила ее за собою. И пускай ее ѣдетъ!

— Какъ же я тебя оставлю?—спросила Сосо̀.

— Какой вздоръ! Я буду себѣ лежать.

— Никого нѣтъ въ домѣ!

— И не нужно. Есть Милли. Есть докторъ... два цѣлыхъ...

Ей хотѣлось даже остаться одной, совсѣмъ одной—принять рѣшеніе и выполнить его. Но она видѣла, что Сосо̀ не оставитъ ея, все-таки, въ покоѣ. Что-нибудь да она начнетъ, все на ту же чувствительную тему.

— И поѣзжай, — повторила Зина. — Сегодня вечеромъ возьми express.

— Да, но, Zizi, my darling... ты теперь, разумѣется, не можешь... надо же какъ-нибудь, prendre un parti quant à Moscou,—разсудила она докончить не по-русски.

— Что еще?—протянула Зина топомъ больной, къ которой приступаютъ съ ложкой микстуры.

— Что же мнѣ тамъ сказать? Онъ ждетъ тебя... и мать твоя... Tranche la question une fois pour toutes!.. Я не хочу,—Сосо̀ начала впадать въ тронутыя ноты,—да, я не хочу, чтобы про тебя сказали: „она безъ сердца, она — дурная дочь, она неблагодарная“... Это не для свѣта... ты дѣлаешь это для себя... и чтобы всѣ знали...

— Tu radotes... —остановила ее и Зина.— И для себя, и чтобы всѣ знали?..

— Ну, да!—какъ маленькая крикнула Сосо̀ и топнула ножкой.

— Оставь меня... Безъ сценъ, пожалуйста...

Софья Германовна испугалась, вскочила, поцѣловала Зину въ лобъ и попросила у нея прощенія.

— Сядь, ты меня утомляешь!

Голосъ Зины сдѣлался нервнѣе. Она прислонилась затылкомъ къ высоко поднятой подушкѣ и сдвинула брови: этого всего больше боялась Сосо̀.

— Вѣдь я для тебя... Zizi... my darling.

— Съ чего ты, — начала Зина все такъ же нервно, — съ чего ты такъ берешь это къ сердцу? Это смѣшно! Оттого, что ты влюблена? И разводишься!.. И хочешь выйти замужъ... Avec des émotions d'une jeune personne!..

И она засмѣялась раздраженнымъ и злобнымъ смѣхомъ.

Сосо̀ обидѣлась.

— Tu n'as pas de cœur! — вырвалась у нея въ первый разъ такая фраза.

— Хорошо, пусть будетъ такъ,—отвѣтила Зина глухо.— Сердце! сердце! Я никогда и никому не разсказывала, что у меня есть сердце... Но я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла. Я могла бы тоже приставать къ тебѣ въ твоихъ... coups de tête!

— Coups de tête? — задорно и почти съ негодованіемъ переспросила Сосо̀.

— Oui, ma chère, des coups de tête,—повторила Зина, какъ старшая сестра или мать. — Больше ничего!.. Тебѣ такъ нравится, ты должна быть увлечена... toujours fumante comme une locomotive! Ты желаешь опять любить, желаешь держать при себѣ un gaillard... имѣть отъ него дѣтей? Все это совсѣмъ не умно. Но я къ тебѣ не пристаю!

— Ты не любишь меня, тебѣ все равно...

— Хорошо; вотъ я и хочу тебѣ доказать, что не люблю тебя... И буду жить, какъ мнѣ надо, думать о моемъ здоровьѣ, не позволять возить себя comme une valise.

Глаза Зины раскрылись широко, она выпрямилась и протянула длинной и красивой рукой по воздуху сильнымъ, выразительнымъ жестомъ.

Сосо̀ слышала что-то совершенно новое. Она впервые подумала, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ Зина состоитъ „при ней“, пріѣхала для нея сюда, въ Россію, гдѣ ей все противно, собиралась переселиться съ ней въ Англію, гдѣ климатъ совсѣмъ не по ея здоровью...

А она сейчасъ бросила ей такой упрекъ!

— Quelle misérable je fais!.. — выбранила она себя, и на глазахъ у нея блеснули слезы.

— Прости!

Зина жестомъ не позволила ей подняться.

— Ахъ, полно! Ты точно пятилѣтняя!.. Хочешь быть со мною въ дружбѣ, оставь мнѣ мою свободу... Я нездорова...

— Прости, прости!..

Сосо̀ готова была разрыдаться.

— Сценъ не нужно, Софѝ! Поѣзжай въ Москву.

— Какъ же ты?

— И останусь преспокойно, мнѣ надо быть одной... Больше ничего не надо...

Но Софью Германовну — она уже перескочила къ другому ряду чувствъ — начало мучить то, какъ она оставитъ Зизи, съ горничной-иностранкой, Егоромъ-дворецкимъ и

грумомъ. А кому же ее поручить? Ожиговой? Та все разъѣзжаетъ по островамъ, она за больными не умѣетъ ходить, любитъ только покойниковъ.

„Elle a le mauvais oeil,— подумала Сосò, — еще накличетъ смерть“.

Какъ бы тамъ ни сердилась Зизи, а все-таки она ей выскажетъ свои волненія. И ѣхать нужно въ Москву: жаль отца, ужасно жаль...

— Ты одна!.. Никого...—заговорила Сосо́. — Твоя княгиня сама... une patraque, да ей и все равно... Какую она тебѣ записку прислала? а?..

— Записку,—какъ записку,—не́хотя отвѣтила Зина.

— Ей скучно... безъ тебя... ты чтица... а что ты больна—ей до этого дѣла нѣтъ.

Брови Зинаиды Мартыновны опять сдвинулись. То, что̀ сейчасъ сказала Сосò, — правда. Она теперь только, не дальше какъ вчера, когда получена была записка княгини, въ отвѣтъ на почти отчаянное письмо Софьи Германовны о ея припадкахъ,—почувствовала, какъ мало она значила для этой старой грѣшницы... Право, не больше, чѣмъ бы всякая чтица. Развѣ только вотъ то, что она ничего ей не стоила, а княгиня—скупа.

Да и можно ли было ждать отъ нея сердца? Искала развѣ она сердца у своей руководительницы? И сама она ни крошечки ее не любила.

Записка княгини — безукоризненна по формѣ, но холодна, зато не фальшива, не стоитъ въ ней всѣмъ надоѣвшихъ фразъ.

Все-таки княгиня отошла отъ нея еще дальше... Ей представился снова тотъ фактъ, что она здѣсь хлопочетъ объ опекѣ мужа, стало-быть, интригуетъ, проситъ, конечно, лжетъ и, во всякомъ случаѣ, доноситъ... При ея-то состояніи!..

„C'est d'une avarice sordide“,—сказала про себя Зина и сдѣлала гримасу.

Ей стало вдругъ жалко сангвиническую Сосò.

— А Теняшевъ?—сказала она.—Довольно и его.

— Suis-je-bête? — вскрикнула Сосò и вскочила уже въ послѣдній разъ съ табурета.—Его здѣсь еще продержатъ... А я черезъ недѣлю буду назадъ!..

Она хлопнула въ ладони, поцѣловала Зину въ голову и уже ни однимъ словомъ не заикалась больше о Москвѣ, отцѣ Зины, свиданіи съ матерью... Она даже не подумала,

что ей удастся какъ-нибудь вытянуть Зизи туда, когда та поправится. Въ эту минуту она вся стояла уже на сторонѣ своей кузины, ея припадковъ, готова была бы сама везти ее не въ Москву, а за границу, куда пошлютъ доктора: во Франценсбадъ, Крейцнахъ, Пирмонтъ, на море, въ Остенде, въ Біарицъ—хоть на островъ Мадеру!

— Я гадкая!—крикнула она, и еще разъ приложилась къ волосамъ Зины.—Тебѣ Россія—ядъ, здѣсь сыро, гадко, туманъ... а все я, я!..

Быстро опустилась она на колѣни у кровати, схватила руку Зины, начала ее цѣловать, расплакалась, надавала себѣ еще бранныхъ прозвищъ на трехъ языкахъ, а когда опять поднялась на ноги, то сейчасъ же отерла слезы и стала дѣловымъ тономъ увѣрять Зину, что она лишней секунды не останется въ Москвѣ и сейчасъ поѣдетъ въ городъ къ адвокату и къ доктору, который пріѣзжалъ на консультацію, и оставитъ ему свой московскій адресъ на всякій случай, а потомъ заѣдетъ къ Теняшеву. Онъ можетъ даже и переселиться въ Петергофъ; не все ли ему равно!

— Ужъ ты лучше жени его на мнѣ,—сказала Зина.

Эта шутка окончательно разсѣяла волненіе Сосо̀, и она предалась лихорадкѣ отъѣзда, что для нея было всегда лишнимъ средствомъ дать ходъ своему темпераменту.

Черезъ четверть часа ея голоса уже не было слышно въ домѣ.

Зина лежала въ полной тишинѣ. Все обошлось лучше, чѣмъ она ожидала. Главное—ее оставятъ въ покоѣ. Обморокъ у платформы подоспѣлъ кстати. Но онъ же печалилъ ее и смущалъ. Бывали съ ней припадки въ родѣ столбняка, но всегда послѣ сильныхъ мигреней, въ постели или, по крайней мѣрѣ, въ комнатахъ. А такъ, внезапно... и „глупо“ еще ни разу не случалось.

Лежала она съ закрытыми глазами. Ни заснуть, ни забыться она не могла. Не зла она на Сосо̀ за то, что та привезла ее въ Россію—мало ли она глупостей выдѣлывала, эта неисправимая Сосо̀! — но въ Россіи, въ этомъ климатѣ, ей оставаться нельзя... Да и не климатъ тутъ одинъ виной:—вся жизнь, люди, тонъ, разговоры, что-то ужасно прѣсное...

Для кого здѣсь одѣваться, кому себя показывать, кѣмъ, хоть на недѣлю, заинтересоваться? Теряешь всякій вкусъ къ жизни...

Да, ея нездоровье подошло чрезвычайно кстати. Она еще не можетъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо, и еще менѣе писать. Кто же будетъ требовать отъ нея письма, въ отвѣтъ на то, что лежитъ у нея въ бюварѣ, на письменномъ бюро, рядомъ, въ ея будуарѣ-кабинетѣ, куда дверь была полуотворена?

А вдругъ Cocò заживется въ Москвѣ? Старику-дядѣ станетъ хуже?.. Что она будетъ здѣсь дѣлать, съ Теняшевымъ „pour tout potage"? Онъ въ Петергофѣ совсѣмъ не забавенъ, вретъ все то же, старыя, давно ей извѣстныя вещи, и смотритъ въ публикѣ такимъ „voyou". Правда, онъ ей преданъ, но что жъ изъ этого? Веселѣе отъ того не станетъ.

Разводъ Cocò, ея будущая свадьба, переѣзды изъ Германіи въ Россію, изъ Россіи—неизвѣстно куда,—все совершенно выбиваетъ ее изъ колеи. Не вѣритъ она и въ то, чтобы Cocò поселилась, выйдя замужъ, въ Англіи навсегда, купила бы коттеджъ... Не можетъ она высидѣть на одномъ мѣстѣ больше двухъ сезоновъ. И что, если начнется скитаніе по Европѣ... жизнь то тамъ, то здѣсь... всегда „sur le qui vive"?.. Хорошо той съ новымъ мужемъ, пока она въ него влюблена, или съ дѣтьми—у нея навѣрное будутъ и отъ второго,—а что же во всемъ этомъ она, Зина Ногайцева?

Зачѣмъ же ей обманывать себя, лгать и выдумывать, сочинять себѣ и другимъ такія чувства, которыхъ нѣтъ? Cocò ей предана, но она такъ же предана: и своимъ привычкамъ, и туалетамъ, и спорту, и слабости къ мужчинамъ, и фамильнымъ привязанностямъ, и тысячѣ всякихъ rien, всего того, что для нея „d'une extrême importance". Такъ же точно и она сама знаетъ размѣры своего чувства къ Cocò. Да если бъ она и желала по доброй волѣ приносить себя въ жертву, — а она этого совсѣмъ не желаетъ,—то на что̀ она нужна кузинѣ? Та безъ нея и разведется, и выйдетъ замужъ, и будетъ тормошить себя и своего мужа, разъѣзжать, рядиться, имѣть дѣтей, толстѣть, скакать верхомъ и говорить всѣмъ и каждому, что она воспитана въ англійскихъ нравахъ, чего никогда не бывало, какъ ей и доложилъ офицеръ Рынинъ.

Къ Рынину Зина пришла мыслью уже не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ лежитъ послѣ своего обморока.

Когда, третьяго дня, въ головѣ у нея прояснилось и она могла все припомнить и сообразить, она за̀ново за-

трепстала отъ обиды... Онъ умышленно оскорбилъ ее, и она вела себя... хуже, чѣмъ всякая кордебалетная русская корифейка, чѣмъ та смазливая дѣвчонка съ глупыми глазами, что̀ стояла около толстаго гвардейца, къ которой приравнялъ ее Рынинъ! Ничего подобнаго такому сраму она не испытывала никогда, ни съ кѣмъ! И какъ же это все кончилось?.. Его полнымъ торжествомъ. Онъ же повелъ ее, у него же она попросила помощи, онъ же ее посадилъ на лавку, можетъ — оттиралъ, онъ же отыскивалъ экипажъ, усаживалъ и вызвался править лошадьми.

Сосо̀, не понимающая того, что̀ между ними происходитъ, какъ только она раскрыла глаза вчера, сейчасъ же прибѣжала ей объявить, что изъ Краснаго Села Рынинъ прислалъ депешу — „très respectueuse“, — съ просьбой дать отвѣтъ, „réponse payée“, о здоровьѣ „mademoiselle Zina“... И когда она сказала, чтобы отвѣтили: „Merci, elle va bien“, Сосо̀ стала ее укорять и говорила, что такъ нельзя, очень сухо, и, навѣрное, отвѣтила какими-нибудь глупостями... въ чувствительномъ родѣ.

Пожалуй, и сегодня онъ еще пришлетъ депешу или самъ пожалуетъ. Сосо̀ ничего не понимаетъ, да и не могла ни о чемъ догадаться... А ей, Зинѣ, не слѣдуетъ даже имени выговаривать этого... этого...

Она затруднялась, какимъ бы презрительнымъ словомъ выразиться и на какомъ языкѣ.

„Roublard“! — вспомнила она слово княгини и сначала очень обрадовалась. — Да, roublard, интриганъ, пролазъ; „на даровщинку“, — такъ выражается Теняшевъ, — желаетъ выйти въ люди и все забрать въ руки. И что онъ къ ней присталъ? Неужели воображаетъ, что она для него — „un coup de filet à faire“? Онъ, съ его лицомъ, манерами, фигурой?.. Онъ, позволяющій себѣ невозможное обращеніе?.. Или, не пожелалъ ли онъ показать ей, своимъ тономъ, что онъ не только не разсчитываетъ на нее, на ея приданое, на всю ея эффектную и разодѣтую фигуру, а считаетъ себя неизмѣримо выше по всему и забавляется только сшибаньемъ съ нея спеси?..

Бо̀льшей безцеремонности нельзя было и выказать. Не только онъ ее приравнялъ къ первой попавшейся танцовщицѣ, но прямо ей показалъ, что знаетъ, какого она происхожденія; нѣсколько разъ далъ ей почувствовать, что, какъ бы она ни рядилась, какого бы высшаго стиля

ни держалась, все-таки она похожа... на какую-то заграничную мамзель, а не на русскую дѣвицу или даму изъ настоящаго общества высокопоставленныхъ и безупречно рожденныхъ людей.

И кто могъ ему разболтать о ея матери, о ея недавнемъ незаконномъ положеніи? Да кто же, какъ не Теняшевъ, другъ и наперсникъ!.. Неужели ей никогда не приходило въ голову, что такой человѣкъ выдастъ отца родного, только бы ему что-нибудь врать? Вѣдь онъ про себя, про свою жену, про свой разводъ, про такія исторіи, о которыхъ другой бы молчалъ до гробовой доски, разсказывалъ всѣмъ, въ первый же день знакомства. Навѣрное, все уже выложилъ и Рынину.

А она не догадалась даже запретить ему формально ротъ разѣвать о ней съ офицеромъ, если бъ тотъ и началъ его выспрашивать...

Почему же она этого не сдѣлала? Почему?..

Все по тому же чувству, которое не позволяло ей и княгинѣ Трубчевской говорить о своихъ родителяхъ прежде, чѣмъ не понадобилось спросить совѣта, въ последней крайности. А Теняшева, хоть онъ и пріятель больше четырехъ лѣтъ, она ставила ниже себя, ниже Сосо̀, хотя и позволяла, и до сихъ поръ позволяетъ ему, при всѣхъ, вести себя чуть не какъ съ легкой особой...

Во всемъ виновата сама... сама...

Слезы досады и презрѣнія къ себѣ выступили на глазахъ ея. Она разгорѣлась въ лицѣ и сидѣла, прислонившись всей спиной къ подушкамъ, въ полутемной своей спальнѣ.

Раздался шумъ экипажа; влетѣла Сосо̀, а за ней мужскіе шаги остановились у двери.

— Я привезла Грегуара!..

Она въ минуты сердечнаго возбужденія звала такъ Теняшева.

— Зиночка!—донесся его голосъ изъ будуара,—этѝль пермѝ?

— А! это онъ?—глухо выговорила Зина.

— Да, и согласенъ переѣхать въ Петергофъ...

— Даже къ вамъ на дачу,—шопотомъ пустилъ въ дверь Теняшевъ.

Сосо̀ видѣла, что Зина дурачиться не желаетъ.

— Что̀ съ тобой?—испуганно спросила она.

— Позови мнѣ... его... И оставь насъ. У тебя много дѣла...

— Прекрасно!—Сосо̀ поцѣловала Зину и убѣжала въ другую дверь, а Теняшеву крикнула:

— Идите!

Онъ вступилъ въ спальню, со сложенными на груди руками, шутовской походкой, свѣсивъ голову на-бокъ.

— Милая вы моя больнушка... Бѣленькая лежитъ...

— Тсс!..—остановила его Зина и, выпрямившись, выговорила:—Не лгите! Вы болтали обо мнѣ тому... офицеру... Рынину?

— Что̀ болталъ?

— Не лгите!—гнѣвно крикнула она.—Вы болтали... обо мнѣ?.. Видѣть васъ не хочу, не надо мнѣ васъ, вашихъ услугъ... Но если вы пикнете еще хоть слово... мы—враги на вѣкъ. Ступайте!..

И повернулась къ нему спиной.

Теняшевъ пожалъ плечами, вышелъ на цыпочкахъ и сказалъ Сосо̀—она уже начала распоряжаться укладкой своихъ туалетовъ:

— Нервы! Прогнала!

Его заставили записывать то, что́ Софья Германовна беретъ съ собой.

И выходка съ Теняшевымъ черезъ двѣ минуты показалась самой Зинѣ нелѣпой, самаго дурного тона. Она ничего не поправляла и ни отъ чего не спасала.

„Вонъ, вонъ отсюда!“—вдругъ вырвалось у нея съ глухимъ стономъ, и она обѣими руками схватила себя за виски.

Всѣ живутъ полной жизнью, начиная съ Сосо̀: вѣдь она укладывается, шумитъ, картавитъ, строитъ планы, пишетъ каждый день своему жениху, поскачетъ къ больному отцу, точно на праздникъ... Теняшевъ—и тотъ очень доволенъ собой, своимъ шутовствомъ, даже своей карьерой, хотя и жалуется, что его шлютъ къ чорту на кулички. И тотъ долгій, прыщавый roublard... Онъ бѣденъ, бьется, злится, снѣдаемъ честолюбіемъ, и все-таки живетъ, стоитъ прочно на своей дорогѣ, считаетъ себя умнѣе ея, родовитѣе, тоньше, самодовольно перебираетъ теперь, у себя, тамъ, въ лагерѣ, всѣ ходы, какіе онъ взялъ у нея въ два-три разговора.

Ее наполняло одно желаніе, чтобы поскорѣе подошелъ вечеръ, чтобы уѣхала Сосо̀, убрался Теняшевъ, и тогда она запрется... Даже доктора не будетъ пускать. Она сама лучше всякаго специалиста знаетъ, что̀ ей надо. Проле-

жать еще три дня, а потомъ, не дожидаясь Сосо̀, собраться и оставить позади себя и эту Москву, и офицера, и княгиню, и Сосо̀... всѣхъ! Положить конецъ лѣта и всю осень на уходъ за своимъ тѣломъ. Оно расшаталось, оно можетъ и не такой еще сюрпризъ приготовить ей...

Вернуться въ себя, стать снова собой — безмятежной, сіяющей, увѣренной въ себѣ, на полной волѣ, безъ тревогъ, щекотливыхъ вопросовъ, уступокъ чему бы то ни было, кромѣ того, чего требуетъ высшій строй жизни...

IX.

Вѣтеръ, съ сѣверо-запада, бушевалъ по всей великолѣпной „дигѣ“, выстланной квадратными матовыми кирпичиками изъ терракоты. Море, сизо-зеленое, разбурлилось къ сумеркамъ. Прибой пѣнистыхъ валовъ доходилъ до перилъ наружной обшивки набережной и заливалъ выступы, идущіе въ море недвижными, окаменѣлыми китами. Пестрые фасады отелей и нарядныхъ виллъ тянутся вправо, до „эстакады“, своими фламандскими украшеніями, столбиками, верандами и вышками. Огни только что показались въ дальнихъ фонаряхъ набережной, въ ресторанахъ нижнихъ этажей, внутри тяжеловатой, раскинутой во всѣ стороны, громады кургауза съ его овальной надставкой крыши, индійскими башенками, главами и столбами.

На дигу высыпало самое блестящее населеніе Остенде, тотчасъ послѣ обѣда, и заходило по ней во всѣхъ направленіяхъ. Ни одного экипажа не проѣзжало наискосокъ, по узкой полосѣ мостовой, оставленной для ѣзды. Шаговъ тысячи гуляющихъ не было слышно за вѣтромъ и прибоемъ. Платья, шляпки, шарфы, зонтики,—все это взбивалось и затрудняло ходъ цѣлымъ рядамъ разряженныхъ женщинъ и дѣвочекъ. Со многихъ срывало шляпки. Раздавался раскатистый смѣхъ. Яркіе цвѣта туалетовъ умѣрялись двойственнымъ свѣтомъ сумерекъ. Но всего больше было бѣлыхъ платьевъ—crême, въ обтяжку, съ огромными турнюрами, почти фижмами, и синихъ съ красными полосками. Мужчины, ближе къ кургаузу, въ этой толпѣ разрядившихся женщинъ и дѣтей, смотрѣли особенно: въ бѣлыхъ—crême—фланелевыхъ панталонахъ, короткихъ пиджакахъ, бѣлыхъ же картузахъ англійскаго морского покроя, съ большими прямыми козырьками, обшитыми фланелью, и околышемъ изъ яркихъ трехцвѣтныхъ лентъ,

или въ соломенныхъ шляпахъ съ прямыми бортами и съ такими же широкими лентами радужныхъ цвѣтовъ, въ холщевыхъ или желтыхъ кожаныхъ башмакахъ.

Во всей этой сновавшей, то скоро, то медленно, толпѣ, былъ какъ бы особый уговоръ держаться, одѣваться, пить, ѣсть, купаться, посѣщать вечеромъ концерты—точно на представленіи, на выводъ, напоказъ, хотя на первый взглядъ все казалось непринужденнымъ.

Изъ главной улицы, снизу, изъ Rue de Flandre, поднимались все новые ряды и группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, въ туалетахъ попроще, болѣе степеннаго вида посѣтители дешевыхъ ресторановъ и табльд'отовъ, внутри города, квартиранты недорогихъ отелей и меблированныхъ комнатъ... Ихъ, какъ бы само собою, относило направо, къ тихому концу набережной. Многіе садились сейчасъ же на скамейки у самаго края пѣшеходнаго полотна диги или у перилъ. Какъ только вѣтеръ дѣлался полегче и прибой слабѣе гудѣлъ, волны человѣческихъ голосовъ поднимались.

У монументальной лѣстницы кургауза не прерывалась вереница подымающихся между двумя будочками и жирандолями. Три дежурныхъ контролера, въ однихъ фракахъ и кепи, кое у кого спрашивали входныя карты. Снаружи, подъ навѣсомъ, публика сидѣла только въ глубинѣ, у самыхъ оконъ залы, и направо, за полотномъ опущенныхъ шторъ, въ ресторанѣ, доканчивая самый поздній обѣдъ, по-англійски...

За кургаузомъ набережная, огибающая поворотъ берега, спускается къ новому ряду отелей и ресторановъ, а дальше, на возвышеніи, темной глыбой, глядитъ въ море королевская вилла, темно-сѣрая, тяжелая, лишенная стройности и величія.

Внизу, на пескѣ, длинные ряды полосатыхъ будокъ выстроились тѣсно, одна къ другой,—близко къ баракамъ, гдѣ продаютъ билеты и хранятъ костюмы, дожидаясь скораго отлива. Въ полутемнотѣ, въ пескѣ, дѣти еще мастерили крѣпости, проводили канавки, таскали песокъ въ раскрашенныхъ ведеркахъ; дѣвочки - подростки играли вмѣстѣ съ малолѣтками. Почти всѣ были босикомъ...

Вѣтеръ, не унимавшійся и къ часу отлива, скоро загналъ гуляющихъ въ кургаузъ; тамъ уже начался концертъ. Главная зала, гдѣ помѣстится нѣсколько тысячъ человѣкъ, обдавала уже жаромъ газовыхъ люстръ и ды-

ханія толпы, занявшей всѣ стулья и диваны, такъ что по двумъ проходамъ кругомъ едва можно было протискаться. Музыканты сидѣли на обширной эстрадѣ, подъ колпакомъ. Наверху, на галлереѣ, виднѣлось нѣсколько человѣкъ, и дѣти играли съ одной стороны. Дѣтей, особенно дѣвочекъ, внизу были цѣлыя вереницы: разряженныхъ, съ распущенными волосами, въ перьяхъ, бантахъ, атласѣ, съ голыми икрами, даже при порядочномъ ростѣ.

Оркестръ игралъ увертюру. Ближе къ эстрадѣ, за столиками, пили кофе; большія семейства, изъ матерей и взрослыхъ дѣвицъ, облѣпляли кругомъ столики, ничего себѣ не спрашивали, и такъ сидѣли до конца концерта, красныя, затянутыя, разодѣтыя и формально улыбающіяся. Два теченія публики было: и въ глубинѣ—позади оркестра, слѣва, изъ коридора—отъ задняго входа, изъ читальни и кафè, и направо изъ бильярдныхъ, гдѣ уже шла азартная партія.

Танцовальный залъ еще стоялъ темнымъ. Сотни дѣвицъ и дѣвочекъ ждали только минуты, когда растворятъ двери, чтобы устремиться туда и занять всѣ скамейки и стулья. На хоры танцовальнаго зала уже забрались зрители.

Въ читальню, съ улицы, черезъ наружную галлерею, вошла Зинаида Мартыновна, одна, въ шляпѣ въ видѣ салатника, въ бѣломъ платьѣ—crême и въ короткой шелковой кофточкѣ съ высокимъ воротникомъ, разстегнутой по модѣ, съ плюшевымъ платкомъ на рукѣ. Она двигалась медленно, нехотя, глядѣла по бокамъ, похудѣла въ лицѣ, но съ болѣе сильнымъ блескомъ въ глазахъ; она даже немного гнулась, чего прежде у нея не было. На всѣхъ столахъ, въ первой комнатѣ, и у маленькихъ столиковъ, писали дамы.

„Чего онѣ пишутъ?—раздраженно подумала она.—Весь день пишутъ; кому?“

И утромъ она, въ десятомъ часу, заставала все такую же усиленную корреспонденцію. Сама она терпѣть не могла писать и писала только своей кузинѣ, да и то разъ въ недѣлю.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ она на морѣ, и шестая, какъ вырвалась изъ Петербурга. Она не дождалась возврата Сосò изъ Москвы. Ту задержала болѣзнь отца. Ей стало нестерпимо. Она заставила Теняшева выправить ей

паспортъ, и уѣхала одна, съ горничной. Доктора, даже и специалистъ изъ академіи, похвалили ее за такое рѣшеніе и послали оба въ Францепсбадъ. Тамъ жили ея заграничныя знакомыя англичанки. Она не рисковала остаться одной.

Все это она скрутила въ одну недѣлю. Главное ея опасеніе было: не столкнуться съ Рынинымъ. Онъ пріѣзжалъ наканунѣ ея отъѣзда. Ему сказали, что Софья Германовна въ Москвѣ, а Зинаида Мартыновна не принимаетъ. Его встрѣтилъ Егоръ-дворецкій и такъ, по приказанію барышни, и доложилъ:

— Не изволятъ принимать!

Дорогой ее особенно тѣшило приближеніе къ границѣ. Никакихъ приставаній отъ Сосо̀ она не получила на письмѣ. Та сама ее гнала за границу послѣ депеши доктора изъ Петергофа. Объ отцѣ Зины Сосо̀ писала кратко, что она его еще не успѣла видѣть, но слышала отъ Лукашина, что въ его состояніи опять произошла перемѣна къ „худшему“. На мать не было даже и намека.

На границѣ Зина точно стряхнула съ себя свои припадки, слабости, обмороки, мигрень, всякую напряженность, разбиранье щекотливыхъ „cas de conscience“. Она, на прощальномъ свиданіи съ княгиней Трубчевской, и не подумала просить у той окончательнаго совѣта, и сама, въ началѣ разговора, сказала ей:

— Я въ Москвѣ не буду. Мое здоровье разстроилось. Я ѣду за границу.

Княгиня одобрила ее, но Зина еще разъ убѣдилась, уже въ ея гостиной, что къ этому одобренію княгини относится равнодушно...

Прежнее обаяніе на нее окончательно покачнулось.

Отъ границы до Францепсбада она ѣхала и все мечтала о томъ, какъ будетъ готовиться къ осеннему сезону, подберетъ себѣ общество и, наведя справки, поѣдетъ туда, гдѣ „сто̀итъ“ быть: въ Трувиль, Булонь, Скевенингенъ или Остенде...

Но во Францепсбадѣ ванны разслабили ее сразу,—она простудилась—погода стояла мокрая и холодная,—должна была прервать лѣченіе. Англичанки уѣхали до нея, и она не докончила курса лѣченія, хотѣла даже бѣжать почти тайно отъ своего доктора, который раздражалъ ее смѣшнымъ французскимъ языкомъ и шуточками насчетъ того, что ей надо позаботиться о выходѣ замужъ.

Плоскія прогулки Франценсбада, сѣренькая публика больныхъ женщинъ, въ дешевыхъ ватерпруфахъ, полное отсутствіе изящныхъ мужчинъ, плохонькій театрикъ и, въ послѣдніе десять дней, тягучее одиночество! Она перестала ходить на музыку, избѣгала усиленно всѣхъ дамъ, казавшихся ей русскими, и дошла-таки до того — она, Зина Ногайцева,—что по вечерамъ брала съ собой свою нѣмку-горничную и уходила съ ней гулять въ поля.

Начало ее тянуть къ морю. Она списалась съ двумя дамами; онѣ звали ее въ Остенде. Тамъ она еще не бывала, но знала, что эти морскія купанья „très bien fréquentés". Сосо рѣшительно засѣла въ Россіи. Отецъ поправился, разводъ опять затянулся, такъ что ей надо было остаться тамъ и на осень.

По дорогѣ въ Остенде, Зина остановилась на нѣсколько дней во Франкфуртѣ—заказать себѣ нѣсколько туалетовъ для „plage"; въ Парижъ она одна не хотѣла ѣхать.

Особенно подробно обдумала она три туалета: бѣлое, красное съ цвѣтами и полосатое. Они должны были прибыть слѣдомъ за нею.

И опять знакомыя обманули ее: пріѣхали въ Остенде слишкомъ рано—въ половинѣ русскаго августа, такъ что черезъ недѣлю она осталась одна. Правда, онѣ ее познакомили съ двумя-тремя семействами и съ цѣлымъ десяткомъ молодыхъ людей, но въ семействахъ все дѣвушки лѣтъ по шестнадцати и моложе,—безцвѣтныя, глупенькія или болтливыя, на англійскій ладъ... Молодые люди— очень модные по части башмаковъ, панталонъ, картузовъ, стоячихъ воротничковъ, тоже — такіе ужъ міоши, что у себя дома она каждаго изъ нихъ отсылала бы къ подросткамъ играть, отдѣльно, въ „lawn-tennis".

Прибыли ея франкфуртскія платья; въ первый же день она—съ ужасомъ!—увидала, что рѣшительно у всѣхъ бѣлые костюмы—crême и полосатые—красные съ синимъ; а красное къ ней не шло, на этой пестрой digue. Бѣлый цвѣтъ она возненавидѣла, и все-таки надо было надѣвать всего чаще костюмъ „crême", потому что онъ шелъ къ ней больше и въ немъ было теплѣе. Море почти пугало ее въ этотъ разъ; два дня она „лихорадила"—выраженіе ея петербургскаго врача — и взяла нѣсколько теплыхъ ваннъ, въ заведеніи около кургауза.

Обдуманный ею купальный костюмъ тоже не удался: цвѣтъ не шелъ къ ней въ водѣ, да и не было кругомъ

галлереи, которои стоило бы показать себя. Она очень похудѣла къ тому же, плечи опали, выдались ключицы; ноги и руки казались ей уродливо-длинными. Только большая шляпа шла къ ней. Прежде она плавала смѣло, никогда не обращалась къ купальщику или къ купальщицѣ, а тутъ ее начало тревожить особое чувство, въ родѣ біенія сердца, и она брала купальщицу, одну изъ тѣхъ отвратительныхъ бабъ, въ ваточныхъ капотахъ и чепцахъ, отъ которыхъ пахло водкой.

Въ самый бойкій часъ купанья — отъ одиннадцати до полудня — шумъ, погоня за кабинами, лошади, грязные костюмы, валяющіеся по ступенькамъ будочекъ, крики прислуги, возня дѣтей стояли у ней въ ушахъ стономъ, и она хлопотала только о томъ, чтобы поскорѣе выкупаться. Сначала она ходила со своими англичанками, но за ними повадились и молодые люди, и ей стало просто противно глядѣть на ихъ долгія, худыя фигуры съ глупыми лицами, большими ушами, полуголыя и плоскогрудыя.

Она перемѣнила часы купаній, водила съ собой горничную,—шла совсѣмъ въ другое мѣсто, къ эстакадѣ, и тамъ купалась, среди какихъ-то нѣмцевъ и самаго мѣщанскаго вида бельгійцевъ.

Уѣхала и половина ея знакомыхъ. Она очутилась почти совсѣмъ одна и подумала-было взять себѣ на-скоро компаньонку; но ее испугала скука разговора съ такой особой, да и дороговизна начинала ее сердить. Разсчетливость, съ тѣхъ поръ, какъ у нея двѣсти тысячъ, скорѣе усилилась въ ней. Въ Hôtel Continental съ нея брали двадцать франковъ за одну комнату, да за горничную она платила пять. Съ пятаго сентября объявили, что ея комната будетъ ходить за тридцать. У Сосо она не знала никакихъ расходовъ на свое житье, кромѣ траты на туалетъ. Теперь за все надо платить. День обходится ей въ семьдесятъ франковъ. Курсъ все падалъ.

Зинаида Мартыновна прошла читальней и должна была остановиться у лѣстницы, ведущей на хоры,—такъ сильна была тутъ толкотня. Концертъ былъ уже на исходѣ, и въ танцовальную залу началось обратное движеніе. Въ разряженной толпѣ она, съ самаго пріѣзда на море, испытывала все возрастающее непріятное чувство. Никогда еще ей не казалось такъ ярко то, что она—какъ сотни

какъ тысячи... Ея туалеты—на всѣхъ, выставлены въ магазинахъ, вонъ тамъ, въ Rue de Flandre; точно такого покроя костюмъ стòитъ всего сто франковъ, и каждая буржуазка изъ Брюсселя купитъ его... При Сосо̀, у себя, въ исключительномъ обществѣ, Зинаидѣ Мартыновнѣ казалось, что она на какомъ-то возвышеніи, принадлежитъ, на самомъ дѣлѣ, къ сливкамъ самаго рѣдкаго вкуса... А здѣсь она затеряна, почти затерта, не взирая на свою походку, ростъ, манеру держать голову, свою красоту, наконецъ...

Смотрятъ на нее мужчины, изъ настоящихъ виверовъ, парижане, но какіе взгляды бросаютъ на нее и когда?

Такіе, какъ разнымъ авантюристкамъ, и то—когда она одна, а въ обществѣ дѣвицъ-англичанокъ она имѣетъ видъ молодой дамы или старшей сестры, старше ихъ на десять лѣтъ,—почти старой дѣвы.

Веселиться она не только не могла, но даже сочла бы для себя оскорбительнымъ... Вѣдь въ этой публикѣ когокого только нѣтъ! Танцовальные вечера въ кургаузѣ—это просто танцклассы, гдѣ толкутся двѣсти паръ и безпрестанно барышни съ барышнями, какъ въ нѣмецкихъ Kränzchen. На болѣе тонные вечера въ казино она не можетъ ѣздить одна, а со своими „бакъ-фишами“ ей скучно: придется выносить ихъ кавалеровъ, уродливо танцующихъ вальсъ и допотопную „редòву“.

Съ трудомъ пробралась она черезъ хвостъ входившихъ въ танцовальную залу; сквозной вѣтеръ безпокоилъ ее; она просто не знала, какъ ей добраться все до того же надоѣвшаго ей семейства—оно сидитъ около самой эстрады и дослушиваетъ, съ раскрытыми ртами и потными лицами, варіаціи на пистонѣ.

Она хотѣла бы повернуть въ бильярдныя... Но тамъ—завѣдомыя кокотки. Она ихъ всѣхъ признала — и очень дорогихъ, и попроще — и съ тѣхъ поръ начала бояться, чтобы вечеромъ, на дигѣ, когда ей случалось дойти одной до своего отеля, кто-нибудь не пошелъ за ней, не принялъ ее за одну изъ нихъ.

Но ей было, именно сегодня, такъ тошно въ толпѣ, что она не стала искать знакомыхъ, а взяла лѣвѣе и, черезъ ресторанъ, вышла на наружную террасу. Вѣтеръ уже не пугалъ ея: она хотѣла остаться одна, куда-нибудь хоть провалиться. На плечи накинула она платокъ, сбѣжала съ террасы, пересѣкла дигу и по каменнымъ ступенямъ

одного изъ сходовъ къ морю спустилась на влажный песокъ, убитый морскимъ прибоемъ.

Отливъ оставилъ широкую полосу вдоль всей набережной. Мѣсяцъ только что выплылъ, и гладкая поверхность песчанаго полотна слегка лоснилась отъ луннаго мерцанія.

Ногамъ ея сдѣлалось мягко; она шагала скоро и далеко ушла къ морю, поднялась на одинъ изъ выступовъ, успѣвшихъ обсохнуть, стала лицомъ къ кургаузу и долго глядѣла на него.

Зданіе, все прозрачное, съ матовымъ свѣтомъ своихъ стеклянныхъ рамъ, глядѣло издали огромнымъ воздушнымъ шаромъ, спущеннымъ на землю. Линія фонарей по дигѣ, освѣщенные нижніе этажи, электрическое солнце на одномъ изъ балконовъ, тѣни гуляющихъ по набережной, имѣли въ себѣ что-то величавое, въ своей ночной нарядности. Такую обстановку вѣдь и нужно для нея, для величавой Зины Ногайцевой...

А вотъ она одиноко ходитъ по морскому песку, затерянная, чужая, подавленная, жалкая сама себѣ, безъ вкуса къ чему бы то ни было; въ головѣ у нея — никакихъ прежнихъ красивыхъ перспективъ жизни; на душѣ—тупая боль; тѣло ея не чувствуетъ бодрости, даже отъ дыханія моря, отхлынувшаго къ ночи, но все еще гулкаго и перекатистаго.

Слѣва отъ нея мелькнулъ маякъ и бросилъ полосу свѣта. Зина едва не разрыдалась.

X.

Послѣ десяти часовъ потянулась публика внизъ, по Rue de Flandre. Танцовальный вечеръ подходилъ къ концу. Мѣстная мода и потребность посидѣть еще на виду у всѣхъ гнали каждый вечеръ въ самую бойкую кофейню, Noppeney, на перекресткѣ, съ большимъ открытымъ окномъ-балкономъ.

Уже съ проходной комнаты, гдѣ кондитерская, тѣснота къ одиннадцати часамъ дѣлалась чрезвычайная. Тутъ, стоя, ѣли пирожки тѣ, кто замѣнялъ сладкой ѣдой настоящій ужинъ. Слѣдующія двѣ комнаты—первая съ гротомъ въ глубинѣ и вторая — двумя ступеньками повыше, съ балкономъ — усыпаны были, около всѣхъ столиковъ, вернувшимися изъ кургауза. Гарсоны бѣгали безъ устали и разносили на подносахъ напитки, больше съ соломинками, въ высокихъ бокалахъ.

Передъ балкономъ, на улицѣ, шло движеніе, точно въ коридорѣ; подъ открытымъ небомъ — только одно пѣшее. Въ этотъ часъ развѣ отельный омнибусъ проѣдетъ съ желѣзной дороги. Уличные мальчишки, городскія женщины, въ своихъ темныхъ плащахъ съ капюшонами и черныхъ чепцахъ, останавливались передъ блестящей кофейной. Тутъ же, на самомъ перекресткѣ, итальянская семья — мужъ, жена и мальчикъ съ дѣвочкой — размѣстились съ механическимъ піанино на колесахъ. Отецъ и мать попеременно вертѣли за ручку. Дѣвочка, короткая, совсѣмъ четыреугольная, въ римскомъ костюмѣ, съ фартукомъ и цвѣтной тряпкой, наложенной на голову, шныряла, покачиваясь на кривыхъ ногахъ, между проходящими, и совала всѣмъ продолговатую жестянку съ подвижной крышкой. Монеты исчезали внутрь, а она все потряхивала жестянкой, и звукъ ея сливался съ деревяннымъ ритмомъ піанино, которое выдѣлывало вальсъ „Il baccio“.

Съ самаго открытія сезона „Noppeney“ такъ еще не торговалъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Потянуло туда и Зинаиду Мартыновну. Внизу, на морскомъ песку, она озябла, хотя и куталась въ свой плюшевый платокъ. Ее на этотъ разъ не остановилъ даже вопросъ:

„Какъ же это я, одна, пойду въ кафѐ, гдѣ масса мужчинъ, и однѣ являются только подозрительныя женщины?“

Ей сдѣлалось какъ-то „все равно“, и даже захотѣлось начать, въ самомъ дѣлѣ, пользоваться полнѣйшей свободой. И для кого будетъ она подтягивать себя и соблюдать приличія здѣсь? Не для тѣхъ же „бѣлобрысыхъ“ мальчугановъ-англичанъ, на которыхъ она смотритъ сверху внизъ? Да и въ такой тѣснотѣ, какая бываетъ у Noppeney, можно ли узнать сразу, одна она сидитъ или съ обществомъ?... Помѣститься къ столу, гдѣ дамы попорядочнѣе...

Въ кондитерскую она вошла своей обычной, немного колеблющейся, походкой, сладостей ѣсть не захотѣла, остановила гарсона съ выстриженной подъ гребенку бѣлокурой головой, заказала себѣ „шерри-кòбблеръ“ и потребовала провести себя въ дальнюю комнату, къ балкону.

Тамъ нашлось еще два мѣста, въ самомъ углу — около маленькаго столика. Туда пробраться можно было съ тру-

домъ; за столами побольше сидѣло два общества: одно почти исключительно изъ дамъ и дѣвицъ, пришедшихъ съ танцевъ, а другое—компанія нѣмецкихъ банкирскихъ сыновей, съ большими носами, франтоватыхъ на особый ладъ, и съ ними молодая, красивая, въ крашеныхъ волосахъ, нѣмка съ накинутой на плечи пардессю изъ шали, въ тяжеломъ шелковомъ платьѣ и высокой шляпѣ, которая казалась составленной изъ однихъ цвѣтовъ. Она держала себя скорѣе чопорно, но въ ней сидѣло, на опытный взглядъ, что-то разительно отзывающееся гамбургской Юнгферштиге. По тому, какъ относился къ ней самый шумный изъ нѣмцевъ, можно было легко догадаться, что эта чета справляетъ свой медовый мѣсяцъ.

Зина все это поняла, но не испугалась такого сосѣдства. Столъ нѣмцевъ оказался ближайшимъ отъ ея столика. Ей пришлось сидѣть одной; другой стулъ около круглаго столика оставался пустымъ; но она могла почти укрыться за зеленью, чего она, однако, не пожелала дѣлать. Она осмотрѣла и всю комнату, вглубь, нашла, что всѣ женщины были порядочнаго или, по крайней мѣрѣ, не подозрительнаго вида и тона. Только одна, болѣе шумная, группа, за дальнимъ столомъ, выдѣлялась и останавливала на себѣ ея взглядъ.

Крупныхъ формъ брюнетка, лѣтъ за тридцать, вся въ черномъ, съ широкимъ напудренымъ лицомъ и крашеными губами, но еще довольно свѣжая, и съ ней человѣка четыре мужчинъ. Зинѣ показалось, что они — русскіе... Нѣсколько фразъ, долетѣвшихъ оттуда,—французскихъ фразъ, — отзывались произношеніемъ, какого она достаточно наслышалась въ Петербургѣ. Двое были красны и сильно жестикулировали; вѣроятно, пообѣдали слишкомъ хорошо.

Въ дверяхъ стоялъ очень высокаго роста мужчина. На немъ мягкая, темная шляпа, сплющенная въ тульѣ, желтоватый, въ мелкую клѣтку, англійскій костюмъ и свѣтлый галстукъ. Лицо длинное, съ русой бородкой.

Машинально Зина подалась назадъ, за косякъ, въ темноту растеній, обставлявшихъ весь уголъ веранды; но сейчасъ же овладѣла собою и застыла въ напряженной, жесткой позѣ.

Въ эту минуту ей подали ея шерри-кòбблеръ. Она взяла одну изъ соломинокъ въ ротъ и стала тянуть холодную темную жидкость и глазъ не опускала.

Это онъ, Рынинъ!.. Вошелъ, сталъ въ дверяхъ, бокомъ, чтобы не мѣшать проходящимъ, и оглядѣлъ, какъ будто разсѣянно, всю комнату. Поворачивалъ голову и въ ея сторону. У нея захватило дыханіе. Вотъ онъ сейчасъ подойдетъ къ ней!.. Нѣтъ, обернулъ голову, но что-то едва уловимое мелькнуло у него въ лицѣ, что̀ она схватила,— сдѣлалъ два шага позади гарсона. Та женщина въ черномъ — теперь Зина видитъ, что это француженка — изъ такихъ, которыхъ называютъ „la vieille garde“—его узнала, для него встала во весь ростъ, дѣлаетъ ему знаки и головой, и даже рукой, по-парижски. Онъ тоже ей кланяется,—не такъ, какъ кланяются, когда въ первый разъ видятся; вѣрно, они уже встрѣчались сегодня же, гдѣ-нибудь тамъ, въ бильярдныхъ кургауза.

Зина все тянула изъ соломинки, а взглядъ ея шелъ черезъ головы сидѣвшихъ передъ ней. Волненіе ея не унималось, и это всего больше сердило ее. Онъ ее узналъ, и не пожелалъ даже сразу поклониться; но онъ подойдетъ. И находитъ онъ ее здѣсь, одну, за столикомъ, съ соломинкой во рту, въ двухъ шагахъ отъ нѣмки-куртизанки. Точно она сама кого-то ждетъ... Какой ужасъ!

Вмѣстѣ съ француженкой поднялся и одинъ изъ ея кавалеровъ съ петербургскими бакенбардами и большими глазами навыкатъ, налитыми виномъ. Онъ тоже поклонился Рынину шумно и крикнулъ съ дурнымъ акцентомъ:

— Ici, ici!..

Вошедшій мужчина былъ дѣйствительно Парменій Никитичъ. Онъ второй день уже жилъ въ Остенде, зналъ, что Зина здѣсь, и не искалъ ея усиленно, но сказалъ себѣ, что въ теченіе двухъ сутокъ онъ долженъ ее встрѣтить на улицѣ, во время купанья, въ кургаузѣ. Самъ онъ не мечталъ о такой встрѣчѣ, — въ этой толпѣ, за столикомъ, съ соломинкой, совершенно одна.

Рынинъ пошелъ сначала на зовъ русской компаніи и мимическое приглашеніе француженки. Мужчины были инженеры, пріѣхавшіе съ какого-то конгресса. Одного изъ нихъ онъ зналъ еще съ восточной войны. Съ нимъ столкнулся онъ въ бильярдной, гдѣ возобновилъ знакомство и съ Діаной, извѣстной всему Петербургу. Діана больше пяти лѣтъ выставляла себя въ ложѣ Михайловскаго театра. Въ бильярдной она успѣла ему сообщить, дѣловымъ пріятельскимъ тономъ,—Рынинъ у нея на дому

никогда не бывалъ, — что она покончила съ Петербургомъ, потому что ея послѣдній покровитель — румынскій финансистъ — „a été exécute“ на биржѣ, и Петербургъ вообще сталъ никуда негоднымъ, „infecte“; въ маѣ продала она всю свою движимость: экипажи, мебель, ковры, все, черезъ своего „homme d'affaires“ Спросила она его, между прочимъ, не былъ ли онъ на этомъ аукціонѣ, и пригласила къ себѣ въ Парижъ, гдѣ она взяла „un petit pied à terre“, до переѣзда въ Ниццу, если не будетъ тамъ холеры.

Рынинъ сейчасъ же ей замѣтилъ,—безцеремонно, дерзко, переходя самъ на „ты“, хотя она держалась тона дамы:

— Tu as filé?!.

И доказалъ ей, что она потому не осталась сама продавать свои вещи, что зарвалась въ долгахъ. Діана хотѣла было сказать ему рѣзкость, однако, воздержалась. Она его считала если не богатымъ, то съ большими связями въ обществѣ. Она удовольствовалась тѣмъ, что при инженерахъ сосчитала, сколько она прожила въ Петербургѣ въ пять лѣтъ:

— Deux cents mille roubles, — выговорила она безъ хвастовства.

Подгулявшій инженеръ закричалъ даже:

— Мое почтенье!

Рынинъ повѣрилъ ей, чѣмъ она осталась довольна и сказала ему:

— A la bonne heure!..

Зина подняла голову. Неужели она его боится? Онъ сталъ къ ней спиной, заговорилъ съ француженкой, не такъ громко, какъ эти шумные русскіе, но громче, чѣмъ иностранцы, даже и въ этотъ часъ, въ модномъ кафе́. Она не могла разслышать, что́ онъ говорилъ; тонъ у него былъ увѣренный, отрывистый, барскій. Да и вся его фигура, въ штатскомъ, очень выиграла; пропала излишняя сухость и жесткость посадки, талья выше, плечи не такъ торчатъ, лицо бѣлѣе и чище, борода краситъ его, волосы изъ-подъ шляпы онъ выпустилъ; они слегка курчавятся...

Болѣе мужчиной казался онъ ей, чѣмъ всѣ мужчины, какіе были тутъ, и болѣе „въ стилѣ“, чѣмъ всѣ они; нельзя его принять ни за кого, кромѣ „знатнаго иностранца“, какъ шутъ Теняшевъ говаривалъ, описывая ей разныя торжества.

Волненіе ея не проходило. Рынинъ поговорилъ съ Діаной, кинулъ нѣсколько словъ двоимъ изъ группы русскихъ. Къ нимъ онъ не присѣлъ, а повернулся.

Она было закрыла глаза, и тотчасъ съ усиліемъ раскрыла ихъ, да такъ и сидѣла, надъ своимъ наполовину допитымъ бокаломъ, полнымъ мелкихъ кусочковъ льду. Она глядѣла на него, не моргала, не дѣлала никакого жеста головой. Рынинъ обернулся къ ней лицомъ, подался на два шага впередъ, поклонился ей, приподнялъ даже шляпу, но слегка, съ улыбочкой, въ родѣ той, какая была у него на платформѣ петербургской дороги. Что-то и еще новое распознала она въ этой усмѣшкѣ. Онъ пробирался къ ней, безъ всякой поспѣшности, радости или удивленія, точно это гдѣ-нибудь на балѣ или въ Павловскѣ, на музыкѣ.

Вотъ онъ ужъ около нея, въ узкомъ проходѣ, поглядѣлъ на нѣмку, усмѣхнулся и опять ей кивнулъ... Этотъ кивокъ заставилъ ее покраснѣть: до такой степени она сочла его безцеремоннымъ.

— Зинаида Мартыновна, — раздался его голосъ настолько громко, что русская группа могла разслышать.— Вотъ судьба!..

Рынинъ сѣлъ около нея, даже не спросилъ позволенія, спиной къ нѣмецкому столу, еще разъ приподнялъ шляпу и протянулъ руку.

Зина держала свою соломинку въ зубахъ и чувствовала, что ея поза дѣлается или глупой, или запросто пріятельской, что̀ было еще недопустимѣе, еще ужаснѣе.

Она выпустила изо рта соломинку и сказала тихо, боясь, что голосъ у нея дрогнетъ:

— Здравствуйте, Рынинъ.

Какъ у нея вышло это „Рынинъ“, безъ прибавки „monsieur“, она сама не могла понять.

Это ей показало, что она уже не вполнѣ владѣетъ собой. Вдругъ какъ опять повторится сцена на платформѣ?!.

Онъ вынулъ серебряный портсигаръ, спички, небрежно сказалъ:

— Вы позволите?

Послѣ того сейчасъ же закурилъ и крикнулъ гарсону:

— Un américain!

Наклонившись къ ней, онъ вслѣдъ затѣмъ спросилъ:

— А вы что же не держитесь вашей британской привычки: грогъ на ночь изъ коньяку?

Она не взвидѣлась, какъ онъ уже облокотился на столъ, нагнулъ къ ней свое лицо близко-близко и заговорилъ съ ней совершенно по-новому, еще возмутительнѣе, чѣмъ въ Петергофѣ. Она прекрасно поняла, что этакъ говорятъ только съ такими дамами, какъ вонъ та нѣмка или француженка.

— Вы не знаете Діанку?—спросилъ онъ.—Ту?.. Толстую?.. Она отслужила свой срокъ. И какіе наши соотечественники—шалопаи. Двѣсти тысячъ такая тварь проѣла, въ пять зимъ, русскихъ рублей. Двѣсти тысячъ!—какъ разъ ваше приданое. Вѣдь такъ кажется?

Что ей было дѣлать? Разговоръ онъ завелъ нарочно по-русски, и тираду о Діанѣ выговорилъ тише, такъ, что, кромѣ нея, не могъ никто разслышать; но что же ей отвѣчать, какъ вести себя? Сейчасъ встать, крикнуть ему, что онъ—нахалъ, что онъ пьянъ?!.

Она бы это, быть-можетъ, сдѣлала, если бъ они были тутъ единственные русскіе: свой языкъ облегчалъ ей такое поведеніе. Но тѣ, подкутившіе русскіе съ „Діанкой"?.. Вѣдь и она, навѣрно, пойметъ энергичные русскіе возгласы.

Ударило въ ноги, отъ колѣнъ до щиколотокъ, и вдругъ показалось ей, что обѣ ноги отнялись, да и языкъ также. Это возможно. Еще Лукашинъ—положимъ, онъ идіотъ—сказалъ ей разъ:

— Смотрите, милая барышня, не будете беречь себя, сразу такая анэстезія сдѣлается,—она и ученое слово помнила,—что ни ногъ, ни языка, и такъ недѣли проваляетесь... За примѣрами не бѣгать!

— Что съ вами, Зинаида Мартыновна?.. Не нравится мой тонъ?..—сказалъ онъ это уже нѣсколько по-другому.

— Я не знаю,—еле сумѣла она спросить,—что̀ вамъ отъ меня угодно?..

Больше она ничего не смогла выговорить. Вся ея внутренняя работа надъ собой пошла на то, чтобы остаться крѣпкой физически, уйти самой, безъ его помощи, не упасть, не ослабѣть, не получить сильнаго головокруженія. Она съ радостью взяла бы и выпила залпомъ стаканъ грогу, вотъ тотъ самый „américain", который Рынинъ заказалъ; отъ ея холоднаго напитка только жгло въ груди и было немного тошно.

— Вотъ, пріѣхалъ узнать про ваше здоровье,—отвѣтилъ Рынинъ опять по-другому, откинулъ свою голову и весь

станъ назадъ, даже немного отодвинулъ свой стулъ и положилъ папиросу на край столика.

— Вашимъ лицомъ, общимъ видомъ я недоволенъ, Зинаида Мартыновна,—продолжалъ онъ уже совсѣмъ просто, тономъ добраго знакомаго, не очень молодого, — не ухаживателя, а петербуржца, изъ ихъ пріятелей, котораго Сосо послала за границу узнать, какъ идетъ лѣченіе Зины на морскомъ берегу.

Эта перемѣна тона и обращенія вызвала въ ней странное чувство, для нея самой странное: какъ будто она этому обрадовалась, что вотъ хоть не выйдетъ скандала, не должна она будетъ повести себя съ нимъ, какъ съ нахаломъ... И сознаніе его силы, выдержки, свободы, съ какой онъ перешелъ къ такому тону, не бѣсило ее, не обижало; она не желала тягаться съ нимъ, была довольна уже и тѣмъ, что „все это“ можетъ обойтись прилично.

— Вамъ здѣсь одной, я думаю, очень неудобно?

Эта фраза была имъ сказана почти съ участіемъ и опять безъ сладости, не въ тонѣ ухаживателя.

Она ему отвѣтила жестомъ головы, что онъ не ошибается.

— Да и сурово; вѣтры такіе, что даже меня вчера чуть съ ногъ не сшибло. Вамъ бы поблизости, въ Бланкенберге, часъ ѣзды отсюда. Тамъ хорошо, я былъ...

„Искалъ меня?“—вдругъ всталъ у нея въ головѣ, самъ собою, этотъ вопросъ, и ей это не было непріятно. Зачѣмъ онъ вдругъ очутился здѣсь? Навѣрно, узналъ онъ отъ Теняшева и поѣхалъ „на авось“. Вѣдь онъ не могъ же не знать, какъ онъ ей не нравился тамъ, въ Петергофѣ, и все-таки поѣхалъ.

Будь это шесть недѣль передъ тѣмъ, она бы, кромѣ презрѣнія, ничего не ощутила къ этому „coureur de dotes“. Вотъ, сейчасъ, онъ самъ еще дерзилъ ей насчетъ двухсотъ тысячъ приданаго, а она его все-таки не считаетъ теперь искателемъ невѣстъ, un roublard...

— Кто васъ пустилъ?—спросила вдругъ она и не ласково, и не рѣзко.

— Вы хотите спросить, какъ я отъ маневровъ отдѣлался?—просто отвѣтилъ онъ.—Они только что отошли... Вотъ видите, уѣхалъ... въ двадцати-восьми-дневный отпускъ...

Глаза его подсказали ей: „сердиться тутъ нечего!“

На улицѣ механическое піанино итальянца опять забарабанило своими клавишами вальсъ „Il bассіо".

— Какая старина!—выговорила она съ гримаской.

— Что жъ такое?—возразилъ онъ почти кротко.—Мнѣ это напоминаетъ дѣтство... Въ Гейдельбергѣ... мы, мальчики, все ходили вечеромъ по Anlage и распѣвали, перевирали итальянскія слова... Было модно, теперь старомодно... И все вотъ это... весь этотъ „pschutt", — и онъ обвелъ глазами публику кафѐ,—тоже будетъ старомоднымъ, не лучше „Il bассіо"... Будто въ этомъ вся цѣна жизни... Зинаида Мартыновна?

Замѣчаніе было не ново и не особенно остроумно, но подходило къ ея недавнему настроенію. Вотъ и она — какъ обдумывала свои туалеты „pour la plage",—пріѣхала и увидала, что они на всѣхъ, и даже вотъ та нѣмка одѣта по-своему, хоть грубо, да оригинальнѣе ея...

Этотъ высокій, сильный, характерный русскій мужчина былъ уже ей гораздо ближе, чѣмъ вся здѣшняя людная толпа.

„А заболѣю? Упаду гдѣ-нибудь на набережной или наткнусь на оскорбленіе?.. Вѣдь къ нему же надо будетъ обратиться. Да онъ и самъ первый вызовется".

Истома, поплывшая по всѣмъ ея членамъ, вызвала въ ней, впервые, потребность женщины, только наружно здоровой и ни въ комъ не нуждающейся, опереться о крѣпкую, властную руку...

Она смягчилась и почти ласково взглянула на него.

XI.

На Воробьевыхъ горахъ, у ресторана, стояли двѣ коляски и нѣсколько дрожекъ. По террасѣ, за столами, размѣстились посѣтители; въ этотъ до-обѣденный часъ ихъ всего больше привлекаетъ видъ на Москву.

Немного свѣжеватый іюньскій день, съ пушистыми облачками, рѣдко посыпанными по блѣдному еще небу, позволялъ, однакожъ, налюбоваться вдоволь на картину... Она только съ этой высоты выступаетъ во всей полнотѣ...

На шишакѣ храма Спаса золото горѣло въ лучахъ, не задержанныхъ облачками. Нѣжная дымка поднималась надъ скученной вдали массой стѣнъ, колоколенъ, церквей, фасадовъ, темнѣющихъ купъ въ садахъ и цѣлыхъ рощъ. На первомъ планѣ, внизу, Новодѣвичій монастырь рѣзко поднималъ въ воздухѣ свою темнокрасную ограду съ бой-

ницами и зубцами. Справа, Нескучный садъ спускался зелеными террасами и вдали дворецъ надъ болѣе блѣдной площадкой пологаго цвѣтника. Въ зелени стояла и Мамонова дача. Извивы рѣки омывали луговину подъ монастыремъ. По ней ѣхала пролетка къ перевозу, противъ трактира, стоящаго у самаго берега, наискосокъ купальни.

На террасѣ, въ одномъ углу, сидѣло человѣкъ пять нѣмцевъ; одинъ былъ мѣстный, московскій; остальные — заѣзжіе, иностранцы. Онъ имъ только что все показывалъ и объяснялъ на картѣ. Теперь они, весело, точно отработали срочную работу, разсѣлись вокругъ стола, ѣли и чокались пивомъ.

Русская барыня, въ осеннемъ бурнусѣ, задумчиво смотрѣла вдаль, съ приподнятыми бровями. Нѣмецкій разговоръ, перемѣшанный со смѣхомъ, слышался и въ лѣвомъ углу, гдѣ двѣ молодыхъ особы, нарядныя на особый ладъ, уже переглядывались съ компаніей мужчинъ.

По крутому, обвалившемуся спуску, съ первой площадки, подъ террасой ресторана, поднимался высокаго роста военный и велъ даму подъ-руку, тоже рослую.

Военный былъ Рынинъ. Онъ носилъ адъютантскую форму, съ штабъ-офицерскими эполетами на сюртукѣ. Въ тѣлѣ онъ немного раздался и держалъ свой станъ не такъ жестко, какъ годъ назадъ; бородка, подстриженная на щекахъ, придавала его уже загорѣлому лицу больше тонкости и вообще очень мѣняла его.

Рынинъ велъ въ гору жену свою, Зинаиду Мартыновну. Она измѣнилась гораздо сильнѣе его: пополнѣла въ груди и таліи, лицо точно отекло немного, было все такое же блѣдное, немного изжелта; глаза смотрѣли менѣе выразительно и строго; ротъ держала она полуоткрытымъ, почти болѣзненно. Сѣрое шерстяное платье, отдѣланное шерстяными кружевами, такая же шляпка, не особенно высокая, и короткая пелеринка, стянутая въ плечахъ, составляли ея туалетъ. Она держала зонтикъ на правомъ плечѣ, почти не защищала себя отъ солнца. Мужъ придерживалъ ее крѣпко рукой своей; онъ чувствовалъ, что поднимается она тяжело и сгибаетъ на ходу колѣни.

— Qu' as-tu? — спросилъ онъ ее и остановилси на половинѣ подъема.

— Rien, — отвѣтила она небрежно, скучающимъ тономъ.

Болѣзни или слабости отъ того, что она беременна, Рынинъ не боялся; онъ зналъ, что въ ея положеніи до

сихъ поръ ничего еще нѣтъ радостнаго для него, какъ для будущаго отца; дѣтей Рынинъ сильно желалъ, и непремѣнно мальчика: онъ былъ послѣднiй въ своей вѣтви рода Рыниныхъ.

Передъ тѣмъ, и внизу, и на крутизнѣ, пониже и наверху, въ ресторанѣ, гдѣ они немножко закусили, онъ заставлялъ ее любоваться Москвой. Зина глядѣла на все равнодушно и сказала разъ:

— Oui, c'est assez bien!

Съ тѣхъ поръ, какъ они въ Россiи, Зина при постороннихъ, въ публикѣ, на прогулкахъ, употребляла исключительно французскiй языкъ. Мужъ это выносилъ, но почти принуждалъ ее вести разговоръ по-русски, когда они оставались вдвоемъ дома или въ мужскомъ обществѣ.

Наверху Зинаида Мартыновна съ усилiемъ отдышалась.

— Развѣ такъ тяжело?—спросилъ Рынинъ и поглядѣлъ на нее со снисходительной усмѣшкой старшаго.

Отъ такой именно усмѣшки ее всю поводило.

Въ ресторанъ они не вошли, остановились на подъѣздѣ.

Рынинъ крикнулъ кучеру наемной щегольской коляски:

— Подавай!..

Подсаживая жену, онъ сказалъ ей въ шутливомъ тонѣ:

— Madame n'est pas patriote!

Она ничего не замѣтила на это, сѣла глубоко въ уголъ и протянула ноги въ усталой позѣ. Ноги мужъ покрылъ ей одѣяломъ; ей было зябко и она находила, что воздухъ осеннiй.

Лошади взяли съ мѣста чуть не вскачь. Зинаида Мартыновна пугливо подалась впередъ и схватилась руками за край коляски.

— Осторожнѣе, братецъ! — окрикнулъ кучера Рынинъ.

Она опять опустилась, и ей стало тутъ же досадно на себя: съ какой стати дѣлается она такой трусихой.

„Comme c'est russe!“—презрительно добавила она про себя.

Прежней дѣвичьей неустрашимости и выдержки у нея уже не было съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ и переѣхала на житье въ Россiю.

Мужъ и жена сидѣли рядомъ, по своимъ угламъ, и между ними не замѣчалось ничего, что̀ бы скрашивало имъ эту поѣздку. Онъ повезъ ее на Воробьевы горы, какъ возилъ ее уже и въ другiя мѣста: въ Кусково, въ Остан-

кино, въ Ильинское, въ Царицыно; заставлялъ ходить по соборамъ и Оружейной палатѣ... Въ Кремлѣ, въ первый осмотръ, Зина находила кое-что „drôle“, но, во второй, начала сильно тяготиться. А Рынинъ точно зáново изучалъ святыню и старину Москвы и ея окрестностей, находилъ ее красивѣе всѣхъ городовъ Европы, впадалъ даже въ особенный и для нея новый тонъ, когда говорилъ съ ней объ исторіи Москвы.

Глаза Зины разсѣянно глядѣли по сторонамъ... Она уже знала, гдѣ стояла и Мамонова дача. Тамъ, годъ назадъ, сидѣлъ отецъ ея... Мужъ предложилъ ей осмотрѣть и это заведеніе, послѣ прогулки по Нескучному съ его дворцомъ. Она отказалась.

Вторую недѣлю какъ они въ Москвѣ... Она видѣлась уже и съ отцомъ, и съ матерью. Мужъ почти настаивалъ на томъ, чтобы она сдѣлала все, „какъ прилично дочери“. Не было, собственно, никакой надобности непремѣнно останавливаться въ Москвѣ, или онъ могъ одинъ поѣхать по дѣлу о покупкѣ родового имѣнія своего, Ширяева, у купца, который теперь попался въ чемъ-то и продаетъ на скорую руку...

Но мужъ—не Сосò... Онъ рѣшилъ, что такъ „слѣдуетъ поступить“—и повезъ ее къ родителямъ; почтительно отнесся и къ Мартыну Лукичу, поѣхалъ и къ Людмилѣ Мироновнѣ, послѣ чего онъ отправилъ къ ней Зину, сказавши ей при этомъ:

— Не мнѣ же ѣхать одному безъ тебя? Это было бы, съ твоей стороны, постыднымъ малодушіемъ.

Такимъ слогомъ и всегда по-русски объяснялся онъ съ женой съ-глазу-на-глазъ.

Никогда и нигдѣ, даже съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, не чувствовала себя Зина до такой степени женой, замужней барыней, подполковницей, подъ опекой и подъ руководствомъ мужа... На нее здѣсь напала небывалая вялость, какое-то безволіе, скрытое, вогнанное внутрь раздраженіе и недовольство всѣмъ. Во-первыхъ, всѣмъ русскимъ:—долгой перспективой житья въ русскихъ городахъ, а можетъ-быть, и въ деревнѣ, и—этой Москвой: разъѣздами по окрестностямъ, осматриваніемъ старины, а еще больше—сознаніемъ того, что она—дочь Мартына Ногайцева, безпутнаго и полусумасшедшаго, котораго теперь выпускаютъ, хоть онъ и живетъ еще у доктора-психіатра, въ Сокольникахъ. Туда они и ѣхали. Еще

сильнѣе давило ее и то, что ея мать—„Богъ знаетъ кто“, состарѣвшаяся, разбитая, смѣшная, въ ея глазахъ, отставная танцовщица. Въ „такомъ видѣ“ и она ея не представляла себѣ. И вотъ, десять дней тому назадъ, она все это на себѣ испытала: и квартиру, и видъ этой женщины, и ея языкъ, и все, все!.. Сейчасъ бы уѣхала она изъ этой Москвы, и уже, разумѣется, не въ деревню,—о ней она думала съ дрожью,—а за границу. Но вѣдь это не то, что изъ Петербурга прошлымъ лѣтомъ, ровно годъ назадъ. У нея мужъ. Онъ не пуститъ. Паспорта не дастъ. Да и туда ѣхать нѣтъ у нея особой охоты. Сосо—въ Америкѣ... Богъ знаетъ, когда вернется; развѣ вотъ, если старику Куну сдѣлается опять очень худо... Европа для нея, Зинаиды Мартыновны Рыниной,—уже не та. Гдѣ она жила бы, и съ кѣмъ?

„Поздно локти кусать!“

Это она выговорила мысленно, по-русски, и съ самаго пріѣзда въ Москву, Зина, каждый день, перебирала то: какъ она вышла замужъ, и почему мужъ ея—Рынинъ, тотъ самый „прыщавый офицеръ“, который былъ ей такъ противенъ, даже физически.

Вотъ онъ сидитъ рядомъ, смотритъ вдаль, тихо улыбается, доволенъ погодой, Москвой, своей осанкой и все такимъ же длиннымъ козырькомъ, который онъ носитъ изъ желанія придать себѣ особенный „genre“...

Его теперь не сдвинешь: онъ идетъ по своей доскѣ твердо, оставилъ строевую службу, какъ только женился, перечислился по армейской кавалеріи, состоитъ въ такомъ вѣдомствѣ, гдѣ его непремѣнно оцѣнятъ и дадутъ ему ходъ.

Здѣсь онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ визитовъ и еще больше преисполнился серьезности. Ѣдетъ выкупать родовое имѣніе, мечтаетъ объ этомъ, говоритъ, закрывая глаза, о „могилѣ родителей“, надѣется на какія-то новыя права, къ столѣтію дворянской грамоты,—быть-можетъ, на княжество! Онъ уже не разъ заводилъ рѣчь о томъ, что Рынины были князьями, да утратили титулъ, а средствъ не было произвести всѣ геральдическія справки. Ему уже видится карточка, гдѣ будетъ стоять славянской вязью: „князь Пармений Никитичъ Рынинъ-Ширяевскій“, по имени села.

И она сама, Зина, дала ему средства; это рѣшеное дѣло, и теперь ей нельзя уже попятиться... Нечего и ду-

мать!.. А ей-то какая отъ того благодать предстоитъ, что имѣніе будетъ принадлежать ему и перейдетъ въ его родъ, если они останутся бездѣтны? Сорокъ тысячъ! Одна пятая ея капитала...

Это случилось такъ же незамѣтно и быстро, какъ и ея выходъ замужъ.

„Все“ пошло съ того „идіотскаго“ вечера въ кондитерской Noppeney, въ Остенде. Онъ очутился въ ея друзьяхъ, точно покровителемъ и менторомъ, сталъ ей толковать все на ту тему, что вотъ она, при всѣхъ своихъ „стиляхъ“ и „тонахъ“, не имѣетъ подъ ногами никакой „почвы“. Слово „почва“ совалъ онъ всюду и достигъ того, что и она начала какъ будто чувствовать отсутствіе подъ собой почвы. Сразу, почти съ того самаго вечера, она подчинилась ему, какъ сильному мужчинѣ, и начало ее влечь къ нему, не любовнымъ влеченіемъ, даже не тѣмъ, что на языкѣ ея кавалеровъ называлось „un caprice“. Что-то другое: внѣшній авторитетъ и усталость довольно уже долгой дѣвической жизни, боязнь состарѣться,—такъ она себѣ это теперь объясняетъ...

Вернулась Сосо изъ Россіи. Онъ уѣхалъ передъ тѣмъ, почти ея женихомъ. Стало ей у Сосо ужасно шумно и безтолково житься, въ приготовленіяхъ къ новой свадьбѣ... Цѣлые дни Сосо, когда получила разводъ, запиралась съ своимъ женихомъ, или поскачетъ съ нимъ: то туда, то сюда, въ Парижъ, Франкфуртъ, Швейцарію, Вѣну, Берлинъ... Съ ними Зина не ѣздила; ей даже и смотрѣть на нихъ было тошно. И этотъ „rastaquouère“, новый нареченный Сосо, казался ей такимъ „комишкой“, франтомъ-контористомъ, ничтожнымъ „разночинцемъ“; такъ его опредѣлилъ и Рынинъ, проведя съ нимъ одинъ вечеръ передъ своимъ отъѣздомъ. Фигура дерзкаго офицера все росла въ ея сильно заскучавшей головѣ... Она начала получать отъ него письма. Писалъ онъ умно, зло, занимательно; сначала она отвѣчала рѣдко,—потомъ втянулась. Свадьба Сосо толкнула ее дальше. Молодые уѣхали, „разумѣется“, въ Италію; ее оставили опять съ англичанками, съ тѣми, которыя пріѣлись ей достаточно и во Франкфуртѣ. Княгиня Трубчевская переселилась въ Ментонъ, да если бъ жила и все въ томъ же курортѣ, она сама не могла бы уже играть при ней роль добровольной чтицы.

Къ веснѣ ей вдругъ захотѣлось въ Россію. Она сама

заговорила объ отцѣ, о свиданіи съ матерью... Сосо̀ прослезилась... Тутъ случился опять Лукашинъ со старикомъ Куномъ, на возвратномъ пути въ Москву, послѣ заграничной поѣздки. Сосо̀ начала ее благословлять, точно хотѣла окончательно отдѣлаться отъ нея, и ускорила свой отъѣздъ съ мужемъ въ Америку, на цѣлый годъ, можетъ, и больше. Правда, она предложила ей ѣхать съ ними, и даже на ея счетъ. Но Америка совсѣмъ ее не прельщала. Опять съ ними... Они цѣлый день цѣлуются, точно нѣмцы на швейцарскихъ дорогахъ. Сосо̀—кажется, беременная, слезливо-сладкая, противная!..

Она и поѣхала въ Россію. Въ Петербургѣ утомилась, заболѣла слегка, и въ двѣ недѣли Рынинъ уже былъ ея формальнымъ женихомъ. Въ маѣ они обвѣнчались.

Коляска, на рѣзвыхъ рысяхъ, катилась по шоссе, мимо Нескучнаго.

— Не правда ли, прелестный садъ? — окликнулъ ее мужъ.—Зина! ты слышишь?

— Hein?—откликнулась она парижскимъ звукомъ.

— Прелестный садъ!

Она только пожала плечами... Ей уже надоѣло все ему поддакивать. Садъ какъ садъ, и когда они тамъ были, то нашли толпы купцовъ съ купчихами подъ ручку, и ей было почти противно отъ ихъ туалетовъ, свѣжихъ румяныхъ щекъ и московскаго говора...

Потянулись зданія больницъ, училищъ, пріютовъ; мостовая стала тряскучей, пыль била въ носъ отъ встрѣчныхъ обозовъ и дрожекъ. И цѣлый почти часъ катилась коляска, все съ тѣмъ же трескомъ, поперекъ всего города, переѣхала мостъ черезъ Москву-рѣку и стала подниматься, потомъ спускаться,—дѣлала это не одинъ разъ. И Кремль былъ уже позади, Сухарева, Шереметевская больница... Опять они на шоссе... На немъ еще больше пыли и ѣзды... Свистки желѣзныхъ дорогъ чередуются съ грохотомъ желѣзно-конныхъ вагоновъ, ползущихъ туда же, къ Сокольникамъ, куда они ѣхали на дачу того психіатра, у котораго квартировалъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ.

XII.

Коляска поднялась съ шоссе въ улицу, гдѣ одинъ только разносчикъ покачивалъ на шляпѣ лотокъ и выкрикивалъ пѣвуче:

— Садова-а клубника!

Дача доктора-психіатра стояла на дворѣ, передъ палисадникомъ; справа и слѣва было по флигельку. Одинъ изъ нихъ и занималъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ. Онъ оставался у доктора больше какъ постоялецъ, и часто ночевалъ въ городѣ, гдѣ придется, чаще всего въ „Славянскомъ Базарѣ“.

Дворъ и строенія держались въ чистотѣ.

На крыльцо флигеля вышелъ лакей въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, молодой малый, съ веселымъ, бритымъ лицомъ. Онъ и высадилъ ихъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ его Рынинъ.

— Господинъ Лукашинъ.

Зина уже знала, что Лукашинъ здѣсь ее ждетъ; она ему послала депешу, не сказавъ объ этомъ мужу, изъ гостиницы „Дрезденъ“, гдѣ они стояли.

Тѣсная передняя вела прямо въ большую комнату, въ три окна, выходившія на улицу. Она была полна въ эту минуту свѣта, отраженнаго бѣлыми, лоснящимися обоями, золотыми багетами и мебелью въ бѣлыхъ же чехлахъ.

Они застали Ногайцева въ дверяхъ спальни, полуодѣтаго; онъ поправлялъ широкія подтяжки съ шелковымъ шитьемъ и былъ въ панталонахъ и чистой крахмальной рубашкѣ; видимо, одѣвался для выѣзда.

Лукашинъ сидѣлъ у окна, весь въ своей чичунчѣ и съ папиросой. Съ прошлаго лѣта онъ только слегка потолстѣлъ въ лицѣ. Мартына Лукича никто бы не принялъ сразу за недавняго паціента лѣчебницы для душевно-больныхъ; красное, салистое, въ пятнахъ и подтекахъ лицо, рѣдкая, съ просѣдью, широкая борода, вздернутый жирный носъ, подслѣповатые, слезливые глазки и лысина съ курчавыми вихрами на вискахъ,—все отзывалось чѣмъ-то обычнымъ, бытовымъ и чисто-московскимъ, по чертамъ и окраскѣ: наружность и выраженіе лица — прямо изъ любого клуба или загороднаго ресторана; также и его широкая, ожирѣлая осанка, круглая спина, средній ростъ и по-дворянски разставленныя ноги въ сѣрыхъ панталонахъ, скроенныхъ, по модѣ шестидесятыхъ годовъ, очень широко.

Въ обѣихъ комнатахъ запахъ стоялъ тѣхъ же годовъ: смѣсь папиросъ „mariland doux“ съ мускусомъ.

— А-а!—зычно и хрипло крикнулъ Ногайцевъ, увидавъ Зину. Она вошла первая. — И супругъ грядетъ? Его-то

мнѣ и нужно! Полковникъ! — онъ его называлъ „полковникъ“, зная, что онъ только подполковникъ, — вы свободны?

— Какъ, куда?—отъ дверей отвѣтилъ Рынинъ.

— Да куда повезу! Вы мнѣ обѣщали нынче со мной въ разныя злачныя мѣста... Couleur locale, mon cher, а то вы очень ужъ торжественны... Здравствуй, Зина.

Ногайцевъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она нагнулась немножко, но ни къ рукѣ, ни къ плечу его не приложилась. Ей стало сейчасъ же жутко отъ того, что Мартынъ Лукичъ, нисколько не конфузясь, продолжалъ поправлять на правомъ плечѣ одну подтяжку и дѣлалъ гримасу отъ напряженія, морщилъ правую щеку. Она подала руку Лукашину и тутъ же присѣла къ окну, въ такой позѣ, точно она пріѣхала очень утомленной.

— Къ вашимъ услугамъ, — чуть слышно выговорилъ Лукашинъ.

Его хорошія чувства къ Зинѣ значительно усилились; онъ даже писалъ на-дняхъ пріятелю своему Иву Блэзо,— что съ нимъ бывало рѣдко,—о пріѣздѣ Зины, о томъ, что она родителей не стыдится и даже матери, и вообще гораздо лучше своего „супруга и повелителя“.

Рынинъ, не ускоряя шага, безъ сгибанія колѣнъ, подошелъ къ своему тестю и пожалъ его руку съ легкимъ, военнымъ поклономъ. Они были съ нимъ на „вы“; такъ установилъ Рынинъ, но Мартынъ Лукичъ переходилъ, когда ему вздумается, и на „ты“.

— Зина,—окликнулъ ее отецъ, — mon enfant, ты тоже съ нами?

— Куда?—спросила она по-русски, что̀ строго соблюдала при Лукашинѣ, хотя и знала, что онъ понимаетъ языкъ и можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться на немъ.

— Да во всякія мѣста... увеселительныя... Довольно вамъ точно монашкамъ... по соборамъ все да по ризницамъ. Mon gendre!.. Vous percerez, mon bon, и безъ этого! Въ государственные люди мѣтитъ! — указалъ онъ на Рынина доктору и сдѣлалъ смѣшную мину: выпятилъ впередъ обѣ губы съ закрытыми глазами.

Лукашинъ едва удержался отъ того, чтобы не прыснуть. Рынинъ чуть замѣтно покраснѣлъ.

Ногайцевъ послѣ того повернулся на каблукѣ и пошелъ въ спальню, откуда крикнулъ:

— Сейчасъ! Будьте какъ дома... Левонтій!—еще громче

позвалъ онъ лакея и растворилъ изъ спальни дверь въ заднюю комнату.

Рынинъ сѣлъ на диванъ, вытянулъ свои длинныя ноги на коверъ, перевелъ духъ и полѣзъ въ карманъ рейтузъ за папиросницей и огнемъ.

Всѣ трое сидѣли они въ позахъ не то паціентовъ, не то дожидающихся очереди у адвоката или въ присутственномъ мѣстѣ. Первый прервалъ молчаніе Рынинъ и спросилъ Лукашина:

— А какъ здоровье Германа Францовича Куна?

— Попрыгиваетъ... сегодня гулялъ, прошелъ всю Алексѣевскую просѣку... одинъ... И никого не захотѣлъ взять съ собой! Даже и жуликовъ не боится.

— Кого?—спросила Зина.

— Это то, что въ Петербургѣ мазурики, — объяснилъ ей Рынинъ и прибавилъ:—воры.

— Днемъ?—удивилась Зина,—здѣсь?

— И еще какъ!—вскрикнулъ Лукашинъ.

— Naïve enfant!—донесся голосъ Ногайцева; онъ слышалъ весь разговоръ. — Naïve enfant! Чѣмъ же мы отличаемся отъ Европы?.. Въ этомъ наша гордость... Братушекъ освобождаемъ, а на просѣкахъ у насъ денной грабежъ! N'est-ce pas, mon gendre?

Рынинъ даже не улыбнулся. Онъ въ обхожденіи своемъ съ Ногайцевымъ былъ таковъ, точно будто на Мартына Лукича онъ смотритъ какъ на умалишеннаго, въ полномъ разстройствѣ.

Докторъ подумалъ:

„Папа-то, право, поумнѣлъ. Хоть бы и не паралитику впору“.

Лукашинъ зналъ, что Мартыну Лукичу не миновать прогрессивнаго паралича.

— Вотъ я и готовъ!

Мартынъ Лукичъ стоялъ опять въ дверяхъ. Онъ надѣлъ короткую, черную визитку и жилетъ изъ клѣтчатаго пикè. По тому, какъ онъ повязалъ галстукъ, Ногайцевъ смотрѣлъ франтоватымъ москвичомъ шестидесятыхъ годовъ. Все на немъ сидѣло хорошо и было новое и чистое. Зина помнила, какимъ отрепаннымъ пріѣзжалъ онъ когда-то за границу. Особенно ярко держался у нея въ памяти гороховый макферланъ съ развѣвавшимися рукавами, весь закапанный и выцвѣтшій. Другіе, хотя и во временномъ сумасшествіи, дѣлаются обыкновенно еще не-

ряшливѣе, а ея отецъ исправился. Хотя это немного мирило ее съ нимъ.

— И ты съ нами?—обратился къ ней Ногайцевъ.

— Куда? — все такъ же суховато-утомленно спросила Зина.

— Да что вы глухіе, что-ли оба?.. Или это такъ у васъ въ гранъ-мондѣ, что ли, дѣлается? Чтобы три раза объ одномъ и томъ же переспрашивать! Куда?—уже сердитѣе выговорилъ онъ.—Къ африканкамъ!

Ногайцевъ выкрикнулъ это слово и прищелкнулъ пальцами.

— Къ фараонову племени, небось, Мартынъ Лукичъ?— понялъ Лукашинъ и разсмѣялся.

— Именно! Лукашинъ, я васъ, душа моя, не приглашаю: вы состоите при той муміи, при моемъ бо-фрерѣ,— à la mode de Bretagne,—прибавилъ онъ.

Обернувшись къ зятю, — тотъ уже курилъ папиросу-пушку,—Ногайцевъ продолжалъ, все еще стоя въ дверяхъ спальни:

— Послѣ французскаго погрома, когда Наполеона сцапали въ полонъ и въ Парижѣ краснаго пѣтуха пустили господа коммунары, умнѣйшій малый изъ хроникеровъ... не помню, гдѣ писалъ, кажется, въ „Figaro“,—объяснялъ мнѣ: „Мы,—говоритъ,—monsieur le comte“—это онъ меня такъ величалъ... а я ничего, не брыкался...

— Ахъ, папа! — выговорила Зина и отвернулась къ окну.

— Что?.. что?.. Милитриса Кирбитьевна!.. Правды нельзя говорить?.. Разумѣется, я ему не препятствовалъ величать меня графомъ... По крайней мѣрѣ, дистанцію соблюдалъ...

— Такъ что жъ вамъ онъ объяснялъ? — почтительно перебилъ Рынинъ.

— А вотъ что: „мы,—говоритъ,—теперь Европу можемъ держать еще однимъ: Оффенбаховщиной, la cascade!.. пикантнымъ кошонствомъ“. Такъ точно и наша порфироносная вдова, первопрестольная столица, тѣмъ же привлекаетъ даже и Европу... Трактиры, цыгане... Вотъ чѣмъ... Такъ вѣдь, докторъ?

— Это вѣрно, Мартынъ Лукичъ!..

Лукашинъ расхохотался. Ему это очень понравилось.

Рынинъ улыбнулся сквозь дымъ. Зина только перемѣнила позу, и положила ногу на ногу.

— Вы здѣсь вторую недѣлю, — продолжалъ Ногайцевъ и заходилъ по комнатѣ,—а ни въ „Ярѣ“, ни въ „Мавританіи“, ни въ Грузинахъ не были... Какъ же это?.. Только въ этомъ и couleur locale. Изъ Лондона фификусы ѣздятъ, настоящіе туристы, не вамъ чета... изъ Парижа... а ужъ на что французики скупы на подъемъ, и сейчасъ къ африканкамъ!.. А то такъ и къ себѣ въ номеръ, всѣмъ соборомъ...

— Какъ же это соборомъ... Мартынъ Лукичъ?.. Цыганки?—остановилъ его Рынинъ слегка укоризненно и даже покачалъ головой.

— Не такъ сказалъ?.. Слово... не то?.. Лукашинъ! Мой зятюшка въ благочестіи упражняется... Премьеръ-министръ! Чтобы, знаете, все въ благопотребныхъ выраженіяхъ... Какъ, бишь, это въ Писаніи говорится: „звѣзда отъ звѣзды“?..

Зина встала. Она испугалась: вотъ сейчасъ что-нибудь выйдетъ между отцомъ и мужемъ. Ей не было обидно за мужа; не было жалко и отца; только она сама не хотѣла быть свидѣтельницей глупой или пошлой сцены.

— Ну что, ну что?—окликнулъ ее Ногайцевъ.—Полно, матушка, строить такія физіономіи! Видали мы самыхъ знаменитыхъ кривлякъ, и самоё Плессившу выкачивали до седьмого взмаха... И Фаваршу тоже! Точно ты на большомъ выходѣ, герцогиня Герольштейнская. Право! Мужъ твой понимаетъ, небось, шутку. Докторъ! Они нынче и въ эскадронахъ, подъ духовую музыку, вонъ какую муштру получаютъ, точно дипломатическіе агенты... Да все это наплевать!.. Pardon, madame!.. А вотъ что важно: ѣдемъ мы хоть сейчасъ... Коляска у меня съ утра заказана. Ты опять скажешь: куда? Это слово у меня въ ушахъ завязло. Ландо у меня, и на каучукахъ. Повезу я васъ...

— У васъ коляска,—остановилъ его Рынинъ.

— Экая важность! Отпустите ее; она у васъ двумѣстная, а я хочу, чтобъ въ одномъ экипажѣ, какъ нѣмцы: *нахъ Кузминки!..*

— И прямо къ африканкамъ?—спросилъ Лукашинъ.

— Вотъ увидятъ... На цѣлый день и вечеръ...

— Прекрасно, Мартынъ Лукичъ, — снисходительно заговорилъ Рынинъ, — но Зина утомлена... она ходила по Воробьевымъ...

— Еще бы вы!.. Какъ еще вы ее на Ивана Великаго

не воздымали? Всѣ сто четыре ступеньки... Ничего этого отъ васъ не потребуютъ.

— Я не могу...—выговорила Зина и встала у выходной двери, пригласивъ взглядомъ Лукашина.

Тотъ сейчасъ же поднялся.

— *Пуркуа?* — спросилъ Ногайцевъ, — вапёры, небось?.. Такъ если ты... здѣсь можно сказать... если ты,—онъ нагнулся къ уху Лукашина и прокричалъ: — въ интересномъ положеніи, тѣмъ лучше!.. Это тебѣ дастъ... du nerf... Ты вяла. Я тебя не узнаю. Et tu auras un enfant musical!..

Всталъ и Рынинъ, и онъ началъ безпокоиться, какъ бы между отцомъ и дочерью не вышло чего „неподходящаго“.

— Я ѣду... мнѣ нужно быть...—Зина затруднялась выговорить: „у maman“ или „у матери“.

Лукашинъ пришелъ ей на подмогу.

— Зинаида Мартыновна, — выговорилъ онъ взадъ Ногайцеву,—хотѣли къ Людмилѣ Мироновнѣ.

Тотъ опять на каблукѣ повернулся быстро и крикнулъ:

— Что такое приспичило? Ты, Зина, пожалуйста, не напускай на себя того, чего въ тебѣ нѣтъ, матушка! Терпѣть я не могу лицемѣрія и двоедушія!.. До двадцати пяти лѣтъ дожила и знать не знала, есть ли у тебя мать. Въ кои-то вѣки тебя дождались сюда, и вдругъ ты въ сантименты!.. Tout ça, ma chère, c'est de la frime!.. Да я не знаю только, къ чему? Людмила Мироновна, твоя родительница,—произнесъ онъ съ особой интонаціей,—это точно!.. Но чтобы она тебѣ доставляла большое... этакое... удовольствіе... я сомнѣваюсь... Да не строй ты, Бога ради, такой мины, вѣдь не испугаюсь! На медвѣдя одинъ на одинъ хаживалъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ, съ мордвой некрещеной... Ну, будетъ! Такъ ѣдемъ?!..

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за подбородокъ.

Зина подалась назадъ и чуть-чуть не отстранила его руку.

— Je ne puis être de votre partie, — выговорила она твердо и глуховато.

— Une fois, deux fois, trois fois?

— Non.

— Ну, такъ чертёнки съ вами!.. Mon gendre!.. Мы вдвоемъ тогда...

— Но какъ же Зина?—замѣтилъ Рынинъ.

— Докторъ поѣдетъ со мною,—сказала Зина.—Мы заѣдемъ къ дядѣ.

И она, не дожидаясь, что̀ скажутъ отецъ и мужъ, направилась къ двери и пригласила Лукашина слѣдовать за собой движеніемъ головы.

— Au revoir!—кинула она мужу, и прибавила:—До свиданья, papa.

Въ дверяхъ она спросила мужа по-русски:

— Ждать тебя къ обѣду?

— Не ждать! Ни подъ какимъ видомъ!—закричалъ Мартынъ Лукичъ и замахалъ руками.—Дочь непокорная... безпутнаго отца!—докончилъ онъ и взялъ зятя за талію.—Пускай ее... Съ ней никакой браги не сваришь!

— Я отобѣдаю у дяди,—сказала Зина изъ передней.

Ногайцевъ побѣжалъ зачѣмъ-то въ спальню.

Мужъ вышелъ къ ней и сказалъ ей шопотомъ:

— Ты могла бы поѣхать...

— Jamais de la vie!—брезгливо отвѣтила она.

— Ужъ вы попридержите наше чудушко-то,—сказалъ Рынину Лукашинъ, тоже въ передней.—Что-то онъ разошелся, какъ бы его не прорвало!..

— Такъ лучше послать бы за тѣмъ докторомъ...

Рынинъ указалъ жестомъ головы на домъ психіатра.

— Удерживать его силой тотъ не станетъ.

Лукашинъ поспѣшно выбѣжалъ на крыльцо и вскочилъ въ коляску вслѣдъ за Зиной.

— Благодарю!—сказала она ему. Лицо ея слегка подергивало.

Онъ это замѣтилъ.

— Да вы не волнуйтесь, барыня!—Пріятельскій тонъ Лукашина она въ Россіи выносила спокойнѣе.—Супругъ вашъ—человѣкъ основательный; съ нимъ лучше, чѣмъ со спеціалистомъ. А вотъ что-съ... Сейчасъ вамъ къ мамашѣ ѣхать не слѣдуетъ... Не угодно ли лучше заѣхать, въ самомъ дѣлѣ, къ дядюшкѣ,—вы вѣдь это для отводу сказали,—тамъ придете въ себя, и обрадуете его, назоветесь обѣдать... Тѣ два путника раньше ночи не отыщутся...

Зина молчала и громко дышала ноздрями. Никогда еще ея отецъ не вызывалъ въ ней такой смѣси раздраженія и обиды за необходимость выносить его личность и подобные разговоры.

XIII.

На „Козйхѣ“, въ переулочкѣ, около перекрестка, въ деревянномъ о пяти окнахъ домѣ мѣщанина Чурилова, квартировала отставная „артистка императорскихъ театровъ“, Людмила Мироновна Расшивина. Она занимала комнатки нижняго этажа, почти вросшія въ землю. Ходъ къ ней былъ со двора, въ особую дверь, куда надо было спускаться прямо съ немощеной земли.

Когда Зина съ Лукашинымъ подъѣхали къ воротамъ,— они всегда стояли запертыми,— изъ калитки шмыгнула кухарка, рябая, прикрытая платкомъ, въ затрапезномъ сарафанѣ.

Она узнала Зину, ахнула и кинулась назадъ сказать своей барынѣ, кто пріѣхалъ; успѣла только крикнуть:

— Ахъ ты, Господи!..

Зина ее смутно узнала, и появленіе этой кухарки еще брезгливѣе настроило ее. Дорогой она молчала, отъ самаго Ширяева поля, куда они заѣхали къ старику Куну, на двѣ минуты, сказать ему, что она сегодня у него будетъ обѣдать, если къ обѣду не очень утомится.

Лукашинъ не тревожилъ ее никакими вопросами. Онъ ѣхалъ и на Ширяево поле, и обратно, на Козйху, въ состояніи своего неизмѣннаго благодушія и заботы о томъ только, чтобы ничего не вышло „такого“. Этимъ словомъ означалось у него все тяжелое, всякая горечь и неудача для другихъ. Для себя онъ давнымъ-давно ничего не желалъ; въ послѣднее время еще болѣе успокоился: старикъ Кунъ, по возвращеніи изъ-за границы, сказалъ ему, разъ утромъ, за трубкой любимаго заграничнаго табаку „Bird's eye“, что въ завѣщаніи своемъ не забылъ его: „все равно, какъ если бъ онъ состоялъ на настоящей службѣ“.

Зину ему дѣлалось все жалче и жалче, здѣсь, въ Москвѣ. Сегодня, за сцену у Ногайцева, онъ внутренно похваливалъ ее: „гордеvливость, чистоплотность есть“,—повторялъ онъ про себя, сидя около нея въ коляскѣ, и даже выразилъ свое одобреніе вслухъ, когда они были уже на Тверской, въ одномъ возгласѣ:

— Хвалю, Зинаида Мартыновна!

Зина поглядѣла на него бокомъ и мысленно назвала: „bébête“.

Лукашинъ на этомъ не остановился и сталъ мысленно

разговаривать съ Блэзо, указывая на поведеніе Зины: „Что, братъ, Ива Альфонсычъ, это тоже своего рода программа, въ родѣ твоей: послѣ такого пріятнаго визитца къ милашкѣ папенькѣ, да сейчасъ къ маменькѣ, гдѣ тоже надо будетъ всю себя переиначить,—а?"

И Блэзо, въ его воображеніи, признавалъ себя побѣжденнымъ, соглашался на его доводы и отвѣчалъ, безъ словъ, киваніемъ головы.

Кухарка, ея видъ, дворъ, запахи, застоявшіеся на немъ, и квартира, и домъ, и ходъ къ Людмилѣ Мироновнѣ,—какъ все это дѣйствовало на Зину—Лукашинъ испыталъ на себѣ, когда въ первый разъ былъ съ ней... Онъ, до ея пріѣзда, познакомился съ ея матерью, и черезъ него были, раза два, пересланы за границу письма къ Зинѣ. Ему и Расшивину было жаль не меньше, чѣмъ Зину. Онъ ее понималъ такъ: была она „какъ и быть слѣдуетъ отставной танцовщѝцѣ",—Лукашинъ произносилъ это слово съ удареніемъ на „и". Если бъ отъ него зависѣло, онъ бы перевезъ ее, на время пребыванія Зины въ Москвѣ, въ другую квартиру, въ гостиницѣ, что ли, нанялъ бы цѣлое помѣщеніе; онъ ей даже и намекалъ, но та все повторяла:

— Дочка не побрезгуетъ и этими комнатами... у меня чистенько.

Чистенько дѣйствительно у нея было, насколько возможно у разслабленной, почти парализованной на ноги женщины; но ходъ ужасный для такой особы, какъ Зинаида Мартыновна.

На дворѣ, только что Зина съ Лукашинымъ сдѣлали нѣсколько шаговъ, къ нимъ подбѣжали двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка — и бросились къ Лукашину. Онъ уже успѣлъ завести съ ними дружбу, хотя хорошенько не зналъ, чьи это дѣти: хозяина или постояльцевъ изъ флигеля...

— Пойдемте въ садъ!—начала звать его дѣвочка, бойкая, не испугавшаяся нарядной барыни.

Мальчикъ былъ потише.

— Сейчасъ, сейчасъ приду!..—отвѣтилъ Лукашинъ.—Подождите меня на дворѣ.

Онъ уже расчелъ, про себя, что надо будетъ улучить минуту, оставить Зинаиду Мартыновну одну съ матерью.

Зина внутренно негодовала на отца: какъ онъ не отдѣлаетъ ея матери приличную квартиру; но, до сихъ поръ,

она ему не дѣлала вслухъ этого упрека; она боялась, что Мартынъ Лукичъ скажетъ ей:

„Ты, матушка, капиталистка. Раскошелься сама!“

На это ей уже намекалъ мужъ; но прибавилъ:

— Тебѣ бы все-таки надо что-нибудь сдѣлать, Зина. Это не Богъ знаетъ что̀ будетъ стоить.

Она была увѣрена, что у отца есть еще довольно большія деньги, а мужъ говоритъ такъ только затѣмъ, чтобы подавить ее своею порядочностью и показать: какъ онъ умѣетъ выполнять во всемъ долгъ сыновній. Ему легко такъ рисоваться этими добродѣтелями: у него ни отца, ни матери, и „прахъ“ ихъ онъ ѣдетъ выкупать на ея же деньги.

Сегодня она надумала, однакожъ, поговорить съ матерью о перемѣнѣ помѣщенія.

— Двѣ ступеньки,—сказалъ Лукашинъ, когда они подошли къ двери.

Онъ хотѣлъ даже поддержать ее подъ лѣвый локоть, но Зина сказала ему:

— Благодарствуйте!

Надо было имъ пройти темными сѣнями, въ родѣ чулана, гдѣ стоялъ всегда такой запахъ, что даже Лукашинъ предложилъ бы Зинѣ спирту понюхать — будь съ нимъ стклянoчка. Она уже это знала, быстро прошла сѣнями и толкнула дверь, обитую не то рогожей, не то парусиной.

— Пожалуйте, матушка!..—раздался голосъ кухарки, той, что̀ выбѣгала за калитку.

И вслѣдъ за ея словами залаяла собачонка, сиплымъ и слабымъ старымъ лаемъ больной болонки, наполовину слѣпой, съ бѣльмомъ, злой и дикой.

— Амишка!.. Цыцъ!—крикнула на нее кухарка и бросилась къ Зинѣ, хотѣла снять съ нея пальто.

Лукашинъ отвелъ ее рукой и отворилъ изъ крошечной передней дверь въ проходную комнатку, гдѣ было душно и пахло керосиномъ и геранью. Зина шляпкой едва не касалась потолка. Духота сейчасъ схватила ее за горло.

Во второй, довольно большой, угловой комнатѣ, въ четыре окна — это была и спальня, и гостиная Людмилы Мироновны — они нашли ее не одну: у нея сидѣли двѣ гостьи, ея подруги, также изъ отставныхъ танцовщицъ; обѣ были въ шляпкахъ, полныя, съ широкими лицами и

выцвѣтшими волосами. Онѣ сидѣли у столика и допивали кофе.

Людмила Мироновна, ближе къ окну, помѣщалась въ креслѣ, съ высокой спинкой; ноги ея, покрытыя плэдомъ, стояли на скамейкѣ. Ей казалось на видъ лѣтъ не больше сорока; худое, совсѣмъ желтое лицо съ правильными чертами, совершенно такими, какъ у дочери: тотъ же овалъ, та же сохранившаяся красивость ноздрей, тотъ же подбородокъ и даже такіе же городки еще не сѣдыхъ волосъ на лбу.

Разительное сходство съ матерью, въ первое же посѣщеніе, кольнуло Зину, и она должна была сознаться, что Рынинъ не даромъ язвилъ ее когда-то, намекая на ея кордебалетный типъ.

Голову Расшивиной, еще красивую и по очертаніямъ черепа, покрывала наколка изъ чернаго тюля съ кружевцами; на худомъ, почти костлявомъ станѣ, довольно еще стройномъ, лежали правильныя складки капота изъ свѣтлаго кретона. Вся она очень опрятно держалась. И въ комнатѣ не было ни пыли, ни тряпокъ, ничего лишняго. Мебель—еще недавно нарядная, репсовая, перенесенная изъ квартиры съ просторными комнатами. По двумъ стѣнамъ множество фотографическихъ карточекъ, въ двухъ простѣнкахъ — два большихъ портрета, также фотографическихъ: одинъ мужской — рѣзкій брюнетъ въ военномъ сюртукѣ, съ густыми эполетами; другой — сама Людмила Мироновна декольтѐ, въ балетномъ платьѣ, въ цвѣтахъ и въ тюникахъ, и съ вуалемъ на головѣ, лѣтъ уже за тридцать.

За печкой стояла кровать, отдѣленная ширмами съ малиновой тафтой, краснаго дерева.

Зина окинула тревожнымъ, сухимъ взглядомъ обѣихъ подругъ и подумала: не выдалъ ли ее Лукашинъ, не послалъ ли матери депешу о ихъ посѣщеніи? Потомъ выбранила себя: зачѣмъ она сама такъ неосторожно разлетѣлась, не дала матери знать о томъ, въ которомъ часу она будетъ у нея? Вѣдь она могла, все черезъ того же Лукашина, передать матери, что желаетъ найти ее одну... а не при какихъ-то „drôlesses“—такъ она мысленно выразилась.

Когда кухарка вбѣжала, увидавъ Зину у калитки, и крикнула Людмилѣ Мироновнѣ: „барышня идутъ!“—Расшивина заволновалась, но вдругъ ей стало пріятно, что

вотъ ея подруги увидятъ, какова у нея дочка; онѣ давно знали, что она ждетъ въ Москву дочь съ зятемъ. Передъ самымъ входомъ Зины въ спальню матери, Людмила Мироновна выхваляла Рынина, восхищалась красотой дочери, а про своего Ногайцева раза два сказала:—„Отъ Мартышки нашего, сами знаете, чего же ждать путнаго! Вотъ онъ теперь выздоровѣлъ, говорятъ, и опять закуритъ... и опять хоть въ богадѣльню кандидатомъ.“

— Зинушка!—встрѣтила она дочь, и хотѣла-было привстать.

Лукашинъ подбѣжалъ къ креслу и удержалъ ее.

— Сидите,—сказалъ онъ ей,—это не въ правилѣ.

Обѣ отставныя танцовщицы встали церемонно и поклонились на особый ладъ.

Зина подошла къ матери быстро, взяла ее за руку, но не поцѣловала ни въ щеку, ни въ темя, что было бы ей всего удобнѣе.

— Кофейку не угодно ли?—спросила Расшивина.

Она все еще не рѣшалась говорить Зинѣ „ты“, особенно при постороннихъ.

— Благодарствуйте,—отвѣтила Зина тѣмъ же звукомъ, какъ она говорила Лукашину или, бывало, дворецкому Егору.

— Садитесь, милые гости, — театрально-сладкимъ тономъ сказала Расшивина, и ея худыя, прозрачныя руки, съ очень длинными пальцами, пришли въ нервное движеніе.

Лукашинъ пододвинулъ Зинѣ кресло, а самъ сѣлъ въ сторонѣ, позади кресла Расшивиной.

— Мои товарки,—Расшивина указала лѣвой рукой на обѣихъ женщинъ.

Тѣ сѣли послѣ новаго поклона нѣсколько попроще. Онѣ тутъ только стали стѣсняться, и каждая поторопилась допить кофей и отставить чашку.

— Блѣдненькая какая!..—выговорила Расшивина томно и вскинула на дочь своими усталыми, красивыми глазами, и тотчасъ же повернула голову назадъ, въ сторону доктора.

Голосъ она также, вмѣстѣ со всею наружностью, передала Зинѣ, въ чемъ та уже сознавалась себѣ самой... Тонъ отставной корифейки былъ московскій, театральный, только нервнѣе и слаще того, какъ говорятъ обыкновенно устарѣлыя танцовщицы ея лѣтъ, особенно между собой.

Тонъ этотъ, по опредѣленію Зины, могъ быть „во сто разъ“ хуже, вульгарнѣе. Такъ могла говорить и всякая барыня средней руки; такъ говорили даже разныя „кнэйни“ съ татарскими фамиліями, какихъ она встрѣчала за границей, на водахъ.

Лукашинъ кивнулъ головой и громко сказалъ, почти крикнулъ:

— Въ деревнѣ поправится!

— Да, вѣдь вы въ деревню... Ахъ, вотъ и я бы, да мнѣ съ своего кресла не двинуться...

На глазахъ показались слезы. Зина уже знала, что ея „maman“, отъ болѣзни или отъ чего другого, слезлива... Слезъ ея при „товаркахъ“ она боялась пуще всего.

— Надолго къ маменькѣ?—спросила вдругъ одна изъ танцовщицъ, гораздо смѣлѣе, чѣмъ можно бы ожидать, высокимъ, молодымъ дѣвичьимъ голосомъ.

Это „къ маменькѣ“ заставило Зину податься назадъ и сдѣлать чуть примѣтный жестъ головой вбокъ.

— Да вотъ какъ мuженекъ...—отвѣтила за нее мать и протянула къ ней кисть правой руки.

И этотъ жестъ отразился болѣзненно на Зинѣ. Она даже полузакрыла глаза...

Обѣ гостьи переглянулись; онѣ поняли сами, что нужно оставить мать съ дочерью однѣхъ.

Все прошедшее Расшивиной имъ прекрасно было извѣстно. Онѣ даже вмѣстѣ вышли изъ школы и въ одной компаніи тогдашней молодежи отыскали каждая своего „душёнскаго“. На ихъ глазахъ прошла вся „служба Милочки“, какъ они звали Расшивину, да и теперь еще зовутъ иногда... Помнили онѣ, когда родилась Зина, и какъ изъ-за нея же вышелъ окончательный разрывъ Милочки—съ ея „чадушкой“; онъ уже тогда проигрался и прокутился почти „вдрызгъ“, и Милочка требовала, чтобы онъ обезпечилъ чѣмъ-нибудь дочь, грозила ему, что она его броситъ.—Помнили онѣ и то, что эту Зину—ей еще года не было—„Мартышка“ (такъ онѣ звали ея отца, даже и въ глаза) укралъ дочь у матери, увезъ ее къ двоюродной сестрѣ, а та—съ собой за границу; какъ Милочка убивалась, какъ „чудесный“ адъютантъ Нетопырцевъ — состоялъ при дивизіонномъ генералѣ, потомъ перешелъ въ полицію и давно страдалъ по Милочкѣ — утѣшилъ ее, и все забылъ, и устроилъ... И жила она, какъ въ раю, цѣлыхъ девять лѣтъ, не транжирила, даже

капиталецъ скопила, дѣти были тоже, только не жили;— Нетопырцева ударъ постигъ. Милочка заболѣла, потеряла „элевацію“, въ Крымъ ее возили, на службѣ состояла уже только въ корифеяхъ. Однако, и тогда еще сошлась съ хорошимъ человѣкомъ изъ комиссаріатскихъ, почти въ чинѣ полковника. Этотъ былъ живучѣе, да подъ судъ угодилъ; кажется, и Милочкиныхъ денегъ перепало, когда его судили. Пришлось адвокатовъ нанимать... Кое-что у нея, однако, осталось... Здоровье-то совсѣмъ ушло: ноги отнялись и въ сердцѣ нашли ожирѣнье... Вотъ тогда она и начала тосковать по дочери, и Мартышку ей стало жаль — онъ сумасшедшимъ былъ, да оправился; однако, когда получилъ наслѣдство — сказывали: милліонъ! — ничего ей не далъ, только хвалился, что можетъ ее озолотить; но Милочка свое достоинство соблюла и сказала ему, что она его жалѣетъ и мирится съ нимъ изъ-за дочери.

Все это знали и помнили товарки Людмилы Мироновны: — „Васинька“ (такъ ее еще въ школѣ прозвали) Укруйкина и Марѳуша Копчикова 3-я, теперь такъ же, какъ и Милочка, на пенсіи и при самыхъ малыхъ сбереженіяхъ; обѣ живутъ похуже ея, и у каждой дѣти — у одной даже пятеро, а поддержки еще ни отъ одного.

— Идти хотите, голубки? — обратилась къ нимъ Людмила Мироновна, и удерживать ихъ не стала, перецѣловалась съ каждой по три раза и прибавила: — Дѣточекъ пришлите ко мнѣ... теперь вѣдь у нихъ вакаціи...

Обѣ танцовщицы опять церемонно поклонились Зинѣ, и одна—Марѳуша Копчикова 3-я, та, что заговорила съ ней, уходя, сказала ей:

— Въ маменьку вы вылитая личикомъ.

„C'est un comble“, — подумала Зина.

Она, стоя, поклонилась имъ, не разжимая рта. Лукашинъ сказалъ имъ вслѣдъ:

— Мое почтеніе.

Онъ тотчасъ же подошелъ къ креслу Расшивиной и, глядя въ то же время и на Зину, выговорилъ:

— Ребятки меня, чай, заждались на дворѣ... Нечего дѣлать, надо ихъ утѣшить. Вы, Зинаида Мартыновна, спосылайте за мной... Я въ садикѣ буду... Въ чехарду мы играемъ!..

И поспѣшно вышелъ.

Зина не была довольна его ненужной деликатностью.

Этотъ Лукашинъ никогда не будетъ умнѣе. Не можетъ понять, что его присутствіе все-таки же облегчаетъ для нея тяжесть разговора съ-глазу-на-глазъ. Смутилась и сама Людмила Мироновна. Она не ожидала такого скораго ухода Лукашина и не знала, какъ ей привлечь къ себѣ дочь. Въ ней былъ уже наплывъ нервной нѣжности. Поглядѣла она на свой портретъ въ балетномъ платьѣ и сейчасъ же потомъ на Зину, и точно она себя увидѣла, какая она была двадцать пять лѣтъ назадъ, когда жила съ этимъ безпутнымъ Ногайцевымъ. Много онъ ей горя далъ, и обиды, и болѣзни, послѣ того, какъ дочь укралъ и увезъ:—теперь она объ этомъ не хотѣла помнить. Вотъ вѣдь какая барыня: красавица, богатая, мужъ гвардеецъ, далеко пойдетъ—это сейчасъ видно.

Людмилу Мироновну до слезъ трогало и собственное достоинство: вотъ она живетъ въ такой квартиренкѣ, и ни у отца Зины, ни у нея самой — копейки не просила, и не попроситъ, и не надо ей. Если бы даже они сами предложили за границу, что ли, везти, къ докторамъ къ тамошнимъ, — она не согласна... Привыкла она къ своей Козйхѣ и есть у нея все...

Глаза ея уже полны были слезъ и кисти рукъ вздрагивали отъ усиливавшейся нервности.

— Вамъ здѣсь... неудобно жить,—начала прямо Зина, и сама нашла сейчасъ же, что тонъ ея слишкомъ рѣзкій, что не слѣдовало такъ, безъ всякаго перехода, обращаться къ вопросу о перемѣнѣ квартиры.

— Почему вы такъ находите? — спросила Расшивина, и вся выпрямилась.

Руки ея упали на плэдъ: она хотѣла ими привлечь Зину.

— Мы съ мужемъ... думали предложить вамъ... другую квартиру... Здѣсь такъ низко... и этотъ ходъ...

— Да вѣдь я никуда не хожу, а мои знакомыя не взыщутъ,—выговорила нѣсколько обидчиво Людмила Мироновна.

— Все равно, — настаивала Зина и присѣла поближе къ креслу матери.—Вы должны понять...

— Я понимаю,—другимъ голосомъ, съ внезапными слезами, заговорила Людмила Мироновна,—я понимаю... Это все Мартынъ Лукичъ...

— При чемъ тутъ Мартынъ Лукичъ? — перебила ее Зина, почти гнѣвно: она сочла себя въ правѣ быть воз-

мущенной непонятливостью и безтактностью этой женщины.

— Ну, да, ну, да,—уже истерически продолжала Людмила Мироновна.—Я знаю... ему стыдно... онъ брезгуетъ... ходъ нехорошъ... дурно пахнетъ... А вы бы у папеньки своего спросили, какую онъ обо мнѣ заботу имѣлъ... вотъ хотя бы два года, не больше, когда онъ наслѣдство такое получилъ?.. Но я ничего не прошу, я у него копейки не взяла... и не возьму...

Она съ трудомъ уже выговаривала. Руки ея затряслись.

— Да вы должны понять,—говорила Зина, и тонъ ея, помимо ея воли, дѣлался все суровѣе и повелительнѣе,— вы должны понять: тутъ отецъ ни-при-чемъ... Мы... будемъ помогать... для васъ же...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я отсюда никуда не хочу! — почти вскрикнула Людмила Мироновна. —Это все папеньки вашего затѣи... изъ фанфаронства одного. Ни у мужа вашего, ни у васъ... Зинаида Мартыновна... я не желаю одолжаться... Благодареніе Богу—не нищая!.. Отслужила свой срокъ... и пенсія есть... и были хорошіе люди... не Мартыну Лукичу чета... тѣ, сколько могли, обезпечили...

Въ эту минуту взглядъ Зины, стоявшей у кресла, упалъ на большой фотографическій портретъ военнаго. Она тутъ только поняла, кто былъ этотъ мужчина для ея матери... На него та и намекала. Такой намекъ показался ей еще возмутительнѣе по своей неделикатности и даже цинизму.

— Мнѣ не нужно этого знать! — неловко выразилась она по-русски, и лицо ея стало такъ сурово, что Людмила Мироновна отодвинулась отъ нея въ уголъ кресла, заахала и застонала.

— Ничего, ничего мнѣ не надо! Грѣхъ, грѣхъ такъ!

Она не докончила; слезы полились изъ глазъ, голова упала на грудь, ноги вытянулись, во всѣхъ членахъ произошло почти мгновенное одеревянѣніе.

Зина увидала это. Она не перепугалась; скорѣе, озлилась. Съ ней бывали такіе же припадки. И какъ ни внезапенъ былъ ея испугъ, она успѣла еще разъ вознегодовать на мать за то, что та ей передала такіе нервы и всѣ эти „sales infirmités“, которыя съ замужествомъ вовсе не проходятъ.

— Доктора!—крикнула она, заглянувъ въ первую комнату.

Она не растерялась, но ею овладѣло стремительное чувство: бѣжать отсюда и никогда не возвращаться. Что изъ того, что эта отставная танцовщица—ея родная мать? Она чужда ей, смѣшна, безтактна, возмущаетъ ее!..

Кухарка кинулась за Лукашинымъ. Зинѣ тяжело было вернуться къ матери. Она боялась всего въ этой квартирѣ... Вдругъ какъ та умерла скоропостижно?

Лукашинъ прибѣжалъ весь красный. Онъ тоже подумалъ: не ударъ ли нервный, но совсѣмъ отъ другого — отъ радости, что ласкаетъ дочь.

— Идите!.. Идите! Обморокъ! — кликнула ему Зина и почти побѣжала вонь.

— Вы... ѣдете? — съ изумленіемъ успѣлъ спросить Лукашинъ.

— Я не могу, не удерживайте меня... мнѣ самой нехорошо!.. Идите...

Онъ бросился къ Людмилѣ Мироновнѣ. Зина скорыми шагами дошла до калитки, крикнула кучера, вскочила въ коляску и сказала ему порывисто:

— Домой, на Тверскую!

Только въ коляскѣ ее стало душить, въ глазахъ завертѣлись круги, и опять то же ощущеніе, что вотъ-вотъ у нея отнимутся ноги.

Страхъ напалъ на нее уже сильнѣе; она стала хвататься за колѣни, за крыло коляски, откидывалась назадъ, закрывала глаза... Коляску качало по мостовой переулковъ; чуть она откроетъ глаза—и все кружится. На Тверскомъ бульварѣ она крикнула:

— Скорѣй! Скорѣй!

Показалось ей, и такъ тревожно ясно, что она можетъ умереть тутъ, въ коляскѣ, или упасть въ такой же столбнякъ, какъ и та „женщина“, которую она оставила сейчасъ... Матерью она не назвала въ умѣ Людмилу Мироновну.

Опять страхъ за себя смѣнился, безъ всякаго перехода, злобой на ту женщину, за то, что она должна была пріѣхать въ Москву, видѣть отца, пройти черезъ самыя унизительныя для себя ощущенія въ домишкѣ на Козихѣ... Но всего этого было мало; она видитъ теперь, до какой степени она — вылитая мать по лицу, фигурѣ, голосу... Отъ нея унаслѣдовала она свою кажущуюся только рослую и бодрую осанку; но, въ сущности, неизлѣчимыя и тайныя болѣзни, всѣ эти мигрени, обмороки, мертвенную

слабость, столбняки. Немощь сдѣлала ее, точно какимъ-то обманомъ, женой Рынина, и всегда она будетъ у него въ рукахъ, и все потому же!..

Нестерпимо горько ей стало. Обморока она уже менѣе боялась и не чувствовала никакой боли въ головѣ; смѣсь злобы и отвращенія отъ всего этого города возбудила ее такъ, что она вдругъ выпрямилась, покраснѣла, блеснула глазами и выговорила мысленно:

„Demain, nous partons!“

Если Парменій Никитичъ начнетъ упираться, она уѣдетъ одна; только тогда уже не въ деревню — Боже! что́ готовитъ ей эта „деревня“?!—куда-нибудь назадъ, въ Петербургъ, поселится лучше на дачѣ и будетъ ждать возвращенія мужа.

Ни на единое мгновеніе не вернулась она мыслью къ тому, что̀ теперь дѣлается въ домикѣ мѣщанина Чурилова.

Она сама, не дожидаясь помощи швейцара, выскочила у подъѣзда гостиницы „Дрезденъ“.

XIV.

Парменій Никитичъ ѣхалъ со своимъ тестемъ въ открытой, четырехмѣстной коляскѣ, и ему было не совсѣмъ по себѣ... Онъ начиналъ было, въ два пріема, отговариваться отъ сопровожденія Мартына Лукича къ „африканкамъ“. Тотъ просто на него прикрикнулъ, да такъ, что Рынинъ, для соблюденія достоинства, счелъ нужнымъ обратить все въ шутку.

Ногайцевъ его положительно стѣснялъ, не столько своею вздорностью, безпутными, шутовскими, хотя и барскими, выходками, сколько тѣмъ, что онъ не могъ попасть съ нимъ въ тонъ. Его серьезности Мартынъ Лукичъ не признавалъ и прохаживался надъ нимъ то и дѣло въ видѣ дурачливыхъ прибаутокъ, для такого „психопата“ весьма и весьма ядовитыхъ. Рынинъ, уже во второй свой визитъ къ „бо-перу“ (такъ Ногайцевъ называлъ себя съ русскимъ произношеніемъ), увидалъ, что Ногайцевъ очень хорошо раскусилъ то, чѣмъ хочетъ быть и казаться мужъ его дочери... И эти его стремленія, и всю его выправку Мартынъ Лукичъ ни въ грошъ не ставилъ. Циническія его выходки не были только привычкой; въ нихъ Рынину ясно было безцеремонное зубоскальство.

„Вотъ, молъ, ты мнишь себя будущимъ премьеръ-ми-

нистромъ, и на меня смотришь какъ на полоумнаго безобразника. А я тверже тебя стою на ногахъ... У меня есть даровыя денежки, и я ихъ опять проѣмъ и пропью, и все-таки останусь Мартыномъ Ногайцевымъ, котораго вся Москва знаетъ. Ты же только пыжишься... Амбиціи на радужную, амуниціи на грошъ!.. А со мной почтителенъ потому единственно, что Зина — моя наслѣдница. Авось меня хватитъ сразу параличъ, и въ Купеческомъ банкѣ, на текущемъ, останется нѣкоторая сумма“.

Парменій Никитичъ, хотя и смутно, распознавалъ въ глубинѣ души своей расчетъ порядочнаго человѣка и на этотъ искомый иксъ. Разумѣется, онъ не станетъ стороной узнавать, сколько у тестя есть еще денегъ, но увеличеніе капитала Зины возьметъ въ соображеніе, какъ усиленіе своего „базиса“. Двѣсти тысячъ не Богъ знаетъ что̀, да еще съ привычками Зинаиды Мартыновны! Имѣніе, которое онъ не можетъ не выкупить въ свой родъ, врядъ ли будетъ давать больше пяти процентовъ, если поддерживать усадьбу, а не поддерживать нельзя...

Надо, слѣдовательно, терпѣть тестя, конечно, съ соблюденіемъ возможнаго авторитета. Да и то сказать: чего же и ждать отъ недавняго пансіонера Мамоновой дачи?

По дорогѣ, Ногайцевъ почти безъ умолку болталъ, все больше о женщинахъ. Прежняя тройная форма безпутства—игра, кутежъ и женщины—сошла на двойную, безъ картъ. Сидѣть за столомъ даже и въ азартную игру, даже и въ рулетку, слѣдить за номерами или картами внимательно и держать расчетъ въ головѣ Мартынъ Лукичъ уже не могъ. Пробовалъ, и ему сейчасъ начинало зѣваться. Онъ даже не вѣрилъ, что когда-то деревню цѣлую проигралъ. Отрѣзало!

Но женщины и разливанное море въ ночныхъ заведеніяхъ остались во всей своей силѣ и получили даже новый оттѣнокъ оппозиціи—чему-то и кому-то...

Парменій Никитичъ хорошенько не зналъ еще этого; психіатра, у котораго Ногайцевъ квартировалъ, онъ не видалъ у тестя. Ѣхалъ онъ съ Мартыномъ Лукичомъ, впередъ чувствуя, что ему нужна будетъ вся его выдержка. Въ которомъ часу попадетъ онъ домой, предвидѣть нельзя. Въ первый разъ придется ему, быть-можетъ, провести часть ночи не съ женой. Зина утомлена, скучаетъ, пожалуй, посердится. Вѣдь это для нея же... Мартынъ Ногай-

цевъ—ея отецъ. Ну, если онъ начнетъ скандалить--можно будетъ его и скрутить...

Рынинъ, обдумывая все это, не слушалъ, что болталъ Мартынъ Лукичъ.

— Но глаза у Палаши!..--вдругъ прервалъ его мысли возгласъ тестя.—И Паша тоже глазаста!.. Но все не то!.. Вы ихъ знаете, mon gendre?

— Кого?—спросилъ Рынинъ.

— Да вы гдѣ же были?.. Обдумывали планъ возсоединенія Ѳракіи съ Македоніей?.. Гдѣ это васъ учили, дружокъ, вѣжливости? Человѣкъ моихъ лѣтъ, да еще тесть вашъ, полчаса вамъ разсказываетъ цѣлую исторію, а вы его и не думаете слушать.

Переходъ къ этому окрику, данному въ самомъ безцеремонномъ тонѣ, заставилъ Рынина рѣзко обернуться.

— Извините... да и трескъ экипажа...

— Никакого треска нѣтъ,—возразилъ Ногайцевъ такъ же безцеремонно, — коляска на каучукахъ... да и ѣдемъ мы по асфальту.

Они дѣйствительно ѣхали по верхнему концу Тверской и были уже около Тверскихъ воротъ, по пути въ Грузины, къ Тишанской площади...

— Такъ вы изволили говорить?..

— Я изволилъ не говорить, — перебилъ его Ногайцевъ,—а разсказывать вамъ про двухъ душкановъ—сестеръ Свѣшниковыхъ... Пашу и Палашу... Вы способны не имѣть о нихъ понятія... по состоянію вашей серьезности?..

— Я не знаю ихъ, — сдерживая внезапно овладѣвшую имъ злость на полоумнаго старикашку, отвѣтилъ Рынинъ и улыбнулся...

— Вотъ узнаете сейчасъ... Трактиръ „Македонію“ знаете?

— Нѣтъ.

— А еще святыню Москвы изучаете!

— Какое же отношеніе?!

— Да полноте вамъ высокимъ слогомъ!.. Что вы „моментъ“, что ли, съ ученымъ кантомъ... баллистику и гидравлику проходили? Просто, по армейской кавалеріи состоите, изъ вольноопредѣляющихся были; такъ зачѣмъ же, душа моя, напускать на себя такую важность? Ѣдемъ къ душканамъ... такимъ, о какихъ вы и не вѣдаете!.. И строгостью... по части... сокровища... васъ превзойдутъ... Еще Палаша... ну... та, кажется, споткнулась... годковъ пять

тому назадъ... а Паша... если только эта бестія... Митька-теноръ... Нынче и въ таборахъ съ своими хамами амуры пошли. Но ручки вы у нея будете цѣловать... и на колѣняхъ стоять...

— Я?—изумился Рынинъ.

— Непремѣнно...—растянулъ Ногайцевъ...—и въ трезвомъ, и въ пьяномъ видѣ...

— Въ пьяномъ? Это я же?

— C'est moi qui vous le dis!.. Нельзя, дружокъ, все такъ... точно вы, съ позволенія сказать, аршинъ проглотили... Съ нѣмцами собираетесь воевать, а ихъ копируете...

Рынину оставалось одно: снисходительно улыбаться.

— Вотъ и Живодерка!.. Вы должны съ женой вашей изучить и это урочище Москвы... Что... слово удивило? И мы умѣемъ. Такъ трактиръ „Македонія" вамъ неизвѣстенъ... Это — пупъ земли фараонской... Каждый день, чѣмъ свѣтъ, всѣ хоры здѣсь выручку дѣлятъ... Мы еще попадемъ... съ ними же и вернемся... на линейкѣ... знаете, тѣ же, что плакальщицъ на кладбище возятъ, съ оранжевой обивкой?..

— Въ которомъ же это часу, смѣю спросить?

Рынинъ перешелъ къ насмѣшливому тону.

— Въ которомъ? Обыкновенно утромъ, часу въ шестомъ или когда священнодѣйствіе отойдетъ... Вотъ вы и наслушаетесь разговоровъ. Если, напримѣръ, вы какой чернomазенькой увлечетесь и отвалите кушъ всему хору, это она сейчасъ—на счетъ... „Полковникъ, молъ, съ кѣмъ,—и онъ ему досказалъ на ухо,—съ тобой, что ли?.. Стало, и пай мнѣ не тотъ"...

— Куда прикажете?—спросилъ Ногайцева кучеръ.

— Куда?.. Не знаешь?

— Не могу знать...

— Въ Тишанскій переулокъ.

— Да ихъ, ваше сіятельство, не одинъ.

— Погоди... во второй... домъ Свѣшникова...

— Барышника?

— C'est ça!.. У калитки, гдѣ лавочка...

Ногайцевъ нагнулся къ Рынину и добавилъ:

— Это папенька душкановъ, макиньонъ и скотоврачъ. И маменька есть. Родителей больше прибираютъ при посѣщеніи хорошихъ господъ... Сюда—направо!—крикнулъ Ногайцевъ извозчику.

Они остановились у калитки между двумя двухъэтажными домами—бревенчатымъ и кирпичнымъ—на штукатурныхъ фундаментахъ.

— Полковникъ, прошу! — пригласилъ Рынина комическимъ жестомъ Ногайцевъ. — Идите прямо, къ галдарейкѣ—я за вами!

Рынинъ вышелъ первымъ изъ коляски и растворилъ калитку.

Между домами, въ глубинѣ двора, грязнаго, полнаго навоза, былъ родъ навѣса надъ конюшнями. Слѣва амбаръ, еще сарайчикъ и что-то похожее на кузницу. По двору валялся соръ, солома, обглодки ѣды. Прямо — лѣстница во второй этажъ, какія бываютъ на постоялыхъ дворахъ, съ деревянной же галдарейкой. Внизу, между лѣстницей и стѣной перваго этажа, двѣ женщины съ засученными рукавами и съ приподнятыми подолами стирали бѣлье въ корытѣ. Запахъ мыла и щелока смѣшивался съ остальными испареніями двора.

— Вамъ кого? — окликнулъ Рынина бородатый работникъ, выглянувшій изъ сарайчика. Онъ похожъ былъ на кузнеца или батрака у барышника.

Рынинъ затруднился, какъ отвѣтить.

— Павла Аверьянова, что ли? — спросилъ тотъ же бородачъ.

— Идите, идите, полковникъ!—крикнулъ сзади Ногайцевъ, уже проникнувшій въ калитку.

— Спрашиваетъ, кого намъ?

— А зачѣмъ ему это знать? Ты, любезный, дѣлай свое дѣло.

— Павла Аверьянова вамъ?—продолжалъ любопытствовать работникъ.

— Не Павла Аверьяныча, — деликатно-шутовски отвѣтилъ ему Ногайцевъ. — Прасковью Павловну и Пелагею Павловну.

— Такъ бы и сказали...

Работникъ махнулъ рукой и скрылся въ сарайчикѣ.

— Montons, mon gendre!—пригласилъ Ногайцевъ.

И слова „mon gendre“ задѣвали Рынина. Онъ чувствовалъ, что тесть произноситъ ихъ тоже съ зубоскальствомъ, подражая интонаціи парижскаго комика Жоффруа, изъ водевиля „Le chapeau de paille d'Italie“, а вовсе не затѣмъ, чтобы усладить свое отцовское самолюбіе. Онъ самымъ звукомъ какъ бы желалъ сказать: „не больно-то я

въ восхищеніи, что Зина стала подполковницей Рыниной".

Одинъ за другимъ—Ногайцевъ впереди—поднимались они по скользкой, грязной лѣстницѣ съ рѣдкими дощатыми перилами. На галдарейку, довольно широкую, но съ выбитыми стеклами, выходило нѣсколько дверей. И тутъ двѣ женщины, тоже съ засученными рукавами, гладили бѣлье. Бѣгали ребятишки, игралъ съ щенкомъ мальчикъ въ форменномъ сюртукѣ, безъ галстука, взъерошенный, цыганскаго типа.

Мартынъ Лукичъ шелъ, какъ человѣкъ бывалый, знакомый съ мѣстностью. Онъ кивнулъ головой мальчику и спросилъ его на ходу:

— Сестрички дома?

— Дома, пожалуйте,—небрежно отвѣтилъ тотъ.

Вторая дверь отъ лѣстницы вела въ квартиру домохозяевъ. Рынинъ немного нагнулся, входя, вслѣдъ за тестемъ, въ темную переднюю, гдѣ его охватилъ уже другой запахъ; пахло обѣдомъ: щами, жаренымъ картофелемъ и гусемъ.

— Дома?—крикнулъ Ногайцевъ, и въ шляпѣ, не снимая съ себя макферлана,—онъ не измѣнялъ этому покрою,—вошелъ въ комнату, въ родѣ столовой, узкую, заставленную шкапомъ и четыреугольныхъ столомъ.

— Ахъ, это вы!—раздалось два женскихъ голоса, и въ дверь направо скрылся кто-то въ бѣломъ. То была младшая сестра; у стола осталась старшая; въ дверь, въ лѣвомъ углу отъ входа, куталась въ платокъ пожилая женщина въ красной „головкѣ".

Средину стола занимало недоѣденное блюдо—гусь. На цвѣтной скатерти валялся кусокъ хлѣба; салфетокъ не было; стояли графинъ съ квасомъ и солонка.

— Мартынъ Лукичъ!—встрѣтила Ногайцева старшая сестра Свѣшникова, уже причесанная, въ кретоновомъ модномъ капотѣ.

При видѣ высокаго военнаго, въ густыхъ эполетахъ—Рынинъ хотѣлъ сдѣлать два-три серьезныхъ визита—Пелагея Павловна немного смутилась; но тотчасъ же пригласила гостей сѣсть, даже указала имъ на гуся и прибавила:

— Чѣмъ богаты!

Ей пошелъ уже двадцать восьмой годъ. Днемъ казалось больше, безъ бѣлилъ и румянъ. Станъ былъ суховатъ,

лицо также, но съ прекрасными глазами и правильнымъ носомъ.

— Паша шмыгнула?—спросилъ Ногайцевъ.—Вотъ я ее! Полковникъ! Займитесь съ Палашей... Я сейчасъ.

Онъ взялся за ручку двери въ комнату Паши. Оттуда раздался визгъ. Но это не остановило Мартына Лукича.

— Вотъ какой онъ у насъ—нашъ крестный!

— Вашъ крестный?—переспросилъ Рынинъ и присѣлъ къ столу.

— Онъ у насъ двухъ крестилъ въ хорѣ, мы его крестнымъ всѣ зовемъ.

Рынинъ давно не бывалъ съ цыганками. Тонъ Пелагеи Павловны—очень приличный и немного даже манерный—не удивлялъ его. Сидѣла она передъ нимъ въ позѣ свѣтской дамы, улыбалась сдержанно; низкій тембръ ея голоса чрезвычайно шелъ къ ея степенной, нѣсколько увядшей красотѣ.

— Вы пріѣзжій?—спросила его Палаша, послѣ маленькой паузы.

Ему не захотѣлось сразу говорить ей, что „крестный"—его тесть; все равно, пускай уже самъ Ногайцевъ его отрекомендуетъ.

Въ комнатѣ Паши продолжались возня, взвизгиванія и раскаты хриплаго голоса Ногайцева.

— Полковникъ!

Изъ двери высунулось красное лицо Мартына Лукича.

— Пожалуйте! Душканъ пеньюаръ надѣлъ... И такіе у насъ контуры и божественное растрепе!..

— Какъ же можно?—хотѣла-было его остановить старшая сестра.

— Не вмѣшиваться! Что за мать-казначея!.. Надъ бѣлицами надзирать... Mon gendre!.. Entrez!

Надо было войти. За Рынинымъ встала и старшая сестра.

Онъ былъ удивленъ контрастомъ столовой и особенно лѣстницы, галдарейки и двора съ спальней Прасковьи Павловны. Вся комната была обита темно-голубымъ атласомъ; кровать съ балдахиномъ; на ней подушки и одѣяло не были еще прибраны,—обѣ сестры обѣдали какъ встанутъ,—мебель съ позолотой, два зеркала, мраморный умывальникъ, шифоньерка съ инкрустаціями. Пахло духами, пудрой и неприбранной комнатой.

— Что вы, что вы?..—стыдила Прасковья Павловна Ногайцева и указывала рукой на Рынина.

Ногайцевъ держалъ ее за талію и указывалъ свободной рукой на ея личико входившему зятю.

— Каковъ душканъ! А? Видали лучше? А? Etudiez cela, mon cher! Янтарный персикъ. Брови, волосы, ротъ...

— Да полно вамъ!—продолжала отбиваться Паша.

Рынинъ невольно засмотрѣлся на нее: онъ давно не видалъ такой прелестной наружности. Паша была немножко меньше ростомъ старшей сестры, стройна, съ волнистой линіей спины. Рѣсницы ея черно-синихъ глазъ кидали бархатный отливъ на зрачки; волосы, безъ рѣзкой цыганской черноты, пушистыя, нѣжныя щеки и чудесные зубы, даже для цыганки, дѣлали изъ нея породистую женщину, только что вошедшую въ обладаніе своей красотой.

Пеньюаръ изъ нѣжнаго цвѣта тафты, съ кружевомъ, оставлялъ до половины обнаженными смугловатыя руки и падалъ на коверъ цѣлой кучкой складокъ и оборокъ...

— Рекомендую,—указалъ ей Ногайцевъ на Рынина.— Мой зять... мужъ моей дочери, Зины. Она вѣдь красавицей считается. А ты, душканъ, сегодня же покажи этому...

— Пустите, крестный!—просилась Паша.

— Пущу, пущу!.. Только съ уговоромъ: мы съ вами.

— Куда?—спросила Паша, мѣняя сейчасъ же тонъ.

— Въ Паркъ! У насъ ландо; васъ обѣихъ на почетное мѣсто.

— Рано...

Паша сдѣлала гримасу.

— Обѣдать.

— Мы уже кушали...

— Еще покушаете!.. Извольте одѣваться. Палаша!— крикнулъ Ногайцевъ въ столовую,—вѣдь ты набольшій. Нечего тутъ... Уберите вы мнѣ этого гуся... Не могу запаха выносить!.. Живо одѣваться!.. А чаваламъ сказать, чтобы тотчасъ же послѣ обѣда... къ Натрускину, въ „Мавританію". Наверху, въ большой комнатѣ.

Обѣ сестры рѣшительно возстали противъ обѣда и поспѣшнаго туалета. Онѣ такъ не привыкли. Да и куаферъ не пришелъ, и Пашиной юбки съ прошивками не принесла прачка, и еще приведены были какіе-то доводы. Мартынъ Лукичъ сначала слушать не хотѣлъ, а потомъ, когда Палаша заговорила съ нимъ построже, немного притихъ—онъ былъ еще совсѣмъ трезвый—и согласился ѣхать съ Рынинымъ вдвоемъ въ Паркъ, тамъ обѣдать,

но чтобъ къ девятому часу были всѣ „чавалы“ налицо. Раньше, чѣмъ они обыкновенно являются.

Сестры обѣщали, что все будетъ исполнено. Въ Грузинахъ Мартынъ Лукичъ опять былъ въ почетѣ; всѣ знали, что онъ доканчивалъ новое наслѣдство. Онъ не сразу удалился отъ сестеръ Свѣшниковыхъ; водилъ Рынина и въ будуаръ Палаши, отдѣланный гораздо проще, кретономъ, потомъ и къ „maman la maquignonne“, какъ онъ называлъ ихъ мать, выдалъ ей Рынина за сербскаго министра, началъ съ ней переговариваться по-цыгански, отчего та все закрывала себѣ глаза ладонью, и подъ-конецъ стала толкать его къ двери.

По дорогѣ въ Паркъ, Парменій Никитичъ вступилъ съ тестемъ въ болѣе игривый разговоръ. Онъ былъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ Грузинахъ все обошлось довольно еще прилично. Обѣдать ему хотѣлось. Воздухъ за городомъ обдавалъ его пріятной свѣжестью. Они незамѣтно доѣхали до „Мавританіи“, гдѣ онъ никогда не бывалъ.

Дальше пошло совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Къ обѣду, заказанному наверху, въ большой комнатѣ, Мартынъ Лукичъ пригласилъ неизвѣстно откуда явившихся гостей: троихъ мужчинъ, незнакомыхъ съ Рынинымъ,—ему даже показалось — подозрительнаго вида, — должно-быть, изъ того времени, когда Ногайцевъ жилъ, какъ онъ самъ выражался, „ярыжнымъ дворяниномъ“, передъ своимъ сумасшествіемъ. Одного изъ нихъ онъ назвалъ по фамиліи, другихъ даже и не представилъ, и прибавилъ:

— Потолкуйте, кто кого закидаетъ высшими взглядами... Это, братъ—указалъ онъ на гостя,—человѣкъ съ перомъ.

„Человѣкъ съ перомъ“ смотрѣлъ на оцѣнку Рынина странно: не то купецъ изъ Ножовой, не то приказчикъ изъ нѣмцевъ, не то судебный приставъ. Красное лицо съ лоскомъ на щекахъ, свѣтлорусая бородка, улыбка сидѣльца и очень пестро одѣтъ; волосы острижены подъ гребенку, лѣтъ за сорокъ.

Всѣ они, и Ногайцевъ съ ними, заговорили своимъ особеннымъ языкомъ, съ московскими остротами и анекдотами. Сразу принять участіе въ ихъ разговорѣ и попасть въ тонъ было не легко, но Рынинъ старался. Онъ не отставалъ ни отъ чего, въ ѣдѣ и напиткахъ. Между закуской, гдѣ было выпито много всякихъ смѣсей изъ водокъ, горькихъ и сладкихъ, и обѣдомъ, уже явилось шам-

панское, прямо въ стаканахъ, и тарелки съ кусочками тонко нарѣзаннаго чернаго хлѣба, поджареннаго въ маслѣ и посыпаннаго солью. Всѣ стали это грызть и пить шампанское какъ квасъ. Ногайцевъ видимо желалъ напоить зятя. Рынинъ не отказывался ни отъ чего; въ немъ заговорило тщеславіе бывалаго участника кутежей, славившагося тѣмъ, что его нельзя перепить.

Обѣдъ прошелъ въ томъ, что Мартынъ Лукичъ пьянѣлъ и дѣлался съ каждымъ блюдомъ безцеремоннѣе со своимъ зятемъ. Онъ уже не иначе его называлъ, какъ „македонскій принцъ“, или „недоваренный моментъ“, или „перевернутый прусскій майоръ“, и раза два приглашалъ его изложить имъ всѣмъ программу будущаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ—своего министерства. Всѣ хохотали. Рынинъ, блѣдный отъ выпитыхъ водокъ и винъ, сдержанно усмѣхался и продолжалъ испытывать свою выдержку.

Мартынъ Лукичъ, дойдя до извѣстнаго градуса опьянѣнія, больше уже не хмелѣлъ. Болтовня его принимала все больше и больше задорный характеръ, гдѣ зять служилъ ему только мишенью: и изъ-за него онъ притягивалъ къ отвѣту и все, что̀, по его мнѣнію, „Петрушкина комедія“. Рынинъ тутъ только распозналъ, какъ его полоумный тесть презираетъ всякое „модничанье“ и „ерыганство“ насчетъ высшей политики, тотъ именно строй идей, домогательствъ и плановъ, какому онъ, Парменій Никитичъ, начиналъ теперь служить сознательно и преднамѣренно.

— И либералишки, блудословы,—хрипѣлъ Ногайцевъ за десертомъ, — и вотъ эти спасители отечества,—онъ тыкалъ пальцемъ туда, гдѣ сидѣлъ Рынинъ,—трехпрогонные!.. Только тотъ, настоящій-то трехпрогонный,—„человѣкъ съ перомъ“ захохоталъ, понявъ сейчасъ намекъ,—былъ ужъ какъ есть заплечныхъ дѣлъ мастеръ, а эти, нынѣшніе-то, все въ Биконсфильды лѣзутъ да въ Бисмарки! На все у нихъ свое воззрѣніе. Вотъ и Москву они намъ особенную сочиняютъ... Полковникъ уже побывалъ у своихъ набольшихъ... какъ же... ѣздилъ представляться... Съ регаліями, и Такову второй степени надѣлъ, и черногорскаго... какъ, бишь?.. Ну, да шутъ съ ними!.. А потомъ со Страстного, тѣмъ же аллюромъ, и на Спиридоновку... Сочинили Москву—совсѣмъ не ту, не нашу... Вотъ Москва!—закричалъ онъ и всталъ.—Мы вамъ, полковникъ,

покажемъ... что такое настоящая Москва. Ицки явились?— вдругъ спросилъ онъ у главнаго лакея.

— Музыканты?

— Да.

— Внизу-съ...

— Пригласи сюда!

Пришелъ цѣлый оркестръ, человѣкъ около пятнадцати музыкантовъ-евреевъ. Ногайцевъ приказывалъ что играть, потомъ выхватилъ у перваго скрипача смычокъ и сталъ самъ дирижировать. Оркестръ смѣнилъ хоръ казацкихъ трубачей. Рынинъ начиналъ уже сомнѣваться въ томъ, сохранитъ ли онъ свою выдержку; въ головѣ его сильно затуманилось; презрительная злобность противъ тестя переходила въ болѣе животненныя проявленія его натуры; ему захотѣлось самому чего-нибудь буйнаго, безстыднаго... такого, гдѣ бы можно было, гдѣ бы стоило выказать свою силу, дерзость...

Ногайцевъ заставилъ дирижера казацкаго хора, изъ нѣмцевъ, взять корнетъ-à-пистонъ и играть марсельезу; кто-то аккомпанировалъ на фортепьяно. Всѣ начали пѣть; за ними и Рынинъ.

— Га-га!—загоготалъ Ногайцевъ.—Вотъ это чудесно!.. Нѣмецъ въ казацкой формѣ дуетъ марсельезу!.. И на Бисмарка, каналья, поди, молится?!. И полковникъ... Зины-кривляки супружникъ—тоже... А самъ въ Бисмарки мѣтитъ... Вотъ она, Москва-то... настоящая... Орда!.. И вы— ордынцы... потому и на Европу гнѣваетесь... Азіаты... а туда же спасать человѣчество!..

Рынинъ, уже съ сильнымъ туманомъ въ головѣ, выдѣлывалъ горломъ:

„Aux armes, citoyens!
Formez vos bataillons!“

Мартынъ Лукичъ приказалъ прямо отъ марсельезы перейти къ „камаринской“, и „человѣкъ съ перомъ“ началъ выдѣлывать съ нимъ трепака, съ присядкой, оба безъ сюртуковъ.

Во время пляски появились цыгане. Рынинъ помнилъ, что комнату, полную теперь вина, табачнаго дыма, грохота, оглашала команда Ногайцева:

— Чавалы!.. Въ кругъ!.. Душканы—въ центръ!.. Сюда!.. Починъ дѣлай съ „Ивушки“!..

Сестры Свѣшниковы сѣли посрединѣ. Паша была въ дорогой накидкѣ, съ цвѣткомъ въ волосахъ, соблазни-

тельно хороша и очень изящна. Палаша—въ черномъ, тоже съ цвѣткомъ: смотрѣла она свѣтской дамой. Рынинъ очутился между ними послѣ того, какъ пропѣли двѣ хоровыя пѣсни. Помнилъ онъ, что прикладывался къ персиковой щекѣ Паши, что къ ней приставалъ одинъ изъ гостей, совсѣмъ уже „готовый", что ему захотѣлось оттолкнуть его и даже взять за шиворотъ, да Паша съ кроткой улыбкой сказала:

— Оставьте его, полковникъ, развѣ стòитъ?..

Онъ удивлялся выдержкѣ обѣихъ сестеръ: какъ онѣ отдѣлываются отъ слюнявыхъ приставаній, поцѣлуевъ, щипковъ, и такъ каждый день; шампанскаго не пьютъ, сидятъ среди всей этой оргіи, причесаны какъ на балу, чистоплотныя, улыбаются, любятъ деликатные разговоры...

Помнилъ онъ, что къ Пелагеѣ Павловнѣ присѣлъ другой гость и сталъ ее гладить по рукѣ, но не лѣзъ цѣловаться, и тотъ обратился къ нему съ цѣлой рѣчью, гдѣ доказывалъ, что лучше не можетъ быть жены, какъ цыганка, вотъ такая, какъ Пелагея Павловна, или сестра ея, Паша, что онъ къ ней сватается и мечтаетъ о томъ, какъ вотъ такая жена, въ батистовомъ капотѣ, выйдетъ въ столовую и изъ собственныхъ рукъ поднесетъ ему чашку кофе.

— Да вы только сообразите,—слушалъ Рынинъ,—изучите этихъ вотъ дѣвицъ... и какое же сравненіе... съ нашими барышнями, хотя бы самыми... тонными!

— Des gommeuses, кривляки!—злобно выговорилъ Рынинъ, и подумалъ о своей женѣ.

— Именно... У нихъ—одна гистерія и фанаберія, а въ этихъ все для услажденія хорошаго мужа.

Рынинъ внутренно согласился съ этимъ, неизвѣстно какого сорта человѣкомъ, очень пестро одѣтымъ. Онъ даже съ азартомъ выпилъ стаканъ, поданный ему татариномъ, и опять прикоснулся горячими губами къ щекѣ Паши и ближе къ ней примостился, взялъ ее за руку и поцѣловалъ... Черезъ двѣ минуты хоръ подхватывалъ:

„За любовь мою, въ награду,
Ты мнѣ сердце подари,
Я помчуся съ нимъ въ Гренаду
На крылахъ моей любви!"

У Паши хорошаго голоса не было; она только подтягивала. Рынинъ увидалъ себя почти на колѣняхъ и гладилъ ее по плечу,—накидку она сняла,—гдѣ въ кружев-

ныя прошивки глядѣла ея круглая, атласистая, твердая и смугловатая рука только что расцвѣтшей красавицы.

— Га... га! — раздалось опять гоготаніе Ногайцева. — Панъ пулковникъ!.. Что я тебѣ, братецъ, пророчилъ? Руки лизать?!. На колѣняхъ стоять? Спасибо, душканъ!..

Рынинъ быстро сѣлъ рядомъ съ Пашей.

— Нечего оправляться,—гоготалъ Ногайцевъ,—передъ такими душканами слѣдуетъ на колѣнки... Полковникъ! Я вотъ что вамъ скажу: вѣдь цыганскій хоръ—это ни дать, ни взять, какъ у насъ въ мондѣ... женщины милыя бываютъ, хотя и не всѣ, а мужья... чавалы... хамы, вонъ тѣ, что сзади-то подтягиваютъ себѣ въ галстукъ... Ха-ха!..

„Человѣкъ съ перомъ" захлопалъ и закричалъ:

— Браво!

Мартынъ Лукичъ дѣлался все остроумнѣе. Рынинъ замѣчалъ это съ досадой. Самъ онъ ничего что-то не умѣлъ выдавить изъ себя, ни злого, ни игриваго... Хмель дѣлалъ его тяжелымъ. Ногайцевъ могъ теперь и не такъ еще задѣвать его, и онъ не въ состояніи будетъ отвѣтить ему такъ же находчиво. Разсердиться, сказать дерзость—будетъ глупо: это онъ отлично сознавалъ.

Туманъ въ головѣ все густѣлъ. Пѣніе, ...дъ, пылающія щеки Паши, взвизгиваніе старыхъ цыганокъ начали обволакивать его точно пеленой. Онъ все чаще смѣялся, что-то такое шепталъ Пашѣ, въ чемъ-то ее уговаривалъ...

Помнилъ онъ то, что Палаша, справа, сказала ему на ухо:

— Вы, полковникъ, пошли бы отдохнуть... вонъ тамъ... наши дѣвочки чай пьютъ... Освѣжаются!..

За эту идею онъ ухватился и засѣлъ въ углу боковой комнаты, на диванѣ, съ молодыми цыганками, которыя поплоше. Тутъ же былъ и одинъ изъ пріятелей Ногайцева, съ калмыцкими глазками, безъ сюртука. Онъ ихъ всѣхъ зналъ поименно, заставилъ пѣть въ четыре голоса, не цыганскія — простыя, слободскія пѣсни, какія поются у Калужской заставы фабричными работницами. Это пѣніе, вмѣстѣ съ крѣпкимъ чаемъ, подѣйствовало на Рынина освѣжающе; онъ выпилъ стакановъ пять, полулежа на диванчикѣ.

Когда въ головѣ у него значительно прояснилось, онъ вдругъ сообразилъ, что очень поздно, и схватился за часы.

Шелъ четвертый часъ. Начинало брезжить. Это его за-

ставило встать. Въ большой комнатѣ хоръ смолкъ; старыя цыганки угощались остатками пира; мужчины нѣкоторые сошли внизъ, другіе стояли на лѣстницѣ. Разговоры велись вполголоса.

Рынина эта тишина озадачила. Неужели Ногайцевъ уѣхалъ? Вдругъ какъ ему придется платить за тестя! Отъ Мартына Лукича можно было всего ожидать.

Онъ тревожно оглядѣлъ комнату.

За піанино, у стѣны, на диванѣ, врастяжку, лежалъ Ногайцевъ; его голова покоилась на колѣняхъ у Паши. Она сидѣла все съ той же улыбкой и перебирала машинально пальцами по его лысинѣ. Раздавался храпъ.

„Этакое животное!“—выбранился про себя Рынинъ, и его сейчасъ же потянуло вонъ. Какъ онъ могъ такъ долго оставаться съ этимъ старымъ безпутникомъ, участвовать въ кутежѣ, цѣловать руки у цыганки? И на глазахъ прислуги, военнаго хора трубачей и всѣхъ этихъ пріятелей Мартына Лукича!..

— Извозчика!—приказалъ онъ лакею.

Оставить Ногайцева онъ ни на минуту не задумался. Тутъ были его пріятели. Пускай и везутъ его. Еще подниметъ, пожалуй, драку, при расчетѣ. И что онъ долженъ былъ истратить?.. Трудно было и приблизительно опредѣлить... Нѣсколько сотенныхъ, непремѣнно.

Лакей доложилъ ему, что извозчиковъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—крикнулъ сердито Рынинъ.—Достать!

— Невозможно!

— Да какъ же всѣ отсюда выберутся?

— Да которые господа засидѣлись, у тѣхъ свои извозчики. Тѣ господа,—лакей указалъ на гостей Ногайцева,—уже не знаю, какъ вернутся... развѣ съ цыганами, на линейкахъ. Коляска одна—Мартына Лукича.

На дворѣ совсѣмъ уже стало свѣтать. Бѣгство было невозможно. Рынину приходилось ждать пробужденія тестя.

Оно произошло не больше, какъ минутъ черезъ десять. Мартынъ Лукичъ протеръ глаза, поднялся, поцѣловалъ Пашу, что-то такое пробормоталъ и увидалъ передъ собою длинную фигуру зятя.

— Mon gendre! Détalons! Пора и душканамъ спать... Вы, тамъ! — крикнулъ онъ въ уголъ, гдѣ цыганки затянули опять какую-то фабричную пѣсню,—молчать! Что за гадость! Мастеровщина кабацкая!..

Тѣ сразу замолкли.

— Счетъ!

Счетъ былъ уже на столѣ. Лакей подалъ его. Рынинъ видѣлъ, какъ Мартынъ Лукичъ досталъ изъ кармана большого формата бумажникъ и, вынувъ изъ него пачку сторублевыхъ, положилъ на тарелку и скомандовалъ:

— Маршъ!..

Лакей побѣжалъ внизъ. Ногайцевъ, пошатываясь, обнялъ еще разъ Пашу,—глаза у нея уже посоловѣли—отъ сидѣнія, не отъ вина,—подвелъ ее къ зятю, подмигнулъ ему и щелкнулъ языкомъ:

— Хорошъ персикъ?.. Что жъ ты зѣвалъ, панъ пулковникъ?.. Не прогнѣвайся... провожать ты будешь не душкана, а меня... Облизнись!..

Лакей принесъ сдачу изъ нѣсколькихъ бумажекъ и счетъ.

— Возьми!—сказалъ ему Ногайцевъ.

Рынинъ взглянулъ на счетъ. Цифра въ шестьсотъ слишкомъ рублей—тутъ была и плата за три хора—кольнула его. Онъ ничего, однако, не сказалъ, взялъ даже подъ руку тестя и свелъ его внизъ. На нихъ накинули пальто, пока они спускались оба съ лѣстницы.

На дворѣ стояла дѣйствительно одна всего коляска и нѣсколько дрогъ для цыганъ съ ярко-цвѣтной обивкой сидѣнья. Ночной воздухъ заставилъ ихъ обоихъ встряхнуться. Усаживали ихъ лакеи. Рынину казалось, что онъ былъ уже совсѣмъ трезвъ. Тесть сейчасъ же задремалъ и во снѣ что-то началъ бормотать. Голова его все тыкалась въ правое плечо зятя. Рынину захотѣлось каждый разъ отпихнуть его. Досада на себя дѣлалась все острѣе. Пошелъ уже пятый часъ. Послѣ такой ночи, гдѣ безпутный тесть позволилъ себѣ, въ теченіе чуть не десяти часовъ сряду, такъ вышучивать его, онъ рискуетъ еще испытать сцену дома, особенно, если Зинѣ нездоровилось, и она его начала ждать, не могла долго заснуть.

Въ Паркѣ Ногайцевъ продолжалъ спать и такъ крѣпко, что шляпа раза два слетала съ головы, и Рынинъ принужденъ былъ поднимать ее у себя подъ ногами. Только что они выѣхали на шоссе, Мартынъ Лукичъ проснулся вдругъ, даже выпрямился, поправилъ на головѣ шляпу и спросилъ:

— „Яръ“ проѣхали?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ кучеръ.

— Возьми лѣвѣе... вонъ тамъ двѣ дачи... у второй, на шоссе, остановись.

— Куда это?—строго выговорилъ Рынинъ.—Вы съ ума сошли!

— Сходилъ, полковникъ, сходилъ, но теперь не безпокойтесь, — отвѣтилъ Мартынъ Лукичъ и самодовольно расхохотался.—Я заверну... къ кумѣ... Видите, mon cher, въ угловомъ окнѣ, во второмъ этажѣ, есть, что ли, лампадка?

— Ничего я не вижу,—выговорилъ Рынинъ и нахлобучилъ фуражку.

— Ну, такъ я слѣзу... Стой!..

Кучеръ сдержалъ лошадей.

— Какъ же я доѣду?—спросилъ Рынинъ.

— Не бойтесь... Не покину васъ... Минутку подождите... Я справлюсь—можно ли...

Онъ не договорилъ и слѣзъ на шоссе, отворилъ калитку и исчезъ. Ждалъ Рынинъ не долго. Ногайцевъ отъ калитки крикнулъ ему:

— Довези этого барина до „Дрездена", а за мной завтра въ девять часовъ.

— Сегодня!—поправилъ его Рынинъ.—Прощайте!

Въ отвѣтъ послышался смѣхъ Ногайцева, очень веселый и довольный. Ему, конечно, было пріятнѣе, чѣмъ его зятю.

Всѣ итоги сегодняшней поѣздки въ Грузины и Паркъ еще разъ пронеслись въ головѣ Рынина. За свой видъ онъ не боялся; но все-таки вернется домой въ пять часовъ, если не въ половинѣ шестого.

Когда онъ дозвонился и швейцаръ впустилъ его, онъ узналъ, что съ Зинаидой Мартыновной случился припадокъ ночью; докторъ былъ два раза. Пришлось лечь въ особомъ номерѣ; горничная къ женѣ его не пустила: та только что успокоилась и заснула на разсвѣтѣ...

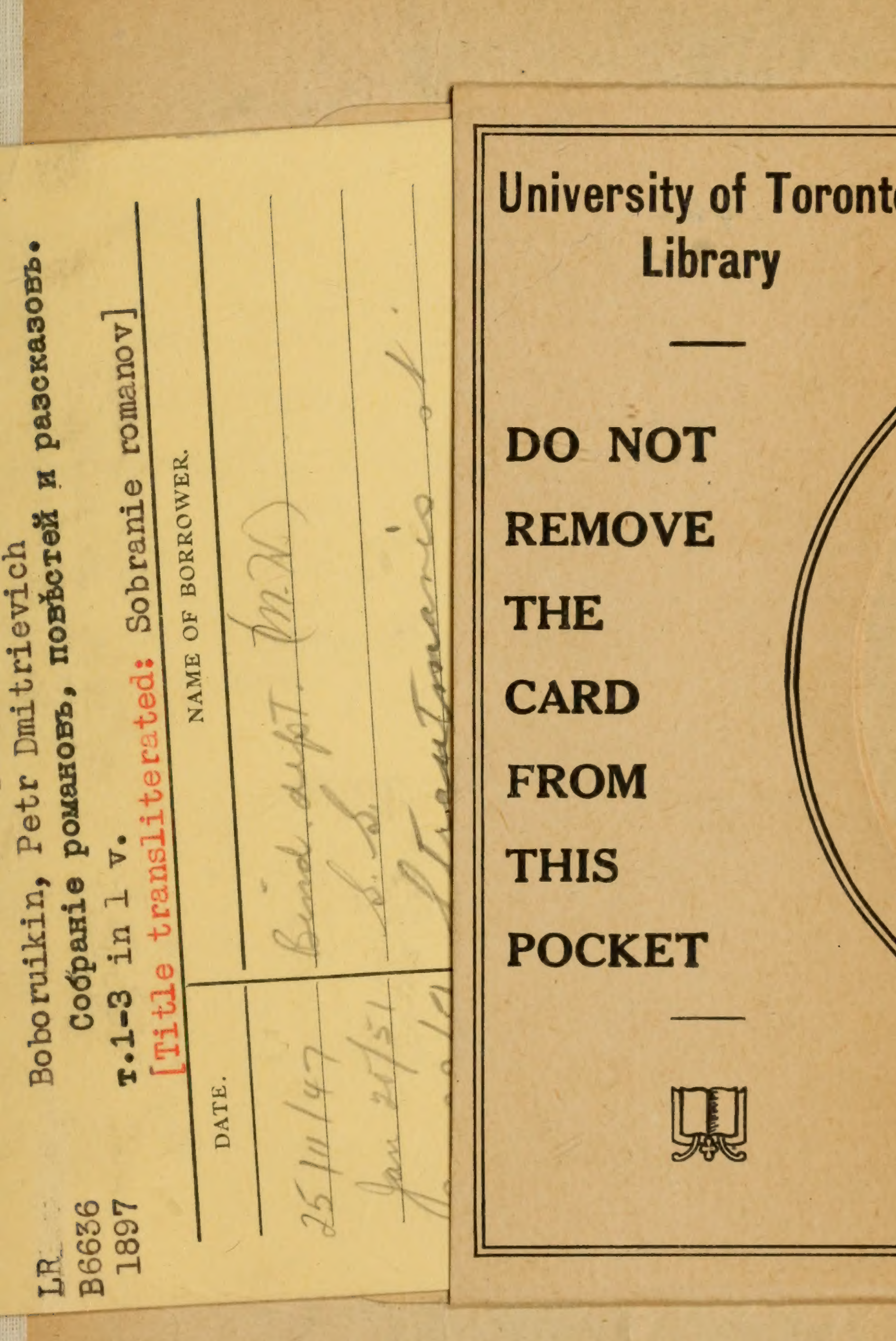
Черезъ два дня Рынины выѣхали въ имѣніе.

Конецъ первой части.

Оглавленіе III тома.

стр.

По чужимъ людямъ. Разсказъ 3
За красненькую. Разсказъ 47
Послѣдняя депеша. Разсказъ. 90
Три афиши. Разсказъ 101
Голубой лифъ. Разсказъ 146
У плиты. Разсказъ 181
ИЗЪ НОВЫХЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть первая. . 217

M.H. 30/12/47
LR
B6636
1897
Boboruikin, Petr Dmitrievich
Собранiе романовъ, повѣстей и разсказовъ.
т.1-3 in 1 v.
[Title transliterated: Sobranie romanov]
DATE.
NAME OF BORROWER.
25/11/47
Bind dept. (M.H.)
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

